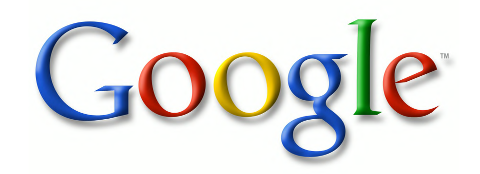
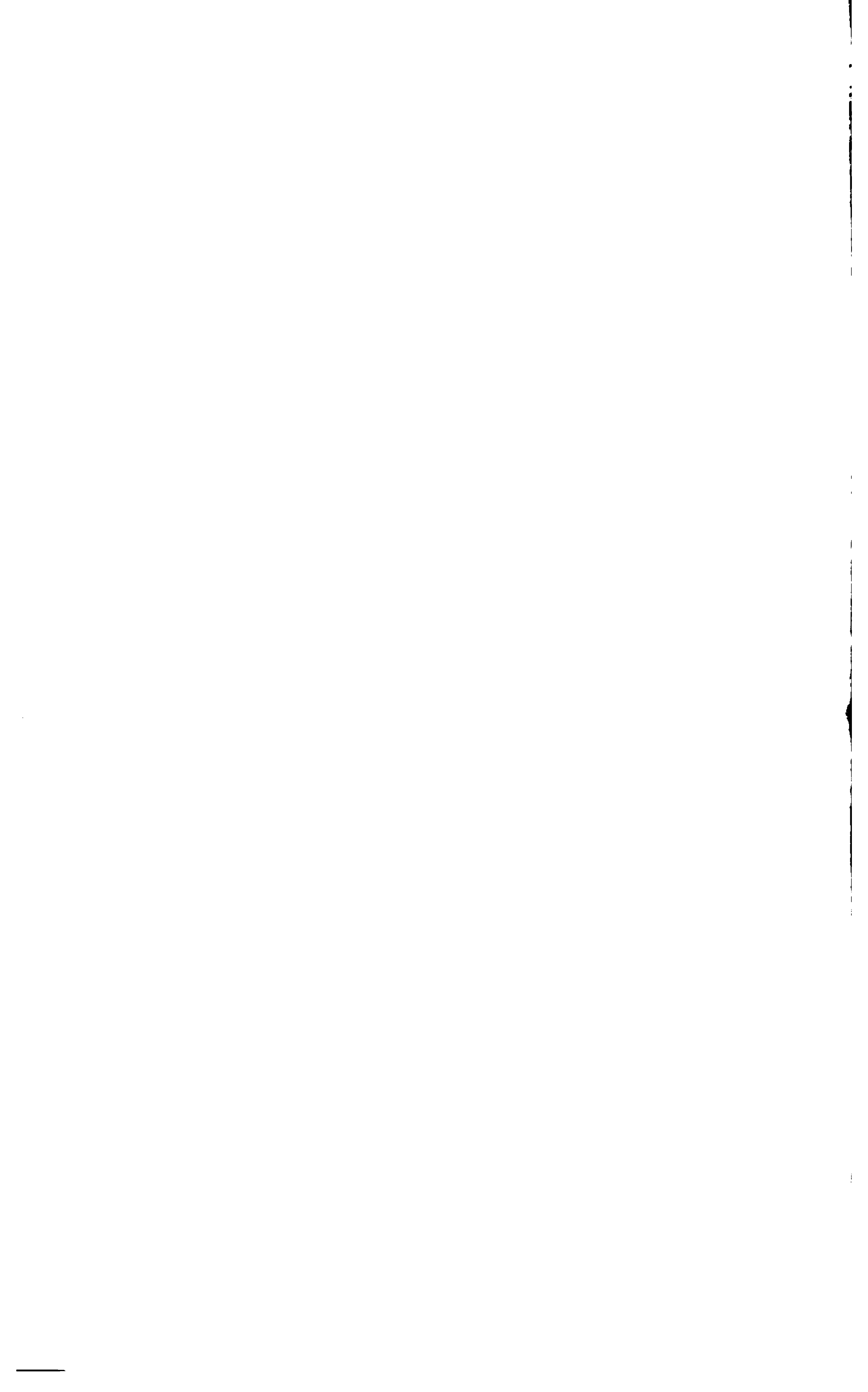

VE
RI
TAS

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

МАРТЪ. 1866.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОМЪ I. — МАРТЪ 1866.

Объявленіе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ въ первый день каждаго изъ четырехъ временъ года.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XXX. — ТОМЪ CLXXV. — $^{9}/_{21}$ МАРТА 1866.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Галерная, 20.

1866.

1877, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.
(1866, 1-4; 1867, 1-4;
1868-72; 1873, 2-12;
1874-1877. 1-11.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

I.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПРОГРАММА

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

съ 1866 г.

Отдѣлъ первый. Критическія изслѣдованія важнѣйшихъ вопросовъ исторической науки и жизни, монографіи, біографіи и историческая бельлетристика.

Отдѣлъ второй. Анализы лучшихъ новѣйшихъ историческихъ произведеній и вновь издаваемыхъ памятниковъ.

Отдѣлъ третій. Общій обзоръ хода ученой исторической литературы и дѣятельности ученыхъ историческихъ обществъ и академій.

Отдѣлъ четвертый. Педагогическая литература и преподаваніе исторической науки.

Отдѣлъ пятый. Историческая хроника.

Новый журналъ, предпринимаемый нами съ будущаго 1866 года, будетъ носить имя одного изъ нашихъ старыхъ журналовъ, который былъ основанъ Н. М. Карамзинымъ въ 1802 г., и, сначала подъ редакціею самого основателя, а потомъ Жуковскаго и Каченовскаго, продолжался до 1830 года. Прежде всего, мы желали самымъ выборомъ такого на-

званія почтить память нашего достойнѣйшаго отечественнаго историка въ тотъ годъ, когда время открытія новаго историческаго журнала совпадетъ съ первымъ столѣтнимъ юбилеемъ рожденія Карамзина. Такимъ образомъ, возобновляемый нынѣ „Вѣстникъ Европы" вступитъ въ тридцатый годъ своего существованія, но будетъ дѣйствовать по другой программѣ, которая хотя и отступаетъ отъ первоначальной его же задачи, какъ журнала главнымъ образомъ политическаго, но за то, можетъ быть, ближе подойдетъ къ настоящему значенію самого своего основателя, который, оказавъ сначала Россіи услугу, какъ публицистъ, пріобрѣлъ потомъ безсмертіе, какъ историкъ. Н. М. Карамзинъ перешелъ скоро отъ политики къ исторической наукѣ; пусть послѣдуетъ теперь за своимъ основателемъ въ ту же область и самый его журналъ, посвящаемый нынѣ историко-политическимъ наукамъ, какъ главной основѣ всякой политики.

Соотвѣтственно такому преобразованію, цѣль „Вѣстника Европы," съ настоящаго времени, въ новой его формѣ спеціальнаго журнала историко-политическихъ наукъ, будетъ состоять прежде всего въ томъ, чтобы служить постояннымъ органомъ для ознакомленія тѣхъ, которые пожелали бы слѣдить за успѣхами историко-политическихъ наукъ, съ каждымъ новымъ и важнымъ явленіемъ въ ихъ современной литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ журналъ имѣетъ въ виду сдѣлаться со временемъ и для отечественныхъ ученыхъ спеціалистовъ мѣстомъ для обмѣна мыслей и для сообщенія публикѣ своихъ отдѣльныхъ трудовъ по частнымъ вопросамъ, интереснымъ для науки и полезнымъ для живой дѣйствительности, но развитіе которыхъ не могло бы образовать изъ себя цѣлой книги.

Самая программа „Вѣстника Европы", въ своихъ отдѣлахъ, показываетъ тѣ стороны, которыхъ Редакція намѣрена коснуться, служа вышеупомянутымъ цѣлямъ. Первый ея отдѣлъ допускаетъ въ себя не только критическую и описательную форму историко-политическихъ произведеній, но и форму художественной отдѣлки, т. е., такія произведенія изящной литературы, гдѣ творчество подчинило себя условіямъ даннаго времени и мѣста; Гизо, въ своемъ отзывѣ по поводу „Пуританъ" Вальтеръ-Скотта, хорошо указываетъ на значеніе, которое могутъ имѣть въ исторической наукѣ произведенія творчества, основаннаго на исторической почвѣ; ту же мысль хотѣла выразить и наша Редакція, открывая первый отдѣлъ своего журнала также и для исторической беллетристики.

Второй отдѣлъ посвящается исключительно наблюденію за тѣмъ, какъ разработываются въ настоящее время лучшими умами важнѣйшіе вопросы историко-политическихъ наукъ, и какъ относятся историческая критика и историческое искусство къ совершившемуся.

Третій отдѣлъ служитъ только дополненіемъ второго, обозрѣвая общій ходъ исторической литературы, и указывая вкратцѣ на важнѣйшія изъ ея произведеній, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующихъ книжкахъ представить о нихъ обстоятельный отчетъ во второмъ отдѣлѣ.

При томъ вліяніи, которое оказываетъ на будущіе успѣхи историческихъ наукъ ихъ педагогическая литература и устное преподаваніе, „Вѣстникъ Европы“ удѣляетъ и этому предмету особый, а именно, четвертый отдѣлъ; туда войдутъ разборы новѣйшихъ произведеній педагогическаго характера, извѣстія о состояніи исторической каѳедры у насъ и за границею и т. п.

Пятый и послѣдній отдѣлъ посвящается исключительно описанію тѣхъ событій современной исторіи, въ которыхъ главнымъ образомъ выразился духъ нашего времени; современная историческая жизнь представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми общественными организмами, и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для провѣрки тѣхъ общеисторическихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ отжившими обществами и народами.

Отношеніе нашего журнала къ духу современной намъ образованности опредѣляется легко само собою ея господствующимъ нынѣ направленіемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ гуманныхъ наукъ: естествознаніе, какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманнаго образованія, заняло первое мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ ослабло изученіе явленій нашего духа, каковы философія, филологія, исторія; между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться еще болѣе настоятельнымъ, именно вслѣдствіе успѣха естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ остаться безцѣльными, если, продолжая постоянно стремиться изъ себя, во внѣшній міръ, мы никогда не захотимъ вернуться отъ внѣшней природы къ самимъ себѣ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать новый шагъ въ самопознаніи и подвести

общіе итоги своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ. Въ этомъ отношеніи, историческая наука способна оказывать намъ большую услугу.

Мы не подраздѣляемъ въ своемъ журналѣ каждаго отдѣла на рубрики, по предметамъ отечественной и всеобщей исторіи, уже и потому, что у насъ всеобщая исторія займетъ главнымъ образомъ мѣсто на столько, на сколько она, такъ сказать, является сама второю отечественною исторіею, или, какъ выразился Жанъ-Батистъ Вико, говоря, что всеобщая исторія называется *всеобщею* потому, что она предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую природу. Нѣтъ такого великаго народа, который не считалъ бы человѣчества своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначеніе какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ближе и живѣе. Никто не имѣетъ притязанія считать, напримѣръ, христіанства явленіемъ, принадлежащимъ исключительно какому-нибудь одному изъ великихъ современныхъ народовъ; то, что называется классическою стороною въ настоящей европейской образованности также не есть исключительная принадлежность какой-нибудь новѣйшей европейской національности; феодализмъ, монархія, парламентаризмъ, цезаризмъ и многія другія явленія государственной жизни вытекаютъ скорѣе изъ общей природы всѣмъ народамъ, нежели изъ духа римскихъ учрежденій и древней германской образованности, ибо вліянію тѣхъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и вообще всѣ народности. Выходя изъ такой точки зрѣнія, мы не отдѣляемъ у себя искусственно вопросовъ отечественной исторіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и вопросовъ всеобщей исторіи, но въ послѣднихъ, какъ мы сказали выше, обратимъ преимущественное вниманіе на тѣ ея стороны, которыя дѣлаютъ всеобщую исторію родною всѣмъ образованнымъ народамъ, а слѣдовательно и намъ. Наконецъ, научные пріемы, разработка матеріаловъ, ихъ художественное воспроизведеніе, еслибы и носили на себѣ извѣстные слѣды національнаго характера, тѣмъ не менѣе они должны быть общи и для отечественной, и для всеобщей исторіи. А мы не можемъ не сознаться, что историческая наука сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ болѣе успѣха на западѣ, нежели у насъ; а потому знакомство съ историческими произведеніями западныхъ писателей необходимо для успѣховъ и отечественной исторіи. Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, мы будемъ стараться вводить въ нашу литературу не только результаты новѣйшихъ трудовъ западныхъ ученыхъ, какъ то мы обѣщали выше, но обратимся иногда и къ прежнимъ

произведеніямъ, которыя послужили основаніемъ новыхъ историческихъ школъ, и которыхъ извѣстность у насъ иногда ограничивается однимъ частымъ обращеніемъ въ обществѣ именъ ихъ основателей, хотя подробное и обстоятельное знакомство съ самымъ содержаніемъ и научными пріемами этихъ школъ далеко не соотвѣтствуетъ громкой извѣстности имени ихъ основателей.

Если русская исторія и вообще исторія славянъ будутъ у насъ отдѣлены отъ всеобщей, то только въ силу закона о раздѣленіи труда. Всѣмъ тѣмъ, что относится къ исторіи России и исторіи славянъ вообще, будетъ завѣдывать нашъ постоянный сотрудникъ-учредитель, *Н. И. Костомаровъ*, при главномъ содѣйствіи котораго мы возобновляемъ нынѣ „Вѣстникъ Европы“.

Причины, побудившія Редакцію ограничиться четырьмя книгами въ годъ, понятны сами собою: и новость дѣла, и самый его характеръ, требуютъ возможно болѣе продолжительныхъ сроковъ приготовленія. Но Редакція желая имѣть время своимъ союзникомъ, разсчитываетъ еще болѣе на то, что наши ученые дѣятели, по отдѣлу историко-политическихъ наукъ, не оставятъ ея безъ своего содѣйствія, и своими трудами помогутъ придать новому журналу то научное значеніе, котораго онъ желалъ бы достигнуть, оставаясь вѣрнымъ выставленной имъ програмѣ и вышеизложеннымъ убѣжденіямъ.

С.-Петербургъ. — Декабря 1 дня, 1865 года.

Если еще мы не можемъ сказать, чтобы нашъ первый шагъ, которымъ мы переходимъ теперь отъ плановъ къ ихъ выполненію, былъ полнымъ осуществленіемъ той програмы, которую мы объявили три мѣсяца тому назадъ, приступая къ новому дѣлу, то во всякомъ случаѣ мы позаботились о томъ, чтобы направить этотъ шагъ такъ, чтобы онъ могъ вести насъ къ дальнѣйшему усовершенствованію. Каждый легко замѣтить, что въ составѣ перваго тома преобладаютъ вопросы отечественной исторіи, и, безъ сомнѣнія, никто не будетъ сѣтовать на то. Въ этомъ случаѣ, выборомъ редакціи управляло преобладающе направленіе нашихъ ученыхъ спеціалистовъ, устремленное къ изученію своихъ дѣлъ и вызванное въ свою очередь общественною потребностью. Неудивительно, что все это отразилось и на содержаніи нашего перваго тома.

При нашемъ обращеніи къ новѣйшимъ дѣятелямъ въ области историко-политическихъ наукъ, мы имѣли случай замѣтить не одно преимущественное направленіе къ вопросамъ отечественной исторіи, но и обиліе трудовъ, которые свидѣтельствовали вмѣстѣ и о необходимости у насъ спеціальнаго органа, и объ огромномъ различіи во времени, которое нами прожито отъ эпохи перваго основанія „Вѣстника Европы“. 16 ноября 1801 года, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось первое объявленіе объ изданіи „Вѣстника Европы.“ Вотъ, какъ писалъ о томъ Н. М. Карамзинъ: „Съ будущаго января 1802 года, намѣренъ я издавать журналъ подъ именемъ „Вѣстника Европы,“ который будетъ извлеченіемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ.“ Редакторъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не могъ и думать безъ перевода съ иностранныхъ языковъ найти достаточно самостоятельнаго матеріала у себя; мы, наоборотъ, отказались совершенно отъ переводной литературы, и тѣмъ не менѣе обширность оригинальныхъ трудовъ и ихъ многочисленность была такова, что мы нашли себя вынужденными сократить значительно хроники выходящаго нынѣ перваго тома.

II.

ПИСЬМО

ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА

ВЪ РЕДАКЦІЮ*).

„Прочь авторитеты!“ повторялъ нѣсколько разъ въ статьяхъ своихъ одинъ писатель, принимавшійся, подобно вамъ, за изданіе новаго журнала. Авторитетъ представлялся ему въ видѣ обиднаго для всѣхъ кумира, поставленнаго на подножіе, съ котораго пришло время сбросить его.

---

*) Наканунѣ телеграммы, принесшей извѣстіе о кончинѣ Петра Александровича, послѣдовавшей въ Парижѣ 29 декабря истекшаго года, было получено отъ него это письмо въ Редакцію журнала, при слѣдующей припискѣ:

„23 дек. 1865. / 4 янв. 1866. *Парижъ. Rue Marbeuf, 73.* Вотъ вамъ, любезный другъ М. М., обѣщанное. Посылая его, я только очищаю совѣсть. Вы должны повѣрить моей искренности, если я скажу, что совсѣмъ не желаю видѣть эти строки въ печати, если вы, или Николай Ивановичъ (Костомаровъ), почувствуете, что онѣ, кромѣ скуки, ничего не внесутъ въ журналъ......... По моему почерку вы конечно догадываетесь, что мое здоровье не въ цвѣтущемъ состояніи. На бѣду, одинъ мой глазъ, и прежде слабый, теперь ослабѣлъ еще болѣе. Полагаю, что всѣ эти недуги пришли ко мнѣ отъ этихъ коротенькихъ дней, въ концѣ декабря и въ началѣ января, мучащихъ все живое, особенно же нездоровыхъ. Я говорилъ П. о вашемъ желаніи. Онъ готовъ участвовать. Если вы еще не писали, то напишите ему.

«Прошу васъ побывать у Катерины Николаевны Мещерской (урожденная Карамзина) и поблагодарить ее отъ меня за память и участіе.

«Участіе А. Т. въ Вѣстникѣ Европы было бы очень кстати. Онъ талантливый писатель.

«Жду книгъ» и т. д.

На слѣдующій день, 24 декабря утромъ его постигъ ударъ, и 29 декабря не стало одного изъ послѣднихъ свидѣтелей литературной эпохи Карамзина, Жуковскаго, Пуш-

Вы думаете иначе. Въ объявленіи о своемъ „Вѣстникѣ Европы“, вы сказали: „Прежде всего, мы желали самымъ выборомъ такого названія почтить память нашего достойнѣйшаго отечественнаго историка въ тотъ годъ, когда время открытія новаго историческаго журнала совпадетъ съ первымъ столѣтнимъ юбилеемъ рожденія Карамзина.“ Такое воспоминаніе достойно его..... Мнѣ даже показалось, что и самое число выпусковъ, ежегодно вами назначаемыхъ, указываетъ на другой авторитетъ, который вы мысленно почтили: такъ являются трехмѣсячныя обозрѣнія тѣхъ свѣтлыхъ и высшихъ британскихъ умовъ, которыхъ послѣдователемъ былъ и Пушкинъ при основаніи своего „Современника“.

Итакъ, не всѣ и не всегда смотрѣли враждебно на авторитеты, которыхъ отличительный характеръ состоитъ именно въ томъ, что они, не измѣняя внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому свободный путь труда. Не ихъ вина, если писатель иногда рабски тянется въ каждой чертѣ по чужимъ слѣдамъ, не чувствуя, что онъ не только не возсоздаетъ ничего творческаго, но и разрушаетъ его въ основаніи.

Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ, тоже, что природа. Она животворитъ насъ и вдохновляетъ, не связывая нашихъ силъ и не налагая на нихъ обязанности бездушнаго повторенія.

кина, съ которыми П. А. Плетневъ находился въ самыхъ близкихъ связяхъ. Мы скажемъ не многое, но много, если проводимъ его въ могилу словами: умный, честный и добрый человѣкъ! Такъ говоримъ мы теперь, и такою же славою онъ пользовался еще 40 лѣтъ тому назадъ, когда Пушкинъ, посвящая П. А. Плетневу свой романъ «Евгеній Онѣгинъ» говорилъ:

Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты!

Мы цѣнимъ, понимаемъ и вѣримъ вполнѣ въ искренность покойнаго, не желавшаго видѣть присланныя имъ «строки» въ печати; но смерть едва позволила ему окончить свои мысли на бумагѣ и жестоко пощадила его скромность. Теперь и мы, не опасаясь лести, скажемъ, что не ему слѣдовало предоставлять намъ право напечатать или не напечатать его письма, а намъ — благодарить его за честь, которую онъ сдѣлалъ нашему журналу. Притомъ, мы думаемъ, что, представляя нашимъ читателямъ это письмо, мы сообщаемъ историческій документъ — послѣднее воспоминаніе человѣка, съ именемъ котораго связана исторія воспитанія нашего Государя, знаменитая эпоха нашей литературы и наконецъ исторія нашего университета, въ которомъ мы его помнимъ какъ профессора, и какъ ректора, который умѣлъ въ теченіи 20 лѣтъ сохранять неизмѣнное довѣріе и уваженіе членовъ совѣта. *Ред.*

Истинное созданіе во всѣхъ проявленіяхъ своихъ свободно. Тѣмъ не менѣе, оно не въ противорѣчіи съ прекраснымъ, до него явившимся и всѣми сознаваемомъ, будетъ ли оно въ природѣ, или въ искусствѣ. Это отношеніе внушаетъ намъ только естественное сочувствіе къ авторитету.

Карамзинъ безспорно замѣчательнѣйшій литераторъ въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Чѣмъ ни занимался онъ въ нашей литературѣ, на всемъ оставилъ слѣды обновленія и совершенствованія. Его воображеніе видимо и съ полнымъ успѣхомъ работало надъ каждою стороною избраннаго имъ предмета. Начиная съ языка, важнѣйшей принадлежности въ литературѣ, онъ далъ образцы вкуса и заставилъ уважать высшія требованія искусства, о которыхъ до него никто и не думалъ. Но при всемъ томъ, эти улучшенія, эти богатства, внесенныя Карамзинымъ въ общую сокровищницу литературы нашей, какъ и все, пережившее свой вѣкъ, не могутъ быть снова принимаемы для поддержанія достоинства и блеска современныхъ трудовъ. На этомъ же поприщѣ необходимо полное обновленіе. Жизнь и мысль народа не могутъ остановиться. Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ властительству новыхъ силъ.

По закону общаго и неизмѣннаго преемничества, языкъ обогащается болѣе точными выраженіями, болѣе пріятными оборотами и болѣе удобными формами сочиненій. Въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ являются иныя краски, которыя живѣе и соотвѣтственнѣе представляемымъ предметамъ. Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Источники новыхъ изслѣдованій и воззрѣній безостанавочно открываются и заставляютъ переработывать часто вѣковыя идеи. Вотъ, сколько побужденій, на основаніи которыхъ вы должны были предварительно объявить (какъ это и исполнено вами), что въ журналѣ своемъ вы не иначе намѣрены обработывать каждый отдѣлъ, какъ по требованіямъ нынѣ господствующаго направленія. Этимъ вы поставили себя внѣ всякой зависимости отъ Карамзина.

Между тѣмъ, въ этомъ же авторитетѣ еще сколько остается сокровищъ, которыхъ благотворнаго вліянія надобно пожелать всякому. Карамзинъ любилъ неизмѣнно и съ преданностью свое поприще мысли, науки и вкуса. На немъ онъ трудился не урывками, не для отдохновенія и не по суетному внушенію честолюбивыхъ видовъ. Онъ вполнѣ сознаъ, что это его призваніе на всю жизнь. Скромно посвятивъ всего себя столь

благородному занятію, онъ въ немъ нашелъ всю прелесть жизни, удовлетвореніе лучшимъ потребностямъ души, оправданіе въ исполненіи обязанностей гражданина и отрадную мысль о сочувствіи къ нему мыслящихъ людей.

Поразительнѣе всего неутомимость, настойчивость и добросовѣстность его въ составленіи „Исторіи Россійскаго государства". Труды предшественниковъ его не представляли ему пособій ни въ какомъ отношеніи. Въ нашей литературѣ не только не было передъ нимъ ни одного образца, но и самые необходимые источники не были приведены въ порядокъ и оставались по большей части въ неизвѣстности. Сколько труда и терпѣнія требовала одна тяжелая предварительная работа. И что же мы увидѣли? Какіе только можно было, въ тогдашнее время, отыскать матеріалы, привести ихъ въ порядокъ и извлечь изъ нихъ все существенное, все необходимое, они явились провѣренными, стройными и привлекательными въ его созданіи. Карамзинъ провелъ цѣлые годы посреди хаоса, чтобы выработать изъ него артистическое цѣлое. Теперь намъ легко выходить за нимъ на ту же работу, обозрѣвать воздѣланное поле, измѣрять, расширять, или уменьшать его части по усмотрѣнію, отыскивать другія точки для новыхъ воззрѣній, словомъ: свободно и безотчетно пользоваться неисчислимыми сокровищами, въ наслѣдство намъ перешедшими отъ Карамзина.

Когда, такимъ образомъ, сообщено было литературѣ полное и правильное движеніе, Карамзинъ, еще при жизни своей, былъ награжденъ новыми успѣхами вкуса и мысли, развившимися въ его же сферѣ. Одна послѣ другой, двѣ новыя школы не могли остаться незамѣченными. Ихъ основатели, какъ ни тѣсно соединены были съ Карамзинымъ, но талантъ каждаго выбралъ себѣ независимую дорогу. Они подчинили себя учителю только въ стремленіи къ совершенствованію искусства и въ расширеніи области его. Извѣстно, что Жуковскій первые опыты свои обработывалъ передъ глазами основателя „Вѣстника Европы". Въ это же время мы начинаемъ чувствовать, что слогъ ученика представляетъ болѣе силы и выразительности, что картины его ярче и полнѣе, что въ основаніе произведеній его положенъ религіозный элементъ, согрѣтый истиннымъ и глубокимъ чувствомъ. За нимъ является Пушкинъ, самобытный и совершеннѣйшій художникъ. Онъ тѣмъ не менѣе самъ торжественно называлъ себя ученикомъ Карамзина и Жуковскаго. Съ появленія произведеній его всѣ почувствовали, какое могущество представляетъ языкъ,

сколько богатствъ хранитъ въ себѣ мысль, и какое духовное наслажденіе затаено въ проявленіи творчества.

Какъ ни разнообразны были эти писатели во всѣхъ отношеніяхъ къ литературѣ, ни одинъ однакоже изъ нихъ не отдѣлился отъ другого, увлекаемый какимъ нибудь эгоистическимъ чувствомъ. Имъ казалось совершенно естественнымъ и даже какъ бы закономъ справедливости чествовать авторитетъ. Они сознавали въ душѣ, что область искусства безгранична, что въ ней каждый родъ совершенства и красоты найдетъ принадлежащее ему мѣсто, и что всѣ они къ одной идутъ цѣли.

Благодушіе Карамзина и его сочувствіе ко всякому честному труду ума и вкуса распространялись не на однихъ близкихъ къ нему людей. Онъ готовъ былъ дѣлиться опытностью своею и теплымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ образованія съ каждымъ лицомъ, которое бы пожелало слышать его мнѣніе о своихъ убѣжденіяхъ. По этому, постепенно, все шире и шире становился кругъ желавшихъ войти съ нимъ въ непосредственныя отношенія. Домъ его наконецъ составлялъ какъ бы опредѣленное мѣсто, гдѣ назидательный разговоръ и свободный обмѣнъ даже противоположныхъ мыслей воспитывали и укрѣпляли лучшія стремленія на пользу общества. Это былъ центръ, откуда являлись уже выработанными основныя идеи того времени.

Мы, въ наше время, ничего подобнаго не видимъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ. Вамъ оставляю рѣшить, къ лучшему это, или напротивъ.

П. ПЛЕТНЕВЪ.

23 декабря, 1865. / 4 января, 1866. Парижъ.

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

въ

„ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ"

до 1830 года.

„Вѣстникъ Европы", при самомъ началѣ своего существованія, предназначался быть органомъ литературно-политическимъ, и въ литературномъ отдѣлѣ преимущественно переводнымъ. „Литература и политика, говорилъ Карамзинъ, составятъ двѣ главныя части его. Первая часть украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувства въ Европѣ." Но при всемъ томъ „Вѣстникъ Европы" съ теченіемъ времени началъ мало по малу становиться столько же научно-историческимъ органомъ, сколько литературнымъ и политическимъ, а въ послѣдніе годы своего существованія онъ занималъ въ исторіи русской литературы видное мѣсто особенно какъ журналъ историческій; болѣе чѣмъ какой другой литературный органъ, онъ двигалъ въ Россіи любовь къ занятіямъ отечественною исторіею, сдѣлался пріютомъ лучшихъ нашихъ научно-историческихъ дѣятелей. Недаромъ Карамзинъ былъ личностію, положившею ему основаніе. Уже Карамзинъ самъ благословилъ его на будущее значеніе помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ собственныхъ историческихъ произведеній. Таковы были: „*Путешествіе вокругъ Москвы*" (ч. VII, № 4), гдѣ описываются окрестности столицы по историческимъ воспоминаніямъ; „*О московскомъ мятежѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ*" (ч. XI, № 8); „*Свиданіе Софіи Шарлоты прусской королевы съ Петромъ Великимъ*" (ч. X, № 14); „*О тайной канцеляріи*" (ч. VIII, № 6); „*Русская старина*" (ч. XI, №№ 12, 20, 21), гдѣ приводятся

разные отрывки изъ иностранныхъ писателей о внутренней жизни Московскаго государства.

Въ 1804 г., во время изданія „Вѣстника Европы" Сумароковымъ, преемникомъ Карамзина, посвятившаго себя съ того времени исключительно будущей „Исторіи Россійскаго государства," помѣщена была по отечественной исторіи статья Шлецера: *„Краткое начертаніе Сибирской исторіи"* (ч. XVII, № 19). Съ 1805 по 1808 г. Вѣстникъ перешелъ подъ редакцію Каченовскаго: въ этотъ періодъ и являются въ немъ замѣчательныя для своего времени историческія и археологическія статьи и между прочимъ извлеченія изъ иностранныхъ писателей XVII в.: *„О причинахъ низложенія Никона"* (ч. XXII, № 15); *„Извѣстія о пушкахъ россійскихъ"* (ч. XXXV, № 19), археологическая статья П. Калайдовича: *„Перунъ"* (ч. XXXVI, № 24), и извлеченія изъ сочиненій *Круга* (ч. XXXIV, № 15) и *Шлецера* (ч. XXXV, № 18).

Въ теченіи двухъ лѣтъ, 1808—1809, „Вѣстникъ Европы" издавался Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, а въ 1810 г. имъ же вмѣстѣ съ Каченовскимъ. Это время было золотымъ вѣкомъ „Вѣстника", по отношенію къ литературнымъ явленіямъ. Но тогда же читатель замѣтитъ въ немъ дальнѣйшій прогрессъ и въ научно-историческомъ отношеніи. Тогда были помѣщены статьи: *„О дѣтяхъ Антона Ульриха"* (т. XL, № 15), статья и теперь немаловажная; — статья митрополита Евгенія: *„Историческія замѣчанія о древностяхъ Великаго Новгорода"* (ч. XL, № 16); статьи Каченовскаго: *„Объ источникахъ русской исторіи"* (ч. XLIX, № 5); *„О первобытныхъ народахъ, обитавшихъ въ Россіи"* (ч. XLVII, № 10); *„Параллельныя мѣста въ русской исторіи"* (ч. XLVIII, № 18); *„Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ Несторъ"* (т. XLIX, № 1). Эти статьи открывали въ свое время ту историко-критическую школу, которой представителемъ „Вѣстникъ Европы" болѣе или менѣе оставался до конца своего. П. Калайдовичъ помѣстилъ, въ 1810 г., замѣчательную археологическую статью: *„О почтеніи русскихъ къ бородѣ"* (ч. L, № 7). Въ томъ же году выступилъ въ „Вѣстникѣ Европы" съ археологическими статьями Брусиловъ: *„Историческое изслѣдованіе о времени рожденія Святослава"* (ч. LII, № 15); *„О Несторѣ и продолжателяхъ его лѣтописи"* (ч. LIII, № 20); *„О двухъ маловажныхъ историческихъ ошибкахъ"* (ibid.). Въ этотъ же пе-

ріодъ помѣщены разборъ записокъ *Манштейна* (ч. LI, № 11); и отрывки изъ *Записокъ Порошина о дѣтяхъ Павла I*, (т. LII, № 15).

Съ 1811 г., „Вѣстникъ" перешелъ къ одному Качановскому и находился у него до 1814 года. Въ этотъ періодъ была напечатана статья Брусилова: *„Историческое разсужденіе о началѣ Россійскаго государства"* (ч. LIII, № 4), гдѣ авторъ дѣлаетъ возраженія Шлецеру и поясняетъ отношенія русскихъ славянъ къ составленію русскаго государства. Христіанъ Шлецеръ напечаталъ (ч. LX, № 23): *„Изъясненіе двухъ памятниковъ, на славянскомъ языкѣ писанныхъ, касающихся до связи между Новгородомъ и Ганзою."* На толкованіе нѣкоторыхъ темныхъ этихъ памятниковъ К. Калайдовичъ сдѣлалъ опроверженіе (ч. LI, № 3), а Шлецеръ отвѣчалъ ему по этому поводу (ч. LI, № 4). Каченовскій напечаталъ статью въ качествѣ возраженія противъ теоріи Шлецера подъ названіемъ: *„Несторъ, русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ"* (т. LIX, № 18) и *„Изложеніе споровъ о банномъ строеніи"* (ч. LX, № 22). К. Калайдовичъ: *„Объ ученыхъ трудахъ митрополита Кипріана"* (ч. LXXII, № 23) и *„Іоаннъ Ѳедоровъ, первый московскій типографщикъ"* (ч. LXXI, № 18). П. Калайдовичъ помѣстилъ статью: *„Задача для рѣшенія на какомъ языкѣ писана пѣснь о походѣ Игоря"* (т. LXIII, № 10). Башиловъ написалъ: *„Письмо къ Шлецеру о судебникѣ царя Ивана Васильевича"* (ч. LXI, № 4). Замѣчательны статьи, подписанныя буквою *Е*, и по всѣмъ вѣроятностямъ принадлежащія преосвященному митрополиту Евгенію: *„О личныхъ собственныхъ именахъ у Славянорусcовъ"* (т. LXX, № 15); *„О славянорусскихъ типографіяхъ"* (ч. LXX, № 14); *„О старинной русской ариѳметикѣ"* (ч. LXXI, № 17); *„О Максимѣ Грекѣ," „Объ уставныхъ грамотахъ," „О митрополитѣ Петрѣ Могилѣ"* (ч. LXII, № 21).

1814 годъ, когда „Вѣстникъ Европы" находился подъ редакціею В. Измайлова, былъ самый бѣдный историческими статьями. Но съ 1815 года журналъ перешелъ снова подъ редакцію Каченовскаго и оставался въ его завѣдываніи до конца; въ этотъ-то періодъ Вѣстникъ все гуще и гуще наполнялся историческими статьями и подъ конецъ сталъ почти спеціальнымъ историческимъ журналомъ. Преимущественно обращалось вниманіе на внутренній бытъ и на критику источниковъ и разъясненія темныхъ мѣстъ и сторонъ прошедшей жизни. Каченовскій помѣщалъ свои статьи по части нумизматики и археологіи, отличавшіяся

духомъ пытливости и недовѣрія, иногда излишняго, но тѣмъ не менѣе приносившія большую пользу въ ходѣ умственнаго развитія тогда мало учившагося и мыслившаго общества. Это были статьи: *„Нѣчто для древней нумизматики“* (ч. XCI, № 1. 1817 г.), гдѣ авторъ проводитъ мысль, что слово скотъ, употреблявшееся въ смыслѣ богатства, означало монету; *„О мѣдныхъ дверяхъ Софійскаго собора въ Новгородѣ“* (ч. XCVIII, № 8, г. 1818); *„Разборъ памятниковъ Россійской словесности Калайдовича“* (ч. CXXI, № 1, г. 1822); *„Пробные листки изъ руководства къ познанію исторіи и древностей Россійскаго государства“* (ч. XCI, № 3, г. 1817); *„Розысканія по поводу старинной медали“* (ч. CXXII, № 4; ч. CXXII, №№ 5, 6; ч. CXXIV, № 15, г. 1822), гдѣ разсматривается найденная близъ Рязани медаль, и по этому поводу объясняется значеніе гривны; *„О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты“* (ч. CXXXIV, № 14, г. 1827), статья очень оригинальная; *„Объясненія картинки съ монетами“* (ч. CLVI, № 23, г. 1827); *„Снимокъ съ грамоты Витовта“* (ч. CLVI, № 24, г. 1827); *„О бѣлыхъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ“* (ч. CLX, № 13, г. 1828), гдѣ доказывается, что подъ этими названіями слѣдуетъ понимать не кожанныя, какъ думали, а серебряныя деньги; *„О способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ монетъ русскихъ“* (ч. CLX, №№ 14, 15, г. 1828); *„О найденныхъ старинныхъ монетахъ русскихъ“* (ч. CLXII, № 22, г. 1828); *„О снимкѣ съ жалованной грамоты Витовта“* (ibid.); *„Еще розысканія о Черниговской медали“* (ч. CLXV, № 12, г. 1829); *„Мой взглядъ на Русскую Правду“* (ч. CLXVI, № 15. г. 1829), гдѣ заподозрѣвается древность Русской Правды и принадлежность ея Ярославу. Арцыбышевъ помѣщалъ тогда разные отрывки изъ своего *„Повѣствованія“* и нѣсколько замѣчательныхъ критическихъ статей: *„О свойствахъ царя Ивана Васильевича“* (ч. CXIX, №№ 18, 19, г. 1821), гдѣ онъ порицаетъ Карамзина за IX томъ, въ которомъ исторіографъ при описаніи суровости царя Ивана Васильевича пользовался слишкомъ довѣрчиво иноземными сказаніями. Къ тому же вопросу относится его *„Явная выдумка“* (ч. CVII, № 20, г. 1819), гдѣ авторъ опровергаетъ сказаніе объ отравленіи царемъ Иваномъ Васильевичемъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Въ статьѣ: *„О кончинѣ царя Ивана Васильевича“* (CLXXI, № 11, г. 1830) Арцыбышевъ опровергаетъ достовѣрность извѣстій, сообщае-

ныхъ Горсеемъ, а въ статьѣ: *„О кончинѣ царевича Димитрія“* (ibid. № 12) хочетъ оправдать Бориса Годунова отъ подозрѣнія въ убійствѣ. К. Калайдовичъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ статьи: *„О трудахъ Тимковскаго по русской исторіи“* (ч. CX, № 6, г. 1820); *„О трудахъ Лерберга“* (ibid. № 7); *„Записка объ Иванѣ Өедоровѣ“* (ч. CXXIII, № 11, г. 1822). Макаровъ, извѣстный археологъ и этнографъ, помѣстилъ: *„О старинныхъ русскихъ праздникахъ и обрядахъ“* (ч. CIX, № 14, г. 1820); *„Письмо къ редактору“* (ч. CXIII, № 20, г. 1820), гдѣ сообщается планъ ученаго путешествія для отысканія городищъ; *„О московскихъ вѣдомостяхъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго“* (ч. CXVII, № 17, г. 1821); *„Суздальскій лѣтописецъ“* (ч.CXIX, № 20), подробная статья о той лѣтописи, которая была впослѣдствіи издана во Временникѣ московскаго общества исторіи и древностей; *„Достопамятности рязанскихъ церквей“* (ч. CL, № 21, г. 1826); *„Путешествіе изъ Рязани въ Радонежскій монастырь“* (ч. CLI, № 2, г. 1827); *„Объ Авсенѣ“* (ч. CLII № 5; г. 1827). И. М. Снегиревъ и М. П. Погодинъ, почтенныя личности, впослѣдствіи пріобрѣвшія себѣ знаменитость своими трудами, ознаменовали свою раннюю дѣятельность въ Вѣстникѣ. Снегиревъ помѣстилъ здѣсь: *„Два письма святителя Димитрія Туптала“* (ч. CXLVI, № 8, г. 1829); *„Радуница и Русальная недѣля“* (ч. CLII, № 8, г. 1827); *„Старинныя славянскія святки и Коледа“* (ч. CLVII, № 2, г. 1828); *„Замѣчанія о русскихъ пословицахъ сходныхъ съ греческими и римскими“* (ч. CLXX, №№ 10, 11, г. 1829); *„Памятники семилѣтней войны“* (ч. CLXX, № 6, г. 1830); *„О первой псалтири напечатанной Невѣжею Тимоѳеевымъ и Никифоромъ Тарасіевымъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ“* (ч. CLXXIX, № 13, г. 1830). М. П. Погодинъ напечаталъ: *„О Хазарахъ“* (ч. CXXXII, № 23, г. 1823); *„Нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ“* (ч. CXXXIII, № 4, г. 1823), гдѣ объясняется, что слова лѣтописи о варягахъ: „пояша по собѣ всю Русь“ значитъ: „раздѣлили между собою ту русскую землю, которая ихъ призвала; *„Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ Несторѣ“* (ч. CXXXIV, № 6, г. 1824; ч. CXXXV, №№ 9, 10, 11); *„Варяги—Русь 862 г. не суть варяги 859 г.“* (ч. CXXXIV, № 7, г. 1829); *„Обозрѣніе хода и упадка удѣльной системы“* (ч. CXLI, № 12, г. 1825). І. И. Сенковскій помѣстилъ отрывокъ изъ своего *„Путествія,“* гдѣ описывается Волынь въ археологическомъ отношенія

(ч. CIX, № 1, г. 1820). И. Лажечниковъ—впослѣдствіи извѣстный историческій романистъ, выступилъ въ Вѣстникѣ съ выдержками изъ *„Походныхъ записокъ“* 1812—1814 гг. (ч. XCII, № 7. и т. д.); а Данилевскій помѣщалъ здѣсь *„Журналъ похода 1815 г.„* (ч. XCVIII, № 5). Сотрудниками Вѣстника были и М. Н. Муравьевъ, напечатавшій: *„О нѣкоторыхъ учрежденіяхъ въ Россіи“* (ч. CXIV, № 29), и И. М. Муравьевъ-Апостолъ, помѣстившій отрывки изъ своего замѣчательнаго *„Путешествія въ Тавриду“* съ археологическими извѣстіями. Читатель встрѣтитъ въ Вѣстникѣ же имя незабвеннаго по своему рвенію и неутомимому трудолюбію Зоріана Доленги-Ходаковскаго, котораго статьи помѣщены здѣсь: *„Извлеченіе изъ плана путешествія по Россіи, для отысканія древностей славянскихъ“* (ч. CXIII, №№ 17, 18, г. 1820); *„Розысканія касательно русской исторіи“* (ч. CVII, № 20, г. 1819); *„Письмо къ Макарову о городищахъ“* съ *„Отвѣтомъ“* Макарова (ч. CXV, № 4, г. 1821) и нѣсколько *пѣсенъ* изъ его собранія (ч. CLXXIV, №№ 18, 19, г. 1829). Нельзя не указать также на статьи замѣчательныхъ въ свое время археологическихъ изслѣдователей — Глаголева, Нечаева, Зубарева, Иларіона Васильева, Саларева, Стемпковскаго и многихъ другихъ.

Мы долго бы не кончили, если бы захотѣли представить полную картину дѣятельности и заслугъ прежняго „Вѣстника Европы“ на поприщѣ историко-политическихъ наукъ. Одинъ перечень заглавій его историческихъ статей могъ бы составить цѣлый томъ, что и выполнено весьма отчетливо и полно въ трудѣ г. Полуденскаго, составившаго „Указатель къ Вѣстнику Европы“ 1802 — 1830 (Москва 1861). Не смотря на то, что г. Полуденскій ограничился только русскою исторіею, географіею, статистикою, русскимъ правомъ и библіографіею, его указатель составилъ цѣлую книгу почти въ 300 страницъ большого формата. Трудъ г. Полуденскаго весьма полезенъ для тѣхъ, которые интересуются судьбою исторической науки у насъ за первые 30 лѣтъ нынѣшняго столѣтія, а для насъ онъ служитъ доказательствомъ сродства возобновленнаго нами „Вѣстника Европы“ съ прежнимъ Вѣстникомъ, которое не ограничивается однимъ названіемъ журнала, но основывается на томъ преимущественно историческомъ содержаніи, какое представлялъ „Вѣстникъ Европы“ особенно въ послѣдніе годы своей дѣятельности. Возстановляя нынѣ прежній журналъ, остановившійся въ 1830 году, мы хотѣли бы возстановить вмѣстѣ и то его значеніе,

которымъ онъ пользовался въ свое время, сообразно съ средствами той эпохи; но достигнуть того мы можемъ только при содѣйствіи и участіи лучшихъ нашихъ силъ, къ которымъ мы относились въ заключеніе своего перваго объявленія объ открытіи журнала, что считаемъ долгомъ повторить опять. Прочтя послѣднія слова, которыми заключилъ Каченовскій послѣднюю книжку „Вѣстника Европы," гдѣ журналъ косвенно упрекаетъ редактора, что онъ не достаточно сохранилъ его „отъ сваръ и хлопотъ полемическихъ," мы желали бы еще, чтобы продолженіе нами „Вѣстника Европы" невызвало бы такой же укоризны новой его редакціи.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Źródło tey sprawy z którego następuiący płynęli potoki wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być maią i nie trzeba odkrywać tego coby na potym przestrzedź nieprzyiaciela miało*).»

(Рукоп. библіот. Красинск. В. 1. 8).

I.

НАЗВАНЫЙ ЦАРЬ ДИМИТРІЙ.

ИСТОЧНИКИ.

При изученіи эпохи смутнаго времени Московскаго государства, у автора были подъ рукою слѣдующіе источники и пособія, изъ которыхъ важнѣйшіе означены двумя звѣздочками, менѣе важные — одною, а тѣ, которые доставляютъ мало вѣрныхъ свѣдѣній, оставлены безъ знака:

1. Акты Археографической Экспедиціи, т. II. 1836.**
2. Акты историческіе, т. II. 1841.**
3. Акты Западной Россіи, т. IV. 1851.**
4. Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи. Т. III. 1843.**
5. Avisi et lettere giuste di cose memorabili succedite tanto in Africa nel regno di Bibuga che nella Guinea quanto in Moscovia raccolte da Barezzo Barezzi. MDCXII.

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ *тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». *(Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени.)*

6. An appendix being the amours of Demetrius and Dorenski, rivals in the affections of Marina. 1677.
7. Annuae Societatis Jesu. 1604, 1605, 1606.

8. Barezzo Barezzi, Relatione della segnalata et come miraculosa conquista del Paterno imperio conseguita dal Serenissimo giovine Demetrio gran duca di Moscovia in quest' anno 1605. (Приписывается Антонію Поссевину, знаменитому іезуиту.)*
9. Bohomolca, Życie Jana Zamoyskiego. 1837.*
10. Bond, Russia at the close of the sixteenth century. MDCCCLVI. (Сочиненія Флетчера: Of the Russe Commonwealth, и Горсея: Travels.)*
11. Brereton, Newes of the present miseries of Ruschia. 1614.*

12. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей, книга XVI и XVII. (Иное сказаніе о самозванцахъ, и Книга глаголемая Новый лѣтописецъ.)**
13. Valerii Archangelis legationis polonicae olim auditoris ad polonos pacis persuasio. 1608.
14. Videkindi, Historia belli sueco-moscovitici decennalis. MDCLXXII.**
15. Warachtige ende eygentljcke Beschryvinge van de wonderbare seer gedenckwerdighe geschiedenissen die in Moscovia zijn vorgevallen in den naest voorleden ende in den tegenwoordighen jare 1606 etc. door een geloofwerdich Coopman die doen ter tijdt aldaer teghenwoordich was. MDCVI. (Переводъ; см. № 98.)*
16. Wassenberg, Historia gestorum Vladislai IV. 1643.
17. Wiadomości o krwawéj i okrutnéj rzezi w mieście Moskwie i okropny a żałośny koniec Dymitra W. X. i Cara Moskiewskiego przez Hollendra na onczas w Moskwie bawiącego etc. 1851. (Польскій варіантъ къ № 98, съ прибавленіями.)*

18. Gratiani, De Joanne Heraclide despota Valachorum principe libri tres. 1759.*
19. Grevenbruch, Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. 1608.*
20. Historya Dmytra fałszywego. (О втор. самозв. Польск. Рукоп. И. П. Библ. № 32.)*
21. Historica Russiae monumenta ex antiquis exterorum gentium archivis et bibliothecis derempta, t. I. 1842.**

22. Два хронографа принадл. Карамзину, нынѣ находящіеся въ Археографической Коммиссіи. (Рукопись.)**
23. Дворцовые разряды. Т. I и II. 1851.**
24. Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I. 1851.**
25. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова. I, II. 1790.**
26. Древняя Россійская Вивліоѳика. Томы VII, XII, XIII, XV и XX. 1788—1791.**
27. D'Alessandro Cilli, Historia di Moscovia. 1627.
28. Danckaer, Beschrywinge van Moscowien oft Rusland. 1615.*
29. Del conte Maiolino Bisaccioni il Demetrio Moscovita. Historia tragica. 1643.
30. De Thou, Historiarum sui temporis usque ad annum 1607. Французскій переводъ: Histoire universelle depuis 1643 jusque l'an 1607. MDCCXXXIV. liv. CXXXIV.*
31. Dzieie Marsa krwawego y sprawy odważno rycerskie przez Wielm. Pana JM. Pana Piotra Sapiehę starostę uświackiego w monarchyi Moskiewskiey od roku 1608 aż do roku 1612 sławnie odprawowane. (Рукопись.)*
32. Dyariusz spisany przez JM. Pana Stanisława Niemojewskiego podstolego koronnego drogi i różnych przypadków pociesznych i żałośnych prowadząc córkę JW. JM. Pana Jerzego Mniszka wojewody Sendomierskiego pannę Marynę poszlubioną małżonkę W. Kniaziowi Moskiewskiemu Dymitrowi Iwanowiczowi, przybycie do Moskwy,

koronacya, bankiety i festyny, wreszcie niefortunna śmierć W. Kniazia, przez tegoż naocznego świadka opisana. Anno Domini 1606. (Рукопись. Отрывокъ изъ нея былъ помѣщенъ въ львовской газетѣ Wieniec. 1862.)**
33. Drei merkliche Relationes: erste von der Victori Sigismundi III des grossmächtigen Königs in Poln und Schweden so Ihr. Majest. über der Moscoviter vermainten unüberwindliche Vestung Smolenzko erhalten und mit stürmender Hand erobert den 13 Juni des 1611 Jahrs. 1611.*

34. Elias Herekmans, Eeen Historischen Verhael van de vornaemste berverten des keyserrycks van Russia ontstaen door den Demetrium Ivanovits die den valschen Demetrius t'onrecht genaempt wert. (Издается въ настоящее время Археографическою Коммиссіею.)
35. Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Ivan Wasilewitsch. ed. Ciampi. 1827.*

36. Житіе преподобнаго Діонисія. (Рукопись.)**
37. Żabczyca, Żegnanie ojczyzny Możney Cesarzowey Moskiewskiey. 1606. (Стихами.)
38. Żabczyca, Mars Moskiewski krwawy. 1606. (Стихотворное описаніе похода Димитрія въ Москву, 1604—1605 гг.)**
39. Żabczyca, Poseł Moskiewski. 1606. (Стихотворное описаніе посольства Аѳанасія Васильева.)**
40. Życie Lwa Sapiehy. 1837.*

41. Исторія государства Россійскаго, Н. Карамзина. Томы X, XI и XII. (Въ примѣчаніяхъ, выписки изъ разныхъ источниковъ.)**
42. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Т. VIII. 1856. (Есть выписки изъ современныхъ актовъ.)**
43. Исторія Смутнаго Времени, Д. Бутурлина. 3 ч. 1839. (Въ примѣчаніяхъ современные акты.)**
44. Isaaci Massae Chronicon, Een cort verhael van begin en oorspronck deser tegenwoordige oorloogen en troeblen in Moscovia, totten jare 1610 int cort overlopen ondert gouvernement van diverse vorsten aldaer. (Издается въ настоящее время Археографическою Коммиссіею.)**
45. Inno Petricii, Historiae Moschoviticae.*

46. Kaspra Niesieckiego, Korona Polska. 4 t. 1728.*
47. Kobierzycki, Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis etc. usque ad excessum Sigismundi III Poloniae Succiaeque regis. 1656.**
48. Kognowickiego, Życia Sapiehów. 3 t. 1790.
49. Krajewski, Chronologia woyny Moskiewskiey. 1613. (Стихотворное описаніе военныхъ дѣйствій.)**
50. Krótkie a prawdziwe opisanie wzięcia Smolenska przedniejszego zamku państwa Siewierskiego. 1611.*

51. Лѣтопись о многихъ мятежахъ. 1788.**
52. Legende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur, imprimé à Amsterdam en 1606. Reimprimé en 1839. (Варіантъ къ № 98.)

53. Московскаго Гл. Архива Ин. Д. Дѣла Польскія № 26 (рукопись.)**
54. — — — — — № 27 (рукопись.)**
55. — — — — — № 30 (рукопись.)**
56. Московская рѣзня. (Русскій переводъ франц. изд. въ Парижѣ; см. № 83.)*

1*

57. Margeret, Estat de l'Empire de Russie et grande Duché de Moscovie, avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606 en septembre. MDCLXIX. Reimprimé à en 1855.**
58. Marchockiego, Historya wojny Moskiewskiey. 1841.**
59. Milton, A brief History of Moscovia. 1682.*

60. Narratio brevis eorum, quae solemni apparatu acta sunt Romae a natione Polona ob insignem victoriam ex Moschis partam a serenissimo rege Sigism. III et ob Moscovicam universam in ipsius potestatem reductam. MDCXI.
61. Naruszewicza, Historia Jana Karola Chodkiewicza. 2 t. 1837.*
62. Neue Zeitung auss der Moscau von den sonderbaren practicken der Jezuiten und Ihrem auffgeworffenen vermeinten Grossfürsten Demetrius was es für ein Ende genommen. Neben einem Lateinischen Schreiben. 1606.*
63. Niemcewicza, Dzieje panowania Zygmunta III, 3 t. 1836. (Въ приложеніяхъ, современные акты.)**
64. Nowakowski, Zródła do dziejów Polskich. 1841.
65. Nowiny z Moskwy od Jana Wisłoucha. (Рукопись, заключающая дневникъ похода Димитрія въ 1604—1605 г.)*

66. Отрывки изъ лѣтописи, напечатанные г. Мельниковымъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Т. XXIX.*
67. Orzelskiego, Beskrólewia ksiąg ośmioro. 3 t. 1858.*

68. Памятники дипломатическихъ сношеній Россія. 1851. т. I.*
69. Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, Муханова. 1834.*
70. Псковская лѣтопись. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IV. 1848.**
71. Paprocki, Pharus Sarmatica etc. 1633.
72. Pauli Piasecii Episcopi Praemisliensis Chronica gestorum in Europa singularium accurate ac fideliter conscripta ad annum Christi MDCXLIII. 1645.*
73. Pieśń o tyraństwie Szujskiego. 1609.*
74. Pisma Stanisława Żołkiewskiego, wydał August Bielowski. 1861.**
75. Poselstwo do Króla P. M. y do Pana Hetmana y do Ich MM. PP. Senatorów y do wszystkiego wobec rycerstwa pod Smoleńskem w obozie będącego od sławnego rycerstwa z wojska Cara Dymitra y respons na tę poselstwo. 1610.**
76. Process powodzenia Dmitra Iwanowicza teraźniejszego Cara Moskiewskiego. (Рукопись.)**

77. Рукопись Филарета митрополита московскаго и всея Россіи. 1839.*
78. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, т. VIII. 1792.**
79. Raczyński, Poselstwo od Zygmunta III do Dymitra Iwanowicza cara moskiewskiego. 1837.**
80. Reingoldi Heidensteini Rerum Poloniarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII. MDCLXXII.*
81. Relazione dell' acquisto et presa della citta et fortezza di Smolenscho in Moscovia. 1611.**
82. Rerum Rossicarum scriptores exteri a collegio archeographico editi. T. I. [а) Bussov, Relatio, das ist Summarische Erzählung. б) Petri Petreji de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Grossfürstentum Muschkow]. 1856.*
83. Recit du sanglant et terrible massacre arrivé dans la ville de Moscou. 1859. (Французскій варіантъ англійскаго подлинника; см. № 98.)*

84. Сборникъ Муханова. 1836.**
85. Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ. 1822.*
86. Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ. 5 т. 1834. (Переводы: въ 1-мъ томѣ, Хроники Буссова; во 2-мъ, Записокъ Паэрлэ [Hans Georg Peyerle], аугсбургскаго купца, бывшаго въ Москвѣ въ 1606—1608 гг.; въ 3-мъ, Маржерета и Дету; въ 4-мъ, Дневники Марины Мнишекъ и польскихъ пословъ, помѣщенные подлинникомъ въ Hist. Russ. mon.; и въ 5-мъ, Памятниковъ Маскевича). Изд. Н. Устрялова.**
87. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. 1819. т. II.**
88. Samuela Bielskiego, Diariusz roku 1609. Изд. 1848.*
89. Samuela Maszkiewicza pamiętniki. 1838.*
90. Sir Thomas Smithes, Voyage and entertainement in Ruschia. London, 1605.*
91. Skargi, Na moskiewskie zwycięstwo kazanie. 1611.
92. Stanisława Borszy wyprawa Cara Moskiewskiego Dymitra do Moskwy z Jerzym Mniszkiem. (Рукоп. библ. генер. штаба.)*
93. Stanislai Lubieński episcopi Plocensis opera posthuma historica. MDCXLIII.*
94. Supplementum ad Historica Russiae monumenta. 1848.**

95. Три записки временъ Лжедимитрія, изданныя по спискамъ Императорской Публичной Библіотеки. 1862.
96. Tragoedia Demetrico-Moscovitica. Исторія достопамятныхъ происшествій, случившихся съ Лжедимитріемъ, и о взятіи шведами Великаго Новгорода, сочиненіе Матвѣя Шаума. 1614. Изд. 1847.*
97. The Russian Impostor or the History of Muscoviae under the usurpation of Boris and the imposture of Demetrius. MDCLXXIV.
98. The report of a bloody and terrible massacre in the city of Mosco. 1607. (Оригиналъ для № 15, 17, 52 и 83.)*

99. Хронографъ, напечатанный г. Мельниковымъ отрывками въ Москвитянинѣ. 1850. Ноябрь.**
100. Chlebowski, Zwycięstwo N. Monarchy Zygmunta III. 1611.
101. Chlebowski, Tryumf radośny wszystkich obywatelów koronnych i W. X. L. z sławnego zwycięstwa N. Monarchy Zygmunta III. 1611.

102. Четыре сказанія о Лжедимитріѣ, извлеченныя изъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. 1863.*
103. Чтенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей. 1847, № 9. (Сказаніе еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ.)
104. Ciampi, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. 3 v. 1834—1842.*
105. Ciampi, Notizie dei Secoli XV e XVI sulla Italia, Polonia e Russia. 1833.*

106. Щербатова, Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. VII. 1791. (Современныя грамоты.)*

Сверхъ того, авторъ пользовался разными актами, письмами и замѣтками, найденными имъ въ разныхъ русскихъ, польскихъ и латинскихъ рукописяхъ, хранящихся въ:
1) Императорской Публичной Библіотекѣ;
2) Литовской Метрикѣ при Правительствующемъ Сенатѣ;

3) Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ;
4) Библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ;
5) Библіотекѣ Потоцкихъ въ Виляновѣ;
6) Библіотекѣ Главнаго Штаба;
7) Румянцевскомъ Музеѣ, нынѣ Московской Публичной Библіотекѣ;
8) Библіотекѣ Археографической Коммиссіи.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Въ сентябрѣ 1580 года, у московскаго царя Ивана Васильевича въ Александровской слободѣ была свадьба: царь женился на дочери боярина своего Өедора Өедоровича Нагого, Марьи Өедоровнѣ. Это былъ, какъ показываютъ хронографы, осьмой бракъ царя; но что было запрещено и дѣлало соблазнъ для другихъ, царю Ивану Васильевичу было позволительно. Неизвѣстно, спрашивалъ ли онъ на этотъ бракъ особаго разрѣшенія церкви; но оно было даваемо ему прежде. Недозволительно было церковью — въ четвертый, и въ шестой, и въ осьмой разъ вступать въ супружество; если же соборъ дозволилъ ему, не въ примѣръ другимъ, жениться въ четвертый разъ, то онъ самъ послѣ того могъ успокоивать свою совѣсть, разрѣшая себѣ и въ осьмой. Свадебное празднество совершалось со всѣми надлежащими обрядами того времени. Роли свадебныхъ чиновъ были розданы такъ, что вышло какъ-то знаменательно и странно: посажонымъ отцомъ царя былъ его сынъ Өедоръ, а невѣстка Ирина Өедоровна — посажоной матерью; другой сынъ, Иванъ Ивановичъ, былъ у него тысячскимъ; дружками были: со стороны жениха, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, со стороны невѣсты, Борисъ Годуновъ, — оба будущіе цари Московскіе.

Бракосочетаніе царя съ дѣвицею изъ дома Нагихъ должно было возвысить эту фамилію. Дядя новой царицы, Аөанасій, былъ человѣкъ извѣстный своимъ долговременнымъ пребываніемъ въ Крыму въ качествѣ посла московскаго. Эта возвышающаяся фамилія встрѣтила соперничество въ Годуновѣ. Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, татаринъ по происхожденію, женатый на дочери царскаго любимца Малюты Скуратова,

братъ жены царевича Ѳедора, уже въ послѣдніе годы царствованія Грознаго дѣлался однимъ изъ первыхъ людей около царя; уже зачиналось то могущество, которое его ожидало по смерти Ивана Васильевича. Нагіе стали ему на дорогѣ, и онъ тоже сталъ на дорогѣ Нагимъ. Разсказываютъ, когда царь Иванъ Васильевичъ убилъ желѣзнымъ жезломъ старшаго своего сына Ивана Ивановича, Борисъ хотѣлъ было защищать царевича, и получилъ нѣсколько ударовъ отъ царя тѣмъ же желѣзнымъ жезломъ. Послѣ того онъ сидѣлъ въ своемъ домѣ за Неглинною, и врачъ Строгоновъ дѣлалъ ему заволоки для нагноенія, на мѣстѣ удара. Ѳедоръ Нагой, отецъ царицы, воспользовался случаемъ и замѣтилъ царю, что Борисъ притворяется больнымъ и удаляется отъ царскихъ очей. Грозный царь самъ отправился въ домъ Бориса, но убѣдился, что тотъ дѣйствительно не выходитъ отъ болѣзни, самъ видѣлъ его заволоки и, въ наказаніе за оговоръ, приказалъ положить заволоки своему тестю, совершенно здоровому и не имѣвшему нужды въ заволокахъ. Вообще быть тестемъ или шуриномъ Московскаго государя не было счастье: родственники одной изъ женъ его, Собакины, поплатились жизнію за эту честь.

Въ 1583 году, царь Иванъ вздумалъ-было жениться на англійской принцессѣ Маріи Гастингсъ. Когда отправленъ былъ въ Англію Ѳедоръ Писемскій, то въ наказѣ ему было написано: «если спросятъ: какъ же это царь сватается, когда у него есть жена?» то Писемскій долженъ отвѣчать: «она не царевна, не государскаго рода, неугодна ему, и онъ ее броситъ для королевской племянницы». Царю Ивану не впервые было распоряжаться такъ сурово съ своими женами. Три изъ предыдущихъ его женъ — Анна Колтовская, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева были заточены въ монастырь и должны были благодарить Бога за то, что царь оставилъ имъ жизнь. Не такъ легко раздѣлался онъ съ одною изъ нихъ, Марьею Долгорукою: женившись на ней 1573 г. ноября 11, онъ узналъ, что она еще прежде потеряла свое дѣвство, и на другой день послѣ сватьбы приказалъ *затиснуть* ее въ колымагу, повезти на борзыхъ коняхъ и опрокинуть въ воду. Подобныя примѣры должны были указывать новой царицѣ, чего она могла ждать каждый день. Бѣдная царица была тогда беременна, и 19-го октября родила сына; нарекли его Дмитріемъ, а прямое имя ему, говоритъ лѣтописецъ *), Уаръ, потому что онъ родился въ день, когда

*) Карамз. т. IX, примѣч. 741. Извѣстіе объ этомъ изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки сообщено А. Ѳ. Бычковымъ.

празднуется память мученика Уара. Дошли объ этомъ слухи въ Лондонъ. «Смотрите,» сказалъ Томасъ Рандольфъ русскому толмачу Елизару, «когда вы поѣхали, у государя былъ только одинъ сынъ, а теперь уже у него другой родился.» Өедоръ Писемскій, которому передали слова Рандольфа, отвѣтилъ: «пусть королева не вѣритъ ссорнымъ рѣчамъ, лихіе люди наговариваютъ, не хотятъ промежъ государя и королевы добраго дѣла видѣти.»

Не удалось Іоанну жениться на англичанкѣ: онъ умеръ 1584 года, марта 17, и царица Марья, урожденная Нагая, осталась вдовою. На престолѣ московскаго государства долженъ былъ сѣсть слабоумный Өедоръ Ивановичъ. Отецъ сознавалъ, что онъ вовсе не способенъ къ правленію, и учредилъ надъ нимъ опеку изъ пяти бояръ. Но такъ или иначе, а власть должна была перейти къ Борису Өедоровичу, брату царицы. Онъ былъ всѣхъ хитрѣе и умѣлъ прокладывать себѣ пути и избавиться отъ соперниковъ; прежде всѣхъ Нагіе понесли ударъ. Въ ночь, когда еще трупъ Ивана не былъ положенъ въ гробъ, арестовали Нагихъ и отдали за-приставы; взяли тогда же нѣсколькихъ ихъ сообщниковъ. Потомъ маленькаго Димитрія съ матерью удалили въ Угличь, данный ему отъ отца въ удѣлъ; съ нимъ отправили туда всѣхъ Нагихъ. Царицѣ дали почетную прислугу: стольниковъ, стряпчихъ, стрѣльцовъ; у Димитрія былъ свой дворъ. Такимъ образомъ, Нагихъ не было при московскомъ дворѣ, и отъ нихъ прежде всего избавился Годуновъ. Не такъ дешево расплатились ихъ сторонники: ихъ сослали, а имѣнія ихъ и вотчины побрали въ казну. Лѣтописецъ того времени приписываетъ Борису ссылку Нагихъ и ихъ союзниковъ. Онъ обвинялъ ихъ въ измѣнѣ, а въ чемъ именно — остается неизвѣстнымъ; но такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ малолѣтнаго Димитрія послали въ Угличь, то кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что ихъ вина состояла въ намѣреніи овладѣть правленіемъ во имя маленькаго царевича. Впослѣдствіи разсказывали, будто царевичъ не доѣхалъ до Углича. Предвидя, что Борисъ современемъ его погубитъ, царственнаго ребенка подмѣнили другимъ ребенкомъ, увезли куда-то и воспитывали въ глубокой тайнѣ, тогда какъ всѣ думали, что въ Угличѣ ростетъ настоящій сынъ царя Ивана Грознаго.

Вслѣдъ за Нагими опала постигла одного изъ сильнѣйшихъ бояръ того времени Богдана Бѣльскаго, которому покойный царь поручилъ въ опеку маленькаго Димитрія. Лѣтописцы наши повѣствуютъ, что въ Москвѣ открылся мятежъ; народъ требовалъ казни Бѣльскаго; подозрѣвали, что онъ извелъ царя Ивана

и хочетъ извести Θедора. Его какъ бы въ угоду народу сослали въ низовскія края. Какъ ни темно, какъ ни сбивчиво представляется это событіе, но, по соображенію предшествовавшихъ обстоятельствъ съ послѣдующими, видно, что тогда шло дѣло о томъ, кому царствовать: слабоумному ли Θедору, на котораго не было надежды, чтобъ онъ поумнѣлъ, или малолѣтному Димитрію, который могъ быть умнымъ человѣкомъ, достигши зрѣлаго возраста. Возмущеніе предпринято было за права Θедора. Бѣльскій, конечно, долженъ былъ желать воцаренія Димитрія, потому что въ его малолѣтство правилъ бы государствомъ онъ, Бѣльскій, какъ назначенный самимъ отцомъ Димитрія, его опекунъ. Его виды и виды Бориса Годунова были противоположны; но Борисъ такъ ловко умѣлъ заслониться, что впослѣдствіи думали иные, будто Борисъ Годуновъ и Богданъ Бѣльскій были пріятели между собою. Вопросъ, кому царствовать — разрѣшился окончательно не прежде какъ 4-го мая 1584 года, когда именитые люди изъ городовъ собравшись въ Москвѣ, отъ имени всей земли подали Θедору челобитную и просили быть царемъ. Θедоръ короновался и по скудоумію тотчасъ же отдался Борису Годунову своему шурину всецѣло съ принадлежащею ему по рожденію и по избранію верховною властію.

Освободившись отъ Бѣльскаго, Годуновъ мало по малу избавился и отъ другихъ трехъ товарищей по управленію государствомъ, назначенныхъ царемъ Иваномъ. Опаснѣе всѣхъ казался ему Никита Романовичъ, братъ первой жены Ивана Васильевича Грознаго, добродѣтельной Анастасіи, которой память уважалъ народъ, какъ память святой. Его самого до того любили москвичи, что, во время бунта противъ Бѣльскаго, толпа боялась, чтобъ съ Романовымъ чего нибудь не сдѣлали бояре, насильно вытребовала его изъ Кремля, увела въ его собственный домъ и до самаго вѣнчанія царя Θедора берегла съ горячею любовію. Но судьба скоро избавила отъ него Бориса. Въ томъ же году Никита Романовичъ былъ пораженъ параличемъ, лишился употребленія языка, а въ апрѣлѣ 1586 г. умеръ. Князя Ивана Θедоровича Мстиславскаго обвинили въ томъ, будто онъ намѣревался зазвать къ себѣ Бориса и убить: его насильно постригли въ монахи. Оставался послѣдній товарищъ, Иванъ Петровичъ Шуйскій, человѣкъ сильный и родомъ и собственными заслугами, памятный геройскою защитою Пскова противъ Баторія. Величіе Годунова становилось нетерпимо для многихъ. Составился заговоръ. Намѣревались подать Θедору челобитную, чтобъ онъ развелся съ безплодною сестрою Бориса и женился на княжнѣ Мстиславской, дочери насильно постриженнаго князя

Ивана Ѳедоровича. Годуновъ заранѣе узналъ объ этомъ замыслѣ и уничтожилъ его. По его наущенію, слуга Шуйскихъ Ѳедоръ Старковъ подалъ на нихъ извѣтъ въ измѣнѣ; произвели розыскъ, какой угодно было Годунову, и Борисъ отдѣлался отъ своихъ враговъ. Кара постигла фамилію Шуйскихъ: двоихъ изъ нихъ, соправителя Борисова Ивана Петровича и Андрея Ивановича, сослали, а потомъ, какъ говорятъ, тайно умертвили; другихъ соучастниковъ, Татевыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, Урусовыхъ отправили въ заточеніе; семерымъ купцамъ отрубили головы; митрополита Діонисія съ Крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, не смотря на ихъ духовный санъ, неподлежавшій суду свѣтской власти, сослали въ монастыри, а на мѣсто митрополита посадили благопріятеля Борисова Іова, ростовскаго митрополита, который потомъ получилъ небывалый еще въ русскомъ мірѣ санъ патріарха; княжну Мстиславскую за то, что ее прочили царю въ невѣсты, заточили въ монастырь. Одинъ изъ соучастниковъ заговора, Головинъ, ушелъ въ Польшу. Такъ побѣдилъ Борисъ враговъ своихъ и сталъ еще могущественнѣе.

Царь былъ бездѣтенъ и слабъ здоровьемъ почти также, какъ и умомъ. Борисъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ. Никогда въ Московскомъ государствѣ человѣкъ, неносившій вѣнца, не владѣлъ такими богатствами, не достигалъ такой силы и чести, какъ Борисъ. Царя Ѳедора знали только по имени. Съ однимъ Борисомъ имѣли дѣло иноземные послы; къ одному Борису обращались съ челобитными, когда ихъ слѣдовало подавать царской особѣ. Народъ падалъ передъ нимъ ницъ, когда онъ выѣзжалъ; челобитники, когда онъ имъ говорилъ, что доложитъ о ихъ просьбѣ царю, осмѣливались говорить ему: «ты самъ нашъ государь милостивецъ, Борисъ Ѳедоровичъ; скажи только слово и будетъ». Это не только проходило имъ даромъ, но еще доставляло Борису удовольствіе. Богатства его были чрезмѣрны; доходы его доходили до огромной по тогдашнему суммы 93,700 р. въ годъ. Кромѣ наслѣдственныхъ вотчинъ въ Вяземѣ и Дорогобужѣ, область Вага была ему отдана въ пользованіе, и онъ получалъ съ ней съ одной 32,000 р.; сверхъ того ему отданы были доходы со всѣхъ конюшенныхъ слободъ по званію конюшаго, которое онъ носилъ (12,000 р.); доходы Сѣверщины, Твери, Торжка (38,000); доходы съ пчельниковъ и пастбищъ въ окрестностяхъ столицы по обѣимъ сторонамъ Москвы рѣки; наконецъ, доходы съ баней и купаленъ въ самой столицѣ. За всѣми этими доходами, онъ еще каждый годъ получалъ отъ царя по 15,000 р. При такой обстановкѣ, естественно, Борису сталъ представляться престолъ. На той степени величія, на которую онъ взошелъ, нельзя

было оставаться: тутъ не было средины, либо тронъ, либо гибель. Его жена, честолюбивая и злая дочь злодѣя Малюты Скуратова, имѣвшая на мужа большое нравственное вліяніе, безпрестанно побуждала его къ возвышенію, подвигала и ободряла не останавливаться ни передъ какими средствами, успокоивала его совѣсть, когда она возмущалась. Чѣмъ выше онъ становился, тѣмъ ярче представлялась ему опасность, тѣмъ настойчивѣе побуждала его жена преодолѣвать ее. Всякое новое вступленіе на престолъ началось бы погибелью и его, и его семейства; ему не простили бы прежняго почти царскаго величія. Онъ долженъ былъ избавиться отъ такихъ лицъ, которыя могли имѣть право на престолъ послѣ смерти Өедора Ивановича.

Было два такихъ лица: первое—женщина съ дочерью; она называлась Марья Владимировна, была дочь двоюроднаго брата царя Ивана Васильевича, Владимира Андреевича, убитаго Иваномъ. Царь Иванъ отдалъ ее за датскаго принца Магнуса, возведеннаго имъ въ санъ ливонскаго короля. Послѣ раздѣленія Ливоніи и уничтоженія тѣни королевства, она жила въ Ригѣ валуплѣнницею поляковъ подъ надзоромъ кардинала Радзивилла, на ограниченномъ содержаніи. По прекращеніи царственной линіи съ бездѣтнымъ Өедоромъ, право престолонаслѣдія, не утвержденное на этотъ случай предупредительнымъ закономъ и потому зависѣвшее отъ избранія, могло легко въ народномъ понятіи перейти на нее и на ея дочь. По русскимъ извѣчнымъ понятіямъ женщина не исключалась отъ этого наслѣдства, особенно если не было мужескаго пола. Притомъ, еслибъ даже побоялись отдать правленіе женщинѣ, то легко выдать мать или дочь за какого-нибудь князя рюрикова дома или за нѣмецкаго принца, который согласился бы принять греческую вѣру. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, Марья Владимировна, по мужеской линіи прямая правнука Великаго князя, властвовавшаго Москвою, имѣла больше права, чѣмъ Борисъ, который въ случаѣ прекращенія царственнаго дома могъ опереться на родствѣ съ прежними царями, только потому что сестра его была женою царя, а въ немъ самомъ не было ни капли крови прежнихъ царей. Въ августѣ 1585 года, Борисъ поручилъ англичанину Жерому Горсею выманить ливонскую королеву съ дочерью въ Москву изъ Риги. Ловкій англичанинъ поддѣлался къ кардиналу Радзивиллу и былъ допущенъ къ Марьѣ Владимировнѣ. — «Братъ вашъ, царь Өедоръ Ивановичъ», сказалъ Горсей, «узнавши, что вы съ дочерью вашей живете въ нуждѣ, желаетъ, чтобъ вы возвратились на родину и жили въ довольствѣ, сообразно вашему цар-

ственному рожденію; а протекторъ Борисъ Ѳедоровичъ, помня свою службу царю, обѣщаетъ вамъ стараться о томъже».

— «Я не знаю васъ — отвѣтила Марья — но вашъ видъ внушаетъ мнѣ довѣріе болѣе, чѣмъ сколько говоритъ мнѣ о васъ разсудокъ. Меня держатъ здѣсь какъ плѣнницу, на скудномъ содержаніи: я получаю тысячу талеровъ въ годъ. Я бы рада была отсюда выбраться; но меня смущаютъ нѣкоторыя обстоятельства: во первыхъ, трудно убѣжать, король и паны берегутъ меня здѣсь, чтобъ извлечь какую-нибудь пользу изъ моего происхожденія и крови; во вторыхъ, я знаю московскіе обычаи, знаю, какъ тамъ поступаютъ со вдовами-царицами: меня запрутъ въ монастырь, а это будетъ мнѣ хуже смерти.»

— «Теперь другія времена настали — сказалъ Горсей — теперь не принудятъ къ тому вдовы, если у нея есть дѣти, которыхъ нужно воспитывать».

Горсей далъ ей тысячу угорскихъ червонцевъ, и еще обѣщалъ дать; и онъ такъ настроилъ бѣдную королеву, что она совершенно ему довѣрилась. По приказанію Бориса, разставлены были лошади по дорогѣ отъ Москвы до границы Ливоніи. Королева съ дочерью ускользнули изъ Риги; ихъ повезли быстро въ Москву. Сначала съ Марьею Владимировною обходились хорошо: дали ей земель, денегъ, прислугу; но черезъ нѣсколько времени Борисъ, поступавшій по произволу, именемъ царя, ничего не знавшаго о томъ, что его именемъ дѣлаютъ, разлучилъ ее съ дочерью и заточилъ въ Пятницкій монастырь близъ Троицы. Въ 1589 году, маленькую дочь ея похоронили съ честью, какъ королевну, у Троицы. Смерть ея всѣ принимали за неестественную. Много лѣтъ протомилась въ скучномъ заключеніи несчастная королева, вспоминала Ригу и проклинала англичанина, которому такъ неосторожно довѣрилась *).

Борисъ избавился отъ Марьи и ея дочери; его безпокоилъ ребенокъ Димитрій. Правда, онъ рожденъ былъ отъ осьмой жены: по уставамъ церкви, такой бракъ былъ незаконнымъ, слѣдовательно и сынъ, рожденный отъ такого брака, не былъ законнымъ; онъ не могъ бы, казалось, быть претендентомъ на престолъ и пугать Бориса. Сначала Борисъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и запретилъ молиться о немъ въ церквахъ. Сверхъ того, по приказанію Бориса распространяли съ умысломъ слухъ, что царевичъ злого нрава, съ удовольствіемъ смотритъ, какъ рѣжутъ барановъ. Еще дитятею онъ любилъ кровь и животныхъ; внушалось опасеніе, что такой

*) Horsey, 204. — Fletch. 22.

вкусъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ перейдетъ и на людей *). Но скоро Борисъ увидалъ, что этимъ не достигнешь цѣли: невозможно было убѣдить московскій народъ въ томъ, что царевичъ незаконнорожденный и потому не можетъ быть на престолѣ: для московскихъ людей онъ все-таки былъ сынъ царя, кровь его и плоть. Царь въ народномъ воззрѣніи былъ существо выше обыкновенныхъ человѣческихъ существъ; что̀ не дозволялось другимъ, то прощалось царю; нельзя было подвергать осужденію поступковъ царя. Видно, что русскій народъ признавалъ за Димитріемъ право царствовать, когда впослѣдствіи имя этого царевича, принимаемое многими удальцами, увлекало за собою народъ. Нельзя было испугать русскихъ, привыкшихъ къ долгому царствованію Ивана Васильевича, разсказами о злонравіи отрока Димитрія. По народному воззрѣнію, дурной царь посылается Богомъ народу въ наказаніе за грѣхи; тогда ничего другого не остается, какъ только сносить съ терпѣніемъ божью кару и молить Бога о помилованіи. Конечно, Борисъ, попытавшись такъ-и-сякъ отстранить Димитрія отъ будущаго воцаренія, убѣдился, что нельзя вооружить противъ него русскихъ; а между тѣмъ Нагіе, удаленные въ Угличъ, злобствовали противъ Бориса и съ малолѣтства настраивали Димитрія враждебно къ нему. Дитя повторяло то, что ему твердили родственники и мать; дитя жаловалось, что братъ удалилъ его; не пускаютъ его въ Москву; всему виною Борисъ. Онъ его лютый врагъ. Выросъ бы Димитрій, — выросла бы у него и злоба къ Годуновымъ. Θедоръ былъ слабъ здоровьемъ и могъ скоро умереть; провозгласили бы царемъ Димитрія; Нагіе захватили бы власть; — и было бы ихъ первымъ дѣломъ погубить Бориса и съ его семьей и съ родней... Не было для Бориса другого выхода: либо Димитрія сгубить, или самому со дня на день ждать гибели. Человѣкъ этотъ уже привыкъ не останавливаться передъ выборомъ средствъ.

Были у Бориса люди преданные, готовые за него на все. Такимъ былъ Андрей Клешнинъ. Этотъ человѣкъ поручилъ вниманію правителя одного дьяка по имени Михайла Битяговскаго. Борисъ назначилъ Битяговскаго главнымъ надзирателемъ надъ домостроительствомъ царевича въ Угличѣ; съ нимъ поѣхали сынъ Михайловъ Данило, Никита Качаловъ и Данило Третьяковъ. Царица боялась, что эти новопріѣзжіе затѣмъ и прибыли, чтобъ извести царевича. Братья царицы, Михайло и Григорій Нагіе, ссорились съ Битяговскимъ; онъ у нихъ власть отнималъ. Нагіе жаловались, что имъ не выдаютъ содержанія, требовали

*) Fletch. 22.

отъ Битяговскаго прибавки; тотъ имъ отказывалъ, и вообще эти пріѣзжіе стали не въ дружескія отношенія съ царицею и съ ея родными...

17 мая 1591 г., пришло въ Москву извѣстіе, что 15 мая царевичъ Димитрій погибъ насильственною смертію... Ѳедоръ, услышавъ о смерти брата, расплакался. Говорятъ, что онъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Угличъ, но Борисъ отговорилъ его, увѣривши, что тамъ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь *). Борисъ отправилъ на слѣдствіе князя Василья Ивановича Шуйскаго, дьяка Андрея Клешнина и дьяка Вылузгина. Выборъ Шуйскаго, казалось, былъ никакъ не въ пользу Бориса: Шуйскіе были съ нимъ во враждѣ, родственники ихъ были сосланы, задушены. Но за то братъ Василія, Димитрій, былъ въ свойствѣ съ Борисомъ: жена Димитрія была родная сестра Борисовой жены, и эта связь была причиною, что Борисъ щадилъ и приближалъ къ себѣ одну вѣтвь рода Шуйскихъ, состоявшую изъ трехъ братьевъ, но все-таки побаивался ихъ и недопускалъ обоихъ братьевъ Димитрія жениться. Василій не могъ бы, казалось, быть доброжелателемъ Борису. Однако онъ произвелъ слѣдствіе совершенно въ угоду Борису, и изъ дошедшаго до насъ слѣдственнаго дѣла объ этомъ событіи, оно представляется въ такомъ видѣ:

15-го мая 1591 года, послѣ обѣдни, часу въ двѣнадцатомъ утра, зазвонилъ въ Углицкой Спасской церкви, находившейся въ земляномъ городѣ, сторожъ Максимъ Кузнецовъ. На этотъ звонъ прибѣжалъ первымъ пономарь другой церкви, царя Константина, вдовый попъ, по прозвищу Огурецъ. На встрѣчу ему бѣжитъ стряпчій кормового дворца Суббота Протопоповъ. Увидя Огурца, онъ закричалъ: «царевича не стало! Царица велѣла звонить.» Огурецъ принялся усердно звонить въ набатъ. Звонъ переполошилъ весь Угличъ, толпы народа посыпали въ Углицкій Кремль; не знали, что значитъ этотъ звонъ, и сперва думали, что пожаръ; бѣжали съ рогатинами, дубинами, топорами. Тутъ раздался крикъ: «царевичъ зарѣзанъ!» На заднемъ дворѣ кормилица *Орина* Жданова держала мертваго ребенка; царица Марья въ неистовствѣ колотила полѣномъ мамку царевича Василису Волохову. По ея приказанію, посадскіе схватили эту женщину, сбили съ нея волосникъ, и опростоволосили. Это считалось крайнимъ безчестіемъ и поруганіемъ женщинѣ. Царица и ея братья кричали всенародно, что царевича зарѣзали сынъ этой мамки Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Битяговскіе. Народъ безъ дальнихъ размышленій бросился убивать тѣхъ, на кого ему

*) Grevenbruch, 10.

указывали. Заперли ворота, чтобъ никто не ушелъ со двора. Михайла Битяговскаго не было тогда во дворѣ: онъ обѣдалъ у себя дома съ попомъ Богданомъ и, какъ показывалъ этотъ попъ, сынъ Битяговскаго былъ тогда съ ними же. Битяговскій услышалъ звонъ, побѣжалъ ко двору, но ворота у двора были заперты. Одинъ изъ дворцовыхъ служителей, сытникъ Кирило Моховиковъ, бросился отворять Битяговскому. Только что вошелъ Битяговскій, народъ бросился на него. Онъ пустился бѣжать въ брусяную избу. Данило Третьяковъ примкнулъ къ нему, и побѣжалъ туда же. Толпа погналась за ними. Михайло Нагой подстрекалъ народъ убить Битяговскаго. Битяговскій, чтобъ обратить злобу толпы на своего врага, кричалъ, что «Нагой добываетъ вѣдуновъ на государя и государыню.» Послушали тогда Нагого, убили Битяговскаго и Третьякова... Потомъ узнали, что другіе, обвиняемые царицею и ея братьями, Никита Качаловъ и сынъ Битяговскаго Данило спрятались въ разрядную избу; ворвались туда и убили ихъ; перебили людей Волоховой. При этой свалкѣ погибли и какіе-то посадскіе, неизвѣстно за что и по какому побужденію. Царица кричала, чтобъ ловили еще одного убійцу, Данилу Волохова, сына мамки; но его не нашли скоро: онъ убѣжалъ къ женѣ Битяговскаго, и тамъ его спрятали. Тѣло зарѣзаннаго ребенка понесли въ церковь Спаса; за нимъ пошла мать. Тутъ поймали Осипа Волохова и притащили въ церковь предъ царицу; за нимъ вели жену и дѣтей Битяговскаго. Царица закричала: «вотъ убійца царевичевъ!» Народъ убилъ его въ церкви: не дали ему проговорить ни слова въ оправданіе. Разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла растерзать и жену и дочерей Битяговскаго, но ихъ спасли духовные: архимандритъ Ѳеодоритъ и игуменъ Савватій. Василису Волохову, сильно избитую, посадили подъ караулъ.

Черезъ два дня, по наговору царицы, схватили юродивую жонку, которая жила у Михайла Битяговскаго и хаживала къ Андрею Нагому. Царица обвиняла ее, будто она портила царевича, и велѣла убить ее...

Слѣдствіе указываетъ, что нѣкоторыя снятыя Шуйскимъ показанія были даны людьми въ качествѣ свидѣтелей смерти царевича. При этомъ событіи были: мамка Волохова, кормилица Ирина Жданова, постельница Марья Самойлова и четыре мальчика жильца, сверстники царевича, постоянно съ нимъ игравшіе. Всѣ они въ одинъ голосъ объявили, что царевичъ игралъ со сверстниками въ тычку ножемъ и зарѣзался въ припадкѣ черного недуга (падучей). Что царевичъ былъ подверженъ такимъ припадкамъ и дѣлался въ то время неистовъ и золъ, подтвержда-

лось свидѣтельствомъ родственника царицы, Андрея Александровича Нагого: онъ показалъ, согласно съ мамкою Волоховой, что въ прошедшій постъ царевичъ у его дочери объѣлъ руки и также бросался и кусалъ жильцовъ и постельницъ. Изъ прочихъ лицъ, не бывшихъ при событіи, многіе согласно показывали, что царевичъ зарѣзался самъ. Одинъ изъ братьевъ царицы, Григорій Нагой, показалъ, что царевичъ самъ зарѣзался; другой братъ ея, Михайло Нагой, показывалъ, что царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данило Битяговскій; но самъ онъ не видалъ этого событія. Оба Нагіе запирались въ томъ, что послѣ смерти царевича велѣли убивать кого-нибудь по подозрѣнію; царицы не спросили; и тѣхъ, которые перебили людей, оговоренныхъ Нагими, не спрашивали.

По возвращеніи слѣдователей, дѣло представлено было отъ имени государя на обсужденіе духовенства: патріарха и освященнаго собора. Тутъ митрополитъ Сарскій и Подонскій подалъ извѣтъ, будто царица Марья сознавалась, что убійство Битяговскаго было дѣло грѣшное, виноватое, и просила довести до государя челобитье о царскомъ милосердіи къ ея братьямъ, которыхъ она именовала бѣдными червями.

Соборъ разсудилъ, что Михайло и Григорій Нагіе и Углицкіе посадскіе люди виновны въ измѣнѣ противъ царскаго величества; ибо царевича Димитрія постигла смерть божіимъ судомъ, а они велѣли побить напрасно людей, которые стояли за правду; а это все произошло отъ того, что Михайло Нагой бранился съ Битяговскимъ за то, что Нагой держалъ у себя вѣдуна Молчанова и другихъ. Нагіе и мужики угличане достойны всякаго наказанія. Но какъ это дѣло земское, градское, а не церковное, то благочестивые духовные сановники предаютъ его въ волю Бога и государя, полагая въ царскую руку и казнь, и опалу, и милость.

Борисъ сдѣлалъ примѣрное наказаніе всѣмъ, которые осмѣливались говорить, будто царевичъ зарѣзанъ, и бросать подозрѣніе на него. Царицу Марью сослали въ Судинъ монастырь на Выксѣ (въ 20 верстахъ отъ Череповца) и постригли; Нагихъ разослали по городамъ въ ссылку; казнили угличанъ, которые оказывались виновными въ мятежѣ: инымъ порубили головы, другихъ утопили, инымъ рѣзали языки, и наконецъ всѣхъ жителей Углича перевели въ Сибирь и населили ими г. Пелымъ. Даже колоколъ, въ который звонили, сослали въ Сибирь *).

*) Никон. лѣт. VII, 19. — Нов. лѣт. 35. — По Петрею и по Буссову, въ Угличѣ дѣлалось тоже.

Несмотря, что все было, какъ говорится, шито и крыто, общее подозрѣніе обвиняло Бориса: русскіе говорили на него; иностранцы слышали это отъ русскихъ, и повторяли, что царевичъ убитъ по приказу правителя. Говорили, будто Борисъ прежде пытался отравить его, но ядъ не подѣйствовалъ на младенца: чудотворнымъ образомъ онъ спасенъ былъ. Въ Русскомъ Лѣтописцѣ разсказывается (конечно, какъ говорили въ то время вездѣ), что царевича убили такимъ образомъ:

Въ хоромахъ трудно было убить царевича: мать при немъ неотлучно находилась, подозрѣвая, что есть злой умыселъ на дитя. Наконецъ, 15-го мая, злая мамка успѣла вывести его на нижнее крыльцо; тутъ стояли убійцы: Битяговскій, Качаловъ и Волоховъ. (Лѣтопись называетъ неправильно Качалова Миколай, когда онъ былъ Никита; Волохову, который звался Осипомъ, дается имя Данила, и неправильно помѣщается здѣсь Битяговскій, который ни въ какомъ случаѣ не былъ при событіи.) Волоховъ, взявъ за руку Димитрія, сказалъ ему: «у тебя, государь, на шеѣ новое ожерелье.» Ребенокъ поднялъ головку, указалъ пальцами на ожерелье и сказалъ: «нѣтъ, старое!» Тогда Волоховъ ударилъ его ножемъ по шеѣ, и не могъ сразу зарѣзать, только ранилъ. Кормилица съ крикомъ бросилась на него, а Битяговскій и Качаловъ стащили съ него кормилицу и ударили такъ, что она чуть души не отдала; потомъ зарѣзали царевича и убѣжали. Такъ разсказывали въ Москвѣ, разумѣется, шопотомъ, а оффиціально не смѣли иначе говорить, какъ имъ указывало правительство.

Въ одномъ старинномъ извѣстіи *) разсказывается это событіе такимъ образомъ:

Въ этотъ день царевичъ, вставъ поутру, чувствовалъ себя нездоровымъ: *голова у него съ плечь покатилася;* въ четвертомъ часу дня (то-есть, въ десятомъ утра) пошелъ къ обѣднѣ, гдѣ послѣ евангелія старецъ Кирилловскаго монастыря поднесъ ему образа. Пришедши въ хоромы, царевичъ перемѣнилъ платьицо; на ту пору вошли съ кушаньемъ; постлали скатерть; священникъ принесъ богородицынъ хлѣбъ: царевичъ всякій день вкушалъ богородицына хлѣба. Послѣ обѣда онъ попросилъ напиться и пошелъ гулять съ кормилицей. Это было въ седьмомъ часу дня (въ первомъ часу). Когда они дошли до церкви царя Константина, Никита Качаловъ и Данило Битяговскій, подошедши, ударили палкой кормилицу такъ, что она испуганная и ушибенная упала на землю; тогда они бросились на царевича, перерѣзали

*) Погод. Сборн. № 31.

ему горло, а сами стали кричать, какъ будто царевичъ самъ зарѣзался. На крикъ выбѣжала мать; убійцы ничего не могли сказать, только глядѣли. Дядей Нагихъ не было здѣсь: они обѣдали у себя. Царица приказала ударить въ колокола; народъ, услышавши набатный звонъ, сбѣжался. Царица была уже въ церкви Преображенія, держала мертваго сына и съ воплемъ кричала, чтобъ убили злодѣевъ. Народъ побилъ ихъ каменьями.

Изъ разсказа англичанина Жерома Горсея, находившагося тогда въ ссылкѣ въ Ярославлѣ *), узнаемъ мы, что братъ царицы Аѳанасій Нагой, въ полночь послѣ рокового дня, прискакалъ въ Ярославль прямо къ мѣсту помѣщенія Горсея, своего прежняго знакомца, и началъ стучаться въ ворота. Горсей вышелъ къ нему, и Нагой объявилъ, что Димитрію *дьяки* перерѣзали горло около шести часовъ (дня); нѣкоторые изъ ихъ слугъ, принужденные истязаніями, объявили, что на это злодѣяніе подучилъ ихъ Борисъ Годуновъ. Нагой извѣщалъ, что царица Марѳа отравлена или испорчена, и просилъ поскорѣе дать какое-нибудь средство. Вѣроятно, матери, отъ потрясенія, произведеннаго смертью сына, стало дурно; это, по обычаю, объяснено было порчею, и брату ея было естественно обратиться къ иноземцу и попросить у него какой-нибудь заморской хитрости. Горсей далъ ему какой-то бальзамъ. По утру, англичанинъ узналъ, что уже весь городъ толкуетъ о смерти царевича и приписываетъ ее Борису. Сказаніе англичанина достойно вѣроятія, тѣмъ болѣе, что Аѳанасій Нагой не значится спрошеннымъ по сыску и слѣдовательно не былъ въ Угличѣ. Но, при всѣхъ извѣстіяхъ и русскихъ и иностранныхъ, событіе остается темнымъ для исторіи.

Вѣрно только, что Борисъ считалъ себя уже избавленнымъ отъ страшнѣйшаго врага въ будущемъ. Царскій вѣнецъ мерещился ему и на яву и во снѣ. Наружно набожный, онъ въ то же время не боялся прибѣгать къ волшебству, собиралъ волхвовъ изъ русскихъ и звѣздослововъ изъ иноземцевъ, спрашивалъ о своей будущности. Гадатели, видя, что ему хочется быть царемъ, прислуживались къ нему и говорили: «ты въ царскую звѣзду родился и будешь царь въ великой Россіи **).

---

*) Bond, Russia at the close of the sixteenth century. 1856. Travels of sir Jerom Gorsey. 254.

**) Погод. № 1456.

II.

Прошло еще семь лѣтъ. Борисъ продолжалъ пребывать въ силѣ; онъ умѣлъ преклонить на свою сторону духовенство—главнѣйшую умственную силу Руси. Глава духовенства, возведенный имъ въ санъ патріарха, Іовъ, былъ его вѣрнымъ слугою. Кажется, и самое учрежденіе патріаршества соединялось у Бориса съ дальнѣйшими планами воцаренія. Патріархъ облеченъ былъ властію и значеніемъ выше, чѣмъ прежніе митрополиты. Санъ патріаршій для русскихъ имѣлъ обаяніе новизны. Прежде они знали объ этомъ санѣ только въ отдаленіи; слышали, что на востокѣ есть патріархи, чиномъ своимъ святѣе и выше митрополитовъ и епископовъ; теперь такой высокій санъ находился у нихъ въ Москвѣ; когда всякаго духовнаго голосъ чаще уважался голоса свѣтскаго, потому что надъ духовнымъ совершенъ обрядъ хиротонисанія, то какъ было не уважать голоса такого церковнаго лица, которое есть глава всѣхъ посвященныхъ? Какъ не признавать изреченнаго имъ за выраженіе высшей мудрости? Патріархъ былъ государь духовенства, поэтому стоило только имѣть своимъ орудіемъ патріарха, и все духовенство будетъ на его сторонѣ, а духовенство было въ то время вся нравственная и умственная сила московскаго государства. Такъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ Борисъ, и не ошибся: освященный соборъ готовъ былъ исполнять то, что патріархъ укажетъ.

Бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, Борисъ приготовилъ въ свою пользу изданіемъ закона «о крестьянскомъ выходѣ», запрещавшаго свободный переходъ крестьянъ и такимъ образомъ оставлявшій ихъ во власти землевладѣльцевъ.

Легко было толпу народа настроить въ свою пользу. Народъ сельскій не былъ важенъ для него: этотъ народъ будетъ повиноваться столицѣ; къ нему не близки государственныя дѣла, да и собраться ему трудно для какого бы то ни было общественнаго обсужденія. Борису нужна была только чернь московская, а московская чернь много разъ испытывала его щедроты. Вскорѣ послѣ смерти царевича Димитрія, сдѣлался въ Москвѣ большой пожаръ: Борисъ чуть не всѣхъ погорѣлыхъ обстроилъ на свой счетъ. Враги его говорили послѣ, что пожаръ былъ и произведенъ Борисомъ, чтобы имѣть возможность показать щедрость и любовь къ народу *).

Съ каждымъ годомъ для русскихъ казалось болѣе и болѣе невозможнымъ не видѣть Бориса верховною особою.

*) Smith. 28, на обор.

Царь Ѳедоръ умеръ 7 января 1598 г.: прекратилась царственная линія московскаго дома. Много было князей Рюриковичей, потомковъ удѣльныхъ владѣтелей; но давно уже удѣльность лишилась правъ своихъ, давно уже восточная Русь привязана была къ Москвѣ и забыла о прежней возможности существовать безъ московскаго центра, а происхожденіе отъ удѣльныхъ князей никому почти не давало правъ на Москву. Исторія восточной Руси сложилась такъ, что кого Москва признаетъ, тотъ и всей Руси государь. Борисъ былъ богатъ, и поэтому у него было много покупныхъ друзей: за деньги, дары и выгоды они готовы были говорить и дѣлать все въ его пользу. Глава духовенства былъ его пособникъ; изъ бояръ многіе не любили Бориса, но, въ земскомъ всенародномъ дѣлѣ, ихъ совѣтъ не могъ быть важенъ, когда противъ нихъ станетъ духовенство,— за духовенство будетъ противъ нихъ и народъ; да и между боярами не было согласія: каждый думалъ прежде всего о себѣ и готовъ былъ копать яму товарищу, еслибы избирать въ цари приходилось не Бориса, а кого-нибудь другого... Такого другого не было, чтобы страсти и побужденія примирились при его имени.

Изъ всѣхъ бояръ могли помѣряться съ Борисомъ Романовы, сыновья любимаго народомъ Никиты. Эта фамилія была родственна царю Ѳедору; у ней больше, чѣмъ у другихъ, было сторонниковъ въ народѣ, но и ей трудно было, при его власти, богатствахъ и силѣ, бороться съ Борисомъ. Іовъ и духовенство не благоволили бы къ Романовымъ, какъ не благоволили бы ни къ кому, кромѣ Бориса. На сторону Бориса подобраны были гости, богатые купцы, надѣявшіеся отъ него льготъ и милостей. Борисъ самъ владѣлъ огромными имѣніями, и въ рукахъ его было много предметовъ производства, которые покупали купцы, напримѣръ: лѣсъ, деготь, поташъ, пенька. Богатые торговцы находились съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ по торговлѣ, и, слѣдовательно, связаны были съ нимъ важнѣйшими интересами. Не даромъ Борисъ ласкалъ и англійскую компанію, которая держала тогда въ рукахъ торговлю Россіи.

Московскіе посадскіе люди, чернь, какъ мы сказали, были уже заранѣе подготовлены въ пользу Бориса. Съ одной стороны, рабскій страхъ, съ другой — надежда на пріобрѣтеніе выгодъ, дѣлали изъ московской черни удободвижимую массу, готовую поддерживать сильныхъ. При томъ же, въ народѣ московскомъ было умственное смиреніе, недозволявшее смѣло высказать то, что чувствуется и думается, если это не понравится сильнымъ или тѣмъ, кого считали умнѣе. Такъ, когда пронеслась въ на-

родѣ мысль, что приходится избирать царя, то многіе тогда считали лучшимъ отдать это дѣло на волю патріарха: кого ему Богъ покажетъ, того онъ и сдѣлаетъ царемъ.

Борисовы агенты разсыпались по Москвѣ и располагали людей разнаго званія и разныхъ отношеній въ пользу избранія на царство Бориса.

Съ такимъ запасомъ надеждъ, Борисъ началъ играть комедію, которая должна была и нравственно и вещественно упрочить за нимъ и за его потомствомъ власть и вѣнецъ.

Говорили, что умирающій царь Өедоръ поручилъ царство свое царицѣ. Въ понятіяхъ того времени, у насъ, право государственное во многихъ отношеніяхъ еще мало отличалось отъ права частнаго владѣнія. Въ частномъ владѣніи было въ обычаѣ, что бездѣтный хозяинъ, умирая, оставляетъ свое достояніе вдовѣ. Сообразно этому обычаю и умирающій царь могъ оставить своей женѣ царство — свое достояніе. Царица Ирина при жизни мужа имѣла больше значенія, чѣмъ другая на ея мѣстѣ могла имѣть. По неспособности мужа, она часто распоряжалась дѣлами, особенно когда дѣло шло о прощеніи виновныхъ или о раздачѣ какихъ либо милостей. Тогда царица сама приказывала, и народъ зналъ, что это исходитъ отъ нея, а не отъ царя. Но оставить престолъ вдовѣ значило прямо оставить его Борису; если при царѣ правилъ всѣмъ Борисъ, то при женщинѣ отдать ему власть было какъ нельзя умѣстнѣе. Впрочемъ патріархъ и духовенство поставили этотъ вопросъ сбивчиво и противорѣчиво. Въ утвержденной грамотѣ объ избраніи Бориса *), гдѣ излагалась исторія престолонаслѣдія до избранія Бориса, сказано, что «Өедоръ Ивановичъ оставилъ на престолѣ свою супругу, а душу свою приказалъ патріарху Іову и своему шурину Борису Өедоровичу;» а въ соборномъ опредѣленіи, гдѣ приводятся доводы права Борисова на престолъ, говорится, будто «Өедоръ Ивановичъ прямо назначилъ по себѣ преемника Бориса Өедоровича.»

Видно, что сперва выдумали одно, а потомъ увидѣли, что этого недостаточно, — выдумали другое.

Какъ бы то ни было, послѣ погребенія Өедора Ивановича, вдова его царица Ирина объявила, что хочетъ по обѣщанію постричься въ монастырѣ. Іовъ на челѣ духовныхъ и бояре просили ее не оставлять сиротою государства, оставаться на престолѣ, а править государствомъ будетъ попрежнему Борисъ Өедоровичъ. Но царица упорствовала; вдовѣ, по нравственному

*) Акты Эксп. I, 19.

приличію, слѣдовало лучше всего идти въ монастырь. Она удалилась въ Ново-Дѣвичій монастырь, и тамъ постриглась подъ именемъ Александры. Тогда бояре сошлись въ Кремлѣ, приказали звонить на сборъ народа; собралась толпа, и дьякъ Василій Щелкаловъ прочиталъ народу, что, по смерти Өедора, за прекращеніемъ царствующаго дома, правленіе переходитъ въ думу боярскую. Но толпы, по преданію отцовъ своихъ знавшія, что́ значитъ боярское правленіе, кричали: «мы не хотимъ ни князей, ни бояръ, знаемъ одну царицу! пусть патріархъ, кого ему Богъ уважетъ, того и изберетъ; тотъ и будетъ намъ царемъ!» Патріархъ Іовъ воспользовался этимъ случаемъ, объявилъ, что подобаетъ просить на царство Бориса Өедоровича, предложилъ итти торжественною процессіею въ Ново-Дѣвичій монастырь, молить царицу, чтобъ она благословила послѣ себя царствовать своему брату. Доброжелатели Бориса, въ толпѣ, тотчасъ оглушили всѣхъ криками: «согласны»! Тѣ бояре, которые этого не хотѣли, не смѣли слова пикнуть и должны были соглашаться, тѣмъ болѣе, что въ ихъ кругу были сторонники и свойственники Годунова, которые тотчасъ вторили голосу патріарха, окружавшаго его духовенства и народной толпы. Шуйскимъ особенно было непонутру это; тяжело было и Романовымъ, и Черкасскимъ, и Мстиславскому, и всѣмъ вообще знатнымъ лицамъ; но по одиночкѣ никто не отважился говорить противъ главы духовенства, котораго предложеніе нашло себѣ тотчасъ же отголосокъ.

Всѣ отправились въ Ново-Дѣвичій монастырь. Борисъ Өедоровичъ нарочно былъ уже тамъ съ сестрою, и какъ будто бы занимался съ нею богомысліемъ. Царица вышла изъ келіи вмѣстѣ съ Борисомъ. Патріархъ, большой риторъ, началъ просить ее благословить на царство брата своего Бориса Өедоровича, который, «при блаженной памяти царѣ Өедорѣ Ивановичѣ, правилъ и содержалъ великія государства Російскаго царствія премудрымъ своимъ и милосердымъ правительствомъ». Потомъ патріархъ обратился къ Борису и говорилъ: «будь намъ, милосердый государь, царемъ и великимъ княземъ и самодержцемъ всеа Русіи, по божіей волѣ восприими *скифетро* православія Російскаго царствія; не дай въ попраніе православной вѣры, святыхъ божіихъ церквей въ оскверненіе и православныхъ христіанъ на расхищеніе!» Этими послѣдними выраженіями патріархъ показывалъ, чего ожидать, если бы бояре покусились захватить правленіе въ руки своей думы. Патріархъ намекалъ, что это было бы попраніемъ вѣры...

Борисъ, съ постнымъ, благочестивымъ видомъ смиренія и со слезами на глазахъ, отвѣчалъ:

«Не думайте себѣ того, чтобъ я хотѣлъ царствовать: мнѣ въ разумъ этого никогда не приходило и не будетъ того въ мысли моей. Какъ мнѣ помыслить на такую высоту царствія и на престолъ такого великаго государя, моего пресвѣтлаго царя? Намъ теперь только помышлять, какъ бы устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго государя моего царя и великаго князя Θедора Ивановича, всеа Руси самодержца; а о государствѣ и о земскихъ и всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять и править государствомъ тебѣ государю моему отцу святѣйшему Іову, патріарху московскому и всеа Руси, и боярамъ съ тобою. А если моя работа пригодится, то я за святыя божіи церкви, и за одну пядь земли, и за все православное христіанство и за ссущихъ младенцовъ готовъ излить кровь свою и положить голову!»

Патріархъ началъ ему доказывать, что онъ долженъ принять вѣнецъ, приводилъ примѣръ изъ ветхаго завѣта и византійской исторіи, когда лица не царскаго происхожденія пріобрѣтали славу своими заслугами военными и гражданскими и были за то избираемы на царство. Онъ указалъ на полновѣсный примѣръ св. царя Константина, который былъ хотя и сынъ цезаря, но избранъ не по наслѣдству; припомнилъ Θеодосія Великаго, облеченнаго въ порфиру отъ цезаря Граціана, упомянулъ о Маркіанѣ, Тиверіѣ, о Маврикіѣ, усыновленныхъ предшествовавшими имъ царями. Но Борисъ не поддавался риторикѣ и силѣ историческихъ свидѣтельствъ, упрямился и не хотѣлъ принимать царскаго достоинства. Люди удалились.

Патріархъ снова предпринималъ такія же торжественныя путешествія, и для бóльшей наглядности дворяне, расположенные къ Борису, взяли туда своихъ женъ и дѣтей: однихъ матери вели за руки, другихъ несли на рукахъ. Но и это не помогло: Борисъ со вздохами отрекался отъ царскаго бремени и говорилъ, что думаетъ теперь о спасеніи души, а не о мірскомъ величіи.

Тогда патріархъ сказалъ народу, что надобно подождать окончанія сорокоуста, потому что дѣйствительно Борисъ Θедоровичъ, по своему обычному благочестію, теперь предался молитвѣ за своего благодѣтеля—покойнаго царя Θедора Ивановича; а межъ тѣмъ нужно созвать изо всѣхъ городовъ людей всякаго чина и устроить земскій соборъ; коли всею землею станутъ его просить, то онъ тогда не дерзнетъ противиться.

Пособники Борисовы поѣхали по разнымъ городамъ наблю-

дать и устраивать, чтобы пріѣзжали въ Москву такіе, которые бы сказали слово за Бориса. Къ началу масляницы съѣхались въ Москву выборные люди, и составился земскій соборъ. Но это — какъ показываютъ подписи на утвержденной грамотѣ — былъ только призракъ собора, а не въ самомъ дѣлѣ соборъ. Представителями изъ земель были преимущественно настоятели монастырей (ихъ было до ста); они привыкли исполнять волю высшаго духовенства, и, разумѣется, безъ всякаго разсужденія соглашались на то, что велятъ имъ власти. Затѣмъ изъ свѣтскихъ бо̀льшая часть приходилась на долю дворянъ: ихъ было 119; они-то съ жильцами были расположены къ Борису. Выборныхъ изъ городовъ, также изъ дворянскаго званія, было только 33 человѣка; стольниковъ 41, стряпчихъ 19, жильцовъ 38, дьяковъ по приказамъ 26, головъ стрѣлецкихъ 5; собственно на долю народа приходилось: гостей 22, гостинной сотни два, суконной два; затѣмъ черносотенныхъ шестнадцать, и тѣ всѣ — московскіе. Изъ провинцій подписали изъ гостей: одинъ за Вотскую-пятину, другой изъ суконной сотни за ржевичей, третій изъ гостинной сотни за Шелонскую-пятину. На долю высшаго чиноначалія, то есть бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, приходилось болѣе пятидесяти. Не смотря на то, что въ числѣ составлявшихъ земскій соборъ, какъ видно по соображенію съ современными извѣстіями, были подготовленные друзья Борису, были тамъ и его недоброжелатели, но они должны были молчать: у Бориса было здѣсь двѣ силы, одна напереди — духовенство, другая позади — громада московской черни, которою его пособники могли помыкать какъ нужно.

Соборъ собрался первый разъ 17 февраля, въ Кремлѣ, въ пятницу на пестрой недѣлѣ. Патріархъ объявилъ, что освященный соборъ и бояре и служилые и всякіе люди, что находились въ Москвѣ, уже просили на царство Бориса Ѳедоровича, а онъ отрицался; теперь патріархъ предлагалъ, чтобъ члены собора объявили ему, патріарху, и всему освященному собору свою мысль, кому быть на государствѣ государемъ. Но не давши затѣмъ никому изъ прибывшихъ на соборъ сказать своей мысли, не допустивши ихъ ни разсуждать, ни спорить, Іовъ сказалъ: «А у меня Іова патріарха и у митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и у архимандритовъ и игуменовъ и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, дворянъ и приказныхъ и служилыхъ и у всякихъ людей и у гостей и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно: что намъ молить государя Бориса Ѳедоровича, и иного государя никого не хотѣть и не искать.»

Сторонники патріарха тотчасъ же стали доказывать, почему Борису Θедоровичу надлежитъ быть царемъ: восхваляли его добродѣтели, храбрость, оказанную противъ крымцевъ, щедрость, правосудіе, и основывали его кровное право на томъ, что царь Иванъ Васильевичъ повѣрилъ ему сына своего, и при Θедорѣ Ивановичѣ онъ правилъ всѣми дѣлами. Пришедшіе на соборъ увидали, что все духовенство за Бориса; имъ нечего было толковать, и они заявили скромно, что ихъ совѣтъ будетъ единъ съ совѣтомъ освященнаго собора. Тогда патріархъ объявилъ, что съ этихъ поръ «кто захочетъ искать иного государя, кромѣ Бориса Θедоровича и его дѣтей, противъ того всѣмъ свѣтскимъ стоять, какъ противъ измѣнника, всею землею, а патріарху и освященному собору отлучить его отъ церкви: того предадутъ проклятію и отдадутъ на кару градскому суду.» Послѣ такого рѣшительнаго и страшнаго постановленія, никто не посмѣлъ объявить иной думы, несогласной съ волею патріарха и освященнаго собора.

Патріархъ назначилъ три дня молиться, поститься и служить молебны, чтобъ милосердый Богъ преклонилъ сердце Бориса Θедоровича, чтобъ онъ оказалъ милость и принялъ вѣнецъ Московскаго государства; на четвертый же день, 20 февраля въ понедѣльникъ сырной недѣли, положилъ итти всѣмъ въ Новодѣвичій монастырь просить Бориса Θедоровича на царство. Въ эти дни пособники Бориса бѣгали между чѐрнью и объявляли, что кто не пойдетъ въ понедѣльникъ просить Бориса Θедоровича на царство, съ того возьмутъ пени 2 рубли. «Смотрите», говорили посадскимъ приставы, «когда придете, то плачьте, показывайте, что плачете, и кричите слезно и кланяйтесь Борису Θедоровичу; а кто такъ не будетъ дѣлать, тому дурно будетъ, когда Борисъ станетъ царемъ.»

Въ назначенный день патріархъ съ освященнымъ соборомъ и съ такъ называемыми выборными земскаго собора отправились въ Новодѣвичій монастырь. За этими выборными земскаго собора понеслась громадная сила московской посадской черни: мужчины, женщины, дѣти. Изъ тѣхъ, которые потомъ подписали избраніе и слѣдовательно принимали на себя совершеніе дѣла, многихъ тамъ и не было... Когда толпа ввалилась на дворъ Новодѣвичьяго монастыря, вышелъ Борисъ. И на этотъ разъ былъ онъ непреклоненъ. «Какъ я прежде сказалъ, и нынѣ тоже говорю (то были его слова): не думайте, чтобъ я помышлялъ о высотѣ царствія.» Тогда, возвратившись назадъ въ Кремль, патріархъ объявилъ, что нужно еще на другой день во вторникъ итти просить Бориса Θедоровича и нести святую икону Бо-

городицы-Одигитріи изъ Вознесенскаго монастыря. «Если Борисъ Ѳедоровичъ не согласится — говорилъ патріархъ — то мы съ освященнымъ соборомъ отлучимъ его отъ церкви божіей и отъ причастія святыхъ таинъ, и этимъ учинится святыня въ попраніи и христіанство въ разореніи, и погибнетъ въ безгосударное время народа множество, и междоусобная брань воздвигнется, и то все пусть взыщетъ Богъ на Борисѣ Ѳедоровичѣ въ день страшнаго суда. А мы тогда свои святительскіе саны снимемъ и панагіи сложимъ и облечемся въ одежды простыхъ мниховъ, и за ослушаніе Бориса Ѳедоровича не будетъ въ святыхъ церквяхъ литургисанія; и все то взыщетъ Богъ съ Бориса Ѳедоровича.»

Этимъ объявленіемъ Іовъ еще болѣе сдѣлалъ невозможнымъ противодѣйствіе: всякъ, кто бы осмѣлился говорить противъ Бориса, былъ бы врагъ церкви; значитъ, тотъ не желалъ, чтобъ отправлялось святое богослуженіе, которое считалось залогомъ благосостоянія страны и ея жителей.

На этотъ разъ приставы и пособники Борисовы согнали еще болѣе народа, чѣмъ было его вчера; многихъ привлекала нарядность шествія, и колокольный звонъ возбуждалъ ихъ слѣдовать за другими.

На встрѣчу чудотворной иконѣ вышелъ самъ Борисъ, поклонился до земли и сказалъ: «О святый отецъ и государь мой, Іовъ патріархъ! почто воздвигъ чудныя чудотворныя иконы пречистыя Богородицы и честные кресты, и сотворилъ такой многотрудный подвигъ?»

— «Не мы этотъ подвигъ сотворили—отвѣчалъ патріархъ—а пречистая Богородица съ превѣчнымъ младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусъ-Христомъ и съ великими чудотворцами возлюбила тебя и изволила притти напомнить тебѣ святую волю Сына своего Бога нашего. Не будь противенъ воли Божіей; повинись святой его волѣ; не наведи ослушаніемъ на себя праведнаго гнѣва Божія.»

Борисъ ушелъ въ сестрину келью. Патріархъ съ освященнымъ соборомъ пошелъ въ храмъ, отслужилъ обѣдню, и потомъ вошелъ въ келью. Толпа народа стояла на дворѣ. Нѣсколько приверженцевъ Бориса, бояръ и окольничьихъ, смотрѣли въ окно кельи и подавали приставамъ знаки руками; приставы заставляли народъ съ воплями кланяться и плакать. Изъ раболѣпства и страха за будущее москвичи за недостаткомъ слезъ мазали глаза слюнями; а тѣхъ, которые неохотно вопили и дурно кланялись, Борисовы пособники понуждали къ этому пинками въ спину. Тѣ, говоритъ лѣтопись, хоть и не хотѣли, а поневолѣ

вали по волчьи*). Патріархъ и архіереи, будучи въ кельѣ, указывали Борису въ окно и просили его посмотрѣть на трогательное зрѣлище плачущаго народа.

Борисъ все упрямился, изъявлялъ готовность работать для государства, жизнь приносить ему, но отрекался отъ вѣнца ради своего недостоинства. Патріархъ и архіереи, истощивши стараніе тронуть сердце Бориса видомъ плачущаго народа русскаго, наконецъ, стали грозить, что онъ принесетъ Богу отвѣтъ, если въ безгосударное время окрестные государи порадуются сиротству русскаго государства, и будетъ въ попраніи святая непорочная вѣра, а православные христіане въ расхищеніи отъ иноземцевъ.

Тогда инокиня Александра подала согласіе. Борисъ еще упирался: «Неужели тебѣ, моей государынѣ, угодно возложить на меня толико неудобоносимое бремя, и ты ли возводишь меня на такой превысочайшій престолъ, о чемъ у меня никогда и мысли не было и на разумъ не всходило! Я всегда при тебѣ хочу оставаться и зрѣть святое пресвѣтлое равноангельское лицо твое».

— «Слышь, братецъ мой единокровный — сказала инокиня Александра — это Божіе дѣло, а не человѣческое: какъ будетъ воля Божія, такъ и сотвори!»

Тогда Борисъ, съ видомъ скорби отъ принужденія, залился слезами и говорилъ: «Господи Боже, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ! Если тебѣ то угодно, да будетъ святая твоя воля! Я твой рабъ: спаси меня по милости твоей и соблюди по множеству щедротъ твоихъ! Если на то воля Бога, пусть такъ будетъ!» — прибавилъ онъ, обратившись къ патріарху и къ прочимъ.

Тутъ патріархъ въ восторгѣ упалъ на колѣни, за нимъ духовные и бояре, находившіеся въ кельѣ, также стали на колѣни. Всѣ крестились и патріархъ говорилъ: «Слава благодѣтелю всещедрому Богу! не презрѣлъ слезъ нашихъ и послалъ святого Духа въ сердца великой государынѣ царицѣ и государю Борису Ѳедоровичу!»

Патріархъ благословилъ Бориса, сестру его и жену Борисову, которая тутъ же находилась. Потомъ всѣ вышли изъ кельи, и патріархъ объявилъ народу, что, наконецъ, «Борисъ Ѳедоровичъ пожаловалъ хочетъ быть на великомъ Россійскомъ царствіи.» Раздался радостный крикъ: *слава Богу!* а пристава толкали и пихали москвичей, чтобъ они кричали погромче и повеселѣе, и благодарили инокиню Александру и Бориса Ѳедоровича за то, что не оставили ихъ въ сиротствѣ.

---

*) Лѣт. иное сказаніе о самозв. Времен. 16.

26 февраля пріѣхалъ Борисъ въ Москву, кланялся кремлевской святынѣ; на эктеніи провозгласили его богоизбраннымъ царемъ. Чтобъ внушить къ себѣ болѣе уваженія, съ наступленіемъ поста онъ уѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь снова, какъ будто на постный подвигъ. Тогда патріархъ, чтобъ не дать выборнымъ возможности одуматься, составилъ *утвержденную грамоту* и заставилъ ихъ подписаться.

Борисъ пробылъ въ монастырѣ весь постъ и всю Пасху, и пріѣхалъ въ Москву только черезъ недѣлю послѣ Пасхи, а вѣнчался на царство уже въ сентябрѣ. Лѣтомъ онъ ходилъ съ войскомъ противъ крымцевъ, угрожавшихъ нашествіемъ, съ которыми однако не пришлось ему побиться. При своемъ вѣнчаніи, Борисъ сказалъ въ церкви громко: «Богъ свидѣтель, отче: въ моемъ царствіи не будетъ нищихъ или бѣдныхъ!» Взявшись рукою за воротникъ рубашки, онъ прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми!» *).

Главнѣйшею опорою царя въ его царствованіе былъ патріархъ Іовъ. Это былъ одинъ изъ такихъ духовныхъ сановниковъ, общихъ всѣмъ временамъ, которые, съ дѣйствительнымъ обрядовымъ постничествомъ и обрядовымъ благочестіемъ, упивались собственнымъ величіемъ и спокойствіемъ собственной совѣсти, были себялюбцы и угодники сильныхъ міра. Не смотря на свое риторство, патріархъ Іовъ не былъ на столько образованъ, чтобы всегда искусно закрывать наружнымъ благочестіемъ то, что было внутри души у него. Такъ, въ своей отреченной грамотѣ, которую онъ писалъ въ 1604 году, онъ расточаетъ похвалы Борису за то, что оказывалъ милости во время пребыванія его на Коломенской, Ростовской и митрополичьей Московской епархіяхъ, и говоритъ, что когда сдѣлался патріархомъ то, былъ отъ него честимъ и пребывалъ въ благоденствіи; а когда Борисъ сдѣлался царемъ, то онъ очень былъ этому радъ, а Борисъ упокоилъ его во всѣ дни живота его **). Патріарху не было дѣла до поведенія и правленія Бориса; лишь бы онъ самъ, патріархъ, проводилъ тихое и благоденственное житіе, достигая въ спокойствіи царствія Божія.....

Царь Борисъ былъ тогда сорока семи лѣтъ отъ роду, по наружности высокій ростомъ, плотенъ, съ черными волосами и бородой, круглолицъ, плечистъ, чрезвычайно льстивъ на словахъ, глаза его внушали страхъ и повиновеніе***). Борисъ хорошо зналъ

---

*) Врем. XVI, 85.
**) Собр. гос. грам. II, 180.
***) Smith, 26.

кіе извычаи и обычаи тогдашней боярщины, никому не довѣрялъ, ни на кого не полагался и былъ до крайности подозрителенъ, и страшился, чтобъ его и роду его не сдѣлали зла чародѣйственными способами.

Въ записи, по которой Борисъ требовалъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, главное вниманіе обращено на волшебство. Эта вѣра въ волшебство была обычною чертою времени; но въ крестоцѣловальныхъ записяхъ другихъ государей не говорится объ этомъ столько, сколько въ Борисовой. Но пока онъ не видалъ противъ себя явныхъ козней, онъ казался добрымъ, и въ самомъ дѣлѣ осторожность его не была опасна прежде, чѣмъ его не раздражали дѣйствительнымъ злоумышленіемъ.

III.

Въ первые два года своего царствованія, Борисъ дѣлалъ все, чтобы привязать къ себѣ народъ и утвердить любовь къ себѣ и своему роду. Онъ хотѣлъ удивить его льготами сначала; а потомъ можно будетъ снова повести дѣла по обычаю. И вотъ, Борисъ освободилъ сельскій народъ отъ всѣхъ податей на одинъ годъ, далъ торговымъ людямъ право безпошлинной торговли на два года; служилымъ людямъ выдалъ одновременно двойное годовое жалованье. Его огромныя богатства, накопленныя имъ въ царствованіе Ѳедора, дозволяли ему показывать всевозможнѣйшую щедрость. Разные края получали свои льготы. Такъ, въ Новѣгородѣ царь упразднилъ созданные имъ же два кабака, которые уже много лѣтъ причиняли жителямъ тѣсноту и нужду. Сложилъ съ гостей и съ посадскихъ людей лавочные денежные оброки и не велѣлъ отдавать на откупъ мелкіе промыслы, предоставивъ пользоваться ими молодымъ посадскимъ людямъ. Въ Корельскомъ уѣздѣ и въ городѣ дана была льгота отъ всѣхъ поборовъ на десять лѣтъ *). Въ Сибири и восточной Россіи уволены были инородцы на годъ отъ платежа ясака **). Борисъ зналъ, какъ народъ русскій уважаетъ нищелюбіе и былъ чрезвычайно щедръ на подачу милостины: никто изъ нуждающихся, подавши ему челобитную, не возвращался отъ него, не почувствовавъ щедрости царской. Вдовы, сироты получали вспоможеніе. Безпрестанно онъ кормилъ и одѣлялъ неимущихъ. «Около него—говоритъ современное извѣстіе—аки море яденія и езеро питія разливашеся ***).

*) Доп. I, 253.
**) Собр. госуд. грам. II, 156.
***) Погод. сборн. 1446.

Сидѣвшіе прежде въ тюрьмѣ пріобрѣтали свободу; опальные прежняго царствованія получали прощеніе; имъ возвращено отнятое достояніе. Милости полились на лицъ близкихъ къ верховной власти: тѣмъ далъ онъ боярство, другимъ окольничество или стольничество. Не было казней. Борисъ наказывалъ только воровъ и разбойниковъ, и то не смертію. Борисъ говорилъ, что наказаніе у него будетъ растворено милосердіемъ. Выказываясь блюстителемъ нравственности, Борисъ преслѣдовалъ безчинное пьянство, говорилъ, что хорошо если кто дома съ гостьми будетъ пить и веселиться, но не терпѣлъ уличнаго пьянства, содержателямъ корчемъ приказывалъ оставить свои занятія, обѣщалъ имъ, въ случаѣ, если они не имѣютъ другихъ средствъ пропитанія, дать земли и помѣстья для того, чтобъ они занимались честнымъ земледѣліемъ *); это нравилось благочестивымъ и добронравнымъ людямъ. Всѣ эти блестящія явленія имѣли съ перваго взгляда только временной характеръ, уже и потому что льготы, расточаемыя Борисомъ по вступленіи на престолъ, освобождали народъ отъ такихъ тягостей, которыя самъ же Борисъ ввелъ при Ѳедорѣ; все это было только на годъ, на два, потомъ все пошло бы по старому. Борису нужно было только, чтобы на первыхъ порахъ, послѣ его воцаренія, народъ охотно повиновался ему, былъ имъ доволенъ и прославлялъ его. Въ тоже время Борисъ ласкалъ и привлекалъ къ себѣ иностранцевъ и окружалъ себя вступившими въ московскую службу. Такъ, онъ поселилъ въ Москвѣ недалеко отъ Кремля, въ дворахъ русскихъ бояръ (вѣроятно опальныхъ), ливонскихъ выходцевъ, искавшихъ убѣжища во время войны Польши со Швеціею **); ихъ надѣлили въ Московской землѣ жалованьемъ и помѣстьями. Еще при Ѳедорѣ въ войскѣ московскомъ было уже до пяти тысячь иностранцевъ; при Борисѣ, ихъ опредѣлилось на службу еще болѣе. Можетъ быть, Борисъ хотѣлъ на будущее время составить около себя стражу, не привязанную къ туземнымъ интересамъ, чуждую побужденій страны, обязанную въ ней одному государю, готовую, поэтому, охранять пользу государя и въ такомъ случаѣ, когда бы противъ государя нашлось что-нибудь враждебное въ подвластной странѣ; сверхъ того, ему хотѣлось, чтобы въ иноземныхъ государствахъ знали о немъ и притомъ знали съ хорошей стороны, чтобы такимъ образомъ не только въ своей землѣ, но и въ чужихъ, утвердилась привычка считать его законнымъ и достойнымъ государемъ Мо-

*) Buss. 8.
**) Buss. 14.

сковскаго царства. Наконецъ, Борисъ понималъ превосходство западной Европы и необходимость усвоить пріемы ея образованности для охраненія престола и удобства царской жизни. Такимъ образомъ, онъ выписывалъ изъ-за границы аптекарей, лекарей, зодчихъ, литейныхъ мастеровъ; что это дѣлалось собственно для царя, а не для народа, показываетъ то, что лекарямъ запрещалось лѣчить кого бы то ни было, безъ воли царя, не исключая и бояръ.

Сразу заявилъ Борисъ, что онъ не ограничивается желаніемъ поцарствовать самъ, но заранѣе хочетъ утвердить наслѣдственное преемничество въ своемъ родѣ. Онъ сталъ писать грамоты не только отъ себя, но вмѣстѣ отъ сына, приготовлялъ его къ правленію и при всякомъ случаѣ выставлялъ, какъ будущаго царя и даже при жизни отцовской соправителя. Всѣ стремленія, всѣ поступки Бориса были направлены къ единой цѣли, чтобъ утвердить родъ свой на престолѣ и расположить къ этому народъ Московскаго государства. Онъ выдумалъ особую молитву о своемъ здравіи и приказалъ читать ее народно во время заздравныхъ чашъ: ни одинъ пиръ, не долженъ былъ проходить безъ питья заздравной царской чаши съ этой молитвой.

Такъ прошелъ конецъ 1598, прошелъ 1599 годъ, истекалъ 1600. Царство Бориса шло мирно и спокойно. Это время казалось золотымъ вѣкомъ для Москвы. Скоро измѣнилось все. Не смотря на всѣ щедроты Бориса, его не любили. Его бы не избрали въ цари, если бы избраніе происходило правильнымъ порядкомъ, если бы духовенство и московская чернь не порѣшили тогда судьбы русской земли. Московскіе люди понимали, что всѣ знаки царскаго добродушія истекаютъ изъ одного желанія утвердить за собою похищенную власть, что Борисъ только обольщаетъ народъ. Люди родовитые съ омерзѣніемъ видѣли на царскомъ престолѣ потомка Мурзы Четя, природнаго татарина, тогда какъ были княжескіе роды гораздо его знаменитѣе. Мысль, что потомство татарской крови утвердится на престолѣ московскомъ на будущія времена, оскорбляла народное самолюбіе тѣхъ, кому была знакома исторія русской земли и кто дорожилъ ею, какъ святынею. Но дѣло было искусно обдѣлано. Борисъ, въ качествѣ избраннаго всею землею, вѣнчанный, помазанный, поддерживаемый патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ, былъ крѣпокъ какъ нельзя болѣе. Онъ казался вполнѣ законнымъ государемъ, и никакой потомокъ Рюрика или Гедимина не въ силахъ былъ поставить своихъ родовыхъ преимуществъ противъ величайшихъ правъ народнаго избранія и церковнаго освященія. Столкнуть Бориса и не допустить родъ его до вѣнца, можно было только

такимъ именемъ, за которымъ бы, прежде возведенія Бориса, народъ признавалъ право занять престолъ московскій. Такимъ именемъ было одно имя—имя Димитрія царевича. Правительство, объявивши разъ, что этотъ царевичъ въ дѣтствѣ зарѣзался, старалось, чтобы не говорили о немъ въ этомъ мірѣ, хотѣло, чтобъ всѣ русскіе люди забыли его. Между тѣмъ въ народѣ шопотомъ продолжали обвинять Бориса въ убійствѣ царственнаго дитяти. Казни въ Угличѣ, переселеніе жителей этого города въ Сибирь, заточенія и ссылки, которыя послѣдовали послѣ смерти царевича, гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался не вѣрить, что царевичъ—самоубійца, все это уже бросило черное пятно на Бориса. Въ судьбѣ Димитрія оставалось много таинственнаго, не разгаданнаго. Эту таинственность поддерживала двойственность представленія его смерти: приказывали вѣрить, что онъ самъ себя убилъ, и не вѣрилось этому, потому что въ оное время, близкое къ его смерти, столько людей пострадало за то, что иначе понимали его смерть. Среди этой неизвѣстности, легко могъ получить вѣру третьяго рода слухъ, что убитъ былъ не Димитрій, а подмѣненный заранѣе мальчикъ, самъ же Димитрій здравствуетъ и готовится гласно потребовать отъ Бориса своего наслѣдія.

И вотъ, въ 1600 году, сталъ разноситься слухъ, будто Димитрій не убитъ, а предохраненный друзьями проживаетъ до сихъ поръ. Этотъ слухъ доходилъ до Маржерета, служившаго въ числѣ иноземцевъ француза, и безъ сомнѣнія дошелъ тогда же до Бориса. Эта роковая вѣсть перевернула Годунова и измѣнила до корня. Мягкосердечіе его исчезло. Въ немъ проснулся прежній Борисъ Годуновъ, воспитанникъ страшныхъ годовъ ивановской опричнины, не содрогавшійся ни предъ чѣмъ истребитель Углича, гонитель Шуйскихъ и всѣхъ враговъ своихъ, правитель царства Өедорова. Цѣль его жизни была утвердить свой родъ на престолѣ; для этой цѣли онъ былъ жестокимъ и суровымъ; для этой цѣли сдѣлался добродушнымъ и милосерднымъ; кроткія средства не удавались теперь: для той же цѣли ему приходилось опять сдѣлаться подозрительнымъ, мрачнымъ, свирѣпымъ. Онъ увидалъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ явиться страшное орудіе. Надобно было найти это орудіе, истребить своихъ враговъ; или же приходилось потерять плоды трудовъ всей жизни, ожидать себѣ и своему роду позора и гибели. Его положеніе было таково, что онъ не могъ, не смѣлъ объявить, чего онъ ищетъ, кого преслѣдуетъ, какого рода измѣны страшится; заикнуться о Димитріѣ значило бы вызывать на свѣтъ ужасный призракъ. Притомъ же Борисъ долженъ былъ сообразить въ тѣ минуты, что онъ не можетъ сказать, что увѣренъ

въ смерти Димитрія. Онъ не видалъ убійцъ его, да если бы и видалъ, если бы вполнѣ былъ убѣжденъ, что въ Угличѣ зарѣзали царственнаго отрока, то и тогда не могъ бы поручиться, что зарѣзанный былъ настоящій Димитрій, что царевича не спасли заранѣе и не подмѣнили другимъ мальчикомъ. Оставалось хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ воцарившемуся государю, пытать ихъ, мучить, чтобъ такимъ образомъ случайно попасть на слѣдъ желаемой тайны. Такъ Борисъ и сталъ поступать. Еслибы Борисъ зналъ подлинно, кто враги его, то только на нихъ бы налегъ, и ихъ гибелью окончилось бы все дѣло; но онъ только подозрѣвалъ, а не былъ увѣренъ. Вѣроятно, во время отказовъ своихъ отъ вѣнца, Борисъ старался вывѣдать, не проявится ли кто изъ его недруговъ, чтобы впослѣдствіи знать, кого слѣдуетъ ему бояться и уничтожить. Но онъ не достигъ цѣли. Враги его не смѣли тогда выявиться вполнѣ; Борисъ оставался въ невѣдѣніи, и теперь, когда услышалъ, что толкуютъ о Димитріѣ, соображалъ, что вѣрно гдѣ-то ему пріискиваютъ Димитрія, можетъ быть фальшиваго, а можетъ быть и настоящаго; ему приходилось искать враговъ, перебирать по одному подозрѣнію много невинныхъ, чтобъ найти виновныхъ.

На перваго онъ напалъ на Богдана Бѣльскаго; этотъ человѣкъ былъ ближе всѣхъ къ Димитрію. Царь Иванъ Васильевичъ поручалъ ему охранять свое дѣтище. Борисъ всегда считалъ его себѣ опаснымъ, въ 1599 году удалилъ изъ Москвы и послалъ въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій зажилъ тамъ богато и знатно, состроилъ крѣпкій городъ, набралъ на свой счетъ войско, кормилъ, одѣвалъ, жаловалъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріѣ, Борисъ, не упоминая объ этомъ имени, придрался къ Бѣльскому за то, что онъ, какъ доносили царю, будучи въ Царевѣ-Борисовѣ, въ веселый часъ произнесъ неосторожныя слова: «царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я царь въ Царевѣ-Борисовѣ!» Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь позорилъ его, поругался надъ нимъ, приказалъ доктору своему шотландцу выщипать ему густую, красивую бороду, которою Бѣльскій гордился. Его сослали куда-то на Низъ и заточили въ тюрьму. Ссылка постигла и другихъ, которые были съ Бѣльскимъ въ Царевѣ-Борисовѣ, и въ томъ числѣ пріятеля его Аѳанасія Зиновьева.

Слѣдъ Димитрія не былъ отысканъ. Борисъ, растоптавъ Бѣльскаго, принялся за другихъ. Пострадала вся фамилія Романовыхъ и нѣсколько другихъ родственныхъ и дружескихъ съ нею знатныхъ фамилій. Романовы находились въ дружелюбныхъ отноше-

ніяхъ съ Бѣльскимъ: впослѣдствіи одинъ изъ сосланныхъ Романовыхъ невольно высказалъ это высокимъ мнѣніемъ объ умѣ и способностяхъ Бѣльскаго. Притомъ же Романовы были и безъ того бѣльмомъ въ глазу у Бориса. Это былъ родъ самый близкій къ прежней династіи и самый любимый народомъ. Если Борисъ вступилъ на престолъ, будучи шуриномъ покойнаго царя, то Романовы также могли добиваться вѣнца, будучи двоюродными братьями по матери царя Ѳедора Ивановича. На сторонѣ ихъ были и память добродѣтельной Анастасіи, и безукоризненное ихъ всѣхъ поведеніе, и непричастность ихъ рода къ тяжелому времени опричнины. Въ народѣ носились слухи, будто царь Ѳедоръ предъ смертію хотѣлъ, чтобъ вѣнецъ царскій перешелъ по избранію Романовымъ, а не Борису. Понятно, что при такой обстановкѣ Романовы не были расположены къ Борису, и Борисъ могъ подозрѣвать Романовыхъ, когда ему приходилось отыскивать тайнаго зла противъ себя. Нужно было потормошить Романовыхъ: авось либо у нихъ найдутъ нити, по которымъ можно добраться до тайны; нужно было потомъ во всякомъ случаѣ избавиться отъ нихъ навсегда. По извѣстіямъ сообщаемымъ лѣтописями, Борисъ придрался къ нимъ такимъ образомъ: одинъ изъ холопей Александра Никитича Романова, Второй-Бартеневъ, явился къ окольничьему Семену Годунову, родственнику и клеврету царя Бориса, и предложилъ свои услуги— донести на Романовыхъ. Семенъ тотчасъ же обѣщалъ ему царское жалованье. Тогда Второй-Бартеневъ наклалъ въ мѣшокъ разныхъ кореньевъ и положилъ этотъ мѣшокъ въ казну Александра Никитича, а потомъ сдѣлалъ доносъ, будто у его боярина есть коренья, которыми онъ хочетъ извести царя и добыть вѣдовствомъ царства. Когда Семенъ донесъ объ этомъ, царь послалъ сдѣлать обыскъ, вмѣстѣ со Вторымъ-Бартеневымъ, окольничаго Михайла Глѣбовича Салтыкова, будущаго измѣнника и предателя Русской земли. Обыскали Александра Никитича, взяли заповѣдной мѣшокъ и понесли къ патріарху Іову; изъ мѣшка вынуты были коренья и положены на столъ при патріархѣ и при другихъ лицахъ изъ знатнаго духовенства. Улика была на лицо. Дѣлавшіе обыскъ ссылались на Второго-Бартенева, какъ на свидѣтеля, несмотря на то что онъ же былъ и доносчикъ. Такъ писано въ нашихъ лѣтописяхъ; но историческая критика едва ли можетъ дозволить принять на вѣру эти извѣстія: лѣтописныя сказанія написаны очевидно уже послѣ, въ XVII вѣкѣ. Дѣло, которое производилось о Романовыхъ, не дошло до насъ, и мы не знаемъ подлинно, какую вину нашли тогда за Романовыми. Извѣстно только, что начали брать Романовыхъ-братьевъ одного

за другимъ и приводить къ сыску. У нихъ были враги между боярами; желая поддѣлаться къ царю, они ругались надъ Романовыми и старались показать ихъ виновными. На сыскѣ Романовыхъ истязали. Нѣкоторые изъ холопей Романовыхъ оказали такую преданность господамъ своимъ, что претерпѣвали муки и умирали отъ истязаній. Царь Борисъ осудилъ всѣхъ братьевъ съ ихъ семьями какъ измѣнниковъ и злодѣевъ своихъ, и сослалъ ихъ въ разныя отдаленныя мѣста. Александра сослали къ Бѣлому морю въ усолье Луду; его тамъ скоро не стало; по извѣстію лѣтописца, его удавилъ приставъ Лодыженскій. Василія Никитича съ приставомъ Некрасовымъ сослали въ Яренскъ, а потомъ въ Пелымъ; этотъ бояринъ пострадалъ отъ жестокостей своего пристава Некрасова: онъ надѣлъ на узника тяжелыя цѣпи, мучилъ и билъ вопреки приказаніямъ самого Бориса, а оправдывался тѣмъ, что Романовъ укралъ у него ключь отъ цѣпи и хотѣлъ убѣжать. Туда же сослали и брата его Ивана Никитича, больного невладѣвшаго рукою. Борисъ не былъ изъ такихъ тирановъ, которые находятъ себѣ наслажденіе въ страданіяхъ тѣхъ, кого считаютъ врагами. Онъ только охранялъ самого себя, былъ рѣшителенъ въ этомъ, но стѣснялъ опасныхъ людей на столько, чтобы они ему не могли быть вредны. По этому Борисъ вовсе не приказывалъ мучить братьевъ, сосланныхъ въ Пелымъ. Онъ велѣлъ имъ дать особый дворъ съ двумя избами, давать имъ по калачу и по два денежныхъ хлѣба въ сутки, въ скоромные дни по части говядины и по три части баранины, а въ постные дни рыбы, не накладывать цѣпей, — но велѣлъ не допускать къ нимъ никого, не дозволять ни съ кѣмъ переписываться, слѣдить за ихъ каждымъ словомъ. Слуги Борисовы показывали свое усердіе къ царю больше, чѣмъ царь требовалъ. Василій Никитичъ скоро умеръ въ Пелымѣ отъ дурного содержанія и худого обращенія. Михайла Никитича отослали съ приставомъ Романомъ Тушинымъ, заточили за 30 верстъ отъ Чердыни въ Наробской волости и держали въ земляной тюрьмѣ. О немъ сохранилось преданіе, что онъ былъ силачъ; и теперь хранятся въ Наробской церкви его цѣпи: плечныя въ 12, ножныя въ 19, а замокъ на нихъ въ 10 фунтовъ. Приставы и сторожа истязали его, но не по приказанію Бориса.

Всѣхъ ихъ разлучили съ семьями. Болѣе всѣхъ братьевъ отличался Ѳеодоръ Нититичъ, отъ природы умный, острый, любезный и привѣтливый съ русскими и съ чужеземцами, любознательный и начитанный, знакомый даже не много съ латынью; никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ; не было въ Москвѣ красивѣе мужчины, такъ что красота его вошла въ пословицу, и

если портной, сдѣлавши платье и примѣривъ его, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «теперь ты совершенно Θедоръ Никитичъ.

«Говорятъ, что еще при царѣ Θедорѣ Ивановичѣ принудили его жениться на бѣдной дѣвушкѣ, жившей у сестры его княгини Черкаской, вѣроятно съ цѣлію унизить его. Но онъ нашелъ добрую жену въ этой незнатной дѣвицѣ, урожденной Шестовой. Этого-то щеголя московскаго постригли насильно въ Сійскомъ монастырѣ и приставили къ нему строгій надзоръ; жену его Ксенію Ивановну разлучили съ малолѣтними дѣтьми, постригли подъ именемъ Марθы и сослали въ Егорьевскій погостъ Толвуйской волости въ Заонежьѣ; малолѣтнихъ дѣтей ея, мальчика Михайла и дѣвочку, сослали на Бѣлоозеро съ теткою ихъ, сестрою Романовыхъ, дѣвицею Анастасіею. Туда же сослали мужа другой сестры Романовыхъ, князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго, съ женою и дѣтьми. Постригли и мать Ксеніи Ивановны, Марью Шестову. Сослали по дѣлу Романовыхъ многихъ другихъ свойственниковъ и друзей ихъ, въ томъ числѣ князя Ивана Васильевича Сицкаго, бывшаго воеводою въ Астрахани: его привезли изъ Астрахани въ оковахъ, разлучили съ женою и сослали въ Кожеозерскій монастырь а жену въ Сумскую пустынь; сослали также князей Репниныхъ, Карповыхъ и Шестуновыхъ. Вскорѣ участь ихъ нѣсколько была облегчена: такъ, Ивана Никитича перевели въ Нижній Новгородъ. Θедоръ Никитичъ до конца Борисова страдалъ въ Сійскомъ монастырѣ, и приставъ Воейковъ долженъ былъ доносить о рѣчахъ, о всякомъ шагѣ его Борису.

Но Филаретъ былъ слишкомъ для тогъ уменъ и остороженъ, чтобъ Воейковъ могъ услышать отъ него что нибудь важное. Только и могъ Воейковъ донести, что старецъ Филаретъ говорилъ: «бояре мнѣ великіе недруги, искали головъ нашихъ, научали говорить на насъ людей нашихъ: я самъ видѣлъ то неоднажды. У нихъ теперь нѣтъ ни одного разумнаго; не сдѣлаетъ съ ними царь никакого дѣла; только и есть умный человѣкъ, что Богданъ Бѣльской — тотъ досужъ и къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ....» Передъ приставомъ Филаретъ вспомнилъ о семьѣ и показывалъ видъ что не знаетъ ничего объ ней и говорилъ: «милыя мои дѣтки! маленьки бѣдные остаются! Кто ихъ будетъ кормить и поить! А жена моя бѣдная наудачу уже жива ли! гдѣ она? чаю, гдѣ-нибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже чтò надобно! Тò мнѣ и лихо, что жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ! Много они мнѣ мѣшаютъ. Дай Господи услы-

шать, чтобъ ихъ раньше Богъ прибралъ, — я бы тому обрадовался; чаю, и жена сама тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одинъ своею душою.» А между тѣмъ, не смотря на всю строгость, Филаретъ зналъ, гдѣ его жена и дѣти; находились добрые люди, которые облегчали участь страдальцевъ. Въ Толвуйской волости былъ попъ Ермолай и нѣкоторые крестьяне, которые освѣдомлялись о положеніи Филарета и сообщали объ немъ извѣстія женѣ его, и отъ ней переносили вѣсти ему. Они какъ будто предчувствовали, что эта погибшая, повидимому, фамилія будетъ въ состояніи вознаградить, за это сочувствіе къ ея несчастію, всѣхъ ихъ потомковъ.

И другія фамиліи испили подобную чашу. Такъ, семейство Пушкиныхъ, по доносу своихъ холоповъ, было разослано въ Сибирь; ихъ помѣстья и вотчины описаны, имущество распродано, а доносчики получили награды. Дьяку Щелкалову не прошло даромъ, что онъ читалъ народу о присягѣ боярской думѣ: и его сослали въ 1602 году*).

Подозрительный до крайности Борисъ каждую минуту боялся за свой вѣнецъ, за свое существованіе, за свой родъ и былъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. Желанный Димитрій не отыскивался; но Борисовы агенты провѣдали и донесли царю, что тайные враги спроваживаютъ этаго Димитрія за рубежъ въ Польшу. Донесли также Борису, что уже и въ Польшѣ поговариваютъ, будто живъ законный наслѣдникъ прежнихъ государей Московскаго государства. Борисъ, по прежнему не упоминая имени Димитрія, приказалъ устроить на западной границѣ караулы, не пропускать никого черезъ границу хоть бы съ проѣзжею памятью, но всѣхъ велѣлъ задерживать и доносить ему объ нихъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно было ѣздить изъ города въ городъ, — говоритъ Маржеретъ. Всѣ знали, что ищутъ какихъ то важныхъ государственныхъ преступниковъ, но никому не объявляли: кого именно ищутъ. Народъ испыталъ много тѣсноты, оскорбленій; много было схвачено и перемучено невинныхъ людей, а того, кого Борису было нужно, не нашли. Награды за доносы привлекали къ этимъ занятіямъ. По московскимъ улицамъ — говоритъ современникъ**) — то и дѣло сновали мерзавцы да подслушивали, что въ народѣ говорится, и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ — сейчасъ говоруновъ хватаютъ, и въ пытку. Не прохо-

*) Карамз. т. X. примѣч. 156 и 161.
**) Is. Mass. 46.

дило пира, чтобъ на немъ не было соглядатаевъ; гдѣ только люди соберутся, такъ и доносчики явятся. «И сталось, говоритъ Русскій Лѣтописецъ (Никоновск. лѣт. 41), у Бориса въ царствѣ великая смута: доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, и черницы и проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносили.» Бояре и боярыни доносили одни на другихъ — первые царю, вторыя царицѣ; такъ, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій (впослѣдствіи, въ 1612 г., бывшій предводитель ополченія противъ поляковъ), при Борисѣ былъ доносчикомъ на князя Бориса Лыкова, а мать его княгиня Марья доносила царицѣ на мать Лыкова и на жену Василія Өеодоровича Скопина-Шуйскаго (мать знаменитаго въ смутное время Михайла Васильевича), будто эти женщины неуважительно отозвались о царевнѣ Ксеніи, Борисовой дочери. Опала постигла ихъ.

Обвиняемыхъ въ недоброжелательствѣ къ государю и въ злоумышленіяхъ обыкновенно подвергали пыткамъ, и, если они подъ пыткою оказывались сколько-нибудь виновными, заключали въ темницы или разсылали по отдаленнымъ землямъ. Имущества опальныхъ брали въ казну или раздавали доносчикамъ. Борисъ воспользовался положеніемъ холоповъ и ихъ естественною непріязнью къ господамъ. Въ тѣ времена господинъ безъ крѣпостнаго акта могъ покуситься на свободу служившаго у него человѣка, и сильный всегда могъ оскорбить, закабалить, примучить слабаго. Зато холопу, если ему тяжело становилось холопство, былъ прекрасный способъ освободиться отъ рабства—донести на господина. Первый примѣръ показалъ тогда Борисъ надъ Воинкомъ, холопомъ князя Шестунова. Этотъ человѣкъ донесъ на своего господина, а царь за то наградилъ его помѣстьемъ, да еще велѣлъ объявить объ этомъ всенародно, чтобъ другимъ былъ примѣръ. Два-три такихъ случая разлакомили холоповъ; вошло у нихъ въ обычай составлять на господъ доносы; сойдется ихъ иногда человѣкъ пять-шесть и больше: подговорятъ лживыхъ свидѣтелей и подадутъ въ приказъ челобитную на царское имя. По этимъ челобитнымъ начинался сыскъ. Кромѣ тѣхъ, на кого прямо доносили, къ дѣлу притягивались родственники, друзья, сосѣди обвиненныхъ, и чуть извѣтъ казался правдоподобнымъ — господъ поражала опала, а холопы получали свободу; ихъ записывали въ число служилыхъ; имъ давали помѣстья. Случалось, господа въ свое оправданіе ссылались на другихъ своихъ холоповъ — тѣ стояли за господъ: ихъ предавали пыткамъ, и если они не переносили кнута и горячихъ угольевъ и путались въ показаніяхъ — имъ рѣзали языки, иногда и вѣшали за приверженность къ господамъ въ ущербъ царской безопасности. Всего

чаще обвиняли господъ въ вѣдовствѣ. Скрывая упорно главнѣйшую причину розысковъ, Борисъ гласно высказывалъ другого рода страхъ: чтобъ его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями, и достаточно было голословнаго слуха о вѣдовствѣ, чтобъ начать розыскъ. Царь дѣйствительно боялся вѣдовства, но въ самомъ дѣлѣ не столько, сколько показывалъ, прикрывая этою боязнью надежду посредствомъ розысковъ напасть на слѣдъ Димитрія. Искали въ сущности его — Димитрія; никто не смѣлъ сказать, что его ищутъ; между тѣмъ, объ этомъ знали и расходился на бѣду Борису слухъ о Димитріѣ въ русскомъ народѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе Борисъ хотѣлъ уничтожить эту молву въ самомъ источникѣ.

Быстро исчезла та призрачная любовь, которую Борисъ подогрѣвалъ къ себѣ въ русскомъ народѣ искуственною добротою и щедротами. Бориса стали ненавидѣть: его ненавидѣли бояре, ненавидило и дворянство, которое ему обязано было закрѣпленіемъ крестьянъ; скоро оно охладѣло къ нему послѣ того, какъ онъ сталъ царемъ. Народъ въ первое льготное время послѣ вѣнчанія новаго царя отдохнулъ не много отъ своего обычнаго бремени; но когда воротился прежній порядокъ, ему послѣ отдыха стало тяжелѣе чѣмъ прежде терпѣть отъ налоговъ и грабительства правителей. Разныя вѣтви казенныхъ доходовъ, какъ то: денежные оброки съ лавокъ въ городахъ, налоги на промыслы, ярморочные сборы отдавались отъ казны откупщикамъ, получившимъ грамоту, гдѣ обозначалось: сколько, за что, и при какихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ брать; но этого не соблюдали: дѣлалось много произвола и злоупотребленій. Нѣкоторыя статьи торговли были достояніемъ казенной монополіи: важнѣе было то, что продажа вина производилась отъ казны; заведены были кабаки, куда сходились пить царское вино; не дозволено было производить частнаго вина никому кромѣ тѣхъ, кому давались особыя льготы для домашняго обихода. Такимъ образомъ, пьянство стало источникомъ царскихъ доходовъ; царскій интересъ покровительствовалъ этому пороку, обыкновенно очень заразительному въ сѣверныхъ климатахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно поощрялось народное развращеніе: кабаки царскіе стали притономъ всякихъ мерзостей. По восшествіи на престолъ, Борисъ на первыхъ порахъ какъ будто хотѣлъ измѣнить этотъ порядокъ тягостный для народа, уничтожалъ кабаки, и показывалъ видъ будто преслѣдуетъ пьянство, но въ сущности былъ оставленъ прежній порядокъ; подъ видомъ охраненія народной нравственности, запрещалась частная продажа вина, а вино, какъ исключительная принадлежность казны, продавалось

на кружечныхъ дворахъ. Распространіе пьянства столько же и разоряло народъ, сколько развращало; явилось много праздношатающихся, пропившихся, готовыхъ на всякое порочное дѣло изъ легкаго прибытка или съ отчаянія, порвавшихъ семейныя узы и не цѣнившихъ жизни, потому что она имъ не представляла впереди ничего прочнаго. Были и другія причины накопленія такого рода людей. Борисъ, еще бывши правителемъ, покровительствовалъ закрѣпленію холоповъ. Въ 1597, было установлено, чтобъ тѣ, которые давали на себя кабалы за деньги до 1597 года, оставались до смерти въ холопствѣ у тѣхъ, кому они поступали по кабалѣ; не слѣдовало уже брать съ нихъ денегъ, которыя они занимали у господъ и за которыя сами себя имъ закладывали; равнымъ образвмъ и дѣти ихъ, рожденныя въ то время, когда ихъ родители находились въ кабалѣ, должны были оставаться въ холопствѣ у того же господина; а на будущее время постановлено, что всякій вольный человѣкъ, прослуживши у господина добровольно около полугода, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ на томъ основаніи, что господинъ его одѣвалъ и кормилъ*): принималось во вниманіе содержаніе холопа, а его служба не цѣнилась ни во что. Это привело ко всевозможнѣйшимъ насиліямъ. У кого было много денегъ, тотъ дѣлалъ безнаказно все, что хотѣлъ, съ тѣми, кто въ нихъ нуждался. Приносилъ ли кто вещи въ закладъ, — нужно было, чтобъ вещь стоила вчетверо противъ суммы денегъ. Проценты брались по четыре со ста въ каждую недѣлю, и когда къ сроку нельзя было выкупить, вещь оставалась у хозяина. У кого не было чего заложить, тѣ закладывали сами себя на время, и тогда заимодавецъ устраивалъ дѣло такъ, что обращалъ должника своего себѣ въ холопы. Обыкновенно бѣднякъ, взявши въ займы у богатаго, вмѣсто процентовъ служилъ у него, а хозяинъ придирался къ нему, дѣлалъ начоты, и послѣ срока должникъ, не въ состояніи будучи высвободиться изъ кабалы, оставался въ полномъ холопствѣ. Этого мало. Часто наемный слуга, получавшій жалованье, дѣлался рабомъ потому, что господинъ дѣлалъ притязаніе, будто онъ у него служилъ безъ уговора; и власти присуждали его въ полное холопство, противно всякой правдѣ. Неопредѣленность закона о срокѣ, послѣ котораго вольный слуга дѣлался холопомъ, подавала поводъ къ кривотолкованіямъ. Все зависѣло отъ судьи, а судья приговаривалъ къ холопству и такого, который нѣсколько дней послужилъ господину на томъ основаніи, что господинъ на него потратился. Невольный холопъ не могъ найти

*) А. Ист. I. 490.

управы. Призовутъ мастерового работать въ домъ; тотъ сколько нибудь поживетъ въ этомъ домѣ, хозяинъ изъявляетъ притязаніе, что онъ его рабъ, а власти потакаютъ ему, оттого что хозяинъ даетъ властямъ взятку. Другого зазовутъ въ гости, обласкаютъ, покормятъ, попоятъ, а потомъ начнутъ мучить и вымучать кабалу. У богатыхъ бояръ и дворянъ нанимались служить въ ратномъ дѣлѣ дѣти боярскіе, люди свободные, даже имѣвшіе помѣстья; сильный господинъ задерживалъ ихъ и дѣлалъ притязанія, будто тѣ закабалили себя, и они поступали ему въ холопство съ своими имѣніями. Явилась какая-то ловля людей: хватали иногда по дорогѣ прохожихъ и заставляли работать, а потомъ муками и насиліями вымогали кабалу; или же начинали съ бѣдняками искъ: начальство потакало сильнымъ, и отдавало безсильныхъ въ рабство. За то ловкіе пройдохи играли своей свободой и извлекали для себя пользу изъ рабства: они продадутъ себя въ одномъ домѣ, поживутъ въ немъ, обокрадутъ хозяевъ, бѣгутъ въ другой домъ и въ иной городъ; съ другими сдѣлаютъ такую же продѣлку; потомъ убѣгутъ отъ нихъ и перейдутъ къ третьимъ, чтобъ и этихъ обмѣнуть.

Такимъ образомъ, между господами и холопами была круговая порука: то господинъ дѣлаетъ насильство холопу, то холопъ разоряетъ господина. Въ Московскомъ государствѣ черезъ чуръ мало и рѣдко было тогда чувство чести быть свободнымъ; званіе несвободнаго не тяготило человѣка. Это было естественно тамъ, гдѣ всѣ до самаго родовитаго князя были холопы царя. Исключеніе составляло казачество, на югѣ; бѣглецы въ казацкое общество разрывали связи съ московскими порядками; тамъ зачиналось общество на иныхъ началахъ, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ южной Руси, гдѣ были иныя убѣжденія, иныя преданія, гдѣ остатки удѣльно-вѣчевой старины смѣшивались съ польскими понятіями о рыцарствѣ, заимствованными съ запада и передѣланными въ славянской жизни. Тамъ образовались понятія о свободѣ; тамъ цѣнилось званіе вольнаго человѣка, и казакъ съ гордостію называлъ себя: «вольный казакъ.» Въ Московскомъ государствѣ считали наравнѣ, что служить государству, что быть холопомъ; правительство постоянно должно было, ради удержанія на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, запрещать имъ вступать въ холопство къ боярамъ.

Крестьяне, сельскіе люди, имѣвшіе право свободно переходить съ земли одного владѣльца на землю другого, и защищаемые закономъ отъ покушеній владѣльцевъ,—при Ѳедорѣ были закрѣплены и отданы произволу владѣльцевъ, поставлены почти наравнѣ съ кабальными. Мѣра эта была до крайности необхо-

димая. Съ расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства на востокъ въ Сибирь, на юго-востокъ по Волгѣ и къ прилежащимъ ей степямъ, на югъ — къ татарскимъ степямъ, открылись новыя привольныя пространства, годныя для поселенія; туда естественно сталъ двигаться народъ: чѣмъ дальше отъ средоточія власти, тѣмъ ему было льготнѣе. Само правительство желало заселенія новыхъ земель русскимъ народомъ, давало для этого и подмогу и предоставляло льготы новопоселяющимся; но такія выселенія въ видахъ правительства не должны были переходить границы, иначе московское государство опустѣло бы. Въ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича, ѣхавшій изъ Вологды въ Ярославль англичанинъ Флетчеръ видѣлъ на этомъ пути до пятидесяти деревень покинутыхъ своими жителями. Между тѣмъ бояре, дворяне, дѣти боярскіе, всѣ вообще служилые люди, составлявшіе военную силу, должны были исправлять свою службу за населенныя земли, называемыя помѣстьями. Доходы съ этихъ земель могли получаться только тогда, когда было кому обработывать эти земли. Естественно было правительству оградить имъ возможность содержать себя для службы. Государственные доходы, получаемые съ посадовъ и волостей, также могли собираться только тогда, когда были на лицо рабочія силы: необходимо было правительству удерживать эти силы въ тѣхъ мѣстахъ, откуда оно получало чрезъ нихъ свои доходы. Борисъ, правившій всѣмъ государствомъ при Ѳедорѣ, ввелъ закрѣпленіе, соображаясь съ государственными выгодами. Закрѣпленіе крестьянъ было благодѣяніемъ для класса служилаго, надѣленнаго имѣніями, который нуждался въ работникахъ. Служилые были одолжены этимъ Борису и расположены стоять за своего благодѣтеля при случаѣ. Для громадъ крестьянскаго сословія эта мѣра была тягостна, но Борисъ разсчитывалъ, что ему важнѣе пріобрѣсти силу въ служилыхъ людяхъ, чѣмъ въ крестьянахъ. Тягость закрѣпленія для крестьянъ, впрочемъ, состояла не въ томъ, что владѣльцы и должностные люди могли поступать съ ними какъ съ рабами, а въ томъ, что они должны были безвыходно жить на одномъ мѣстѣ, тогда какъ это было противно ихъ вѣковымъ дѣдовскимъ привычкамъ, и притомъ когда была для нихъ приманка поселяться въ болѣе льготныхъ и привольныхъ мѣстахъ. Трудно было пересилить старину.

Охота переходить должна была еще сильнѣе одолѣвать крестьянина послѣ запрещенія; по крайней мѣрѣ, вмѣсто законно переходившихъ явились бѣглые, противозаконно оставлявшіе владѣльческія земли, гдѣ были прикрѣплены. Ихъ искали, ихъ преслѣдовали и заводили тяжбы съ тѣми, кто ихъ принималъ.

Они сами считались преступниками; ихъ связь съ обществомъ была нарушена; преслѣдуемые закономъ, они готовы были итти противъ закона и людскаго общества, подчиненнаго этому закону и исполняющаго его повелѣнія. Такимъ образомъ, накоплялись громады людей, готовыя на всякую смуту. По дорогамъ нападали на проѣзжихъ: грабили и убивали въ городахъ по ночамъ; въ Москвѣ стоило выйти ночью изъ двора, и можно было бояться, что изъ-за угла свиснетъ кто-нибудь кистенемъ въ голову. Тамъ, каждое утро, привозили къ земскому приказу убитыхъ ночью и ободранныхъ на улицахъ.

Борисъ одумался, и во время постигшаго русскую землю голода отмѣнилъ было въ близкихъ къ Москвѣ мѣстахъ закрѣпленіе, позволилъ крестьянамъ переходить отъ владѣльцевъ ко владѣльцамъ по прежнему, но это мало помогло. Страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 и 1602 году, довершилъ подготовку московской земли къ потрясеніямъ. Онъ произошелъ отъ того, что въ теченіи весны и лѣта шли проливные дожди и недоставало тепла, такъ что въ то время, когда уже хлѣбу нужно было созрѣвать, онъ былъ еще зеленъ, а 15 августа, ударилъ на него утренній морозъ, и въ этотъ годъ не собрали на полѣ ни зерна. Много было народу жившаго насущнымъ трудомъ; многіе жили безпечно, не думая собирать запасы на будущее время; — въ хлѣбѣ оказалась скудость, и тотчасъ цѣны на хлѣбъ поднялись неимовѣрно, особенно въ городахъ, такъ что въ Москвѣ, гдѣ было стеченіе народа, цѣна дошла до пяти рублей за четверть. Тогда по дороговизнѣ продавали уже не четвертями, а четвериками *) — $^1/_8$ четверти; этого не было прежде въ обычаѣ, когда бочки покупались отъ 3 до 5 алтынъ. Нищета поразила простой народъ быстро. Тогда многіе изъ владѣльцевъ, державшихъ у себя холоповъ, и добровольныхъ, и насильно закабаленныхъ, прогоняли ихъ отъ себя, потому что дорого обходился ихъ прокормъ. Изгнанники увеличивали толпы голоднаго народа. Настала тяжелая зима. Но это была только половина бѣдствія. Осенью посѣяли рожь, на весну овесъ, и не взошли ни рожь, ни овесъ; и въ слѣдующій годъ былъ такой же неурожай, лѣтописи не говорятъ — отчего. Тогда уже постигла Московское государство такая бѣда, какой, ракъ говорили, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Люди стали кмирать съ голоду. Царь приказалъ отпереть свои житницы, уаодавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а очень бѣднымъ раздавать деньги. Каждый день въ Москвѣ раздавали нищимъ по

---

*) Хроногр. Погод. Сбор. 1445.

полу-деньгѣ человѣку, а въ праздники и воскресные дни по цѣлой деньгѣ. Для приходившихъ за царскою милостиною въ нѣсколькихъ мѣстахъ близъ стѣны Бѣлаго города выстроили переходы, и въ нихъ то раздавалась милостина; каждый день у царя выходило по 20,000 фунтовъ стерлинговъ — говоритъ одинъ англичанинъ *). Но этого было недостаточно; хлѣбъ и прочіе припасы, при накопившемся многолюдствѣ, дорожали болѣе и болѣе; невозможно было всѣхъ прокормить такою милостынею; притомъ же въ Московской землѣ, по замѣчанію современника **), всѣ должностныя лица были воры; они на этотъ разъ раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые съ ними дѣлились барышами; ихъ сообщники приходили въ лохмотьяхъ, за-урядъ съ нищими и голодными, и получали прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ царскія деньги, а настоящіе нищіе — хромые, слѣпые, увѣчные не могли дотолпиться; ихъ прогоняли палками. «Я видѣлъ самъ, говоритъ этотъ современникъ, какъ дьяки, нарядившись въ лохмотья, брали милостину.» Пекарямъ приказано было печь хлѣбы опредѣленнаго вѣса и величины, а они, чтобъ придать больше вѣса своимъ печенымъ хлѣбамъ, продавали ихъ почти сырыми, и даже нарочно воды подливали; и за это нѣкоторые были казнены смертію. Бѣдняки ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, всякую падаль, такую мерзость, что, какъ говоритъ лѣтописецъ, и писать недостойно ***). Много народу издыхало по улицамъ. Борисъ учредилъ стражу, чтобы подбирать и хоронить тѣла умиравшихъ безпріютно отъ голода, и приказалъ изъ своей казны отпускать на мертвецовъ саваны. Эта стража то-и-дѣло разъѣзжала по Москвѣ и увозила мертвецовъ въ ямы за городомъ. Случалось, такимъ образомъ и живыхъ падавшихъ отъ изнеможенія захватывали; случалось — везутъ полныя сани труповъ, а между ними слышатся стоны и жалобныя моленія; а тѣ, что везутъ ихъ, какъ будто не слышатъ, разсчитывая, что все равно придется же забирать ихъ и увозить впослѣдствіи, и такъ безъ содраганія бросали еще дышащихъ людей въ могилы.

Раздача милостины продолжалась съ мѣсяцъ. Потомъ правительство разсудило, что раздача милостины только обогащаетъ плутовъ, накопляетъ голодный народъ въ столицѣ; смертность усиливается, можетъ явиться и зараза; притомъ подозрительный Борисъ боялся, чтобъ народъ, пришедши въ край-

*) Smith. 28.

**) Is. Mass. 39.

***) Хроногр. Погод. № 1463.

нее ожесточеніе, не поднялъ бунта, а это было бы опасно, въ столицѣ, при такомъ многолюдствѣ. Запретили раздачу милостины въ столицѣ. Это было именно въ такую пору, когда вѣсть о щедротахъ Бориса успѣла распространиться по отдаленнымъ угламъ русскаго міра, и со всѣхъ сторонъ шли народныя толпы къ Москвѣ за пропитаніемъ; на дорогѣ постигла ихъ вѣсть, что уже болѣе не раздаютъ въ Москвѣ милостины и не кормятъ голодныхъ. Путники, лишенные средствъ, погибали по дорогамъ, какъ мухи, а другіе ѣли ихъ трупы, и эту пищу у нихъ отнимали стаи волковъ, которые бросались и на мертвыхъ и на живыхъ.

Борисъ приказалъ посылать милостину денежную въ города, на мѣстѣ покупать хлѣбъ, гдѣ тогда можно было купить его, раздавать бѣднымъ и деньги и хлѣбъ. Все это не спасало отъ голодной смерти, а только доставляло возможность еще обогащаться холопамъ государевымъ. Цѣлыя селенія вымирали съ голода. Одинъ современникъ голландецъ, царскій аптекарь, разсказывалъ, что ѣхалъ онъ зимою въ свое имѣніе и на дорогѣ поднялъ замерзавшаго мальчика, отогрѣлъ его въ медвѣжьемъ мѣху и привезъ въ ближнюю деревню. Мальчикъ, пришедши въ чувство, едва ворочая языкомъ, сказалъ: «весь мой родъ вымеръ отъ голода; осталась мать моя и шла со мною; не въ терпежъ ей стало, что я околѣваю, и убѣжала она въ лѣсъ, а меня покинула на снѣгу.» Голландецъ оставилъ поднятаго имъ ребенка въ деревнѣ, далъ кое-что на его содержаніе и поѣхалъ далѣе за своимъ дѣломъ, обѣщавши воротиться и взять къ себѣ сироту. Но когда онъ, по этому обѣщанію, воротился, то не нашелъ никого въ деревнѣ; всѣ ея жители умерли отъ голода и спасенный мальчикъ тоже*). По извѣстію русскихъ и иностранныхъ современниковъ, въ одной Москвѣ погибло 127,000 народа, погребеннаго въ убогихъ домахъ: въ это число не включались мертвецы, которыхъ погребали у приходскихъ церквей. Петрей разсказываетъ, какъ онъ видалъ, что на улицѣ въ Москвѣ умирающая отъ голода женщина вырвала зубами у своего ребенка мясо изъ руки и пожирала въ припадкѣ бѣшенства...**). Иногда мужъ загрызалъ и съѣдалъ свою жену; иногда жена съѣдала мужа; вареная человѣчина продавалась въ пирогахъ на московскихъ рынкахъ. Дорожнему человѣку опасно было заѣхать на постоялый дворъ; его могли тамъ зарѣзать и съѣсть, или кормить его мясомъ другихъ проѣзжающихъ. «Я былъ свидѣте-

*) Is. Mass. 36.

**) Rer. Rossic. script. ext. I, 165.

лемъ»—говоритъ Маржеретъ—«какъ четыре москвитянки, брошенныя мужьями, зазвали къ себѣ крестьянина, пріѣхавшаго съ дровами, какъ будто для заплаты, зарѣзали его и спрятали въ погребъ про запасъ, сначала намѣреваясь съѣсть лошадь его, а потомъ уже и его самого. Злодѣяніе это тотчасъ же и открылось; тогда узнали, что эти женщины поступили такимъ образомъ уже съ четвертымъ человѣкомъ.»

Тѣмъ не менѣе современники свидѣтельствуютъ, что на Руси въ то время не было совершенно недостатка хлѣба. Не всѣ области Московскаго государства были одинаково поражены голодомъ. Въ Сѣверской землѣ, особенно въ окрестностяхъ Курска, урожаи были хороши, и куряне приписывали это счастливое исключеніе заступничеству своей чудотворной иконы Божіей Матери. Когда въ Москвѣ цѣна четверти ржи доходила до трехъ рублей, въ Курскѣ она продавалась по одному рублю. Но провозъ оттуда былъ чрезвычайно затруднителенъ. У многихъ помѣщиковъ около Владимира по Клязьмѣ и въ разныхъ уѣздахъ украинныхъ городовъ сохранялись полныя одонья немолоченнаго хлѣба прошлыхъ годовъ. Но мало было готовыхъ приносить общему дѣлу на пользу свои частныя выгоды; напротивъ, старались извлечь себѣ корысть изъ общаго бѣдствія. Нерѣдко зажиточный человѣкъ выгонялъ на голодную смерть рабовъ, рабынь, даже близкихъ сродниковъ, а самъ продавалъ свои запасы дорогою цѣною. Иной мужикъ скряга боялся везти свое зерно на продажу, чтобъ у него не отняли его на дорогѣ голодные и зарывалъ его въ землю; тамъ оно и сгнивало у него безъ пользы; другому удавалось продавать и взять огромные барыши, но потомъ онъ тряссся надъ деньгами отъ страха, каждую минуту боялся, чтобъ на него не напали; были такіе, что отъ страха за свои сокровища, такъ быстро нажитыя продажею хлѣба, сходили съ ума и вѣшались или топились *). Московскіе торговцы съ начала дороговизны покупали множество хлѣба и держали его подъ замками въ своихъ лабазахъ, разсчитывая продать его тогда, когда цѣны поднимутся до нельзя. Борисъ сталъ преслѣдовать тѣхъ, у кого былъ спрятанъ хлѣбъ. Холопы дѣлали доносы на господъ: царь посылалъ повѣрять истину доносовъ и найденный хлѣбъ раздавать бѣднымъ, выплачивая хозяевамъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Но посланные стакивались съ хлѣбопродавцами; иногда скрывали найденный хлѣбъ, иногда же хлѣбопродавцы отдавали на продажу по установленной отъ царя цѣнѣ гнилой хлѣбъ, или же царскіе чиновники при-

*) Ia. Mass. 39.

нимали отъ нихъ меньше, чѣмъ писали. Также точно и посылаемые въ города для повѣрки немолоченнагó хлѣба брали съ владѣльцевъ посулы и укрывали ихъ. Такимъ образомъ, все стараніе Бориса къ удешевленію хлѣбныхъ цѣнъ послужило только къ беззаконному обогащенію его чиновниковъ. Впрочемъ, найденный въ далекихъ провинціяхъ хлѣбъ трудно было возить; голодъ разогналъ ямщиковъ; невозможно было отыскать подводъ.

Борисъ однако хотѣлъ, чтобъ его царство, если было въ печальномъ положеніи, то по крайней мѣрѣ казалось бы въ счастливомъ. Уже при окончаніи голода, пріѣзжали въ Москву иноземные послы; Борисъ думалъ утаивать отъ нихъ бѣдствіе: ему было стыдно, что его царствованіе несчастно; ему хотѣлось, чтобы иноземцы распостраняли вѣсти, что народъ подъ его державою благоденствуетъ. Велѣно было всѣмъ наряжаться въ одежды бархатныя и камчатныя, непремѣнно цвѣтныя; запрещено было бѣднякамъ въ отрепьяхъ являться на дорогѣ. Бѣдные дворяне, выстроенные для встрѣчи пословъ, должны были тратить свое достояніе, чтобъ закрыть своимъ фальшивымъ блескомъ горе, постигшее Московскую землю. На тѣхъ, которые скупились разориться для царской воли, доносили доносчики — обыкновенно ихъ же слуги, и царь за это лишалъ ихъ помѣстьевъ и жалованья. Когда пословъ помѣстили въ Москвѣ, то наблюдали, чтобъ никто изъ живущихъ въ Россіи иноземцовъ не разговаривалъ съ посольскою свитою; смертная казнь обѣщана была тому, кто станетъ разсказывать пріѣзжему иноземцу о бѣдствіи, тогда уже проходившемъ. Съ этой цѣлію, въ самый развалъ голода, Борисъ не дозволялъ выписывать хлѣба изъ-за границы, а между тѣмъ такой ввозъ въ пору могъ значительно понизить цѣны и спасти многихъ отъ голодной смерти*). Борисъ дозволилъ, однако, ввозъ уже по окончаніи сильнаго неурожая, чтобы понизить цѣны. Но урожаи послѣдующихъ лѣтъ не скоро могли понизить цѣны на хлѣбъ до прежней дешевизны. При огромной смертности людей и скота, много полей оставалось и послѣ незасѣянными. Еще въ мартѣ 1604 г., на востокѣ Московскаго государства, въ Нижегородской землѣ платили за четверть ржи цѣлый рубль, тогда какъ скотъ упалъ въ цѣнѣ до того, что ѣзжалую лошадь продавали за 40 алтынъ (1 р. 7½ алт.), а корову за 36 алт. 2 д. (1 р. 3 алт. **). Дороговизна поддерживалась до осени 1605 г.

Голодное время сдѣлало свое: кромѣ погибели множества народа, оно утвердило въ московскомъ народѣ тяжелую мысль,

---

*) Rer. Ross. scr. ext. Buss. 24.

**) Расх. кн. Нижегор. Печ. Мон. 112 г. сообщ. П. И. Мельниковымъ.

что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, потому что достигнуто и поддерживается беззаконіями. Какъ онъ тамъ ни старался показываться народу щедрымъ, сострадательнымъ, милосердымъ, — все это принималось за лицемѣрство; все дурное напротивъ; что̀ происходило на Руси, — всѐ ставили въ вину царю. Укоренилось мнѣніе, что родъ Борисовъ послѣ него, если сядетъ на престолѣ, то не принесетъ русской землѣ благословенія Божія. Желательно, казалось, чтобъ ему не пришлось царствовать, чтобъ нашелся такой, который передъ Борисомъ имѣлъ бы болѣе правъ. Такимъ былъ единственно Димитрій. Мысль о томъ, что онъ живъ и явится отнимать у Бориса престолъ, была отрадна и потому принималась, такъ какъ вездѣ и всегда въ несчастіяхъ охотно вѣрится въ возможность того, что желается. Суровыя преслѣдованія со стороны Бориса распространяли и поддерживали эту страшную для него мысль.

Если старожилы не помнили на Руси такого страшнаго голода, то не помнили и такого бродяжничества, какъ въ эти времена. Господа выгоняли слугъ своихъ, когда черезъ-чуръ дорого стоило ихъ прокормить, а потомъ, какъ хлѣбныя цѣны спадали, хотѣли возвратить ихъ себѣ; но бывшіе холопы, если не успѣвали пропасть отъ голода, жили у другихъ или пріобрѣли вкусъ скитаться, и не хотѣли ворочаться. Умножились тяжбы, преслѣдованія; отыскиваемые бѣглецы собирались въ шайки. Къ этимъ бродягамъ приставало множество холоповъ, принадлежавшихъ опальнымъ боярамъ. Борисъ запрещалъ ихъ принимать вновь въ холопство; а это было также тяжело для нихъ, какъ запрещеніе перехода для крестьянъ; тяготясь холопскою участью у одного господина, рѣдкій холопъ желалъ выйти совсѣмъ изъ холопскаго званія; всѣ почти для того и бѣгали, чтобъ поступить въ другое мѣсто. Этихъ опальныхъ холоповъ собрались тогда тысячи; лишенные права шататься изъ двора во дворъ, они приставали къ разбойничьимъ шайкамъ, которыя повсюду составлялись въ разномъ числѣ. Большей части холоповъ нечѣмъ было кормиться иначе; исключеніе составляли только тѣ, которые знали какое нибудь ремесло *). Было тогда множество бѣглыхъ изъ дворцовыхъ, монастырскихъ, черныхъ селъ, также изъ посадовъ; они разбѣгались во время голода, а потомъ, когда ихъ требовали на прежнія мѣста, имъ тяжело показалось тянуть тягло, особенно послѣ того, какъ множество народа перемерло, а на оставшихся валились большіе налоги, прежде отбываемые бо̀льшимъ числомъ тяголъ; и они бѣгали, жалуясь на поборы, на неправды прика-

*) Хроногр. Погод. Сбор. 1456.

щиковъ и старость, на насилія стороннихъ людей. Одни убѣгали въ Сибирь, другіе на Донъ, третьи въ Запорожье; многіе селилось на украинныхъ степяхъ и тамъ уклонялись отъ государственныхъ повинностей. Счастливое исключеніе Сѣверской Украины во время голода было причиною чрезвычайнаго накопленія народа въ этомъ краю. Правительство стало принимать мѣры къ возвращенію бѣглецовъ, а они съ своей стороны готовы были отбиваться. Все это бѣглое населеніе естественно было недовольно тогдашнимъ Московскимъ государствомъ; все оно съ радостію готово было броситься къ тому, кто подниметъ его на Бориса, кто пообѣщаетъ ему льготы. Тутъ не было никакихъ стремленій къ какому бы то ни было иному государственному и общественному строю; громада недовольныхъ легко пристаетъ къ новому лицу, надѣясь, что при новомъ будетъ лучше, чѣмъ при старомъ.

Въ Сѣверщинѣ, лѣсной пограничной сторонѣ, въ 1603 году образовалась большая разбойничья шайка Хлопки Косолапаго. Такъ обыкновенно современники считаютъ ее разбойничьей шайкой, но едва ли она была тѣмъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Скорѣе это было въ зародышѣ такое сборище, какихъ много являлось впослѣдствіи въ русской исторіи—сборище, которое не ограничивалось простымъ грабежемъ и убійствомъ, а покушалось сломать и опрокинуть господствующій строй государственной и общественной жизни. Хлопка не ограничивался нападеніемъ на проѣзжихъ: съ огромною шайкой онъ шелъ прямо на Москву, грозилъ истребить и престолъ, и бояръ, и все, что было на Руси правительственнаго, властвующаго, богатаго и утѣсняющаго. Борисъ, въ октябрѣ 1603, послалъ для истребленія этой шайки ратную силу подъ начальствомъ окольничаго Ивана Ѳедоровича Басманова. Уже не далеко отъ Москвы напали на Басманова воры нежданно. Они ударили на царскую рать на пути между зарослями. Басмановъ былъ убитъ. Но тутъ сталось противно тому, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда убьютъ вождя, и войско разбѣгается; на этотъ разъ смерть воеводы побудила ратныхъ сражаться съ удвоеннымъ мужествомъ и храбростью. Бились храбро и мятежники. Наконецъ вождь ихъ былъ раненъ и раненный схваченъ въ плѣнъ. Они были разбиты и бѣжали; почти всѣ важнѣйшіе заводчики были пойманы; самъ Хлопка въ ихъ числѣ, его казнили въ Москвѣ, всѣхъ прочихъ воровъ повѣшали на деревьяхъ *). Басманова погребли съ честію у Троицы.

---

*) Іс. Масс. 47.

Этотъ неудачный мятежъ былъ только предвѣстникомъ того, что приближается время, когда такъ или иначе, а приходится пошатнуться Московскому государству. Благочестивые люди ожидали Божіей кары. Въ сентябрѣ того же 1603 года, скончалась сестра Бориса, инокиня Александра, бывшая царица Ирина. Говорили, что смерть постигла ее отъ тоски: она слышала о бѣдствіяхъ Московскаго государства, о страданіяхъ русскаго православнаго народа, о мучительствахъ своего брата. Она пророчила грядущія лютѣйшія бѣды. Совѣсть угрызала ее за то, что она способствовала возведенію Бориса на престолъ. Всемогущій Господь—говоритъ современникъ-иноземецъ, повторяя, конечно, слова русскихъ — воззвалъ ее изъ юдоли плача къ себѣ, чтобъ избавить отъ ужаса дожить до того, что постигло послѣ нея Московское государство. Толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей провожали тѣло усопшей царицы въ склепъ Вознесенскаго монастыря. Ѣхавшій на саняхъ за гробомъ сестры, царь Борисъ чувствовалъ, что народное сожалѣніе о его сестрѣ было зловѣщимъ укоромъ ему самому *).

Всегда въ исторіи, предъ великими и страшными потрясеніями и народными бѣдствіями, бывали предзнаменованія, тревожившія суевѣрныя понятія ожиданіемъ чего-то неизвѣстнаго и страшнаго. Такъ было и тогда, предъ началомъ смутнаго времени. Еще при Ѳедорѣ, скоро послѣ убійства Димитрія, происходили въ разныхъ углахъ русской земли явленія, пугавшія народное воображеніе. Говорили, въ 1592 году, въ Сѣверномъ морѣ проявилась такая китъ-рыба, что чуть было Соловецкаго острова со святою обителью не перевернула. Страхъ и раздумье навело на русскихъ разрушеніе Печерскаго монастыря близъ Нижняго Новгорода въ 1596 году: осунулась подъ монастыремъ крутая гора и придвинулась къ Волгѣ; монастырскія строенія отъ этого развалились; люди, однако, успѣли убѣжать. Это событіе повсюду сочли предзнаменованіемъ большой перемѣны въ Московскомъ государствѣ. Скоро народное ожиданіе оправдалось: прекратилась царственная вѣтвь варяжскаго дома, и на престолъ сѣлъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Русь себя государствомъ помнила, человѣкъ другого рода, да еще татарской крови. Теперь, при Борисѣ, опять народъ пугался предзнаменованій. То и дѣло, что носились слухи о видѣніяхъ и страшныхъ знаменьяхъ. Въ 1601 году, въ Москвѣ караульные стрѣльцы разсказывали: «стоимъ мы ночью въ кремлѣ на караулѣ и видимъ какъ бы ровно въ полночь промчалась по воздуху надъ кремлемъ карета въ шесть лошадей, а возница

*) Is. Mass. 47.

одѣтъ по-польски: какъ ударилъ онъ бичемъ по кремлевской стѣнѣ, да такъ зычно крикнулъ, что мы со страха разбѣжались.» На западъ отъ Москвы, бродили стаи волковъ и бѣглыхъ собакъ; они нападали на прохожихъ и заѣдали ихъ; зловѣщій ихъ вой слышали въ городахъ и въ самой Москвѣ; разсказывали, будто они пожирали другъ друга, — это казалось необыкновеннымъ. «Вотъ — говорили москвичи — «стало быть неправа пословица: волкъ волка не ѣстъ.» Одинъ какой-то смѣлый татаринъ говорилъ: «это значитъ, что вы, москвитяне, будете какъ голодные волки или собаки терзать и истреблять другъ друга!» Около Москвы появилось множество лисицъ, и нѣкоторыя смѣло забѣгали въ городъ. Въ сентябрѣ 1604 года, близъ самаго дворца убили лисицу; эта лисица была черная, какихъ не видано было никогда въ этой сторонѣ; одинъ купецъ заплатилъ за нее большую сумму, какъ за рѣдкую за сибирскую — 90 рублей. Въ разныхъ мѣстахъ Московщины ужасныя бури вырывали съ корнемъ деревья, перевертывали въ городахъ колокольни, срывали крыши. Тутъ не ловилась въ водѣ рыба; тамъ птицъ совсѣмъ не было видно; тамъ женщина родила урода; тамъ домашнее животное произвело такое чудовище, что нельзя было сказать — что̀ оно такое. На небѣ стали видѣть по два солнца и по два мѣсяца. Въ довершеніе всѣхъ ужасовъ явилась комета: она была такъ велика, что во второе воскресенье послѣ Троицына дня 1604 года видѣли ее въ полдень. Борисъ призвалъ какого-то нѣмца-астролога, и этотъ нѣмецъ сказалъ ему: «Богъ посылаетъ такія знаменія на предостереженіе великимъ государямъ; это значитъ, что въ ихъ государствѣ будутъ важныя перемѣны. Царь! берегись, остерегайся людей, которые около тебя, и укрѣпляй границы своего государства, — большая бѣда наступитъ *)!»

Въ Ивань-городѣ перехвачено было письмо, которое, въ январѣ 1604 года, отправилъ изъ Нарвы въ Або нѣкто Іоганнъ Тирфельдъ: въ немъ онъ сообщалъ носившіеся слухи, что явился сынъ Московскаго царя Ивана Васильевича, Димитрій, и теперь находится у казаковъ и что скоро Московію постигнетъ большое волненіе. Вслѣдъ за тѣмъ случилось слѣдующее: посланъ былъ окольничій Семенъ Годуновъ, родственникъ царя, въ Астрахань для усмиренія волновавшихся инородцевъ. Доплывши до Саратова, онъ услышалъ, что все казачество по Волгѣ поднялось; купцы сбѣгались въ Саратовъ, извѣщали, что казаки разбойничаютъ большими шайками: далѣе нельзя плыть — говорили Годунову купцы. Но Годуновъ поплылъ далѣе; казаки на него

*) Іл. Mass. 41. — Buss. 26.

напали; онъ бѣжалъ; кое-кто изъ его людей попалъ въ плѣнъ казакамъ *). Казаки отправили въ Москву этихъ плѣнниковъ и поручили передать царю такъ: «вотъ, мы, казаки, скоро придемъ въ Москву съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ!» Борисъ призвалъ къ себѣ бояръ, объявилъ объ этомъ и сказалъ мрачно: «вотъ наконецъ оно, вотъ что вышло! я знаю: это ваше дѣло, измѣнниковъ и предателей князей и бояръ дѣло...**).»

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Самозванство въ Украинѣ. — Явленіе Димитрія. — Пребываніе у Мнишка.

Польская Украина была въ тѣ времена обѣтованною землею удали, отваги, смѣлыхъ затѣй и предпріимчивости. Сосѣдство съ воинственною Турціею, грозившею безпрестанно разливомъ своихъ завоеваній, нескончаемыя битвы съ татарами, нападавшими на черезполосныя степныя оконечности Рѣчи Посполитой поддерживали такой духъ между населеніемъ этихъ странъ. Казачество росло не по днямъ, а по часамъ. Казачество, впослѣдствіи враждебное на смерть польскому шляхетскому строю — въ тѣ времена еще не образовало изъ себя окончательно сословія, непріязненнаго шляхетству. Тогда и шляхтичи и знатныхъ родовъ паны носили въ своихъ нравахъ много казацкаго, охотно служили въ казацкихъ рядахъ, начальствовали казаками. Казакъ значилъ вольнаго удалого молодца, а не мятежнаго хлопа, какъ въ половинѣ XVII вѣка. Воспитанію и развитію казачества между прочими причинами помогали въ XVI вѣкѣ молдавскіе безпорядки, которые выразились рядомъ самозванцевъ, называвшихся именами умершихъ и даже небывалыхъ претендентовъ на молдавское господарство; всѣ они искали пріюта и опоры въ Украинѣ, и съ толпами украинской вольницы ходили добывать себѣ призрачнаго господства. Первый проложилъ къ этому путь сынъ рыбака изъ острова Крита Василидъ, назвавшійся племянникомъ самосскаго деспота Гераклида; послѣ разныхъ романтическихъ похожденій въ европейскихъ странахъ, онъ, съ помощію украинской воль-

---

*) Is. Massa. 48.

**) Bussov. 27.

ницы, собранной подольскимъ паномъ Альбертомъ Ласкимъ, въ 1561 г. изгналъ изъ Молдавіи тирана Александра, овладѣлъ молдавскимъ престоломъ, былъ всѣми признанъ за того, за кого самъ себя выдавалъ; но черезъ два года погибъ отъ возмущенія за то, что пыталъ ввести въ Молдавію европейскіе обычаи и хотѣлъ жениться на дочери одного польскаго пана, ревностнаго протестанта, что для молдаванъ угрожало ущербомъ ихъ національной религіи *). Въ 1574 году, казацкій гетманъ Свирговскій помогалъ получить молдавское господарство другому самозванцу, Ивоніи, который назвался сыномъ молдавскаго господаря Стефана VII. Въ 1577 г., казаки проводили на молдавское господарство третьяго самозванца Подкову или Серпягу, который назвался братомъ Ивоніи. Не смотря на несчастный исходъ обоихъ послѣднихъ самозванцевъ (успѣвшихъ, однако, на короткое время быть признанными), въ 1591—1592 у казаковъ искалъ помощи четвертый самозванецъ, котораго выдали однако поляки **). Въ концѣ XVI в., сербскій искатель приключеній Михаилъ овладѣлъ Молдавіею и поднималъ на ноги все казачество именемъ греческой вѣры и тѣмъ взволновалъ всю русскую чернь. По свидѣтельству современника, въ Украинѣ его ждали какъ Мессію ***). Тогда украинская удаль искала личностей, около которыхъ какъ около центровъ, могла соединиться. Тогда у казаковъ давать пріютъ самозванцамъ и вообще помогать смѣлымъ искателямъ приключеній сдѣлалось спеціальностію, и король Сигизмундъ III наложилъ на казаковъ, для обузданія ихъ своевольствъ, обязательство не принимать къ себѣ господарчиковъ. Когда по Московской землѣ сталъ ходить слухъ, что Димитрій царевичъ живъ, и этотъ слухъ дошелъ до Украины, было вполнѣ естественно явиться въ Украинѣ Димитрію—былъ ли бы этотъ Димитрій истинный или ложный, подобный молдавскимъ господарчикамъ. Пришелъ удобный случай перенести на Московскую землю сцены казацкаго своеволія подъ тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ оно уже привыкло разгуливать по Молдавской землѣ. Не могли же не провѣдать въ Украинѣ, что въ Московщинѣ думаютъ, что Димитрій живъ; много было перебѣжчиковъ изъ Московскаго государства въ Украинѣ; многіе служили въ казацкихъ рядахъ. Всякій, кто бы въ Украинѣ ни назвался именемъ Димитрія, непремѣнно могъ разсчитывать на поддержку: дальнѣйшій успѣхъ зависѣлъ отъ способностей и умѣнья вести дѣло.

---

*) De J. Heraclide.

**) Joach. Bielski.

***) Lubienicki, Poloneutichia. 143.

И вотъ, въ 1600—1601 гг., когда Борисъ учреждалъ по границѣ заставы и не пропускалъ никого даже съ проѣзжими памятьми, сталъ по Кіеву бродить молодой монахъ. Онъ говорилъ о себѣ, что вышелъ изъ Московской земли. Это былъ перехожій калика, странникъ: много шаталось такихъ повсюду. Онъ поступилъ во дворъ князя Острожскаго, кіевскаго воеводы. Этотъ столѣтній старецъ, главный дѣятель защиты православія противъ римскаго католичества, былъ гостепріименъ, особенно для православныхъ духовныхъ; много ихъ проживало у него на его счетъ. Но таинственный монахъ оставался у него не долго: онъ оставилъ его и перешелъ къ панамъ Гойскимъ. Гавріилъ и Романъ — отецъ и сынъ—Гойскіе были люди чрезвычайно вліятельные и извѣстные*). Они были аріане и въ то время оставались самыми ревностными двигателями этой вольнодумной секты въ Рѣчи Посполитой. Гавріилъ Гойскій былъ прежде старостою въ имѣніяхъ князя Острожскаго и пользовался расположеніемъ его и сыновей его. Православные паны дружили съ еретикомъ во имя свободы совѣсти. Старикъ Константинъ Острожскій не терпѣлъ католичества и ради этого ладилъ со всѣми разновѣрцами, лишь бы и они враждебно относились къ католичеству, надѣясь составить изъ различныхъ толковъ союзъ противъ папскаго всевластія. Аріанство въ Польшѣ было сначала религіозное вольнодумство неопредѣленнаго свойства, въ концѣ царствованія Сигизмунда Августа получившее видъ правильной церкви съ опредѣленными догматами. Основанія этой секты были таковы: признаніе единаго Бога, но не въ Троицѣ, признаніе Іисуса Христа не воплотившимся свыше чудесно сыномъ Божіимъ, а боговдохновеннымъ человѣкомъ, отверженіе крещенія младенцевъ, иносказательное пониманіе христіанскихъ догматовъ и таинствъ, стремленіе вообще поставить свободное мышленіе выше авторитета вѣры въ невидимое и непостижимое. Гойскіе устроили на Волынѣ двѣ аріанскихъ школы: одну въ Гощѣ, на р. Горынѣ, другую въ Соколѣ на р. Случѣ. Сами они проживали въ Гощѣ; около нихъ постоянно собирался аріанскій сборъ, т. е. пріѣзжали единовѣрцы толковать и спорить, а послѣ споровъ пировать и веселиться. Въ такой кругъ попалъ нашъ калика и сбросилъ съ себя монашеское платье; нѣкоторые говорятъ, будто онъ служилъ на кухнѣ у Гойскаго**), другіе говорятъ, что онъ тамъ училъ дѣтей; но вѣроятнѣе — третье извѣстіе—что онъ самъ тамъ учился. Сколько мы его знаемъ впослѣдствіи, онъ кое-чему учился и успѣлъ нахвататься вершковъ

*) О Гойскихъ у Lubienicki, Hist. reform. in Polon. 276.

**) Bar. Barezzi, 6.

польскаго либеральнаго воспитанія. Здѣсь, вѣроятно, онъ пріобрѣлъ навыкъ къ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ и вообще ту ловкость и развязность, которою послѣ отличался. Тогда въ Польшѣ въ школахъ и въ панскихъ дворахъ, гдѣ воспитывалось юношество, очень заботились о томъ, чтобы развить тѣлесныя силы и быстроту движеній молодого человѣка. Тотъ былъ молодецъ, кто могъ на лету застрѣлить птицу, или попасть пулею или стрѣлою въ написанное на бумагѣ слово, перескочить съ разбѣга черезъ заборъ, вскочить на коня, не прикасаясь къ лукѣ сѣдла, а еще болѣе славы тому, кто заставитъ слугу поднять вверхъ руку, разставить пальцы, а между пальцами монету держать, а онъ выстрѣлитъ и попадетъ въ монету. При такомъ способѣ воспитанія, неудивительно, что нашъ кàлика, побывши нѣсколько времени при дворѣ Гойскаго, сдѣлался ловкимъ молодымъ человѣкомъ, и гимнастика далась ему лучше чѣмъ латинская грамматика. Сверхъ того, пребываніе въ этой школѣ свободомыслія положило на него печать того религіознаго индифферентизма, которой не стерли впослѣдствіи и отцы іезуиты. Отъ Гойскаго кàлика перешелъ въ мѣстечко Брагинъ ко князю Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на дворовую службу. Какъ это могло сдѣлаться, что нашъ кàлика перешелъ во дворъ Вишневецкаго, — объясняется отчасти тѣмъ, что Гойскіе, у которыхъ онъ жилъ и учился, были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вишневецкими.

Знатные паны держали у себя на дворахъ большіе *оршаки* слугъ. Изъ нихъ одни назывались дворяне, были шляхетскаго происхожденія и занимали ближайшія къ панской особѣ должности; изъ нихъ-то составлялась надворная команда, выходившая въ поле подъ панскою хоругвіею. Другіе подъ общимъ названіемъ либеріи составляли дворню: между ними различались гайдуки, казаки, хлопцы, пахолки, пахолята. У пана, какъ у независимаго владѣтельнаго лица, были свои придворные чины. Первое мѣсто занималъ между ними маршалокъ двора (дворецкій): онъ завѣдывалъ порядкомъ службы, творилъ судъ и расправу надъ слугами, принималъ ихъ въ службу и увольнялъ. За нимъ слѣдовали панскій докторъ, правникъ, то есть ходатай по судебнымъ дѣламъ, коморникъ, крайчій, старосты, ключники, писари, наконецъ, шуты или забавники, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ веселить пана и гостей его, когда понадобится. Большая же часть слугъ не имѣла опредѣленнаго занятія. Собственно слуги или либерія назывались юргельтниками оттого, что получали *юргельтъ*—жалованье, но такихъ было не много, да и то, жалованье обыкновенно давалось въ скудномъ количествѣ; остальные тѣмъ довольствовались, что полу-

чали помѣщеніе и пищу, ничего не дѣлая; не имѣя средствъ къ хорошему содержанію, слуги панскіе нерѣдко дѣлали всякаго рода своевольства и разбойничали. Многолюдство прислуги во дворѣ знатнаго вельможи увеличивалось оттого, что съ дворянами, то есть слугами шляхетскаго происхожденія, проживали у пановъ собственные пахолки этихъ дворянъ. Дворы Вишневецкихъ отличались многолюдствомъ, и паны не были разборчивы въ пріемѣ слугъ, даже сами не знали, кто у нихъ служитъ: приходили къ нимъ и уходили отъ нихъ бродяги всякихъ странъ; стоило только попросить маршалка записать себя въ реестрѣ. Князь Адамъ Вишневецкій, владѣлецъ огромныхъ имѣній въ южной Руси, былъ панъ молодыхъ лѣтъ, гуляка, любилъ пиры задавать и показывать панскіе причуды, — былъ готовъ на всякое своевольное удалое предпріятіе — украинскій панъ! Молодой московскій человѣкъ, какимъ пришелецъ себя выдавалъ, былъ лѣтъ двадцати, худощавъ, небольшого роста, съ русыми волосами, лицо у него было кругловатое, некрасивое, смуглое, большой расплюснутый носъ, подъ носомъ бородавка, голубые глаза отдавались какою-то задумчивостію; голосъ его былъ пріятенъ; говорилъ онъ складно съ воодушевленіемъ.

Поживши не долго въ ряду другихъ слугъ, онъ заболѣлъ или сказался больнымъ, легъ въ постель и попросилъ къ себѣ русскаго священника, а по другимъ извѣстіямъ—русскаго игумена*). Его исповѣдали. Онъ сказалъ духовнику: «если я умру отъ этой болѣзни, похороните меня съ честію, какъ погребаютъ царскихъ дѣтей.» Священникъ изумился и спросилъ: «что значитъ это?»

— «Я не открою тебѣ теперь, отвѣчалъ слуга; пока я живъ, не говори объ этомъ никому; такъ Богу угодно; по смерти моей возьми у меня изъ-подъ постели бумагу, прочитаешь — узнаешь послѣ моей смерти, кто я таковъ; но и тогда знай самъ, а другимъ не разсказывай **).»

Священникъ, вмѣсто того, чтобъ исполнить такъ, какъ говорилъ больной, сдѣлалъ такъ, какъ, быть можетъ, втайнѣ хотѣлось больному: онъ побѣжалъ къ Вишневецкому и разсказалъ все. Князь Вишневецкій вмѣстѣ съ этимъ исповѣдникомъ самъ пришелъ къ больному и сталъ его разспрашивать. Тотъ молчалъ. Вишневецкій отыскалъ подъ постелью свитокъ, прочиталъ и узналъ изъ него, что передъ нимъ находился сынъ Московскаго царя Ивана Васильевича Грознаго, Димитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ, въ царствованіе Ѳедора Ивановича.

---

*) Petric. 17.

**) Никоновск. 56.

Голова закружилась у пана; пріятно стала щекотать его самолюбіе мысль, что въ его домѣ между его слугами пришелъ искать убѣжища несчастный изгнанный царевичъ, законный наслѣдникъ великаго сосѣдняго царства. Видъ больного внушалъ довѣріе: Димитрій, повидимому, не хотѣлъ открывать себя; онъ открылся только потому, что уже не надѣялся жить. Вишневецкій приложилъ попеченіе о его выздоровленіи. Димитрій поднялся на ноги очень скоро.

Тогда князь Адамъ одѣлъ его въ богатое платье, приставилъ къ нему слугъ, далъ ему парадную карету съ шестью отличными лошадями, началъ съ нимъ обращаться съ уваженіемъ, и повезъ его къ брату своему воеводѣ Константину Вишневецкому *). Между тѣмъ дали знать объ этомъ королю.

---

*) По другому извѣстію (*Chr. Buss. 20*), князь Адамъ однажды отправился съ нимъ въ баню и приказалъ что-то принести себѣ. Слуга позамѣшкался. Князь разсердился обругалъ его и ударилъ. Слуга горько заплакалъ и сказалъ: «если бы ты, князь Адамъ, зналъ, кто я таковъ, ты бы не ругалъ и не билъ меня.» — «Кто же ты?» спросилъ князь. Тогда слуга объявилъ, что онъ царевичъ Димитрій и въ доказательство истины словъ своихъ показалъ ему золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями: «вотъ крестъ, сказалъ онъ, который мнѣ дали при крещеніи.» Онъ упалъ къ ногамъ князя. «Князь Адамъ, дѣлай со мною, что хочешь. Я не хочу болѣе жить въ такомъ униженіи. Если жъ ты мнѣ поможешь, возблагодарится тебѣ достойно». Князь Адамъ пригласилъ царевича помыться въ банѣ, а самъ побѣжалъ къ женѣ, разсказалъ, что у нихъ въ домѣ московскій государь, приказалъ подвести къ банѣ карету въ шесть лошадей и самъ съ семнадцатью слугами вошелъ въ баню и помогалъ царевичу одѣваться въ принесенныя богатыя одежды и проводилъ до кареты, которую просилъ принять въ даръ отъ себя.

По третьему (*Bisaccioni 27—40*), претендентъ открылся не у Адама, а у Константина Вишневецкаго, куда онъ пріѣхалъ съ паномъ Адамомъ въ качествѣ слуги. Тамъ онъ увидалъ сестру жены князя Вишневецкаго Урсулы урожденной Мнишекъ, панну Марину Мнишекъ. Ослѣпительная прелесть поразила его. Онъ осмѣлился мечтать о ней, и однажды подложилъ ей на окно записку, гдѣ сказалъ, что онъ не то по рожденію, чѣмъ принужденъ быть по несчастнымъ обстоятельствамъ, и подписался Димитріемъ. Любопытство увлекло панну Марину. Она объявила объ этомъ сестрѣ своей. Обѣ сестры пригласили Димитрія для объясненія съ ними. Димитрій разсказалъ имъ исторію московскаго царевича. Вдругъ появились паны Вишневецкіе и бывшій у Константина въ то время панъ Гойскій, прежній хозяинъ Димитрія. Они слушали его рѣчи въ скрытомъ мѣстѣ. Димитрій, не смѣшавшись, прежде чѣмъ они произнесли слово, сказалъ: «если бъ я былъ московскій царевичъ, могъ ли бы надѣяться получить руку панны Марины?» Константинъ Вишневецкій сказалъ: «совѣтую вамъ хорошенько подумать о томъ, что вы говорите. Если вы точно Димитрій сынъ Ивана Васильевича, то я могу вамъ помочь и поднять за васъ большую часть Польши. Мой тесть также силенъ. Но если вы говорите неправду, васъ узнаютъ. Когда получите ваше государство, то наша слава будетъ въ томъ, чтобъ служить вамъ, а теперь не думайте видѣть желаемую супругу». По этому сказанію какъ бы выходитъ, что самая мысль назваться царевичемъ родилась отъ страстной любви. Онъ ухватился за эту мысль съ цѣлію овладѣть особою, которую полюбилъ. Первое сказаніе вѣроятнѣе, потому что подтверждается письмомъ князя Вишневецкаго къ королю. (Nowak. Źródła. t. II.)

Называвшій себя Димитріемъ разсказывалъ, что Борисъ, посягая завладѣть царствомъ, когда умретъ его зять царь Ѳедоръ, тайно приказалъ убить царевича Димитрія. Но царевича спасъ его пѣстунъ; провѣдавъ, что ребенка хотятъ убить, онъ подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ подосланными убійцами, на постелѣ, ночью. Димитрія увезли къ одному сыну боярскому; тамъ онъ воспитывался въ неизвѣстности, а чтобъ лучше сохранить его отъ Бориса, удалили его въ монастырь. Димитрій ходилъ изъ монастыря въ монастырь, но потомъ Борисъ узналъ о его существованіи и сталъ сильно искать его, и онъ ушелъ въ Украину, во владѣніе Польскаго короля*).

Когда слухъ распространился о спасеніи царевича, тутъ случился какой-то московскій человѣкъ, звавшій себя Петровскимъ, слуга канцлера Льва Сапѣги; онъ говорилъ, что видѣлъ когда-то Угличскаго царевича и можетъ теперь узнать его. Петровскаго призвали, и тотъ съ перваго раза закричалъ: «это истинный царевичъ Димитрій!» Сходство нашлось поразительное: у царевича маленькаго была бородавка на щекѣ и одна рука короче другой; и у этого молодого человѣка точно тѣже признаки; у царевича будто бы при самомъ корнѣ правой руки было родимое красное пятнышко,—и у него точно такое оказалось **). Этого свидѣтельства было достаточно; дальнѣйшей критики не требовалось, особенно когда панское тщеславіе побуждало болѣе вѣрить, чѣмъ сомнѣваться. Оба брата Вишневецкіе сочли несомнѣннымъ, что у нихъ спасенный сынъ Московскаго царя.

Вишневецкіе имѣли большое значеніе въ южно-Русскомъ краѣ; домъ ихъ всегда былъ биткомъ набитъ шляхтою. Теперь вѣсть о чудесно спасенномъ царевичѣ распространилась быстро, и всѣ бѣжали смотрѣть на такое диво. Вишневецкій показывалъ его предъ всѣми. Молодой человѣкъ говорилъ о своей судьбѣ съ жаромъ и возбуждалъ сочувствіе въ слушавшей шляхтѣ. «Я долженъ былъ скрываться подъ вымышленными именами,»—говорилъ онъ,— «я зналъ, какого я происхожденія, и когда пришелъ въ возрастъ, тяжело мнѣ стало въ Московской землѣ, и я ушелъ къ вамъ, и теперь принялъ твердое намѣреніе—возвратить отеческое достояніе. Я не изъ честолюбія хочу этого, а чтобъ не торжествовало злодѣяніе; многіе московскіе бояре желаютъ этого, многіе знаютъ, что я живъ, ожидаютъ меня, ненавидятъ тирана, и готовы признать меня законнымъ государемъ.» Въ этомъ краѣ,

*) Собств. письмо Сигизм. III, къ Брестскому воев. Зѣновичу, отъ 18 февр. 1604. Въ автогр. публ. библ. № 63.

**) Petric. 12 — 17.

не смотря на сосѣдство, мало были знакомы съ подробностями обстоятельствъ Московской земли, и потому легко вѣрили. Этому помогло одно обстоятельство: нашелся въ Польшѣ какой-то ливонецъ, который увѣрялъ, что служилъ царевичу Димитрію въ его дѣтствѣ и былъ тогда въ Угличѣ, когда случилось убійство. «Я не знаю», говорилъ онъ, «настоящаго ли тогда убили или подмѣненнаго. Но я помню царевича и узнаю его, если тотъ, кто называется его именемъ, дѣйствительно настоящій». Король приказалъ послать этого ливонца къ Вишневецкому. Ливонецъ, поговоривши съ претендентомъ, потомъ всѣмъ говорилъ: «это настоящій царевичъ Димитрій. Я узналъ его по знакамъ на тѣлѣ; кромѣ того, я его расспрашивалъ; онъ помнитъ много такого, что случалось въ его дѣтствѣ и чего другой не могъ бы знать*)». Вѣроятно, отъ этого ливонца пошло въ ходъ доказывать истинность Димитрія между прочимъ тѣмъ, что у него на лѣвомъ плечѣ красная родинка, которую будто бы видѣли на немъ тогда, когда онъ, будучи еще ребенкомъ, жилъ въ Угличѣ.

Проживая у Вишневецкаго, Димитрій завелъ сношенія съ казаками и побуждалъ ихъ помогать ему достигнуть московскаго престола**). Онъ отправилъ поджигать противъ Бориса и Донскихъ казаковъ. Это порученіе принялъ на себя, по увѣренію современника, Григорій Отрепьевъ: бывъ монахомъ въ Чудовомъ монастырѣ, онъ служилъ у патріарха Іова для письмоводства и ходилъ съ нимъ въ царскую думу, а потомъ былъ обвиненъ въ чернокнижествѣ и убѣжалъ въ 1602 г. въ постъ въ Польшу. Такъ-какъ этотъ монахъ, по извѣстіямъ знавшихъ его, былъ въ Гощѣ, то, вѣроятно, тамъ онъ и сошелся съ Димитріемъ. По извѣстію Буссова ***), онъ-то и настроилъ его назваться этимъ именемъ. Король потребовалъ отъ Вишневецкаго, чтобъ онъ доставилъ къ нему отыскавшагося московскаго царевича, и Вишневецкій выѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ къ королю.

Польскіе паны ѣздили пышно и медленно; ихъ сопровождало множество экипажей и множество слугъ; за ними везли чуть не все хозяйство; а ѣдучи, если не было къ спѣху, они заѣзжали къ роднѣ и къ друзьямъ, гдѣ пріѣздъ гостей давалъ поводъ къ празднествамъ и угощеніямъ. Такъ было и теперь. Константинъ Вишневецкій, ѣхавшій вмѣстѣ съ женою, заѣхалъ и завезъ молодого царевича къ своему тестю Юрію Мнишку, Сендомирскому воеводѣ, въ Самборъ, городъ «королевскихъ добръ», отданный въ

*) Письмо Сигизмунда III.
**) Ibid.
***) Bussow, 26; русск. перев. 32.

управленіе Мнишку. Онъ находился въ превосходнѣйшемъ краѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстоположеніи надъ Днѣстромъ; былъ, какъ всѣ города, набитъ жидами; въ немъ былъ деревянный за̀мокъ, съ башнями и съ двумя воротами, надъ которыми возвышались башенки, покрытыя жестью; одна съ золотою маковкою. Тутъ находилось много деревянныхъ строеній, гдѣ помѣщались службы и находились пріюты для гостей, которые то и дѣло что пріѣзжали на дворъ и съѣзжали со двора знатнаго пана; былъ тамъ садъ, а за садомъ гумна, оборы, шпихлеры, пивоварня, скотня и проч. Напереди во дворѣ возвышался деревянный костелъ, а близъ него домъ или палацъ, гдѣ проживалъ Мнишекъ, управитель королевской экономіи въ Самборѣ. Палацъ въ Самборѣ былъ деревянный. Тогда богатые паны не гнушались домами построенными изъ лиственницы: это не мѣшало украшать ихъ великолѣпно и снаружи и внутри. На верху очень высокой въ два уступа, гонтовой крыши, со множествомъ слуховыхъ оконъ, была средняя вышка съ золоченой маковкой; по угламъ стояли вышки поменьше. Панскіе домы обыкновенно строились тогда въ два жилья, съ заворотами и угольниками, на глубокомъ подвалѣ. Наружное разнообразіе постройки увеличивалось многими входами съ крыльцами подъ навѣсами. Съ пріѣзда на дворъ бросался въ глаза главный входъ подъ фронтономъ на колонкахъ, украшеннымъ гербомъ владѣтеля (у Мнишковъ, пукъ перьевъ). Съ главнаго крыльца входили въ огромныя сѣни, гдѣ всегда бывало множество прислуги. Изъ сѣней былъ входъ въ столовую залу, обычное мѣсто сборища гостей; за нею анфиладою шло двѣ или три залы, убранныя нарядно. Потолки разрисовывались, раззолочивались узорами, рѣзныя створки дверей блистали позолотою; на дверяхъ и на окнахъ съ разноцвѣтными стеклами и лѣпными карнизами висѣли золототканные или бархатные занавѣсы съ широкою бахрамою; стѣны, столы и скамьи, а во многихъ комнатахъ и полы, укрыты были ковровыми тканями съ затѣйливыми изображеніями охоты, сраженій, любовныхъ сценъ, миѳическихъ и историческихъ событій и пр. На стѣнахъ висѣли картины и въ одной изъ залъ по стѣнамъ красовались въ золоченыхъ рамахъ портреты королей и предковъ хозяина. У стѣнъ стояли лавки съ откосами, а кресла, которыхъ было не много, дѣлались на золоченыхъ ногахъ съ золочеными рукоятками въ видѣ вычурныхъ фигуръ. Кромѣ этихъ парадныхъ комнатъ, панскій домъ наполняли жилыя комнаты въ различныхъ направленіяхъ, отличавшихся тѣмъ, что въ стѣнахъ были выемки и шкапы съ полками и дверцами для храненія всякаго рода домашнихъ вещей. Таковъ былъ общій видъ панскаго дома начала XVII в.;

такой видъ жилья долженъ былъ тогда представиться нашему монаху. Управитель самборскаго королевскаго имѣнія не пользовался расположеніемъ подданныхъ, которые были ввѣрены къ управленію; напротивъ, сохранились жалобы на притѣсненія и несправедливости Мнишка*). Это впрочемъ, было дѣло обычное въ имѣніяхъ, такъ или иначе пожалованныхъ отъ короля пану въ пользованіе или аренду. Огромная толпа панскихъ слугъ шляхетскаго званія жила на счетъ мѣщанъ, жителей города или мѣстечка даннаго пану; мѣщане обязаны были давать имъ стаціи на продовольствіе — хлѣбомъ, мукою, рыбою, мясомъ, а часомъ шляхтичь-слуга и насильно бралъ, что хотѣлъ, у мѣщанина. Когда пану нужно было что нибудь для дома — то это покупалось у подвластныхъ мѣщанъ; имъ вмѣсто чистыхъ денегъ давались карточки, которыя ходили между ними, какъ ассигнаціи и, разумѣется, падали въ цѣнѣ при сношеніяхъ съ чужими. Кромѣ обычныхъ по уставу поборовъ, панъ вымогалъ отъ мѣщанъ упоминки, особенно, когда случалось ему дѣлать пиръ. Тогда у пана веселились, а мѣщане терпѣли лишенія, втайнѣ проклиная панскую веселость.

Мнишекъ былъ пожилой человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, невысокаго роста, съ короткою шеею, дородный, съ высокимъ лбомъ, съ небольшой круглой бородой, съ выдавшимся впередъ подбородкомъ и съ голубыми плутоватыми глазами, со сладкими манерами, съ красивымъ образомъ выраженія. Воевода былъ въ восторгѣ, когда узналъ, какого знатнаго страннаго гостя привезъ ему зять. Есть извѣстія, дающія намъ возможность познакомиться нѣсколько съ этимъ человѣкомъ**). Слава объ немъ была не отличная. Отецъ его, Николай Вандалинъ Мнишекъ изъ Великихъ Кончицъ, родомъ былъ чехъ и пришелъ въ Польшу изъ Моравіи въ царствованіе Сигизмунда I., женился на дочери пана Каменецкаго русскаго воеводы и получилъ званіе короннаго подкоморія. Двое сыновей его — Николай и Юрій служили при дворѣ Сигизмунда-Августа и въ послѣдніе дни его жизни вошли къ нему въ большое довѣріе. Послѣ смерти своей любимой супруги, Барбары Радзивилловны, король впалъ въ тоску, которая истощила его нравственныя и тѣлесныя силы. Исполняя волю умирающей жены, Сигизмундъ-Августъ женился на австрійской принцессѣ, но скоро возненавидѣлъ ее и развелся съ нею. Онъ не могъ забыть Барбары; годы проходили, тоска его возрастала. Надобно было чѣмъ нибудь заглушить ее. Какъ

---

*) Въ дѣл. Литовск. Метрики.

**) У Оржельскаго, Bezkrólewie t. I и II.

часто бываетъ съ тѣми, которые страдаютъ отъ потери дорогихъ существъ, король предался распутству. Тутъ пригодились ему Мнишки. Они доставляли женщинъ для королевской спальни. Сигизмундъ-Августъ сталъ ребячески суевѣренъ: и въ этомъ угождали ему Мнишки; они держали у себя для короля двухъ колдуновъ Гроновіуса и Бурана; кромѣ того отыскивали и доставляли королю разныхъ бабъ шептухъ, гадальщицъ и лекарокъ, которыя волшебными средствами поддерживали въ королѣ способность наслажденія женскимъ естествомъ. Провѣдаютъ Мнишки про подобную знахарку, сейчасъ посылаютъ за нею, привозятъ къ королю тайно ночью, и та обливаетъ чудесною водою его изсохшее тѣло и совѣтуетъ оставить прежнюю любовницу и взять себѣ иную — такую-то. Мнишки добываютъ королю ту, на которую укажетъ колдунья. Тогда прежняя любовница, покинутая, вмѣстѣ съ своей бабой колдуньей, хотятъ вѣдовствомъ испортить короля. Опять работа Мнишкамъ. Они достаютъ еще одну бабу, которая уничтожитъ зловредныя чары прежней. Король былъ совсѣмъ не мстителенъ и не преслѣдовалъ тѣхъ любовницъ и бабъ, о которыхъ думалъ, что онѣ ему творятъ зло, а старался ихъ задобрить деньгами и подарками. Родственники и свойственники любовницъ получали королевскія милости и возвышенія. Предъ концомъ жизни короля была у него въ любви Барбара, дочь мѣщанина Гижи, называемая по отцу Гижанка. Она, и по своей красотѣ и по своему имени, напоминала ему незабвенную супругу Радзивиловну; король пристрастился къ ней. Ее досталъ ему Юрій Мнишекъ; онъ переодѣлся въ женское платье, вошелъ въ монастырь бернардиновъ, гдѣ воспитывалась Гижанка, подговорилъ ее, увезъ изъ монастыря и доставилъ на королевское ложе. Она жила во дворцѣ и каждый день два раза приводилъ ее къ королю Мнишекъ. Тогда Мнишки стали всемогущими людьми въ Рѣчи Посполитой. Юрій получилъ санъ короннаго крайчаго, начальствовалъ дворцовою стражею, оберегалъ здравіе любовницъ, которыхъ жило во дворцѣ пять съ ихъ роднею: изъ зависти и досады ихъ могли оскорблять; тогдашнее поведеніе короля соблазняло нравственныя понятія польскаго общества. Мнишекъ съ братомъ имѣли доступъ къ королю во всякое время, тогда-какъ знатные сенаторы, лица древнихъ родовъ, не такіе пришельцы, какъ они, принуждены были дожидаться за воротами, пока ихъ допустятъ къ высокой особѣ. Къ Мнишкамъ обращались съ просьбами; черезъ нихъ получались должности, имѣнія; Мнишки писали королевскимъ именемъ грамоты и подносили Сигизмунду Августу, не читая, подписывать слабою дрожащею рукою. Его домашняя

казна была въ распоряженіи Мнишковъ. Въ этомъ положеніи они получали отъ короля награды, да и сами не стѣснялись поживляться изъ той казны, которая отдана была имъ въ руки. Но окончательно обогатились они въ день смерти короля. Постепенно таявшій король, пріѣхавши съ Мнишками, съ Гижанкою и съ приближенными дворянами въ литовскій замокъ Книшинъ, скончался тамъ 7 іюля 1572 года. Въ ночь послѣ того Мнишки отправили съ своими слугами нѣсколько «мѣшковъ» изъ замка, а за шесть дней передъ тѣмъ вывезли уже такой большой сундукъ, что шесть человѣкъ едва могли поднять его. Другіе дворяне съ ихъ согласія также погрѣли руки. Домашняя королевская казна до того была очищена, что не во что было прилично одѣть смертныя останки короля. На послѣдовавшемъ потомъ избирательномъ сеймѣ возникло объ этомъ грабежѣ дѣло; оно началось по неудовольствію сестры короля, инфантки Анны, которая давно уже ненавидѣла Мнишковъ, оскорбляясь тѣмъ, что король больше оказывалъ чести и вниманія подставляемымъ ему отъ Мнишковъ любовницамъ, чѣмъ сестрѣ. Но за Мнишковъ стали заступаться сильные люди, которые были съ ними въ свойствѣ; доказывали, что невозможно фактически доказать разстрату королевскаго имущества и уговорили инфантку Анну оставить преслѣдованіе Мнишковъ. «Я много потерпѣла отъ нихъ—сказала инфантка — но пусть эти негодяи остаются ненаказанными: не приходится мнѣ въ моемъ горѣ домогаться ихъ заслуженной кары, а простить ихъ никогда не могу». Дѣло было прекращено. Не смотря, однако, на сильныя связи Мнишковъ, находились впослѣдствіи смѣлые люди, которые рѣшались обличать ихъ. На томъ же избирательномъ сеймѣ, когда нѣкоторые подавали мнѣніе избрать на польскій престолъ Пяста, противники замѣтили, что наслѣдственное правленіе имѣетъ ту невыгоду, что король можетъ приблизить себѣ любимцемъ какого нибудь негодяя, и будетъ въ родѣ того, какъ при Сигизмундѣ Августѣ, когда никто не смѣлъ сказать слова противъ пахолка Мнишка. При королѣ Генрихѣ, когда Юрій Мнишекъ исполнялъ за торжественнымъ обѣдомъ свою должность короннаго крайчаго, одинъ изъ королевскихъ дворянъ Заленскій заявилъ, что Юрій Мнишекъ, человѣкъ извѣстный своимъ дурнымъ поведеніемъ, не очистился отъ обвиненій, не достоинъ исполнять своей обязанности. Король, незнавшій дѣлъ Польши, объявилъ, что Юрій Мнишекъ долженъ оправдаться отъ такихъ обвиненій; но зять Мнишка Фирлей убѣдилъ короля оставить это дѣло и необращать на него вниманія. Съ тѣхъ поръ всѣмъ вѣдомые поступки Юрія и брата его остались безъ преслѣдованія, но

никогда уже Мнишки не могли смыть съ себя дурного воспоминанія. Ихъ огромныя богатства, пріобрѣтенныя около больного короля и награбленныя послѣ его смерти, сдѣлали ихъ значительными людьми въ Рѣчи Посполитой. При Стефанѣ Баторіѣ, Юрій былъ каштеляномъ Радомскимъ; но ни онъ, ни его братъ не играли важной роли въ политическихъ дѣлахъ. При Сигизмундѣ III, Юрій поддѣлался въ милость короля и получилъ воеводство Сендомирское, староство Львовское и управленіе королевскимъ имѣніемъ въ Самборѣ. При отсутствіи дарованій, трудолюбія и опытности въ важныхъ дѣлахъ, онъ держался и возвышался только богатствомъ, связями и интригами. Еще съ молоду онъ обставилъ себя выгодно родствомъ съ важными домами, и замѣчательно, что его родство и связи были преимущественно съ диссидентскими фамиліями. Одна сестра его была за аріаниномъ Стадницкимъ; другая — за кальвинистомъ, воеводою Краковскимъ Яномъ Фирлеемъ; самъ онъ былъ женатъ на Гедвигѣ Тàрло, которой отецъ и братья были упорные аріане; въ родствѣ съ нимъ была аріанская фамилія Олесницкихъ; даже Якубъ Сѣнинскій, главный коноводъ аріанской партіи, основатель аріанской академіи въ Раковѣ, былъ покровителемъ Мнишковъ. Такимъ образомъ, въ XVI в. мы встрѣчаемъ Мнишковъ въ глубоко-некатолическомъ кругу. Но когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ III, ревностный католикъ и другъ іезуитовъ,— Юрій Мнишекъ сталъ показывать себя католикомъ и, получивъ отъ короля въ управленія Самборъ, построилъ тамъ монастырь отцовъ Доминикановъ, а бернардинскаго ордена монастырь въ своемъ Львовскомъ староствѣ; подарилъ десять тысячъ на устройство іезуитской коллегіи въ Львовѣ. Ловкій человѣкъ наблюдалъ откуда вѣтеръ вѣетъ, и сообразно тому показывалъ свои убѣжденія и наклонности. Роскошная жизнь, при его крайней суетности и пустотѣ, истощала его большое состояніе; какъ ни велики казались его доходы, но ихъ не ставало для того блеска, которымъ окружалъ себя уже нажившій отъ пресыщенія подагру панъ; онъ вошелъ въ долги и поправлялся, устраивая дѣтей своихъ. Меньшую дочь свою Урсулу онъ успѣлъ выдать за князя Константина Вишневецкаго, сильнаго и чрезвычайно богатаго пана. Другая — старшая, по имени Марина, ожидала себѣ знатнаго жениха *).

*) По гербовнику Нѣсецкаго (т. III, стр. 280), Юрій Мнишекъ имѣлъ отъ первой жены двухъ дочерей: 1, *Марину,* 2, *Урсулу* Вишневецкую, и двухъ сыновей: *Яна* и *Станислава.* Гедвига, мать ихъ, принесла большое состояніе въ приданое Мнишку. Отъ второй жены, Софіи княжны Головчинской, было у него три дочери: *Анна, Христина* и *Евфросина,* и четыре сына: *Николай, Сигизмундъ, Станиславъ-Бонифацій*

Воевода былъ въ восторгѣ, когда узналъ, какого знатнаго и страннаго гостя привезъ ему зять. Онъ расточилъ все, чтобъ понравиться гостю и плѣнить его. Самборъ зашумѣлъ гостями. Съ разныхъ сторонъ спѣшили посмотрѣть на московскаго царевича. Съѣзжались къ Мнишку сосѣдніе паны; ѣхали и такіе гости, что хозяинъ ихъ встрѣчалъ на крыльцѣ, а для помѣщенія отводили имъ чистыя убранныя коврами комнаты, въ наугольникахъ дворца; и такіе, которыхъ помѣщали гдѣ нибудь на соломѣ; за обѣдомъ, сажая на концѣ стола, давали имъ ложки оловянныя, когда другимъ подавали серебрянныя, не давали ножей и вилокъ, не перемѣняли тарелокъ;—гости, которымъ хозяинъ надменнымъ обращеніемъ показываетъ, какъ велико для нихъ счастіе, что имъ дозволено переступить за его высокій порогъ, но которые, при случаѣ, когда ихъ много соберется, отомщали хозяевамъ за ихъ высокомѣріе, поднявши въ домѣ такую кутерьму, что гордому пану, по выраженію современника, меньше было свободы въ собственномъ дворцѣ, чѣмъ шинкарю въ своей корчмѣ. Такихъ гостей въ то время у Мнишка было много; и онъ въ нихъ нуждался для своего царевича, и они себѣ занятіе предвидѣли. Тогда въ Польшѣ — оттого, что въ модѣ было гостепріимство, пированье, щегольство — много было такихъ, что проѣдались, пропивались, проигрывались, и искали средствъ поправиться рыцарскими трудами, хотя бы обыкновеннымъ разбоемъ; по тогдашнимъ понятіямъ честнѣе было шляхетному человѣку разбойничать, чѣмъ жить съ разсчетомъ, трудами ремеслъ и торговли. У Мнишка начались пиры, гдѣ всего роскошнѣе высказывалась приманчивая сторона польской жизни. Не скупился Мнишекъ, надѣясь воротить съ лихвою потраченное на счетъ московщины. Польскій пиръ въ тѣ времена такъ отправлялся. Въ два часа по полудни ударялъ колоколъ между палаццомъ и официною. Гости собирались въ столовую, гдѣ полъ былъ усыпанъ пахучими травами, а въ воздухѣ носились облака благовонныхъ куреній; въ одномъ углу за перилами блистала пирамида серебряной и золотой посуды,

---

и *Францъ-Бернардъ*. Дѣти отъ второй жены, въ описываемое нами время, еще не были совершеннолѣтними.

По родословной книгѣ Долгорукаго, у Юрія Мнишка были дѣти: а) сыновья: 1, Янъ-Стефанъ р. 1580, ум. 1602, 2, Станиславъ-Вонифатій ум. 1645, женатый на княгинѣ Софіи Сангушко, умершей въ 1605 г., 3, Николай, 4, Францъ-Бернардъ, каштеллянъ Сандецкій, женатый на Варварѣ Стадницкой; б) дочери: 1, Христина-Терезія, монахиня Кармелитка; 2, Анна, за Войницкимъ каштелляномъ Петромъ Шишковскимъ, 3, Урсула, княгиня Вишневецкая, 4, Марина, 5, Евфросинія, за Ермолаемъ Іорданомъ (Родослов. кн. III. 197).

а въ противоположномъ, также за перилами, сидѣлъ оркестръ музыкантовъ, съ преобладаніемъ духовыхъ инструментовъ. Маршалокъ, стоя у дверей столовой, впускалъ гостей по реестру. Четыре служителя подходили къ гостямъ поочереди; одинъ держалъ тазъ, другой изъ серебряннаго сосуда лилъ на руки гостю благовонную воду, третій и четвертый подавали ему утереть руки вышитое по краямъ полотенце. Гости садились за столъ, обыкновенно поставленный въ видѣ буквъ *покоя* или *твердо*, смотря по количеству гостей, накрытый тремя скатертями одна сверху другой и уставленный множествомъ серебрянныхъ и позолоченныхъ кубковъ, чарокъ, рострухановъ и серебрянныхъ судковъ съ филегранными корзинами на верху для плодовъ. Дамы садились попеременно съ мужчинами для веселости бесѣды. Музыканты играли въ продолженіе всего обѣда. Подстолій, крайчій, подчашій распоряжались слугами: множество послѣднихъ въ цвѣтныхъ платьяхъ бѣгали взадъ и впередъ, ставили на столъ и снимали со стола кушанья, которыхъ бывало у поляковъ обыкновенно четыре перемѣны, и на каждую перемѣну ставилось разомъ на столъ блюдъ пятьдесятъ и больше, какъ можно по затѣйливѣе изготовленныхъ, какъ по выбору матеріала, такъ и по способу приготовленія: тутъ подавались чижи, воробьи, коноплянки, жаворонки, чечетки, кукушки, козьи хвосты, пѣтушьи гребешки, бобровые хвосты, медвѣжьи лапки, какой-нибудь соусъ въ видѣ барана съ позолоченными рогами, налитого жидкостію пропитанною шафраномъ; но особенно художническое дарованіе поваровъ выказывалось въ концѣ обѣда на цукрахъ, когда снявши верхнія скатерти; слуги устанавливали столъ сахарными изображеніями городовъ, деревьевъ, животныхъ, людей, и пр., и пр. Такъ какъ польская вѣжливость требовала въ этомъ случаѣ представить изображенія, имѣющія отношеніе къ почетному гостю, то нашъ претендентъ видѣлъ на столѣ у Мнишка двуглавые орлы, московскій кремль съ позолоченными куполами церквей и свое собственное подобіе на тронѣ въ мономаховой шапкѣ. Изъ кубковъ вычурной работы, которые Польшѣ доставляли во множествѣ Нюренбергъ и Генуя, пили заздравныя чаши стараго венгерскаго, и тутъ было раздолье всевозможному краснословію, тутъ сыпались фразы изъ св. писанія, изъ латинскихъ классиковъ, изъ греческихъ философовъ, часто въ искаженномъ видѣ, уподобленія изъ миѳологіи, примѣры изъ древней исторіи, диѳирамбы католичеству, восхваленія доблести польскихъ героевъ, угрозы невѣрію. Димитрій разсказывалъ о козняхъ Бориса, о собственномъ терпѣніи; шляхтичи обѣщали служить ему и поло-

жить за него жизнь. Ознакомившись съ пріемами тогдашней вѣжливости, Димитрій нравился полякамъ, когда приводилъ разные примѣры изъ исторіи, какъ цари и властители были въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ онъ самъ теперь, а впослѣдствіи достигали могущества и дѣлались славны подвигами своими. «Такими — говорилъ онъ — были Киръ и Ромулъ, пастухи бѣдные, ничтожные, а потомъ царскіе роды основали и заложили великія государства». Ловко и красиво сплетенныя фразы приводили поляковъ въ восторгъ. «Не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ истинный царевичъ! Москва — народъ грубый и неученый, а этотъ знаетъ и древности и риторику; онъ долженъ быть царскій сынъ».

Еще гости сидѣли и толковали за кубками венгерскаго, а уже блескъ польскаго пира смѣнялся другою стороною польскаго веселья. Музыка играла полонезъ. Дамы, ушедшія изъ за стола заранѣе, входили попарно въ танцовальныхъ нарядахъ, сверкая множествомъ цѣпей, украшавшихъ ихъ грудь, затѣйливыми филегранными кружевами около шеи, дорогими перстнями на пальцахъ, въ тѣ времена не закрываемыхъ перчатками. Онѣ плавно подходили къ пирующимъ и кланялись; мужчины, покручивая усы, побрякивая карабелями и поправляя на головахъ расшитыя золотомъ магерки, молодецки выступали за ними и попарно шли по разнымъ покоямъ дома. Эта процессія открывала рядъ туземныхъ и иноземныхъ танцевъ въ сосѣдней залѣ: ихъ никто не въ состояніи былъ описать; фигуры вымышлялись по вдохновенію, а общаго между ними было то, что въ тѣлодвиженіяхъ, круженіяхъ, бѣготнѣ, разыгрывалась исторія любви, ея упоенія, ея муки, измѣна, ревность, спокойствіе семейнаго счастія, житейское горе, ссоры и примиренія, торжество мужеской отваги и женской красоты. Эти танцы сопровождались хорами, криками, стуками, хлопаньемъ въ ладоши, ударами металлическихъ подковъ до появленія искръ. Вліяніе западно-европейской образованности ввело въ польское общество и иноземные танцы; въ знатныхъ домахъ, они свидѣтельствовали о хорошемъ тонѣ, но и тамъ не изгнали они еще народныхъ забавъ, и на балѣ польско-русскаго пана можно было рядомъ съ чужеземными танцами увидѣть нѣжно-разбитную горлицу или удалаго казака, танцуемаго подъ меланхолическую украинскую пѣсню, которую пѣлъ по срединѣ залы съ лютнею какой нибудь шляхтичъ, и притомъ забавлялъ гостей передразниваньемъ степныхъ пріемовъ запорожцевъ. Нашъ претендентъ проникся прелестію такого веселья и уже мечталъ ввести въ своемъ московскомъ отечествѣ эти признаки цивилизаціи.

Не меньше приманчивая сторона польской жизни высказывалась въ охотѣ. Послѣ танцевъ, это была любимая забава. Знатный панъ, открывая свой домъ для гостей, считалъ долгомъ угостить ихъ охотою на своихъ поляхъ, пощеголять своими собаками, соколами, кречетами. Тутъ было гдѣ развернуться шляхетскому молодцу, показать свою ловкость и мужество, красоту своей лошади, блескъ конскаго убора, на который поляки тратили чуть не столько, сколько на посуду. Тутъ молодыя пани и панны показывали свою удаль наравнѣ съ мужчинами, и нигдѣ польская красавица не была такъ очаровательна, какъ несясь на конѣ въ полумужскомъ нарядѣ съ развѣвающимися по вѣтру кудрями изъ-подъ бирета украшеннаго перьями.

Дочь Мнишка, Марина, была дѣвица росту небольшого, съ черными волосами, съ красивыми чертами лица, но въ ея немного прижатыхъ губахъ, узкомъ подбородкѣ виднѣлась какая-то сухость, а глаза ея блистали болѣе умомъ и силою, чѣмъ страстію. Эта дѣвица употребила тогда всю силу женской прелести, чтобъ овладѣть царевичемъ; а это было нетрудно. Монахъ скиталецъ не зналъ женщинъ, или можетъ быть зналъ ихъ только съ такой стороны, съ какой можно было къ нимъ прикасаться бродягѣ; онъ очутился въ очарованномъ мірѣ любви и красоты, непохожемъ на его грустную жизнь. Онъ влюбился и первыя впечатлѣнія любви, какъ бываетъ часто, опредѣлили его послѣдующую судьбу. Тутъ вѣроятно утвердилось то предпочтеніе всему польскому предъ русскимъ, та любовь къ польскимъ нарядамъ, къ польскому языку, къ польскому образу жизни и къ польскимъ понятіямъ,—все, что впослѣдствіи очертило характеръ этого человѣка и погубило его.

Чтобы увѣрить гостей въ подлинности Димитрія, какъ разумѣется захотѣлось Мнишку съ перваго раза, призваны были слуги, которые когда-то находились въ плѣну въ Московщинѣ. Слуги, разумѣется, говорили такъ, какъ желательно господамъ: увѣряли предъ всѣми, что знали и видали Димитрія въ Московщинѣ, и клялись, что это по истинѣ царевичъ. Ихъ не спрашивали, какъ и гдѣ они могли видѣть царевича; всѣ вѣрили имъ, потому что пріятнѣе было вѣрить, чѣмъ не вѣрить; успокоивали свои сомнѣнія, радуясь, что такъ скоро можно ихъ успокоить; хотя эти свидѣтели не выдержали бы самой легкой критики. Въ южно-русскомъ краѣ жило много московскихъ дѣтей боярскихъ, перешедшихъ на жительство во владѣнія польскаго короля; тамъ имъ давали помѣстья. Еще многіе убѣжали туда отъ тиранства Ивана Васильевича; другіе спасались отъ Бориса. Услышали они, что явился царевичъ. Имъ было под-

ручно признать его за настоящаго. Въ случаѣ неудачи они ничего не теряли и оставались бы въ томъ же положеніи, въ какомъ находились; а въ случаѣ удачи, ихъ могло ожидать возвращеніе въ отечество, почести и возвышеніе въ благодарность за содѣйствіе царю въ полученіи законнаго достоянія. Они пріѣзжали смотрѣть царевича, и тѣ изъ нихъ, которымъ по времени своего удаленія изъ отечества возможно было видѣть царевича, свидѣтельствовали передъ всѣми, что онъ истинный Димитрій, сосланный въ дѣтствѣ въ Угличь, о которомъ распространяли ложный слухъ, будто онъ убитъ. Видя, что его признаютъ свои, поляки тѣмъ скорѣе успокоивали свои сомнѣнія.

Кромѣ женскихъ сѣтей, наслѣдника Московскаго престола опутывали въ тоже время иными сѣтями. Тогда было время, когда католическая пропаганда обратила сильнѣйшую дѣятельность на Московію. Чрезвычайные успѣхи іезуитскаго ордена побуждали ее къ смѣлымъ предпріятіямъ, располагали къ широкимъ предположеніямъ. Изъ отдаленныхъ странъ Японіи, Китая, Индіи, Америки приносились баснословныя извѣстія о быстромъ паденіи идолопоклонства и невѣрія, о торжествѣ истинной религіи. Въ Европѣ протестанство уступало реакціи. Въ Польшѣ и Литвѣ только что совершилось давно желанное присоединеніе грекославянской церкви: флорентійскій соборъ переставалъ быть однимъ воспоминаніемъ. Ничего не было естественнѣе побужденія слѣдовать далѣе — проникнуть въ Московщину и покорить власти св. Петра схизматическія и языческія души этой неизмѣримой страны. Въ Западной Европѣ знали, что въ Московскомъ государствѣ царь всемогущъ, ничто не можетъ остановить его воли: народы привыкли повиноваться ей безъ размышленія и считать справедливымъ то, что царь такимъ почитаетъ. Казалось, нужно только, чтобъ московскій государь былъ расположенъ присоединиться къ западной церкви — весь управляемый имъ край послѣдуетъ за нимъ. Іезуитская политика вездѣ отыскивала слабую сторону и на нее дѣйствовала, и черезъ нее проводила свои виды. Въ Польшѣ могущественна была аристократія; на нее налегли іезуиты. Въ Московіи все значилъ царь: для успѣха въ этой землѣ, и нужно во что бы то ни стало сдѣлать царя орудіемъ пропаганды. Уже не одинъ разъ подбиралось латинство къ Москвѣ и придавало себѣ больше успѣха, чѣмъ сколько было его на дѣлѣ. Отецъ царя Ивана Грознаго, Василій, по поводу войны съ Литвою, завелъ сношеніе съ римскимъ дворомъ, принималъ папскихъ пословъ, посылалъ въ Римъ своего, обращался къ папѣ съ вѣжливыми письмами; изъ этого папы и весь католическій міръ заклю-

чали, что московскій государь уже призналъ власть апостольскаго престола *). Въ 1580 году, Иванъ Грозный, по поводу войны съ Баторіемъ обратился къ папѣ, и тогда посланъ былъ отъ св. отца кардиналъ іезуитъ Антоній Поссевинъ. Устроивши миръ московскаго государя съ Баторіемъ, Поссевинъ отправился въ Москву съ покушеніемъ осуществить завѣтное желаніе присоединенія московской церкви. Покушеніе неудалось; но двукратное обращеніе московскихъ государей къ главѣ римско-католической церкви показывало, что московскіе государи могутъ имѣть необходимость въ связи съ римскимъ престоломъ и рано ли, поздно ли, — а можетъ отыскаться счастливый случай, когда московскій государь будетъ поставленъ въ условія, благопріятныя для папскихъ видовъ. И католичество искало этого желаннаго случая. Послѣ неудачной поѣздки Поссевина, папская политика не теряла изъ вида Московіи. Письма за письмами слѣдовали къ московскому государю. Сношенія стали чаще. Римъ слѣдилъ за событіями въ Московскомъ государствѣ; папскіе нунціи при польскомъ дворѣ и іезуиты, разсыпанные по Литвѣ, были его соглядатаями въ этомъ дѣлѣ. Узнавали и сообщали въ Италію обо всемъ, что дѣлалось въ Московскомъ государствѣ, соображали разныя стороны: нельзя ли за то или за другое уцѣпиться. Малоуміе Θеодора, ссоры между боярами, возвышеніе Бориса, предположенія объ избраніи московскаго государя на московскій престолъ, сношенія съ Персіею, подданство Грузіи — всѣ эти событія обращали на себя вниманіе римскаго престола и его слугъ. Важнѣйшимъ поводомъ къ сношеніямъ съ Московскимъ государствомъ казался тогда вопросъ о войнѣ съ Турціею, объ участіи московскаго государя вмѣстѣ съ католическими монархами въ предполагаемомъ союзѣ христіанства противъ ислама: въ этомъ отношеніи, папской пропагандѣ естественно было присосѣдиться къ сношеніямъ Австріи съ Московскимъ государствомъ. Австрія болѣе всѣхъ христіанскихъ державъ нуждалась въ образованіи союза противъ турокъ, и потому ей ближе всего и нужнѣе всего было побуждать Московское государство ко взаимному союзу. По этому поводу папа Климентъ VIII отправилъ къ царю Θеодору посломъ иллирійскаго прелата Александра Камулеоне: онъ былъ природный славянинъ и выучился по-русски; до того времени не было подобнаго, и отъ его посольства ожидали большихъ успѣховъ. «Семьсотъ или восемьсотъ лѣтъ прошло съ принятія христіанства, а еще никогда не случилось, чтобъ отъ св. престола былъ посланъ къ москвитянамъ знающій ихъ языкъ, и потому

*) Hist. Russ. Mon. I. 128, 184.

есть надежда, что вы будете орудіемъ для бо̀льшаго блага св. церкви,» — говорилось въ наказѣ этому славянину. Предлогомъ посольства было расположить къ войнѣ противъ Турціи въ помощь Австріи. Посолъ долженъ былъ обѣщать Московскому государству завоеваніе Константинополя, указать, что прямое назначеніе московскаго государя присоединить къ себѣ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ, находящихся подъ турецкимъ игомъ, которые мало разнятся по языку отъ московитянъ. Разсчитывали, такимъ образомъ, на подмѣченную уже склонность Московскаго государства къ расширенію предѣловъ своихъ владѣній. Но главная цѣль посольства была попытаться склонить царя этими блестящими надеждами къ подчиненію папской власти. Посолъ долженъ былъ дѣйствовать на высокомѣріе московскаго государя: съ одной стороны, представить, какъ унизительно находиться подъ духовною властію константинопольскаго патріарха, который получаетъ свой санъ за деньги и есть рабъ турецкаго государя, главнаго врага христіанства, съ другой — польстить его императорскою короною, которую дать можетъ только одинъ папа. Славянинъ приготовился спорить о вѣрѣ и отвѣчать на всевозможные вопросы о различіи догматовъ, уставовъ и обрядовъ *). Этотъ проповѣдникъ ѣздилъ въ Москву два раза; онъ не сдѣлалъ тамъ ничего важнаго; но пропаганда не оставила своего дѣла; надобно было искать иныхъ путей. Өедоръ умеръ. Возшелъ на престолъ Борисъ. Еще когда онъ былъ правителемъ, папа зналъ о немъ и писалъ къ нему вѣжливыя письма. Съ перемѣною династіи приходили въ Римъ неясныя и двусмысленныя вѣсти. Оказалось нужнымъ поближе узнать, что дѣлается въ Московщинѣ. И вотъ, въ 1601 г.**) посланы были двое пословъ португальцы, Франческо Коста и Дидакъ Миронда Генрихъ, въ Персію черезъ Московію, съ просьбою дозволить имъ проѣхать черезъ эту страну. Явно было для Бориса, говоритъ жившій въ московскомъ государствѣ голландецъ ***), что эти послы пріѣзжали съ тѣмъ, чтобы провѣдать, что дѣлается въ Московской землѣ и узнать свойства народа, потомъ передать объ этомъ свѣдѣнія своему государю римскому папѣ, чтобы впослѣдствіи употребить ихъ для своего искусства. Борисъ угостилъ ихъ и съ миромъ отпустилъ. И такъ, когда за Московскимъ государствомъ наблюдали пристально и знали и хотѣли знать въ подробности, что тамъ дѣлается, такія событія, какъ

*) Др. р. Вивл. XII, 458.
**) Hist. Russ. Mon. II. 54.
***) Is. Mass.

убійство послѣдняго наслѣдника прежней династіи, воцареніе Бориса, несчастія его царствованія, нелюбовь къ нему народа, наконецъ слухъ о спасеніи Димитрія, не могли не приниматься въ соображеніе при стремленіи римской пропаганды проникнуть въ Московское государство. Димитрій появился чрезвычайно кстати для нее; да и для него въ его положеніи она была необходима. Въ Польшѣ было время господства сильной католической реакціи. Протестантское вольнодумство падало. Іезуитское воспитаніе передѣлывало молодое панское поколѣніе въ вѣрныхъ слугъ св. престола. На польскомъ престолѣ царствовалъ король, глубоко преданный католичеству. Чтобъ снискать себѣ поддержку въ Польшѣ, Димитрію выгодно было показаться готовымъ принять католичество и обѣщать его ввести въ Московское государство, а католической пропагандѣ отыскивался наконецъ самый счастливый и удобный случай для ея видовъ; то, о чемъ она помышляла, сбывалось: царь московскій расположенъ къ католичеству и слѣдовательно введетъ его въ своихъ владѣніяхъ. Не видно ни изъ чего, чтобы Мнишекъ былъ очень ревностный папистъ; но какъ практическій человѣкъ, онъ долженъ былъ сразу понять, что самая вѣрная надежда Димитрію отъ короля и католической Польши будетъ тогда, когда въ молодомъ царевичѣ замѣтятъ готовность быть орудіемъ католической пропаганды. Ксендзы принялись за Димитрія; дамы имъ помогали. Царевича плѣняли обаяніемъ богослужебнаго великолѣпія. Ксендзъ Помасскій, духовникъ королевскій въ Самборѣ, расточалъ предъ нимъ доводы своей учености. Претендентъ понялъ, что предъ нимъ сила и ей надобно угождать; и за то за каждое слово, сказанное имъ дружелюбно о римско-католической церкви, и духовные и свѣтскіе восхваляли его умъ, дарованія, краснорѣчіе; кричали, что все въ немъ показываетъ истинное царственное происхожденіе, что долгъ справедливости и человѣчества побуждаетъ всякаго помогать ему, и заранѣе пророчили московской державѣ счастье и величіе, когда надъ нею воцарится такой мудрый государь. Его побудили написать письмо къ папскому нунцію Рангони, жившему въ Краковѣ, и искать его покровительства. Кругомъ царевича все твердило, что если онъ пріобрѣтетъ его благосклонность, то успѣхъ несомнѣненъ: нунцій напишетъ святому отцу, а слово святого отца все можетъ; — вся Польша пойдетъ за него.

Димитрій написалъ къ нунцію. Нунцій не отвѣчалъ, но въ то же время, какъ оказывается изъ переписки, написалъ папѣ о Димитріѣ, сообщилъ, что явленіемъ его въ польскихъ владѣніяхъ слѣдуетъ воспользоваться въ видахъ распространенія рим-

ско-католической вѣры. Прождавши нѣсколько времени, Димитрію совѣтовали писать въ другой разъ. Онъ послушался, написалъ въ другой разъ и опять нѣсколько времени ждалъ отвѣта. А между тѣмъ іезуиты слѣдили каждый шагъ его и доносили нунцію, что дѣло идетъ очень успѣшно, молодой царевичъ расположенъ и настроенъ принять католичество.

Наконецъ изъ Кракова послѣдовало новое приглашеніе къ Вишневецкому и Мнишку, чтобъ они ѣхали въ столицу, везли съ собой спасеннаго чудесно царевича и представили королю. Такъ Димитрій, поживши въ домѣ Мнишка весело, выѣхалъ; его провожало уже много друзей: а въ головѣ у него былъ чарующій образъ женской прелести, который болѣе всего увлекаетъ къ предпріимчивости пылкія натуры.

II.

Димитрій въ Краковѣ. — Сватовство. — Наборъ ополченія. — Вступленіе въ Московское государство.

Димитрій съ панами прибылъ въ Краковъ въ мартѣ 1604 года. На другой день пріѣзда, нунцій посѣтилъ Димитрія. Онъ слушалъ съ участіемъ его разсказъ о чудесномъ спасеніи, удивлялся промыслу Божію и говорилъ: «перстъ Божій явно показываетъ, что провидѣніе сохранило тебя для великаго дѣла человѣческаго спасенія; призваніе твое велико!» Наконецъ, нунцій объявилъ положительно, что король и польская нація будутъ ему помогать только въ такомъ случаѣ, если онъ приметъ покровительство папы и соединеніе со святою римско-католическою религіею. Письма Димитрія къ нунцію, который не отвѣчалъ на нихъ, хранили какъ обличительный документъ на случай: они были растолкованы такъ, какъ будто со стороны московскаго царевича уже послѣдовало полное обѣщаніе принять католическую вѣру. Претенденту некуда было дѣваться: въ случаѣ отказа, онъ лишался помощи. Этого мало; онъ могъ бояться, что когда Борисъ начнетъ усильно домогаться его выдачи, то его могутъ и выдать, какъ существо безполезное для цѣлей Польши и напротивъ вредное для согласія съ сосѣдями. Іезуиты въ своихъ ежегодникахъ (Annuæ) разсказываютъ, что царевичъ, опасаясь, чтобъ его не узнали московскіе люди, приверженные къ схизмѣ, переодѣлся, окуталъ лицо, и въ нищенскомъ видѣ, въ сопровожденіи одного польскаго пана, шатаясь подъ окнами домовъ, какъ будто прося милостыни, пришелъ въ іезуитскій домъ

ради принятія римско-католической вѣры, а потомъ отъ нунція былъ причащенъ св. Таинъ и помазанъ миромъ въ утвержденіе вѣры. Сказаніе это болѣе чѣмъ сомнительно; царевичу не было необходимости, для укрытія своего поступка отъ московскихъ людей, переодѣваться нищимъ вмѣстѣ съ паномъ, съ которымъ могъ пріѣхать къ іезуитамъ въ закрытой каретѣ. Правдоподобнѣе, кажется, разсказъ Чилли, бывшаго секретаремъ короля Сигизмунда III.

Въ слѣдующее воскресенье послѣ своего пріѣзда, Димитрій пріѣхалъ къ Рангони, и тамъ, въ присутствіи многихъ особъ, между которыми находился сообщающій эти извѣстія Чилли *), обѣщалъ ввести съ римскою церковію единство. Послѣ того монсиньоръ Рангони далъ ему великолѣпный пиръ, гдѣ угощалъ многихъ польскихъ пановъ, которыхъ тогда увидѣлъ въ первый разъ претендентъ, и которые всѣ разсыпались передъ нимъ въ увѣреніи въ преданности и готовности помогать его дѣлу.

Обдѣлавши, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, монсиньоръ ввелъ самъ царевича къ королю. Сигизмундъ III давно уже ждалъ его и желалъ видѣть. Получивши извѣстіе о его появленіи у Вишневецкихъ, польскій король тотчасъ сообразилъ, что изъ этого можно извлечь выгоды для страны, которою управлялъ, и разослалъ письма къ разнымъ важнымъ панамъ: извѣщалъ о событіи, просилъ совѣта, какъ поступить, а съ своей стороны наклонялся къ мнѣнію, что слѣдуетъ принять благосклонно претендента на московскій престолъ, но не излагалъ этого мнѣнія настойчиво, готовясь во всякомъ случаѣ послѣдовать чужимъ совѣтамъ. Этимъ поступкомъ король хотѣлъ оградить себя на будущее время отъ укоровъ, которые бы его постигли, еслибъ онъ самовольно поступалъ такъ или иначе въ такомъ важномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, впослѣдствіи это послужило его защитникамъ и сторонникамъ поводомъ оправдать его, когда нѣкоторые вздумали было обвинять короля за принятіе неизвѣстнаго лица, бездоказательно назвавшагося царственнымъ именемъ. Король получалъ различные отвѣты: нѣкоторые совсѣмъ были противъ участія въ этомъ дѣлѣ; другіе не прочь были обратить это явленіе въ пользу Рѣчи Посполитой, но боялись войны съ Московскимъ государствомъ. Выпытавши мнѣніе пановъ, король приготовился принять Димитрія ласково, но сдержанно. Самъ онъ лично былъ болѣе расположенъ въ его пользу, чѣмъ сколько смѣлъ выказать. Онъ встрѣтилъ претендента, стоя, съ горделивой, но привѣтливой осанкой, опершись одной рукой на малень-

*) Stor. di Moscov. II.

кій столикъ, и протянулъ ему руку съ улыбкой. Изгнанникъ поцѣловалъ ее. Король былъ въ шляпѣ; Димитрій съ открытой головой. Димитрій началъ говорить съ нѣкоторымъ страхомъ; потомъ сталъ смѣлѣе, изъяснилъ, что онъ, лишенный наслѣдія царевичъ, по волѣ провидѣнія нѣкогда спасенный отъ злодѣйскаго умысла Годунова, долго проживалъ въ неизвѣстности, а теперь ищетъ отеческаго наслѣдія. «Многіе бояре московскіе доброжелательствуютъ мнѣ, многіе знаютъ о моемъ спасеніи и о настоящихъ моихъ намѣреніяхъ. Вся земля Московская оставитъ похитителя и станетъ за меня, какъ только увидитъ сохраненную отрасль своихъ законныхъ государей: нужно только немного войска, чтобы мнѣ войти съ нимъ въ предѣлы московскіе».

Димитрій, по обычаю, пересыпалъ рѣчь свою примѣрами изъ исторіи и кончилъ ее такъ: «вспомните, ваше величество, что вы родились узникомъ: Богъ освободилъ васъ и вашихъ родителей; Богъ хочетъ, чтобъ вы освободили меня отъ изгнанія и потери отеческаго престола *).» На пановъ, стоявшихъ около, эта рѣчь сдѣлала хорошее впечатлѣніе: она была произнесена съ благородствомъ, съ царскою простотою и съ выраженіемъ глубокаго чувства. Сигизмундъ ничего не отвѣчалъ, но далъ знакъ своему дворецкому; тотъ попросилъ царевича на минуту выйти. Король сталъ совѣтоваться съ нунціемъ наединѣ. Черезъ нѣсколько минутъ позвали царевича снова; за нимъ вошли и паны. Король далъ ему такой отвѣтъ: «Боже тебя сохрани въ добромъ здоровьѣ, московскій князь Димитрій. Мы тебя признаемъ княземъ; мы вѣримъ тому, что отъ тебя слышали, вѣримъ письменнымъ доказательствамъ тобою доставленнымъ и свидѣтельствамъ другихъ; и поэтому мы назначаемъ тебѣ на твои нужды сорокъ тысячъ злотыхъ въ годъ; съ этого врѐмени ты другъ нашъ и находишься подъ нашимъ покровительствомъ; мы позволяемъ тебѣ имѣть свободное обращеніе съ нашими подданными и пользоваться ихъ помощію и совѣтомъ, насколько будешь имѣть нужду.»

Въ этихъ словахъ не было никакого обѣщанія со стороны короля и еще менѣе польской націи: послѣдняго не смѣлъ сказать король, даже и тогда, когда бы имѣлъ за собою расположеніе пановъ помогать Димитрію. Всякое политическое дѣло зависѣло отъ сейма, а не отъ короля. Но и этого было уже достаточно: Сигизмундъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ, что не станетъ противодѣйствовать тѣмъ, которые возъимѣли бы доброе желаніе помогать Димитрію.

*) Baresz. Barezzi, 6. — Grevenbr. 12. — Lubieński 29.

Претендентъ не отвѣчалъ ни слова, пришелъ въ смущеніе; нунцій за него изъявлялъ чувства благодарности.

Отъ короля Димитрій отправился къ воеводѣ. Туда прибылъ и нунцій; снова онъ обнималъ и цѣловалъ Димитрія, совѣтовалъ быть дѣятельнымъ, просилъ присутствовавшихъ пановъ помогать ему всѣми силами къ пріобрѣтенію короны; онъ объяснялъ, что если король не обѣщалъ помощи отъ всего королевства Польскаго, то паны, соединившись, могутъ привести въ исполненіе великое предпріятіе; а Димитрія просилъ не забывать своего великаго назначенія — содѣйствовать распостраненію римско-католической вѣры. Здѣсь нунцій вручилъ Димитрію письмо отъ папы: святой отецъ посылалъ ему свое благословеніе, назидательные и утѣшительные совѣты и побужденія — преслѣдовать неуклонно предположенную цѣль и возвратить себѣ родительское достояніе*). Благодаря посламъ своимъ, проѣхавшимъ через Московское государство въ Персію, папа хорошо зналъ, что происходитъ въ Московскомъ государствѣ, какъ ненавидятъ Бориса, какъ вѣрятъ, что Димитрій живъ и ждутъ его появленія, и по этимъ свѣдѣніямъ папа надѣялся, что дѣло претендента пойдетъ удачно.

Къ Димитрію назначили отца іезуита Савицкаго, который поучалъ его въ догматахъ римско-католической вѣры, показывалъ ему величіе римско-католическаго богослуженія и укоренялъ въ немъ мысль о соединеніи съ римско-католическою церковью для блага и согласія всего христіанства.

Во время пребыванія его въ Краковѣ явилась толпа московскихъ людей,—на челѣ ихъ былъ какой-то Иванъ Порошинъ съ товарищами; они услышали, что во владѣніяхъ короля Польскаго есть кто-то называющій себя царевичемъ Димитріемъ, и хотѣли взглянуть на него. Когда ихъ допустили, они поклонились ему и признали его настоящимъ своимъ законнымъ государемъ. Тогда же съ Дону прибыло двое атамановъ, Корѣла и Нѣжакожъ. Когда посланный Димитріемъ па Донъ монахъ извѣстилъ казаковъ и увѣрялъ, что Димитрій живъ и находится въ Польшѣ — въ казацкомъ кругу стали думать и такъ и иначе; восемь тысячъ молодцовъ съ своими атаманами рѣшили такъ: итти къ польскимъ границамъ и отправить на вывѣдку двоихъ—узнать настоящій ли Димитрій явился, и если найдутъ, что онъ настоящій, тогда казачество будетъ служить ему. Посланнымъ назначили двухнедѣльный срокъ. Эти посланцы—двое атамановъ—и явились теперь въ Краковъ. Съ ними былъ какой-то бѣглецъ изъ сѣверскихъ областей; онъ объявилъ передъ всѣми, что видѣлъ когда-то Димитрія въ Угличѣ

*) Отвѣтъ на это письмо отъ Димитрія, рукописный, доставленъ г. Миндлофомъ.

и теперь узнаетъ его. Этотъ свидѣтель нашелъ въ претендентѣ царевича Димитрія съ перваго раза. Онъ разсказывалъ, что Борисъ мучитъ, умерщвляетъ тайно ядомъ, разворяетъ цѣлыя семейства за одно слово о Димитріѣ. Нелюбимый и прежде Борисъ, за послѣднія свои злодѣянія, сдѣлался еще ненавистнѣе всѣмъ, и нужно только появиться Димитрію въ московскихъ предѣлахъ— вся земля пристанетъ къ нему. Эти свидѣтельства и извѣстія придавали полякамъ надежду, что если повести Димитрія въ Московское государство, то предпріятіе пойдетъ успѣшно; а казацкіе атаманы, видя, что знатные паны и самъ польскій король признаютъ явившагося Димитрія настоящимъ, объявили ему готовность служить всѣмъ тихимъ Дономъ, и воротившись къ своимъ, увѣряли, что царевичъ дѣйствительный *).

Въ Польскомъ сенатѣ однако не такъ горячо принимались за дѣло. Понятно, что украинскимъ панамъ, которые преслѣдовали прежде всего свою личную пользу или свое тщеславіе, а еще болѣе духовнымъ и іезуитамъ, не нужно было слишкомъ строгой критики и можно было довольствоваться тѣми доказательствами, которыя до сихъ поръ представлялись. Достаточно было ихъ и для тѣхъ русскихъ, которые не терпѣли Бориса и готовы были стать подъ какое угодно знамя, лишь бы оно развѣвалось съ цѣлію низложить ненавистнаго похитителя. Но люди, у которыхъ на первомъ планѣ была безопасность Польши и внутренняя и внѣшняя, разбирали построже: сообразно ли съ выгодами Польши намѣреніе помогать Димитрію. Сигизмундъ былъ иноземецъ для Польши и по душѣ и по тѣлу: шведъ по рожденію, нѣмецъ по симпатіямъ и по жизненной обстановкѣ, римлянинъ по религіознымъ побужденіямъ, менѣе всего полякъ, Сигизмундъ, съ іезуитскими наклонностями къ расширенію господства, находилъ большія выгоды для страны, которою управлялъ, если Польша возведетъ на московскій престолъ государя. Сигизмунда между прочимъ побуждалъ помогать Димитрію епископъ Краковскій кардиналъ Бернардъ Мацѣіовскій, родственникъ Мнишка. Самъ король хотѣлъ бы за претендента объявить войну Борису и итти на него съ цѣлію посадить вооруженною силой на престолъ Димитрія. Но если предложить это на сеймѣ, то плоха была надежда, чтобъ земскіе послы согласились на это; въ Польшѣ вообще боялись всякой новой наступательной войны: тогда приходилось давать королямъ власть и распоряженіе надъ бóльшимъ войскомъ и деньги; а это грозило опасностями для шляхетской свободы: поляки остерегались, чтобъ ихъ короли не увлеклись духомъ

*) Is. Mass.

господствовавшаго въ Европѣ стремленія къ усиленію монархической власти. Сигизмундъ обратился 23 марта 1604 года съ письмомъ къ старому Замойскому, еще находившемуся въ санѣ канцлера и гетмана со времени Баторія. Онъ открывалъ ему свою мысль, что очень выгодно было бы помочь Димитрію: Московскій государь, посаженный на тронъ Поляками, былъ бы слугою Польши; — тогда съ одной стороны Турція не осмѣлится безпокоить польскихъ предѣловъ; тогда соединенными силами можно будетъ усмирить Крымъ, который уже издавна пользуется вѣчными раздорами русскихъ съ поляками, чтобъ раззорять тѣхъ и другихъ; тогда можно будетъ удержать Ливонію и принудить Швецію къ уступкамъ; тѣсная связь двухъ государствъ повлекла бы къ развитію торговли Польши съ востокомъ, не только въ Московіи, но черезъ Московію съ Грузіею и Персіей; наконецъ, это предпріятіе въ настоящее время представляетъ ту ближайшую выгоду, что отдалитъ изъ Польши толпы молодцовъ-удальцовъ, которые дѣлаютъ безчинства и безпорядки во многихъ провинціяхъ. По мнѣнію Сигизмунда, это дѣло трудно было провести черезъ сеймъ: уже не разъ выражалъ онъ въ письмахъ своихъ, что выгоды Рѣчи Посполитой страдали отъ частной вражды нѣкоторыхъ особъ на сеймахъ. Онъ предлагалъ начать это дѣло безъ сейма при посредствѣ архіепископа Гнѣзненскаго Тарновскаго*). 4 апрѣля отвѣчалъ ему князь Замойскій**) отрицательно, совершенно не одобрялъ его намѣреній, вовсе не вѣрилъ, чтобъ Димитрій былъ настоящій царевичъ, и считалъ опаснымъ и безчестнымъ вмѣшивать въ это дѣло Польшу безъ воли сейма. Король самъ разсудилъ, что нельзя начать этого дѣла; нація подъ вліяніемъ Замойскаго, врага іезуитскихъ козней, не одобритъ разрыва съ Московскимъ государствомъ. И король ограничился только позволеніемъ панамъ содѣйствовать Димитрію, рѣшился, такъ сказать, смотрѣть сквозь пальцы на это предпріятіе, чтобъ послѣ получить отъ него выгоду, если оно пойдетъ успѣшно, и отговориться отъ обвиненій, если пойдетъ неудачно. Тайно онъ самъ побуждалъ своихъ подданныхъ помогать Димитрію и сложилъ съ Мнишка временно платежъ въ королевскую казну доходовъ съ Самборскаго имѣнія за то, чтобы Мнишекъ могъ обратить эту сумму на сборъ ратной силы Димитрію.

За эту милость, за то только, что польскій король будетъ смотрѣть сквозь пальцы, когда польскіе паны станутъ помогать

*) Hist. J. Kar. Chodkiewicza, 213. — List Zygm. poprawiony w kilku miejscach od P. Silickiego w Ms. Królewsk.

**) List originalny, pisany do króla z Zamościa 3 kw. 1604 w Ms. J. K. M. — J. Kar. Chod. 215.

претенденту, названный Димитрій долженъ былъ заранѣе обѣщать Польшѣ большія жертвы. Ему предложили условія, и онъ принужденъ былъ принять ихъ, подписать и утвердить присягой. По восшествіи своемъ на престолъ, онъ долженъ былъ возвратить польской коронѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, которыя Польша не переставала считать своимъ достояніемъ, устроить на будущее время вѣчное соединеніе государства Московскаго съ Польшею, сооружать въ своемъ государствѣ костёлы, ввести іезуитовъ и другое католическое духовенство, содѣйствовать Сигизмунду къ пріобрѣтенію шведской короны. Ему въ числѣ условій *позволяли* жениться въ Польшѣ, съ прибавленіемъ выраженія: «хотя бы съ королевной,» изъ чего видно, что король, въ случаѣ успѣха, имѣлъ виды отдать за него сестру. Эти условія хранились втайнѣ отъ всѣхъ у королевскаго секретаря Боболи, въ шкатулкѣ подъ его ключемъ *).

Было вполнѣ естественно и согласно съ историческою необходимостію предложить претенденту такія тяжелыя условія. Польша и Русь давно уже завязали между собою такой узелъ, который могъ развязаться только окончательнымъ подчиненіемъ одной страны другой, уничтоженіемъ самобытности слабѣйшей. Этотъ роковой узелъ завязался еще въ XIV вѣкѣ со времени бракосочетанія Ядвиги и Ягелла и соединенія литовской державы съ польскою. Это случилось въ то критическое и многознаменательное для русскаго міра время, когда древняя удѣльно-вѣчевая союзность отживала свой вѣкъ, и возникало единовластіе на двухъ пунктахъ — въ Литвѣ и Москвѣ. Но два русскія государства не могли спокойно существовать и развиваться на русской землѣ. Ея географія не представляла для этого надежныхъ условій; не было никакихъ преградъ, которыми бы естественно обозначились государственные рубежи; еще болѣе мѣшалъ этому давній духъ единства, привычка считать русскую землю единою при всякихъ внутреннихъ раздѣлахъ, укоренившаяся многими вѣками. Ни Москва, ни Литва не нашли бы линіи, гдѣ, по какимъ бы то ни было правамъ, начинались владѣнія той и другой. Литва двигалась на востокъ, Москва на западъ; каждый шагъ той и другой располагалъ ихъ двигаться далѣе. Литва могла считать себя вправѣ овладѣть всѣмъ, чѣмъ владѣла Москва, и наоборотъ—тоже побужденіе должно было двигать Москвою. Не было другого исхода ихъ борьбѣ, какъ только покореніе и поглощеніе одной другою. Польша, соединившись съ Литвою и съ принадлежавшими ей русскими землями, тѣмъ самымъ взяла и на себя

*) Bibl. Kras. N. B. 1. 3. 384.

историческую необходимость вести эту борьбу за единство Руси съ кѣмъ бы то ни было. Польша, страна малая по отношенію къ пространству въ сравненіи съ литовско-русскою державою, была выше ея по цивилизаціи и скоро начала надъ нею имѣть перевѣсъ и завоевывать ее нравственно, и то же призваніе должно было явиться у ней по отношенію къ тѣмъ частямъ Руси, которыя не входили въ сферу литовскаго владѣнія. Такимъ образомъ, возникшее поступательное движеніе Польши на востокъ выражалось въ двухъ сторонахъ — матеріальной и нравственной: Польша вмѣстѣ съ Литвою стремилась присоединить къ себѣ дальнѣйшія русскія земли и въ то же время ввести туда строй своей цивилизаціи; въ этомъ стремленіи она прямо упиралась въ Москву и державу ея; неизбѣжно являлась потребность уничтожить самобытность Московскаго государства и втянуть его въ кругъ земель уже соединенныхъ съ Польшею. Съ своей стороны, Московское государство, развивая въ себѣ иныя стихіи, не только противодѣйствовало стремленіямъ Польши, въ силу самоохраненія, но, соединяя подъ свою власть всѣ прежде свободныя русскія земли, по отсутствію опредѣленныхъ для своей державы на западѣ географическихъ и историческихъ границъ, въ силу древняго единства земли русской, стремилось отнять отъ польскаго міра всѣ земли, которыя вошли въ составъ польско-литовской державы. Критическое время для Москвы было въ концѣ XV вѣка, когда шло дѣло о покореніи Великаго Новгорода. Тогда Великій Новгородъ для сохраненія своей удѣльной независимости и прежняго порядка отдавался польско-литовскому государю Казимиру. Помоги ему Казимиръ, — Новгородъ потянулъ бы за собою весь сѣверно-русскій край въ составъ польско-литовской державы, и, конечно, Москва, осѣкшись, въ своихъ стремленіяхъ къ господству, на Новгородѣ, не удержалась бы и съ тѣмъ, что̀ уже успѣла пріобрѣсти, не сохранила бы и собственной своей самобытности, и восточная Русь поглощена бы была польско-литовскимъ элементомъ, какъ и западная; стали бы въ ней господствовать польская цивилизація, польскій гражданскій строй, польскій образъ воззрѣній, польская рѣчь, а наконецъ и католическая вѣра. Но Казимиръ промахнулся; поляки не узнали своего часа, не ковали желѣза, пока оно было горячо; Москва̀ овладѣла Новгородомъ, потомъ Псковомъ, а потомъ уже стала распространять свои владѣнія и на счетъ Литвы: присоединила къ себѣ Смоленскъ и Сѣверщину. И Москва съ тѣхъ поръ не останавливалась въ своихъ стремленіяхъ и постоянно заявляла притязанія на всѣ русскія земли, принадлежавшія Литвѣ и Польшѣ, какъ на свое законное достояніе. Въ самомъ

дѣлѣ, если Москва овладѣла Смоленскомъ и Сѣверщиною — русскими землями, бывшими подъ властію Литвы, то почему же ей не силиться и не желать овладѣть Кіевомъ, Волынью, Подолью, Галичемъ, Полоцкомъ, такими же русскими землями, какъ Сѣверщина и Смоленщина, но еще находившимися во власти Литвы и соединенной съ нею Польши? Но этимъ дѣло не окончилось бы: притязаніе Москвы на русскія земли, которыя Польша считала своими, въ случаѣ успѣха, необходимо повлекло бы новое притязаніе на всю Польшу и Литву; естественно, пріобрѣвши земли, которыя считала своимъ достояніемъ, Москва не удержала бы ихъ, еслибъ не уничтожила съ корнемъ и Литву, и самую Польшу, которая не отдала бы даромъ того, что признавала своимъ, и скорѣе погибла бы, изсякнувши въ борьбѣ, чѣмъ удовольствовалась бы прежнимъ политическимъ ничтожествомъ. Съ своей стороны, и польско-литовская держава для самозащищенія должна была стремиться овладѣть Московскимъ государствомъ. Въ половинѣ XVI вѣка, Польша, уже около двухсотъ лѣтъ соединенная съ Литвою фактически, соединилась съ нею въ одно тѣло юридически. То былъ результатъ нравственнаго преобладанія Польши надъ Литвою и Русью и залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ на пути этого преобладанія. Съ тѣхъ поръ въ соединенной державѣ сильнѣе, чѣмъ прежде, началось чувствоваться стремленіе присоединить къ себѣ и Московскую Русь. Оно выражалось нѣсколько разъ намѣреніемъ возвесть на польско-литовскій престолъ Московскаго государя. Такъ, по смерти Сигизмунда Августа, предлагали корону царю Ивану, по смерти Баторія — царю Ѳедору; объ этомъ толковалъ и при Борисѣ Левъ Сапѣга, заключая въ 1600 году перемиріе. Теперь кстати представлялся удобный случай, если не совсѣмъ достигнуть цѣли, то значительно придвинуться къ ней. Очевидно, здравая политика требовала не иначе оказать содѣйствіе претенденту на московскій престолъ, какъ съ возможно-большими выгодами для Польши, и слѣдовательно съ возможно-большимъ изъяномъ для Московскаго государства. Предполагалось прежде всего обезсилить Московское государство отнятіемъ у него двухъ пограничныхъ областей: это бы отодвинуло его назадъ къ XV вѣку и возвратило польско-литовской державѣ то, что она послѣ того утратила; введеніе іезуитовъ и католическаго духовенства, приготовляя въ Московскомъ государствѣ торжество и господство вѣры, исповѣдуемой въ Польшѣ, пролагало бы вмѣстѣ съ тѣмъ путь нравственному преобладанію польскаго элемента; этому же содѣйствовала бы и женитьба московскаго царя на полькѣ. Съ царицею полькою вошли бы и польскіе нравы, особенно когда претендентъ

уже и такъ достаточно окурился польскимъ духомъ. Наконецъ, съ московскаго царевича требовали обѣщанія стараться о вѣчномъ соединеніи государствъ. Это-то и была конечная цѣль; какъ она могла быть достигнута, объ этомъ не говорилось, но достаточно было, что этотъ царевичъ, сдѣлавшись государемъ, до того будетъ въ рукахъ Польши, и притомъ до того связанъ своимъ обѣщаніемъ, что Польша будетъ помыкать имъ, и современемъ можно будетъ исполнить завѣтное стремленіе такъ, какъ обстоятельства укажутъ. Таковъ былъ смыслъ этихъ условій. Но если со стороны Польши было исторически законно давать помощь претенденту съ такими тяжелыми условіями, то со стороны претендента также исторически законно было ихъ не исполнить въ свое время, хотя крайняя необходимость и побуждала ихъ теперь принять. Такой царь, какимъ могъ быть, при успѣхѣ, претендентъ, назвавшійся именемъ, которое можно будетъ у него оспоривать, болѣе чѣмъ другой долженъ былъ показаться въ своемъ царствѣ своенароднымъ человѣкомъ, и, слѣдовательно, меньше чѣмъ всякой другой, могъ рѣшиться гласно заявить объ этихъ условіяхъ, а еще менѣе рѣшиться ихъ исполнить. Очевидно, ему тогда пришлось бы сложить голову, а Польша не выиграла бы ничего изъ этого. Въ будущемъ также не проглядывало ничего, кромѣ новыхъ поводовъ ко враждѣ и кровопролитію между соперничествующими державами, и каждый такой поводъ открывалъ обѣимъ суровую истину, что рано или поздно борьба ихъ не можетъ окончиться иначе, какъ совершеннымъ поглощеніемъ одною стороною другой стороны. Такъ и понималъ дѣло Сигизмундъ и хотѣлъ бы, чтобъ молодой претендентъ былъ посаженъ на престолъ силою польской державы: тогда онъ былъ бы ея васалломъ; царство его было бы временнымъ призракомъ; его при первомъ удобномъ случаѣ можно было стереть. Но не такъ смотрѣли на вещи поляки, какъ ихъ король. Осталось предоставить дѣло претендента вольницѣ, которой было на бѣду Польшѣ много въ этой землѣ, и тѣмъ историческимъ инстинктамъ, которые иногда невольно безсознательно увлекаютъ громады туда, куда онѣ стремятся по дорогѣ, проложенной прежними вѣками, сами не видя и не понимая, что̀ это за дорога, и оттого часто съ ней сбиваются.

Въ Польшѣ толковали о Димитріѣ и такъ и иначе. Составилась цѣлая легенда о спасеніи его, перешедшая до насъ въ современномъ рукописномъ сочиненіи Товіановскаго. Исторію эту перенесли въ Европу, и долго ходили по рукамъ сказанія о необыкновенномъ и занимательномъ для всѣхъ событіи: говорили, что Димитрій спасенъ былъ какимъ-то докторомъ италіанцемъ,

увезенъ къ Ледовитому морю, и потомъ воспитатель посовѣтовалъ ему поступить въ монастырь подъ чужимъ именемъ; онъ, избѣгая опасности быть открытымъ, переходилъ изъ одного монастыря въ другой, жилъ въ Москвѣ, былъ въ палатахъ Бориса, наконецъ ушелъ изъ Московскаго государства, жилъ въ Кіевѣ и потомъ пришелъ къ князю Острожскому. Нѣкоторые говорили, что онъ былъ въ Ливоніи, прожилъ тамъ три года, выучился отлично по латыни [1]; другіе разсказывали, что онъ доходилъ до такой нищеты, что въ Гощѣ у пана Гойскаго служилъ на кухнѣ [2]; наконецъ, когда услышалъ, что Борисъ сдѣлался своимъ подданнымъ ненавистенъ за свое тиранство, тогда только рѣшился открыться Вишневецкому [3]. Говорятъ [4], что у него былъ алмазный крестъ, данный ему при крещеніи крестнымъ отцомъ княземъ Иваномъ Лютиславскимъ, и это служило Вишневецкому однимъ изъ доказательствъ подлинности царевича [5].

Димитрій воротился съ Мнишками и съ Вишневецкими въ Самборъ. Тутъ паны кликнули кличь, приглашали шляхту и казаковъ идти съ ними въ Московщину добывать законному царю престолъ. Не трудно было набрать охотниковъ на какой-нибудь набѣгъ, въ Украинѣ, особенно Вишневецкимъ, когда они владѣли тамъ множествомъ имѣній, и голосъ ихъ былъ повсюду знаемъ и уважаемъ.

Пока собирались охотники, претендентъ опять поселился у Мнишка, и опять начались пиры и веселости. Свидѣвшись вновь съ Мариной, Димитрій, уже признанный отъ короля въ званіи царевича, сталъ смѣлѣе [6]. На помощь ему приспѣлъ патеръ

---

1) Vassenberg, 14.

2) Grevenbr. 12.

3) Ibid. 11.

4) Ibid. 14.

5) Tovian. рукоп. И. П. Б. № 32. — Буссовъ, 32.

6) О томъ, какъ Димитрій сошелся съ Мариной, существуютъ цѣлыя романическія повѣствованія. Долго онъ не смѣлъ заговорить съ нею о любви, хоть давно уже сердце его таяло. Но вотъ однажды вечеромъ увидѣлъ онъ красавицу въ саду. Она была одна, Димитрій подошелъ къ ней и сказалъ: панна! моя звѣзда привела меня къ вамъ; отъ васъ зависитъ сдѣлать ее счастливою!—Марина отвѣчала: ваша звѣзда слишкомъ высока для такой дѣвушки, какъ я.—Присутствіе любимой особы взволновало его; онъ упалъ предъ нею на колѣни; она протянула къ нему руку, чтобъ поднять его; онъ приложилъ ее къ губамъ своимъ.—Моя рука, сказала Марина, отнимая свою руку, слаба для вашего дѣла; вамъ нужны руки владѣющія оружіемъ, а моя можетъ только возноситься къ небу вмѣстѣ съ молитвами о вашемъ счастіи.—Я посвящу вамъ жизнь свою, восклицалъ восторженный юноша, я говорю это отъ души.—Шорохъ идущихъ гостей перервалъ эти объясненія. Марина своимъ обращеніемъ томила, мучила Димитрія, то дарила ласковыми взглядами, то убивала неприступною холодностію; страсть его разгоралась сильнѣе и сильнѣе. Онъ заболѣлъ отъ любви.

Савицкій, втершійся къ нему въ дружбу іезуитъ. Онъ началъ ему совѣтовать жениться на Маринѣ, и представлялъ, что это будетъ полезно для предпріятія. Родство съ знатною фамиліей произведетъ хорошее впечатлѣніе. «Воевода Сендомирскій гордъ! ему подобнаго не найти; если вы снизойдете до вступленія съ нимъ въ родство, то съ этимъ вмѣстѣ скорѣе достигнете отеческаго престола; тогда никто не подумаетъ, чтобъ воевода, такой гордый и умный, могъ не знать, за кого отдаетъ дочь, и не вполнѣ увѣренъ, что вы настоящій Димитрій. Тогда и польскій король будетъ явно за васъ; тогда вы заставите замолчать голоса, которые теперь поднимаются вамъ во вредъ, вы удовлетворите и дворянству и народу русскому. Поговорите съ панной Мариной; замѣтите согласіе, тогда поговорите съ отцомъ. Конечно, онъ прежде чѣмъ согласится, спроситъ моего совѣта; а вы уже знаете, что̀ я скажу. Я знаю ваше расположеніе къ истинной религіи и такъ радуюсь, что вы преуспѣваете на пути истины, что каждый день молю Бога о ниспосланіи вамъ благословенія. Его благословеніе побѣдитъ вашихъ враговъ. Оно сильнѣе всякой человѣческой мудрости, оно возведетъ васъ на отцовскій тронъ.»

Димитрій просилъ наставника поговорить о немъ съ воево-

Марина показала къ нему участіе. — Я умру отъ любви къ вамъ, сказалъ Димитрій: тогда велите разрѣзать мое сердце и въ немъ увидите свой образъ. — Перестаньте думать обо мнѣ, сказала Марина, оправьтесь; станьте на челѣ войска, побѣдите своихъ враговъ, тогда подумаете, какъ побѣдить мое сердце; только славными подвигами и доблестями вы меня завоюете! — Марина продолжала съ нимъ прежнюю игру женскаго кокетства. Димитрій написалъ къ ней страстное письмо. Въ отвѣтъ на него она всунула ему въ руку записку, гдѣ онъ прочиталъ такія строки: вы много страдаете; я не могу быть безотвѣтною къ вашей благородной искренней страсти. Побѣдите враговъ вашихъ, и не сомнѣвайтесь, что въ свое время ваши надежды увѣнчаются и вы получите награду за ваши доблести.

Говорятъ, что Димитрій выходилъ на поединокъ съ какимъ-то княземъ неравнодушнымъ къ Маринѣ. Его называютъ испорченнымъ именемъ Доренскій — можетъ быть, это былъ одинъ изъ князей Корецкихъ. Это было въ духѣ того времени. Прекрасная дѣвица знатнаго рода гордилась тѣмъ, что за нее проливали кровь мужественные рыцари. Димитрій обронилъ письмо, полученное имъ отъ Марины. Князь, поднявъ его, пришелъ въ ярость, написалъ Димитрію дерзкое письмо, называлъ его обманщикомъ и вызывалъ на поединокъ. Соперники выѣхали верхомъ въ восемь часовъ утра въ рощу. Димитрій сбилъ князя съ коня и сталъ этимъ довольствоваться, но князь, разсвирѣпѣвши, бросился на него. Поединокъ кончился тѣмъ, что князь оцарапалъ Димитрію щеку, а Димитрій прокололъ ему насквозь руку. Князя унесли чуть живого. Мнишекъ удалялся отъ объясненій, и радовался, что дочь его такъ умѣетъ плѣнять сердца и покорила себѣ того, кто могъ быть на престолѣ. Но Мнишекъ и Марина сохраняли такой видъ, чтобъ Димитрій не проникнулъ, что его желаютъ больше, чѣмъ онъ Марины *).

---

*) Appendix being the amours etc.

дою, а когда услышалъ отъ іезуита, что Мнишекъ уже предупрежденъ, обратился къ нему самъ. Мнишекъ обрадовался, цѣловалъ его, обнималъ нареченнаго зятя, плакалъ отъ умиленія. Но свадьба отложена была до того счастливаго времени, когда Димитрій, низвергнувши Бориса, сядетъ на престолъ московскій: тогда онъ пошлетъ посольство, и отецъ пріѣдетъ съ невѣстой къ сильному и могучему монарху. Мнишекъ нашелъ отговорку очень благовидную. Онъ сказалъ Димитрію такъ: «чтобъ доказать вамъ свое расположеніе, я откладываю вашу свадьбу до того времени, когда трупъ Годунова послужитъ ступенью вамъ на тронъ. Это совершенно противъ собственнаго моего желанія и выгодъ, но я васъ прошу: поступите такъ; это мой отеческій и дружескій совѣтъ. Сигизмундъ готовъ васъ поддерживать, и знаете ли, что у него на умѣ? Онъ надѣется выдать за васъ свою сестру; поэтому только онъ и благопріятствуетъ нѣсколько вашему предпріятію. Другіе паны воеводы будутъ завидовать нашему родству, многіе разсчитываютъ на васъ и перестанутъ помогать вамъ, когда узнаютъ, что вы женитесь на моей дочери, а вамъ слѣдуетъ расти, а не малитися, увеличивать, а не уменьшать число своихъ союзниковъ *). Не возражайте мнѣ, я знаю лучше вашъ путь. Я пойду съ вами; пожертвую всѣмъ, что имѣю, за возвращеніе вамъ отеческаго достоянія **).»

Удостовѣрившись, что дочь совершенно плѣнила Димитрія, и слѣдовательно можно теперь изъ него, какъ говорится, вить веревки, Мнишекъ потребовалъ крупную цѣну за свою красавицу. 23 мая 1604 года, Димитрій вручилъ Мнишку запись, гдѣ давалъ слово жениться на паннѣ Маринѣ по возшествіи на престолъ и налагалъ на себя проклятіе за неисполненіе такого обѣщанія; обѣщалъ прежде всего дать Мнишку 100,000 польскихъ злотыхъ на подъемъ и на заплату долговъ его, и для покупки убранствъ невѣсты и столоваго серебра; а потомъ обѣщалъ во владѣніе будущей женѣ своей Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами этихъ государствъ; и отрекался самъ владѣть въ нихъ. Въ этихъ земляхъ предоставлялось ей давать своимъ служилымъ людямъ помѣстья и вотчины, ставить римско-католическіе монастыри, костелы и школы и содержать сколько угодно римско-католическаго духовенства. Въ записи прибавлялось, что это дѣлается потому, что онъ самъ будетъ стараться привести свое государство во единую вѣру римско-католической церкви ***). Если

*) Esame critico Ciampi, 32—35.
**) The Russ. Impost. 39.
***) Собр. гос. грам. II, 161.

я этого не сдѣлаю въ теченіе одного года—было сказано въ этой записи—то вольно будетъ ей развестись со мною; а захочетъ,—подождетъ болѣе года. Такая запись была въ порядкѣ вещей того времени. Въ Литвѣ и Польшѣ при сговорѣ женихъ всегда давалъ своей невѣстѣ въ вѣно сумму, назначалъ ее, и полагалось, что слѣдовало заплатить ее на дѣлѣ вдвое противъ того, а въ залогъ оставлялась треть его имѣнія; въ случаѣ смерти и бездѣтности мужа, жена владѣла заложенною частью имѣнія, а наслѣдники имѣли право выплатить двойную сумму вѣна и возвратить въ свой родъ имѣнія. Кажется и здѣсь Новгородская и Псковская земли отдавались въ вѣно Маринѣ какъ третья часть наслѣдственнаго владѣнія Димитріева. Сумма сто тысячъ злотыхъ, обѣщанная Мнишку, также полагалась вдвое и потому впослѣдствіи Димитрій заплатилъ ему 200,000 злотыхъ.

Существуетъ еще другая запись отъ 12 іюня 1604 года. Тамъ претендентъ обѣщалъ дать самому Мнишку въ вѣчное и потомственное владѣніе Смоленское и Сѣверское княжества за исключеніемъ половины Смоленской земли и шести городовъ Сѣверской, которые отдавалъ польской коронѣ ради дружелюбія съ польскимъ королемъ *).

Ея существованіе было отвергаемо впослѣдствіи польскими послами, спорившими съ русскими боярами. Тогда они возражали, что Мнишекъ, сенаторъ Рѣчи Посполитой, не могъ принимать того, что уже принадлежало по праву Рѣчи Посполитой. Но видно, претендентъ не стѣснялся обѣщать одно и тоже и Рѣчи Посполитой и Мнишку, для соблюденія приличія дѣлалъ свой подарокъ пополамъ, но какъ оказалось впослѣдствіи не думалъ исполнить того, что принужденъ былъ обѣщать имъ. Во всякомъ случаѣ, видно, что и Сигизмундъ и Мнишки распоряжались на счетъ претендента самымъ безцеремоннымъ образомъ русскою землею, куда вели его на тронъ: Димитрій долженъ былъ на все соглашаться; у него не было денегъ; а Мнишекъ, удостовѣрившись, что Димитрій женится на его дочери, и получивши записи, началъ дѣятельно работать, своимъ вліяніемъ собралъ денежныя пожертвованія; по его призыву сходились люди и давали на издержки въ чаяніи будущихъ благъ **).

Димитрій поневолѣ долженъ былъ потакать окружавшей его средѣ и оставлять ей надежды, которыя, быть можетъ, онъ самъ не считалъ осуществимыми. Не смотря на то, что онъ получилъ письмо отъ папы еще въ Краковѣ, онъ отвѣчалъ на

*) Собр. гос. гр. II, 166. — Petricii, 24.

**) Petricii, 26.

него не ранѣе 30 іюля [1]). Говорятъ, что при пособіи Савицкаго Димитрій тогда такъ наловчился въ латинскомъ словосочиненіи, что самъ составлялъ письмо къ папѣ [2]). Въ своемъ письмѣ Димитрій «извинялся нездоровьемъ, мѣшавшимъ ему, при другихъ обстоятельствахъ, и въ томъ числѣ при недостаткѣ средствъ, предпринять свой походъ въ Московію, благодарилъ святого отца за вниманіе и благочестивыя нравоученія, изъявлялъ намѣреніе всегда помнить ихъ и обѣщалъ, если Богъ, защитникъ невинныхъ, пособитъ ему возвратить похищенный престолъ, посвятить юность, здоровье и самую жизнь на пользу христіанства и апостольскаго престола, стараясь вести подвластные ему народы къ той же цѣли, для восхваленія имени Божія.» Въ письмѣ его не было ни явнаго принятія католичества или уніи, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ. Все ограничивалось двусмысленными изъявленіями расположенія; католики могли толковать это къ своей выгодѣ такъ, какъ будто Димитрій уже принялъ римско-католическую вѣру; Димитрій оставлялъ возможность на будущее время оставаться съ одною терпимостію римско-католическаго вѣроисповѣданія, не давая ему исключительнаго первенства.

Живучи у Сендомирскаго воеводы, Димитрій написалъ грамоты къ московскому народу и просилъ послать ихъ впередъ прежде чѣмъ онъ войдетъ въ свое наслѣдіе. Въ этихъ грамотахъ онъ благодаритъ тѣхъ, которые ему помогли спастись, и увѣщевалъ народъ русскій отстать отъ Бориса и признать законнаго государя. Эти грамоты появились въ украинныхъ земляхъ и подготовляли народъ къ появленію царевича. Борисъ принялъ чрезвычайныя мѣры, чтобъ ничего и никого не пропускать изъ Литвы; но грамоты Димитрія входили въ Московское государство въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который привозился въ Россію по случаю дороговизны [3]). Явилось множество незванныхъ слугъ и пособниковъ претенденту, и его грамоты переписывались и распространялись по дорогамъ, на улицахъ городовъ и посадовъ [4]). Посланъ былъ еще какой-то Свирскій на Донъ снова возбуждать донскихъ казаковъ. Между тѣмъ двое Борисовыхъ слугъ прокрались въ Самборъ, съ тѣмъ чтобъ убить царскаго врага. Они прикинулись вѣрными Димитрію и однажды въ полночь намѣревались извести его, а сами бѣжать. Одинъ изъ

---

[1]) Письмо Димитрія къ папѣ, сообщенное въ итальянскомъ переводѣ г. Минцлофомъ.

[2]) Grevenbr. 13.

[3]) Petric. 19.

[4]) Ст. спис. Арх. И. Д. № 26.

нихъ пошелъ сѣдлать лошадей, другой взялся убить царевича. Но тотъ, который пошелъ за лошадьми, былъ пойманъ и признался. Тогда отыскали другого: на счастье Димитрія, онъ долго вечеромъ сидѣлъ у Мнишка и не шелъ въ свои покои, гдѣ его стерегъ убійца. На другой день ихъ казнили обоихъ, и съ тѣхъ поръ берегли неусыпно царевича *).

Подъ Глинянами сдѣланъ былъ сборъ войска. Составилось кòло рыцарское, на немъ выбрали начальникомъ или гетманомъ Юрія Мнишка и трехъ полковниковъ: Адама Жулицкаго (800 человѣкъ), Станислава Гоголинскаго (1,400 ч.) и Адама Дворжицкаго (400 ч.) **). Передовою стражею начальствовалъ Неборскій съ двумя стами человѣкъ пятигорцевъ. Полки дѣлились на роты. Набралось тогда тысячъ до трехъ человѣкъ. Они двинулись къ Днѣпру. Тутъ присоединилось къ нимъ двѣ тысячи днѣпровскихъ казаковъ.

Что было тогда въ южной Руси буйнаго, развратнаго, враждебнаго гражданскому порядку и спокойствію — стекалось подъ знамя московскаго претендента. Въ сеймовыхъ рѣчахъ того времени каждый годъ жаловались на своевольство шаекъ въ южной Руси; неудачный исходъ бунтовъ Косинскаго и Наливайка нѣсколько лѣтъ не допускалъ проявляться своевольству въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, но не истребилъ его. Теперь появленіе московскаго царевича сдѣлалось собирательною точкою для украинской удали; составленные въ пользу его отряды прежде, чѣмъ вступили въ Московское государство, успѣли себя выказать, какъ только собрались въ условленное мѣсто. На сеймѣ 1605 года, говорили о сподвижникахъ Димитрія, что татары своими набѣгами не надѣлали столько безчинствъ и горестей народу, сколько поборники московскаго царевича ***).

Приближаясь къ Кіеву, ополченіе боялось князя Острожскаго, который, какъ видно, не благоволилъ предпріятію. Отрядъ его слѣдилъ за ополченіемъ, и удальцы боялись, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ, держали наготовѣ лошадей и не спали по ночамъ. Когда они дошли до Днѣпра близъ Кіева, то не нашли ни одного парома для переправы. Острожскій съ намѣреніемъ велѣлъ угнать всѣ паромы, которые обыкновенно стояли на перевозѣ. Передъ тѣмъ не задолго къ нему пріѣзжалъ посланецъ отъ патріарха Іова Аѳанасій Пальчиковъ съ грамотою, гдѣ патріархъ увѣрялъ, что «называющій себя Ди-

*) Żabczyc, Mars Mosk.
**) Żabczyc.
***) Bibl. Villan. № 81.

митріемъ бѣглый дьяконъ; самъ патріархъ посвящалъ его, и весь освященный соборъ это знаетъ. Впослѣдствіи онъ впалъ въ злыя еретическія дѣла и чернокнижіе, и страшась справедливой казни, бѣжалъ». Патріархъ убѣдительно просилъ не только не оказывать помощи вору, но поймать его и прислать въ Москву для достойнаго возмездія по дѣламъ его *). Острожскій не отвѣчалъ на эту грамоту ничего. Кіевскій воевода не вѣрилъ, чтобъ претендентъ былъ истинный Димитрій, не хотѣлъ помогать его дѣлу, но не хотѣлъ и раздражать Вишневецкихъ, Мнишковъ, у которыхъ была огромная партія, а предпочелъ не мѣшаться въ это дѣло никакъ.

Ополченцы ждали нѣсколько дней у Днѣпра и послали искать паромовъ; наконецъ нашли ихъ, переправились, потерявши только одного товарища, который въ припадкѣ горячки бросился въ воду. Въ Острѣ присоединился къ нимъ староста Остерскій, Ратомскій, съ толпой украинской вольницы.

«На лѣвой сторонѣ Днѣпра, говоритъ соучастникъ **), намъ пришлось идти посреди дубравъ и веселыхъ полей; все вокругъ цвѣло изобиліемъ, и мы себѣ все нужное получали къ нашему удовольствію.» Здѣсь явились къ Димитрію въ другой разъ послы отъ донскихъ казаковъ съ изъявленіемъ охоты служить спасенному чудесно царевичу всѣмъ вольнымъ Дономъ. Они въ доказательство своей вѣрности привели къ ногамъ его дворянина Петра Хрущова, посланнаго Борисомъ для возбужденія ихъ противъ Димитрія. Плѣнникъ, приведенный къ нему въ кандалахъ, какъ только посмотрѣлъ на претендента, тотчасъ упалъ ему въ ноги и говорилъ: «теперь я вижу, что ты природный истинный царевичъ; ты похожъ лицомъ на отца своего государя царя Ивана Васильевича. Прости и помилуй насъ, государь; по невѣдѣнію нашему мы служили Борису, а, какъ увидятъ тебя, всѣ признаютъ тебя.» Димитрій понялъ, что въ признаніи Хрущова мало искренности, и, освободивъ его отъ оковъ, держалъ однако нѣсколько времени подъ стражею, и допрашивалъ его. «Я, сказалъ, Хрущовъ, жилъ далеко отъ Москвы въ Васильгородѣ, а въ Москву меня призвали и я былъ въ Москвѣ только пять дней, а потому не могу достаточно обо всемъ сказать.» Онъ сообщилъ только то, что могъ узнать въ продолженіи пяти дней. Борисъ по прежнему старался, чтобъ о Димитріѣ не говорили, и, пославши въ Сѣверскую землю войско подъ начальствомъ Петра Шереметева и Михайла Салты-

*) Арх. иностр. дѣлъ № 26.
**) Вогаа.

кова, далъ имъ наказъ охранять край не противъ царевича, а противъ перекопскаго царя. «Я, говорилъ Хрущовъ, встрѣчался съ ними, былъ у Шереметева на обѣдѣ, а у Салтыкова на ужинѣ, и сказалъ, что меня Борисъ послалъ къ донскимъ казакамъ побуждать ихъ на того, кто назвался царевичемъ; а Шереметевъ пожалъ плечами и сказалъ мнѣ: мы ничего не знаемъ; насъ послали на татаръ, но мы догадываемся, что идемъ не противъ татаръ, а противъ другого: если онъ въ самомъ дѣлѣ природный царевичъ, то трудно будетъ противъ него воевать. А какъ я былъ въ Москвѣ, такъ Борисъ дознался, что двое господъ Василій Смирпой да меньшой Булгаковъ пили за здоровье царевича; перваго приказалъ убить въ тюрьмѣ, а другого утопить; только его еще не утопили, какъ я въ Москвѣ былъ.» Хрущовъ сообщилъ также слухъ, что Борисъ ласкаетъ и приближаетъ къ себѣ Смирнова Отрепьева, который назвался родственникомъ тому, кто явился царевичемъ, и отправился въ Польшу. И то было не при немъ. Относительно расположенія умовъ, Хрущовъ радовалъ претендента, увѣряя, что его письма и грамоты читаются народомъ съ любовію *).

Октября 16, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ вступилъ въ Московское государство и отправилъ Борису письмо, гдѣ припоминалъ его злодѣянія, извѣщалъ о своемъ спасеніи и убѣждалъ добровольно оставить престолъ и удалиться въ монастырь, и обнадеживалъ своимъ милосердіемъ къ нему и его семейству **).

---

*) Собр. госуд. гр. и догов. II, 173—178.

**) Въ одномъ рукописномъ дневникѣ о событіяхъ этого времени, помѣщено такое письмо въ польскомъ переводѣ, но оно, очевидно, или подложное или вѣроятно испорченное невѣрнымъ переводомъ и вставками:

«Мы Димитрій Ивановичъ, божіею милостію царевичъ всея Руси, удѣльный князь Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, по роду отъ предковъ своихъ наслѣдственный государь великаго царства Московскаго, похитителю власти нашей надъ государствомъ Борису Годунову любовь и напоминовеніе, желаемъ неисповѣдимыхъ щедротъ вышняго Бога и предлагаемъ нашу милость. Мы недавно еще писали письмо къ тебѣ и напоминали тебѣ по-христіански; но твои коварства, о Борисъ, и злодѣянія пусть будутъ извѣстны людямъ; они важнѣе, чѣмъ ты хочешь притворно показать. Намъ, природному государю твоему, жаль тебя, подданнаго своего; ты готовишься къ пролитію христіанской крови; жаль намъ глупаго разума твоего; ибо ты осквернилъ душу, созданную Богомъ по образу своему, и въ своемъ упорствѣ готовишь ей бо́льшую гибель; развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ и подлежишь случайности? Довольствоваться бы тебѣ, о Борисъ, тѣмъ, что Богъ далъ тебѣ, не равнять бы себя съ Богомъ, который распоряжается государствами, а ты противишься Богу и нарушаешь его заповѣди. Такъ, будучи по волѣ Вышняго царя нашимъ подданнымъ, ты укралъ при сатанинской помощи наше отеческое достояніе, которое поручено намъ во временной жизни, по волѣ Господа Бога, отъ нашихъ предковъ; не знаемъ, какъ намъ

Разомъ съ письмомъ къ Борису посланы были съ агентами по Россіи воеводамъ, дьякамъ, служилымъ, гостямъ, торговымъ чернымъ людямъ списки съ другой грамоты отъ имени претендента такого содержанія:

съ тобой считаться: какъ съ измѣнникомъ, или какъ съ мучителемъ, который коварно захватилъ столицу предковъ нашихъ? Но кто кладетъ злое основаніе, тотъ все долженъ потерять снова: ты, глупецъ, присвоивши себѣ государство, порученное намъ отъ Бога, покусился на то, чего тебѣ не дала природа и запрещало брать общественное право. Ты не предвидѣлъ исхода дѣламъ своимъ, и приготовилъ себѣ именно такой, на какой теперь долженъ смотрѣть съ досадою и великимъ стыдомъ. Но еще недовольно того, что ты лживо объявилъ славу свою въ сей краткій вѣкъ; мы соболѣзнуемъ, чтобъ ты не погубилъ души своей, и хотимъ дать тебѣ исповѣдь и припомнить тебѣ вкратцѣ, какими путями ты достигъ власти. Ты самъ это лучше знаешь, но пусть другимъ также будутъ извѣстны твои дѣянія. Ты захватилъ управленіе государствомъ при посредствѣ и содѣйствіи сестры своей, жены нашего брата Θедора; вкусна тебѣ показалась верховная власть. Братъ нашъ Θедоръ занимался большею частію богослуженіемъ, мы же были въ малолѣтнемъ возрастѣ, и ты, не обращая на насъ вниманія, пролагалъ себѣ путь къ престолу, преградивши доступъ къ блаженной памяти нашему брату, и началъ истреблять нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ бояръ, выдумывая разныя вины. Прежде ты приказалъ умертвить князей Ивана и Андрея Шуйскихъ и московскихъ посадскихъ лучшихъ людей за то, что они были расположены къ Шуйскимъ; такъ, ты погубилъ Гая купца знатнаго, приказалъ выколоть глаза Симеону царю Казанскому, великому князю удѣльному Тверскому, сына его Ивана приказалъ отравить; но мало этого — ты самому Богу не спускалъ: оскорблялъ духовный санъ; митрополита Діонисія за то, что онъ укорялъ и обличалъ тебя передъ братомъ нашимъ Θедоромъ за твои преступленія, ты послалъ въ ссылку, а брату нашему сказалъ, будто онъ внезапно скончался; а мы знаемъ, что митрополитъ до сихъ поръ живетъ въ Тихвинскомъ (Хутынскомъ) монастырѣ, и ты ему далъ льготу послѣ смерти брата нашего. Многихъ другихъ ты погубилъ; именъ не упомнимъ, потому что тогда были еще въ недозрѣлыхъ лѣтахъ. Ты погубилъ цвѣтъ нашихъ друзей и вѣрныхъ подданныхъ. Только мы тебѣ стояли на дорогѣ; ты чувствовалъ, что будешь въ нашихъ рукахъ; хотя мы были и въ молодыхъ лѣтахъ, но уже слышали о твоихъ злодѣйствахъ. Помнишь ли, какъ мы тебѣ напоминали объ этомъ нашими письмами? помнишь ли, какъ послали къ тебѣ священника съ напоминаніемъ? помнишь ли, какъ мы отправили свойственника твоего Андрея Клешнина, который, будучи посланъ къ намъ отъ брата нашего Θедора, надѣясь на тебя, отнесся къ намъ неуважительно? Это тебѣ не понравилось, Борисъ, потому что мы были тебѣ препятствіемъ къ пріобрѣтенію царства; и ты, коварный мудрецъ міра сего, искоренивши знатнѣйшихъ князей нашего государства, сталъ точить ножъ на насъ, и такъ какъ тебѣ, яко подданному, было страшно брата нашего Θедора, то ты нашелъ прекрасный способъ: подговорилъ дьяка нашего Михайла Битяговскаго и двѣнадцать спальниковъ, Никиту Качалова и Осипа Волохова, чтобы насъ умертвили; согласился на это, боясь тебя, и нашъ учитель и лекарь докторъ Симеонъ, который берегъ здоровье наше; но, по волѣ Божіей, мы черезъ его посредство спасены отъ жестокой смерти, которую ты намъ приготовлялъ; и чтобы твои смѣлыя дѣла не открылись, ты прибѣгнулъ къ средству, вполнѣ достойному похвалы: ты сказалъ брату нашему Θедору, будто въ Угличѣ, гдѣ мы жили, большой моръ; а чтобъ изъ Углича не пришла вѣсть къ брату нашему о томъ, что съ нами сталось, ты подвелъ Крымскаго хана съ большими силами къ Москвѣ, и въ то время, когда приготовилъ намъ смерть, при-

«Богъ милосердый по своему произволенію покрывалъ насъ отъ измѣнника Бориса Годунова, хотѣвшаго насъ предать злой смерти, не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго его замысла, укрылъ меня, прироженаго вашего государя, своею невидимою

казалъ зажечь столичный городъ Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ и другіе окольные города, чтобы люди были заняты другими важными дѣлами, и въ это-то время велѣлъ насъ убить и замучить; чтобъ способъ смерти нашей не сталъ извѣстенъ брату нашему Ѳедору и другимъ людямъ, ты приказалъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль поджигать Москву, чтобы тѣмъ временемъ кончить свои дѣла, и объявилъ нашему брату Ѳедору, будто мы сами убили себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Братъ нашъ, опечалившись, велѣлъ привести тѣло наше въ Москву, а ты склонилъ на свою сторону патріарха, котораго самъ изъ митрополитовъ посадилъ на престолѣ. И говорили вы, что не слѣдуетъ класть тѣла самоубійцы между тѣлами помазанниковъ Божіихъ. Братъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Угличъ, а ты сказалъ, что тамъ большое моровое повѣтріе. Съ другой стороны, противъ царя Крымскаго расположилъ войско, которое было вдвое сильнѣе непріятеля, подъ Москвою, и запретилъ подъ смертной казнью выходить *на герцы*. И такъ три дни смотрѣли вы въ глаза непріятелю и отпустили его свободно, и онъ ушелъ себѣ, не сдѣлавши вреда нашему государству; а ты на третій день пустился за нимъ будто въ погоню, не допуская брату нашему предаться печали о смерти нашей. Между тѣмъ пожары объяснились, когда земскій судья бояринъ Андрей Клобуковъ перехватилъ поджигателей. Они показывали на тебя, что ты ихъ подговаривалъ; а ты, желая показать, что это вовсе не твое дѣло, подговорилъ тѣхъ, которые дали тебѣ себя поймать, чтобъ они на пыткѣ показывали на Клобукова, и тогда ты его, по ихъ наговору, отдалъ въ пытку и замучилъ. Когда же стали говорить, что мы не сами убили себя, а насъ умертвили, тогда ты съ притворнымъ сожалѣніемъ приказалъ о насъ дѣлать сыскъ, и, схвативши слугъ нашихъ, однихъ замучилъ на пыткѣ, другихъ утопилъ, третьихъ бросилъ на вѣки въ темницы, какъ будто бы за то, что не уберегли царевича. Когда же все исполнилось по твоей мысли, тогда ты посягнулъ на жизнь брата нашего и ускорилъ его смерть, и плакалъ невинная овечка съ волчьимъ сердцемъ... Думалъ ты, что уже нѣтъ болѣе прямыхъ наслѣдниковъ нашего дома, и показывалъ самъ, будто не желаешь царствовать, а между тѣмъ разными обычными способами коварства достигалъ этого: ты разсыпалъ большія деньги убогимъ, слѣпымъ, хромымъ, разслабленнымъ раздавалъ милостыню съ злою цѣлію поднять за себя голь, и устроилъ такъ, что по всѣмъ городамъ и въ Кремлѣ безчисленная толпа тебя провозгласила царемъ, и малыя дѣти кричали: благослови, Боже, быть ему государемъ, онъ достоинъ этого! Но какая награда досталась за то, показало твое царствованіе: ты погубилъ свойственниковъ отца нашего Романовыхъ, князей Черкасскихъ, Шуйскихъ; и до сихъ поръ еще многіе чувствуютъ твое добросердечіе.

«Мы пишемъ тебѣ это краткое исповѣданіе съ тою цѣлію, чтобъ ты опомнился, не приводилъ насъ своею злобою къ большему гнѣву и себя не доводилъ до гибели. Развѣ мало тебѣ, что Богъ избавилъ меня отъ рукъ твоихъ, отъ жестокой смерти? Но ты, оставаясь въ прежнемъ упорствѣ и зная, что мы, Димитрій, живы, хочешь уподобиться Богу и творить людей по своей мысли, и начинаешь насъ, Димитрія, окрещивать чернецомъ Григоріемъ, Отрепьевымъ сыномъ. Но скоро узнаешь, кто Григорій, и кто Димитрій; ты, конечно, этому не радъ, но слѣдуетъ сказать тебѣ глупцу, совсѣмъ лишенному разсудка: не посылай къ мудрымъ и благоразумнымъ, знающимъ про твои злодѣйства. Но приходитъ конецъ твоимъ злодѣяніямъ, и правда и справедливость возьмутъ верхъ: никто въ свѣтѣ не можетъ ихъ истребить. Какъ ни тяжко тебѣ, а придется уступить царство; но самъ видишь, что оно слѣдуетъ намъ по спра-

рукою и много лѣтъ хранилъ меня въ судьбахъ своихъ; и я, царевичъ Димитрій, теперь приспѣлъ въ мужество и иду съ Божіею помощію на прародителей моихъ, на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія. Вспомните наше прироженіе, православную христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ, дѣтямъ его—хотѣть во всемъ добра; отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ, и впередъ уже служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прироженому, какъ отцу нашему блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи; а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердому обычаю, и буду васъ свыше въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и въ благоденственномъ житіи» *).

Отправивъ эти посланія, нареченный Димитрій двинулся въ Московскую землю.

III.

Взятіе Моравска и Чернигова. — Осада Новгородъ-Сѣверска. — Побѣда Димитрія. — Добрыницкая битва. — Отступленіе въ Путивль.

Первый городъ, который ему предстояло въ Московской землѣ взять, былъ Моравскъ, иначе Монастырево. Воеводами тамъ были Борисъ Ладыгинъ и Елизаръ Безобразовъ. Димитрій, остановившись отъ Моравска верстъ за 30 на самой границѣ, въ Шляхетской слободѣ, отправилъ туда казаковъ запорожскихъ подъ начальствомъ Дилешка съ 2,000, Куцька и Швайковскаго. Въ Моравскѣ полученныя грамоты произвели свое дѣйствіе: жители

ведливости. Лучше же потерпѣть тебѣ временное посрамленіе, чѣмъ послать душу свою на вѣчную гибель въ адскій огонь. Видимъ, что ты не заботишься о Богѣ и душѣ своей; тѣмъ хуже. Возврати же лучше намъ наше; а мы простимъ для Бога всѣ твои вины, и заботясь о душѣ твоей, которая въ каждомъ человѣкѣ драгоцѣнна, назначимъ тебѣ спокойное мѣсто для покаянія. Лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ потерпѣть, чѣмъ горѣть вѣчно въ аду за множество душъ; замученныя тобою они взываютъ къ Богу объ отмщеніи. Вѣдь мы терпѣли въ недавнее время по грѣхамъ: скитались по монастырямъ, ибо Господь Богъ черезъ тебя отнялъ у насъ достояніе. Напоминаемъ же тебѣ, Борисъ; иначе скоро увидишь, что не помогутъ болѣе тебѣ никакія коварства. Помысли о концѣ твоемъ и предупреди заранѣе бѣду свою. Затѣмъ желаемъ тебѣ отъ Господа Бога добраго здоровья и души спасенія.» *Historya Dmitra fałszywego*, въ рукоп. И. П. Б. Польская истор. f. № 33.

*) А. А. Э. II, 76.

и ратные люди взбунтовались, отлагались отъ Бориса и кричали, что они хотятъ служить законному государю Димитрію Ивановичу. Воеводы заупрямились. Ихъ связали*) и прислали сказать Димитрію, что они поддаются. Не понимая такой быстрой сдачи, поляки, бывшіе съ Димитріемъ, не могли приписывать этого иному побужденію кромѣ страха. Димитрій отправилъ впередъ ротмистра со ста пятидесятью воинами, а на другой день самъ подступилъ подъ Моравскъ**). Войско стало обозомъ. Самъ царевичъ съ воеводою поѣхалъ въ городъ. Жители встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью и представили его суду связанныхъ воеводъ. Димитрій обошелся съ ними ласково, далъ имъ свободу, и обворожилъ русскихъ при первомъ знакомствѣ съ ними въ званіи царевича. Мнишекъ призывалъ къ себѣ этихъ *севрюковъ*, какъ назывались вообще жители Сѣверской области, говорилъ имъ, кто онъ такой: что онъ сенаторъ польскій и радный панъ и стало быть не станетъ лгать, увѣрялъ и клялся, что съ нимъ идетъ настоящій царевичъ. Для бо̀льшаго успѣха онъ говорилъ, что король и вся Польша приняли участіе въ изгнанномъ царевичѣ, и если Москвитяне не примутъ его добровольно и не покорятся ему, то пойдетъ на нихъ войною королевское войско. Съ этими вѣстями отправили севрюковъ по окрестнымъ поселеніямъ распространять между народомъ вѣсть о спасеніи Димитрія и убѣждать скорѣе покориться ему, чтобъ избѣжать прихода королевскихъ войскъ. Посланцы эти имѣли чрезвычайный успѣхъ. Имъ помогало еще то, что въ Сѣверскую землю Борисъ ссылалъ множество всякихъ людей и дѣйствительно дурныхъ, безпокойныхъ, и просто — своихъ недоброхотовъ, которыхъ у него было много. Они съ своей стороны располагали жителей отложиться отъ Бориса и признать настоящаго государя. Въ Сѣверщинѣ стали составляться шайки на помощь Димитрію.

Изъ Моравска претендентъ двинулся на Черниговъ. Тамъ былъ воеводою Иванъ Андреевичъ Татевъ съ товарищами. Не доходя Чернигова, Димитрій послалъ туда отрядъ казаковъ. Подошедши къ Чернигову, казаки увидали крѣпкій городъ, окруженный плохо-укрѣпленнымъ посадомъ, и, подъѣхавши, кричали: «поддавайтесь царю и великому князю Димитрію Ивановичу; Моравскъ уже поддался!» Въ городѣ сдѣлалась суматоха; иные кричали: сдаваться! другіе кричали: биться! Иванъ Андреевичъ Татевъ былъ за Годуновыхъ. Со стѣнъ города дали залпъ по казакамъ и такъ удачно, что сразу многихъ положили. Казаки

*) Дневн. соврем. въ Hist. Russ. Mon. II.

**) Сказ. совр. Паэрлэ. 6.

отступили и ударили на слабый посадъ. Въ это время партія, противная Борису, взяла верхъ; на ея сторону перешли товарищи Татева. Ивана Андреевича связали и послали сказать казакамъ, чтобъ они перестали нападать на посадъ: всѣ черниговцы бьютъ челомъ царевичу. Но казаки не слушали, ворвались въ посадъ, стали грабить жителей и безчинствовать. Тогда гонцы поскакали отъ черниговцевъ къ Димитрію просить, чтобъ онъ остановилъ буйство казаковъ: Черниговъ признаетъ его власть добровольно. Царевичъ послалъ немедленно къ казакамъ Станислава Борша съ товарищами. Но когда эти посланцы прибыли, то уже казаки сдѣлали свое дѣло: весь городъ облупили. На другой день пришло все войско и стало обозомъ. Димитрій увидѣвши, что сдѣлали казаки, послалъ имъ сказать: «отдайте все, что вы награбили незаконно у черниговцевъ; а не отдадите, пойду биться противъ васъ съ рыцарствомъ.» Казаки прислали отвѣтъ: «когда мы подошли къ Чернигову,— по насъ стрѣляли и многихъ убили и ранили; поэтому мы и взяли посадъ, чтобъ вознаградить себя; мы хотѣли этимъ царевичу прислужиться; мы боимся чтобъ Москва, укрѣпившись, не стала намъ сильною.» Но Димитрій этимъ не удовлетворился и требовалъ, чтобъ казаки воротили награбленное. Казаки упорствовали; царевичъ настаивалъ. Такъ прошло нѣсколько дней; наконецъ казаки должны были уступить и обѣщали воротить награбленное, но воротили не все, оставивши у себя кое-что. Димитрій обласкалъ черниговцевъ. Татевъ присягнулъ ему служить и прямить. Но для вѣрности Димитрій оставилъ въ Черниговѣ одного изъ ротмистровъ Яна Запорскаго. Въ черниговскомъ городѣ Димитрій нашелъ на 10,000 злотыхъ казны, и раздѣлилъ ее между своею дружиною. Она начинала уже вопить о заплатѣ жалованья.

4 ноября выступило войско, значительно усиленное пристающими къ нему русскими и казаками, къ Новгороду-Сѣверскому, и шло до него восемь дней. Вездѣ по берегамъ рѣки Десны, Свиницы и Сновы, покорялись Димитрію жители селъ и деревень. Не было ни сопротивленія, ни боязни; народъ не разбѣгался, какъ обыкновенно бывало, когда приближается войско, но выходилъ на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью; севрюки съ умиленіемъ смотрѣли на своего государя, чудесно избавленнаго Богомъ, и кричали въ изступленной радости: многая лѣта царю Димитрію Ивановичу! На дорогѣ прискакалъ къ нему гонецъ изъ Польши и 8 ноября привезъ папскую грамоту*). То былъ от-

*) Собр. гос. грам. II, 169.

вѣтъ на Димитріеву. Эта грамота, писанная еще отъ Клемента VIII, не дошла до насъ, но безъ сомнѣнія, въ ней были побужденія не забывать своего назначенія. Такимъ образомъ, когда все на Руси склонялось къ Димитрію во имя отеческаго православія, когда къ нему выходили священники и міряне съ православными иконами, папская грамота должна была стать для него невольно зловѣщимъ кошмаромъ, предсказывавшимъ ему, что въ будущемъ не такъ легко можетъ онъ расплатиться за помощь, которую ему теперь оказываютъ чужіе. Достойно замѣчанія, что когда папа переписывался съ Димитріемъ и признавалъ его законнымъ наслѣдникомъ, въ половинѣ іюля того же года, снаряжено было опять посольство въ Персію, и папа просилъ очень дружелюбно Бориса пропустить черезъ московскія владѣнія пятерыхъ кармелитскихъ монаховъ, отправленныхъ для этой цѣли *). Видно, что св. отецъ взиралъ тогда самымъ наблюдательнымъ окомъ на отдаленную и непокорную его власти Московію.

11 ноября стало ополченіе подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Тутъ претенденту уже не пошло какъ по маслу, подобно тому, какъ шло до сихъ поръ. Здѣсь онъ долженъ былъ встрѣтить препятствія. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ начальствовалъ воевода умный, расторопный, храбрый, знавшій ратное дѣло и умѣвшій держать въ повиновеніи подчиненныхъ. Это былъ окольничій Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, братъ убитаго въ бою противъ Хлопки, сынъ одного изъ гнуснѣйшихъ сподвижниковъ мрачнаго періода тиранства царя Грознаго. Онъ зналъ духъ народа. Онъ зналъ, что какъ только прибудетъ войско съ Димитріемъ, то между жителями откроется желаніе пристать къ нему. Наступило зимнее время; Димитрію сдались бы прежде всего посадскіе, и Димитрій утвердился бы въ теплыхъ избахъ посада. Басмановъ послалъ двѣсти стрѣльцовъ и внезапно приказалъ сжечь посадъ, а жителей загнать въ городъ. Жители убѣгали съ тѣмъ, что успѣли схватить. Подъѣхавъ къ Новгороду-Сѣверскому, Димитрій выслалъ впередъ казаковъ. Они пришли уже на потухающій пожаръ. Жалко имъ было посада; сожалѣли они объ немъ съ своей казацкой точки зрѣнія: лучше было бы его такъ ограбить, какъ ограбили черниговскій. Остановившись, они не знали, что дѣлать, и дали знать Димитрію. На другой день подошелъ къ Новгороду-Сѣверскому самъ Димитрій со всѣмъ войскомъ, и отправилъ трехъ поляковъ и нѣсколько московскихъ людей изъ Моравска съ предложеніемъ сдаться и присягнуть Димитрію Ивановичу, какъ это сдѣлали другіе. Но Басмановъ принялъ ихъ

*) Hist. Russ. Mon. I, 55.

не такъ, какъ другіе: со стѣнъ Новгорода-Сѣверскаго закричали имъ: «а, б...... сыны, пріѣхали на наши деньги съ воромъ!»

Ополченіе Димитрія стало обозомъ надъ рѣкою Десною, версты за полторы отъ замка. 14 ноября приготовили они свои пушечки, которыхъ у нихъ было восемь небольшихъ нѣмецкихъ полевыхъ да шесть смиговницъ на колесахъ; стали стрѣлять изъ нихъ по городу, ничего не сдѣлали; не могли пробить стѣны. Выстрѣлы изъ города напротивъ нѣсколькихъ побили и покалѣчили. Потомъ охотники сошли съ лошадей и пошли было на приступъ; два раза подходили они къ стѣнамъ, и два раза отбивали; тѣмъ, которые доходили до стѣнъ, бревнами и колодами покалѣчили руки и ноги. Черезъ четыре дня, 18 ноября съ субботы на воскресенье, задумали Димитрій и Мнишекъ зажечь стѣны; иначе невозможно было и думать добыть городъ, когда пушки были такъ малы, что не могли пробить стѣнъ. Выстроили подвижныя деревянныя башенки, поставили на саняхъ и тихо покатили по пепелищу посада. При нихъ шло человѣкъ триста съ соломою и хворостомъ; нужно было разложить огонь у самыхъ стѣнъ такъ, чтобъ занялись стѣны. Но отъ Басманова не укрылись эти замыслы: только что Димитріевцы стали приближаться къ стѣнамъ, Басмановъ велѣлъ стрѣлять со стѣнъ, и выстрѣлы прогнали ихъ. Другой разъ собрались они и пошли, придавши себѣ храбрости, — и опять выстрѣлы со стѣнъ разогнали ихъ. Оправились они, и въ третій разъ пошли къ стѣнамъ съ такими же снарядами; но и въ третій разъ Басмановъ разогналъ ихъ. Такъ суетились они безполезно цѣлую ночь до разсвѣта. Человѣкъ до десяти выбыло*). Утромъ, раздосадованные поляки стали роптать и говорили царевичу, что теперь уже не пойдутъ на приступъ; а царевичъ отпускалъ имъ такія колкости: «я думалъ, что поляки великій народъ, а они такіе люди, какъ и другіе!» — «Не порочь нашей славы! закричали бывшіе при немъ рыцари: всѣ народы знаютъ, что намъ не новость добывать приступомъ крѣпкіе замки; хотя теперь это не наша обязанность, но мы и тутъ не хотѣли потерять славы предковъ нашихъ; прикажи только прежде дыры пробить въ стѣнѣ. Какъ придется намъ въ полѣ встрѣтиться съ этимъ же непріятелемъ, такъ вотъ тогда узнаешь ваша милость, каковы мужество и храбрость наша; вотъ тогда полюбуешься доблестями поляковъ!»

Въ воскресенье, 19 ноября, Димитрій могъ утѣшиться отъ неудачнаго приступа. Пришли изъ Путивля посланцы и объявили, что путивляне повязали воеводъ и отдаютъ ему Путивль со всѣмъ

*) Сказан. соврем. Паэрле.

уѣздомъ. На другой день приведены эти воеводы. Вотъ, какъ дѣло происходило по разсказамъ современниковъ: былъ у Димитрія отрядъ изъ московскихъ людей, что жили помѣстьями въ польской Руси; они пристали къ нему первые, какъ онъ набиралъ дружину въ Самборѣ. Они отправились изъ-подъ Новгорода-Сѣверскаго за живностью для войска и наткнулись на отрядъ, посланный изъ Путивля. «Что вы за люди?» — спрашивали путивляне. Тѣ отвѣчали: «мы братья ваши; ѣдемъ въ свою землю съ Димитріемъ Ивановичемъ, нашимъ прироженымъ царемъ.» Путивляне забрали ихъ въ плѣнъ и грозили имъ пыткою; но Димитріевы воины сказали: «вольно вамъ дѣлать съ нами что захотите; только мы иначе не можемъ сказать, какъ уже сказали; мы знаемъ, и навѣрно дознались, что это нашъ истинный государь, царевичъ Димитрій; и вамъ, братья, совѣтуемъ поклониться ему.» Пока Путивляне довезли ихъ до Путивля, сами совершенно перешли на ихъ сторону; а пріѣхавъ въ Путивль, подняли всѣхъ ратныхъ людей и жителей; и всѣ объявили себя за истиннаго царевича, законнаго наслѣдника Московскаго государства. Воеводъ привели къ Димитрію подъ Новгородъ-Сѣверскій*); одного изъ нихъ, Михайла Михайловича Салтыкова, связали, а другой, князь Василій Рубецъ-Масальскій самъ безъ принужденія объявилъ себя за Димитрія. То же сдѣлалъ дьякъ Богданъ Сутуповъ, и другіе ратные также поступили. Василій Рубецъ-Масальскій скоро вошелъ къ Димитрію въ особенную довѣренность, а дьякъ Сутуповъ доставилъ Димитрію деньги, которыя самъ привезъ недавно изъ Москвы для раздачи войску; этимъ онъ поддержалъ Димитрія, когда онъ сильно нуждался въ деньгахъ, и за то впослѣдствіи Сутуповъ сдѣлался думнымъ дьякомъ. Димитрій послалъ въ Путивль установить порядокъ Станислава Боршу, и приказалъ ему вернуться скорѣе назадъ.

24 ноября, новая радость: пріѣхалъ посланецъ изъ Рыльска и объявилъ, что Рыльчане сдаются и признаютъ Димитрія. Чрезъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день, еще одна радость: пріѣхалъ посланецъ изъ Комарницкой волости и объявилъ, что она сдалась съ городомъ Сѣвскомъ, и тамошніе воеводы взяты. 1 декабря пришло извѣстіе изъ Курска, что этотъ городъ призналъ Димитрія Ивановича. Потомъ 2 декабря новый посланецъ привезъ извѣстіе, что сдались Кромы. Вслѣдъ за тѣмъ Димитрій узналъ, что на его сторону перешелъ Бѣлгородъ. Войско Димитрія безпрестанно увеличивалось и уже простиралось до 15,000,

*) Ник. лѣт. 68.

кромѣ отрядовъ, которые находились въ покорившихся городахъ и готовы были присоединиться, когда будетъ нужно.

Димитрій продолжалъ стоять подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Напрасно къ городу не разъ подъѣзжали поляки, убѣждали покориться царю и великому государю, грозили истребленіемъ и старыхъ и малыхъ, когда придется взять Новгородъ-Сѣверскъ приступомъ. «Убирайтесь! — кричалъ имъ со стѣны Басмановъ — у насъ государь царь и великій князь всея Русіи Борисъ Ѳедоровичъ на Москвѣ; а вашъ Димитрій — воръ и измѣнникъ; вотъ его скоро посадятъ на колъ со всѣми единомышленниками [1])!» 2 декабря стали было палить изъ новыхъ пушекъ, привезенныхъ изъ Путивля; и то не помогло: эти пушки не пробили стѣнъ Новгородъ-Сѣверскаго Кремля, а пушки у Басманова были отличныя; самъ Басмановъ то и дѣло что бѣгалъ по стѣнѣ, самъ зажигалъ фитили, самъ училъ направлять пушку, осматривалъ днемъ и ночью стѣны, и, главное, не допускалъ предательства. Правда, при тѣснотѣ, какая была въ Кремлѣ, куда согнаны были всѣ раззоренные посадскіе людишки, Басмановъ не могъ усмотрѣть, какъ нѣкоторые переходили въ обозъ Димитрія. Такъ, 27 ноября въ одинъ день перебѣжало туда 80 человѣкъ [2]).

5 Декабря услышали въ обозѣ Димитрія, что приближается войско, посланное Борисомъ на своего врага.

Еще въ іюнѣ, въ Москвѣ, у царя съ освященнымъ соборомъ и съ боярскою думою состоялся приговоръ о томъ, чтобъ не только изъ помѣстьевъ и вотчинъ, но и изъ имѣній церковнаго вѣдомства, владычнихъ и монастырскихъ, снаряжены были слуги съ оружіемъ и отправлены въ Калугу въ полкъ къ Мстиславскому [3]). Въ этомъ приговорѣ правительство уже сознавалось, что дѣла его пошли плохо: казаки, забывъ крестное цѣлованіе, измѣняютъ, многіе изъ русскихъ прельщаются отъ вора и передаются на его сторону; многіе хотя еще не измѣняютъ явно, но бѣгаютъ отъ службы самовольно или не хотятъ итти на службу. Тогда, по извѣстію современника [4]), употребляли крутыя мѣры: за ослушаніе или медленность сажали въ тюрьмы или сѣкли плетьми такъ больно, что на спинѣ не оставалось цѣлаго мѣста, гдѣ бы можно кольнуть иглою. Такими-то мѣрами согнали войска, какъ сказано выше, отъ сорока до пятидесяти тысячъ. Носились преувеличенные слухи о его величинѣ:

---

[1]) Сказан. соврем. Паэрле, 4.
[2]) Собр. госуд. гр. II, 170.
[3]) Собр. гос. гр. II, 164.
[4]) Маржер. 46.

одни говорили, что въ немъ сто тысячъ, другіе двѣсти тысячъ. Въ немъ были доброжелатели Димитрія, и, за десять дней, до его появленія, въ обозъ претендента приходили письменныя извѣщенія о ходѣ войска; а когда оно приближалось, то нѣкоторые, отдѣлившись отъ годуновцевъ, переходили въ станъ Димитрія служить законному государю.

Главный предводитель царскаго войска былъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, человѣкъ ничтожнѣйшій по дарованіямъ, за то знатный, по происхожденію первая личность въ боярской думѣ. До сихъ поръ не было ничего, что бы побуждало надѣяться на преданность этого человѣка Годуновымъ. Отца его при царѣ Ѳедорѣ постригъ Борисъ насильно; сестру его за то, что ее хотѣли навязать слабоумному царю, также заточили въ монастырь. Ему самому не дозволялъ жениться подозрительный царь съ намѣреніемъ прекратить родъ, стоявшій выше рода Годуновыхъ. Теперь *) Борисъ бросилъ ему надежду, что если онъ истребитъ Димитрія, то получитъ въ супружество царскую дочь Ксенію, да еще царь даетъ ему Казанское и Сибирское государства въ удѣлъ. Съ этой надеждой и отправился Мстиславскій предводительствовать надъ войскомъ, отличаясь блескомъ своего родоваго имени, за недостаткомъ способностей.

20 Декабря на разсвѣтѣ передняя стража, высланная для наблюденія, дала знать Димитрію, что войско царя Бориса подходитъ. Войско Димитріево вышло въ поле, затрубило въ трубы; Борисово войско показалось. Удальцы выѣзжали съ обѣихъ сторонъ и вызывали другъ друга на герцы. Въ это время Басмановъ сталъ дѣлать внезапныя вылазки одну за другою, чтобъ развлекать вниманіе и силы димитріевцевъ. Они должны были отстрѣливаться и гоняться за гарнизономъ; русскіе въ Новгородѣ-Сѣверскомъ притворно показали видъ, что поддаются, отворили ворота, заманили димитріевцевъ, а потомъ затворили ворота, перебили тѣхъ, что вскочили въ ворота, и, вслѣдъ затѣмъ, сами изъ другихъ воротъ выскочили и надѣлали большого смятенія въ Димитріевомъ войскѣ. Въ стычкахъ прошелъ короткій зимній день. Ратники разошлись. Димитрій посылалъ въ Борисово войско сказать: пусть его тамъ признаютъ царемъ, а онъ нежелаетъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ и подданныхъ. Эти выходки были еще пока напрасны. На другой день московское войско приблизилось. Димитрій приказалъ своимъ начать битву. Вышла прежде двухсотная конная рота Неборскаго, ударила на московскихъ ратныхъ людей и была

*) Is. Mass. 52.

отбита. Потомъ бросились въ дѣло другія роты [1]). Московскіе люди поддались. Димитріевцы наперли на правое крыло Борисова войска, и правое крыло разстроилось. Но остальные Димитріевы воины не шли въ дѣло и стояли, да ожидали времени, когда, быть можетъ, имъ придется выручать своихъ изъ нужды. Маржеретъ говоритъ, что тутъ, если бы хоть одинъ отрядъ въ четыреста всадниковъ бросился на Годуновцевъ, такъ Годуновцы были бы на повалъ разбиты. Не удалось Мстиславскому сдѣлать и засады: онъ еще предъ свѣтомъ отрядилъ было отрядъ въ долину, да польская пѣхота, узнавъ объ этомъ, ударила на засаду и разсѣяла ее. Довольно московскихъ людей легло тогда на мѣстѣ. Все московское войско отступило назадъ верстъ за четырнадцать и оставило непріятелю поле сраженія [2]). Самому Мстиславскому дали тогда нѣсколько ударовъ въ голову [3]); онъ упалъ съ коня; его едва унесли. У московитянъ, говоритъ очевидецъ [4]), словно какъ будто рукъ не было для сѣчи.

На другой день собирали и хоронили мертвыхъ. Московскихъ людей подобрали тысячъ до шести; изъ войска Димитріева погибло болѣе ста двадцати, и только 20 человѣкъ шляхетскаго достоинства; прочіе были простые люди. Эта неравномѣрность подозрительна по своей чрезвычайности. Московскихъ людей зарыли въ трехъ высокихъ могилахъ. Царевичъ находился при погребеніи и плакалъ надъ убитыми земляками, противъ которыхъ сражался. Неподалеку отъ могилъ московскихъ людей вырывали могилу для простыхъ Димитріевцевъ; но шляхетскія тѣла удостоились быть погребенными особо близъ церкви, что стояла посреди Димитріева обоза [5]).

Малыя силы одолѣли большое войско. Казалось бы такая побѣда, должна была заохотить поляковъ воевать бодрѣе: не то вышло. Они какъ будто пересытились своей славой. Въ Димитріевомъ войскѣ были все удальцы хотѣвшіе поживы; вотъ болѣе мѣсяца стояли они подъ упорнымъ Новгородомъ-Сѣверскимъ и ничѣмъ не поживлялись, а проживались. Жалованье за прежнюю службу было имъ заплачено. Они хотѣли получить еще впередъ. Жолнѣры-товарищи приходятъ къ Димитрію толпою и говорятъ: «царевичъ, давай намъ жалованье, а не то уйдемъ въ Польшу.»

— «Ради Бога, будьте терпѣливы! — говорилъ имъ Дими-

---

1) Дворжицкаго, двѣ гусарскія, одна Мнишка и другая Фредра, а потомъ царская.

2) Borsza.

3) Маржер. 30.

4) Ia. Mass. 56.

5) Borsza. — Petricii, 43.

трій — я съумѣю вознаградить храброму рыцарству скоро, а теперь послужите мнѣ; время очень важное: надобно намъ преслѣдовать нашего непріятеля: онъ теперь пораженъ нашей побѣдой; если мы не дадимъ ему собраться съ духомъ и погонимся за нимъ, то уничтожимъ его, и тогда верхъ будетъ за нами, и вся земля намъ покорится, а я заплачу вамъ!...»

Но жолнѣры перервали его рѣчь и кричали, что дальше не идутъ и не будутъ служить, коли Димитрій тотчасъ же не выплатитъ имъ жалованье.

— «Что́ же я буду дѣлать! — говорилъ Димитрій — у меня нѣтъ столько денегъ, чтобъ я могъ заплатить всѣмъ.»

— «А намъ что̀ за дѣло! говорили поляки — не можешь, такъ мы уйдемъ.»

Какъ ни упрашивалъ ихъ Димитрій, ничто не дѣйствовало на нихъ: твердили одно и тоже. Тогда товарищи изъ роты Фредра пришли тайкомъ къ Димитрію и говорили: «ваша царская милость, извольте заплатить только нашей ротѣ, а другіе знать не будутъ; мы останемся, и другіе, глядя на насъ, останутся также.» Димитрія поддѣли на эту удочку. Онъ согласился заплатить одной ротѣ; на это у него ставало денегъ, и онъ выплатилъ жолнѣрамъ Фредра ночью. Утромъ послѣ того въ другихъ ротахъ узнали объ этомъ и подняли тревогу. Толпа бросилась къ Димитрію съ выговоромъ; схватили его знамя; одинъ полякъ сорвалъ съ него соболью ферезею; тутъ подскочили московскіе люди и выкупили за 300 злотыхъ одежу своего государя. Кто-то изъ жолнѣровъ осмѣлился сказа̀ть царевичу: «ей-ей быть тебѣ на колѣ!» Димитрій не утерпѣлъ, и ударилъ его въ зубы *). Поляки пошумѣли и побуянили передъ царевичемъ, показали, какъ уважаютъ его, и разошлись. Димитрій бросился за ними. Они собирались домой; Димитрій ѣздилъ между ними, да упрашивалъ чтобъ не покидали его на погибель.... На силу изъ разныхъ ротъ кое-какіе жолнѣры разчувствовались отъ его просьбъ, и остались: такихъ было человѣкъ 1500. Прочіе ничѣмъ не умолились и ушли. Къ бо̀льшей его досадѣ, и воевода Сандомирскій объявилъ, что оставляетъ нареченнаго зятя и идетъ въ Польшу. Онъ извинялся, во-первыхъ, нездоровьемъ, во-вторыхъ, что сеймъ наступаетъ. Его побуждалъ возвратиться король, его укоряли многіе паны за то, что даетъ поблажку экспедиціи въ Московское государство; король боялся, что когда соберется сеймъ, то многіе послы поднимутъ противъ него за это же голосъ, и потому, чтобъ себя очистить, онъ посредствомъ

*) Borsza.

универсаловъ, приказывалъ, чтобъ его подданные не вступали вооруженною рукой въ чужое государство. Конечно, свободная шляхта могла служить, гдѣ хотѣла; пребываніе шляхты въ войскѣ Димитрія значило, что свободные люди частно служатъ Димитрію, а никакъ не Польша нападаетъ. Но Мнишекъ занималъ званіе воеводы, и въ этомъ званіи не могъ распоряжаться своей вольностью такъ, чтобъ его нападеніе на предѣлы чужого государства не сочтено было за нарушеніе мира со стороны Рѣчи Посполитой. Въ глазахъ Димитрія ушли поляки въ Польшу; но не прошло это имъ даромъ, говоритъ очевидецъ, который тогда предпочелъ остаться въ службѣ Димитрія: «натерпѣлись они на дорогѣ и холоду и голоду, и лошади у нихъ поморились, и кляли они сами себя, что уѣхали, и хуже было имъ чѣмъ тѣмъ, которые остались съ царевичемъ *).

Однако скоро Димитрій утѣшился. Чрезъ нѣсколько дней послѣ выхода поляковъ, пришло двѣнадцать тысячъ Запорожцевъ, они привезли съ собой пушекъ, а въ нихъ нуждался Димитрій. Разсудили, что нечего стоять подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, и гораздо лучше перейти въ Комарницкую волость; носились слухи, что тамошній народъ, еще недавно буйный и безпокойный, станетъ за Димитрія и желаетъ его видѣть. Онъ оставилъ осаду и со всѣмъ войскомъ двинулся въ Комарницкую волость и сталъ у Сѣвска.

Но Борисовы воеводы узнали, что поляки ушли, и разочли, что теперь, пока еще у нихъ силы не утомились, а у претендента не прибавились, надобно ударить на него. Послѣ сраженія подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ вышло такъ, какъ бы ожидать не слѣдовало. Димитрій выигралъ сраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ заслужилъ нерасположеніе поляковъ и его силы умалились, а московскіе воеводы, проигравъ битву, пріобрѣли благосклонность своего царя. Борисъ прислалъ къ раненному Мстиславскому чашника Вельяминова-Зернова и велѣлъ отъ себя и отъ своего семейства челомъ ударить, о здоровьѣ спросить, похвалить за службу, и обѣщалъ такое великое жалованье, какого у него и на умѣ нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь прислалъ ему для излеченія медика и двухъ аптекарей нѣмцевъ. Разомъ милостивъ былъ Борисъ и ко всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и велѣлъ ихъ спросить о здоровьѣ **). Это значило, что Борисъ заискиваетъ у войска, боится измѣны, хочетъ задобрить его и тѣмъ предотвратить измѣну. Рана Мстиславскаго не была опасна: чрезъ

*) Borsza.
**) А. Э. I, 17.

мѣсяцъ онъ могъ сѣсть на коня, хотя еще и чувствовалъ слабость. Войско его увеличилось и простиралось отъ 60,000 до 70,000; товарищемъ ему посланъ князь Василій Шуйскій. Шуйскій присланъ *прибыльнымъ* воеводою [1]). Воеводы пошли на войско Димитрія, стоявшее подъ Сѣвскомъ, и остановились отъ него обозомъ за нѣсколько верстъ. По извѣстіямъ современниковъ, у Димитрія было тогда семь хоругвей польскихъ конныхъ, сотня польской пѣхоты, четыреста пѣшихъ и пять сотъ конныхъ московскихъ людей [2]), а по другимъ извѣстіямъ ихъ было до 2000 [3]); три тысячи Донскихъ козаковъ, да сверхъ того пришедшіе Запорожцы [4]); всего было до 15,000 человѣкъ [5]).

Годуновцы хоть и не далеко были отъ Димитрія, а долго не знали, гдѣ онъ именно и съ какими силами стоитъ. Надобно было запастись продовольствіемъ. Борисовы воеводы послали отрядъ, по показанію одного изъ современниковъ, болѣе чѣмъ въ семь тысячъ [6]), по показанію другого въ четыре [7]) для сбора скота, овса, сѣна и хлѣба по сосѣднимъ селамъ; но какъ только этотъ отрядъ вышелъ, на него напалъ отрядъ, высланный Димитріемъ; произошла схватка; Годуновцевъ разбили жестоко; много легло, остальные бѣжали. Это произвело страхъ въ царскомъ войскѣ; тамъ никакъ не думали, чтобъ непріятель былъ такъ близко. На этой [8]), или на другой [9]) стычкѣ Годуновцы поймали какого то поляка, и не могли отъ него ничего дознаться. «Люблю выпить, сказалъ онъ — дайте двѣ чарочки винца; всю правду скажу.» Одни говорятъ [10]), что воевода приказалъ его положить спать, и онъ во снѣ умеръ, другіе [11]), что воеводы разсердились, велѣли пытать, думая и безъ вина заставить его вы-

---

1) Тогда было такое распредѣленіе начальства: въ большомъ полку, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій да князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; по другимъ полкамъ оставлено прежнее росписаніе: въ правой рукѣ, князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и князь Михайла Ѳедоровичъ Кашинъ; въ передовомъ, бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и бояринъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ; въ сторожевомъ, окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ и князь Михаилъ Самсоновичъ Туренинъ; а въ лѣвой рукѣ, окольничій Василій Петровичъ Морозовъ и князь Лука Ѳедоровичъ Щербатовъ.

2) Petricii, 46.

3) Сказ. соврем. Паэрлэ, 18.

4) Petricii, 46.

5) Buss. 47.

6) Petricii, 169.

7) Is. Mass. 57.

8) Is. Mass. 58.

9) Petricii, 169.

10) Is. Mass. 58.

11) Petricii, 169.

сказать правду, и замучили до смерти, ничего отъ него не допытавшись, а потомъ съ досады повѣсили его голое тѣло на высокой ели [1]).

У Димитрія въ войскѣ былъ совѣтъ; въ совѣтѣ разногласица. Поляки, бывшіе при немъ, совѣтовали не нападать на московскихъ людей и дожидаться, пока они сами нападутъ; казацкіе атаманы были противъ этого и совѣтовали самимъ выйти изъ обоза и ударить на враговъ. «Что — говорили они — намъ тутъ дожидаться! Пусть москвы и больше; мы на это не посмотримъ: били ее прежде, и теперь побьемъ [2])!» Говорили, что въ Борисовомъ войскѣ колебаніе. Уже многихъ тамъ брало раздумье; быть можетъ они идутъ воевать противъ законнаго государя за ненавистнаго похитителя; многихъ соблазняли слухи о Димитріевомъ удальствѣ, великодушіи и добротѣ, тогда какъ за Борисомъ не оставалось для нихъ никакого привлекательнаго качества; добротѣ его не вѣрили давно. Соображая это, поляки подавали Димитрію совѣты не открывать битвы, а заводить съ Годуновскимъ войскомъ сношенія и стараться склонить московскихъ людей на свою сторону [3]). Послѣ споровъ и толковъ, Димитрій присталъ къ думѣ казацкой; онъ разсудилъ такъ: Годуновцевъ несравненно больше; они могутъ осадить его съ войскомъ; перервутъ сообщенія; нельзя будетъ подвозить продовольствія. «Лучше и славнѣе, говорилъ Димитрій, встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ и найти или смерть или побѣду — послѣдняя вѣроятнѣе [4]).» Счастливыя стычки предъидущихъ дней подавали ему надежду.

Донесли ему, что не малая часть войска Борисова находится въ деревнѣ Добрыничахъ въ тѣснотѣ. Жители этой деревни расположены были къ Димитрію, какъ и вообще жители всего этого края; они сами вызывались зажечь свою деревню въ то время, когда Димитрій на нее нападетъ; тогда, среди суматохи, Годуновцы не успѣютъ устроиться въ боевой порядокъ и можно будетъ разбить ихъ. Но прежде чѣмъ успѣли поселяне исполнить задуманное, узнали объ этомъ Годуновцы, перевѣшали зажигателей, вышли изъ деревни; войско устроилось къ бою [5]). Ожидали Димитрія; направо поставлены были татары, въ перемѣшку съ московскими людьми, въ числѣ 20,000; налѣво тридцать ты-

---

1) Petricii, 169.
2) Petricii, 48.
3) Petricii, 47.
4) Сказ. соврем. Паэрле, 18.
5) Маржер. 80.

сячъ московскихъ людей; посрединѣ десять съ небольшимъ тысячъ и пушки [1]).

21 января на разсвѣтѣ все войско Димитріево пошло на Годуновцевъ. Самъ Димитрій передъ выѣздомъ въ полѣ отслушалъ обѣдню. Его войско раздѣлилось на три отдѣла: одинъ состоялъ изъ поляковъ, и былъ подѣленъ на семь ротъ; гетманомъ у нихъ вмѣсто отъѣхавшаго Мнишка былъ теперь полковникъ Дворжицкій [2]); къ нимъ присоединилось двѣ тысячи московскихъ людей, для отличія отъ своихъ единоотечественниковъ Годуновцевъ, они надѣли бѣлыя рубахи сверхъ панцырей и латъ [3]). Другой большой отрядъ состоялъ изъ 8,000 Запорожскихъ казаковъ; третій изъ 4,000 казаковъ [4]).

Мѣстоположеніе было холмистое; большая часть войска закрывалась отъ московской рати холмами: на видъ вышла сперва польская конница — тысячи двѣ человѣкъ, они воинственно гарцовали; весело разливался звукъ ихъ трубъ и литавръ; а польскіе ротмистры возбуждали отвагу удалыми окликами и такими похвалками на непріятеля, какъ будто уже одолѣли его. Они направлялись на правую сторону московскаго войска и уже спускались въ лощину; они думали отрѣзать московскій станъ отъ деревни Добрыничей, стоявшей на холмѣ за лощиною. Димитрій для ободренія своихъ летѣлъ впереди на каромъ аргамакѣ съ обнаженнымъ тесакомъ въ рукѣ. Сначала выступили изъ царскаго лагеря нѣмцы, потомъ за ними московскіе люди. Началась перестрѣлка. Вдругъ изъ-за холмовъ разомъ появилось шестьдесятъ или семьдесятъ знаменъ, раздался оглушительный звукъ трубъ и литавръ, задорный крикъ ратныхъ людей. Московскіе люди подались назадъ. Въ московскомъ войскѣ не было такъ много знаменъ какъ у поляковъ; у нихъ было тогда всего-на-все три знамени, но чрезвычайно огромныя съ изображеніемъ святыхъ, украшенныя жемчугами; не было вовсе и трубъ, кромѣ у служившихъ царю иноземцевъ; поэтому, Годуновцы, увидя множество знаменъ и услыша сильный трубный гласъ, вообразили, что на нихъ идетъ большое войско. Начальствовалъ передовымъ полкомъ Иванъ Годуновъ, человѣкъ не храбраго десятка; онъ такъ обомлѣлъ, что его можно было пальцемъ съ коня спибить, говоритъ современникъ. Димитрій выбилъ Годуновцевъ изъ лощины и уже поднимался на гору къ Добрыничамъ, — вдругъ одинъ нѣмецъ Арпстъ

---

1) Petricii, 49.
2) Borsza.
3) Сказ. соврем. Паэрлэ, 18.
4) Маржер. 80.

Кляссенъ, служившій въ отрядѣ Маржерета, замѣтилъ, что поляки не страшны, идутъ они маленькими отдѣлами, и можно съ нихъ прыть сбить; бѣгущіе Годуновцы быстро остановились, раздвинулись. За ними на горѣ былъ обозъ [1]). Московскіе стрѣльцы стояли за укрѣпленіемъ изъ саней и, подпустивши къ горѣ поляковъ, дали по нимъ сверху залпъ изъ полевыхъ пушекъ и множества ружьевъ, по извѣстію современника [2]) до 12,000. По увѣренію поляковъ [3]), къ ихъ собственному удивленію этотъ залпъ мало повредилъ имъ; неискусны были стрѣльцы московскіе; за то залпъ отуманилъ поляковъ. Дымъ отъ стрѣльбы понесло сильнымъ вѣтромъ на запорожскую конницу, стоявшую влѣво; на нѣсколько минутъ закрылъ ее дымъ и вдругъ раздался крикъ: запорожцы убѣгаютъ! Поляки были поражены этимъ извѣстіемъ и разстроились. Годуновцы, воспользовавшись смятеніемъ въ рядахъ непріятелей, ударили на нихъ; дымъ разошелся: оказалось, что запорожцы дѣйствительно убѣжали; поляки окончательно растерялись и побѣжали, отбиваясь отъ Годуновцевъ и все еще надѣясь, что запорожцы воротятся и подкрѣпятъ ихъ. Но запорожцы не воротились. Только отрядъ пѣшихъ казаковъ, вѣроятно Донскихъ, поставленный за холмомъ, далъ-было отпоръ Годуновцамъ; однако, натиснутые огромными силами, казаки потеряли много убитыхъ и отступили, побросавши пушки. Годуновцы преслѣдовали Димитріевцевъ конницею верстъ на шесть или на семь; много ихъ перебили; нахватали много плѣнныхъ [4]), взяли пятнадцать знаменъ и тринадцать орудій. Самъ Димитрій чуть было не попался въ плѣнъ: его конь былъ подъ нимъ застрѣленъ. Служившіе въ Борисовомъ войскѣ нѣмцы чуть-чуть не схватили его; но Василій Рубецъ-Масальскій, соскочивъ съ своего коня, посадилъ на него Димитрія, а самъ взялъ коня у своего слуги. И другой конь подъ Димитріемъ былъ раненъ, но унесъ его; и съ этихъ поръ Димитрій чрезмѣрно уважалъ Василія Масальскаго и въ большой чести содержалъ коня, который спасъ его отъ гибели [5]). Выбыло тогда у него, по однимъ извѣстіямъ, до шести тысячъ. Такъ говоритъ Маржеретъ, участвовавшій въ тогдашней войнѣ [6]). По другимъ извѣстіямъ, у Димитрія убито

---

1) Borsza.
2) Маржер. 81.
3) Borsza. — Сказан. соврем. Паэрлэ, 20.
4) Borsza. — Паэрлэ, 21.
5) Ls. Mass. 59.
6) Маржер. 91.

было до трехъ тысячъ [1]). Русскія извѣстія увеличиваютъ потерю до 13,000 [2]).

Послѣ этой потери Димитрій приказалъ наскоро сняться обозомъ и уходить къ Рыльску. На казаковъ не смѣлъ онъ болѣе полагаться. Современники говорятъ, что начальники этихъ восьми тысячъ запорожцевъ были подкуплены Борисовыми воеводами за нѣсколько дней; умышленно не стали помогать Димитрію и ушли, покинувъ его въ рѣшительную минуту [3]). Когда они проходили мимо Рыльска, со стѣнъ этого города московскіе люди отпускали имъ крѣпкія ругательныя слова. Они пошли себѣ въ польскія владѣнія. Димитрій сказалъ имъ такое прощальное слово: «вы храбры передъ битвой, а въ битвѣ трусы; стыдно мнѣ, что вы мнѣ служили; только и могу о васъ вспомнить по одному бѣгству вашему [4])!»

Борисовы воеводы не могли рѣшиться преслѣдовать Димитрія, иначе какъ со всѣмъ своимъ обозомъ, а для этого нужно было время, и въ сборѣ провели московскіе люди нѣсколько дней. Это дало Димитрію возможность уйти до Рыльска. Въ эти дни московскіе воеводы изрубливали, вѣшали, разстрѣливали и мучили плѣнниковъ безъ разбора: доставалось не только своимъ въ качествѣ измѣнниковъ и бунтовщиковъ, но и полякамъ; ихъ не считали военноплѣнными, оттого что войны между Польшею и Московскимъ государствомъ не было объявлено. Пощадили только тѣхъ, что были познатнѣе да и то для того, чтобы въ Москвѣ поругаться надъ ними всенародно. 8 Февраля ихъ водили по городу со взятыми знаменами при звукахъ трубъ и накровъ, у нихъ же отнятыхъ. Тогда несли и показывали народу позолоченное копье съ тремя бѣлыми перьями [5]); оно было найдено близъ убитаго Димитріева коня. Такъ хотѣли народъ увѣрить, что царскія войска одолѣваютъ богомерзскаго разстригу.

Наконецъ, собравшись, двинулось войско Борисово за Димитріемъ, но Димитрій ушелъ уже болѣе чѣмъ на сто верстъ. Годуновцы достигли Рыльска, а Димитрій былъ тогда уже въ Путивлѣ. Годуновцы осадили Рыльскъ. Рыльчане передъ самымъ приходомъ Годуновцевъ отправили къ Димитрію просить помощи. Изъ Путивля Димитрій послалъ имъ двѣ тысячи своихъ московскихъ людей и пять сотъ поляковъ. Годуновцы были тогда до того оплошны, что, въ ихъ глазахъ, посланная Димитріемъ рать вошла

1) Сказ. соврем. Паэрлэ, 21.
2) Хроногр.
3) Сказ. соврем. Паэрлэ, 21.
4) Petricii, 50.
5) Is. Mass. 61.

въ Рыльскъ; увеличилась тамошняя ратная сила, охранявшая городъ. Годуновцы простояли подъ Рыльскомъ тринадцать дней, и ничего ему не сдѣлали [1]). У Рыльчанъ мало было запасовъ; продолжительная осада погубила бы ихъ; но они знали, что съ ними жестоко поступятъ Борисовы воеводы, и по неволѣ должны были храбро отбиваться [2]). Въ Рыльскѣ воеводствовали [3]) передавшіеся къ Димитрію князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Зміевъ. Пытались было склонить убѣжденіями къ сдачѣ Рыльчанъ: «не стыдно ли вамъ измѣнять законному царю и служить разстригѣ бѣглому монаху.» — «Стоимъ за прироженаго государя Димитрія Ивановича, котораго вашъ Борисъ измѣнникъ хотѣлъ убить, а Богъ его укрылъ,» твердили Рыльчане. Между тѣмъ, въ началѣ, въ Путивлѣ Димитрію было не хорошо; поляки, которые съ нимъ оставались, разсудили, что счастіе ему перестаетъ служить и уходили въ Польшу почти всѣ, даже не прощаясь съ нимъ. На силу, на силу часть ихъ воротилась по убѣжденіямъ Станислава Борши и начальника гусаровъ Бялоскурскаго [4]). Еслибы Годуновцы поспѣшили ударить на Путивль, то много бы вреда ему сдѣлали. Но Годуновцы потратили время подъ Рыльскомъ, а тѣмъ временемъ дѣла Димитрія съ другой стороны поправлялись: украинные города продолжали сдаваться; одинъ за другимъ приступили къ нему Осколъ, Воронежъ, Царевъ-Борисовъ, Орелъ и также Елецъ [5]). Во всѣхъ этихъ городахъ досталось Димитрію до 50 орудій [6]); въ послѣднемъ городѣ взяли какого-то знаменитаго чародѣя. Къ Димитрію съ Дону прибывали одинъ за другимъ въ Путивль отряды.

Тогда, чтобъ отвлечь Бориса войско отъ Рыльска, Димитріевы поляки изъ Путивля подослали въ Борисовъ обозъ языка и научили, чтò ему говорить. Онъ попался въ плѣнъ. Борисовы воеводы стали его допрашивать. Онъ показалъ, будто на помощь Димитрію идетъ коронный гетманъ Жолкѣвскій, а у него войска сорокъ тысячъ. Этому легко было повѣрить отъ того, что Борисъ, по своему обыкновенію хитрить, содержать въ тайнѣ настоящій смыслъ дѣла и распускать ложь, далъ своей борьбѣ съ престолоискателемъ такой смыслъ, какъ будто все дѣлается по злобѣ Сигизмунда, который ищетъ такого или иного повода объявить

---

1) Марж. 82.
2) Petricii, 52.
3) Ник. VIII, 62.
4) Borsza, 47.
5) Borsza, 10. — Bar. Bar. 10.
6) Grevenbr. 16.

войну [1]). Воеводы разочли, что тутъ имъ не слѣдуетъ оставаться, а нужно уйти въ Комарницкую волость, поближе ко внутреннимъ землямъ, и тамъ ожидать непріятеля. Снялись такъ поспѣшно, что побросали въ обозѣ много запасовъ и съѣстныхъ и боевыхъ. Рыльчане, какъ только увидѣли, что осаждавшее ихъ городъ войско удаляется, тотчасъ сами сдѣлали вылазку, напали на задній отрядъ, разсѣяли его, многихъ взяли въ плѣнъ, забрали тринадцать орудій [2]). Годуновцы ушли ко Кромамъ. Димитрію тотчасъ дали знать объ этомъ, и онъ отправилъ туда въ передогонку отрядъ Донцовъ и московскихъ людей; всѣхъ было четыре тысячи; начальствовалъ ими атаманъ Корела и Григорій Акинфіевъ.

Они успѣли войти въ Кромы тихо, прежде чѣмъ Борисово войско 14 марта осадило этотъ городъ [3]). Съ этихъ поръ главный станъ царскаго войска былъ подъ Кромами, а изъ него посылались отряды по окрестностямъ раззорять жителей. Нельзя выразить—говоритъ Паэрлэ—съ одной стороны, съ какимъ безчеловѣчіемъ ратные люди Борисовы свирѣпствовали надъ своими соотечественниками, съ другой—съ какимъ мужествомъ и твердостію духа шли мученики на смерть и истязанія за Димитрія, своего законнаго государя [4]), тѣ, которые и не видали въ глаза никакого Димитрія, а воображали, что видали его, и никакія пытки не могли заставить ихъ говорить иное. Годуновцы свирѣпствовали особенно въ Комарницкой волости: за преданность Димитрію мужчинъ, женщинъ, дѣтей сажали на колъ, вѣшали по деревьямъ за ноги, разстрѣливали для забавы изъ луковъ и пищалей, младенцевъ жарили на сковородахъ. Вся Сѣверщина была осуждена царемъ на порабощеніе по произволу военщины; людей ни къ чему не причастныхъ хватали и продавали татары за старое платье или за джбанъ водки, а иныхъ отводили толпами въ неволю, особенно молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Въ московскомъ войскѣ было на половину татаръ и прочихъ инородцевъ, и они то особенно варварски свирѣпствовали. Ничего подобнаго не дѣлалось народу отъ Димитріевцевъ, и эта разница утверждала народъ въ убѣжденіи, что Димитрій настоящій царевичъ.

---

[1]) А. Э. 178.
[2]) Паэрлэ, 28.
[3]) Вогяка. — Маржер. 22. — Паэрлэ, 21.
[4]) Паэрлэ, 23.

IV.

Поведеніе Бориса. — Посольство въ Польшу. — Гришка Отрепьевъ. — Смерть Бориса.

Со времени появленія Димитрія, царь Борисъ велъ противъ него борьбу такимъ способомъ, какой только могъ быть наиболѣе выгоденъ для претендента. Кромѣ короткихъ сбивчивыхъ извѣщеній чрезъ пограничныхъ воеводъ, Борисъ не посылалъ въ Польшу, не объяснялся съ королемъ и правительствомъ, не старался съ другой стороны въ пору объяснить народу русскому явленіе царевича въ свою пользу. Только исподволь распространяли вѣсти, что этотъ новоявленный Димитрій въ Польшѣ — Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглый монахъ изъ Чудова монастыря. Но въ тоже время Борисъ хотѣлъ, чтобы въ его государствѣ не говорили ни о Димитріѣ, ни о разстригѣ. Подъ тѣмъ предлогомъ, будто въ Литвѣ моровое повѣтріе, Борисъ велѣлъ учредить по московской границѣ крѣпкія заставы и никого не пропускать ни туда, ни оттуда. Думали, что такимъ образомъ не будутъ знать ничего въ Московщинѣ о Димитріѣ, а въ Литвѣ о настроеніи умовъ и недоброжелательствѣ народа московскаго къ Борису. Внутри государства шпіоны повсюду прислушивались, не говоритъ ли кто-нибудь о Димитріѣ, не ругаетъ ли Бориса; обвиненнымъ рѣзали языки, жгли ихъ на огнѣ, сажали на колья; сомнительно виновныхъ засылали въ сибирскіе города въ тюремное заключеніе [1]). Московскіе люди боялись говорить между собою о повседневныхъ дѣлахъ. Поссорятся люди между собою — и одинъ отъ другого боится доноса; кто прежде успѣетъ объявить, что его недругъ говорилъ про Димитрія, тотъ и выигрывалъ, а того, на кого доносили, схватятъ и начнутъ пытать и допрашивать [2]). Борисъ думалъ, что, истребивши распространителей слуховъ о Димитріѣ, онъ можетъ отклонить отъ себя опасность [3]). Мраченъ, угрюмъ, недоступенъ становился Борисъ, постоянно сидѣлъ во дворцѣ своемъ, не показывался народу; и бѣдныхъ просителей, которые являлись съ челобитными, отгоняли отъ дворцоваго крыльца палками; и много безнаказанныхъ насильствъ совершали начальные люди въ Московскомъ государствѣ, зная, что до царя не дойдутъ жалобы утѣсненныхъ [4]). А между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ

---

1) Supplem. 411.
2) Is. Mass. 50.
3) Videk. 20.
4) Is. Mass. 52.

польской украинѣ собирается ополченіе, и день ото дня надобно ждать вторженія въ Московское государство. Въ іюлѣ пріѣхалъ въ столицу посланникъ отъ нѣмецкаго императора и сообщалъ отъ имени государя по сосѣдской дружбѣ, что въ Польшѣ проявился Димитрій и собираетъ силы. Борисъ отвѣчалъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, а въ Польшѣ — какой-то обманщикъ, и онъ не боится его*). Но скоро онъ увидѣлъ необходимость дѣйствовать явнѣе: чтобъ доказать, что Димитрій есть Гришка Отрепьевъ, нашли Смирного Отрепьева, котораго называютъ дядею Гришки Отрепьева, и пустили слухъ, что его посылаютъ въ Польшу; говорили, что тамъ онъ будетъ просить короля, чтобъ свелъ его съ племянникомъ, и онъ обличитъ Гришку въ воровствѣ. На самомъ дѣлѣ этого Смирного Отрепьева хоть и послали гонцемъ въ Польшу, да не дали никакого письменнаго порученія о томъ человѣкѣ, который назывался Димитріемъ, а дали грамоту, гдѣ шло дѣло о пограничныхъ недоразумѣніяхъ между жителями обоихъ государствъ и о высылкѣ судей съ обѣихъ сторонъ для прекращенія этихъ недоразумѣній. Когда Смирной Отрепьевъ воротился въ Москву, то говорили, будто король, наровя вору, не допустилъ гонца видѣться съ племянникомъ. Такіе слухи распускали тогда въ Московскомъ государствѣ. Но скоро послѣ того, уже когда царствовалъ Шуйскій, московскіе бояре, думавшіе, что Смирной Отрепьевъ ѣздилъ въ Польшу для обличенія вора, попались въ просакъ, начавши польскимъ панамъ выговаривать несправедливость польскаго короля и польскихъ пановъ; тогда паны объяснили, что гонецъ Смирной Отрепьевъ ѣздилъ совсѣмъ за другимъ дѣломъ, и притомъ Борисъ выбралъ послать его въ такое время, когда онъ не могъ исполнить такого порученія, если бы и предъявилъ его въ Польшѣ; называвшій себя Димитріемъ тогда уже выступилъ изъ польскихъ владѣній **).

Послѣ Смирного Отрепьева, въ октябрѣ 1604 года, снаряженъ былъ въ Польшу гонцемъ дворянинъ Постникъ-Огаревъ, но не былъ посланъ тотчасъ. Вѣроятно Борисъ разсчиталъ, что лучше помедлить, пока дѣло болѣе разъяснится, а между тѣмъ началъ дѣйствовать внутри. Онъ велѣлъ привезть мать царевича Димитрія въ Новодѣвичій монастырь; оттуда привезли ее ночью во дворецъ тайно и ввели въ спальню Бориса. Царь былъ тамъ съ своею женою. — «Говори правду, живъ ли твой сынъ или нѣтъ?» грозно спросилъ Борисъ. — «Я не знаю,» отвѣчала старица. То-

*) Ia. Масс. 50.

**) Арх. И. Д. № 30.

гда царица Марья пришла въ такую ярость, что схватила зажженную свѣчу, крикнула: «ахъ ты б....!» смѣешь говорить: не знаю, коли вѣрно знаешь,» и шпырнула ее свѣчею въ глаза. Царь Борисъ охранилъ Мареу, а иначе царица выжгла бы ей глаза. Тогда старица Марѳа сказала: «мнѣ говорили, что моего сына тайно увезли изъ русской земли безъ моего вѣдома, а тѣ, что мнѣ такъ говорили, уже умерли.» Разсерженный Борисъ приказалъ отвезти старуху въ заключеніе и держать съ большею строгостію и лишеніями*).

Но послѣ того что̀ дѣлалось, послѣ того какъ до 80,000 войска сражалось съ претендентомъ, хотящимъ сорвать вѣнецъ съ Борисовой головы, невозможно было играть по прежнему въ молчанку, нельзя было затыкать подданнымъ рты и уши, чтобъ имя Димитрія не произносилось и не слышалось, и только изподтишка пускать вѣсти, что называющійся Димитріемъ—Гришка Отрепьевъ: приходилось, наконецъ, объяснить народу, что̀ все это значитъ. И вотъ, послушный Борису, патріархъ Іовъ пустилъ грамоту но всему Московскому государству. Такимъ образомъ, не Борисъ царь, а первопрестольникъ церкви взялся объяснять запутанное дѣло Русской землѣ: по его словамъ, все это дѣло происходило «изъ крамолы врага и поругателя христіанской церкви Жигимонта Литовскаго короля; цѣль у него была разворить въ Россійскомъ гусударствѣ православныя церкви и построить костелы латинскіе и лютерскіе и жидовскіе. Въ этихъ видахъ, онъ съ панами радными назвалъ странника вора, бѣглеца изъ Московскаго государства, разстригу Гришку Отрепьева княземъ Углицкимъ Димитріемъ.» Грамота оповѣщала, что «патріарху и всему освященному собору и всему міру извѣстно, что Димитрія царевича не стало еще въ 1590 году, назадъ тому четырнадцать лѣтъ.» Святѣйшій первопрестольникъ русской церкви счелъ умѣстнымъ покрыть благоразумнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ не стало этого дитяти; довольно, казалось, припомнить только отпѣваніе его. Тотъ, кто теперь называется Димитріемъ царевичемъ, есть не иной кто, какъ чернецъ Гришка; онъ назывался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, жилъ въ дѣтствѣ у Романовыхъ, заворовался и пошелъ въ монахи; былъ во многихъ монастыряхъ, потомъ въ Чудовомъ монастырѣ въ дьяконахъ; патріархъ бралъ его къ себѣ во дворъ для книжнаго письма; потомъ онъ убѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ товарищами Варлаамомъ Яцкимъ и крылошаниномъ Михайлою Повадинымъ, проживалъ въ Кіевѣ въ монастыряхъ Печерскомъ и Никольскомъ

*) Ia. Mass. 65.

во дьяконскомъ чинѣ; потомъ отвергся христіанской вѣры, скинулъ съ себя чернеческое платье, уклонился въ латынскую ересь, въ чернокнижіе, вѣдовство, и, по умышленію короля Жигимонта и литовскихъ людей, началъ называться Димитріемъ Углицкимъ. Про него знаютъ и показываютъ воры его товарищи, которые съ нимъ знались; они проводили его въ Литву и водились съ нимъ въ Литвѣ: чернецъ Пименъ, постриженникъ Днѣпрова монастыря, чернецъ Венедиктъ, постриженникъ Троицкаго Сергіева монастыря, посадскій человѣкъ ярославецъ Степанъ Иконникъ,— они всѣ трое предъ патріархомъ дали показаніе, и патріархъ теперь сообщаетъ его всей Русской землѣ во всеуслышаніе и разумѣніе. Первый говорилъ, что онъ спознался съ Отрепьевымъ и съ его товарищами Варлаамомъ и Михайлою въ Новгородѣ-Сѣверскомъ въ Спасскомъ монастырѣ, проводилъ ихъ для знанья дороги за Стародубъ въ Литву до села Слободки. Второй показывалъ, что, убѣжавши изъ Смоленска въ литовскія владѣнія, онъ, Венедиктъ, проживалъ въ Кіевѣ и тамъ познакомился съ Гришкою, проживалъ съ нимъ въ разныхъ кіевскихъ монастыряхъ во діяконствѣ и бывалъ у князя Острожскаго; Гришка потомъ присталъ къ лютерамъ, впалъ въ чернокнижіе, учалъ воровать у запорожскихъ черкасъ; будучи чернецомъ, ѣлъ мясо; Венедиктъ, узнавши объ этомъ, извѣщалъ Печерскому игумену, и тотъ посылалъ къ казакамъ печерскихъ монаховъ взять этого вора; но воръ, какъ былъ чернокнижникъ, то узналъ, что его ищутъ, и убѣжалъ къ Адаму Вишневецкому, а потомъ, по воровскому умышленію этого князя и по королевскому велѣнью, сталъ называться княземъ Димитріемъ. Третій, Степанъ Иконникъ, показывалъ, что, торгуя иконами или мѣняя иконы, какъ выражаются обыкновенно для благочестиваго приличія, онъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ: приходилъ Гришка къ нему въ лавку покупать иконы; а потомъ Гришка разстригся и ушелъ къ Вишневецкому и тамъ по умышленію королевскому началъ называться княземъ Димитріемъ. Такимъ образомъ выставлялось русскому народу, что весь умыселъ идетъ отъ польскаго короля. Патріархъ извѣщалъ, что онъ съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку и всѣхъ его соучастниковъ, и повелѣваетъ теперь вездѣ по церквямъ во всемъ Московскомъ государствѣ произносить анаѳему на Гришку разстригу и на всѣхъ тѣхъ, которые ему последствуютъ и именуютъ его княземъ Димитріемъ*). Такимъ образомъ, народу вначалѣ представили, что Гришка есть только орудіе, что умыселъ у него явился въ Польшѣ, а не въ Руси,

*) А. Э. I. 80.

и что все это есть дѣло злобы польскаго короля. Пустивши патріаршую грамоту въ народъ, правительство рѣшилось объясниться и съ Польшею. Посланъ былъ гонцемъ тотъ же Постникъ-Огаревъ, который былъ снаряженъ еще въ октябрѣ 1604 года.

Въ грамотѣ, которую онъ привезъ, главнымъ образомъ говорится о томъ, что польскіе судьи не прибыли на границу для разбирательства пограничныхъ недоразумѣній, когда русскіе туда, по условію, прибыли, и излагались жалобы на то, что люди изъ Польши и Литвы дѣлаютъ набѣги на Московское государство. Вслѣдъ за тѣмъ, излагалось дѣло претендента такъ: «стало вѣдомо, что въ вашемъ государствѣ проявился разстрига монахъ, называющій себя царевичемъ Димитріемъ. Былъ онъ прежде въ Московскомъ государствѣ дьякономъ и у чудовскаго архимандрита онъ былъ въ келейникахъ, и для письма былъ въ патріаршемъ дворѣ; имя ему Гришка, а предъ монашескимъ званіемъ въ мірѣ звали его Юшка Отрепьевъ, Богдановъ сынъ; и, будучи въ мірѣ, онъ не былъ послушенъ отцу своему, впалъ въ ересь, разбойничалъ, кралъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ и много разъ убѣгалъ отъ отца своего, и, наконецъ, учинивши преступленіе, вступилъ въ монастырь, но тамъ не покинулъ воровства своего, впалъ въ чернокнижіе, отступалъ отъ Бога, призывалъ духовъ нечистыхъ, и найдено у него отступленіе отъ Бога; и богомолецъ нашъ святѣйшій патріархъ, узнавши объ этомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по правиламъ святыхъ отецъ, повелѣлъ сослать его съ единомышленниками на Бѣлоозеро въ тюрьму на смерть, а Гришка, увидя свою гибель, съ товарищами своими попомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Михайлою, убѣжалъ изъ Москвы за границу въ ваше государство и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и въ Острогѣ и въ Брагинѣ, а потомъ пришелъ къ Вишневецкимъ и отъ монашескаго званія обратился въ мірское званіе и по совѣту тамошнихъ тузовъ началъ называться сыномъ царя Ивана Васильевича Димитріемъ. Онъ посылаетъ въ украинные города грамоты и къ Донскимъ казакамъ послалъ Сченестнаго Свирскаго; Запорожскіе казаки погромили московскихъ людей Ивана Реутова и Аѳанасія Сухачева, а Михайла Ратомскій изъ Остра, соединившись съ разстригою, губятъ и разоряютъ Московское государство и надъ святынею ругаются.» Государь московскій требовалъ отъ польской націи выдачи вора, въ противномъ случаѣ считалъ перемиріе нарушеннымъ и обѣщалъ писать объ этомъ къ сосѣднимъ государямъ. Въ этой грамотѣ было упомянуто, что и Димитрій, который зарѣзался въ припадкѣ черной немочи въ

Угличѣ, былъ незаконный сынъ, потому что былъ рожденъ отъ седьмой жены. Впослѣдствіи поляки толковали это замѣчаніе такъ, какъ будто бы въ грамотѣ было сказано, что еслибъ тотъ, который называется Димитріемъ, былъ и настоящій Димитрій, то не имѣлъ бы права на престолъ, и дѣлали изъ этого такой выводъ, что самъ Борисъ не зналъ навѣрное, кто идетъ противъ него и допускалъ возможность, что человѣкъ этотъ могъ быть настоящій Димитрій.

Гонецъ пріѣхалъ въ Варшаву 10 февраля, когда еще сеймъ не кончился. Сеймъ этотъ былъ очень бурный и неблагосклонный къ королю. Уже много накопилось причинъ и неудовольствій противъ короля; уже слышались предвѣстники открытаго возмущенія, которое наступило въ слѣдующемъ году. Охранитель шляхетской свободы Замойскій говорилъ тогда Сигизмунду такія многозначительныя рѣчи: «уже есть много такого, за что мы имѣемъ право укорить ваше королевское величество въ нарушеніи правъ. Встарину, когда короли польскіе не соблюдали своей присяги, ихъ прогоняли предки наши изъ польскаго королевства и выбирали другихъ; тоже и съ вашимъ величествомъ быть можетъ, если не опомнитесь.» Покровительство названному Димитрію ставилось, между прочимъ, въ вину королю. «Я считаю — говорилъ Замойскій — это дѣло противнымъ не только благу и чести Рѣчи Посполитой, но и спасенію душъ нашихъ. Этотъ Димитрій называетъ себя сыномъ царя Ивана Ивасильевича. Объ этомъ сынѣ былъ слухъ у насъ, что его умертвили. А онъ говоритъ, что вмѣсто его другого умертвили. Помилуйте! что̀ это за Плавтова или Теренціева комедія? Возможное ли дѣло: приказать убить кого нибудь, особенно наслѣдника, и не посмотрѣть, кого убили? Такъ можно только зарѣзать козла или барана! Да кромѣ этого Димитрія, еслибъ пришлось кого нибудь возвести на московскій престолъ, есть законные наслѣдники великаго княжества Московскаго — домъ Володимирскихъ князей; отъ нихъ, по праву наслѣдства, преемничество приходится на домъ Шуйскихъ; это можно видѣть изъ русскихъ лѣтописей!» Такъ говорилъ на польскомъ сеймѣ о московскихъ дѣлахъ Замойскій, не задолго до своей смерти. Можно подозрѣвать, что Василій Шуйскій тогда уже дѣйствовалъ черезъ своихъ пособниковъ, которые въ Польшѣ распространяли мысль о его правѣ на престолъ. Едва ли бы Замойскому пришло въ голову толковать на польскомъ сеймѣ о правахъ Шуйскаго на московскій престолъ и ссылаться на русскія лѣтописи, еслибъ его на эту мысль умышленно не натолкнули. За Замойскимъ поднялись послы воеводства бельскаго, которое на всѣхъ сеймахъ въ дѣлахъ ти-

нуло за Замойскимъ. «Мы не видимъ вѣроятія — говорили они — въ этомъ господарчикѣ, Димитріѣ, человѣкѣ московскаго происхожденія; но если бъ онъ былъ истинный, все таки намъ дивно, что предпринято частными силами безъ согласія сейма ему помогать. Этого не бывало никогда. Это очень дурной примѣръ для Рѣчи Посполитой и Богъ знаетъ куда поведетъ. Король присягнулъ настоящему московскому государю хранить миръ не за себя только, но и за насъ всѣхъ.» Нѣкоторые паны также поднимали голосъ противъ претендента. Епископъ виленскій Война называлъ пособіе Димитрію разбойничьимъ набѣгомъ. Дорогостайскій хвалилъ короля за то, что онъ своимъ универсаломъ приказывалъ Мнишку и другимъ полякамъ возвратиться, но вопіялъ противъ Мнишка, и боялся, что своевольная толпа, ушедшая въ Московщину, воротится назадъ и начнетъ неистовствовать въ Польшѣ. Другіе паны, какъ напр., Лещинскій, Тарновскій, говорили, что надобно подождать конца. Остророгъ, не одобряя помощи оказанной Димитрію, изъявлялъ желаніе, чтобъ такъ или иначе, этотъ Димитрій остался въ Московской землѣ, потому что тѣ, которые съ нимъ ушли, хуже татаръ для своей собственной земли. Никто не смѣлъ сказать слова въ пользу Димитрія. Даже родственникъ Мнишка краковскій епископъ Мацѣевскій ограничился совѣтомъ подождать конца. Московскій гонецъ прибылъ въ самую благопріятную пору, когда не хотѣли нарушать мира съ Москвою. 12 Февраля, былъ онъ допущенъ къ королевской рукѣ и проговорилъ рѣчь по наказу и въ концѣ замѣтилъ: «только въ вашей землѣ такіе бѣглецы и богоотступники могутъ находить себѣ притонъ.» Ему назначили также совѣщаніе и для того уполномочили нѣсколькихъ пановъ; то были, Янушъ Острожскій, Гіеронимъ Ходкѣвичъ, Адамъ Збаражскій, Янъ Замойскій и епископъ виленскій Война, и Левъ Сапѣга. Къ сожалѣнію, переговоры эти намъ неизвѣстны. Въ концѣ концовъ, Левъ Сапѣга далъ такой послѣдній отвѣтъ: «этотъ человѣкъ вступилъ уже въ Московское государство и его тамъ легче достать и казнить, чѣмъ въ Польшѣ.» Съ тѣмъ и отпустили Постника-Огарева*). Поляки, какъ оказывается, считали Бориса гораздо крѣпче на престолѣ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Опасность московскому государю угрожала не изъ Польши, а извнутри.

Ни патріаршая грамота, ни увѣщанія духовныхъ лицъ, которыя должны были повторять слова патріарха съ добавками собственнаго краснорѣчія, ни обрядъ проклятія, совершенный тор-

*) Bibl. Villan. № 31. Рукопись. — Имп. Публ. Библ. fol. 33. q. 8.

жественно по всей московской Руси, не расположили къ Борису сердца народнаго. Напротивъ, этотъ новый Борисовъ пріемъ къ своему спасенію, какъ и другіе, ускорилъ его погибель. Все обратилось ему во вредъ. Слушая патріаршую грамоту, московскіе люди шепотомъ говорили: это по начатію Борисову дѣлается. Сходились въ домахъ разсуждать: права ли грамота; обыкновенно рѣшали, что она лжива. Московскіе люди судили такъ: «Борисъ поневолѣ долженъ говорить и дѣлать такъ, какъ говоритъ и дѣлаетъ; а то вѣдь ему придется не только царства отступиться, а еще и про жизнь свою промышлять.» Другіе толковали: «Борису и патріарху самимъ невѣдомо, что Димитрій Ивановичъ живъ; они думаютъ, что его зарѣзали, какъ велѣлъ Борисъ, а того не знаютъ, что вмѣсто его другой убитъ. За долгое время, мать и родные его Нагіе провѣдали умыселъ Борисовъ, что онъ хочетъ царевича извести, что будетъ царевичу смерть потаенно, невѣдомо, какъ и въ какое время; вотъ, мать подмѣнила ребенка, чужого приняла въ царевичево мѣсто, а своего отослала въ соблюденіе; вотъ, Богъ его и сохранилъ отъ убійства и погубленія Борисова; теперь же онъ возмужалъ и идетъ на свой прародительскій престолъ *).» Иные говорили: «пусть-пусть проклинаютъ Гришку; отъ этого царевичу ничего не станется: царевичъ—истинный Димитрій, а не Гришка.» Вѣсти объ успѣхахъ Димитрія возбуждали радость въ народѣ; а когда прошелъ слухъ о дѣлѣ подъ Добрыничами, то распространилось уныніе. Не разъ въ народѣ разносились ложныя вѣсти: «вотъ, говорили, Польша поднялась за Димитрія; вотъ, войско наше передалось; вотъ, царь Димитрій недалеко отъ Москвы!» Многіе, не задавая себѣ труда подумать: дѣйствительно ли Димитрій тотъ, кто домогается свергнуть Бориса, наклонялись къ нему и сердцемъ и помышленіемъ, только оттого, что всякую другую власть, чья бы она ни была, готовы были предпочесть Борисовой **). Борисовы шпіоны продолжали подслушивать рѣчи, подмѣчать движенія и доносить. Довольно было подмѣтить у человѣка смутный взоръ и ложную походку, и его подвергали пыткѣ, вымучивали признаніе, нерѣдко замучивали огнемъ, желѣзомъ, или кнутомъ. Не проходило дня, чтобъ въ Москвѣ не мучили людей. Эти мѣры, при напряженномъ состояніи умовъ въ народѣ, обращались болѣе и болѣе во вредъ царю. Если прежде ненависть къ Борису обуздывалъ страхъ — противиться помазаннику, то теперь въ

---

*) Врем. XVI, 22.

**) Grevenbruch, 13.

народномъ воззрѣніи уваженіе къ царской святости въ особѣ Бориса умалялось по мѣрѣ сознанія, что онъ достигъ престола беззаконіями, темными злодѣйствами и всенародными обманами. Въ тоже время, Борисъ съ одной стороны свирѣпствовалъ надъ тѣми, кто навлекалъ на себя подозрѣніе, а съ другой показывалъ подданнымъ свою трусость, задабривалъ войско, и тѣмъ какъ будто хотѣлъ сказать ратнымъ людямъ Московскаго государства: постойте за меня; я вамъ заплачу за это. Когда ему принесли извѣстіе о побѣдѣ при Добрыничахъ, онъ былъ у Троицы. Принесъ ему это извѣстіе Михайла Борисовичъ Шеинъ, впослѣдствіи знаменитый защитникъ Смоленска. Борисъ такъ обрадовался, что вѣстника за добрую вѣсть наградилъ чиномъ окольничаго; говорятъ, что этотъ, еще молодой въ то время человѣкъ, отличился въ битвѣ и спасъ отъ смерти военачальника [1]). Потомъ Борисъ со стольникомъ княземъ Мезецкимъ послалъ войску нѣсколько десятковъ тысячъ рублей [2]). Самимъ воеводамъ подарилъ онъ золотыя монеты, которыя были рѣдки, чеканились нарочно по какому нибудь событію, давались за особыя заслуги, какъ теперь ордена [3]); иноземцамъ, служившимъ въ войскѣ, дано годовое жалованье не въ зачетъ; обѣщаны служилымъ, за будущія услуги, помѣстья и вотчины. Борисъ, по своей обычной поговоркѣ, изъявлялъ готовность даже подѣлиться съ ратными людьми послѣднею рубашкой, если нужно будетъ. Такъ Борисъ ласкалъ войско. Но чрезъ нѣсколько времени онъ услышалъ, что войско, послѣ побѣды при Добрыничахъ, ходило слѣдомъ за претендентомъ, не поймало его и оставило въ Путивлѣ спокойно; тогда Борисъ раздражился и послалъ къ воеводамъ выговоръ съ окольничимъ Петромъ Никитичемъ Шереметевымъ и дьякомъ Аѳанасіемъ Власьевымъ. Эти посланцы застали войско уже подъ Кромами. Суровое слово отъ Бориса раздражило противъ него многихъ изъ начальныхъ людей, они и безъ того уже колебались. Начались шопотомъ толки; не передаться ли Димитрію Ивановичу, не выгоднѣе ли это будетъ [4])? Самая милость Бориса послужила поводомъ къ раздорамъ въ войскѣ. Окольничій Василій Морозовъ не взялъ *золотого* изъ-за мѣстническихъ счетовъ съ княземъ Телятевскимъ; его смѣстили, а преемникъ его Замятня Сабуровъ, будучи воеводою лѣвой руки, не хотѣлъ служить, считаясь меньше князя Голицына, который

---

1) Is. Mass. 60.
2) Bussov. 30.
3) Petricii, 170.
4) Ник. VIII, 68.

былъ въ передовомъ полку [1]). При такомъ несогласіи и безпорядкѣ мудрено было ожидать успѣховъ.

За то Борисъ особенно былъ признателенъ Басманову. За храбрую защиту Новгорода-Сѣверскаго этотъ человѣкъ, еще молодой, получилъ такія почести, какія всѣмъ казались выше его породы и званія: многихъ знатныхъ это приводило въ досаду, особенно князя Никиту Трубецкаго, который находился въ Новгородѣ-Сѣверскомъ вмѣстѣ съ Басмановымъ и по происхожденію былъ гораздо выше его. Борисъ однако понималъ, что охранялъ городъ не Трубецкой, а Басмановъ. Когда Басмановъ пріѣхалъ въ Москву, Борисъ послалъ ему для въѣзда богатыя сани, и знатные думные люди должны были выѣхать встрѣчать его какъ торжествующаго побѣдителя. Борисъ далъ Басманову золотую чашу, наполненную угорскими червонцами, нѣсколько серебряныхъ кубковъ, пожаловалъ его саномъ думнаго боярина [2]). Этимъ-то думалъ привязать къ себѣ Борисъ человѣка, въ которомъ одномъ между всѣми увидалъ воинское дарованіе. Борисъ давно уже не довѣрялъ безкорыстной преданности; онъ хотѣлъ купить полезнаго человѣка, и ошибся: онъ только испортилъ этимъ своего раба. Обращеніе съ войскомъ вообще ясно показывало, что Борисъ считалъ врага своего слишкомъ опаснымъ. Однако въ тоже время онъ переходилъ отъ трусости къ высокомѣрію и старался показать видъ, какъ будто не видитъ бѣды. Шведскій король присылалъ къ нему предложеніе помогать противъ претендента войсками. Смертельный врагъ Сигизмунда и Польши, Шведскій король считалъ разумнымъ для собственной безопасности поддерживать Бориса, чтобъ не дать усилиться Польшѣ: онъ понималъ, что у того, кто идетъ на Москву, поддержка въ Польшѣ, и онъ самъ ея орудіе. Царь московскій съ достоинствомъ приказалъ послу Шведскаго короля дать такой отвѣтъ: «Московскому государству не нужна шведская помощь; при царѣ Иванѣ Васильевичѣ мы дали себя знать и теперь постоимъ разомъ противъ турокъ, татаръ, поляковъ и шведовъ, а не то, что противъ какого нибудь бѣглаго монаха [3]).» Тѣмъ не менѣе, его очень безпокоило, что̀ думаютъ о Димитріѣ въ иноземныхъ краяхъ, и онъ посылалъ одного нѣмца, служившаго въ Москвѣ переводчикомъ, Ганса Ателаера, въ Швецію, а оттуда въ Германію, провѣдать вѣстей: но этотъ нѣмецъ пропалъ безвѣстно въ Швеціи [4]).

---

[1]) Хроногр. Карамз. хран. въ Арх. Ком.
[2]) Petr. 171.
[3]) Videk. 20.
[4]) Is. Mass. 53.

Притворяясь спокойнымъ, Борисъ съ каждымъ днемъ опускался. Могущество его падало—онъ это видѣлъ; русская земля не терпѣла его — онъ зналъ это и не старался болѣе примириться съ нею; тайно доносили ему, что въ войскѣ шатость, что тамъ сомнѣваются: не истинный ли противъ нихъ царевичъ, и уже совѣсть укоряетъ многихъ за то, что они стоятъ за похитителя. Борисъ подозрѣвалъ измѣну или по крайней мѣрѣ недоброжелательство въ томъ, что воеводы не пошли добывать Димитрія въ Путивлѣ: «вѣрно—думалъ онъ—есть изъ начальниковъ такіе, что желаютъ добра врагу.» Вѣроятно, и самъ Борисъ не могъ положительно сказать самъ себѣ, кто такой этотъ страшный врагъ, грозившій его вѣнцу изъ Сѣверской земли. Имя Гришки, очевидно, было поймано какъ первое подходящее, когда нужно было назвать не Димитріемъ, а кѣмъ бы то ни было, того, кто назывался такимъ ужаснымъ именемъ. Борисъ едва ли могъ поручиться — въ самомъ ли дѣлѣ это самозванецъ, а не Димитрій. При смерти царевича онъ не былъ, не видалъ трупа его, не удалось ему говорить со слугами, исполнявшими его порученіе. На Шуйскаго онъ не надѣялся; не довѣрялъ онъ никому, оттого что ни въ комъ не могъ возбудить къ себѣ безкорыстной привязанности; ему служили изъ страха или изъ личныхъ выгодъ. Зловѣщая неизвѣстность окружала Бориса. Онъ обращался къ ворожеямъ и предсказателямъ и выслушивалъ отъ нихъ двусмысленныя прорицанія. Разсказываютъ, что была въ Москвѣ какая-то затворница Алёна юродивая; ея келья была въ землѣ. Славилась она даромъ прорицанія, и всѣ говорили: что Алёна предскажетъ, то и сбудется. Къ ней поѣхалъ царь: первый разъ она не впустила его къ себѣ. Борисъ поѣхалъ къ ней въ другой разъ. Тогда Алёна велѣла принести передъ свою подземельную келью четвероугольный кусокъ дерева и пропѣть надъ нимъ священникамъ погребальную пѣснь, «Вотъ, что̀ ждетъ царя Бориса,» сказала она. Зловѣщее предсказаніе поразило еще болѣе Бориса. Отчаяніе овладѣло его душею. Онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ, заперши́сь одинъ, и только посылалъ сына молиться по церквамъ. Но сердце его не умилялось. Казни и пытки не переставали, а враги его умножались, и уже въ близкихъ ему лицахъ созрѣвала измѣна. Однажды въ порывѣ отчаянія призвалъ онъ Басманова, цѣловалъ передъ нимъ крестъ на томъ, что показывающій себя Димитріемъ не истинный царевичъ, а обманщикъ, бѣглый монахъ разстрига, умолялъ Басманова достать злодѣя и обѣщалъ ему, какъ прежде Мстиславскому, свою дочь въ замужество, а въ приданое давалъ Казань, Астрахань, Сибирь, лишь бы только Басмановъ избавилъ

его отъ разстриги. Басмановъ сказалъ объ этомъ Семену Никитичу Годунову, царскому родственнику, которому царь во всемъ довѣрялъ. Въ Семенѣ Годуновѣ возбудилась зависть къ Басманову, досада на Бориса, что онъ возвышаетъ и приближаетъ къ себѣ Басманова; и онъ сказалъ ему: «Охъ, мнѣ сонъ былъ, что этотъ Димитрій истинный царевичъ.» Слова эти запали въ сердце Басманову; раздумье взяло его; сердце у него не лежало къ Борису; вѣрить онъ ему не могъ; зналъ, что Борисъ готовъ сулить золотыя горы, а потомъ, когда бѣда минетъ, то не сдержитъ обѣщанія, а еще и погубитъ его. Уже со многими онъ такъ поступалъ; и Басмановъ, не смотря на увѣренія Бориса и на почести, убѣждался, что съ Борисомъ воюетъ истинный Димитрій, и готовъ былъ перейти къ нему.

Долго томившись думами, Борисъ рѣшился на тайное убійство: это казалось вѣрнѣе *), это средство было ему издавна хорошо знакомо и не разъ помогало. Самозванецъ ли этотъ Димитрій — тѣмъ лучше: почему же не избавить себя отъ опасности и землю отъ соблазна и кровопролитія; настоящій ли это Димитрій — все равно; если одинъ разъ онъ избѣжалъ смерти, ему приготовленной для того, чтобы открыть Борису дорогу къ престолу, почему же не приготовить ему въ другой разъ гибели, чтобъ удержаться Борису на престолѣ? Борисъ подговорилъ трехъ монаховъ, итти въ Путивль и отравить его злодѣя **). Это было въ Мартѣ.

Неизвѣстно, дошла ли до Бориса вѣсть, что̀ сдѣлалось съ этими монахами. Немного времени спустя послѣ того, Борисъ окончилъ свою исторію. 13 апрѣля была недѣля мироносицъ. Царь всталъ здоровъ и казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣдни приготовленъ былъ праздничный столъ въ золотой палатѣ. Одно извѣстіе (письмо Димитрія къ Мнишку) говоритъ, что онъ принималъ тогда иноземныхъ пословъ. Борисъ въ этотъ день ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и переполнилъ себѣ желудокъ такъ, что ему стало тяжело. Послѣ обѣда онъ пошелъ на вышку, съ которой онъ часто обозрѣвалъ всю Москву. Вдругъ сошелъ онъ оттуда и закричалъ, что чувствуетъ колотье и дурноту. Побѣжали за докторомъ. Но еще не успѣлъ придти докторъ, ему стало хуже. Окружавшіе его заговорили о будущей судьбѣ Россіи. Борисъ сказалъ: «какъ угодно Богу и земству ***)!» Вслѣдъ затѣмъ у него полилась кровь изъ ушей и изъ носа; онъ

*) Is. Mass. 64.

**) Сказ. соврем. Паэрлэ, 28.

***) Smith, 25; на обор.

упалъ безъ чувствъ. Къ нему прибѣжалъ патріархъ, духовенство, едва успѣли кое-какъ пріобщить его, а потомъ наскоро совершили уже надъ полумертвымъ посвященіе въ схиму и нарекли Боголѣпомъ. Онъ скончался около трехъ часовъ по полудни. Всѣ въ дворцѣ были поражены неожиданностію событія. Цѣлый день не объявляли народу. Москвичи замѣчали въ Кремлѣ бѣготню, видѣли, какъ бояре, дворяне, стрѣльцы, шли туда съ оружіемъ, догадывались, что это значитъ: но никто не смѣлъ заикнуться, что царь умеръ. Только на другой день объявили объ этомъ и послали народъ всякого званія, и дѣтей боярскихъ и купцовъ, и посадскихъ, во Кремлю цѣловать крестъ царицѣ Маріи и сыну Θеодору. Патріархъ объявилъ, что имъ оставилъ Борисъ престолъ свой. Тотчасъ пошли разсказы, что Борисъ на вышкѣ самъ себѣ отравилъ ядомъ въ припадкѣ отчаянья и мукъ совѣсти. Этотъ слухъ вынесли нѣмцы доктора, лѣчившіе царя Бориса [1]). Лицо мертваго было страшно изуродовано предсмертными конвульсіями и почернѣло [2]).

На слѣдующій день остатки его погребены были въ Архангельскомъ соборѣ между прочими властителями Московскаго государства. Семьдесятъ тысячъ рублей назначено было раздать въ теченіи сорокоуста на милостыню ради успокоенія души усопшаго царя.

Новый царь былъ юноша шестнадцати лѣтъ, довольно полный тѣломъ, съ бѣлымъ румянымъ лицомъ, съ черными глазами, способный и умный отъ природы, начитанъ съ дѣтства, изученъ, какъ говорятъ современные лѣтописцы [3]), всякого философскаго естествословія и благочестивъ. Отецъ до чрезвычайности любилъ его, готовилъ къ вѣнцу и посвящалъ во всѣ дѣла управленія [4]), заботился, чтобы молодой царевичъ читалъ книги и пріобрѣталъ знанія; вообще отецъ не спускалъ его съ глазъ отъ себя, и надъ молодымъ человѣкомъ съ дѣтства тяготѣло отцовское наблюденіе; всѣ свои чувства, помышленія, желанія, впечатлѣнія онъ долженъ былъ сообразовать съ волею отца. Борисъ напоминалъ ему часто, что, пока онъ живъ, сынъ — рабъ его, рабъ государя, и долженъ существовать для государя и отца, также какъ послѣ отцовской смерти все должно будетъ существовать для него. Сынъ принималъ отцовское наслѣдіе съ тѣми понятіями и способами, какіе внушилъ ему отецъ: другой науки управле-

---

1) Is. Mass. 65.

2) Barezzo Bar. 13. — Buss. 31. — Petr. 171. — Врем. XVI, 22. — Grevenbr. 19. — Petricii, 74. — Smith. The Russ. imp. 59.

3) Врем. XVI. — Иное сказ. о самозв. 23.

4) Smith. 26, на обор.

нія онъ не зналъ, и, слѣдовательно, его царствованіе должно было вначалѣ явиться продолженіемъ отцовскаго. Первымъ дѣломъ новаго правительства было избрать предводителя войску. Назначенъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ; но, въ угожденіе мѣстничеству, Басмановъ былъ оффиціально названъ только вторымъ воеводою, а первымъ — Михайла Катыревъ-Ростовскій *). Басмановъ былъ стараго дворянскаго рода Плещеевыхъ, но не могъ стать въ уровень съ родами княжескими **).

Басмановъ немедленно посланъ къ войску приводить его къ присягѣ и воевать противъ врага. Вслѣдъ за тѣмъ послана во всѣ города русскаго царства грамота съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Бориса Ѳедоровича и о воцареніи сына съ его матерью. По семейному характеру государственнаго строя русской земли, мать поставлена была выше сына, и она, пока была жива, не могла не быть участницею верховной власти, хотя бы только по имени. Присяга требовалась прежде всего матери, а потомъ уже сыну. Чтобъ придать Ѳедору Борисовичу право признанія со стороны народа, была пущена во всѣ предѣлы русской земли отъ патріарха грамота, гдѣ представлялось дѣло такъ, будто новый царь Ѳедоръ Борисовичъ избранъ на престолъ земскимъ соборомъ; излагалась небывалая исторія, будто по смерти Бориса бояре, окольничьи, дворяне, весь царскій сигклитъ и гости, торговые люди и всенародное множество Россійскаго государства, молили со слезами сначала мать, чтобъ благословила сына на царство, а потомъ самого молодого Борисовича, чтобъ онъ принялъ царственное бремя послѣ отца. По силѣ-то этого вымышленнаго избранія требовалась присяга на службу царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ, царю Ѳедору Борисовичу и царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ ***). Этою ложью явно показывалось, что сынъ Бориса не имѣетъ родового права на престолъ, и эта ложь повредила его дѣлу. Старались показать видъ, будто новый царь получаетъ престолъ по единодушному моленію народа; но въ тоже время заранѣе изъявлялась боязнь, что въ народѣ будетъ противодѣйствіе его воцаренію. Такимъ образомъ, въ окружной грамотѣ отъ имени царицы и дѣтей ея было сказано, чтобъ вое-

*) Два хроногр. Карамз.

**) Распредѣленіе сдѣлано такое: въ большомъ полку, князь Михаила Катыревъ-Ростовскій, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ; въ правой рукѣ, князь Голицынъ (Василій Васильевичъ) и князь Михаилъ Ѳедоровичъ Кашинъ; въ передовомъ полку, бояринъ князь Андрей Андреевичъ Телятевскій и князь Михаилъ Самсоновичъ Туренинъ; въ лѣвой рукѣ, Замятня Ивановичъ Сабуровъ и князь Лука Осиповичъ Щербатовъ. Замятня продолжалъ спорить съ Телятевскимъ.

***) А. Арх. Э. I, 87.

воды берегли накрѣпко, чтобъ не было ни одного человѣка, который бы креста не цѣловалъ [1]). Разослана была крестоцѣловальная запись, на которой велѣно было произносить присягу; въ ней, какъ и въ крестоцѣловальной записи Борисова времени, главное вниманіе обращено на волшебство. Что же касается до тогдашнихъ угрожавшихъ обстоятельствъ, то вмѣсто того, чтобъ назвать соперника Годуновыхъ именемъ Гришки Отрепьева, какимъ онъ уже былъ объявленъ недавно въ патріаршей грамотѣ, прочитанной повсюду, въ крестоцѣловальной записи сказано глухо: «къ вору, который называется Димитріемъ Углицкимъ, не приставати и съ нимъ и съ его совѣтники ни съ кѣмъ не ссылатись ни на кое лихо, и не измѣнити, и не отъѣхати, и лиха никотораго не учинити, и государства не подъискивати, и не по своей мѣрѣ ничего не искати, и того вора, что называется княземъ Димитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти [2]).» Этою неясностью выраженія новое правительство какъ будто показывало, что само не увѣрено, есть ли соперникъ его Гришка Отрепьевъ, между тѣмъ какъ вездѣ по церквамъ проклинали Гришку Отрепьева. Такимъ образомъ ходила въ народѣ мысль, что Борисъ съ патріархомъ свалили вину на Гришку Отрепьева, а сами или не знаютъ, кто такой претендентъ, или же сознаютъ, что онъ настоящій; и проклятіе въ церквахъ дѣлалось беззаконнымъ обращеніемъ церковныхъ уставовъ и обрядовъ на пользу властолюбія Бориса и его рода. «Пусть — толковали Москвичи — приведутъ сюда старую царицу мать Димитрія и поставятъ всенародно у Кремля. Пусть всякій услышитъ отъ нея: живъ ли ея сынъ или нѣтъ. А то, за что ее держатъ въ заточеніи? значитъ, знаютъ, что она скажетъ: «ея сынъ живъ» — вотъ, что̀ она скажетъ! Недолго царствовать Борисовымъ дѣтямъ. Димитрій Ивановичъ придетъ на Москву, какъ на деревѣ начнетъ листъ развертываться [3]).

Во все время великаго поста войско Борисово осаждало маленькій городъ Кромы. Маржеретъ въ военномъ отношеніи называетъ эту осаду дѣломъ достойнымъ смѣха [4]). Огромное войско тысячъ въ семьдесятъ или восемьдесятъ стояло подъ маленькимъ городкомъ, укрѣпленнымъ прежде деревянными стѣнами и земляными окопами, гдѣ было всего на всего жителей тысячи четыре или пять. А между тѣмъ у Годуновцевъ было много боль-

---

[1]) Собр. гос. гр. 182.
[2]) Собр. гос. гр. II, 192.
[3]) А. И. I, 67.
[4]) Сказ. соврем. Марж. 82.

шихъ пушекъ, по однимъ извѣстіямъ семьдесятъ, а нѣкоторыя были такъ огромны, что двое едва могли охватить ихъ [1]). Годуновцы еще прежде сожгли до тла стѣну; оставался высокій валъ; строенія въ городѣ всѣ были истреблены отъ выстрѣловъ и огня; но казаки и Кромчане дѣлали себѣ подземныя норы и переходы, со множествомъ входовъ и выходовъ: всѣ упирались въ валъ, откуда можно было выходить на свѣтъ и дѣлать вылазки. Эти подземелья шли глубоко, ниже поверхности пласта, который замерзалъ, и потому ихъ было легко копать; въ нихъ можно было прятаться и отъ стужи, а землю изъ подземельевъ выгребали на валъ и повышали его. Годуновцы ничего не могли сдѣлать съ осажденными. Годуновцы нападутъ—осажденные уходятъ въ свои норы; осаждающимъ невозможно было туда проникнуть, затѣмъ что однимъ осажденнымъ извѣстно было, какъ направлены эти подземелья: два-три смѣльчака приблизятся къ выходамъ, — изъ глубины въ нихъ стрѣляютъ; большою толпою нельзя было вскочить въ отверстіе: онѣ были для того узки. Какъ только годуновцы отступятъ, кромчане въ свою очередь выскакиваютъ изъ норъ и стрѣляютъ въ нихъ; а оборотятся Годуновцы, кромчане опять убѣгаютъ въ свои норы. Ружья у казаковъ были предлинныя, а стрѣляли они такъ, что рѣдкій давалъ промахъ. Соберутся двѣсти или триста и выходятъ изъ Кромъ пѣшіе, дразнятъ конныхъ московскихъ людей. Тѣ думаютъ: какъ это пѣшіе смѣютъ такъ далеко выходить; вотъ мы имъ дадимъ! пускаются на нихъ верхомъ; казаки выпалятъ изъ ружей — у Годуновцевъ лошади попадаютъ; а потомъ казаки въ другой разъ выпалятъ, людей бьютъ; и пока другіе наскочатъ, казаки отбѣжатъ далѣе къ Кромамъ, а сами заряжаютъ ружья; и какъ только Годуновцы къ нимъ близко наскакиваютъ, — снова стрѣляютъ, бьютъ еще лошадей и людей и уходятъ въ свои норы. Такъ погибало каждый день человѣкъ пятьдесятъ и шестьдесятъ московскихъ людей [2]).

Такъ распоряжался казацкій атаманъ Корела. Его считали чернокнижникомъ, то есть *характерникомъ*, по казацкому образу выраженія [3]). Съ виду это былъ невзрачный человѣчикъ, весь въ рубцахъ, — родомъ онъ былъ изъ Курляндіи, говорятъ, навѣрное изъ Корелы, поступилъ въ казачество, какъ поступали туда бродяги изъ разныхъ краевъ русскаго міра, и на Дону уже прославился своею храбростью и смѣлостью; его тамъ еще сдѣлали атаманомъ, и имя его уже прежде наводило страхъ [4]).

[1]) Grevenbr. 24.

[2]) Is. Mass. 62.

[3]) In. Petric. 171.

[4]) Is. Mass. 61.

Но главное—необычное было терпѣніе у казаковъ, и никто не могъ, какъ они, переносить всякую нужду: они, говоритъ лѣтописецъ современникъ*), безстрашны къ смерти, непокоримы и къ нуждамъ терпѣливы. Запасу у нихъ ставало. Они пѣшіе пробрались въ Кромы и притащили туда множество саней, которые связывали четвероугольникомъ, и онѣ имъ служили подвижною крѣпостью: на этихъ саняхъ привезли они съ собою не только сухари, но еще и довольно водки, и въ своихъ норахъ жили они весело—пили, гуляли; слышны были въ Кромахъ трубы и пѣсни, и даже веселыя женщины у нихъ были: для поруганія московскимъ людямъ казаки раздѣвали этихъ женщинъ донага и заставляли ихъ въ виду годуновскаго лагеря отпускать насмѣшки и показывать оскорбительныя постыдныя тѣлодвиженія. Корела умышленно протягивалъ такого рода войну; онъ разсчитывалъ, что пока годуновское войско будетъ стоять попусту подъ Кромами, городъ за городомъ, земля за землею станутъ сдаваться Димитрію, и его сила будетъ возрастать безъ боя. Въ годуновское войско приходили воззванія отъ Димитрія очень искусительнаго содержанія. «Если не вѣрите мнѣ, писалъ онъ, поставьте меня передъ Мстиславскимъ и моею матерью; я знаю— она еще жива и находится въ горькомъ бѣдствіи отъ Годуновыхъ. Если она скажетъ, что я не сынъ ея, не настоящій Димитрій, тогда вы изрубите меня въ куски.» Между осажденными и Годуновцами происходили сношенія; письма летали изъ стана въ станъ на стрѣлахъ; а когда въ московскомъ войскѣ узнали, что у казаковъ недостача пороха, то выставили на шанцахъ мѣшки съ порохомъ, и казаки, предувѣдомленные объ этомъ черезъ письмо, пущенное на стрѣлѣ, бросились и достали назначенный для нихъ подарокъ. Караульные не повредили имъ. Съ каждымъ днемъ росла охота переходить на сторону Димитрія Ивановича. Однажды, когда воеводы сдѣлали рѣшительное нападеніе и причинили, по выраженію лѣтописцевъ**), тѣсноту велію, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, начальствовавшій орудіями, самовольно, безъ вѣдома главныхъ воеводъ, свезъ нарядъ (то-есть, пушки) съ осыпи, «норовя окаянному Гришкѣ.» О самомъ Мстиславскомъ говорили, что онъ начиналъ вѣрить въ истинность Димитрія, послѣ того, какъ Димитрій написалъ къ нему дружелюбное письмо, извинялъ его за упорство тѣмъ, что онъ присягалъ Борису и ссылался на мать свою, отдавая себя совершенно на судъ материнскаго свидѣтельства. У Корелы собственно Дон-

*) Врем. XVI, 21.
**) Нов. лѣт. 85.— Лѣт. о мятеж. 4.

скихъ казаковъ было только 600 человѣкъ*), кромѣ ихъ были все московскіе люди; но за то казаки держали осаду. Войско годуновское затруднялось собственною огромностью; оно уже разорило страну варварскимъ обращеніемъ съ жителями, разогнало народонаселеніе края, и теперь само затруднялось въ продовольствіи; селенія были пожжены; не было теплаго помѣщенія. Годуновцы должны были въ шатрахъ и шалашахъ терпѣть стужу, да въ добавокъ въ войскѣ распространилась болѣзнь, которая называется у лѣтописцевъ мытъ. Борисъ присылалъ въ войско врачей и лекарства.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 17 апрѣля прибылъ въ войско Петръ Өедоровичъ Басмановъ въ качествѣ главнаго предводителя и съ именемъ второго послѣ князя Михайла Катырева-Ростовскаго. Прежніе главные воеводы, князья Мстиславскій и Шуйскій, должны были оставить команду и ѣхать въ Москву. Они уѣхали немедленно. Басмановъ долженъ былъ приводить къ присягѣ. Съ нимъ для этого дѣла пріѣхалъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ съ духовенствомъ. Но Басмановъ поколебался. Слова Семена Годунова запали ему въ душу. Внезапная смерть Бориса казалась ему явнымъ указаніемъ Божіимъ. Счастье престолоискателя давало видъ покровительства небеснаго надъ нимъ, но Басмановъ не рѣшился первый озваться за Димитрія, а прежде нужно ему было узнать расположеніе войска. Стали приводить къ присягѣ; въ войскѣ поднялся шумъ и разногласія.

Слышалось имя Димитрія Ивановича, законнаго наслѣдника. Многіе ратные на прямикъ показывали, что не хотятъ служить Борисову роду. Въ числѣ первыхъ, смѣло поднявшихъ такой голосъ, были рязанскіе дворяне Ляпуновы, братья Прокопій и Захарій, за ними все рязанское ополченіе; потомъ къ нимъ пристали ополченія другихъ городовъ: Тулы, Каширы, Алексина и вообще украинныхъ мѣстъ, которыя лежали на югъ отъ Москвы.

Положеніе Өедора Борисовича на престолѣ оказалось черезчуръ шаткимъ: онъ не могъ быть царемъ ни по избранію, ни по наслѣдству. Въ окружной грамотѣ патріархъ разсказываетъ объ избраніи Өедора Борисовича всею землею, всенароднымъ множествомъ всего Россійскаго государства; но такого избранія не было вовсе. Наслѣдственное право Өедора Борисовича было также несостоятельно. Тогда всѣ знали, что отецъ его Борисъ неправильно былъ выбранъ. Да и сами Годуновы и патріархъ сознавали это, потому и обманывали русскую землю, будто бы

*) In. Petr. 171.

новое преемничество совершилось избраніемъ. Происхожденіе отъ Бориса не имѣло силы, когда самъ Борисъ представлялъ видъ, будто избранъ народомъ только потому, что не оставалось прямого наслѣдника послѣ Іоанна Грознаго. Тогда такой наслѣдникъ отыскивался, и хотя Борисъ и его преемники внушали народу, что называющій себя Димитріемъ есть самозванецъ; но способы увѣренія были не ловки. Существеннаго на этотъ счетъ патріархъ могъ сказать только то, что какіе-то два бѣглыхъ монаха-бродяги такъ говорили; да какой-то торговавшій въ Кіевѣ иконами глухо и неясно присоединилъ къ нимъ свой голосъ. Другихъ свидѣтельствъ не представлялось; народъ ничего больше не слыхалъ и не зналъ. Недостаточность такихъ доказательствъ только могла расположить къ тому, чтобъ поддаться заманчивой мысли о чудесномъ спасеніи законнаго царевича, увлечься страннымъ и таинственнымъ его появленіемъ, а это свойственно всегда во всякія времена народнымъ громадамъ. Пока Борисъ былъ живъ,— многихъ удерживала присяга, понятіе, что онъ царь, помазанникъ божій; хотя его не терпѣли, а все-таки считали грѣхомъ не повиноваться ему, признавая, что слѣдуетъ покоряться и дурному господину, не только хорошему. По этому-то нѣкоторые воеводы, расположенные къ Димитрію, давали себя народу связывать, и потомъ охотно служили Димитрію; они успокоивали совѣсть тѣмъ, что измѣнили признаваемому всѣми царю по неволѣ, а не по охотѣ. Какъ скоро русскіе подвергали разсужденію тогдашнія дѣла,— имъ представлялась мысль, что есть два соискателя престола: одинъ—сынъ Бориса, хоть и царя, но обманомъ и злодѣяніями достигшаго престола; другой—сынъ стараго законнаго царя Ивана Васильевича, котораго и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ были на московскомъ престолѣ и признавались всѣмъ народомъ русскимъ. Вопросъ, кого изъ нихъ предпочесть, естественно разрѣшился въ пользу Димитрія.

По этимъ чувствамъ и воззрѣніямъ, войско, до сихъ поръ наружно вѣрное Борису, стало явно двоиться, когда узнало, что Борисъ умеръ, и сынъ его предъявлялъ передъ народомъ притязаніе быть царемъ послѣ отца. Къ прежнимъ недоброжелателямъ Бориса стали приставать и тѣ, которые относились къ дѣлу равнодушно. Нѣкоторые ратные люди покорно присягнули, другіе кричали, вопили, и гнали прочь митрополита Исидора съ его присягою. Митрополитъ видѣлъ, что не миновать усобицѣ; ничего не оставалось ему, какъ уѣхать въ Москву со своимъ духовенствомъ. Воеводы не знали, на что̀ имъ рѣшиться въ это время. Но имъ пособилъ слѣпой случай. Свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается въ войскѣ и въ Москвѣ, сообщались быстро въ Путивль. Ди-

митрій узналъ о смерти Борисовой тогда же, когда узнало объ ней Борисово войско, а можетъ быть и раньше. Какъ только пріѣхали новые воеводы подъ Кромы, сынъ боярскій арзамасецъ Бахметевъ тотчасъ побѣжалъ въ Путивль сообщить вѣсти [1]). Басмановъ отправилъ повинное письмо къ Димитрію, извинялся, что такъ долго служилъ Борису, потому что не былъ увѣренъ, что явился истинный Димитрій. «Я не былъ никогда измѣнникомъ и не желаю своей землѣ раззоренія, а желаю ей счастія. Теперь всемогущій промыселъ открылъ многое; при томъ, самъ ближній Бориса, Семенъ Никитичъ Годуновъ, сознался мнѣ, что ты истинный царевичъ; теперь я вижу, что Богъ покаралъ насъ и мучительствомъ Борисовымъ, и нестроеніемъ боярскимъ, и бѣдствіемъ царствія Борисова, за то, что Борисъ не право держалъ престолъ, когда былъ истинный наслѣдникъ; теперь я готовъ служить тебѣ какъ подобаетъ.» Тѣмъ временемъ Басмановъ хотѣлъ подготовить войско, чтобы переходъ на сторону новаго царя обошелся безъ братняго кровопролитія [2]).

Въ Путивлѣ тогда же узнали, что въ войскѣ разноголосица. Димитрій отправилъ впередъ подъ Кромы Дворжицкаго, да пришедшаго къ нему недавно Запорскаго; у нихъ было пять польскихъ ротъ, 500 запорожцевъ, и 1,000 казаковъ [3]). Не доходя нѣсколько верстъ до Кромъ, Запорскій остановился, призвалъ одного ловкаго московскаго человѣка и сказалъ ему: «берешься ли послужить своему прирожденному государю Димитрію Ивановичу и итти въ обозъ Годуновскій, и согласенъ ли потерпѣть за него?» — Московскій человѣкъ отвѣчалъ: «за своего государя Димитрія Ивановича я готовъ умереть и всякія муки претерплю; я не открою ничего о своемъ государѣ врагамъ его.»

— «Ну, такъ иди, возьми это письмо и попадись въ ихъ руки,» — сказалъ Запорскій. Онъ научилъ московскаго человѣка, что̀ отвѣчать на распросы, обѣщалъ ему большую награду, если онъ исполнитъ счастливо свое порученіе [4]), и далъ ему рубль на дорогу.

Молодецъ пошелъ мимо обоза, показывая видъ, что пробирается въ Кромы. Караульные его остановили, спрашивали, кто онъ и куда идетъ? Тотъ сказалъ: «я иду отъ моего государя, царя и великаго князя всея Руссіи Димитрія Ивановича въ Кромы съ грамотою.»

---

[1]) Хрон. Карамз.

[2]) Is. Mass. 62.

[3]) Diar. Wisłoucha.

[4]) Grevenb. 21.

Его схватили и представили Басманову. Взяли у него письмо, и прочитано было оно въ присутствіи совѣта бояръ, находившихся въ войскѣ. Въ письмѣ было написано:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, царь и великій князь всея Русіи, посылаемъ вамъ, вѣрнымъ Кромчанамъ, по вашей просьбѣ и желанію, двѣ тысячи поляковъ и восемь тысячъ русскихъ, а сами не идемъ къ вамъ потому, что ожидаемъ со дня на день сорокъ тысячъ польскаго войска съ Жолкѣвскимъ, которое уже недалеко отъ Путивля. Мы надѣемся на справедливость дѣла нашего; вы, при помощи Божіей, не только отобьете нападенія враговъ на вашъ городъ, но и нанесете имъ совершенное пораженіе; убѣждаемъ васъ оставаться вѣрными подданными нашими, не щадя ни жизни, ни имуществъ за насъ, а мы васъ вознаградимъ, въ свое время.»

Воеводы прочитавши эту грамоту, повѣрили ей совершенно и стали разсуждать: если польское войско нападетъ на русское въ такомъ положеніи, въ какомъ находилось послѣднее, то совершенный успѣхъ будетъ на сторонѣ поляковъ, а русскихъ ожидаетъ неминуемое и жестокое истребленіе. Невозможно было думать о воинскомъ строѣ для встрѣчи непріятеля, когда все войско волновалось. Пришлось бы тогда сражаться не только съ поляками, но и со своими; а свои, не объяснившись еще какъ слѣдуетъ, били бы другъ друга, не разбирая гдѣ свой, а гдѣ противникъ.

Пока воеводы размышляли и такъ и сякъ, прибѣжали къ нимъ татары: отрядъ татарскій былъ посланъ на обѣздъ; начальствовалъ имъ Иванъ Годуновъ*); онъ встрѣтился съ Запорскимъ и, какъ слѣдовало ожидать по его трусости, бѣжалъ. Татары увѣряли, что собственными глазами видѣли польское войско.

Тогда Басмановъ сошелся съ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, братомъ его Иваномъ Васильевичемъ, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и стали они разсуждать, что̀ имъ дѣлать. Басмановъ говорилъ имъ такъ: «Видимое дѣло, что самъ Богъ ему пособляетъ: вотъ сколько мы съ нимъ ни боремся, какъ изъ силъ ни бьемся, а ничего не сдѣлаемъ; онъ сокрушаетъ силу нашу и наши начинанія разрушаетъ: стало-быть онъ настоящій Димитрій, законный нашъ государь. Еслибъ онъ былъ простой человѣкъ Гришка-разстрига, какъ мы думали, такъ Богъ бы ему не помогалъ. И какъ простому человѣку можно смѣть на такое дѣло отважиться! Сами видимъ въ полкахъ нашихъ шатость, смятеніе: городъ за городомъ, земля за землею

*) Grevenbr. 22.

передаются ему, а литовскій король посылаетъ ему помощь. Не безуменъ же король; значитъ, видитъ, что онъ настоящій царевичъ! Придутъ поляки, начнутъ биться, а наши не захотятъ. Все государство русское приложится къ Димитрію, и мы какъ ни будемъ упорствовать, а все таки наконецъ по неволѣ покоримся ему, и тогда будемъ у него послѣдніе и останемся въ безчестіи. Такъ по моему, чѣмъ по неволѣ и насильно покориться, лучше теперь, пока время, покоримся ему по доброй волѣ, и будемъ у него въ чести.»

Голицыны согласились съ мнѣніемъ Басманова; о Салтыковѣ нечего было и заботиться: онъ прежде всѣхъ былъ склоненъ на это. Оставалось теперь одно: склонить или принудить войско. Зазорно казалось самимъ предводителямъ объявить о переходѣ; это значило подать примѣръ измѣны и поводъ къ непослушанію, разохотить ратныхъ къ смутамъ. Положили снестись съ Кромчанами, чтобъ тѣ подали начатокъ этому дѣлу, а свои подготовленные окончатъ его. Съ того времени какъ снѣгъ растаялъ, съ Кромчанами не происходило ничего важнаго. Мелководная рѣка Крома разлилась и между обѣими враждебными сторонами была топь и грязь; только въ томъ и война состояла, что московскіе люди иногда пострѣливали на вѣтеръ, да тратили по-пустому боевые запасы. То и дѣло, что изъ годуновскаго обоза ходили перебѣжчики въ Кромы и извѣщали, что у нихъ въ обозѣ дѣлается; черезъ такихъ перебѣжчиковъ составился уговоръ, чтобы въ назначенный день Кромчане были готовы броситься на обозъ по данному знаку; и въ то же время свои помогутъ; всѣ — кто за Димитрія—перейдутъ на другой берегъ рѣки Кромы, начальниковъ повяжутъ, упорныхъ прогонятъ или принудятъ; знакомъ къ этому будетъ то, что верховой подбѣжитъ къ валу. День назначенъ былъ 7 мая.

Въ этотъ условленный день въ четыре часа утра всѣ Кромчане стояли уже на готовѣ. Былъ наскоро устроенъ мостъ черезъ рѣку. Воеводы собрались у разряднаго шатра. Вдругъ по данному знаку съ крикомъ вырвались Кромчане и бѣгутъ въ обозъ. Въ это самое время Прокопій Ляпуновъ съ толпою преданныхъ ему рязанцевъ окружаетъ разрядный шатеръ, требуетъ присяги Димитрію и приказываетъ вязать воеводъ. Раздались крики: «Боже сохрани, Боже пособи Димитрію Ивановичу!... За рѣку, за рѣку!» Потащили связанныхъ воеводъ и Басманова то же; на мосту развязали имъ руки. Толпы бѣжали къ мосту. Тогда Басмановъ, стоя на мосту, показывалъ грамоту Димитрія, которую послѣдній присылалъ въ обозъ во множествѣ списковъ; Басмановъ кричалъ громкимъ голосомъ:

«Вотъ грамота царя и великаго князя Димитрія Ивановича! Измѣнникъ Борисъ хотѣлъ погубить его въ дѣтствѣ, но Божій промыселъ спасъ его чудеснымъ образомъ. Онъ идетъ теперь получать свое законное наслѣдіе. Самъ Богъ видимо ему помогаетъ! Мы признаемъ его теперь за истиннаго Димитрія царевича, законнаго наслѣдника и государя русской земли. Кто съ нами соглашается, тотъ пусть пристаетъ къ намъ, на эту сторону; соединяемся съ тѣми, что сидятъ въ Кромахъ; а кто не хочетъ, пусть остается на другой сторонѣ рѣки и служитъ измѣнникамъ противъ своего государя.»

Толпы бѣжали за рѣку; на мосту стало три или четыре священника съ крестами въ рукахъ. Они принимали крестное цѣлованіе на имя Димитрія Ивановича. Отъ чрезвычайной давки подломился мостъ; многіе попадали въ рѣку — иные перешли ее въ бродъ, иные верхомъ переѣхали, были такіе несчастливцы что попали на глубокія мѣста и утонули. Между тѣмъ раздавался несмолкаемый крикъ: «многая лѣта царю нашему Димитрію Ивановичу! ради служить и прямить ему!»

Назади, между тѣмъ, по другой сторонѣ рѣчки, нашлись такіе, что, присягнувши Борисовой вдовѣ и сыну, хотѣли оставаться на своемъ цѣлованіи и убѣждали другихъ именемъ церкви и долга не измѣнять. Они поносили Димитрія, провозглашали: «многая лѣта дѣтямъ Бориса Ѳедоровича!» Тогда Корела закричалъ: «бейте ихъ, да не саблями, не пулями, а батогами; бейте ихъ, да приговаривайте: вотъ такъ вамъ, вотъ такъ вамъ! не ходите биться противъ насъ!» Понравилось это ратнымъ людямъ, особенно Рязанцамъ. Годуновцы пустились въ разсыпную, а Димитріевцы съ хохотомъ гонялись за ними и били — кто плетью, кто палкою, а кто кулакомъ. И отъ этого иные ворочались и объявляли, что готовы покориться Димитрію Ивановичу. Князь Андрей Телятевскій сталъ при народѣ и кричалъ: «стойте, братцы, до послѣдняго и не будьте измѣнниками.» Но когда у него начали отнимать нарядъ, а люди передавались, онъ бѣжалъ изъ лагеря. Убѣжалъ и товарищъ Басманова, Катыревъ-Ростовскій, по имени первый воевода; онъ остался вѣренъ Годуновымъ. Были такіе, которые не приставали ни на ту, ни на другую сторону и кричали: «кого на Москвѣ царемъ признаютъ, тотъ намъ и царь!» Иные, испуганные переполохомъ, не разобравши въ чемъ дѣло, бѣжали на возахъ и верхомъ изъ лагеря: кто въ Москву, кто спѣшилъ въ свою деревню; трусы прятались; другъ у друга спрашивали: что̀ это, но не могли другъ другу отвѣчать; въ неистовствѣ бросались другъ на друга, стрѣлялись и рубились, не зная, о чемъ идетъ дѣло, и такимъ образомъ

много побили людей напрасно. Нѣмцы упорно стали подъ свое знамя и не хотѣли переходить. Басмановъ послалъ къ нимъ убѣжденіе служить законному государю. Капитанъ Розенъ сначала отказалъ, но, когда большая часть подчиненныхъ поколебалась, и онъ согласился. Только семьдесять человѣкъ изъ нихъ убѣжало. Они-то принесли роковую вѣсть о переходѣ войска. Не такъ былъ счастливъ родственникъ царей Годуновыхъ, Иванъ Годуновъ: онъ также бѣжалъ, но его догнали, связали и рѣшили отправить къ Димитрію. Онъ не прочь былъ узнать Димитрія. Его помѣстили въ шатрѣ и онъ лежалъ тамъ, а слуга обгонялъ около него мухъ*).

Василій Голицынъ, одинъ изъ первыхъ совѣтниковъ, принявшихъ предложеніе Басманова, сказалъ: «я присягалъ Борису, моя совѣсть зазритъ переходить по доброй волѣ къ Димитрію Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите какъ будто неволей**).»

V.

Житье Димитрія въ Путивлѣ. — Его прибытіе въ Тулу.

Димитрій жилъ въ Путивлѣ съ февраля, уже около двухъ мѣсяцевъ. Тамъ у него устроился самъ собою дворъ; маленькій Путивль сдѣлался на нѣкоторое время оживленною и многолюдною столицею. Съ разныхъ сторонъ Руси туда безпрестанно прибывали охотники служить Димитрію. Многолюдство привлекло туда и торговцевъ; образовалось тамъ подобіе ярмарки. Вмѣстѣ съ этимъ Путивль сохранялъ воинственный образъ: каждый день опасались то нападеній, то измѣны. На стѣнахъ были заряженныя пушки; и день и ночь пушкари, чередуясь, стояли на-готовѣ съ фитилями; по валу, по всему посаду и по околицѣ ходили и ѣздили отряды для надзора. Димитрій дѣятельно работалъ надъ воинскимъ дѣломъ, прибѣгалъ и къ благочестію. Онъ приказалъ привезти изъ Курска чудотворную икону Божіей Матери, которая славилась знаменіями и исцѣленіями.

Духовенство обнесло ее по городской стѣнѣ въ торжественной процессіи; множество народа слѣдовало за ней. Каждый день, послѣ того, утромъ Димитрія видѣли въ церкви: онъ усердно

*) Is. Mass. 69.

**) Borsza. — Сказ. соврем. Паэрлэ, 27—33. — Bussovii, 30—32. — In. Petricii, 76—77. — Petrei, 172. — Маржер. 85. — De Thou. — Lubienski, 31. — Лѣтоп. о мят. 87—90. — Grevenbruch, 22—23.

молился предъ иконою и говорилъ, что отдаетъ себя и свое дѣло защитѣ и покрову пресвятой Дѣвы Богородицы. Димитрій любилъ бесѣды, приглашалъ и русскихъ и поляковъ на обѣдъ; тутъ были и православные монахи и священники, и католическіе ксендзы. Димитрій поднималъ разговоры и споры о предметахъ богословскихъ и философскихъ и укорялъ въ невѣжествѣ своихъ духовныхъ. «Когда я съ Божіею помощью стану царемъ, — говорилъ онъ — то заведу школы, чтобъ у меня по всему государству выучились читать и писать; въ Москвѣ университетъ заложу, какъ въ Краковѣ; буду посылать своихъ въ чужія земли, а къ себѣ стану принимать умныхъ и знающихъ иностранцевъ, чтобъ ихъ примѣромъ побудить моихъ русскихъ— учить своихъ дѣтей всякимъ наукамъ и искуствамъ.» Самъ Димитрій былъ очень любознателенъ; не получивши основательнаго воспитанія, онъ хотѣлъ дополнить этотъ недостатокъ чтеніемъ польскихъ книгъ и бесѣдами съ образованными поляками, заводилъ разговоры о риторикѣ, философіи и исторіи, спрашивалъ о многомъ и сообщалъ собственныя впечатлѣнія. Ксендзы пользовались этимъ, съ тайною цѣлію распространенія католичества. Въ Путивлѣ около Димитрія неотступно находилось двое іезуитовъ, Николай Черниковскій и Андрей Савицкій. Будучи воспитаннѣе другихъ, окружавшихъ Димитрія, они были способнѣе отвѣчать ему на разные вопросы, касавшіеся области знанія, и потому легко овладѣли его бесѣдою, сдѣлались ему необходимы для его умственной жизни; въ тоже время, они всѣми силами старались воспитать въ немъ предпочтеніе римско-католической церкви и желаніе ввести ее въ свое отечество*). Поляки устроили себѣ въ Путивлѣ церковь и отправляли въ ней богослуженіе. Московскіе люди приходили туда, дивились латинскимъ обрядамъ, уразумѣвали, что это обряды также христіанскіе, какъ и обряды греческой церкви; имъ они понравились. Самъ Димитрій показывалъ другимъ примѣръ уваженія къ католическому богослуженію, посылалъ въ эту церковь въ даръ образа; а въ день Пасхи, католики, ради торжества, стрѣляли изъ пушекъ, и для того заранѣе предупредили русскихъ, чтобъ они не были изумлены внезапною стрѣльбою.

Всѣмъ казалось, что промыселъ печется надъ Димитріемъ. Тайное порученіе Борисово — извести врага, не имѣло успѣха. Эти монахи, вмѣсто того, чтобъ сейчасъ поддѣлаться и приблизиться къ Димитрію, чтобъ имѣть возможность его убить, стали возмущать людей въ Путивлѣ, проповѣдывали, что называющій

*) Barrezzo Barezzi, cap. VI. IX. — Grevenbruch, 19.

себя Димитріемъ не есть настоящій царевичъ, увѣряли, что знаютъ его, что жили съ нимъ въ одномъ монастырѣ, что онъ бѣглый монахъ-чернокнижникъ, а настоящій Димитрій давно лежитъ въ землѣ въ Угличѣ. Они принесли въ Путивль грамоту отъ патріарха, предающую проклятію растригу и обманщика. Они успѣли склонить на свою сторону двухъ приближенныхъ претендента. Но больше не удалось имъ ничего. Ихъ поймали. Одинъ изъ нихъ, уже старикъ, сознался: «у моего товарища — говорилъ онъ — есть въ сапогѣ ядъ, страшный ядъ; если къ нему прикоснуться голымъ тѣломъ, то тѣло распухнетъ, и человѣкъ въ девятый день умретъ; твои приближенные согласились съ нимъ, рѣшили положить ядъ въ кадило и окурить тебя вмѣстѣ съ ладаномъ; онъ подкупленъ Борисомъ и пересылалъ ему письма». Въ тѣ времена было въ обычаѣ вѣрить въ яды, которыхъ дѣйствіе оказывается какимъ-нибудь необычнымъ способомъ. Димитрій призвалъ обвиненныхъ. То были люди, которыхъ привели къ нему прежде связанными, какъ обыкновенно выдавалъ народъ своихъ воеводъ и начальниковъ. Они были люди старые. «При вашихъ сѣдинахъ, вы рѣшились на дѣло — сказалъ имъ Димитрій — коварные злодѣи, такъ-то заплатили вы за милость и милосердіе, когда я даровалъ вамъ жизнь! Богъ обнаружилъ ваши злодѣянія чрезъ этого монаха.» Они повинились во всемъ. Димитрій, принявъ уже правиломъ отстранять отъ себя судъ и отдавать его обществу, поручилъ міру судить ихъ и казнить. Ихъ разстрѣляли; двухъ монаховъ заключили въ тюрьму, а третьяго, открывшаго заговоръ, наградили *). Послѣ Димитрій простилъ и тѣхъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ **).

Также удалось Димитрію разсѣять и опровергнуть распущенные слухи, будто онъ Гришка-разстрига. Димитрій показывалъ передъ всѣмъ народомъ лицо, которое называло себя Григорьемъ Отрепьевымъ. Этотъ человѣкъ разсказывалъ, что онъ дѣйствительно былъ у патріарха Іова книжникомъ, бѣжалъ изъ Москвы, спознался съ царевичемъ, когда послѣдній ходилъ въ Кіевѣ въ монашескомъ видѣ, но что онъ и царевичъ — разныя лица. Свидѣтельство, заявляемое безпрестанно въ Путивлѣ всенародно, какъ слѣдовало ожидать — удостовѣряло русскихъ въ истинности Димитрія и привлекало къ нему.

Хоть онъ еще не воцарился въ Москвѣ, но уже былъ на самомъ дѣлѣ владѣльцемъ Сѣверской земли, и въ качествѣ

*) Паэрлэ, 27.
**) Grevenbruch, 18.

дѣйствительнаго князя Сѣверскаго, послалъ къ польскому королю князя Ивана Андреевича Татева, бывшаго черниговскаго воеводу, и извѣщалъ о томъ, что ему покорилась уже Сѣверская земля. Вмѣстѣ съ нимъ, для подтвержденія истины словъ претендента, отправился посолъ отъ Путивля и всѣхъ городовъ и уѣздовъ Сѣверской земли, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ людей всякаго званія. Выбранъ былъ для этого Сулеша-Булгаковъ. Сѣверская земля извѣщала польскаго короля, что она поклонилась и принесла подданство и послушаніе Димитрію Ивановичу, жаловалась на польское рыцарство, что оно оставило ея государя, и просила короля Сигизмунда оказать ей помощь и спасеніе, и не попустить на разореніе непріятелямъ государя Димитрія Ивановича*). Польскому королю Сигизмунду хотя и было, конечно, весьма пріятно слышать о такихъ успѣхахъ претендента, отъ котораго можно было ожидать выгодъ и для римско-католической церкви и для Польши, но онъ не принялъ посольства, не допустилъ его къ себѣ до тѣхъ поръ, пока не услышалъ, что Бориса нѣтъ на свѣтѣ и Московское государство склоняется признать государемъ Димитрія**).

Немного дней спустя послѣ прибытія изъ Сѣверской земли пословъ Димитрія въ Польшу, умеръ Замойскій къ большой радости іезуитовъ, поборникъ свободы совѣсти и мысли, мужъ закона, ревнитель просвѣщенія и народности, врагъ всякаго пронырства и иноземныхъ козней. Замойскій долго стоялъ костью въ горлѣ отцамъ іезуитамъ. Антоній Поссевинъ, извѣщая тосканскаго герцога о его кончинѣ, писалъ: «теперь исчезнутъ препятствія, которыя онъ ставилъ, противодѣйствуя нѣмцамъ, покровительствуя Трансильваніи и мятежнымъ212Уграмъ, подавая помощь (какъ я много разъ удостовѣрился) еретическимъ союзамъ противъ польскаго короля, не говоря уже о задержкахъ и препятствіяхъ къ распространенію римско-католической вѣры въ Московіи и Ливоніи***).»

Когда Димитрію донесли о смерти Бориса, о волненіи въ войскѣ, онъ выпроводилъ Запорскаго, а самъ дожидался со дня на день появленія къ нему пословъ. 14 Мая стараго стиля, къ нему явился Иванъ Голицынъ; товарищами ему были выборные отъ всѣхъ полковъ, собранныхъ для этой посылки во имя разныхъ земель и уѣздовъ русскихъ. Иванъ Голицынъ, кланяясь низко, говорилъ:

*) Bibl. Krasin. № 13. 1. 3. 383.

**) Рукоп. И. П. Библ. Polygr. f. № 3, также Hist. Polon. f. № 33.

***) Esame critico. 53.

«Государь, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ! Прислало насъ войско изъ-подъ Кромъ, бьетъ тебѣ челомъ и обѣщается тебѣ служить; молятъ твоего, государь, милосердія и прощенія за вину къ нему, что мы по невѣдѣнію стояли противъ тебя, прироженаго своего государя. Насъ Борисъ ослѣпилъ и обманулъ: мы прежде его признали царемъ, и по смерти хотѣли присягать его дѣтямъ, стоять противъ Гришки Отрепьева; но теперь намъ дали другой образецъ присяги, гдѣ не поминалось о Гришкѣ, а чтобъ мы стояли противъ тебя, прироженаго нашего государя, царя Димитрія Ивановича, и не признавали тебя за государя своего; такъ мы уразумѣли, уберeглись и *одноличнo* всѣ положили, чтобъ ты, нашъ государь прироженый, шелъ и воцарился на столицѣ блаженной памяти отцовъ твоихъ. Нынѣ, вмѣсто присяги Борисовымъ дѣтямъ, мы учиняемъ присягу тебѣ, а бояръ, что̀ держатся Бориса, перевязали; а въ Москву послали мы знатныхъ людей объявить, что мы всѣ признали тебя наслѣднымъ и законнымъ своимъ государемъ, чтобъ и въ Москвѣ подобно намъ принесли тебѣ присягу на послушаніе *).»

Димитрій принялъ ихъ чрезвычайно любезно, обнадеживалъ милостію, вполнѣ извинялъ ихъ за то, что они до сихъ поръ были его врагами, и вообще обворожилъ ласковымъ обращеніемъ.

Ивана Годунова, какъ родственника Борисова, посадили въ тюрьму въ Путивлѣ.

Вслѣдъ за этими депутатами, пріѣхалъ въ Путивль Басмановъ. Выѣхавъ изъ обоза, этотъ главнокомандующій встрѣтился съ Запорскимъ и отъ него узналъ, что грамота о прибытіи польскаго войска была фальшивая и написана самимъ Запорскимъ. Басманову стало стыдно своего легковѣрія, хотя онъ не раскаявался болѣе, что передался новому царю. Когда онъ явился къ Димитрію и принесъ повинную, Димитрій принялъ его дружелюбно; оба сразу узнали, поняли другъ друга. Димитрій сталъ дорожить имъ, потому что видѣлъ въ немъ человѣка способнѣе и умнѣе другихъ. Привязался къ Димитрію и Басмановъ, когда увидѣлъ, что Димитрій умѣетъ цѣнить преданность, дружбу и умъ. Басмановъ, важнѣйшій до сихъ поръ врагъ Димитрію на пути къ московской коронѣ, теперь сдѣлался его первымъ совѣтникомъ. Димитрій отправилъ Басманова снова къ войску приводить его къ присягѣ. Вслѣдъ за нимъ и самъ онъ отправился изъ Путивля, 24 мая **). По дорогѣ спѣшили явиться ему на встрѣчу бояре Шереметевъ, Василій Голицынъ,

---

*) Dz. pan. Zyg. II. 333, прилож.

**) Diar. Wisłoucha.

Михайло Салтыковъ и многіе другіе; съ ними приходило нѣсколько сотъ человѣкъ бить челомъ новому государю. «Все войско — говорили они — и вся земля Россійская покоряется тебѣ.» Не доѣзжая до Кромъ, Димитрій остановился, не поѣхалъ въ обозъ, а послалъ приказаніе, чтобъ всѣ тѣ, у которыхъ есть помѣстья около Москвы, ѣхали домой на время до указу; другимъ не приказано итти къ столицѣ, а велѣно находиться въ сборѣ до тѣхъ поръ, пока Москва не покорится, дабы въ случаѣ, когда придется подчинять ее силою, пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ столицу; третьей части велѣно было итти къ Орлу и тамъ дожидаться самого царя. Онъ задержался нѣсколько дней близъ Кромъ, пока войско разошлось. Поляки предостерегали его не слишкомъ ввѣряться и не отдаваться въ руки огромнаго войска, которое еще такъ недавно шло противъ него. За войскомъ и онъ двинулся къ Орлу, и когда подъѣзжалъ къ этому городу, воевода Ѳедоръ Шереметевъ, духовенство, народъ и часть войска, тысячъ до восьми или болѣе того, встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, съ крестами, образами, съ колокольнымъ звономъ и съ торжественными восклицаніями: «буди, буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» Поляки и здѣсь нашоптывали ему — недовѣряться вполнѣ, и постоянно держали около него почетную стражу человѣкъ во сто. Эта мѣра была уже не кстати, могла только раздражать русскихъ, а въ самомъ дѣлѣ поляки не въ силахъ были защитить претендента, еслибъ русскіе не захотѣли его имѣть царемъ.

Димитрій пробылъ въ Орлѣ нѣсколько дней, и назначалъ надъ войскомъ команду по полкамъ *). Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу въ сопровожденіи русскаго войска и польскаго отряда. Въ каждомъ людскомъ поселеніи встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, съ колокольнымъ звономъ; выходили священники съ хоругвями и образами; изъ окрестныхъ городовъ и селъ спѣшили на большую дорогу встрѣчать царя, посмотрѣть на него, полюбоваться имъ; все ликовало. И были то для Димитрія минуты, самыя счастливыя, какія не могли повториться болѣе въ жизни, при всѣхъ возможныхъ успѣхахъ. На Окѣ явились къ нему выборные отъ всей Рязанской земли, били челомъ и увѣряли въ готовности отдать жизнь и достояніе за государя **). Такъ

---

*) Въ большомъ — Василья Васильевича Голицына и князя Бориса Лыкова; въ правой рукѣ — князя Ивана Семеновича Куракина и князя Луку Осиповича Щербатова; въ передовомъ — Петра Ѳедоровича Басманова и князя Алексѣя Долгорукаго. О лѣвой рукѣ и сторожевомъ нѣтъ извѣстій: вѣрно оставались прежніе.

**) Petricii, 83.

онъ достигъ Тулы, а впередъ себя послалъ въ Москву Гаврила Пушкина и Наума Плещеева, съ возбудительной грамотою къ москвичамъ.

VI.

Возстаніе Москвы за Димитрія. — Гибель Годуновыхъ.

Въ Москвѣ, со времени отправленія Басманова, народъ съ каждымъ днемъ становился смѣлѣе и смѣлѣе, съ каждымъ днемъ власть Годуновыхъ колебалась. Народъ единогласно требовалъ возвращенія сосланныхъ Борисомъ и, главное, матери Димитрія. Требованіе было сильно справедливое, и конечно Годуновы были бы спасены, еслибъ царица Маѳа объявила всенародно — а она это знаетъ—что сына ея нѣтъ на свѣтѣ. Но царица Марья Григорьевна хорошо знала, что Маѳа ни за что такъ не скажетъ, и нельзя было освободить ее. Возвратить всѣхъ опальныхъ, также значило бы умножить число сильныхъ враговъ: сдѣлали уступку народу и воротили изъ ссылки князя Ивана Михайловича Воротынскаго. По возвращеніи изъ похода Мстиславскаго и Шуйскаго, чернь возмутилась, влѣзла уже въ Кремль. Тогда вышелъ Василій Ивановичъ Шуйскій и говорилъ народу рѣчь: «Сами видите ежедневно, какую кару посылаетъ карающая десница Господня за наши грѣхи. А вы все коснѣете во злѣ, и замышляете измѣну на раззореніе землѣ нашей, поруганіе святой нашей вѣры и оскверненіе святыни московской. Я вамъ цѣлую крестъ на томъ, что Димитрія царевича нѣтъ на свѣтѣ, я самъ своими руками положилъ его тѣло во гробъ въ Угличѣ; и тотъ, кто называется этимъ именемъ — разстрига, бѣглый монахъ, наученный сатаною, осужденный на казнь за свои мерзкія дѣла. Собирайтесь вы лучше Богу молиться, чтобъ отвратилъ отъ насъ гнѣвъ свой, и стойте твердо на истинѣ, — такъ и все поправится.» Толпа расходилась; повѣся головы, потому что Шуйскаго многіе уважали. Но ропотъ не переставалъ. Снова раздавались требованія, чтобъ въ Москву привезли мать Димитрія: пусть она порѣшитъ дѣло.

Около половины мая, стали появляться въ Москвѣ бѣжавшіе изъ-подъ Кромъ ратные люди. Большая часть изъ нихъ не могла ничего сказать, потому что ничего не знала. Когда ихъ спрашивали знатные люди, они грубо отвѣчали: «поѣзжайте сами и узнайте.» Наконецъ, прибыли Телятевскій и Катыревъ-Ростовскій, и все разъяснилось.

Вѣсть о переходѣ Басманова, бояръ и всего войска на сто-

рону Димитрія была роковою для Годуновыхъ: оставалось имъ либо бѣжать, либо отречься отъ престола и признать добровольно Димитрія предъ всѣми, либо же попытаться собрать послѣднія силы, итти противъ врага и погибать съ честію. Годуновы не сдѣлали ничего подобнаго: они сидѣли въ кремлевскихъ царскихъ палатахъ и противодѣйствовали общему смятенію только тѣмъ, что, по извѣтамъ доносчиковъ, которыхъ подкупали деньгами, приказывали ловить и мучить распространителей Димитріевыхъ грамотъ, да тѣхъ, которые черезъ чуръ смѣлымъ сочувствіемъ къ Димитрію навлекали ихъ гнѣвъ. Это значило — не сходить ни на шагъ съ дороги Борисовой политики. Оказалось, что сынъ не могъ итти далѣе отца. Говорятъ, что Димитрій посылалъ къ Ѳедору письмо съ убѣжденіемъ мирно оставить престолъ, какъ и прежде къ отцу, но молодой Годуновъ приказалъ замучить посланника и не отвѣчалъ на предложеніе *).

Когда въ народѣ стало извѣстно, что войско передалось Димитрію, въ Москвѣ сдѣлалась тишина. Иностранцы, видѣвшіе весьма ясно, какъ передъ тѣмъ съ каждымъ днемъ возрастало народное волненіе, удивлялись этому, и боялись. Дѣйствительно, это была та самая тишина, какая въ природѣ бываетъ передъ сильною грозою. Тридцатаго мая сдѣлалась было тревога; какіе-то два молодца увидали за Серпуховскими воротами большую пыль и закричали, что идетъ множество возовъ и конницы. Вѣсть разнеслась съ быстротою по столицѣ; всѣ подумали, что это идетъ Димитрій; началась бѣготня, толкотня. Москвичи повыбѣгали изъ домовъ; все спѣшило—не запасаться оружіемъ, чтобъ отражать непріятеля, а покупать хлѣбъ-соль, чтобъ встрѣчать законнаго государя. Царица и Ѳедоръ пришли въ ужасъ; бояре вышли изъ Кремля спрашивать, что̀ это значитъ; народъ не отвѣчалъ, и ясно было, чего ждутъ, и какъ готовится Москва встрѣчать врага, еслибъ онъ пришелъ. Но никто не приходилъ. Обманъ открылся; народъ сталъ расходиться. Многіе толпою еще стояли въ молчаніи на площади. Бояринъ сталъ возвѣщать имъ нравоученіе, хвалилъ царя Ѳедора Борисовича и приказывалъ впередъ хватать виновниковъ народнаго волненія. Два молодца, надѣлавшіе кутерьмы, казнены. Народъ молчалъ.

На другой день, 31 мая, по приказанію правительства, стали взводить на стѣны пушки; но замѣтно было, что ратные люди работали неохотно, а толпа глядѣла на это съ кривляньями и насмѣшками. Стѣны эти укрѣпляли за тѣмъ, что услышали, будто атаманъ Корела идетъ въ Москвѣ и находится отъ нея уже

*) Smith, 33.

верстъ за сорокъ. Тогда благоразумные люди спѣшили упрятывать свои драгоцѣнности и деньги по монастырямъ: боялись, что у черни что-то недоброе затѣвается; хочетъ она поживиться на счетъ богатыхъ. Возмущеніе московской черни казалось пострашнѣе Димитрія.

1 іюня привезли въ Москву Димитріеву грамоту посланные имъ дворяне. Они не осмѣлились прямо въѣхать въ столицу и остановились въ слободѣ, въ Красномъ селѣ. Тамъ ударили въ колоколъ. Сбѣжалась толпа. Стали читать Димитріеву грамоту. Раздались восклицанія, въ честь Димитрія. «Въ городъ, въ городъ!» закричали голоса. Плещеева и Пушкина подхватили и повезли въ Москву прямо на Красную площадь. Ударили въ колокола. Поставили посланцевъ на Лобномъ мѣстѣ. Народъ бѣжалъ на Красную площадь со всѣхъ сторонъ. Все пространство около Лобнаго мѣста, называемое Пожаромъ, было занято народомъ; около Троицы-на-рву (Василія Блаженнаго), вдоль Кремлевской стѣны отъ Фроловскихъ до Никольскихъ воротъ, на площади, въ рядахъ по лавкамъ — вездѣ была такая давка, что невозможно было протѣсниться; вышедшіе изъ Кремля бояре, думные дьяки, стрѣльцы ничего не могли сдѣлать. Они громко говорили: «что это за сборище, за бунтъ! развѣ нельзя было подать челобитную такому доброму, ласковому, мягкосердому государю? самовольно собираться не слѣдуетъ! Берите воровскихъ посланцевъ и ведите ихъ въ Кремль! Тамъ пусть они покажутъ то, съ чѣмъ пріѣхали *)!» Народъ отвѣчалъ неистовыми криками, не давалъ посланцевъ и приказывалъ имъ читать громко грамоту. Посланецъ съ Лобнаго мѣста прочиталъ грамоту отъ имени Димитрія. Грамота обращена была къ знатнѣйшимъ боярамъ: Мстиславскому, Шуйскимъ, Василію и Димитрію, и ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, стольникамъ, стряпчимъ, жильцамъ, приказнымъ, дьякамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, гостямъ, торговымъ людямъ, къ лучшимъ и середнимъ, и ко всякимъ чернымъ людямъ. Въ ней говорилось:

«Вы цѣловали крестъ блаженной памяти отцу нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу и намъ, его дѣтямъ, на томъ, чтобъ вамъ не хотѣть иного государя на Московское государство кромѣ нашего рода. И когда судомъ божіимъ не стало нашего родителя, и сталъ царемъ братъ нашъ Ѳедоръ Ивановичъ, тогда измѣнники послали насъ въ Угличъ и дѣлали намъ такія утѣсненія, какихъ и подданнымъ дѣлать негодно, и присылали много разъ воровъ, чтобъ насъ испортить и убить; но ми-

*) Smith, 34.

лосердый Богъ укрылъ насъ отъ злодѣйскихъ умысловъ и сохранилъ въ судьбахъ своихъ до возрастныхъ лѣтъ. А вамъ всѣмъ измѣнники говорили, будто насъ въ государствѣ не стало, и будто насъ похоронили въ Угличѣ въ соборной церкви всемилостиваго Спаса. Когда судомъ Божіимъ не стало брата нашего царя Өедора Ивановича, вы, не зная про насъ, прироженаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не вѣдая его злокозненнаго нрава и боясь его, потому что онъ уже при братѣ нашемъ Өедорѣ Ивановичѣ владѣлъ всѣмъ государствомъ нашимъ, и жаловалъ и казнилъ какъ хотѣлъ. Вы думали, что мы убиты измѣнниками, и когда разошелся слухъ по всему государству Россійскому, что съ божіей милости мы, великій государь, идемъ на православный престолъ родителей нашихъ, великихъ государей царей Россійскихъ, мы хотѣли доступать нашего государства безъ крови; но, вы бояре, воеводы и всякіе служилые люди, по невѣдѣнію, стояли противъ насъ, великаго государя, не смѣли даже говорить. Я государь христіанскій, по своему государскому милосердому обычаю, не держу на васъ за то гнѣва, ибо вы такъ учинили по невѣдѣнію и отъ страха смерти себѣ».

Далѣе, грамота извѣщала, что Димитрій идетъ съ большимъ войскомъ, что города Россійскаго государства ему добили челомъ, и въ томъ числѣ отдаленные поволжскіе города ему покорились, что изъ Астрахани ведутъ воеводъ и уже они на дорогѣ въ Воронежѣ, а князья Ногайскіе изъявляютъ готовность помогать ему; но онъ не принялъ ихъ помощи и велѣлъ имъ кочевать близъ Царева города, а не итти въ Русь, потому что онъ не хочетъ кровопролитія и междоусобія. Чтобъ раздражать народъ противъ Годуновыхъ, Димитрій припоминалъ ихъ несправедливости и жестокости:

«Наши измѣнники, Марья Борисова жена Годунова и сынъ ея Өедоръ, не жалѣютъ о нашей землѣ, и жалѣть имъ нечего, потому что они чужимъ владѣли; оттого они раззорили отчину нашу Сѣверскую землю и православныхъ христіанъ побили безъ вины: мы, однако, не ставимъ и этого въ вину нашимъ боярамъ и служилымъ людямъ, потому что они такъ поступали по невѣдѣнію и боясь отъ измѣнниковъ смертной казни. Припомните, какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ родовитымъ людямъ, какое поношеніе, какое безчестье, — и отъ инороднаго терпѣть было того невозможно! А вамъ, дворяне и дѣти боярскіе, какія были раззоренія, ссылки и нетерпимыя муки, какихъ и плѣннымъ дѣлать негодно! А вамъ, гостямъ и торговымъ людямъ, не было

вольностей въ торговлѣ вашей и въ пошлинахъ: треть имущества вашего отбиралась, а иногда чуть не все... и тѣмъ еще вы не могли укротить злокозненнаго нрава его! А вы еще до сихъ поръ не опомнитесь и не хотите знать насъ, своего прирожденнаго государя, и праведнаго суда божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ православныхъ христіанъ. Этого вамъ дѣлать не годится; вотъ, даже иноземцы скорбятъ и соболѣзнуютъ о вашемъ раззореніи, и узнавши насъ, христіанскаго, кроткаго, милосердаго государя, служатъ намъ и не щадятъ крови своей за насъ. Мы христіанскій государь, жалѣя васъ, пишемъ вамъ, чтобъ вы, памятуя свое крестное цѣлованье царю Ивану Васильевичу и дѣтямъ его, добили намъ челомъ и прислали бы къ нашему царскому величеству митрополита и архіепископовъ, и бояръ, и окольничихъ, дворянъ большихъ, и дьяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лучшихъ людей; а мы васъ пожалуемъ: боярамъ учинимъ честь и повышеніе и пожалуемъ прежними ихъ отчинами, да еще сдѣлаемъ прибавку и будемъ держать въ чести; дворянъ и приказныхъ людей станемъ держать въ нашей царской милости; гостямъ и торговымъ людямъ дадимъ льготы и облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ; и все православное христіанство учинимъ въ покоѣ, тишинѣ и благоденственномъ житіи. А не добьете челомъ нашему царскому величеству и не пошлете просить милости, то дадите отвѣтъ въ день праведнаго суда, и не избыть вамъ отъ Бо̀жія суда и отъ нашей царской руки *).»

По прочтеніи этой грамоты поднялось смятеніе и споры, такъ что ничего нельзя было со стороны разобрать. Бояре, возвышая голосъ, старались успокоить толпу. Ихъ го̀лоса не слушали. Одни кричали: «буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» Другіе упорно стояли за Годуновыхъ, еще не довѣряли: точно ли тотъ Димитрій, кто идетъ къ нимъ подъ этимъ именемъ. Наконецъ изъ толпы закричали голоса: «Шуйскаго! Шуйскаго! Онъ разыскивалъ, когда царевича не стало; пусть скажетъ теперь по правдѣ, точно ли царевича похоронили въ Угличѣ!» Шуйскаго взвели на Лобное мѣсто; громада замолчала, и съ напряженнымъ вниманіемъ ждала, чѣмъ разрѣшитъ ея недоумѣніе этотъ бояринъ. Шуйскій, давній врагъ Годуновыхъ, сказалъ: «Борисъ послалъ убить Димитрія царевича, но царевича спасли, а вмѣсто его погребенъ поповъ сынъ **).» Послѣ русскіе толковали правдоподобно, что Шуйскій разсчиталъ, что его увѣренія въ пользу

*) А. Э. I, 91.

**) Petreji. 173. — Tragoed. Mosc. II. — The Russ. Impost. 71.

Годунова не удержать народа, и оттого сказалъ народу такое слово; все равно, народъ въ неистовствѣ сведетъ Годуновыхъ, пошлетъ за матерью: она признаетъ претендента сыномъ, и ей конечно повѣрятъ болѣе чѣмъ ему. Можетъ быть, при томъ, Шуйскій и для своихъ видовъ воспользовался случаемъ погубить Годуновыхъ, чтобы потомъ проложить себѣ дорогу къ престолу. Сказаннаго Шуйскимъ было довольно. «Теперь — кричала громада — нечего долго думать: все узнали; значитъ, настоящій Димитрій живъ и теперь въ Тулѣ! Принесемъ ему повинную, чтобъ онъ простилъ насъ, по нашему невѣдѣнію.»

— «Долой Годуновыхъ! — заревѣла неистово народная громада, — долой ихъ, б.......ъ дѣтей! Всѣхъ ихъ друзей и сторонниковъ искоренить! Бейте, рубите ихъ! Не станемъ жалѣть ихъ, когда Борисъ не жалѣлъ законнаго наслѣдника и хотѣлъ его извести въ дѣтскихъ лѣтахъ. Господь намъ теперь свѣтъ показалъ; мы доселева во тьмѣ сидѣли. Засвѣтила намъ теперь звѣзда ясная утренняя — нашъ Димитрій Ивановичъ. Буди здравъ, Димитрій Ивановичъ!»

Говорятъ, что нѣкоторые совѣтовали Ѳедору выйти на площадь и обличить неправду писемъ Димитрія; но онъ не рѣшился*). Толпа хлынула безъ удержу въ Кремль во дворецъ. Уже некому было защищать семью Бориса. Караулъ держали стрѣльцы; они увидали, что не совладать имъ съ народомъ и отступились. Ѳедоръ бросился въ тронную (вѣроятно, въ Грановитую палату) и сѣлъ на престолѣ. Онъ думалъ, что толпа не посмѣетъ наложить на него рукъ, какъ увидитъ его въ царственномъ величіи. Мать и дочь стояли съ образами въ рукахъ, словно со щитами противъ народной ярости**). Но для народа Ѳедоръ Борисовичъ былъ уже измѣнникъ Ѳедька, а не царь. Его стащили съ престола. Мать-царица, потерявши все царское величіе, начала метаться передъ народомъ, сорвала дорогое жемчужное ожерелье съ шеи, бросила въ толпу***), плакала, униженно просила не предавать смерти дѣтей ея. Народъ и не хотѣлъ убивать ихъ. Вдову-царицу, молодого Ѳедора и Ксенію перевезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ, гдѣ жилъ Борисъ, когда еще не былъ царемъ. Къ дому приставили стражу. Весь царскій дворецъ опустошили, все въ немъ ломали, грабили; говорили, что Борисъ осквернилъ его. Другія толпы напали на домы свойственниковъ и клевретовъ покойнаго

*) Smith, 39.
**) Lub. 32.
***) Smith, 37. — Milton. 56.

тирана. Досталось всѣмъ носящимъ прозвище Годуновыхъ; постигла одинакая участь Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ: дворы опустошили; ихъ имущество разнесли; ихъ домы разломали, челядь разогнали; иныхъ въ добавокъ поколотили, и, наконецъ, заковали и отдали за-приставы. Тогда раздражило громаду сильно то, что въ дворцѣ отыскали двоихъ посланцовъ отъ Димитрія: они были изсѣчены, испечены; никто не зналъ прежде, что ихъ мучили тайно. «Вотъ — кричалъ народъ — и всѣмъ тоже было бы! вотъ что дѣлаютъ Годуновы! вотъ какое ихъ царство *)!» Былъ тогда съ народомъ Богданъ Бѣльскій: его только что освободилъ изъ ссылки Ѳедоръ Борисовичъ. Этотъ бояринъ получилъ тогда въ народѣ большую честь и силу, первое за то, что его Борисъ гналъ, а второе за то, что былъ пѣстуномъ Димитрія по назначенію царя Ивана Васильевича. Народъ кричалъ, чтобъ онъ управлялъ царскимъ дворцомъ и кремлемъ пока прибудетъ царь. Между тѣмъ, покончивши съ Годуновыми, толпа хотѣла разгромить царскіе погреба и на радостяхъ накатиться. Богданъ Бѣльскій остановилъ ихъ и говорилъ: «такъ дѣлать не годится,— теперь мы все разопьемъ; а пріѣдетъ царь Димитрій Ивановичъ, тогда къ столу ничего не будетъ; чѣмъ же царя угощать будемъ? А вы ступайте въ погреба нѣмецкихъ докторовъ, Борисовыхъ любимыхъ иноземцовъ: они богаты и нажились при Борисѣ, были у него совѣтниками и наушниками на зло православному народу. Выпейте ихъ напитки и все добро ихъ себѣ возьмите.» Народъ бросился на домы нѣмецкихъ докторовъ; у нихъ въ погребахъ стояли бочки многолѣтнихъ медовъ и винъ: все въ минуту было выпито. Разнесли ихъ имущества; бѣдные нѣмцы такъ много лѣтъ разживались въ чужой сторонѣ,—теперь въ мигъ лишились всего и стали нищими. Бѣльскій не любилъ нѣмцевъ, мстилъ докторамъ особенно за то, что одинъ докторъ, котораго уже тогда не было въ живыхъ, по приказанію Бориса, когда-то выщипалъ ему бороду. Дали тогда трепку всѣмъ, кого только могли обвинить въ прежней приверженности къ Годуновымъ. Толпы бросались на ихъ домы, взламывали замки, забирали платье, деньги, утварь, выводили лошадей и скотъ, а когда доходило до погребовъ — тутъ было раздолье: поставятъ бочку дномъ вверхъ, разобьютъ дно и черпаютъ сапогами, котами, шапками и пьютъ пока безъ чувствъ не попадаютъ; и такъ въ этотъ день до ста человѣкъ лишились жизни **).

Душъ не губили, за то сильно грабили безъ всякой пощады,

*) Smith, 36.

**) Smith, 36. — Хроногр. Арх. Ком.

снимали съ осужденныхъ народною ненавистью даже рубахи, и многіе видѣли тогда — говоритъ очевидецъ — людей, адамовымъ способомъ прикрывавшихъ свою наготу листьями. Чернь долго и много терпѣвшая, долго униженная, радовалась этому дню, чтобъ потѣшиться надъ знатными и богатыми, отплатить имъ за прежнее униженіе. Потерпѣли тогда и такіе, чтò вовсе не были сторонниками Годуновыхъ, за то единственно, что были богаты; и всеобщій грабежъ и пьянство продолжались до ночи, когда все заснуло мертвецки [1]).

Гаврила Пушкинъ и Плещеевъ, смотрѣвшіе надъ этимъ надо всѣмъ, отправили съ извѣстіемъ къ Димитрію въ Тулу сеунча. Поѣхали къ Димитрію выборные отъ Москвы князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Андрей Андреевичъ Телятевскій; они повезли ото всей Москвы повинную грамоту [2]), гдѣ москвичи просили прощенія, приглашали новаго царя на престолъ, признавали себя вѣрными подданными его и извѣщали, что Годуновыхъ дѣтей болѣе нѣтъ на престолѣ: и они и всѣ ихъ свойственники и друзья отданы за-приставы и дожидаются воли царской надъ собою. Грамота была написана отъ лица патріарха Іова, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и всего освященнаго собора, бояръ, окольничьихъ, дворянъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, приказныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ всякихъ людей всего Россійскаго государства [3]). Невозможно теперь рѣшить, до какой степени въ самомъ дѣлѣ участвовали всѣ сословія, поименованныя въ призваніи новаго царя и равнымъ образомъ патріархъ Іовъ [4]).

Патріархъ оставался на своемъ престолѣ нѣсколько дней по сверженіи Годуновыхъ; если бы онъ не хотѣлъ признавать Димитрія царемъ, то самъ бы удалился по сверженіи царя. Но этого не было. Онъ священнодѣйствовалъ и не оставилъ своего сана; не видно также, чтобъ онъ заявилъ тогда что нибудь противъ Димитрія. Это обстоятельство невольно заставляетъ подозрѣвать, не поклонился ли новому царю, наравнѣ съ другими, этотъ архипастырь, всегда уважавшій силу и успѣхъ, думая: авось ли не

---

1) Smith, 37. — Is. Mass.

2) Лѣт. о мят. 91. — Ник. лѣт. 68.

3) Собр. гос. гр. II, 200.

4) Тѣ, которыхъ званіе становило наравнѣ со многими другими одинаковаго званія, могли противъ собственной воли попасться въ число, безъ означенія своего имени, и считаться признавшими новый порядокъ, потому что сословіе ихъ въ большинствѣ членовъ признало его; но трудно, кажется, чтобъ написали имя патріарха, лица единственнаго во всей Россіи, если онъ этого не желалъ.

удастся подъ сѣнію его оставаться въ покойномъ и благоденственномъ житіи, какъ и при Борисѣ.

Находясь въ Тулѣ, Димитрій занимался государственными дѣлами какъ русскій царь; приказалъ разсылать грамоты во всѣ города и земли Россійской земли о своемъ пришествіи, послалъ форму присяги и сносился съ иноземными державами. Онъ узналъ, что изъ Москвы уѣхалъ англійскій посолъ Смитъ съ письмами Бориса. Онъ приказалъ догнать и отправить его съ письмами отъ своего имени, гдѣ извѣщалъ, что теперь въ Московскомъ государствѣ новый царь, и желаетъ пребывать съ Англіей въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, и какъ только вступитъ въ свою прародительскую столицу, тотчасъ пошлетъ въ Лондонъ пословъ, а англійской компаніи дастъ такія выгоды и привилегіи, какими она не пользовалась еще до сихъ поръ*). Онъ просилъ агента остаться въ Москвѣ до его пріѣзда**). Среди этихъ занятій пріѣхали присланные въ званіи выборныхъ отъ Москвы съ повинною. За ними прибыли добровольно нѣкоторые бояре — ударить челомъ новому государю. Въ числѣ бояръ были всѣ три брата Шуйскіе, Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главные представители тогдашняго боярства.

Въ то же самое время, когда бояре кланялись и приносили повинную Димитрію, явилась къ нему толпа Донскихъ казаковъ: ее велъ атаманъ Смага Чертенскій съ товарищами. Димитрій любилъ Донскихъ казаковъ; недавно его поразила вѣрность и храбрость Корелы въ Кромахъ. Онъ принялъ ихъ съ явными знаками предпочтенія боярамъ и допустилъ ихъ къ рукѣ прежде, чѣмъ бояръ. Такимъ образомъ, онъ задѣвалъ родовую гордость и высокомѣріе послѣднихъ. Если съ одной стороны отъ этой смѣлости и могла зашевелиться въ сердцахъ бояръ гордость, то съ другой это убѣждало многихъ въ томъ, что новый царь есть истинный Димитрій; плутъ и обманщикъ не рѣшился бы такъ поступать; до этой смѣлости могъ дойти только тотъ, кто сильно увѣренъ въ своихъ правахъ, и до того надѣется на свою правду, что ему нѣтъ нужды искать расположенія сильныхъ: онъ считаетъ себя сильнѣе всѣхъ по праву и надѣется, что это право охраняетъ Всемогущій Богъ. Димитрій обошелся на первый разъ съ боярами сурово и укорялъ, что они такъ поздно признали законнаго наслѣдника престола, когда казаки и простой народъ предупредили ихъ въ этомъ и заранѣе отторглись отъ крамольниковъ.

---

*) Карамз. примѣч. 353.

**) Smith, 42.

Люди московской знати ѣхали изъ столицы одни за другими, били челомъ царю и произносили присягу въ соборной церкви. Къ присягѣ приводилъ ихъ рязанскій архіепископъ Игнатій. Родомъ онъ былъ грекъ; былъ онъ въ отечествѣ архіепископомъ на островѣ Кипрѣ, пріѣхалъ въ Россію при Ѳедорѣ; Борисъ покровительствовалъ изгнанныхъ восточныхъ духовныхъ; онъ взялъ подъ свою опеку Игнатія, и вскорѣ Игнатій назначенъ въ Рязань архіепископомъ. Теперь, когда, по выходѣ Димитрія изъ Орла, ему присягнула вся Рязанская земля, этотъ архипастырь первый изъ своихъ собратій архіереевъ явился къ новому царю, чтобъ заслужить его вниманіе и расположеніе; Димитрій полюбилъ его. Іова нельзя было держать на патріаршествѣ, хотя бы онъ, уступая обстоятельствамъ, и покорился; нельзя было довѣряться старому Борисову приверженцу и пособнику, который зналъ о злодѣяніяхъ Бориса, покрывалъ убійство Димитрія, и недавно еще увѣрялъ православный народъ, что идущій на него не настоящій Димитрій, а самозванецъ. Димитрій рѣшилъ замѣнить его Игнатіемъ; этотъ архипастырь во многомъ сходился съ царемъ: былъ онъ нрава веселаго, любитель прекраснаго пола, снисходителенъ къ себѣ и другимъ, не суровый, не понурый аскетъ, и притомъ раздѣлялъ съ Димитріемъ его вѣротерпимость и расположеніе къ Западу.

Димитрія безпокоило, что Годуновы находились въ Москвѣ. Ѳедоръ былъ уже нареченъ царемъ, Ѳедору дана была присяга; нельзя было поручиться, что нѣтъ болѣе сторонниковъ Годуновыхъ, или способныхъ назваться ихъ сторонниками для своихъ видовъ; при всякомъ неудовольствіи на новаго царя могло являться покушеніе поднять ихъ знамя. Прежде чѣмъ Димитрій рѣшился итти въ Москву, онъ послалъ впередъ князя Василья Васильевича Голицына, князя Василья Рубца-Мосальскаго, бывшаго воеводою въ Путивлѣ, дьяка Сутупова; онъ приказалъ устранить его опасныхъ враговъ. Патріарха Іова слѣдовало свести, свойственниковъ Годуновыхъ развести по городамъ въ ссылку, а царственныхъ особъ — вдову Бориса и сына — убить. Такъ разсказываютъ современники *). Нѣкоторые говорятъ прямо, что Димитрій положительно приказалъ убить мать и сына. Но вѣроятнѣе въ этомъ случаѣ извѣстіе хроники Буссова, по которой Димитрій далъ свое приказаніе въ неопредѣленныхъ словахъ: «я не могу пріѣхать въ столицу прежде, чѣмъ мои враги не будутъ оттуда удалены. Вы уже большую часть ихъ выпроводили — нужно, чтобъ Ѳедора и ма-

*) Лѣт. о мятеж. 92. — Врем. XVI, 29. — Petr. 173. — Buss. 34.

тери его тоже не было; тогда я пріѣду и буду вашимъ милосерднымъ государемъ [1].»

Неясныхъ выраженій было достаточно. Пріѣхали посланные въ Москву и прежде всего объявили патріарху, что онъ лишается своего сана. Московское государство давно уже привыкло видѣть, какъ свѣтская власть самовольно распоряжались саномъ первопрестольника русской церкви. Патріархъ пошелъ въ церковь, облачился въ архіерейскія одежды въ присутствіи толпы народа, снялъ съ себя панагію, положилъ передъ образомъ Богородицы Владимірской и сказалъ: «о всемилостивѣйшая пречистая Богородица! Эта панагія и святительскій санъ взложены на меня недостойнаго въ твоемъ храмѣ, у честнаго твоего чудотворнаго образа. Я исправлялъ слово Сына твоего Христа Бога нашего 19 лѣтъ; православная христіанская вѣра нерушима была, а нынѣ грѣхъ ради нашихъ видимъ, что на православную вѣру находитъ вѣра еретича... Мы, грѣшные, молимъ, умоли, Пречистая, Сына твоего Христа Бога, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо!» Онъ положилъ панагію у образа; его разоблачили, одѣли въ черное платье. Уже стояла у церкви телѣжка. На эту телѣжку посадили и повезли патріарха какъ простого монаха въ Старицкій Богородицкій монастырь, по его обѣщанію [2]. Былъ благовидный предлогъ съ нимъ такъ поступить: еще въ послѣдніе дни царствованія Бориса, Іовъ написалъ прощальную грамоту, гдѣ со смиреніемъ, будто бы обремененный недугами, отрекался отъ власти и блеска патріаршескаго сана и изъявлялъ желаніе пребывать въ уединеніи и смиреніи [3].

Почти всѣхъ свойственниковъ — Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, развезли изъ Москвы въ Понизовые и Сибирскіе города въ заточеніе: ихъ везли по Москвѣ на телѣжкахъ со всенароднымъ униженіемъ; они были въ однѣхъ рубашкахъ, всѣ закованы, не дали имъ даже полстей, хотѣли, чтобъ всѣ видѣли ихъ нищету и паденіе въ противоположность прежнему величію и богатствамъ [4]. Было такимъ образомъ отправлено тогда въ разныя стороны семьдесятъ четыре семейства [5]. Все это были люди, служившіе тиранству Бориса, и потому ненавистные народу. Вмѣсто ихъ должно было воротить гораздо

---

[1]) Buss. 34. — Ник. лѣт. 64.
[2]) Ник. 9.
[3]) Собр. гос. гр. II, 1.
[4]) Хроногр. 174.
[5]) Bar. Bar. 16. — Grevenbr. 27.

болѣе томившихся въ тюрьмахъ и пустыняхъ по ихъ доносамъ. Хуже всѣхъ досталось Семену Годунову; его отправили въ Переяславль и посадили въ подземную тюрьму, откуда вывели одного невиннаго страдальца, который протомился тамъ болѣе шести лѣтъ. Годуновъ умеръ голодною смертію: ему подали камень, когда онъ просилъ ѣсть *).

Наконецъ, раздѣлавшись съ клевретами Бориса, 10 іюня Василій Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій поручили дворянину Михайлѣ Молчанову и Шефрединову раздѣлаться съ семействомъ Бориса, которое сидѣло подъ стражею въ собственномъ домѣ. Молчановъ и Шефрединовъ взяли съ собою троихъ дюжихъ стрѣльцовъ, и вошли въ домъ. Семья Борисова десять дней находилась въ страхѣ, не зная, что̀ съ ней станется. Мать думала и такъ, и иначе: то воображала она, что новый царь не оставитъ ихъ живыми, будетъ бояться, чтобъ именемъ Ѳедора Борисовича не сдѣлалось противъ него мятежа; то казалось ей, что онъ покажетъ надъ ними русскому народу свое великодушіе. Мученія неизвѣстности и сомнѣнія разрѣшились для нея въ десятый день утромъ. Вошли посланные, взяли царицу и отвели въ одну комнату, а Ѳедора въ другую; Ксенію оставили. Царицѣ закинули на шею веревку, затянули и удавили безъ труда. Потомъ пошли къ Ѳедору. Молодой Годуновъ догадался, что̀ съ нимъ будутъ дѣлать, и хоть былъ безоруженъ, но сталъ защищаться руками; онъ былъ очень силенъ отъ природы, далъ въ зубы одному, другому, такъ что тѣ повалились. Тогда одинъ изъ нихъ схватилъ Ѳедора за дѣтородныя части, и началъ давить. Ѳедоръ лишился силы и отъ невыносимой боли кричалъ: «Бога ради докончите меня скорѣе!» Тогда другой товарищъ взялъ дубину и хватилъ его съ размаха по плечамъ и груди, а потомъ накинули ему на шею петлю, и удавили. Сестру бывшаго царя, дѣвицу Ксенію, не убили. Отъ ужаса она лишилась чувствъ, и насилу молодая жизнь перемогла въ ней потрясеніе. Она осталась въ живыхъ, на безотрадное злополучіе...

Голицынъ съ Мосальскимъ объявили народу, что Борисова вдова и сынъ отравили себя ядомъ. Тѣла ихъ выставлены были народу на показъ. Ненавистны они были московскимъ людямъ, особенно царица: москвичи знали, что эта была злая женщина, поджигавшая своего мужа на всякія злодѣйства. Но нѣкоторые тогда же замѣтили на нихъ явные признаки удавленія **). Тѣмъ

---

*) Is. Mass. 75.

**) Petr. 175.

не менѣе о смерти ихъ у современниковъ осталось двоякое мнѣніе: одни говорили, что они умерщвлены [1]), другіе считали Годуновыхъ самоубійцами; именно говорили, что вдова Борисова томилась отъ стыда и униженія, боялась чего-то ужаснаго, и не снесла пытки каждоминутнаго ожиданія: находясь въ своемъ домѣ подъ стражею, она приготовила отраву, выпила сама и дала дѣтямъ. Ксенія не успѣла еще выпить, какъ увидала, что матери и брату дурно: они унали, и Ксенія не стала пить [2]). Это распустили русскіе, передавали и иностранцамъ и даже разсказывали, будто Ѳедоръ писалъ Димитрію передъ смертью письмо. «Пусть лучше — будто-бы сказано было въ его письмѣ — погибнетъ одинъ невинный, чѣмъ много невинныхъ на войнѣ; когда не станетъ насъ, твоихъ соперниковъ, у тебя друзей будетъ больше, и ты больше будешь любимъ. Будь увѣренъ, что мы, наша дорогая мать и милая сестра, для тебя пьемъ чашу смерти; будь царемъ, съ твоимъ потомствомъ; ты имѣешь право; будь правосуденъ ко врагамъ, любимъ подданными, милосердъ къ бѣднымъ, будь всегда счастливъ.» Димитрій, получивъ это письмо, разливался слезами [3]).

Дѣйствительно, передъ людьми Димитрій плакалъ о судьбѣ погибшихъ враговъ, но наградилъ и приблизилъ къ себѣ тѣхъ, которые поняли недосказанное порученіе и распространили сказку о самоубійствѣ. Самъ Димитрій повторялъ туже сказку въ письмѣ, которое послалъ къ Мнишку по своемъ прибытіи въ Москву [4]).

Дѣвицу, Ксенію Борисовну, по однимъ извѣстіямъ [5]), тотчасъ же постригли въ монастырѣ во Владимірѣ подъ именемъ инокини Ольги; по другимъ, она оставалась въ Москвѣ для временного удовольствія и забавы новому молодому царю; нѣкоторые говорятъ, что до пріѣзда царя содержалась она въ Дѣвичьемъ монастырѣ [6]); а другіе — что въ домѣ Рубца-Мосальскаго [7]). Какая бы судьба ни постигла эту дѣвицу послѣ смерти матери и брата, безъ сомнѣнія она была ужасна. По описанію современниковъ, дочь Бориса была рѣдкой красоты, типъ великорусской красной-дѣвицы — бѣлолица, румяна, полнотѣла,

---

[1]) Врем. XVI, 29. — Ник. лѣт. 69. — Лѣт. о матеж. — Petr. 179. — Buss. 39.

[2]) Grevenbruch. 20. — Паэрлэ, 33.

[3]) Smith, 40.

[4]) Библ. Крас. Рук. B. I, 8. List Dymitra do Mniszka od 8 Lipca.

[5]) Ник. Лѣт. 70.

[6]) Bussov. 24.

[7]) Мороз. лѣт. Карамз. 348.

росту средняго, съ черными глазами, съ густыми сходящимися вмѣстѣ черными бровями; длинные волосы лежали по плечамъ, свиваясь въ трубы; у нея былъ превосходный голосъ, пѣла она духовныя пѣсни и была изучена книжному писанію; но болѣе всего блистала она красотою, когда плакала; а ея слезы видалъ всякій, кто видалъ ее *).

Въ заключеніе, вынули изъ Архангельскаго собора гробъ Бориса: похититель недостоинъ былъ лежать между трупами царей. Его зарыли въ убогомъ монастырѣ Варсонофіевскомъ за Неглинною между Срѣтенкою и Рождественкой. Тамъ похоронили вмѣстѣ съ нимъ въ особыхъ гробахъ и его жену и сына. Не было надъ ними торжественныхъ обрядовъ; похоронили ихъ какъ самоубійцъ, ибо народу показывали видъ, будто они сами наложили на себя руки **).

Тогда вдругъ распространился слухъ сначала по Москвѣ, а потомъ и по всему государству, будто Борисъ живъ, будто онъ велѣлъ похоронить вмѣсто себя металлическое изображеніе ангела, сдѣланное иноземными художниками, а самъ укрывается: вездѣ вѣрили этому и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искали и ловили его; если этотъ слухъ не произвелъ радости, то, конечно, потому что никто не пожелалъ бы тогда возвращенія бывшаго царя.

Такъ кончился послѣдній актъ драмы, которую разыгрывалъ Борисъ долгое время, съ самаго воцаренія Θедора Ивановича, съ цѣлію возвысить родъ свой и доставить своему потомству славу, могущество и власть надъ Московскимъ государствомъ: много совершилъ онъ коварствъ и злодѣяній, много и долго лицемѣрилъ, трудился, хитрилъ, многимъ жертвовалъ. Развязка совершилась 10 іюня 1605 года. И современная философія разразилась такимъ финаломъ на послѣдней страницѣ этой драмы: «Смотрите, друзья, какова бываетъ кончина творящихъ беззаконія! Какою мѣрою они другимъ мѣрили, такъ и имъ возмѣрилось; туже чашу, которую для другихъ наполняютъ, и самимъ приходится испивать. Онъ алкалъ суетныхъ богатствъ и высокихъ престоловъ и не страшился ни самовольнаго крестнаго цѣлованія, ни клятвопреступленія! И вотъ плоды дѣлъ его! Гдѣ теперь слова высокоумія его? гдѣ супруга и любимыя дѣти? гдѣ его златоверхіе чертоги? гдѣ пышныя трапезы и упитанные тельцы? Гдѣ предстоящіе предъ нимъ рабы и рабыни? Гдѣ многоцѣнныя одежды и обувь? Гдѣ царская утварь? Кто могъ

*) Хронографъ, хранящ. въ Арх. Ком.

**) Ник. и Petr. 173. — Smith. 40.

жену и дѣтей его изъять изъ рукъ палача, когда онѣ обращали очи свои туда и сюда, и нигдѣ не находили себѣ защитника, чувствовали свою послѣднюю нищету, и погибли лютою смертію — удавленіемъ... *).»

*) Врем. XVI, 29.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

II

ПЕРВАЯ ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I*).

(1801 — 1805).

Первые годы царствованія императора Александра I представляютъ образъ усиленной дѣятельности по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Свидѣтель злоупотребленій по всѣмъ частямъ администраціи, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, и крутыхъ преобразованій ея преемника, Александръ хотѣлъ не только ввести многія частныя реформы, но совершить коренную перестройку всего многосложнаго государственнаго зданія и увѣнчать свой трудъ составленіемъ *уложенія*, по образцу лучшихъ конституцій, существовавшихъ въ западной Европѣ [1]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствій императора Александра было учрежденіе министерствъ, осуществившее идею—раздѣлить многосложное управленіе Имперіи на части, такъ, чтобы всѣ онѣ имѣли взаимную связь между собою. Главное неудобство,

---

*) Обязательно сообщено авторомъ изъ составляемаго имъ сочиненія: «*Исторія Императора Александра I и Россія въ его время;*» при этомъ помѣщается извлеченіе изъ рукописныхъ документовъ въ русскомъ переводѣ съ французскаго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ графа Павла Александровича Строганова, подъ заглавіемъ: *Séances du Comité.* 1801 и 1802 г. *Ред.*

[1]) Изъ бумагъ графа Павла Александровича Строганова: Séances du Comité. 1801. См. ниже.

существовавшихъ въ Россіи до Петра Великаго, приказовъ заключалось въ томъ, что они, будучи учреждены, по мѣрѣ надобности, въ различное время, для управленія извѣстною частью въ указанномъ смыслѣ, не обнимали вполнѣ различныхъ предметовъ управленія, такъ наприм., приказъ военныхъ дѣлъ завѣдывалъ только тѣми войсками, которыя не состояли въ распоряженіи другихъ приказовъ: Стрѣлецкаго, Пушкарскаго и проч. Дѣлопроизводство въ приказахъ соединяло въ себѣ коллегіальное и одноличное начала, именно: дѣла обсуживались въ общемъ присутствіи нѣсколькими членами, но рѣшались главнымъ бояриномъ, который отвѣчалъ за все исполненное въ вѣдѣніи порученнаго ему приказа, и даже нѣкоторые приказы управлялись однимъ бояриномъ, безъ лицъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ государственныя дѣла, разсѣянныя болѣе нежели въ сорока приказахъ, шли чрезвычайно медленно, то при Петрѣ I были учреждены, въ замѣну ихъ, коллегіи, а важнѣйшіе вопросы рѣшались въ сенатѣ, какъ въ общемъ собраніи предсѣдателей коллегій. Въ то время, многіе изъ бояръ, членовъ коллегій, государственные сановники, умные и опытные, но неполучившіе никакого образованія, не умѣли писать, и потому совѣщательная часть была отдѣлена отъ части исполнительной: предсѣдатели и члены коллегіи рѣшали дѣла; секретари, люди грамотные, приводили въ исполненіе ихъ рѣшенія, а чтобы предупредить злоупотребленія, неизбѣжныя при такомъ порядкѣ, были введены многосложные обряды. Слѣдовательно — учрежденіе коллегій не устранило неудобствъ, сопряженныхъ съ прежними приказами. Дѣла шли медленно, да и не могло быть въ нихъ надлежащей отчетности.

Въ манифестѣ 8-го сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ, сказано:... «слѣдуя великому духу преобразователя Россіи Петра Перваго, оставившаго намъ слѣды своихъ мудрыхъ намѣреній, по коимъ старались шествовать достойные его преемники, мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего требовать будетъ отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему. На Правительствующій же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ Нашимъ въ сей день даннымъ утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣянія ми-

нистровъ, по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ......»

Управленіе государственными дѣлами было раздѣлено на восемь министерствъ, именно: 1) военно-сухопутныхъ силъ; 2) морскихъ силъ; 3) иностранныхъ дѣлъ; 4) юстиціи; 5) внутреннихъ дѣлъ; 6) финансовъ; 7) коммерціи, и 8) народнаго просвѣщенія [1]). Каждое изъ нихъ долженствовало находиться подъ непосредственнымъ управленіемъ одного изъ министровъ. Министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ, въ званіи товарищей министровъ [2]). Три первыя коллегіи были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ; 2) военныхъ морскихъ силъ; 3) иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры были члены государственнаго совѣта и присутствовали въ сенатѣ. Главныя обязанности и предметы занятій каждаго изъ нихъ были вкратцѣ обозначены въ томъ же манифестѣ [3]).

Манифестъ 8-го сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ, былъ сочиненъ безъ всякаго участія Трощинскаго. Этого умнаго и опытнаго, но отсталаго дѣльца, оттѣснили люди, близкіе къ государю почти съ самаго его дѣтства: графъ Викторъ Павловичъ *Кочубей*, Николай Николаевичъ *Новосильцовъ*, князь Адамъ *Чарторыскій*, и графъ Павелъ Александровичъ *Строгановъ* [4]). Послѣдніе три составляли союзъ, извѣстный тогда въ

---

[1]) Въ послѣдствіи, управляющій департаментомъ удѣловъ Трощинскій также получилъ званіе министра.

[2]) Первоначально были назначены министрами: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ, генералъ отъ инфантеріи и вице-президентъ военной коллегіи Вязмитиновъ; 2) военныхъ морскихъ силъ, адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Мордвиновъ; 3) иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ 1-го класса графъ Воронцовъ; 4) юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ Державинъ; 5) внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Кочубей; товарищемъ его, тайный совѣтникъ графъ Павелъ Строгановъ; 6) финансовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Васильевъ; товарищемъ его, гофмейстеръ Гурьевъ; 7) коммерціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ; 8) народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Завадовскій, предсѣдатель коммиссіи составленія законовъ; товарищемъ его, тайный совѣтникъ Муравьевъ. (Полн. собран. закон. Т. XXVII № 20,409.)

[3]) Полн. собр. закон. Т. XXVII. № 20,406.

[4]) Трощинскій остался, по прежнему, главнымъ директоромъ почтъ и членомъ

публикѣ подъ именемъ *Тріумвирата*, и которому самъ государь иногда въ шутку давалъ прозваніе: «*Comité du salut public*,» т. е.: «Комитетъ общественной безопасности*).» Этотъ комитетъ, образовавшійся еще въ бытность Александра Павловича великимъ княземъ, въ послѣдствіи рѣшалъ государственныя дѣла, хотя и не имѣлъ никакого оффиціальнаго значенія. Ему почти исключительно принадлежитъ мысль важнѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ въ первые годы царствованія Александра I, и въ числѣ ихъ учрежденія министерствъ, на счетъ чего самъ государь и юные друзья его совѣтовались съ Лагарпомъ, Мордвиновымъ и графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ [1]). Оно возбудило въ то время многія порицанія и въ дѣйствительности не согласовалось ни съ обязанностями вновь учрежденнаго совѣта, ни съ правами и съ властью сената, ни съ занятіями трехъ коллегій, оставленныхъ въ прежнемъ составѣ и дѣйствіи [2]).

Приступая къ изложенію послѣдующихъ преобразованій, считаю необходимымъ представить характеристическія черты его сотрудниковъ, главныхъ дѣятелей этого времени.

Изъ лицъ, составлявшихъ помянутый негласный комитетъ, наиболѣе способнымъ считался *Николай Николаевичъ Новосильцовъ* [3]), сынъ побочной сестры стараго графа Александра Сергѣевича Строганова (президента академіи художествъ), человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ, образованный и даже въ нѣкоторой степени ученый. Новосильцовъ сперва служилъ въ военной службѣ, а по кончинѣ императрицы Екатерины II, слѣдуя совѣту особенно благоволившаго къ нему великаго князя Александра Павловича, вышелъ въ отставку и четыре года жилъ въ Англіи, совершенно

государственнаго совѣта, и вскорѣ за тѣмъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ министромъ удѣловъ.

*) Ниже, въ приложеніи къ этой статьѣ, помѣщено обширное извлеченіе изъ подлинныхъ протоколовъ этого комитета, членами котораго были вышеупомянутыя четыре лица. Императоръ Александръ I заимствовалъ данное имъ въ шутку названіе своему интимному совѣту у извѣстнаго комитета временъ французской революціи, который за 6 только лѣтъ предъ тѣмъ былъ закрытъ Директоріею. Такимъ названіемъ, быть можетъ, императоръ хотѣлъ указать на предпринятую имъ революцію сверху и вмѣстѣ на необходимость вывести государство и общество изъ затруднительнаго положенія, что, какъ извѣстно, составляло задачу и для Comité du salut public, во Франціи; или, быть можетъ, въ этомъ названіи скрывалась тонкая иронія, и императоръ хотѣлъ тѣмъ только сказать, что его комитетъ сдѣлаетъ не больше, какъ и его тёска.

Ред.

[1]) Изъ бумагъ графа Павла Александровича Строганова: Séances du Comité. 1802.

[2]) Жизнь графа Сперанскаго. Соч. барона Корфа. I. 92—94. Alexandre I-r et le prince Czartoryski. 59. — Jos. de Maistre. Mémoires politiques. 1858. p. 80.

[3]) Въ 1801 году ему было 38 лѣтъ.

обворожившей его своими уставами и обычаями. Изучивъ механизмъ тамошняго управленія и усвоивъ нравы и понятія сей страны, онъ какъ будтобы въ глубинѣ души призналъ ее своимъ отечествомъ; Россія же была ему неизвѣстна, тѣмъ болѣе, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частью. Его считали, и не напрасно, мало способнымъ къ постояннымъ усидчивымъ занятіямъ. Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ; въ дѣйствительности же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей Россіи. Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ было противно его убѣжденіямъ. Тѣмъ страннѣе и необъяснимѣе казалась его дружба съ Чарторыскимъ, котораго понятія и симпатіи были либеральны, по крайней мѣрѣ, на столько, сколько допускали то предразсудки и интересы польскаго магната. Очевидно, что эта дружба, какъ нерѣдко случается, имѣла основаніемъ самую противуположность характеровъ Новосильцова и Чарторыскаго.

Въ первое время царствованія Александра I, Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ понималъ его, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ, кромѣ такъ называемой французской партіи, нелюбившей его за то, что онъ былъ усерднымъ поборникомъ союза съ Англіей. Непріятели Новосильцова, дѣйствуя обычнымъ оружіемъ французовъ — насмѣшками, называли его: le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, и проч. издѣвались — и надъ презрѣніемъ его къ знакамъ отличія, и надъ всеобъемлющими его способностями, изъявляли удивленіе—какъ не поставятъ его во главѣ арміи, и т. под. И въ самомъ дѣлѣ, у Новосильцова, тогда носившаго скромное званіе дѣйствительнаго камергера и имѣвшаго, всего-на-все, пожалованный ему за отличіе на войнѣ владимірскій крестъ въ петлицѣ, постепенно стеклись въ портфелѣ: во 1-хъ, проекты по земледѣлію, торговлѣ, промышленности, искусствамъ и художествамъ [1]); во 2-хъ, докладъ всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ государю, по сенату, синоду и рекетмейстерской части [2]); въ 3-хъ, дѣла комитета министровъ, гдѣ сначала государь самъ постоянно присутствовалъ; въ 4-хъ,

---

[1]) Разсмотрѣніе проектовъ по различнымъ предметамъ было возложено государемъ на Новосильцова 7-го августа 1801 года.

[2]) Доклады по дѣламъ сената, синода и рекетмейстерской части поручены Новосильцову въ 1802 году.

докладъ дѣлъ по главному правленію училищъ, составленному изъ попечителей учебныхъ округовъ (самъ Новосильцовъ, 24-го января 1803 года, былъ назначенъ попечителемъ петербургскаго округа); въ 5-хъ, дѣла по академіи наукъ, которой президентомъ онъ былъ назначенъ 14-го февраля того же года; и наконецъ въ 6-хъ, всѣ безчисленныя дѣла, возлагаемыя на него по Высочайшей волѣ, либо такія, о которыхъ, онъ, по частнымъ просьбамъ, докладывалъ государю, чтò разрѣшено было ему, безъ ограниченія, во всякое время. Нѣсколько позже, онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи [1]) и предсѣдателемъ коммисіи составленія законовъ [2]). Новосильцовъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и, кромѣ четырехъ докладныхъ дней въ недѣлю, постоянно имѣлъ доступъ къ государю, видѣвшему въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга. Его товарищи держались имъ однимъ и только лишь чрезъ него имѣли вліяніе на императора Александра [3]). Среди безпрерывныхъ и многоразличныхъ занятій, Новосильцовъ сопутствовалъ государю въ его поѣздкахъ и былъ употребляемъ для дипломатическихъ порученій.

Князь Адамъ Чарторыскій былъ сынъ того Адама-Казиміра, который, одновременно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Станиславомъ Понятовскимъ, домогался избирательнаго престола Польши; его мать отличалась изступленнымъ патріотизмомъ, благодаря чему заслужила отъ своихъ земляковъ названіе *матки ойчизны* [4]). Молодой князь Адамъ получилъ многостороннее образованіе. Наставникомъ его былъ италіянецъ, аббатъ Піатоли; преподавателями—математикъ Люильѐ (l'Huillier); политико-экономъ Дюпонъ де-Немуръ; филологъ Гродекъ; по окончаніи же курса наукъ, онъ отправился за-границу и долго оставался въ Англіи, занимаясь изученіемъ политическихъ учрежденій сей страны. Послѣ паденія Польши, имѣнія Чарторыскихъ были конфискованы, но Екатерина согласилась возвратить ихъ подъ условіемъ прибытія двухъ братьевъ Чарторыскихъ въ Петербургъ,

---

[1]) Новосильцовъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи 21 октября 1803 года.

[2]) Новосильцовъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи составленія законовъ 28 февраля 1804 года.

[3]) Записки Л. И. Кутузова. — Записки барона Корфа. — Записки Вигеля. — Записки юрисъ-консульта Ильинскаго. — Записки Розенкампфа. — Записки И. И. Дмитріева.

[4]) Т. е. матери отечества. Впрочемъ — если вѣрить сплетнямъ перешедшимъ въ преданіе — патріотическій фанатизмъ *матки ойчизны* не помѣшалъ тѣсной связи ея съ княземъ Репнинымъ, русскимъ посломъ въ Варшавѣ, и даже князя Адама считали сыномъ Репнина. (Записки Вигеля.)

гдѣ ихъ вскорѣ назначили адъютантами, Адама — къ великому князю Александру, а Константина — къ великому князю Константину Павловичу. Менторомъ обоихъ Чарторыскихъ былъ нѣкто Горскій, человѣкъ ловкій, вкрадчивый и двуличный. Слѣдуя его совѣтамъ и внушеніямъ, князь Адамъ старался снискать — и снискалъ въ дѣйствительности — дружбу Александра Павловича, единственно съ цѣлью возстановить чрезъ него свою павшую родину; братъ Адама, Константинъ, хотя также пользовался довѣріемъ младшаго великаго князя, однакоже безъ всякихъ политическихъ видовъ. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали князю Адаму: самъ онъ, характера пылкаго, подъ внѣшнею оболочкою холодности и равнодушія, малорѣчивый, дальновидный и проницательный, имѣлъ дѣло съ Александромъ Павловичемъ, страстнымъ, впечатлительнымъ, скрытнымъ по вліянію среды, въ которой протекла его молодость, но жаждавшимъ дружбы и думавшимъ найти въ Чарторыскомъ ту искреннюю, безразчетную преданность, которая составляла мечту всей его жизни, и которая такъ рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности. Подъ вліяніемъ такого душевнаго настроенія, Александръ ввѣрялъ своему другу помыслы юнаго, незнакомаго съ опытомъ жизни ума; его плѣняли бывшія тогда въ ходу идеи братства и благополучія народовъ подъ сѣнью вѣчнаго мира; по словамъ Чарторыскаго, великій князь говорилъ ему прямо, что не раздѣляетъ доктринъ господствующихъ при русскомъ дворѣ, что дѣйствія Екатерины въ отношеніи Польши ему кажутся несправедливыми, и что онъ сочувствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ. Чарторыскій, обрадованный такимъ расположеніемъ Александра, который рано или поздно, сдѣлавшись властелиномъ Россіи, могъ осуществить мечты свои, не упускалъ случаевъ поддерживать благоволеніе великаго князя къ Польшѣ. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, будучи недоволенъ сближеніемъ Александра Павловича съ княземъ Чарторыскимъ, и, желая удалить изъ Петербурга вкрадчиваго поляка, назначилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи при королѣ Сардинскомъ, изгнанномъ французами изъ своей столицы и тогда жившемъ въ Римѣ. Но въ мартѣ 1801 года Александръ Павловичъ, извѣщая Чарторыскаго о своемъ вступленіи на престолъ, пригласилъ его возвратиться, какъ можно скорѣе, въ Петербургъ [1]. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, Чарторыскій, оставаясь при государѣ безъ всякой оффиціальной должности, ограничивался тѣмъ сокровеннымъ вліяніемъ на дѣла, которое онъ имѣлъ совокупно съ прочими юными сподвижниками

[1] Ему тогда было 30 лѣтъ.

Александра; а въ 1803 году, будучи назначенъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, стараго графа Александра Романовича Воронцова, управлявшаго министерствомъ только по имени, (потому что этою частью дѣятельно занимался самъ государь), Чарторыскій сталъ во главѣ русской дипломатіи. Необладавшій даромъ слова, казавшійся разсѣяннымъ, но въ дѣйствительности сосредоточенный въ самомъ себѣ, князь Чарторыскій избѣгалъ шумныхъ бесѣдъ и никогда не давалъ дипломатическихъ обѣдовъ. При изустныхъ преніяхъ, онъ держался всегда одного главнаго предмета, и, не уклоняясь отъ существенной цѣли, выражался сжато и даже иногда сильно, хотя и не могъ выдерживать спора съ людьми подобными рѣчистому Новосильцову. Его письменныя мнѣнія были убѣдительны безъ ораторскихъ прикрасъ. Многіе изъ русскихъ и тогда не любили его, разгадавъ его замыслы и предвидя въ немъ заклятаго врага Россіи [1]). По ихъ мнѣнію, его преданность къ своему вѣнчанному другу и самый патріотизмъ къ Польшѣ прикрывали честолюбивое стремленіе его—сдѣлаться королемъ польскимъ. Напротивъ того, иностранцы, для коихъ психологическое изслѣдованіе дѣйствій князя Чарторыскаго имѣло менѣе интереса, находили его ученымъ и скромнымъ молодымъ министромъ, исполненнымъ благородства и правдивости (?), искренно преданнымъ императору Александру, безъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Одинъ изъ иностранныхъ агентовъ при С.-Петербургскомъ дворѣ, самъ отличавшійся прямодушіемъ, пишетъ, по случаю слуховъ о смѣнѣ князя Чарторыскаго въ должности министра иностранныхъ дѣлъ: «Si cela arrivait, ce serait une perte irreparable pour l'empereur. L'attachement de ce ministre pour son souverain, sa loyauté, son désintéressement et sa fermeté mélée de beaucoup de prudence et d'une rare modestie, sont des qualités bien difficiles à remplacer et lui ont attiré la confiance de toutes les personnes qui ont affaire à lui; т. е. «Еслибы это случилось, то императоръ понесъ бы невознаградимую потерю. Преданность сего министра къ своему государю, его прямодушіе, безкорыстіе и твердость духа, въ соединеніи съ благоразуміемъ и необыкновенною скромностью, качества весьма рѣдкія, доставили ему довѣріе всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ дѣло [2]).» Такъ думалъ и Тьеръ, говоря, между прочимъ, о Чарторыскомъ, что «онъ, честнѣйшій изъ людей, былъ неспособенъ обманывать императора Алек-

---

[1]) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля. — Записки Розенкампфа. — Записки Л. И. Кутузова.

[2]) Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk. II, 179.

сандра (il était faux que le prince Adam, le plus honnête des hommes, fût capable de trahir Alexandre [1]).» Гораздо правильнѣе сказать, что Александръ, съ своей стороны, неспособенъ былъ вдаваться въ обманъ, если самъ не хотѣлъ иногда казаться обманутымъ. Въ числѣ иностранныхъ дипломатовъ были и такіе, которые отзывались весьма невыгодно о князѣ Чарторыскомъ. Дюрокъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ съ дипломатическимъ порученіемъ Наполеона, писалъ къ Фуше: «Происхожденіе Чарторыскаго проложило бы ему путь къ польскому престолу, если бы ему не помѣшала въ томъ императрица Екатерина. Онъ не забылъ это и обрекъ себя вѣчной ненависти къ русскимъ, коихъ гнушается, къ императору, котораго обманываетъ, къ его министрамъ, которыхъ презираетъ; но, скрывая свои чувства, онъ одинъ лишь знаетъ свои намѣренія (La naissance de Czartoryski l'aurait porté au trône de Pologne sans l'imperatrice Catherine. Il ne l'a pas oublié; il a voué une haine éternelle aux Russes qu'il exècre, à l'Empereur qu'il trompe, à ses Ministres qu'il méprise; mais, renfermé en lui-même, lui seul sait ce qu'il sera et se qu'il fera [2]).

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ [3]) былъ единственный сынъ русскаго вельможи, любителя художествъ и мецената художниковъ, графа Александра Сергѣевича, о которомъ императрица Екатерина, представляя его графу Фалькенштейну (Іосифу II), сказала: «рекомендую вамъ графа Строганова, который уже сорокъ лѣтъ дѣлаетъ все возможное, чтобы разориться, и никакъ не можетъ успѣть въ томъ [4]).» Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною, благородною душею, начитанный и пріятный въ бесѣдѣ, получивъ исключительно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо̀ и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей. Увѣряли, что, по кончинѣ императора Павла, онъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: «arrivez, mon ami..... Nous allons avoir une constitution.» Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества. По учрежденіи министерствъ, будучи въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ, при дороживщемъ

---

[1]) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. IV. Édit. de Brux. p. 55.
[2]) Mémoires d'un homme d'état. (Comte d'Alonville). II, 393.
[3]) При восшествіи на престолъ Александра I, П. А. Строганову было 27 лѣтъ.
[4]) Jos. de Maistre. Correspondence diplomatique. I. 34.

своею властью министрѣ, графѣ Кочубеѣ, Строгановъ не имѣлъ собственнаго значенія; все его вліяніе на дѣла было основано на тѣсномъ союзѣ съ Новосильцовымъ и Чарторыскимъ, и еще болѣе на благоволеніи къ нему императора Александра. Не проходило почти ни одного дня, чтобы государь не посѣтилъ дома Строгановыхъ. Милость его къ прежнему соученику усиливалась дружбою императрицы Елисаветы Алексѣевны къ женѣ Строганова, графинѣ Софіи Владиміровнѣ, урожденной княжнѣ Голицыной, одной изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ того времени. Она была горбата, весьма малаго роста, и не смотря на то, увѣряютъ, будтобы Александръ, еще великимъ княземъ, былъ неравнодушенъ къ ней, и что его отринутая страсть въ послѣдствіи обратилась въ почтительную дружбу [1]).

Графъ (въ послѣдствіи князь) *Викторъ Павловичъ Кочубей*, племянникъ канцлера князя Безбородки, обративъ на себя вниманіе своего дяди умомъ и необыкновенною памятью, соединенными съ гордою таинственностью, получилъ отличное воспитаніе сперва въ его домѣ, а потомъ за-границею, въ Женевѣ. Князь Безбородко, надѣясь сдѣлать его наслѣдникомъ своей знаменитости, ничего не щадилъ для его образованія, а потомъ, когда онъ достигъ 19-ти лѣтъ, отправилъ *на выучку* въ лондонскую миссію, къ искусному дипломату, русскому посланнику, графу Семену Романовичу Воронцову. Тамъ онъ въ свободное отъ службы время занимался съ успѣхомъ политическими науками. Въ 1792 году, Кочубей, всего двадцати четырехъ лѣтъ отъ рода, будучи посланъ въ Константинополь, въ званіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной государыни. По восшествіи на престолъ императора Павла, Безбородко вызвалъ своего племянника ко двору и въ короткое время доставилъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера. Но вмѣстѣ съ кончиною Безбородки исчезло благоволеніе императора Павла къ графу Кочубею, который, будучи уволенъ отъ службы, уѣхалъ въ свое имѣніе. Императоръ Александръ, отъ первыхъ лѣтъ своей юности, питавшій къ Кочубею чувства искренняго дружества, немедленно по вступленіи на престолъ, призвалъ его къ себѣ, и назначилъ сенаторомъ, потомъ — членомъ вновь учрежденнаго совѣта, и, наконецъ, 8 сентября 1802 года, при образованіи

---

[1]) Графъ Нессельроде.—Графъ Блудовъ.—Дружининъ.—Записки барона Корфа.—Державинъ. — Андр. Афанас. Никитинъ, по разсказу Неплюева.

министерствъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ: такимъ образомъ Кочубей, оставя дипломатическую карьеру, посвятилъ себя внутреннимъ преобразованіямъ государства [1]). На этомъ поприщѣ, его страсть къ нововведеніямъ нашла обильную пищу. Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львёнокъ Крылова, училъ звѣрей «вить гнѣзды.» Но и самые порицатели его признавали въ немъ стольже рѣдкое, сколько и необходимое качество государственнаго человѣка — искусство познавать людей, употреблять ихъ и знать имъ цѣну [2]).

Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ на высотѣ своего призванія, какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по малой опытности въ дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ. Довѣріе къ нимъ монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣренные, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ государя, столь-же благонамѣреннаго, столь-же мало опытнаго, столь-же незнавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній, они, управляя дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи [3]).

Въ числѣ товарищей юности Александра, кромѣ исчисленныхъ мною его сотрудниковъ, находился *князь Александръ Николаевичъ Голицынъ* [4]), человѣкъ превосходившій всѣхъ въ искусствѣ занимать государя. Насмѣшливый характеръ князя Голицына, по собственному его признанію, надѣлалъ ему въ молодости много враговъ, но въ послѣдствіи онъ успѣлъ переработать себя. Будучи отставленъ и высланъ изъ Петербурга при императорѣ Павлѣ, князь Голицынъ оставался въ бездѣйствіи три года, но, въ 1802 году, повелѣно ему было состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ, а въ 1803 году, онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода [5]).

---

[1]) Ему тогда было 33 года.

[2]) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля.

[3]) Записки барона Корфа.

[4]) Въ 1801 году — 28-и лѣтъ.

[5]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго. 1847. I.

Перейдемъ къ очертанію характера прочихъ лицъ, занявшихъ важнѣйшія должности при образованіи министерствъ.

Адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ [1]), извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, популярностью и пылкимъ воображеніемъ, стремился къ преобразованіямъ, не всегда сообразнымъ съ дѣйствительными потребностями государства. Будучи назначенъ министромъ морскихъ силъ, онъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, оставилъ это мѣсто *Павлу Васильевичу Чичагову*, сыну адмирала (Вас. Яковл.), знаменитаго успѣхами надъ шведами, единственнаго во флотѣ кавалера св. Георгія 1-го класса. Младшій Чичаговъ [2]), обязанный довольно быстрымъ повышеніемъ по службѣ заслугамъ отца своего, дерзкій на языкъ, навлекъ на себя гнѣвъ императора Павла, былъ отставленъ и сосланъ въ свое имѣніе; затѣмъ, будучи прощенъ и снова принятъ въ службу, по ходатайству графа Кушелева, онъ сказалъ лично Павлу Петровичу, что не можетъ служить подъ начальствомъ Кушелева, потому что прежде былъ его старѣе. Императоръ Павелъ, разгнѣванный такою выходкою, приказалъ снять съ него мундиръ и посадить въ крѣпость. Впрочемъ, этотъ несчастный случай въ послѣдствіи послужилъ ему въ пользу; твердость и спокойствіе духа, тогда имъ выказанныя, возвысили его не только въ глазахъ публики, но и во мнѣніи наслѣдника престола. Чрезъ нѣсколько времени, вспыльчивый, но незлопамятный Павелъ снова простилъ его по представленію Кушелева, который увѣрилъ государя, будто бы Чичаговъ раскаявался въ своемъ поступкѣ. Затѣмъ, будучи посланъ въ Англію, онъ женился на англичанкѣ и по возвращеніи въ Россію соединялъ въ себѣ суровость моряка съ надменностью Джонъ-Буля.

Совершенно иныхъ свойствъ былъ военный министръ *Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ* [3]). Покорность къ предержащей власти, утвержденная продолжительною службою при строгихъ и не отличавшихся вѣжливостью начальникахъ, поселила въ немъ рабол ѣпство, несовмѣстное съ достоинствомъ человѣка поставленнаго на высокую степень. Его доброта и честность были столь же извѣстны, сколько умъ, трудолюбіе и дѣятельность его, но эти похвальныя качества не могли замѣнить административныхъ способностей, которыхъ ему недоставало.

Министръ юстиціи *Державинъ* — поэтъ-пророкъ — соединялъ

---

[1]) Въ 1801 году — 47-и лѣтъ.

[2]) Въ 1801 году — 39-и лѣтъ.

[3]) Въ 1801 году — 52-хъ лѣтъ.

въ себѣ неопытность юноши съ брюзгливостью и отвращеніемъ отъ всѣхъ нововведеній упрямаго старца.

Министромъ финансовъ былъ назначенъ человѣкъ минувшей эпохи, графъ *Алексѣй Ивановичъ Васильевъ* [1]), по сущей необходимости, потому что тогда никто не могъ лучше его занять это мѣсто. Будучи происхожденія незнатнаго, онъ проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ трудомъ и заслугами, не ослѣплялся счастіемъ и былъ весьма умѣренъ въ своихъ желаніяхъ и образѣ жизни. Его благоразумному управленію была обязана Россія тѣмъ, что, не смотря на войны 1805 и 1807 годовъ, не было надобности ни прибѣгать къ займамъ, ни обременять народъ новыми податями. Товарищъ его, *Дмитрій Александровичъ Гурьевъ*, искательный, ловкій, разбогатѣвшій чрезъ дружество съ графомъ Скавронскимъ и втершійся въ аристократію женитьбою съ графинею Салтыковою, былъ довольно образованъ, но преимущественно славился свѣдѣніями и изобрѣтательностью по гастрономической части, такъ что даже, кажется, была каша носившая его имя. По кончинѣ графа Васильева, онъ надѣялся занять его мѣсто; когда же управляющимъ министерствомъ финансовъ сдѣлали Голубцова, Гурьевъ, будучи старѣе его чиномъ, не могъ оставаться его товарищемъ и выждалъ отставку Голубцова, нелюбимаго уже сильнымъ тогда Сперанскимъ, чтобы занять вожделѣнное мѣсто министра финансовъ.

Эфемерное министерство коммерціи было поручено сыну Задунайскаго героя, *графу Николаю Петровичу Румянцову* [2]), похожему лицомъ на отца своего, обладавшему необыкновеннымъ даромъ слова и извѣстному свѣдѣніями въ исторіи и древностяхъ. Современники упрекали его въ пристрастіи къ французамъ и всему французскому. Въ дѣйствительности же, графъ Николай Петровичъ оказалъ большія услуги отечеству, не трудами своими на поприщѣ дѣлъ государственныхъ, а значительными пожертвованіями на пользу наукъ имъ сдѣланными; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: отправленіе имъ на свой счетъ въ кругосвѣтное плаваніе корабля «Рюрикъ», подъ командою лейтенанта Коцебу, въ 1815 году; изданіе на собственный счетъ многихъ важныхъ матеріаловъ относящихся къ русской исторіи, и предоставленіе, для общественныхъ ученыхъ занятій, большого собранія книгъ, рукописей, монетъ, минераловъ и другихъ рѣдкостей, составившихъ такъ называемый Румянцовскій музеумъ, всего на сумму болѣе милліона.

---

[1]) Въ 1801 году — 59-ти лѣтъ.

[2]) Въ 1801 году — 47-ми лѣтъ.

Наконецъ—министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ человѣкъ, нѣкогда славившійся столько же красотою, какъ и умомъ, любимый секретарь Румянцева-Задунайскаго, прошедшій осторожно и спокойно чрезъ дворскія и правительственныя перемѣны при Екатеринѣ и Павлѣ, *графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій* [1]). По свидѣтельству современниковъ, Завадовскій, «украинская умная голова», всегда умѣлъ пользоваться жизнью и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только изъ всѣхъ призванныхъ къ кормилу правленія зналъ по-латыни, что отчасти имѣло вліяніе на его назначеніе. Впрочемъ, какъ въ переходныя эпохи является въ народѣ болѣе нежели когда-либо жажда къ просвѣщенію, то Завадовскимъ, или, лучше сказать, при Завадовскомъ, было сдѣлано много по части общаго образованія. Товарищъ его умный, кроткій, ученый, *Михаилъ Никитичъ Муравьевъ* [2]), бывшій преподаватель великихъ князей Александра и Константина, извѣстный своими сочиненіями, и въ особенности переводами съ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, не имѣлъ довольно силы характера, чтобы пріобрѣсть вліяніе на какую-либо часть государственной администраціи [3]).

Изъ людей Екатерининскаго вѣка, еще упомянемъ о государственномъ канцлерѣ *Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ* [4]), человѣкѣ «старомъ, но съ молодыми идеями» — какъ выражались о немъ юные сотрудники Александра. При императрицѣ Екатеринѣ, его обвиняли въ демократизмѣ за то, что онъ вступился за Радищева. Нѣкоторыя изъ записокъ его, по различнымъ предметамъ государственнаго управленія, свидѣтельствуютъ о его начитанности и многостороннихъ свѣдѣніяхъ [5]).

Тогда же незамѣтно, но быстро, возвышался *Сперанскій*. Воспитанникъ семинаріи, обязанный своими первоначальными успѣхами по службѣ покровительству генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, благодаря своимъ способностямъ, удержался въ должности секретаря при преемникахъ Куракина, Лопухинѣ и Беклешовѣ. Умный, правдивый, любившій науку и ученыхъ, Беклешовъ умѣлъ оцѣнить достоинства наиболѣе способнаго изъ своихъ подчиненныхъ, Сперанскаго. Когда же смѣнилъ Беклешова Обольяниновъ,

---

[1]) Въ 1801 году — 63-хъ лѣтъ.
[2]) Въ 1801 году — 44-хъ лѣтъ.
[3]) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля.
[4]) Въ 1801 году — 60-ти лѣтъ.
[5]) Изъ записокъ графа Павла Александровича Строганова: Séances du Comité.

человѣкъ грубый и необразованный, Сперанскій при немъ сдѣлался необходимымъ. Нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ императора Александра, Сперанскій, въ званіи статсъ-секретаря, поступилъ къ Трощинскому, бывшему докладчикомъ при лицѣ государя, а по учрежденіи министерствъ — къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею. По выраженію одного изъ современниковъ Сперанскаго — «это время было его весною; лѣто и гроза еще были впереди [1]).»

Такимъ образомъ, сотрудниками Александра, въ первые годы его царствованія, являются и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели, вступавшіе на невѣдомое имъ поприще съ душою не затвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось бы, что соединеніе противоположныхъ началъ — съ одной стороны, осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой — новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и безсознательнаго, стремленія къ улучшеніямъ,—казалось бы, что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди опытные, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному императору въ управленіи государствомъ «по законамъ и по сердцу Великой Екатерины», какъ торжественно обѣщалъ онъ въ первомъ своемъ манифестѣ, предались радости, обуявшей ихъ при восшествіи на престолъ государя милостиваго, невзыскательнаго, провождали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ, прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокойствія. А, между тѣмъ, молодые люди, окружавшіе императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ, окружали престолъ и съ самонадѣянностью, свойственною невѣдѣнію и неопытности, порицая всѣ уставы и законы существовавшіе въ Россіи, считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами, просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались начертать законы болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что однакожъ не мѣшало имъ съ непостижимою неосновательностью подрывать уваженіе ко всѣмъ уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ, въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ

[1]) Бар. М. А. Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго.

предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были хороши, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, не всегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію [1]). Весьма замѣчательно, что нѣкоторыя похвальныя качества государя, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ. Говорили, что русскій дворъ утратилъ все достодолжное величіе свое, что одна лишь вдовствующая императрица умѣла поддерживать старинныя дворскія преданія [2]). Находили предосудительнымъ, что государь ничѣмъ не отличался отъ своихъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни, что онъ не приглашалъ дипломатическій корпусъ на большіе церемоніальные обѣды, и что даже онъ считалъ нужнымъ извиняться предъ служившимъ за царскимъ столомъ камергеромъ въ причиненномъ ему безпокойствѣ. Осуждали императора Александра и за то, что, въ одномъ изъ манифестовъ, онъ изъявилъ благодарность своимъ подданнымъ за оказанныя ими услуги отечеству, назвавъ ихъ сынами отечества и повторивъ нѣсколько разъ слово: «отечество.» Удивлялись пристрастію самодержавнаго владыки къ американцамъ, гражданамъ республики. Де-Местръ, представитель изгнаннаго короля Сардинскаго, пишетъ, что императоръ Александръ былъ весьма ласковъ къ бостонскому негоціанту Пуансѐ (Poinset), который не смѣлъ бы показаться ни въ какомъ изъ домовъ высшаго туринскаго общества [3]). По словамъ графини Шуазель-Гуфьѐ: on remarque en lui (l'Empereur Alexandre) une exagération de simplicité qui denote sa répugnance pour le cérémonial du trône; on dirait, que, sous ce rapport, il veut être Empereur le moins possible.... Enfin on peut dire que c'est l'homme de la cour qui va le moins à la cour; т. е. «Въ императорѣ Александрѣ замѣтна преувеличенная простота обхожденія, высказывающая его отвращеніе къ державному церемоніалу; можно сказать, что, въ этомъ отношеніи, онъ хочетъ быть императоромъ какъ можно менѣе... Это придворный, какъ будто бы лишній при дворѣ [4]).»

Все это было послѣдствіемъ не столько желанія пріобрѣсть популярность, сколько личныхъ наклонностей императора Александра, вообще нелюбившаго пышности; но его умѣренность и бережливость, въ понятіяхъ людей переживших вѣкъ Екате-

---

[1]) Записки Дмитріева и Шишкова.

[2]) Записки барона Корфа.

[3]) Joseph de Maistre. Mémoires. 269.

[4]) Mémoires historiques sur Alexandre I-r, par la comtesse de Choiseul-Gouffier. p. 314.

рины, являлись неумѣстными, и лучезарный блескъ царскаго вѣнца, казалось имъ, болѣе и болѣе омрачался. Съ другой стороны, государственное управленіе, по образованіи министерствъ, имѣло только видъ централизаціи власти; въ сущности же — распалось. Открылось широкое поле произволу, тѣмъ болѣе смѣлому, чѣмъ менѣе страшились государя кроткаго, благодушнаго. Злоупотребленія, на которыя горько жаловался Александръ, будучи великимъ княземъ, не могли быть внезапно уничтожены преобразованіями, сдѣланными въ его царствованіе. Его молодые сотрудники, не видя никакой пользы отъ своихъ нововведеній, упали духомъ. Государь сталъ менѣе вѣрить ихъ способностямъ, а они потеряли надежду на его опору [1]). Но сначала всѣ относились весьма серьезно къ предпринимаемому дѣлу и ожидали въ будущемъ важныхъ плодовъ для общества и славы для себя.

Нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ, императоръ Александръ объявилъ о принятіи имъ на себя званія покровителя ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, отклонясь однакоже отъ достоинства магистра сего ордена, которое носилъ императоръ Павелъ [2]). Въ томъ же году, государь, принявъ во вниманіе, сколькихъ славныхъ подвиговъ въ войнѣ и мирѣ было источникомъ учрежденіе орденовъ св. Георгія и св. Владиміра, возстановилъ ихъ — «открывая всѣ пути къ славѣ истиннымъ заслугамъ [3]).» Молодые совѣтники Александра убѣждали его возложить на себя орденъ св. Владиміра 1-й степени, заслуженный имъ своими доблестями на поприщѣ государственной администраціи, но государь отказался отъ того, говоря: «если бы я, трудясь лѣтъ двадцать, довелъ мою страну до такой степени преуспѣянія, въ какой я желалъ бы ее видѣть, и возвысилъ духъ общественнаго мнѣнія, то принялъ бы съ благодарностью такой знакъ отличія; но пока я еще не достигъ предположенной цѣли, не могу этого сдѣлать [4]).»

Разочарованіе Государя и его совѣтниковъ послѣдовало не вдругъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ борьбы теорій съ опытомъ; въ началѣ же, Александръ и юные члены комитета принялись за дѣло съ свойственною новичкамъ горячностью. Въ первомъ засѣданіи, положено было, до составленія плановъ государственной перестройки, начертать картину современнаго положенія Имперіи, или, говоря другими словами, прежде нежели приступить къ преобразованіямъ, ознакомиться съ самымъ дѣломъ. Сначала хотѣли заняться изслѣ-

[1]) Записки барона Корфа.

[2]) Манифестъ 16 марта 1801 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,794).

[3]) Манифестъ 12 декабря 1801 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,074).

[4]) Изъ бумагъ графа Павла Александровича Строганова: Séances du Comité. Conférence du 25 novembre 1801.

дованіями касательно внѣшней безопасности государства и нашихъ сношеній съ иностранными державами, а потомъ — статистикою и административною частью Имперіи. Но, когда въ дѣйствительности приступили къ обсужденію дѣлъ, то предположенная система была оставлена, а стали вносить въ комитетъ предметы, требовавшіе неотлагательнаго распоряженія, либо такіе, съ которыми члены наиболѣе освоились. Совѣщанія, большею частью, происходили въ слѣдующемъ порядкѣ: одинъ изъ членовъ, по назначенію самого государя, вносилъ въ комитетъ записку о дѣлѣ подлежавшемъ разсмотрѣнію, а за тѣмъ оно обсуживалось и рѣшалось, либо поступало на разсмотрѣніе Николая Семеновича Мордвинова, графа Александра Романовича Воронцова, и — весьма часто — Лагарпа [1]).

Но какъ бы ни были малы результаты трудовъ неоффиціальнаго «Комитета» при особѣ Александра I, особенно по сравненію съ обширностью задачи, возложенной имъ на себя, тѣмъ не менѣе протоколы его засѣданій представляютъ высокій интересъ для историка, которому такъ рѣдко удается присутствовать при зарожденіи историческихъ фактовъ; а на этотъ разъ, можно сказать, такое зарожденіе совершалось въ умахъ, которые могли бы составить украшеніе всякаго общества въ лучшее время его существованія. Извлеченіе изъ современнаго описанія засѣданій этого Комитета даже за одинъ первый годъ его существованія, а именно 1801, внесетъ въ науку отечественной исторіи новыя данныя и освѣтитъ вполнѣ то, что было намъ извѣстно изъ однихъ оффиціальныхъ актовъ.

Извлеченіе

изъ „Засѣданій Комитета“

1801 года *).

Мы обязаны существованіемъ этого замѣчательнаго историческаго памятника любознательности одного изъ членовъ «Коми-

[1]) Изъ бумагъ графа Павла Александровича Строганова: Séances du Comité.

*) Заимствовано изъ бумагъ графа Павла Александровича Строганова, хранящихся въ семейномъ архивѣ графа Сергія Григорьевича Строганова и сообщенныхъ имъ для пользованія Модесту Ивановичу Богдановичу, какъ исторіографу императора Александра I. — *Ред.*

тета», а именно графа Павла Александровича Строганова, который, послѣ каждаго совѣщанія, записывалъ у себя дома все, о чемъ разсуждалось въ Комитетѣ, и велъ, такъ сказать, протоколы. Въ манускриптѣ нѣтъ даже общаго заглавія; авторъ, какъ будто бы сѣлъ за эту работу, не имѣя въ виду составить изъ нея чего нибудь цѣлаго, и потому на первомъ листѣ написано сверху короткое заглавіе, относившееся только къ этому одному листу: Resultat d'une conference avec l'Empereur, le 24 juin, 1801, т. е. «Результатъ совѣщанія съ императоромъ 24 іюня, 1801.»

Это было первое засѣданіе Комитета, но, какъ видно изъ замѣтокъ на поляхъ рукописей, императоръ и его приближенные давно уже дѣлали приготовленіе къ болѣе регулярному веденію дѣла. Еще 9 мая того же года, графъ Строгановъ представилъ императору записку объ общихъ началахъ, которыя должны лечь въ основаніе будущихъ реформъ.

Вотъ, въ какихъ словахъ описываетъ графъ Строгановъ самое первое засѣданіе:

«Лица [1]), почтённыя довѣріемъ Его Величества по части нѣкоторымъ образомъ сотрудничества въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія администраціи Имперіи (reforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire), получили со стороны Е. В. согласіе на утвержденіе той идеи, что необходимо предварительно имѣть у себя предъ глазами родъ картины дѣйствительнаго состоянія Имперіи во всѣхъ ея частяхъ, съ тѣмъ чтобы быть такимъ образомъ въ возможности судить болѣе сознательно—если смѣю такъ выразиться—и о болѣзни и о методѣ излеченія, которому должно слѣдовать. Г. Новосильцовъ взялъ на себя эту работу, и такъ какъ подобное дѣло требовало довольно времени, то Е. В. согласился разсматривать ее по частямъ.»

Только послѣ такой предварительной работы, замѣчаетъ далѣе графъ Строгановъ, опредѣлено было приступить къ тому, чтобы «начать реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи [2]), и наконецъ увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія ручательствомъ, какое можетъ представить уложеніе, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа (et enfin couronner ces differentes institutions par une garantie offerte dans une constitution reglée d'aprés le veritable esprit de la Nation).»

---

[1]) Т. е. графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторыскій и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.

[2]) «Его Величество, повидимому, одобрилъ эти принципы, на которые я указалъ въ работѣ, представленной мною ему 9 мая.» *Замѣтка гр. П. А. Строганова на поляхъ.*

Такимъ образомъ, Комитетъ раздѣлилъ на три части всю свою колоссальную работу: 1) изучить дѣйствительное состояніе государства въ настоящемъ его видѣ; 2) совершить за тѣмъ административныя реформы по различнымъ частямъ управленія; и 3) наконецъ, увѣнчать все это уложеніемъ, которое ручалось бы за прочность административныхъ реформъ. Въ первое засѣданіе, изъ этихъ трехъ работъ, начали съ первой и рѣшились прежде всего составить планъ ея выполненія. Было опредѣлено подраздѣлить ее на отдѣлы: 1) вопросъ о защитѣ страны съ суши и съ моря; 2) вопросъ объ отношеніи къ другимъ государствамъ, и 3) вопросъ о внутреннемъ состояніи страны, въ отношеніи статистическомъ и административномъ. Подъ статистическимъ отношеніемъ разумѣлись торговля, пути сообщенія, земледѣліе и промыслы; а къ административному порядку, названному la clef de la voûte, относились правосудіе, финансы и законодательство.

По составленіи такого общаго плана, въ первое же засѣданіе коснулись разсмотрѣнія одного изъ отдѣловъ первой части, а именно защиты страны съ моря, т. е. морского дѣла. Дурное состояніе морскихъ силъ было приписано главнымъ образомъ тому, что морское вѣдомство находилось въ рукахъ такого человѣка, какъ Кушелевъ, который не имѣлъ другихъ достоинствъ, кромѣ того, что былъ лично угоденъ покойному императору. Отсюда возникали два вопроса: какимъ образомъ удалить Кушелева, не очень оскорбляя его самолюбіе, и кого избрать ему преемникомъ? Кончили тѣмъ, что поручили Новосильцову деликатно склонить Кушелева подать въ отставку, а въ выборѣ остановиться на Мордвиновѣ, какъ человѣкѣ, который долгое время управлялъ берегами Чернаго моря, представилъ проэкты по своей части, и потому далъ хорошее доказательство своихъ свѣдѣній въ морскомъ дѣлѣ; но все же предположено было — навести о немъ справки у опытныхъ моряковъ.

По обсужденіи этого дѣла, «Е. В. выразилъ нетерпѣніе перейти прямо къ третьей части, а именно къ ея административному отдѣлу, и началъ говорить о Сенатѣ.» На первый разъ было опредѣлено поручить Завадовскому подготовить это дѣло, представить настоящую картину Сената, съ тѣмъ чтобы, на ея основаніи, отыскать лучшія средства къ упорядоченію этого учрежденія (de cette compagnie).

«Послѣ того Е. В. говорилъ о необходимости назначать въ сенаторы не иначе, какъ людей способныхъ выполнять эту должность съ достоинствомъ; къ этому онъ присоединилъ, что трудность выбора людей для такого мѣста весьма значительна, и что онъ думалъ о слѣдующей мѣрѣ, а именно, чтобы губернаторы

представляли отъ себя двухъ кандидатовъ для составленія общаго списка, изъ котораго потомъ будутъ выбираться сенаторы.»

Новосильцовъ одобрялъ эту мысль, но указывалъ на одно неудобство; онъ говорилъ, что, положимъ, всѣ лица, указанныя губернаторами будутъ честные люди, но можно ли ручаться, что они будутъ способны для такой важной должности. «Е. В. показалъ видъ, что онъ весьма пораженъ этимъ разсужденіемъ, и засѣданіе кончилось общимъ замѣчаніемъ, что прежде нежели приступить къ выбору лекарствъ, необходимо познакомиться съ природою болѣзни.»

Слѣдующее засѣданіе было назначено въ ближайшій понедѣльникъ, 1 іюля, и открылось продолженіемъ одного изъ тѣхъ вопросовъ, который былъ поднятъ въ первомъ засѣданіи, но прерванъ, какъ мы видѣли, отступленіемъ отъ плана занятій. Говорили объ арміи; г. Новосильцовъ въ своемъ докладѣ замѣтилъ, будто бы въ арміи упалъ духъ чести и вкоренилось неуваженіе къ чинамъ. Императоръ возразилъ на первое ссылкою на недавніе наши походы въ Италію, но согласился со вторымъ замѣчаніемъ г. Новосильцова; а потому для рѣшенія всѣхъ вопросовъ по арміи, включая сюда и технику, положено было составить особую коммиссію *ad hoc* изъ экспертовъ. Послѣ того перешли на предметы внѣшней политики, и государь высказался въ пользу коалиціи противъ Англіи. Окончивъ и этотъ разговоръ, Комитетъ приступилъ къ выслушанію доклада Новосильцова по частному вопросу: «о способѣ работъ Е. В. съ министрами.»

«Этотъ докладъ, пишетъ гр. П. А. Строгановъ, содержалъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на недостатки, которые были нами замѣчены относительно этого предмета.

«Эти недостатки состояли главнымъ образомъ въ манерѣ министровъ подсовывать указы (de surprendre des oukazes); и это основано на той поспѣшности, съ которою Е. В. соглашается подписывать ихъ предположенія. Такъ-какъ это случается всего чаще съ дѣлами судебными, то мы пришли къ заключенію — и это считается началомъ общепринятымъ — что государь не долженъ никогда вмѣшиваться въ подобнаго рода дѣла, ибо въ этихъ дѣлахъ выгода будетъ не на его сторонѣ. Е. В., повидимому, согласился съ этимъ принципомъ и, казалось, затруднялся только относительно способовъ его выполненія.» Тѣмъ и кончилось второе засѣданіе.

Все третье засѣданіе, 10 іюля, было посвящено почти исключительно внѣшней политикѣ. Новосильцовъ, въ своемъ докладѣ по этому предмету, указалъ въ прошедшей практикѣ на неудобство личныхъ сношеній государя съ иностранными послами.

Было опредѣлено поручить Кочубею составить специальную записку съ проэктомъ новаго порядка дѣлъ по сношеніямъ иностраннымъ; а пренія между тѣмъ продолжались. Кочубей, желая положить мысли государя въ основаніе своей записки, просилъ его высказать свое мнѣніе объ иностранной политикѣ. Государь охотно согласился, и началъ говорить; когда дѣло дошло до Франціи, Чарторыскій предложилъ съ своей стороны слѣдующее мнѣніе:

«Лучшая политика съ французами, говорилъ Чарторыскій, состоитъ именно въ томъ, чтобы внушать имъ съ одной стороны довѣріе искренностью обхожденія, но въ тоже время необходимо давать имъ чувствовать, что мы вовсе не имѣемъ отвращенія къ тому, чтобы противопоставлять силу оружія ихъ слишкомъ честолюбивымъ замысламъ, въ случаѣ, если они не захотятъ отъ нихъ отказаться. Всѣ единогласно высказались въ пользу мнѣнія Чарторыскаго, и Е. В. весьма одобрилъ его».

Сообразно съ мнѣніемъ Чарторыскаго было положено:

«Быть искренними въ иностранной политикѣ, но не связывать себя никакими договорами въ отношеніи кого бы то ни было; относительно же Франціи, искать возможности наложить узду на ея честолюбіе, не компрометируя однако себя; съ Англіею быть въ согласіи, потому что эта нація — естественный нашъ другъ.»

Въ концѣ засѣданія предложено было выслушать замѣчанія членовъ Комитета на проэктъ хартіи, составленной Александромъ Воронцовымъ къ предстоявшей коронаціи; но за позднимъ временемъ это дѣло было отложено до понедѣльника, 15 іюля.

Въ засѣданіи 15 іюля, дѣйствительно, та хартія, т. е. манифестъ, была разбираема въ Комитетѣ. Хотя она была повтореніемъ Граматы дворянства отъ 1782, но представляла столько вставокъ, что возбудила большія пренія; кромѣ того, и многія прежнія положенія «Граматы» вызвали несогласіе между членами. Такъ, Новосильцовъ настаивалъ на томъ, чтобы не распространять ея льготъ на безграмотныхъ дворянъ. Пренія не привели ни къ чему опредѣленному и заключились словами государя: «Онъ даетъ грамату дворянства противъ своей воли, вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая ему была всегда противна.»

Видно, что неблаговоленіе государя къ проекту Воронцова распространилось и на самого его составителя; по крайней мѣрѣ, Чарторыскій, замѣтивъ то, сказалъ въ заключеніе засѣданія:

«Желательно было бы, чтобы государь видался съ Воронцовымъ и совѣщался съ нимъ по-чаще; хотя Воронцовъ старъ, но идеи его молоды, и притомъ онъ не держится старыхъ предразсудковъ. Е. В. возразилъ, что онъ съ нимъ видится, но Воронцовъ, хотя, повидимому, не держится старыхъ предразсудковъ, но много держится своихъ идей; однимъ словомъ, что онъ не имѣетъ о графѣ Воронцовѣ того понятія, какого отъ него желаютъ. Чарторыскій не соглашался съ императоромъ и замѣтилъ, какъ опасно оскорблять такого человѣка, какъ Воронцовъ.» Продолженіе разбора хартіи отложено на 23 іюля.

«Сегодня, во вторникъ, 23 іюля 1801, послѣ обѣда у императора, мы взошли въ его кабинетъ. По порядку дѣлъ, мы приступили къ продолженію замѣчаній на параграфы проэкта Воронцова, какъ то было заготовлено Новосильцовымъ.

«По прочтеніи ихъ, пренія направились на тѣ пункты, которые имѣли отношеніе къ тому, чтобы дать привилегіи крестьянамъ на право пріобрѣтенія собственности (de pouvoir faire l'acquisition de communes).»

Императоръ возражалъ, что, при старомъ характерѣ власти помѣщиковъ, эти помѣщики всегда будутъ имѣть возможность отнять у крестьянина купленную имъ собственность; но его успокоивали тѣмъ, что эта мѣра только первый шагъ, и, притомъ, крестьяне и до того времени уже пріобрѣтали собственность на *чужое имя*. Отъ этого вопроса перешли къ другому предложенію Воронцова, а именно, уничтожить *шлагтбаумы* (въ подлинникѣ, это слово прописано по-русски) и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ Комитета, дѣйствительно, мѣшаютъ однимъ честнымъ людямъ въ ихъ полезной предпріимчивости, а воровъ, мошенниковъ, нисколько не стѣсняютъ въ злыхъ умыслахъ. Горячія пренія по этому предмету не привели въ это засѣданіе ни къ какимъ результатамъ, и члены Комитета, замѣтивъ утомленіе императора, перешли къ другому вопросу.

«Пренія были перенесены на параграфы (проэкта гр. Воронцова), относящіеся къ судебному порядку и заимствованные изъ «*Habeas corpus*» [1]). Г. Новосильцовъ замѣтилъ, что, прежде утвержденіи такого права, слѣдуетъ хорошенько подумать, не

---

[1]) *Habeas corpus* — такъ называется въ англійской конституціи право каждаго гражданина требовать своего освобожденія отъ ареста, наложеннаго по поводу какого нибудь иска, который онъ считаетъ несправедливымъ; оно дано еще въ 1680 г. и составляетъ до сихъ поръ краеугольный камень личной свободы въ Англіи. Назва-

будетъ-ли правительство вынуждено иногда нарушить *Habeas corpus*; а въ такомъ случаѣ лучше уже и не принимать его. Е. В. сказалъ, что именно это самое замѣчаніе онъ уже сдѣлалъ графу Воронцову.»

Такъ какъ этимъ предложеніемъ ввести въ нашу гражданскую жизнь *Habeas corpus* заключался проэктъ Воронцова, то члены Комитета обратились къ государю съ просьбою сообщить всѣ ихъ замѣчанія Воронцову, но какъ свои собственныя, и предложить ему мимоходомъ посовѣтоваться съ Новосильцовымъ и Кочубеемъ, съ тѣмъ чтобы, совокупно съ ними, составить новый проэктъ, на основаніи замѣчаній, составленныхъ въ Комитетѣ.

Въ заключеніе засѣданія, графъ Кочубей заговорилъ о невыгодахъ назначать военныхъ губернаторовъ, такъ-какъ ихъ вѣдѣнію подлежатъ и гражданскія дѣла, о которыхъ они не имѣютъ понятія, и выразилъ мысль, что было бы полезно возстановить прежнихъ генералъ-губернаторовъ; но это предложеніе встрѣтило такое сильное несогласіе со стороны самого императора, что дѣло не кончилось ничѣмъ, и императоръ прервалъ разговоръ тѣмъ, что показалъ Комитету проэктъ князя Зубова относительно крестьянъ. Положено было представить на него письменныя замѣчанія. При этомъ члены Комитета замѣтили, что они давно уже отступили отъ своей главной программы, и потому рѣшились съ слѣдующаго засѣданія возвратиться къ принятому порядку преній.

Это новое засѣданіе происходило въ понедѣльникъ, 29 іюля; но и на немъ дѣло не подвинулось впередъ. Послѣ обѣда у императора, 29 іюля, сошлись, какъ обыкновенно, всѣ члены Комитета въ кабинетѣ государя; оказалось, что Новосильцовъ не успѣлъ еще исполнить возложеннаго на него порученія въ первомъ засѣданіи; Кочубей также ничего не имѣлъ подъ рукою, и потому предложилъ разсказать Комитету, какъ неудачна была его попытка склонить Кушелева къ тому, чтобы онъ добровольно подалъ въ отставку; Кушелевъ не хотѣлъ понимать намековъ Кочубея, а Кочубей не смѣлъ говорить отъ имени государя. Начались споры о мѣрахъ, какимъ образомъ выжить Кушелева; наконецъ, императоръ далъ согласіе извѣстить Кушелева отъ его имени. Затѣмъ, разговоры перешли къ предстоявшей коронаціи и наградамъ по этому случаю. Императоръ настаивалъ на одномъ, чтобы всѣ праздники были непродолжительны и

ніе его происходитъ отъ тѣхъ двухъ латинскихъ словъ, которыми начинается приказъ объ освобожденіи. *Ред.*

шутя прибавилъ: quand on fait voir un fantôme, il ne faut pas le montrer longtemps, car il pourrait venir à crever.

Только въ концѣ засѣданія заговорили о проэктѣ Зубова, но Новосильцовъ извинялся тѣмъ, что еще не успѣлъ всего прочесть, и только замѣтилъ одно, что въ предложеніи Зубова онъ успѣлъ обратить вниманіе на одну сторону, которая бросается сама собою въ глаза: выкупъ дворовыхъ людей потребовалъ бы огромныхъ суммъ. Однако, императоръ приказалъ сдѣлать точное вычисленіе по этому предмету, и замѣтилъ, что проэктъ Зубова заслуживаетъ во всякомъ случаѣ быть разобраннымъ въ Комитетѣ по отдѣльнымъ его параграфамъ. Такъ кончился первый мѣсяцъ трудовъ комитета, имѣвшій всего шесть засѣданій: 24 іюня, 1, 10, 15, 23 и 29 іюля.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, до самаго конца 1801 года, хотя члены Комитета продолжали постоянно уклоняться отъ начертаннаго ими же плана работъ, но тѣмъ не менѣе видно, что мысли Комитета сосредоточивались главнымъ образомъ на Сенатѣ и на крестьянскомъ вопросѣ; только въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій декабря былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи, что обратило на себя все вниманіе Комитета.

Первое засѣданіе въ августѣ происходило въ понедѣльникъ 5 августа; и вотъ какимъ образомъ записалъ подробности этого засѣданія гр. П. А. Строгановъ:

«Сегодня, въ понедѣльникъ, мы собрались, какъ обыкновенно у Е. В. Нѣкоторыя спѣшныя дѣла, которыя намъ довѣрилъ императоръ, и которыя не терпѣли отлагательства, не дозволили намъ еще продолжать нашего главнаго плана, и такимъ образомъ онъ былъ снова отсроченъ.

«Дѣла о которыхъ мы должны были разсуждать сегодня, состояли въ слѣдующемъ: *Докладъ* Сената относительно возстановленія его правъ, и меморія графа Николая Румянцова по поводу дѣла de la grande Echanson.

«По первому дѣлу, г. Новосильцовъ, изготовивъ донесеніе, читалъ его Е. В. Въ этомъ донесеніи г. Н. изложилъ прежде принципы, которыми мы руководились въ нашемъ Комитетѣ, а потомъ, почерпая въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ сенаторовъ то, что было въ нихъ лучшаго, предложилъ Е. В. слить все это вмѣстѣ, чтобы сдѣлать изъ того un corps d'ordonnance. Основою принциповъ, возвѣщенныхъ г. Новосильцовымъ, служила та мысль, что Сенатъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ законодательный корпусъ, что въ началѣ его основанія даже Петръ I не довѣрялъ ему всей своей власти иначе, какъ только для пользованія подъ своимъ предсѣдательствомъ, то-есть, подъ своимъ

управленіемъ; ибо президентъ, имѣющій всю власть въ своихъ рукахъ, не можетъ имѣть съ своими подчиненными другихъ отношеній, какъ отношеній хозяина къ управляющимъ. Подобная же организація не позволяетъ и думать о врученіи столь важной власти собранію, которое уже по своему составу не можетъ заслужить себѣ довѣрія націи, и которое, будучи наполнено людьми, назначенными властью, не допускаетъ и мысли объ участіи большинства общества въ изданіи тѣхъ законовъ, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, если императоръ дастъ Сенату значительныя права, то, кромѣ вышеуказаннаго неудобства, онъ можетъ связать себѣ руки такъ, что не будетъ въ состояніи выполнить всего того, что онъ предполагаетъ въ пользу націи, ибо встрѣтитъ въ невѣжествѣ этихъ людей препятствія, которыя могутъ повлечь за собою опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы всегда вредной между верховною властью и ею назначенными службами. Всѣ эти соображенія привели г. Новосильцова къ заключенію, что слѣдуетъ ограничиться въ отношеніи Сената судебною властью, но такъ, чтобы онъ пользовался ею самымъ широкимъ образомъ съ полною независимостью отъ опеки прокуроровъ и генералъ-прокуроровъ. Предоставляя такимъ образомъ свободное теченіе правосудію и учреждая вмѣстѣ верховную палату суда, обезпечиваютъ народамъ величайшее благо, котораго цѣну они испытываютъ непосредственно. Это же обстоятельство внушаетъ имъ довѣріе къ правительству, счастливые результаты котораго оно чувствуетъ немедленно. Заключеніе донесенія было таково, что *Докладъ* и отдѣльныя мнѣнія сенаторовъ, присоединенныя къ нему, не заключаютъ въ себѣ ничего, что могло бы нарушить эти принципы. Е. В. можетъ утвердить *Докладъ*, давъ ему нѣкоторыя распространенія, сообразно съ мнѣніемъ гр. Воронцова и г. Державина.

«По прочтеніи этого донесенія, Е. В. спрашивалъ, не будетъ ли лучше, прежде рѣшенія этого дѣла, подождать того разъясненія, которое обѣщалъ Державинъ относительно организаціи Сената. Наше мнѣніе было противъ того, ибо, по изслѣдованіи мнѣнія Державина, представленнаго письменно въ Сенатъ имъ самимъ, и гдѣ онъ дѣлаетъ весьма ошибочное раздѣленіе властей, нельзя ничего ожидать отъ его работы; а именно, вслѣдствіе ложныхъ его идей, г. Новосильцовъ былъ принужденъ распространиться объ истинныхъ началахъ раздѣла между властями, которыя Державинъ видѣлъ всѣ въ Сенатѣ. Впрочемъ, такъ какъ начертаніе указа на основаніи *Доклада* требовало нѣкотораго времени, то предложили императору приказать Тро-

щинскому изготовить дѣло, а между тѣмъ и работа Державина можетъ явиться, и такимъ образомъ все будетъ приготовлено безъ потери времени.

«Императоръ показалъ видъ, что онъ одобряетъ эту идею, но тѣмъ не менѣе онъ не высказался рѣшительно по этому дѣлу, и предложилъ намъ вслѣдъ за тѣмъ прослушать меморію, представленную ему на эту же тему графомъ Воронцовымъ, и началъ читать ее самъ. Графъ говорилъ въ этой меморіи о предѣлахъ, которые необходимо положить произвольной власти, но говорилъ не совсѣмъ удовлетворительно, и императоръ остался недоволенъ. Онъ нашелъ, и весьма основательно, что средства къ тому не обозначены ясно и точно. Кромѣ того замѣтили, что графъ впалъ въ общій недостатокъ, котораго слѣдуетъ тщательно избѣгать, а именно онъ вноситъ всю власть въ Сенатъ, не подумавъ, что ему слѣдуетъ предоставить одну судебную власть, и ничего больше. Такъ какъ эта меморія не измѣнила ничего въ нашихъ идеяхъ, то мы и перешли къ другимъ дѣламъ. Но Е. В. не могъ не высказать съ нѣкоторою грустью той мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ его цѣли, столь желанной, а именно наложить узду на произволъ нашего управленія (de mettre un frein au despotisme de notre gouvernement). Ему дали почувствовать, что если онъ устроитъ одну судебную власть, то и это будетъ хорошо, и что напрасно онъ отчаявается такъ скоро.»

Затѣмъ перешли къ другимъ дѣламъ совершенно частнаго характера, но которыя еще болѣе поясняютъ сильное стремленіе въ императорѣ — учредить строгій порядокъ въ государственномъ управленіи; онъ видѣлъ ясно, что отъ безпорядковъ, самоволія, терпятъ только онъ самъ и народъ, какъ тому доказательствомъ могло ему послужить продолженіе самого засѣданія. Новосильцовъ читалъ докладъ гр. Румянцова по дѣлу о наслѣдствѣ de la Grande Echanson, относительно котораго графъ просилъ именнаго указа не на основаніи закона, а потому что императоръ уже утвердилъ въ подобномъ же случаѣ завѣщаніе Голицына. Гр. Кочубей и кн. Чарторыскій были въ пользу мнѣнія Румянцова.

«Но императоръ, пишетъ гр. П. А. Строгановъ, оставался постоянно и твердо при своемъ мнѣніи, что между двумя рѣшеніями государя, однимъ — въ противность закону, и другимъ — согласно съ закономъ, онъ долженъ склониться въ пользу согласнаго съ закономъ. Онъ говорилъ, что въ утвержденіи завѣщанія Голицына онъ былъ подведенъ (c'était une surprise qu'on lui avait faite), и что его весьма огорчило».

За тѣмъ перешли къ дѣлу какой-то гдовской помѣщицы, которая своими притѣсненіями довела крестьянъ до крайности и потомъ призвала военную силу для ихъ усмиренія. Императоръ готовъ былъ поступить весьма рѣшительно, но въ Комитетѣ ему замѣтили, что въ эту минуту слѣдуетъ еще дѣйствовать весьма осторожно, ибо внезапное ограниченіе власти помѣщика можетъ заключать въ себѣ сѣмена большихъ опасностей. «Е. В., повидимому, почувствовалъ силу такихъ доводовъ.»

Засѣданіе окончилось просьбою къ императору дѣйствовать рѣшительно съ Кушелевымъ, который упорствуетъ подать въ отставку; императоръ обѣщалъ послать своего адъютанта Петра Долгорукого спросить у Кушелева, скоро-ли онъ подастъ въ отставку. Этимъ и окончилось засѣданіе.

Слѣдующее засѣданіе, 13 августа, не представляетъ никакого интереса по отношенію главной задачи Комитета, потому что за болѣзнью Новосильцова не было ничего подготовлено, и все это засѣданіе прошло въ преніяхъ по возникшему въ то время вопросу о присоединеніи Грузіи. Члены комитета были того мнѣнія, чтобы не присоединять Грузіи, но государь поддерживалъ мнѣніе государственнаго совѣта, противоположное.

Послѣ 13 августа, было еще два засѣданія, но графъ П. А. Строгановъ оставилъ пробѣлъ для обозначенія числа; видно, что онъ многое писалъ не непосредственно послѣ засѣданій, такъ что даже не могъ припомнить дней, въ которые они собирались. Оба эти засѣданія были посвящены чтенію записки гр. Кочубея о сношеніяхъ съ иностранными державами, и преніямъ возбужденнымъ ею. Государь вполнѣ согласился съ тѣмъ, что не нужно заключать никакихъ трактатовъ, кромѣ коммерческихъ, присоединивъ къ тому, что и въ послѣднихъ нѣтъ особой надобности, и что не слѣдуетъ покровительствовать никакому государству преимущественно предъ другимъ. Далѣе, въ запискѣ особенно обстоятельно начертанъ планъ нашихъ отношеній къ Швеціи, Турціи, Австріи, Пруссіи и Германіи.

Все засѣданіе 26 августа прошло въ чтеніи списка наградъ по случаю коронаціи; по этому поводу возникли большія пренія, такъ какъ государь не раздѣлялъ высокаго мнѣнія Комитета о многихъ лицахъ, и въ особенности о гр. Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ и гр. Панинѣ, управлявшемъ тогда иностранными дѣлами.

Въ сентябрѣ было всего одно засѣданіе, а именно 11 сентября, когда, наконецъ, возвратились къ давно оставленному предмету, а именно, къ устройству Сената на новыхъ началахъ. На этотъ разъ конференція происходила въ Москвѣ, и госу-

дарь присутствовалъ на ней въ квартирѣ гр. П. А. Строганова. Вся первая часть засѣданія прошла въ обсужденіи списка наградъ по случаю коронаціи, и только за тѣмъ обратились къ дѣлу о преобразованіи Сената.

«Сообщеніе (Сенату) отдѣльной *исполнительной власти*, повидимому, представляло болѣе затрудненій, и имѣло ихъ въ дѣйствительности. Мы замѣтили ему (императору), что не слѣдуетъ себѣ связывать руки, рѣшаясь на подобное опредѣленіе, ибо лучше будетъ оставить различныя части администраціи въ рукахъ одного человѣка, на котораго единственно возложена извѣстная часть и отвѣтственность, нежели въ рукахъ многихъ. На этомъ основаніи, говорю я, казалось, не слѣдовало давать слишкомъ большого распространенія этому отправленію, чтобы не стѣснять самого себя въ этомъ отношеніи и, сохранивъ власть, устроить этотъ отдѣлъ, какъ будетъ угодно, и какъ то окажется болѣе прилично.

«На всѣ эти соображенія Е. В. отвѣчалъ, что характеръ власти, которую имѣлъ Сенатъ въ этомъ отношеніи, состоялъ только въ томъ, что онъ могъ имѣть свѣдѣнія о всемъ происходящемъ, и слѣдить за администраціею, чтобы имѣть на нее вліяніе сверху. Хотя такая идея была довольно ложная, тѣмъ не менѣе, вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), а потому намъ было благоразумнѣе отложить до другого времени попытку маленькаго возраженія на его идею.

«Относительно *охранительной власти* (le pouvoir conservateur) — произошла таже исторія. Онъ такъ настаивалъ на своемъ, что пришлось и на этотъ разъ отложить новое возраженіе до другого времени. Онъ нашелъ нѣсколько плохихъ основаній въ опроверженіе насъ, ссылаясь на медлительность, которую причиняетъ въ ходѣ дѣлъ совѣщаніе съ подобнымъ совѣтомъ. Мы ему замѣтили, что такая охранительная власть будетъ призрачна, что истинное охраненіе заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи; но онъ отвѣчалъ, что пусть все это довольно справедливо, однако то могло быть по крайней мѣрѣ une espèce d'achеminement. Все это имѣло плохое основаніе для себя, какъ я уже замѣтилъ выше, но указанныя мною причины не дозволяли въ ту минуту принять другихъ мѣръ противъ такихъ идей.

«Наконецъ, Е. В. кончилъ тѣмъ, что возложилъ на насъ обязанность составить проэктъ, въ которомъ были бы выражены всѣ тѣ идеи.»

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Комитетъ не собирался. За послѣднимъ

сентябрскимъ засѣданіемъ слѣдуютъ пренія засѣданій 4, 11 и 18 ноября; — всѣ три посвящены исключительно крестьянскому вопросу, и гр. П. А. Строгановъ на этотъ разъ записываетъ ходъ преній болѣе подробно, нежели онъ то дѣлалъ до сихъ поръ.

«Сегодня (4 ноября) мы возобновили наши конференціи, послѣ продолжительнаго перерыва. Е. В. часто выражалъ намъ желаніе снова начать наши работы, а потому мы отправились къ нему, и послѣ обѣда перешли въ его кабинетъ. Вотъ, каковъ былъ ходъ нашей работы.

«Съ нѣкотораго времени, многія лица и въ особенности г. де Лагарпъ и Мордвиновъ, а особенно послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что нибудь (faire quelque chose) въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самого плачевнаго состоянія, не имѣя никакого граждандансваго существованія. Все это не могло быть сдѣлано иначе, какъ постепенно, нечувствительно, и первый шагъ, который предлагалъ Мордвиновъ, состоялъ въ томъ, чтобы позволить тѣмъ, которые не были крѣпостными (serf), покупать земли.

«Императоръ былъ согласенъ съ нимъ, но онъ желалъ, чтобы эти люди, которые будутъ имѣть право покупать только однѣ земли, могли бы въ тоже время покупать и крестьянъ; и крестьяне, которыми будутъ владѣть недворяне, могутъ подчиняться правиламъ болѣе умѣреннымъ и не считаться ихъ рабами (esclaves), какъ у дворянъ, — все это будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію. Такимъ образомъ, императоръ опережалъ г. Мордвинова, дозволяя также мѣщанамъ покупать крестьянъ. Вотъ какія замѣчанія сдѣлали мы ему на все это.

«Прежде всего намъ казалось, что нововведеніе будетъ слишкомъ велико — позволить вдругъ покупать и земли и крестьянъ; съ другой стороны, крестьяне, купленные мѣщанами съ меньшею властью надъ ними для новыхъ покупателей, представятъ естественно меньше выгодъ, и потому такія продажи будутъ рѣдки, особенно со стороны продавцевъ: послѣдніе не захотятъ никогда продавать по пониженной цѣнѣ, когда у нихъ будетъ надежда продать крестьянъ полноправнымъ лицамъ (т. е. дворянамъ) за лучшую цѣну, а потому вся эта мѣра останется призрачною. Мало этого, масса людей, сдѣлавшись поземельными собственниками безъ населенія, увеличитъ цѣну на землю и направитъ дѣятельность ихъ такимъ образомъ, что они будутъ стараться извлекать выгоды изъ земли независимо отъ крѣпостныхъ, что будетъ очень хорошо для промышленности и возвыситъ много цѣну на землю.

«Повидимому, Е. В. довольно сочувствовалъ этимъ соображеніямъ; заговорили за тѣмъ о личной продажѣ и о предстоящей необходимости уничтожить этотъ варварскій обычай. Императоръ обратился снова къ проэкту Зубова по этому предмету и прочелъ его въ цѣлости.

«Въ этомъ проэктѣ Зубовъ отличаетъ *дворовыхъ* отъ настоящихъ крестьянъ и запрещаетъ продавать крестьянъ безъ земли (дворовыхъ онъ предлагалъ записать въ гильдіи и сдѣлать разчисленіе); онъ предлагаетъ, если собственникамъ угодно, чтобы казна выкупила ихъ (т. е. дворовыхъ); опредѣляетъ цѣну выкупа и способъ, которому должно слѣдовать при раздачѣ наслѣдства, чтобы не раздѣлять членовъ одной и той же семьи. Казалось, что для выкупа Зубовъ указалъ не слишкомъ достаточныя средства; такія средства потребовали бы со стороны казны огромнаго расхода, котораго она не могла бы сдѣлать безъ большого стѣсненія для себя. Мѣра приписки въ гильдію намъ показалась столь же неудобною и несогласною съ духомъ народа, который вслѣдствіе того получилъ бы слишкомъ ложныя идеи о повиновеніи, которымъ они обязаны своимъ господамъ; подумаютъ, что они ничѣмъ не обязаны, и это повлечетъ за собою съ одной стороны весьма опасныя крайности, и въ собственникахъ — слишкомъ большое неудовольствіе для перваго раза. Тѣмъ не менѣе Е. В. принялъ начало запрещенія личной продажи и дозволенія мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность. Вообще онъ приказалъ гр. Кочубею, на основаніи принциповъ проэкта Зубова, за исключеніемъ неудобствъ, представляемыхъ имъ, составить проэктъ указа на тѣ два предмета.»

Въ слѣдующее засѣданіе, 11 ноября, когда слѣдовало выслушать проэктъ Кочубея, онъ, не зная о томъ, не явился случайно, а потому государь приказалъ Новосильцову прочесть свое возраженіе высказанное въ послѣдней конференціи. Пренія сосредоточивались на вопросѣ о выкупѣ дворовыхъ: даже и въ томъ случаѣ, если не станетъ дѣло за деньгами, то что̀ дѣлать съ выкупленными дворовыми людьми? Не увеличатъ-ли они толпы бродягъ? На предложеніе выселить ихъ отвѣчали: «такое переселеніе требуетъ слишкомъ большихъ средствъ, а какъ извѣстно, въ нашей Имперіи, переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ худыхъ чиновниковъ, которымъ вынуждены повѣрять такого рода предпріятія, и потому кончаются дурно... Это значило бы предать переселенцевъ на вѣрную погибель.» Выслушавъ всѣ эти возраженія, императоръ выразилъ желаніе, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался съ гг. Лагарпомъ и Мордвиновымъ

и далъ бы въ первое засѣданіе отчетъ о томъ, какъ они думаютъ, объявить ли о тѣхъ двухъ мѣрахъ вмѣстѣ, или отдѣлить ихъ одну отъ другой.

Ноября 18, въ слѣдующее засѣданіе Новосильцовъ читалъ свой докладъ о совѣщаніи съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ: оба они нашли необходимымъ отдѣлить тѣ двѣ мѣры, и послѣднюю, а именно, выкупъ крестьянъ, отложить на другое время, во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства и слишкомъ большихъ надеждъ со стороны крестьянъ. Императоръ согласился на это; но «графъ Кочубей, князь Чарторыскій и я, говоритъ гр. П. А. Строгановъ, — мы были противнаго мнѣнія.»

Гр. Кочубей высказалъ съ своей стороны ту мысль, что было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя права свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ, и ничего не сдѣлать въ пользу крѣпостныхъ; послѣдніе живутъ съ первыми бокъ-объ-бокъ, и, видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе почувствуютъ тягость своего положенія; дворяне, говорилъ Кочубей, будутъ также недовольны: видя, что всѣ отдѣльныя мѣры клонятся къ освобожденію крестьянъ, они будутъ находиться въ постоянномъ опасеніи новыхъ мѣръ, а потому лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ.

Кн. Чарторыскій замѣтилъ только, что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно (si horrible), что не должно ничего опасаться при нарушеніи его. Гр. Кочубей къ этому присоединилъ, что запрещеніе личной продажи крестьянъ вовсе не новость въ Имперіи, что «въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Лифляндіи, финской Эстляндіи никогда не было личной продажи, и стоитъ только теперь распространить это правило на всю Имперію.

«Что касается до меня, говоритъ гр. П. А. Строгановъ, то вотъ какимъ образомъ я оспаривалъ мнѣнія тѣхъ господъ (т. е. Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова):

«Первымъ доводомъ ихъ служила мысль, что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять общепринятыхъ мнѣній, изъ опасенія причинить неудовольствіе и опасное волненіе. Этотъ доводъ слишкомъ очевиденъ, чтобы не согласиться съ нимъ; но, всматриваясь ближе въ причины, которыя могутъ привести къ такимъ послѣдствіямъ, думаю, можно прійти къ убѣжденію, что нѣтъ необходимости отдѣлять тѣхъ двухъ мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ причинять опасное волненіе? или партіи, или недовольныя лица. Какіе у насъ къ тому элементы? — Народъ и дворянство. Что̀ такое это дворянство, изъ какихъ элементовъ оно составлено, каковъ его духъ? — Дворянство у насъ составилось изъ

множества людей, которые сдѣлались дворянами только по службѣ, которые не получили никакого воспитанія, и которыхъ идеи всѣ направлены къ тому, чтобы не считать ничего выше власти императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи; это классъ самый невѣжественный, самый ничтожный (crapuleuse), и въ своемъ духѣ болѣе всего неподвижный (le plus bouché); вотъ приблизительная картина дворянства, населяющаго деревни. Получившіе воспитаніе нѣсколько болѣе тщательное—во первыхъ, они въ весьма небольшомъ числѣ, и по большей части проникнуты духомъ, который ни малѣйше не склоненъ противодѣйствовать ни одной мѣрѣ правительства. Тѣ же изъ дворянъ, которые имѣютъ настоящую идею о справедливости, должны рукоплескать подобной мѣрѣ; прочіе же, хотя они и въ большинствѣ, не подумаютъ ни о чемъ другомъ, какъ только поболтаютъ (de bavarder). Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, настроена въ одну сторону; и къ несчастью настроена такъ, чтобы видѣть въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ плутуя (en friponnant), но никогда не сопротивляясь. Вотъ приблизительная картина нашего дворянства: одна часть живетъ по деревнямъ и пребываетъ въ непроницаемомъ невѣжествѣ; а другая—на службѣ и проникнута духомъ вовсе неопаснымъ. Значительныхъ собственниковъ нечего бояться. Что же остается послѣ того, и гдѣ же элементы опаснаго неудовольствія? Бояться ли отчаянія? Но можетъ ли духъ, не руководимый общественнымъ благомъ, притти въ отчаяніе отъ мѣры, которая оскорбляетъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ? Чего не было дѣлано въ прошедшее царствованіе противъ права этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности?! Если когда нибудь представлялся случай бояться чего нибудь, то именно въ ту эпоху. Пришло ли имъ это на мысль?—Напротивъ, всякая мѣра приниженія дворянства выполнялась съ изумительною точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе тѣ мѣры, направленныя противъ его собрата, и которыя были противны его интерессамъ и вмѣстѣ чести сословія.....

«Итакъ, картина, представляемая нашимъ дворянствомъ, доказываетъ, что оно не составитъ опасной партіи. Изслѣдуемъ теперь другую сторону.

«Эта другая сторона, которую намъ предстоитъ разсмотрѣть, можетъ быть предполагаема въ числѣ девяти милліоновъ людей, размѣщенныхъ въ разныхъ концахъ Имперіи. По необходимости они слѣдуютъ различнымъ обычаямъ и проникнуты въ различныхъ мѣстахъ различнымъ духомъ. А потому нельзя сказать,

чтобы преобладающій духъ этого класса людей былъ повсюду одинъ и тотъ же. Тѣмъ не менѣе они повсюду и одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства; повсюду, мысль объ отсутствіи собственности давитъ ихъ способности и производитъ то, что промышленная дѣятельность этихъ 9 милліоновъ равняется, для народнаго благоденствія, нулю. Различіе одно — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти люди болѣе мягки; въ другихъ, болѣе грубы, менѣе чувствуютъ потребности въ промышленности; въ иныхъ, дѣятельность ихъ духа не позволяетъ имъ остановиться, но имъ приходится на каждомъ шагу встрѣчать препятствія, и ихъ способности не получаютъ того развитія, къ какому они рождены; они остаются подавленными, и тѣмъ болѣе чувствуютъ свое положеніе. Всѣ они обладаютъ здравымъ смысломъ, который поражаетъ тѣхъ, которые видѣли ихъ вблизи. Они рано исполняются величайшею ненавистью къ классу помѣщиковъ, своихъ притѣснителей; между этими классами господствуетъ ненависть. Народъ всегда склоненъ къ правительству, ибо онъ вѣритъ, что императоръ постоянно стремится къ его защитѣ. Такъ что если является стѣснительная мѣра, ея никогда не приписываютъ императору, но его министрамъ, которые, по словамъ народа, злоупотребляютъ волею государя, потому что они изъ дворянъ и тянутъ въ пользу ихъ личныхъ интерессовъ. Если бы кто вздумалъ сдѣлать малѣйшее покушеніе на преимущества императорской власти, то они первые станутъ за нее, ибо видятъ въ этомъ увеличеніе власти противной ихъ естественнымъ врагамъ. Во всѣ времена у насъ, именно классъ крестьянъ принималъ участіе во всѣхъ волненіяхъ, и никогда дворянство.......»

Изъ послѣдняго историческаго факта ораторъ выводитъ прямое заключеніе, что, если нужно бояться чьего нибудь неудовольствія и за тѣмъ возстанія, то конечно со стороны крестьянъ, а не дворянъ; что же касается до опасенія, что могутъ найтись низкіе люди, которые злоупотреблятъ милостями правительства и будутъ подталкивать народъ впередъ, чтобы произвести смуты, то гр. П. А. Строгановъ сослался на близкое къ нимъ время, которое доказало, что нѣтъ возможности вооружить народъ противъ правительства.

Рѣчь гр. П. А. Строганова заключилась обстоятельнымъ развитіемъ мысли, прямо противоположной Новосильцову, и именно онъ доказывалъ, что, если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія.

«Таково было мое мнѣніе, кончаетъ гр. Строгановъ. Но

тѣмъ не менѣе всѣ господа остались при своемъ, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, перешли къ другому предмету; мнѣ показалось, что императоръ уже рѣшился раздѣлить тѣ двѣ мѣры.»

Отъ крестьянскаго вопроса перешли къ разсужденію объ устройствѣ совѣта. Многіе, и въ числѣ ихъ особенно графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, подали мнѣніе, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть обсуживаемы въ совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ, и указывали на примѣръ Англіи, гдѣ никогда иначе и не дѣлаютъ; вслѣдствіе того, отдѣльный министръ не можетъ ввести правительство въ заблужденіе. По мнѣнію гр. Строганова, гр. Воронцовъ настаивалъ на томъ, по личному неудовольствію на гр. Панина, завѣдывавшаго тогда дѣлами внѣшнихъ сношеній. Новосильцовъ составилъ отдѣльную записку на этотъ случай; гр. Строгановъ отзывается о ней съ величайшею похвалою и излагаетъ ея общее содержаніе. По мнѣнію Новосильцова, который сослался при этомъ на Бэкона, выгода новаго устройства для веденія дѣлъ состояла именно въ томъ, что всякая мѣра, являясь плодомъ общей опытности и способностей государя и его министровъ, выходила бы, какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера. Впрочемъ, отъ разсуждавшихъ не были скрыты и неудобства англійскихъ формъ у насъ; замѣтили, что въ Англіи всѣ министры составляютъ одинъ кабинетъ, а слѣдовательно одну мысль, одинъ взглядъ; между тѣмъ какъ у насъ весьма часто министры несогласны между собою въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, и нельзя будетъ удержать въ тайнѣ важнѣйшихъ мѣръ правительства. Потому, говорили, у насъ, при отсутствіи единства въ кабинетѣ, слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, чтобы отнять у министровъ возможность употреблять во зло довѣренность государя, но при этомъ всѣми мѣрами избѣгать, чтобы не сочли государя подъ опекою такого совѣта; ибо у насъ не довѣряютъ министрамъ, а вѣрятъ только одному государю.

Вслѣдствіе того предложили государю, чтобы Трощинскій и Беклешовъ вносили, по его указанію, дѣла въ совѣтъ, куда являлся бы время-отъ-времени и самъ государь. Дѣла же, требующія особой тайны, обсуживать въ особомъ комитетѣ. Государь изъявилъ согласіе на эти мѣры, но хотѣлъ имѣть свѣдѣніе, собственно для себя: какія дѣла надлежало по преимуществу вносить въ совѣтъ. Чтобы облегчить такую работу, онъ обѣщалъ дать роспись своихъ занятій, съ обозначеніемъ докладчиковъ по дѣламъ.

Послѣ того, разсужденіе комитета о государственныхъ дѣ-

лахъ обратилось въ простой разговоръ: говорили о различныхъ предметахъ, а между прочимъ о назначеніи въ Казань губернаторомъ бывшаго полиціймейстера въ Петербургѣ, удаленнаго за 4 мѣсяца предъ тѣмъ отъ мѣста за неспособность къ дѣлу и привязанность къ картамъ. Комитетъ видѣлъ въ этомъ примѣръ того, какъ можно легко surprendre un oukaze, и какъ такимъ образомъ человѣкъ, котораго слѣдовало бы удалить отъ всякихъ дѣлъ, является во главѣ управленія цѣлою провинціею. Потомъ, говорили о дѣлѣ князя Радзивила, и тѣмъ кончилось засѣданіе.

Все слѣдующее засѣданіе, 25 ноября, было посвящено исключительно на разборъ вопроса о совѣтѣ; подалъ записку Лагарпъ въ опроверженіе тому, что предлагалось на предъидущемъ. Лагарпъ писалъ, что «у насъ такой совѣтъ кончитъ тѣмъ, что его члены образуютъ un espèce de corps, и каждый министръ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища, съ тѣмъ, чтобы и онъ при случаѣ не противорѣчилъ ему.» На это замѣчали въ Комитетѣ, что «у насъ нѣтъ опасности отъ какого бы то ни было соглашенія между министрами, и мы терпимъ только отъ ихъ несогласія.» Императоръ въ заключеніе поручилъ Кочубею составить, на основаніи всѣхъ замѣчаній, окончательный планъ совѣта и его занятій.

Въ засѣданіи 25 ноября, совѣтъ продолжалъ занимать собою членовъ Комитета; но они, какъ то бывало обыкновенно, разсуждали вмѣстѣ и о многихъ другихъ предметахъ; такъ, дѣло шло также и объ уничтоженіи удѣльныхъ имѣній, установленныхъ въ началѣ царствованія Павла I, по плану Алексѣя Борисовича Куракина; потомъ перешли къ вопросу о возстановленіи орденовъ св. Георгія и св. Владиміра.

Все засѣданіе 2 декабря было посвящено на чтеніе проэкта манифеста составленнаго Новосильцовымъ по крестьянскому дѣлу. Такъ какъ основанія были опредѣлены, то споръ относился только къ редакціи: императоръ, наприм., не желалъ допустить въ манифестѣ выраженія «наши подданные», котораго, какъ онъ говорилъ, онъ избѣгалъ во всѣхъ своихъ указахъ, и хотѣлъ, чтобы вмѣсто того было поставлено «русскіе подданные»; одни настаивали на томъ, чтобы манифестъ былъ написанъ торжественнымъ слогомъ, — императоръ никакъ не соглашался на то и т. д. Опредѣлено было передать этотъ манифестъ въ совѣтъ, но только для редакціи. «Такъ, заключаетъ гр. П. А. Строгановъ, кончилось это великое дѣло».

Конецъ засѣданія обратился по прежнему въ бесѣду, и на этотъ разъ разговорились о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи

и о ходатайствѣ въ пользу короля Сардиніи. Всѣ члены Комитета умоляли императора «показать бо́льшую твердость въ отношеніи перваго консула (т. е. Наполеона I).»

Засѣданіе 9 декабря началось отступленіемъ отъ порядка занятій, по случаю возникшаго вопроса о замѣщеніи открывшейся вакансіи директора банка, съ отставкою кн. Гагарина. Императоръ колебался въ выборѣ между гр. Сергѣемъ Румянцовымъ и Колычевымъ, только что возвратившимся изъ Парижа, и также говорилъ о Державинѣ; но члены Комитета, отдавая справедливость уму Румянцова и Державина, считали ихъ однако — pour trancher le mot — des brouillons, и склоняли императора въ пользу Колычева, на что онъ, повидимому, и согласился. — За тѣмъ приступили къ главному дѣлу, и графъ П. А. Строгановъ прочелъ свою записку о реформѣ сената.

«Я началъ, говоритъ графъ, историческимъ изложеніемъ предмета, и напомнилъ Е. В. ходъ всего этого дѣла почти въ слѣдующемъ смыслѣ. Императору больно видѣть сенатъ впавшимъ въ унизительное состояніе, въ какомъ онъ находился при покойномъ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который долженъ имѣть себѣ произволъ (et voyant dans ce corps le contrepoid, qui devroit exister au pouvoir absolu), желаетъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ, чтобы можно было имѣть надежду на сохраненіе этого авторитета.»

«Далѣе, продолжаетъ гр. П. А. Строгановъ, императоръ, считая, что подобное дѣло можетъ лучше всего выполнить самъ сенатъ, поручилъ сенату, еще 5 іюня, составить докладъ по этому предмету. Сенатскій докладъ заключалъ въ себѣ изложеніе правъ въ различное время дарованныхъ сенату, и кои, не будучи отмѣнены, потеряли однако силу; предлагая утвердить эти права, сенатъ присоединилъ къ тому нѣкоторыя постановленія о порядкѣ веденія дѣлъ. Хотя этотъ докладъ не удовлетворялъ вполнѣ мыслямъ государя, однакоже онъ приказалъ Трощинскому извлечь изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мнѣній одобренныя государемъ статьи и дополнить ими докладъ Сената. Между тѣмъ кн. Зубовъ и Державинъ представили проэкты совершеннаго преобразованія сената, въ которые были включены идеи, издавна нравившіяся государю. Государю было угодно, чтобы всѣ эти проэкты были также приняты для соображенія при составленіи новаго доклада. Проэктъ кн. Зубова отличался отъ проэкта державинскаго именно тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе.» Но моло-

ные сотрудники государя доложили ему, что они нашли себя вынужденными отклониться отъ идей, заключавшихся въ обоихъ проэктахъ, съ тѣмъ, чтобы во 1-хъ, не отнять у правительства свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, и во 2-хъ, чтобы поставить сенатъ, въ отношеніи судебной части, въ бо̀льшую независимость отъ его канцеляріи, что̀ никогда не вызоветъ опасеній, ибо будетъ еще высшее судилище. Въ заключеніе, гр. Строгановъ предложилъ государю отложить, впредь до всеобщаго преобразованія государственной администраціи, два распоряженія, заключающіяся въ проэктѣ Зубова, а именно: учрежденіе сословія присяжныхъ адвокатовъ, для составленія экстрактовъ изъ дѣлъ, и составленіе росписи чиновниковъ, для назначенія ихъ на вакантныя мѣста. Императоръ, по выслушаніи записки гр. Строганова, сказалъ, что онъ беретъ ее съ собою, и закрылъ засѣданіе.

Только 30 декабря, когда происходило послѣднее засѣданіе Комитета въ 1801 году, былъ снова прочитанъ проэктъ гр. Строганова объ устройствѣ Сената вмѣстѣ съ замѣчаніями государя; но и на этотъ разъ дѣло не пришло къ окончательному результату, и было опредѣлено отложить это дѣло до перваго засѣданія слѣдующаго 1802 года.

Между тѣмъ до 30 декабря происходило еще одно засѣданіе, въ которомъ было совершенно отступлено отъ порядка веденія дѣла, и говорилось о различныхъ предметахъ, внѣ программы. Императоръ не успѣлъ кончить своихъ замѣчаній на проэктъ гр. Строганова и предложилъ вмѣсто того заняться запискою, полученную имъ отъ Лагарпа о народномъ образованіи, и открыть по этому вопросу пренія. Но у членовъ были также различныя письма и извѣстія, а потому къ запискѣ Лагарпа приступили по выслушаніи другихъ мелкихъ дѣлъ. Лагарпъ предложилъ учредить для дѣлъ народнаго образованія особый Комитетъ, поставя во главѣ его министра. Такое центральное управленіе должно было имѣть свои вѣтви въ провинціяхъ и инспекторовъ назначаемыхъ отъ дворянства. Далѣе, онъ указываетъ на необходимость имѣть учителей въ селеніяхъ, что́, замѣчаетъ Лагарпъ, трудно вездѣ, и особенно у насъ; но не начавъ ничего, нельзя ничего достигнуть. Въ то же время Лагарпъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ Россіи. Государь приказалъ коммиссіи доставить ему свѣдѣнія, но оказалось, что она сама знала не много. Сотрудники государя настаивали особенно на томъ, что у насъ дѣло народнаго образованія представляетъ необычайную смѣсь и пестроту; въ доказательство они приводили устройство военныхъ

училищъ и новой школы сенатскихъ юнкеровъ. По мнѣнію гр. Строганова, общественное образованіе должно было заключать въ себѣ всѣ части просвѣщенія, распространеннаго въ народѣ; что общее образованіе должно было заключать въ себѣ свѣдѣнія для всѣхъ; за тѣмъ, должно слѣдовать образованіе—спеціальное для лицъ, которыя, уже имѣя общее образованіе, готовятъ себя къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллеріи, инженерному дѣлу, а также правовѣдѣнію. Подобнымъ образомъ, говорилъ онъ, устроены учебныя заведенія во Франціи. Но государь возразилъ, что не все удобно вводить у насъ то, что хорошо за-границей; «нѣтъ возможности принимать у насъ чужое, потому что обстоятельства совершенно иныя; и то, что подходитъ къ Франціи, должно быть видоизмѣнено у насъ; у насъ есть древнія учрежденія, къ которымъ слѣдуетъ привязывать новыя.» Положено было составить на этотъ предметъ особую коммиссію. Новосильцовъ къ этому присоединилъ, что мы нуждаемся во всемъ утвердить общую систему, не въ одномъ вопросѣ о народномъ образованіи, а также и по дѣлу устройства полиціи.

Послѣ того государь прочелъ Комитету другое письмо къ нему отъ Лагарпа, по поводу слуха о намѣреніи государя назначить Канцлера (grand Chancelier). Лагарпъ отклонялъ государя отъ такого намѣренія, считая это званіе весьма опаснымъ, по причинѣ той власти и того вліянія, которыя онъ захочетъ имѣть. Графъ Строгановъ возражалъ, говоря, что у насъ того не случится, что бываетъ съ этимъ званіемъ въ другихъ странахъ, и въ доказательство указывалъ на кн. Потемкина и Кутайсова, пользовавшихся большимъ довѣріемъ, — но это мѣсто не имѣло бы само по себѣ никакого значенія.

«Лагарпъ присоединилъ къ тому нѣсколько замѣчаній о лицѣ, которое въ публикѣ прочили на это мѣсто, но самъ не приводитъ его имени; вѣроятно, это былъ графъ Александръ Воронцовъ. Лагарпъ говорилъ, что это человѣкъ пропитанный старыми началами, противными реформамъ, замышляемымъ Е. В., и его характеръ склоненъ къ *деспотизированію* (despotiser); что нужно только его щадить, по причинѣ той пользы, которую можно извлечь изъ его обширныхъ познаній и его привычки къ дѣламъ. Лагарпъ заключилъ тѣмъ, что далъ почувствовать императору необходимость не терпѣть надъ собою опеки и быть самому по себѣ императоромъ; а чтобы внушить ему довѣріе къ своимъ силамъ, онъ говорилъ, что Моро́, Бонапарты и пр. и пр. были не старше его, когда они начали свое блестящее поприще, которое подняло ихъ до такой степени славы и положило осно-

ваніе французской имперіи (l'empire français); что необходимо отдѣлаться отъ мысли, будто однѣ только сѣдыя головы могутъ сдѣлать что нибудь хорошее.»

Въ заключеніе засѣданія, кн. Кочубей предложилъ внести въ совѣтъ давно уже порученный ему планъ нашихъ внѣшнихъ сношеній; но гр. П. А. Строгановъ указалъ на неудобство сдѣлать почти публичнымъ дѣло, которое должно оставаться въ секретѣ. «Е. В. объявилъ, что мы можемъ разобрать этотъ проэктъ въ нашемъ маленькомъ Комитетѣ (dans notre petit comité).»

Засѣданія продолжались и въ 1802 году, когда вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было и къ осуществленію нѣкоторыхъ проэктовъ. Какъ бы далеко ни расходилось осуществленное съ проэктированнымъ, но тѣмъ не менѣе бумаги гр. П. А. Строганова сохранятъ навсегда для отечественной исторіи нынѣшняго столѣтія чрезвычайную важность. Въ нихъ находится ключъ къ пониманію характера реформы, послѣдовавшей за 1801 годомъ, и тѣхъ лицъ, которыя стояли при источникѣ самаго дѣла. Историческая литература представлаетъ намъ рѣдко подобные документы; бумаги гр. Строганова останутся полнымъ комментаріемъ къ началу царствованія императора Александра I. Мы постараемся въ слѣдующей книжкѣ обратиться къ остальнымъ двумъ волюмамъ рукописи, которыя содержатъ въ себѣ отчетъ о засѣданіяхъ 1802 года, когда нѣкоторые изъ вопросовъ, занимавшихъ «Комитетъ», перешли наконецъ изъ области теоріи въ практику; такъ, одновременно съ учрежденіемъ министерствъ, 8-го сентября 1802, были опредѣлены права и обязанности Сената, на разсмотрѣніи которыхъ, какъ мы видѣли, «Комитетъ» остановился въ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ 1801 года.

Извлечено: М. Стасюлевичъ.

Императоръ Александръ, убѣдясь въ неопредѣлительности правъ и обязанностей Сената, повелѣлъ именнымъ указомъ самому сенату о томъ подать свое мнѣніе [1]). При слушаніи этого указа въ общемъ собраніи сената голоса раздѣлились. Графы Воронцовъ (Александръ Романовичъ) и Завадовскій, сдѣлавъ намекъ на прежнее правленіе словами Тацита, что «говорить было опасно,

[1]) Именной указъ сенату, отъ 5-го іюня 1801 года, о сочиненіи особаго доклада о правахъ и обязанностяхъ его (Полн. собр. закон. т. XXVI, № 19,908).

а молчать бѣдственно», хотѣли ослабить самодержавную власть, присвоивъ важныя права сенату, какъ наприм., располагать государственными доходами и казнить смертью безъ конфирмаціи государя. Державинъ хотя предлагалъ, сообразно учрежденію о губерніяхъ, раздѣлить высшую правительственную власть на четыре отдѣла: законодательный, судный, исполнительный и оберегательный, однакоже считалъ необходимымъ соединить ихъ зависимостью отъ воли монарха. Но какъ, по словамъ Петра Великаго—«Государь не ангелъ и не можетъ одинъ вездѣ и все управить», то Державинъ предложилъ поставить во главѣ отдѣловъ высшаго управленія четырехъ министровъ, именно: 1)просвѣщенія и законовъ; 2) юстиціи; 3) внутреннихъ дѣлъ, и 4) генералъ-прокурора. Государь, принявъ благосклонно проэктъ Державина, приказалъ ему написать мнѣніе объ организаціи сената, но въ послѣдствіи не одобрилъ составленнаго имъ мнѣнія [1]). Нѣкоторыя изъ лицъ, удостоенныхъ особымъ довѣріемъ государя, предлагали, чтобы генералъ-губернаторы, губернаторы и предводители дворянства, представляли на разрѣшеніе въ сенатъ о всѣхъ предметахъ, выходившихъ изъ круга предоставленной имъ власти, но императоръ Александръ не утвердилъ это предположеніе, могшее, по его мнѣнію, повести къ столкновенію сената съ проектированными тогда министерствами. Подобнымъ же образомъ государь не изъявилъ согласія на то, чтобы всѣ указы министрамъ объявлялись чрезъ сенатъ, и чтобы сенатъ, въ случаѣ превышенія власти, либо употребленія во зло монаршей довѣренности, кѣмъ-либо изъ министровъ, могъ входить съ представленіями о томъ государю. Императоръ Александръ полагалъ, что такія права, совершенно уничтоживъ отвѣтственность министровъ, слишкомъ увеличили бы власть сената, и потому въ указѣ о правахъ и обязанностяхъ сената было сказано вообще, что «сенаторъ имѣетъ долгъ представлять о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о нарушителяхъ закона ему извѣстныхъ.....» Точно также были устранены предложенія: во 1-хъ, предоставить исключительно выборъ сенаторовъ изъ всѣхъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ губернскимъ собраніямъ первыхъ семи классовъ; и во 2-хъ, избирать сенаторовъ изъ лицъ представляемыхъ губернаторами, по два изъ каждой губерніи [2]) За тѣмъ государь утвердилъ съ небольшими измѣненіями сенатскій докладъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія постановленія: 1)

---

[1]) Записки Державина.

[2]) Изъ бумагъ графа Павла Александровича Строганова: Séances du Comité. Conférences du 6 janvier, 16 et 17 mars. 1802.

сенатъ есть верховное мѣсто Имперіи; 2) власть сената ограничивается единою властью государя, 3) предсѣдаетъ въ сенатѣ государь; 4) указы сената исполняются всѣми, какъ собственные указы государя, который лишь одинъ можетъ остановить исполненіе сенатскихъ повелѣній; 5) дозволяется сенату представлять государю о такихъ указахъ, которые сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами, или неясны; но когда, по представленію сената, не будетъ сдѣлано измѣненія въ указѣ, то онъ остается въ своей силѣ; 6) сенаторъ, обличенный въ преступленіи, подвергается суду общаго собранія сената; 7) при несогласіи какихъ-либо рѣшеній общаго собранія сената съ мнѣніемъ генералъ или оберъ-прокурора, дѣло вносится къ государю; 8) по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ идетъ о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ, департаментъ правительствующаго сената, по сужденіи, подаетъ докладъ государю и ожидаетъ конфирмаціи или указа; 9) за несправедливыя жалобы государю на сенатъ виновные предаются суду [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено нѣсколько новыхъ губерній, именно: вмѣсто Малороссійской губерніи, Черниговская и Полтавская; вмѣсто Бѣлорусской, Могилевская и Витебская [2]), вмѣсто Новороссійской: Николаевская (Херсонская), Екатеринославская и Таврическая [3]), а Тобольская губернія раздѣлена на Тобольскую и Томскую [4]). Составлены штаты управленія губерній сперва С. Петербургской и Московской, а потомъ и прочихъ.

Продовольствованіе народа необходимѣйшими потребностями составляло предметъ неусыпныхъ заботъ правительства. Въ неурожайные годы, 1803 и 1805, былъ запрещенъ вывозъ хлѣба за границу изъ западныхъ губерній Имперіи [5]). Въ 1805 году,

---

[1]) Именной указъ сенату, отъ 8 сентября 1802 года (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,405). Этотъ указъ послѣдовалъ по докладѣ сената, о сущности его должностей, правъ и обязанностей, представленномъ государю во исполненіе высочайшаго указа, отъ 5 іюня 1801 г.

[2]) Сенатскій указъ, отъ 27 февраля 1802 года (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,162).

[3]) Именной указъ сенату отъ 8 октября 1802 года (Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20,449). Сенатскій указъ, отъ 31 августа 1803 года (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,923).

[4]) Именной указъ сенату, отъ 26 февраля 1804 года (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,183).

[5]) Именной указъ Литовскому военному губернатору барону Беннигсену, отъ 28 ноября 1803 года (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 21,057). Именные указы Подольскому и Литовскому военнымъ губернаторамъ, отъ 15 іюля и 15 августа 1805 года (Полн. собран. закон. т. XXVIII, №№ 21,835 и 21,871).

безпрестанные дожди при сѣверныхъ вѣтрахъ затруднили добываніе соли въ Элтонскомъ озерѣ, а въ Крыму, отъ неблагопріятной погоды соль не садилась вовсе, что истощило прежніе запасы ея и заставило разрѣшить безпошлинный привозъ соли изъ-за границы къ Черноморскимъ портамъ и сухимъ путемъ изъ Молдавіи [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше утвержденъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, объ устройствѣ Элтонскаго солянаго промысла [2]), и учреждены экспедиціи соляныхъ промысловъ: Элтонскаго, Илецкаго и Дедюхинскаго, въ Пермской губерніи [3]).

Кроткое и благодѣтельное правленіе императора Александра побуждало иностранцевъ, и въ особенности германскихъ жителей, переселяться въ Россію. Еще въ 1803 году, прибыло въ Новороссійскій край до 3,000 выходцевъ изъ Германіи и Швейцаріи [4]). Въ слѣдующемъ году были опредѣлены правила для принятія и водворенія иностранныхъ колонистовъ [5]). Положено допускать къ поселенію въ Россіи только земледѣльцевъ, преимущественно виноградарей, и мастеровыхъ, имѣющихъ свидѣтельства въ томъ, что они хорошіе хозяева, ничего не должны своему правительству и владѣютъ каждый, въ наличныхъ деньгахъ или товарахъ, суммою не менѣе трехъ сотъ гульденовъ. Главныя права и льготы, имъ предоставленныя, были слѣдующія: 1) свобода вѣроисповѣданія; 2) свобода отъ платежа податей на десять лѣтъ; 3) свобода отъ воинской и гражданской службы; 4) ссуда на обзаведеніе хозяйства, до трехъ сотъ рублей, съ разсрочкою уплаты; 5) выдача кормовыхъ денегъ со дня прибытія на границу; 6) отводъ земли по 60 десятинъ на каждое семейство, исключая нагорной части въ Крыму, гдѣ раздача земель долженствовала производиться на особенныхъ правилахъ; 7) дозволеніе заводить фабрики и торговать съ платою гильдейской повинности; 8) свобода обратнаго выѣзда изъ Россіи, но съ тѣмъ, чтобы выѣзжающій, сверхъ всего лежащаго на немъ долга, внесъ въ казну трехъ-годичную подать [6]). Въ 1804 году прибыло изъ Германіи около тысячи семействъ, а Болгаръ и другихъ націй 366, всего же 1342 семейства, и 469 душъ на-

[1]) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1805 годъ.

[2]) Докладъ отъ 24 февраля 1805 года (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,636.

[3]) Полн. собр. закон. т. XXVIII, №№ 21,637, 21,718 и 21,930.

[4]) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1803 годъ.

[5]) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 20 февраля 1804 года (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,163).

[6]) Полн. собр. закон. т. XXVIII. № 21,163.

гайцевъ и татаръ [1]; а въ 1805 году болѣе четырехъ сотъ семействъ [2]. Эти выходцы водворились въ С.-Петербургской, Виленской, Астраханской, преимущественно же въ Новороссійскихъ губерніяхъ. Переселенія жителей изъ одной губерніи въ другую ограничивались водвореніемъ въ Сибири нѣсколькихъ сотъ семействъ съ Кавказа и переѣздомъ на Кавказскую линію 479 однодворцевъ Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи, поступившихъ въ званіе линейныхъ козаковъ; кромѣ того, добровольно переселялись духоборцы изъ разныхъ губерній на урочище въ Таврическихъ степяхъ, именуемое «Молочныя воды» [3].

Еще при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1792 году, Екатеринославскій губернаторъ Каховскій доносилъ, что духоборцы ведутъ жизнь примѣрно хорошую, благонравны, не терпятъ пьянства и праздности. Тѣмъ не менѣе однако же въ послѣдствіи, и начальство, и православные, смотрѣли на нихъ, какъ на возмутителей общественнаго спокойствія. Но въ 1801 году сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій показали ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, слѣдствіемъ чего было переселеніе ихъ на Молочныя воды [4].

Изъ числа азіятскихъ племенъ поступили въ подданство Россіи, въ 1802 году, Трухменскій и Аварскій народы [5].

Императоръ Александръ принималъ всевозможныя мѣры для улучшенія участи помѣщичьихъ крестьянъ и внушая въ нихъ повиновеніе къ помѣщикамъ [6], строго взыскивалъ съ послѣднихъ за жестокіе поступки съ крѣпостными людьми ихъ. Такъ одного изъ орловскихъ помѣщиковъ отставнаго маіора Орлова, за безчеловѣчное обхожденіе съ крестьянами, повелѣно было заключить на покаяніе въ монастырь, на десять лѣтъ, а имѣніе его поручить дворянской опекѣ, съ тѣмъ, чтобы она преимущественно старалась поправить состояніе крестьянъ, а помѣщику на содержаніе въ монастырѣ доставляла не болѣе 50-ти копѣекъ въ день; остальные доходы предоставлялись законнымъ его наслѣдникамъ [7]. Имѣніе же другого помѣщика, надворнаго совѣтника Яцына, отданное въ опеку за жестокіе поступки его съ крѣпост-

---

1) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1804 годъ.

2) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1805 годъ.

3) Отчеты министра внутреннихъ дѣлъ за 1803 и 1804 годы.

4) Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Николаемъ Тихонравовымъ. IV. Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ.

5) Полн. собр. закон. т. XXVII. №№ 20,260 и 20,442.

6) Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,964.

7) Именной указъ сенату, отъ 4-го апрѣля 1802 года (Полн. собр. зак. Т. XXVII, № 20,217.

ными крестьянами, повелѣно было раздѣлить ближайшимъ его наслѣдникамъ [1]). Великому подвигу освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, совершенному въ наше время, положено было основаніе въ царствованіе Александра I, который, съ самаго вступленія на престолъ, принялъ непоколебимо намѣреніе—не жаловать (какъ было до него) никому населенныхъ имѣній. На письмо одного изъ государственныхъ сановниковъ, желавшаго получить такое имѣніе, государь отвѣчалъ: «Русскіе крестьяне, большею частію, принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія. И потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду вамъ и вашимъ наслѣдникамъ, слѣдовательно вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ. Остаюсь въ убѣжденіи, что вы поступили бы не иначе на моемъ мѣстѣ. «Не довольствуясь тѣмъ, Александръ поощрялъ добровольное освобожденіе крестьянъ ихъ помѣщиками. Нельзя не замѣтить, что просвѣщеннѣйшіе изъ государственныхъ людей того времени, какъ наприм. Державинъ, графъ Растопчинъ и даже адмиралъ Мордвиновъ, платя дань вѣковому предразсудку, считали освобожденіе крестьянъ не только несообразнымъ съ общею пользою, но вреднымъ для безопасности государства [2]). Самое разрѣшеніе казеннымъ крестьянамъ — пріобрѣтать во владѣніе ненаселенныя земли — тогда считалось опаснымъ нововведеніемъ [3]). Новосильцовъ полагалъ, что въ указѣ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ права пріобрѣтать покупкою земли, надлежало, не упоминая вовсе о намѣреніи правительства улучшить участь поселянъ, объявить, что цѣлью этого распоряженія было желаніе поощрить земледѣліе и народную промышленность. Тѣмъ не менѣе однакоже нѣкоторые изъ помѣщиковъ, дѣйствуя въ духѣ правительства, заключали сдѣлки съ своими крѣпостными людьми, предоставляя имъ свободу на довольно снисходительныхъ условіяхъ. Помѣщикъ Воронежской губерніи Петрово-Соловово уво-

---

[1]) Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,576.

[2]) Записки Г. Р. Державина. 1860. Стр. 485—490. — Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1859. III.—Возраженіе графа Растопчина на книгу Стройновскаго: «объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами».—Мнѣніе адмирала Мордвинова: «одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», начертанная въ 1818 году.

[3]) Изъ бумагъ Павла Александровича Строганова: Séances du Comité. Conférence du 11 novembre 1801. См. выше на стр. 185.

лилъ 5,000 душъ, въ селѣ Никитовкѣ, валуйкинскаго уѣзда, и уступилъ крестьянамъ всю обработываемую ими землю, въ вознагражденіе чего они обязались ему выплатить, въ продолженіе 19-ти лѣтъ, полтора милліона рублей [1]). Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ (Александръ Борисовичъ) освободилъ около трехъ тысячъ душъ и уступилъ имъ до шестидесяти тысячъ десятинъ земли въ своихъ воронежскихъ помѣстьяхъ. Съ своей стороны, крестьяне обязались уплатить ему, въ продолженіи 25 лѣтъ, 1,100,000 рублей [2]). Дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала, освободилъ и надѣлилъ землею 199 душъ крестьянъ ему принадлежавшихъ [3]). Императоръ Александръ, желая придать условіямъ, заключаемымъ помѣщиками съ ихъ крестьянами такую же законную силу, какая была присвоена прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ, опредѣлилъ положительными постановленіями порядокъ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы [4]).

Дворянство Эстляндской и Лифляндской губерній, отвѣчая на призывъ благодушнаго монарха, ходатайствовало о лучшемъ устроеніи своихъ крѣпостныхъ людей. Императоръ Александръ, видя намѣреніе дворянъ: во 1-хъ, признать политическія права крестьянъ; во 2-хъ, утвердить во владѣніи крестьянъ пріобрѣтенную ими собственность, и въ 3-хъ, оградить ихъ отъ произвольнаго обращенія точнымъ опредѣленіемъ ихъ повинностей, учредилъ, подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ и подъ пред-

---

1) Крестьяне помѣщика Петрово-Соловово обязались уплатить ему:

	руб.
въ первые четыре года, ежегодно по 100,000 рублей. . . .	400,000
» слѣдующіе четырнадцать лѣтъ, по 75,000 » . .	1,050,000
» послѣдній 19-й годъ	50,000
всего же. . .	1,500,000

С.-Петерб. журн. 1805 г. Ч. I, кн. I. стр. 14—25.

2) Крестьяне князя Куракина обязались уплатить ему:

	руб.
въ первые четыре года по 60,000 рублей	240,000
» слѣдующіе шесть лѣтъ по 50,000. . . . . , . .	300,000
» послѣдующіе десять по 40,000.	400,000
» остальные пять по 32,000	160,000
всего же. . .	1,100,000

С.-Петерб. журн. 1805 года.

3) С.-Петерб. журн. 1805 года.

4) Именной указъ сенату, отъ 20-го февраля 1803 года, объ отпускѣ помѣщиками крестьянъ на волю, по заключеніи условій на обоюдномъ согласіи основанныхъ (Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,620).

сѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ для постановленія правилъ къ обоюдной пользѣ обоихъ сословій [1]). Комитетъ, состоявшій изъ сенатора Козодавлева, тайнаго совѣтника графа Павла Строганова и ландратовъ Анрепа и Будденброка, будучи открытъ въ августѣ 1803 года, представилъ государю, въ февралѣ 1804 года, докладъ о своихъ занятіяхъ, заключавшій въ себѣ: 1) историческое изложеніе основаній и плана новой организаціи крестьянскаго сословія; 2) положеніе о крестьянахъ, и 3) инструкцію для долженствовавшихъ привести его въ исполненіе ревизіонныхъ коммиссій. Главныя постановленія, заключавшіяся въ положеніи о крестьянахъ Лифляндской губерніи, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 20 февраля (3 марта н. ст.) 1804 года, состояли въ слѣдующемъ:

1) Продажа, закладъ и безденежныя уступки крестьянъ обоего пола отъ одного помѣщика другому, безъ земли, запрещаются (ст. 5).

2) Крестьяне исполняютъ работы, не принадлежащія къ сельскому хозяйству, либо переселяются изъ одного помѣстья въ другое разныхъ владѣльцевъ, не иначе, какъ добровольно, и согласіе ихъ должно быть засвидѣтельствовано въ приходскомъ судѣ (ст. 6).

3) Крестьянамъ обоего пола, для вступленія въ бракъ, нужно только согласіе ихъ родителей, или родственниковъ, отъ коихъ они зависятъ (ст. 10).

4) Крестьяне имѣютъ право избирать судей изъ своего состоянія въ крестьянскіе и приходскіе суды и въ Ландгерихты (ст. 13).

5) Выборъ къ отдачѣ въ рекруты предоставляется единственно крестьянскому суду (ст. 50).

6) Отправленіе работъ на помѣщика, ни въ какомъ случаѣ, не должно превосходить двухъ дней въ недѣлю (ст. 58).

7) Повинность, опредѣленная ревизіонною коммиссіей, не можетъ быть увеличена помѣщикомъ, и напротивъ того помѣщикъ, въ случаѣ новаго размежеванія земель, обязанъ уплатить крестьянину, за удобреніе полей, разведеніе садовъ, осушку болотъ, и проч. (ст. 37 и 38).

8) Крестьянинъ владѣетъ даннымъ ему отъ помѣщика участкомъ наслѣдственно и не теряетъ права иначе, какъ по приговору крестьянскаго суда, утвержденному приходскимъ судомъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда накопится на немъ долгъ вдвое большій противъ его повинностей, и 2) когда за дурное пове-

---

[1]) Именной указъ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 11-го мая 1803 года (Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,758).

деніе судъ признаетъ его неспособнымъ къ управленію хозяйствомъ (ст. 40).

9) Если крестьянинъ на своемъ участкѣ не имѣетъ лѣса для топлива и построекъ (но не для продажи), то, по прежнему, пользуется безденежно господскимъ лѣсомъ (ст. 72).

10) Подобно всѣмъ казеннымъ крестьянамъ, они могутъ продавать, покупать и наслѣдовать недвижимую собственность (ст. 17 и 31).

11) Помѣщику предоставляется право, за нерадѣніе, ослушаніе, либо распутство своихъ дворовыхъ и работниковъ, наказывать ихъ заключеніемъ на хлѣбѣ и водѣ, не болѣе двухъ дней, и 15 ударами, палками, либо дѣтскими розгами (ст. 134 и 135).

12) Хозяева наслѣдственныхъ участковъ подвергались наказанію не иначе, какъ по приговору крестьянскаго суда (ст. 138) [1].

Въ Эстляндской губерніи, дѣло объ улучшеніи состоянія крестьянъ затянулось долѣе. Помѣщики выказали себя менѣе снисходительными къ своимъ людямъ, нежели владѣльцы лифляндскіе, и потому положеніе составленное въ Эстляндіи, по волѣ императора Александра, подверглось измѣненіямъ и удостоилось Высочайшаго утвержденія уже въ 1805 году. Эстляндскіе помѣщики домогались, чтобы имъ было предоставлено право удалять безпокойныхъ и вредныхъ для общаго спокойствія крестьянъ. Государь отказалъ въ ихъ просьбѣ; прочія же статьи были утверждены въ видѣ временнаго положенія, которое различалось отъ введеннаго въ Лифляндіи: во 1-хъ, болѣе значительными повинностями эстляндскихъ крестьянъ въ отношеніи къ ихъ владѣльцамъ: годовая барщина ихъ превосходила 35 днями барщину въ Лифляндіи, и кромѣ того, они отдавали помѣщику часть своей жатвы. Хозяева крестьянскихъ участковъ не были уволены отъ барщины, не только при сельскихъ работахъ, но и на винокуренныхъ заводахъ; во 2-хъ, въ эстляндскомъ положеніи о крестьянахъ были пропущены слѣдующія статьи: о запрещеніи продавать людей безъ земли; о неупотребленіи крестьянъ, безъ согласія ихъ, для домашней прислуги; о запрещеніи наказывать хозяевъ иначе, какъ по приговору суда; о запрещеніи увеличивать настоящія повинности лежащія на крестьянскихъ участкахъ; о правѣ помѣщичьихъ крестьянъ, наравнѣ съ прочими сословіями, покупать недвижимое имѣніе и владѣть имъ. Замѣчательно также, что многія Высочайше утвержденныя статьи «Положенія», относившіяся ко взысканіямъ съ помѣщиковъ за нарушеніе законовъ,

---

[1]) Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 21,162.

не были напечатаны въ эстонскомъ оригиналѣ, изданномъ въ Ревелѣ [1]).

Для поощренія земледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства, были приняты многія мѣры. Предположено составить постоянный капиталъ для пособія сельскимъ хозяевамъ. Обращено особенное вниманіе на разведеніе шелковичныхъ деревъ и виноградниковъ въ окрестностяхъ Кизляра, на Дону и въ Крыму; въ Тираспольскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, открыта природная шелковичная роща, простиравшаяся на 50 десятинъ; къ охраненію ея сдѣланы распоряженія, и предположено поселить тамъ нѣсколько семействъ изъ молдаванъ свѣдущихъ въ шелководствѣ. Открыто въ Крыму училище винодѣлія, подъ вѣдѣніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣника Палласа, которому отведены земли и предоставлено въ распоряженіе нѣсколько запущенныхъ казенныхъ садовъ въ Судацкой и Коозской долинахъ; водворено тамъ же нѣсколько виноградарей съ береговъ Рейна, вывезены виноградныя лозы съ Рейна и съ островов Занта и Тенедоса, а также выписаны изъ Испаніи виноградари, привезшіе лозы съ Мадеры. Для содѣйствія къ поощренію овцеводства были сдѣланы многія распоряженія: въ 1804 году изданы правила о раздачѣ овцеводамъ казенныхъ земель [2]); съ помощью правительства, коммерціи совѣтникъ Рувьѐ и иностранецъ Миллеръ завели въ Новороссійскомъ краѣ значительныя овчарни [3]). Тогда же положено основаніе производству сахара изъ свекловицы выдачею на постройку сахарнаго завода тульскому помѣщику, отставному генералъ-маіору Бланкеннагелю, подъ залогъ недвижимаго имѣ-

---

[1]) H. Storch: Russland unter Alexander dem Ersten. VII, 316 — 353. Подстрочныя примѣчанія къ «Положенію» принадлежатъ профессору Эверсу.

[2]) Полн. собр. закон. Т. XXVIII, № 21,123.

[3]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. I. 126.—Коммерціи совѣтнику Рувьѐ было выдано заимообразно 100,000 рублей и назначено отвести въ степной части Крыма 25,000 десятинъ и въ нагорной части, если найдутся свободныя отъ пастбищъ мѣста, 5,000 десятинъ. Съ своей стороны, Рувьѐ обязался: распространить свои заводы до 100,000 овецъ, выписать изъ Испаніи до 500 лучшихъ барановъ, продавать барановъ и овецъ улучшенной породы по умѣренной цѣнѣ и содержать до ста учениковъ, которые будутъ отдаваться правительствомъ, либо частными людьми, для обученія пастушьему ремеслу. Полн. собр. закон. Т. XXVIII, № 21,610, *а*.

Иностранцу Миллеру выдано заимообразно, безъ процентовъ на пятнадцать лѣтъ, 20,000 рублей, куплена для него дача помѣщика Альтести, близъ Одессы, въ 7,000 десятинъ, и велѣно, кромѣ того, отвести ему 6,000 десятинъ на рѣчкѣ Барабоѣ; съ своей же стороны онъ обязался завести, въ продолженіи трехъ лѣтъ, до 30,000 овецъ, имѣть на продажу до тысячи барановъ и приготовить тридцать учениковъ. Полн. собр. закон. Т. XXVIII. № 21,637, *а*.

нія, пятидесяти тысячъ рублей на двадцать лѣтъ, съ уплатою въ послѣдніе десять всей суммы и процентовъ [1]).

При восшествіи на престолъ императора Александра I, рыбная ловля на Каспійскомъ морѣ находилась въ рукахъ немногихъ лицъ, владѣвшихъ прибрежными землями. Слѣдствіями того были съ одной стороны упадокъ рыбнаго промысла, а съ другой вздорожаніе рыбы. Государь, принявъ во вниманіе, что «силою самыхъ древнихъ законовъ и установленій, воды морскія, даже при мѣстахъ дѣйствительно заселенныхъ, никогда и нигдѣ частному владѣнію не подлежали, а должны были оставаться въ общемъ и свободномъ для всѣхъ употребленіи,» повелѣлъ, вознаградивъ настоящихъ владѣльцевъ прибрежныхъ земель, соразмѣрно дѣйствительной цѣнности ихъ имѣній, постановить на будущее время, чтобы морскіе рыбные промыслы, а также и земли для ихъ заведеній и пристанищъ нужныя, никому ни въ оброкъ, ни въ собственность, отдаваемы не были, но оставались бы въ общемъ владѣніи [2]). Въ послѣдствіи однакоже, по разсмотрѣніи въ сенатѣ правъ владѣльцевъ помянутыхъ земель, оставлены были имъ нѣкоторые участки Каспійскаго прибрежья [3]).

Для поощренія фабричной промышленности были выданы ссуды и положено составить особый капиталъ. До 1803 года въ вѣдѣніи Мануфактуръ-коллегіи было 2,390 фабрикъ, изъ коихъ: казенныхъ 3, суконная и чулочная Екатеринославская, шелковыхъ издѣлій и часовъ Купавинская и суконная Иркутская [4]); обязанныхъ 23 и частныхъ 2,364; въ продолженіи трехъ лѣтъ, 1803 — 1805, прибыло 127 новыхъ фабрикъ и закрыто 52. Изъ числа казенныхъ фабрикъ двѣ, именно Екатеринославскую и Иркутскую, велѣно было передать въ коммисаріатское вѣдомство [5]), а Купавинская отдана сперва въ содержаніе, а потомъ въ потомственное владѣніе дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову [6]). Обязанными фабриками считались тѣ, которыя, будучи заведены съ пособіемъ казны, поставляли для войскъ опредѣленное количество сукна по условленной цѣнѣ.

---

[1]) Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,992.

[2]) Именной указъ сенату, отъ 27 августа 1802 года (Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,388).

[3]) Именной указъ сенату, отъ 11 сентября 1803 года (Полн. собр. закон. Т. XXVII, № 20,933).

[4]) Кромѣ того было нѣсколько казенныхъ фабрикъ въ управленіи другихъ вѣдомствъ.

[5]) Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,116. Отчетъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1804 годъ.

[6]) Полн. собр. закон. т. XXVII. № 21,076.

Въ 1802 году, было поставлено этими фабриками 764,280 аршинъ сукна и 382,140 аршинъ каразеи, на сумму 713,031 рубль. Возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты заставило фабрикантовъ просить объ увеличеніи платы за ихъ сукна и объ уменьшеніи поставокъ, что̀ и было Высочайше разрѣшено [1]). Для огражденія фабричныхъ людей отъ обидъ и отъ употребленія на домашнія услуги хозяевами фабрикъ, положено, въ случаѣ такихъ противозаконныхъ поступковъ, отбирать мастеровыхъ въ казну, вознаграждая фабрикантовъ только за тѣхъ людей, кои, по указу 1736 года, были изъ казенныхъ крестьянъ приписаны къ фабрикамъ, съ заплатою отъ содержателей извѣстной суммы [2]).

Медицинское управленіе, состоявшее съ 1804 года въ непосредственномъ вѣдѣніи товарища министра внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника графа Строганова, неусыпно заботилось о народномъ здоровьѣ. Въ числѣ принятыхъ имъ мѣръ наиболѣе замѣчательно прививаніе коровьей оспы, которому тысячи людей обязаны сохраненіемъ жизни. Командированный съ этою цѣлью докторъ Буттацъ, въ продолженіи 1802 и 1803 годовъ, объѣхалъ семь губерній, въ коихъ, подъ его надзоромъ, была привита оспа шести тысячамъ дѣтей различныхъ возрастовъ. Сначала препятствовали ея распространенію народные предразсудки, но въ послѣдствіи вліяніе духовенства облегчило подвигъ врачей, и въ 1805 году число дѣтей съ прививною оспою уже возрасло до 66,835 [3]).

Возстановленіе уваженія къ законамъ и правды въ судахъ было постояннымъ предметомъ попеченій императора Александра I. Непосредственно по учрежденіи министерствъ, Высочайше утвержденъ докладъ министра юстиціи о правилахъ судопроизводства въ сенатѣ и о порядкѣ соглашенія его резолюцій съ мнѣніями

[1]) Всѣ обязанныя фабрики были раздѣлены, по количеству пособій ими отъ казны получаемыхъ, на два класса: фабрикамъ 1-го класса, получившимъ отъ казны значительное вспоможеніе, положено платить за цвѣтное сукно, вмѣсто 84 копѣекъ, по 92, а за бѣлое и сѣрое, вмѣсто 72, по 80 копѣекъ за аршинъ; фабрикамъ же, состоявшимъ во 2-мъ классѣ, платить за цвѣтное по 98, а за бѣлое и сѣрое по 88 копѣекъ. Полн. собр. закон. т. XXVII, №№ 20,805 и 20,892.

[2]) Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,826.

[3]) Именной указъ медицинской коллегіи, отъ 9 апрѣля 1802 года (Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20,226). — H. Storch: Russland unter Alexander dem Ersten. VIII. 44 — 45.

генералъ-прокурора или оберъ-прокурора [1]). Для скорѣйшаго теченія слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ, всѣ губерніи, на общихъ правахъ состоящія, были раздѣлены на двѣ части, и постановлено вносить дѣла изъ губерній ближайшихъ къ Петербургу въ 4-й (въ послѣдствіи переименованный въ 5-й), а изъ ближайшихъ къ Москвѣ въ 5-й (въ послѣдствіи названный 6-мъ) департаментъ сената [2]). Затѣмъ огромное количество дѣлъ, входившихъ въ сенатъ, заставило учредить два новыхъ сенатскихъ департамента, одинъ въ С.-Петербургѣ и другой въ Москвѣ, послѣ чего состояли въ С.-Петербургѣ: 1-й, апелляціонные 2-й, 3-й, 4-й и 5-й уголовный и межевой департаменты, а въ Москвѣ: 6-й уголовный и апелляціонные 7-й и 8-й [3]).

Въ числѣ законовъ о правахъ состояній, изданныхъ въ началѣ царствованія Александра I, были слѣдующія постановленія: во 1-хъ, на основаніи 15-й статьи Всемилостивѣйше пожалованной дворянству грамоты, гдѣ сказано: «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», запрещено заковывать въ желѣза подсудимыхъ офицеровъ и дворянъ, по заключеніи сентенціи, до Высочайшей конфирмаціи [4]). Еще въ 1801 году послѣдовалъ именной указъ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ права оріобрѣтать покупкою земли; сенатскимъ же указомъ, отъ 24 апрѣля 1802 года, предписано присутственнымъ мѣстамъ не стѣснять такія сдѣлки [5]). За тѣмъ, повелѣно: «распространить на состоянія купеческое, мѣщанское и земледѣльческое 23-ю статью дворянской грамоты,» на основаніи коей наслѣдственное имѣніе осужденнаго и за важнѣйшее преступленіе отдается законнымъ его наслѣдни-

---

[1]) Высочайше утвержденный докладъ министра юстиціи, 21 октября 1802 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII. № 20,477).

[2]) Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,561. Въ находящійся въ Петербургѣ 4-й департаментъ сената назначено поступать дѣламъ изъ губерній: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Псковской, Смоленской, Олонецкой, Архангельской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Вятской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Тобольской и Иркутской, да сверхъ того изъ войсковыхъ канцелярій Донской и Черноморской. Въ 5-й департаментъ, состоящій въ Москвѣ, изъ губерній: Московской, Астраханской, Кавказской, Владимірской, Воронежской, Калужской, Курской, Нижегородской, Слободско-Украинской (Харьковской), Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической и Николаевской (Херсонской).

[3]) Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,605.

[4]) Высочайше утвержденный докладъ генералъ-аудитора князя Салагова, 18 іюля 1802 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,335).

[5]) Полн. собр. закон. т. XXVI, № 20,075 и т. XXVII, № 20,244.

камъ [1]). — На основаніи прежнихъ постановленій, неимѣющимъ дѣтей разрѣшено было завѣщать родовое имѣніе мимо ближнихъ дальнимъ родственникамъ [2]). Распространяя и утверждая права дворянства и гражданъ, императоръ Александръ I требовалъ отъ дворянскаго и купеческаго сословій, чтобы они не уклонялись отъ выборовъ, по нерадѣнію къ общему благу, и не отказывались отъ исполненія должностей, на нихъ возложенныхъ довѣріемъ ихъ обществъ [3]).

Въ концѣ 1804 года, послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе объ устройствѣ евреевъ. Принимая во вниманіе духъ тогдашняго общественнаго мнѣнія и современные предразсудки, нельзя не удивляться далеко опередившей вѣкъ терпимости правительства. Комитетъ, которому было поручено изслѣдовать причины невыгоднаго и вреднаго состоянія, въ которомъ находились евреи [4]), полагалъ, что поводами къ отчужденію ихъ отъ народа, въ средѣ коего они обитаютъ, были: во 1-хъ, уклоненіе ихъ отъ общаго управленія и законоположеній, коими руководствуются всѣ сословія; во 2-хъ, различіе въ одеждѣ и языкѣ. Употребленіе особаго языка не позволяло имъ пользоваться средствами къ образованію себя наравнѣ съ прочими русскими подданными; въ 3-хъ, отвращеніе ихъ къ земледѣлію, побуждавшее ихъ къ мелочной промышленности, сопряженной съ противозаконными средствами. Для обсужденія способовъ къ улучшенію положенія евреевъ, комитетъ вызвалъ изъ различныхъ губерній депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, и, кромѣ того, всѣ заключенія комитета были переданы чрезъ губернскія начальства главнымъ кагаламъ, которые должны были сообщить свои замѣчанія. Но, вмѣсто того, депутаты и кагалы ограничились голословною просьбою — отложить предположенное устройство ихъ на 15 или 20 лѣтъ, въ особенности же они домогались, чтобы за ними, по прежнему, было оставлено право арендовать имѣнія и содержать питейные домà. Такіе отзывы, внушенные корыстолюбіемъ немногихъ лицъ еврейскаго общества, утвердили комитетъ въ необходимости задуманнаго пра-

---

[1]) Именной указъ сенату отъ 6 мая 1802 года. (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 20,256).

[2]) Именной указъ сенату отъ 23 февраля 1804 года. (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,170).

[3]) Именной указъ сенату, отъ 20 августа 1802 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,381).

[4]) Членами комитета для составленія положенія объ устройствѣ евреевъ были назначены: министръ юстиціи Державинъ (потомъ Лопухинъ), министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, князь Адамъ Чарторыскій и графъ Северинъ Потоцкій.

вительствомъ преобразованія. На основаніи положенія: 1) Евреи могли поступать во всѣ русскія народныя училища, гимназіи, университеты и въ академію художествъ, сохраняя правила своей религіи; дѣти евреевъ въ приходскихъ и уѣздныхъ школахъ могли носить платье еврейское, но обучающіеся въ гимназіяхъ должны были ходить въ нѣмецкомъ платьѣ; 2) евреи производятся въ университетскія степени наравнѣ съ прочими русскими подданными; 3) если евреи не захотятъ отдавать своихъ дѣтей въ общія училища, то установить на ихъ счетъ особыя школы и въ число предметовъ ихъ ученія включить одинъ изъ языковъ: русскій, польскій, или нѣмецкій; 4) по прошествіи шести лѣтъ отъ изданія сего положенія, всѣ купеческія сдѣлки между евреями должны были происходить на одномъ изъ этихъ языковъ; 5) всѣ евреи, имѣя полную свободу употреблять свой языкъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ относящихся до вѣры, такъ и въ домашнихъ, были обязаны, съ 1 января 1808 года, совершать всѣ публичные акты на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкѣ; 6) члены магистрата изъ евреевъ должны носить нѣмецкое, русское, либо польское платье; съ 1808 года, никто изъ евреевъ не можетъ быть выбранъ въ члены магистрата, если не будетъ читать на одномъ изъ языковъ: русскомъ, нѣмецкомъ или польскомъ; 7) съ начала 1812 года, никто не можетъ быть избранъ ни въ какую должность, ни въ кагалѣ, ни въ раввинствѣ, если не будетъ читать и писать на одномъ изъ означенныхъ языковъ.—Всѣхъ евреевъ положено раздѣлить на четыре сословія: а) земледѣльцевъ; б) фабрикантовъ и ремесленниковъ; в) купцовъ; г) мѣщанъ. Съ евреями, незаписанными ни въ одно изъ этихъ сословій, опредѣлено поступать, какъ съ бродягами, по всей строгости законовъ. За тѣмъ, въ положеніи были изложены права и обязанности каждаго сословія (одинаковыя съ постановленіями для всѣхъ русскихъ подданныхъ) и обязанности раввиновъ и кагаловъ [1]). Къ сожалѣнію однакоже это положеніе осталось неисполненнымъ, и бытъ евреевъ, столь же вредный для нихъ самихъ, сколько и вообще для государства, нисколько не улучшился.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе, что крѣпостные люди, за казенные и частные долги ихъ помѣщиковъ, отдавались судебными мѣстами въ работу, и что получаемыя за то деньги поступали на удовлетвореніе взысканій съ помѣщиковъ,

---

[1]) Именной указъ сенату, отъ 9 декабря 1804 года. (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,547).

запретилъ такіе поступки и повелѣлъ сенату—«сдѣлать распоряженіе, чтобы никто не наказывался за чужую вину»[1]).

Въ отношеніи ссыльныхъ, каторжныхъ и лишенныхъ чести людей, послѣдовали слѣдующія распоряженія:

Во 1-хъ, подтвержденъ указъ 1728 года декабря 20, коимъ отъ такихъ людей запрещено принимать письма для отправленія по почтѣ, тѣмъ болѣе, что «люди сего рода, считаясь политически мертвыми для общества, не могутъ быть съ нимъ въ сношеніи иначе, какъ чрезъ мѣстное начальство»[2]).

Во 2-хъ, дозволено мужьямъ и женамъ ссыльныхъ вступать въ другой бракъ, съ тѣмъ, что прежніе ихъ браки теряютъ законную силу, даже и въ такомъ случаѣ, когда преступникъ, будучи помилованъ, возвратится на родину[3]).

При императорѣ Александрѣ соблюдалась терпимость въ отношеніи ко всѣмъ религіямъ, издавна существовавшая въ въ Россіи. Въ 1803 году, на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора Алексѣя Борисовича Куракина, какъ поступать съ раскольническими попами, объявлено Высочайшее повелѣніе: «какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ крещенія младенцевъ и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы, но не подавать имъ однакоже явнаго вида покровительства»[4]). Не смотря на такую терпимость, императоръ Александръ ревностно ограждалъ православіе отъ притязаній католическаго духовенства. Получивъ свѣдѣнія о насильственномъ обращеніи бѣлорусскихъ уніатовъ въ латинскій обрядъ, государь повелѣлъ мѣстному начальству защищать ихъ отъ притѣсненія католическихъ консисторій. Вслѣдъ за тѣмъ, было строжайше запрещено всѣмъ частнымъ обществамъ и частнымъ жителямъ римско-католическаго исповѣданія имѣть непосредственное сношеніе съ римскимъ дворомъ[5]).

---

1) Именной указъ сенату, отъ 4 октября 1803 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,966).

2) Именной указъ главному директору почтъ Трощинскому, отъ 12 сентября 1803 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,936).

3) Указъ синоду, отъ 28 апрѣля 1804 года. (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,276).

4) Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода. 1858, стран. 27.

5) Именной указъ бѣлорусскому военному губернатору Михельсону, отъ 4 іюля 1803 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,837). Именной указъ, объявленный министромъ внутреннихъ дѣлъ митрополиту римскихъ церквей въ Россіи Сестренцевичу, отъ 6 іюля того же года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,838). Именной указъ,

Таковы были главныя законоположенія, по внутреннему устройству Имперіи, въ первомъ періодѣ царствованія Александра I отъ 1801 до 1805 года. Современники находили ихъ неимѣющими взаимной связи, да и не могло быть иначе. Пока наши законы не были приведены въ систему, до тѣхъ поръ всякая попытка коренного преобразованія законодательной части была преждевременна; оставалось устранять и искоренять наиболѣе вопіющія злоупотребленія, смягчать уставы несовмѣстные съ духомъ времени, стараться придать закону ту силу и то уваженіе, безъ которыхъ онъ остается мертвòю буквою. Все это составляло предметъ заботъ правительства, и многіе изъ нашихъ тогдашнихъ постановленій, въ отношеніи къ человѣколюбію и предвѣчной правдѣ, могли служить образцомъ для юристовъ западной Европы. Конечно — исполненіе законовъ и тогда заставляло желать многого. Недаромъ поэтъ сказалъ:

.... Законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.

Да и гласъ народа, недаромъ прозванный гласомъ Божіимъ, выразилъ свое понятіе о нашей юстиціи словами: «не бойся суда, а бойся судьи.»

Чтобы найти спасительную нить въ лабиринтѣ многосложнаго обряда русской Ѳемиды, надлежало собрать всѣ существующіе у насъ законы и привести ихъ въ систематическій порядокъ. Эта огромная работа, начатая въ царствованіе Александра I, была окончена, какъ извѣстно, уже при августѣйшемъ его преемникѣ.

объявленный государственнымъ канцлеромъ митрополиту римскихъ церквей въ Россіи, отъ 13 декабря 1803 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 21,078).

М. Богдановичъ.

III.

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ

СѢВЕРОВОСТОЧНАГО КРАЯ*).

I.

Едва ли возможенъ въ настоящее время споръ о важности этнографическихъ вопросовъ для исторіи. Чѣмъ глубже проникала мысль историковъ въ изученіи минувшихъ судебъ человѣчества, чѣмъ полнѣе и многостороннѣе было это изученіе, тѣмъ ощутительнѣе становилась необходимость воспользоваться богатыми свѣдѣніями, которыя даются современнымъ состояніемъ наукъ естественныхъ. Пока на первомъ планѣ стояли событія внѣшней, политической жизни народовъ, сознаніе этой необходимости не могло возникнуть. Войны, дипломатическія сношенія,

*) Эта статья была доставлена въ Редакцію, при слѣдующемъ письмѣ профессора К. Н. Безстужева-Рюмина:

«М. Г. Препровождая въ вашъ журналъ статью покойнаго профессора Московскаго университета Степана Васильевича Ешевскаго, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ какъ о статьѣ, такъ и объ авторѣ ея.

«Въ 1857 г., Ешевскій былъ профессоромъ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ. Весною этого года, онъ прочелъ три публичныя лекціи, выбравъ предметъ, который наиболѣе могъ интересовать мѣстное общество, а именно, колонизацію русскими сѣверо-восточнаго края Имперіи. Этнографическіе вопросы постоянно интересовали Ешевскаго: въ Казани онъ основывалъ этнографическій музей; одною изъ послѣднихъ заботъ его жизни было устройство этнографическаго отдѣленія Московскаго музея; у него самого была недурная коллекція древнихъ вещей преимущественно изъ *Біарміи* (описаны въ *Перм. Сборникѣ*, кн. I) и *Булгаръ*; одинъ изъ московскихъ кур-

измѣненія въ сферѣ законодательной легко изучить безъ пособія естествовѣдѣнія. Даже вопросы о происхожденіи народовъ, о родствѣ ихъ между собою, такъ сильно занимавшіе умы уче-

---

совъ (общій курсъ древней исторіи 1861—62 г.) онъ началъ этнографическимъ введеніемъ (которое и напечатано въ «Отеч. Зап.» 1862 г. подъ заглавіемъ: «Этнографическіе этюды»; посвященные общимъ вопросамъ, эти этюды заключаютъ однако въ себѣ въ видѣ примѣра кое-что заимствованное изъ предлагаемыхъ лекцій); другой московскій курсъ онъ посвятилъ этнографіи римскаго міра (курсъ 1858 г.). Это сознаніе важности этнографіи и желаніе показать все значеніе вопросовъ, входящихъ въ ея составъ, было второю причиною, по которой выборъ его остановился на этомъ предметѣ. Краткость срока (онъ прочелъ всего три лекціи), недостаточность обработки предмета у насъ, и до сихъ поръ еще не вполнѣ укоренившагося, побудили его ограничиться общимъ очеркомъ. Очеркъ этотъ, не смотря на то, что, послѣ его прочтенія, прошло почти десять лѣтъ, до сихъ поръ, по моему мнѣнію, неутратилъ своего интереса: онъ можетъ служить какъ бы программою для будущихъ изслѣдованій этого въ высшей степени интереснаго края. Конечно, новый изслѣдователь можетъ прибавить нѣкоторыя новыя черты: хоть бы объ отношеніи московскаго правительства къ мѣстному дворянству, на что есть указанія въ сборникѣ Актовъ г. Мельникова, который изданъ послѣ, но едвали, судя по упоминанію имени г. Мельникова въ одномъ мѣстѣ статьи, не былъ извѣстенъ Ешевскому до изданія, или о понизовской вольницѣ, на что есть указаніе въ статьяхъ г. *Мордовцева*, превосходномъ опытѣ обработки мѣстныхъ матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ, общія черты чрезвычайно мѣтко и вѣрно указаны въ очеркѣ Ешевскаго. Объединяющая сила Великорусской отрасли великаго Русскаго племени, которой — если позволительно такъ выразиться — суждено было первой стать оплотомъ и центромъ тяжести славянства, ярко выступаетъ на страницахъ этого очерка: да, великорусское племя есть племя смѣшанное — готовъ сказать каждый — но потому оно и великое племя: само собою безъ помощи (иногда даже съ противодѣйствіемъ администраціи) оно успѣло ославянить населеніе такого огромнаго пространства. Побѣда христіанскаго и европейскаго начала надъ степными кочевниками — вотъ самая любопытная сторона Русской исторіи; а главное поле битвы — сѣверовосточный край и Сибирь; уже съ опытомъ вынесеннымъ изъ этой мѣстности, и оградивъ себя отъ востока, русское государство и русскій народъ обратился къ югу на Новороссію. Кромѣ этого общаго вывода о колонизаторскихъ способностяхъ великорусскаго племени и значеніе этой струи въ его исторіи, можно сдѣлать еще много другихъ выводовъ изъ краткаго очерка, представленнаго Ешевскимъ, напр., о томъ инстинктѣ, который руководилъ въ этомъ вопросѣ московскимъ правительствомъ, о его чисто-великорусскомъ умѣніи обезпечивать свое владычество въ покоренныхъ странахъ, и томъ вредѣ, который принесло намъ крѣпостное право, заимствованіе отъ Польши, и о томъ, какъ умѣлъ русскій человѣкъ найти выходъ и изъ него; на многое другое можно бы еще было указать, но все это легко увидитъ самъ читатель.

«Въ заключеніе, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ Ешевскомъ; болѣе же подробныя библіографическія свѣдѣнія о немъ надѣюсь сообщить вамъ для одной изъ слѣдующихъ книжекъ. Мы слишкомъ скоро забываемъ своихъ дѣятелей и рѣдко-рѣдко рѣшимся помянуть ихъ добрымъ словомъ; а стоитъ помянуть такого человѣка, какъ Ешевскій, который страстно и глубоко былъ преданъ дѣлу науки въ Россіи, который по своей живой, впечатлительной природѣ всѣмъ интересовался, обо всѣмъ хотѣлъ имѣть точныя свѣдѣнія и составить самостоятельное понятіе, который умѣлъ наконецъ возбудить къ себѣ сочувствіе учащейся молодежи вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, и быть ей истинно-полезнымъ и совѣтомъ и книгами, далеко не ограничивая

ныхъ прошедшихъ столѣтій, не наводили ихъ на мысль искать разрѣшенія не въ однихъ болѣе или менѣе произвольныхъ филологическихъ сличеніяхъ, не въ одномъ собраніи и сводѣ цитатъ изъ древнихъ писателей. Путемъ сравнительнаго языкознанія можно было дойдти до многихъ важныхъ выводовъ, но въ то время, когда лучшіе умы мучительно напрягались надъ вопросами о происхожденіи, сравнительная филологія, какъ наука, еще не существовала. Она возникла только въ настоящее время, и была результатомъ развитія тѣхъ же требованій, которыя привели къ вопросу о значеніи породъ человѣческихъ. Сравнительная филологія ведетъ въ тотъ же таинственный міръ доисторической древности, гдѣ одновременно совершался процессъ обособленія народностей и обособленія языковъ. Писанная исторія, лѣтописи даютъ только самыя темныя отрывочныя извѣстія объ этомъ до-историческомъ періодѣ, и, ограничиваясь изученіемъ одной, такъ сказать, лѣтописной исторіи, невозможно составить себѣ какое нибудь, по возможности, вѣрное понятіе. Писанная исторія

своей дѣятельности профессора одними лекціями. Если бы только тѣ изъ ученыхъ, которые внесли новое начало въ науку, заслуживали признательной памяти, тогда бы пришлось говорить весьма о немногихъ, и, мало того, пришлось бы быть крайне несправедливымъ ко многимъ честнымъ, умнымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, которые всю жизнь свою положили «въ бутъ», подъ зданіе образованія своей страны, какъ часто говаривалъ покойный; этимъ его словомъ всего лучше можно охарактеризовать его дѣятельность.

«С. В. Ешевскій родился въ 1827 г. въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи; учился сначала въ Костромской, а потомъ Нижегородской гимназіи. Еще въ гимназіи (особенно въ Нижнемъ, подъ вліяніемъ тогдашняго нашего учителя П. И. Мельникова) онъ началъ особенно любить исторію. Тѣ же занятія продолжались и въ университетѣ (сначала Казанскомъ, потомъ Московскомъ). Окончательно же предался онъ Всеобщей исторіи подъ вліяніемъ П. И. Кудрявцева; по окончаніи курса (въ 1850 г.), онъ былъ сначала учителемъ исторіи въ Николаевскомъ Московскомъ институтѣ; потомъ профессоромъ (съ 1853 въ Одессѣ, съ 1856 въ Казани, и съ 1858 въ Москвѣ). Въ этотъ промежутокъ онъ защитилъ свою диссертацію на магистра: «Кай Солій Аполлинарій Сидоній», которая вызвала превосходную рецензію кіевскаго профессора Деллена, присуждавшаго ей Демидовскую премію. Въ 1859 г., онъ поѣхалъ за границу и вернулся въ Москву въ 1861 г. Въ послѣдніе годы, здоровье его, никогда не бывшее крѣпкимъ, начало слабѣть. Осенью 1864 г., послѣ трехмѣсячнаго пребыванія за границею, онъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ, и показался мнѣ крѣпче; но это было обманчиво: въ маѣ 1865 г. его нестало. Не буду здѣсь перечислять трудовъ Ешевскаго; въ подробномъ очеркѣ, я представлю полную картину его учено-литературной дѣятельности; скажу только, что послѣ него осталось нѣсколько составленныхъ курсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ появиться на страницахъ вашего журнала; а полное собраніе его сочиненій будетъ издано въ Москвѣ.

«Примите и проч.»

Въ слѣдующихъ книжкахъ журнала будутъ помѣщены другія двѣ статьи покойнаго С. В. Ешевскаго, уже поступившія въ Редакцію. *Ред.*

является въ народѣ только тогда, когда уже кончился этотъ образовательный процессъ, когда народъ сознalъ уже себя, какъ конкретное цѣлое, отличное отъ всѣхъ другихъ народностей, когда выработались въ главныхъ своихъ основаніяхъ языкъ и неразрывно связанный съ языкомъ кругъ воззрѣнія на окружающую природу и человѣка,—когда, однимъ словомъ, сложилась и отвердѣла та форма, тотъ физическій и нравственный типъ, который до конца его существованія будетъ составлять его исключительную особенность, и когда ослабѣла, если не вполнѣ уничтожилась, память о пути, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыми достигнутъ былъ этотъ результатъ. Отголоски, воспоминанія періода обособленій, доисторической жизни, заносятся въ лѣтопись какъ миѳъ, какъ сага или народное преданіе, внутренній смыслъ которыхъ затерянъ, быть можетъ, навсегда, хотя внѣшнія черты саги сохраняются съ религіознымъ уваженіемъ.

Однимъ изученіемъ писанной лѣтописи нельзя глубоко проникнуть въ ту темную пору исторіи; а между тѣмъ вопросъ о народахъ стоитъ на очереди, обойдти его нѣтъ средствъ. Геніальный Нибуръ высказалъ мысль о необходимости этнографіи. Изслѣдованія другихъ ученыхъ надъ исторіею новыхъ европейскихъ народовъ показали всю важность племенныхъ отношеній. Скрыто отъ поверхностнаго наблюденія, но тѣмъ не менѣе глубоко-существенно значеніе борьбы разныхъ народностей, поставляемыхъ историческими обстоятельствами рядомъ одна съ другою. Вымираніе цѣлыхъ племенъ, слѣдующее за столкновеніемъ ихъ съ другою расою, за принятіемъ ими чуждой цивилизаціи, подымаетъ страшный вопросъ: не таится ли въ самой организаціи извѣстныхъ племенъ ихъ способность къ той или другой формѣ образованія? не обозначены ли природою заранѣе предѣлы, до которыхъ можетъ достигать умственное и нравственное развитіе извѣстной породы, способность ея воспринимать только извѣстныя идеи? не очерченъ ли заранѣе кругъ понятій, изъ котораго нѣтъ выхода тому или другому племени? Со всѣхъ сторонъ слышны голоса о необходимости глубокаго изученія природныхъ условій для возможности пониманія историческихъ судебъ какого нибудь народа. «Природа, говоритъ одинъ изъ датскихъ ученыхъ[1]), не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное конечное существо, и человѣчество, какъ конечный

---

[1]) Гинрихсенъ, въ его сочиненіи: Die Germanisten und die Wege der Geschichte. 1848.

организмъ, подчинены съ начала вѣковъ ея великимъ неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее. Изслѣдованія извѣстнаго Эдварса доказали живучесть народныхъ типовъ, много столѣтій послѣ того, какъ исчезло изъ исторіи и изъ памяти ихъ имя. Предъ пытливымъ взглядомъ опытнаго физіолога, въ обликѣ жителей нѣкоторыхъ мѣстностей Франціи, Швейцаріи и верхней Италіи открылись черты кимврской и галльской физіономій. Нужны исключительныя, едва ли попадающіяся въ дѣйствительности, условія совершеннаго истребленія извѣстнаго племени для того, чтобы совершенно уничтожился, въ занимаемой имъ странѣ, его племенной типъ; чтобы въ далекихъ, отдѣленныхъ столѣтіями, потомкахъ нельзя было узнать фамильнаго сродства съ давно забытыми предками, сходства не въ цвѣтѣ волосъ и кожи, но въ болѣе существенныхъ признакахъ, въ формѣ черепа, въ лицевомъ очертаніи. Черепъ съ кимврскаго кладбища I-го вѣка до Р. Х. совершенно одинаковъ съ господствующею формою черепа населеній извѣстныхъ частей Франціи. Въ чертахъ польскаго еврея вы узнаете его родственное сходство съ тѣми плѣнниками, которыхъ влекутъ за собою Фараоны на барельефахъ луксорскихъ. Живучесть физическаго типа предполагаетъ и живучесть, хотя быть можетъ и не въ такой степени, типа нравственнаго. Соединеніе различныхъ народностей въ одинъ народъ, помѣсь различныхъ племенныхъ особей, видоизмѣненія народнаго типа и характера подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій — вопросы первой важности для историка. Чистыхъ породъ мы мало найдемъ на сценѣ исторіи. Племена, сохранившіяся отъ историческихъ примѣсей, какъ-то слабѣютъ и вымираютъ, какъ вырождаются тѣ аристократическія фамиліи, которыя допускаютъ браки, соединяясь только въ извѣстномъ ограниченномъ кругѣ. Изслѣдованіе и сколь возможно точное опредѣленіе тѣхъ этнографическихъ элементовъ, изъ которыхъ сложился извѣстный народный типъ, разложеніе этого типа на его составныя части дастъ ключъ къ уразумѣнію многихъ темныхъ сторонъ его исторіи, объяснитъ многое, что было до сихъ поръ скрыто отъ самой настойчивой пытливости. Характеръ современнаго француза рѣзко отличается отъ каждой народности, изъ соединенія которыхъ образовалась французская нація. Французъ не кельтъ, не иберъ, не германецъ, и не римлянинъ, но у него въ образованіи его типа можно различить, такъ сказать, количественное вліяніе того или другого образовательнаго элемента. Быть можетъ, не одно явленіе изъ сферы умственной и нравственной жизни народа объяснится только помощію этнографическихъ соображеній. Народы романскаго племени упорно

держатся за католицизмъ. Протестантство особенно крѣпко привилось къ племенамъ германо-скандинавскаго происхожденія. Однимъ вліяніемъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ трудно объяснить этотъ фактъ, точно также какъ трудно объяснить, почему краснокожія племена Сѣверной Америки вымираютъ черезъ извѣстное число поколѣній, послѣ принятія ими европейской цивилизаціи, неразлучной съ христіанствомъ. Одни племена отличаются упорствомъ въ храненіи своего народнаго типа, другія легко перерождаются и принимаютъ на себя характеристическія черты другой народности.

Особую важность пріобрѣтаютъ этнографическія изысканія, примѣнительно къ исторіи русскаго народа. На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ финнскимъ, почти сплошною массою занимавшемъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ этой равнины, и съ племенемъ монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Ясныя историческія свидѣтельства говорятъ о временномъ пребываніи на равнинѣ европейской Россіи племенъ кельтическихъ и германо-скандинавскихъ; но если бы и не было этихъ свидѣтельствъ, изслѣдованіе языка русскаго заявило бы неопровержимыя доказательства въ пользу тѣснаго когда-то сближенія съ ними, въ пользу обмѣна словъ и понятій. Можно прослѣдить исторически распространеніе славяно-русской народности на сѣверо-востокѣ европейской Россіи, поглощеніе этой народностію другихъ народностей; а это распространіе русскаго племени на счетъ другихъ народностей имѣетъ всемірное историческое значеніе. Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финнское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣточь христіанства и образованія, и которымъ предназначено идти во главѣ развитія чело-

вѣчества. Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцомъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только что образовавшіяся и еще неокрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало волны азіятскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая мечемъ и плугомъ границы Европы отъ Азіи, распространяя предѣлы европейской территоріи на счетъ Востока. Важное значеніе *вооруженной* борьбы Руси съ Азіей оцѣнено и признано всѣми; но великіе результаты *мирнаго* завоеванія менѣе ясны, хотя ихъ слѣдствіе несравненно многозначительнѣе. Русское племя не отличалось исключительностію и нетерпимостію. Его распространеніе не уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финнскія, на счетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гибнутъ племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англо-саксонскою расою, какъ вымираютъ туземцы Океаніи вслѣдствіе поселеній между ними европейцевъ. Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись огнемъ и мечемъ; на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ сліянія совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ. На чисто-славянской основѣ ложатся обрусѣвшія племена финнскаго и азіятскаго происхожденія, принявшія съ христіанствомъ и русскій языкъ и русскіе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою народностью, съ племенемъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ сознававшимъ основу своей особенности, оно и тамъ не пыталось насильственно сломать это упорное сопротивленіе. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскія поселенія въ губерніяхъ Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской, Минской и т. д., сохранившія до сихъ поръ и свою вѣру и свои обычаи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенія. Чѣмъ дальше идемъ мы мыслію въ древнюю исторію русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непріязненнаго воззрѣнія на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознаніе своей рѣзкой противуположности, выработались уже путемъ историче-

скимъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣніе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ западу, нежели къ востоку, болѣе вслѣдствіе религіозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И теперь нѣмецъ, принявшій православіе, становится въ глазахъ народа русскимъ. Припоминая русскія фамиліи, принадлежащія или желающія принадлежать къ аристократіи, легко убѣдиться, что нѣмцамъ, татарамъ и грузинамъ одолжены мы большею частію знатнѣйшаго русскаго дворянства. Этою легкостью восприниманія въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, переработывая все это въ свою собственную народность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженіе русскаго племени, легкое его распространеніе по необъятному пространству отъ Балтійскаго моря до Восточнаго Океана; объясняется также и то, что русское племя не есть чистое племя, а слѣдствіе соединенія различныхъ народностей, подъ условіемъ преобладанія народности славянской: что въ племени русскомъ преобладающая стихія есть стихія славянская, въ этомъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ самаго начала русской исторіи, среди постоянной борьбы съ востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіятскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; по этому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской.

Другой вопросъ, видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ, или остался во всей чистотѣ? Налагая свою славяно-европейскую народность на племена чуждыя, претворяя ихъ въ себя, не подверглось ли русское племя нѣкоторому воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Русскій народный типъ есть ли повтореніе общеславянскаго типа, или это есть нѣчто новое, какъ напримѣръ, типъ француза или англичанина, въ которыхъ легко отличить преобладаніе одной изъ первичныхъ основныхъ образовательныхъ стихій, но легко также замѣтить и вліяніе остальныхъ элементовъ, а также слѣдуетъ признать и много такого, чего не отыщемъ ни въ одномъ образовательномъ элементѣ, и что было слѣдствіемъ ихъ соединенія? Едва ли можетъ быть впрочемъ сомнѣніе въ послѣднемъ. Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской,

Костромской, считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго типа. Въ губерніи Владимірской, инородцы составляютъ $1/_{5419}$ часть всего населенія; въ Московской, менѣе $1/_{146}$, но и это незначительное количество чуждой примѣси состоитъ изъ пришельцевъ цыганъ и нѣмцевъ, которыхъ можно встрѣтить по всему пространству обширной Россіи, туземцовъ же не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Въ Ярославской губерніи, инородцы составляютъ менѣе $1/_{538}$; въ Костромской, менѣе $1/_{268}$ всего населенія; исключивъ изъ счета въ обѣихъ губерніяхъ тѣхъ же нѣмцевъ и цыганъ, а въ Костромской сверхъ того и татаръ, какъ поселенцевъ позднѣйшихъ, мы найдемъ въ восточной части Костромской губерніи на границахъ съ Вятскою небольшое число черемисъ, еще уберегшихся, благодаря своему положенію, отъ русскаго вліянія, а въ западной части Ярославской еще незначительнѣйшій остатокъ карелы, въ половину уже обрусѣвшей; все же остальное пространство 4-хъ губерній занято русскимъ населеніемъ и притомъ такимъ, въ которомъ по преимуществу полагаютъ чистѣйшій типъ великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, сидѣли нѣкогда племена финнскія, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ лѣтописяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финнскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или о ихъ истребленіи. Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою, сплошною массою въ это пространство, гоня передъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройдти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти, если не въ лѣтописяхъ. Движенія сплошною массою мы не находимъ и въ позднѣйшей колонизаціи русскаго племени, совершившейся на свѣжей памяти исторіи. Итакъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ же объяснить его исчезновеніе? Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ обрусеніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.

Ни одно племя, какъ бы оно ни стояло низко относительно образованія, не можетъ вполнѣ отречься отъ своихъ естественныхъ, природныхъ свойствъ; сливаясь съ другою народностію,

принимая на себя ея характеристическія особенности, оно должно въ свою очередь передать ей нѣкоторыя черты своего типа. Болѣе внимательное этнографическое изученіе населенія вышеприведенныхъ 4-хъ губерній должно открыть ясные слѣды воздѣйствія финнскаго элемента, его участіе въ образованіи народнаго типа. Что славянская народность, поглощая въ себѣ другія народности, способна въ свою очередь принимать на себя довольно сильное ихъ вліяніе,—то доказываетъ наблюденіе надъ населеніемъ Архангельской губерніи. За исключеніемъ крайняго сѣвера, занятаго съ одной стороны лопарями, съ другой — самоѣдами, до западной стороны, гдѣ живутъ карелы, уже частію подвергшіеся вліянію русской народности, все пространство Архангельской губерніи занято чисто русскимъ населеніемъ. Извѣстный финнологъ Кастренъ въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ 1838—44 годовъ, изданныхъ по смерти его г. Шифнеромъ, представляетъ намъ различныя степени обрусенія лопарей и финновъ. «Въ кругу русскихъ—говоритъ онъ о лопаряхъ, живущихъ около большой Мурманской дороги—тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго лопаря; но, въ отношеніи къ другимъ лопарямъ, онъ уже почти русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ; за отсутствіемъ своихъ пѣсенъ, онъ поетъ русскія; русскія игры, обычаи и нравы, нарядъ — уже приняты ими. Русское вліяніе оказалось въ хлопотливости, веселости, торговомъ духѣ этихъ лопарей, качествахъ несвойственныхъ тѣмъ изъ ихъ родичей, которые удалены отъ частыхъ сношеній съ русскими.» Тотъ же Кастренъ опровергалъ мнѣніе о насильственномъ оттѣсненіи финнскихъ поселенцевъ съ береговъ Бѣлаго моря русскими пришельцами. Въ числѣ прочихъ доказательствъ онъ приводитъ слѣдующее: «Что русскіе поселились мирно, приняли въ себя народность финнскую, а не искореняли ея, то доказывается и нечистотою русскаго языка архангелогородцевъ, наполненнаго финницизмомъ, и финскимъ обликомъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою». Любопытный примѣръ этой смѣси русскихъ съ туземцами представляютъ ижемскіе поселенцы, на притѣсненія которыхъ такъ горько жалуются большеземельскіе самоѣды. Къ смѣси зырянъ и русскихъ, изъ которой образовались ижемцы, присоединились еще потомки нѣсколькихъ самоѣдскихъ семействъ, давно уже промѣнявшихъ кочевую жизнь на осѣдлую и породнившихся съ зырянами и русскими. Въ самомъ обликѣ отразилось вліяніе туземной примѣси, значительная степень уклоненія отъ великорусскаго племени. Еще съ большею ясностію видно вліяніе смѣшенія на юго-востокѣ. Кто не знаетъ, изъ какихъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ

образовалось казачество на низовьяхъ Днѣпра по Дону и по Уралу? Самое имя Торковъ, Берендеевъ, Ковуевъ и другихъ племенъ тюркскаго происхожденія, жившихъ въ Кіевской губерніи, исчезли изъ памяти народной, хотя въ лѣтописи нѣтъ слѣдовъ ихъ ухода или истребленія, и многія лица малороссійскаго казачества сильно напоминаютъ собою азіатскій обликъ этихъ исчезнувшихъ народцевъ. Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ посторонних примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверовосточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, особенности, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области Суздальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кіевлянина. Но допуская воздѣйствіе племенъ чуждыхъ на образованіе народнаго русскаго типа, мы считаемъ дѣломъ первой важности, каждое племя, частію уже поглощенное русскою народностью, изучить по возможности въ его чистотѣ, чтобы знать, что могло оно внести въ совокупность физическихъ и нравственныхъ признаковъ, составляющихъ теперь русскую народность. Этнографія инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи или нѣкогда существовавшихъ тамъ, должна обратить на себя полное вниманіе русскаго историка; точно такъ, какъ становится важно прослѣдить исторію разселенія русскаго племени среди племенъ чуждыхъ, ихъ первое знакомство и постепенное сближеніе. Отъ количественныхъ отношеній зависитъ сила того или другого племенного вліянія, равно какъ и отъ размѣщенія разноплеменныхъ поселенцевъ относительно другъ друга.

На этотъ разъ позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на разселеніе русскаго племени въ Восточной Россіи, преимущественно по Волгѣ и Камѣ. На этомъ обширномъ пространствѣ поселеніе русскихъ совершилось уже на памяти исторіи. Его можно слѣдить частію по извѣстіямъ лѣтописей, частію по памятникамъ юридическимъ и по преданіямъ и воспоминаніямъ самого народа. Здѣсь, кромѣ того, до сихъ поръ еще сохранились въ большей или меньшей чистотѣ остатки туземнаго населенія и притомъ на разныхъ степеняхъ сближенія ихъ съ русскимъ племенемъ. Въ то время какъ одни инородческія племена живутъ еще густыми массами, въ которыя мало проникла русская колонизація, и оттого яснѣе хранятъ на себѣ физіологическія особенности своэго типа, свой бытъ и память о прежнихъ вѣрованіяхъ, — другія, уже подвергшись растворяющему дѣй-

ствію русской народности, со всѣхъ сторонъ охваченныя русскими поселеніями, являются въ отдѣльныхъ небольшихъ группахъ, раздѣленныхъ одна отъ другой широкими полосами русскихъ колонистовъ; третьи, наконецъ, представляютъ собою малочисленные осколки нѣкогда сильныхъ племенъ, остающіеся только какъ бы за тѣмъ, чтобы служить доказательствомъ ихъ существованія, обозначать предѣлы ихъ древняго распространенія.

Сѣверовосточная часть Россіи занята преимущественно племенами финскаго, монгольскаго и татарскаго происхожденія. На крайнемъ сѣверовостокѣ тянутся, простираясь далеко за предѣлы европейской Россіи, племена самоѣдскія и народы югорскіе, къ которымъ причисляютъ вогуловъ и остяковъ; въ судьбѣ этихъ народовъ, въ ихъ происхожденіи много загадочнаго. Тамъ и здѣсь являются племена, о которыхъ спорятъ изслѣдователи, не зная къ которой изъ великихъ вѣтвей отнести ихъ. По древности обитанія, по сравнительной важности, первое мѣсто принадлежитъ племени чудскому или финскому. Самое общее названіе чрезвычайно неопредѣленно; еще неопредѣленнѣе его подраздѣленіе. Раздѣлять на племена собственно финскія, пермскія и волжскія принято извѣстнѣйшими нашими этнографами; этимъ удовлетворяется только первая потребность систематизировать, намѣтить, хотя внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ, раздѣльныя линіи между племенами, родственными по языку и происхожденію, какъ-нибудь сгруппировать многочисленныя вѣтви, идущія, очевидно, отъ одного корня, но разошедшіяся уже весьма далеко другъ отъ друга, принадлежащія къ одной семьѣ, но во многомъ уже различныя. Даже и въ этой внѣшней группировкѣ согласны далеко не всѣ этнографы. Болѣе точнаго опредѣленія можно ждать развѣ только отъ дальнѣйшихъ изысканій, отъ болѣе полнаго и всесторонняго изученія этого племени и занимаемой нѣкогда имъ мѣстности. Тогда, быть можетъ, нѣсколько прояснятся, хотя въ общихъ чертахъ, историческія судьбы его.

Финское или чудское племя — будемъ называть его этимъ общимъ, болѣе прочихъ принятымъ именемъ — мало чѣмъ заявило свое право на имя народа историческаго. Въ лѣтописяхъ другихъ народовъ встрѣчаются рѣдкія о немъ упоминанія. Хотя Тацитъ уже знаетъ финскія племена, и у Іорнанда находимъ даже перечисленіе главныхъ племенъ, изъ которыхъ всѣ встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ, и многія существуютъ до сихъ поръ; но изъ народныхъ преданій трудно извлечь что нибудь опредѣленное. Два пункта болѣе другихъ обозначаются въ таинственномъ сумракѣ, скрывающемъ судьбу финскаго племени. Съ одной стороны—племена нынѣшней Финляндіи, съ замѣчательнымъ раз-

витіемъ народной поэзіи, съ религіознымъ эпосомъ Калевалы, съ ясными остатками поэтически выработанной миѳологіи. Тонкое пониманіе сущности поэзіи слышно во всѣхъ пѣсняхъ финляндцевъ. Трудно въ болѣе граціозномъ образѣ высказать мысль объ истинномъ источникѣ поэтическаго вдохновенія, какъ высказалась она въ пѣсни о мальчикѣ и Маналайнетѣ, которую приводитъ Кастренъ въ своихъ «Reiseerinnerungen.» Но какой-то глубокой, неисходною скорбью отмѣчена каждая дума финна; грусть, снѣдающая сердце, составляетъ отличительную черту его характера. Эта грусть возвышаетъ его иногда до высокаго героизма, но въ самомъ героизмѣ проглядываетъ безвѣріе въ будущность. Внутренняя созерцательность, сосредоточеніе въ самомъ себѣ — вотъ, существенное отличіе финна отъ племенъ, его окружающихъ; но кто скажетъ, гдѣ таится причина этой всегдашней пасмурности, въ самой ли природѣ племени, въ историческихъ ли его обстоятельствахъ? Съ другой стороны—не менѣе загадочная страна Біармія, игравшая такую важную роль въ разсказахъ о похожденіяхъ скандинавскихъ викинговъ. Великая Пермь, украина финскаго міра, тянувшаяся отъ Бѣлаго моря до Уральскихъ горъ, не даромъ славилась въ скандинавскихъ сагахъ. Арабскіе писатели знаютъ ее также,—правда, кажется, только по имени. Въ русскихъ лѣтописяхъ записаны походы туда новгородскихъ удальцовъ и мирныя торговыя сношенія съ нею великаго Новгорода. Если ничѣмъ положительно нельзя доказать дѣйствительнаго существованія сильныхъ, самостоятельныхъ князей Біармійскихъ, о которыхъ говорятъ сѣверныя саги, если разсказы о богатствахъ храмовъ Біарміи, расхищенныхъ викингами, и преувеличены, тѣмъ не менѣе трудно отвергать довольно высокую степень матеріальнаго развитія, которымъ пользовалась эта страна, ея обширныя торговыя сношенія. Съ исхода IX вѣка, когда Отеръ разсказывалъ Альфреду Великому о своемъ знакомствѣ съ біармійцами на сѣверной Двинѣ, до начала XIII столѣтія идутъ положительныя извѣстія о торговлѣ скандинавовъ съ Біарміею. Св. Стефанъ Пермскій нашелъ въ Перміи богатые храмы и множество идоловъ, обвитыхъ тонкими пеленами. Извѣстіе саги о храмѣ Іомалы въ нѣкоторой степени подтверждено неоспоримымъ свидѣтельствомъ русскаго святителя. Самая форма идола, какъ описываютъ ее баснословные разсказы сагъ, сходна съ тѣми безобразными каменными изваяніями, которыя во множествѣ встрѣчаются подъ именемъ каменныхъ бабъ въ Сибири и по юговостоку Россіи. Чаша, которую видѣли викинги на его колѣняхъ, виднѣется почти на каждой каменной бабѣ. Металлическими находками, во множествѣ отрываемыми въ предѣлахъ Пермской губерніи, доказывается обширная торговля

и богатство жителей. Если драгоцѣнныя вещи не носятъ на себѣ ясныхъ указаній на мѣсто и время своего происхожденіи, то монеты являются на помощь изслѣдователю. Пермской губерніи принадлежитъ находка древнѣйшихъ магометанскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Россіи. Кладъ, вырытый въ 1846 г. въ имѣніи гр. Строганова, состоялъ изъ сосудовъ и монетъ двумя съ половиною столѣтіями старше древнѣйшихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи. Въ 1851 г., въ министерство внутреннихъ дѣлъ доставленъ былъ другой кладъ изъ южной части Пермской губерніи, состоявшій изъ драгоцѣнныхъ вещей и монетъ скандинавскихъ, византійскихъ и индобактрійскихъ, начиная съ половины V вѣка и оканчивая началомъ VII столѣтія. Какимъ же путемъ образовалось это промышленное, торговое племя, это богатое государство Финское? Отвѣта на это нѣтъ въ исторіи; не узнаете объ этомъ и отъ прямыхъ потомковъ древнихъ біармійцевъ, отъ зырянъ и пермяковъ, живущихъ въ числѣ 123,000 въ предѣлахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской. Въ бѣдной жизни выродившихся потомковъ ничто не напоминаетъ прежняго матеріальнаго благосостоянія, и. кромѣ немногихъ разсказовъ о мѣстныхъ богатыряхъ, едва ли найдемъ что-нибудь въ ихъ преданіяхъ. Остаются однѣ могилы, въ которыхъ долженъ искать отвѣта на свои вопросы пытливый изслѣдователь. Если такъ мало положительныхъ свѣдѣній объ исторіи двухъ болѣе другихъ извѣстныхъ финскихъ племенъ, что же сказать объ остальныхъ!?

Трудно опредѣлить крайніе предѣлы, до которыхъ простиралось нѣкогда финское племя. Недостатокъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ можно дополнять только болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями. Сѣверная полоса европейской Россіи безъ всякаго сомнѣнія была занята финскимъ племенемъ, которое отдѣлялось отъ береговъ Ледовитаго Океана скитальческими родами лопарей и самоѣдовъ. На югъ, она простиралась несравненно далѣе, чѣмъ можно судить по существующимъ теперь остаткамъ. Ока принадлежала уже по лѣтописнымъ извѣстіямъ къ міру финскому, но она едва ли была крайнимъ предѣломъ финскаго племени по направленію къ югозападу. По крайней мѣрѣ финскія названія мѣстностей встрѣчаются даже на правомъ берегу Днѣпра. Еще дальше шло финское племя по направленію къ юговостоку; но здѣсь еще труднѣе обозначить даже приблизительные его предѣлы. Не говоримъ о финскомъ элементѣ въ древней Скиѳіи; не говоримъ о неразгаданномъ до сихъ поръ государствѣ Хазарскомъ, въ которомъ Френъ хочетъ доказать чудское происхожденіе жителей, и гдѣ по крайней мѣрѣ можно предположить и часть финновъ въ числѣ другихъ племенъ, составлявшихъ подъ вер-

ховною властію турецкаго племени и Хакана еврейской вѣры довольно странное политическое цѣлое. Новыя изысканія неожиданно представляютъ нѣкоторыя данныя замѣчательной важности. Въ 1807 г., въ двухъ селеніяхъ Нуринскаго уѣзда въ Закавказьѣ оказалось малочисленное племя, называющее себя удины, по языку не имѣющее никакого сходства съ извѣстными племенами Кавказа. Географическое общество, такъ неутомимо собирающее этнографическія свѣдѣнія, обратило вниманіе на это забытое племя. Послѣ напрасныхъ попытокъ объяснить языкъ удиновъ языкомъ другихъ кавказскихъ и закавказскихъ племенъ, Общество разослало словарь удинскій по губерніямъ восточной Россіи, и тогда оказалось сходство удинскихъ словъ съ словами языковъ мордвы и вотяковъ. Фактъ необыкновенно замѣчательный. Мордва одно изъ самыхъ южныхъ племенъ чисто финскихъ, сохранившихся отъ глубокой древности до нашего времени. Вотяки называютъ себя *уды*, *удъ-муртъ;* послѣднее слово сложное: *муртъ* значитъ человѣкъ. Племенное названіе «удъ» оказывается общимъ и для финнскаго племени Вятской и Казанской губерніи и для заброшеннаго въ Закавказьѣ неизвѣстнаго народца; но названіе удовъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Оно напоминаетъ собою древнее племя, упоминаемое Страбономъ, около рѣки Кумы, впадающей въ Каспійское море, и названіе многихъ мѣстностей въ Сибири: рѣку Уду, Удинское, Удскій округъ и т. д. Сходство же языка закавказскихъ удиновъ съ вотяками-удами уже и теперь можетъ быть признано и можетъ быть подтверждено дальнѣйшимъ изученіемъ и сличеніемъ обоихъ нарѣчій. Этимъ и кромѣ того наблюденіями надъ физическими свойствами и бытомъ удиновъ, вполнѣ можетъ быть доказано ихъ финнское происхожденіе, но тѣмъ и должно ограничиться. Рѣшить вопросъ, составляютъ ли удины осколокъ нѣкогда бывшаго на Кавказѣ исконнаго поселенія финновъ, или, оторванные отъ главной массы финскаго племени, они были увлечены за предѣлы Кавказа какимъ нибудь великимъ народнымъ движеніемъ и составляютъ остатокъ пришельцевъ, среди чуждаго туземнаго населенія? этотъ вопросъ можетъ рѣшить только какая нибудь счастливая случайность. Та и другая гипотеза могутъ одинаково оправдаться. Шли же финны подъ знаменами Аттилы, переселились же совершенно мадьяры отъ Урала въ древнюю Паннонію. Мы должны признать нѣкогда бывшее движеніе въ мірѣ финскомъ: переходы и выселенія предшествовали тому состоянію, въ которомъ находимъ мы въ настоящее время представителей этого племени. Отъ настоящаго ихъ быта далеко нельзя еще дѣлать посылокъ къ быту древнѣйшему. Совре-

менное состояніе—слѣдствіе исторіи, а памятники говорятъ о нѣкогда бывшей, сравнительно высшей степени развитія, съ которой сошли или были сведены племена восточныхъ финновъ. Далеко на юговостокъ азіятской Россіи тянулись слѣды ихъ пребыванія. Чудскія могилы, по Уралу и Алтаю, доказываютъ существованіе тамъ племени промышленнаго; чеканныя вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, остатки древнихъ копей, говорятъ о работахъ, къ которымъ неспособны племена, живущія теперь въ этихъ мѣстахъ. Въ Саянскихъ горахъ, по замѣчанію Кастрена, до сихъ поръ живутъ малыя финнскія племена, окруженныя племенами монгольскими и турецкими. Въ настоящее время, въ мѣстахъ, нѣкогда несомнѣнно занятыхъ племенами финнскими, мы находимъ народы или совершенно чуждаго или смѣшаннаго происхожденія. Названіе остяковъ, которое заимствовали мы отъ татаръ-монголовъ для обозначенія народовъ Западной Сибири, точно такое же неопредѣленное названіе, какъ и названіе скиѳовъ. Какъ скиѳъ, остякъ значитъ также человѣкъ чуждаго, варварскаго происхожденія. Подъ этимъ общимъ неопредѣленнымъ именемъ скрываются племена, совершенно различныя. Сургутскіе остяки не понимаютъ рѣчи остяковъ обдорскихъ и березовскихъ. Многіе уже приняли на себя черты и языкъ монгольскаго племени: здѣсь, по многимъ указаніямъ, должно искать нѣкоторыхъ племенъ, уже исчезнувшихъ изъ исторіи.

За движеніемъ финскихъ племенъ отъ востока къ западу, изъ древней ихъ родины, должно признать частыя обратныя движенія нѣкоторыхъ племенъ отъ запада на востокъ. Югра исчезла изъ исторіи, ея остатковъ нѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должно, по согласнымъ историческимъ свидѣтельствамъ помѣстить ея пребываніе. Югру знали новгородцы въ XI вѣкѣ. Смѣлые промышленники заходили съ товарами въ ущелья Урала и выносили оттуда полубаснословныя преданія о народахъ, заключенныхъ въ каменныхъ твердыняхъ. Народное воображеніе признало въ нихъ тѣ нечистые народы, которыхъ загналъ въ горы Александръ Македонскій и до конца міра замкнулъ ихъ неразрушимыми стѣнами. Арабы также много чудныхъ разсказовъ слышали объ этомъ народѣ, когда проѣзжали къ камскимъ болгарамъ. Но рядомъ съ этими баснословными преданіями идутъ положительныя свѣдѣнія. И русскіе и болгары вели мѣновую торговлю съ Югрой: русскій лѣтописецъ и арабскіе путешественники почти въ однихъ словахъ описываютъ ее. Въ XII вѣкѣ, мы видимъ Югру уже данницею новгородцевъ; югорщина или югорская дань не даромъ доставалась Новгороду. Но она получалась одною только вооруженною силою послѣ упор-

ной борьбы съ югорскими князьями, въ которой не разъ гибли дружины новгородскія съ XII до XIV столѣтія. Въ XV вѣкѣ, Югра еще не была покорена окончательно. Только овладѣвъ Новгородомъ и его владѣніями, удалось московскому государю записать въ свой титулъ имя государя югорскія земли. Въ 1485 году былъ еще большой походъ воеводъ московскихъ на Югру. Но съ тѣхъ поръ начинаетъ исчезать родовое названіе Югры. Уже въ «Большомъ Чертежѣ» XVI столѣтія, гдѣ перечислены города югорскіе, это названіе прилагалось весьма къ ограниченному пространству. Въ XVII столѣтіи, Югра исчезаетъ совершенно. По сю сторону Урала и на Уралѣ нѣтъ и слѣдовъ ея. Осталось имя въ титулѣ русскаго императора, да память о происхожденіи отсюда воинственныхъ венгровъ. Самоѣды на сѣверѣ, вогулы на югѣ занимаютъ мѣсто, гдѣ нѣкогда обитала Югра, но то и другое племя положительно отличается отъ нея русскими, знавшими близко и тѣхъ и другихъ. У самихъ вогуловъ сохранились преданія о ихъ переселеніи съ запада къ Уралу и далѣе за Уралъ. Они могли занять мѣста, оставленныя Юграми, и слились съ остатками этого племени, тогда какъ его главная масса отодвинулась далѣе, и дѣйствительно нѣкоторыя изслѣдователи въ разсѣянныхъ остяцкихъ племенахъ по Оби, Иртышу, Кондѣ, видятъ потомковъ, вытѣсненной съ Урала Югры.

Слѣдствіемъ всѣхъ такихъ народныхъ движеній и было появленіе тѣхъ смѣшанныхъ племенъ, которыхъ не знаютъ, къ какой вѣтви отнести. Но здѣсь также трудно сказать что нибудь достовѣрно. Оставляя въ сторонѣ племена сибирскія и древнихъ болгаръ волжскихъ и камскихъ, укажемъ на ближайшіе примѣры. Въ XVI столѣтіи является въ первый разъ имя чувашъ въ русскихъ лѣтописяхъ; оно неизвѣстно также и восточнымъ историкамъ, хотя русскіе давно и хорошо знали поволжье, еще болѣе извѣстное мусульманскимъ писателямъ. Первое этнографическое обслѣдованіе этого племени привело къ заключенію о финскомъ происхожденіи чувашъ, изученіе языка показало въ немъ напротивъ тюркскую стихію. Какое древнее племя скрывается подъ очевидно новымъ именемъ чувашъ, объ этомъ идетъ споръ, рѣшенія котораго трудно ожидать скоро. Здѣсь по крайней мѣрѣ можно утѣшиться тѣмъ, что есть возможность рѣшенія. 429,000 чувашъ живутъ въ восточной Россіи, и какъ ни сильно подчинились они уже вліянію христіанства и русской народности; какъ ни затеряны воспоминанія о ихъ языческомъ бытѣ, простымъ изученіемъ можно до нѣкоторой степени возстановить первоначальный типъ. Другому загадочному племени, вѣроятно, суждено исчезнуть: не давъ отвѣта на поздніе запросы, 4,500

бесермянъ обоего пола живутъ среди вотяковъ, татаръ Вятской губерніи. Они размѣщены небольшими группами на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ бы затерявшись среди вотяко-татарскихъ поселеній. До сихъ поръ они не обратили на себя вниманія этнографовъ, и уже успѣли утратить одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ происхожденія — языкъ. Бесермяне уже приняли христіанство или исламъ, говорятъ по-вотяцки или по-татарски, тогда какъ еще въ 1770 г. между ними было довольно шаманскихъ идолопоклонниковъ. Полтора милліона вотяковъ еще живутъ въ предѣлахъ европейской Россіи, говоря своимъ нарѣчіемъ, храня еще много въ своей памяти изъ древняго быта, а уже и теперь трудно прочесть что нибудь въ ихъ воспоминаніяхъ, сдѣлать изъ изслѣдованія современнаго быта какіе нибудь положительные выводы объ историческихъ судьбахъ этого таинственнаго племени.

II.

Густыми массами занимали племена финнскія сѣверовостокъ европейской Россіи. Сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, они никогда не могли составить прочнаго государственнаго организма. Множество князей финнскихъ мы знаемъ по именамъ; но это были, по всей вѣроятности, или племенные старѣйшины, или предводители отдѣльныхъ дружинъ, образовывавшихся вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Единственное племя, которое положительно опередило другихъ въ политическомъ развитіи, въ которомъ замѣтны болѣе живые слѣды устройства гражданскаго — это волжскіе булгары и буртасы. Здѣсь были города съ болѣе или менѣе осѣдлымъ населеніемъ, здѣсь была центральная власть, по крайней мѣрѣ у булгаръ, торговля и т. д. Принятіе этими племенами исламизма еще болѣе сплотило эти начала гражданственности, приведя въ частыя сношенія съ калифатомъ Багдадскимъ. Къ сожалѣнію, этнографическіе элементы земли волжскихъ булгаръ и буртасовъ далеко еще не изслѣдованы. Развалины городовъ булгарскихъ большею частію уже исчезли съ лица земли. Сосѣдніе помѣщики и крестьяне развезли камни для своихъ строеній. Вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ пошли въ плавильный горшокъ, желѣзныя и мѣдныя пропали совершенно безъ всякого слѣда. Лѣтъ 80 тому назадъ, Рычковъ еще видѣлъ въ Билярскѣ каменный столбъ, полуразрушенный жителями, но еще имѣвшій слишкомъ 5 аршинъ высоты, и остатки другихъ зданій. Теперь не найдется ничего. Самые

болгары, болѣе другихъ извѣстные, изслѣдованы поверхностно и археологическихъ раскопокъ еще не было произведено. Буртасы оставили память только въ мѣстныхъ названіяхъ рѣкъ буртасъ и многихъ селеній того же имени. Была ли это мордва племени мокши, какъ думаетъ Савельевъ, нужно ли искать въ новыхъ чувашахъ древнихъ буртасовъ, какъ хотѣлъ бы доказать покойный Сбоевъ, или это какое нибудь неизвѣстное племя, не рѣшено. Принятію исламизма и сравнительно высшей степени гражданскаго развитія должно приписать бо̀льшую крѣпость въ защитѣ своей самостоятельности, какую мы видимъ въ булгарахъ; и во всякомъ случаѣ ихъ нельзя сравнивать съ другими финскими племенами, хотя безспорно, что бо̀льшая часть финновъ-инородцевъ Казанской губерніи утратила подъ чуждымъ владычествомъ многое изъ своихъ народныхъ особенностей. Въ нынѣшней мордвѣ и черемисахъ трудно узнать тѣхъ своевольныхъ, необузданныхъ язычниковъ, которые такими опустошительными набѣгами мстили князьямъ русскимъ за попытку покорить ихъ, которые безпрерывными возстаніями принуждали государство Московское держать здѣсь въ сборѣ постоянное войско, долго спустя послѣ ихъ номинальнаго покоренія. Только администрація конца XVII и XVIII столѣтій придавила ихъ окончательно къ землѣ и заставила ихъ признать свою ничтожность. «Богъ не писарь — говорилъ чебоксарскій чувашъ — чтобъ его бояться.»

Юговосточная часть европейской Россіи была занята кочевыми племенами монгольскаго и турецкаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ исторія, на обширномъ степномъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго морей, по нижнимъ частямъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра смѣнялась одна орда кочевниковъ другою. Уже изъ миѳическихъ преданій грековъ о скиѳахъ можно заключить, что даже эти древнѣйшія племена степей были пришлыми. Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ Азія не переставала высылать скитальческихъ сыновъ своихъ. Слѣдить смѣну однихъ ордъ другими, также трудно, какъ и объяснить себѣ причины исчезновенія однихъ племенъ и появленіе другихъ. Новыя народныя имена безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ; но не всегда появленіе новаго имени служитъ признакомъ появленія и новаго племени. Очень часто, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, племенами, издавна кочевавшими на необозримыхъ равнинахъ, овладѣвали порывъ, жажда дѣятельности, они соединялись, образовывали новую народность, или по крайней мѣрѣ подъ новымъ именемъ кровью и опустошеніями оставляли надолго въ памяти осѣдлыхъ народовъ слѣды своего существованія. Стольже случайно исчезали, какъ и возникали, эти

неимѣющія историческаго оправданія азіятскія государства. Составившись изъ разнородныхъ элементовъ, ничѣмъ не связанныхъ въ крѣпкій политическій организмъ, они распадались потомъ на свои составныя части, готовыя при новомъ возбужденіи образовать подъ инымъ уже именемъ новыя соединенія. Видимъ постоянное движеніе въ мірѣ азіятскихъ варваровъ; но это движеніе не влечетъ за собою возникновенія новыхъ формъ быта, не есть движеніе поступательное: смѣняются имена, характеръ дѣятелей остается тотъ же. За гуннами слѣдовали авары, ихъ смѣнили хазары, печенѣги, половцы, и наконецъ татары. Одни изъ нихъ проходили черезъ юговосточную равнину Россіи, слѣдуя въ своемъ опустошительномъ шествіи далѣе къ западу и пытаясь основать прочныя поселенія среди народовъ германскаго происхожденія; другіе до конца своего историческаго существованія оставались въ приволжскихъ степяхъ южной Россіи, распространяя предѣлы степи на счетъ осѣдлаго славянскаго населенія. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не создалъ для себя сколько нибудь правильнаго государственнаго устройства, за исключеніемъ хазаръ, остающихся загадкою для исторіи. Всѣ до конца остались вѣрными основному характеру азіятскихъ кочевниковъ. Даже безсильные, мелкіе остатки кочевыхъ племенъ, вдавшіеся слишкомъ среди осѣдлаго населенія, и тѣ не отреклись отъ прежняго быта; таковы степные народцы, кочевавшіе въ южной части Кіевской губерніи, признававшіе надъ собою власть князей русскихъ. Въ памяти осѣдлаго европейскаго населенія всѣ они являются съ одинаковыми чертами. Для осѣдлаго населенія одинаково тяжело ихъ владычество. Воображеніе народное всѣмъ имъ приписывало одинакое происхожденіе, всѣхъ ихъ олицетворяло въ созданіяхъ народной фантазіи въ томъ же образѣ враждебной, темной и губительной силы. Названіе новыхъ кочевниковъ, въ былинахъ, пѣсняхъ народа безразлично замѣняло всѣ имена прежнихъ ордъ. Змій, съ которымъ бьются богатыри Владимира, точно также сближался въ народной фантазіи съ татарами, какъ и съ другими выходцами азіятскаго Востока. Даже въ лѣтописяхъ появленіе татаръ описано тѣми же чертами, какъ и первое нашествіе половцевъ. Борьба осѣдлаго славянскаго населенія съ кочевниками подала поводъ къ образованію многихъ народныхъ преданій; но нигдѣ, быть можетъ, смыслъ и ходъ борьбы не высказался въ такомъ поэтическомъ образѣ, какъ въ преданіяхъ польской Украины. Св. Борисъ и Глѣбъ, любимые дѣти Владимира, рожденные уже отъ христіанскаго брака кіевскаго князя съ болгарской царевной, спасаютъ осѣдлое населеніе отъ власти страшного змія. Мало того, покоряютъ эту страшную темную силу.

Впрягши чудовище въ первый плугъ, скованный ими для земли русской, они проводятъ по степи ту исполинскую борозду, которая тянется отъ Прута до Акермана и слыветъ въ народѣ подъ именемъ то Траянова, то Змѣинаго Вала. Дѣйствительно, только христіанскіе потомки любимѣйшаго вождя дружины могли спасти осѣдлое населеніе отъ вѣчной зависимости, отъ кочевыхъ варваровъ и покорить ихъ.

Только съ появленія варяжской дружины и вслѣдъ за нею христіанства начинается первое освобожденіе славянскаго населенія, его распространеніе на сѣверъ и востокъ. До той поры разрозненныя племена славянскія, жившія подъ условіями патріархальнаго быта, были легкою добычею для каждой новой орды, явившейся изъ средней Азіи, или возникшей въ степяхъ южной Россіи. Поставленныя рядомъ съ племенами финнскими, стоявшими съ ними на одинаковой степени развитія, довольно близкими съ ними по формамъ быта, славянскія племена могли подвигаться нѣсколько къ сѣверу, селясь на обширныхъ незаселенныхъ пространствахъ, но имѣть рѣшительное вліяніе даже на племена финнскія, они не были въ состояніи; предъ воинственными же выходцами Азіи они оставались совершенно беззащитны, покорно принимая налагаемыя на нихъ условія подчиненности. Съ племенами финнскими находимъ ихъ рядомъ на первыхъ же страницахъ лѣтописи и притомъ на правахъ совершенно равныхъ. Перевѣсъ данъ былъ славянскимъ племенамъ появленіемъ среди ихъ дружины варяжской. Правда, въ призваніи этой дружины одинаково участвуютъ и племена финнскія; но скоро видимъ ее уже среди племенъ чисто славянскихъ, въ Кіевѣ. Дружина даетъ племенамъ славянскимъ первое условіе преобладанія, силу, происходящую изъ соединенія. Смѣшно видѣть въ Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ государей, въ современномъ смыслѣ этого слова, видѣть въ ихъ дѣятельности — дѣятельность государственную. Самое понятіе о государствѣ было чуждо этимъ вождямъ сбродной дружины; тѣмъ болѣе чужды были имъ понятія объ администраціи. Но нельзя не признать ихъ великой заслуги предъ будущимъ государствомъ. Своею безпокойною дѣятельностью они расплодили русскую землю, по лѣтописному выраженію, силою оружія впервые соединили племена, жившія до сихъ поръ особо, каждый *родомъ своимъ*, сдержали степныхъ варваровъ и мечемъ намѣтили границы государственной территоріи. Скоро является и другое условіе, давшее еще большій перевѣсъ племенамъ славянскимъ—христіанство. Оно давно уже извѣстно было на черноморскомъ прибрежьѣ, но быстрое его распространіе въ глубь сѣвера было слѣдствіемъ появленія этой же дружины. Первые

христіанскіе мученики въ Кіевѣ были варяги. Знаменитая Ольга была варяжскаго рода. И здѣсь, какъ въ великомъ дѣлѣ объединенія племенъ славянскихъ, на первомъ планѣ дружина. И не мудрено: дружинникъ скорѣе другихъ могъ отрѣшиться отъ языческихъ заблужденій. Оторванный отъ семьи, отъ племени, даже отъ извѣстной опредѣленной народности, онъ не могъ сохранить крѣпости языческаго вѣроученія, такъ тѣсно связаннаго съ патріархальнымъ бытомъ. Въ сбродной дружинѣ точно также не могло быть опредѣленной религіи, какъ не было опредѣленной національности. Оттого-то нѣтъ слѣдовъ скандинавской миѳологіи на Руси, хотя варяжская дружина пришла безспорно съ скандинавскаго сѣвера, и господствующій элементъ въ ней, по крайней мѣрѣ, при ея первомъ появленіи, былъ скандинаво-германскій. Оттого-то Владиміру такъ легко было понять несостоятельность языческаго вѣроученія и отречься отъ него. Въ сагѣ Олава святого находится любопытное доказательство утраты вѣры Владиміромъ въ то еще время, когда онъ еще точно исполнялъ всѣ обряды языческаго богослуженія, впрочемъ свойственное не одной только варяжской дружинѣ въ Россіи. Всѣмъ извѣстно, съ какою легкостію принимали христіанство германскія дружины и съ какимъ трудомъ проникало оно въ племена, остававшіяся на мѣстахъ прежняго жительства, подъ условіями древняго быта. Недаромъ въ народѣ русскомъ еще въ XII вѣкѣ ходило убѣжденіе, что вѣнчаться по христіанскимъ обрядамъ нужно только боярамъ, т. е. старшимъ членамъ дружины, а что простой народъ можетъ довольствоваться прежними языческими обрядами, обливаніемъ и т. п.

Одновременное почти появленіе на берегахъ Днѣпра варяжской дружины, пришедшей съ сѣвера, и христіанства вывело племена славянъ восточныхъ на новый путь. Обладая двойною силою матеріальнаго и духовнаго соединенія начали они наступательное движеніе въ глубь племенъ чуждыхъ, и чѣмъ крѣпче становилось это внутреннее единство, чѣмъ болѣе уступали формы древняго патріархальнаго быта новымъ формамъ государственнымъ, чѣмъ глубже проникало христіанство въ народное сознаніе, тѣмъ успѣшнѣе было это распространеніе славянскаго племени и тѣмъ многозначительнѣе становились его результаты. Послѣднее изверженіе азіятскихъ кочевниковъ изъ глубины востока, на время сдержавъ его, не могло однакоже остановить его навсегда. Внутреннее развитіе государственныхъ стремленій и христіанство не были сокрушены монголами, а, одолѣвъ это послѣднее напряженіе азіятскаго міра, Русь, представительница христіанской Европы, тѣмъ быстрѣе пошла къ окончатель-

ной побѣдѣ. По самому свойству своему, дружина не могла оставаться въ бездѣйствіи. Уже первый ея предводитель Рюрикъ не остался въ Новгородѣ. По народнымъ преданіямъ, онъ погибъ въ Карелѣ. При Владимірѣ, всѣ племена славянъ восточныхъ признали уже власть князя Кіевскаго, служили одной волѣ, которая могла двинуть ихъ силы по извѣстному направленію. Но въ какую же сторону могли быть они направлены, куда обратится наступательное движеніе соединенныхъ племенъ? Первое движеніе дружины варяжской, располагавшей судьбою славянъ восточныхъ, было къ той же завѣтной цѣли, которая такъ неодолимо влекла къ себѣ всѣ дружины, къ Римской имперіи, т. е. къ восточной ея половинѣ, еще уцѣлѣвшей отъ варварскаго погрома. Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ рвутся въ Византію. Но Византійская имперія располагала еще огромными средствами. Примѣръ Святослава лучше всего доказалъ это. Отъ Византіи, кромѣ того, отдѣляли Русь степныя низовья Днѣпра и береговъ Чернаго моря — вѣковой притонъ азіятскихъ кочевниковъ. Не было возможности ни покорить эти скитающіяся орды и очистить свободное сообщеніе съ Греціею, ни сорвать съ почвы всѣ осѣдлыя земледѣльческія племена русскихъ славянъ, чтобы всею массою двинуть ихъ на Византію. Переселенія осѣдлыхъ племенъ цѣлыми массами совершаются только подъ условіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а этихъ обстоятельствъ не было. Отдѣльнымъ же дружинамъ не сломить было восточной имперіи, хотя бы въ челѣ дружины стоялъ Святославъ. Дружины князей кіевскихъ изъ своихъ походовъ въ Грецію вынесли одно сокровище — христіанство. На юго-западѣ также было сильное препятствіе наступательному движенію славянъ русскихъ. Тамъ были государства Польское и Венгерское, уже болѣе крѣпкія въ своемъ политическомъ составѣ и притомъ опиравшіяся на католическую Германію. Оставался просторъ и свобода дѣйствія по направленію къ сѣверу и сѣверовостоку, потому что открытыя безлѣсныя степи юговостока Россіи не могли манить къ себѣ земледѣльческое населеніе: тамъ никогда не было полной безопасности отъ кочевниковъ. Области Черниговская, Переяславская, Курская всегда были подвержены частымъ набѣгамъ степныхъ варваровъ. Совсѣмъ иное было на сѣверовостокѣ: въ области верхней Волги, въ области Ростова и Суздали, финнскія племена, жившія тутѣ давно, были въ тѣсной связи съ славянами. По всей вѣроятности, ростовская меря, вмѣстѣ съ новгородскими славянами, призвала князей варяжскихъ, по крайней мѣрѣ тамъ мы находимъ уже посадника Рюрикова. При обширности области, при ея малона-

селенности, здѣсь было мѣсто для русскихъ поселенцевъ. Сюда обратился первый притокъ русскаго населенія. Заселеніе областей, строеніе городовъ было одною изъ первыхъ заботъ князей русскихъ. Всѣ они чувствовали, что это одно изъ первыхъ условій силы и безопасности. Всѣми силами поэтому старались князья русскіе привлекать населеніе въ свои волости. Василько Ростиславичъ мечталъ даже силою переселить въ свою область болгаръ дунайскихъ. Знаменитый Даніилъ Романовичъ привилегіями привлекалъ въ Галицкое княжество переселенцевъ изъ сосѣднихъ западныхъ государствъ даже евреевъ, армянъ и т. д. Тѣмъ болѣе должны были заботиться о привлеченіи переселенцевъ князья, которымъ доставалось владѣть землею Ростовскою. Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій преимущественно отличались этимъ стараніемъ. Извѣстна привязанность Андрея Боголюбскаго къ бѣдной области Ростовской. Для новаго Владимира Клязьменскаго онъ пренебрегъ старѣйшимъ городомъ, матерью городовъ русскихъ, Кіевомъ. Охотно шли сюда жители другихъ княжествъ. Правда, природа верхняго Поволжья, средняго и нижняго теченія Оки, бѣднѣе природы Малороссіи; но другія выгоды уравнивали положеніе земли Ростовской: сюда не достигали набѣги половцевъ, или литовцевъ. Въ теченіи 173 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Ярослава Владимировича, однихъ большихъ половецкихъ набѣговъ было 37, а они были часты на югѣ. За далекую волость шло мало усобицъ. Князья тѣснились быстро къ Кіеву, бились за право владѣть Переяславлемъ, Туровомъ, Владимиромъ-Волынскимъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на одинъ изъ младшихъ столовъ на Руси. Умная распорядительность князей суздальскихъ довершила остальное. Въ первой четверти XIII вѣка, въ княжествѣ Суздальскомъ считалось уже 20 городовъ. Здѣсь сбиралось русское населеніе, мѣшалось съ финскими туземцами, подчинившимися съ принятіемъ христіанства сильному вліянію русской народности. Когда Кіевъ окончательно утратилъ свое значеніе послѣ татарскаго разгрома, княжество Владимирское сдѣлалось главнымъ среди другихъ княженій. Перенесеніе митрополіи еще болѣе придало значенія, перенеся съ югозапада на сѣверовостокъ центръ духовнаго управленія; и когда около Москвы начали сосредоточиваться всѣ области сѣверовосточной Руси, то отсюда началось дальнѣйшее распространеніе русской колонизаціи. Поселеніе русскаго населенія въ Ростовской землѣ среди мери и другихъ финскихъ племенъ шло путемъ мирнымъ. По крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстій о насильственномъ покореніи туземцевъ. Оружіемъ открывалась дорога русской колонизаціи внизъ по теченію Волги, и то впрочемъ

строеніе Костромы, Юрьевца-Поволжскаго и даже Нижняго, городовъ поставленныхъ на главныхъ изгибахъ рѣки и при впаденіи въ нея значительныхъ притоковъ, обошлось безъ особенныхъ усилій. Здѣсь при дальнѣйшемъ распространеніи грозило сильное сопротивленіе въ мусульманскомъ царствѣ волжскихъ булгаръ. По всей вѣроятности, это сопротивленіе было бы сломлено, но татары, передъ которыми пали и булгары и Владиміръ-Клязьменскій, остановили дальнѣйшее распространіе русскихъ племенъ къ востоку внизъ по Волгѣ.

Еще прежде чѣмъ путемъ мирнаго населенія заняли русскіе колонисты землю Ростовскую, открывались оружіемъ другіе пути по сѣверовостоку для русскихъ поселеній. Въ землю Ростовскую шли поселенцы изъ южныхъ княжествъ, на Сѣверную Двину, на Вятку, на Каму и ихъ притоки, шли промышленники изъ Новгорода Великаго, и мы должны обратить вниманіе на разселеніе изъ этой мѣстности, потому что оно носитъ нѣсколько иной характеръ. Страна, простирающаяся по ту сторону уваловъ, въ Заволочьѣ, область Сѣверной Двины, Камы и ея притоковъ, очевидно, не могла представлять тѣхъ удобствъ для земледѣльческихъ поселеній, какія представляла область верхней Волги, Ростова В. Необозримые лѣса тянутся и теперь еще отъ сѣверныхъ частей Костромской губерніи къ Бѣлому морю, по тундрамъ береговъ Сѣвернаго океана съ одной стороны; на востокъ — къ Уралу съ другой. Въ земледѣліи не могъ найдти поселенецъ обезпеченія своихъ потребностей. Звѣроловныя финскія племена вели бродячую жизнь въ дремучихъ лѣсахъ или жили небольшими поселеніями по берегамъ рѣкъ. Въ ихъ характерѣ было болѣе дикости, чѣмъ въ тѣхъ народцахъ, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ славянами. Пермяки, вогулы, югра не отличались уступчивостію. Безнаказанно они не допускали селиться между собою чужеродцамъ; мѣсто между ними должно было добыть съ оружіемъ въ рукахъ. Сюда впрочемъ шли и русскіе изъ иной мѣстности и не съ тѣми цѣлями, съ какими стекалось русское населеніе въ области верхней Волги. Сюда манило богатство пушныхъ товаровъ, которые дорогой цѣной сбывались иностраннымъ торговцамъ, отсюда шло серебро закамское. Мѣха сѣверной Россіи одинаково славились и на западѣ и на востокѣ, за ними пріѣзжали арабскіе купцы въ Итиль и Булгары на Волгѣ. Ихъ требовали отъ новгородцевъ ганзейцы. Не мудрено, что рано уже установились сношенія съ страною, доставлявшей такой цѣнный и сильно требующійся предметъ торговли. Съ X вѣка, вели мѣновую торговлю съ югрой булгары. Въ XI вѣкѣ имѣемъ разсказъ о югрѣ новгородца, посылавшаго своего отрока на Уралъ для мѣновой тор-

говли съ нею. Рано находимъ мы Заволочье и заволочскую чудь подъ властію Новгорода, рано находимъ и прочныя поселенія новгородцевъ далеко по сѣверовостоку. Въ характерѣ новгородцевъ были всѣ условія для отважныхъ, рисковыхъ предпріятій. Мѣстное положеніе способствовало развитію духа предпріимчивости въ новгородскомъ населеніи и указало на торговлю, какъ на главное занятіе. Въ слѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя извѣстны каждому, въ Новгородѣ выработалось политическое устройство, развивавшее личную самостоятельность гражданъ. Подлѣ власти князя, безпрестанно смѣнявшагося и потому ничѣмъ особенно не привязаннаго къ Новугороду, кромѣ временныхъ и личныхъ выгодъ, подлѣ этой власти стояла другая власть, ея ограничивавшая, именно власть вѣча, и народнаго сановника — посадника. Неопредѣленное отношеніе двухъ властей, очевидно, враждебныхъ другъ другу, отсутствіе правильныхъ всѣми признанныхъ формъ правленія, полная возможность для вскрытія самыхъ противоположныхъ явленій, произволъ, которому давалось широкое мѣсто въ отправленіи общественныхъ дѣлъ, все это подавало безпрестанные поводы къ столкновеніямъ въ городѣ. Конецъ вооружался на другой, одна улица шла грабить другую. Противъ одного вѣча собиралось также законно другое. Въ этихъ смутахъ, если воспитывалось своеволіе, то воспитывалась также и энергія. Неробкое сердце долженъ былъ имѣть тотъ, кто осмѣливался противорѣчить большинству на вѣчѣ, потому что голосъ меньшинства часто смолкалъ на днѣ Волхова. Промышленныя и торговыя предпріятія новгородцевъ должны были отличаться смѣлостію, если не правильностію и обдуманностію. Колонистъ новгородскій шелъ съ оружіемъ, а не съ плугомъ, готовъ былъ тотчасъ обратиться въ завоевателя, а подъ часъ — грабителя. Вѣче и исполнительная власть не могли руководить предпріятіями. Толпы новгородской молодежи шли часто «безъ новгородскаго слова» искать приключеній и истратить на чужой сторонѣ избытокъ силъ. Каковы были эти искатели приключеній, лучше всего видно изъ лѣтописныхъ разсказовъ объ «ушкуйникахъ» XIV столѣтія. Ушкуями назывались лодки, на которыхъ разбойничали новгородцы по рѣкамъ. Ушкуйники отправлялись обыкновенно внизъ по Волгѣ грабить города болгарскіе, перехватывать купеческіе караваны, шедшіе изъ Каспійскаго моря въ Сараю или Булгарамъ. Мусульмане подвергались обыкновенно смерти, но при случаѣ мало щадили и купцовъ христіанскихъ. Города русскіе также не всегда бывали безопасны отъ ихъ нападеній. Такъ, въ 1371 году, ушкуйники разграбили Кострому и Ярославль. Въ 1375 году, они явились на 70 ушкуяхъ снова

подъ Костромою подъ начальствомъ какого-то Прокопа. Воевода костромской вышелъ противъ разбойниковъ съ 5,000 человѣкъ, но 1,500 ушкуйниковъ разбили на-голову воеводу, ворвались въ городъ и грабили его цѣлую недѣлю; потомъ поплыли къ Нижнему-Новгороду, ограбили и сожгли его; въ Булгарахъ продали мусульманскимъ купцамъ женщинъ, захваченныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, спустились къ Сараю и, дошли до самой Астрахани, грабя все, что попадалось имъ на пути. Только владѣльцу Астрахани удалось обманомъ перебить ихъ. И все это дѣлалось безъ «новгородскаго слова».

Понятно, какой характеръ должно было носить появленіе такихъ поселенцевъ среди полудикихъ зырянъ, вотяковъ и вогуловъ. Какъ образовывались новгородскія поселенія, всего лучше даетъ понятіе разсказъ хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова или Вятки. Въ 1170 году, новгородская вольница спустилась по Волгѣ и утвердилась городкомъ на устьѣ Камы. Отсюда высматривали они, куда отправиться. Услыхавъ о поселеніи чуди на Вяткѣ, они раздѣлились на двѣ партіи. Одна половина пошла по Камѣ и доходила до Чусовскихъ мѣстъ; другая осталась въ городкѣ, перебралась потомъ въ Ченцу и по ней спустилась въ Вятку. Здѣсь на высокой горѣ завидѣла она чудскій городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ; приготовившись постомъ и молитвою и давъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, выстроить церковь во имя Бориса и Глѣба, удальцы взяли приступомъ чудскій городокъ, переименовали въ градъ Никулицынъ, поставили по обѣщанію церковь и поселились тамъ. Скоро объ ихъ удачѣ дошло и до товарищей ихъ, оставшихся на устьѣ Камы. Тѣ рѣшились, въ свою очередь, попробовать счастія. Поднявшись по Камѣ, они вошли въ устьѣ Вятки и плыли вверхъ по ней до черемисскихъ жилищъ и до городка Кокшарова, которымъ владѣли черемисы. Молитва Бориса и Глѣба помогла и имъ. На другой день приступа черемисы выбѣжали изъ городка и покорились. Новгородцы прочно утвердились среди вотяковъ и черемисовъ. Но постоянная опасность заставила обѣ части поселенцевъ подумать о выгодахъ общаго поселенія. Посланцы изъ Никулицына и Кокшарова сошлись и общимъ совѣтомъ выбрали мѣсто на высокой горѣ, близъ впаденія въ Вятку рѣки Хлыновицы. Здѣсь рѣшено было срубить городъ, но чудо указало другое мѣсто, ниже перваго, на самой Вяткѣ. Здѣсь и былъ основанъ Хлыновъ. Такъ образовалось первое поселеніе русскихъ на великой рѣкѣ вотяцкой. Буйство и своеволіе новгородской вольницы надолго осталось въ характерѣ вятчанъ. Не признавая зависимости отъ митрополіи, только по имени признавая власть и сильныхъ государей

московскихъ, Вятка управлялась своимъ ватаманомъ и выборными, служила постояннымъ притономъ для бѣглецовъ со всей Руси: «servorum fugitivorum velut asylum quoddam», какъ говоритъ Герберштейнъ. Чѣмъ была Тмутаракань для князей старой южной Руси, тѣмъ становилась Вятка для князей сѣверной Руси. Вятская вольница отзывалась на призывъ каждаго, кто сулилъ ей добычу и деньги. Извѣстно участіе вятчанъ въ борьбѣ Шемяки съ Василіемъ Темнымъ. Какъ совершилось заселеніе Хлынова, такъ совершалось и поселеніе на другихъ мѣстахъ. Безпрестанно Новгородъ высылалъ свою молодежь къ Уральскому хребту для сбора дани съ инородцевъ, для приведенія подъ руку Великаго Новгорода новыхъ данниковъ. Къ сѣверовостоку же стремились водными путями, или пробираясь черезъ лѣса, промышленныя ватаги; сюда же шли ватаги вольницы. Тѣ и другія одинаково распространяли предѣлы русскаго племени и одинаково открывали новыя пути для болѣе мирнаго, осѣдлаго населенія, для христіанства и тѣсно связанныхъ съ христіанствомъ высшихъ формъ быта. Одновременно съ появленіемъ русскихъ на рѣкѣ вотяцкой или даже нѣсколько ранѣе, видимъ вооруженныя экспедиціи новгородцевъ на самомъ Уралѣ. Въ 1193 году, оружіемъ усмиряетъ Новгородъ своихъ пермскихъ и югорскихъ данниковъ. Шесть лѣтъ спустя, мы читаемъ въ лѣтописи новгородской извѣстіе о новомъ несчастномъ походѣ. Воевода Ядрей повелъ войско съ цѣлію овладѣть пермскими и югорскими городками. Измѣнникъ Савко подалъ мысль югорскимъ князькамъ обманомъ заманить къ себѣ лучшихъ мужей новгородскихъ и перебить ихъ. Только 6 недѣль были новгородцы въ Югрѣ, и два года продолжалась экспедиція. Большая часть ихъ была перебита югорцами, только 80 человѣкъ воротились въ Новгородъ, перенеся не даромъ неслыханныя бѣдствія, «и не бяше вѣсти черезъ всю зиму въ Новѣгородѣ на нѐ, ни на живы ни на мьртвы, и печаловахуся въ Новгородѣ князь и владыки и вьсь Новгородъ». Такой же характеръ имѣютъ и другія экспедиціи; и изъ этого видно, что разсказы о покореніи Перміи Новгородомъ должно принимать съ большою осторожностью. Имена пермскихъ князей хорошо извѣстны. Они сохранили свою самостоятельность даже и по принятіи христіанства. До самаго XV столѣтія мы видимъ частые походы новгородцевъ для усмиренія иноплеменниковъ. Рѣдкія наши поселенія не должны были въ своихъ острожкахъ безпрерывно отбиваться отъ набѣговъ полудикихъ звѣролововъ. Новгородъ дорожилъ своимъ моментальнымъ владѣніемъ только для торговыхъ цѣлей, только какъ средствомъ получать оттуда закамское серебро и дорогіе мѣха. Въ послѣднее время самостоятель-

мости Новгорода, князь Иванъ московскій отправилъ въ 1472 году Ѳедора Пестраго съ войскомъ для приведенія Перміи подъ свою высокую руку. Рать московская пришла къ рѣкѣ Черной, спустилась на плотахъ до Айфаловскаго города; тамъ сѣли на коней и пошли къ Искору. Здѣсь встрѣтило ее пермское ополченіе. Имена воеводъ пермскихъ достаточно показываютъ, изъ кого состояло это ополченіе. Ихъ звали Качъ, Бурматъ, Мичкинъ и Зынаръ. Уросъ и Чердынь были взяты московскимъ воеводою. Христіанскій князь Пермскій Михайла былъ отосланъ въ Москву. Но потомъ мы все-таки находимъ въ лѣтописяхъ вотчича Великія Перміи князя Матеія Михайловича, къ которому сохранилось посланіе Симона митрополита. Только въ 1505 г. сведенъ былъ этотъ послѣдній туземный владѣлецъ Перміи, и посланъ туда великокняжескій намѣстникъ князь Василій Андреевичъ Коверъ, «первый отъ русскихъ князей», по замѣчанію лѣтописи.

Очевидно, заселенію Перміи должно было предшествовать болѣе сплошное населеніе земель ближайшихъ по рѣкамъ Югу, верховьямъ Сѣверной Двины, Вычегдѣ и Вяткѣ. Татарское нашествіе, остановивъ распространеніе русскаго племени на востокъ, внизъ по теченію Волги изъ области Ростовской, содѣйствовало заселенію сѣверовосточныхъ лѣсовъ, куда недостигали татарскіе набѣги. Спасаясь отъ татарскихъ опустошеній, отъ ханскихъ баскаковъ и численниковъ, отъ поголовной переписи, земледѣльческое населеніе Средней Руси стремилось по путямъ, проложеннымъ промышленными и разбойничьими ватагами Новгородцевъ. Въ лѣсахъ сѣверовосточной части европейской Россіи искали убѣжища и люди благочестивые, глубоко пораженные униженіемъ христіанской Руси предъ языческими выходцами Азіи. Замѣтимъ особенность русскихъ поселеній: какимъ бы путемъ ни возникали поселенія, первымъ дѣломъ было строеніе церквей и монастырей. Такъ было при взятіи Новгородскою вольницею Чудьболванскаго и Кокшарскаго городковъ, такъ было повсюду. Распространеніе христіанства всегда шло рука-объ-руку съ распространеніемъ русскаго племени. Монастырь и острожекъ—вотъ два постоянные центра, около которыхъ начинаетъ собираться мирное, осѣдлое населеніе на сѣверовостокѣ. Если въ бо̀льшей части случаевъ оружіе прокладывало христіанству путь въ глубину неизвѣданнаго еще востока, то часто случалось и обратное явленіе: проповѣдь Евангелія приготовляла побѣду русскаго владычества, христіанскій подвижникъ являлся прежде самыхъ первыхъ поселенцевъ. Значеніе монастырей въ великомъ дѣлѣ распространенія русской народности и гражданственности должно

быть оцѣнено по заслугамъ. Къ благочестивому пустыннику, поселившемуся гдѣ-нибудь въ пещерѣ или даже, какъ знаемъ о св. Павлѣ Комельскомъ, въ дуплѣ большого дерева, начинала сходиться братія; являлась потребность храма для отправленія богослуженія, потребность обезпечить пустынножителей, и старцы слали къ великому князю просьбу о разрѣшеніи имъ строить монастырь на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, пашни пахать и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшого земледѣльческаго поселенія. Въ стѣнахъ его находили защиту и отдыхъ торговцы и промышленники; въ посадѣ, пріютившемся подъ его стѣнами, открывался торгъ. Вклады *по душѣ* увеличивали земельное владѣніе иноковъ. Монастырь становился вотчинникомъ и сзывалъ со всей Руси охотниковъ селиться на его земляхъ. Какъ понимали и тогда естественныя слѣдствія основанія монастырей, видно изъ того, какъ вооружались иногда буйные сосѣди противъ ихъ построенія. Терпя между собой отдѣльныхъ христіанскихъ подвижниковъ, они разрушали вновь возникавшія обители. Въ житіяхъ св. Димитрія Прилуцкаго, св. Стефана Махрищскаго находимъ ясные примѣры этого. Если бы кто потрудился собрать изъ рукописныхъ сборниковъ житій и чудесъ русскихъ угодниковъ многочисленныя, разсѣянныя тамъ указанія на это вліяніе монастырей русскихъ, на распространеніе первыхъ началъ гражданственности, тотъ оказалъ бы большую услугу русской исторіи, не говоря уже о томъ, что новое раскрытіе этой стороны русскаго подвижничества необыкновенно важно для исторіи русской церкви. Въ житіяхъ же русскихъ святыхъ можно найти и лучшія указанія на первыя трудности поселенія среди чуждыхъ племенъ, на борьбу съ природой, на исторію первыхъ колонистовъ, на состояніе страны въ эпоху ихъ поселеній. Припомню разсказы о дѣятельности иноковъ Соловецкой обители, объ ихъ плаваніяхъ по Бѣлому морю, которые такъ часто встрѣчаются въ житіяхъ и похвалахъ Зосимы и Савватія. Проповѣдь св. Стефана Пермскаго, распространеніе имъ евангельскаго ученія между зырянами и пермяками, быть можетъ, не менѣе новгородскихъ походовъ, содѣйствовали легкому поселенію здѣсь русскаго племени. Мы знаемъ, что присоединеніе великой Перміи къ міру христіанскому совершилось за долго до окончательнаго ея присоединенія къ областямъ русскимъ. Правительство мало имѣло участія въ заселеніи столь далекихъ странъ. Своевольныя поселенія новгородской вольницы, появленіе христіанскихъ обителей предшествовали заселенію правительства. Правительство часто было не въ силахъ дать защиту поселенцамъ, которые, по господствующимъ понятіямъ, занимая

пустопорожнія земли, или отнимая ихъ у инородцевъ, тѣмъ не менѣе нуждались въ подтвержденіи правъ на владѣніе, со стороны правительства, потому что незаселенныя земли считались собственностію государства. Дѣйствіе правительства ограничивалось признаніемъ правъ поселенцевъ на владѣніе занятыми ими землями, подъ условіемъ отправленія извѣстныхъ повинностей, уступкою имъ земель въ пустѣ лежащихъ, и дачею нѣкоторыхъ льготъ поселенцамъ. Заботиться о населеніи, о защитѣ этихъ земель, было уже дѣломъ самихъ владѣльцевъ. Самыя права на владѣніе не были опредѣлены, потому что не выработались еще сословныя различія. Подъ 1371 г., читаемъ въ Нижегородскомъ лѣтописцѣ: «Въ тоже время въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше сего изъ гостей не было; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною и купилъ онъ себѣ вотчины у великаго князя за Кудьмою рѣкою, на рѣчкѣ Сундовакѣ, шесть селъ.» Уступка земель, считавшихся государственными, производилась на неопредѣленныхъ показаніяхъ объ ея протяженіи, сдѣланныхъ желавшимъ получить ее. Въ первой грамотѣ, данной Григорію Строганову, въ 1588 г., читаемъ: «сказывалъ (Григорій), что-де въ нашей вотчинѣ, ниже Великія Перми за 88 вер., по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы, съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону Камы, противъ Пускорскіе Курьи, по обѣ стороны Камы, до Чусовыя рѣчки мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего-де того пустого мѣста 146 верстъ;»—и, на основаніи этого «сказывалъ», уступалось Строгановымъ, огромное пространство, съ правомъ суда и съ обязанностію самимъ населять и защищать его. Домашними средствами сдерживали именитые люди возстаніе сосѣднихъ племенъ и прокладывали торговые пути въ глубину Сибири. Зная, въ какомъ невѣденіи находилось правительство, даже въ половинѣ XVIII вѣка, относительно положенія отдаленныхъ мѣстностей, относительно числа и состава народонаселенія, мы не будемъ удивляться этому безсилію центральной власти, ея малому участію въ дѣлѣ заселенія русскими выходцами земель инородческихъ. Болѣе прямое вмѣшательство правительства началось съ уничтоженія самостоятельности татарскихъ царствъ на берегахъ Волги. Здѣсь это вмѣшательство вынуждено было необходимостію обезопасить владычество новыми пріобрѣтеніями. Считаю излишнимъ припоминать вамъ главные моменты борьбы государей Московскихъ съ татарами. Они хорошо извѣстны жителямъ Казани. Укажу только на слѣдствія покоренія и на особый характеръ русскихъ поселеній. По Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ,

верховьямъ Камы, по Чусовой и т. д., русское племя встрѣчалось съ бродячими, звѣроловными племенами финскими, поклонниками грубаго язычества. Только немногіе городки останавливали наступательныя движенія русскихъ поселенцевъ. Разрозненные роды легко уступали мѣсто новымъ пришельцамъ. Вотяки были отодвинуты хлыновцами далѣе къ востоку, къ самымъ верховьямъ Вятки. Пермяки, разрѣзанные поселеніями по Камѣ, также удалились далѣе къ востоку, за Уралъ, или должны были признать зависимость отъ русскихъ. Вогулы постепенно шли къ востоку, уступая мѣсто русскимъ промышленникамъ, и главныя массы ихъ племени перебрались за Уралъ, куда еще прежде ихъ перешло племя югорское. Подвижность племенъ финскихъ значительно облегчала дѣло колонизаціи. Съ другой стороны, язычество этихъ племенъ не могло оказывать сильнаго сопротивленія христіанству. Смутныя понятія о божествѣ и природѣ, отсутствіе выработаннаго культа, условливали легкую побѣду христіанской религіи надъ дѣтскими вѣрованіями туземцевъ. Зыряне и пермяки скоро узнаютъ евангельскую истину и тѣмъ самымъ дѣлаютъ огромный шагъ къ слитію съ племенемъ русскимъ. Область Вятки и верхней Камы покрывается сплошнымъ русскимъ и значительно обрусѣвшимъ христіанскимъ населеніемъ. Болѣе густыя массы вотяковъ упорнѣе другихъ отстаиваютъ свою народность и вѣрованія, потому что уже примыкаютъ къ областямъ Казанскаго царства. Съ инымъ характеромъ являются племена, признававшія надъ собою верховную власть Казанскаго царя, племена по среднему теченію Волги, до ея крутого поворота на югъ у Самарской луки. Правда, Волга давала могущественное орудіе для покоренія всего Приволжья. Оттого быстрымъ и неминуемымъ слѣдствіемъ паденія Казани было покореніе Астрахани. Но трудность состояла преимущественно въ подчиненіи племенъ средней Волги вліянію русской народности и русской гражданственности. Вглядываясь въ этнографическую карту Россіи, мы видимъ, что тамъ, гдѣ Волга поворачиваетъ въ степи, въ старыхъ кочевьяхъ Золотой Орды, русское населеніе лежитъ болѣе сплошными массами, оттѣснивъ подвижныя орды кочевниковъ, далеко къ востоку и юговостоку. По среднему же ея теченію, въ губерніяхъ: Казанской, южной части Вятской, Пензенской, Симбирской, и къ востоку—въ Оренбургской, живутъ въ большей или меньшей чистотѣ отъ русской примѣси племена финнскаго и монгольскаго происхожденій: черемисы, чуваши, мордва, татары, башкиры, мещеряки. Причинъ этому должно искать въ особенномъ положеніи этихъ племенъ. Прежде всего, это уже племена или вполнѣ земледѣльческія, или по крайней мѣрѣ

вполовину уже осѣдлыя. За исключеніемъ мещеряковъ, отодвинутыхъ къ востоку, въ Оренбургскую губернію, отъ нижнихъ частей Оки, гдѣ жили они еще въ XV столѣтіи, между черемисою и мордвою,—всѣ финнскія племена остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ запомнила ихъ впервые исторія. Сохраняя ясные слѣды своего древняго быта и вѣрованій, эти племена подчинялись однакоже верховной власти Казанскаго Хана. Зависимость отъ Казани тѣснѣе сплотила ихъ, дала имъ возможность дѣйствовать соединенными силами. Съ другой стороны, могущественно дѣйствовало вліяніе исламизма. Принимая ученіе Магомета, туземцы финнской расы подчинялись вліянію татарскаго племени, теряли свои народныя особенности, сливались съ нимъ въ одинъ народъ, или образовывали смѣшанныя племена подъ преобладаніемъ однакоже татарскаго типа, языка и нравовъ. Я имѣлъ случай замѣтить, что относительно чувашъ не рѣшенъ еще окончательно вопросъ: есть ли это турецкое племя, принявшее на себя черты финнскаго племени, вслѣдствіе смѣшенія съ нимъ, или это финны, еще хранящіе финнскіе обряды и часть общихъ вѣрованій, но принявшіе языкъ турецкаго племени? Финнское происхожденіе отатарившихся башкировъ, кажется, не подвержено сомнѣнію. Эти двѣ причины, т. е. бóльшая крѣпость въ соединеніи племенъ Казанскаго царства и могущественное вліяніе исламизма, условливаютъ упорное сопротивленіе этихъ племенъ русской народности. И теперь еще русское населеніе идетъ только по берегу средняго теченія Волги, мало проникая въ глубь земли, да и то больше въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, среди мордвы, которая легче другихъ племенъ уступаетъ дѣйствію на себя чуждой народности, и отличается бóльшею способностію сливаться въ одинъ народъ съ русскимъ, принимая русскій языкъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Крещеніе черемисы и чувашъ совершалось насильственными мѣрами только въ прошломъ столѣтіи. Сама мордва не безъ сильнаго сопротивленія приняла христіанство, и русская церковь хранитъ память о Мисаилѣ, архіепископѣ Рязанскомъ, мученическою смертію погибшемъ въ 1655 г. среди темниковской мордвы, которую желалъ обратить ревностный святитель. Казанская мордва обращена также преимущественно въ XVII вѣкѣ трудами иноковъ Селижарова монастыря, какъ темниковская въ то же время иноками Пурдышевскаго монастыря на Мокшѣ, за которымъ были мордовскія селенія. Русскія лѣтописи исполнены извѣстій о набѣгахъ мордвы на Нижегородскія владѣнія, о сильныхъ возстаніяхъ луговой и горной черемисы, уже признавшей власть русскихъ царей. Правительству нужно было рядомъ укрѣпленій обезопасить свои вла-

дѣнія и сдерживать непокорныхъ бунтовщиковъ; нужно было содержать постоянно военную силу въ предѣлахъ и на границахъ Казанскаго царства, и въ то же время защищать новообращенныхъ инородцевъ отъ фанатическаго мщенія со стороны ихъ иновѣрныхъ единоплеменниковъ, оберегая ихъ въ то же время отъ соблазна отступничества. Отсюда необходимость правительственныхъ мѣръ для укрѣпленія и заселенія русскими завоеваннаго края. Являются укрѣпленныя черты, прочныя военныя поселенія, испомѣщаемыя людьми служилыми, и отдѣленіе новокрещенцевъ въ особыя селенія отъ некрещеныхъ инородцевъ. Въ ожиданіи, пока религіозныя смуты XVII столѣтія и прикрѣпленіе къ землѣ подвижного крестьянскаго сословія выгонютъ въ Приволжье огромныя толпы добровольныхъ сходцевъ изъ всѣхъ областей Руси, мы видимъ рядъ правительственныхъ мѣръ о поселеніи людей служилыхъ въ областяхъ Казанскаго царства, чтобы въ этихъ военныхъ поселеніяхъ найти надежный оплотъ противъ возстаній финнско-татарскихъ племенъ средняго Поволжья. Уже при Θедорѣ Ивановичѣ, къ ряду укрѣпленныхъ городовъ, которыми еще прежде обозначалось наступательное движеніе племени русскаго по теченію Волги, присоединились новыя крѣпости, построенныя съ особенною цѣлью, сдерживать черемису. Это были: Цивильскъ, Уржумъ, Царевгородъ на Кокшагѣ, Санчурекъ и друг. Какъ сильна была постоянная опасность возстанія инородческаго населенія, видно изъ указа, относящагося уже къ концу XVII столѣтія, именно къ 1697 г., которымъ запрещалось продавать чувашамъ и черемисамъ Казанской губерніи не только оружіе, но даже кузнечные инструменты.

III.

Вторая половина XVII и все XVIII столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи поселенія русскихъ колонистовъ въ Восточной Россіи, въ разныхъ областяхъ Волги и Камы. Съ одной стороны, мы видимъ огромный приливъ такъ называемыхъ сходцевъ или бѣглецовъ, что будетъ точнѣе, изъ внутреннихъ областей; съ другой, дѣятельныя мѣры правительства для заселенія и обезопасенія края. Много было причинъ, условливавшихъ большое количество добровольныхъ выходцевъ; главнѣйшихъ было двѣ: великій расколъ, обнаружившійся въ русской церкви и прикрѣпленіе къ землѣ до тѣхъ поръ подвижного крестьянскаго сословія. Извѣстна исторія раскола: привязанность къ мертвой буквѣ, къ одной обрядовой внѣшности, такъ рѣзко обо-

значившаяся еще въ первой четверти XV вѣка, привела къ окончательному отторженію отъ православной церкви значительной части сельскаго и городскаго населенія, привела къ тѣмъ религіознымъ смутамъ, которыхъ самыми рѣзкими проявленіями было открытое возмущеніе Соловецкаго монастыря, взятаго царскими войсками, только послѣ почти десятилѣтняго обложенія, и стрѣлецкіе бунты, стоившіе столько крови Россіи. Чѣмъ болѣе проходило времени, послѣ первыхъ замѣшательствъ, бывшихъ слѣдствіемъ исправленія богослужебныхъ книгъ, тѣмъ въ болѣе странныя дикія формы облекался расколъ, распавшійся на множество враждебныхъ, но одинаковымъ фанатизмомъ одушевленныхъ сектъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, цѣлыми сотнями сожигались или замаривались голодомъ изувѣрные послѣдователи разныхъ толковъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они уходили въ Польшу, въ Турцію, въ шведскія владѣнія, но еще болѣе въ лѣса сѣверовосточной Россіи. Въ однихъ лѣсныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, въ Чернорименье на Керженцѣ, передъ началомъ благотворной дѣятельности преосвященнаго Питерима, считалось до 40,000. Во второй половинѣ XVIII вѣка, одинъ изъ главныхъ притоновъ поповщины завелся въ Саратовской губерніи на Иргизѣ. Въ Сибири такъ много набралось раскольниковъ, что уже въ 1722 г. правительство сочло нужнымъ не отправлять туда ссыльныхъ раскольниковъ, чтобы не увеличивать и безъ того уже огромнаго числа ихъ. Въ Черниговскихъ и Стародубскихъ слободахъ организовалось привольное товарищество для перевода бѣглыхъ изъ Россіи въ Польшу и для вывода ихъ оттуда обратно въ заселеніе крѣпости св. Елисаветы, въ Слободско-Украинскія поселенія, и въ Новую Сербію. Бѣгство раскольниковъ должно было значительно увеличивать число русскихъ поселенцевъ въ Восточной Россіи, но еще болѣе росло это число вслѣдствіе притона бѣглецовъ иного рода. Подвижность была издавна въ характерѣ русскаго населенія, *разбрестись розно* ничего не значило даже для земледѣльческаго населенія. На украинахъ Россіи издавна скоплялись толпы бѣглецовъ всякаго рода. Изъ нихъ образовалось Донское и Запорожское казачество, но казачество не было исключительною принадлежностію южной Руси. Казаки, гулящіе люди, встрѣчались почти повсемѣстно. Въ концѣ первой половины XV вѣка, мы находимъ уже въ лѣтописяхъ казаковъ Рязанскихъ. Позднѣе, мы видимъ тоже во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и восточной Россіи. Когда правительство почувствовало необходимость ограничить крестьянскіе переходы, безпрерывныя кочеванія земледѣльческаго населенія, это стрем-

леніе на украины Россіи сдѣлалось еще сильнѣе. Въ смутахъ самозванцевъ и междуцарствія выразился протестъ противъ стѣсненія вольнаго перехода. Ополченіе Болотникова во многомъ напоминаетъ сбродныя толпы, шедшія за Пугачевымъ. Первая ревизія окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обработывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: всѣ они были признаны крѣпкими землѣ; институтъ крѣпостного права получилъ послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединить подъ именемъ и правами крѣпостныхъ и тѣ немногія лица, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подходя подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ многочисленныхъ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, т. е., при Елисаветѣ Петровнѣ. Прикрѣпленіе къ землѣ вытекало изъ государственныхъ потребностей того времени, было историческою необходимостію; но оно естественно вызывало протестъ со стороны прикрѣпляемаго сословія, протестъ, выражавшійся въ уходѣ съ земель, которымъ становилось оно крѣпкимъ, бѣгствомъ туда, гдѣ не могла ихъ преслѣдовать власть землевладѣльцевъ. Прикрѣпленіе къ землѣ условливало увеличеніе числа сходцевъ, а если прибавимъ сюда наборы, бывшіе естественнымъ слѣдствіемъ учрежденія постояннаго войска, самоуправство большихъ и малыхъ временщиковъ, бироновщину, слабость центральной власти въ безъурядное время отъ смерти Петра Великаго до Елисаветы Петровны, а также слабое правленіе и этой кроткой государыни, мы не удивимся громадному числу бѣглецовъ, являвшихся въ областяхъ сѣверовосточной Россіи, какъ и на всѣхъ украинахъ русскаго государства. Въ самыхъ правительственныхъ актахъ, мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ. Числовыя показанія правительства даже въ XVIII столѣтіи, особенно въ первой его половинѣ, при несовершенныхъ способахъ собиранія свѣдѣній, при безсиліи центральнаго контроля, а часто даже и мѣстнаго, очевидно, не могутъ отличаться точностію; но эта неточность, можетъ быть лишь въ одну сторону: число сходцевъ, показанное правительствомъ, можетъ быть ниже дѣйствительности, но не выше ея. Мы должны принимать ихъ за minimum, но и этого minimum слишкомъ достаточно, чтобы показать огромное количество людей, уходившихъ съ мѣстъ ихъ стараго поселенія. Изъ доклада сената 1742 г. видно, какъ много было совершенно запустѣлыхъ имѣній. Въ одномъ уѣздѣ Переяславля-Залѣсскаго оказалось 68 опустѣлыхъ помѣщичьихъ имѣній. Бывали деревни, въ которыхъ и самые помѣщики исчезли неиз-

вѣстно куда со своими крестьянами. Сборъ податей, на которыя содержалось войско, останавливался за пустотою и за незнаніемъ, куда дѣлись тѣ, которые подлежатъ податямъ. Прежде всего замѣтно, что уходъ крестьянъ съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ земель былъ явленіемъ общимъ, а не мѣстнымъ. Одна сѣверная полоса составляетъ исключеніе потому, что только тамъ подъ именемъ черносошныхъ крестьянъ сохранились послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ. Приводя данныя, мы ограничимся первыми 50 годами, слѣдовавшими за первою ревизіей, потому что къ этому времени относится самое сильное стремленіе сходцевъ освободиться отъ прикрѣпленія. Эти данныя мы будемъ выбирать изъ Полнаго Собранія Законовъ, гдѣ собраны въ хронологическомъ порядкѣ всѣ распоряженія, исходящія отъ верховной власти, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Болѣе достовѣрный источникъ едва ли можно найдти гдѣ либо. Въ актахъ нѣтъ общаго числа бѣглецовъ, но по показаніямъ относящимся къ разнымъ мѣстностямъ можно составить приблизительное понятіе. Эти показанія знаменательны. Въ инструкціи посланнымъ для учиненія новой ревизіи, отъ 16 декабря 1748 г., сказано, что только въ двухъ губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской, однихъ однодворцевъ и другихъ поселенныхъ людей, изъ которыхъ содержится ландмилиція, въ бѣгахъ показано 10,423 человѣка. По показанію военной коллегіи, въ 1729 г., податныхъ людей, приписанныхъ къ флоту и арміи, въ теченіи времени отъ 1719 по 1727 г., т. е. въ теченіи 8 лѣтъ, въ бѣгахъ оказалось 198,876 душъ муж. пола. Число громадное, особенно если подумать, что неточность могла быть въ его уменьшеніи, а не въ увеличеніи.

Во всѣ стороны шли толпы русскихъ бѣглецовъ. Передъ страшною жаждою воли смолкала даже антипатія русскаго народа къ нѣмецкому племени: нужно было въ статьяхъ мирнаго договора съ Швеціею помѣстить условіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя взаимности тутъ быть не могло. Въ Швецію бѣгали наши раскольники и крестьяне, а не изъ Швеціи выходили къ намъ. Въ 1740 г., учреждена была особая коммиссія для отыскиванія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Она была закрыта послѣ 13-лѣтней безполезной дѣятельности. Немного русскихъ бѣглецовъ было выдано. Лифляндскія и эстляндскія мѣстныя власти говорили, что если ихъ выдать всѣхъ, то тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ учинится великое разореніе. Еще большій притокъ былъ на границу польскую. Тамъ мы встрѣчаемъ любопытные факты.

Въ февралѣ 1725 г., донесъ Смоленскому губернатору полковникъ Челищевъ, что крестьяне два раза многолюдствомъ бѣжали за польскій рубежъ съ бердышами и съ рогатинами и съ дубьемъ *сильно*. Рубежные заставные драгуны не могли удержать ихъ; крестьяне пробились послѣ битвы. Докладъ сената, въ сентябрѣ 1742 г., говоритъ, что крестьяне Смоленской и сосѣднихъ съ нею губерній бѣжали въ Польшу цѣлыми деревнями. Въ черниговскихъ раскольничьихъ слободахъ было сборное мѣсто для одиночныхъ бѣглецовъ, не могшихъ собственными силами пробраться сквозь заставы. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, нѣкто Халкидонскій, въ своемъ донесеніи представилъ любопытныя данныя объ этомъ притонѣ бѣглыхъ. Въ слободахъ не требовалось, какъ непремѣнное условіе, отпаденія отъ православной церкви. «Бѣглые, пишетъ Халкидонскій, для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются, не будучи, впрочемъ, раскольниками.» Все Запорожье, по своему характеру, могло держаться только бѣглецами и выходцами, искавшими прежде всего личной свободы. Здѣсь правительство ничего не могло предпринять для остановки бѣглыхъ. Когда рядомъ военныхъ поселеній правительство стѣснило запорожцевъ съ сѣвера, эти военныя поселенія составились также, кромѣ славянъ заграничныхъ, изъ значительной части русскихъ выходцевъ. Чтобы остановить переходъ крестьянъ въ Польшу, правительство должно было обѣщать прощеніе тѣмъ, кто возвратится оттуда, и селить ихъ въ слободскихъ поселеніяхъ и около крѣпости св. Елисаветы. Если такъ велико было стремленіе сходцевъ къ западу, въ Польшу и Остзейскія провинціи, то, естественно, еще въ большемъ количествѣ должны были направляться они къ востоку Россіи. Много ихъ находимъ на Дону, но еще болѣе въ степяхъ Астраханской и Оренбургской губерній, въ Перми, и далѣе къ сѣверовостоку, въ Сибири.

На этихъ поселенцевъ въ восточномъ краѣ, по Волгѣ и Камѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Почти все русское населеніе Астраханской губерніи, за исключеніемъ купечества, привлекаемаго торговлею, состояло изъ сходцевъ, бѣжавшихъ изъ внутренней Россіи. До сихъ поръ, Разбалуй-городокъ влечетъ къ себѣ бѣглецовъ всякаго рода. «Увѣдомились мы, сказано въ именномъ указѣ Сенату отъ 19 марта 1745 г., что, при ревизіи въ Астрахани, явились многіе изъ подлыхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать отъ толь велѣно въ Петербургъ на поселеніе; а оные подлые люди, по привычкѣ жить

кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Персію, и, бусурманются, также въ степи, на Кубанскую сторону, на рѣку Куму, и на Бухарскую сторону за Яикъ, и тамъ, промысломъ звѣринымъ питаясь, звѣрски въ отчаяніи живутъ». Ничто не можетъ быть знаменательнѣе словъ этихъ. Русскій человѣкъ крѣпко преданъ православію. Бѣглецы русскіе въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, въ Турціи, оставались неизмѣнно вѣрны религіи отцовъ. Небольшая русская колонія въ Малой Азіи, не далеко отъ Бруссы, со всѣхъ сторонъ охваченная магометанскимъ населеніемъ, оставлена безъ церкви и священника, тѣмъ не менѣе не отрѣклась отъ вѣры, вынесенной ею съ родины. Надобно было, чтобы мучила неутолимая жажда воли, чтобы положеніе было слишкомъ тягостное, чтобы русскій бѣглецъ рѣшился лучше обасурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ прежнихъ распоряженій, и, въ томъ же именномъ указѣ, императрица предлагаетъ: «не лучше ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по рѣкѣ Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенныя во всякомъ случаѣ потребны». Слѣдствія этой отмѣны высылки бѣглыхъ въ Петербургъ видны изъ одного акта, относящагося къ управленію Пермскими заводами. По одному объявленію въ Астрахани, что бѣглые могутъ селиться на отведенныхъ имъ мѣстахъ, тотчасъ объявилось 3000 бѣглецовъ, и всѣ самохотно обязались платить 40-алтынный подушный окладъ. Астрахань была обѣтованной землей для искавшихъ вольности, о ней ходили въ народѣ самые странные слухи. Въ 1757 г., въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, между крестьянами обнаружилось сильное волненіе. Онѣ бѣжали открыто, забирая лошадей и пожитки, уводя за собою семьи. За Волгой устроены были землянки, и поселившіеся тамъ бѣглые объявляли, что будутъ принимать къ себѣ всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же правильное общество для облегченія бѣгства, какъ и въ слободахъ Черниговскихъ. Между крестьянами пущенъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и Камышинѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ правительствомъ маіоръ Парубучъ. Правительство вынуждено было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ, отъ 13 января 1758 г., объявить ложность этихъ слуховъ и приказать ловить и подвергать строгому наказанію ихъ разгласителей, «которые ласкаютъ вольностію простой народъ».

Огромное количество всякаго рода сходцевъ было въ Орен-

бургскомъ краѣ. Въ докладѣ Ивана Ивановича Неплюева, одного изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ организаторовъ этого края, мы находимъ для этого подробныя указанія. Вотъ, что писалъ онъ въ 1744 г.: «За пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ въ Исетской провинціи ни единой души не было изъ русскихъ; всѣ тѣ слободы гулящими людьми и, какъ чаятельно, не безъизвѣстно по большей части, едвали не всѣ помѣщичьими населены.» Въ вѣдомости 1741 г. показано, въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и разночинцевъ пять-тысячъ сто-пятьдесятъ-четыре души муж. пола. По осмотру, произведенному, въ 1747 г., вновь только присланнымъ, оказалось разомъ однихъ непомнящихъ родства и помѣщиковъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ, семьсотъ одиннадцать человѣкъ, а это даетъ понятіе о ежегодной прибыли сходцевъ, уже извѣстныхъ правительству. Сколько же безъизвѣстно скрывалось среди башкировъ и мещеряковъ, по заводамъ Оренбургской губерніи! Когда возникъ вопросъ о выводѣ этихъ сходцевъ обратно къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, правительство и здѣсь, какъ въ Астрахани, должно было отступить отъ своего распоряженія. Въ докладѣ сенату, Неплюевъ доказывалъ, что, въ случаѣ вывода, слободы запустѣютъ, «также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ, исправленій исполнить будетъ некѣмъ, ибо въ нихъ, какъ вышеупомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется.» Вслѣдствіе требованій Неплюева, сенатъ, Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1744 г. докладомъ, положилъ: «Во-первыхъ, бѣжавшихъ до ревизіи 1719 г. оставить въ Оренбургской губерніи и прежнимъ владѣльцамъ не отдавать. Во-вторыхъ, бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ подушный окладъ, по ревизіи 1719 г., въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ Оренбургскомъ краѣ, уже послѣ ревизіи, вывести на прежнее жилище. Въ-третьихъ, которые же бѣглые записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургскимъ крѣпостямъ въ казаки, и тамо уже обселились и службы дѣйствительно служатъ, тѣхъ всѣхъ, для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ, отнюдь не высылать, а быть имъ, какъ оные нынѣ есть, въ казакахъ. Владѣльцамъ же зачесть ихъ въ рекруты въ будущіе наборы.» Третьимъ пунктомъ значительно ослаблялся, если не совершенно уничтожался, второй пунктъ.

Замѣчательны также данныя, относящіяся къ сходцамъ въ губерніи Пермской, на горныхъ заводахъ. Приведемъ и здѣсь оффиціальное показаніе. Постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено, сколько могли приписывать горные заводчики кресть-

янъ къ своимъ заводамъ. Именно, на каждую доменную печь полагалось по сту дворовъ, да къ двумъ молотамъ по тридцати; и того сто шестьдесятъ дворовъ, полагая по четыре души мужескаго пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ, на каждую тысячу пудовъ выплавляемой мѣди, по пятидесяти дворовъ, или по двѣсти душъ мужескаго пола. Въ 1753 г. оказалось, что по этому разсчету при заводахъ Симбирской и Казанской губерніи, между которыми дѣлилась нынѣшняя Пермская губернія, должно быть только 8,362 души, между тѣмъ какъ въ наличности ихъ было 25,627 душъ, слѣдовательно 17,265 излишнихъ. На однихъ семи заводахъ Акинѳія Демидова, пришлыхъ и непомнящихъ совершенно ни родства ни помѣщиковъ оказалось 4,124 души, сверхъ 2,604 душъ таковыхъ же приписанныхъ вѣчно къ этимъ заводамъ еще въ 1736 г. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія излишнихъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые, по дурной администраціи,— чего, впрочемъ, не высказала бергъ-коллегія,—терпѣли недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Еще замѣчательнѣе сенатскій докладъ 30 декабря 1755 г. Тамъ сказано, что, на заводахъ Акинѳія Демидова, пришлыхъ съ разныхъ губерній, послѣ ревизіи 1724 года, показано 6,852 души. Сенатъ опредѣлилъ: съ казенныхъ заводовъ пришлыхъ, которыхъ, послѣ той же ревизіи 1724 г., показано по вѣдомостямъ 2,357 душъ, не высылать обратно на прежнія мѣста ихъ жительства. Съ партикулярныхъ заводовъ Демидовыхъ, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокиныхъ, бѣглыхъ, въ числѣ 4,493 душъ, также не высылать. Причины оставленія выставлены правительствомъ слѣдующія: такое число бѣглецовъ трудно выслать безъ огромныхъ конвоевъ; они разойдутся по лѣсамъ, или за границу; заселеніе пустыхъ мѣстъ необходимо, и высылкой пришлыхъ людей «распространенные только заводы въ опустошеніе приведены быть могутъ»; наконецъ, и то обстоятельство, что бѣглецы, жившіе на заводахъ, отстали уже отъ пашни и не уживутся и уйдутъ опять отъ своихъ владѣльцевъ, да еще подговорятъ съ собой и другихъ. И такъ, всѣхъ бѣглецовъ рѣшено было навсегда при заводахъ оставить, строго только запретивъ впередъ принимать бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній. Но это строгое запрещеніе было не первое и далеко не послѣднее.

Не всѣ бѣглые заходили такъ далеко. Не разъ они образовывали сильныя поселенія ближе къ западу. Вотъ, что сообщилъ въ 1724 г. Пензенскій воевода Скобельцынъ о поселившихся на рѣчкѣ Карамышѣ бѣглыхъ крестьянахъ: «Принималъ и селилъ ихъ Серудобинской слободы солдатъ Осипъ Клоповъ, называясь

атаманомъ, да сходецъ подъячій Иванъ Петровъ; а по переписи же оныхъ, сказываютъ, съ 600 человѣкъ; на конѣхъ садятся оружейныхъ людей, и сдѣланъ у нихъ городокъ и огороженъ заметомъ, и выходятъ они къ станичной избѣ въ праздничные дни съ ружьемъ и стрѣляютъ; да сверхъ переписи есть еще съ 400 человѣкъ, которые называются казаками, а другіе отставными, драгуны, и солдаты. Правительствомъ приказано двинуть туда военную силу и уничтожить это поселеніе, захвативъ по возможности главныхъ заводчиковъ и жестоко наказавъ ихъ.» Какія были послѣдствія? неизвѣстно; но сказаннаго достаточно, чтобы показать, какимъ духомъ исполнены были эти самовольные поселенцы, эти сходцы изъ областей внутренней Россіи. Рядомъ съ оффиціальными указаніями на постоянный огромный притокъ бѣглецовъ въ Поволжье и въ Прикамье, въ первой половинѣ XVIII вѣка, идутъ столь же оффиціальныя указанія на усиленіе разбойничества. Очевидно, что, когда часть гулящихъ людей, сходцевъ въ промыслахъ, въ припискѣ къ заводамъ и новопостроеннымъ крѣпостямъ, искала убѣжища и, въ тоже время, обезпеченія своего существованія, другая часть разгуливала съ кистенемъ по дорогамъ, или разъѣзжала по Волгѣ, взимая съ промышленниковъ насильственную подать и вмѣстѣ съ тѣмъ мстя правительству и обществу за лишеніе воли. Свѣдѣнія о разбояхъ въ здѣшнемъ (Казанскомъ) краѣ поражаютъ своею значительностію; приведемъ только немногія. Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, плывшій водою въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ, что онъ едва могъ отбиться отъ нихъ пушками, что на одной Окѣ повстрѣчалъ онъ болѣе 50 ограбленныхъ судовъ, на которыхъ народу находилось человѣкъ по 60, что многое число наѣзжалъ онъ раненыхъ. Въ 1744 г. разосланы были военныя команды и составлены инструкціи для сыщиковъ, а, въ 1756 г., вотъ, что доносилъ одинъ изъ такихъ сыщиковъ, маіоръ Бражниковъ съ Волги: имѣлъ онъ бой съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человѣкъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убито до смерти эсаулъ да еще до 5 человѣкъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да Казанской сыщикъ майоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который показалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чебоксаръ на Волгѣ, на 2 лодкахъ съ 5 пушками и 50 человѣкъ, должна была въ ночь на 28 мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами посланъ былъ зажечь городъ, что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ

Окѣ выше Нижняго, что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и идти къ Астрахани, дѣйствуя общими силами. Разбойники находили поддержку въ крестьянахъ, оставшихся у помѣщиковъ. Въ 1744 г., они являлись въ многолюдныя селенія князя Хованскаго и Шереметьева, избили тѣхъ, кто защищался, и забрали оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ. Изъ примѣра Чебоксаръ видно, что и города не были вполнѣ безопасны отъ ихъ нападеній. Въ 1756 г., доносила Алатырская провинціальная канцелярія, при которой находилось 97 человѣкъ солдатъ съ копьями и рогатинами, что въ ночь на 3 марта вошли въ Алатырь разбойники, разбили провинціальный магистратъ и взяли соляного сбора денежной казны 949 р.; что на рѣкѣ Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чиня многія мятежныя убійства; что необходимо прислать въ Алатырь по крайней мѣрѣ сто ружей и пороху, потому что онъ ждетъ новаго нападенія.

Таковы были неминуемыя слѣдствія огромнаго притока къ востоку людей гулящихъ, сходцевъ съ земель, на которыхъ укрѣпило ихъ правительство. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ, проистекавшихъ отъ этихъ побѣговъ. Бѣглецами населялись украины Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко въ глубь инородческаго населенія и должна была могущественно содѣйствовать распространенію между ними промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами только и держались наши заводы въ сѣверовосточномъ углу европейской Россіи и крѣпости Оренбургской линіи, необходимыя для сдерживанія степныхъ кочевниковъ. Не забудемъ, что эти колонисты составляли самую предпріимчивую, самую энергическую часть сельскаго населенія. Малодушный и робкій духомъ покорно склонялся подъ условія крѣпостного права, смѣлый уходилъ въ Астраханскія степи, на заводы Пермскіе, въ Оренбургъ. Но не менѣе ясно также, что правительство должно было употреблять всѣ мѣры для сдержанія этого буйнаго населенія, для ограниченія числа сходцевъ, прекращенія побѣговъ. Страшные разбои должны были вызывать охранительныя мѣры, и безъ нихъ мирнымъ жителямъ городовъ и селеній грозила почти постоянная опасность со стороны инородческаго населенія. Одно страшное возстаніе башкирцевъ, вслѣдствіе проповѣди Батырши, грозило уничтожить первыя прочныя заселенія. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ и безъ того должны были ограждаться стѣнами. О заводѣ Троицкомъ на рѣчкѣ Кидашѣ, принадлежавшемъ Осокину, капитанъ Рычковъ, объѣзжавшій Казанскую и Оренбургскую губерніи въ 1769 и

1770 гг., говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходилъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями внѣ заводскаго строенія были подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще несовершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, хорошо помнившими свою независимость. Даже въ настоящее время старожилы Инсарскаго уѣзда Пензенской губерніи разсказываютъ о постоянномъ страхѣ, въ какомъ держали ихъ кубанцы,—такъ называли они разбойническія шайки инородцевъ. Что же было далѣе къ юговостоку?! Давнею заботою правительства было по этому: съ одной стороны сколь возможное усиленіе прочныхъ земледѣльческихъ поселеній; съ другой — обезопасеніе ихъ рядомъ военныхъ укрѣпленій. Мѣры относительно того и другого идутъ параллельно. Усилить земледѣльческое населеніе можно было или водвореніемъ русскославянскихъ колонистовъ, или обращеніемъ къ христіанству и земледѣлію инородцевъ. Заботы о томъ и другомъ мы видимъ со времени покоренія Казани. Поселеніе ново-крещеныхъ отдѣльными селеніями, заботливыя отдѣленія ихъ отъ магометанъ и язычниковъ началось еще при Иванѣ Грозномъ. Чѣмъ слабѣе были начатки христіанско-земледѣльческаго инородческаго населенія, тѣмъ заботливѣе старались объ его охраненіи. Особенную ревность показала въ этомъ случаѣ Елисавета Петровна; но изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для водворенія крещеныхъ колонистовъ, ни одна не была такъ умѣстна, какъ поселеніе крещеныхъ калмыковъ, по плану того же просвѣщеннаго Неплюева, которому такъ много обязанъ своимъ устройствомъ Оренбургскій край. Читая его докладъ по этому случаю, занимающій 12 огромныхъ страницъ Полнаго Собранія Законовъ, жалѣемъ только объ одномъ, что позднѣйшіе администраторы такъ скоро забыли умныя соображенія ученика Петра Великаго, соображенія, оправданныя блестящими успѣхами. Калмыковъ поселили въ Ставрополѣ тамъ, гдѣ Волга начинаетъ, передъ своимъ рѣшительнымъ поворотомъ къ югу, образовывать Самарскую луку. Съ необыкновенною занимательностью обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ, и указаны мѣры къ лучшему достиженію главной цѣли ихъ поселенія. Воспротивившись своду русскихъ селеній изъ среды земель, отведенныхъ крещенымъ калмыкамъ, Неплюевъ доказалъ возможность сильнаго вліянія этихъ селеній на распространеніе между калмыками хлѣбопашества и утвержденія чистоты христіанскаго ученія *).

---

*) См. извлеченіе изъ этого доклада Неплюева въ концѣ статьи, въ особомъ приложеніи. *Ред.*

Я не имѣю времени подробнѣе остановиться на мѣрахъ правительства, относительно ново-крещеныхъ, и долженъ ограничиться сказаннымъ. Населеніе края русскимъ племенемъ производилось чрезъ раздачу земель церквамъ и монастырямъ, которыя населяли на нихъ поселенцевъ изъ внутренней Россіи; но преимущественно черезъ испомѣщеніе землями людей служилыхъ. Послѣднимъ достигалась двойная цѣль: и заселялся край русскими, и защищался отъ племенъ инородческихъ. Извѣстно, что главная обязанность служилыхъ людей состояла въ томъ, что, по первому призыву правительства, они должны были являться *людны, конны и оружны*. По положенію Ивана Грознаго, владѣльцы земель съ каждыхъ 100 четвертей, т. е. 50 десятинъ, должны были выставить одного коннаго воина въ доспѣхѣ. Большая часть дворянскихъ фамилій здѣшняго края происходитъ отъ этихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію, зная многое о бѣглыхъ крестьянахъ, мы мало знаемъ о поселенныхъ здѣсь дворянахъ. Грамоты царей на владѣніе землями или утрачены ими, или валяются гдѣ нибудь, забытыя потомками служилыхъ людей XVI и XVII столѣтій. Въ огромномъ собраніи актовъ, изданныхъ Археографическими Экспедиціей и Коммисіей, самая малая часть безспорно приходится на долю Казанской губерніи. Что большинство актовъ не погибло, доказывается большимъ собраніемъ чистопольскаго мѣщанина Мельникова. Что жалованныя грамоты царей, въ парчѣ и съ печатями, валяются на чердакахъ барскихъ домовъ здѣшняго края, на это, къ сожалѣнію, я самъ имѣю доказательства. Оттого такія пробѣлы въ нашей исторіи колонизаціи.

Особеннымъ усердіемъ въ заселеніи здѣшняго края отличались первые государи изъ дома Романовыхъ. Они не ограничивались испомѣщеніемъ землями русскихъ служилыхъ людей, а селили переводимыхъ дворянъ изъ отнятыхъ у Польши земель, переводили сюда литовскій и польскій полонъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, пригороды Мензелинскъ и Заинскъ были заселены плѣнными поляками; Старый-Шешминскъ, Новый-Шешминскъ, Билярскъ, Тимскъ и Ерыклинскъ — смоленскою шляхтою. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, ни въ одномъ изъ нихъ не было менѣе 500 служилыхъ людей, въ большей части число ихъ приближалось къ тысячѣ. Все это были *породные* люди, имѣвшіе нѣкогда, какъ доносилъ въ 1750 г. полковникъ Мельгуновъ, на сторонѣ его королевскаго величества польскаго маетности и земли. Ихъ верстали землями въ приказѣ Казанскаго дворца и обязывали службою наравнѣ съ русскими служилыми людьми. Актовъ, относительно ихъ поселенія, также издано мало,

но они уже собраны частію и въ скоромъ времени могутъ быть сдѣланы извѣстными публикѣ.

Несравненно болѣе свѣдѣній мы имѣемъ относительно устройства разныхъ охранительныхъ линій и укрѣпленій. Охраненіе южныхъ границъ государства рядомъ засѣкъ, валовъ, земляныхъ укрѣпленій, преимущественно со стороны Крымскихъ татаръ, началось издавна. Уставы о станичной и сторожевой службѣ окончательно были выработаны при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Изъ поселенныхъ по чертамъ и линіямъ служилыхъ людей образовались всѣ однодворцы русской Имперіи и значительная часть мелкаго дворянства. Съ царствованія первыхъ Романовыхъ ведутъ, вѣроятно, свое начало и черты Восточной Россіи. Изъ нихъ Симбирская черта, для обороны границъ между Дономъ и Волгою, шла отъ Симбирска въ нынѣшнюю Пензенскую губернію, до существующаго понынѣ пригорода Атемара и до города Инсара. Для постройки ея, въ 1649—1654, ежегодно употреблялось отъ 3,500 до 5,000 человѣкъ. Она тянулась отъ Уреня на Тагай и далѣе до впаденія рѣчки Юшанки въ Сельдь, впадающую въ Свіягу, потомъ по Сельди, по правому ея берегу. Къ тому же времени относится и укрѣпленіе Закамскихъ линій. Въ инструкціи тайному совѣтнику Наумову, 19 февраля 1731 г., сказано, что пригороды Казанской и Симбирской губерній населены были предками ея величества, государыни Анны Ивановны, и, что дѣды и прадѣды переселенцевъ, будучи служилыми людьми, драгунами, солдатами, копѣйщиками, рейторами и прежнихъ службъ городовыми дворянами, имѣя помѣстныя земли по окладамъ и будучи избавлены отъ податей, обязаны были конную и пѣшую службу исполнять, и пограничныя мѣста, какъ свои жилища, отъ непріятельскихъ набѣговъ охранять и защищать. Закамскихъ линій было двѣ, старая и новая. Цѣль ихъ была защищать заволжскихъ и закамскихъ жителей, отъ набѣговъ калмыковъ, башкировъ, киргизовъ и каракалпаковъ. Старая линія начиналась у Волги у пригорода Бѣлаго-Яра, шла вдоль Черемшана, мимо пригородовъ Ерыклинска, Тиинска, Билярска, на слободу Екатерининскую, и пригороды Заинскъ, Мензелинскъ; а оканчивалась у рѣки Ика, близъ села Троицкаго или Матвѣева. Устройство ея было сходно съ общимъ устройствомъ нашихъ сторожевыхъ линій. Открытыя долины рѣкъ, пересѣкающія линіи, были перекопаны рвомъ и валомъ; на этихъ валахъ въ разныхъ мѣстахъ основывались окопы, подъ защитою которыхъ поселялись служилые люди; по лѣсамъ дѣлались засѣки. Линія укрѣплялась городками, острожками, надолбами, проѣзжими воротами, башнями и лѣсными завалами, для под-

держанія которыхъ въ цѣлости налагалась обязанность на сосѣднія населенія. Подробности сторожевой службы опредѣлены уставомъ и инструкціями воеводамъ. Первая мысль объ устройствѣ новой Закамской линіи принадлежитъ, кажется, Петру Великому, который основалъ пригороды Алексѣевскъ, Сергѣевскъ. Вслѣдствіе указа 1727 года, о поселеніи въ Россіи драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ, преимущественно по границамъ, назначено было въ тогдашней Казанской губерніи поселить десять полковъ: по одному въ Пензѣ, Саратовѣ, Самарѣ и Царицынѣ, а остальные по росписанію военной коллегіи. Земли для нихъ предписано отводить изъ государевыхъ оброчныхъ, также изъ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ дачъ. Мысль о поселеніи полковъ принадлежитъ Петру Великому. Въ 1728 г., предписано было дѣлать укрѣпленія, палисады и маяки въ провинціяхъ Уфимской и Соликамской, и подтверждено объ укрѣпленіи тамъ городовъ и остроговъ для защиты отъ нападеній кочевыхъ народовъ, башкирцевъ и т. д. Въ 1731 г., Сенатъ далъ указъ тайному совѣтнику Наумову и полковнику Оболдуеву о построеніи новой Закамской линіи. Казанскому губернатору было предписано выслать немедленно 3,000 человѣкъ рабочихъ изъ Закамскихъ уѣздныхъ жителей, на кормныхъ положено 30 алтынъ въ мѣсяцъ на человѣка изъ сбора Казанской губерніи. Въ 1733 г., потребовано было со всей Казанской губерніи 15,000 человѣкъ рабочихъ въ двѣ смѣны: первая должна была собраться къ 1 мая и работать до половины іюля, вторая съ половины іюля по 1 октября. Въ замѣнъ бѣжавшихъ требовали новыхъ рабочихъ съ тѣхъ деревень, откуда были послѣдніе. Плату назначено было производить по плакату; провіантъ имѣть свой. Новая линія начиналась отъ рѣки Самары, у пригородка Алексѣевскаго, шла черезъ слободу Красный-Яръ, потомъ вдоль рѣки Сока на пригородъ Сергіевскій, фельдшанецъ Кондурчинскій, Черемшанскій, Шешминскій и Кичуевскій, у котораго она оканчивалась на рѣкѣ Кичуѣ. Петръ Рычковъ, въ топографіи Оренбургскаго края, говоритъ, что ее предположено было довести до рѣки Ика, но что эта мысль оставлена въ 1734 г., по случаю открытія оренбургской экспедиціи. Всего протяженія эта линія имѣетъ 222 вер.; вала же, прикрывавшаго открытыя мѣстности, 165 верстъ. Въ лѣсныхъ же мѣстахъ, она защищалась засѣками. Линія проведена такъ, чтобы доставить валу хорошую ружейную оборону. По всей длинѣ, разстояніемъ другъ отъ друга на 100 или 120 сажень, устроены редуты. Редуты и фельдшанцы служили главными опорными пунктами и были правильно укрѣ-

плены. Ихъ остатки виднѣются до сихъ поръ; они доказываютъ, что укрѣпленія были снабжены орудіями; два чугунныя орудія валяются въ Сергіевскѣ. Военныя поселенія, которыми оберегалась эта линія, составляли ландъ-милицію, учрежденную въ 1731 г. По указу 7 мая, 1733 г., положено было 3 конныхъ и 1 пѣхотный ландъ-милицкихъ закамскихъ полковъ назвать по мѣстамъ ихъ поселенія. Это были шешминскій, билярскій и сергіевскій конные и алексѣевскій пѣхотный полки; солдатамъ и офицерамъ нарѣзывались земли: рядовому пѣхотному полагалось по 20 десятинъ, конному около 55 десятинъ. Устройство Закамской линіи прекратилось вслѣдствіе открытія оренбургской экспедиціи и переселенія ландъ-милицкихъ полковъ въ степныя мѣста по Самарѣ, Ульвѣ и Яику. Но не пре-крекратилось поселеніе тамъ людей служилыхъ. Съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мы имѣемъ многочисленный рядъ указовъ о поселеніи въ Казанской губерніи отставныхъ солдатъ.....*)

С. Ешевскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СТР. 254.

С. В. Ешевскій не указываетъ въ точности, къ какому году относится докладъ Неплюева объ устройствѣ калмыковъ, помѣ-

*) Къ сожалѣнію, рукопись покойнаго осталась неоконченною; но и то немногое, что дошло до насъ, весьма ясно и опредѣлительно ставитъ новый и важный вопросъ въ исторіи нашего народа о его колонизаторской дѣятельности въ прошедшемъ, которую, въ древній ея періодъ, можно сравнить только съ трудами сѣверо-американцевъ. Авторъ успѣлъ даже намѣтить тѣ стороны этого вопроса, которыя подлежатъ дальнѣйшей научной разработкѣ, и потому его трудъ, не смотря на свою незаконченность, сохранитъ тѣмъ не менѣе свое значеніе, какъ починъ въ весьма интересномъ отдѣлѣ отечественной исторіи, и какъ будущая его программа. Впрочемъ, изученіе этого вопроса въ прошедшемъ имѣетъ и жизненное значеніе; вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, народу открывается снова возможность силою колонизаціи содѣйствовать объединенію Россіи, что до сихъ поръ лежало всею своею тяжестью на одномъ правительствѣ, и имѣло для себя одни средства административныя, весьма дорогія и не всегда достигающія цѣли. Читая статью С. В. Ешевскаго, невольно изумляешься тому, какъ наши предки, безъ нашихъ современныхъ средствъ, умѣли дѣлать такія завоеванія, какія и нынѣ были бы трудны для громадной арміи, а главное, ихъ завоеванія были прочны, потому что они были связаны съ экономическими интерессами и тѣхъ, которые завоевывали, и тѣхъ, которые были завоевываемы; также и потому, что наши древніе колонисты сѣверовосточнаго края, какъ они ни были низки, по сравненію съ нами, степенью культуры, но развитіе личности въ нихъ было высоко, а потому десятокъ такихъ людей стоилъ многихъ сотенъ. *Ред.*

щенный въ Полномъ собраніи законовъ, но, просмотрѣвъ все, что относится къ этому предмету въ царствованіе Елисаветы Петровны, мы убѣдились, что это именно тотъ самый докладъ, который помѣщенъ въ сенатскомъ указѣ, отъ 28 сентября 1747 г. (XII томъ, № 9,444, стр. 761), откуда мы и заимствуемъ его для поясненія словъ нашего автора. Управленіе Неплюева Оренбургскимъ краемъ составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи прошедшаго столѣтія, и заслуживалъ бы вполнѣ монографіи. Какъ мы слышали, матеріаловъ къ такому труду чрезвычайно много, и они ждутъ своей обработки.

Неплюевъ доносилъ сенату отъ 17 апрѣля 1746 года; и сенатъ въ своемъ указѣ отъ 28 сентября 1747 года помѣщаетъ текстъ его донесенія слѣдующимъ образомъ:

1. «Разводъ и размежеваніе земель Калмыцкихъ чиновнымъ людямъ, и зайсангамъ, и улусамъ, которымъ земель отведено еще не было, опредѣлилъ (т. е. Неплюевъ) нынѣ дѣйствительно производить, а напредъ съ помѣщичьими деревнями несмежныя и неспорныя земли, а именно, зайсангамъ, по силѣ апробованнаго Правительствующимъ Сенатомъ опредѣленія, противъ рядовыхъ вдвое, подъ пашню по сороку четвертей въ полѣ, а въ двѣ потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по двѣсти копенъ, а старшинамъ войсковымъ, противъ оклада покойнаго владѣльца Никиты Дербетева, по ихъ жалованью съ уменьшеніемъ, по сту четвертей въ полѣ, а въ двѣ по томужъ, а писарю противъ ихъ вполы; которые же ратные старшины изъ владѣльческихъ дѣтей и отцовскихъ земель не имѣютъ, тѣмъ противъ зайсанговъ вдвое, а прочимъ ратнымъ старшинамъ, не имѣющимъ земель, противъ зайсанговъ, хотя бъ они были и не изъ зайсанговъ; къ чему наряжены два оберъ-офицера, да два изъ геодезистовъ съ надлежащими наставленіями; а для разбора о помѣщичьихъ деревняхъ и земляхъ, якоже и для осмотра всего тамошняго вѣдомства, и какъ тутъ Калмыцкіе улусы и новыя для нихъ селенія расположены, опредѣлилъ тамошнему комменданту, полковнику Останкову, ѣхать самому, сколько же всѣхъ крещеныхъ калмыкъ тамъ имѣется съ женами и съ дѣтьми и при нихъ лошадей, скота и ружья, о томъ въ Правительствующій Сенатъ приложилъ при ономъ краткій рапортъ, а о чиновныхъ ихъ людяхъ особая именная вѣдомость съ ихъ окладами.

2. «Калмыцкіе жъ де старшины и знатные люди прилежно просили, чтобъ находящіяся въ ихъ калмыцкихъ дачахъ рыбныя ловли, которыя состоятъ въ окладахъ по Самарской канцеляріи, а съ нѣкоторыхъ надлежитъ оной по тамошней канцеляріи сбирать, отдать имъ за тотъ же окладъ безъ перекупки вѣчно, обя-

зуяся тотъ окладъ платить бездоимочно; сверхъ того Ставропольская канцелярія ему тайному совѣтнику (Неплюеву) представляла, чтобъ въ калмыцкихъ дачахъ, вмѣсто русскихъ людей, калмыкъ по желаніямъ ихъ къ строенію мельницъ допущать, объявляя, что съ тѣхъ мельницъ оброки, какіе положатся, можно съ нихъ калмыкъ взыскивать, и понеже де первое, то есть рыбныя ловли, какъ то онъ усмотрѣть могъ, крещеные калмыки признаваютъ себѣ за удовольствіе, да и къ утвержденію ихъ не мало можетъ то способствовать, ежели они въ такіе и тому подобные промыслы вступятъ, и отъ того пользу свою спознаютъ; того ради объ отдачѣ оныхъ рыбныхъ ловель калмыцкимъ старшинамъ и знатнымъ людямъ учинилъ опредѣленіе, ибо де когда имъ калмыкамъ земли въ свойство отведены, то они стали быть яко помѣщики, которымъ по указамъ и по писцовымъ наказамъ въ ихъ дачахъ имѣющіяся окладныя рыбныя ловли и другіе промыслы безъ перекупки отдавать велѣно... Также престеречь, чтобы обрѣтающіеся въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ помѣщичьи крестьяне и между калмыки живущіе разночинцы и отставные въ службѣ, которые пожелаютъ, своихъ изворотовъ въ рыбныхъ ловляхъ лишены не были, съ платежемъ въ опредѣленную сумму по пропорціи; что же касается до мельницъ, то по усмотрѣнію его весьма не надежно, чтобъ ихъ одни калмыки нынѣ строить и содержать могли, то опредѣлилъ ихъ къ тому приводить, дабы они на нѣсколько лѣтъ для обученія своего изъ россійскихъ людей кого въ компанію принимали; и когда кто такимъ образомъ изъ калмыкъ на своей землѣ мельницу построитъ компаніей, слѣдственно и всякой изворотъ на своей землѣ дать воленъ, а кои отъ Ставропольской канцеляріи для пріумноженія тамошнихъ доходовъ будутъ позволены строеніемъ на порозжихъ земляхъ, съ тѣми поступать по силѣ генеральныхъ указовъ непремѣнно.

3. «Правительствующій Сенатъ, по представленію его между прочаго въ 23-мъ пунктѣ изволилъ подтвердить, чтобъ въ городѣ Ставрополѣ питейную продажу оставить въ общую калмыцкую пользу, а не такъ, какъ напредь того одинъ калмыцкій полковникъ ею интересовался; и нынѣ же въ бытность его (Неплюева) тамо оная питейная продажа съ общаго всѣхъ калмыцкихъ чиновныхъ людей согласія, на первое время отдана въ откупъ одному изъ записавшихся въ Ставропольское гражданство купцовъ, на три года изъ платежа по 495 рублей въ годъ, съ такимъ утвержденіемъ, чтобъ, кромѣ города, въ улусахъ и ни гдѣ инде ее тому откупщику не имѣть, и цѣну бъ содержать не выше того, какъ въ окрестныхъ мѣстахъ состоять имѣетъ; означенныя же откупныя деньги опредѣлилъ употреблять: 1) часть

на пріуготовленіе калмыковъ къ воинской ихъ справѣ требующіяся сбруи и на пропитаніе и снабженіе бѣдныхъ калмыкъ; 2) на канцелярскіе и прочіе расходы въ калмыцкомъ судѣ; а понеже отъ того канцелярскаго расхода, безъ сомнѣнія, будутъ остатки, изъ оныхъ опредѣлилъ онъ вдовѣ умершаго владѣльца Никиты Дербетева женѣ съ малыми ея дѣтьми до указа производить по 30 рублей въ годъ; а буде когда оныхъ остаточныхъ денегъ будетъ довольно, то давать ей и до 50 рублей въ годъ, по примѣру, какъ то бывшаго тамо калмыцкаго полковника Шоры женѣ его вдовѣ, по силѣ указа изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, до ея замужества давалось; сколько же за тѣмъ канцелярской суммы будетъ оставаться въ годъ, о томъ велѣно въ Оренбургскую губернскую канцелярію рапортовать съ мнѣніемъ, ибо де и оное надлежитъ въ калмыцкую же пользу употреблять, а особливо прилично то на ново приходящихъ бѣдныхъ калмыкъ; 3) раздѣлить по пропорціи жалованья войсковымъ старшинамъ, а ратнымъ токмо тѣмъ, кои изъ владѣльческихъ дѣтей, дабы они предъ прочими тѣмъ имѣли отмѣну и лучше себя содержать могли, которымъ опредѣленіемъ всѣ они являются довольны.

4. «По представленію де отъ тамошняго духовнаго правленія и по усмотрѣнію его, что Ставропольская соборная церковь прочна быть не можетъ: ибо такъ обширно застроена, что отъ великой тягости всѣ стѣны роспираетъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углы изъ замковъ вышли, и во время дождя бываетъ въ ней такая теча, что святая литургія съ трудомъ совершается, опредѣлилъ онъ тайный совѣтникъ на первое время состроить церковь теплую деревянную близъ соборной, изъ церковной суммы, и оную соборную, сколько можно, подпорами утверждать, а кровлю въ одинъ тесъ съ лубьемъ накрыть.... Къ строенію же той церкви принуждено будетъ вспомогать остающимися отъ неполнаго комплекта деньгами, и изъ суммы на Ставропольской штатъ положенной; войсковымъ старшинамъ, а ратнымъ токмо тѣмъ, кои изъ владѣльческихъ дѣтей, дабы они предъ прочими тѣмъ имѣли отмѣну, и лучше содержать себя могли, которымъ опредѣленіемъ всѣ являются они довольны.

5. «Что тамо за помощію Божіею обстоитъ все благополучно, а какъ чиновные, такъ и всѣ калмыки настоящимъ новымъ ихъ правленіемъ на основаніи вышеозначеннаго, отъ Правительствующаго Сената апробованнаго, опредѣленія являются быть весьма довольны: ибо будучи нынѣ подъ особымъ своимъ судомъ съ присутствіемъ комменданта, каждый пользу свою чувствуетъ и видитъ, особливо улусные рядовые калмыки, узнавъ,

что прежняя и нагло надъ ними бывшая владѣльцовъ и зайсанговъ власть воздержана, весьма довольны, и уже ни мало обидѣть себя не допущаютъ, но приходя въ калмыцкій судъ или къ комменданту о всѣхъ своихъ нуждахъ доносятъ, и получаютъ всякую свою справедливость, и уже многіе изъ калмыкъ принимаются ремесломъ и торгомъ за разные промыслы, изъ чего и фундаментальному ихъ житью предвидится добрая надежда, и чиновные изъ нихъ люди нынѣ содержатъ и ведутъ себя въ такомъ порядкѣ и умѣренности, какъ имъ быть надобно, и какъ онъ (Неплюевъ) будучи въ домахъ ихъ видѣлъ, они и жены ихъ и дѣти во всемъ россійскимъ обычаямъ подражаютъ, и благополучіе свое не такъ въ природѣ, какъ въ добромъ своемъ поведеніи и въ заслугахъ Ея Императорскому Величеству признавать начали; о чемъ де онъ тайный совѣтникъ чрезъ всю его бытность довольно внушалъ и толковалъ, и до того привелъ, что нѣкоторые изъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей охотно отпускаютъ съ нимъ въ Оренбургъ, чтобъ тамо могли они удобнѣе научиться россійскимъ обыкновеніямъ, изъ которыхъ онъ знатнѣйшихъ нарочно для того при себѣ будетъ держать, а другихъ въ такіе руки отдастъ, чтобъ они къ честному обхожденію обыкли; что же касается до содержанія ими православныя христіанскія вѣры, то и въ семъ лучшихъ изъ нихъ людей нашелъ онъ не неисправными: ибо какъ они сами, такъ и жены ихъ и дѣти церкви божіей по ихъ состоянію довольно прилежными себя оказываютъ, и дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ, и уже нѣсколько изъ оныхъ говорить, читать и писать нарочито обученныхъ есть, въ чемъ Ставропольскіе коммендантъ и протопопъ довольно имѣютъ стараніе, и онъ то имъ особливо рекомендовалъ, и однимъ словомъ, ежели въ содержаніи сихъ святымъ крещеніемъ новопросвѣщенныхъ людей установленной порядокъ будетъ всегда наблюдаемъ и ненарушимо содержанъ, то желаемая отъ нихъ польза не только время отъ времени умножаться, но и совершенно можетъ воспослѣдовать.»

Замѣчаніе, сдѣланное гр. П. А. Строгановымъ въ 1801 г. (см. выше, стр. 185), показываетъ, что планы Неплюева не были въ точности выполняемы, и наша колонизація шла далеко не такъ успѣшно, какъ должно было того желать. Между тѣмъ, прочтя донесеніе Неплюева, мы вполнѣ поймемъ значеніе похвалы, съ которою отзывается о немъ С. В. Ешевскій. Русское правительство въ лицѣ своего представителя являлось инородцамъ, какъ пополненіе того, чего они не могли добыть изъ себя, какъ средство противъ тѣхъ внутреннихъ болѣзней, которыми

страдалъ бытъ калмыковъ, предоставленный самому себѣ. «Будучи нынѣ подъ особымъ своимъ судомъ съ присутствіемъ коменданта, говоритъ Неплюевъ, *каждый пользу свою чувствуетъ и видитъ*, особливо улусные рядовые калмыки, узнавъ, что *прежняя и нагло надъ ними бывшая владѣльцовъ и зайсанговъ ихъ власть воздержана*, весьма довольны» и т. д. Понятно послѣ того, что Неплюевъ при посѣщеніи домовъ калмыцкихъ увидѣлъ, что «жены ихъ и дѣти во всемъ россійскимъ обычаямъ подражаютъ.»

Инородческіе вопросы въ нашей исторіи еще не могутъ считаться оконченными; наши предки сдѣлали много, какъ то видно изъ труда С. В. Ешевскаго, на этомъ тяжеломъ поприщѣ; намъ остается только довести ихъ работу до конца, почерпая въ своемъ же прошедшемъ уроки опыта. До сихъ поръ, можно сказать, существовали двѣ системы колонизаціи: одна французская, основанная исключительно на дѣятельности правительства, другая — англійская, гдѣ это дѣло является естественнымъ развитіемъ экономическихъ силъ народа; эту послѣднюю можно также хорошо назвать и древнерусскою системою. Мы постараемся еще разъ возвратиться къ этому главному узлу нашей исторіи, представивъ его въ параллели съ тѣмъ, что дѣлается и пишется во Франціи по поводу колонизаціи Алжиріи; если, быть можетъ, во Франціи этотъ вопросъ былъ вызванъ въ слѣдствіе постороннихъ политическихъ соображеній, то у насъ, помимо всякой политики, онъ служитъ однимъ изъ краеугольныхъ камней нашей будущей исторіи. Что̀ было бы съ настоящимъ, еслибы наши предки не поработали такъ въ свое время въ сѣверовосточномъ краю? Чего ожидать въ будущемъ, если мы не поработаемъ во всѣхъ другихъ краяхъ *также*, т. е. предоставляя и содѣйствуя самому русскому народу сплотить органически то, что сосуществуетъ, можетъ быть, не болѣе, какъ механически?

Ред.

IV.

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРИКЪ

и

ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ СВОЕМУ ОБЩЕСТВУ.

При той естественной связи, въ которой находится каждый писатель, а слѣдовательно и историкъ, съ окружающимъ его обществомъ, если бы мы захотѣли въ своемъ воображеніи представить писателя, который жилъ бы внѣ своего общества до такой степени, что не раздѣлялъ бы съ своимъ обществомъ не только идей, но даже и самаго языка, то во всякомъ случаѣ наше воображеніе останется еще далеко позади той дѣйствительности, какую представляетъ намъ средневѣковой писатель вообще, и средневѣковой историкъ въ особенности по своему отношенію къ окружавшему его обществу. Это — типъ оффиціальнаго историка, доведенный до послѣдней степени совершенства въ своемъ родѣ, и, какъ типъ, тѣмъ не менѣе заслуживающій изученія. Относительно своихъ идей, мы увидимъ, средневѣковой историкъ какъ бы не подозрѣвалъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, напримѣръ, того, что западная римская имперія пала, и думалъ жить въ какомъ-то продолженіи библейско-римской исторіи; онъ писалъ, конечно, на исковерканномъ языкѣ эпохи римскихъ цезарей, но языкъ Виргиліевъ и Гораціевъ представлялся ему отечественнымъ языкомъ; человѣкъ среднихъ вѣковъ, предназначаемый съ молодыхъ лѣтъ занять какое-нибудь общественное мѣсто и получить надлежащее

къ тому образованіе, не могъ остаться при томъ языкѣ, которымъ говорила его семья, и даже въ Италіи, которая представляется намъ центромъ латинства, такой писатель X вѣка, какъ Ліутпрандъ, епископъ г. Кремоны, познакомился съ латинскимъ языкомъ только въ школѣ, когда ему было уже 10 лѣтъ отъ роду.

Но, всматривась ближе въ средневѣковое общество и его историковъ, мы увидимъ, что ихъ взаимныя отношенія не представляютъ собою ничего исключительнаго изъ того общаго закона, которымъ управляются всѣ явленія литературы, къ какому-бы разряду они ни принадлежали. Средневѣковой историкъ, вмѣстѣ съ прочими литераторами, только отразилъ на себѣ особенности общественной жизни того времени, и если общество въ средніе вѣка было искусственное, по преимуществу оффиціальное, то нисколько не удивительно, что историческія воззрѣнія были также искуственны, и историкъ носилъ на себѣ самые яркіе слѣды этой оффиціальности.

Изъ всѣхъ общественныхъ силъ и разнообразныхъ человѣческихъ дѣятельностей, сумма которыхъ составляетъ историческую жизнь общества, въ хронологическомъ порядкѣ, литературное производство, если можно такъ выразиться, и его производитель—писатель, должны быть отнесены къ числу самыхъ позднѣйшихъ явленій. Всякое человѣческое общество, при самомъ началѣ своего существованія, бывъ долго угнетаемо вопіющими матеріальными нуждами, только вслѣдствіе перваго своего освобожденія, могло добыть изъ себя ту новую силу, которую мы называемъ литературою. Должно было пройти много времени, прежде нежели явились съ одной стороны производители, вооруженные тою силою, и съ другой—потребители, запросъ на производство. Надобно, чтобы человѣкъ успѣлъ запастись одеждой, пищей, обзавестись домомъ, пріобрѣлъ остатокъ времени отъ матеріальнаго труда, и могъ бы такимъ образомъ собраться съ подобными себѣ у очага для разсказа, пѣсни или занесенія того на бумагу. Матеріальная обстановка человѣка должна была отличаться чѣмъ нибудь отъ условій берлоги животнаго, чтобы онъ могъ посвятить часть своихъ силъ и средствъ на интеллектуальное производство, на то, чтобы появилась въ его домѣ книга, листъ бумаги, чернилица, перо, и другая, повидимому, не хитрая обстановка литературнаго производства и потребленія.

Такимъ образомъ, появленіе литературной силы въ обществѣ есть результатъ двухъ благопріятныхъ для нее обстоятельствъ: одно — чисто психологическое, ибо корень литературы скрывается въ духѣ человѣка и только имъ производится, другое — эконо-

мическое, такъ какъ духъ помѣщается въ тѣлѣ и чрезъ него подчиненъ всѣмъ матеріальнымъ условіямъ. Правда, оба эти обстоятельства такъ обусловливаютъ другъ друга, что трудно разграничить область ихъ вліянія и даже сказать, что встрѣчается прежде: духъ-ли самостоятельно пробужденный стремится къ матеріальному обезпеченію, или матеріальное обезпеченіе вызываетъ развитіе духовное? Фактически вѣрно то, что морозъ можетъ сковать тѣло съ самымъ высокимъ духовнымъ развитіемъ, и голодъ не обращаетъ никакого вниманія на душевныя силы человѣка; но съ другой стороны, мы тѣмъ не менѣе замѣчаемъ, что очень часто величайшій внѣшній комфортъ ограничивается производствомъ вовсе нелитературнымъ и убиваетъ послѣднія духовныя способности человѣка. Впрочемъ, всѣ такіе отдѣльные частные случаи не только не опровергаютъ, но еще болѣе подтверждаютъ тотъ двойной законъ литературнаго производства, а именно психологическій и экономическій, и ставятъ литературу въ зависимость отъ извѣстной степени духовнаго развитія общества и отъ нѣкотораго успѣха въ его экономическомъ бытѣ.

Намъ возразятъ: нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ на источникъ литературнаго производства справедливъ въ абстрактѣ; дѣйствительно, нужно, чтобы человѣкъ могъ отогрѣть свои члены отъ холода, заглушить вопль голода, чтобы подумать о литературномъ производствѣ; нужна извѣстная степень зажиточности, и чтобы написать книгу и чтобы пріобрѣсть ее; отчего же на практикѣ чаще встрѣчается то, что именно тѣ недѣлимые, которые успѣли обезпечить себя болѣе, всего менѣе посвящаютъ избытокъ своего времени на литературу, и въ исторіи мы видимъ прямо обратное явленіе: на литературную дѣятельность посвящаютъ себя чаще люди съ недостаткомъ матеріальной обстановки и обезпеченія. Не слѣдуетъ-ли изъ этого обратный законъ, что нужна извѣстная степень обѣднѣнія общества, чтобы выйти изъ матеріальнаго самодовольства и породить писателя? Но общественное положеніе писателей далеко не можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ всѣхъ другихъ производителей. Изъ общаго закона развитія литературы слѣдовало, повидимому, что каждый человѣкъ, дойдя до благосостоянія, выходитъ непремѣнно на литературное поприще, и слѣдовательно, литераторъ есть первый достаточный человѣкъ въ обществѣ; на дѣлѣ мы видимъ прямо обратное: литераторъ есть скорѣе самый недостаточный и очень часто мало обезпеченный членъ общества.

Но это кажущееся возраженіе встрѣчается намъ безпрерывно, всякій разъ когда приходится разсматривать вопросъ отвлеченно, во всей его чистотѣ, или, какъ говорится, по разуму самой вещи,

и въ отдѣльныхъ случаяхъ, на практикѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ, повидимому, какъ-то новые законы. Если мы пустимъ воображаемое колесо вертѣться на воображаемой оси, то оно, по закону инерціи, не должно никогда остановиться; но въ данномъ случаѣ, на практикѣ, оно остановится непремѣнно, потому что тутъ явится треніе.

Высказанный нами двойной законъ психологическихъ и экономическихъ условій совершенно справедливъ, какъ справедливо положеніе о воображаемомъ колесѣ: литература должна быть признакомъ довольства человѣка, литераторъ былъ первымъ обезпеченнымъ человѣкомъ. Но въ данномъ случаѣ колесо останавливается, не смотря на абстрактный законъ о его движеніи, и въ практикѣ литераторъ есть менѣе всего обезпеченный человѣкъ. Хорошо было Горацію пѣть:

Beatus ille, qui procul negotiis
Paterna rura exhibet bobus suis....

«Блаженъ, кто, вдали отъ заботъ, быками своими поле отцовъ бороздитъ...» Но тотъ, кто бороздитъ поле, не оставитъ намъ такихъ прекрасныхъ одъ, какъ Горацій; а съ другой стороны, тѣ, которые оставляютъ намъ подобныя оды, только въ стихахъ восхищаются плугомъ, но сами далеки отъ плуга. Дѣло состоитъ въ томъ, что только въ абстрактѣ воображаемый, идеальный человѣкъ развивается одинъ; въ дѣйствительности, его развитіе совершается въ обществѣ, въ государствѣ; а потому кромѣ тѣхъ двухъ законовъ, психологіи и экономіи, на положеніе литератора имѣетъ вліяніе государство и общество этой страны. Чѣмъ правильнѣе и выше послѣднее, тѣмъ менѣе мы видимъ противорѣчія между интеллектуальнымъ и экономическимъ бытомъ писателя; въ такихъ странахъ, какъ Англія, мы встрѣчаемъ безпрерывно, что писатели являются изъ самаго достаточнаго класса людей, высоко поставленныхъ въ обществѣ; въ другихъ странахъ, напротивъ, человѣкъ богатый, но высоко поставленный, смотритъ на литературу, какъ на занятіе почти неприличное для его общественнаго положенія или сана; но это значитъ, что въ одной странѣ человѣку мало богатствъ и знатности, чтобы имѣть вліяніе на общество; въ другой — напротивъ, этого такъ достаточно, что о необходимости интеллектуальнаго вліянія на окружающее никто и не думаетъ. Въ одной странѣ, государственный бытъ таковъ, что литературное положеніе человѣка имѣетъ огромное вліяніе на его карьеръ; въ другой — послѣднее не зависитъ отъ перваго.

ковая туника, изъ которой выплываютъ острова, какъ куски мрамора; и къ этому возьмите какихъ нибудь двадцать мѣстъ, выбранныхъ у Платона и Аристофана. Равнымъ образомъ, чтобы понять индѣйскую *пурану*, начните съ того, что представьте себѣ отца семейства, который, «увидѣвъ сына на колѣняхъ сына», удаляется по закону въ пустыню, съ сѣкирою и сосудомъ, подъ банановое дерево на берегу ручья, перестаетъ говорить, удвоиваетъ посты, живетъ нагишемъ между четырехъ огней, имѣя надъ собою пятый огонь — я разумѣю палящее солнце, которое безпрерывно пожираетъ и воспроизводитъ живыя существа. По очереди и цѣлыми недѣлями онъ вперяетъ свой взоръ на ступню Брамы, потомъ на его колѣно, лядвею, пупъ и такъ далѣе, пока въ результатѣ усилій напряженнаго воображенія не появятся галлуцинаціи, пока всѣ формы существующаго, перемѣшавшись и слившись другъ съ другомъ, не заколеблятся въ этой головѣ, одержимой круженіемъ, и пока неподвижный человѣкъ, сдерживая дыханіе, вперивъ свой взоръ, не увидитъ, какъ вселенная, на подобіе дыма, исчезнетъ подъ всеобъемлющимъ и безсодержательнымъ существомъ, въ которомъ онъ ищетъ распуститься самъ... Языкъ, кодексы законодательный и религіозный, суть ни что иное, какъ абстракты; полнота заключается въ человѣкѣ дѣйствія, въ человѣкѣ физическомъ и осязаемомъ, который ѣстъ, ходитъ, борется, работаетъ; оставьте въ сторонѣ теоріи конституцій и ихъ механизмъ, теоріи религій и ихъ систему, и постарайтесь увидѣть людей въ ихъ мастерскихъ, въ ихъ конторахъ, за плугомъ на поляхъ, вмѣстѣ съ ихъ небомъ, почвой, домами, одеждой, привычками, пищей... Конечно, такое воспроизведеніе прошедшаго всегда останется неполнымъ; оно приведетъ къ незаконченнымъ сужденіямъ; но надобно покориться этому неудобству: лучше познаніе недовершенное, чѣмъ пустое и ложное, а нѣтъ средства постигнуть до нѣкоторой степени дѣятельность прошедшаго времени, какъ до нѣкоторой степени *увидѣть* людей тѣхъ эпохъ».

Мы также, въ свою очередь хотѣли бы спросить: «Что̀ скрывается подъ пожелтѣвшими, источенными и покрытыми пылью страницами пергамина, отъ которыхъ вѣетъ могилой, и надъ которыми сидѣлъ согбенный историкъ средневѣковаго міра?» Имѣетъ-ли онъ что нибудь общаго съ тѣми типами писателей, которыхъ такъ искусно очертилъ Тэнъ? Или это было самородное существо, съ своимъ міросозерцаніемъ, съ своими только ему свойственными идеями, котораго можно было отличить даже внѣшнимъ взоромъ, если бы мы могли повстрѣ-

чаться съ нимъ на улицѣ, и увидѣли бы его костюмъ, его привычки, его языкъ? Но средневѣковой писатель имѣлъ даже для себя особое названіе, которое выдѣляло его изъ толпы. Въ средніе вѣка всякого писателя называли *клерикомъ* — названіе, которое сохранилось на западѣ преимущественно въ торговыхъ конторахъ для лицъ подчиненныхъ, *клерковъ*, и также у насъ въ искаженной греческой формѣ *крылошанина* (отъ κλῆρος, клиръ, духовенство), какъ нынѣ простой народъ называетъ церковныхъ причетниковъ. Въ этомъ терминѣ соединялось понятіе больше, нежели только писателя; подъ нимъ разумѣлся вообще человѣкъ образованный, хорошій грамотѣй, литераторъ; когда хотѣли дать высокое понятіе о чьей нибудь образованности, ему давали имя клерика: такъ одинъ изъ древнихъ англійскихъ королей XII вѣка получилъ прозваніе *le Beau Clerc*. Средневѣковой клерикъ ходитъ въ длинной монашеской рясѣ, но онъ еще не монахъ; на головѣ его *cappa*, нѣчто въ родѣ башлыка; вы видите по одной одеждѣ, что писатель составляетъ какое-то сословіе, или по крайней мѣрѣ думаетъ принадлежать къ извѣстному сословію. Онъ убѣжденъ, что единственный языкъ, на которомъ можно выражать человѣческія идеи, есть латинскій. Присмотритесь къ его экономическому быту, и вы увидите, что средневѣковому писателю не придетъ на мысль изъ своего литературнаго таланта сдѣлать средство къ существованію. Вы подумаете съ перваго раза, что писатели среднихъ вѣковъ представляютъ примѣръ рѣдкаго безкорыстія; но это происходитъ, какъ вы увидите ниже, отъ его полной обезпеченности въ отношеніи матеріальномъ. Богатая и роскошная природа Индіи также обезпечивала человѣка и давала ему много времени на созерцаніе; въ средніе вѣка, богатство природы замѣнялось искуственно монастыремъ, этимъ центромъ средневѣковой литературы; и если, въ этомъ отношеніи, вся Индія можетъ быть разсматриваема, какъ монастырь, то съ другой стороны средневѣковой монастырь, съ своими кладовыми, погребами, наполненными всякого рода яствами и виномъ, былъ настоящею Индіею. А потому безкорыстность средневѣкового писателя была весьма сомнительнаго достоинства.

Но внѣшняя обстановка средневѣкового писателя поражаетъ насъ далеко не такъ, какъ тотъ внутренній міръ идей, которыми онъ былъ преисполненъ. Это мало, что онъ чуждался языка окружающихъ его милліоновъ; онъ смотрѣлъ на Горацієвъ, Виргиліевъ, Цицероновъ не какъ на образцы, но какъ на своихъ предковъ. Онъ не позволялъ себѣ въ тоже время имѣть собственныхъ выраженій для окружающихъ его предме-

товъ, и старался описывать ихъ не иначе, какъ описывались въ Библіи или у римскихъ классиковъ предметы ихъ времени. Найти новое выраженіе, новый оборотъ мысли, написать такъ, какъ видишь, какъ говорятъ въ обществѣ, это — литературное варварство, которое вызываетъ со стороны писателя рядъ извиненій и оправданій; это — ересь, и писатель боится, чтобы его трудъ не попался кому нибудь въ руки и не вызвалъ охужденія въ безнравственности и въ нарушеніи всѣхъ литературныхъ приличій. Онъ не подозрѣваетъ, что именно тѣ мѣста въ его трудѣ, которыхъ онъ такъ стыдится, и въ которыхъ ему удалось, противъ собственной воли, выступить живымъ человѣкомъ, несравненно лучше и дороже для насъ всего прочаго, гдѣ онъ думаетъ быть безукоризненнымъ пуристомъ, и, напримѣръ, осаду какого нибудь зaмка или города описываетъ собственными выраженіями Библіи, по поводу осады Іерихона, или Тита-Ливія, который разсказываетъ войны одного изъ древнихъ римскихъ царей.

Настроеніе души средневѣковыхъ историковъ отразилось лучше всего въ тѣхъ «Прологахъ» [1]), которыми они обыкновенно открываютъ свои лѣтописи и исповѣдуютъ собственные взгляды на значеніе историка, какъ писателя. Какая боязнь быть сколько-нибудь самостоятельнымъ! Какія извиненія въ возможности ошибиться въ латинскомъ языкѣ! Какой страхъ за то, что читатель обвинитъ его въ заботѣ объ изложеніи факта, какимъ онъ былъ, и уличитъ въ пренебреженіи къ цвѣтамъ риторики, которые цѣнились выше самыхъ фактовъ. Такой историкъ, какъ Эгингардъ, біографъ Карла В., съ трепетомъ берется за свое дѣло, чувствуя себя новаторомъ въ литературѣ, и сознавая, что въ современномъ ему обществѣ любятъ однѣ старыя книги. «Я имѣлъ въ виду, говоритъ онъ въ своемъ прологѣ къ «Жизни Карла Великаго», быть возможно болѣе краткимъ... и не обременять излишними подробностями тѣхъ, кто не любитъ читать новѣйшихъ сочиненій.» Презрѣніе ко всему живому и дѣйствительному было такъ велико въ ту эпоху, что Эгингардъ не могъ не сознаться, что большинство современныхъ ему писателей, «увлеченныхъ любовью къ вѣковѣчному, желаютъ лучше прославлять знаменитыя дѣянія другихъ, нежели спасти славу своего имени отъ забвенія потомства.» Обращаясь къ своему читателю, Эгингардъ увѣренъ, что онъ будетъ «удивляться подвигамъ Карла Великаго,

---

[1]) Прологи лучшихъ средневѣковыхъ историковъ помѣщены въ русскомъ переводѣ въ моей «Исторіи среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и т. д.» Спб. III тома, 1863—1865.

да еще можетъ быть тому, что я, варваръ (т. е. германецъ), весьма мало знакомый съ латинскою рѣчью, подумалъ, что могу порядочно и толково написать что-нибудь по-латыни, и дошелъ до такого безтыдства, что, повидимому, пренебрегъ тѣмъ, что сказалъ Цицеронъ о латинскихъ писателяхъ, какъ то мы читаемъ въ его *Книгѣ тускуланскихъ бесѣдъ:* «Взять на себя облеченіе въ литературную форму своихъ размышленій и не умѣть ни расположить, ни обдѣлать, ни обставить интересно для читателя, можетъ одинъ человѣкъ невоздержный на досугъ и писательство.» Но Эгингардъ соглашается «лучше испытать на себѣ судъ людской и пожертвовать своею литературною репутаціей, нежели, щадя самого себя, не сохранить памяти о столь великомъ мужѣ», какъ Карлъ Великій. Между тѣмъ литературную репутацію Эгингарда въ глазахъ потомства составило именно то, что могло уменьшать достоинства его труда въ глазахъ его современниковъ.

Прошло двѣсти лѣтъ послѣ Эгингарда, и другой историкъ, оставившій замѣчательнѣйшую монографическую хронику Гамбурга, какъ церковнаго государства въ XI вѣкѣ, а именно Адамъ Бременскій, сознавалъ, какъ Эгингардъ, что его трудъ выходитъ изъ общепринятой формы историческихъ сочиненій, что на него возстанутъ со всѣхъ сторонъ порицатели, «какъ то бывало издревле со всѣми, кто брался за что нибудь новое.» Опасаясь своихъ критиковъ, авторъ спѣшитъ въ заключеніе пролога заявить, что исполненное имъ не даетъ ему права на званіе *историка*, потому что «онъ только собралъ матеріалы и предоставилъ другому изобразить то лучше, что онъ не могъ хорошо выразить.»

Опасеніе отступить отъ общепринятыхъ формъ историческаго изложенія, боязнь быть самостоятельнымъ, какъ мы увидимъ ниже, заставила средневѣкового историка говорить безпрерывно о своемъ личномъ ничтожествѣ и съ смиреніемъ каяться въ своей грѣховности: можно подумать, что онъ цѣною временнаго уничтоженія хотѣлъ купить себѣ право выражаться по временамъ такъ, какъ предметы представлялись его глазамъ въ ихъ плохой дѣйствительности. Это было нѣчто въ родѣ авторскаго юродства, которое дошло у такого историка, какъ напримѣръ, Титмаръ Мерзебургскій, до того, что онъ, не довольствуясь копировкою евангельскаго мытаря, присоединилъ описаніе своей наружности въ такихъ краскахъ, которыя могли, по его мнѣнію, разжалобить и тронуть всякаго читателя.

«Теперь, мой читатель, говоритъ Титмаръ, я изображу тебѣ свою наружность: смотри, что я за *господинъ* такой, и соотвѣтственно тому оказывай мнѣ почтеніе! Ты увидалъ бы предъ

собою маленькаго человѣка, съ обезображенною лѣвою челюстью, ибо на ней давно уже образовалась фистула, припухающая до сихъ поръ (авторъ писалъ около 1010 года). Переломленный носъ, что случилось еще со мною въ дѣтствѣ, придаетъ мнѣ самый смѣшной видъ. Но на такіе недостатки я вовсе не жаловался бы, если бы обладалъ какими нибудь душевными достоинствами. Въ послѣднемъ же отношеніи, я — жалкій человѣкъ: характеръ у меня злой и мало наклонный къ добру, притомъ же завистливый; надъ другими смѣюсь, а самъ вполнѣ заслуживаю насмѣшки; никого не щажу, какъ то мнѣ слѣдовало бы по моей обязанности (т. е. епископа); я — негодный, лицемѣрный, скупой и лживый человѣкъ, а чтобы довершить свое описаніе, скажу, что я хуже, нежели какъ то можно сказать или представить. Каждый имѣетъ право не шепотомъ, но громко говорить, что я — грѣшникъ, и мнѣ слѣдуетъ, стоя на колѣняхъ, просить братію наказать меня и бранить.»

Мы будемъ имѣть еще случай обратиться къ этимъ литературнымъ исповѣдямъ средневѣковыхъ историковъ, которыя покажутъ намъ, что въ нихъ внутренній человѣкъ стоитъ гораздо дальше отъ нашихъ понятій, нежели человѣкъ внѣшній. Но прежде всего остановимся на изслѣдованіи общаго вопроса: отчего средневѣковой писатель одѣвался такъ странно для нашихъ привычекъ, и отчего онъ еще болѣе странно думалъ? Это первый вопросъ; но вотъ и другой: отчего онъ послѣ сбросилъ съ себя прежнюю одежду, смѣшался съ толпою, измѣнилъ свой образъ мыслей, и наконецъ переродился въ того писателя, который живетъ, ходитъ, мыслитъ посреди насъ и на нашемъ языкѣ?

Я постараюсь, какъ можно быть короче въ общей формѣ рѣшенія этихъ двухъ вопросовъ, и остановлюсь какъ можно долѣе тамъ, гдѣ матеріалы позволятъ мнѣ вывести на сцену живыя личности, съ ихъ привычками, взглядами на вещи, въ ихъ, такъ сказать, костюмѣ внутренняго и внѣшняго человѣка.

Писатель-историкъ среднихъ вѣковъ, отличаясь отъ насъ всѣмъ своимъ существомъ, вовсе не былъ такъ чуждъ своему обществу, какъ то представляется съ перваго раза; но его общество само было чуждо той массы, среди которой оно развивалось. Наши понятія о народѣ оказались бы непримѣнимыми къ среднимъ вѣкамъ, потому что народъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, существовалъ тогда, какъ мертвая, безжизненная масса, и то, что въ ту эпоху называли народомъ, по нашимъ понятіямъ, было скорѣе сословіемъ. Эта особенность хорошо выразилась въ самомъ наименованіи всей эпохи десяти вѣковъ, послѣ паденія западной римской имперіи, исторіею *среднихъ* вѣковъ.

Средніе вѣка начинаются V столѣтіемъ по Р. X., и въ теченіи XIV и XV они переходятъ въ наше время, съ тѣмъ чтобы XVI столѣтіемъ открыть новую эру. Эта десятивѣковая эпоха была названа средними вѣками по тому же признаку, по которому называется всякая частная исторія какого нибудь отдѣльнаго народа; такъ, есть исторія французская, нѣмецкая, англійская, итальянская, т. е. исторія народовъ говорящихъ французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ языкомъ. Какого же языка былъ народъ, дѣйствовавшій въ теченіи исторіи среднихъ вѣковъ? *Mediae latinitatis*—среднелатинскаго языка; т. е. латинскаго языка испорченнаго по сравненію съ латинскимъ языкомъ золотого вѣка Августовъ, заключившагося эпохою Антониновъ.

Это опредѣленіе извѣстной части исторіи по языку въ XVII вѣкѣ перенесли на самое время; и средняя латынь назвала собою извѣстный періодъ историческаго существованія западныхъ народовъ, какъ періодъ *среднихъ* вѣковъ. Однимъ словомъ, по филологическому признаку, исторія среднихъ вѣковъ есть исторія народовъ, говорившихъ и писавшихъ среднелатинскимъ языкомъ, молившихся и судившихся на томъ же самомъ языкѣ. Но въ дѣйствительности не было такой сплошной массы, какъ то бываетъ по отношенію къ народнымъ языкамъ, которая говорила бы или писала на подобномъ среднелатинскомъ языкѣ. На этомъ языкѣ объяснялись весьма немногіе, но и они выучивались латинскому языку не въ семьѣ, а въ школѣ; за то эти немногіе имѣли власть и всю силу. Они считали себя народомъ, и притомъ народомъ не той или другой страны, но всесвѣтной римской имперіи, языкъ которой былъ потому ихъ отечественнымъ языкомъ. Такой фантастическій взглядъ отражался однако въ жизни самымъ дѣйствительнымъ образомъ; въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ безпрестанно явленіе, которое выходитъ совершенно за предѣлы нашихъ понятій: напримѣръ, итальянецъ получаетъ аббатство или епископство въ Англіи; англичанинъ дѣлается кардиналомъ въ Италіи; французскій баронъ пріобрѣтаетъ графство въ Германіи или въ Англіи, и наоборотъ. По нашимъ понятіямъ, все это представляется страшнымъ смѣшеніемъ языковъ; на дѣлѣ, это были люди одного языка, а именно среднелатинскаго. Исторія этихъ-то людей и есть исторія среднихъ вѣковъ. Это былъ искуственный латинскій народъ, властвовавшій надъ черными массами, исключенными изъ исторіи [1]).

---

[1]) Безъ яснаго представленія этой особенности средневѣковой исторіи намъ будутъ непонятны многія изъ ея событій. Феодальное общество духовныхъ и свѣтскихъ баро-

Такимъ образомъ, мы, въ своей школьной системѣ, помѣщаемъ исторію среднихъ вѣковъ посрединѣ между древнимъ и новымъ міромъ, и заключаемъ древній міръ паденіемъ з. р. имперіи. Но такое представленіе не входило въ сознаніе самого средневѣковаго историческаго человѣка; онъ не сознавалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и оставался твердо убѣжденнымъ, что его исторія есть продолженіе римской исторіи. Варварскіе германскіе короли заняли дѣйствительно мѣста прежнихъ римскихъ префектовъ, и, какъ прежніе римскіе префекты, стремились сѣсть на римскій престолъ; французскіе короли не только изучали латинскій языкъ, но и сами писали для него грамматики; при такихъ политическихъ стремленіяхъ германскихъ королей, епископы города Рима очевидно получили перевѣсъ надъ другими епископами; ихъ усиліями, сначала въ IX в. при Карлѣ В., а потомъ въ X в. при Оттонѣ В., Римская имперія жила постоянно въ понятіяхъ людей, и даже сдѣлалась осязаемымъ тѣломъ, какъ св. Римская имперія.

При такомъ настроеніи умовъ, кругъ дѣйствій историка средневѣковаго общества былъ напередъ опредѣленъ: онъ, какъ и его общество, примыкалъ своими идеями, привычками, нравами съ одной стороны къ преданіямъ римской литературы, и въ то же время былъ орудіемъ римской церкви. Историкъ былъ по преимуществу монахъ, отечествомъ котораго служила невидимая римская церковь, и латинскій языкъ, употребляемый ею, былъ въ настоящемъ смыслѣ его отечественнымъ языкомъ. Писатели той эпохи были глубоко убѣждены, что они продолжаютъ собою римскую образованность временъ Августовъ, и въ то же время помнятъ свою небесную родину; а потому вы найдете у нихъ безпрерывно рядомъ съ цитатами пророка Аввакума, царя Давида, цитаты изъ Виргилія, Овидія, Горація, Тита-Ливія. Эта двойственность не ограничивается одними литературными признаками: въ своей обыденной жизни, онъ вѣчно кается на библійскій манеръ, и два раза вѣчно грѣшитъ, какъ потомокъ послѣднихъ дней общества Римской имперіи.

Крестовые походы отрезвили феодальное общество, произ-

новъ до того считало себя народомъ, что мы иногда должны приходить въ недоумѣніе отъ этнографической терминологіи того времени. Наприм., въ эпоху борьбы Генриха IV съ Гильдебрандомъ, хроники говорятъ, что *саксонцы* возстали противъ императора, и тутъ же сообщаютъ, что, при появленіи императорскихъ войскъ въ Саксоніи, жители селъ и деревень ловили и избивали противниковъ императора. Очевидно, подъ этнографическимъ выраженіемъ: *саксонцы*, скрывалось сословное понятіе о духовныхъ и свѣтскихъ баронахъ Саксоніи, которые возстали противъ императора, но саксонцы, въ нашемъ смыслѣ этого слова, т. е. саксонскій народъ, населявшій страну, былъ на сторонѣ императора, противъ своихъ притѣснителей.

ведя переворотъ въ массахъ, что̀ отразилось на всей обстановкѣ историка; въ эту эпоху, онъ въ первый разъ замѣтилъ движеніе народной массы, существованія которой до тѣхъ поръ не подозрѣвалъ. Такимъ образомъ, крестовые походы для западной Европы были эпохою двойного открытія: латинскій міръ внѣ своихъ предѣловъ встрѣтился съ невѣдомымъ Востокомъ и его цивилизаціею; внутри себя, онъ замѣтилъ существованіе громадныхъ народныхъ массъ, стоявшихъ до тѣхъ поръ внѣ феодальной лѣстницы. Вмѣстѣ съ обществомъ и историкъ началъ прислушиваться къ языку этой массы и рѣшился обратиться къ ней на ея языкѣ.

Наконецъ, эпоха «Возрожденія», XIV и XV столѣтія, въ отношеніи къ которой реформація была только заключительнымъ актомъ, еще болѣе сблизила историка съ дѣйствительною жизнью и оторвала его окончательно отъ почвы римско-католическихъ теорій.

Таковы были три эпохи въ развитіи средневѣкового общества и три соотвѣтствующіе имъ типа историковъ: отъ паденія з. р. имперіи до крестовыхъ походовъ, церковь и имперія овладѣваютъ обществомъ до того, что писатель получаетъ даже церковное названіе, *clericus*; въ эпоху крестовыхъ походовъ происходитъ обратное явленіе: общество, правда, возбужденное церковью, преобладаетъ надъ нею; наконецъ, въ эпоху «Возрожденія», общество приготовляется къ борьбѣ съ церковью, и начинаютъ встрѣчаться писатели, которыхъ мы узнаёмъ по близкому сходству съ тѣмъ, что разумѣютъ нынѣ подъ этимъ именемъ.

Чтобы войти вполнѣ въ настроеніе мысли и склада ума историка первой эпохи среднихъ вѣковъ до крестовыхъ походовъ и перейти отъ общихъ взглядовъ къ отдѣльнымъ живымъ личностямъ, мы остановимся на такой изъ нихъ, въ которой болѣе ярко отразился общій типъ, и которая въ то же время была, повидимому, тѣсно связана съ свѣтскимъ обществомъ. Такой личности слѣдуетъ конечно искать въ циклѣ писателей эпохи Карла Великаго, когда римскія идеи достигли возможно большаго для нихъ развитія. Мы изберемъ въ этомъ циклѣ личность, можетъ быть, менѣе другихъ извѣстную, но обставленную особенно выгодно для нашихъ наблюденій, именно Эрмольда, прозваннаго за смуглость лица Чернымъ; онъ былъ тѣсно связанъ съ свѣтскимъ обществомъ и въ то же время стоялъ въ рядахъ служителей церкви. Если бы я не опредѣлилъ напередъ времени жизни этого писателя, занимавшей первую половину IX вѣка, и прочелъ бы образчики изъ его произведеній, замѣнивъ при этомъ имена Карла В., Лудовика Благочестиваго, Пиппина,

именами древнихъ римскихъ императоровъ, то, по образу мыслей, воззрѣній этого писателя, вы приняли бы произведенія Эрмольда за какого нибудь поэта временъ римской имперіи: такъ тѣсно примыкаетъ онъ не только по своему языку, но еще болѣе по своимъ идеямъ и воззрѣніямъ къ міру уже давно прекратившему свое существованіе.

Въ началѣ IX вѣка, по смерти Карла В., при сынѣ его Лудовикѣ Благочестивомъ, монархія раздѣлилась между сыновьями послѣдняго; одного изъ нихъ, именно Пиппина, отецъ надѣлилъ Аквитаніею, нынѣшнею южною Франціею. При дворѣ Пиппина и жилъ Эрмольдъ. Ни современники, ни ближайшее потомство не оставили намъ извѣстій о его жизни; и потому собственныя его произведенія должны служить намъ автобіографіею писателя. Какъ въ римскую эпоху, такъ и въ первую эпоху европейской исторіи, какъ при визиготахъ, такъ и при франкахъ, дворъ южной Франціи былъ центромъ древней культуры, а потому и писатель является только при дворѣ. Этого мало: дворъ былъ въ то же время и религіознымъ центромъ; дворъ устраивался по образцу монастыря. Это не значило, чтобы первые короли отличались особымъ благочестіемъ; но монастырь въ ту эпоху, посреди окружавшаго его варварскаго міра, былъ дѣйствительно представителемъ высшаго интеллектуальнаго развитія и матеріальнаго комфорта.

Въ средніе вѣка, въ первую ихъ эпоху, насъ всегда поражаетъ потому отсутствіе опредѣленныхъ и постоянныхъ столицъ королей; были мѣста коронованія, какъ Ахенъ, Реймсъ, Павія, Римъ, но, по коронаціи, короли рѣдко заѣзжали въ тѣ мѣста, и въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ безпрерывно: «король отправился въ монастырь Мерзебургъ праздновать пасху, рождество провелъ въ Гильдесгеймѣ» и т. д. Монастырь, дѣйствительно, замѣнялъ столицу, и потому писатель былъ не только духовнымъ, но и придворнымъ. Такой двойственный характеръ носилъ на себѣ и Эрмольдъ Черный; изъ его словъ видно, что онъ успѣлъ своимъ веселымъ характеромъ, шутливымъ нравомъ и наклонностью къ разгульной жизни понравиться 25 лѣтнему королю Аквитаніи, Пиппину, который и наградилъ своего друга такъ, какъ можно было наградить по понятіямъ той эпохи, а именно подарилъ ему Аніанскій монастырь, близъ Монпелье. Итакъ, нашъ балагуръ и товарищъ Пиппина по его увеселеніямъ вдругъ дѣлается аббатомъ монастыря.

Не надобно видѣть въ этомъ фактѣ доказательства религіозной распущенности общества того времени: монастырь былъ политическимъ учрежденіемъ; дать замокъ или монастырь — это

было все равно. Дѣйствительно, Эрмольдъ на слѣдующій же годъ, въ качествѣ аббата, долженъ былъ сопровождать своего короля съ монастырскою дружиною на походѣ его въ Бретань; при этомъ, говоритъ авторъ «я несъ на плечахъ щитъ, а съ лѣваго бока висѣлъ мечъ, впрочемъ, прибавляетъ онъ, смѣясь надъ собою, я никому не сдѣлалъ всѣмъ этимъ зла: даже Пиппинъ, увидѣвъ меня, засмѣялся, и сказалъ: «Брось, братъ, оружіе, твое дѣло писать».

Но отношенія аббата къ Пиппину подавали уже столько повода къ соблазну, что строгій Лудовикъ Благочестивый былъ вынужденъ наконецъ удалить аббата отъ сына, и послалъ его въ Страсбургъ, подъ присмотръ тамошняго епископа Бертольда. Тогда Эрмольдъ рѣшился, чтобы умилостивить Лудовика Благочестиваго написать историческую поэму, въ которой онъ прославлялъ царствованіе Лудовика и его жены Юдиѳи; но и это не подѣйствовало. Тогда Эрмольдъ пишетъ двѣ элегіи къ Пиппину, также въ стихахъ; авторъ очевидно разсчитывалъ на то, что сынъ пошлетъ первую элегію отцу, но относительно второй, повидимому, у него не было того въ виду, потому что вторая элегія очень дурно скрывала въ себѣ каррикатуру на Лудовика Благочестиваго. Неизвѣстно какъ, но вторая элегія очутилась въ рукахъ Лудовика; авторъ былъ сосланъ въ Триръ; что было съ нимъ далѣе, не знаемъ; но, судя потому, что его имя встрѣчается на позднѣйшихъ документахъ, онъ былъ наконецъ возвращенъ на родину и умеръ аббатомъ около 840 года.

Только тотъ панегирикъ и тѣ двѣ элегіи дошли до насъ въ цѣлости; но и по нимъ мы можемъ довольно ясно создать внутренній образъ писателя карловингской эпохи.

Аббатъ и историческій поэтъ IX вѣка въ первой своей элегіи изъ Страсбурга исчисляетъ всѣ извѣстные ему случаи ссылки и сравниваетъ себя съ Овидіемъ, удаленнымъ на берега Чернаго моря; потомъ говоритъ, какъ Виргилій своими произведеніями исходатайствовалъ себѣ возвращеніе; далѣе, отъ Виргилія и Овидія переходитъ довольно неожиданно къ Іоанну Богослову на о. Патмосѣ, и къ ап. Петру въ темницѣ, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что ссылка доставила ему такимъ образомъ весьма хорошее историческое общество, и что не онъ одинъ въ мірѣ пострадалъ и испыталъ гоненіе. Это мѣсто элегіи рисуетъ намъ съ первыхъ словъ содержаніе духа писателя той эпохи; если бы мы не знали, вслѣдствіе чего авторъ попалъ въ Страсбургъ, то можно было бы принять его за великую жертву гоненія, какъ св. Петра или Іоанна; но нашъ авторъ былъ удаленъ просто за дурное

поведеніе и развратъ. Что тутъ общаго съ Виргиліемъ и Овидіемъ, не говорю съ ап. Петромъ и Іоанномъ? Но литературныя привычки того времени требовали именно, чтобы писатель стоялъ постоянно на почвѣ богословской и вмѣстѣ римской; отъ него ожидали не содержанія, но хорошихъ литературныхъ оборотовъ, съ букетомъ богословскихъ и классическихъ цитатъ, удачныхъ сравненій. Тотъ же характеръ носитъ на себѣ и вся элегія: въ началѣ ея, нашъ аббатъ вызываетъ на сцену, кого же? — музу Талію, и проситъ ее, завернувшись прилично въ облако, нестись по вѣтру къ королю Пиппину; за тѣмъ, авторъ, обращаясь къ Таліи, описываетъ ей берега Шарантона, гдѣ стоялъ королевскій замокъ, и подробно представляетъ, какъ она встрѣтитъ короля, королеву и весь дворъ на пути къ заутренѣ въ церковь. Все это описаніе, особенно береговъ Шарантона, имѣетъ цѣлью опять не дѣйствительное описаніе береговъ рѣки южной Франціи, но вставку стиховъ и оборотовъ изъ Виргилія и Овидія, которые конечно никогда не видали Шарантона, и потому авторъ описываетъ берега этой рѣки описаніемъ другихъ рѣкъ и мѣстностей, видѣнныхъ Виргиліемъ и Овидіемъ. Наконецъ, Эрмольдъ умоляетъ Талію броситься къ ногамъ короля, покрыть ихъ поцѣлуями и напомнить ему о бѣдномъ изгнанникѣ. Послѣ того сцена переносится на берега Шарантона и открывается разговоромъ между королемъ и музой Таліей. Король спрашиваетъ, за чѣмъ она явилась, и требуетъ самаго короткаго объясненія, такъ какъ, говоритъ онъ, «людямъ высокимъ не нравятся длинныя рѣчи.» Изъ отвѣта Таліи оказывается, что изгнанникъ не желаетъ ничего другого, какъ узнать о здоровьѣ короля, королевы, ихъ дѣтокъ и вельможъ государства. Король очень обрадованъ такимъ вниманіемъ, и проситъ сообщить ему, гдѣ находится его другъ, какая это земля Страсбургъ, кто тамъ живетъ, есть ли въ городѣ епископъ и довольно-ли онъ богобоязненъ? Талія отвѣчаетъ на это описаніемъ Эльзаса, гдѣ находится Страсбургъ, совершенно въ тонѣ эклогъ Виргилія; говоритъ о Вогезскихъ горахъ, на скатахъ которыхъ живетъ Бахусъ, и о Рейнѣ, опоясывающемъ страну; въ заключеніе же, предлагаетъ королю выслушать лично отъ Вогезъ и Рейна подробное описаніе той мѣстности. На сцену выходятъ горы «Вогезы» и рѣка «Рейнъ»; въ присутствіи короля они стараются показать всѣ свои заслуги и унизить другъ друга; при этомъ дѣло идетъ опять не о дѣйствительномъ описаніи предмета, а о красотѣ оборотовъ рѣчи и цитатахъ древнихъ писателей; вслѣдствіе того оказывается, что Рейнъ имѣетъ не только всѣ свойства Нила, но и золотоносное дно Пактола; все

это потому, что рѣки, упоминаемыя Овидіемъ, обладаютъ подобными качествами. Диспутъ рѣки съ горой кончается ссорой, и Вогезы угрожаютъ Рейну сплавлять свои продукты по Лоарѣ.

Наконецъ, Талія разгоняетъ крикуновъ, и сама принимается описывать Страсбургъ; при этомъ муза отлично аттестуетъ съ своей стороны епископа Страсбургскаго, и даетъ Пиппину почувствовать, что епископъ изъ уваженія къ его особѣ дѣлаетъ изгнаннику жизнь довольно пріятною. Разсыпаясь въ похвалахъ епископу, муза между прочимъ жалуется на глупую *чернь*, которая не знаетъ по-латыни, такъ что епископъ видитъ себя принужденнымъ говорить проповѣди на языкѣ туземцевъ, за что и получилъ прозваніе *толмача*. Замѣчательный взглядъ того времени на живой языкъ: говорить на живомъ языкѣ, значило переводить съ латинскаго; между тѣмъ епископъ былъ родомъ изъ Германіи, и потому, когда онъ по словамъ автора переводилъ, онъ собственно говорилъ съ своими соотечественниками на родномъ языкѣ.

Въ заключеніе поэмы, муза объявляетъ, что какъ ни хорошо Эрмольду въ изгнаніи, но ему недостаетъ возможности лицезрѣть Пиппина; на это, король совѣтуетъ запастись терпѣніемъ, и элегія кончается.

Но нашъ авторъ не довольствовался первымъ посланіемъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавляетъ вторую элегію, вспоминая, по его выраженію, что Овидій и Виргилій доставляли удовольствіе своими пѣснопѣніями. Поэтъ разсчитывалъ на то, что иногда королямъ нравились болѣе глиняные горшки, чѣмъ золотыя чаши, и что львы, ужасъ людей, нерѣдко терпятъ при себѣ собаченку, а потому и нашъ поэтъ осмѣливается обратиться къ королю. Но на этотъ разъ поэтъ замѣчаетъ, что муза его собирается пошутить, и дѣйствительно вторая элегія походитъ на насмѣшку надъ благочестіемъ Лудовика. Въ новой своей элегіи, авторъ сначала прославляетъ доблести своего Пиппина, говоря, что въ красотѣ уступаютъ ему и сынъ Венеры, Купидонъ, и Парисъ, и Эней, и Гекторъ, и умоляетъ его въ то же время во всемъ слѣдовать правиламъ Христа; далѣе развивается мораль, выраженія которой авторъ заимствуетъ то изъ Библіи и Евангелія, то изъ языческихъ поэтовъ. Все было бы хорошо, если бы авторъ не измѣнилъ своему серьезному тону придуманною имъ легендою, которая предназначалась очевидно для осмѣянія всей предъидущей проповѣди. Онъ разсказываетъ, какъ спасался одинъ старецъ въ пустынѣ, преслѣдуя одну цѣль, а именно удостоиться лицезрѣнія Бога. Наконецъ, онъ достигъ своей цѣли, и могъ видѣться съ Богомъ всегда, когда хотѣлъ. Но все же

ему было скучно, и онъ завелъ себѣ кошку, «больше противъ мышей», замѣчаетъ аббатъ; такимъ образомъ, старецъ получилъ себѣ товарища за столомъ и гладилъ кошку рукою; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ ни взывалъ къ Богу, но не могъ болѣе его видѣть. Тогда старецъ, продолжаетъ авторъ, обратился съ мольбою на «Олимпъ», и Христосъ, сжалясь надъ нимъ, объявилъ, что причиною всего кошка. Старецъ вернулся домой и выгналъ виновницу палкой. «Итакъ, заключаетъ авторъ, обращаясь къ Пиппину, никогда не позволяй, чтобъ какое-нибудь животное переступало твой порогъ; ты видишь какой опасности этимъ подвергаетъ себя человѣкъ.»

Я привелъ съ нѣкоторою подробностью содержаніе двухъ элегій IX вѣка, не ради самого содержанія, но ради тѣхъ формъ, оборотовъ, которыя изобличаютъ весь внутренній міръ писателя до-крестовой эпохи: его воображеніе, его мысли не только политическія, но и культурныя, религіозныя, витаютъ постоянно въ области созданій греко-римской образованности, а другою ногою онъ стоитъ въ Библіи; однимъ словомъ вы видите предъ собою удивительное зрѣлище литератора, на котораго дѣйствительность не оказываетъ почти никакого вліянія; ему кажется очень страннымъ, что проповѣднику, въ его бесѣдѣ съ нѣмецкимъ народомъ, нужно *перевесть* свои слова съ латинскаго языка; онъ забываетъ, что внутри этого проповѣдника совершался переводъ съ нѣмецкаго на латинскій, которому онъ выучился въ школѣ. Однимъ словомъ, если бы кто хотѣлъ составить себѣ типъ писателя, который, среди общества, не признаетъ его существованія, и живетъ въ какомъ-то чуждомъ ему мірѣ, не замѣчая того, что этотъ міръ пересталъ существовать, то стоитъ только взять любого писателя до-крестовой эпохи, и лучшаго типа нельзя будетъ создать никакимъ воображеніемъ. Отсутствіе національности, отсутствіе живого языка, и живой мысли, однимъ словомъ все, что мы не можемъ представить въ современномъ себѣ писателѣ, не отказавшись отъ разсудка, все это было дѣйствительностью, которая никого не поражала. Элегіи Эрмольда, не надобно забывать, были не только писаны, но ихъ читали и восхищались ими; не только были такіе писатели, но они имѣли для себя и такихъ же читателей.

Если мы съ этою личностью сопоставимъ массу другихъ писателей той же эпохи, то, за небольшимъ исключеніемъ мы встрѣтимъ однѣ и тѣ же общія черты: писатель по формаціи того общества рождается только при дворѣ и монастырѣ; онъ вполнѣ обезпеченъ матеріально, но это обезпеченіе налагаетъ на него свой характеръ; всегда предъ его глазами носится какая-то

абстрактная родина; онъ какъ будто не замѣчаетъ, что за стѣною дворца или монастыря живутъ массы людей, которые говорятъ, поютъ, мыслятъ, живутъ иначе, нежели въ эклогахъ Виргилія; писатель считаетъ своими предками Виргиліевъ, Горацiевъ; исторія у него начинается съ Библіи и переходитъ въ римскую исторію, которая непрерывно продолжается королями германскими.

Первые слѣды оппозиціи такому фантастическому настроенію литературы мы встрѣчаемъ только послѣ эпохи Оттоновъ, и даже въ ней самой. При Оттонахъ, въ X вѣкѣ, насъ невольно поражаетъ прежде всего слѣдующій удивительный фактъ: до конца X вѣка историческая литература и вообще всѣ литературныя произведенія преисполнены описанія славы, могущества Оттоновъ, необыкновеннаго развитія образованности; судя по словамъ современниковъ, вѣкъ Оттоновъ затмилъ не только вѣкъ Карла В., но и золотой вѣкъ Августовъ; напримѣръ, на народномъ собраніи въ Равеннѣ, въ 980, въ присутствіи императора Оттона, чѣмъ были заняты члены народнаго собранія? рѣшеніемъ вопроса: какъ правильнѣе должно распредѣлить части философіи? Невольно подумаешь, читая такіе факты, что въ X стол. въ Германіи и Италіи, какъ при Периклѣ, подъ портиками Аѳинъ, прогуливались философы, и заботы государственныхъ людей, исчерпавъ всѣ вопросы о благѣ матеріальномъ, ограничивались одними высокими проблеммами наукъ. Между тѣмъ, непосредственно вслѣдъ за эпохою Оттоновъ, историки начинаютъ говорить намъ о страшныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ, развратѣ, варварствѣ, насиліи, такъ что въ XI столѣтіи только и думали о близости свѣтопреставленія. Но дѣло состоитъ въ томъ, что въ XI столѣтіи въ первый разъ литература удостоила отнестись къ массѣ общества и вышла изъ своего заколдованнаго кружка, который составляли дворъ и монастырь. Не надобно думать, что историки до XI столѣтія лгали: они говорили совершенную правду; но только не нужно забывать, къ какой средѣ относится ихъ описаніе «золотого вѣка;» эту среду для эпохи Оттоновъ можно опредѣлить границами латинскаго языка, слѣдовательно, самыми тѣсными предѣлами, въ которыхъ весьма немногіе, говоря съ народомъ, думали, что они дѣлаютъ переводы съ латинскаго, родного имъ языка, на языкъ народный. Читая, напримѣръ, переписку Оттона III съ Гербертомъ, извѣстнымъ въ послѣдствіи подъ именемъ Сильвестра II, мы можемъ подумать, что дѣйствіе происходитъ въ какую нибудь эпоху Перикловъ или Августовъ. Оттонъ III замышляетъ основать въ Германіи нѣчто въ родѣ академіи и ввести въ общество «греческую утонченность;» Гербертъ получаетъ за свое ученые заслуги Засбахъ; дворъ Оттона III

дѣлается дѣйствительно академіею. Но Оттоны умираютъ, и весь ихъ вѣкъ проходитъ, какъ сонъ: повсюду грубость, крайняя нищета; это не значитъ, что въ эпоху Оттоновъ не было ни грубости, ни нищеты: все это только проходило незамѣченнымъ для историковъ, жившихъ въ своемъ искуственномъ мірѣ, и въ дѣйствительности всѣ такъ называемые «золотые вѣка» правильнѣе было бы называть позолоченными.

Въ концѣ X вѣка и въ началѣ XI вѣка, наканунѣ крестовыхъ походовъ, обнаруживаются первые слѣды оппозиціи прежнему «золотому» порядку вещей. Слѣды такой оппозиціи выразились прежде всего въ «прологахъ,» которые, какъ мы видѣли, предшествуютъ, по модѣ того времени, всякому литературному произведенію. Правда, въ такихъ прологахъ обнаруживается одна литературная оппозиція, но за нею скрывались стремленія нравственныя и соціальныя.

Въ X столѣтіи, въ глуши лѣсовъ Саксоніи, не далеко отъ нынѣшняго Брауншвейга, стоялъ женскій монастырь Гандерсгеймъ. Мы уже замѣтили, что всѣ монастыри тѣхъ временъ были, такъ сказать, вѣтвію королевскихъ дворовъ, и очень часто служили настоящею резиденціею королей; основать монастырь въ ту эпоху, значило сдѣлать не одинъ подвигъ благочестія, но также и услугу образованности; это было все равно, что въ наше время открыть школу, устроить библіотеку, или учредить ученое общество, академію. Мало этого: это значило дать странѣ безопасное убѣжище отъ непріятеля, мѣсто суда и расправы. Монастырь въ ту пору замѣнялъ собою вдругъ многія и различныя средства нашей цивилизаціи. Совершенно такое значеніе имѣлъ и женскій монастырь въ Гандерсгеймѣ, построенный предками императоровъ Саксонскаго дома. Настоятельницами его были родственницы императоровъ, ихъ дочери, сестры, племянницы; такъ, въ X столѣтіи, имъ управляла Герберга, родная племянница Оттона В. Въ этомъ монастырѣ, было богатѣйшее собраніе всѣхъ литературныхъ памятниковъ того времени; монахини занимались изученіемъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, сами писали; однимъ словомъ, Гандерсгеймъ былъ вмѣстѣ и монастыремъ и академіею наукъ. При Гербергѣ тамъ жила монахиня Росвита (Бѣлый Конь), которая прославила и себя и свой монастырь литературными трудами; ее можно назвать первою знаменитою женщиною-писательницею въ Европѣ. Она-то и замыслила дать средневѣковой литературѣ, до того времени чисто подражательной, безъ мѣста, безъ времени, или, лучше сказать, жившей воображеніемъ во временахъ римскихъ императоровъ, другое направленіе, и обратить вниманіе ея на дѣйствительную

жизнь. Въ прологѣ къ одному изъ своихъ литературныхъ произведеній ею высказаны слѣдующія мысли: «Есть между нами много добрыхъ христіанъ, которые, увлекаясь красотами образованнаго языка (т. е. латинскаго) предпочитаютъ полезному чтенію св. писанія пустой блескъ языческой литературы; это — порокъ, отъ котораго впрочемъ и я сама не могу совсѣмъ освободиться. Съ другой стороны, между нами есть много весьма усердныхъ почитателей Библіи, которые, хотя и презираютъ прочія произведенія язычниковъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ часто обращаются къ комедіямъ Теренція, ибо въ этомъ писателѣ ихъ подкупаютъ красоты слога, между тѣмъ какъ знакомство съ неприличнымъ содержаніемъ его комедій пятнаетъ нравственностъ читателей. Принимая все это во вниманіе, «я, чистый звукъ Гандерсгейма», подражая въ выраженіяхъ своему любимому писателю, рѣшилась замѣнить неприличныхъ женщинъ его комедій достойною непорочностью богоспасаемыхъ дѣвъ и прославить ихъ.» Какъ мы видимъ, побужденіе Росвиты къ реформѣ было чисто религіозное, даже аскетическое, но тѣмъ не менѣе она дала первая толчекъ и рѣшилась направить воображеніе современниковъ отъ идеаловъ римскихъ къ окружающей дѣйствительности. Какъ ни ничтожна была попытка Росвиты, но она послужила началомъ великаго явленія въ европейской образованности, театра. Конечно, пріемы Росвиты были слишкомъ первобытны; но замѣчательно въ нихъ усиліе къ самодѣятельности: въ одной пьесѣ, напримѣръ, выведенъ на сцену властолюбивый намѣстникъ Дульцицій; онъ проникаетъ въ жилище благочестивыхъ дѣвъ Агапіи, Хіоніи и Ирины, но провидѣніе наказываетъ его; у него начинаетъ кружиться голова и всякій разъ, когда онъ пытается нанести оскорбленіе хозяйкамъ, ему приходится поцѣловать горшекъ или кострюльку съ кашей, и при этомъ конечно вымазаться. Развитіе комедіи не затѣйливо, но она тѣшила публику, и заставляла ее забывать Теренція, котораго она притомъ не понимала.

Такое же сопротивленіе лжеклассическому направленію литературы встрѣчается и въ историческихъ сочиненіяхъ. Капелланъ императора Конрада II, Випонъ, живя въ половинѣ XI вѣка, рѣшился написать жизнь современнаго ему государя; но въ то время, какъ видно изъ его пролога, историческій писатель могъ удовлетворить вкусу публики одними разсказами о дѣяніяхъ Тарквинія Гордаго, Туллія, Анка, отца Энея, Ромула и т. д.; однимъ словомъ, какъ общество, такъ и писатель, жили своимъ воображеніемъ въ классическомъ мірѣ древности; а потому Випонъ для своего оправданія ссылается на Библію, въ которой разсказаны не только дѣянія патріарховъ, но и вновь совершав-

шіяся дѣла; «и такъ, заключаетъ авторъ, писать исторію своего времени можно потому, что того не воспрещаетъ ни одна религія.» Надобно было въ средніе вѣка сослаться на Библію, чтобъ имѣть право переступить завѣтную черту для писателя.

Крестовые походы, оторвавъ верхніе слои общества отъ міра фантазіи и поставивъ его лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и народными массами, должны были произвести переворотъ и въ направленіи писателей; писатели должны были обратить вниманіе на то, чѣмъ они презирали до того времени: на современнаго ему человѣка, на его обыденную жизнь; но въ такомъ случаѣ имъ приходилось и выражаться на языкѣ этого обыденнаго человѣка, и дѣйствительно въ эпоху крестовыхъ походовъ, если иные и продолжали писать по-латыни, то многіе поспѣшили оставить этотъ обычай и начали писать на живыхъ языкахъ. Всего любопытнѣе то, какъ смотрѣли сами писатели крестовой эпохи на совершившуюся революцію въ ихъ умахъ; вскорѣ послѣ взятія Іерусалима крестоносцами, жилъ и писалъ въ первой половинѣ XII вѣка Гвибертъ Ножанскій, одинъ изъ самыхъ интересныхъ писателей того времени, безъ притязаній на глубокую средневѣковую ученость; какъ онъ говоритъ самъ, ему приходилось писать урывками, на кускахъ пергамина, по мѣрѣ того, какъ ему случалось слушать разсказы возвращавшихся крестоносцевъ; такому писателю не было времени для литературной обдѣлки своихъ замѣтокъ, какъ того требовалъ вкусъ средневѣкового общества; онъ писалъ не по книгамъ: предъ нимъ стояли живые люди, мало знакомые съ литературными оборотами классицизма, за то, такъ сказать, осязавшіе то, о чемъ разсказывалось ими. Но всѣ эти недостатки литературные, по понятію среднихъ вѣковъ, и составляютъ именно все достоинство Гвиберта; онъ представляетъ намъ не ученый трактатъ о крестовыхъ походахъ, какъ Вильгельмъ Тирскій, снабженный цитатами изъ Библіи, изъ Горація, а живую картину того, какъ современники сами понимали совершавшееся на ихъ глазахъ.

Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ намъ Гвибертъ Ножанскій свою литературную исповѣдь:

«Есть между нами люди, которые не всегда, но довольно часто, имѣютъ дурной обычай чернить дѣянія современниковъ и восторгаться предъ прошедшими вѣками. Конечно можно хвалить у древнихъ ихъ благоденствіе, основанное на умѣренности, и дѣятельность, руководимую мудростью; но ни одинъ разсудительный человѣкъ не подумаетъ какимъ нибудь образомъ поставить доблести нашего времени ниже того благоденствія чисто-мірского. Если съ одной стороны безупречная доблесть

отличаетъ древнихъ, то съ другой стороны она не изсякла и среди насъ живущихъ въ концѣ вѣковъ. Справедливо прославляютъ дѣянія, совершенныя въ древнія времена изъ уваженія къ юности той эпохи; но еще болѣе заслуживаютъ славы подвиги *людей простыхъ*, приведшіе къ такимъ блестящимъ результатамъ, въ то время, когда міръ падалъ въ разслабленіи. Мы приходимъ въ восторгъ отъ того, какъ прославлялись чуждыя намъ государства своими великими войнами; мы изумляемся сценамъ рѣзни, произведенной Филиппомъ и его кровавымъ побѣдамъ, когда кровь лилась ручьями; мы превозносимъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ неистовство (rabiem) Александра Македонскаго, разлившееся отъ очага македонянъ (de camino Macedonum), чтобъ предать пламени весь востокъ; мы съ уваженіемъ относимся къ полчищамъ Ксеркса, при проходѣ Ѳермопилъ, полчищамъ Дарія въ борьбѣ его съ Александромъ, за то страшное опустошеніе, которое они произвели между народами. У Трога-Помпея и у другихъ знаменитыхъ писателей мы удивляемся гордынѣ халдеевъ, упрямству грековъ, мерзостямъ египтянъ, бродячей жизни жителей Азіи; мы смотримъ на древнія учрежденія римлянъ, какъ на нѣчто полезное общимъ интересамъ государства и содѣйствовавшее увеличенію ихъ могущества. И однако, если кто захотѣлъ бы основательно изслѣдовать характеръ тѣхъ различныхъ временъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ много причинъ восхвалять отвагу тѣхъ, которые жили тогда; но въ тоже время есть причины покрыть безславіемъ ихъ неистовство, съ которымъ они вездѣ распространяли войны, не имѣвшія другой цѣли, какъ порабощеніе міра. Всмотримся ближе и внимательнѣе въ эти потоки грязи прошедшихъ вѣковъ, на которые мы взираемъ издалека, и тогда мы убѣдимся, говоря шуточнымъ языкомъ одного короля, что нашъ маленькій палецъ толще цѣлой спины нашихъ предковъ, и что мы ихъ прославляемъ болѣе, нежели то благоразумно дѣлать. Дѣйствительно, если мы изслѣдуемъ со тщаніемъ войны язычниковъ, если мы обратимся къ исторіи государствъ, опустошенныхъ ихъ оружіемъ, то мы увидимъ, что ни ихъ усилія, ни ихъ успѣхи не могутъ быть сравнены съ тѣми, которые прославили нашихъ (т. е. крестоносцевъ) божескимъ милосердіемъ. Мы знаемъ, что Богъ былъ превознесенъ еврейскимъ народомъ; все это такъ, но мы имѣемъ неопровержимыя доказательства тому, что І. Х., какъ Онъ существовалъ и нѣкогда правилъ нашими предками, такъ Онъ и нынѣ существуетъ и правитъ новыми поколѣніями... Такимъ образомъ, по внушенію Бога, мы видѣли недавно, какъ взволновались народы, и, оставаясь глухими къ голосу привычекъ и человѣ-

ческихъ связей, пошли въ изгнаніе, чтобы низвергнуть враговъ имени Христа и переступить предѣлы латинскаго міра (excedere orbem Latinum)....»

И дѣйствительно, люди той эпохи переступили не только физическіе предѣлы латинскаго міра, въ которомъ они жили до тѣхъ поръ, но и интеллектуальные, и всего болѣе это отразилось на духѣ историковъ. Правда, они оставались еще въ монашеской одеждѣ, но уже сдѣлались болѣе свѣтскими писателями, т. е. ихъ занималъ менѣе orbis latinus; они открыли глаза на дѣйствительный міръ.

Перейдемъ теперь, такъ сказать, къ экономическому быту писателя первой эпохи среднихъ вѣковъ, къ обыденной жизни класса людей, принадлежавшихъ къ литературной профессіи. При томъ искуственно-ученомъ направленіи ума средневѣковаго человѣка, отъ литератора требовалось не столько призваніе, сколько извѣстная дрессировка, умѣнье приводить сентенціи изъ библіи, Горація, Цицерона; а потому необходима была особеннаго рода подготовка къ литературному поприщу, и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальное обезпеченіе человѣка; однимъ словомъ, говоря нашимъ языкомъ, нуженъ былъ въ обществѣ извѣстный свободный капиталъ. Монастырская казна, составлявшаяся изъ взносовъ, представляла къ тому всѣ средства: легко пріобрѣтенныя деньги и время давали возможность человѣку посвятить себя предварительной умственной гимнастикѣ, за которою онъ могъ начать самъ на свободѣ давать гимнастическое представленіе, т. е. писать самымъ важнымъ и ученымъ слогомъ о всякаго рода предметахъ. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка писатель, если мы будемъ говорить о массахъ, былъ большею частью пролетарій, бѣглецъ, изъ толпы трудящейся въ потѣ лица черни, наслаждавшійся привольною жизнью монастырей. Вотъ образчикъ того, какъ смотрѣли сами средневѣковые писатели монахи на свою литературную жизнь. Адамъ Бременскій, умершій не задолго до крестовыхъ походовъ, разсуждая о трудностяхъ историка, проситъ у читателя снисхожденія къ себѣ за то, что онъ «предпочелъ переносить бремя дней и жаръ въ виноградникѣ Господа (т. е. въ монастырѣ Бременскомъ при архіепископѣ Адальбертѣ), нежели оставаться празднымъ внѣ его стѣнъ....» Писателю, какъ видно изъ этихъ словъ, предстояло или остаться бродягою въ мірѣ, или поднять «бремя дней» и испытать жаръ въ «виноградникѣ Господа». Но все это одни риторическія выраженія во вкусѣ того времени, и Адамъ Бременскій описываетъ ниже самъ, каково было это «бремя дней и жаръ въ виноградникѣ Господа», при архіепископскомъ дворѣ Адальберта, «наполненномъ людьми

всякого сорта и всякихъ художествъ,» и при которомъ «фунтъ серебра считался за одинъ пфеннингъ; самымъ ничтожнымъ людямъ бросали сотни фунтовъ серебра, а болѣе знатнымъ дарились и большія суммы.» Обѣды, музыка, пантомима смѣняли другъ друга; сказочники, снотолкователи, скоморохи, астрологи толпились въ передней архіепископа.

Такимъ образомъ, не смотря на жалобы Адама Бременскаго и его сѣтованія о затруднительности монастырской жизни, мы можемъ скорѣе утверждать, что въ средніе вѣка положеніе писателя было такъ комфортабельно, даже и безъ сравненія съ жалкимъ состояніемъ остальной массы людей, что оно могло служить самою живою приманкою.

Мы очень бѣдны документами, которые могли бы познакомить насъ съ бытомъ писателя среднихъ вѣковъ; но и то не многое, что сохранилось до насъ, благодаря тому, что иногда писатели приводятъ черты изъ собственной жизни, даетъ нѣкоторое понятіе о судьбахъ средневѣкового писателя. Такъ, въ XI столѣтіи, бѣдный оборванный юноша, испытавшій уже на себѣ всю превратность судьбы, включая сюда и несчастный бракъ, и доведенный почти до голодной смерти, легъ въ изнеможеніи у монастырскихъ стѣнъ, прямо подъ окнами кухни; на него повѣяло запахомъ щей и онъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «какъ хороши щи!» Сквозь желѣзную рѣшетку просовывается рука съ чашей; юноша бросается на предлагаемое, вступаетъ въ разговоръ, узнаетъ, что обитатели этого монастыря пользуются каждый день очень вкусною пищею. Молодой человѣкъ охотно вступаетъ въ монастырь; за нимъ захлопнулась дверь, и это будущій клерикъ. Другой, по имени Бенедиктъ, пасъ стада своего отца, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ своего состоянія въ то время, когда лѣса были столь обширны и дикіе звѣри столь же отважны. Ему случалось не разъ видѣть молодыхъ клериковъ, какъ они прогуливались въ рощахъ съ книгою въ рукахъ; пастухъ, завидуя ихъ счастію, желалъ быть на ихъ мѣстѣ. Случай открылъ ему дорогу: одинъ изъ клериковъ забылъ книгу; пастухъ беретъ ее себѣ; но къ сожалѣнію она написана по-латыни; цѣлыми мѣсяцами онъ вчитывается въ нее и находитъ между словами много общаго съ французскимъ языкомъ; видя однако тщету труда, молодой человѣкъ выучиваетъ ее наизусть; и разъ, когда мимо него проходилъ клерикъ онъ осмѣлился привѣтствовать его по-латыни; клерикъ въ восторгѣ, увлекаетъ его съ собою, и вотъ начинается литературное поприще писателя; его одѣли, посадили за латинскую грамматику, и онъ явится въ послѣдствіи однимъ

изъ дѣятелей того вертограда, о которомъ говорилъ Адамъ Бременскій.

При полномъ обезпеченіи матеріальномъ, литераторъ въ средніе вѣка не могъ смотрѣть и не смотрѣлъ на книгу, какъ на средство къ существованію; соотвѣтственно тому, мы не встрѣчаемъ въ ту эпоху никакихъ признаковъ понятія о литературной собственности. Возьмемъ любое произведеніе литературное среднихъ вѣковъ, и мы увидимъ, что оно родилось непремѣнно въ слѣдствіе какихъ-нибудь отношеній автора къ извѣстному лицу, написано по заказу или въ честь какого-нибудь патрона, будетъ ли то аббатъ монастыря, или архіепископъ, или король; рѣдко потому писатель заботился даже о томъ, чтобы выставить свое имя; очень часто даже просилъ не выдавать его имени, если ему случалось писать въ эпоху борьбы партій, какъ, напр., епископъ Отбертъ въ своей жизни Гейнриха IV. Книга пріобрѣтала въ тѣ времена цѣнность только тогда, когда съ нее снимали копіи, и она попадала въ руки книгопродавцевъ; потому законы среднихъ вѣковъ обезпечивали одну ихъ собственность; во Франціи, въ 1411 году, былъ изданъ ордонансъ, которымъ строго запрещалась продажа книгъ всѣмъ лицамъ, которыя не были книгопродавцами. Книжные магазины къ концу среднихъ вѣковъ могутъ быть сравнены съ самыми блестящими современными магазинами предметовъ роскоши. Книгопродавецъ держалъ при себѣ цѣлую мастерскую: одни копировали, другіе были иллюминаторами, миніатюристами, переплетчиками, даже слесарями для придѣлки свобокъ, цѣпей и замковъ къ книгамъ. При такой внѣшней обстановкѣ книги, произведенія среднихъ вѣковъ, прикованные къ своимъ шкапамъ, съ замкомъ на переплетѣ, могли быть названы въ настоящемъ смыслѣ сокровищницами человѣческой мысли, которыя были предназначены болѣе для того, чтобы сокрыть ее, нежели распространить. О богатствѣ внѣшняго убранства книги въ средніе вѣка, тѣ евангелія, которыми украшаются наши алтари, даютъ еще слабое понятіе. Въ своихъ массивныхъ оберткахъ, книга доходила вѣсомъ до 60 фунтовъ, и нерѣдко стоила около 1,000 ливр. Продажа дорогой книги совершалась съ такими же формальностями какъ и продажа недвижимой собственности, надобно было обращаться къ нотаріусу, и совершить купчую крѣпость; когда книга продавалась общинѣ или королю, архіепископу, то къ ея переплету придѣлывалась цѣпь, и книга приковывалась къ стѣнѣ. Если бы нужно измѣрять уваженіе къ литературѣ такою обстановкою, какую имѣли книги въ средніе вѣка, то оказалось бы, что та эпоха не имѣетъ себѣ ничего подобнаго; но такое уваженіе основывалось на обстоятельствѣ весьма

печальномъ: на крайней рѣдкости книгъ и трудности ихъ воспроизводства; потому уваженіе къ книгѣ вовсе не соединялось съ уваженіемъ къ писателямъ, которые заготовлялись цѣлыми тысячами въ монастыряхъ.

Итакъ, живя идеями своего непосредственнаго общества, писатель средневѣковой находился долгое время въ предѣлахъ *orbis latinus,* и только въ эпоху крестовыхъ походовъ, вмѣстѣ съ общественнымъ движеніемъ и онъ началъ выходить изъ предѣловъ этого заколдованнаго круга. Въ отношеніи экономическомъ, казалось, писатель средневѣковой стоялъ въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ: чувство религіозное собрало капиталы и обезпечило литературный міръ; но такое обезпеченіе держало писателя въ оковахъ: выйдя въ большей части случаевъ изъ рабскаго состоянія, онъ перемѣнялъ только господина; какъ прежде бороздилъ поле его плугъ на феодальнаго барона, такъ послѣ усердно и покорно работало его перо въ честь аббата, архіепископа или основателя монастыря.

Едва ли можно говорить въ средніе вѣка о политическомъ значеніи писателя, потому что тогда не существовало государства въ нашемъ смыслѣ этого слова, и потому не могло быть для него большой зависимости отъ господствующихъ политическихъ воззрѣній; но мѣсто государства занимала церковь, и потому въ одной «Книгѣ обычаевъ», папа провозглашается главою не только христіанъ, но и всѣхъ клериковъ, т. е. литературы; въ эпоху борьбы Гильдебранда съ Гейнрихомъ епископъ Люттиха, другъ послѣдняго, умоляетъ своего пріятеля скрыть имя автора біографіи Гейнриха IV, гдѣ авторъ осмѣливается выступать защитникомъ императора. Страхъ, который внушался писателю среднихъ вѣковъ, имѣлъ слѣдствіемъ то, что въ ту эпоху было изобрѣтено искусство секретной письменности, и даже было издано особое руководство Ordo, seu regula occulte *scribendi,* т. е. «Правила тайнаго письма».

Послѣднія два столѣтія среднихъ вѣковъ, XIV и XV, слѣдовавшія за крестоносною эпохою, XII и XIII столѣт., называются эпохою «Возрожденія»; это было время полнаго развитія жизни коммюнъ и рыцарства, а равно и ихъ паденія предъ реформаціею, среди усилій прошедшей жизни поддержать свое существованіе. Потому и въ писателяхъ этой эпохи мы замѣчаемъ двойное направленіе. Въ большинствѣ ихъ, въ толпѣ клериковъ, продолжается тоже безпредѣльное уваженіе къ orbis latinus; ихъ воображеніе живетъ въ классическомъ мірѣ, котораго они не понимаютъ, а міръ дѣйствительный не заслуживаетъ ихъ вниманія. Чтобы дать понятіе объ этомъ разрядѣ писателей, сохра-

нившихъ на себѣ средневѣковой характеръ, не смотря на всѣ перевороты, совершившіеся около нихъ, мы приведемъ небольшой отрывокъ изъ извѣстнаго писателя, Монтейля [1]), который изъ отдѣльныхъ подлинныхъ извѣстій составилъ самую вѣрную картину быта литераторовъ въ послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Турѣ въ концѣ XIV столѣтія. Авторъ представляетъ себя заѣхавшимъ въ гости къ одному клерику; вернувшись домой, онъ садится за письмо къ своему пріятелю и обстоятельно излагаетъ ему все видѣнное и слышанное имъ у клерика въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Сію минуту я воротился отъ клерика, о которомъ слѣдуетъ вамъ разсказать подробно. Онъ вступилъ въ орденъ, хотя и не священникъ, а только дьяконъ. На немъ длинное платье, но не до пятъ. Цвѣтъ одежды не зеленый, и не красный, какъ у свѣтскихъ канониковъ; но и не такъ черенъ и сѣръ, какъ у канониковъ благочестивыхъ: это—смѣсь всѣхъ цвѣтовъ. Его тонзура имѣетъ размѣръ приличный клерику, но не часто подновляется. Волоса на головѣ подрѣзаны, какъ то предписывается, но прическа кажетъ ихъ длинными. Его экономка имѣетъ возрастъ, требуемый канонами, но сохраняетъ довольно свѣжій видъ. По моему мнѣнію, этотъ клерикъ смѣрилъ все небо и уже приставилъ къ нему свою лѣстницу, но ей недостаетъ еще нѣсколько ступеней. Хотя онъ имѣетъ все, что ему нужно для ѣды и для питья, а именно въ годъ, 400 мѣшковъ хлѣба, 200 мѣръ вина, сто барановъ, сто свиней, 200 штукъ гусей, и больше 500 куръ, но тѣмъ не менѣе онъ написалъ одно сочиненіе.

«Я ему сказалъ безъ обиняковъ, что, если, какъ клерикъ, онъ имѣетъ обязанностью заниматься литературою, то какъ человѣку обезпеченному (бенифиціанту), ему слѣдуетъ обратить вниманіе

---

[1]) Histoire des Français des divers état, etc. Монтейля можетъ быть сравнена по своему значенію съ другимъ весьма извѣстнымъ сочиненіемъ: «Путешествіе младшаго Анахарсиса»: то, что сдѣлалъ Бартелеми для древней Греціи, то Монтейль исполнилъ для средневѣковой Европы. Авторъ «Исторіи французовъ всякого быта», какъ и Бартелеми въ своемъ Анахарсисѣ, представляетъ себя путешественникомъ, странствующимъ въ средніе вѣка по городамъ и селамъ, и пишетъ мемуары; каждое его слово, каждое выраженіе подкрѣплено цитатами и ссылками на источники; такимъ образомъ, форма изложенія у него придумана, но само содержаніе также точно, какъ бы вы имѣли предъ собою очевидца, пережившаго средніе вѣка и разсказывающаго намъ свои личныя впечатлѣнія. Это—рядъ самыхъ ученыхъ трактатовъ, доказывающихъ въ авторѣ колоссальную начитанность, и которыя имѣютъ и цѣну для науки, и привлекательность для любознательнаго читателя. Новѣйшее и общедоступное по цѣнѣ изданіе труда Монтейля сдѣлано въ Парижѣ, въ 1858 г., въ V томахъ, съ его біографіею, которую составилъ Жюль-Жаненъ.

на милостину. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что даетъ еженедѣльно большой обѣдъ всѣмъ ученымъ и литераторамъ города, а между ними есть много бѣдныхъ.

«Сегодня, дѣйствительно, я и попалъ на такой обѣдъ; никогда мнѣ не приходило на мысль, что въ Турѣ найдется столько людей ученыхъ и столько писателей; они заняли справа и слѣва двѣ скамьи за длиннымъ столомъ.

«Вы не сомнѣваетесь въ томъ, чтобы гости не заговорили съ хозяиномъ о его сочиненіи; за первымъ блюдомъ они начали его хвалить; за вторымъ блюдомъ и за дессертомъ, когда подали различныя пряности, они нашли произведеніе хозяина еще лучшимъ, превосходнымъ, совершеннымъ. Бѣднѣйшіе изъ литераторовъ читали въ честь его гимны, которыя были ничѣмъ инымъ, какъ нерифразомъ Синезія (V в.) и Фортуната (VII в.). Дьяконъ былъ очень доволенъ; смотря на нихъ, какъ на трубадуровъ, онъ дарилъ однимъ старыя одежды, другимъ — мелкую монету въ кошелькѣ.

«По окончаніи стола, всѣ эти ученые и литераторы бросились вонъ изъ комнаты, потому что церковный колоколъ громко призывалъ пѣвцовъ, капеллановъ и другихъ мелкихъ клериковъ, на которыхъ лежала обязанность являться первыми въ церковь. Нѣсколько времени спустя, столовая наполнилась другими учеными и другими литераторами, важное положеніе которыхъ дозволяло имъ не присутствовать въ церкви въ извѣстные дни. Эти обѣдали уже долго и хорошо обѣдали; это — люди изъ высшихъ сферъ литературы. Сколько тутъ твореній, плановъ; сколько похвалъ, критики, споровъ, колкостей и болѣе или менѣе явной вражды. Это не были тѣ маленькіе обыденные литераторы, которые могли хвастать 40 или 50 экземплярами своего произведенія; теперь собрались люди, говорившіе о сотняхъ, двухъ или трехъ стахъ копій съ ихъ сочиненій; они только и толковали о шелковыхъ переплетахъ, о серебрянныхъ замкахъ, позолотѣ, объ арабескахъ, золотыхъ начальныхъ буквахъ и миніатюрахъ лучшихъ живописцевъ.

«Тамъ я узналъ, какой родъ литературы теперь у насъ въ модѣ, чего требуетъ общественное мнѣніе, и что находитъ себѣ болѣе всего покупателей: это вовсе не книги бѣлой магіи и черной магіи, ни алхимическія сочиненія, ни трактатъ о камняхъ противъ отравы, о физикѣ, медицинѣ, скотолеченіи, ни о стихахъ и искуствѣ ихъ дѣлать; ни трактатъ о философіи, проповѣдяхъ, парафразахъ, глоссахъ, ни даже о теологіи; теперь пишутъ только о папской власти, о папахъ, анти-папахъ—

такого рода книги только и продаются[1]). Одинъ священникъ намъ сообщилъ, весьма скромно, что онъ надѣется быть канцлеромъ, если только окончитъ свой трактатъ о соборахъ; другой каноникъ и вмѣстѣ королевскій докторъ выразилъ намъ свою увѣренность получить хорошее мѣсто за новѣйшую исторію всѣхъ папъ, которые носили имя Бенедикта. Великій пѣвчій (т. е. регентъ пѣвчихъ), посолъ у графа Савойскаго, надѣется, что его сочиненіе о кардинальской красной шапкѣ и о числѣ такихъ шапокъ, на которое имѣетъ право каждая нація, доставитъ ему мѣсто прямо въ Лондонѣ или въ Вѣнѣ.

«Послѣ различныхъ литературныхъ пересудовъ, первоклассные литераторы добрались до произведеній хозяина, и самымъ безцеремоннымъ образомъ отдѣлали его. По удаленіи гостей, хозяинъ-литераторъ и вмѣстѣ меценатъ обратился къ своему гостю, автору письма, и началъ ему горько жаловаться на несправедливость своихъ друзей.» Они говорятъ мнѣ, воскликнулъ онъ, что я долженъ былъ назвать свое сочиненіе *Хроникою временъ*, а не «Четыре возраста міра.» Все это такъ, но я не думалъ писать хроники. Далѣе, меня упрекаютъ, что я не начинаю каждой главы вопросомъ: «какъ», «какимъ образомъ»: *Какъ взошла королева?—Какъ ушелъ король?—Какъ архіепископъ жаловался на аббата?—Какъ пѣшіе люди были разбиты всадниками?* и т. д. Эти *какъ* мнѣ казались слишкомъ однообразными.... Потомъ, они говорили, что я воздвигнулъ зданіе, которому недостаетъ прочности; я не довольно цитировалъ авторитеты, между тѣмъ какъ я привелъ имена авторовъ, на которыхъ я опираюсь, и книга у меня разукрашена цитатами; я сдѣлалъ даже больше: взявъ, такъ сказать, за руку великихъ людей, произведеніе которыхъ мы уважаемъ особенно, я безпрестанно приводилъ ихъ имена: «Часть меньше цѣлаго», какъ то утверждаетъ *Эвклидъ*; «небо высоко, какъ говоритъ *Аристотель;*» — «огонь жжетъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ *Константинъ*» и т. д.

«Все это бы еще ничего, если бы мои критики были истинно учеными, писателями, литераторами; но большая часть изъ нихъ едва только получила тонзуру. Если бы они читали Платона, Аристотеля, Галіена, Павла-Орозія, Діодора Сицилійскаго, св. Августина, Амвросія, Іеронима, Дамаскина, Боэція, Константина, и т. д.! Но большая часть изъ нихъ ничего не видала, кромѣ переплета тѣхъ сочиненій, бревіаріевъ и молитвенниковъ. Эти храбрецы испытывали ужасъ при взглядѣ на X томовъ in-folio

---

[1]) Монтейль переноситъ насъ въ XIV вѣкъ — эпоху такъ называемаго Авиньонскаго плѣненія папъ.

Винцента и XX томовъ фоліантовъ В. Альберта; они только показываютъ видъ, какъ будто читали ихъ; они громоздятъ эти величественные фоліанты на своихъ пюпитрахъ; но замѣтьте хорошенько: фоліантъ открытъ вѣчно на одной и той же страницѣ» и т. д.

Мы присутствовали сію минуту въ обществѣ литераторовъ XIV столѣтія, и притомъ литераторовъ первоклассныхъ и литераторовъ, такъ сказать, средней руки. Это были люди, которые, какъ видно, считали себя руководителями и органами общества; по крайней мѣрѣ, ихъ историко-политическія изслѣдованія «о кардинальской шапкѣ», «о папахъ, носившихъ имя Бенедикта» и т. п. отвѣчали на какія-то требованія какого-то общества. Но вся эта литература, безъ сомнѣнія огромная, вмѣстѣ съ тѣмъ обществомъ, которое она представляла, не замѣчала того, что время ея проходитъ, и литературные обѣды XIV вѣка, при склонѣ среднихъ вѣковъ, напоминаютъ собою подобную же римскую эпоху временъ Сидонія Аполлинарія. У римскихъ сенаторіаловъ, устроившихъ себѣ великолѣпныя виллы на счетъ римской казны, литература являлась изъ такого же празднаго досуга, какъ и у средневѣковыхъ писателей въ ихъ монастыряхъ, гдѣ клерикъ, подобно римскому сенаторіалу, имѣлъ источникомъ своего обезпеченія все, кромѣ трудовъ въ потѣ лица.

Крестовые походы вывели на литературную сцену писателей-дѣятелей, и съ того времени появляются литераторы и историки, въ которыхъ мы узнаемъ предковъ своего времени. Это были или люди торговые, колонисты, или путешественники, или бойцы, какъ спутникъ Лудовика IX, Жоанвилль. Новый типъ писателей совершенствовался въ теченіи многотрудной эпохи XII и XIII вѣка, и наконецъ выработался до болѣе совершенныхъ формъ въ лицѣ Жана Фроассара. Скажемъ въ заключеніе о немъ нѣсколько словъ, чтобы противоположностью его характера съ характеромъ средневѣковыхъ писателей тѣмъ болѣе рельефно выставить послѣднихъ. Жанъ Фроассаръ жилъ какъ разъ на самомъ рубежѣ рукописной и печатной письменности: онъ родился въ Валансіеннѣ, въ тогдашней Фландріи, близкой одинаково и къ французскому, и къ англійскому, и къ нѣмецкому міру, въ 1337 году, и умеръ, между 1400 и 1410 годами. Мы не имѣемъ біографіи его, составленной кѣмъ нибудь изъ писателей близкихъ къ той эпохи; но за то онъ самъ сообщаетъ много извѣстій о себѣ въ своей извѣстной исторіи западной Европы, отъ 1325 до 1401 года: *Les Chroniques de Sire Jean Froissart, qui traitent des merveilleuses emprises, nobles aventures et*

faits d'armes advenus en son temps en France, Angleterre, Bretaigne, Bourgogne, Escosse, Espaigne, Portugal ès autres parties;— и изъ его многочисленныхъ поэтическихъ произведеній, особенно *Espinette amoureuse*, гдѣ авторъ описываетъ свою юность:

En mon jouvent, tous tels estoie
Que trop votontier m'esbattoie,
Et tel que fui encor le sui;
Mes se qui fu hier n'est pas lui,
. . . .
Et quant on me mist à l'escole
Ou les ignorans on l'escole etc.

«Въ юные дни меня все веселило; я и теперь еще тотъ же, какъ бывалъ прежде, хотя уже сегодня не тотъ, чѣмъ былъ я вчера.... Когда меня въ школу послали, гдѣ насъ учили невѣжды и т. д.

Автобіографическія замѣтки Фроассора даютъ намъ возможность ознакомиться именно съ той стороной его жизни, которою онъ отличался, какъ писатель новаго склада ума, отъ большинства своихъ собратій, весьма серьезно спорившихъ и доказывавшихъ, что хорошее сочиненіе не можетъ начинаться иначе, какъ съ *comment*, и когда нельзя было утверждать, что огонь жжется, не сославшись на авторитетъ какого нибудь древняго писателя.

Самое мѣсто рожденія и положеніе семьи должно было имѣть вліяніе на характеръ литературной дѣятельности Фроассора. Онъ родился въ городѣ, который въ то время принадлежалъ къ числу членовъ Лондонской Ганзы, и слѣдовательно былъ однимъ изъ представителей блестящаго развитія жизни городской коммюны; Фроассаръ, такимъ образомъ, родился и росъ не подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ средневѣковаго монастыря; вокругъ его кипѣла жизнь, успѣхи цивилизаціи; занятія его отца въ то же время должны были развить въ немъ вкусъ къ литературѣ и рыцарству; съ Фроассаромъ случилось то же, что позже бывало съ даровитыми дѣтьми типографщиковъ, какъ напримѣръ, съ Франклиномъ. Но въ ту эпоху, типографіи, какъ мы видѣли выше, замѣнялись книжными магазинами, которые были, лучше сказать, книжными мануфактурами, гдѣ соединялись копировщики, миніатюристы, иллюминаторы, переплетчики, слѣсари и т. д.

Отецъ Фроассара былъ зажиточный бюргеръ Валансьена, по профессіи иллюминаторъ: онъ раскрашивалъ манускрипты, и главною его спеціальностью была иллюминація рыцарскихъ

гербовъ. Молодой Фроассаръ съ раннихъ лѣтъ видѣлъ предъ собою въ манускриптахъ всю современную ему литературу; и въ то же время отлично познакомился съ геральдикою и вмѣстѣ со многими личностями высшаго сословія. Постоянное чтеніе того, что отдавалось въ работу его отцу развило въ немъ наклонность къ литературной дѣятельности; близкое сопоставленіе къ жизни въ городѣ промышленномъ и богатомъ и личное знакомство съ рыцарствомъ вырвали Фроассара совершенно изъ *orbis Latinus*, и повели его по новой дорогѣ. Имѣя 20 лѣтъ отъ роду, онъ задумалъ начать писать исторію своего времени такъ, какъ до него никто не писалъ. Когда онъ окончилъ чрезъ 40 лѣтъ свои четыре книги, то могъ безъ упрека въ гордости сказать: «Я вполнѣ увѣренъ, что эта высокая и достойная исторія будетъ въ большомъ почетѣ въ самыя отдаленныя времена, и всѣ доблестные люди найдутъ въ ней для себя удовольствіе и примѣръ, какъ хорошо поступать.» Начиная свою третью книгу, Фроассаръ высказалъ вполнѣ новый взглядъ для того времени на значеніе писателя и историка: «Благодарю Бога, я имѣю здравый смыслъ, силу сохранять и вспоминать все прошедшее, умъ ясный, острый *(engin clair et aigu)* для пониманія тѣхъ дѣлъ, о которыхъ я могъ навѣдаться, надлежащій возрастъ и столько тѣла и членовъ, чтобы переносить трудъ.» Послѣднія слова о необходимости физической силы для писателя надобно у Фроассара понимать самымъ буквальнымъ образомъ. Это не былъ монастырскій писатель среднихъ вѣковъ, который изъ узкаго окна своей кельи смотрѣлъ на міръ. Фроассаръ провелъ, можно сказать, всю жизнь въ дорогѣ; случится-ли гдѣ нибудь замѣчательное событіе, Фроассаръ отправляется на мѣсто, а чтобы путешествовать въ ту эпоху, нужно было, дѣйствительно, имѣть «довольно тѣла и членовъ.» Сколько разъ въ его сочиненіи встрѣчается, при описаніи затруднительныхъ событій, восклицаніе: *tant travellai et chevauchai en quérant de tous costés nouvelles»* т. е. «сколько я трудился и ѣздилъ верхомъ, стараясь получить извѣстіе со всѣхъ сторонъ.» Ведя такого рода жизнь, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Фроассаръ, онъ имѣлъ случай въ теченіи жизни близко познакомиться съ 200 князей и королей. Вотъ, другое еще болѣе живое изображеніе дѣятельности его, какъ историка, въ ея прямой противоположности съ привычками монастырскихъ писателей. Въ 1390 г. кончилась война Испаніи съ Португаліею, начавшаяся въ 1385 г.; Фроассаръ описываетъ ее въ своей хроникѣ, и въ заключеніе говоритъ слѣдующее: «Теперь я скажу вамъ все по правдѣ, и пусть тѣ, которые будутъ жить послѣ насъ знаютъ, что я для открытія

истины всей этой исторіи, и чтобы справедливо изслѣдовать дѣло, много потрудился въ свое время, много изъѣздилъ странъ и государствъ, съ цѣлью развѣдать подробности; сводилъ знакомства со многими важными людьми нашего времени, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, въ Шотландіи, Кастиліи, Португаліи и въ другихъ земляхъ, въ городахъ, графствахъ, особенно съ людьми принимавшими участіе въ той войнѣ, о которой я говорю, и слушалъ ихъ весьма охотно. Вообще о какой бы странѣ дѣло ни шло, я не разсказываю безъ того, чтобы предварительно не обслѣдовать и не убѣдиться ясно, что то, что я знаю, вѣрно и несомнѣнно.» Дѣйствительно, нашъ авторъ, узнавъ, что Гастонъ де-Фоа, защищавшій Испанію, находится въ Бернѣ, въ Швейцаріи, сначала съѣздилъ туда, разспросилъ, вернулся въ Валансьеннь, и сѣлъ за перо. Но ему пришло на мысль, что онъ выслушалъ только одну сторону, что необходимо поговорить съ кѣмъ нибудь изъ португальцевъ. «Тогда, продолжаетъ онъ, забывъ усталости тѣла, я пустился въ Брюгге, во Фландрію, чтобы тамъ встрѣтить кого нибудь изъ португальцевъ или лиссабонцевъ; а ихъ всегда много въ Брюгге. И послушайте, какъ я это сдѣлалъ; не отличное-ли это похожденіе!? мнѣ сказали, и въ томъ я лично убѣдился, что если бы я ждалъ 7 лѣтъ, то не могъ бы болѣе кстати явиться въ Брюгге, какъ именно въ ту минуту: мнѣ сказали, что если я хочу отправиться въ Миддельбургъ, въ Зеландіи, то я тамъ найду португальскаго рыцаря, человѣка знатнаго и умнаго, одного изъ членовъ совѣта короля португальскаго, и который только что прибылъ туда; по отвагѣ своего характера, онъ пробирается въ Пруссію. Думаю я, не разскажетъ ли онъ мнѣ по правдѣ все, что происходило въ Португаліи, а онъ былъ вездѣ и принималъ участіе во всемъ. Такая новость меня обрадовала; взявъ въ спутники изъ Брюгге одного изъ португальцевъ, знавшаго хорошо того рыцаря, я явился въ Эклюзъ; тамъ сѣлъ на корабль и съ божіею помощью прибылъ въ Миддельбургъ. Повидавшись съ нимъ, я нашелъ рыцаря весьма любезнымъ, умнымъ, почтеннымъ, привѣтливымъ и доступнымъ; съ нимъ я пробылъ дней шесть, сколько мнѣ именно хотѣлось; а онъ зажился тамъ въ ожиданіи благопріятнаго вѣтра.

«Такъ онъ мнѣ разсказывалъ, а я узнавалъ о всемъ случившемся между Испаніею и Португаліею, начиная отъ смерти короля Фердинанда до того дня, когда онъ оставилъ королевство; и онъ мнѣ разсказывалъ такъ пріятно и такъ связно, и столь охотно, что я съ удовольствіемъ и слушалъ, и писалъ. Наконецъ я узналъ все, что мнѣ нужно, и явился вѣтеръ попутный; тогда онъ простился со мной и сѣлъ на судно, довольно большое и

крѣпкое, чтобы странствовать по всему міру; на кораблѣ мы и простились. Съ нимъ простились также и богатые купцы его соотечественники, пріѣхавшіе повидаться съ нимъ изъ Брюгге, и граждане Миддельбурга. Послѣ того я вернулся чрезъ Брюгге на родину; тамъ я по словамъ и показаніямъ благороднаго рыцаря, мессира Жана-Фернандо Пачеко изложилъ все, что случилось въ Португаліи и Кастиліи до года 1390.»

Въ томъ же году произошла ссора между Бретанью и французскимъ королемъ, вслѣдствіе умерщвленія Коннетабля Франціи въ Бретани. Фроассаръ ѣдетъ на мѣсто разузнать, въ чемъ дѣло; на дорогѣ ему попадается всадникъ изъ Бретани, Guillaume d'Ancenis; онъ проситъ у него позволенія ѣхать съ нимъ рядомъ и послушать его разсказъ. «Между Мон-ле-Горнъ — гдѣ авторъ встрѣтилъ рыцаря — и Орильи, куда мы отправлялись, было большихъ четыре мили; мы ѣхали, продолжаетъ авторъ, рысцой на лошакахъ. По дорогѣ онъ разсказалъ мнѣ много новостей, которыя я удержалъ хорошо въ памяти, и въ особенности бретанскія событія. Такъ мы подвигались все дальше; до Орильи оставалося съ милю, предъ нами открылся лугъ. Тамъ рыцарь остановился и сказалъ: «О! да помилуетъ Богъ душу добраго Коннетабля Франціи! На этомъ мѣстѣ онъ провелъ славный день и полезный странѣ, подъ знаменемъ мессира Жана де-Бейль; въ ту пору онъ не былъ еще Коннетаблемъ, и только-что вернулся изъ Испаніи.» — «Какъ это случилось,» спросилъ я. «Я вамъ разскажу, продолжалъ онъ, но съ тѣмъ, чтобы мы сѣли на лошадей.» Онъ сѣлъ, и я сѣлъ; онъ поѣхалъ рысцой и началъ разсказъ, какъ все то случилось.»

Сравните эти мимоходныя указанія историка, жившаго на границѣ XIV и XV вѣковъ, представьте себѣ его походную жизнь, которая замѣняла ему новѣйшія средства къ пріобрѣтенію извѣстій, сравните все это съ его недавнимъ прошедшимъ и даже еще окружавшимъ Фроассара, когда историкъ работалъ, уединившись въ своемъ «вертоградѣ» съ одною заботою выразиться какъ можно ближе къ древнимъ авторитетамъ. Такое сравненіе лучше всего покажетъ, какъ вмѣстѣ съ временемъ измѣнилось и положеніе историка, какъ общество перешло отъ однихъ идеаловъ къ другимъ. Trop d'envie me trouvoie seuls, «слишкомъ скучно мнѣ оставаться одному,» повторялъ не разъ Фроассаръ, и никогда такая мысль не приходила въ голову средневѣковому историку.

Мы ошибаемся болѣе или менѣе всякій разъ, когда думаемъ въ политическихъ судьбахъ народа приписывать перевороты главнымъ образомъ одной какой нибудь личности, ея силѣ воли,

непреклонности характера; точно также ошибаемся мы и въ объясненіи успѣховъ литературы, отъискивая ихъ причины въ талантахъ отдѣльныхъ лицъ. Великіе писатели, какъ и великіе дѣятели, обусловливаются своимъ временемъ и образуются подъ его вліяніемъ. Секуляризація историка въ концѣ среднихъ вѣковъ была предшествуема и сопровождалась секуляризаціею всего средневѣковаго общества. Если Фроассаръ вышелъ совершенно за предѣлы завѣтной черты историка среднихъ вѣковъ, то только потому что въ XIV и въ XV вѣкѣ западная Европа переживала эпоху своего «Возрожденія», по отношенію къ которой реформація была только послѣднимъ ея актомъ.

М. Стасюлевичъ.

V.

ПУГАЧОВЩИНА.

Начало и характеръ Пугачевщины. Соч. П. Щебальскаго. Москва. 1865.

I.

Почти до настоящаго времени въ русской исторической литературѣ и въ обществѣ относительно этого замѣчательнаго эпизода русской исторіи господствовало мнѣніе установленное отчасти преданіемъ, отчасти исторической монографіей Пушкина, и на Пугачовщину смотрѣли почти исключительно какъ на произведеніе яицкихъ смутъ; другіе же видѣли въ этомъ явленіи связь съ придворными интригами, которыя у насъ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, грозили предать судьбу государства въ руки олигархіи, созданной крупнымъ русскимъ дворянствомъ при помощи остзейскихъ нѣмцевъ. Но и то и другое мнѣніе если не вполнѣ ошибочно, то во всякомъ случаѣ не представляетъ достаточныхъ основаній. Начала этого явленія лежали болѣе глубоко, чѣмъ думали до сихъ поръ. Оно было результатомъ всего строя нашей исторіи, а не какимъ нибудь частнымъ явленіемъ. Г. Щебальскій уже ближе подходитъ къ истинѣ, воспользовавшись современными средствами исторической науки въ объясненіи тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, хотя тѣмъ не менѣе и онъ не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ прежнихъ мнѣній и ищетъ разгадки факта въ частностяхъ — то въ безпокойномъ состояніи умовъ яицкаго войска, то въ попыткахъ раскольниковъ отмстить за цѣлое столѣтіе испытанныхъ ими притѣсненій, то въ какой-то таинственной интригѣ, нити которой,

исходя изъ рукъ близко стоявшихъ къ кормилу правленія лицъ, переплетались въ разныхъ направленіяхъ и опутывали самый тронъ. Лично Пугачовъ могъ быть чьимъ угодно произведеніемъ; наконецъ, онъ могъ быть просто однимъ изъ тѣхъ самозванцевъ, которыхъ и до него и послѣ него было достаточно [1]); но самая Пугачовщина со всѣми ея послѣдствіями была порожденіемъ *всей* Россіи, неизбѣжнымъ плодомъ темной стороны тысячелѣтней жизни русскаго народа и результатомъ ненормальнаго состоянія всего тогдашняго ея государственнаго строя.

Это-то состояніе Россіи и слѣдуетъ изучить прежде всего, приступая къ объясненію Пугачовщины; впрочемъ, современная историческая наука иначе и не должна относиться къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ.

Такова будетъ и наша цѣль при объясненіи причинъ и характера Пугачовщины. Мы постараемся изобразить это смутное время на основаніи новыхъ данныхъ, не бывшихъ въ виду ни у Пушкина, ни у г. Щебальскаго, и при этомъ будемъ имѣть случай замѣтить, на сколько эти новыя данныя подкрѣпляютъ или опровергаютъ соображенія новѣйшихъ писателей въ ихъ изслѣдованіяхъ той эпохи.

---

28 іюня 1762 года вступила на русскій престолъ супруга императора Петра Өедоровича, Екатерина Алексѣевна, о чемъ она и извѣстила Россію манифестомъ. Манифестъ этотъ достаточно извѣстенъ. Черезъ девять дней въ церквахъ читали другой манифестъ, не менѣе замѣчательный, извѣщавшій Россію о кончинѣ супруга императрицы, государя Петра Третьяго, послѣдовавшей отъ гемороидальныхъ коликъ.

Глубоко ли тронутъ и пораженъ былъ народъ неожиданной кончиной императора, были ли какія-либо другія причины, или таково было самое положеніе Россіи, только естественное событіе это имѣло важныя послѣдствія: внутреннія смуты долго волновали Россію на всѣхъ ея концахъ и грозили, быть можетъ, поколебать то, что твердо держалось въ ней отъ самаго начала русской земли.

Положеніе Россіи, въ самомъ дѣлѣ, было далеко не такое, какимъ научили насъ понимать его наши историки и поэты. Они изобразили одну свѣтлую сторону славнаго вѣка Фелицы, блескъ

---

[1]) Извѣстно, что задолго до Пугачова явился мнимый Петръ III даже въ Черногоріи — это самозванецъ *Степанъ Малый* (наша статья о немъ помѣщена была въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г.).

и роскошь двора, силу вельможъ и умъ генераловъ, но забыли темную сторону этого времени. Девяносто-девять-сотыхъ жителей Россіи, среднія и низшія ея сословія, ядро населенія сорокадвухъ провинцій, солдаты какъ служащіе, такъ и отставные, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, раскольники всѣхъ толковъ, иновѣрцы и инородцы, и «дикіе люди, покрытые шерстью и чешуей», едвали не въ одномъ воображеніи Державина «проразумѣли блаженство дней своихъ», и

По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ.

Только большіе дворяне, высшее духовенство и крупные чиновники жили счастливо и спокойно продолжали старое дѣло, начатое дѣдами.

Сама императрица, въ Наказѣ, нѣсколькими отрывочными словами, даетъ понять, каково было при ней положеніе крестьянъ и другихъ несвободныхъ сословій. Она говоритъ, что почти всѣ помѣщичьи деревни состоятъ на оброкѣ; что помѣщики, обложивъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей [1]), рѣдко или почти никогда не заглядываютъ въ свои имѣнія и не хотятъ знать, какими способами крестьяне ихъ достаютъ эти деньги; что иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать не видитъ своей избы, добывая положенный оброкъ, и нанимается въ работу въ далекіе города, бродитъ по всему почти государству. Она сама съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что страна, которая до такой степени обременена податями, что только съ большимъ трудомъ народъ можетъ снискивать себѣ пропитаніе и даже вовсе не имѣетъ его, рано или поздно должна обезлюдѣть; что въ ней люди потому убоги, что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои считаютъ не средствомъ къ содержанію себя, а предлогомъ къ удрученію, что народъ закапываетъ въ землю свои деньги, боясь пустить ихъ въ оборотъ; боится казаться богатымъ; боится, чтобъ богатство не навлекло на него гоненія и притѣсненій. Она опровергаетъ странный парадоксъ, порожденный тогдашнимъ взглядомъ на «подлый» народъ, что чѣмъ большія на него наложены дани, тѣмъ больше приходитъ онъ въ состояніе платить ихъ.

Рѣдкіе памятники того времени говорятъ въ пользу благосостоянія низшихъ сословій Россіи. Произволъ помѣщичьяго права прикрывался косвеннымъ толкованіемъ закона и прямымъ потвор-

---

[1]) По тому времени, это — огромный оброкъ, который крестьяне не въ состояніи были уплачивать.

ствомъ мѣстныхъ властей, помѣщиковъ же. Въ видахъ заселенія Сибири, помѣщикамъ дозволено было отсылать крестьянъ «за продерзость» въ Иркутскую провинцію, и они охотно пользовались этимъ правомъ, потому что получали за ссыльныхъ изъ казны большія деньги и зачетныя рекрутскія квитанціи [1]). Въ то время, когда ревизская душа съ землей стоила 30 рублей, помѣщики охотно брали 20 рублей за холостого крестьянина и 15 за женатаго [2]), и они тысячами шли колонизировать сибирскій край, гдѣ ожидала ихъ страшная дороговизна и голодъ. Во всѣхъ поволжскихъ городахъ назначены были сборные пункты для ссыльныхъ, гдѣ ихъ принимали на суда и везли до Самары; оттуда конвой сопровождалъ ихъ до самой Сибири. На такихъ же основаніяхъ гнали въ Иркутскъ и въ дальнія сибирскія мѣста крестьянъ дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, купеческихъ и государственныхъ [3]). Соблазняясь высокой цѣной, которую давали помѣщикамъ всѣ не желавшіе идти въ солдаты, они ставили подъ мѣрку лучшихъ крестьянъ и брали деньги отъ наемщиковъ себѣ. Они, говоритъ одинъ указъ, ведя распутную жизнь, всѣми мѣрами старались достать денегъ на развратъ и роскошь, и вводили въ рекрутскія канцеляріи кого хотѣли и когда хотѣли. Они имѣли право отдавать крестьянъ въ рекруты на три года и снова брать въ домъ или въ вотчину — право, не лишавшее ихъ навсегда рабочей силы, которую они наказывали, но тяжелое для крестьянина. Имъ дозволено было отдавать людей на время въ каторжную работу — право также выгодное, потому что владѣлецъ не тратился на прокормъ и одежду ссыльныхъ, которыхъ продовольствовала адмиралтейская Коллегія отъ казны вмѣстѣ съ каторжниками, и потому что могъ взять своихъ крестьянъ, когда пожелаетъ [4]). Крестьяне и дворовые не имѣли права жаловаться на владѣльца, что бы онъ ни дѣлалъ съ ними, и показаніе ихъ въ этомъ случаѣ ставилось въ урядъ съ показаніемъ ошельмованнаго; ни одинъ чиновникъ не смѣлъ, безъ вѣдома секретаря, писать челобитной простому народу, а въ особенности крестьянамъ [5]). Это отнимало у нихъ всякую возможность защищаться предъ закономъ, и они сносили всякую жестокость, или шли въ Нерчинскъ копать руду; хорошо, если ихъ отсылали въ Рогервикъ.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XV.
[2]) Тамъ же, XVII. 12,319.
[3]) Тамъ же, XV.
[4]) Тамъ же, XVII. 12,311.
[5]) Тамъ же, 12, 648.

Самые добрые изъ владѣльцевъ, пользуясь этими ужасными правами, иногда забывались; а другіе не стѣснялись давать волю своей жестокости.

Въ то время, въ высшихъ слояхъ общества и между богатыми помѣщиками, въ подражаніе двору, завелась роскошь; крестьяне платили оброки не по силамъ; барщинныя работы и частые сгоны отнимали у нихъ послѣднія средства. Между дворянами, какъ мода, завелись азартныя игры; въ ночь проигрывалось богатое состояніе, и взысканіе падало на крестьянъ; за неимѣніемъ денегъ, на карту ставились люди, цѣлыя семьи и деревни, а на утро совершались купчія крѣпости и дарственныя записи на проигранныя имѣнія. Правительство напрасно издавало строгіе указы противъ азартныхъ игоръ—онѣ не уничтожались, потому что было чтò проигрывать.

Тяжела была для крестьянъ такая жизнь, но они не находили ни въ комъ себѣ защиты, не имѣя права челобитья. Дворовымъ людямъ и крестьянамъ генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Лопухина удалось какъ-то подать государынѣ жалобу на своихъ господъ, но правительство жестоко наказало ихъ за это: однихъ сѣкли въ Москвѣ по разнымъ площадямъ, другихъ по селамъ, на родинѣ, и погнали въ Нерчинскъ; крестьянъ бригадира Алсуфьева усмирили войскомъ. Тогда издали указъ противъ челобитья крестьянъ на помѣщиковъ: за первое «дерзновеніе», виновныхъ отсылать въ каторгу на мѣсяцъ; за второе, наказывать публично и на годъ въ каторгу; за третье, сѣчь плетьми и отсылать въ Нерчинскъ навѣчно, съ выдачей помѣщику зачетной рекрутской квитанціи [1]).

Народу казались стѣснительными эти ограниченія и онъ ждалъ лучшаго времени: ему говорили о перемѣнѣ законовъ, объ уменьшеніи помѣщичьяго произвола, наконецъ о томъ, что онъ будетъ платить меньше и работать меньше. Находились люди, бòльшею частью выгнанные чиновники, приказные «не у дѣлъ», дьячки и грамотные церковные служки, которые толковали о какихъ-то новыхъ манифестахъ, о льготахъ, и народъ вѣрилъ имъ, затаивъ злобу противъ господъ и властей, которые, какъ онъ думалъ, скрывали отъ него царскіе указы. Были и такіе изъ грамотныхъ, которые сами сочиняли указы и манифесты и, какъ секретъ, продавали ихъ крестьянамъ; а эти шли съ челобитной по начальству и попадали въ тюрьмы. Чтобы разувѣрить крестьянъ въ неосновательности слуховъ, каждый воскресный и праздничный день, за обѣдней, читали въ церк-

---

[1]) П. С. З. XVIII. 12,966.

вахъ указъ въ опровержение разглашеній, его читали потомъ въ храмовые праздники; сочинителей били кнутомъ и отводили въ Нерчинскъ[1]).

Такіе случаи были нерѣдки и дѣлали крестьянъ подозрительными ко всему, что касалось перемѣны ихъ состоянія. Вѣря всякой выдумкѣ неблагонадежнаго подъячаго, они часто недовѣрчиво выслушивали подлинные сенатскіе указы, если тѣ были писанные, потому что за писанные манифесты имъ нерѣдко доводилось ходить подъ кнутъ и въ каторгу; также непріязненно встрѣчали они и чиновниковъ отъ правительства.

Хорошо, еслибъ то были вспышки нѣсколькихъ недовольныхъ; но недовольныхъ было больше чѣмъ войска въ полкахъ императрицы. То было общее броженіе, дававшее о себѣ знать отдѣльными и, повидимому, безсильными демонстраціями: но демонстраціи эти были слишкомъ часты и похожи одна на другую, чтобъ правительству нечего было опасаться ихъ и не прислушиваться къ общему народному ропоту. Правительство однако считало ихъ, кажется, только выраженіемъ народнаго легкомыслія.

Крестьянскіе бунты наполнили собой все царствованіе Екатерины отъ начала до конца: они предшествовали ея возшествію на престолъ; о нихъ былъ ея второй манифестъ, читанный въ Россіи отъ имени Екатерины вскорѣ послѣ публикованія перваго о принятіи ею русской державы; бунты тревожили государыню въ самую блестящую эпоху славы русскаго оружія и отвлекали войска ея отъ войнъ съ сосѣдями, и крестьянскіе же бунты печалили самый конецъ жизни императрицы. Первый манифестъ о крестьянахъ былъ обнародованъ по поводу какихъ-то ложныхъ слуховъ, ходившихъ въ народѣ и заставившихъ крѣпостное населеніе отлагаться отъ помѣщиковъ вотчинами и цѣлыми уѣздами. Волненіе было всеобщее, и манифестъ обѣщалъ милости однимъ и грозилъ наказаніемъ другихъ. Но ни царская милость, ни царская угроза не были ни достаточнымъ обезпеченіемъ для помѣщиковъ, ни достаточно страшными и успокоительными для крестьянъ. Едвали еще успѣли опубликовать этотъ манифестъ по всѣмъ русскимъ церквамъ, какъ уже въ первыхъ же мѣсяцахъ, лѣтомъ и къ осени, должны были командировать отряды войскъ по всѣмъ направленіямъ, вглубь Россіи. Вспыхнуло возмущеніе въ двухъ смежныхъ уѣздахъ Тверской губерніи, въ Тверскомъ и Клинскомъ, между крестьянами Татищева, Хлопова и почти всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Для усмиренія ихъ посланы были воинскія команды. Но въ то же

---

[1]) П. С. З. XVIII. 12,966.

время обнаружилось волненіе въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ князей Долгоруковыхъ: возстали крестьяне села Воскресенскаго и отказались отъ всякаго повиновенія; ни увѣщанія, ни угрозы ничто не дѣйствовало. Тогда посланъ былъ отрядъ съ генералъ-маіоромъ княземъ Вяземскимъ и съ четырьмя полковыми пушками. Крестьяне собрались въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, ударили въ набатъ и, набѣгая на солдатъ, бросали въ нихъ каменьями, поленьями и всѣмъ, что имѣли; у всѣхъ было оружіе, рогатины и прочіе крестьянскіе доспѣхи. Князь Вяземскій приказалъ пустить въ дѣло артиллерію: началась пушечная пальба; убито было до двадцати человѣкъ непокорныхъ, столько же ранено; главные зачинщики схвачены и разосланы по ближайшимъ городовымъ канцеляріямъ. Прочіе смирились и розданы своимъ помѣщикамъ [1]). Тогда поднимались крестьяне другихъ вотчинъ. Вслѣдъ за княземъ Вяземскимъ отправленъ былъ генералъ-маіоръ Виттенъ съ кирасирами; полкъ его скакалъ на почтовыхъ, чтобы успѣвать тушить волненія, которыя захватывали собой все большее и большее пространство [2]). Усмиряя однихъ, онъ ѣхалъ дальше, потому что бунты зачинались вездѣ, по всей почти Россіи.

Вслѣдъ за приведеніемъ въ повиновеніе непокорныхъ, сенатъ издавалъ грозные указы и увѣщанія, которыя читались народу во всѣ воскресные и праздничные дни, по селамъ, въ приходскихъ церквахъ и по торжкамъ. Но вслѣдъ за усмиреніемъ однихъ недовольныхъ возставали новые, потому что причины недовольства не уничтожались пушками, а оставались все тѣ же.

Въ 1766 году, въ народѣ прошелъ слухъ, что вышелъ будтобы указъ, которымъ велѣно отписывать въ казну крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые облагали ихъ тягчайшими оброками. Крестьяне подали челобитную въ дворцовую канцелярію и конечно не выиграли дѣла. Взяли сочинителя; онъ признался, что писалъ объ указѣ по наслышкѣ. Его жестоко наказали; пострадали и крестьяне [3]).

Но слухи не унялись, и крестьяне по прежнему чего-то ждали. Въ томъ же году послали отрядъ въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ взбунтовалась вотчина помѣщика Фролова-Багрѣева. Бунтовщики убили начальника отряда, ранили двѣнадцать солдатъ; сторону недовольныхъ приняли и волостные мужики ближайшихъ государственныхъ селеній [4]). Во всякомъ чиновникѣ, особенно въ

[1]) Ук. Ек. 1779. 105. 107.
[2]) П. С. З. XV, 11, 577.
[3]) П. С. З. XVII. 12, 633.
[4]) П. С. З. XVII. 12, 669.

военномъ мундирѣ, крестьяне видѣли личнаго врага, еслибъ онъ не былъ даже лицомъ правительственнымъ, и при всякомъ случаѣ, гдѣ могли, выражали ему свою нелюбовь. Нарышкинскіе и Неплюевскіе крестьяне оскорбительно приняли подполковника Рязанова, артиллерійскаго капитана Тавайдакова и поручика Тищева, которые проѣзжали по высочайшему повелѣнію, не дали имъ подводъ, кричали и ругали ихъ, и отбили ружья у солдатъ, которые защищали офицеровъ [1]). Подобная драка произошла въ селѣ Выдропускѣ, гдѣ крестьяне прибили посланнаго изъ военной коллегіи подпоручика Аржевитинова, избили курьеровъ Миллера и Петреуса [2]). Въ 1771 году, произошло волненіе между крестьянами, приписанными къ олонецкимъ Петровскимъ заводамъ [3]); ходаки ихъ отправились въ Петербургъ и долго мотались по столицѣ, собирая слухи и распрашивая о крестьянскомъ дѣлѣ. Все искали тѣхъ же льготъ и облегченій, которыя не давались имъ. Чтобы сдѣлать для крестьянъ тяжелѣе и чувствительнѣе наказаніе, за ослушаніе помѣщичьей волѣ, всѣ дѣла, касавшіяся возмущеній, производились на счетъ крестьянъ: съ нихъ взыскивали всѣ казенныя траты и убытки по слѣдствіямъ, содержанія посылаемыхъ противъ нихъ отрядовъ, стоимость переѣздовъ и проч. [4]).

Тяжелыя подати, при скудныхъ средствахъ, дополняли ихъ несчастіе. Они видимо разорялись. Мы видѣли, что сама императрица укоряла помѣщиковъ за высокій оброкъ и бѣдность крестьянъ. Несвободныя сословія казеннаго вѣдомства страдали не меньше помѣщичьихъ отъ приведенія въ исполненіе необдуманныхъ и несвоевременныхъ распоряженій. Въ сибирскихъ провинціяхъ, для продовольствія войскъ и въ видахъ улучшенія хлѣбопашества, велѣно было собирать оброкъ хлѣбомъ и пенькой. Крестьяне не слушались; они говорили, что хлѣба и конопли имъ взять негдѣ; что земля не родитъ; просили дозволить имъ платить деньгами. Имъ не дозволяли и наказывали ослушниковъ. Тогда они совершенно отреклись отъ поставки провіанта и роптали на отягощеніе [5]). Цѣлой Исетской провинціи, заселенной десятками тысячъ крестьянъ, также приказано было, вмѣсто денежной подушной платы, возить муку и овесъ въ крѣпости по линіи, гдѣ располагались войска. А эти крѣпо-

---

[1]) П. С. З. XVII. 12, 853.
[2]) П. С. З. XVIII. 13. 333.
[3]) П. С. З. XIX. 13, 589.
[4]) Ук. Ек. 1763. 1.
[5]) П. С. З. XVI. 11, 633.

сти и форпосты разсѣяны были по всей Оренбургской губерніи, по Яику внизъ и въ верхъ къ Сибири, и въ глубинѣ степей; разстоянія были большія; дорогъ вовсе не существовало. Каждый крестьянскій дворъ, или четыре души, долженъ былъ поставить по 3 четверти и 6 четвериковъ хлѣба. Крестьяне жаловались на большіе переѣзды, давали деньги; казенные пріемщики полагали на каждый возъ «приметки», которые брали себѣ [1]). Въ 1769 году, на всѣхъ крестьянахъ казеннаго вѣдомства, исключая ландмилиціонныхъ однодворцевъ, тептяръ, мещеряковъ и бобылей Оренбургской губерніи, положили подати по два рубли въ годъ, съ ревизской души, сверхъ «семигривеннаго» подушнаго сбора, который они платили по старому плакату; въ это число включили также крестьянъ, приписанныхъ къ государственнымъ и частнымъ заводамъ. Такую неумѣренную прибавку оправдывали тѣмъ, что въ Россіи возвысились цѣны на продукты и на всѣ предметы потребленія, и что притомъ помѣщичьи крестьяне стали платить своимъ господамъ гораздо высшія подати противъ прежнихъ. Даже рабочіе при Нерчинскихъ заводахъ и поселенные тамъ рекруты, сверхъ положенной работы, платили подушный окладъ; при страшной дороговизнѣ въ тѣхъ краяхъ, недоимки накоплялись съ каждымъ годомъ. Несостоятельность низшихъ классовъ была такъ извѣстна правительству, что, при началѣ одной изъ турецкихъ войнъ, когда въ государственномъ совѣтѣ говорили о поборѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи, графъ Никита Ивановичъ Панинъ представлялъ, что надо положить вдвое, тогда заплатятъ половину [2]). Такъ было и вездѣ.

Но не одни помѣщичьи и казенные крестьяне ждали улучшенія своей участи и роптали. Едвали не большій ропотъ слышался въ духовныхъ вотчинахъ, въ помѣстьяхъ синода, архіереевъ и монастырей. Отмѣняя «непорядки и неполезныя установленія», допущенныя въ предъидущее царствованіе, Екатерина, чрезъ мѣсяцъ по вступленіи на престолъ, возвратила монастырямъ ихъ имѣнія, которыя отобралъ у церкви Петръ Великій, «ревнуя о дѣлахъ Божіихъ», какъ сказано въ указѣ; она велѣла брать съ крестьянъ не больше рубля съ души, или употреблять ихъ на работу по прежнимъ уставамъ, велѣла только обращаться съ ними «благоумѣренно». Но по обыкновенію во многихъ мѣстахъ явились комментаторы этого указа; подъячіе истолковали его ложно; крестьяне повѣрили и не только отказались платить оброкъ, но не хотѣли работать; начались бунты

---

[1]) П. С. З. XIX. 13, 422.

[2]) Храпов. Отеч. Зап. Св. VII, 138.

и своевольства. Недовольные писали челобитныя за челобитными; во многихъ вотчинахъ мужики разбили хлѣбные магазины и взяли весь казенный запасъ, сняли и свезли въ свои амбары хлѣбъ съ полей, засѣянныхъ казенными сѣменами; самовольно скосили сѣно на казенныхъ лугахъ. Бунтовщиковъ хватали и сажали подъ караулъ; не схваченные подавали челобитныя и никого не слушались. Наряжена была коммиссія для разбора неудовольствій между крестьянами и духовенствомъ; крестьяне конечно проиграли, потому что имъ велѣно было повиноваться своимъ владѣльцамъ «съ подобострастіемъ». И опять издали строгій указъ противъ ослушниковъ, и цѣлые полгода читали его по церквамъ [1].

Черезъ годъ вспыхнулъ бунтъ въ помѣстьяхъ московскаго Данилова монастыря и Воскресенскаго Новоіерусалимскаго. Противъ бунтовщиковъ пошли военныя команды; крестьянъ пересѣкли плетьми при собраніи всѣхъ вотчинныхъ людей, а главныхъ «заводчиковъ» постигла ссылка [2]). Не смотря на строгія мѣры и на два указа о духовныхъ имѣніяхъ, крестьяне не переставали добиваться своихъ правъ: въ Тульскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ Николаевскаго Венева монастыря, да въ Ряжскомъ уѣздѣ, между крестьянами Рязанскаго архіерейскаго дома, села Князева-Займища, ходили по рукамъ и читались, фальшиво сочиненные, указы, будто бы копіи съ печатнаго, объ отрѣшеніи отъ монастырей вотчинъ и «о разверстаніи казенныхъ земель крестьянамъ по себѣ» [3]).

Во все продолженіе XVIII столѣтія судьба нашихъ раскольниковъ представляетъ картину неравной борьбы слабаго съ сильнымъ. Первая половина этого столѣтія ознаменована неутомимымъ преслѣдованіемъ сектантовъ, которые толпами бѣжали за границу, спасая то, что имъ казалось дорого. Тѣ, которые оставались въ Россіи, или скрывали свои непозволительныя убѣжденія, оставаясь при отцовскихъ вѣрованіяхъ, или должны были терпѣть все, къ чему ихъ присуждало правительство, если открыто признавали свою «истинную, старую вѣру». Такое положеніе дѣлъ, конечно, и не казалось бы стѣснительнымъ для государства, еслибъ у насъ были какія нибудь сотни или тысячи сектантовъ, но ихъ считали милліонами; они составляли значительный процентъ въ населеніи Россіи. А потому положеніе раскольниковъ, изъ которыхъ было очень много крестьянъ равныхъ

---

[1]) П. С. З. XVI. 11,730.
[2]) П. С. З. XVI. 11,865.
[3]) П. С. З. XVI. 11,945.

вѣдомствъ, и положеніе самыхъ крестьянъ тѣсно связаны между собою и взаимно объясняются.

Екатерина II, чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ принятія русской державы, приглашая изъ за-границы охотниковъ всѣхъ націй, кромѣ евреевъ, на поселеніе въ Россіи, предлагала и раскольникамъ воротиться на родину и записаться въ какое угодно званіе, съ обязательствомъ платить двойной окладъ наравнѣ съ прочими старовѣрами. Она «наиторжественнѣйше» обѣщала, что имъ прощаются всѣ вины и проступки, что ихъ не будутъ истязать ни за какое старое преступленіе; избавятъ отъ бритья бородъ и указнаго платья, дадутъ для поселенія самыя богатыя земли [1]). Раскольники охотно выходили изъ за-границы, тѣмъ болѣе что между ними было много помѣщичьихъ крестьянъ, которые дѣлались свободными, а помѣщику зачитались за рекрута. Но они не въ состояніи были платить двойного оброка, когда и нераскольники жаловались на тяжесть податей. Потому раскольники дополнили собой картину бѣдствій Россіи: они отказывались отъ двойного оклада; ихъ принуждали платить, преслѣдовали, особенно провинціальные чиновники. Бунты были не рѣдкостью; только съ раскольниками обращались круче, чѣмъ съ помѣщичьими крестьянами: ихъ прямо высылали въ Сибирь и рѣдко миловали. Чтобъ избавиться отъ двойного оклада, а еще больше отъ постоянныхъ увѣщаній чиновниковъ бросить старую вѣру, раскольники убѣгали въ скиты, разсѣянные по лѣсамъ или жгли себя.

Дворцовые, экономическіе и помѣщичьи крестьяне бѣгали изъ своихъ вотчинъ, основывали по лѣсамъ скиты и пустыни и постригались въ монахи. Команды сыщиковъ проникали въ лѣсъ, уничтожали раскольничьи кельи и возвращали бѣглыхъ на родину. Многіе изъ старцевъ поступали въ православные монастыри, даже въ ставропигіальные, возводились въ званіе іеромонаховъ и іеродіаконовъ: ихъ брали, растригали и отдавали въ прежнія вѣдомства; только о высшихъ духовныхъ чинахъ представлялось синоду [2]). Въ Орлѣ и по уѣзду между крестьянами открылась какая-то новая ересь; къ ней пристали помѣщичьи люди. Къ нимъ, по именному повелѣнію, посланъ былъ полковникъ Волковъ: дѣло кончилось кнутомъ и ссылками [3]).

Не въ лучшихъ отношеніяхъ находилось правительство къ инородцамъ, которыми заселена была вся восточная половина Россіи и сибирскія провинціи. Татары, киргизъ-кайсаки, баш-

---

[1]) Ук. Ек. 1779. 161, 167, 171.
[2]) П. С. З. XIX. 13,405.
[3]) П. С. З. XIX. 13,838.

киры, мордва, чуваши, черемисы, вотяки, тептяри и прочіе ясачные народы, не чувствуя, быть можетъ, нравственнаго униженія, какое должны были сносить отъ нашихъ коммиссаровъ, кажется, слишкомъ хорошо чувствовали всю тяжесть матеріальной зависимости отъ русскаго чиновника. Калмыки, состоя подъ безъотчетной опекой нашихъ приставовъ, лишены были права личныхъ сношеній съ русскими; безъ вѣдома пристава ни въ одномъ калмыцкомъ семействѣ, ни въ одной кибиткѣ не могло быть написано письмо къ русскому мужику, живущему по сосѣдству, хотя бы дѣло шло о продажѣ верблюда; еще меньше они могли писать къ властямъ о защитѣ противъ придирокъ приставовъ: ни одна жалоба не выходила изъ - за черты улуса, а если провозилась тайно въ ближайшій городъ, то возвращалась приставу для разслѣдованія.

Калмыки не видѣли исхода изъ этого тяжелаго положенія: легче было дать о себѣ вѣсть въ Пекинъ, чѣмъ въ Казань или Астрахань, а еще менѣе писать въ Москву и Петербургъ. Они дѣйствительно тайно снеслись съ Китайскимъ правительствомъ, и въ 1771 году болѣе тридцати тысячъ кибитокъ перекочевало въ Азію. Русскіе слишкомъ поздно замѣтили свою ошибку.

Въ это время дѣятельно производилось обращеніе татаръ въ православіе. По городамъ и селеніямъ магометане имѣли свои мечети и кладбища. Въ мелкихъ селеніяхъ мечети велѣно было сломать и дозволено строить только тамъ, гдѣ считалось отъ двухсотъ до трехсотъ душъ мужескаго пола по послѣдней ревизіи; гдѣ не доставало, велѣли приписывать ближайшія деревни и переселять въ одно мѣсто. Въ иныхъ селахъ было смѣшанное населеніе: гдѣ крещеные составляли десятую часть, ихъ выводили насильно и селили съ русскими; а гдѣ больше, тѣхъ не трогали, за то и мечетей не велѣли строить. Крещеные не хотѣли оставить своихъ селъ, гдѣ похоронены ихъ предки; ихъ уводили силой; магометане съ своей стороны не смѣли нарушить законъ пророка и требовали оставить имъ молитвенные дома, гдѣ бы можно было поминать умершихъ. Новокрещеннымъ давались льготы; уменьшенъ подушный окладъ, они не знали рекрутской повинности: а съ магометанъ брали подати и рекрутъ. Магометане злобились на перекрещенцевъ, ненавидѣли русскихъ, не любили правительства: татары возставали противъ татаръ и русскихъ; заводились ссоры, драки, убійства, поруганіе креста [1]). Въ Тобольской, Иркутской, Тамбовской, Оренбургской, Симбирской, Рязанской и Астраханской губерніяхъ, вездѣ

[1]) П. С. З. XIX. 13, 490.

были наши проповѣдники, силою убѣжденія, а еще болѣе страхомъ идущаго вблизи закона, приводившіе невѣрныхъ ко Христу: самъ сибирскій губернаторъ Чичеринъ доносилъ сенату, до какого раззоренія доводили народъ эти проповѣдники; они не знали иновѣрческихъ языковъ, иновѣрцы не знали по-русски, и проповѣдь слова Божія оканчивалась грабежомъ. Иновѣрцы возненавидѣли проповѣдниковъ и не могли быть преданы правительству. Замѣтно было волненіе и между казанскими татарами, которые роптали на притѣсненія чиновниковъ, въ особенности слышались неудовольствія со стороны слободскихъ служилыхъ татаръ: сначала тѣснили ихъ земскіе старосты и посадскіе люди; отнимали у татаръ всякую свободу дѣйствія; прижимали и обижали гдѣ могли и чѣмъ могли; грозили судомъ и судьями, «хотя ихъ московскою волокитою изволочить». Въ 1762 году, въ гостинномъ дворѣ и въ другихъ торговыхъ рядахъ, казанскіе чиновники запечатали 29 вотчинныхъ и казенныхъ лавокъ съ татарскими товарами и деньгами, запретили имъ торговать, обижали и раззоряли ихъ. Татары жаловались сенату, ссылались на прежнія заслуги прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ «изстари отъ казанскаго взятья [1]).» Также самоуправно запечатаны были лавки и лавочки ямскихъ людей; чиновники запретили татарамъ торговать, хотя имъ совершенно нечѣмъ было жить, за неимѣніемъ земли. Лишась послѣдняго промысла, татары пришли въ нищету, потому что до того времени они только тѣмъ и перебивались, что скупали и продавали на рынкахъ старое платье, тряпье и всякую ветошь, шили обувь, носили на базаръ съѣстные припасы; ихъ стали гонять съ рынковъ, ловили и сажали подъ караулъ. Татары снова жаловались сенату, что отъ самоуправства чиновниковъ пришли «во всеконечное раззореніе и убожество [2]).» Все это поселяло взаимную вражду между двумя народностями и дополняло общую картину неурядицы. Въ это время производилась народная перепись; велѣно было вносить въ ревизскія сказки женскія души: инородцы Уфимской и Исетской провинцій говорили, что женщины переписываются для включенія въ подушный окладъ; что подати удвоятся. Чиновники по личнымъ соображеніямъ утверждали ихъ въ этой нелѣпости, а потому для усмиренія общей тревоги, которая могла быть опасна для правительства, не велѣно было писать въ сказки женщинъ ни у тептярей, ни у бобылей [3]). Ясачные инородцы потому страдали

[1]) П. С. З. XVI. 11, 888,
[2]) П. С. З. XVI. 11, 889.
[3]) П. С. З. XVI. 11, 615.

болѣе другихъ, что по тогдашнему чиновному выраженію, были «безгласны,» и, не зная по-русски, они не могли ни оправдываться противъ обвиненій, ни сами уличать притѣснителей; чиновники, собирая ясакъ, брали съ нихъ вдвое, а когда ихъ обвиняли въ лихоимствѣ, говорили, что «взятокъ никогда не бирывали»—тѣмъ дѣло и кончалось, потому что инородцы не могли доказать ихъ воровства. Якуты, тунгусы, чукчи, братскіе казаки и другіе инородцы, раззоряемые сибирскими дворянами и дѣтьми боярскими, которые, какъ говоритъ пѣсня, собирали ясакъ:

Изъ-за сабли острыя,
Изъ-за крови горячія,

поднялись наконецъ противъ грабежа чиновниковъ. Правительство командировало туда князя Щербатова съ отрядомъ [1]).

Не хуже того умѣли дѣйствовать чиновники и внутри Россіи, гдѣ, едва ли еще не дѣятельнѣе чѣмъ въ Азіи, производился своего рода сборъ ясака. Дѣла въ судахъ тянулись долго; старая «московская волокита» перешагнула за порогъ Петровыхъ преобразованій и изъ приказовъ перешла въ коллегіи и провинціальныя канцеляріи; всякое дѣло въ рукахъ опытнаго судьи дѣлалось безконечнымъ, и Екатерину пугала эта плодовитость канцелярской литературы; она сама понимала всю тяжесть для правой и неправой стороны «хитро сплетенныхъ происковъ», которыми удлинялись дѣла, и повелѣвала сенату найти способъ избавиться отъ этого положенія. «Прошу Бога, да поможетъ вамъ», говоритъ она сенаторамъ въ концѣ указа [2]); но послѣдствія не оправдали ея ожиданій. Не смотря на безпрестанно повторяемые указы, чтобъ «въ судахъ обитали правосудіе и истина и чтобъ ни знатность вельможъ, ни сила богатыхъ не могли помрачить совѣсти и правды, а бѣдность вдовъ и сиротъ, тщетно проливая слезы, не утѣснялась въ правыхъ дѣлахъ», не смотря наконецъ на «недремлющее око» губернаторовъ, — по всѣмъ судамъ сидѣли «помраченныя души», которыя грабили праваго и виноватаго. А между тѣмъ никто не смѣлъ подавать челобитныхъ на имя государыни, и она сама, искавшая правды въ судахъ, называла такихъ «невѣжами и наглецами». Самоуправство чиновниковъ доходило до того, что въ 1768 году въ Оренбургѣ вспыхнуло возмущеніе между купечествомъ. Отъ правительства наряжена была коммиссія, и всѣ члены магистрата жестоко на-

---

[1]) П. С. З. XVI. 11, 749.
[2]) П. С. З. XVI. 11, 624.

казаны [1]). Чиновники умѣли пользоваться всѣмъ: вѣря будтобы показаніямъ кликушъ, которыхъ тогда было такое множество въ Россіи, что противъ нихъ неоднократно издавались сенатскіе указы, судьи брали подъ караулъ и истязали тѣхъ, кого кликуши выкликали во время литургіи. По предварительному договору съ судьями, кликуши въ болѣзненныхъ припадкахъ показывали именно на тѣхъ, къ кому хотѣлось бы прицѣпиться чиновникамъ: такъ обыкновенно выкликались скупые и богатые купцы, зажиточные мужики и проч. Но другіе чиновники добродушно вѣрили ясновидѣнію бабъ, и мучили всѣхъ, кого тѣ, по злобѣ или по зависти, выкликали въ церкви, и народъ все терпѣлъ до поры до времени.

Не смотря на то, что взятки заклеймены были позорными именами, «душевреднымъ лихоимствомъ», «мерзкимъ лакомствомъ,» назывались гнусными, — взятки существовали повсемѣстно. Черезъ три недѣли по восшествіи на престолъ, Екатерина издала особый манифестъ о взяткахъ, въ которомъ говорится, что «лихоимство до такой степени возрасло въ Россіи, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялось. Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветъ — обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто — всѣ происки свои, хитрые, подкрѣпляетъ дарами.» Но особенно въ глуши производились страшные грабежи бѣдныхъ людей. «Мы, говоритъ Екатерина, содрогнулись, услышавъ отъ князя Дашкова, который проѣзжалъ чрезъ Новгородъ, что регистраторъ тамошней губернской канцеляріи Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ людей къ присягѣ, бралъ и за присягу съ каждаго деньги [2]).» Валуйскій воевода Клементьевъ и канцеляристъ Богровъ точно такимъ же образомъ «къ лихоимственнымъ взяткамъ касались» и, подобно Ремберу, брали съ присягавшихъ [3]). Но то ли еще было!

Императрица издавала манифесты; сенатъ посылалъ грозные указы: но въ тѣхъ и другихъ всегда повторялось одно и то же, что «къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что все это напрасно, что въ дальнихъ провинціяхъ дѣла идутъ медленно и производятся безсовѣстно, что отъ насилія и лихоимства, или лучше сказать, отъ самыхъ грабежей, народъ приходитъ во всеконечное раззореніе и убожество.» Думали, это происходитъ от-

---

1) П. С. З. XVIII. 13, 101.
2) Ук. Ек. 1762. 37—38.
3) П. С. З. XVI. 12, 233.

того, что къ должностямъ отсылались люди недостаточные, неимѣвшіе дневнаго пропитанія; что въ суды,—какъ въ богадѣльни, сажались члены только для прокорма себя и своихъ семействъ; что неимущихъ судей побуждаетъ къ лихоимству угнетающая бѣдность, а другіе невѣжды отважно поступали на всякое предпріятіе, подъ предводительствомъ своихъ подчиненныхъ; грабили во всемъ: досмотрами по вальдмейстерской инструкціи, въ предупрежденію порубки казенныхъ лѣсовъ, въ починкѣ дорогъ, при дачѣ паспортовъ, при переоброчкахъ казенныхъ мѣстъ, въ дачѣ квитанцій въ ношеніи указнаго раскольничьяго платья, при высылкѣ въ канцеляріи съ указными платежами, вездѣ и во всемъ выдумывали разные способы къ грабежу подъ разными «претекстами» какіе только «на мысль представить можно [3]).» Даже духовенство увлеклось общимъ стремленіемъ: одинъ священникъ, вымогая у одного крестьянина, приглянувшійся ему, рѣзной складень, а у другого пятьдесятъ копѣекъ, болѣе недѣли не хотѣлъ хоронить умершихъ, такъ что тѣла издавали злосмрадный духъ, текла пересадная кровь изъ труповъ по лавкамъ и помосту и въ тѣлахъ завелись черви [2]). Объ этихъ случаяхъ узнавало правительство; а мало ли было такихъ, о которыхъ оно не знало?

Объ извѣстныхъ случаяхъ публиковали по государству — но напрасно. Положили чиновникамъ жалованье: но ни жалованье, ни манифесты и строгіе сенатскіе указы, ни примѣрныя наказанія на площадяхъ, ни политическія казни, ни самый Нерчинскъ, — ничто не въ силахъ было измѣнить существовавшаго порядка дѣлъ. «Душевредное лихоимство» и «гнусные взятки» такъ срослись съ натурой русскаго чиновника, что ихъ нельзя было искоренить и такими мѣрами. Вѣрноподданные продолжали «прикасаться къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ». Губернаторамъ была дана власть отрѣшать отъ должности всякаго изобличеннаго во взяточничествѣ: но изобличать было некому. Да и кто осмѣлился бы донести на взяточника, когда самаго праваго доказщика ожидалъ допросъ «подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ,» особенно если доказщикъ былъ изъ «подлаго» званія? «Матернее» милосердіе доброй императрицы не могло дать того счастія Россіи, какого она желала ей.

Не смотря на уничтоженіе тайной канцеляріи, которая представляла такое широкое поприще произволу чиновниковъ; не

---

[1]) П. С. З. XVI. 11, 938.
[2]) П. С. З. XVIII.

смотря на то, что уже не существовало «ненавистное израженіе — *слово* и *дѣло*,» — пытки оставались во всей силѣ. Истязанія на допросахъ различались по пріемамъ, которыми пытали подсудимыхъ: были собственно пытки и пристрастія; второго рода пытка называлась также допросомъ пристрастнымъ: «допрашивать пристрастно,» то-есть «подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ,» какъ тогда выражались, дозволено было во всѣхъ дѣлахъ, вслѣдъ за словеснымъ увѣщаніемъ. Въ пыткахъ велѣно было избѣгать напраснаго кровопролитія: но кровь продолжала литься.

Къ довершенію общаго зла, народный покой нарушенъ былъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвой и въ особенности принятыми противъ нея мѣрами. Между тѣмъ по рукамъ ходили фальшивые манифесты и указы, подававшіе народу несбыточныя надежды; сочинялись пасквили и подметныя письма, разглашались возмутительныя извѣстія о такихъ предметахъ, которые волновали чернь; часто повторялись рекрутскіе наборы для пополненія войскъ къ войнѣ съ турками.

Моровая язва разстроила, и безъ того уже непрочный, механизмъ государства. По всѣмъ дорогамъ устроены были заставы и карантины; народная дѣятельность стѣснена была до послѣдней возможности, и никто не хотѣлъ повиноваться непривычнымъ мѣрамъ. Въ общемъ бѣдствіи народъ видѣлъ какой-то особенный смыслъ и ждалъ чего-то необыкновеннаго. Тревожась такимъ положеніемъ государства, императрица издала манифестъ, которымъ тщетно старалась возвратить Россіи утраченное спокойствіе. Никто не хотѣлъ идти въ карантины; незараженные прятали зараженныхъ отъ глазъ полицейскаго начальства и не давали больныхъ; они оставляли свои дома, разнося повсюду ужасъ и заразу, которую уже сами по себѣ чувствовали; иные тайно выносили изъ дому мертвецовъ и кидали на улицахъ непогребенными [1]). Другіе пробирались въ опустошенные дома и грабили оставшееся имущество. Такихъ казнили тамъ — гдѣ заставали [2]).

Къ осени 1762 года, въ Казанской губерніи, по деревнямъ и селамъ, приписаннымъ къ заводамъ графа Шувалова, разъѣзжали крестьяне съ копіями какого-то высочайшаго манифеста и возбуждали народъ къ неповиновенію. Манифестъ былъ фальшивый. Въ немъ, какъ выразилась императрица, находились «самыя пасквильныя рѣчи.» Этотъ фальшивый манифестъ объяв-

---

¹) П. С. З. XIX. 13, 653.

²) П. С. З. XIX. 13, 676.

лялъ, что государственные крестьяне, отданные архіереямъ и монастырямъ и приписанные къ заводамъ, отнюдь не должны работать на заводахъ, и снова обращаются въ ясачные. Тѣ, которые развозили копіи этого манифеста и читали крестьянамъ, требовали, чтобы они отказались отъ работъ; отъ однихъ брали подписку, что тѣ не станутъ работать, а другихъ били, выгоняли изъ деревень и умерщвляли. Волненіе распространилось между всѣми заводскими крестьянами. Тогда изъ Казани посланы были нарочные по всѣмъ деревнямъ объявить народу, что тотъ манифестъ — ложный. Но крестьяне, въ каждой деревнѣ, вооруженные дубьемъ и дрекольемъ, выходили противъ нарочныхъ, запирали ихъ въ караульную избу, грозили, и высылали вонъ, говоря, что если губернская канцелярія вышлетъ къ нимъ и большія команды, то и тогда они той губернской канцеляріи слушать ни въ чемъ не будутъ; что инструкція, данная нарочнымъ, фальшивая.

Съ большимъ трудомъ возстановлено было спокойствіе между заводскими крестьянами. Оказалось, что манифестъ этотъ сочиненъ былъ какимъ-то дьячкомъ [2]).

Но такихъ манифестовъ ходило тогда много по Россіи и всѣ они принимались народомъ съ полной вѣрой и волновали его. Между фальшивыми манифестами разносились и пасквили такого же возмутительнаго содержанія. Одинъ изъ нихъ, пущенный въ народъ, былъ перехваченъ правительствомъ. Имѣя форму именного указа, онъ начинался слѣдующими словами: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ» и проч.; оканчивался текстомъ: *въ юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ.*» Угрожающій тонъ пасквиля заставилъ обратить на него вниманіе правительства. Сенатъ публиковалъ въ народъ, что «нескладное сочиненіе пасквиля произошло отъ самаго подлаго и глупаго духа,» что сочинитель его заслуживаетъ жесточайшаго истязанія, и должно быть поругано самое перо того дерзкаго, который оказался виновнымъ и презрительнымъ предъ государыней и народомъ. Пасквиль былъ сожженъ рукою палача, на сенатской площади, съ барабаннымъ боемъ, и сенатъ публиковалъ, что тотъ получитъ 100 рублей, кто укажетъ сочинителя [3]). Но никто не указывалъ. Также сожжены были палачами въ Москвѣ, на Красной площади, при многочисленномъ собра-

---

[1]) П. С. З. XIX. 13, 676.
[2]) Ук. Ек. 1769. 152, 155.
[3]) П. С. З. XVI. 12,089.

ніи народа, «ругательныя сочиненія,» въ которыхъ, какъ сказано въ указѣ, «многихъ фамилій, обоего пола, персоны обижены,» и снова велѣно было искать пасквилантовъ [1]). Чрезъ годъ, въ Ярославѣ публично наказывали плетьми и сослали въ Нерчинскъ двороваго человѣка г. Михайлова, Андрея Крылова, у котораго нашли пасквильное письмо, подобное сожженному въ Петербургѣ и ходившее по рукамъ между простымъ народомъ. Письмо было также сожжено въ Ярославѣ [2]).

Всѣ эти обстоятельства не проходили безслѣдно. Они оставались въ памяти народа, которая берегла ихъ до поры — до времени. По всей Россіи ходили странные толки; они касались всего и были нехорошимъ предзнаменованіемъ; многому давался таинственный смыслъ. Къ несчастію было много причинъ, поддерживавшихъ въ народѣ это опасное расположеніе умовъ. Толки и слухи, конечно въ очищенномъ и приличномъ видѣ, доходили до трона и тревожили императрицу, но къ сожалѣнію не въ такой степени, въ какой они были опасны и угрожающими сами по себѣ. Чтобъ унять эти толки, императрица издала манифестъ, въ которомъ говорится, что въ Россіи являются «извращенныхъ нравовъ и мыслей люди,» которые, будучи заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, до нихъ совершенно не касающихся, заражаютъ и другихъ слабоумныхъ, что они своими истолкованіями дерзостно касаются всего священнаго». Она увѣщеваетъ этихъ «зараженныхъ неспокойными мыслями» оставить всякія вредныя разсужденія, а, въ противномъ случаѣ, грозила, что этихъ «невѣждей» не минуетъ наказаніе [3]). Но ничто не помогло. Являлись люди, которые открыто шли противъ существовавшаго порядка. Чрезъ четыре мѣсяца послѣ возшествія на престолъ императрицы, — въ самомъ Петербургѣ открытъ былъ заговоръ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, изъ которыхъ одинъ Хрущевъ обвиненъ въ «изблеваніи оскорбленія величества» и въ возмущеніи народа; прочіе были участниками заговора. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого явился Яготинецъ, бывшій житель Ахтырки, который также возбуждалъ народъ противъ правительства; но былъ пойманъ и сосланъ въ Нерчинскъ [4]). Въ бывшую тогда Турецкую войну изъ за-границы явились къ намъ монахи за подаяніемъ на восточныя церкви; они ходили по всѣмъ домамъ, и, какъ иностранцы, не стѣсняясь, говорили о такихъ

---

[1]) П. С. З. XVII. 12,313.
[2]) П. С. З. XVIII. 12,890.
[3]) П. С. З. XVII. 833.
[4]) П. С. З. XVIII. 13,039.

предметахъ, которые вводили въ соблазнъ русскихъ, или, какъ выразился сенатъ, «болтали все, что имъ въ голову не придетъ.» Ихъ не велѣно было пускать въ Россію [1]).

Настали памятные семидесятые годы. Публикованіе фальшивыхъ манифестовъ, бунты, вспышки въ самыхъ темныхъ углахъ Россіи, повсемѣстные разбои, начиная отъ отважныхъ подвиговъ «понизовой вольницы» и кончая грабежами пограничныхъ шаекъ, движеніе въ народѣ и тяжелое предчувствіе чего-то недобраго въ передовыхъ людяхъ государства, выразившееся горькою ироніею въ литературѣ — опасные симптомы въ болѣзненномъ организмѣ государства и дурные вѣстники. Въ періодическихъ изданіяхъ того времени видимъ постоянныя жалобы на взяточничество, на притѣсненіе судей; ѣдкіе сарказмы казнятъ все, что только пользовалось властью и значеніемъ, злоупотребляя и то и другое.

II.

Въ древней Россіи, передъ всякимъ общимъ несчастіемъ, являлись на небѣ знаменія; ходили «по аеру» хвостатыя звѣзды; на церквахъ, въ полночь, звонили колокола сами собой; слышны были стоны и плачь невѣдомый; помрачалось солнце; изъ сухого дерева иконъ текли слезы и проч., — и народъ ждалъ бѣды, и бѣда приходила. Въ болѣе новыя времена, такія значенія грядущей кары замѣнялись народными жалобами, которыя сдѣлались особенно замѣтны и сильны въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Уже современники и очевидцы этого страшнаго акта нашей исторіи, но только не наши соотечественники, а иностранцы, дышавшіе не тѣмъ воздухомъ, который вдыхало привыкшее къ тому русское общество, замѣчали, что какая-то кровавая драма была неизбѣжна, вслѣдствіе всего склада общества, да и народъ не могъ долѣе выносить своего тяжкаго положенія. Одинъ иностранный писатель, прожившій въ Россіи восемь лѣтъ и бывшій очевидцемъ пугачовскаго мятежа, бросаетъ прямо въ глаза помѣщикамъ жесткій упрекъ въ безчеловѣчныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Какъ свѣжаго человѣка, его поражали такія явленія, которыя тогдашнему русскому обществу казались нормальными и естественными, потому что приглядѣлись. Ему бросалось въ глаза, напримѣръ, то обстоятельство, что дворяне

---

[1]) П. С. З. XVIII. 13,372.

не рѣдко въ обмѣнъ за одну собаку давали двухъ мужиковъ [1]). Это обидно для человѣчества, говоритъ онъ, и потому если тѣ, которые промѣниваются на собаку, и должны спрятать свое человѣческое чувство, все же они остаются людьми и должны считать себя глубоко оскорбленными, если придаютъ хотя какую либо маленькую цѣну своему существованію. Дворянинъ, который при всякомъ случаѣ даетъ знать своему подвластному, что онъ не ставитъ его выше животнаго, долженъ быть имъ не навидимъ, и лишь только этотъ презираемый почувствуетъ себя довольно сильнымъ, онъ долженъ жестоко отплатить своему притѣснителю за то, что тотъ его ни во что ставилъ. Это многократно подтверждалось во время пугачовскаго мятежа. Но жаль тѣхъ, прибавляетъ онъ, которые невинно пострадали [2]).

Вообще отзывы этого современника о событіяхъ, волновавшихъ тогдашнюю Россію, носятъ на себѣ слѣды большей добросовѣстности и знанія дѣла, чѣмъ являвшіяся въ Европѣ, вслѣдъ за усмиреніемъ пугачовскаго мятежа, разныя описанія, расчитывавшія на эффектъ и удовлетворявшія праздному любопытству читателей западной Европы. И эти описанія были тѣмъ невѣроятнѣе, что въ самой Россіи о Пугачовѣ почти ничего не было печатано, а каждый русскій тогдашняго времени зналъ о главныхъ фактахъ пронесшейся надъ Россіею грозы по разсказамъ другихъ. — Уже въ самый годъ казни Пугачова, въ Лондонѣ явилась въ печати на французскомъ языкѣ брошюра, въ которой не было сказано ничего новаго кромѣ того, что публиковалось тогда у насъ оффиціально въ указахъ и манифестахъ, хотя тѣмъ не менѣе брошюрѣ старались придать занимательность, указавъ, что разсказъ о Пугачовѣ переведенъ съ русскаго оригинала, и приложивъ къ брошюрѣ портретъ самозванца. Портретъ изображаетъ его не то итальянцемъ, не то испанцемъ, съ маленькими чорненькими усиками, въ мерлушчатой шапкѣ, какія носили крымскіе татары, и въ мѣховой шубѣ, то же въ родѣ татарской. Внизу портрета подпись: *Jemelian Pugatschew.* Самой брошюрѣ предпосылается эпиграфъ: «Le crime a ses héros, ainsi que la vertu [3]).»

Эта же брошюра, для удовлетворенія любопытству нѣмец-

---

[1]) .....«dass Edelleute zwei Bauern um einen Hund weggegeben haben.»

[2]) Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland, nebst enigen Beiträgen zur Empörungs Geschichte Pugatschews, während eines achtjährigen Aufenthalts gesamlet von einem Augenzeugen. Prag. u. Leipzig. 1792.

[3]) Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemeljan Pugatschew. D'après l'original russe de M-r F. S. G. W. D. B. Avec le portrait de l'imposteur et des notes historiques et politiques. A Londre, chez C. H. Seyffert. 1775, in 8°.

кихъ читателей, была переведена вскорѣ и на нѣмецкій языкъ, и къ ней также приложенъ портретъ самозванца, видимо снятый съ перваго лондонскаго изданія брошюры [1]).

Но еще раньше этого перевода, въ Германіи появилось особое сочиненіе о Пугачовѣ, авторъ котораго говоритъ, что хотя для чести человѣчества и слѣдовало предать полному забвенію всѣ безчеловѣчія, производимыя Пугачовымъ въ Россіи, но какъ событіе это занимало весь міръ, и газеты большею частью распространяли о немъ неосновательныя извѣстія, «то мы и рѣшились, говоритъ авторъ, о всѣхъ безчеловѣчныхъ дѣяніяхъ самозванца и о его казни сообщить обстоятельныя извѣстія, извлеченныя изъ русскихъ оригиналовъ.» Къ этому послѣднему описанію, какъ и къ первымъ двумъ брошюрамъ, приложенъ поясной портретъ Пугачова: дикая, съ огромными глазами, физіономія; усы, длиною по четверти, спускаются на грудь; на головѣ нѣчто въ родѣ казацкой шапки, съ верхомъ, который спускается почти до пояса; на плечахъ родъ польскаго кунтуша, вмѣсто шубы, какъ его у насъ изображаютъ; за поясомъ сабля. Подъ портретомъ подпись: «Wahre Abbildung des Rebellens Jemelian Pugatschew.»

Содержаніе этого сочиненія не богаче предъидущихъ и все почти основано на публикованныхъ въ то время объявленіяхъ и манифестахъ [2]).

Таинственная личность самозванца долго не могла потерять обаятельной силы для европейскихъ читателей, и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія о немъ ходили въ Европѣ разныя сочиненія, какъ напримѣръ, изданная въ 1807 году во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ книжка [3]), и въ особенности баснословная и романтическая повѣсть, сочиненная Аделаидою Ордѐ [4]), которая,

---

[1]) Leben und Abentheuer des berüchtigsten Rebellen Jemeljan Pugatschew, welcher sich in dem südlichen Ruszland für Peter III ausgab. Nach dem ruszischen Original des Hrn. F. S. G. W. D. B. in das französische und aus diesem in das deutsche übersetzt. London, 1676, in 8⁰. Въ концѣ приложенъ манифестъ императрицы Екатерины II и резолюція о казни Пугачова и его сообщниковъ.

[2]) Zuverlässige Nachricht von der Verrätherey und den Verwüstungen des Jemelka Pugatschew, nebst einer Beschreibung seiner Hinrichtung. Mit Kupfern, Schwabach. 1775, in 8⁰.

[3]) Leben, Thaten, und Ende des berüchtigen Rebellen Jemeljan Pugatschews. Frankfurt u. Leipzig, 1807, in 8⁰. Сочиненіе это также опирается на авторитетъ самовидцевъ (Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Jemeljan Pugatschew, und der von denselben angestifteten Empörung, aus glaubwürdigen Quellen u. der Aussagen unverdächtiger Augenzeugen vorgetragen).

[4]) Histoire de Pugatschew. Par Adélaïde Hordé, élève du conservatoire. A Paris 1809. Два тома in 8⁰. Къ книгѣ приложенъ эпиграфъ:

между прочимъ, говоритъ, что «Пугачовъ, поставленный въ другія условія или по крайней мѣрѣ родившійся подъ другимъ небомъ, былъ бы защитникомъ отечества [1]).» Кромѣ того, по словамъ этой писательницы, Пугачовъ былъ, какъ оказывается, сыномъ любви и притомъ довольно странной [2]).

Относительно мотивовъ, побудившихъ Пугачова принять на себя имя умершаго императора, существовали весьма разнообразныя мнѣнія [3]), точно также какъ и о томъ, что онъ былъ орудіемъ какихъ-то тайно дѣйствовавшихъ интригъ. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи сказано было новое слово: если не въ появленіи, то въ усиленіи Пугачова, въ первое время его похожденій, подозрѣваютъ сильное вліяніе раскольниковъ. Пугачовъ самъ указалъ на это обстоятельство, когда съ него снимали допросы въ секретныхъ коммиссіяхъ въ Оренбургѣ и Яицкомъ-Городкѣ. Допросы эти, какъ видно, не были извѣстны Пушкину при составленіи имъ «Исторіи Пугачевскаго бунта,» и напечатаны только недавно [4]); г. Щебальскій воспользовался ими, и за тѣмъ у него подъ руками, какъ онъ говоритъ, не было почти ничего новаго, не напечатаннаго. Въ одной принадлежащей намъ рукописи, сообщенной саратовскимъ старожиломъ Никитинымъ 2-мъ [5]), положительно говорится, что Пуга-

---

Heureux, cént fois heureux, si ce coeur magnanime
Eût fait pour la vertu ce qu'il fit pour le crime.

Вѣроятно на это сочиненіе Аделаиды Ордѐ намекаетъ авторъ приведенныхъ нами выше «Bemerkungen etc.», говоря, что во Франціи вышла книга о Пугачовѣ, и что этой книгѣ многіе вѣрятъ; но, прибавляетъ онъ, это жизнеописаніе, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, есть ни что иное, какъ измышленіе праздной головы, которая этимъ способомъ старалась, безъ сомнѣнія, зашибить малую толику денегъ (die Erfindung eines müssigen Kopfes, der sich ohne Zweifel dadurch ein Stück Geld zu verschaffen suchte).» Bemerkungen, 210.

[1]) A. Hordé, I, 2.

[2]) Она говоритъ, что самое распространенное мнѣніе, будто Пугачовъ родился отъ знатныхъ родителей (fils d'un chef de ces cosaques). Его отецъ былъ взятъ въ плѣнъ при Прутѣ съ Петромъ I. Послѣ отца Емельянъ остался маленькимъ, подъ присмотромъ матери. «La veuve oublie bientôt qu'elle était mère, et livrée à tous les plaisirs d'un amour illicite avec un Pope (amour qu'elle avait entretenu du vivant même de son mari et dont elle brulait encore malgré les glaces de l'âge).... она покинула своего сына и т. д.»

[3]) Историкъ походовъ Суворова, Ф. Антингъ, между прочимъ говоритъ, что, находясь однажды, еще въ молодости, въ Черкаскѣ, Пугачовъ помогъ какъ-то одной дѣвочкѣ напоить коней въ рѣкѣ; дѣвочка поблагодарила его, сказавъ, что онъ будетъ царемъ (empereur). Depuis ce temps-là cette idée roulait toujours dans sa tête. (Les Campagnes etc., F. Anthing).

[4]) Чтен. императ. общества истор. и древностей 1858, 1859 г.

[5]) Рукопись эта называется: «Воспоминанія прошедшаго». Отрывокъ изъ нея напечатанъ нами въ «Саратов. Губ. Вѣд.» 1860 г. №№ 22, 23.

човъ нашелъ сильную поддержку у раскольниковъ, обитавшихъ въ воронежскихъ лѣсахъ, гдѣ его принялъ какой-то Никита раскольникъ и предложилъ услуги своихъ единомышленниковъ.

Мы не станемъ слѣдить за Пугачовымъ и за ходомъ всего мятежа со дня появленія самозванца, и такимъ образомъ повторять то, что уже было извѣстно изъ монографіи Пушкина и вообще изъ всего, что было печатаемо въ Россіи объ этой эпохѣ до сихъ поръ. Мы намѣрены дополнить прежнія изслѣдованія о Пугачовѣ нѣкоторыми новыми данными, не бывшими въ виду у прежнихъ историковъ Пугачовщины, и по возможности опредѣлить точнѣе характеръ и значеніе этого явленія въ исторической жизни русскаго государства.

До какой степени затѣянное Пугачовымъ дѣло было произведеніемъ всей суммы государственныхъ и общественныхъ условій, въ которыхъ находилась Россія, видно изъ того, какъ мгновенно потрясены были всѣ низшіе слои населенія государства при первой вѣсти о смутахъ за Волгой, тогда какъ высшія сословія, повидимому, ничего не подозрѣвали, беззаботно продолжая свою обычную веселую жизнь. Въ то время, когда все поволжье лихорадочно волновалось, когда уже нѣсколько крѣпостей было въ рукахъ Пугачова и бѣлое съ раскольничьимъ крестомъ знамя развѣвалось на форпостныхъ каланчахъ, Петербургъ и Москва ничего не знали. Любопытно слѣдить деньза-день, по тогдашнимъ русскимъ газетамъ и по лѣтописямъ Пугачовщины, какъ за успѣхами Пугачова въ первое время его появленія, такъ и за тѣмъ, что̀ въ невѣдѣніи творилось въ эти самыя числа въ нашихъ столицахъ. Послѣднія числа сентября 1773 года, когда Пугачовъ бралъ одинъ за другимъ военные посты, расположенные по Яицкой линіи, когда передъ нимъ сдавались, почти безъ сопротивленія, крѣпости Илецкая, Розсыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернорѣченская, Сакмарскій-Городокъ и крѣпость Пречистенская, эти именно числа ознаменовались въ Петербургѣ рядомъ торжествъ, блестящими балами, роскошными ужинами при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Когда по заволжью крѣпостныя пушки или отказывались стрѣлять, или стрѣляли весьма неудачно по мятежникамъ, въ Петербургѣ, по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ Натальею Алексѣевною, пушечная пальба не прекращалась, гремѣла музыка, читались торжественныя рѣчи. Или, наконецъ, перечитывая тогдашнія «Московскія Вѣдомости», именно отъ 19 октября, мы находимъ поразительный контрастъ между тѣмъ, что̀ писалось въ этихъ «Вѣдомостяхъ» и что̀ читаемъ, подъ тѣмъ же числомъ, въ запискахъ Рычкова. Высшія

сословія Москвы празднуютъ августѣйшую свадьбу, въ стѣнахъ московскаго университета поется сочиненная на этотъ торжественный случай кантата:

Пойте музы восхищенны
Бракомъ Павла до небесъ,
О! коль въ свѣтѣ вы блаженны —
Родъ Петровъ воскреснетъ здѣсь, и т. д. [1]).

А между тѣмъ Оренбургъ, обложенный со всѣхъ сторонъ мятежниками, чувствуетъ уже недостатокъ въ припасахъ, высылаетъ сильный отрядъ на фуражировку, и изъ этого отряда въ стычкѣ съ толпами Пугачова погибаетъ разомъ 300 человѣкъ. Мало того: когда высшія сословія въ Москвѣ ликуютъ, городъ иллюминованъ, въ богатыхъ домахъ гремитъ бальная музыка, въ этой же Москвѣ, по разнымъ захолустьямъ, по кабакамъ, начинаются уже сходбища, перешептыванья, чтенія пугачовскихъ манифестовъ. Одинъ иностранецъ, бывшій въ то время въ этомъ городѣ, говоритъ, что молва о существованіи самозванца быстро разнеслась по Москвѣ; не было никакого сомнѣнія, что первый манифестъ Пугачовъ распространилъ въ древней столицѣ посредствомъ своихъ сообщниковъ («durch besondere Emiszare»). Публикованіе его началось въ кабакахъ, гдѣ тотчасъ же произошли сходбища и тайныя совѣщанія о появившемся царѣ [2]). Затѣмъ, когда въ городѣ начали уже говорить гласно о яицкихъ событіяхъ, не было никакой возможности не только остановить распространеніе зловѣщихъ слуховъ, но и помѣшать тайнымъ сходбищамъ народа, между коимъ молва о царѣ и его первыхъ подвигахъ расходилась посредствомъ передачи яицкихъ извѣстій изъ устъ въ уста.

III.

Одинъ Петербургъ долго ничего не зналъ о сѣверовосточныхъ событіяхъ, которыя съ каждымъ днемъ принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Какъ въ Оренбургѣ первая вѣсть о появленіи Пугачова застала всѣхъ въ расплохъ, во время губернаторскаго бала, такъ и въ Петербургѣ первое извѣ-

---

[1]) «Московскія Вѣдомости» 1773 г., № 85.

[2]) «Die erste Publication dieses Manifestes geschah in den öffentlichen Kronschenken oder Kabaken» (Bemerkung. 175). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разглашенія дѣлались даже на базарахъ.

стіе о немъ, почти чрезъ мѣсяцъ, получено было во время празднованія бракосочетанія Павла Петровича съ первою супругою.

Вблизи театра дѣйствій, состояніе умовъ было въ высшей степени тревожное. Въ Казани въ это время находилось много поляковъ и французскихъ офицеровъ, которые прежде служили въ войскѣ конфедератовъ и взятые, во время перваго раздѣла Польши, въ плѣнъ русскими войсками, разосланы были на житье въ отдаленныя губерніи. Въ Казани такимъ образомъ находились нѣкоторые изъ польскихъ конфедератовъ, какъ-то графъ Потоцкій, одинъ изъ Пулавскихъ и др. Одинъ французскій офицеръ, находившійся на службѣ конфедератовъ и вмѣстѣ съ прочими взятый русскими въ плѣнъ и отосланный въ Сибирь, возвращаясь оттуда черезъ Казань въ самомъ началѣ успѣховъ Пугачова, внесъ въ свой дневникъ весьма любопытныя и до сихъ поръ неизвѣстныя въ русской печати подробности о тогдашнихъ событіяхъ въ Казани, о первомъ пораженіи русскихъ правительственныхъ войскъ подъ предводительствомъ генерала Кара, о способѣ веденія войны Пугачовымъ, о его стратегическихъ дарованіяхъ какъ полководца, о состояніи его войска и проч. Дневникъ этотъ вышелъ на французскомъ языкѣ, вскорѣ послѣ казни Пугачова, и мы пользовались имъ въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ въ Амстердамѣ, въ 1776 году [1]).

Всѣхъ плѣнныхъ конфедератовъ (какъ поляковъ, такъ и французовъ) считалось тогда въ Казани болѣе полутораста человѣкъ. Присутствіе ихъ еще болѣе увеличивало опасенія жителей, тѣмъ болѣе, что говорили, будто конфедераты намѣрены войти въ тайныя сношенія съ казанскими татарами и вмѣстѣ съ ними произвести возстаніе [2]). Въ это время находился тамъ одинъ русскій князь [3]), сопровождавшій свой полкъ изъ То-

[1]) Tagebuch eines Französischen Officiers in Diensten der Pohlnischen Konfederazion, welcher von den Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen worden. Amsterdam, 1776.

[2]) Tagebuch, 55.

[3]) — «dessen Namen ich, um seine Ehre zu schonen, nicht nennen will», говоритъ иностранецъ, потому что князь этотъ велъ себя въ Казани не совсѣмъ благовидно. Дѣло въ томъ, что на одномъ большомъ оффиціальномъ балѣ, который давалъ казанскій губернаторъ, князь этотъ подпилъ и вступилъ въ споръ съ графомъ Потоцкимъ. Дѣло не ограничилось одними словами, и князь пошелъ на Потоцкаго съ кулаками. Вступился губернаторъ. Князь схватился за шпагу, показывая видъ, что хочетъ употребить ее противъ губернатора. Этотъ послѣдній («der eben so wacker als grosmüthig ist,» прибавляетъ иностранецъ) напомнилъ ему о неприличіи его поведенія, и когда озлобленный князь приказалъ своимъ людямъ дать графу Потоцкому 300 палокъ («Stockprügel oder Batoggen»), по возвращеніи его домой, губернаторъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, приставилъ къ квартирѣ Потоцкаго вооруженный караулъ изъ 15 человѣкъ и отдалъ приказъ стрѣлять во всякаго, кто бы онъ ни былъ, если только онъ осмѣлится употребить насиліе въ отношеніи графа Потоцкаго (Tagebuch, 53—54).

больска и Томска въ Грузію, который, поссорившись съ графомъ Потоцкимъ и съ казанскимъ губернаторомъ, донесъ ко двору объ опасности, угрожавшей Казани отъ польскихъ и французскихъ плѣнныхъ офицеровъ, и они послѣ того были отправлены въ Сибирь.

Но хотя неизвѣстный князь и обвинялъ казанскаго губернатора, которымъ былъ тогда фонъ-Брантъ, въ измѣнѣ и сочувствіи къ плѣннымъ, однако этотъ дряхлый старикъ, при всей своей ненаходчивости, долженъ былъ принять какія либо мѣры противъ угрожавшей опасности, до той поры, когда Петербургъ могъ подать ему руку помощи. Средства его были жалкія, а волненіе въ умахъ народа усиливалось и смута разливалась по поволжью какъ степной пожаръ.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ появленія самозванца, оффиціальные ордеры и промеморіи разнесли вѣсть о Пугачовѣ по всѣмъ сѣверовосточнымъ городамъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, которымъ наиболѣе могла угрожать опасность. Промеморіи и ордеры были, конечно, строго «секретные.» Но раньше оффиціальныхъ бумагъ молва разнесла эту вѣсть по селамъ и деревнямъ, по всѣмъ уголкамъ цѣлой половины восточной Россіи, и народъ перешептывался, смутно вѣря неслыханному событію. «Царь проявился... живъ государь Петръ Ѳедоровичъ,» толковали крестьяне, возвращаясь по домамъ съ ярмарокъ и базаровъ, и привозили эту вѣсть въ свои села, въ свои семейства. А между тѣмъ подъячіе, возвращаясь изъ своихъ канцелярій, гдѣ они переписывали ордеры и промеморіи о самозванцѣ, также перешептывались между собою, придавая особый колоритъ извѣстіямъ о Пугачовѣ.

Прежде всего, вслѣдствіе распоряженій перепуганнаго фонъ-Бранта, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по всѣмъ воеводскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ низовыхъ городовъ толковалось «о взятьи осторожности отъ собравшейся изъ яицкихъ казаковъ злодѣйской возмутительной толпы.» Предосторожности принимались пока только на бумагѣ, а между тѣмъ около Оренбурга разыгрывались уже кровавыя драмы, и смута моремъ разливалась во всѣ стороны. Понизовые подъячіе, воеводы и коменданты узнали черезъ нѣсколько дней, «что опасность отъ сихъ злодѣевъ не умаляется, а прибавляется даже до того, что около Оренбурга взяли уже четыре крѣпости (взято было семь), и въ самой близости къ Оренбургу находясь, идутъ на оной съ немалою артиллеріею и многими силами;» узнали наконецъ подъячіе и воеводы, что посланные оренбургскимъ губернаторомъ на встрѣчу бунтовщикамъ отряды «сдѣлалисѣ неисполнителями

его предписанія,» т. е. частью передались на сторону бунтовщиковъ, частью были перебиты.

Въ это же время власти понизовыхъ городовъ узнали секретнымъ образомъ слѣдующее:

Матерія всего возмущенія состоитъ въ томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачовъ назвалъ себя ложно бывшимъ третьимъ Петромъ императоромъ и тѣмъ сдѣлался начальникомъ показанной злодѣйской толпѣ, и намѣреваются итти по помѣщичьимъ жительствамъ, преклоняя крестьянъ въ свою волю, обнадеживаніемъ дать волю [1]).

Для понизовыхъ властей и подъячихъ такой случай былъ не новость: ровно за годъ до этого они видѣли, какъ наказывали кнутомъ подобнаго лже-императора Богомолова и его государственнаго секретаря [2]). Но паденіе нѣсколькихъ крѣпостей заставило ихъ задуматься. Надо было принять мѣры уже не на бумагѣ только, потому что съ театра возмущенія доходили вѣсти одна другой нерадостнѣе, и дѣло, повидимому, принимало серьезный оборотъ. Такъ какъ все среднее и нижнее Поволжье, начиная отъ Казани до Каспійскаго моря, входило въ составъ двухъ губерній, Казанской и Астраханской, и какъ въ руководителяхъ яицкихъ смутъ и въ лицѣ самозванца, какъ донского уроженца и казака, предполагалась возможность тѣсной солидарности съ донскими казаками, то охраненіе Поволжья и должно было составить главную заботу властей всего этого края, въ ожиданіи того чѣмъ разыграется яицкое дѣло. Чтобы пресѣчь мятежникамъ сообщеніе съ правой стороной Поволжья и, въ случаѣ если они будутъ разбиты подъ Оренбургомъ, перерѣзать отступленіе къ Дону, куда всего скорѣе, какъ думали тогда, могъ пробраться Пугачовъ съ своими шайками, Брантъ приказалъ генералу Миллеру собрать по крайней мѣрѣ до 500 человѣкъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, поселенныхъ въ Казанской губерніи, и вооружить ихъ чѣмъ только можно для охраненія

---

[1]) Архивныя дѣла города Царицына. Дѣла эти, въ 1858 году, извлечены изъ царицынскаго архива Н. И. Костомаровымъ въ бытность его тамъ и нереданы намъ вмѣстѣ съ архивными дѣлами города Петровска. Дѣла эти богаты замѣчательными подробностями относительно разсматриваемой нами эпохи. Затѣмъ мы пользовались также подлинными дѣлами о Пугачовщинѣ, извлеченными нами изъ старыхъ архивовъ въ Саратовѣ. Сверхъ рукописей объ этомъ предметѣ, имѣющихся въ Императорской публичной библіотекѣ, мы имѣемъ рукописные матеріалы, полученные нами отъ частныхъ лицъ, отъ В. И. Ламанскаго, И. С. Аксакова (доставленныя ему П. И. Пашино), гг. Шишкиныхъ и др.

[2]) Въ «Парусѣ» (1859 г., № 1) помѣщена нами особая статья о предшественникѣ Пугачова: «Самозванецъ Богомоловъ.»

границъ Оренбургской губерніи по направленію къ Волгѣ. Такъ жалки были средства, которыми на первый разъ думали защитить Поволжье. Изъ этихъ пяти-сотъ отставныхъ, а слѣдовательно большею частью неспособныхъ ни къ чему воиновъ, надлежало формировать два отряда, поставивъ одинъ около Кечунскаго фельдшанца, а другой между этимъ фельдшанцемъ и городомъ Ставрополемъ, на Черемшанѣ. Отряды снабжены были инструкціями относительно дѣйствій противъ шаекъ возмутителей и «окончательнаго ихъ истребленія» (это считали дѣломъ такимъ легкимъ). Въ то же время во всѣхъ селеніяхъ, лежащихъ къ границѣ Оренбургской губерніи, велѣно было публиковать обывателямъ о томъ, какъ имъ дѣйствовать въ случаѣ появленія мятежниковъ [1]).

Разумѣется, эти распоряженія, казавшіяся тогда важными, на дѣлѣ оказались пустой канцелярской болтовней, потому что всѣ обыватели, которымъ велѣно было «недреманнымъ окомъ» наблюдать за появленіемъ возмутителей, спали и видѣли, когда

---

[1]) «Чтобъ они (обыватели) отъ вышеписанныхъ собравшихся злодѣевъ яицкихъ казаковъ имѣли надлежащую осторожность, и, въ случаѣ ихъ разбойническихъ набѣговъ, ни до какого себя разоренія не допускали; не меньше же сего, если, паче чаянія, будутъ они дѣлать какія воровскія и измѣнническія размышленія со обнадеживаніемъ о дачѣ какихъ либо льготъ, то отнюдь тому не вѣрить и никаковыхъ ихъ разсказовъ не слушать и, ничѣмъ не прельщаясь, не приходить ни въ каковыя развратныя помышленія, а тѣмъ паче въ малѣйшее отъ настоящаго порядка замѣшательство, подъ опасеніемъ съ виновными строжайшаго по указамъ поступка и тяжкаго осужденія.»

«Чтобъ они, для лучшаго себя охраненія отъ всякой могущей быть въ семъ случаѣ опасности, впереди своихъ селеніевъ ко Оренбургской и Яицкой сторонамъ, имѣли чрезъ нарочныхъ развѣдываніе, не разъѣзжаютъ ли гдѣ помянутые собравшіеся изъ яицкихъ казаковъ злодѣи, и ежели гдѣ окажутся, то тотчасъ давать знать поставленнымъ по опредѣленію его высокопревосходительства генералъ-маіора Миллера изъ поселенныхъ отставныхъ около Кечунскаго фельдшанца и между онаго и Ставрополя на срединѣ командамъ, и обще съ ними старались бы всѣми образы и не щадя живота своего переловить и со всѣмъ истребить тѣ злодѣйскія собранія.»

«Если сіи злодѣи отправленными отъ господина Оренбургскаго губернатора командами будутъ разбиты, то какъ обыкновенно есть отчаеннымъ злодѣямъ сыскивать отъ поиску себя закрытіе разными образи, и потому они въ маломъ числѣ людей непремѣнно должны будутъ потаеннымъ образомъ и глухими дорогами пробираться, и сего ради имъ, обывателямъ, въ каждомъ жительствѣ накрѣпко смотрѣть и недреманнымъ окомъ наблюдать, чтобъ оные злодѣи ни подъ какимъ видомъ и нигдѣ ни малѣйшаго пристанища и мѣста не имѣли, въ разсужденіи чего никого, а особливо казаковъ, кромѣ проходящихъ и проѣзжихъ изъ жительства въ жительство обывателей, также и съ указными отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ воинскихъ командъ письменными пропусками, не пропущали бъ, а всѣхъ таковыхъ неизвѣстныхъ людей и безъ письменныхъ указныхъ видовъ бравъ, и подъ карауломъ представляли въ вышеписанныя команды» (*О Пугачовѣ*, главное архивное дѣло въ Царицынѣ).

они къ нимъ придутъ, чтобы только соединиться съ ними и общими силами добывать себѣ волю. Если бы мѣстныя власти имѣли въ своемъ распоряженіи и не такія жалкія средства, съ какими приходилось защищаться противъ сообщниковъ Пугачова, и если бы тщедушные гарнизонные солдаты, эта «негодница» по выраженію Бибикова, съ жалкими начальниками, которыхъ тотъ же Бибиковъ въ письмѣ къ Чернышеву называетъ «скаредами и срамцами», и могли дѣйствовать энергически, даже отчаянно, то всѣ усилія ихъ разбились бы о народную нелюбовь ко всему, что тѣснило и сосало до сихъ поръ народъ въ видѣ представителей законнаго порядка того времени.

IV.

Первая же серьезная стычка съ непріятелемъ доказала, чего можно было ожидать не только отъ народа, но и отъ войскъ. Эта первая встрѣча войскъ императрицы съ толпами Пугачова, въ открытомъ полѣ, кончилась пораженіемъ Кара, главнокомандующаго войсками, посланными противъ мятежниковъ, и Чернышева, находившагося подъ его командою. Съ Каромъ и Чернышевымъ была уже не одна «негодница», не одни «срамцы и скареды», но правильно организованное войско.

Подробности о пораженіи Кара до сихъ поръ у насъ никому не были извѣстны. Его странное бѣгство въ Москву все еще остается какимъ-то непонятнымъ, недосказаннымъ фактомъ. Нѣтъ объ этомъ прямыхъ извѣстій ни у Рычкова, изъ лѣтописи котораго черпалъ Пушкинъ, ни у Обухова, ни въ другихъ рукописяхъ[1]),

---

[1]) Т. е., Публичной библіотеки: а) «О началѣ яицкихъ неспокойствъ» и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 года, 87 л., скороп. XVIII вѣка (по катал. церковно-славянс. и русс. рукоп., отд. II, XVIII, «исторія», № 35, изъ собранія Фролова). — б) «О злодѣйствахъ и бунтѣ разбойника и самозванца Пугачова», соч. стат. сов. Петр. Рычковымъ. Списана 1785 г. въ Спб., 145 лис. скорон. (тамъ же, № 36). — в) Рычкова краткій экстрактъ о башкирскомъ народѣ и др. статьи, пис. для гр. П. И. Панина въ 1774 г., 319 стр. и прибавленія (скороп.). — г) «О Емеліанѣ Пугачовѣ», отрывокъ, 19 лист., скороп., XIX в. (катал. II, XVIII, т. 31. См. катал. отд. V, № 109). — д) Записки Обухова, отъ 28 октября 1773 года и до 28 марта 1774 г. (Опис. рукоп. гр. Толстаго, отд. IV, № 48, 51 л.)

Впрочемъ, одинъ слышанный нами устный разсказъ о *первой* неудачѣ правительственныхъ войскъ, заставляетъ предполагать, что разсказъ этотъ относится къ пораженію Кара. — Когда въ первый разъ сошлись царскія войска съ Пугачовскими, Пугачъ выѣхалъ впередъ и сказалъ царскому войску:

— Какъ вы смѣете идти противъ своего царя?

— Ты не царь, а самозванецъ, сказалъ генералъ.

ни у самаго Пушкина, ни у П. К. Щебальскаго наконецъ [1]). Извѣстно было только, что Каръ смѣло двинулся къ Оренбургу, отдѣливъ часть своего войска, подъ начальствомъ Чернышева, вѣроятно желая охватить непріятеля съ двухъ сторонъ. Затѣмъ, безъ всякой видимой причины, круто повернулъ назадъ, покинулъ и войско и ввѣренный ему край и ускакалъ въ Москву. Мы имѣемъ теперь возможность пополнить этотъ пробѣлъ въ исторіи мятежа, и намъ будетъ понятно отступленіе Кара, которое всѣмъ почему-то казалось загадочнымъ. По словамъ иностранныхъ офицеровъ, бывшихъ очевидцами первой встрѣчи русскаго полководца съ Пугачовымъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Каръ сдѣлалъ ту ошибку (unrecht gethan...), что напалъ на непріятеля, не разузнавъ предварительно ни о расположеніи мятежническаго войска, ни о численныхъ силахъ врага. Въ ту минуту, когда обѣ арміи стояли уже въ виду одна другой, Каръ видѣлъ только небольшую толпу казаковъ въ боевомъ порядкѣ, которые, однако, казалось, стояли очень смѣло и, повидимому, ожидали немедленнаго нападенія. Каръ и сдѣлалъ это нападеніе, приказавъ прямо ударить на нихъ. Но когда онъ приблизился на ружейный выстрѣлъ, казаки, сдѣлавъ полуоборотъ, раздались вправо и влѣво и тѣмъ открыли ряды стоявшаго за ними войска. Каръ очутился лицомъ къ лицу съ непріятельскою артиллеріею: мятежники грянули изъ тридцати пушекъ, которыя дѣйствовали губительно, потому что и расположены были весьма удачно и, повидимому, управлялись хорошими артиллеристами. Но хотя Каръ и видѣлъ, что его войско пришло въ совершенное смятеніе — частью побросало оружіе, частью передалось непріятелю, однако онъ не потерялъ присутствія духа, а напротивъ изъ остатка своей арміи тотчасъ сдѣлалъ батальонъ-каре и ретировался «приличнымъ образомъ» т. е. въ порядкѣ [2]), не смотря на сильное безпокойство, причиненное ему сначала пушками. Непріятель не переставалъ однако преслѣдовать его, нападая со

— Я тебѣ покажу, что я царь, сказалъ Пугачъ: чьи у тебя пушки?

— Царскія.

— Это мои пушки, говоритъ Пугачъ: — они противъ своего царя стрѣлять не станутъ.

— Попробуемъ, говоритъ генералъ.

— Пробуйте, говоритъ Пугачъ.

Пушки не выстрѣлили — сгорѣлъ только порохъ на затравкахъ. Царскія ружья также не выстрѣлили. Тогда всѣ солдаты присягнули Пугачу. Пугачъ сказалъ генералу: «Пойди и скажи царицѣ, чтобъ прислала поумнѣй тебя.»

Тогда и прислали умнаго генерала, который и разбилъ Пугача.

[1]) Исторія Пугач. бунта, Пушкина.—Нач. и хар. Пугач., П. Щебальскаго, 60—61.

[2]) ...«auf eine anständige Art», какъ говорятъ самовидцы (Tagebuch, 197).

всѣхъ сторонъ. Семьнадцать верстъ Каръ слѣдовалъ такимъ образомъ по глубокому снѣгу, который доходилъ до колѣнъ; не испытавъ однако болѣе сильнаго натиска непріятеля, и достигнувъ наконецъ до одной деревни, онъ поспѣшилъ устроить небольшіе ретраншементы, которые, въ случаѣ нужды, могли защитить его. Здѣсь онъ возстановилъ въ остаткахъ своего войска должный порядокъ и больной уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ отставленъ отъ службы [1]).

Къ этимъ подробностямъ первой стычки Кара съ мятежниками прибавляютъ еще разсказъ о маневрѣ, къ которому прибѣгли сообщники Пугачова, и который поколебалъ мужество правительственнаго войска. Въ началѣ битвы, одинъ пугачовскій казакъ приблизился къ рядамъ императорскаго войска, и, прокричавъ двоекратно: ура! громкимъ голосомъ сказалъ къ солдатамъ: «именемъ вашего истиннаго и справедливаго государя, который теперь находится здѣсь, объявляю вамъ, что если вы не послушаетесь его приказаній и его воли, то онъ будетъ считать васъ бунтовщиками, если же, напротивъ, вы возвратитесь подъ его знамена, то онъ пожалуетъ васъ съ свойственною его великому милосердію добротою.» Въ то же время, другой казакъ, воспользовавшись замѣшательствомъ Кара, прочиталъ передъ императорскимъ войскомъ манифестъ самозванца, какъ бы общаго ихъ повелителя, и оба затѣмъ ускакали въ толпу мятежниковъ.

Вѣсть о пораженіи Кара съ быстротою молніи облетѣла всю восточную половину Россіи. Изъ Казани бѣжало все, что могло спасаться. Бѣжала и жена губернатора [2]). Страшная вѣсть пришла въ Москву, гдѣ уже громко заговорили, что Каръ положительно разбитъ и бѣжалъ, что войско отказалось сражаться противъ таинственной личности [3]). Говорили, что съ войскомъ мятежниковъ, кромѣ загадочной личности самого предводителя, разъѣзжаютъ еще какія-то двѣ переодѣтыя особы. Иные добавляли, что это были два брата принца Ивана (Антоновича?), умершаго въ заточеніи. Объ этомъ заключали изъ того, что никто не зналъ, что съ ними сдѣлалось потомъ и гдѣ они находились. Многіе думали, что они успѣли бѣжать въ Персію и получили какъ отъ

---

[1]) Вообще говорится, что Каръ впалъ въ немилость, отданъ подъ военный судъ и проч., какъ значится и въ извѣстныхъ у насъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ (Tagebuch, 197).

[2]) «Sie kahm aber mit ihrer Familie zurück (замѣчаетъ авторъ Tagebuch'a) und beruhigte durch ihre Wiederkunft die ganze Stadt, deren Einwohner sich bald darauf ebenfalls wieder einstelleten» (199).

[3]) ... «sich geweigert hätte, gegen den vermeinten Peter III zu fechten.» Bemerkungen, 176.

персіянъ, такъ и отъ турокъ значительную помощь войскомъ и деньгами [1]). Хотя это были пустые слухи, но ихъ опровергнуть нельзя было, потому что въ пользу слуховъ говорило полное пораженіе и гибель Чернышева, котораго самозванецъ повѣсилъ вмѣстѣ съ 36 офицерами [2]); въ пользу этого говорило пораженіе и бѣгство другихъ отрядовъ, которые выступали противъ мятежниковъ.

Всѣмъ извѣстны, затѣмъ, обстоятельства назначенія главнокомандующимъ Бибикова, пріѣздъ его въ Казань, возбужденный имъ энтузіазмъ казанскаго дворянства. Однако, едва ли кто знаетъ о тѣхъ дерзкихъ попыткахъ Пугачова, которыя могли отнять самоувѣренность даже у этого умнаго и неустрашимаго полководца. Едва самозванецъ узналъ о его пріѣздѣ, какъ приказалъ впереди своего стана поставить висѣлицу и написать на ней золотыми буквами: *Бибикову*. Затѣмъ, отпуская въ Казань одного плѣннаго, онъ сказалъ ему: «Читай это, и запомни хорошенько... Ступай къ Бибикову и скажи ему, что я сдержу свое слово». Посланный въ точности исполнилъ порученіе. Нѣсколько дней спустя, Бибиковъ проѣзжалъ по одной изъ улицъ въ Казани. Какой-то вооруженный татаринъ, верхомъ на конѣ, остановилъ экипажъ генерала подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы сообщить ему нѣчто важное, и обратился къ Бибикову съ такими словами, которыя сильно смутили его. Повторивъ сказанное Пугачовымъ и прибавивъ еще болѣе сильную угрозу, татаринъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ. «Я замѣтилъ, говоритъ самовидецъ, бывшій при этомъ случаѣ, что эта угроза произвела на генерала сильное впечатлѣніе. Онъ сталъ унылъ и задумчивъ. Я сожалѣю о томъ, добавляетъ очевидецъ, потому что онъ честный человѣкъ [3]).

Впрочемъ и нельзя было не придти въ смущеніе при томъ состояніи, въ какомъ находился весь край. Бибиковъ видѣлъ, что Казань, изъ которой почти все бѣжало, была наполнена только одними арестантами. Это былъ сборный пунктъ всѣхъ

[1]) Tagebuch, 198 — 199 («allein, добавляетъ конфедератъ, diesz alles waren blosse Gerüchte, die man nicht beweisen konnte»). Впрочемъ, молва эта была всеобщая и волновала не одинъ простой народъ.

[2]) Въ Tagebuch показано 37. Тутъ же говорится, что Пугачовъ взялъ 9 русскихъ пушекъ, снова потомъ разбилъ другой отрядъ, гдѣ повѣсилъ 9 офицеровъ, и затѣмъ разбилъ отрядъ гвардіи въ 500 человѣкъ, ѣхавшихъ изъ Петербурга на почтовыхъ.

[3]) Tagebuch, 200 — 201. Угроза, произнесенная татариномъ, такъ переведена по-нѣмецки: «Mache, dass du mit deinen Tyranneyen fertig wirst; denn wir müssen dich haben und sei versichert, dass wir Leute sind, die Wort halten». Безъ сомнѣнія, фраза переиначена сочинителемъ.

пересыльныхъ каторжниковъ, которыхъ тогда, вслѣдствіе указанной нами выше системы управленія крестьянами и вслѣдствіе общихъ смутъ еще до появленія самозванца, гнали въ Сибирь тысячами: однихъ каторжниковъ, назначенныхъ для отсылки въ Оренбургъ, находилось въ Казани 200 человѣкъ. Но въ Оренбургъ ихъ уже нельзя было гнать, да и въ Казани оставлять такой народъ было опасно. Затѣмъ изъ Москвы привели 700 арестантовъ. Наконецъ, изъ всѣхъ прочихъ концовъ Россіи стянулось въ Казань къ этому времени еще 4,000 ссыльныхъ. Присутствіе въ этомъ городѣ ссыльныхъ поляковъ-конфедератовъ и плѣнныхъ французовъ увеличивало опасность. Въ виду такихъ обстоятельствъ сенатъ распорядился, чтобы арестантовъ больше не посылать въ Казань, а отправлять въ Азовъ, Таганрогъ, Александровскую крѣпость, даже въ Ригу и вообще въ самыя отдаленныя отъ театра возмущенія мѣста. Тѣхъ же арестантовъ, которые осуждены были въ ссылку въ Оренбургъ и находились въ то время въ Казани, сенатъ велѣлъ фонъ-Бранту возвратить въ Азовъ и Таганрогъ, и притомъ — *черезъ Воронежскую губернію,* потому что (пояснялъ сенатъ) это «*удобнѣе будетъ*!» По Поволжью же отправлять было опасно. Но такъ какъ и эти арестанты могли взбунтоваться, то сенатъ приказалъ гнать ихъ малыми партіями, человѣкъ по 20, и каждую партію вести *на канатахъ* [1]).

V.

Дѣйствительно, весь поволжскій край былъ въ ненадежномъ состояніи. Подлинныя архивныя дѣла того края, никому доселѣ неизвѣстныя, и которыми мы пользовались, рисуютъ самыми мрачными красками весь востокъ Россіи. По аналогіи можно заключать, что и другія части Имперіи были не въ лучшемъ положеніи.

Военныя и гражданскія власти всей восточной половины Россіи находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Ордеры и промеморіи съ театра дѣйствій повелѣвали имъ ждать съ часу на часъ появленія мятежниковъ, которые, какъ полагали тогда, бросятся или въ Персію или на Донъ. Правый и лѣвый берега Волги, всѣ почтовыя и проселочныя дороги въ разныхъ мѣстахъ обставлены были наблюдательными «маяками,» съ наверченной на верхушкахъ соломой, которую слѣдовало зажигать

---

[1]) Полн. собр. закон. XIX, 14,077.

для поданія сигналовъ. Эти соломенные маяки замѣняли тогда телеграфы. Казенныя деньги изъ казначействъ велѣно было тотчасъ же вывезти въ безопасныя мѣста. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приказано было собрать помѣщиковъ и управляющихъ, а въ государственныхъ селеніяхъ—сотниковъ, старостъ и лучшихъ обывателей, которымъ и оповѣстить, чтобъ они учредили денные и ночные караулы при въѣздахъ въ села и выѣздахъ, останавливали всякаго проѣзжающаго, особенно въ казацкомъ платьѣ, а гдѣ появятся толпы — били бы ихъ и представляли къ подлежащимъ властямъ. Но караулить было некому. Народъ собирали силой. Губернаторы фонъ-Брантъ—казанскій и симбирскій, Кречетниковъ—астраханскій и саратовскій, Шетневъ—воронежскій, атаманъ донскаго войска Сулинъ, оберъ-комендантъ Дмитріевской (Ростовъ на-Дону) крѣпости Потаповъ, комендантъ Царицынской крѣпости Цыплетевъ, коменданты и воеводы городовъ Симбирска, Пензы, Саратова, Камышина и Новохоперской крѣпости, напрасно тратили бумагу на ордеры и промеморіи, потому что, кромѣ дряхлыхъ гарнизонныхъ солдатъ, ни у кого не было войска. Только послѣ Цыплетевъ и Кречетниковъ собрали кое-что. Даже никто не понималъ собственно въ чемъ дѣло, чего надо бояться и чего ожидать: во всѣхъ ордерахъ говорилось только, что «матерія возмущенія» такая-то, а за тѣмъ всѣ эти власти въ одно слово, вмѣстѣ съ военною коллегіею, повторяли нелѣпости, распущенныя по Поволжью, будто мятежники намѣрены идти въ «турецкую область», на какую-то «рѣку Лобу,» и потому главная забота всѣхъ состояла въ томъ, чтобъ не допустить этого перехода черезъ баснословную рѣку Лобу [1]). А между тѣмъ Пугачова полчища оцѣпили уже весь сѣверо-восточный край. Во всѣхъ промеморіяхъ, какъ видно, возлагали большую надежду на Кара. Военная коллегія даетъ знать всѣмъ мѣстнымъ губернаторамъ, что какъ противъ Пугачова пошелъ уже Каръ, то слѣдуетъ только ждать, когда мятежники бросятся къ рѣкѣ Лобѣ, чтобъ задержать ихъ отступленіе. А эта Лоба едва ли даже и существовала, если только это не была рѣка Лаба, впадающая въ Кубань (да и то едва-ли, потому что власти называли ее «нѣкоею» рѣкою).

Но чуть ли не одинъ человѣкъ во всемъ Поволжьѣ дѣйство-

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное царицынское архивное дѣло), л. 1—5, 6—9, 11 и 507. Это объемистое дѣло, въ нѣсколько тысячъ листовъ, заключаетъ въ себѣ всѣ главнѣйшія распоряженія, какія дѣлались на востокѣ Россіи мѣстными властями за все время Пугачовщины. Въ немъ есть и подлинные манифесты самозванца, и подлинные допросы нѣкоторыхъ захваченныхъ бунтовщиковъ, донесеніе участвовшихъ въ битвахъ командировъ, письма и автографы Михельсона, Суворова и проч.

валъ разумно и энергически, не уподобляясь тѣмъ «скaредамъ и срамцамъ» и той гарнизонной «негодницѣ», которая такъ возмущала Бибикова. Это былъ Цыплетевъ, комендантъ Царицына. То былъ едва ли не единственный человѣкъ, отстоявшій ввѣренный ему постъ и не допустившій Пугачова, еще сильнаго, взять Царицынъ. Но объ этомъ будетъ сказано въ свое время, на основаніи имѣющихся у насъ архивныхъ матеріаловъ.

Еще до пораженія Кара, когда къ Цыплетеву дошли вѣсти о самозванцѣ и онъ узналъ нѣкоторыя обстоятельства этого смутнаго дѣла, Цыплетевъ принялъ немедленныя мѣры къ встрѣчѣ самозванца. Съ предшественникомъ Пугачова, самозванцемъ Богомоловымъ, Цыплетевъ былъ знакомъ лично: во время схватки, когда народъ хотѣлъ силой освободить лжеимператора и мнимаго государственнаго секретаря изъ-подъ караула, Цыплетевъ былъ раненъ, и потому, безъ сомнѣнія, помнилъ, что съ самозванцами шутить нельзя [1]). Цыплетевъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: тотчасъ далъ знать по всѣмъ ввѣреннымъ ему командамъ и къ начальнику калмыцкаго народа, чтобы все было готово на всякій случай, чтобы отъ каждой команды выбраны были надежные капитаны и офицеры; велѣлъ составить списки всѣхъ служащихъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, артиллеристовъ, пѣхотинцевъ и знающихъ инженерное дѣло; привести въ порядокъ артиллерію. Хотя въ Царицынѣ и находилось небольшое число войска, такъ какъ въ то время это была одна изъ важныхъ крѣпостей того края, однако этого войска было недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ Царицынѣ находилось слишкомъ 900 плѣнныхъ турокъ, за которыми необходимъ былъ присмотръ. Цыплетевъ распорядился, чтобъ 1) легкой полевой командѣ [2]), части гарнизона и царицынскимъ казакамъ быть въ полной готовности; 2) отъ донскаго войска вытребовалъ пятисотную команду, съ тѣмъ чтобы она находилась вблизи военной Царицынской линіи, и просилъ войсковаго атамана нарядить особо 200 казаковъ, да кромѣ того два полка (по 500 человѣкъ) съ особыми полковыми командирами, которые находились бы въ его распоряженіи; 3) въ волжскомъ войскѣ, отъ самаго Камышина почти, по луговой сторонѣ Волги, велѣлъ учредить форпосты, и, отправивъ въ Ахтубинскій заводъ, за Волгу же, одно орудіе и артиллерійскаго оберъ-офицера, учредилъ тамъ особую военную заставу для мѣстныхъ развѣдываній; 4) внизъ отъ Царицына до

---

[1]) «Парусъ» 1859, № 1.

[2]) Этой командой начальствовалъ Дицъ, который впослѣдствіи погибъ въ битвѣ съ Пугачовымъ.

самаго Чернаго-Яра также учредилъ форпосты и командирамъ строго предписалъ наблюдать за движеніями подозрительныхъ калмыковъ; 5) изъ находившейся въ Царицынѣ артиллеріи, шесть орудій поставилъ на походные лафеты, исправилъ и снарядилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и приставилъ къ нимъ достаточное число прислуги; 6) просилъ своего губернатора, Кречетникова, нарядить 200 калмыковъ Дербетевыхъ Улусовъ, *не говоря имъ о цѣляхъ приготовленія;* 7) изъ обывателей Царицына нарядилъ 300 человѣкъ отъ купечества, снабдивъ ихъ ружьями и припасами для стрѣльбы. Всѣ эти военныя силы онъ отдалъ въ распоряженіе фонъ-Дица. Затѣмъ учредилъ военныя заставы: на рѣчкѣ Пичугѣ, при Томилиномъ буеракѣ и на Верхней Мечетной рѣчкѣ, снабдивъ находившихся на заставахъ людей инструкціями. Тѣ же мѣры совѣтывалъ принять и Меллину, коменданту города Камышина, подобно Дицу погибшему впослѣдствіи отъ мятежниковъ [1]).

Волжское казачье войско, котораго территоріи сосѣдили съ Царицыномъ, находилось въ жалкомъ состояніи. Когда угрожающія вѣсти о яицкихъ смутахъ вынудили и волжскихъ казаковъ готовиться къ встрѣчѣ непріятеля и велѣно было нарядить не только служилыхъ и отставныхъ казаковъ, но и казачьихъ дѣтей и малолѣтковъ, старшины войска писали Цыплетеву, что во всѣхъ станицахъ нѣтъ ни одного заряда. Они просили его прислать на войско пороху, свинцу и фитилей для пушекъ. Между тѣмъ вскорѣ оказалось, что и пушекъ у нихъ не имѣется. Войсковое начальство вспомнило, что въ 1772 году велѣно было взять у нихъ шесть пушекъ для отправки въ Царицынъ, и потому теперь они просили возвратить имъ по крайней мѣрѣ два мѣдныхъ орудія, чтобъ чѣмъ было защищаться въ случаѣ появленія мятежниковъ или киргизъ-кайсаковъ, которые безпрестанно тревожили среднее Поволжье [2]).

Хотя къ мѣсту главныхъ военныхъ дѣйствій и пришли свѣжія войска вслѣдъ за Бибиковымъ, однако все еще недостатокъ въ людяхъ былъ значительный, такъ какъ всѣ наши силы сосредоточены были за Дунаемъ, въ войнѣ съ турками. Чтобы спасти Казань и Оренбургъ и не дать возможности самозванцу разбить и Бибикова, какъ онъ разбилъ Кара, часть резервныхъ войскъ, охранявшихъ недавно возвращенный отъ Польши Бѣлорусскій край, должна была оставить этотъ край почти на произволъ полякамъ и тащиться тысячи верстъ, изъ Бѣлоруссіи

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицын. архивн. дѣло), л. 16—22.

[2]) Тамъ же, л. 87, 38.

до Казани: только 12 декабря двѣ полевыя команды и два гусарскихъ эскадрона дотащились до Саратова и тотчасъ же отправлены были къ театру военныхъ дѣйствій [1]).

Мы остановились на прибытіи Бибикова въ Казань. Тогда же, почти одновременно съ нимъ, стянулись къ Казани и главныя военныя силы правительства. Ихъ прибыло до 14,000 пѣхоты и кавалеріи. Войска скакали на почтовыхъ день и ночь. Около Бибикова являются уже генералы Мансуровъ, князь Голицынъ, Декалонгъ, Ларіоновъ и затѣмъ полковникъ Михельсонъ—личность сразу выдвинувшаяся изъ ряда прочихъ бойцовъ за государственный порядокъ. Къ этимъ свѣжимъ войскамъ примкнули остатки арміи Кара. Первая побѣда этихъ войскъ была довольно жалкая, если вѣрить очевидцамъ. Какой-то полкъ, который иностранцы-современники называютъ «региментомъ черныхъ гусаръ,» былъ посланъ по сибирской дорогѣ, чтобы возстановить спокойствіе въ мѣстахъ, встревоженныхъ башкирами и татарами. На пути полкъ этотъ вступилъ въ одно значительное селеніе, наполненное мятежническими толпами татаръ, которые, однако, не были вооружены. Гусары изрубили въ куски всѣхъ, которые имъ попались, и объ этой рѣзнѣ было возвѣщено въ газетахъ, какъ о великой побѣдѣ [2]).

Пугачовъ не могъ не знать о томъ, что въ Казани стянулись большія силы регулярнаго войска, и потому предвидѣлъ, что дѣло приметъ серьезный оборотъ. Ему предстояло уже бороться не съ гарнизонными начальниками, а съ опытными генералами. Онъ видѣлъ, что для борьбы должны быть силы равныя, у него же недостаетъ хорошихъ полководцевъ, чтобы вести правильную войну. Въ этомъ ему могли быть полезны иностранцы, и потому онъ при случаѣ желалъ ихъ задобрить, чтобъ тѣмъ привлечь въ свое войско людей знающихъ военное дѣло не по правиламъ азіатской тактики, а знакомыхъ съ европейскими пріемами войны. Оттого онъ былъ такъ ласковъ со всѣми попадавшимися къ нему иностранцами [3]). Вскорѣ по пріѣздѣ Бибикова въ Казань, самозванецъ захватилъ значительную партію поляковъ, слѣдовавшихъ изъ Сибири, въ надеждѣ что между ними онъ найдетъ иностранныхъ офицеровъ. Но когда между ними не оказалось ни одного француза, которыхъ ему преимущественно хотѣлось залучить къ себѣ, то онъ и отпустилъ на свободу весь

---

[1]) Тамъ же, л. 84.

[2]) Tagebuch, 201—202. Tagebuch говоритъ здѣсь, между прочимъ, что Бибиковъ и Голицынъ были «die besten Freunde.»

[3]) Bemerkungen, 229.

этотъ транспортъ конфедератовъ [1]). Впрочемъ, известно, что въ его лагерѣ впослѣдствіи находился Пулавскій [2]). О присутствіи въ войскѣ самозванца поляковъ и о вліяніи ихъ на него мы скажемъ послѣ.

Какъ бы то ни было, но когда правительство узнало, что Пугачовъ ищетъ случая пріобрѣсти себѣ помощниковъ въ французскихъ инженерахъ, то велѣло всѣхъ находившихся въ Казани плѣнныхъ французовъ выслать немедленно въ Москву [3]).

Такъ какъ сила Пугачова основывалась на проповѣдываемой имъ свободѣ всего крѣпостного населенія Россіи и на истребленіи дворянства, то Бибиковъ понялъ, что этой силѣ надо противопоставить другую, по возможности равносильную. Надо было поднять упавшій духъ дворянства и тѣхъ сословій, которымъ если не вполнѣ хорошо, то хоть сносно жилось при существовавшихъ порядкахъ. Мы не станемъ повторять того, что уже всѣмъ извѣстно изъ Пушкина объ этой дѣятельности Бибикова. По русскимъ свѣдѣніямъ неизвѣстно, какія силы выставило казанское дворянство вслѣдствіе призыва Бибикова. Но иностранецъ-очевидецъ говоритъ, что казанцы, увлеченные Бибиковымъ и милостивыми словами императрицы, вооружили на свой счетъ 6,000 человѣкъ, купцы 3,000, и 3,000 воиновъ поставили казанскіе татары. Обратились и къ полякамъ, число которыхъ сильно возрасло въ Казани. Французъ-очевидецъ съ видимымъ презрѣніемъ говоритъ, что большая часть поляковъ были «ослѣплены» деньгами, которыя имъ предлагали. Имъ дали 100 рублей, и они образовали изъ себя отрядъ улановъ. Горнозаводскіе владѣльцы также обѣщали поставить отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. Всѣ дворяне облеклись въ военные мундиры, чтобъ командовать своими отрядами, которые состояли изъ улановъ, гусаровъ, драгуновъ, егерей и стрѣлковъ. Каждый отрядъ отличался чѣмълибо отъ другого, и каждый имѣлъ свою форму. Въ цѣлой Казани ничего не было видно, кромѣ этихъ новыхъ солдатъ. Въ отношеніи къ полякамъ, говоритъ самовидецъ, допущено было небольшое лукавство [4]): нѣсколько времени спустя, полученъ былъ указъ сената, повелѣвавшій, чтобы всѣ безъ различія поляки, благороднаго и простого званія, были обращены въ солдаты [5]).

Но военныя дѣйствія Бибикова начались не скоро. Даже

---

[1]) Tagebuch, 202.

[2]) Ferrand, Hist. des trois démembrem. de la Pologne.

[3]) Авторъ Tagebuch'а прямо говоритъ, что «*мнѣ сказывалъ объ этомъ* генералъ-аншефъ фонъ-Брантъ» («sagte mir der General-en-chef von Brand»). Tageb. 202.

[4]) «ein wenig Hinterlist.»

[5]) Tagebuch, 203—205.

этотъ энергическій человѣкъ медлилъ въ то ужасное время, когда, кажется, на всю Россію напалъ какой-то непонятный столбнякъ. Все какъ-то не клеилось даже въ рукахъ умныхъ людей. Только конецъ марта 1774 года ознаменованъ былъ первою и дѣйствительною побѣдою надъ мятежниками.

VII.

Между тѣмъ, что же дѣлалось въ остальной Россіи? Въ то время, когда карта владѣній Пугачова расширялась все болѣе и болѣе, когда онъ уже господствовалъ самовластно на пространствѣ десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ, повелѣвалъ разными народами, какъ настоящій государь, издавалъ указы и манифесты и такъ сказать новые летучіе законы, слагалъ съ народа подати, сбавлялъ цѣну на соль (это послѣднее распоряженіе сильно возвысило его популярность), лилъ пушки, чеканилъ монету съ своимъ изображеніемъ, велѣлъ провозглашать свое имя на эктеніяхъ по церквамъ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній и читать свои грозные манифесты съ громкимъ титуломъ—«божіею милостію мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій» и проч., и проч., и пр., — въ остальной половинѣ Россіи, по церквамъ, площадямъ и базарамъ читались другіе манифесты и объявленія, въ которыхъ повелѣвалось не вѣрить самозванцу, а стараться поймать его, а равно ловить всѣхъ подозрительныхъ людей съ «вредными письмами.» Мало того: назначена была награда въ 1000 рублей тому, кто поймаетъ Пугачова и представитъ по начальству [1]). Такъ дешево съ начала оцѣнили эту голову, которая стоила Россіи нѣсколькихъ сотъ милліоновъ! То была пора какого-то страннаго ослѣпленія, какихъ-то неизъяснимыхъ недоразумѣній со всѣхъ сторонъ. Тутъ дѣйствительно казалось, что началось разложеніе государственнаго тѣла. Въ самое средоточіе верховной власти, въ Петербургъ, во дворецъ пробиралась какая-то таинственная сила которая, издѣвалась надъ этою властью. И какъ бы въ подтвержденіе этого и въ подкрѣпленіе и безъ того чудовищныхъ слуховъ, сенатъ публикуетъ, что кто-то «неизвѣстный человѣкъ принялъ на себя таковую дерзость, что во дворцѣ ея императорскаго величества осмѣлился оставить письмо,» которое было такого содержанія, что сожжено рукою палача [2]). Такъ всегда бываетъ въ минуты общаго несчастья, что все

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное царицын. архивн. дѣло), л. 30, 39.

[2]) Полн. Собр. Закон., XIX, 14,100.

теряетъ голову, и даже у умныхъ людей точно притупляется разсудокъ, и у сильныхъ въ изнеможеніи опускаются руки. Сенатъ по какому-то странному, непостижимому, затмѣнію самъ подрываетъ авторитетъ власти, которая его создала. Военная коллегія забываетъ географію своей страны, путается и извращаетъ названія рѣкъ своего государства!

Но если отъ подметныхъ писемъ не могъ избавиться даже дворецъ императрицы, то во всей остальной Россіи эта страшная литература вновь образовавшагося на востокѣ демагогическаго государства держала народъ въ постоянной агитаціи, а мѣстныя власти въ безпрестанной тревогѣ. Но и въ отношеніи къ этой зажигательной литературѣ правительство поступало какъ-то слишкомъ опрометчиво: народу постоянно толковали, чтобъ онъ перехватывалъ подметныя письма. Даже Бибиковъ разослалъ по всему Поволжью ордеры о томъ, чтобъ эти письма задерживать и публично жечь на площадяхъ чрезъ палачей и профосовъ, а копіи съ нихъ присылать къ нему и въ военную коллегію. Понятно, что это сожженіе писемъ возбуждало лихорадочное любопытство и страхъ въ народѣ, и церемоніи сожженія этихъ летучихъ листковъ придавали имъ еще большую популярность. Этого мало: разосланы были по всей Россіи печатныя объявленія, которыми народъ призывали къ истребленію и сожженію «сихъ измѣнническимъ ядомъ наполненныхъ писемъ [1].»

Съ сѣвера мятежъ перекинулся почти на самый югъ Россіи. Пользуясь смутами, киргизъ-кайсаки, кочевавшіе за Волгой, въ астраханской губерніи, въ предѣлахъ бывшей Золотой Орды, съ луговой стороны Волги переправились на нагорную. Въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ они по льду перешли Волгу въ 30-ти верстахъ выше Дубовки и напали на владѣнія волжскаго войска. Старшина войска и депутатъ Терсковъ едва пробился сквозь эту орду, которая аттаковала форпосты, взяла нѣкоторые изъ нихъ, захватила плѣнныхъ, угнала скотъ, лошадей. Хотя нѣкоторые форпосты и отстрѣливались, но они не спасли хуторовъ волжскаго войска. Послѣ грабежа, киргизы опять перебрались черезъ Волгу по льду и ушли въ степь. Между тѣмъ военныя силы, которыя могли защищать этотъ край, военная коллегія вытребовала на сѣверъ, къ Казани и Оренбургу. Отъ донскаго войска посланъ былъ къ Самарѣ, для соединенія съ генераломъ Мансуровымъ, знаменитый донской полковникъ Илья Денисовъ, который съ трудомъ могъ собрать отрядъ въ 500 человѣкъ изъ отставныхъ казаковъ и «выростковъ.» Но идти было не съ чѣмъ,

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. цариц. архив. дѣло), л. 53, 55.

и донская войсковая канцелярія просила Цыплетева снабдить отрядъ Денисова провіантомъ, свинцомъ и порохомъ. Какъ жалки были военныя средства, видно изъ того, что отправлявшимся противъ самозванца донцамъ велѣно было выдать только по фунту пороху и по два фунта свинцу на пули. Между тѣмъ Денисовъ не зналъ удобнѣйшаго пути въ Самару, и Цыплетевъ долженъ былъ дать ему инструкцію, какъ слѣдовать «прямѣйшимъ трактомъ [1]).»

Около Оренбурга и Казани положеніе дѣлъ не улучшалось. Власти начали уже сомнѣваться, дѣйствительно ли они имѣютъ дѣло съ простымъ казакомъ, какъ ихъ увѣряли другіе и въ чемъ они старались увѣрить и себя и другихъ. Французъ-конфедератъ приводитъ въ своемъ дневникѣ письмо, полученное въ Казани отъ оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа однимъ изъ друзей этого генерала, уже давно томившагося въ осадѣ, письмо, обращающее на себя все вниманіе. Рейнсдорпъ писалъ, что что бы тамъ ни говорили о главѣ мятежниковъ, «вы не думайте, что этотъ человѣкъ — простой казакъ, а если онъ и въ самомъ дѣлѣ казакъ, то или самъ онъ обладаетъ большими познаніями, или имѣетъ около себя людей съ замѣчательнымъ умомъ. Баттареи, которыя онъ возводилъ противъ меня, устроены съ полнымъ знаніемъ дѣла, и крѣпостные верки, которые онъ поставилъ для защиты своего лагеря, а равно его траншеи, сооруженныя противъ меня, *самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить*. Я самъ осматривалъ и вполнѣ оцѣнилъ эти работы послѣ его отступленія въ лагерь, который онъ построилъ на казанской дорогѣ [2]).»

Еще больше говоритъ въ пользу политическаго и военнаго такта самозванца слѣдующее свидѣтельство очевидцевъ: «Всѣ распоряженія Пугачова основаны на правилахъ военнаго искусства (auf die Regeln der Kriegskunst) и исполняются по этимъ правиламъ. Его войска преданы ему и хорошо дисциплинированы, и никогда не выходятъ изъ лагеря, не получивъ отъ него на

---

1) Тамъ же, л. 51, 57, 58.

2) Вотъ это любопытное письмо: «Ungeachtet alles dessen, was von dem Oberhaupte der Rebellen gesagt wird, glauben sie ja nicht, dass dieser Mensch ein blosser Kozak sey, und wenn er es ist, so hat er entweder selbst gute Kenntnisse, oder er hat Leute von grossen Einsichten bey sich. Die Batterien, die er wider mich hat aufwerfen lassen, sind vollkommen gut angelegt, und die Befestigungswerke, die er zu Vertheidigung seines Lagers aufgeführet hat, imgleichen seine Laufgräben, um mich anzugreifen, hätten selbst von dem Herrn von Vauban nicht besser angeordnet seyn können. Ich habe diese Werke nach seinem Zurückzuge in sein Lager, das er auf dem Wege nach Kasan angelegt hatte, untersuchet und zu Grunde gerichtet. Diesen Augenblick der Ruhe machte ich mir zu Nutze, um mich mit neuen Vorrath zu versehen und die Anstalten zu einer nachdrücklichen Gegenwehr zu machen» (Tagebuch, 206—207).

то приказанія. Онъ высылаетъ различныя толпы, состоящія изъ татаръ и другихъ народовъ, для изслѣдованія мѣстности, для приготовленія запасовъ продовольствія и для привлеченія народа на свою сторону. Но онъ приказываетъ щедро оплачивать все, что пріобрѣтается для его лагеря; и каждый изъ его людей получаетъ жалованья по 4 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ русскій солдатъ получаетъ полтора рубля въ 4 мѣсяца» [1]), т. е. въ десять разъ меньше.

Французъ-очевидецъ говоритъ, что когда онъ, въ февралѣ 1774 года, выѣхалъ изъ Казани въ Москву и проѣзжалъ мимо черемисскихъ деревень, черемисы все спрашивали его, и онъ могъ только понять, что спрашивали все о Пугачовѣ. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ имъ *да* и продолжалъ удаляться отъ этихъ опасныхъ мѣстъ.

Но и въ Москвѣ было не лучше. Всѣмъ населеніемъ этой древней столицы овладѣло, какъ говоритъ очевидецъ, какое-то головокруженіе [2]). Въ городѣ публично говорили *въ пользу* мнимаго Петра III. Вся Москва была въ постоянномъ волненіи, и хотя во всѣхъ частяхъ города наказывали кнутомъ [3]), однако это жестокое наказаніе никого не останавливало. По всѣмъ закоулкамъ раздавались голоса: «живъ Петръ Ѳедоровичъ!» Казалось, должно было послѣдовать всеобщее возстаніе. Люди графа Толстого были отданы имъ, изъ боязни, въ полицію; но и подъ кнутомъ они кричали: «живъ Петръ Ѳедоровичъ!» Чтобы усмирить эти отчаянныя головы и потушить пламя, которое все больше разливалось и угрожало общимъ пожаромъ, велѣно было распространить по городу извѣстіе, что самозванецъ разбитъ— это уже самая отчаянная выдумка, къ какой только могъ прибѣгнуть совершенно растерявшійся человѣкъ! Извѣстіе не подтвердилось—и авторитетъ власти падалъ все ниже и ниже. Наконецъ, велѣно было на почтѣ вскрывать всѣ письма, и которыя казались сомнительнаго содержанія—утаивать. Мало того, отъ всѣхъ домовладѣльцевъ отобрали письменную присягу на вѣрность. Но ничто не помогало. 6-го марта, часамъ къ 6-ти вечера, вся Москва огласилась общимъ крикомъ: «живъ Петръ Третій!» —и этотъ крикъ, вмѣстѣ съ именемъ Пугачова, раздался во всѣхъ частяхъ города. Нельзя было не предвидѣть, что будетъ плохо и дѣло кончится бунтомъ. Все бросилось бѣжать изъ города. Каждый искалъ только своего собственнаго

---

1) Tagebuch, 207 — 208.

2) — «ein gewisser Schwindel» (Tageb. 223).

3) — «die Knute gegeben wurde».

спасенія. Твердость князя Волконскаго съ трудомъ остановила бурю [1]).

Только по подлиннымъ архивнымъ дѣламъ, живымъ свидѣтелямъ этого страшнаго времени, можно судить въ какомъ отчаянномъ положеніи находилось государство, и какъ все растерялось, отчаянно хватаясь за всѣ средства; и средства оказывались жалкими, неприменимыми, необдуманными, поздними. Лихорадочно писанные рапорты, ордеры и промеморіи краснорѣчивѣе всего говорятъ объ общей паникѣ и общей безнадежности. Такъ и видно, что все потеряло голову и лишь въ отчаяніи металось изъ стороны въ сторону.

Военная коллегія вздумала чинить крѣпости зимой! Посланы были распоряженія объ исправленіи самыхъ отдаленныхъ отъ центра мятежа крѣпостей — въ Астрахани, Енотаевскѣ, Черномъ-Яру, въ Кизлярѣ, Царицынѣ, и всѣхъ крѣпостей на южной или Царицынской военной линіи. Но исправлять было некому — рабочихъ силъ не хватало [2]). Военная же коллегія, именемъ своего вице-президента знаменитаго графа Захара Григорьевича Чернышева, требовала вѣстей о томъ, что дѣлается въ Оренбургѣ и на Уралѣ — черезъ Царицынъ! — и Цыплетевъ долженъ былъ посылать людей развѣдывать объ оренбургскихъ дѣлахъ, чтобъ сообщить въ Петербургъ [3]). Когда мятежъ перекинулся въ сибирскія провинціи, то въ Тобольскѣ и другихъ сибирскихъ крѣпостяхъ не оказалось боевыхъ снарядовъ — и военная коллегія велѣла взять ихъ — изъ Ростова на Дону и Астрахани [4])! Спрашивается, какимъ путемъ можно было требуемыя вещи доставить въ Тобольскъ, и скоро ли они могли поспѣть туда изъ Ростова и Астрахани? Но этого некогда было сообразить, а отчаяніе вынуждало во что бы то ни стало дѣйствовать.

Да и было отчего растеряться. Вспыхнулъ бунтъ въ Гурьевѣ, отдѣленномъ отъ правительственныхъ войскъ безконечными степями, по которымъ разъѣзжали толпы киргизъ-кайсаковъ. Нужно было спасти этотъ городъ, и туда командированы были отряды изъ Астрахани. Кандауровъ повелъ 3-ю легкую полевую команду, съ артиллеріею, захвативъ часть отрядовъ изъ Краснаго-Яра. Велѣно было также взять часть команды и у фонъ-Дица; но потомъ это распоряженіе было отмѣнено, и приказано взять съ Царицынской линіи 200 калмыковъ [5]). Киргизъ-кайсаки, ка-

---

[1]) Tagebuch, 223 — 224.

[2]) *Общій нарядъ* архивныхъ дѣлъ о Пугачовѣ (въ Цариц.), л. 287.

[3]) Тамъ же, л. 2.

[4]) *Общій нарядъ* архив. дѣлъ о Пугач., л. 106.

[5]) Тамъ же, 119, 100.

барда и крымскіе татары начали непріязненныя дѣйствія и наступали на Россію. Крымскій ханъ двинулся къ Дону и началъ опустошенія. Нурали-ханъ, предводительствуя киргизъ-кайсаками, подвигался съ весьма угрожающими намѣреніями къ населеннымъ мѣстамъ, и противъ него командировали Дундукова и Куткина. Походные есаулы Бирюковъ и Тушкановъ прикрыли Камышинъ. Но все это были жалкія, ничтожныя средства. На форпостахъ почти никого не оставалось: такъ на Пичуженскомъ форпостѣ было только 6 человѣкъ, на Пролейскомъ столько же — и съ этими силами думали защищать край! Не говоря уже о киргизъ-кайсакахъ, вновь появились разбойники, «понизовая вольница», о которой слухи было-замолкли, — и это было зимой, когда «понизовая вольница», въ другое время, рѣдко выходила изъ своихъ зимнихъ становъ на промыселъ. Дѣла въ Кабардѣ, на Кубани и вообще на турецкой границѣ, по донесеніямъ князя Черкасскаго, принимали болѣе грозный видъ: ожидали движенія непріятеля внутрь Россіи, и донскому и волжскому войскамъ велѣно было находиться въ готовности. Надо было защищать военную линію отъ Дона до Царицына, и на нее, для разъѣздовъ, за неимѣніемъ регулярнаго войска, командировали пятисотенный отрядъ калмыковъ Дербетевыхъ Улусовъ. Фонъ-Дицу также велѣно было выѣхать на линію. Противъ движеній кабарды, разныхъ черкесскихъ народностей и турокъ командированъ былъ Демедемъ къ Кизляру. Дундуковъ, который былъ отряженъ противъ киргизъ-кайсаковъ, вызванъ туда же съ донскими казаками и 300 калмыками при двухъ зайсангахъ. Вся степь отъ Кизляра до Царицынской линіи была открыта, и непріятель могъ свободно ворваться въ Россію. Демедемъ съ своей стороны командировалъ къ Моздоку Криденера, который отправилъ впередъ фуражъ, вьючныхъ лошадей и прочія тяжести съ донскими и яицкими старшинами — транспортъ и старшины пропали безъ вѣсти! Заподозрѣны были наконецъ даже калмыки Дербетевыхъ Улусовъ, всегда вѣрные, и астраханскій губернаторъ Кречетниковъ велѣлъ секретно разузнать о намѣреніяхъ ихъ владѣльца Цендена[1]). Въ Царицынѣ стали опасаться воз-

---

[1]) О сомнительномъ поведеніи калмыковъ прежде всего сообщилъ знаменитый академикъ *Палласъ*, который въ это время находился между калмыками, занимаясь своими учеными изслѣдованіями. Въ февралѣ онъ былъ въ Царицынѣ и оттуда отправилъ въ степь свои вещи и принадлежности ученыхъ работъ. Потомъ, изъ Улусовъ уже, онъ прислалъ въ Астрахань одного студента съ извѣстіемъ, что калмыки замышляютъ что-то недоброе и, по всей вѣроятности, хотятъ предаться кабардинцамъ. (Тамъ же, 39, 293, 294). Впрочемъ, можетъ быть, Палласу только показалось, что калмыки думаютъ измѣнить. Палласъ уже не первый разъ ошибается и дѣлаетъ фаль-

мущенія плѣнныхъ турокъ, которыхъ тамъ было, какъ мы сказали выше, болѣе 900 человѣкъ, и потому ихъ принуждены были отправить въ Воронежъ [1]).

Странный видъ представляла въ то время Россія, и это видимо бросалось въ глаза иностранцамъ. Все облеклось въ трауръ. Спасенья ждать было не откуда: главныя военныя силы все еще были слишкомъ далеко — онѣ были въ Турціи [2]).

VIII.

При такомъ положеніи дѣлъ, первая, дѣйствительная, побѣда князя Голицына надъ Пугачовымъ подъ Татищевской крѣпостью, одержанная 22 марта, была очень кстати. Вѣсть объ этой побѣдѣ также быстро разнеслась по всей Россіи, какъ быстро разносились вѣсти о первыхъ пораженіяхъ войскъ императрицы. Думали, что между убитыми найдутъ трупъ самого Пугачова. Но трупа этого не нашли, хотя вполнѣ были убѣждены, что, послѣ такого полнаго пораженія, онъ будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и потому велѣно было перерѣзать всѣ пути къ отступленію изъ Россіи. Отъ Астрахани, вдоль всей Волги, велѣно было усилить караулы и разъѣзды, чтобы самозванецъ не пробрался на Донъ и въ кубанскую сторону; а чтобы онъ не нашелъ выхода черезъ Гурьевъ, въ Каспійское море, для соединенія съ трухменцами и турками, велѣно было учредить сторожевые пункты отъ Гурьева вдоль морского берега и разъѣзжать по морю въ лодкахъ для рекогносцировокъ [3]).

За первой побѣдой слѣдовали еще другія, нѣсколько менѣе значительныя, пораженія Пугачова. Съ Оренбурга и Яицкаго-Городка, жители которыхъ доведены были продолжительной блокадой до крайняго изнеможенія [4]), снята наконецъ осада. Имя

шивыя тревоги: изъ архивнаго царицынскаго дѣла видно, что, еще въ ноябрѣ 1773 года, Палласъ, находясь въ нижнемъ Поволжьѣ по порученію академіи наукъ, распустилъ слухъ, что Пугачовъ перешелъ Волгу и уже подходитъ къ Саратову. Почтенный академикъ перетревожилъ всѣхъ напрасно. Послали тотчасъ нарочныхъ въ Камышинъ, потомъ въ Саратовъ, и оказалось, что Пугачовъ около Оренбурга (тамъ же, л. 527, 528).

[1]) Тамъ же, л. 3, 4, 20, 26, 28, 31, 36, 35, 45, 85, 145, 94, 100, 119, 162, 215, 182, 188, 253, 257, 260, 275, 274, 69.

[2]) Bemerkungen, 186.

[3]) *О Пугачовѣ* (главное архив. дѣло) л. 61 — 63, 72, 77.

[4]) Въ Оренбургѣ, къ концу осады, ржаная мука продавалась по 100 рублей пудъ. Осажденные ѣли кошекъ, собакъ, падаль. Когда же и этого не стало, то употребляли въ пищу глину, голубиный калъ и пр.

полковника Михельсона начало повторяться чаще и чаще. Счастье, казалось, улыбнулось Россіи. Но этотъ роздыхъ былъ не надолго. 9-го апрѣля умеръ Бибиковъ, за которымъ какъ будто слѣдовало счастье, а съ его смертью счастье опять надолго оставило русскія войска. Потерю эту слишкомъ сильно чувствовала Россія.

Но не станемъ повторять утомительныхъ подробностей о неудачахъ и удачахъ русскихъ войскъ, объ этой безполезной гонкѣ за самозванцемъ, который, послѣ всякаго пораженія, усиливался вдвое. Борьба съ нимъ напоминала борьбу сказочнаго богатыря съ многоглавымъ зміемъ-дракономъ, у котораго вмѣсто одной отрубленной головы выростали двѣ, три, десять, еще болѣе свирѣпыхъ головъ. Но все это извѣстно изъ Пушкина и Щебальскаго. — Наконецъ взята была Казань. Пушкинъ говоритъ, между прочимъ, что при осадѣ этого города былъ убитъ Каницъ, директоръ тамошней гимназіи. Пушкинъ, какъ видно, изъ этого, при составленіи своего труда, опустилъ изъ виду даже многіе вполнѣ доступные источники о томъ времени. А потому въ его трудѣ есть крупныя ошибки. Такая ошибка допущена имъ и относительно смерти Каница. Въ публичной библіотекѣ хранится печатная рѣчь, сказанная Каницемъ по поводу освобожденія Казани отъ Пугачова [1]).

Наконецъ, самозванецъ перешелъ на правый берегъ Волги. Москва съ ужасомъ ожидала его. «Не возможно было удержаться отъ стона, говоритъ самовидѣцъ, при видѣ, какъ раздирались внутренности страны; а между тѣмъ тѣ, которые должны были защищать ее, въ чужой странѣ распѣвали хвалебные гимны и побѣдныя пѣсни» [2]). Но Пугачовъ повернулъ на югъ, и бурей пронесся по всему правому Поволжью. Самовидцы разсказываютъ страшные ужасы объ этихъ, такъ сказать, предсмертныхъ судорогахъ мятежа [3]).

Какъ на замѣчательный для насъ фактъ, приводимый иностранцами, мы должны указать на то, что Пугачовъ щадилъ подданныхъ другихъ государствъ, которые попадались къ нему въ руки. При всей своей жестокости, говоритъ авторъ современ-

---

[1]) Rede, welche in einer publiken Versammlung, bey denen Kasanischen Gymnasien nach Wiederherstellung der öffentlichen Ruhe 1775 gehalten wurde. Gedruckt bey der Kaiserlichen Moskowischen Universität (Julius von Canitz, Hoffrath und Director der Gymnasien zu Kasan), in 4°. — Разсказывая объ ужасахъ недавняго времени, Каницъ заключилъ свою рѣчь словами: «но эти ужасы миновали навѣки» (sie sind vorüber, auf ewig vorüber!).

[2]) Bemerkungen, 187.

[3]) Тамъ же, 179, 181—183, 187, 195—197.

ныхъ замѣтокъ о Россіи, Пугачовъ отдалъ приказъ, безъ сомнѣнія *изъ политическихъ разсчетовъ*, чтобы всѣмъ иностранцамъ, которые не состоятъ въ русской службѣ, даруема была жизнь и чтобы съ ними обходились ласково (glimpflich). Одинъ шведъ, бывшій учителемъ въ семействѣ извѣстнаго писателя Сумарокова, спасаясь отъ самозванца, былъ схваченъ его людьми, и когда Пугачовъ узналъ о его не-русскомъ происхожденіи, то обратился къ нему съ привѣтливостію и не только предложилъ взять его самого и его жену подъ свое покровительство, но приказалъ особенно угостить его. Вообще обошелся съ нимъ милостиво (mit Höflichkeit, какъ говоритъ иностранецъ), пригласилъ къ своему столу, затѣмъ взялъ съ собой и увѣрялъ, что онъ ужъ давно отдалъ приказаніе—не причинять никакого зла ни одному иностранцу [1]). Иногда поляки останавливали атамановъ отъ жестокостей. Такъ у помѣщика Шилова жилъ одинъ чехъ, котораго атаманъ велѣлъ повѣсить. У несчастнаго была уже веревка на шеѣ. Въ это время, говоритъ самовидѣцъ, прискакалъ полякъ, любимецъ Пугачова. «Остановись», кричалъ онъ, «по выговору этого человѣка, котораго ты хочешь повѣсить, я замѣчаю, что онъ мой соотечественникъ» (онъ былъ чехъ, какъ послѣ оказалось). «Счастье его», сказалъ атаманъ, «но если бы онъ былъ даже святой — я повѣсилъ бы его, если бы ты не вступился за него» [2]).

Пугачовъ шелъ не останавливаясь, уничтожая одинъ городъ за другимъ. На архивныхъ дѣлахъ тѣхъ городовъ, которые ожидали прихода этой бури, лежитъ уже отпечатокъ какого-то крайняго, невыразимаго смятенія. Точно всѣ помѣшались отъ ужаса, да и было отъ чего помѣшаться. Коменданты и воеводы городовъ, которыхъ не сегодня—такъ завтра должна постигнуть гибель, не только осуждены ждать этой гибели, но обязаны извѣстить и сосѣднихъ комендантовъ и воеводъ о томъ же — и получаемыя въ канцеляріяхъ бумаги помѣчаются видимо на̀-скоро, дрожащею рукою, и на̀-скоро, лихорадочно пишутся распоряженія и сообщенія. Писать некому. Подъ гонцами пристаютъ лошади. Пакеты пропадаютъ безъ вѣсти вмѣстѣ съ гонцами. Посланные изъ низовыхъ городовъ нарочные къ Казани узнать, что тамъ дѣлается, увидѣли издали пламя, стоявшее надъ этимъ городомъ, а между тѣмъ по Волгѣ уже тянутся караваны судовъ съ толпами Пугачова, а на этихъ судахъ, на мачтахъ, качаются мертвыя тѣла повѣшенныхъ. Но готовиться къ смерти или къ

---

[1]) Bemerkungen, 229.

[2]) Bemerkungen, 231—232.

оборонѣ все же надо было, во что бы то ни стало: за неимѣніемъ оружія, по городамъ Пензенской и Саратовской губерніи велѣно было запастить рогатинами, топорами, косами; косы и топоры велѣно было насаживать на шесты — но и этого некому было сдѣлать. Жалкіе остатки командъ, какія находились за Волгой, призывались на нагорную сторону. Въ волжскомъ войскѣ никого не осталось—одни старики, женщины и дѣти. Беззащитные станичные старшины просятъ прислать имъ хоть людей, которые могли бы стрѣлять изъ имѣющихся въ войскѣ 4 пушекъ; просятъ пороху и свинцу; мало того — просятъ прислать имъ хоть донскихъ казаковъ, которые защитили бы ихъ войско отъ неминуемой гибели. Власти опасались за спокойствіе на Дону. Между донцами явилось сомнѣніе—не въ самомъ ли дѣлѣ это царь [1]).

Уѣздные города опустѣли совсѣмъ. Еще когда Пугачовъ былъ далеко, коменданты и воеводы пугали одинъ другого извѣщеніями о «разливающемся ядѣ» или объ угрожающемъ имъ «крайнемъ бѣдствѣ». Но при приближеніи самозванца и они замолчали. Чтобы судить, въ какомъ жалкомъ видѣ находились эти города при приближеніи Пугачова, взглянемъ хоть на Петровскъ, лежащій по дорогѣ къ Саратову. Оторопѣвшій воевода куда-то скрылся. Такъ они скрывались и по другимъ городамъ. А когда исчезали власти, бразды правленія бралъ въ свои руки, кто хотѣлъ. Саратовской губерніей, которая тогда составляла часть Астраханской, de facto распоряжался поэтъ Державинъ; губернаторъ же Кречетниковъ, собираясь ѣхать изъ Астрахани спасать Саратовъ, приказываетъ готовить для себя по 50 лошадей на каждой станціи, тогда какъ лошадей не хватало даже на посылку самонужнѣйшихъ депешъ. Державинъ пишетъ въ Петровскъ, что если городъ «отъ извѣстнаго злодѣя состоитъ въ опасности, то ежели никакихъ средствъ не имѣетъ защищаться, тобъ находящуюся въ немъ казну, нужныя государственныя дѣла, а паче ружейные припасы» прислалъ въ Саратовъ; если же и этого нельзя сдѣлать, то чтобъ все потопили въ водѣ и «усердно ретировались» въ Саратовъ. Оказалось, что въ Петровскѣ «воинскихъ людей, кромѣ штатной команды, никого нѣтъ» — а въ этой штатной командѣ было народу «*самое малое число*», какъ доносили Державину, «и не болѣе десяти человѣкъ». Чѣмъ же было защищаться? Между тѣмъ жители защищаться не хотѣли, «оказывали противности», скрывались, буйствовали. Но это еще не все. Когда денежная казна и нужныя дѣла были собраны

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное архив. цариц. дѣло), л. 184.

приказными служителями и сложены на подводы, какой-то городовой сотникъ Сѣдовъ и «начальникъ всему къ возмущенію злу пахатный солдатъ Осипъ Бастриковъ съ товарищи» воспротивились везти казну и «самовластно съ городовой крѣпости подводы сбросили». Другіе кричали: «дѣла сбросить». Явился солдатъ съ ружьемъ и не пускалъ чиновниковъ изъ канцеляріи, грозя переколоть ихъ. Пока спорили между собой солдаты, сторожа и канцеляристы — Пугачовъ нагрянулъ, и тогда донесено было по начальству, что всѣ предосторожности были приняты, «но токмо уже за нашествіемъ того злодѣя на городъ Петровскъ, всего того исполнить было невозможно и все имъ расхищено» [1].

IX.

Саратовъ еще могъ спастись, но его погубили чиновники, спорившіе о томъ, кто старше: полковникъ или дѣйствительный статскій совѣтникъ (бригадиръ), комендантъ крѣпости или управлявшій конторою иностранныхъ поселенцевъ, т. е. кому изъ нихъ защищать городъ — Бошняку или Лодыжинскому. Державинъ также вмѣшался въ эти споры и принялъ сторону дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Храбрый Бошнякъ требовалъ отъ Лодыжинскаго людей, которые находились въ его распоряженіи, для устройства укрѣпленій и вала; Лодыжинскій не давалъ, говоря, что онъ генералъ и не долженъ повиноваться полковнику. Эти любопытныя, хотя, тѣмъ не менѣе, возмутительныя пререканія изъ-за чиновъ, сохранились въ саратовскихъ архивахъ по настоящее время [2].

Мы имѣемъ записки саратовскаго старожила Никитина 2-го, въ которыхъ взятіе самозванцемъ Саратова описывается иначе, чѣмъ оно разсказано у Пушкина.

Не смотря на упрямство Лодыжинскаго, Бошнякъ все еще надѣялся защитить городъ. Напрасно онъ звалъ къ себѣ на помощь изъ Царицына фонъ-Дица съ легкою полевою командою [3]: Пугачовъ былъ уже слишкомъ близко. Надо было защищаться собственными средствами. Въ Саратовѣ было страшное волненіе. Всѣ начали прятать цѣнныя имущества, зарывать въ землю и искать спасенія бѣгствомъ. Большая часть дворянъ уѣхали; иные рѣшились умереть. Бошнякъ отдалъ приказъ,

---

[1] Архивныя дѣла г. Петровска (*О взятіи* этого города).

[2] Архивныя дѣла саратов. конторы иностранныхъ поселенцевъ.

[3] *Общій нарядъ* цариц. дѣлъ о Пугачовѣ, л. 558.

чтобы всѣ, кто въ состояніи носить оружіе, явились на комендантскій дворъ. Народъ не слушался. Явившихся снабжали алебардами и копьями, и составили, такимъ образомъ, отрядъ копьеносцевъ. Купцы и мѣщане сдѣлали на свой счетъ 120 желѣзныхъ копій [1]). Всѣ участвовали въ работахъ по укрѣплепленію города, а потомъ вмѣсто отдыха шли учиться военнымъ пріемамъ.

Съ трехъ сторонъ городъ обнесли валомъ, поставили на немъ нѣсколько пушекъ на желѣзныхъ передкахъ, которые служили вмѣсто лафетовъ. Способныхъ носить оружіе — если только оно было — оказалось тысячъ 8, большею частію изъ обывателей. Сверхъ того былъ отрядъ и регулярнаго войска, пѣхотинцевъ, которыхъ жители называли «красноперыми», потому что они носили на киверахъ красныя перья. Чтобъ не дать народу упасть духомъ, въ городѣ были постоянные разводы и играла военная музыка.

Бошнякъ хотѣлъ предупредить Пугачова и рѣшился самъ напасть на него, встрѣтивъ за городомъ и заманивъ его въ засаду. Для этой цѣли онъ оставилъ на городскомъ валу до 3,000 человѣкъ, а съ остальнымъ войскомъ двинулся по петровской дорогѣ на встрѣчу самозванцу и скрылся въ лѣсу, окружавшемъ тогда городъ. Бошнякъ думалъ зайти Пугачову въ тылъ и ударить на него неожиданно. Оставшимся же въ городѣ онъ приказалъ ждать, пока не услышатъ пальбы. При первыхъ выстрѣлахъ, даже ночью, оставшіеся въ Саратовѣ отряды должны были идти на помощь къ коменданту или ударить въ центръ непріятельскаго войска. Планъ былъ хорошъ; но не удалось ему исполниться. Пугачовъ былъ слишкомъ обстрѣленный полководецъ, чтобы идти на проломъ къ городу, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить сильный отпоръ. «Пугачъ видно умнѣе нашего командира былъ,» говоритъ старикъ Калмыковъ, со словъ котораго Никитинъ записалъ разсказъ о нашествіи самозванца на Саратовъ. Отъ переметчиковъ Пугачовъ узналъ, гдѣ засѣлъ Бошнякъ и, подойдя къ засадѣ, остановился верстахъ въ двухъ, показывая видъ, что идетъ прямо на него. Это было вечеромъ. Самозванецъ велѣлъ разложить въ своемъ лагерѣ множество костровъ, желая показать этимъ, что остановится на ночевку и роздыхъ. Бошнякъ думалъ напасть на него къ утру, разсчитывая на самый крѣпкій сонъ въ эту пору. Но Пугачовъ ночью же покинулъ свой лагерь и зажженные костры, а самъ, своротивъ съ большой дороги влѣво, обошелъ городъ съ сѣвера и

---

[1]) Архивныя дѣла саратов. магистрата.

явился на горахъ, господствовавшихъ надъ окрестностью, на Каланчѣ и Соколовой. На этихъ горахъ расположилъ онъ свою артиллерію, и на утро, т. е. 6 августа, началъ громить городъ. За растратою картечи онъ стрѣлялъ мѣдными деньгами, какъ говоритъ преданіе.

Этимъ ловкимъ движеніемъ комендантъ былъ отрѣзанъ отъ города. Толпы Пугачова спустились съ горъ, безпрепятственно перешли Глѣбучевъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ этихъ горъ, и явились на такъ называемомъ «Пѣшемъ базарѣ». Овладѣвъ гостинымъ дворомъ, они укрѣпились въ немъ. Между тѣмъ, другія толпы явились съ Волги. По Волгѣ плыла цѣлая флотилія, плоты, разшивы, барки и рыбачьи лодки, наполненныя народомъ и награбленнымъ имуществомъ. Это былъ флотъ самозванца. «Московскимъ взвозомъ» мятежники вошли въ городъ и явились еще болѣе неожиданно, чѣмъ тѣ, которые пришли сухопутно. Работы Бошняка ни къ чему не послужили. Укрѣпленія его никого не спасли. Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ отъ безпрестанной стрѣльбы изъ орудій. Народъ удалился за городъ, на берегъ Волги, къ такъ называемому теперь «Красному кресту». Ѣсть было нечего: питались дикими яблоками и полевыми ягодами. Бошняка уже не было въ городѣ, онъ пробился сквозь ряды мятежниковъ и удалился въ Царицынъ. Оставленный народъ присоединился къ арміи Пугачова. Начался страшный грабежъ. Городъ еще не считался покорившимся и присягнувшимъ на вѣрность самозванцу.

Чтобъ спасти остатки города, народъ рѣшился итти къ самозванцу. Всѣ собрались въ думу. Совѣтъ состоялъ тысячъ изъ трехъ растерявшихся, измученныхъ, упавшихъ духомъ гражданъ. На совѣтѣ положили отдаться страшному побѣдителю.

Вся эта толпа потянулась на горы, къ палаткѣ самозванца. «Что это за люди и зачѣмъ пришли?» спросилъ онъ у приближенныхъ. «Обыватели города Саратова пришли къ вашему величеству съ покорностью», отвѣчали ему.

— «Приведите ихъ къ присягѣ.»

За шатромъ самозванца находилось множество священниковъ, которые, однакожъ, прибавляетъ самовидѣцъ, были «въ нетрезвомъ видѣ». Они безпрестанно приводили народъ къ присягѣ. Присягнувшихъ подвели ближе къ палаткѣ самозванца. «Я могъ хорошо разглядѣть его черные глаза», замѣчаетъ Калмыковъ.

«Палатка была бѣлая, шелковая, съ разными золотыми украшеніями. Внутри ея было устроено небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ съ золотою бахромою. Украшенія были

довольно привлекательны. На этомъ возвышеніи сидѣлъ самозванецъ. На немъ былъ фракъ и кортикъ. На головѣ казацкая шапка съ золотымъ крестомъ. Черезъ плечо перекинута голубая лента, а на правомъ плечѣ звѣзда. Въ рукахъ самозванецъ держалъ зрительную трубу, въ которую по временамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита его также была украшена крестами и медалями на подобіе генераловъ,» какъ замѣчаетъ очевидецъ.

Самозванецъ обратился тогда къ жителямъ Саратова съ рѣчью. (Онъ говорилъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, какъ замѣтилъ Калмыковъ.)

— «Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство; но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоцѣнной для всякаго русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву.»

Всѣ поклонились до земли и разбрелись въ разныя стороны.

Лагерь Пугачова былъ растянутъ вдоль горъ, и вдоль лагеря разставлены были пушки. Казацкая конница гарцовала въ разныхъ направленіяхъ, а пѣхота толпилась около кипѣвшихъ котловъ, въ которыхъ варилась пища. Въ станѣ господствовалъ страшный шумъ. Въ концѣ лагеря, на склонѣ горы къ Волгѣ, разставлены были висѣлицы и на нихъ качались трупы повѣшенныхъ, а вновь взятыхъ въ плѣнъ дворянъ вѣшали, а потомъ, вынимая изъ петли, обнажали и сбрасывали подъ гору. На Волгѣ захватили партію бурлаковъ, слѣдовавшихъ съ караванами изъ Астрахани, и также осудили на смерть. Ихъ обвинили въ оскорбленіи величества. Всѣ 60 бурлаковъ были повѣшены.

Между тѣмъ городъ представлялъ ужасное зрѣлище. Казаки, солдаты, народъ и всякая смѣсь азіятцевъ въ неистовствѣ метались по улицамъ, грабили и убивали сопротивлявшихся. Мертвыхъ тѣлъ некому было убирать. Одна толпа особенно обратила на себя вниманіе Калмыкова. Ею предводительствовалъ огромнаго роста мужикъ, одѣтый въ золотую поповскую ризу, а на головѣ, вмѣсто шапки, «бабій волосникъ.» Эта толпа шла на промыселъ. Такова была оргія разгулявшейся толпы, всѣ неистовства которой мы, впрочемъ, не намѣрены перечислять [1]).

---

[1]) Воспоминанія прошедшаго, Никитина 2-го (рукоп.).

Салмановъ, котораго Пугачовъ назначилъ начальникомъ Саратова или «главнымъ командиромъ,» отдалъ приказъ, чтобы изъ города, особенно въ Царицынъ, никого не пропускали, потому что всѣ бросились внизъ по Волгѣ на судахъ и сухопутно, спасаясь въ Царицынъ. Лодыжинскій, покончивъ споры съ Бошнякомъ передъ самымъ приходомъ самозванца, снарядилъ судно, на которомъ отправилъ въ Царицынъ денежную казну, бумаги и прочее дорогое имущество. Но это судно, верстахъ въ 60 отъ Саратова, было аттаковано окрестными жителями; конвойнаго офицера Ушакова «немилостивно тирански» мучили, деньги и вещи разграбили. Оставшіеся въ живыхъ принесли въ Саратовъ вѣсть о гибели судна.

Буйный саратовскій подъячій, подканцеляристъ Фирсовъ, увлекъ за собою толпу саратовской вольницы и, снарядивъ цѣлую флотилію изъ лодокъ, спустился по Волгѣ съ грабежомъ и разбоемъ. Особое судно было наполнено канцеляристами, спасавшимися изъ Саратова. Оно погибло, канцеляристы побиты.

Большая часть дѣлъ присутственныхъ мѣстъ, вытащенныхъ изъ архивовъ и канцелярій, брошены въ Волгу.

9-го августа, Пугачовъ оставилъ опустошенный Саратовъ и двинулся къ югу по астраханской дорогѣ. Конница и часть пѣхоты шла съ нимъ; другая часть посажена была на безобразную флотилію, которая тянулась по Волгѣ, оглашая ее пѣснями, ругательствами, убивая и топя въ Волгѣ-матушкѣ все подозрительное и сопротивляющееся.

Но и съ выступленіемъ Пугачова, Саратову не удалось вздохнуть. По пятамъ самозванца гнались правительственныя войска. Прибылъ Михельсонъ. «Тутъ началось новое дѣйствіе (говорится въ запискахъ Никитина), новый порядокъ, новые допросы, новыя казни.» Стали спрашивать жителей, кого они признаютъ, Екатерину или Петра, и если кто по незнанію говорилъ про послѣдняго, то тутъ же вѣшали. Жители совсѣмъ потеряли разсудокъ. Никто не зналъ, что отвѣчать. Вчера вѣшали за Екатерину, сегодня вѣшаютъ за Петра: завтра, говорили несчастные, можетъ быть, будутъ вѣшать за того и другого. На вопросъ: «кого признаете?» стали отвѣчать: мы за того, за кого и вы.» Не долго и Салманову привелось начальствовать надъ городомъ. Воевода Савельевъ вступилъ въ должность. Трупы убитыхъ еще не были убраны съ улицъ: — не до нихъ было жителямъ и начальству. Мертвецы лежали такимъ образомъ съ 6-го по 15-е августа. Только въ этотъ день воевода отдалъ приказъ: «въ городѣ и около Соколовой горы лежа́тъ поверженныя на земли мертвыя тѣла, убіенныя отъ государственнаго вора и измѣнника, разбой-

ника Пугачова и его сообщниковъ, исключая убитыхъ того вора товарищей, которыя мертвыя тѣла вамъ (писалъ онъ бургомистру) чрезъ кого надлежитъ собрать и погрести по христіанской должности, а Пугачовыхъ сообщниковъ тѣла, яко непотребныхъ извергов, вытаща по земли за ноги за городъ, бросить въ отдаленности въ яму, прикрывъ, чтобъ не было отъ нихъ мерзкаго зловонія, землею; тѣхъ же злодѣевъ, повѣшенныхъ публично, отнюдь не касаться, а оставить ихъ на позоръ и наказаніе зараженнымъ и колеблющимся разумомъ отъ разсѣянныхъ злохитрымъ злодѣемъ плевелъ, людямъ.» И за тѣмъ тѣла убитыхъ погребены съ честію, а «гнусные трупы извергов» привязаны были за лошадиные хвосты, вытащены за городъ, брошены въ буеракъ и прикрыты землею [1]).

X.

Пушкинъ и Щебальскій говорятъ, что, когда Пугачовъ взялъ Саратовъ, явились новые самозванцы, именно одинъ въ Пензенской губерніи «бѣглый холопъ,» другой разбойникъ Фирска. Но обратившись къ провинціальнымъ архивамъ, мы убѣдились, что буйства Фирски и «бѣглаго холопа» ничтожны въ сравненіи съ подвигами цѣлаго десятка болѣе буйныхъ головъ, какъ Фирска. Назовемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ: Василій Ивановъ, Ѳедоръ Молотилинъ, Иванъ Ивановъ, Иванъ Вороновъ, Алексѣй Обрываловъ и другіе. Стоитъ только прослѣдить за подвигами этихъ пяти атамановъ и передъ нами встанетъ живая картина того времени. Василій Ивановъ, отдѣливъ отъ себя партію подъ предводительствомъ Молотилина, отъ Саранска пошелъ степными селами, не подходя къ Волгѣ. Всѣ села, по которымъ онъ проходилъ, были ограблены. Выдѣленная имъ толпа, подъ предводительствомъ Молотилина, прошла грозою по селамъ Бахметевкѣ, Андреевкѣ, Симоновкѣ, Безобразовкѣ, черезъ Баландинскій Городокъ, Монастырщину, Рельню, Ѳедоровку, Шереметевку, Хоненевку, Белгазу, Лысыя горы, захвативъ, такимъ образомъ, уѣзды Петровскій, Пензенскій и Саратовскій. Все, что ни попадалось ему, было разграблено, убито, повѣшено: тотъ «натлостно засѣченъ плетьми,» другой «убитъ дубьемъ до смерти,» тотъ «застрѣленъ изъ ружья,» этотъ «повѣшенъ на воротахъ,» «на кузницѣ,» этотъ «заколотъ копьями,» «повѣшенъ на деревѣ,» «пришибленъ кистенемъ,» «сожженъ за живо,» «утопленъ,» «за-

[1]) Архив. дѣла саратовск. магистрата.

колотъ,» а всего больше «повѣшенъ на воротахъ.» Но Молотилинъ не долго свирѣпствовалъ. Въ Лысыхъ горахъ онъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ повелителемъ, атаманомъ Ивановымъ, и этотъ послѣдній погубилъ свою креатуру. Разсердившись на Молотилина, Ивановъ отнялъ у него все имъ награбленное, сѣкъ плетьми и тамъ же въ Лысыхъ горахъ повѣсилъ. Присоединивъ къ себѣ его партію, Ивановъ вступилъ въ земли войска донского.

Другой Ивановъ, по имени Иванъ, прошелъ съ своимъ отрядомъ вдоль всей Медвѣдицы и уже около Етеревской станицы былъ встрѣченъ донскимъ полковникомъ, извѣстнымъ героемъ Луковкинымъ, и вернулся опять въ верхи Медвѣдицы, мстя на каждомъ селѣ свой неудачный походъ.

Вороновъ (саранскій купецъ) съ своей партіей прошелъ по уѣздамъ Саранскому, Симбирскому, Ломовскому, Пензенскому, Петровскому, Саратовскому. Артиллерія его состояла изъ 12-ти пушекъ.

Обрываловъ, бѣжавшій изъ партіи Молотилина, организовалъ самостоятельный отрядъ и свирѣпствовалъ въ степныхъ мѣстностяхъ, между Хопромъ и Медвѣдицею. За нимъ слѣдовалъ обозъ съ награбленнымъ имуществомъ. Онъ прошелъ черезъ Пески, Чедаевку, Щелканъ, Жирное, Монастырщину, Елань, гдѣ учинилъ оргію съ женою прикащика, съ духовенствомъ и народомъ. Въ Заевкѣ онъ столкнулся съ атаманомъ Ивановымъ 2-мъ, бѣжавшимъ отъ Луковкина. Представляя изъ себя временную правительственную власть той мѣстности, Обрываловъ, увидавъ подобнаго себѣ героя, закричалъ своему отряду:

«Коли тѣхъ злодѣевъ, что жгутъ поселки (точно самъ и не жегъ)... бей!» Ивановъ бѣжалъ. Самовластіе отуманило голову Обрывалова. Въѣзжая въ села, онъ приказывалъ народу встрѣчать его на колѣняхъ, и, стоя такъ, подносить ему деньги.

Не говоримъ *о восьмидесятилѣтнемъ старикѣ* Череватомъ, у котораго въ шайкѣ было пять родныхъ сыновей. Не говоримъ о другихъ атаманахъ, эсаулахъ, сотникахъ, которые представляли изъ себя самостоятельныя силы, независимыя отъ Пугачова, хотя дѣйствовавшія его именемъ [1]). Читая архивныя дѣла того времени, удивляешься, какъ могла изъ такого усажнаго хаоса опять возникнуть государственная жизнь.

Пугачовъ между тѣмъ шелъ къ Камышину, Дубовкѣ, Царицыну. Бѣжавшій изъ Саратова Бошнякъ явился въ Царицынъ 14 августа. У него осталось только 35 человѣкъ и ни одного

[1]) Архивныя дѣла г. Петровска.

заряда. Онъ просилъ у Цыплетева пуль и пороху [1]). Оставалась одна надежда на Царицынъ и на коменданта этого города Цыплетева. Камышинъ и Дубовка со всѣмъ жалкимъ волжскимъ войскомъ не могли дать отпора. Цыплетевъ, ожидая грозу, не дремалъ: онъ успѣлъ укрѣпить городъ, собрать разсѣянные по окрестнымъ селамъ отряды, запастись боевыми припасами, провіантомъ. Онъ приказалъ взять пушки со всей царицынской линіи, со всѣхъ форпостовъ, потому что линія и форпосты не удержали бы самозванца, а между тѣмъ пушки усилили крѣпость лишними орудіями и прислугой. Между тѣмъ онъ звалъ къ Царицыну Багратіона, стоявшаго съ своимъ отрядомъ на Дону, а потомъ двинувшагося на прикрытіе Новохоперской крѣпости. Онъ приказалъ также владѣльцу калмыцкихъ Дербетевскихъ Улусовъ назначенныхъ на Кубань 2,000 калмыковъ стянуть то же къ Царицыну. Войсковой старшина Манковъ двинулся къ Царицыну съ донскими казаками станицъ Трехъ-островской, Пятиизбянской, Голубинской и Верхне-чирской. Прибылъ Дундуковъ съ калмыками. Войсковая казна волжскаго войска изъ Дубовки переведена въ Царицынъ; 14-го же августа, въ день прибытія въ Царицынъ Бошняка, прибылъ на царицынскую линію и походный атаманъ волжскаго войска Перфиловъ съ 562 «двуконными» казаками (1,156 лошадей). Прибылъ отрядъ извѣстнаго между донцами Михаила Серебрякова (Себрякова) и требовалъ свинцу и пороху. Губернаторъ Кречетниковъ также выслалъ войско изъ Астрахани. Къ нимъ присоединился еще отрядъ донскихъ казаковъ съ полковниками Кутейниковымъ и Грековымъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ изъ Полтавы двинулся прикрывать Воронежъ. Въ Царицынѣ между тѣмъ велѣно затопить всѣ суда, лодки, барки, все изрубить и сжечь, чтобъ самозванцу не на чемъ было переправиться за Волгу,—тогда какъ у него была своя флотилія. Въ Царицынѣ все дѣятельно работало, приготовляясь къ встрѣчѣ; работали купцы, мѣщане, бобыли, вновь приписанные малороссіяне, поляки. Пушки поставлены на новые лафеты. Припасена свѣжая прислуга. Пушекъ въ городѣ было 63 [2]). Цыплетевъ работалъ неустанно. Но не всѣ такъ дѣйствовали какъ Цыплетевъ. Воронежскій губернаторъ Шетневъ, узнавъ, что Пугачовъ еще у Нижняго-Ломова, убѣжалъ въ Павловскъ — *защищать* этотъ городъ, въ которомъ было 600 пушекъ и 3,000 пудъ пороху съ достаточными военными силами. Воронежъ брошенъ на

---

[1]) *О Пугачовѣ* (глав. цариц. архив. дѣло), л. 145.

[2]) *Общій нарядъ* дѣлъ о Пугачовѣ (въ Цариц.), л. 571.—Дѣло *О Пугачовѣ* (главн.), л. 128, 129, 131, 135, 136, 145, 137, 138, 146, 139, 147—149.

произволъ судьбы. По счастію, онъ отстоялъ отъ Нижняго-Ломова, а слѣдовательно и отъ Пугачова, на 400 верстъ [1].

Пугачовъ подошелъ къ Камышину. Этого города некому было защищать. Комендантъ Меллинъ былъ убитъ. Долго онъ ждалъ подкрѣпленія; но подкрѣпленія ни откуда не было. Кречетниковъ писалъ ему, что высылаетъ въ Камышинъ часть войска и артиллерію... но этотъ ордеръ получилъ Цыплетевъ, а Меллина уже не было въ живыхъ. Войско и артиллерія не дошли до Камышина — было уже поздно.

Послѣ Камышина самозванецъ вступилъ въ землю волжскихъ казаковъ. Въ царицынскихъ дѣлахъ есть положительныя доказательства—измѣны волжскаго войска. Уже Кречетниковъ и Цыплетевъ недовѣряли имъ. Первый даже сомнѣвался въ вѣрности донского войска, которое, въ случаѣ удачи со стороны самозванца, могло передаться и на его сторону. Но этого не было, и донцы, кромѣ нѣкоторыхъ измѣнниковъ, дрались храбро, а атаманы и старшины ихъ дѣйствовали и расторопно и съ большимъ тактомъ. Но волжское войско положительно измѣнило. Доказательствомъ этому служитъ «списокъ,» найденный случайно, въ октябрѣ 1775 года, на мѣстѣ пораженія Пугачова Михельсономъ. Въ «спискѣ» этомъ волжское войско значится въ числѣ полковъ Пугачова и названо «Дубовскимъ полкомъ.» Списокъ найденъ проѣзжавшимъ изъ Астрахани по Волгѣ однимъ офицеромъ, который изъ любопытства вышелъ взглянуть на мѣсто битвы и между мертвыми тѣлами отыскалъ разныя бумаги, которыя и представилъ въ Царицынъ.

Фр. Антингъ въ исторіи «Походовъ Суворова [2])» говоритъ, между прочимъ, что ниже Камышина донскіе казаки, находившіеся въ войскѣ Пугачова, оставили его по винѣ самого Пугачова. Одинъ изъ начальниковъ волжскаго войска, замѣчаетъ Антингъ, принялъ Пугачова съ большою честію (somptueusement [3]), тогда какъ всѣ другіе разбѣжались при его приближеніи. Когда на пиру у этого начальника многіе подпили, яицкіе казаки отрыли нѣсколько пушекъ, принадлежавшихъ волжскимъ казакамъ и спрятанныхъ ими. За это хозяинъ дома былъ тотчасъ же заколотъ. Подозрѣніе пало на одного донскаго казака. Его приговорили къ смерти. Но хоть въ него и выстрѣлили, однако

---

[1]) Тамъ же, л. 208, 209.

[2]) Les campagnes du feldmaréchal comte de Souvoroff-Rymnikski, v. I, p. 158—159.

[3]) Не говоритъ ли здѣсь Антингъ о казакѣ Забурунновѣ (Антиновской станицы), у котораго Пугачовъ обѣдалъ, торжественно встрѣченный волжскими казаками? (Щебальскій, 111).

онъ успѣлъ спастись. Это обстоятельство было причиной того, что въ ту же ночь четыре полка донскихъ казаковъ оставили самозванца [1]).

XI.

Приступъ къ Царицыну и послѣдняя битва съ Михельсономъ подъ Чернымъ Яромъ составляютъ заключительный актъ этой кровавой драмы. Услуги, которыя оказалъ Россіи Цыплетевъ обороною Царицына, до сихъ поръ нетолько не оцѣнены по достоинству, но и не замѣчены ни кѣмъ. Царицынъ былъ первый городъ, который, послѣ Оренбурга и Яицкаго городка, не сдался самозванцу. Передъ приходомъ Пугачова, сами жители выжгли форштатъ. Суда, находившіяся около города на пристани, спущены ниже изъ предосторожности, чтобы Пугачовъ не переправился на нихъ за Волгу.

Приступъ начатъ въ 2 часа по полудни 21-го августа. Дѣло было жаркое. Канонада съ крѣпости не умолкала въ продолженіи 5 часовъ. Батареи Пугачова дѣйствовали какъ-то вяло, неудачно, точно въ первый разъ въ жизни усталость одолѣла неутомимаго мятежника. Въ сущности онъ не уставалъ—онъ только не могъ ничего сдѣлать противъ громившихъ его крѣпостныхъ ядеръ, гранатъ и бомбъ. Шесть сотъ выстрѣловъ, раздававшихся одинъ за другимъ съ крѣпостныхъ батарей, доказали Пугачову, что тамъ есть чѣмъ стрѣлять. Изъ наведенныхъ имъ на Царицынъ батарей, 6 было сбито. Канонада со стороны Пугачова нисколько не вредила крѣпости: отъ его выстрѣловъ взорвало только 10 зарядовъ трехфунтовыхъ пушекъ съ ядрами и картечью, одинъ пудъ пушечнаго пороха, подъ 2 мортирами повреждены лафеты, а подъ одною изломана платформа. Раненъ и опаленъ одинъ только бомбардиръ, да и то отъ того, что отъ частой стрѣльбы у одной пушки оторвало «тарель, съ фризою и съ винградомъ» и разбило лафетъ. Къ вечеру канонада умолкла. Ночью въ крѣпости свѣтились только фонари по батареямъ. Все было тихо, только разъ случилась тревога отъ взрыва неудачно брошенной изъ города гранаты, которая розорвала 20 другихъ крѣпостныхъ запасныхъ гранатъ.

Пугачовъ отступилъ отъ Царицына. Это была первая его неудача послѣ Казани.

---

[1]) «Cet événement indisposa beaucoup les cosaques du Don et dans la nuit les quatre régiments le quitterent.» Но едва ли у Пугачова могло быть 4 полка донскихъ казаковъ (F. Anthing, 159).

Два слѣдующіе дня, мимо Царицына, по Волгѣ, тянулась нестройная флотилія самозванца, но ни она не нападала на суда, стоявшія у крѣпости, ни эти суда не нападали на нее, а только посылали вслѣдъ непріятельскимъ караванамъ выстрѣлы. Береговою батареею командовалъ Ильинъ, о которомъ Цыплетевъ отзывается съ особенною похвалою. Наиболѣе неутомимо и мужественно дѣйствовали при защитѣ Царицына — Елчинъ, Харковъ, Ушаковъ, Янцовъ, Власовъ и Свербѣевъ. Фатьяновъ энергически поддерживалъ въ жителяхъ мужество, ободряя ихъ словомъ и примѣромъ [1]).

Едва Пугачовъ отступилъ отъ Царицына, какъ туда явился Михельсонъ. Бросивъ въ Царицынѣ лишнюю тяжесть, негодныя пушки, часть зарядовъ и пороху, этотъ неутомимый преслѣдователь самозванца настигъ его не подалеку отъ Чернаго-Яра. Подробности этой послѣдней битвы извѣстны изъ исторіи Пушкина [2]). Суворову, прибывшему въ Царицынъ слишкомъ поздно, оставалось только ловить разбитаго мятежника. Кромѣ Михельсона и Цыплетева, всѣ въ то роковое время какъ-то запаздывали, дѣйствовали вяло, медленно, нерѣшительно: отъ Москвы до Царицына Суворовъ ѣхалъ больше мѣсяца! Но Суворову неудалось и изловить этого замѣчательнаго бѣглеца. Онъ только конвоировалъ его уже закованнаго въ цѣпи. Неутомимый Михельсонъ едва успѣваетъ нанести послѣднее пораженіе своему противнику, какъ уже распоряжается о поимкѣ его. На другой день послѣ битвы, отсылая въ Царицынъ цѣлыя толпы плѣнныхъ дворянъ, «дворянскихъ дѣвицъ,» лишнюю тяжелую артиллерію, взятыя у Пугачова пушки, онъ говоритъ, что самозванецъ бросился за Волгу, и въ письмѣ къ Цыплетеву приписываетъ своею рукою: «пожалуй, батюшка, прикажите сколько возможно набрать людей и пошлите на ту сторону Волги примѣчать Пугачова верстахъ во ста внутрь земли и увѣдомляйте меня обо всемъ» [3]).

Между тѣмъ, когда Михельсонъ сдѣлалъ свое дѣло и когда уже не съ кѣмъ было сражаться, къ Царицыну и выше Царицына нагрянули генералы съ запоздавшими войсками: Мансуровъ, Муффель, Меллинъ, Голицынъ, Суворовъ. Они уже распоряжались съ обезоруженными врагами, вѣшали измѣнившихъ, ловили бѣглыхъ и всѣ обращались къ Цыплетеву—кто за про-

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. архив. цариц. дѣло), л. 204—216, 355, 356, 367.

[2]) Въ царицынскомъ дѣлѣ есть подлинныя письма Михельсона объ этой битвѣ, писанныя Цыплетеву въ день побѣды.

[3]) *О Пугачовѣ* (главн. цариц. дѣло), л. 241.

віантомъ, кто за лошадьми, кто за боевыми припасами. Все начало стягиваться къ Царицыну. Городъ переполнился народомъ, войсками, раненными, больными, ограбленными. Одинъ Михельсонъ пригналъ въ Царицынъ около 9,000 человѣкъ и каждому изъ нихъ нужно было выдавать кормовыхъ 2 коп. въ день. Начался голодъ. «Школьники» играютъ на улицахъ разбросанными во время канонады ядрами. Собаки таскаютъ по улицамъ трупы умершихъ и засѣченныхъ. Каждый день въ городѣ казни, экзекуціи, гонка сквозь строй пойманныхъ съ оружіемъ или бѣглыхъ солдатъ. Всякаго проговорившагося въ пьяномъ видѣ, сболтнувшаго, гоняли сквозь строй и вѣшали. Ни лошадямъ, ни людямъ ѣсть нечего. Народъ питался жолудями. Боялись возмущенія въ городѣ, и отобрали у плѣнныхъ всякое оружіе до послѣдняго ножа [1]).

Чтобы можно было хоть приблизительно судить объ этомъ ужасномъ времени, укажемъ на нѣкоторые факты, которые представляютъ намъ архивныя дѣла. Мы сказали, что Царицынъ переполнился народомъ, преимущественно взятымъ изъ толпы Пугачова и добровольно явившимися голодными и измученными. Изъ Царицына нужно было отправлять ихъ въ мѣста жительства. Партіи по сту и по двѣсти человѣкъ связывали канатами, какъ огромныя своры собакъ, и гнали по разнымъ дорогамъ. Эти партіи перемирали за дорогу: мертвыхъ бросали по деревнямъ, по степямъ, при большихъ дорогахъ. Изъ отправленныхъ на такомъ канатѣ Цыплетевымъ изъ Царицына двухъ партій, одной въ Петровскъ въ 85 человѣкъ, другой въ Саранскъ въ 106 человѣкъ, въ Петровскъ пришло только 3 живыхъ человѣка, въ Саранскъ — 17. Все остальное перемерло дорогой. Съ мѣстныхъ начальствъ и родственниковъ умершихъ взыскивали путевыя и прогонныя издержки и не только кормовыя, но и *«канатныя»* деньги. Изъ 119 человѣкъ, отправленныхъ Цыплетевымъ изъ Царицына въ Саратовъ, дорогой умерло 84 человѣка. Изъ отправленныхъ за тѣмъ до Саратова 311 человѣкъ умерло въ дорогѣ 232. Вслѣдъ за этими гнались на канатахъ до Петровска три новыя партіи въ 548 душъ. Изъ 58 пензенскихъ дошли до мѣста родины только 19 человѣкъ. Партія въ 218 человѣкъ, отправленная изъ Саратова въ Петровскъ, на разстояніи 80 — 90 верстъ, потеряла 58 человѣкъ [2]).

Долго потомъ еще являлась изъ побѣговъ голытьба, при-

---

[1]) Ibid. 431, 244, 289, 292, 293, 321, 329, 334, 338 — 342, 348, 354, 358, 359, 551, 602, 854.

[2]) Архивныя дѣла г. Петровска, особенно №№ 718, 720, 726 (по описи архива).

нося повинную, или говоря, что увлечены были въ толпу злодѣя силою и страхомъ смерти. На допросахъ этихъ повинившихся открывались цѣлыя драмы, которыхъ дослѣдовать до конца не было ни времени, ни возможности. Тутъ уже главную роль играла плеть. Ограбленные или напуганные только, но спасшіеся подъячіе, канцеляристы и воеводы мстили и за свой страхъ и за свои имущества и за убитыхъ родныхъ, знакомыхъ. Чиновники мстили за безпорядки, причиненныя мятежниками въ канцелярскихъ дѣлахъ и въ архивахъ: имъ нужно было заводить новыя дѣла, подшивать растрепанныя бумаги, требовать копіи.

XII.

Не станемъ повторять извѣстныхъ всѣмъ подробностей о поискахъ и взятіи Пугачова. Замѣтимъ только, съ какою быстротою онъ метался за Волгою, не зная броситься ли ему на Узель и Яикъ вербовать разсѣянное въ поляхъ войско, пуститься ли въ море, чтобы тамъ «взять какія ни есть орды,» сплотить ихъ въ новую страшную армію и «выйти паки на Россію.» Вслѣдъ за пораженіемъ его подъ Чернымъ-Яромъ, черноярскій комендантъ Перепечинъ выслалъ изъ этого города отрядъ въ догонку самозванцу; отрядъ видѣлъ перебиравшагося за Волгу Пугачова, кинулся за нимъ, гнался до Мухунъ-Зумунъ-Сала, и потерялъ изъ виду; а черезъ четыре дня уже видѣли, что *бѣлое знамя* развѣвается въ глуби степей, далеко выше Камышина. По бѣлому знамени удостовѣрились, что это несется къ Уралу самъ Пугачовъ [1]).

Страшенъ былъ самозванецъ и въ клѣткѣ, въ которую его посадили уже пойманнаго. Въ Яицкѣ сдали его Суворову, который опоздалъ своимъ приходомъ, потому что бросился не въ ту сторону, куда слѣдовало. 1 сентября, онъ былъ въ Царицынѣ. 9-го онъ пишетъ Цыплетеву уже съ Еруслана, со степи, изъ лагеря, боится, чтобъ самозванецъ не поворотилъ назадъ, велитъ отрядить команду къ Елтону, а самъ бросается на Узень. Вслѣдъ затѣмъ онъ уже пишетъ Цыплетеву съ совершенно противуположной стороны, изъ слободы Николаевской, противъ Камышина [2]).

Антингъ говоритъ, что когда Пугачова посадили въ особо-

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. нариц. дѣло), л. 545, 286.

[2]) Тамъ же, л. 844, 845. Самый почеркъ писемъ изобличаетъ торопливость. Въ началѣ писемъ почеркъ руки писаря, а главное содержаніе — въ припискахъ руки самого Суворова.

приготовленную клѣтку, поставленную на колеса, чтобъ везти его къ Панину въ Симбирскъ, Суворовъ находился при самозванцѣ неотлучно. Но будто бы въ какой-то деревнѣ Мостахъ принуждены были бросить эту клѣтку, потому что Пугачовъ не хотѣлъ сидѣть въ ней покойно. Въ Мостахъ, гдѣ поѣздъ имѣлъ роздыхъ, случился пожаръ и конвоировавшіе Пугачова очень опасались, чтобъ эта тревога не дала самозванцу возможности бѣжать. Здѣсь посадили его въ крестьянскую телѣгу, а сына его, двѣнадцатилѣтняго мальчика, въ другую. По словамъ Антинга, это былъ такой буйный (turbulent) мальчикъ, что за нимъ необходимъ былъ строгій надзоръ. Оба они были скованы въ телѣгахъ. Ночью дорогу освѣщали факелами. Мартемьяновъ, извѣстный старшина яицкаго войска, слѣдовавшій съ особымъ отрядомъ за Пугачовымъ, дорогой какъ-то поссорился съ нимъ, а, можетъ быть, и просто подрался [1]), и замѣтилъ у самозванца деньги, зашитыя въ платьѣ. Зашито было всего только четыре золотыхъ. Когда Мартемьяновъ спросилъ, отчего онъ не имѣетъ съ собой больше денегъ, Пугачовъ отвѣчалъ, что онъ никогда не бралъ много денегъ собственно для себя, а когда захватывалъ богатую добычу, то всегда отдавалъ ее всѣмъ окружавшимъ его [2]).

4 ноября Пугачовъ былъ уже въ Москвѣ. Въ дневникѣ Васильева, о которомъ мы упоминали выше, въ этотъ день записано: «привезенъ бунтовщикъ и народный воръ, казакъ Емельянъ Пугачовъ по полуночи въ 9 часу утра и посаженъ у воскресенскихъ воротъ въ покояхъ монетнаго двора.»

5 ноября въ дневникѣ Васильева записано: «великіе въ Москвѣ стали переговоры о проклятомъ злодѣѣ Пугачовѣ и о его варварскихъ дѣлахъ. Тотъ, кто слышалъ таковыя варварства, безъ слезъ быть не можетъ» [3]).

10 января 1775 года совершена казнь надъ Пугачовымъ и его сообщниками. Въ приведенномъ нами выше сочиненіи «Zuverlässige Nachricht etc.» помѣщено подробное описаніе какъ самаго эшафота, такъ и порядка казни. Пугачовъ ѣхалъ къ мѣсту казни на позорной колесницѣ, прикованный къ столбу и въ рукѣ держалъ зажженную свѣчу [4]).

Нѣкоторымъ изъ сообщниковъ Пугачова смягчено было на-

---

[1]) Антингъ говоритъ: «Martemianow eût un jour une altercation avec Pugatschew» (Les campagnes du comte de Souvoroff, I, p. 168).

[2]) Les campagnes etc. I, p. 167 — 169.

[3]) «Продолженіе времени 1774 — 1777 г.» (Рукопись румянц. музея. По описанію Востокова № 26).

[4]) Zuverlässige Nachricht etc. 16 — 18.

казаніе. Въ числѣ такихъ былъ поручикъ Шванвичъ. Отецъ этого Шванвича занималъ довольно высокій постъ въ государственной службѣ. Онъ былъ комендантомъ Кронштадта. Сынъ его находился въ свитѣ Пугачова и какъ образованный человѣкъ занималъ должность секретаря: онъ сочинялъ для самозванца, въ случаѣ надобности, указы и манифесты на нѣмецкомъ языкѣ и подписывался за него подъ указами. Приговоръ надъ нимъ былъ смягченъ стараніями Орловыхъ [1]).

На другой день казни, девяти сообщникамъ Пугачова, предавшимъ его или оставившимъ его раньше, прочтено было передъ Краснымъ крыльцомъ прощеніе, въ которомъ исчислены ихъ вины и ожидавшее ихъ наказаніе. «Нарушенное силою и пособіемъ вашимъ законнымъ властямъ повиновеніе (говорилось между прочимъ въ этомъ объявленіи) требовало казни преступниковъ. Обманомъ вашимъ приведенные въ пагубу несчастные поселяне, страдая за васъ, свидѣтельствовали о вашихъ злодѣяніяхъ. Разоренныя и злобою вашею воспламененному огню преданныя селенія, города и святые храмы угрожали васъ наижесточайшимъ наказаніемъ: и среди сихъ ужастныхъ развалинъ и опустошенія, кровь неповинныхъ, коею въ варварствѣ своемъ вы обагрялись, возопила на небо и молила отмщенія. Могло ли послѣ сихъ неистовствъ раскаянье ваше принято быть въ уваженіе, да еще и въ такое время, когда все ваше злодѣйское скопище съ вознесеннымъ вами идоломъ—вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками было стѣснено, разбито и яко прахъ разсѣяно?.... Но (прибавляетъ послѣ сентенція) всемилостивѣйшая государыня прощаетъ васъ..... Вы освобождаетесь не только отъ смертной казни, но и отъ всякаго наказанія. Да снимутся съ васъ оковы!» и т. д. [2]).

XIII.

Вообще оцѣнка этого тяжелаго періода русской исторіи была бы неполна, еслибъ мы не указали на заслуги лицъ, которымъ Россія обязана главнымъ образомъ возстановленіемъ спокойствія, когда оно въ особенности было необходимо. Замѣчательно, что

---

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Князя Щербатова. Лондонъ, 1858, стр. 80—81. «А. и Ѳ. Г. Орловы, говоритъ Щербатовъ, славились своею силою. Въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ кичился (казался?) сильнѣе ихъ: это былъ Шванвичъ» (отецъ).

[2]) Московскія вѣдомости 1775 г. № 4 (прибавленіе).

спасители Россіи вышли изъ среды рядовыхъ тружениковъ, которые бываютъ незамѣтны въ обыкновенное время, потому что скромны, но которыхъ энергія, умъ и находчивость проявляются именно въ то время, когда всѣ другіе дѣятели теряютъ голову. Военная коллегія, это высшее правительственное мѣсто, въ которомъ засѣдали первые чины имперіи, въ рѣшительныя минуты медлила, терялась и слишкомъ плохо понимала значеніе возбужденнаго Пугачовымъ движенія. Сенатъ дѣлалъ несообразныя распоряженія. Всѣ губернаторы мѣстностей, съ которыми мятежъ имѣлъ близкую связь, Рейнсдорпъ, фонъ-Брантъ, Шетневъ и даже Кречетниковъ оказались плохими администраторами. Главнокомандующіе дѣйствующими войсками нисколько не оправдали великихъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ страною. Каръ, не потрудился даже узнать силъ и расположенія непріятеля. Щербатовъ дѣйствовалъ нерѣшительно. Панинъ медлилъ въ самыя горячія минуты. Ни одинъ генералъ не выдался хоть бы какимъ-либо крупнымъ дѣломъ, а Декалонгъ даже положительно повредилъ дѣлу своею недѣятельностію [1]). Одинъ Бибиковъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. До чего популярность его возрасла въ самое короткое время, видно изъ того, что тотчасъ послѣ его смерти, въ обществѣ уже пѣли сочиненную въ честь этого генерала пѣсню:

Братъ Бибиковъ! твой плодъ
Увялъ въ срединѣ лѣта,
И славный твой восходъ
Лишенъ въ полудни свѣта.

Куда простерть свой взоръ
Злодѣи не дерзали,
Днесь паки изъ-за горъ
Возникнуть предпріяли [2]).

---

[1]) Бибиковъ въ письмѣ къ князю Волконскому прямо упрекаетъ Декалонга въ томъ, что этотъ генералъ далъ возможность Пугачову усилиться («Продолженіе времени 1774—1777 г.» Рукоп. Румянц. муз., выше упоминаемый нами дневникъ Васильева). Помѣщенное въ этомъ дневникѣ письмо писано Бибиковымъ изъ Бугульмы, 26 марта, послѣ битвы подъ Татищевой крѣпостью.

[2]) Эта пѣсня внесена въ дневникъ Васильева вскорѣ послѣ смерти Бибикова, съ замѣчаніемъ: «получена пѣсня въ честь генералу Бибикову, *пѣваемая между обществомъ*, слѣдующая:

1.

Да радость умолчитъ,
Съ слезами вспомнимъ друга,
Котораго гремитъ
Къ отечеству заслуга,

Но если кромѣ Бибикова ни одна личность въ это время не выдавалась изъ ряда дюжинныхъ дѣятелей, то тѣмъ рельефнѣе встаютъ передъ нами простые офицеры, заслужившіе себѣ историческую славу. Между ними, конечно, первое мѣсто занимаетъ полковникъ Михельсонъ, которому, впрочемъ, отдана должная дань уваженія всѣми историками. Но другая личность какъ-то осталась въ туманѣ, забытая всѣми, можетъ быть потому, что энергіи этого человѣка не предоставлено было болѣе широкое поле дѣятельности. Мы говоримъ о полковникѣ Цыплетевѣ. Его заслуги не оцѣнены. О немъ никто не знаетъ, можетъ быть оттого, что онъ какъ-то обойденъ былъ въ свое время. Правда, ему дали чинъ генерала; но дѣла по его способностямъ не дали. Мы уже не разъ говорили о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ въ встрѣчѣ съ Пугачовымъ, когда онъ несся отъ Казани въ Нижнее Поволжье. Это было въ іюлѣ и августѣ 1774 года. Но еще въ 1773 году, въ концѣ октября, едва только Пугачовъ началъ усиливаться и когда всѣ мѣстныя власти довольно апатически относились къ наступавшей грозѣ, Цыплетевъ понялъ, что народными движеніями шутить нельзя, и тотчасъ же принялъ энергическія мѣры. 1-го же ноября онъ распорядился та-

---

И коего, на насъ
    Злясь, рокъ похитилъ гнѣвный:
Мы радостный свой гласъ
    Премѣнимъ въ гласъ плачевный.

2.

Братъ Бибиковъ! и т. д.

3.

Лютѣйшу смерть въ степяхъ
    Знать зависть умолила,
Дабы въ прекрасныхъ дняхъ
    Животъ твой прекратила;
Чтобъ на пути ты палъ
    И чтобъ тогда скончался,
Когда ужъ достигалъ
    И къ славѣ ты касался.

4.

Съ простымъ ты былъ простой,
    Ты мудръ былъ съ мудрецами,
Съ героями герой,
    Другъ вѣрной со друзьями.
Пусть скроетъ въ гробъ твой прахъ
    Отъ свѣта край далекій,
Но въ дружескихъ сердцахъ
    Не умрешь ты во вѣки. («Прод. врем. 1774—1777 г.»)

кимъ образомъ: 1) находившейся въ Царицынѣ легкой полевой командѣ быть въ полной готовности, и командиръ ея Дицъ исполнилъ это приказаніе; 2) привести въ порядокъ всю военную Царицынскую линію, снабдивъ форпосты казаками и пушками; 3) всѣмъ казакамъ Волжскаго войска, отставнымъ, малолѣткамъ и выросткамъ сдвинуться отъ хуторовъ къ Волгѣ и быть въ готовности встрѣтить непріятеля, кто бы это ни былъ—Пугачовъ или киргизъ-кайсаки; 4) Царицынскому гарнизону быть въ готовности выступить, если нужно, въ походъ и на прикрытіе крѣпостей, но въ то же время наблюдать, чтобы не взбунтовались плѣнные турки, которыхъ было въ Царицынѣ болѣе 900 человѣкъ; 5) вооружить мѣстныхъ обывателей — бобылей, малороссіянъ, поляковъ, купцовъ; 6) артиллерію приготовить къ дѣлу, поставить на лафеты и снабдить боевыми припасами; 7) съ Дону вытребовать на Царицынскую линію до 500 казаковъ, изъ Дербетевыхъ улусовъ взять до 2,000 калмыковъ, да изъ Астрахани просить подкрѣпленіе; 8) въ Волжскомъ войскѣ, вдоль войсковыхъ земель, отъ Антиповской станицы вплоть до Ахтубинскаго городка, за Волгой, по берегу этой рѣки устроить форпосты противъ каждаго жилья, и ежедневно дѣлать разъѣзды такъ, чтобы сторожевые казаки утромъ съѣзжались на полупути, размѣнивались вѣстями и вновь расходились на рекогносцировки, изслѣдуя тщательно «шляхи» т. е. слѣды въ степи къ Волгѣ и на нагорной сторонѣ, такіе же слѣды отъ Волги къ жилищамъ; 9) противъ самого Царицына, за Волгой, устроить особый форпостъ (главный), съ офицеромъ, унтеръ-офицеромъ, солдатами и казаками, съ пушкою и канонирами; этимъ форпостнымъ, верстахъ въ 10-ти отъ Ахтубинскаго-городка, въ степи, съѣзжаться съ форпостными Волжскаго войска и мѣняться вѣстями, а потомъ слѣдовать на низъ, и вновь возвращаться, непрестанно наблюдая за степью; 10) при форпостахъ, на Волгѣ, имѣть готовыя лодки и передавать вѣсти отъ форпоста къ форпосту и на противоположную сторону Волги; 11) офицеру главнаго форпоста разъ въ недѣлю осматривать всѣ форпосты; 12) противъ Царицына, за Волгой и по сю сторону Волги, на песчаныхъ косахъ, имѣть двѣ косныя лодки съ 8 гребцами; сторожевые должны окликать каждое проходящее по Волгѣ судно и ночью стрѣлять въ подозрительныя суда; 13) ниже Царицына устроить форпосты по нагорной сторонѣ, потому что по луговой это неудобно по множеству «ериковъ» (впадающихъ въ Волгу глубокихъ овраговъ); 14) всѣмъ рыбакамъ велѣно быть на нагорной сторонѣ съ своими лодками, а на луговой находиться

лишь форпостнымъ лодкамъ; судамъ велѣно приставать опять-таки только къ нагорной сторонѣ [1]).

За этими распоряженіями, мимо Царицына не могло ничто прокрасться, не бывъ не замѣченнымъ.

Наконецъ, оборона Цыплетевымъ Царицына и первая испытанная здѣсь Пугачовымъ неудача лишила послѣдняго на нѣсколько дней энергіи. Тутъ и подоспѣлъ Михельсонъ съ своимъ окончательнымъ, рѣшительнымъ ударомъ.

«Присутствіе духа, неусыпная бдительность, дѣятельность и мужество сопровождали этого страшнаго (fürchterlichen) человѣка во всѣхъ его предпріятіяхъ.» Такъ говоритъ о Михельсонѣ его современникъ и очевидецъ описываемыхъ нами событій, иностранецъ, издавшій свои записки въ Германіи [2]). Въ другомъ мѣстѣ этотъ писатель въ такихъ словахъ выражается о Михельсонѣ: «Гордое нѣмецкимъ именемъ нашего спасителя сердце мое излилось въ благословеніяхъ на его особу, и, пока я живу, я не могу слышать имени Михельсона безъ глубочайшаго благоговѣнія и величайшаго уваженія [3]).»

Не лишены также интереса отзывы этого наблюдательнаго иностранца какъ о главныхъ мотивахъ, вызвавшихъ Пугачовщину, такъ и о томъ, почему въ Россіи такъ легко могла встать и до такой страшной катастрофы дойти эта смута. Онъ говоритъ, что во многомъ тутъ виноваты помѣщики и ихъ безчеловѣчныя отношенія къ крестьянамъ: «дворяне, по его словамъ, служили только для угнетенія своихъ ближнихъ, и потому, если они обращались съ своими крестьянами наравнѣ со скотомъ, то они и не заслуживали ни малѣйшей пощады [4]).» Что же касается тогдашняго состоянія Россіи, представлявшей всѣ данныя къ безурядицамъ, то относительно этого предмета онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «При существованіи значительнаго числа мелкихъ гарнизоновъ, которые содержатся правительствомъ въ большихъ и малыхъ крѣпостяхъ, нѣтъ ничего легче какъ уничтожить эти крѣпости одну за другою, едва лишь вспыхнетъ возмущеніе, потому что крѣпости не могутъ подать одна другой никакой помощи, не подвергая величайшей опасности населеніе мѣстностей, лишенныхъ гарнизона. Открытые города представляютъ еще большія опасности, и, не смотря на это, въ нихъ господствуетъ непростительная безпечность, въ отношеніи обще-

---

1) *О Пугачовѣ* (главное цариц. дѣло), л. 511—518.
2) Bemerkungen, 219—220.
3) Ibid. 205.
4) Ibid. 233.

ственнаго спокойствія и безопасности. Воеводы и другія высшія начальственныя лица могли бы, если бъ только позаботились объ этомъ, получать вѣсти изъ кабаковъ и народныхъ сходбищъ о возмутительныхъ рѣчахъ и тайныхъ совѣщаніяхъ черезъ вѣрныхъ и преданныхъ людей; но они положительно не заботятся объ этомъ. Оттого есть много деревень, въ которыхъ проживаетъ всякая вредная сволочь, воры и разбойники, и при всемъ томъ воеводы, которые могли бы очень хорошо слѣдить за намѣреніями и дѣйствіями этихъ нарушителей спокойствія, нисколько не принимаютъ на себя труда останавливать ихъ безчинства или нечаянными и частыми поисками предупреждать ихъ.» — «Богатый дворянинъ (говоритъ онъ дальше) мало горюетъ о томъ, что во время своего одинокого путешествія онъ можетъ подвергнуться опасности отъ разбойниковъ, потому что для его особы они нисколько не страшны: онъ никогда не путешествуетъ иначе какъ окруженный огромнымъ числомъ провожатыхъ [1]); а если этого и нѣтъ, то все же разбойники очень боятся нападать на такихъ проѣзжихъ, за которыхъ они могутъ понести большую отвѣтственность, или которые имѣютъ столько вліянія на начальство, что могутъ потребовать самаго строгаго слѣдствія надъ виновными [2]).»

Таковы отзывы иностранцевъ о состояніи Россіи того времени. Русская литература конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія указывала на тоже въ своихъ «письмахъ,» «путевыхъ замѣткахъ,» разсказахъ, аллегоріяхъ, басняхъ, разсѣянныхъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ, въ годы предшествовавшіе Пугачовщинѣ [3]).

XIV.

Долго не могъ оправиться русскій народъ послѣ этого кроваваго пира. Оргія была слишкомъ бѣшеная, опьяненіе полное—

1) Что иностранецъ говоритъ правду, т. е. что въ прошломъ еще вѣкѣ русскіе большіе господа и даже средней руки помѣщики ѣздили по Россіи не такъ, какъ мы теперь ѣздимъ, а съ большою свитою и съ вооруженными конвоями, то это подтверждаютъ архивныя дѣла того времени, о чемъ мы уже имѣли случай говорить въ своихъ статьяхъ о разбояхъ въ прошломъ вѣкѣ («Понизовая вольница» въ Русс. Словѣ 1860—1861 г.) «Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ» въ Русс. Вѣстникѣ, 1862 г., «Заметаевъ» въ Дневникѣ. 1859 г. и др.).

2) Bemerkungen, 240—250.

3) На эту сторону тогдашней журналистики мы указывали нѣкогда особо въ статьѣ: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности.» 1769 — 1775 г. (Русское Слово, 1860 г.).

и за то тяжко было пробуждаться послѣ этой оргіи. Отуманенному воображенію долго томившагося въ тяжкой долѣ народа казалось, что счастье было «такъ близко, такъ возможно.» За эту пору дикой оргіи у него вылилось все, что цѣлыми столѣтіями накипало на сердцѣ, и когда тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли, опомнились и увидѣли свою ошибку, положеніе ихъ стало еще невыносимѣе.

Ужасную картину представляла Россія не только въ то время, когда въ Москвѣ еще шелъ сложный процессъ по этому дѣлу, но и тогда, когда отъ сожженнаго трупа этого страшнаго человѣка, который заставлялъ содрогаться весь государственный организмъ огромной монархіи, осталась только горсть золы[1]) и когда настала пора залечить нанесенныя имъ всему государству раны. Остроги, а гдѣ не доставало остроговъ—землянки, сараи и амбары долго переполнены были народомъ, ждавшимъ тяжелаго наказанія за свои ошибки. Долго еще читали связаннымъ колодникамъ: «по учиненіи вамъ жесточайшаго плетьми наказанія и утвержденіи цѣлованіемъ креста и евангелія въ возвращеніи себя въ должную вѣрность и въ безмолвственное законной государынѣ повиновеніе и въ покушеніе учрежденнымъ отъ ея величества начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, имѣете вы возвратиться въ домы свои.» Долго еще чинилось это «жесточайшее» наказаніе, и долго еще по всѣмъ дорогамъ попадались своры злосчастныхъ арестантовъ, навязанныхъ на длинные канаты и съ трудомъ влекущихъ на себѣ «ручныя и ножныя колодки.» Если кто-либо изъ этихъ колодниковъ оказывалъ «хотя малое беззаконіе,» то такого, «яко недостойнаго уже совсѣмъ жить, кололи.» Крестьянъ у помѣщиковъ осталось на половину—большая часть пропала безъ вѣсти, перебита, перемерла, многое пошло въ рудники. Въ каждой семьѣ недоставало кого-нибудь. Поля остались не вспаханными, не засѣянными. Подати не заплочены. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени, во всѣхъ мелочахъ, сама собой рисуется страшная картина того положенія, въ какомъ очутилась Россія, въ особенности же мѣстности, непосредственно пострадавшія отъ мятежа[2]).

Вотъ нѣкоторыя черты, дающія понятіе объ этой картинѣ.

«Прошло нѣсколько мѣсяцовъ послѣ казни Пугачова, а всѣ

---

[1]) «Пугачова трупъ и прочихъ на Болотѣ и съ эшафотомъ сожгли». (Продолж. врем. 1774—1777 г.).

[2]) Мы не заимствуемъ этихъ подробностей изъ архивныхъ дѣлъ провинціальныхъ городовъ Поволжья, потому что это составило бы матеріалъ для весьма объемистой книги. Мы коснулись этого предмета только въ общихъ чертахъ.

дороги, пролегающія по мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ мятежа, все еще оставались не безопасными отъ множества бродившихъ по разнымъ направленіямъ шаекъ (говоритъ очевидецъ). Но вслѣдъ за тѣмъ другой бичъ посѣтилъ страну и распугнулъ эти шайки одну за другою. Всеобщій неурожай, охватившій страну болѣе чѣмъ на сто нѣмецкихъ миль въ окружности, вызвалъ страшный голодъ между крестьянами. Проселочныя дороги были покрыты несчастными, которыхъ медленная походка и обезображенныя голодомъ лица не могли не возбуждать живѣйшаго сострадания. Но, при всеобщей нуждѣ, состраданіе это могло быть только пассивнымъ и не могло явиться на столько дѣйствительнымъ, на сколько требовало этого бѣдственное положеніе несчастнаго народа. Тѣ изъ помѣщиковъ, которые, какъ хорошіе хозяева, наполнили свои амбары хлѣбомъ на случай нужды, должны были помогать своимъ собственнымъ крестьянамъ, и могли подать очень скудную помощь тѣмъ, которые отъ голода скитались по ихъ землямъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ валялись мертвыми по большимъ дорогамъ, въ то время, когда ихъ безчеловѣчные помѣщики въ роскоши и полной нѣгѣ проживали по губернскимъ городамъ и въ столицѣ и, предаваясь азартнымъ играмъ [1]), проигрывали такія суммы, десятой доли которыхъ достаточно было для того, чтобы спасти отъ ужасовъ голодной смерти множество семействъ. Многіе помѣщики были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ.»

«Куда ни посмотришь, говоритъ очевидецъ, вездѣ видишь одно только бѣдствіе. Саровская пустынь, монастырь, который своими запасами и собранными отъ доброхотныхъ жителей суммами въ состояніи былъ помогать нуждающимся, сталъ для цѣлой страны главнымъ убѣжищемъ всѣмъ голоднымъ, которые издалека стекались туда. Пять сотъ голодныхъ въ продолженіи трехъ дней были снабжаемы въ этомъ монастырѣ обѣдомъ, чтобы послѣ того уступить мѣсто другимъ пяти стамъ голоднымъ» и т. д.

Вникнувъ во всѣ подробности эпохи Пугачова, какъ то открываютъ намъ главнымъ образомъ архивныя дѣла того времени,

[1]) Что иностранецъ правъ, указывая на развитіе въ тогдашнемъ обществѣ азартныхъ игоръ, то подтвержденіе этому можно видѣть въ именномъ указѣ императрицы, объ азартныхъ играхъ, который мы цитировали выше при обозрѣніи общаго состоянія Россіи.

мы положительно можемъ сказать, что тѣ поступаютъ ошибочно, которые стараются найти разгадку этого явленія въ происках какой-либо недовольной партіи, а еще менѣе въ придворной интригѣ. Европа также не принимала участія въ этомъ дѣлѣ. Что и недовольная партія, и придворные «враги,» какъ называетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ «персональныхъ оскорбителей» императрица, и раскольники, и даже наши западные политическіе недоброжелатели могли воспользоваться смутой для своихъ цѣлей, чтобъ запутать и запугать императрицу, все это возможно, и это такъ и было. Но самое явленіе вызвано было болѣе важными причинами. Начало его надо искать глубже, а именно, въ политическихъ ошибкахъ предковъ, за которыя исторія наказывала потомство, передавая какъ бы по наслѣдству подобные долги отцовъ на отвѣтственность дѣтей.

Д. Мордовцевъ.

VI.

ЛОМОНОСОВЪ

и

РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1. Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстр. акад. Билярскимъ. Спб. 1865.

2. Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII в. Изд. А. Куникъ. Часть I. Спб. 1865. Часть II. 1866.

3. М. В. Ломоносовъ, біографич. очеркъ. Соч. Вл. Ламанскаго. Спб. 1864.

4. Ломоносовъ и Петербургская академія наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. Сообщ. В. И. Ламанскій. (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1865 г., кн. I).

5. О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ, соч. Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1865.

Исполнившаяся въ прошедшемъ году столѣтняя годовщина смерти великаго крестьянскаго сына изъ Холмогоръ получила, какъ всѣмъ извѣстно, значеніе одного изъ самыхъ живыхъ современныхъ вопросовъ. На ломоносовскихъ празднествахъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ выразилось то чувство народности, которое неоспоримо пробудилось въ насъ, сколько бы ни было тутъ посторонней и иногда не совсѣмъ чистой примѣси. Изъ всѣхъ сторонъ дѣятельности Ломоносова какъ-то съ особенною любовію стали у насъ выставлять на видъ его ревностное противодѣйствіе академическимъ нѣмцамъ [1]. Ломоносовъ какъ бы сталъ

[1]) Главнымъ матеріаломъ къ этому служитъ составленная Ломоносовымъ «Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи», помѣщенная г. Ламанскимъ въ его

для насъ по преимуществу поборникомъ народной самостоятельности, онъ, бывшій могучимъ проводникомъ къ намъ западно-европейской цивилизаціи. Такое дружное сочетаніе двухъ началъ, до сихъ поръ еще остающихся несовмѣстными во мнѣніи многихъ — сочетаніе «народности» съ «цивилизаціею», свидѣтельствуетъ, конечно, о значительной перемѣнѣ въ воззрѣніи по крайней мѣрѣ извѣстной части нашего общества. Но подобное сочетаніе—вытекло ли оно само собою изъ чуждаго всякой предвзятости и преднамѣренности разбора жизненной дѣятельности Ломоносова, или же это—идеалъ, начавшій слагаться у насъ за послѣднее время и только вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ слившійся съ образомъ родоначальника русской науки? Вотъ вопросъ, на который, между прочимъ, наводятъ вновь изданныя у насъ книги, касающіяся Ломоносова.

Въ одной изъ нихъ: «О Ломоносовѣ по новымъ матеріяламъ, соч. Н. Лавровскаго, Харьковъ 1865 г.», матеріалы эти разсмотрѣны со всѣхъ сторонъ съ величайшею добросовѣстностью и тѣмъ безпристрастіемъ, которое не позволяетъ относиться къ предмету изслѣдованія тономъ исключительной и во что бы ни стало обязательной похвалы. Обращая вниманіе читателей на эту прекрасную книгу, я въ свою очередь имѣю въ виду разсмотрѣть новые матеріалы, въ связи съ прежними данными, собственно со стороны вопроса о Ломоносовѣ, какъ «народномъ» дѣятелѣ.

Чтобы дознаться, на сколько приближался Ломоносовъ къ тому, что называютъ «народностью», слѣдуетъ разсмотрѣть его отношенія къ тѣмъ реформаторскимъ мѣрамъ, помощію которыхъ Петръ Великій, по выраженію поэта, прорубилъ намъ окно въ Европу.

Петръ Великій и Ломоносовъ! Какъ часто сопоставлялись эти два имени, сопоставлялись въ ту пору, когда панегирики были еще въ ходу. Въ наше время, панегирики, кажется, можно считать отпѣтыми. Если панегиризмъ и могъ еще до извѣстной степени быть понятенъ во время ломоносовскихъ праздниковъ, то теперь, когда они давно кончились, должно быть мѣсто не увлеченіямъ, а трезвой, спокойной критикѣ. И Петръ Великій и Ломоносовъ должны явиться предъ нами, какъ люди своего вѣка и своего общества.

Вспомнимъ извѣстный отзывъ о Петрѣ Великомъ Ганноверской курфирстины Софіи: «это государь очень хорошій и вмѣстѣ

сборникѣ «Ломоносовъ и Академія Наукъ», стр. 25—73, и перепечатанная въ «Матеріалахъ» г. Билярскаго, стр. 49—104.

очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны [1]).» Въ понятіи самой Софіи, эта, отражаемая Петромъ В., двоякость его страны, конечно, могла зависѣть единственно отъ невѣжества тогдашней Россіи. Но нами такая двоякость можетъ быть понята и иначе: мы можемъ ее усмотрѣть въ основныхъ свойствахъ народа русскаго, или даже славянскаго племени вообще. Противники петровской реформы считаютъ ее, какъ извѣстно, такъ сказать порчею нашей исторіи. Но вѣдь по истинѣ жалокъ былъ бы народъ, исторію котораго могъ бы испортить одинъ человѣкъ. Если во взглядѣ на Петра В. можно расходиться во многомъ съ новѣйшимъ его историкомъ, то нельзя не согласиться и съ г. Соловьевымъ въ томъ, что Петръ «является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру [2]).» Съ этимъ не согласиться нельзя потому, что исторіею въ наше время уже отрицаются личности, творящія изъ ничего, потому что, по удачному выраженію того же писателя, «при настоящихъ успѣхахъ исторической науки, великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе [3]).» Не признавать же этихъ новѣйшихъ успѣховъ въ состояніи только тотъ, кому все еще не хватаетъ чего-то, чтобы опередить историческій взглядъ непогрѣшимаго когда-то Вольтера. Да, никакая громадная личность не могла никогда наплодить однѣми своими силами всяческихъ благъ для народа, и ни одна громадная личность не въ силахъ сама собою испортить народу его исторію. Вѣрное же относительно всѣхъ народовъ должно оказаться вѣрнымъ и относительно насъ.

Есть одно свойство въ славянской натурѣ, свойство, прекрасное по своей основѣ, но способное, переродясь, извратясь, становиться скорѣе пагубнымъ. Всѣмъ извѣстна та рѣдкая способность натуры славянъ къ воспріимчивости, вслѣдствіе которой она готова быть особенно далека отъ національной исключительности и нетерпимости. Но кому не извѣстно также, что доводимое у славянъ до крайности, это прекрасное свойство пе-

---

[1]) Соловьева, Исторія Россіи, XIV, 254.

[2]) Соловьева исторія, XIV, 104. Съ этимъ впрочемъ совершенно согласно и сужденіе Н. В. Ламанскаго: «Ни честь реформы, ни упреки за ея неправду и насильственность не падаютъ исключительно на одного Петра. Могущій геній, онъ былъ истымъ сыномъ Россіи XVIII в., человѣкомъ извѣстнаго направленія, которое возникло въ Москвѣ еще въ XVI в.... При всей своей громадной энергіи, Петръ никогда бы не успѣлъ сообщить реформѣ характеръ насильственнаго переворота, если бы, такъ сказать, не вызывала его къ тому сама земля, если бы не было на то въ народѣ тайнаго согласія.» (М. В. Ломоносовъ, біографическій очеркъ, стр. 20).

[3]) Соловьева, Исторія Россіи, XIV.

перождается въ ту способность, даже очертя голову, поддаваться чужому вліянію, съ какою-то похотливостію, такъ сказать, соблазняться чужими порядками, обзаводиться въ высшей степени торопливо всяческимъ заимствованнымъ добромъ, — въ ту способность, въ какой упрекаютъ славянъ очень многіе ихъ писатели. Что касается собственно насъ, русскихъ, то какъ легко, уже въ отдаленнѣйшія времена, стало намъ сообщаться многое отъ пришлой германской дружины, о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и нашъ народный былевой эпосъ. За тѣмъ, какъ удачно освоился у насъ и идеалъ византійскій, какъ съ нимъ сжились и сочетались наши древне-славянскія, казалось бы, совершенно другія основы! Вмѣстѣ же съ тѣмъ, вслѣдствіе извѣстной стороны того же самаго византійства, какъ удобно у насъ упрочилась та многовѣковая, блаженная неподвижность, то сидѣніе сиднемъ по подобію Ильи Муромца, которое въ такое недоумѣніе приводило и еще приводитъ многихъ. Подъ ошеломляющимъ вліяніемъ татарщины еще глубже намъ въѣлась въ нравъ эта способность сидѣть и засиживаться, казалось бы, прямо противоположная живой и подвижной натурѣ славянъ. Но мы видѣли уже, что эта подвижность есть въ то же время и какая-то мягкость, т. е. неокрѣплость характера. Вотъ эта-то пресловутая мягкость, которую даже съ особенною готовностію замѣчаютъ въ славянахъ нѣмцы, способна переходить иной разъ и въ крайнюю степень уступчивости, въ умѣніе сживаться съ положеніемъ, даже далеко не завиднымъ... Отсюда же совершился у насъ и переходъ въ неподвижность... Въ этомъ замѣтно дѣйствительно что-то инертное. Но та же инерція проявилась у насъ и въ противоположную сторону. Стоило только намъ тронуться, сдвинуться съ мѣста, и движеніе пошло уже безъ оглядки, съ какою-то нервическою поспѣшностью, съ какимъ-то судорожнымъ порываніемъ сразу себѣ наверстать все опущенное долгимъ сидѣніемъ. Тутъ сказывается уже и другое, также двоякое, обоюдуострое, такъ сказать, славянское качество: та «неспособность къ мѣрному и постепенному развитію», та неспособность «къ остановкѣ на полъдорогѣ», которая еще недавно была такъ мѣтко замѣчена за славянами г. Спасовичемъ [1]. И тутъ опять, съ одной стороны — особенная талантливость, такъ сказать, виртуозность славянской натуры, — съ другой же, опасность той скороспѣлости, какая вытекаетъ нерѣдко отсюда.

Уже въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Петру, между тѣмъ какъ одна, еще преобладающая часть общества, оста-

---

[1]) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

валась инертною въ старой своей привычкѣ къ преданіямъ византійщины и татарщины, и не обнаруживала еще ни малѣйшей охоты изъ-подъ этой знакомой опеки перейти подъ новую, западно-европейскую, — другая часть общества, имѣвшая случай подойти ближе къ этимъ новымъ опекунамъ, уже готова была дать расходиться предъ ними славянской своей податливости, и съ инертною силой другого рода побѣжать въ догонку за западомъ. Вспомнимъ писателя XVII стол., и притомъ не русскаго, а юго-западнаго славянина, писавшаго о Россіи, Крижанича. Онъ, очевидно, болѣе русскихъ могъ приглядѣться къ западно-европейскимъ порядкамъ.... Но вѣдь Крижаничъ является озлобленнѣйшимъ непріятелемъ нѣмцевъ, ревнивымъ оберегателемъ русской земли отъ ихъ усиливающагося наплыва. Да, — но вглядитесь внимательнѣе! Онъ противъ наплыва нѣмецкихъ людей (славянину западному и притомъ еще свѣдущему въ исторіи не могли же они не являться давнишними историческими врагами славянъ), но онъ же во многихъ отношеніяхъ за наплывъ нѣмецкихъ обычаевъ (понимая нѣмецкое въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ понималось оно древнею Русью). Очистивъ русскую землю отъ нѣмцевъ, онъ, повидимому, охотнѣе бы наполнилъ ее отовсюду славянами; но ежели бы эти славяне походили на него самого, то они бы расплодили у насъ порядки совсѣмъ не славянскіе, а нѣмецкіе. Развѣ у Крижанича мы не находимъ уже настоящей реформаторской торопливости въ подражаніи — начиная отъ платья, волосъ и т. п. внѣшностей, и до учрежденія маіоратства, не удавшагося однакоже и Петру вмѣстѣ съ другими различными порожденіями западно-европейскаго аристократизма. Но вспомнимъ теперь другого, уже славянина русскаго, не ученаго, какъ Крижаничъ, а самоучку, не предшественника Петра, а его современника: я указываю на Посошкова. Онъ также отъявленный непріятель нѣмцевъ, но вѣдь и онъ не прочь отъ усерднѣйшей къ намъ пересадки кое-чего заморскаго. Онъ не только готовъ попользоваться отъ нѣмецкихъ судебниковъ (впрочемъ, и отъ турецкаго, съ выборомъ, правда, изъ тѣхъ и другого того, что «къ нашему правленію пригодно»: замѣтьте! къ правленію, а не къ народнымъ нравамъ); но его сильно соблазняютъ и нѣмецкіе цѣхи, и нѣмецкія торговыя и ремесленныя монополіи и привилегіи. Онъ даже не чуждъ и поползновенія провести у насъ рѣзкій сословный принципъ—въ одеждѣ: «чтобы всякъ свою мѣрность зналъ» [1]). Но съ другой стороны беретъ у него перевѣсъ его натура славянская, сказывающаяся

[1]) Посошкова сочиненія, I, 75. 128.

совѣтомъ спроситься, въ дѣлѣ новаго уложенія, у всей земли, и «тыи новосочиненные пункты освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ,» голосомъ рѣшительно всѣхъ, даже «низкочинцевъ», потому что «нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего [1]). У Посошкова и вообще болѣе замѣтна готовность оцѣнить и сберечь нѣкоторыя своеобразныя стороны нашей жизни; по всей вѣроятности, потому, что онъ окончательно не выдѣлился изъ народа, такимъ образомъ не забылъ его завѣтныхъ наклонностей, наконецъ самъ за моремъ не бывалъ и такъ удобно не могъ, по славянскому обыкновенію, соблазниться даже и тѣми сторонами тамошняго *порядка*, которыя издавна тяготѣли и тамъ надъ *свободою* жизни народной.

Изъ одного класса съ Посошковымъ, нѣсколько позже его, выходитъ и Ломоносовъ. Начавши подобно ему, самоучкой, далѣе въ страстномъ своемъ стремленіи къ знанію, онъ находитъ подспорье въ порядкахъ, заведенныхъ у насъ Петромъ. Основанная по плану преобразователя Петербургская Академія посылаетъ Ломоносова за границу. Онъ становится такимъ образомъ прямо лицомъ къ лицу съ результатами западно-европейской цивилизаціи, и ими вполнѣ проникается славянская воспріимчивая его натура. Онъ ученикъ философа Вольфа, онъ профессоръ Петербургской Императорской Академіи, онъ ученый корреспондентъ и предметъ удивленія Эйлера; такъ гдѣ же тутъ уцѣлѣть въ немъ прежнему мужику Михайлѣ? Онъ не могъ не выдѣлиться изъ народа; прежнія связи неминуемо порвались. Правда, благородная душа Ломоносова не чуждается своихъ земляковъ «низкочинцевъ»; онъ радушно принимаетъ ихъ у себя, онъ дружески пишетъ къ роднымъ [2]). Но изъ памяти его изгладилось многое, что бы можно было, повидимому, совсѣмъ не въ ущербъ просвѣщенію удержать изъ крестьянскаго быта; можно бы, но не при той степени воспріимчивости, какая въ нашей натурѣ. Рожденный въ далекомъ углу, сохранившемъ древне-славянскую свободу въ крестьянствѣ [3]), Ломоносовъ могъ бы, повидимому, перенести и ко двору Императрицы Елизаветы нѣкоторыя преданія этой свободы. Но заманчивый блескъ тѣхъ по-

---

[1]) Посошкова сочиненія, I, стр. 76 и 77. Ср. также стр. 86.

[2]) Ламанскаго, Ломоносовъ, біографическій очеркъ, стр. 56 и 57.

[3]) Ламанскаго Ломоносовъ, біографич. очеркъ, глава 2, гдѣ представлена прекрасная характеристика *свободнаго быта* земляковъ Ломоносова, характеристика, послѣ фактическихъ данныхъ которой уже странно было ставить на сцену, для Ломоносовскаго юбилея, такую сентиментальную мелодраму, какъ «Ломоносовъ» Полевого. (О поморахъ-землякахъ Ломоносова также въ 3 гл., на стр. 57 — 59).

рядковъ, той стройности опирающагося на знаніяхъ государственнаго устройства, на которую нагляделся онъ за границей, сдѣлалъ для него обаятельными и всѣ тѣ мѣры, съ помощію которыхъ Петръ В. сталъ водворять и у насъ туже самую стройность. И вотъ, онъ восторженно отзывается даже объ одной изъ тѣхъ мѣръ, противъ которыхъ, казалось бы, приходилось ему вопіять при его крестьянскомъ происхожденіи.

«Когда еще не было, говоритъ Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Петру, число всего Россійскаго народа, и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, преселиться и странствоватъ по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою... Превратилъ премудрый герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, раззорителей въ защитниковъ, когда исчислилъ множество подданныхъ, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать [1]). Въ пылу увлеченія государственною цѣлью преобразователя, Ломоносову эти подати представляются даже легкими; но исторія уже открыла намъ, въ какой мѣрѣ тяготѣли онѣ надъ народомъ. Въ такомъ взглядѣ на петровскія подати, со стороны профессора и совѣтника Ломоносова высказался тотъ идеализмъ, который съ тѣхъ самыхъ поръ свилъ себѣ долговременное гнѣздо въ нашей литературѣ. Ломоносову, происхожденіемъ мужику, этотъ идеализмъ помѣшалъ уже понимать, что знаменитое петровское перечисленіе народа было ни чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ окончательныхъ моментовъ закрѣпощенія [4]). Но вотъ, химику и поборнику наискорѣйшихъ успѣховъ промышленности нужно создать себѣ разомъ фабрику, и онъ испрашиваетъ переведенія подъ нее 200 душъ крестьянъ: «крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно, и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми, за новостью, той фабрики въ совершенство привести не можно [3]).» Ему, въ нетерпѣливомъ его увлеченіи промышленною своею цѣлью, уже некогда и подумать о томъ, что такое вѣчное пребываніе при фабрикѣ равняется крѣпости своего рода. Ломоносову какъ бы неизвѣстно и то отвращеніе, какое обнаруживалъ, особенно къ этой заводческой крѣпости (правда, злоупотребляемой, чего бы у Ломоносова не было), народъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Извѣстно, что въ ея царствованіе заводческіе крестьяне рѣшились даже цѣловать

---

[1]) Ломоносова полное собраніе сочиненій (Смирд. изд.). I, 602.

[2]) Бѣляева, Крестьяне на Руси.

[3]) Билярскаго, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 182. Ср. тамъ же стран. 39—40.

Крестъ и Евангеліе въ знакъ дружнаго соглашенія не работать на своихъ заводчиковъ, а вслѣдъ за тѣмъ и разбить цѣлый полкъ, высланный для ихъ усмиренія [1]). Но въ отвлеченныхъ соображеніяхъ ученаго двигателя промышленности рѣшительно потонулъ практическій кругозоръ когда-то на свободѣ взрощеннаго мужика. Впрочемъ, въ своемъ разсужденіи о способахъ къ размноженію русскаго народа Ломоносовъ сострадательно вспоминаетъ и о той части крестьянства русскаго, которая уже не пользовалась тогда свободою положенія его сѣверныхъ земляковъ. «Побѣги, говоритъ онъ тутъ, бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ» [2]). Если же, въ своихъ благородныхъ заботахъ о томъ, чтобы выравнять путѣ къ просвѣщенію, какъ выражается онъ, «многочисленнымъ Ломоносовымъ» [3]), онъ ограничивается допущеніемъ въ университетъ одних только «хорошихъ (т. е. свободныхъ) людей посадскихъ», и не рѣшается распространять туже льготу и на людей «крѣпостныхъ» [4]) то въ этомъ надо видѣть только практическую уступку времени, только боязнь, потребовавъ слишкомъ много, не получить ничего. Ломоносовъ на первый разъ ограничивается льготою для однихъ свободныхъ крестьянъ, не имѣя, вѣроятно, надежды, сразу добиться ея и для всѣхъ остальныхъ.

Память о томъ кругѣ, изъ котораго вышелъ онъ, отчасти сказалась у Ломоносова и въ тѣхъ указаніяхъ на народныя пѣсни, обряды и сказки, какія находимъ въ одной главѣ его «Россійской исторіи» [5]). Но при какомъ случаѣ упоминаетъ онъ о народной поэзіи? Говоря о суевѣріяхъ до-христіанскихъ. Она для него, такимъ образомъ, нѣчто, уже совершенно отжившее. Онъ не былъ въ состояніи въ ней замѣтить хоть что-нибудь, способное еще жить, т. е. далѣе развиваться. Онъ даже не упоминаетъ о самой глубокой по содержанію отрасли пѣсенъ, объ отрасли былевой, прекрасные остатки которой записываются, какъ извѣстно, еще и теперь въ нашемъ сѣверномъ краѣ, во время же Ломоносова, вѣроятно, были и болѣе, чѣмъ *остатками*. Повидимому, какъ многое изъ основного духа этого былевого эпоса способно было ужиться съ образованіемъ, только дальше и шире развиться подъ вліяніемъ его. Но, понятнымъ

---

[1]) Бѣляева, Русское общество отъ кончины Петра до Екатерины II. (Библ. д. чт. 1865, февр. кн. I, 94, 95),

[2]) Смирд. изд. Ломоносова, I, 653.

[3]) Билярскаго матеріалы, 432.

[4]) Билярскаго матеріалы, 448. Ср. стр. 405. Ламанскаго, Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ, 41.

[5]) Смирд. изд Ломоносова, III, стр. 195—197.

образомъ, оторвавшись отъ своего мужицкаго круга, Ломоносовъ былъ принужденъ совершенно свободную рѣчь, свободное обращеніе съ княземъ нашихъ старыхъ богатырей промѣнять, не задумавшись, на раболѣпныя формы придворнаго одописанія съ его надутою обстановкою изъ классической миѳологіи. И не только въ одахъ, этомъ искусственномъ родѣ, но и въ обыкновенныхъ, буднично-трезвыхъ письмахъ, пришлось ему употреблять даже слово *рабъ*, которое, ужъ конечно, совсѣмъ не играетъ роли въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. И какъ странно, сквозь эти казенно-стереотипныя формы, просвѣчиваетъ (въ Ломоносовскихъ письмахъ) его совершенно свободный характеръ, характеръ, смѣло высказывающій правду и Разумовскому и Шувалову [1]). Казалось бы, вотъ именно къ такому характеру и пристали бы независимыя выраженія народнаго славянскаго слова. Но вѣдь это было слово вполнѣ безъискусственное, невозделанное, мало измѣнявшееся въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, слово только передававшееся изъ устъ въ уста, не закрѣпленное даже письменностью. То ли нашелъ Ломоносовъ зà моремъ? Онъ нашелъ тамъ цѣлую, богато развившуюся литературу, литературу, въ которой обнаруживались знанія, которая почерпала себѣ содержаніе отовсюду, — изъ всякихъ временъ и мѣстъ — и въ то же время торжественно отзывалась на каждое, сколько нибудь замѣчательное явленіе въ современной жизни, — тѣмъ болѣе на побѣдный громъ. Между тѣмъ громъ этотъ уже раздавался тогда и у насъ. Да, и на наши побѣды обращалось уже вниманіе и на западѣ. Мы все болѣе и болѣе являлись дѣйствующими на общей государственной сценѣ Европы; — надо же было, чтобы, совершенно по-европейски, запѣлись у насъ и хвалебные гимны въ честь нашей новой государственной роли. И вотъ, подражательнымъ увлеченіемъ Ломоносова пересажена къ намъ, и на долгія времена, похвальная ода съ ея безграничнымъ гиперболизмомъ подобострастнаго воспѣванія торжественныхъ происшествій. Но мало было обзавестись одной одой: чтобы ближе срав-

[1]) Билярскаго матеріалы, 204, 499, 536. Проявленіемъ духа независимости въ Ломоносовѣ служитъ также его протестъ противъ чрезмѣрныхъ правъ президента въ академіи. (Лавровскаго, Ломоносовъ, 111). Тотъ-же благородный духъ сказывается уже въ письмѣ къ Шумахеру Ломоносова, еще студента, письмѣ, писанномъ изъ Марбурга въ 1740 г. и соединяющемъ въ себѣ сознаніе своихъ ошибокъ вмѣстѣ съ оправдательнымъ указаніемъ ихъ причинъ, одинаково отличающемся скромностію и смѣлостію; (Куника, Матеріалы I, 179—188). Весь этотъ томъ заключаетъ въ себѣ любопытнѣйшія данныя для изученія собственно студенчества Ломоносова за границей. Замѣчательны тутъ отзывы Вольфа о теплотѣ и благородствѣ его характера, на стр. 133, 156.

ниться съ Европой, надо было сразу же позаботиться и обо всемъ остальномъ, чѣмъ такъ разнообразно поражала ея литература. Какъ Петръ Великій поторопился не только создать себѣ армію, флотъ, но также обзавестись и столицей на иностранный манеръ, и табелію о рангахъ, и маіоратствомъ въ наслѣдственномъ правѣ, и европейскими париками, и ассамблеями, и цѣлымъ наплывомъ къ намъ иностранныхъ словъ, и мало ли чѣмъ еще; — также точно Ломоносовъ спѣшилъ у насъ завести не только оду, но и похвальное слово, и героическую поэму, и трагедію, и дидактическую эпистолу, и т. п. Гдѣ же тутъ было помнить о когда-то слышанныхъ въ отрочествѣ народныхъ пѣсняхъ, на которыя не походило ничто въ элегантной иностранной литературѣ; гдѣ ужъ тутъ было съ терпѣніемъ ожидать постепеннаго, органическаго возникновенія, подъ вліяніемъ образованности, своеобразной русской литературы изъ духовныхъ основъ народной русской словесности? Такою терпѣливостью отличался бы развѣ соотвѣтственный Ломоносову дѣятель германскаго племени (если бы могъ онъ быть вызванъ обстоятельствами германской исторіи). *Нѣмецкому* Ломоносову, по всей вѣроятности, показалась бы совершенно достаточною роль распространителя знаній; — нетерпѣливая зарывающаяся натура Ломоносова-славянина захотѣла при жизни пожать и самые поздніе, всего туже созрѣвающіе ихъ плоды. Ему захотѣлось увидѣть передъ собою и цѣлую, въ полномъ, такъ сказать комплектѣ, литературу—со всѣми тѣми отдѣлами, какіе были замѣчены имъ на западѣ. И долго каждый изъ нашихъ писателей какъ бы обязанностью считалъ пополнять чуть ли не всѣ ихъ; и, усердно пополняемыя изъ столькихъ рукъ, они на самомъ дѣлѣ постоянно пребывали пустыми.

Мы видѣли, что Ломоносовъ, какъ и Петръ Великій, былъ въ тѣсной связи съ тою частію русскаго общества, которая, сдвинувшись съ мѣста, напрягала всѣ свои силы, чтобы скорѣе догнать Европу. Но какими же глазами ей приходилось смотрѣть на ту часть русскаго люда, которая съ такою же силою увлеченія сидѣла себѣ да сидѣла, съ какою передовая часть общества уносилась на всѣхъ парахъ? Очевидно, она смотрѣла на сидней съ досадою, и считала своею обязанностью понукать ихъ. Послѣ этого ей не могли не приходиться по нраву и тѣ понуканія, какія употребляла государственная рука Петра. Но ежели и засидѣвшаяся часть русскаго общества должна была сдвинуться съ мѣста, сдвинуться въ силу богатырскихъ понуканій преобразователя, ежели она, такимъ образомъ, оказалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ одного человѣка, то та государственная

сила, помощію которой человѣку этому удалось совершить такъ много, была только наслѣдована имъ отъ старины, постепенно упрочивалась и крѣпла добровольнымъ согласіемъ стараго русскаго общества. Послѣ этого, что же мудренаго, если, старая тою же страстною нетерпѣливостью, какою сгаралъ Петръ Великій, и Посошковъ, и самъ Ломоносовъ готовы были благословлять государственную руку преобразователя, какъ бы ни оказывалась она тяжелою для потталкиваемаго ею народа. Еще Крижаничъ, какъ извѣстно, предоставлялъ самое широкое поприще государственному вмѣшательству, и издатель рукописи его совершенно основательно формулируетъ ея реформаторскій взглядъ слѣдующими словами: «кройте и рѣжьте, преобразуйте, отъ ремеслъ, торговли и пашни, до покроя платья, до фигуры шапокъ и бритья бородъ, а отсюда до самыхъ тончайшихъ нравственныхъ явленій [1])». Не менѣе извѣстна рѣшительная наклонность Посошкова къ самымъ крутымъ, даже просто безчеловѣчнымъ административнымъ мѣрамъ [2]). Когда прочитаешь его, то начнешь понимать, что не безъ санкціи со стороны нашихъ тогдашнихъ понятій и нравовъ Петръ Великій производилъ свои поражающія экзекуціи. Когда прочтешь Посошкова, и вспомнишь потомъ про кроткій, древне-славянскій духъ завѣщанія Мономаха, про эти человѣчностью дышущія слова: «души не убейте ни единыя христіаны,» — то чувствуешь всю историческую пагубу той уступчивости, съ какою относилась ко всякого рода постороннимъ вліяніямъ славянская наша стихія.

Ломоносовъ со своихъ идеальныхъ высотъ, разумѣется, не могъ замѣчать въ Петрѣ преемника Грознаго. Петръ у него «государь, отъ природы нравами не памятозлобивой,» слабостямъ человѣческимъ терпѣливой, только «принужденный употребить правосудіе [3]).» Ломоносову приходилось этимъ словомъ смягченно обозначать суровую сторону въ дѣятельности Петра, чтобы сохранить за нимъ ореолъ божественности. Ежели свести вмѣстѣ различные отзывы Ломоносова о Петрѣ, то преобразователь Россіи окажется настоящимъ ея творцемъ. При подобномъ взглядѣ Ломоносовъ долженъ былъ относиться совершенно сочувственно и къ той государственной силѣ, какою только и сообщилась Петру возможность представляться творцемъ Россіи. — Уже съ самаго начала своей русской исторіи (она и до-

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVIII вѣка (Приложеніе къ Русской Бесѣдѣ 1859 г., № 1, стр. XXI.

[2]) Посошкова сочиненія, I, 154—170.

[3]) Смирд. изд. Ломоносова.

ведена только, какъ извѣстно, до Ярослава) Ломоносовъ слѣдитъ почти исключительно за развитіемъ государственнаго начала. Уже въ тѣ отдаленныя времена передъ нимъ Россія (не Русь); уже Владиміръ является у него «великимъ самодержцемъ;» Ярославъ, по его мнѣнію, «былъ бы еще больше (т. е. еще болѣе великъ), когда бы Новгородцамъ не оставилъ необузданной вольности.» Упоминая о знаменитомъ мщеніи Ольги, онъ пытается найти ему оправданіе въ государственныхъ цѣляхъ: «страшнаго сего и суроваго мщенія нареканіе умаляется полезнымъ Ольгинымъ промысломъ, которымъ знатную часть главныхъ древлянскихъ начальниковъ истребила и пріуготовила путь къ будущей побѣдѣ [1].» Посвящая цѣлую часть временамъ, предшествовавшимъ основанію русскаго государства, и обнаруживая замѣчательное для того времени знакомство съ древними свидѣтельствами о славянахъ, онъ главнымъ образомъ налегаетъ на давнишнюю ихъ *распространенность*. Цитируя два-три замѣчательныя свидѣтельства о древнемъ славянскомъ бытѣ, онъ не обращаетъ вниманія на его замѣчательныя особенности. Ему явнымъ образомъ не сочувственно самоуправленіе народное; — не даромъ упоминаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи о «республиканской грубости.» Въ самомъ же концѣ 1-й части, онъ не безъ сожалѣнія замѣчаетъ, что «древняя наша исторія до Рюрика порядочнымъ преемствомъ владѣтелей и дѣлами ихъ не украшена, какъ у сосѣдовъ нашихъ, самодержавною властію управлявшихся видимъ [2].»—Если бы Ломоносовъ довелъ свою исторію до Петра, то, надобно полагать, развиваемый въ ней государственный ростъ Россіи органически разрѣшался бы у него появленіемъ небывалаго въ мірѣ преобразователя. Безграничное благоговѣніе Ломоносова предъ этимъ божественнымъ преобразователемъ заставляетъ его видѣть какъ бы отблескъ божественности и на его дочери. Она для него благодатная возстановительница на нашемъ престолѣ Петрова племени... Въ самомъ восшествіи ея на престолъ онъ видитъ какъ бы особое участіе промысла, совершенно забывая о тѣхъ 14,000 душъ крестьянъ, которыя были розданы лейбъ-компанцамъ, всѣмъ отъ перваго до послѣдняго, за содѣйствіе при ея воцареніи [3]). Въ пылу своего патріотическаго увлеченія возстановительницею Петрова племени, онъ рѣшается даже воскликнуть въ одной изъ своихъ похвальныхъ надписей:

---

[1]) Смирд. изд. Ломоносова, III, 166.

[2]) Тамъ же, III, 140.

[3]) Статья Бѣляева, въ Библ. д. Чт. 1865 г., стр. 89.

Какъ вѣчная гора стоитъ блаженство наше,
Крѣпчае мрамора, рубина много краше.
И твой, Монархиня, престолъ благословенъ,
На нашей вѣрности недвижно утвержденъ.
Пусть мнимая другихъ свобода угнетаетъ,
Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ.

Въ словахъ этихъ идеализмъ государственности доводитъ Ломоносова до того, что онъ и не чувствуетъ необходимости принимать тутъ рабство въ прямомъ, настоящемъ смыслѣ; — не знаетъ и не видитъ, что сюда относились застѣнки, усердно продолжавшіе дѣйствовать при Елисаветѣ, указы относительно сбора пошлинъ и податей, не уступавшіе ни мало бироновскимъ, плети, наконецъ урѣзываніе языковъ, какъ благодушный способъ смягченія еще болѣе ужаснаго приговора [1]). Тотъ же самый идеализмъ вызвалъ у Ломоносова, современника подобныхъ явленій, не лишенное удовлетворенности наименованіе русскаго народа «послушливымъ»; или же, при мысли о *податливости* народа относительно петровской реформы, заставилъ его воскликнуть съ сочувствіемъ: «россійскій народъ гибокъ!»

При своей нетерпѣливости въ дѣлѣ распространенія у насъ наукъ, видя особенное счастіе въ томъ, что за покровительство имъ взялась власть государственная; усматривая вѣнчаннаго мецената въ самой государынѣ, онъ радъ былъ встрѣчать меценатовъ и въ лицахъ, ее окружающихъ. Заботясь о томъ, чтобы поднять, во что бы ни стало, науку въ глазахъ тогдашняго общества, онъ искалъ правительственныхъ поощреній, даже иной разъ и самъ ихъ себѣ испрашивалъ, думая чиномъ совѣтника пріукрасить въ глазахъ большинства, не для всѣхъ, конечно, казистое званье профессора [2]). И въ этомъ вовсе не было фальши, не было служенія двумъ господамъ. Служа наукѣ, онъ, совершенно соотвѣтственно своему сочувствію видамъ Петра, считалъ себя вмѣстѣ съ наукою состоящимъ на службѣ у государства. Отсюда ревнивое обереганіе имъ, въ качествѣ академическаго цензора, государственной чести Россіи; отсюда возможность съ его стороны даже нѣкоторыхъ особаго рода придирокъ къ Миллеру, а потомъ и къ Шлецеру [3]). Положимъ, въ

---

[1]) См. ту же статью, стр. 84 и 86.

[2]) Билярскаго «Матеріалы», 278, 433: прося для себя вице-президентскаго званія, Ломоносовъ замѣчаетъ: «сіе ободритъ меня къ сочиненію въ одинъ годъ Петріады»; на стр. 644: просьба о рекомендаціи въ члены парижской академіи чрезъ «знатныхъ пріятелей» И. И. Шувалова при французскомъ дворѣ.

[3]) Въ этомъ отношеніи самый строгій судъ надъ Ломоносовымъ произнесенъ однимъ изъ самыхъ жаркихъ его поклонниковъ, В. И. Ламанскимъ. Приводя стихи, въ

его негодованіи на то, что за писаніе русской исторіи принимаются люди, въ сущности не знающіе Россіи, сказалось совершенно законное и справедливое народное чувство. Даже досада его на Миллерово произведеніе Варяго-Россовъ отъ германскаго корня можетъ быть объясняема все еще чувствомъ народности, хотя и вышедшимъ за предѣлы (что рѣшительно видно изъ удовлетворенности Ломоносова оффиціальнымъ отрѣшеніемъ Миллера отъ должности ректора за ученое мнѣніе [1]). Но уже совсѣмъ не народное направленіе, а какая-то особаго рода патріотическая придирчивость замѣтна въ нападеніяхъ Ломоносова на нѣкоторыя частности въ трудахъ Миллера. Сюда, напримѣръ, относится слѣдующее замѣчаніе о «Сибирской Исторіи»: «весьма много въ ней вещей, печати недостойныхъ, какъ-то о пушкарѣ, называемомъ Ворошилкѣ, который былъ посыланъ для пробованія росола, и о его худыхъ поступкахъ, весьма излишно; ибо по сему примѣру всѣхъ въ Сибири бывшихъ подлыхъ бездѣльниковъ описывать было бы должно, что̀ весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ, каково есть посольство отъ блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича къ золотому царю....» Или далѣе: «какъ-то неосторожно написано, что будто для лучшаго украшенія города двѣ церкви построены: ибо церкви строятся для приношенія славословія божія и молитвы [2].» —Или же: «описывая чувашу, не могъ (т. е. Миллеръ) протти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія.» Или еще: «Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмец-

---

которыхъ Петръ именуется богомъ Россіи, онъ замѣчаетъ: «извѣстно, какое негодованіе возбуждали эти слова въ раскольникахъ, и въ этомъ отношеніи Андрея Денисова, какъ дѣятеля общественнаго, нельзя не ставить выше Ломоносова, который своею государственною поэзіею, своими казенными и оффиціальными одами давалъ ложное направленіе русскому просвѣщенію и силою своего дарованія узаконивалъ и какъ бы освящалъ разрывъ, образовавшійся у насъ между народомъ и его передовыми классами. Многія его предложенія относительно академіи и вообще народнаго просвѣщенія не были исполнены именно потому, что онъ проводилъ ихъ путемъ оффиціальнымъ, часто являясь чиновникомъ тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы оставаться свободнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ теоріи — смѣлый поборникъ свободы мыслей и слова, въ жизни — онъ требуетъ цензуры, постоянной опеки государства надъ обществомъ. Въ свою чисто общественно-нравственную борьбу онъ часто приносилъ характеръ оффиціальный, принудительный и насильственный, и тѣмъ самымъ подкапывалъ свое великое дѣло.» (Ломоносовъ, біографич. очеркъ, стр. 19 и 20).

[1]) Ламанскаго, Ломоносовъ и академія наукъ, стр. 43, 44.

[2]) Билярскаго матеріалы, стр. 159, 160.

комъ языкѣ смутныя времена Годунова и Растригины, самую мрачную часть Россійской исторіи; изъ чего иностранныя народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ [1]).» Или наконецъ: «должно опасаться, чтобы не было соблазна православной россійской церкви отъ того, что г. Миллеръ полагаетъ населеніе славянъ на Днѣпрѣ и въ Новгородѣ послѣ временъ апостольскихъ; а церковь россійская повсягодно воспоминаетъ о приходѣ св. апостола Андрея Первозваннаго на Днѣпръ и въ Новгородъ къ славянамъ, гдѣ и крестъ отъ него поставленъ и нынѣ высочайшимъ Ея Величества указомъ строится на ономъ мѣстѣ каменная церковь [2]).» Вообще безпристрастіе заставляетъ замѣтить, что въ сужденіяхъ о Миллерѣ многимъ разумнѣе и справедливѣе Ломоносова оказывается даже Тредьяковскій [3]), какъ бы жалка ни была въ другихъ отношеніяхъ нравственно приземистая фигура надутаго профессора элоквенціи. Но дѣло въ томъ, что широкая, размашистая натура Ломоносова способна была вообще доходить до крайности: до крайности доведена имъ и государственная точка зрѣнія, въ увлеченіи которой онъ даже превзошелъ самого Петра, не велѣвшаго, какъ извѣстно, выкидывать изъ переводныхъ книгъ неблагопріятные отзывы о Россіи [4]). И съ легкой руки Ломоносова чисто государственная точка зрѣнія до сихъ поръ еще сказывается у насъ во многомъ, неосновательно окрещиваемомъ именемъ народности.

До сихъ поръ видѣли мы Петра Великаго сильнымъ по милости частію только полуздоровыхъ, частію совершенно больныхъ сторонъ нашей славянской натуры. Но былъ онъ силёнъ, и силёнъ безпримѣрно и такою одной стороной, которая принадлежитъ къ здоровѣйшимъ сторонамъ славянства. Не всегда же замѣтенъ въ немъ тотъ преемникъ Ивана Грознаго, который, видя отвращеніе своихъ приближенныхъ къ анатомическому процессу, заставляетъ ихъ зубами отрывать мускулъ за мускуломъ у отталкивающаго ихъ трупа [5]); не всегда же онъ тотъ ужасающій карами исполинъ, изъ боязни передъ которымъ одинъ переводчикъ указаннаго имъ сочиненія, чувствуя неудовлетворительность своего труда, заблаговременно рѣшается на самоубійство [6]). Мы видимъ его и товарищески теряющимся среди своихъ подданныхъ, въ качествѣ простого работника по-

[1]) Тамъ-же, 491, 492.
[2]) Тамъ-же, 770, ср. стр. 660, 758.
[3]) Вилярскаго матеріалы, 756 — 758.
[4]) Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.
[5]) Тамъ-же.
[6]) Тамъ-же.

хлопаемымъ работающею толпою. Мы видимъ его испытывающимъ на самомъ себѣ всѣ труды, всѣ занятія, указываемые имъ народу; проходящимъ всѣ степени службы чуть ли не на всѣхъ, безъ изъятія, поприщахъ. Вотъ тутъ-то, совлекши съ себя и старые византійско-татарскіе, и новые западно-европейскіе государственные аттрибуты, онъ является передъ нами въ домашней обаятельной простотѣ древне-славянскаго земскаго князя. Въ преемникѣ Грознаго какъ будто бы вдругъ оживаетъ преемникъ стараго Мономаха князя, входившаго лично во все, съ утра до ночи работавшаго въ потѣ лица, не смотря на бармы и шапку, полученныя изъ Византіи. И въ пробудившемся преемникѣ Мономаха таже отъявленная нелюбовь къ сильнымъ, обидящимъ вдовъ и сиротъ, т. е. къ насилующей знати, тотъ же чисто-славянскій *плебейскій* духъ, который сказался такъ ясно въ извѣстномъ «завѣщаніи дѣтямъ» стараго, излюбленнаго земствомъ князя. Не изъ боярскихъ родовъ, а изъ просто-способныхъ людей, хотя бы и съ послѣднихъ ступеней плебса, любитъ себѣ выбирать сподвижниковъ Петръ Великій [1]). И запанибратски пируетъ онъ во всякой средѣ, не хуже Владиміра Краснаго-солнышка, по былинамъ, державшаго хлѣбъ-соль и про крестьянина!

Могла ли же и на эту вполнѣ человѣческую сторону въ личности своего обожаемаго героя не откликнуться даже съ наибольшимъ сочувствіемъ, въ сущности все же крестьянская, и какъ въ недостаткахъ, такъ и въ достоинствахъ, чисто-славянская душа Ломоносова? Мы видимъ, что онъ неоднократно, и съ особенною любовію прославляетъ въ Петрѣ именно государя «трудами рабовъ своихъ превосходящаго [2]).» Онъ особенно удивляется тому, что Петръ, безпримѣрнымъ образомъ, рожденный къ скипетру, простеръ въ работу руки [3]). Съ особенною любовію рисуетъ онъ, въ похвальномъ своемъ словѣ Петру, слѣдующую картину отношеній между преобразователемъ Россіи и его подданными: «мы, нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовью, коль горячею ревностью къ государю воспалялось начинающее войско, видя его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ, тую же пріемлющаго пищу; видя лице его пылью и пòтомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и трудахъ всѣхъ примѣрнѣе, всѣхъ превосходнѣе [4]).» Ясно, что этой-то совер-

---

1) Тамъ же.
2) Смирд. изд. Ломоносова, I, 557.
3) Смирд. изд. Ломоносова, I, 231.
4) Смирд. изд. Ломоносова, I, 591.

шенно славянской сторонѣ Петра принадлежитъ огромная доля того чарующаго вліянія, какое имъ оказывалось на Ломоносова. Въ этомъ случаѣ Ломоносовъ становится, въ самомъ лучшемъ смыслѣ, человѣкомъ «народной стихіи», но ни мало не превосходя въ этомъ самого Петра. И тутъ, какъ во всемъ, онъ только стоитъ ему въ уровень.

Но не опередилъ ли Ломоносовъ своего полубога въ того рода «народности», которая заставляла его заботиться такъ горячо о томъ, чтобы въ Россіи и администрировали, и учились, а со временемъ и учили, по преимуществу русскіе люди? Но вѣдь и его желаніе видѣть академію «изъ россійскихъ сыновъ состоящею» находитъ себѣ дополнительное поясненіе въ слѣдующихъ извѣстныхъ его стихахъ:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ [1]).»

Слова эти, освѣщенныя общимъ направленіемъ Ломоносова, должны быть понимаемы просто буквально. Желая видѣть у насъ русскихъ дѣятелей, онъ не заявилъ нигдѣ, да и не могъ, послѣ всего, поясненнаго выше, заявить желаніе, чтобы они умѣли быть и *иными*, чѣмъ дѣятели чужіе, иными по духу, по содержанію. Въ этомъ онъ оставался еще на точкѣ зрѣнія Посошкова и даже Крижанича; а тѣмъ еще менѣе могъ онъ въ этомъ отношеніи опередить Петра. И Петръ, какъ извѣстно, до поры до времени окружаясь нѣмцами, уже заботился и о наискорѣйшемъ пріисканіи имъ русскихъ преемниковъ. Онъ имѣлъ уже и явно высказываться противъ поползновеній нѣмецкихъ людей пользоваться къ своему «профиту» несовершеннолѣтнимъ положеніемъ Россіи. Самъ Ломоносовъ вполнѣ сознавалъ присутствіе этой стороны въ Петрѣ. Онъ самъ ставитъ себя въ этомъ отношеніи только въ уровень нашему преобразователю, когда влагаетъ въ уста ему слѣдующія слова, намекающія на направленіе Петра III:

Я мертвъ терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?

---

[1]) Смирд. изд. Ломоносова, I,

На толь, чтобъ всѣ труды несчетны
И пріобрѣтенны плоды
Разрушились и были тщетны,
И новы возросли бѣды?
На толь воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ?...

Въ собственныхъ же устахъ Ломоносова являются за тѣмъ слѣдующія, мало обычныя въ одахъ мысли:

Услышьте судіи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте:
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ [1]).

Вотъ въ какой мѣрѣ Ломоносову удавалось, превышая исключительно государственную точку зрѣнія, приближаться къ точкѣ зрѣнія народной. Но приближенія къ ней въ такой мѣрѣ, могли бы сказать сторонники *морализирующаго начала* въ исторіи, еще мало для человѣка, выведеннаго страстью къ наукѣ изъ самаго сердца народа. Неужели же, могли бы они продолжать, съ помощію науки не сдѣлано Ломоносовымъ ничего, для разгаданія внутренней сущности этого народнаго сердца, для научнаго формированія особенностей нашей народной жизни сравнительно съ другими народами? На это можно и должно замѣтить, что Ломоносовъ однакоже велъ и рѣшительно велъ къ тому. Стоитъ вспомнить хотя бы нѣкоторыя стороны его (до сихъ поръ еще далеко не осуществившагося) академическаго устава. «При опредѣленіи круга дѣятельности академиковъ по наукамъ юридическимъ, историческимъ и филологическимъ, онъ постоянно старается обращать ихъ на изученіе Россіи...» (Лавровскаго о Ломоносовѣ, 257)... «Юриспрудентъ, говорится въ Ломоносовскомъ проэктѣ устава, долженъ собирать все, что надлежитъ до россійскихъ новыхъ и древнихъ правъ и для ихъ объясненія, и приводить въ систематическое расположеніе...;» «древностей ординарный академикъ долженъ въ оныхъ все изыскивать, что надлежитъ къ свѣдѣнію древняго состоянія россійскихъ предковъ,

---

[1]) Смирд. изд. Ломоносова, I.

также единоплеменныхъ славянскихъ и другихъ съ ними смѣшанныхъ народовъ», и т. д. (Билярскаго матеріалы, 660—661). Академія, «изъ россійскихъ сыновъ состоящая,» академія выносящая на своихъ же плечахъ, согласно съ проэктомъ Петра, гимназію и университетъ для просвѣщенія русскаго юношества—не за-моремъ, а у себя дома; академія, во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ спеціально изслѣдующая Россію, и тѣмъ самымъ полагающая основу той *русской наукѣ*, которая, въ то время, должна оказаться и лучшимъ вкладомъ отъ насъ въ науку *общую европейскую*, вотъ Ломоносовскій идеалъ академіи, тотъ идеалъ, съ которымъ, въ концѣ концовъ, она должна была бы привести Россію къ научному самопознанію. Формулируя такимъ образомъ учено-гражданскую дѣятельность Ломоносова, пишущій эти строки надѣется отклонить отъ себя самого подозрѣнія въ солидарности съ тѣмъ *морализирующимъ* направленіемъ, о которомъ онъ упомянулъ выше. Ему было бы очень прискорбно, если бы недостаточностію своихъ выраженій, или инымъ чѣмъ нибудь, онъ представлялся *укорительно* относящимся къ Ломоносову. Въ статьѣ этой имѣлась въ виду только цѣль — предостеречь отъ неисторическаго идеализированія этой великой личности, идеализированія, заключающаго, главнымъ образомъ, въ постановленіи его подъ то широкое знамя *народности*, о полномъ и настоящемъ значеніи котораго не всегда имѣютъ ясное понятіе много и часто трактующіе о немъ. Водрузителемъ этого знамени въ его настоящемъ смыслѣ Ломоносовъ не имѣлъ у насъ исторической возможности быть. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вся дѣятельность Ломоносова пролагала къ этому знамени дальній, но однакоже вѣрный, путь. Онъ подалъ первый великій примѣръ возможности и «будущихъ Ломоносовыхъ.» Онъ облегчилъ для нихъ доступъ къ наукѣ и тѣмъ уже, что въ основу научнаго языка имъ былъ положенъ чистый нашъ русскій, всѣмъ имъ доступный языкъ. Онъ старался, въ неутомимой борьбѣ, настежь растворить для нихъ дверь даже въ самую академію. Ежели же эту послѣднюю мы и теперь не вполнѣ еще можемъ назвать «изъ россійскихъ сыновъ состоящею,» то мысль Ломоносова осуществилась другими путями, рядомъ другихъ заведеній, существующихъ ради «россійскихъ сыновъ». Съ помощію науки, путь къ которой, запавшій для насъ на столь долгія лѣта, былъ богатырски проложенъ новымъ крестьянскимъ сыномъ, Ильею Муромцемъ новаго времени; съ помощію науки, этой новой живой воды, «Россійскіе люди» пораспрaвили наконецъ свои разслабленные долгимъ сидѣніемъ члены. Сперва устремившись всей силой ума къ раскрывшемуся вдругъ передъ нашею любозна-

тельностью стройному міру явленій чуждой и дотолѣ намъ незнакомой жизни, мы могли лишь съ теченіемъ времени оглянуться и на самихъ себя, вникнуть и въ собственную свою душу. Въ наукѣ человѣчество впрочемъ и вездѣ шло подобнымъ путемъ: познать самого себя всегда было вѣнцомъ знанія. И мы начинаемъ уже устремляться къ научному самопознанію. Мы пытаемся добросовѣстно изучать нашу собственную народность, не боясь сознавать ея въ ея недостаткахъ, не боясь сознавать и ея достоинства. Мы начинаемъ ея разлагать на основныя ея стихіи — безъ того отвращенія, какое чувствовали соученики Петра при разсѣченіи мертваго тѣла. Мы ощущаемъ уже, что народный нашъ организмъ — не есть бездыханный трупъ. Мы приближаемся къ сознательному и разборчивому отдѣленію въ нашей народной личности своего, начальнаго, отъ чуждаго, посторонняго, напускного. И близко уже то время, когда, не безъ недоумѣвающаго удовольствія, мы замѣтимъ, что именно оказывающееся у насъ своимъ основнымъ оказывается вмѣстѣ и особенно близкимъ къ современнѣйшимъ стремленіямъ общей европейской жизни.

Къ народному самосознанію, въ концѣ концовъ, привела насъ та же наука, наука общая европейская, путь къ которой проложенъ для насъ Ломоносовымъ. Никто другой, какъ она же говоритъ намъ, что и къ русскимъ непремѣнно должно относиться то, что вѣрно относительно всякой богатой внутренними силами народности.

О. Миллеръ.

VII.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ

АВСТРІИ.

Anton Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden, 1809, 2 Bde. Leipsig, 1863—1865.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Въ VII столѣтіи, мавры завоевали Испанію; въ XI-мъ, Англія сдѣлалась добычею офранцузившихся норманновъ; въ XIII столѣтіи, орденъ тевтонскій покоряетъ язычниковъ пруссаковъ, а орденъ ливонскихъ меченосцевъ — латышей и эстовъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ и во множествѣ тому подобныхъ сталкивались двѣ расы, двѣ культуры, два языка; борьба происходила съ крайнимъ ожесточеніемъ, но еще нельзя сказать, чтобы она ведена была изъ-за доктрины національности, а не изъ-за другихъ какихъ либо причинъ. Скорѣе, наоборотъ, та борьба повела, помимо всякой доктрины, къ созданію новыхъ національностей, и нынѣшніе испанцы, англичане, могутъ быть названы новыми народами, не существовавшими въ древнемъ мірѣ и добывшими, такъ сказать, сами себя изъ матеріаловъ, нѣкогда враждебныхъ другъ другу: древній норманнъ и древній англо-саксъ уступили мѣсто англичанину; кровь араба и кельта выливалась долго на землю, прежде нежели слилась въ жилахъ соперниковъ; и, въ 1492 г., не древній кельтъ изгналъ араба, а новый испанецъ отбросилъ

въ Африку ту горсть, которая оказалась враждебною вѣковому историческому труду созданія новой европейской національности. Но, при началѣ всѣхъ этихъ войнъ, мы видимъ, что ихъ предметомъ было или порабощеніе, закрѣпощеніе, экономическая эксплоатація одной массы другою, или господство извѣстныхъ идеаловъ религіозныхъ. Съ теченіемъ времени, войны съ этими цѣлями сдѣлались рѣже, во первыхъ, потому что вывелось политическое илотство, и въ настоящее время, если присоединяется какая либо область къ какому либо государству, то жители ея дѣлаются eo ipso соучастниками какъ во всѣхъ обязанностяхъ, такъ и во всѣхъ правахъ наравнѣ съ коренными подданными государства; во вторыхъ, потому что вопросъ о вѣрѣ сталъ, по всеобщему признанію, вопросомъ личной совѣсти, рѣшаемымъ у каждаго изъ исповѣдующихъ за себя и для себя, съ устраненіемъ всякаго внѣшняго насилія. Но вмѣсто выбывающихъ изъ строя мотивовъ борьбы явились другіе. Племенныя и культурныя противуположности и различія нашли себѣ новое выраженіе. Общественныя страсти, взаимныя влеченія и отвращенія возведены были въ принципъ; за главный показатель движенія и развитія человѣчества взятъ языкъ; на различіи языковъ выстроилась теорія или доктрина національности. Принято было за аксіому, что только классификація людей по языкамъ есть естественная, а по государствамъ искуственная, что главная болѣзнь Европы состоитъ въ томъ, что интересы національностей идутъ въ разрѣзъ съ интересами династій и правительствъ, и поставлена слишкомъ смѣло гигантская задача новаго передѣла Европы, такимъ образомъ, чтобы всякая національность образовала по возможности самостоятельную политическую единицу. Нашему вѣку, и почти можно сказать нашему поколѣнію, суждено было присутствовать при нарожденіи этой теоріи и при попыткахъ практическаго осуществленія ея въ дѣйствительности. Въ XVIII вѣкѣ ничего не знаютъ объ этой теоріи; принципы 89 года имѣютъ вполнѣ космополитическій характеръ, національная струна не звучитъ ни у Байрона, ни у Шиллера и Гёте, хотя они до мозга костей народные поэты своего племени. Италіанская поэзія процвѣтала при дворѣ Маріи Терезіи (Metastasio, Casti); Фридрихъ В. и его сподвижники были французы по образованію. Еще большій примѣръ индифферентизма къ новой теоріи національностей представляли, возрожденные подъ русскимъ скипетромъ, университеты Виленскій и Дерптскій, гдѣ преподавались науки и переписывались съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по-польски, по-французски, по-нѣмецки. Венгерскій сеймъ отклоняетъ, въ 1807 г., предложеніе сдѣлать оффиціальнымъ языкомъ націонал-

ный языкъ, вмѣсто латинскаго, словами: «Венгрія не принадлежитъ единому племени, но составляетъ государство, въ которомъ всѣ христіанскіе народы обрѣтали пріютъ и родину» [1]).

Первые признаки нарожденія теоріи національностей совпадаютъ съ періодомъ великихъ наполеоновскихъ войнъ, что и подало фантазерамъ и мистикамъ*) поводъ доискиваться таинственнаго соотношенія и сродства между личностью Наполеона и духомъ національностей, хотя, можетъ быть, дѣло было наоборотъ. Движеніе національностей росло послѣ вѣнскихъ трактатовъ, всколебало всю Европу, содѣйствовало образованію одного великаго государства — Италіи, взволновало въ 1848 г. весь юговостокъ, поставило Австрію на краю погибели, явивъ въ ней примѣръ, напоминающій почти вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ; оно виситъ до сихъ поръ мечомъ Дамокла надъ Турціею; наконецъ, оно разразилось грозою въ такъ называемомъ польскомъ вопросѣ, который былъ вызванъ тѣми же національными интересами. Теперь, повидимому, наступилъ въ жизни Европы моментъ отдыха, когда всеобщее вниманіе развлечено другими заботами, время самое удобное для науки, чтобы свести итоги, составить балансъ, и, взвѣсивъ и добро и зло, оцѣнить по достоинству не чувство національности, но ея теорію, какъ она была примѣняема къ даннымъ событіямъ; во всякомъ случаѣ, она принадлежитъ безспорно къ самымъ крупнымъ фактамъ нашего вѣка. Всякая теорія можетъ быть повѣряема двояко: во первыхъ, осуществима ли она на дѣлѣ, не ведетъ ли она къ безплоднымъ результатамъ? если обнаружится, что практическія заключенія изъ теоріи окажутся ни съ чѣмъ несообразными, то это прямо поведетъ къ мысли, что и главная посылка, изъ которой они выведены, страдаетъ какимъ либо порокомъ. Во вторыхъ, достовѣрны ли и собраны ли въ надлежащей полнотѣ тѣ факты, на которыхъ держится теорія, и которымъ она служитъ объясненіемъ? Подвергнемъ теорію національностей въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, такъ сказать, перекрестному допросу.

Теорія національностей можетъ практически осуществляться только при наличности слѣдующихъ условій: если бы географическое распространеніе народностей было таково, чтобы онѣ могли быть разграничены на картѣ прямыми линіями безъ зуб-

---

[1]) Springer, I, 80.

*) Такъ, Мицкевичъ предлагалъ воздвигнуть кумиръ Наполеону I, какъ творцу національностей; новая французская имперія не упускаетъ изъ виду этой доктрины, и по одному такому источнику можно судить о ея внутреннемъ достоинствѣ. — *Ред.*

цовъ, извилинъ и заходовъ; если бы общества теперешнія состояли сверху до низу изъ сплошныхъ массъ безъ всякой пестроты, безъ всякихъ наслоеній; наконецъ, если бы каждая національность, имѣющая значительные размѣры, не скрывала въ нѣдрахъ своихъ безчисленнаго множества особняковъ. Вслѣдъ за большими національностями поднялись провинціализмы, нарѣчія; зашевелились даже и такіе мелкія народности, которыя не въ состояніи вынести на плечахъ своихъ тяжесть самобытнаго существованія политическаго. Теорія національностей, оставаясь послѣдовательною, не въ состояніи будетъ отвѣчать отказомъ на требованія какого нибудь самомомалѣйшаго народца, когда онъ предъявитъ идіомъ литературно-обработанный или даже только способный къ литературной обработкѣ, какъ основаніе для своей политической самобытности. А что трудно справиться національности, основывающей права свои на исторіи, съ разъѣдающими ее и пытающими образовать новыя національности провинціализмами, тому примѣровъ можно найти много въ исторіи. Съ другой стороны, для уничтоженія иноплеменныхъ зубцовъ, заходовъ и этнографической пестроты, теорія національностей не имѣла до сихъ поръ иного средства кромѣ германизаціи, мадьяризаціи, славянизаціи и т. д., то-е́сть механическаго объединенія съ помощью того же самого начала государственности, которое она первоначально отрицала, и которому она противупоставляла общественность. Физически сильнѣйшей національности, для того, чтобы одолѣть другія слабѣйшія, враждебно настроенныя, остается только стать на одну и ту же съ ними почву, усвоить себѣ ихъ программу, и поступить съ ними по закону возмездія. Успѣхъ вѣренъ, хотя и сопровождается потерею сѣмянъ культуры, взаимнымъ очерственіемъ бойцовъ. Такимъ образомъ, теорія національностей въ практическомъ своемъ развитіи ведетъ къ отрицанію всѣхъ другихъ національностей, кромѣ одной, при чемъ сія послѣдняя подвергаетъ себя риску быть въ свою очередь раздавленною и поглощенною противниками. Прямымъ рефлексомъ національныхъ движеній является національная политика осилившаго ихъ государства, которая, не изобрѣтая ничего новаго, дѣлается въ свою очередь органомъ теоріи національностей, идетъ по стезямъ проторенныхъ противниками, и заимствуетъ всѣ свои орудія изъ доставшагося въ добычу непріятельскаго парка. Народы далеко небезсмертны; во многихъ случаяхъ сраженную національность можно не только обуздать, но и совершенно вытѣснить и уничтожить, водворяя формальное единство и ставя вмѣсто чуженароднаго свое собственное. Но этимъ ли однимъ весьма бѣднымъ результатомъ должны

ограничиваться всѣ плоды много стоившей побѣды? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ заглянемъ въ самый корень теоріи національностей, разберемъ составные элементы этого для всякаго, повидимому, доступнаго, а между тѣмъ крайне сложнаго и весьма запутаннаго понятія.

Прежде всего разсмотримъ *національность*, какъ понятіе совершенно формальное. Есть народныя достоинства, и есть народные предразсудки и пороки. Ни объ одномъ общественномъ явленіи, которое именуется національнымъ, нельзя еще напередъ сказать, что оно добро или зло, правда или кривда. Поэтому національность есть вообще опасный вожатый, которому не надобно слишкомъ довѣряться при выборѣ путей и образовъ дѣйствія. Много было говорено о чуткости національной совѣсти; это — contradictio in adjecto; національная совѣсть вообще неразборчива въ средствахъ: въ пылу борьбы разыгрываются страсти, уничтожаются всѣ иныя соображенія, кромѣ одного, и воскресаетъ во всей своей грозѣ старинное римское правило: *in hostem omnia licita*. — Національность подвержена измѣненіямъ; ненаціональное сегодня можетъ сдѣлаться весьма національнымъ завтра, и наоборотъ. Національность есть обоюдоострое оружіе, которое можетъ служить въ одинаковой степени движенію и застою, прогрессу и обскурантизму и реакціи. Чистая національность не создала ни одного государства, хотя имѣла иногда важное значеніе, какъ одна изъ причинъ предрасполагающихъ къ возникновенію и распаденію государствъ. Толчокъ къ образованію отдѣльныхъ политическихъ единицъ даютъ прежде всего бытовые интересы, каковы: организація труда, вѣра, право, наука, искуство. Національность не умѣщается въ этой группѣ, не есть непосредственно бытовый интересъ человѣка и сообщаетъ только бытовымъ интересамъ нѣкоторую особенную окраску. Сражающіеся за національность часто и не подозрѣваютъ, что въ сущности они подвизаются не за нее, а за тѣ или другіе бытовые интересы, за тѣ или другія направленія въ наукѣ, религіи, искуствѣ. — Только въ моментъ кризиса борьба можетъ происходить на остроконечіи чистой національности, послѣ чего она тотчасъ скатывается на бытовые интересы. При изученіи отношеній между національностью и государствомъ поражаютъ прежде всего два обстоятельства: а) что всякая національность образовалась изъ скрещенія расъ и слиянія разнообразныхъ элементовъ, причемъ возникло химическое соединеніе специфически отличное отъ всѣхъ вошедшихъ въ составъ его веществъ; б) что она скорѣе есть продуктъ жизни государственной, а не наоборотъ. — «Чувство національности, говоритъ

«Джонъ Стюартъ Милль, можетъ проистекать отъ различныхъ «причинъ. Иногда оно есть дѣйствіе единства племени или про-«исхожденія; часто образованію ея содѣйствуютъ общность языка «и вѣры, равно какъ и географическія границы. Но сильнѣй-«шая изъ пораждающихъ ее причинъ есть общность политиче-«скаго прошедшаго, обладаніе національною исторіею, а слѣ-«довательно и общность воспоминаній, общеніе въ гордости и «униженіи, общія радости и печали, привязанныя къ однимъ «и тѣмъ же событіямъ въ прошедшемъ. Ни одно изъ этихъ «обстоятельствъ однако само по себѣ взятое, не есть ни безусловно «необходимое, ни вполнѣ достаточное.» —Будучи сыномъ политической исторіи, духъ національный носится невидимкою, безплотною нравственною силою, между людьми, хотя можетъ быть и обрушились стропила того политическаго зданія, которое служило ему жилищемъ; онъ дѣлается въ этомъ видѣ иногда орудіемъ для политики, а иногда помѣхою послѣдовательному проведенію той или другой политической системы, но создать и выработать для себя новое жилье онъ не въ состояніи, потому что въ жизни народовъ нѣтъ воскрешенія политическихъ мертвецовъ, и если великое и многовѣковое государство падаетъ, то его паденіе должно быть всегда почти отнесено на счетъ патологическихъ причинъ, на счетъ внутреннихъ болѣзней его организма.

Изъ приведеннаго выше отрывка Милля видно, что весьма трудно сказать, по какимъ признакамъ распознается національность и отличается одна отъ другой. Эти признаки не *вѣра* (есть нѣмцы католики и нѣмцы протестанты; сербы католики и сербы православные; англичане, французы и русскіе еврейскаго и происхожденія и вѣроисповѣданія); не *законы* (многія національности давно потеряли свои національные законы во всѣхъ частяхъ бывшей ихъ территоріи); не *наука* и *искусство* (онѣ вездѣ и всегда по принципу своему космополитичны); не *сословіе* и не родъ *занятій* (національное чувство тѣмъ собственно и характеризуется, что оно обхватываетъ всѣ классы и званія, отъ мужика и рабочаго до первѣйшаго вельможи и главы государства); не *нравы* (давно замѣчено, что по наклонностямъ своимъ крестьянинъ вездѣ одинаковъ; есть больше сходства, чѣмъ можно бы предполагать, между нѣмецкимъ бюргеромъ и французскимъ épicier, или между дворянами и помѣщиками на всемъ земномъ шарѣ); наконецъ, даже не *языкъ* (О'Коннель волновалъ Ирландію рѣчами на англійскомъ языкѣ, по-англійски говорятъ теперешніе феніи; есть тріединая національность швейцарская, которая столь сильна, что тессинскій кантонъ ни-

сколько не помышляетъ о томъ, чтобы примкнуть къ Италіи, хотя его жители говорятъ италіанскимъ языкомъ). Итакъ, за исключеніемъ всѣхъ этихъ признаковъ, единственнымъ рѣшителемъ вопроса можетъ быть признано одно непосредственное чувство каждаго лица порознь взятаго.

Но неужели національность есть только одно чувство? Неужели люди отстаивая свою національность, дрались, шли на муки и погибали изъ за пустого? Неужели ложь и обманъ то чувство, которое потрясаетъ человѣка до мозга костей, дѣлаетъ его способнымъ къ самопожертвованію и облагораживаетъ его собственныхъ глазахъ?—Нисколько.—Предметомъ такой борьбы бываютъ драгоцѣннѣйшіе и ближайшіе человѣку интересы, только формула, въ которой эти интересы выразились, иногда оказывается несостоятельною. Желательно, чтобы циклъ войнъ за національность кончился безвозвратно; кончится же онъ тогда, когда уяснится, что національность есть общее понятіе, добытое посредствомъ индукціи, что доктрина національностей служила часто оболочкою, за которою скрывались другія цѣли*), что идеалы человѣка лежатъ дальше и самыя цѣли должны быть поставлены выше. Къ чувству можетъ быть приложенъ съ успѣхомъ пріемъ анализа, при которомъ оно разложится на свои составные элементы. Такихъ элементовъ, совмѣщаемыхъ въ чувствѣ національности и вступающихъ во всѣ права свои можно назвать по крайней мѣрѣ три: протестъ противъ общественнаго индифферентизма, привязанность къ историческимъ преданіямъ, наконецъ, жажда разнообразія, инстинктъ своеобразности, неудовлетворяемый никакимъ формальнымъ, законченнымъ единствомъ.

Возбужденіе національнаго чувства есть прежде всего протестъ противъ общественнаго индифферентизма, которому часто даютъ не свойственное ему названіе *космополитизма*. Общественный индифферентизмъ есть болѣзнь, находящаяся въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ самоуправленія и въ прямомъ съ системою правительственной опеки и централизаціи. Если въ теченіи многихъ поколѣній отъ массы общества не требовалось никакого другого участія въ жизни общественной, кромѣ исправнаго платежа податей и отбыванія повинностей, если она вслѣдствіе того разучилась брать въ толкъ дѣла и интересы

*) Примѣровъ тому исторія представляетъ не мало. Голштинскій вопросъ возникъ изъ доктрины національностей, а дѣло обнаружило, что этою доктриною были прикрыты интерессы голштинскихъ феодаловъ, возставшихъ противъ Даніи, какъ будто бы по національнымъ побужденіямъ, а въ дѣйствительности, по надеждѣ найти въ феодальной части Пруссіи опору для притѣсненія низшихъ сословій. — *Ред.*

общины, земства, а тѣмъ болѣе государства, если много лѣтъ ей твердилось, что главная добродѣтель гражданина есть пассивность, съ предоставленіемъ всѣхъ заботъ о благосостояніи тѣмъ, кото■е стоятъ въ высшихъ сферахъ управленія, если и въ нихъ цѣнились выше всего подобострастіе и аккуратность при исполненіи приказаній, то понятно, что при такихъ условіяхъ долженъ былъ особенно размножиться классъ политическихъ амфибій, людей безъ прочныхъ вѣрованій и принциповъ. Мертвящее вліяніе такого отношенія къ дѣлу дѣйствуетъ разрушительно на общество, которое существовать не можетъ безъ нравственныхъ силъ. Реакціею противъ него является настоящій патріотизмъ, любовь къ живому народу, каковъ онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками, причемъ всѣ нераздѣляющіе этого чувства относятся въ разрядъ космополитовъ, то есть людей, которые преданы только себѣ и своимъ личнымъ интересамъ и притворяются, что любятъ отвлеченное человѣчество, чтобы избавиться отъ ближайшей и болѣе отвѣтственной обязанности любить своихъ соотечественниковъ. — Конечно, въ противупоставленіи патріотизма космополитизму можетъ встрѣтиться преувеличеніе; но просвѣщенный патріотизмъ не долженъ никогда отдѣлять своего дѣла отъ дѣла истины, добра, цивилизаціи. Нѣтъ въ мірѣ ничего выше человѣчности (He was a man, *Hamlet*, act. I, sc. 2); и счастливъ тотъ, кто, не переставая быть патріотомъ, умѣетъ въ тоже время быть гражданиномъ міра, сочувствовать всему великому и благородному, гдѣ бы оно ни проявилось.

Сильнѣе всего въ національномъ чувствѣ звучитъ *привязанность къ историческимъ преданіямъ*. — Историческія преданія народа, какъ умственныя, такъ и нравственныя — это громадной величины капиталъ, въ сбереженіи котораго заинтересованы не только самъ народъ, котораго опытъ выражаютъ преданія, но и весь родъ человѣческій. Лица и народы, которые своихъ преданій имѣютъ весьма мало, и ими помыкаютъ, называются варварами. Кромѣ того, тягучестью историческихъ преданій опредѣляется и степень образованности народа и его долговѣчность. Если разобрать, изъ чего состоитъ общій фондъ народной образованности, то окажется, что онъ слагается: a) изъ идей, принадлежащихъ исключительно въ собственность единицамъ, изъ коихъ состоитъ народъ; b) изъ идей обращающихся внутри извѣстной національности, но не выходящихъ за ея предѣлы; c) изъ общечеловѣческихъ культурныхъ идей, обращающихся по всему свѣту и потерявшихъ всякій и индивидуальный и національный колоритъ. Первый изъ этихъ элементовъ весьма

малъ и ничтоженъ въ сравненіи съ двумя остальными; если второй элементъ малъ, то есть, если народъ успѣлъ уже всѣ свои народныя идеи перевести и обратить въ общекультурныя, то это доказываетъ, что онъ народъ состарѣвшійся и отпѣтый, который свое сдѣлалъ и сходитъ съ поприща.

Еслибы чувство національности опиралось на одни историческія преданія, то оно бы не проявилось у народовъ никогда политически не жившихъ, не имѣющихъ своей собственной исторіи, или совершенно отъ нея отрѣзанныхъ ходомъ послѣдующихъ событій; но вѣкъ XIX отличается именно тѣмъ, что забота о созданіи народнаго языка и объ особности овладѣла даже и такими мелкими племенами, которыя исторіи своей почти не имѣютъ и могли бы примкнуть къ другимъ болѣе крупнымъ единицамъ. Такъ, на этомъ основаніи возникли литературы малороссійская, словацкая, фламандская, валахская и множество другихъ. Но всѣ эти попытки не одинаково удачны; вообще выработка отдѣльной національности только тогда экономически выгодна, когда относительное богатство полученныхъ или ожидаемыхъ въ скоромъ времени результатовъ покрываетъ издержки производства; только самъ фактъ повсемѣстнаго появленія этихъ сепаратистическихъ тенденцій весьма знаменателенъ. Движущая въ этомъ случаѣ сила есть *индивидуализмъ*, стремленіе къ относительной самостоятельности частицъ къ децентрализаціи. Кровь, прилившая къ центру, начинаетъ возвращаться опять къ оконечностямъ. Провинціи начинаютъ претендовать на столицу, поглощающія всѣ живыя силы страны и освобождаться отъ рабскаго подражанія столичной модѣ, столичному вкусу. Земствамъ приходится тѣсно подъ нависшимъ надъ ними куполомъ центральной администраціи. Но идеалъ какого нибудь иного устройства еще неизмѣримо далекъ, и можно только догадываться, какія будутъ главныя его черты: равноправность, разнообразіе и широкая автономія частей, подъ условіемъ подчиненія единой власти. Никто не озабоченъ нынѣ въ большей степени практическимъ разрѣшеніемъ вопроса о способахъ приближенія къ такому идеалу, какъ именно Австрія. Ея исторія въ послѣднее время можетъ служить пробнымъ камнемъ теоріи національностей, въ томъ смыслѣ, что по страшной пестротѣ своего народонаселенія она должна была разлетѣться въ дребезги, если бы теорія національностей была къ ней примѣнена во всей силѣ. Роковой часъ для австрійской монархіи насталъ повидимому въ 1848 г., когда вслѣдствіе вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи и совершеннаго безсилія центральной власти всѣ племена и народности возстали, заявляя каждая свои особенныя требованія. Въ ту эпоху, Россія спасла Австрію,

какъ въ баснѣ журавль спасъ волка, и потому едва ли это повторится снова; Австрія въ этомъ можетъ быть увѣрена лучше, чѣмъ кто либо другой; и вотъ, она ищетъ другихъ мѣръ къ предупрежденію какой нибудь новой катастрофы.

Въ минуту столкновенія нельзя одерживать верха однимъ презрѣніемъ къ непріятелю; необходимо слѣдить зорко за внутренними преобразованіями сосѣда, какъ въ военномъ искусствѣ слѣдятъ за новыми формами нарѣзныхъ орудій. Быть можетъ, даже внутреннія преобразованія укрѣпляютъ государство болѣе, чѣмъ техническія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ. Въ отношеніи же Австріи, особенно не слѣдуетъ терять изъ виду, что между Австріею Меттерниха и теперешнею весьма мало общаго, что нѣтъ ни единой частицы государственнаго организма, которыя бы не подверглись радикальному преобразованію, что вопросъ крестьянскій рѣшенъ въ Австріи удачно и притомъ посредствомъ надѣленія крестьянъ землею, что неизбѣжный послѣ революціонныхъ смутъ моментъ реакціи миновался, что введена система представительства и областнаго и имперскаго, что вопросъ о національностяхъ превращается видимо въ вопросъ о центральномъ конституціонализмѣ и о децентрализаціи. Колебанія отъ одной крайности къ другой были и будутъ; не скоро отыщется формула, которая бы удовлетворила и помирила всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, тѣмъ не менѣе возможно думать, что Австрія превратится современемъ въ соединенную державу, основанную на равноправности входящихъ въ ея составъ вѣроисповѣданій, народностей и языковъ. Постараемся прослѣдить ходъ національныхъ движеній и развитія всѣхъ этихъ началъ въ Австріи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Главнымъ матеріаломъ при изложеніи событій до 1850 года послужитъ намъ обширное и превосходное сочиненіе Шпрингера, котораго заглавіе выписано нами въ началѣ настоящей статьи. Слышно, что это сочиненіе переводится на русскій языкъ; пока исполнена будетъ такая работа, не лишнимъ будетъ краткій анализъ этого замѣчательнаго сочиненія.

I.

Марія Терезія, реформы Іосифа II и ихъ неудачный исходъ.

Ядро австрійскихъ владѣній есть среднее теченіе Дуная, то-есть, та восточная Марка, которой образованіе восходитъ ко временамъ Карла Великаго. Къ этому ядру, съ тѣхъ поръ, какъ оно въ XIII столѣтіи досталось габсбургскому дому, то прикладыва-

лись и прирастали со всѣхъ сторонъ, какъ будто бы случайно, то столь же неожиданно отпадали, разныя области, неимѣющія между собою ничего общаго, кромѣ подчиненія одной и той же династіи, причемъ отъ этихъ перемѣнъ въ частяхъ, цѣлое оставалось почти неизмѣнно и почти одинаково прочно безъ всякихъ естественныхъ географическихъ границъ и при непонятномъ почти отсутствіи всякаго нравственнаго цемента, который бы спаивалъ между собою подвластные народы. Австрія могла существовать съ Венгріею и безъ Венгріи, съ Нидерландами, италіанскими владѣніями и половиною нынѣшняго царства Польскаго и безъ нихъ, и быть даже совсѣмъ отрѣзанною на нѣкоторое время отъ Адріатическаго моря. За исключеніемъ Венгріи, отвоеванной у турокъ въ XVII столѣтія (по карловицкому трактату 1699 г.), почти всѣ другія земли и области достались габсбургскому дому по вотчинному праву или по наслѣдству, или посредствомъ бракосочетаній, купли, мѣны, уступокъ и фамильныхъ доворовъ, причемъ выводъ этихъ правъ совершался нерѣдко съ величайшими натяжками, съ помощью наиочевиднѣйшаго дипломатическаго крючкотворства (напр., выводъ правъ Австріи на Галицію). Весьма недавно, 11 августа 1804, эти владѣнія получили одну общую фирму *Австрійской имперіи*, при чемъ этотъ титулъ сталъ только во главѣ длиннѣйшаго перечня королевствъ, герцогствъ и другихъ владѣній, которыми когда либо владѣла, или на которыя когда либо претендовала габсбургская династія.

Австрійская исторія имѣетъ мало великихъ государей и очень бѣдна знаменитостями, которыя бы дѣлами своими прославили свое царствованіе. Австрійскіе собиратели вотчинъ отличались скорѣе отрицательными, нежели положительными качествами, приверженностью къ старому и установившемуся, вѣрностью преданіямъ, завѣщаннымъ предшественниками, упорствомъ въ преслѣдованіи традиціонныхъ цѣлей, и въ отстаиваніи притязаній, умѣніемъ выжидать. Лѣтописи военной исторіи Австріи знаютъ гораздо больше проигранныхъ, нежели выигранныхъ сраженій; не смотря на то австрійская политика въ концѣ концовъ всегда почти брала верхъ и увѣнчивалась успѣхомъ, что относилось и относится еще и до сихъ поръ на счетъ необыкновеннаго, вошедшаго въ пословицу, счастія австрійскихъ монарховъ. Посредственность австрійскихъ знаменитостей объясняется очень просто отсутствіемъ условій, которыя бы благопріятствовали ихъ появленію. Народными героями бываютъ только тѣ, которые поддерживаются народными силами, въ Австріи же не было народа, а только домъ, который родиною своею могъ считать на столько же Германію, на сколько Нидерланды, Испанію, Италію, и кото-

рый требовалъ только вѣрныхъ и усердныхъ служителей, но не сподвижниковъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ.

Объединенію частей и приведенію ихъ въ связное политическое тѣло мѣшало, во первыхъ, отсутствіе какой либо народности, численно превосходящей каждую изъ остальныхъ и способной вслѣдствіе того ассимилировать ихъ; во вторыхъ, заботы внѣшней политики, которыя не оставляли австрійскимъ монархамъ времени и средствъ на вопросы внутренней организаціи. Притязанія и виды габсбургскаго дома были высокомѣрны и всегда превышали его средства; тѣсное соединеніе этого дома съ римскою имперіею, которой корона не выходила почти изъ рода, увеличивало затрудненія. Нѣмецкіе патріоты жаловались часто, что габсбургскіе императоры жертвуютъ интересами имперіи своимъ личнымъ выгодамъ; съ другой стороны, коренные подданные габсбурговъ могли столь же основательно сѣтовать на то, что ихъ благо не лежитъ близко къ сердцу австрійскихъ монарховъ, которые истощаютъ ихъ силы для поддержанія своего значенія и для достиженія преобладанія въ системѣ европейскихъ государствъ. Только видимая опасность и послѣдовательныя неудачи во внѣшней политикѣ, могли заставить австрійскихъ монарховъ отказаться отъ прежней рутины и старыхъ порядковъ, и направить ихъ на путь внутреннихъ преобразованій. Исходною точкою этихъ реформъ въ XVIII столѣтіи служитъ прагматическая Санкція Карла VI, главная забота всего этого царствованія, установленіе однообразнаго порядка наслѣдованія во всѣхъ вотчинахъ габсбургской династіи, принятіе этого порядка всѣми земствами и признаніе его дворами европейскими. Прагматическая Санкція, установившая впервые, въ видѣ кореннаго принципа, нераздѣльность Австріи, добыта была цѣною подтвержденія земствамъ всѣхъ ихъ правъ, свободъ, привилегій, иммунитетовъ, прерогативъ и обычаевъ. Въ устройствѣ частей она ничего не перемѣнила; войны, занявшія конецъ царствованія Карла VI и начало царствованія Маріи Терезіи, помѣшали вывести изъ прагматической Санкціи какіе либо дальнѣйшіе результаты, но и показали также всю шаткость господства надъ подвластными скипетру областями. Силезія помирилась весьма скоро съ своимъ превращеніемъ въ прусскую провинцію; когда, въ 1741 г., баварскій курфирстъ Карлъ Альбрехтъ, проникъ въ Богемію и овладѣлъ Прагою, большинство магнатовъ и духовныхъ владыкъ съ примасомъ во главѣ присягнули ему, не обинуясь, на вѣрность; врагъ не встрѣтилъ нигдѣ дѣятельнаго сопротивленія; сторонники габсбургскаго дома оказали свою приверженность только тѣмъ, что бѣжали въ австрійскій лагерь. Пассивности славян-

ско-нѣмецкихъ областей служилъ слабымъ вознагражденіемъ венгерскій патріотизмъ, (moriamur pro rege nostro, на пресбургскомъ сеймѣ), который въ дѣйствительности былъ гораздо менѣе пылокъ, чѣмъ его представляютъ и австрійскіе и мадьярскіе лѣтописцы, и вовсе не чуждался своекорыстныхъ разсчетовъ. Венгерскій сеймъ ставилъ условія, рѣшилъ собрать дворянское ополченіе, но торговался о деньгахъ на это ополченіе, наконецъ получилъ подтвержденіе свободы дворянъ отъ податей.

Тотчасъ послѣ заключенія ахенскаго мира 1748 г. начались преобразованія, которыя имѣли прежде всего цѣлью упорядочить администрацію, приблизить правительство къ народонаселенію, создавъ для него систему низшихъ органовъ по областямъ, и поправить финансы; въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, реформы шли гораздо глубже, и касались самыхъ коренныхъ основъ общественнаго быта, народнаго образованія, введенія повсемѣстно однообразнаго законодательства посредствомъ кодификаціи законовъ, отмѣны или по крайней мѣрѣ смягченія крѣпостного права. При наружномъ уваженіи къ старинѣ дѣлалось весьма многое совершенно въ противномъ духѣ; вся эта политика осторожная въ пріемахъ и патріархально добродушная была въ сущности двуличная, весьма бюрократическая и враждебная земскому самоуправленію; она щеголяла сильнымъ дворянскимъ оттѣнкомъ, который ставила при всякомъ удобномъ случаѣ на показъ. Въ 1749 г., совершена новая организація такъ называемыхъ Hofstellen или министерствъ, которая сохранилась потомъ съ малыми измѣненіями до самой революціи 1848 года; отъ администраціи отдѣленъ судъ и въ центральномъ управленіи (oberste Justizstelle) и по областямъ; изъ двухъ канцелярій, богемской и австрійской, образовалось одно вѣдомство въ родѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (directorium in internis—vereinigte Hofkanzley); финансовое управленіе получило также надлежащую самостоятельность. Преобразовавъ по округамъ, на которые дѣлились области, окружныя правленія (Kreisämter), правительство пришло въ непосредственное соприкосновеніе съ народонаселеніемъ; города потеряли бóльшую часть своихъ старинныхъ привилегій и своего самоуправленія, государственный чиновникъ сталъ между помѣщиками и его крѣпостными и получилъ значеніе защитника крестьянъ; рядомъ весьма смѣлыхъ узаконеній ограничена власть помѣщичья и подготовлено освобожденіе крестьянъ. Барщина, конечно, осталась, равно какъ и помѣщичья расправа, но постановлено, что приговоръ помѣщика къ отдачѣ крестьянина въ смирительный домъ требуетъ утвержденія крейсамта (22 декабря 1769 г.); посредствомъ множества такъ на-

зываемыхъ урбаріевъ и роботъ-патентовъ отдѣлены земли помѣщичьи отъ крестьянскихъ (доминикальныя отъ рустикальныхъ); опредѣлена высшая мѣра барщины и повинностей исправляемыхъ крестьянами въ пользу помѣщиковъ (1775), предоставлено крестьянину замѣнять барщину оброкомъ. Наконецъ, патентомъ 6 февраля 1776, предоставлено обязаннымъ крестьянамъ освобождаться на волю и пріобрѣтать свои крестьянскіе участки въ собственность посредствомъ выкупа. Такимъ образомъ, при Маріи Терезіи совершилась въ крестьянскомъ быту громадная перемѣна, вслѣдствіе которой за ними обезпечено право неотъемлемаго потомственнаго владѣнія и пользованія поземельными участками; за помѣщиками осталось только голое право собственности. Системою правительственныхъ распоряженій подрѣзываемы были корни земскаго представительства въ средневѣковой его формѣ, основаннаго на дворянско-помѣщичьемъ началѣ. Марія Терезія не любила земскихъ собраній или такъ называемыхъ ляндштендовъ, созывала ихъ рѣдко и не допускала, чтобы они занимались чѣмъ бы то ни было существеннымъ. Съ венгерцами дошло подъ конецъ царствованія почти до совершеннаго разрыва, до отказа со стороны сейма принять многія предложенія правительства, и до опубликованія правительствомъ помимо сейма въ 1767 г. урбарія, опредѣлившаго крѣпостныя отношенія. Глухое неудовольствіе не превратилось однако въ открытую конституціонную борьбу, благодаря личнымъ качествамъ Маріи Терезіи, входившему въ ея политику добродушію и необыкновенному ея искусству смягчать сопротивляющихся личными средствами, привлекать знать къ вѣнскому двору блескомъ его и ласками, играть роль доброй матери, требующей отъ приближающихся къ ней не любви къ отечеству, но любви къ своей собственной особѣ.

Марію Терезію смѣнилъ реформаторъ, проникнутый духомъ XVIII вѣка, презирающій всякій блескъ, имѣющій самыя демократическія наклонности, по принципу не любящій дворянства и рѣшившійся пересоздать все общество сверху и донизу посредствомъ чиновниковъ, указовъ и инструкцій. Іосифъ II имѣлъ одну цѣль: слить всѣ области во-едино и образовать могущественную Австрію, которой бы единственнымъ двигателемъ была его самодержавная власть. Ему была противна всякая самостоятельная сила, кромѣ его собственной. Во всѣхъ его мѣропріятіяхъ носился передъ нимъ идеалъ чиновника, преданнаго дѣлу, вездѣ присущаго, рѣшающаго дѣла скоро, точно и со смысломъ, не рутиниста, не придирчиваго педанта, не тупого буквоѣда, не лихоимца (инструкція 1783). Къ несчастію, на дѣлѣ оказывалось мало талантливыхъ государственныхъ людей, а было всего бо-

лѣе буквоѣдовъ и рутинистовъ; притомъ заведеніемъ кондуитныхъ списковъ, вѣдомостей о явкѣ на службу и поощреніемъ шпіонства Іосифъ II самъ ускорилъ порчу задуманныхъ имъ учрежденій. Въ большей части своихъ антипатій Іосифъ II былъ совершенно правъ; средневѣковыя учрежденія отжили свой вѣкъ, и Австрія на нихъ держаться никоимъ образомъ не могла; но нетерпѣніе, съ которымъ онъ рубилъ сплеча существующее, не считаясь съ нимъ и думая, что можно упразднить все неподходящее къ его планамъ однимъ почеркомъ пера, возстановило противъ него въ скоромъ времени всѣ сословія, народности и интересы, и вызвало такую всеобщую оппозицію, о которую разбились почти все его мѣропріятія.

Іосифъ II былъ душою нѣмецъ, и для объединенія государства задумалъ завести повсемѣстно въ канцеляріяхъ и школахъ нѣмецкій языкъ, вытѣснивъ средневѣковую латынь, «дабы чрезъ то сильнѣе связаны были между собою всѣ части монархіи и жители ихъ соединены крѣпчайшими узами братской любви» (рескриптъ 11 мая 1784). Въ настоящее время, при существованіи національныхъ литературъ, эта задача была бы гораздо труднѣе, но въ XVIII вѣкѣ національныя литературы спали еще глубокимъ сномъ совершеннаго упадка, и распространеніе нѣмецкаго языка не встрѣтило никакихъ видимыхъ препятствій, по крайней мѣрѣ въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ. Въ видахъ Іосифа II оно должно было служить не конечною цѣлью, но только орудіемъ для распространенія просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей, то-есть, того раціонализма, который принесъ много пользы человѣчеству, но въ той формѣ и при тѣхъ условіяхъ шелъ въ прокъ въ политическомъ отношеніи одному только абсолютизму. Случилось, чего никто не предвидѣлъ и не ожидалъ: попытки германизаціи вызвали всеобщую реакцію дремавшихъ національностей, которыя для успѣшной борьбы съ всепоглощающимъ абсолютизмомъ воспользовались тѣми же самыми просвѣтительными идеями, кои проводилъ императоръ. Можно положительно сказать, что съ Іосифа II начинается возрожденіе національностей на юговостокѣ Европы.

Тяжелѣе всего пришлось отъ реформъ Іосифа II дворянству. Въ нѣмецкихъ и славянскихъ земляхъ, земскія собранія не были почти вовсе созываемы; завѣдывающія текущими дѣлами земства управы (ständische Ausschüsse) отмѣнены; у земскихъ чиновъ отнята всякая судебная власть. Помѣщики вмѣстѣ съ лицами всѣхъ другихъ состояній и со своими крестьянами поставлены подъ непосредственный надзоръ окружныхъ властей (1784). Цѣлый рядъ узаконеній по гражданскому праву облегчалъ дѣлимость

помѣстій, уравнилъ сестеръ съ братьями въ правахъ наслѣдованія, ограничилъ маіораты. Лишить фактически дворянство всякаго политическаго значенія возможно было въ нѣмецкихъ и славянскихъ земляхъ, но не въ Венгріи, гдѣ стоялъ въ полной силѣ и дѣйствіи конституціонный снарядъ, закрѣпленный хартіями, освященный присягами и поддерживаемый всемогущимъ дворянствомъ, которое имѣло возможность противупоставить въ крайнемъ случаѣ матеріальную силу явному нарушенію конституціи. Іосифъ II забралъ въ Вѣну венгерскія регаліи и обошелъ обвиненіе въ нарушеніи конституціи тѣмъ, что не вѣнчался вовсе на короля мадьярскаго, а слѣдовательно и не присягалъ на конституцію, средство опасное, потому что оно давало поводъ противникамъ оспаривать законность всѣхъ дѣйствій этого не въ порядкѣ вещей царствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что Іосифъ имѣлъ въ виду благо страны въ большей части своихъ мѣропріятій, что онъ упростилъ администрацію, раздѣливъ венгерскій край на 10 бецирковъ, что онъ увеличилъ матеріальное благосостояніе страны, понизивъ (1788) таможенный тарифъ по линіи между Венгріею и остальными областями, и даже способствовалъ быстрѣйшему теченію дѣлъ, по комитатамъ, замѣною комитатскихъ земскихъ начальниковъ, верховныхъ испановъ (Obergespane), королевскими коммиссарами. Впрочемъ, всѣ эти преобразованія предлагались въ столь самовластной и отталкивающей формѣ, что не возбуждали благодарности, а вызывали только крайнее недовѣріе къ императору. Наводненіе страны чиновниками, удаленіе венгерскихъ полковъ и замѣна ихъ иноплеменными, нарушеніе организаціи комитатовъ, съ которою сросся неисчислимыми нитями весь бытъ венгерскаго дворянства, производство непонятной для простонародія кадастраціи, вооружили общественное мнѣніе, которое нашло себѣ исходъ и выраженіе, когда въ послѣдніе годы царствованія, во время неудачной турецкой войны, Іосифъ II поставленъ былъ въ необходимость потребовать отъ венгерскаго народа рекрутъ и субсидій на войну. Вмѣсто сейма онъ обратился въ противность конституціи съ этими требованіями къ комитатскимъ сеймикамъ. Давно накипѣвшее неудовольствіе вспыхнуло и притомъ не въ одномъ центрѣ а въ пятидесяти четырехъ. Дворянству данъ былъ случай отвѣчать на предложенія императора сухими отказами и длинными перечнями всѣхъ нарушеній конституціи. Въ бигарскомъ комитатѣ, населенномъ одними мадьярами, дошло почти до открытаго бунта, до заарестованія кадастровыхъ книгъ, пріостановленія народной переписи и межеванія, поставленія королевскихъ чиновниковъ подъ надзоръ выборнаго земскаго комитета, возстановленія вольнаго города Дебречина въ его правахъ и при-

вилегіяхъ, и попытки войти съ другими комитатами въ конфедерацію противъ австрійскаго правительства. *De nobis sine nobis*, жаловались венгерцы; эта же жалоба повторялась, хотя и тише, въ другихъ австрійскихъ областяхъ.

Іосифъ II не былъ въ ладахъ съ духовенствомъ. Онъ не понялъ силы и значенія городского сословія, слабаго и рѣдкаго въ славянскихъ земляхъ, но на которое бы онъ могъ опереться, и въ которомъ бы онъ могъ воспитать себѣ сподвижника, потому что оно представляло почву всего болѣе способную къ воспріятію проводимыхъ имъ идей. И въ Венгріи и въ другихъ областяхъ онъ лишилъ города права выбирать магистраты, устранилъ общинное устройство, упразднилъ цехи, поставилъ коронныхъ судей-техниковъ и коронныхъ коммиссаровъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, что могъ для искорененія муниципальнаго самоуправленія. И по экономическимъ своимъ убѣжденіямъ, которыя носили отпечатокъ школы физіократовъ, и въ видахъ правительственной своей политики, Іосифъ II желалъ искренно всякаго добра крестьянину, и былъ сильно озабоченъ увеличеніемъ его благосостоянія, при чемъ императору оставалось только идти по стопамъ своей матери. Важнѣйшій его законъ по этой части есть знаменитый указъ о поземельной подати (Grundsteuergesetz) 1 ноября 1789. По всему государству, кромѣ Венгріи, заведена однообразная податная система; въ указѣ сказано, что «противно было бы справедливости обращать вниманіе на состояніе и званіе землевладѣльца». Дворяне были возмущены не только тѣмъ, что ихъ земли поставлены были въ одинъ рядъ съ крестьянскими, но тѣмъ, что ихъ доходы съ крестьянскихъ участковъ подверглись сильному сокращенію. Съ каждыхъ 100 гульденовъ исчисленнаго поземельнаго дохода опредѣлено взимать въ казну 12 гульденовъ 13⅓ крейцеровъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ положено, чтобы обязанный крестьянинъ вносилъ вмѣстѣ и въ казну и помѣщику не болѣе 30% своего дохода, такъ что на долю помѣщика приходилось оброка только 17 гульденовъ 46⅔ крейцеровъ съ каждыхъ 100 гульденовъ вычисленнаго дохода крестьянина. Крестьянину дозволено отработывать оброкъ, но принуждаемъ онъ могъ быть не къ барщинѣ, а только къ уплатѣ одного оброка. Помѣщики подняли страшный крикъ, но и крестьянинъ не вездѣ былъ радъ; во-первыхъ, потому что во многихъ мѣстахъ онъ былъ столь бѣденъ, что у него не хватало средствъ на уплату оброка, во-вторыхъ, что со временъ Маріи-Терезіи глубоко запала у крестьянъ мысль о совершенномъ и можетъ быть даже даровомъ освобожденіи отъ всякихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ; въ-третьихъ, что распоряженія правительства имѣли

цѣлью не только реформу законовъ, но и реформу самыхъ нравовъ, и оскорбляли крестьянина порою въ задушевнѣйшихъ его повѣріяхъ и привычкахъ во имя непонятнаго для него раціонализма. Такъ, напримѣръ, въ 1784 апрѣля 23, изданъ былъ знаменитый указъ о погребеніи мертвыхъ, которымъ предписывалось хоронить ихъ безъ гробовъ въ холщевыхъ мѣшкахъ и покрывать ихъ негашеной известью. Негодованіе, возбужденное этимъ указомъ, было столь велико, что въ скоромъ времени послѣдовала его отмѣна. «Умы подданныхъ, сказано въ новомъ распоряженіи, были обезпокоены и предпочитають, *по предразсудку*, погребеніе въ гробахъ. Императоръ не хочетъ склонять волю подданныхъ насильственными средствами.» Большая половина начинаній императора получила точно такой же конецъ. Присмерти больной, онъ находился въ необходимости разрушить собственными руками часть сдѣланнаго, возвратить венграмъ ихъ регаліи, обѣщать (28 января 1790) созвать сеймъ и объявить о возстановленіи той формы управленія, которая существовала при вступленіи его на престолъ. Много лѣтъ спустя, личность Іосифа II представилась въ иномъ свѣтѣ послѣдующимъ поколѣніямъ; средства, которыми онъ проводилъ свои идеи, позабылись и стушевались, за то стали рельефнѣе и виднѣе его великія цѣли. Много лѣтъ спустя, обнаружилось, что его дѣятельность не была безплодна, что она вызвала духъ партій, пробудила страсти и внесла неистощимое броженіе въ жизнь австрійскихъ народовъ. Въ минуту кончины Іосифа, его неудачи встрѣчались или съ злобнымъ злорадствомъ или съ ледянымъ равнодушіемъ, и разомъ вдругъ обрушилось, повидимому, безслѣдно все то, чего ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ и горячностію; тысячи рукъ поднялись, чтобы дружными усиліями возстановить старые порядки. Въ одинаковомъ тонѣ и духѣ заговорили поднявшіяся изъ долгаго сна разныя земскія собранія. Всего яснѣе высказалось тогдашнее настроеніе умовъ въ богемскомъ сеймѣ.

20 марта 1790 г., собрались богемскіе паны въ необыкновенно большомъ числѣ въ Градчинѣ пражскомъ. Ни единымъ словомъ сожалѣнія не помянули они покойника, за то занялись весьма дѣятельно исчисленіемъ своихъ жалобъ и представленій о своихъ нуждахъ и потребностяхъ. На первомъ планѣ стояли ближайшіе сердцу владѣльческіе интересы, пагубныя для нихъ послѣдствія роботпатента, разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, неповиновеніе крестьянъ, находящее поддержку въ императорскихъ чиновникахъ земской полиціи. Важное чередовалось съ комическимъ въ представленіяхъ земскаго собранія. Требовалось, чтобы власти внушали крестьянамъ и духовные наставляли крестьянъ

съ амвона, относительно повиновенія и исправнаго отбыванія барщины; чтобы въ крайнемъ случаѣ употребляема была военная сила, а зачинщики неповиновенія отдаваемы были въ солдаты; чтобы возстановлены были цехи, и отмѣнены сборы на содержаніе школъ; чтобы всякъ судился только лицами своего состоянія per pares, и чтобъ бѣлая башня пражскаго зàмка превращена была опять въ тюрьму, предназначенную исключительно для арестантовъ изъ дворянъ. Усердіе къ правамъ и первенству римско-католической церкви было непомѣрное. Собравшіяся сословія просили, чтобъ возстановлена была во всей ея строгости духовная цензура книгъ, чтобы профессорами въ университетъ опредѣляемы были только добрые католики, чтобы имѣнія духовныя изъяты были изъ вѣдѣнія казны и отданы опять въ завѣдываніе духовенству; чтобы отмѣнены были заведенныя Іосифомъ общія кладбища для всѣхъ вѣроисповѣданій, равно какъ и установленная имъ форма присяги съ пропускомъ имени Богородицы Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ; чтобы снято было запрещеніе обращать въ христіанство несовершеннолѣтнихъ евреевъ; чтобы протестанты лишены были права участвовать въ земскихъ собраніяхъ, заступать должности административныя и учительскія и пріобрѣтать недвижимыя имѣнія; чтобы евреямъ дозволено было имѣть осѣдлость только въ мѣстахъ, коими ограничено было ихъ мѣстопребываніе, въ началѣ царствованія Маріи Терезіи. — Обрисовалось также, что на сеймѣ сословія помышляютъ не только объ одномъ старомъ, но и о значительномъ расширеніи своей власти, о томъ, чтобы начальники округовъ вмѣстѣ съ состоящими подъ ихъ началомъ органами избирались изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, по представленію сословій; чтобы дворянскіе представители имѣли мѣсто и голосъ въ правленіи края (Landesgubernium); чтобы проекты законовъ предлагаемы были на заключеніе земскаго собранія; чтобы выборная сословная управа (Ausschuss) могла созывать собраніе даже и помимо правительства; наконецъ, чтобы собраніе имѣло своего особеннаго уполномоченнаго отъ сословій богемской земли въ Вѣнѣ, для сношеній съ правительствомъ. Однимъ словомъ, богемскій сеймъ пытался войти въ роль учредительнаго сейма; если бы онъ успѣлъ того достигнуть, то корона богемская столь же слабо держалась бы на головѣ габсбургско-лотарингской династіи, какъ и корона св. Стефана.

На австрійскомъ престолѣ сидѣлъ тогда бывшій тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, снискавшій въ Италіи громкую славу весьма либеральнаго монарха, но радикально потомъ измѣнившійся въ Австріи съ перемѣною обстоятельствъ. Слѣдовать по

стопамъ брата — онъ не имѣлъ намѣренія, но не имѣлъ также никакой охоты итти на уступки съ пожертвованіемъ правъ верховной власти. — Правительство дало высказаться исподоволь земскимъ собраніямъ, согласилось на всѣ мелочи, удовлетворило просителей въ пустомъ; радо было не собственнымъ своимъ починомъ, но по ходатайству собраній, взять въ тиски прессу и предпринять мѣры къ охраненію религіознаго начала въ школахъ; но въ существенномъ оно не отступало ни на шагъ, за исключеніемъ только одного, а именно, закона 1789 о поземельной подати, которымъ оно пожертвовало собраніямъ. На конституціонныя идеи оно отвѣчало, что одному государю принадлежитъ законодательная власть (отвѣтъ тирольскому собранію); въ крестьянскомъ вопросѣ оно оставило все по старому, то-есть, при порядкахъ Маріи Терезіи и Іосифа II. Дворяне не получили никакого участія въ областной администраціи; епископы не получили въ свои руки цензуры книгъ. — Правительство не вдавалось въ общіе вопросы, соизволяло на то или другое въ видѣ милости, а не по праву, и осилило движеніе, дозволивъ ему разыграться до самаго конца. Какъ вѣренъ былъ этотъ разсчетъ, оказалось на новомъ сеймѣ 1792 г., собравшемся уже при наслѣдникѣ Леопольда, Францѣ II. — Требованія преобладающаго на этомъ сеймѣ дворянства были еще нелѣпѣе, эгоистичнѣе, наивнѣе. Рядомъ съ повтореніемъ просьбы о judicium per pares для дворянъ, явилось требованіе о введеніи, для нихъ и для мѣщанъ столицы, обвинительнаго уголовнаго процесса, съ оставленіемъ для черни розыскнаго. Сословія ходатайствовали о томъ, чтобы нѣкоторыя должности замѣщались исключительно дворянами по тому поводу, что мѣщанинъ можетъ легко пристроить дѣтей своихъ, научивъ ихъ ремеслу или искусству, но дворянамъ открыты только двѣ карьеры: службы военной или гражданской. — Члены сейма не допустили въ свою среду ректора пражскаго университета, хотя онъ бывалъ на сеймахъ встарину, и отказали 4 депутатамъ Праги въ правѣ подачи отдѣльныхъ голосовъ, хотя исторически право это не могло подлежать сомнѣнію, такъ какъ депутатовъ Праги было четверо, по числу четырехъ составлявшихъ Прагу городовъ. Замѣчательно, что 33 члена сейма изъ «коренныхъ богемцевъ,» то-есть изъ лицъ славянскаго происхожденія, подали жалобу на германизацію чеховъ, въ которой доказывали въ духѣ послѣдующихъ временъ, что всякое зло произошло отъ нѣмцевъ, что и край только тогда былъ счастливъ въ старину, когда король и чины говорили почешски. Чины сейма отложили преспокойно въ сторону эту жалобу и ограничились ходатайствомъ

объ учрежденіи каѳедры чешскаго языка въ университетѣ. — Ни въ чемъ не выказалось болѣе рѣзко своекорыстіе чиновъ сейма, какъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Колеблясь между противуположными интересами, правительство рѣшило предоставить почину сейма опредѣленіе мѣры крестьянскихъ повинностей. Сеймъ нашелъ, что онъ не можетъ согласиться на общую замѣну крѣпостного труда оброкомъ. Нѣкто, членъ сейма, баронъ Путеани, выразился откровенно, не вызвавъ никакого опроверженія, что революціонная пресса напрасно очернила «работу» или барщину, выдавая ее за унизительное рабство, что пресса это сдѣлала съ заднею мыслью нанести ударъ дворянству, и что законодательство Іосифа II направлено было противъ права собственности. Во всѣхъ преніяхъ сейма больше было дыму, нежели огня. 8 іюня 1795, правительство объявило, что оно отлагаетъ на неопредѣленное время всѣ перемѣны въ земскихъ дѣлахъ.— Съ тѣхъ поръ, лѣтъ на десять сеймы и земскія собранія Богеміи впали опять въ дремоту, а если собирались, то только для принятія къ свѣдѣнію и исполненію распоряженій правительства.

Съ бо́льшимъ трудомъ, но не менѣе благополучно, удалось правительству справиться съ венгерскимъ движеніемъ, которое и глубже шло и выказало гораздо болѣе политическаго такта, нежели богемское. Весь край встрепенулся; какъ будто бы возрождаясь къ жизни новой, явилась цѣлая литература брошюрная и памфлетная; будущее представлялось въ розовомъ свѣтѣ, и строились самые блистательные планы реформы. У всѣхъ, конечно, былъ на устахъ протестъ противъ іосифовскихъ нарушеній конституціи; но оказалось, что духъ вѣка обуялъ противниковъ іосифовскихъ реформъ и увлекалъ ихъ съ собою на совершенно новые пути. Тотъ или другой комитатъ могли явиться отсталыми и жаловаться на еретиковъ, на арестованіе дворянъ безъ суда, но большинство комитатскихъ всеподданнѣйшихъ представленій было либерально, отстаивало принципъ равноправности вѣроисповѣданій, высказалось въ пользу облегченія участи крестьянъ и поддерживалось мотивами, которые можно встрѣтить только въ Учредительномъ Собраніи французскомъ: pacto sociali, quo regna coalescunt evictum est majestatem ab origine apud populos esse, говорилъ пештскій комитатъ. Въ иной формѣ и съ ссылкою на общественный договоръ повторялась основная мысль знаменитой хартіи Андрея II отъ 1222 г., жалующей народу право возстанія въ случаѣ нарушенія конституціи. Princeps est, qui jurat, qui jurata servat et coronatus est, говорилъ гемерскій комитатъ, намекая на то, что, такъ какъ Іосифъ II не исполнилъ ни пер-

ваго, ни второго, ни третьяго, то тѣмъ онъ поколебалъ силу Прагматической Санкціи и вызвалъ необходимость заключенія новаго договора между Венгріею и Австріею. Затрудненія правительства увеличивались въ значительной степени еще и тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ отъ словъ дошло до дѣла: королевскіе коммиссары были прогнаны, языкъ нѣмецкій въ оффиціальной переапискѣ отмѣненъ, акты народной переписи торжественно сожжены; что продолжалась еще турецкая война; что дворянство переписывалось по комитатамъ и готовилось ополчиться; что многочисленныя вооруженныя полчища дворянъ сопровождали депутатовъ ѣдущихъ въ Пештъ на сеймъ, созванный на 6 іюня 1790 г. Сеймъ занялся изложеніемъ своихъ требованій или, собственно говоря, кондицій, при которыхъ онъ готовъ помириться или признать королемъ царствующаго императора. Эти кондиціи состояли въ слѣдующемъ: обязать короля каждый годъ бывать въ Венгріи; дать право сейму собираться собственнымъ своимъ почином безъ королевскаго призванія, если три года прошло, а онъ созванъ не былъ; дать силу закона проектамъ, троекратно принятымъ на трехъ сеймахъ, хотя бы они и не удостоились санкціи короля; учредить для Венгріи особую военную канцелярію, независимую отъ вѣнскаго гофкригсрата; отбирать отъ венгерскихъ полковъ и отъ всѣхъ войскъ вводимыхъ въ Венгрію присягу на венгерскую конституцію; имѣть особеннаго венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ; обязать чины богемскіе поручиться за венгерскую конституцію или отдать ее подъ гарантію иностранныхъ державъ; наконецъ, присоединить къ Венгріи Галицію — таковы были, въ главныхъ чертахъ, скромныя требованія сейма.

Австрійское правительство обнаружило въ этихъ довольно критическихъ отношеніяхъ свою обычную политическую мудрость змія. Чинамъ сейма оно изъявило готовность принять большую часть его предложеній, если сіи послѣдніе будутъ представлены не въ видѣ условій, но въ видѣ просьбъ и законодательныхъ проектовъ. Оно поняло, что, какъ ни либерально настроены противники, все-таки они собственно только такъ называемый народъ *Вербеча*, populus in diaeta, т. е. дворянская каста, отдѣленная словно стѣною отъ податной черни, и что между противниками далеко не всѣ единодушны. Оно постаралось посѣять раздоръ въ лагерѣ оппозиціи и противупоставить сословію сословіе и племени племя. Есть данныя, изъ которыхъ можно заключить, что австрійскіе чиновники не были чужды вспыхнувшимъ мѣстами крестьянскимъ возмущеніямъ. Въ то же самое время, начались прелюдіи явленія совершенно новаго, которому суж-

дено было гораздо полнѣе разыграться только въ половинѣ слѣдующаго столѣтія и подъ тѣмъ же самымъ именемъ, «иллиризма». Православные владыки Венгріи, съ Карловицкимъ своимъ митрополитомъ во главѣ, произвели антимадьярское движеніе, которое нашло пріемъ и поддержку особенно въ Банатѣ, и послали въ Вѣну депутацію съ представленіями о правахъ иллирійскаго народа и его готовности оказать правительству поддержку. Оба эти событія сильно подѣйствовали на пештскій сеймъ и настроили его на тонъ покорности и смиренія. Перенесенный въ Пресбургъ, сеймъ съ каждымъ днемъ становился болѣе вялъ и скученъ, между тѣмъ правительство сдѣлалось смѣлѣе и рѣшительнѣе и не только взяло назадъ большую часть обѣщанныхъ уступокъ, но даже произвело нѣсколько смѣлыхъ перемѣнъ въ венгерской конституціи подчиненіемъ камеры венгерской (министерства финансовъ) общей вѣнской Hofkammer, созваніемъ народнаго иллирійскаго собранія въ Темешварѣ и учрежденіемъ, кратковременно впрочемъ просуществовавшей, иллирійской канцеляріи, которая возникла, чтобы испугать мадьяръ сепаратизмомъ, но потомъ была оставлена, когда въ ней миновалась надобность. Горькихъ жалобъ было довольно на это отдѣленіе Баната отъ Венгріи, на это искусное противопоставленіе иллирійской національности съ цѣлью погубить Венгрію. Сеймовый депутатъ Іешерницкій грозилъ по этому случаю великими бѣдами габсбургскому дому: «съ равнинъ Россіи нахлынутъ когда нибудь народы, которые, соединившись съ греками, потрясутъ тронъ лотарингцевъ въ его основаніяхъ.» Послѣ утомительнаго и безконечнаго пережевыванія однихъ и тѣхъ же вопросовъ, дѣло кончилось (1791 г.) полюбовно компромиссомъ. Все осталось по старому, въ томъ числѣ и урбарій Маріи Терезіи для крестьянъ; реформы отложены на будущее время, наряжено только 9 коммиссій, на которыя возложено изготовленіе оператовъ или проектовъ рѣшительно по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства и управленія, судоустройству, податной системѣ, дѣламъ церковнымъ, школьнымъ, крестьянскимъ и разнымъ отраслямъ народной промышленности. Венгерцы могли быть довольны тѣмъ, что укрѣпили свою многовѣковую конституцію новымъ дипломомъ и новою королевскою присягою, и надѣяться, что реформы, не совершенныя въ настоящемъ, сбудутся въ ближайшемъ будущемъ; съ своей стороны правительство питало твердую рѣшимость не допустить, чтобы пустая форма значительно обветшалой конституціи выполнилась какимъ бы то ни было жизненнымъ содержаніемъ. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали разсчеты правительства и дали ему возможность не только смирить, но и на-

пугать порядкомъ гордое дворянство опасеніями личныхъ преслѣдованій, привлеченія того или другого магната или дворянина къ отвѣтственности и наказанія его за вольнодумство и революціонерство. Эти преслѣдованія начались по смерти Леопольда II; пока онъ жилъ, его характеръ и его прошедшее мѣшали ему стать явно на сторонѣ реакціи. Онъ даже покровительствовалъ укоренившимся въ Австріи масонамъ и иллюминатамъ и постарался только объ образованіи изъ масоновъ своей тайной полиціи. Но при Францѣ, ненавидѣвшемъ всякую провинціальную самостоятельность, реакція поднялась горою; политическое наушничество пошло въ ходъ, заинтерессованныя въ томъ лица стали откапывать прошедшее людей, и связывать какую нибудь давно сказанную рѣчь на сеймѣ, или забытую переписку, съ злоумышленными кознями французскихъ якобинцовъ и революціонеровъ. Печать стала придираться съ точки зрѣнія политической неблагонамѣренности даже къ сюжету «Волшебной флейты» Моцарта; земскія собранія не стыдились прибѣгать къ доносамъ (жалоба богемскихъ чиновъ 1798 г. на одно изданіе патріотическаго экономическаго общества, въ которомъ хвалимъ былъ Іосифъ II, а порицалась барщина съ точки зрѣнія народнаго хозяйства). При такихъ условіяхъ начался въ 1795 г. одновременно и въ Вѣнѣ и въ Пештѣ громадный процессъ противъ австрійскихъ якобинцевъ, который кончился устрашающими казнями. Созванный въ 1796 г. венгерскій сеймъ оказался и уступчивымъ и преданнымъ правительству; онъ согласился, не торгуясь, и на подати и на рекрутскій наборъ. Почти одинаково податливы были сеймы 1802, 1807 и 1808 г., изъ которыхъ второй сдѣлалъ нѣкоторыя преобразованія въ судопроизводствѣ и отклонилъ предложеніе объ обязательномъ введеніи мадьярскаго языка, а третій изъявилъ готовность на усиленіе арміи двадцатью тысячами человѣкъ, за что императоръ Францъ благодарилъ его самымъ патетическимъ образомъ: Cordi meo charissimi Hungari! fecistis ea quæ charactere vestro avito digna sunt. Juncti fuimus, juncti sumus, juncti semper manebimus, donec mors nos separabit. Поверхностный наблюдатель могъ бы подумать, что между венгерцами и династіею габсбурговъ существуютъ самыя интимныя отношенія, тѣмъ болѣе что венгерцы не обратили никакого вниманія на любезности Наполеона I и не откликнулись на его прокламацію о томъ, чтобы отложиться отъ Австріи и избрать кого нибудь иного въ короли (Шенбруннская прокламація 15 мая 1809 г.).

Это доброе согласіе нарушено было на одну минуту, когда въ 1811 г. сеймъ и король поспорили по весьма существенному

и всякого въ его имущественныхъ отношеніяхъ интерессующему кредитному вопросу. Споръ кончился правительственнымъ coup d'état, нарушеніемъ конституціи, послѣ чего десятокъ лѣтъ о созываніи не было и помину, такъ что можно было бы заключить, что конституція сдана уже въ архивъ. Обстоятельства, вызвавшія споръ, столь важны, и послѣдствія столкновенія столь существенны, что слѣдуетъ очертить ихъ вкратцѣ.

Австрія разстроила свои финансы въ царствованіе Іосифа II, вслѣдствіе поспѣшныхъ и много стоившихъ реформъ; съ 1782 г. и до настоящей минуты (за исключеніемъ 1817 г.), каждый годовой бюджетъ замыкался и замыкается дефицитомъ. Недочетъ покрываемъ былъ займами съ выигрышами и безъ оныхъ, повышеніемъ податей и налоговъ, выпускомъ низкопробной монеты, англійскими субсидіями, которыхъ получено во время наполеоновскихъ войнъ всего 11 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, выпускомъ бумажныхъ денегъ, наконецъ правительство освобождалось нѣсколько разъ посредствомъ банкротства отъ принятыхъ на себя обязательствъ. Государственный процентный долгъ, составлявшій въ 1763 г., при окончаніи Семилѣтней войны, 271 милліонъ гульденовъ, возросъ до 680 м. въ 1802 г., и до 780 м. въ 1807 году. Количество пущенныхъ въ обращеніе банкоцеттелей, или бумажныхъ денегъ, дошло въ началѣ 1811 г. до 1,060,000,000 гульденовъ, причемъ бумажный гульденъ упалъ въ цѣнѣ до 1/4, 1/5 и даже до 1/8 серебрянняго. Устрашенное этимъ упадкомъ курса, отъ котораго сокращались прежде всего его доходы, правительство приложило всѣ старанія къ уменьшенію и изъятію находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ. Съ этою цѣлью изданъ былъ знаменитый финанцпатентъ 20 февраля 1811 г., хранимый въ величайшей тайнѣ до 15 марта и обнародованный этого числа въ одинъ и тотъ же часъ во всѣхъ главныхъ городахъ всѣхъ областей имперіи. Выкупить банкоцеттели по курсу, платя за нихъ металломъ — было дѣло невозможное, по совершенному отсутствію звонкой монеты. Правительство рѣшилось низвести банкоцеттели до 1/5 ихъ нарицательной цѣны, замѣнивъ ихъ новыми бумажными выкупными знаками (Einlösungscheine), причемъ оно объявило, что послѣ выпуска этихъ выкупныхъ знаковъ въ количествѣ 212 м. въ обмѣнъ за 1,060 м. банкоцеттелей, новыя бумажныя деньги не будутъ ни въ какомъ случаѣ пускаемы въ обращеніе. Всѣ подати должны быть уплачиваемы выкупными знаками по новой валютѣ, такъ что правительство вдругъ увеличило въ пять разъ свои доходы отъ податей. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство понизило въ половину проценты государственнаго долга; наконецъ, оно

вмѣшалось и въ долговыя отношенія частныхъ лицъ между собою, установивъ за всѣ послѣднія 11 лѣтъ, 1799—1810, по четвертямъ года и мѣсяцамъ нормальную цѣну бумажнаго банкоцеттеля съ тѣмъ, чтобы по этой росписи совершались всѣ платежи и разчеты. Новый патентъ не возстановилъ кредита, раззорилъ весьма многихъ, и вызвалъ страшныя нареканія. Такъ какъ въ сущности бумага замѣнена была точно такою же, то-есть, необезпеченною бумагою, то, не смотря на всѣ усилія правительства, выкупные знаки, хотя ихъ положено было выпустить ограниченное число, стали въ свою очередь падать въ курсѣ при обмѣнѣ ихъ на серебро. Мало того, правительство вскорѣ нашлось въ необходимости нарушить въ 1813 г. торжественно данное обѣщаніе. Въ виду предстоявшей войны, оно рѣшилось сдѣлать новый выпускъ бумажныхъ знаковъ, причемъ совѣсть правительства успокоена была тѣмъ, что эти знаки получили новое названіе: Antipationsscheine. До 1816 г. такихъ знаковъ выпущено на 426 м., что̀ составляло, вмѣстѣ съ 212 м. Einlösungsscheine, 638 м. гульденовъ. Хотя патентъ 20 февраля 1811 и былъ опубликованъ въ Венгріи, но только для свѣдѣнія, потому что по началамъ венгерской конституціи требовалось согласіе сейма на подобную финансовую операцію. Сеймъ открытъ былъ въ Пресбургѣ 25 августа 1811 г. Правительство считало патентъ дѣломъ рѣшеннымъ, а соизволеніе сейма одною формальностью; оно предлагало венгерцамъ назначить трехъ членовъ въ коммиссію, которая будетъ исключительно и независимо отъ министерства финансовъ завѣдывать обращающимися бумажными денежными знаками. Оно натолкнулось на сильнѣйшую оппозицію, и услышало рѣчи, въ которыхъ сказывался глубокій нравственный сепаратизмъ и равнодушіе къ истощенію имперской казны, къ бѣдамъ и страданіямъ другихъ областей австрійской монархіи. Этотъ сепаратизмъ былъ въ свое время сильно порицаемъ Штейномъ и нѣмецкими патріотами, за его ограниченность и непониманіе высшихъ идеальныхъ цѣлей политики, которая требовала въ ту минуту сильнѣйшаго единенія всѣхъ силъ въ виду Наполеона, причемъ конечно намекалось на отсталость и анахронизмы дворянской конституціи. Но, съ своей стороны, венгерцы могли сказать, что не они первые стали смотрѣть на свои отношенія къ Австріи какъ на нѣчто механическое, что ихъ къ тому пріучило само правительство. Они заслонялись своимъ добрымъ старымъ формальнымъ правомъ сказать свое слово о своихъ дѣлахъ ante factum, а не post facto. Наконецъ, они были правы въ своей критикѣ финанцпатента 20 февраля въ томъ отношеніи, что патентъ недостигалъ своей цѣли, и, замѣняя бумагу бумагой, отдалялъ воз-

можность замѣны бумаги серебромъ. Обѣ стороны были готовы на уступки, но расходились въ принципахъ; соглашеніе не состоялось. 20 мая 1812 г. сеймъ былъ распущенъ, а 1 сентября того же года финанцпатентъ приведенъ въ Венгріи въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ и до 1825, правительство управляло Венгріею безъ сейма, вопреки многочисленнымъ дипломамъ, обязующимъ созывать сеймъ по крайней мѣрѣ разъ въ три года (art. 13 хартіи 1791: singulo triennio, aut publica regni utilitate et necessitate exigente, etiam citius ad exigentiam sancitarum superinde regni legum per M. R. generalie regni diaeta indicetur).

II.

Наполеоновскія войны. — Императоръ Францъ и Меттернихъ.

Съ 1792 г. и до вѣнскаго мира, 14 октября 1809, Австрія запутана была въ цѣлый рядъ европейскихъ войнъ, сначала съ французскою республикою, потомъ съ имперіею, которыя истощили ея силы, покрыли ея оружіе безславіемъ, низвели ее на нѣкоторое время со степени первокласной державы и стоили ей, по трактатамъ пресбургскому 1805 и вѣнскому 1809 г., 3,200 квадр. миль владѣній и 6 милліоновъ подданныхъ. Сверхъ потерь матеріальныхъ, эти войны причинили несказанно много иного зла. Въ теченіи 20 слишкомъ лѣтъ, внутреннее устройство и развитіе оставались на точкѣ замерзанія. Реформы отложены были въ сторону, два только вѣдомства работали сильнѣе, Haus-Hof und Staatskanzley и Hofkriegsrath; долги росли непомѣрно, правительство пріучилось смотрѣть на народъ и его богатство, исключительно, какъ на источники налога, и какъ на средства войны, веденной скорѣе изъ-за династическихъ, нежели изъ-за народныхъ интерессовъ. Въ теченіи этого безплоднаго по своимъ результатамъ времени, выросло поколѣніе, отвыкшее отъ жизни политической, забывшее про всякую связь между государственнымъ и народнымъ благомъ, воспитанное среди мертвой тишины, прерываемой только скрипомъ канцелярскихъ перьевъ, и совершенно равнодушное къ судьбамъ монархіи. — Застой и неподвижность возведены были въ незыблемый принципъ и обратились въ руководящее начало и внутренней и внѣшней политики; съ тѣхъ поръ, вплоть до половины XIX вѣка, Австрія являла изъ себя типъ средневѣковой ветхости, затхлаго консерватизма, который она поддерживала не только у себя дома, но и во всей Европѣ. — Военныя со-

бытія объясняютъ многое въ исторіи Австріи, но далеко не все. Въ такомъ же точно истощеніи и раззореніи отъ борьбы съ Наполеономъ увидѣли себя и Россія и Пруссія и много нѣмецкихъ государствъ, что имъ не помѣшало произвести въ виду непріятеля многія полезныя преобразованія, глубоко проникающія въ строй жизни и государственной и общественной. Чтобы вполнѣ понять то направленіе, которое австрійская политика получила съ тѣхъ поръ на цѣлыя полстолѣтія, необходимо изучить внимательнѣе характеры лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ кормило правленія, а прежде всего личность самого императора Франца. — До 1809 года, эту личность заслоняли другія, имѣвшія на нее вліяніе. Эрцгерцогъ Карлъ, Тугутъ, придворные, Стадіонъ, Зичи, члены кабинета и государственнаго совѣта, генералы, главы знатнѣйшихъ вельможескихъ фамилій; всѣ управляли понемножку, не мѣшая и другимъ двигать, хотя бы и въ разныя стороны, государственную колесницу. Съ 1809 г., императоръ Францъ начинаетъ править болѣе самъ, лично, причемъ на всѣхъ явленіяхъ жизни общественной становится замѣтно вліяніе его тяжелой мертвящей руки.

Императоръ Францъ родился въ 1768 г. во Флоренціи, получилъ весьма плохое воспитаніе и призванъ былъ въ Вѣну, въ 1784 г., Іосифомъ II, который хотѣлъ изучить 17 лѣтняго юношу и подготовить его къ трудамъ правленія. Уцѣлѣли отрывки записокъ Іосифа II о племянникѣ, въ которыхъ Іосифъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ свои наблюденія надъ Францомъ: «Это избалованный матушкинъ сынокъ, который считаетъ безконечно важнымъ все касающееся его собственной особы и не обращаетъ никакого вниманія на то, что для него дѣлаютъ или ради его терпятъ другіе. Слабый физически, запоздалый въ развитіи, некрасивый и неловкій, онъ питаетъ въ себѣ безпредѣльное себялюбіе, сопряженное съ лѣнью, съ равнодушіемъ и нерѣшительностью въ мысляхъ и дѣйствіяхъ... Онъ щеголяетъ памятью и какимъ-то поддѣльнымъ стоицизмомъ, но когда потребуется напряженіе разсудка или послышатся внушенія чести и долга, то этотъ стоицизмъ исчезаетъ и является тщедушное существо, неспособное къ великимъ дѣламъ, привыкшее къ тому, чтобы его водили другіе, и негодное для государственнаго человѣка. Не по возрасту своему ребяческій, онъ проводитъ свое время праздно, безмысленно, за пустяками. Онъ грубъ въ выраженіяхъ, имѣетъ пискливый голосъ и глотаетъ слова частью по лѣности, частью по неумѣстной застѣнчивости... Ему противно обдумываніе, онъ не сообщителенъ, потому что не любитъ правды, а когда рѣшается на что нибудь, то, только для того,

чтобы избавиться на время отъ внушеній и остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде. Когда онъ замѣтитъ, что окружающіе доведены его упрямствомъ и молчаніемъ до того, что стараются его ободрить и приласкать, то онъ употребляетъ это средство на то, чтобы отстоять свои привычки, потому что онъ думаетъ, что ихъ безпокоитъ, когда онъ дуется. Одно только средство въ отношеніи къ нему дѣйствительно, а именно страхъ и отвращеніе отъ непріятностей. Эти мотивы дѣлаютъ его покорнымъ, податливымъ, и вызываютъ въ немъ кратковременныя напряженія, но не преодолѣваютъ однако ложныхъ идей, въ которыхъ его поддерживаетъ непомѣрно высокое представленіе о знатности его рожденія. Благородныя нравственныя побужденія совсѣмъ на него не дѣйствуютъ, каковы: честолюбіе, любовь къ отечеству, правота и честность въ исполненіи обязанностей, даже и самыя религіозныя начала.»

Этотъ портретъ мастерски начертанный въ 1784 и 1785 г., остался вполнѣ вѣренъ отъ ранней юности до поздней кончины Франца (1835), съ тою только разницею, что съ лѣтами черты характера сдѣлались рѣзче и грубѣе, ребячество изъ дѣтскаго превратилось въ дѣловое, застѣнчивость въ страшнѣйшую подозрительность и недовѣріе къ другимъ, что сердце еще болѣе очерствѣло, получивъ оттѣнокъ холодной безстрастной жестокости, тщательно маскируемой притворнымъ равнодушіемъ и отеческою фамиліарностью въ обращеніи со всякого рода людьми. Извѣстно, что эта послѣдняя особенность доставляла Францу большую популярность у черни, слышавшей изъ устъ императора свое вѣнское нарѣчіе и польщенной имѣть во всякое время доступъ къ доброму императору. — Ребяческія наклонности и привычки остались у Франца I до сѣдыхъ волосъ: до конца жизни любилъ онъ играть въ жмурки съ адъютантами, заниматься выдѣлываніемъ сургуча и лаковъ, играть на скрипкѣ. Маленькими штучками, ловкостью въ вырѣзываніи силуэтовъ, въ выдѣлкѣ коробочекъ изъ папки и транспарантовъ, можно было войти къ нему въ милость и довѣріе. Въ мирѣ и въ походахъ, среди сильнѣйшихъ заботъ, его сопровождалъ вездѣ неизбѣжный квартетъ. При образованіи, въ 1813 г., богемскаго дворянскаго караула, который сопровождалъ императора отъ Дрездена до Парижа, наблюдаемо было главное то, чтобы въ составъ караула вошли музыканты способные съиграть квартетъ. Своему умѣнію играть на басѣ обязанъ былъ карьерою извѣстнѣйшій развратникъ баронъ Іоганъ Кутчера, попавшій въ 1806 г. въ адъютанты, и остававшійся въ этой должности до смерти въ 1832 г. Кутчера былъ необразованъ, необтесанъ, глупъ и гря-

зенъ, свыше всякого описанія, и игралъ роль шпіона при эрцгерцогахъ. — Слухи о его похожденіяхъ и оргіяхъ доходили до императора, который нѣсколько разъ прогонялъ его отъ двора, но безъ баса разстраивался квартетъ, и это соображеніе заставляло прощать всѣ прегрѣшенія любимца.—Робкій, нерѣшительный и лѣнивый Францъ I увидѣлъ себя въ неловкомъ положеніи на престолѣ и далъ себя водить всякому изъ окружающихъ; онъ испилъ всю чашу униженія и бѣдъ, бѣгалъ изъ столицы предъ побѣдоноснымъ врагомъ, оскорбленъ былъ до глубины души образомъ дѣйствія министровъ, родомъ опеки, которую простирали на него въ смутныя времена его братья (въ особенности эрцгерцогъ Карлъ), недостаткомъ уваженія со стороны подданныхъ къ его собственной особѣ. По необходимости долженъ онъ былъ присмотрѣться къ скучнымъ дѣламъ правленія, и, присмотрѣвшись, открылъ, что дѣло не такъ трудно, какъ бы казалось сразу, и что правленіе государствомъ можно сдѣлать тоже своего рода забавой, иногда весьма интересной.—Вести переговоры, обдумывать законодательныя мѣры, было ему не по силамъ; онъ не могъ никогда возвыситься до пониманія общей связи явленій, но онъ былъ способенъ обнять и запечатлѣть въ памяти тотъ или другой фактъ со стороны его внѣшней, формальной, въ его прикосновенности къ интерессамъ и къ страстишкамъ тѣхъ или другихъ лицъ. Не имѣя дарованій государственнаго человѣка, онъ могъ однако преодолѣть себя и явить хлопотливость аккуратнаго чиновника, просиживающаго по цѣлымъ часамъ за чисто механическою работою и забавляющагося дѣловыми мелочами. — Когда предстояло рѣшить окончательно важные вопросы о сложныхъ мѣропріятіяхъ, о коренныхъ преобразованіяхъ, императоръ не могъ никакъ собраться съ духомъ на рѣшеніе, держалъ дѣла у себя въ кабинетѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ и посылалъ ихъ на заключеніе, то къ тому, то къ другому, изъ высшихъ или низшихъ чиновниковъ, однимъ словомъ, онъ отыскивалъ тысячи предлоговъ, чтобы тянуть производство до безконечности. Но онъ былъ неутомимъ на аудіенціи, въ пріемѣ просителей, въ ревизованіи канцелярій во время высочайшихъ путешествій. — По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, принялъ онъ болѣе 20,000 человѣкъ при поѣздкѣ своей въ Италію, въ 1825 г.; ежедневно, въ извѣстные часы, принималъ онъ несмѣтное число челобитчиковъ въ вѣнскомъ гофбургѣ, выслушивалъ терпѣливо длиннѣйшія рѣчи, входилъ въ подробности и отпускалъ ласково съ неопредѣленными и ничего невыражающими отвѣтами. Онъ жаловался часто на препятствія, мѣшающія ему въ исполненіи обязанностей, причемъ подъ обя-

занностями разумѣлись именно такія мелочи, какъ пріемъ просителей и отписка бумагъ, а подъ препятствіями настоящія государственныя работы и заботы. Когда, въ 1830 г., Вѣна съ окрестностями сильно пострадала отъ разлитія Дуная, наряжена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ самого императора изъ чиновниковъ всѣхъ степеней и классовъ, въ которой его любовь къ мелочному нашла полное удовлетвореніе. Каждый членъ коммиссіи рапортовалъ лично Францу о требующихъ пособія; императоръ помѣчалъ рапорты, вносилъ собственноручно въ книги, и по нѣскольку разъ записывалъ, съ аккуратностью бухгалтера, каждый десятокъ раздаваемыхъ гульденовъ.

По натурѣ своей, Францъ I неспособенъ былъ къ увлеченію, къ страсти, къ великодушію и отличался неумолимою, холодною злопамятностью въ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ считалъ личными своими врагами, что доказывается тѣмъ неусыпнымъ надзоромъ соединеннымъ съ придирчивостью тюремщика, и котораго онъ не спускалъ съ ольмюцкихъ и шпильбергскихъ заключенныхъ. У него не было никакихъ привязанностей, а одни только привычки; привыкалъ же онъ скорѣе и выводилъ преимущественно предъ другими людей ничтожныхъ, порядочно подловатыхъ, которыхъ считалъ безконечно преданными ему лично, потому что онъ вытащилъ ихъ изъ грязи не по заслугамъ, а по милости, и потому что съ ихъ стороны онъ не опасался самостоятельности, вліянія или помѣшательства его системѣ управленія. Императоръ ненавидѣлъ своихъ братьевъ эрцгерцоговъ, Карла, Іоанна, Іосифа, за ихъ популярность и относительно бо́льшую даровитость; онъ жаловалъ только Райнера и Людвика, людей пассивныхъ и безхарактерныхъ, изъ которыхъ перваго онъ сдѣлалъ парраднымъ вице-королемъ Италіи, а второму поручалъ на время своихъ путешествій или болѣзни бразды управленія. Та же боязнь всякаго ума, таланта и самостоятельности, сказывалась въ выборѣ и назначеніи лицъ, въ распоряженіяхъ и рѣчахъ императора. Старикъ Ласси внушилъ ему въ молодости слѣдующее правило: «не давайте генералу, который хорошъ въ полѣ, никакого участія въ управленіи въ мирное время». Это правило Францъ I распространилъ, обобщилъ, и поставилъ себѣ, повидимому, задачею не давать никакой силѣ полнаго развитія, никакому человѣку мѣста и роли по его способностямъ. «Кто вамъ приказывалъ писать стихи,» сказалъ онъ стихотворцу Кастелли, сочинителю разныхъ патріотическихъ пѣсенъ противъ враговъ Австріи, который страха ради бѣжалъ въ 1800 г. изъ Вѣны въ лагерь императорскій. Еще типичнѣе слѣдующая рѣчь императора, произнесенная въ 1821 г. къ профессорамъ Лайбахскаго лицея:

«Держитесь стараго, потому что оно хорошо; если нашимъ предкамъ при немъ счастливилось, то почему бы и намъ не посчастливилось. Теперь въ ходу новыя идеи, которыхъ я не могу одобрить, которыхъ я никогда не буду одобрять. Воздерживайтесь отъ нихъ и придерживайтесь положительнаго, потому что я не нуждаюсь въ ученыхъ, а въ добрыхъ гражданахъ. Ваша задача приготовить таковыхъ изъ молодыхъ людей. Кто у меня служитъ, долженъ учить тому, что я приказываю. Кто не можетъ этого дѣлать, или кто ко мнѣ подходитъ съ новыми идеями, долженъ удалиться, или я самъ его удалю.» Съ теченіемъ лѣтъ, въ характерѣ Франца становилась все рѣзче и рѣзче черта, которую подмѣтилъ уже Іосифъ II, «безконечная важность, всего касающаго его лично,» полнѣйшее отождествленіе себя съ государствомъ, требованіе, чтобы въ обширномъ и пестромъ государствѣ во всѣхъ сферахъ дѣятельности человѣка все шло, по крайней мѣрѣ по наружности, по напередъ установленной формѣ и образцу, и принимание всего, что не подходило подъ рамки правительственной системы или становилось въ разрѣзъ съ нею, за личное неуваженіе къ царствующему лицу, за непосредственную обиду. Этою чертою объясняется особенное озлобленіе противъ преступниковъ политическихъ, для которыхъ не было милосердія и пощады.

Императоръ любилъ сравнивать государство съ заведенными часами, которые идутъ сами собою [1]); это уподобленіе обозначаетъ точнымъ образомъ уровень понятій Франца о государствѣ и взглядъ его на политику. Но императоръ ошибался, думая, что онъ-то и есть часовщикъ, приводящій машину въ движеніе. Часы были старинные, построенные давно, при предкахъ; нѣкоторыя части ихъ совсѣмъ перестали служить *(Landstände)*; къ ветхому механизму Іосифъ II придѣлалъ новые валы, колеса и маятникъ, такъ что если ходъ машины не прекращался, то только благодаря людямъ и учрежденіямъ іосифовской эпохи. Машина

---

[1]) Рѣчь, при учрежденіи Staats- und Conferenzministerium'а, 31 августа 1801 г.: «Я ставлю себѣ, при учрежденіи этого совѣта, главною задачею, чтобы поставить ходъ дѣлъ монархіи на той степени естественнаго порядка, при которомъ все покоится на своемъ мѣстѣ, при которомъ на надлежащемъ основаніи утвержденная система отвѣтственности начальствующихъ за подчиненныхъ доставляетъ, посредствомъ наблюденія со стороны областныхъ и центральныхъ правленій (Landes und Hofstellen), полную увѣренность, что мои приказанія исполняются повсемѣстно, такъ что я имѣю возможность обозрѣть однимъ взглядомъ всѣ дѣла; при которомъ обстоятельные отчеты администраціи представляютъ ежеминутно въ ясномъ очертаніи состояніе дѣлъ въ цѣлой монархіи; при которомъ, однимъ словомъ, все такъ устроено, что цѣлое государственное управленіе движется само собою, подобно хорошимъ часамъ, когда они заведены.

шла тихо, скрипя и останавливаясь; если и заводилъ ее кто-либо, то конечно не мастеръ, а случай, судьба, тысячи перекрещивающихся силъ, вліяній, неподходящихъ подъ вычисленіе и оцѣнку. Если присмотрѣться къ ходу этой машины, то нельзя не замѣтить, что личное вліяніе императора останавливалось на поверхности вещей, не шло дальше мелочного и формальнаго, и было скорѣе на сторонѣ причинъ, не подвигающихъ впередъ, но тормозящихъ развитіе.

Машина состояла изъ двухъ совершенно разныхъ частей: Венгріи и Трансильваніи съ одной, и всѣхъ иныхъ земель нѣмецкихъ (потомъ итальянскихъ) съ другой стороны. Венгрія и Трансильванія имѣли свои хартіями укрѣпленныя конституціи, свои хотя и неохотно созываемые сеймы, и могли быть управляемы только посредствомъ своихъ особыхъ состоящихъ въ Вѣнѣ гоф-канцелярій. Въ иныхъ владѣніяхъ уже предшественникамъ Франца I удалось завести многостепенный бюрократическій ходъ всѣхъ дѣлъ по инстанціямъ съ сосредоточеніемъ въ Вѣнѣ всѣхъ почти мелочей управленія и со вмѣшательствомъ опекающаго всѣхъ центра и вмѣшивающагося въ разнообразныя отношенія житейскія. Производство было медленное, педантски-формальное, бумажное; отъ мѣстныхъ нижнихъ органовъ управленія дѣла шли въ Kreisamt, оттуда въ надлежащую *Landesstelle*, оттуда въ Вѣну, куда стекались всѣ нити управленія, и гдѣ они завязывались въ слѣдующіе узлы: *Hofstellen* (соотвѣтствующія нашимъ министерствамъ), государственный совѣтъ (der geheime Staatsrath für die inländischen Geschäfte) и установленіе въ родѣ нашего совѣта министровъ (Staatsconferenz-Ministerium). Если выдѣлить изъ группы Hofstellen канцеляріи венгерскую и трансильванскую, die geheime Haus-, Hof- und Staatskanzley, соотвѣтствующую министерству иностранныхъ дѣлъ, которою, съ 1809 г., правилъ почти самостоятельно Меттернихъ, а равно министерство тайной полиціи и цензуры (oberste Polizey und Censur Hofstelle), то главные центральные пункты управленія были слѣдующіе четыре: a) *die vereinigte Hofkanzley* (полиція въ обширномъ смыслѣ слова, дѣла земледѣлія, промышленности, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія и церквей); b) die allgemeine *Hofkammer* (финансы и государственныя имущества), отъ которой то отдѣлялось, то съ нею опять соединялось управленіе горными дѣлами (Hofkammer für Münz und Bergwesen); c) die oberste *Justizstelle*, въ одно и тоже время и министерство юстиціи и судъ высшей инстанціи; d) *Hofkriegsrath* (управленіе войсками), наконецъ e) *General-Rechnungs Directorium* (государственный контроль). Hofstellen устроены были коллегіально, дѣла рѣшались по большин-

ству голосовъ; президенты имѣли свои доклады у императора и собирались для общихъ совѣщаній въ учрежденномъ Маріею-Терезіею государственномъ совѣтѣ. Тѣ же пружины остались и при Францѣ, но значеніе ихъ измѣнилось незамѣтно, вслѣдствіе злоупотребленій практики. На ряду съ коллегіальнымъ, выработался другой порядокъ рѣшенія дѣлъ, прямо президентами, по ихъ единичному усмотрѣнію, причемъ президенты нашли удобнымъ употреблять именно этотъ способъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и случаяхъ. Такъ какъ личные доклады президентовъ были вообще рѣдкіе, такъ какъ никакія нормы не опредѣляли, какія дѣла должны быть докладываемы императору и какія нѣтъ, и такъ какъ императоръ занимался болѣе мелочами, то и выходило на дѣлѣ, что президенты, стѣсненные въ мелочахъ, оказывались часто полновластными въ общихъ мѣропріятіяхъ, въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Императоръ лично разрѣшалъ освобожденіе того или другого лица отъ рекрутской повинности, но Hofkriegsrath опредѣлялъ самостоятельно цифру военныхъ силъ имперіи; на вырубку малѣйшаго лѣснаго участка требовалось высочайшее соизволеніе, но *Hofkammer* рѣшала сама сложнѣйшія финансовыя операціи.

Для сообщенія единства управленію возникъ, въ 1801 г., по предложенію эрцгерцога Карла, совѣтъ министровъ (Staats und Conferenzministerium) изъ министровъ съ портфелями и безъ портфелей. Совѣтъ этотъ не имѣлъ ни инструкціи, ни опредѣленнаго круга вѣдомства, ни періодическихъ засѣданій, собирался случайно, комплектовался отставными министрами и высоко поставленными лицами, которыхъ негдѣ было помѣстить, такъ что въ дѣлѣ управленія онъ рѣшительно не могъ служить пособіемъ. Еще страннѣе было положеніе государственнаго совѣта (Staatsrath), состоящаго изъ министровъ, конференц-совѣтниковъ и референтовъ. Никто никогда не зналъ съ точностію, какія дѣла подлежали его вѣденію, и каковъ долженъ быть настоящій порядокъ его совѣщаній. Иногда отдѣльные члены совѣта докладывали въ немъ дѣла государю. Иногда происходило общее голосованіе подачею мнѣній. Совѣтъ не былъ выше министровъ, не былъ имъ также подчиненъ. Онъ или разбиралъ дѣла, по которымъ стороны не довольствовались рѣшеніями центральныхъ управленій (Hofstellen), или обсуждалъ вопросы и проекты, вносимые центральными управленіями, послѣ чего императоръ рѣшалъ по своему усмотрѣнію безъ приведенія основаній и мотивовъ.

Обыкновенно непосредственное участіе императора въ администраціи обнаруживалось двояко: въ пріемѣ частныхъ просьбъ,

и въ отвѣтахъ на вносимые администраціею вопросы по казуснымъ случаямъ. Императоръ получалъ бездну прошеній на аудіенціяхъ и по почтѣ. Прошенія разсматривались въ тайномъ кабинетѣ (собственной канцеляріи Е. В.), послѣ чего или отсылались въ подлежащее вѣдомство, или по нимъ наряжаемы были особыя дознанія, которыя рѣдко приводили дѣло къ какому-либо результату. На вопросы о казусныхъ случаяхъ, императоръ отвѣчалъ записками (Handbillets), которыя, не вмѣщая въ себѣ ни основаній, ни мотивовъ, не могли служить руководствомъ на будущее время, нерѣдко противорѣчили одна другой и производили только замѣшательство и запутанность. Присутственныя мѣста, желая угодить, пріискивали казусы, находили затрудненія, гдѣ ихъ не было, тянули дѣла и, чтобы сбыть ихъ съ рукъ, перекидывались ими, нисколько не интересуясь дальнѣйшею ихъ судьбою.

Вся эта система государственнаго управленія повѣрялась, контролировалась и поддерживалась посредствомъ высшей полиціи имѣвшей свою особую Hofstelle въ Вѣнѣ, свои General-Polizei-Directionen и Stadthauptmannschaften по областямъ. Это вѣдомство было учреждено при Іосифѣ II и усовершенствовано съ преобразованіемъ его на итальянскій манеръ; оно получило при Францѣ большее и самостоятельное почти вліяніе на политику и на положеніе лицъ, выдающихся изъ общаго уровня. Францъ любилъ слушать полицейскіе отчеты о новостяхъ, курьозахъ, а иногда и о скандалахъ дня. Притомъ онъ былъ мнителенъ и недовѣрчивъ; докладчику стоило немного труда, чтобы вооружить его противъ братьевъ, представить въ ложномъ свѣтѣ ту или другую личность, то или другое событіе, или подставить кому нибудь ногу, бросивъ на него подозрѣніе въ неблагонамѣренности. Благодаря этимъ навѣтамъ, эрцгерцогъ Іоаннъ слылъ опаснымъ претендентомъ на Тироль, а бумаги эрцгерцога Карла подвергались обыску, въ его же собственномъ дворцѣ. Придирчивость австрійской полиціи вошла въ пословицу, она простиралась даже на форму и покрой платья. Въ особенности страдала отъ нея литература, которая взята была въ тиски посредствомъ передачи въ 1801 цензуры въ веденіе центральнаго управленія полиціи. Вслѣдъ за тѣмъ (1803 г.) установлена особая Recensirungs-Commission, которая занялась просмотромъ книгъ, изданныхъ въ Австріи при Іосифѣ II и его предшественникахъ, и запретила 2,500 таковыхъ сочиненій. Съ тѣхъ поръ австрійское общество отдѣлено точно каменною стѣною отъ умственнаго движенія Европы; кто хотѣлъ прочесть сочиненія Вольтера, Руссо, долженъ былъ испрашивать разрѣшенія власти, да и то

только подъ предлогомъ, что онъ намѣренъ печатно опровергать эти писанія. Первымъ знакомствомъ съ нѣмецкою классическою литературою, въ особенности съ Шиллеромъ, обязана Вѣна нашествію врага, французскому господству въ 1809 г. Тогда-то появились опять въ продажѣ залежавшіяся подъ спудомъ произведенія временъ Іосифа, тогда то впервые, на короткое впрочемъ время, маркизъ Поза получилъ возможность просить на сценѣ о свободѣ мысли, а швейцарцамъ дано было право издѣваться надъ геслеровскою шляпою. Цензурный уставъ, весьма стѣснительный для мѣстной печати, установилъ нѣсколько степеней запрещенія, въ отношеніи къ иностраннымъ сочиненіямъ: damnatur, transeat, prudentibus erga schedam, toleratur. О литераторахъ Францъ I отзывался презрительно, при всякомъ удобномъ случаѣ, и не любилъ «дѣлателей книгъ,» какъ и вообще всякой живой силы въ народѣ, по той же причинѣ, по которой недовѣрялъ и духовенству, не смотря на свое римско-католическое благочестіе. Духовнымъ дозволялось имѣть надзоръ за исполненіемъ всѣми религіозныхъ обрядовъ и постовъ, за протестантами и ихъ пропагандою, за религіозностью печати, за преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, но всякія связи съ Римомъ были строжайше запрещены, корпоративный духъ преслѣдуемъ, и вмѣшательство государства въ дѣла церкви сильнѣе, чѣмъ когда нибудь въ предъидущія царствованія.

Отдѣльно и независимо отъ всего внутренняго управленія стояло вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, die g. Haus-, Hof und Staatskanzley, ввѣренное могущественному и въ свое время весьма знаменитому графу, а потомъ князю Клеменсу Венцелю Лотарю *Меттерниху* Виннебургу, котораго имя неразлучно съ судьбами Австрійской монархіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и который составляетъ какъ будто бы исключеніе изъ коренного правила дѣйствій Франца I — не терпѣть близъ себя никакого человѣка способнаго и даровитаго. Это исключеніе находитъ объясненіе въ нѣкоторыхъ чертахъ характера статс-канцлера. Предваряемъ читателя, что употребляемыя нами слова: «способный и даровитый», должны быть принимаемы въ значеніи весьма относительномъ. Меттернихъ былъ только тонкій и ловкій дипломатъ, человѣкъ на всѣ руки, который пришелся какъ разъ въ пору и по времени и по лицамъ, наполнявшимъ политическую арену въ западной Европѣ въ понаполеоновскій періодъ, за что и награжденъ былъ величайшимъ успѣхомъ, возможностью сыграть одну изъ первыхъ ролей въ исторіи нашего вѣка.

Дворянскій родъ Меттерниховъ держался въ разныхъ придворныхъ и дипломатическихъ должностяхъ при мелкихъ дворахъ

курфирстовъ—архіепископовъ трирскаго и майнцкаго. Клеменсъ Лотарь (родившійся 1773 г. въ Кобленцѣ) по рожденію чистый прирейнецъ, до конца своей жизни глядѣлъ чужестранцемъ въ средѣ австрійской аристократіи; съ механизмомъ управленія австрійской монархіи, съ ея составомъ и силами онъ былъ знакомъ весьма поверхностно. Духовные прирейнскіе дворы, въ XVIII столѣтіи, имѣли свою особенную атмосферу, которою Меттернихъ пропитался съ юныхъ лѣтъ. Лоскъ французскій, наружныя формы и обряды религіи, при сознательномъ полномъ невѣріи религіозномъ, просвѣщенный абсолютизмъ безъ условій устойчивости, системы управленія, мѣняющіяся съ каждою перемѣною государя, тонкій сибаритизмъ, при отсутствіи порядочныхъ женщинъ, наконецъ крошечность государственныхъ задачъ, которыя сводились всѣ къ тому, чтобы мелкими средствами управлять маленькими людьми и достигать маленькихъ цѣлей—таковы были преданія, которыя наслѣдовалъ по рожденію и воспитанію молодой дипломатъ. Товарищи его по университетамъ страсбургскому (1788) и маинцкому (1791), не замѣтили въ немъ ни особенныхъ способностей, ни любознательности и усидчивости, но и тогда уже проглядывали три *F* въ его характерѣ: fin, faux, fanfaron; въ 1795 г., великій знатокъ людей Кауницъ опредѣлилъ его такимъ образомъ: «ein guter aimabler junger Mensch, von der niedlichsten Verve; ein perfecter Cavalier.» Меттернихъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы усвоить себѣ обширныя познанія по какой либо отрасли наукъ, но достаточно уменъ, чтобы запамятовать, что нужно для великосвѣтскаго обихода. Рано началъ онъ отличаться своими любовными побѣдами и дипломатическими успѣхами, мѣшая одно съ другимъ и не дѣлая большого различія между будуаромъ и кабинетомъ. Въ 1795, онъ упрочилъ свое положеніе на австрійской службѣ женитьбою на внучкѣ Кауница, при чемъ супруги дали себѣ слово, которое и держали честно въ теченіи тридцати лѣтъ,—предоставлять себѣ взаимно полную волю въ дѣлахъ любви и сердца, но быть вѣрными союзниками во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Съ 1803 по 1806, Меттернихъ былъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ и участвовалъ въ 1805 въ образованіи третьей коалиціи противъ Франціи, которая кончилась столь плачевно взятіемъ Ульма и пораженіемъ при Аустерлицѣ, что ему не мѣшало поддерживать въ то же время самыя пріятельскія отношенія съ французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ Лафоре, который отлично отрекомендовалъ его съ своей стороны своему монарху. Съ 1806 года, Меттерниху пришлось состоять посланникомъ при Наполеонѣ и усыплять его подозрѣнія на счетъ приготовленій къ войнѣ, за что онъ и поплатился

тѣмъ, что, когда война вспыхнула въ 1809 г., съ нимъ обошлись, какъ съ военноплѣннымъ. 8 октября 1809, почти въ самый моментъ заключенія вѣнскаго мира, онъ занялъ постъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, на которомъ пробылъ потомъ безсмѣнно 39 лѣтъ до 13 марта 1848 г., когда былъ согнанъ съ этого поста революціей. Моментъ вступленія въ управленіе иностранными дѣлами былъ тяжкій, мучительный, моментъ разочарованія послѣ патріотическо-нѣмецкихъ мечтаній, отрезвленія отъ всякаго энтузіазма, отъ чувствъ достоинства и чести, полнѣйшаго недовѣрія къ идеямъ, привязанности къ одному матеріальному, положительному. За крайнимъ истощеніемъ силъ шла непомѣрная жажда покоя, во что бы то ни стало. Надо было ласкать Наполеона, беречь себя отъ всякихъ дальнѣйшихъ потерь, ничѣмъ не рисковать, отъ всего рѣшительнаго уклоняться, а если дѣйствовать, то лишь на вѣрняка. Причины и обстоятельства, выдвинувшія впередъ Меттерниха, заключались въ его личныхъ качествахъ, въ благосклонности къ нему Наполеона, не смотря на событія 1809, въ его знаніи французскаго двора, въ его гибкости, находчивости и томъ проницательномъ дипломатическо-полицейскомъ взглядѣ, которымъ онъ умѣлъ угадывать характеры людей и въ мигъ подмѣчать ихъ слабыя стороны и недостатки, наконецъ въ совершенномъ отсутствіи въ немъ какихъ бы то ни было принциповъ, скрываемомъ отъ всѣхъ весьма тщательно и съ необыкновеннымъ искуствомъ. Съ практиками и скептиками Меттернихъ потѣшался надъ идеологами, въ подражаніе Наполеону трунилъ надъ пустотою политическихъ теорій. Съ людьми, имѣющими убѣжденія, онъ придавалъ себѣ видъ человѣка нечуждаго стремленіямъ къ идеалу, но подавляющаго въ себѣ эти благородные порывы для блага государства. По мѣрѣ надобности у него были всегда на устахъ слова: консерватизмъ, стабилитетъ, легитимность, равновѣсіе Европы, которыя произносились столь серьезно и съ такимъ вѣсомъ, что вводили весьма многихъ въ заблужденіе. Эти фразы были чистѣйшею мистификаціею со стороны статсъ-канцлера, пылью, пускаемою въ глаза профанамъ. На старости лѣтъ Меттернихъ озадачилъ однажды одну англійскую даму-туристку глубокомысленнымъ изрѣченіемъ: je crois que la science du gouvernement pourrait se réduire à des principes aussi certains, que ceux de la chimie. Подобныя сентенціи не мѣшали людямъ болѣе прозорливымъ, имѣвшимъ дѣло съ Меттернихомъ, проникнуть его насквозь и убѣдиться въ пустотѣ, которая скрывалась за внушающею уваженіе маскою. Талейранъ называлъ его politique de la semaine! Гизо говоритъ (Memoires II, 290): M. de Metternich avait toujours soin de

placer ses actes sous un grand drapeau intellectuel; il allait sans hésiter à son but pratique, mais en donnant à ses adversaires, comme à ses alliés, le plaisir ou l'embarras de disserter philosophiquement sur la route. Приведемъ слова Мармона (VI, 374): éminement homme de concession il ne parle que de concessions et emploie de la force. Есть еще отзывы, гораздо болѣе рѣзкіе и менѣе благопріятные о князѣ Меттернихѣ. Каподистрія писалъ прямо въ 1819 г.: Questo signore non e di difficile acquisto; въ цѣлой Европѣ распространено было мнѣніе, что статсъ-канцлеръ (этого званія достигъ онъ въ 1821 г.) неровнодушенъ къ пенсіямъ и подаркамъ, непомѣрно жаденъ и на руку не чистъ. Большая часть ходившихъ въ послѣдніе годы о дѣятельности его скандальныхъ слуховъ требуетъ подтвержденія, и не доказано, чтобы онъ запродалъ когда либо интересы Австріи иностранцамъ, но достовѣрно, что статсъ-канцлеръ располагалъ милліонами, получаемыми изъ казны, безотчетно, и что въ 1848 г., во время революціи, онъ уличенъ былъ предъ сеймомъ (засѣданіе 14 августа) въ невзносѣ денегъ въ казну за купленное въ Богеміи духовное имѣніе Плесъ.

Безпринципная политика кривыхъ путей и выжиданія увѣнчана была самымъ блистательнымъ и самымъ неожиданнымъ успѣхомъ. Врагъ сраженъ чужими руками, безъ пожертвованія и боя вернулись Австріи потерянныя ею владѣнія, прибрежье Адріатическаго моря и Венеція; пріобрѣтена малою цѣною Ломбардія; въ Вѣну съѣхались рѣшители судебъ царствъ и народовъ, и ловкій министръ Франца I сдѣлался осью, вокругъ которой вращалось колесо конгреса; въ его нѣжныхъ рукахъ соединялись всѣ нити дипломатическихъ интригъ, переговоровъ, совѣщаній; изъ всѣхъ подписавшихся на знаменитыхъ трактатахъ онъ имѣлъ первый право смотрѣть на эти трактаты, какъ на дѣло своего ума. Этотъ успѣхъ оказалъ вредное вліяніе на Меттерниха, внушивъ ему, во первыхъ, преувеличенное понятіе о его мудрости и непогрѣшимости въ политическихъ разсчетахъ; во вторыхъ, заставивъ его возвести столь хорошо удавшуюся безпринципность въ принципъ, отождествить себя съ вѣнскими трактатами и продолжать играть роль представителя европейскаго консерватизма и всеевропейскаго миротворца по тѣмъ правиламъ, которыя доставили ему когда то удачу, но которыя переставали годиться при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Меттернихъ терялъ постепенно быстроту пониманія людей и событій; извѣстно, что онъ никогда не отличался чутьемъ въ отношеніи къ великимъ движеніямъ національнымъ и соціальнымъ. Онъ все болѣе и болѣе походилъ на врача эмпирика, ко-

торый, не понимая причины и источника болѣзни, употребляетъ всѣ свои старанія на уничтоженіе тѣхъ или другихъ зловѣщихъ ея симптомовъ, не заботясь объ остальномъ.

Легко понять, почему такъ хорошо сошлись, дополняя себя взаимно, Францъ I и Меттернихъ. Оба не мѣшали себѣ ни въ чемъ: Меттернихъ былъ слишкомъ лѣнивъ и несвѣдущъ, чтобы понимать толкъ въ дѣлахъ внутренняго правленія, которыми исключительно занимался императоръ. Оба добивались совершенной тишины и неподвижности въ Австріи, пассивнаго послушанія, которое бы могло возвысить, поддержать внѣшнее могущество этой державы. Оба принимали всякую оппозицію за личное для себя оскорбленіе. Меттернихъ, хотя и не жестокій по природѣ, пока не былъ затронутъ личный его интересъ, находилъ, что тяжкое заключеніе въ Шпильбергѣ есть вполнѣ приличное помѣщеніе для италіанскихъ карбонаровъ, считалъ политическихъ преступниковъ хуже убійцъ, и удивлялся, почему не любимы въ народѣ президентъ полиціи Седльницкій въ Вѣнѣ и Сальвотти въ Миланѣ.

III.

Золотые дни австрійской дипломаціи. — 1814—1821.

Въ низверженіи Наполеона участвовали не однѣ только союзныя правительства со своими военными силами, но и народное патріотическое движеніе въ Германіи, которое въ 1800—1809 году находило и въ Австріи отголосокъ. Поступившій въ австрійскую службу Генцъ переговаривался постоянно съ сѣверо-нѣмецкими патріотами; послѣ тильзитскаго мира, Штейнъ искалъ убѣжища въ Прагѣ; учрежденіе ландвера въ Австріи (1808) встрѣчено было съ энтузіазмомъ, которымъ дышатъ и манифесты, возвѣщающіе войну 1809 г. Весь этотъ патріотическій пылъ прошелъ послѣ пораженій 1809 г. и не возобновился въ послѣдующіе годы. Въ событіяхъ 1813 и 1814, Австрія участвовала прежде всего своею двуличною дипломаціею, держалась до послѣдней возможности роли посредника, и, приступивъ къ союзу противъ Наполеона, старалась всѣми мѣрами тормозить сѣверогерманское народное движеніе, недавая ему разыграться. Свое отношеніе къ нѣмецкому патріотизму обрисовалъ Францъ I слѣдующими словами къ Гагерну (1813): «Посмотрите, не искуснѣе ли я васъ? не сдѣлалъ ли я въ порядкѣ того, что вамъ хотѣлось дѣлать въ безпорядкѣ?» Воодушевленіе народа къ войнѣ имѣло въ глазахъ Франца значеніе безпорядка. На счетъ сво-

ихъ австрійскихъ владѣній онъ могъ быть спокоенъ: порядокъ былъ образцовый; отрезвившаяся съ 1809 вѣнская публика только потѣшалась и глумилась надъ поднимавшимися сѣверо-германцами. Дипломатическое перо работало съ австрійской стороны гораздо болѣе нежели шпага, Меттернихъ болѣе нежели Шварценбергъ. Дипломація австрійская относилась точно также ко всѣмъ національностямъ, какъ къ нѣмецкой, то-есть, она вполнѣ и совершенно игнорировала ихъ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, во-первыхъ, потому что въ то время, хотя и проявлялись національныя движенія, но теорія національностей еще не была изобрѣтена, слѣдовательно не было никакой надобности съ нею справляться; во-вторыхъ, потому что въ пестрой, разношерстной державѣ, состоящей большею частью изъ лоскутовъ различныхъ историческихъ національностей, лишенныхъ всякаго связующаго ихъ цемента, кромѣ нѣкоторыхъ матеріальныхъ интерессовъ и общей династіи, при системѣ правленія, основанной на абсолютизмѣ, при политикѣ, которой главный мотивъ—лѣнь, идеаломъ служитъ неподвижность, а руководящія правила дѣйствія: *sit quia fuit* и любимая поговорка Франца: *darüber muss man schlafen*. Необходимыя условія дальнѣйшаго въ томъ же видѣ существованія должны были заключаться въ безнаціональности самого правительства и въ непробудномъ снѣ національныхъ стремленій, да вообще и всякой жизни общественной. Это игнорированіе національностей выразилось потомъ въ очень извѣстной фразѣ Меттерниха, находящейся въ полномъ согласіи со всѣми преданіями старо-австрійской политики: «Италія—да это только географическій терминъ.» Смутное предчувствіе бѣдъ, какія можетъ накликать начало національностей, проявилось въ оппозиціи, со стороны Австріи, нѣкоторымъ политическимъ идеямъ императора Александра I о польскомъ вопросѣ, и попыткѣ къ осуществленію ихъ въ конституціи царства Польскаго; впрочемъ, эту оппозицію внушала скорѣе боязнь могущества сосѣда и зависть. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ труды вѣнскаго конгресса носятъ печать глубокаго матеріализма, идутъ по стопамъ Наполеона и проникнуты насквозь его духомъ. Всѣ вычисленія при установленіи системы европейскаго равновѣсія производились только по числу квадратныхъ миль и душъ народонаселенія; видно полное отсутствіе пониманія историческихъ судебъ національностей, ихъ сродства племеннаго, язычнаго и соціальнаго. Если бы Австрія имѣла какое-либо сознаніе опасности, которая ей можетъ угрожать со временемъ обходимая ею съ умысломъ сила національнаго чувства, то Австрія, конечно, не торопилась бы съ такою поспѣшностію занять сѣверную Италію, утвердиться въ

ной и искать въ ней центра тяжести для своей системы. Конечно, выигрышъ въ матеріальномъ отношеніи былъ громадный и осязательный, но Австрія и не подозрѣвала, что Ломбардія и Венеція не просто новый лоскутъ пришитый къ императорской мантіи, что отъ этой новой прибавки измѣнится отношеніе всѣхъ вообще составныхъ частей къ коронѣ, что съ нею вмѣстѣ прививается къ старому государству во всѣхъ его членахъ тяжкая болѣзнь, отъ которой оно должно будетъ изнемочь и разложиться. Надъ сравнительно бѣдными языками славянскими и мало обработаннымъ мадьярскимъ нѣмецкій языкъ держался на высотѣ и господствовалъ силою представляемой имъ высшей культуры. Притомъ для обломковъ разныхъ маркграфствъ и королевствъ нанизываемыхъ Дунаемъ съ его притоками нельзя было и предвидѣть иной участи, кромѣ соединенія ихъ подъ австрійскимъ скипетромъ; но въ сѣверной Италіи Австрія наткнулась на національность не только не переваримую политически, но и въ культурномъ отношеніи совершенно самостоятельную, которой нельзя было игнорировать, и съ которою надобно было или мириться или на смерть сражаться, вслѣдствіе чего и завязался съ первыхъ минутъ австрійскаго господства въ Италіи (1814) этотъ бой, отъ тягостныхъ послѣдствій коего Австрія не можетъ освободиться до настоящей минуты.

Во внутреннемъ управленіи государствомъ, такъ называемая система Франца I сводилась къ чистому абсолютизму особаго рода, на столько же отличному отъ іосифовскаго, на сколько Францъ стоялъ ниже Іосифа II, абсолютизму ничего не дѣлающему, ничего не развивающему и не позволяющему, чтобы что либо думалось и дѣлалось въ странѣ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ австрійская дипломація выѣзжала главнымъ образомъ на двухъ громко заявляемыхъ, но въ сущности взятыхъ на прокатъ принципахъ: легитимности и равновѣсія Европы.—Первое изъ этихъ понятій, придуманное Талейраномъ, усвоено было тотчасъ и пошло въ ходъ по причинѣ своей упругости, неопредѣленности и пригодности къ всевозможному употребленію.—Собственно оно должно было означать: привязанность къ историческому праву, къ старинѣ, отрицаніе революціи; но въ сущности эта любовь къ историческому праву не мѣшала Австріи оспаривать самыя несомнѣнныя съ исторической точки зрѣнія притязанія папы, другихъ государей и народовъ, и утвердить свое преобладаніе въ Италіи безъ всякой тѣни какого бы то ни было историческаго основанія. Собственно подъ стариною и охранительнымъ началомъ разумѣлась только одна извѣстная форма правленія, а именно чистый, неподвижный абсолютизмъ безъ

всякой примѣси народныхъ учрежденій, котораго бойцомъ явилась Австрія на всю Европу. Усталые отъ наполеоновскихъ войнъ, народы жаждали покоя и нѣкоторой законной свободы; неясныя пробудившіяся желанія выражались во всеобщемъ на западѣ требованіи конституцій, имъ проникнуты были всѣ классы народонаселенія, даже и самыя войска. Наполеонъ кончилъ свою деспотическую карьеру конституціоннымъ на нѣсколько дней монархомъ. Неопредѣленныя обѣщанія народнаго представительства и народныхъ учрежденій вкрались въ самые акты вѣнскаго конгреса. Одна только Австрія осталась въ этомъ отношеніи послѣдовательна; она ничего не обѣщала, напротивъ того, явилась прямымъ и открытымъ противникомъ и ненавистникомъ всякаго конституціонализма, гдѣ бы онъ ни всплывалъ на поверхность, подъ предлогомъ, что онъ отродье революціи, а собственно, потому что онъ могъ быть заразителенъ своимъ примѣромъ и мѣшалъ сладкому сну францовской системы правленія. «Totus mundus stultizat, сказалъ, въ 1820 г., императоръ пештскому дворянскому собранію, et relictis antiquis suis legibus constitutiones imaginarias quaerit.» — При такомъ взглядѣ на вещи, міръ представлялся раздѣленнымъ на два лагеря: съ одной стороны, сонмъ народовъ, сговаривающихся въ тиши и мракѣ къ ниспроверженію законнаго порядка и водворенію всѣхъ ужасовъ безначалія; съ другой стороны, союзъ престоловъ съ Австріею во главѣ, подвизающихся за законный порядокъ въ борьбѣ со стоглавою гидрою. — Предметомъ точно такой же игры понятіями служилъ и другой принципъ: *европейское равновѣсіе*, основаніе недопущенія иностраннымъ державамъ усиливаться, какъ посредствомъ поземельныхъ пріобрѣтеній, такъ иногда и посредствомъ развитія внутреннихъ силъ организма. Само собою разумѣется, что этотъ принципъ примѣняемъ былъ только къ чужимъ націямъ, а не къ себѣ, и нисколько не препятствовалъ и увеличенію Австріи и усиленію ея вліяній, когда представлялся къ тому удобный случай. Австрійская дипломація слѣдила зорко за происшествіями въ Турціи, старалась дать Австріи первенствующее мѣсто въ германскомъ союзѣ, наконецъ, держала въ совершенной опекѣ всѣ почти италіянскія государства, оставляя за ними одну только тѣнь самостоятельности. Изъ идеи европейскаго равновѣсія выводилось по произволу самое широкое вмѣшательство въ чужія дѣла, которому дана была слѣдующая формула въ нотѣ Меттерниха къ іюльскому правительству (1831): «Право вмѣшательства основано не на положительныхъ трактатахъ; всякій государь даже и безъ трактатовъ и родственныхъ отношеній и безъ просьбы со стороны другого заинте-

ресованнаго правителя имѣетъ несомнѣнное право пріостанавливать, какъ внѣ, такъ и внутри своихъ предѣловъ, тѣ нарушенія спокойствія, кои угрожаютъ его собственной безопасности, и, потушая пламя, пожирающее его сосѣдей, защищаться самъ отъ его опустошеній.» — Къ довершенію характеристики замѣтимъ, что эта политика не опиралась на силу оружія, но единственно только на дипломатическое искусство, и что это искусство располагало однимъ только пріемомъ, а именно, оно старалось внушить всѣмъ правительствамъ ту боязнь всякаго движенія, конституціонализма, либерализма, демагогіи, которую она ощущала сама.

Задачи этой политики были столь разнообразны и цѣли ея столь противоположны, что нельзя было ожидать отъ нея продолжительнаго успѣха. Она не удалась ни дóма въ Австріи, ни заграницею; она вооружила противъ себя и правительства и народы, такъ что и въ международной области Австрія осталась современемъ одна, и въ общественномъ мнѣніи всей образованной Европы имя ея правительства сдѣлалось безславнѣе и ненавистнѣе всякаго другого. Желая достигнуть слишкомъ многого, она не достигла ничего; туша всякую жизнь личную, муниципальную, она собственными руками содѣйствовала больше всего появленію движенія національностей, гораздо для нея опаснѣйшему, нежели всякое другое. — Присущая человѣку потребность дѣятельности должна была искать себѣ исхода, а ей отказывали въ маломъ и частномъ — она обратилась на большее и общее; ей недавали никакой пищи въ настоящемъ — она стала питаться воспоминаніями давнопрошедшаго или видѣніями далекаго будущаго. Австрія состоитъ изъ обломковъ разныхъ національностей; каждый обломокъ вспомнилъ о той единицѣ, которой онъ принадлежалъ нѣкогда, и пожалѣлъ о быломъ, которое ему показалось сквозь призму лѣтъ въ тысячу разъ живѣе, краше и достойнѣе непривлекательнаго настоящаго. — Таившіеся подъ пепломъ огоньки вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ однимъ пожаромъ; 1848 годъ былъ, казалось, годомъ преставленія Австріи, и въ порожнемъ оставшемся послѣ нея пространствѣ воздухъ наполнился толпою встававшихъ изъ гробовъ привидѣній.

Остановимся теперь на промежуткѣ времени отъ 1815 по 1821 годъ. Судя по наружности, это кульминаціонный пунктъ внѣшняго могущества Австріи. Дипломатическая слава ея министра иностранныхъ дѣлъ упрочена, повидимому, на незыблемыхъ основаніяхъ. Началось памятное время частыхъ съѣздовъ государей и министровъ, таинственныхъ конференцій и

дипломатическихъ празднествъ, на которыхъ обдумывались мѣры упроченія спокойствія Европы, судились и рѣшались всѣ европейскія компликаціи, причемъ вкрадчивый австрійскій министръ очаровывалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, слылъ оракуломъ и одерживалъ побѣду за побѣдой [1]). Не только въ международныхъ отношеніяхъ все шло къ лучшему; Австріи удалось также поправить свои финансы и поднять свой кредитъ. Учрежденъ въ 1817 году народный банкъ, съ цѣлью посредничествовать при изъятіи изъ обращенія страшно упавшихъ въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ; эта цѣль была достигнута при помощи иностранныхъ займовъ. Хотя государственный долгъ возросъ чрезъ то до 904 м. гульденовъ, но денежный курсъ упрочился возможностью ежеминутнаго обмѣна банковыхъ билетовъ на серебро, и великіе капиталисты навязывались сами съ предложеніями относительно новыхъ займовъ. Поверхность была блестящая и гладкая; немногіе понимали, что эта наружность обманчива, и что организмъ страдаетъ внутри недугомъ. Начнемъ обзоръ признаковъ внутренней болѣзни съ самаго больного мѣста, съ итальянскихъ владѣній.

Когда австрійскій генералъ Нугентъ высадился въ 1813 г. на итальянскій берегъ, угрожая съ сѣверовостока и Мюрату и вице-королю Евгенію, то онъ писалъ въ изданной 10 декабря въ Равеннѣ прокламаціи: Avvrete tutti a divenire una nazione independente. — 12 іюня 1814 г., при измѣнившихся обстоятельствахъ, другой австрійскій генералъ Бельгардъ объявилъ ломбардцамъ, что они переходятъ въ подданство Австріи, причемъ они получили отъ императора Франца обѣщаніе «прочной и удовлетворительной формы правленія.» — Въ эту минуту италіанцы не поминали еще Австріи лихомъ и не причисляли ее къ тремъ своимъ народнымъ бичамъ (ecco d'Italia i fati: tifo, Tedeschi e frati), ее поддерживали воспоминанія о счастливыхъ для Милана дняхъ царствованія Маріи-Терезіи. Правда, почва подверглась съ тѣхъ поръ многимъ измѣненіямъ, и была глубоко вспахана демократическими принципами, послѣ чего появились на ней мѣстами всходы пробуж-

[1]) Настало, говоритъ Шпрингеръ, незабвенное время для малыхъ и малѣйшихъ нѣмецкихъ дипломатовъ, когда князь Меттернихъ принималъ радушно поклоны нѣмецкихъ государей и министровъ, когда летали курьеры за курьерами съ пастетами и другими лакомствами; Меттернихъ пробовалъ съ гостями нассаускія вина въ эбербахскомъ погребѣ, устраивалъ по воскресеньямъ концерты или обѣдалъ у Майера-Анзельма Ротшильда во Франкфуртѣ; attachés посольства допускаемы были за дессертомъ, газеты гласили о важныхъ совѣщаніяхъ, а государственные люди Германіи сообщали подъ секретомъ, что и они бывали въ замкѣ Іоганнисбергѣ.

дающагося національнаго сознанія, требующіе самаго осторожнаго съ ними обращенія. Только недоучившаяся молодежь, да нѣсколько горячихъ головъ изъ бывшихъ офицеровъ наполеоновской арміи могли мечтать въ то время объ единствѣ Италіи; за представителя этого единства никто не могъ серьезно принимать такого, напримѣръ, авантюриста и двоедушнаго человѣка, какъ Мюратъ (прокламація Мюрата 30 марта 1814 г. изъ Римини). Изъ имѣющихся на лицо элементовъ можно было очень легко создать австрійскую партію въ Италіи, предоставить ломбардцамъ и венеціанцамъ побольше самоуправленія, и дать имъ особаго эрцгерцога намѣстника (изъ способнѣйшихъ) съ широкими полномочіями. Такъ думали политики австрійскіе стараго покроя. Въ виду глухого волненія, распространившагося по Италіи при возвращеніи Наполеона съ Эльбы, изданъ былъ даже патентъ 7 апрѣля 1815 г., обѣщавшій нѣчто въ этомъ родѣ, а именно образованіе особаго ломбардо-венеціанскаго королевства съ особымъ вице-королемъ для поддержанія «той національности, которой приписывается, не безъ основанія, столь важное значеніе», и даже представительныя учрежденія, приспособленныя къ характеру и обычаямъ итальянцевъ. Сто дней миновали благополучно, положеніе австрійскаго правительства въ Италіи стало несравненно крѣпче по вѣнскимъ трактатамъ; родственники императора возсѣдали на престолахъ Тосканскомъ, Моденскомъ; дочь его получила Парму, Піаченцу и Гвасталлу; австрійскія войска стояли гарнизономъ въ папскихъ владѣніяхъ (Феррара и Коммахіо), а неаполитанскій король обязался секретнымъ трактатомъ 12 іюня 1815 не вводить у себя конституціи и учрежденій, противныхъ древне-монархическимъ идеямъ. При этихъ новыхъ условіяхъ приведена въ дѣйствіе организація королевства, которая никого не удовлетворила и дала поводъ къ обвиненіямъ въ несдержаніи слова и въ недобросовѣстности. Единаго въ королевствѣ осталось одно только имя; изъ него составлены два губернаторства раздѣляемыя рѣкою Минчіо и, до 1822, внутреннимъ таможеннымъ кордономъ по этой рѣкѣ, и неимѣющія ничего между собою общаго. Вице-королемъ назначенъ ничтожнѣйшій изъ эрцгерцоговъ—Райнеръ, совершенный нуль, который, въ теченіи цѣлыхъ 30 лѣтъ своего пребыванія на этомъ постѣ, ни въ какія дѣла не вмѣшивался, садилъ цвѣты въ Монцѣ и копилъ деньги, которыя помѣщалъ въ иностранныхъ банкахъ (австрійскому онъ не довѣрялъ). Не отъ него, а отъ вѣнскихъ Hofstellen зависѣли оба губернатора миланскій и венеціанскій. Былъ данъ призракъ представительства въ двухъ центральныхъ конгрегаціяхъ, состоящихъ изъ выборныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ

и депутатовъ городскихъ совѣтовъ значительнѣйшихъ городовъ. Члены этихъ конгрегацій избирались правительствомъ изъ тройного числа представляемыхъ 17 провинціальными конгрегаціями депутатовъ; правительство, такимъ образомъ, могло устранить всякого, къ кому оно питало нерасположеніе. Въ каждой центральной конгрегаціи предсѣдательствовалъ мѣстный губернаторъ, члены центральныхъ конгрегацій получали жалованіе отъ правительства, имѣли чинъ и мундиръ, и походили во всѣхъ отношеніяхъ на коронныхъ чиновниковъ, а не на выборныхъ отъ общества. Не имѣя прямого участія въ управленіи краемъ, конгрегація могла лишь ходатайствовать о его нуждахъ и потребностяхъ. Одинъ только разъ ломбардская конгрегація вздумала воспользоваться этимъ правомъ и высказала желанія, которыхъ бы не устыдился правительственнѣйшій изъ австрійцевъ. Она просила объ искорененіи нѣкоторыхъ злоупотребленій въ администраціи, о пониженіи тарифа и о возстановленіи когда-то существовавшей до 1803 г. въ Вѣнѣ особенной итальянской гоф-канцеляріи, за что и получила строгій выговоръ, прошеніе же ея не удостоилось принятія. Въ 1815 г., введены вдругъ австрійскіе кодексы, гражданскій 1811 года, уголовный 1803, судоустройство въ три ступени и съ тремя инстанціями, судопроизводство временъ Іосифа II, тяжелое, медлительное, инквизиціонное. Оба апелляціонные трибунала, миланскій и венеціанскій, равно какъ и сенатъ или судъ высшей инстанціи въ Веронѣ, состояли изъ однихъ нѣмцевъ или южно-тирольцевъ. Хотя ломбардо-венеціанское королевство не имѣло никакой самостоятельности, но по какимъ-то страннымъ соображеніямъ въ немъ былъ поставленъ особый дипломатическій агентъ, который переписывался съ итальянскими кабинетами, а болѣе всего занимался полиціею и доводилъ свои наблюденія до свѣдѣнія статсъ-канцлера. Независимо отъ этого агента для противодѣйствія страшно распространявшимся въ Италіи тайнымъ обществамъ, учреждена подвѣдомственная вѣнской Polizey Hofstelle тайная полиція. Поставленный во главѣ ея въ Ломбардіи тиролецъ кавалієре Торрезани обнаружилъ изумительную дѣятельность, доведенную до художественнаго совершенства. Случай доставилъ, въ 1848 г., въ руки италіанцевъ инструкцію для тайной полиціи, исполненную самаго беззастѣнчиваго цинизма, и цѣлыя кипы полицейскихъ рапортовъ. Бумаги эти были опубликованы [1]); они даютъ ключъ къ самымъ неожиданнымъ сближеніямъ и открытіямъ. Само собою разумѣется, что они не

---

[1]) Carte segrete ratti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 4 giugno 1814 al 22 marzo 1848. 3 vol. Capolago. 1851.

были въ состояніи раскрыть организацію тайныхъ обществъ, а только содѣйствовали наполненію австрійскихъ крѣпостей арестантами, да и то не изъ важнѣйшихъ дѣятелей революціи. Итальянскую почву знали они плохо; они отзываются, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ объ извѣстномъ авторѣ «I promessi sposi»: un certo Manzoni da Verona; за то нѣтъ заѣзжаго иностранца, который бы не былъ окруженъ роемъ соглядатаевъ. Эту участь испытывали знатные англичане и греки, Каподистрія, шпіоны Людовика XVIII, и братъ императрицы, Людовикъ король баварскій, всѣ члены фамиліи Бонапарте и даже живописецъ Орасъ Верне. Установилась система взаимнаго другъ надъ другомъ надзиранія правительственныхъ лицъ и властей: за ломбардскимъ губернаторомъ Страссольдо и за Торрезани надзиралъ директоръ цензуры Брамбилла, за Брамбиллою нѣкто Малàвази; у директора почтъ найдены печати всѣхъ высшихъ мѣстныхъ сановниковъ, которыхъ корреспонденціи онъ прочитывалъ. Рапорты сообщаютъ всѣ сплетни, интриги, любовныя похожденія, не щадятъ никого и передаютъ съ подобострастіемъ всѣ ходячіе неблагопріятные слухи о скупости самого императора, о продажности и вѣтренности статсъ-канцлера. Развѣтвленія этого института столь громадны, что оправдываютъ вполнѣ слова Меттерниха: «теперь высшая полиція тѣсно связана съ политикою и господствуетъ надъ нею въ извѣстномъ отношеніи.»

Такіе виртуозы, какъ Торрезани или Брамбилла, приберегались, конечно, для Италіи; въ другихъ областяхъ, во владѣніяхъ нѣмецкихъ и славянскихъ, крутыя мѣры употреблялись рѣже, но различіе было только количественное, а не качественное; то есть, существовалъ тотъ же полицейскій принципъ съ немного смягченными формами, принципъ, которому не было здѣсь ни причины, ни предлога, по глубокому спокойствію и апатіи, невозмущаемой никакимъ броженіемъ. Интриги демагоговъ, развѣтленія западно-европейской революціонной организаціи, которыхъ доискивалась полиція, обыскивая иностранцевъ, надзирая за писателями и за профессорами, придираясь къ студентамъ за цвѣтныя шапки и шарфы корпорацій, была чистѣйшимъ миѳомъ, лишеннымъ всякаго основанія. Нѣмецкія области Австріи слыли самыми отсталыми въ умственномъ отношеніи въ цѣлой Германіи; Вѣна славилась только какъ средоточіе кутежей, ажіотажа и праздныхъ удовольствій; въ Богеміи шло мѣрными и тихими шагами національное чешское движеніе, пробудившееся еще въ концѣ прошлаго столѣтія, но оно держалось пока въ предѣлахъ археологіи и литературы, и не вмѣщало въ себѣ ничего политическаго. На югѣ, у славянъ по Дравѣ и Савѣ даже и литературнаго движенія не

было: иллирійское возрожденіе еще не начиналось. При столь слабо бьющемся пульсѣ жизни, верхомъ блаженства могла казаться нѣкоторая свобода мысли и слова, нѣкоторая обезпеченность личныхъ правъ гражданъ и какое нибудь, хотя бы самое ограниченное, участіе въ удовлетвореніи ближайшихъ земскихъ интерессовъ. Вотъ что писалъ Адамъ Мюллеръ въ 1820 г. къ пріятелю своему Генцу: «нѣкоторая эманципація провинцій, право раскладки податей, нѣкоторое возстановленіе старыхъ, не вымершихъ, но усыпленныхъ сословныхъ правъ, основаніе хорошей системы повинностей и государственный совѣтъ, какимъ ему слѣдовало бы быть, вокругъ государя,—при такихъ условіяхъ орелъ могъ бы помолодѣть и опередить въ свѣжести силъ другія государства.» На эти робкія заявленія федерализма, проданная Меттерниху душа, Генцъ отвѣчалъ въ духѣ своего патрона: «въ Вѣнѣ не ставится вовсе вопросъ, какъ образовать общество по лучшему плану въ будущемъ; единственная забота государственнаго человѣка состоитъ и должна состоять въ томъ, какимъ образомъ защитить его отъ грозной и близкой опасности.» При столь отчаянномъ взглядѣ на положеніе вещей нельзя было конечно и думать о свободѣ и развитіи народныхъ силъ; нельзя было относиться благосклонно и къ уцѣлевшему отъ прошлыхъ столѣтій институту земскихъ собраній или ландштендовъ. Институтъ этотъ оставленъ безъ перемѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ въ старину, введенъ вновь въ Галиціи (1817) и Краинѣ (1819); не получила его одна Далмація, которую, по возвращеніи ея Австріи въ 1815 г., правительство не захотѣло возсоединить съ короною венгерскою, имѣвшею на нее историческія права. Самъ слогъ указа о созваніи земскаго собранія смѣшилъ и забавлялъ старательною поддѣлкою подъ старину и несоотвѣтствіемъ шумныхъ его выраженій съ жалкою дѣйствительностью: «мы, Францъ I, и т. д. свидѣтельствуемъ всѣмъ и каждому изъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ состоянія духовнаго, господскаго, рыцарскаго и мѣщанскаго, нашу императорскую милость и всякое добро, и даемъ имъ всемилостивѣйше знать, что, по уважительнымъ общаго благосостоянія касающимся причинамъ, мы были побуждены къ тому, чтобы приказать созвать новый сеймъ. Дабы означенный сеймъ могъ получить надлежащій исходъ, какъ для вожделеннаго благополучія вышеупомянутаго маркграфства (эрцгерцогства или королевства), такъ и для общаго блага, и дабы онъ могъ достигнуть надлежащей цѣли и конца, повелѣваемъ всѣмъ нашимъ вѣрнопослушнѣйшимъ состояніямъ, всѣмъ и каждому, милостиво и крѣпко, дабы они собрались въ такой-то день въ такомъ-то мѣстѣ, и собственно къ вечеру наканунѣ

того дня, чтобы въ слѣдующее за тѣмъ утро они явились въ обычномъ мѣстѣ, точно и непремѣнно выслушали и вняли съ всеподданнѣйшимъ повиновеніемъ сеймовыя предложенія, приняли ихъ къ вѣрнымъ сердцамъ своимъ, взвѣсили и обсудили ихъ зрѣло и хорошо, и пришли потомъ къ такому заключенію, какого требуетъ потребность наша, всего маркграфства (эрцгерцогства или королевства) и собственная ихъ самихъ, на что мы жалуемъ ихъ нашимъ всемилостивѣйшимъ довѣріемъ.» Прологъ былъ длиненъ, а дѣло малое. И по составу, и по предметамъ вѣдомства, и по власти своей, собранія ландштендовъ походили скорѣе на кукольную комедію, нежели на серьозное занятіе. Въ одномъ только Тиролѣ въ собраніяхъ участвовало крестьянство посредствомъ своихъ выборныхъ, засѣдающихъ рядомъ съ другими состояніями. Въ прочихъ областяхъ сходились, не смѣшиваясь и располагаясь по чинамъ, высшіе сановники, духовные, господа, то-есть высшее титулованное дворянство, рыцари, то-есть низшее дворянство, владѣющее въ извѣстномъ размѣрѣ поземельною собственностью, наконецъ депутаты отъ нѣкорыхъ вольныхъ, то-есть имперскихъ городовъ. Города представлялись въ собраніяхъ весьма слабо (на всю Богемію 4 городскіе депутата, на всю Галицію два депутата отъ одного города Львова). Только въ нижней Австріи (unter der Enns) предсѣдательство въ земскомъ собраніи поручалось кому нибудь изъ членовъ скамьи господъ по назначенію императора въ званіи ландмаршала; во всѣхъ другихъ земляхъ оно было неразрывно связано съ должностью главнаго начальника края (Oberburggraf въ Богеміи, Landesgouverneur, Landeshauptmann и т. д.). Въ урочный день и часъ земскіе чины съѣзжались въ маломъ комплектѣ, дворяне въ цвѣтныхъ шитыхъ кафтанахъ. Предсѣдатель читалъ предложенія правительства, относящіяся большею частью до податей и повинностей; члены сейма выслушивали указы о пожалованіи дворянства и индигената разнымъ лицамъ, отвѣчали утвердительно на всѣ запросы и предложенія, не повѣряли ничего и поручали раскладку податей управѣ (ständischer Ausschuss), состоящей изъ выбираемыхъ отъ каждаго состоянія засѣдателей на все время отъ одного съѣзда до другого. Въ два, три засѣданія всѣ занятія приходили къ концу, и собраніе разъѣзжалось послѣ нѣскольких оффиціальныхъ обѣдовъ и баловъ. Иногда собраніямъ приходила охота ходатайствовать о своихъ нуждахъ и пользахъ передъ государемъ, но результатъ всѣхъ этого рода попытокъ былъ неизмѣнно одинъ, а именно, послѣ безконечно долгаго ожиданія получался или прямой отказъ или уклончивый отвѣтъ, что правительство не оставитъ принять въ

свое время въ соображеніе ходатайство сословій, собравшихся на сеймъ.

IV.

Признаки дряхлости. — Послѣдніе годы императора Франца. 1821—1835.

Политическій дуализмъ въ формѣ правленія областями, изъ котораго Австрія не можетъ выйти до настоящей минуты, существовалъ и въ двадцатыхъ годахъ, но въ скрытномъ состояніи, незамѣтномъ не только для обыкновенныхъ политиковъ, но и для самихъ кормчихъ австрійскаго государства. О Венгріи никто въ Европѣ не говорилъ и не думалъ, потому что не было венгерскихъ сеймовъ, а сеймы не собирались, потому что съ 1811 года правительство рѣшилось ихъ не созывать. Эта рѣшимость обходилась не безъ существенныхъ жертвъ и потерь. Безъ сейма нельзя было ни увеличить существующихъ податей сообразно новымъ нуждамъ имперіи, ни дѣлать новые рекрутскіе наборы; правительство несло эти жертвы въ надеждѣ, что безъ сейма народъ отвыкнетъ современемъ отъ конституціи и отъ жизни политической. — Разсчетъ былъ ошибоченъ въ томъ отношеніи, что центръ тяжести венгерской конституціи лежалъ вовсе не въ сеймѣ, а въ комитатахъ, что не во власти правительства было воспрепятствовать дворянству съѣзжаться по нѣскольку разъ въ годъ на комитатскіе сеймики или конгрегаціи, судить о политикѣ, толковать и спорить, наконецъ, выбирать своихъ земскихъ сановниковъ и судей. Европейски образованныхъ личностей насчитывалось немного между магнатами и дворянствомъ; большинство дворянъ были домосѣды, довольные старымъ, не алчущіе плодовъ западно-европейской культуры, мало интересующіеся тѣмъ, что дѣлается внѣ предѣловъ комитата и совершенно равнодушные къ тому, что происходитъ за предѣлами угорской земли. Въ сеймикѣ и въ его шумныхъ бесѣдахъ и удовольствіяхъ совмѣщалась вся прелесть жизни для дворянина; сеймикъ поддерживалъ политическій смыслъ и даръ слова въ обществѣ; пока онъ существовалъ, нельзя было и думать о подавленіи хитростію или силою затаенной политической оппозиціи планамъ централизаціи, дѣйствующей въ духѣ абсолютизма. Австрійское правительство было иного мнѣнія, и въ 1821 рѣшило приступить къ двумъ мѣрамъ, которыя должны были вызвать сильнѣйшее неудовольствіе: къ сбору податей не бумажными деньгами, упавшими въ курсѣ, но вмѣсто нихъ серебряною монетою, что равнялось возвыше-

нію налоговъ въ $2^1/_2$ раза, и къ наборамъ рекрутскимъ по комитатамъ, въ размѣрѣ утвержденномъ военнымъ министерствомъ. Напрасно ходатайствовала венгерская канцелярія о пріостановленіи этихъ мѣръ, напрасно подавали представленія и жалобы комитаты, указывая на нарушеніе конституціи и намекая на злыхъ совѣтниковъ, враговъ государства и династіи, окружающихъ престолъ Е. В. — Императоръ былъ непреклоненъ и приказалъ произвести наборы верховнымъ *испанамъ* комитатовъ, или, за отстраненіемъ себя сими послѣдними отъ этого дѣла, коронньмъ администраторамъ, наряжаемымъ на ихъ мѣсто. Что венгерская канцелярія предвидѣла, то и случилось. Въ немногихъ комитатахъ дѣло пошло порядкомъ. Въ большей части ихъ, верховные испаны отказались; надобно было посылать администраторовъ, коммиссаровъ и занимать воинскою силою мѣста собранія сеймиковъ. Мѣстные жители уклонялись отъ всякаго открытаго и явнаго сопротивленія, но умѣли поставить коронныхъ чиновниковъ въ совершенную невозможность исполнить возложенныя на нихъ порученія, даже и при посредствѣ воинской команды. — Всѣ земскіе члены отъ вице-испана до простого гайдука переставали дѣйствовать и разбѣгались, а такъ какъ у земства были въ рукахъ и полиція и судъ и финансы, то коронный коммиссаръ не могъ найти рѣшительно никого, съ кѣмъ бы потолковать, и у кого бы справиться насчетъ реестровъ и бумагъ. Домъ комитатскій оказывался пустымъ, присутственныя мѣста запертыми, печати и актовыя книги неизвѣстно куда запрятанными; всѣ встрѣчные прикидывались ничего незнающими и бѣгали отъ коронныхъ чиновниковъ, какъ отъ чумы. — Настал моментъ критическій для правительства, которому предстояло или отступить и сознаться такимъ образомъ въ безсиліи, или дѣйствовать рѣшительно, поднять крестьянъ на помѣщиковъ и взорвать на воздухъ всю эту дряхлую дворянскую конституцію. Только отважный правитель могъ бы рѣшиться на подобное дѣло, заманчивое по цѣли, но имѣющее весьма неопредѣленныя послѣдствія, и тѣмъ болѣе опасное, что въ цѣлой Турціи замѣтно было броженіе: греки возстали, готовилась русско-турецкая война, да и въ Италіи обнаруживались революціонныя вспышки. Императоръ Францъ неспособенъ былъ по характеру на всякую энергическую рѣшимость; онъ поддался необходимости, и пошелъ на уступки. — Благовиднымъ предлогомъ къ тому послужило то обстоятельство, что четвертая супруга императора, Марія-Каролина баварская, не была еще коронована королевою Венгріи, а присутствіе сейма необходимо для всякаго обряда вѣнчанія. По поводу этой церемо-

нія созванъ былъ сеймъ въ Пресбургѣ, который открытъ 18 октября 1825 г. тронною рѣчью императора.

Рѣчь имѣла задачею подѣйствовать на чувства членовъ сейма и расположить ихъ къ коронѣ. Въ ней говорилось о давно минувшихъ войнахъ съ врагами и о подвигахъ храбрости венгерцевъ во время наполеоновскихъ кампаній, выражалась радость о томъ, что венгерцы не увлеклись пагубными революціонными наклонностями вѣка. — Весь сеймъ прослезился вслѣдъ за императоромъ при намекѣ на его преклонныя лѣта и приближающуюся кончину (progreditur aetas nostra et mortalium anni in manibus Domini sunt). На видъ все шло къ лучшему, и какъ будто вернулись времена Маріи-Терезіи; но лишь только коронованіе кончилось и дворъ уѣхалъ въ Вѣну, тонъ преній перемѣнился и внесенъ въ «столъ состояній» (tabula statuum) проэктъ адреса съ поименованіемъ всѣхъ лежащихъ венгерцамъ на сердцѣ нарушеній конституціи. Плотина была прорвана, поставленъ вопросъ, въ которомъ сказывалось прямо и безъ обиняковъ недовѣріе къ правительству: *de obvallanda constitutione;* рѣчи получили обличительный характеръ, и рѣзкіе отзывы посыпались на измѣнниковъ, дающихъ государю злые совѣты. Напрасно магнаты старались дѣйствовать въ духѣ примиренія, адресъ прошелъ и былъ отправленъ въ Вѣну. Послѣдовавшая на этотъ адресъ резолюція была не менѣе рѣзка: императоръ упрекалъ сеймъ, что онъ поднялъ такіе вопросы, о которыхъ благоразумно было бы забыть, намекалъ на безумныя стремленія къ новизнѣ, и на возмущеніе, наконецъ, говорилъ въ защиту вѣрныхъ слугъ совѣтниковъ короны, и объявилъ, что все, происходившее въ Венгріи, дѣлалось по собственному и именному приказанію императора. — Отвѣтъ вызвалъ настоящую бурю, которая была тѣмъ сильнѣе, что самъ монархъ вступился въ предстоявшій конфликтъ собственною своею особою. Консервативная партія поняла ошибку отвѣта и пользу, какую можетъ извлечь изъ нея для себя оппозиція; она рѣшилась поправить дѣло и обратилась за посредничествомъ къ палатину, коему сама конституція велитъ быть посредникомъ въ подобнаго рода столкновеніяхъ [1]). Посредничество палатина оказалось успѣшнымъ, императоръ издалъ смягчающую слова резолюціи декларацію 26 ноября, въ которой отрекался отъ всякаго намѣренія усилить власть свою въ ущербъ для конституціи. — Сеймъ благодарилъ палатина и нарядилъ смѣшанную отъ обѣихъ палатъ коммиссію для составленія на основаніи деклараціи 26 ноября проекта

---

[1]) Хартія 1485. Palatinus controversias inter regem et regnum sopit.

закона, долженствующаго ограждать на будущее время конституцію отъ нарушеній. Послѣдовало всеобщее соглашеніе на помѣщеніе въ этомъ законѣ статей объ объявленіи недѣйствительными указовъ, послѣдовавшихъ помимо сейма въ періодъ времени, отъ 1811 до 1825 г., о созываніи сейма каждые три года, о наложеніи податей не иначе какъ съ согласія сейма; но оппозиція ввернула еще одну статью, на которую никакъ не захотѣли соизволить магнаты, а именно зачетъ впередъ на будущее время всего того, что было взято правительствомъ въ смыслѣ податей, сверхъ нормы, установленной послѣднимъ финансовымъ закономъ. Требованіе было странное и непрактичное; большая часть передержки была израсходована на потребности края: для пользы края нужно было имѣть деньги въ казнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это требованіе не было бы даже и поднято, если бы страсти были менѣе возбуждены, и если бы весь споръ не происходилъ на почвѣ чисто формальной, на которой спорщики считали долгомъ противупоставить прорывающейся за предѣлы законнаго императорской прерогативѣ твердый щитъ своихъ не покрываемыхъ никакою давностью правъ, свободъ и привилегій. — Пренія и пререканія между обоими столами сейма затянулись, многочисленные послы бѣгали отъ одного стола къ другому, много исписано бумаги, наконецъ, рѣшено представить государю не проэктъ закона, а просто адресъ съ просьбою объявить сожалѣніе о допущенныхъ нарушеніяхъ конституціи, дать обѣщаніе править впредь конституціонно, наконецъ, согласиться въ принципѣ на начало зачета передержки въ податяхъ.

Пока этотъ адресъ ходилъ въ Вѣну и былъ тамъ разсматриваемъ и обсуждаемъ, сеймъ занялся разборомъ такъ называемыхъ граваминовъ (gravamina), или заявленныхъ ему разныхъ обидъ, жалобъ и неудовольствій. Далмація не была возсоединена съ Венгріею, Трансильванія требовала болѣе тѣсной связи, цѣна на соль произвольно возвышена правительствомъ, Венгрія не должна допускать не гарантируемыхъ ничѣмъ бумажныхъ знаковъ. Во многихъ граваминахъ проглядывалъ старый аристократическій духъ этой оппозиціи, шедшій въ разрѣзъ съ вѣкомъ, кастообразная замкнутость этого дворянства, дрожавшаго за всѣ свои привилегіи и отстаивавшаго, напримѣръ, совершенную свободу отъ податей, даже для такихъ дворянъ, которые владѣютъ не дворянскою обѣльною землею, но черными крестьянскими участками. Поднятъ былъ чреватый невзгодами въ будущемъ роковой вопросъ о замѣнѣ въ дѣлахъ общественныхъ латинскаго языка мадьярскимъ. Кроатскіе депутаты и представители разныхъ славянскихъ комитатовъ и мѣстечекъ вооружились противъ на-

сильственнаго навязыванія имъ языка, который мало развитъ и не имѣетъ даже порядочнаго словаря, на что получили въ отвѣтъ упрекъ въ недостаткѣ патріотизма. Многіе члены сейма предлагали мадьярскій языкъ съ намѣреніемъ подкрѣпить чрезъ то старинную конституцію, и не повѣрили бы, если бы имъ кто предсказалъ, что, связывая ее съ своею національностью, они наносятъ смертельный ударъ этой могущественной аристократіи, которая тѣмъ только и держалась, что всасывала въ себя живыя силы не одной расы, но всѣхъ племенъ безразлично.

Между тѣмъ подоспѣлъ отвѣтъ изъ Вѣны на предложеніе о зачетѣ передержки, отвѣтъ уклончивый, въ которомъ правительство не отрицало принципа зачета, но доказывало трудность исполненія и совѣтовало отложить это дѣло, то-есть опустить его въ длинный ящикъ. Палаты были довольны признаніемъ принципа и отказывались настаивать на практическомъ его осуществленіи. Пошли торги объ общей суммѣ предполагаемаго ко взиманію налога, которые были уже гораздо менѣе интересны, потому что весь вопросъ сводился къ какимъ нибудь тремъ, четыремъ стамъ тысячъ гульденовъ. Палатинъ опять кинулъ на вѣсы свое посредничество, свой личный авторитетъ, чѣмъ заставилъ оппозицію замолкнуть. Правительство нашло, что предлагаемая сеймомъ сумма (4,300,000 гульденовъ) ниже ожиданій, но рѣшилось все таки всемилостивѣйше ее принять. Завязался еще предлинный споръ о примѣненіи къ Венгріи финанцпатента 1811 г.; этотъ споръ не привелъ ни къ какому результату, потому что правительство не уступило ни на іоту отъ обязательности для Венгріи своей монетной и кредитной системы. Сеймъ былъ закрытъ 18 августа 1827 г. послѣ двухлѣтняго существованія; члены его разъѣхались съ пустыми руками, безъ улучшеній и реформъ, и могли утѣшать себя только тѣмъ, что добились новаго признанія конституціи со стороны правительства, однимъ словомъ они очутились на томъ же самомъ пунктѣ, на которомъ стояли нѣкогда ихъ предшественники, по смерти Іосифа II въ 1791 г. Какъ въ то время, такъ и теперь, послѣ новаго кругового оборота, преобразованія отнесены въ неопредѣленное будущее. Назначена особенная коммиссія, которой поручено заняться изготовленными нѣкогда, въ концѣ прошедшаго столѣтія, по положенію сейма 1790 г., оператами или проэктами реформъ, лежащими преспокойно въ архивѣ, просмотрѣть ихъ и предложить съ своими заключеніями будущему сейму. Вскорѣ по закрытіи сейма, канцлеромъ венгерской канцеляріи назначенъ графъ *Ревицкій*, который держался правила, не нарушая конституціи, подавлять строгимъ формализмомъ всѣ попытки къ новизнѣ, къ

отмѣнѣ устарѣвшаго и къ развитію. Этотъ новый образъ дѣйствій былъ внушенъ сознаніемъ одного изъ самыхъ чувствительныхъ пораженій, какія понесъ Францъ I въ своей внутренней политикѣ.

Почти въ то же время дипломація статсъ-канцлера потерпѣла сильнѣйшую неудачу по восточному вопросу. Вслѣдъ за возстаніемъ грековъ, обнаружились движенія въ разныхъ областяхъ Турціи и нависла надъ Австріею опасность русскаго вмѣшательства въ турецкія дѣла, которое отклонить было тѣмъ труднѣе, что Австрія давно безпрепятственно хозяйничала въ Италіи. Съ первыхъ же поръ Меттернихъ явился противникомъ движенія грековъ и придунайскихъ румынцевъ, и защитникомъ принципа легитимности даже въ примѣненіи къ Оттоманской портѣ. Такъ какъ у австрійскаго правительства недоставало ни времени ни охоты брать на себя противную ему роль вооруженнаго бойца за цѣлость Турціи, то оставалось играть другую весьма неблагодарную роль — навязчиваго дипломатическаго посредника, въ которой нельзя было ни помочь, ни угодить ни той, ни другой сторонѣ. Пока живъ былъ императоръ Александръ, Меттерниху удавалось кое-какъ оттягивать развязку со дня на день, питаясь надеждою предупредить войну съ помощью разныхъ министеріальныхъ конференцій и иныхъ дипломатическихъ тормозовъ; но вскорѣ послѣ кончины Александра обстоятельства перемѣнились, и за спиною статсъ-канцлера состоялось соглашеніе Россіи съ Англіею по греческому дѣлу (протоколъ 4 апрѣля 1826 г.), къ которому присоединилась и Франція (трактатомъ трехъ державъ 9 іюля 1826 г.) Обойденный статсъ-канцлеръ остался совершенно одинъ; наваринское сраженіе было громовымъ ударомъ не только для турецкаго флота, но и для австрійской политики: оно наполнило Вѣну трауромъ, точно какъ какое нибудь великое народное бѣдствіе и ознаменовалось страшнымъ паденіемъ денежнаго курса. Порта сама отклонилась отъ безсильнаго союзника; когда началась (1828) русско-турецкая война, то паническимъ страхомъ были объяты австрійскіе политики и министры, и въ воображеніи ихъ престолъ русскаго императора представлялся уже перенесеннымъ въ Константинополь.

Императоръ Францъ видимо старѣлся и держалъ бразды правленія костенѣющею рукою. Болѣзнь, которая его посѣтила весной 1826 г., оставила на немъ глубокіе слѣды. Онъ сгорбился, пожелтѣлъ, сталъ скучнѣе, набожнѣе и медлительнѣе; консерватизмъ правительственной системы превратился въ каменную неподвижность, въ летаргическій сонъ, изъ котораго не могли его вывести даже громадныя событія жизни западно-европейской.

Произошла іюльская революція, за нею востаніе Бельгіи. На польскій мятежъ, 1830 г., откликнулись не только Галиція, но и общественное мнѣніе Богеміи и Венгріи, изъ которой посыпались адресы отъ комитатовъ насчетъ формальнаго австро-венгерскаго вмѣшательства. Среди этихъ движеній правительство австрійское стояло колеблющееся, нерѣшительное; безъ всякой воли и охоты сражаться за свои любимые принципы, оно стало оглядываться небывалымъ образомъ на общественное мнѣніе Европы. Въ отношеніи къ полякамъ Австрія объявила себя нейтральною и даже нѣкоторое время не прочь была, въ случаѣ удачи, отъ комбинаціи, которая бы возвела какого нибудь эрцгерцога на польскій престолъ. Колебанія иностранной политики отразились во внутреннемъ управленіи тѣмъ, что по совѣту и убѣжденіямъ канцлера Ревицкаго, не смотря на господствующее по всей Европѣ революціонное повѣтріе, созванъ былъ въ узаконенный срокъ (1830 г.) венгерскій сеймъ.

Сеймъ этотъ оправдалъ всѣ предсказанія Ревицкаго: оказалось, что это собраніе консервативнѣе и боязливѣе самаго правительства. «Наше дворянство, наша конституція, говорилъ на сеймѣ баронъ Вай, должны ожидать всего дурного отъ теперешнихъ революцій.»—«Наша конституція въ опасности, говорилъ Наги. Противу насъ нравственная сила—общественное мнѣніе. То, что движетъ теперь народы, какъ разъ противно тому, что защищать считаемъ мы священною обязанностью. Все пропитано демократическими началами, они распространяются подобно пожару и грозятъ аристократіи разрушеніемъ. Аристократія должна теперь держаться заодно съ правительствомъ, въ противномъ случаѣ правительство наступитъ ей на горло и обратится къ массамъ. Престолы остаются, но привилегированныя состоянія погибаютъ.» При такомъ настроеніи умовъ, сеймъ не обѣщалъ быть особенно интереснымъ. Оператами, которые уже разобраны были коммиссіею, онъ не рѣшился заняться, и передалъ эту работу своему преемнику, имѣющему собраться въ непродолжительное время въ 1831 г. Почти единственный предметъ совѣщаній составляли требуемые правительствомъ въ виду смутныхъ обстоятельствъ рекрутскій наборъ и субсидіи. Пока приступлено было къ этимъ вопросамъ, завязался случайно горячій споръ о веденіи протоколовъ, сообщеній и представленій сейма, а равно и о писаніи законовъ на мадьярскомъ языкѣ. Патріоты мадьярскіе сдѣлали при этомъ случаѣ странныя признанія: что рѣчь мадьярская въ страшномъ пренебреженіи у знати, что лучшихъ книгъ расходится 200, 300 экземпляровъ, что никто ихъ не читаетъ (рѣчь Наги); потому и требовалось нѣкоторое принужденіе, чтобы поднять литературное

значенiе языка: «кто хочетъ хлѣбъ ѣсть, долженъ выучиться по-мадьярски.» Предложенiю воспротивились сильнѣйшимъ образомъ не только хорваты, но и сами магнаты мадьярскiе; на этотъ разъ удалось еще, послѣ многихъ усилiй, отклонить опасное предложенiе. Главный пунктъ совѣщанiй не прошелъ безъ горячихъ пренiй, но при всемъ шумѣ рѣчей миролюбiе сторонъ виднѣлось на каждомъ шагу; возраженiя дѣлались только, чтобы досыта наговориться. Правительство мотивировало свое требованiе усиленнаго набора тѣмъ, что венгерскiе полки укомплектованы слабо и состоятъ почти изъ однихъ только инвалидовъ. Требованiе было основательное, но къ несчастiю противное конституцiи, которая допускаетъ наборы только въ виду ожидаемой войны, во время же мира предоставляетъ правительству пополнять убыль вербованiемъ, на что и собиралась особая подать въ 75,000 гульденовъ. Никто не сомнѣвался въ безуспѣшности вербованiя, но при этомъ случаѣ нельзя было не заявить о томъ, что охотниковъ въ солдаты мало, потому что съ солдатами дурно обращаются и что военное званiе унижено тѣмъ, что кровныхъ гусаръ даютъ подъ команду нѣмцамъ и перекрестамъ изъ евреевъ. Если правительство нуждается въ войскахъ для войны, то оно должно сказать за что, и противъ кого оно вооружается. Разумѣется, что на это предложенiе не могъ никакъ согласиться статсъ-канцлеръ, такъ какъ самъ успѣхъ того, ради чего дѣлались вооруженiя, обусловливался негласностью настоящей ихъ цѣли. По совѣту Ревицкаго и этотъ споръ рѣшенъ полюбовно. Сеймъ нарядилъ депутацiю, которой банъ кроацкiй, бывшiй въ то же самое время президентомъ гофкригсрата, сообщилъ подъ секретомъ въ негласномъ засѣданiи, въ весьма общихъ выраженiяхъ, о томъ, что всякiй и безъ него зналъ, а именно, что революцiонныя смуты обуреваютъ всю Европу и грозятъ покою монархiи. Сеймъ довольствовался этимъ незатѣйливымъ объясненiемъ, и пошли торги о цифрѣ набора и о деньгахъ. Дворянство заявило съ горячностью готовность сѣсть на коней и поголовно ополчиться, но охладѣло потомъ въ виду того, что и для дворянскаго ополченiя нужна тоже касса. Рѣшили принять за цифру набора 38,000 человѣкъ; затѣмъ сеймъ разъѣхался по домамъ послѣ трехмѣсячныхъ совѣщанiй.

Холера и вспыхнувшiя мѣстами крестьянскiя возмущенiя помѣшали такъ называемому сейму оператовъ собраться въ 1831; онъ былъ открытъ въ Пресбургѣ въ концѣ 1832 г. Открытiе его сопровождалось со стороны венгерцевъ великими ожиданiями. Ему не мѣшали вопросы внѣшней политики, революцiонное движенiе прiутихло, реакцiя взяла верхъ, польское движенiе, уже подавлен-

ное, не развлекало умовъ, дѣйствія правительства не возбуждали опасеній, и не предвидѣлось тѣхъ конституціонныхъ конфликтовъ, которые были причиною совершеннаго безплодія сеймовъ, начиная отъ временъ Маріи-Терезіи. Наверстать потерянное время и, не разрушая коренныхъ основъ старинной конституціи, преобразовать во всѣхъ частяхъ государственное управленіе страны; вывести, безъ потрясенія, Венгрію изъ среднихъ вѣковъ, замѣнивъ истлѣвшее и отжившее новыми вставками, соотвѣтствующими духу времени, направленію вѣка — такова была весьма идеальная и прекрасная задача, которую предстояло рѣшить. Большинство относилось къ этой задачѣ съ вѣрою, болѣе проницательнымъ умамъ не были неизвѣстны трудности ея выполненія, но никто не имѣлъ яснаго понятія о совершенной непреодолимости препятствій, о неосуществимости преобразовательныхъ мечтаній при косности и реформобоязни правительства, при дряблости и ржавости самой конституціи, при противуположности интересовъ и неравномѣрности поступи друзей прогресса, изъ которыхъ одни шли дальше, а другіе озирались, чтобы во время остановиться. Программа занятій сейма была весьма широкая. Правительство предлагало новое опредѣленіе отношеній помѣщиковъ съ крестьянамъ, которое бы замѣнило устарѣвшій урбарій Маріи-Терезіи, составленіе проэкта новаго уголовнаго кодекса, новаго судоустройства, новаго вексельнаго устава, болѣе равномѣрное распредѣленіе земскихъ сборовъ (Domesticalsteuer), изъ коихъ содержалось мѣстное управленіе комитатовъ; остальное могло бы быть совершено прочими оператами, касающимися школъ и церкви, промышленности и торговли, разныхъ и матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ страны. Большая часть этихъ предложеній соотвѣтствовала желаніямъ сейма, который въ мысляхъ своихъ не имѣлъ въ виду систематической оппозиціи, но для успѣшности своихъ работъ просилъ о разрѣшеніи ему такихъ просьбъ, которыя, повидимому, могли бы быть разрѣшены безъ затрудненія, а именно о перенесеніи сейма въ Пештъ, гдѣ подъ рукою находятся архивы и поблизости центральные суды, совѣтъ намѣстничества (consilium regium locum tenentiale) и другія установленія, съ которыми приходилось ежеминутно сноситься по законодательнымъ вопросамъ; объ измѣненіи порядка предложеній, о дозволеніи сейму начать не съ урбарія, а съ разсмотрѣнія оператовъ, относящихся до увеличенія матеріальнаго благосостоянія страны; о принятіи во вниманіе всѣхъ жалобъ и просьбъ, всѣхъ gravamina, накопившихся съ 1827 г. и до сихъ поръ нерѣшенныхъ; о введеніи большей религіозной свободы устраненіемъ самыхъ возмутительныхъ ея ограниченій, (подписокъ, вни-

маемыхъ съ вступающихъ въ смѣшанный бракъ о воспитаніи дѣтей въ римско-кат. вѣрѣ, строгаго запрета перехода въ протестантизмъ, новаго вѣнчанія супруговъ, обращающихся изъ протестантства въ католицизмъ; значительнѣйшія изъ этихъ стѣсненій обязаны были своимъ происхожденіемъ реакціи, послѣдовавшей за реформами Іосифа II). Отвѣтъ правительства разсѣялъ большую часть иллюзій относительно его расположенія къ реформамъ; на всѣ просьбы послѣдовалъ отказъ. Не изъявлено соизволенія даже на перемѣну порядка статей въ программѣ и отложена всякая мысль о томъ, чтобы работы сейма разсматривать какъ органическое цѣлое, которое должно быть обсуждаемо и утверждаемо въ совокупности частей. Сеймъ долженъ былъ подчиниться и разбирать операты поштучно и безъ связи однихъ съ другими, начавъ съ урбарія. Отъ сейма венгерскаго, какъ отъ института преимущественно и почти исключительно дворянскаго, нельзя было ожидать слишкомъ многого; не могъ же онъ наложить руку на помѣщичью власть и требовать немедленной отмѣны отношеній крѣпостного права. Съ перваго же раза въ проэктѣ сейма поставленъ во главѣ, какъ ненарушимая святыня, принципъ права поземельной собственности (ст. 4 проекта: Cum omnis terrae proprietas ad dominum spectat et quidquid terrarum rusticus excolit, ex concessione dominali promanet, justitiæ consentaneum est, ut ab illis datiæ et praestationes dominis obveniant). Но, выходя изъ этого принципа, сеймъ желалъ дать крестьянамъ разныя облегченія. Опредѣлены были точнѣе въ проэктѣ крестьянскія повинности (съ крестьянина, имѣющаго полный надѣлъ земли, гульденъ оброка, девятая часть плодовъ земли, пара курицъ, двѣнадцать яицъ; съ каждыхъ 30 крестьянъ-хозяевъ, одинъ теленокъ и 52 рабочіе мужскіе конные дни или 104 пѣшихъ). Ограничена близкими разстояніями подводная повинность, общинамъ предоставлено участіе въ назначеніи волостныхъ судей, сообщеніемъ имъ права выбирать одного изъ трехъ предлагаемыхъ помѣщикомъ кандидатовъ; предполагалось постановить, чтобы крестьянинъ могъ быть наказываемъ не иначе, какъ по суду; чтобы всѣ споры о повинностяхъ между помѣщиками и крестьянами были разбираемы комитатскими властями, наконецъ предначертаны нормы для прекращенія обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками. Не смотря на сильную оппозицію въ столѣ магнатовъ, проэктъ прошелъ и былъ представленъ правительству. Въ три мѣсяца пришелъ отвѣтъ неожиданный, невѣроятный, въ которомъ надъ всѣми внушеніями прямого правительственнаго интереса и надъ преданіями іосифовской политики, которыхъ до сихъ поръ держались государствен-

ные австрійскіе люди, въ крестьянскомъ вопросѣ взяли верхъ боязнь перемѣнъ, и желаніе покоя во чтобы то ни стало. Вслѣдствіе странной замѣны ролей, правительство оказалось консервативнѣе и скупѣе самихъ помѣщиковъ; оно отказало въ ограниченіи патримоніальной юрисдикціи, оставило ее судамъ первой инстанціи для крестьянъ, нашло не нужнымъ принимать какія-либо мѣры въ огражденіе крестьянъ отъ помѣщичьей расправы, и указало сейму его непослѣдовательность въ томъ, что, возводя въ принципъ неприкосновенность собственности и полагая ее основою всего, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ ее, предоставляя крестьянамъ право выкупа. Непослѣдовательность, которую ставили на видъ правительству, существовала въ самомъ дѣлѣ, но въ ней было гораздо болѣе политическаго смысла, нежели въ логикѣ противуположной стороны: она была тоже, что мостъ перекинутый заблаговременно черезъ пропасть революціи. Прогрессивная партія не теряла надежды отстоять свое мнѣніе, но отказъ правительства удвоилъ силы консерваторовъ, и въ столѣ магнатовъ провалились малымъ большинствомъ голосовъ и предложеніе о выкупѣ (26 противъ 22), и предложеніе объ ограниченіи патримоніальныхъ судовъ (25 прот. 23). Спасены только и вошли потомъ въ законъ право, данное крестьянамъ, переходить произвольно съ барщины на оброкъ, право, предоставленное имъ тягаться въ судахъ помимо помѣщиковъ, и освобожденіе ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ патримоніальныхъ судовъ. При бѣдности своихъ практическихъ результатовъ, вопросъ крестьянскій перестал возбуждать интересъ; общественное вниманіе отвлечено было въ другую сторону предметомъ, повидимому, ничтожнымъ, но превратившимся на одну минуту въ конституціонный вопросъ, а именно, сооруженіемъ постояннаго цѣпного моста между Будою и Пештомъ. Творцомъ и главнымъ двигателемъ этого проэкта былъ мадьярскій патріотъ, пользовавшійся громадною популярностію графъ Стефанъ Сечени (Széchenyi) энтузіастъ, мечтатель и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ дѣла. Мало лицъ, которыхъ слава была благороднѣе и чище той, какую стяжалъ этотъ «величайшій изъ мадьяръ»; онъ основалъ мадьярскую академію въ Пештѣ, своими сочиненіями и капиталами старался пробудить экономическую дѣятельность богато надѣленной природою страны, для которой онъ мечталъ о такой же роли, какую на дальнемъ сѣверозападѣ играла Англія, составлявшая для него и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи идеалъ совершенства. До мозга костей аристократъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ не пугалъ своими предложеніями консерваторовъ; съ правительствомъ, онъ былъ въ хорошихъ отноше-

ніяхъ, потому что былъ глубоко убѣжденъ въ пользѣ тѣснѣйшаго сближенія Австріи съ другими частями монархіи; всѣ его усилія направлены были къ тому, чтобы отвлечь силы народа съ безплодной политической арены на плотворную почву экономическихъ и соціальныхъ усовершенствованій. Заслуги его велики по части очищенія Дуная отъ пороговъ, по развитію парового судоходства, по основанію земледѣльческихъ и промышленныхъ компаній и народной казны въ Пештѣ, по украшенію Пешта прекрасными постройками. Отъ всѣхъ другихъ проэктовъ графа Сечени проэктъ моста отличался тѣмъ, что мѣтилъ въ конституцію и подрывалъ одинъ изъ ея столбовъ: свободу дворянства отъ платежа податей. Обращаясь къ патріотизму сейма, Сечени предлагалъ, чтобы, въ виду огромныхъ издержекъ на сооруженіе моста, дворяне не были изъяты отъ постоянной платы въ одинъ крейцеръ съ каждаго прохожаго. Свобода отъ податей была самая ненавистная и несправедливая изъ привилегій дворянства; въ глазахъ людей прогресса подорвать ее въ одномъ пунктѣ значило расшатать ее и во всѣхъ остальныхъ. Консервативная партія почуяла опасность и въ постройкѣ моста видѣла исходную точку демократизаціи государства; но Сечени ударялъ въ чувствительную струну патріотизма, и стыдно было отказываться отъ мыта, который платилъ послѣдній нищій. Споръ былъ продолжительный и горячій, но Сечени, опираясь на свою великую популярность, вынесъ на своихъ плечахъ побѣду. Вслѣдъ за нею прошли въ этомъ же духѣ еще два закона: обязательный платежъ податей дворянами, владѣющими крестьянскими участками, и отнесеніе издержекъ по сейму на одно дворянское состояніе.

Изъ законодательныхъ работъ большаго размѣра доведенъ до конца на сеймѣ только неудавшійся прежде урбаріальный законъ и проэктъ новаго устава судопроизводства: успѣху остальныхъ оператовъ помѣшали независимыя отъ сейма обстоятельства. — Успѣхъ реформъ обусловливался совершеннымъ единодушіемъ государя и сейма; примѣръ урбарія научилъ сеймъ, чего можно ожидать на этомъ пути; теряя надежды на успѣхъ, сеймъ переходилъ постепенно отъ миролюбиваго настроенія къ раздраженію; ряды оппозиціи росли, къ чему немало было поводовъ. Обильную пищу неудовольствію подали съ одной стороны событія въ Трансильваніи, съ другой разборъ граваминовъ, которымъ при недостаткѣ другихъ болѣе существенныхъ работъ сеймъ занялся съ особенною любовью и усидчивостью. — Связь, которая нѣкогда соединяла Венгрію съ Трансильваніею, была давнымъ давно разорвана и не имѣла никакого законнаго осно-

ванія, по крайней мѣрѣ, съ диплома Леопольда I, 4 декабря 1691 г.; венгерскіе сеймы домогались, конечно, въ своихъ граваминахъ restitutionem principatus Transylvaniae in pristinum statum, но эта просьба была совершенно пустая до тѣхъ поръ, пока само правительство своимъ обращеніемъ съ Трансильваніею, нарушеніемъ ея конституціи, несозываніемъ сеймовъ (1790—1809, 1809 — 1834) не вызвало партіи, которая поставила себѣ девизомъ соединеніе съ Венгріею. Правительство опасаясь сепаратизма, подавляло проявленія жизни мѣстной, но это, именно, и дало возможность мадьярской части народонаселенія стать во главѣ оппозиціи, заявить себя ярыми либералами и водрузить знамя мадьярскаго патріотизма, гораздо болѣе опасное, потому что съ нимъ несравненно труднѣе было тягаться. Героемъ этой оппозиціи явился грубый, страстный, заносчивый баронъ Николай Вешелени. При такомъ вожатомъ, о соблюденіи парламентскихъ приличій не могло быть и рѣчи. Скандалы, которыми ознаменовалъ себя сеймъ 1834 г., были столь велики, что приказано закрыть его и распустить, а Вешелени привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, какъ мятежникъ. Такъ какъ онъ былъ и трансильванскій и венгерскій магнатъ, то онъ бѣжалъ въ Венгрію и, являясь тамъ въ видѣ мученика за свободу, продолжалъ агитацію по сеймикамъ комитатовъ. Венгерскій сеймъ вступился и за мадьярскую народность въ Трансильваніи и за Вешелени; раздраженное правительство лишило мѣста въ сеймѣ и предало суду одного изъ комитатскихъ депутатовъ Балога за выраженіе сочувствія къ образу мыслей Вешелени, чѣмъ дало поводъ жаловаться на нарушеніе конституціонныхъ привилегій членовъ сейма. — Озлобленіе сдѣлалось всеобщимъ и отразилось въ громадномъ объемѣ и разнообразіи граваминовъ, для предварительнаго обсужденія коихъ наряжена была особая коммиссія. Если бы между сеймомъ и правительствомъ было больше единодушія, то эти старые счеты были бы отложены въ сторону, но теперь требовалось на чемъ нибудь отвести душу: всѣ жалобы, какія когда либо были заявлены противъ правительства пошли въ ходъ и разбирались по очереди. Между такими требованіями и прошеніями явились и новыя, любопытныя, какъ знаменія духа вѣка: сеймъ просилъ между прочимъ о свободѣ печати, къ которой венгерское дворянство относилось дотолѣ довольно равнодушно; всплывалъ также опасный вопросъ о языкахъ. 21 комитатъ просилъ о предоставленіи исключительнаго господства мадьярскому языку въ школѣ и церкви, въ судахъ, присутственныхъ мѣстахъ и на монетахъ, о служеніи на этомъ языкѣ обѣдни и о разрѣшеніи

лицамъ, носящимъ иностранныя фамиліи, замѣнить эти фамильныя имена чисто мадьярскими. — Меньшая часть сихъ требованій получила законодательную санкцію, но и это было необыкновенно важно для будущаго развитія политической жизни въ Венгріи. — Постановлено, что законы должны писаться на двухъ языкахъ латинскомъ и мадьярскомъ, что подлинный текстъ закона мадьярскій, а латинскій считается только переводомъ, что гражданскіе иски могутъ по желанію сторонъ быть производимы на мадьярскомъ языкѣ, а метрическія книги должны быть ведены на этомъ языкѣ въ мѣстахъ, гдѣ священники говорятъ проповѣди на мадьярскомъ языкѣ. Эти постановленія даны, какъ задатокъ еще большаго распространенія въ будущемъ національной рѣчи: ad progressivum idiomatis patrii incrementum.

Сеймъ венгерскій, открытый въ 1832 г., длился 40 мѣсяцевъ, имѣлъ 470 засѣданій и закрытъ 2 мая 1836 при новомъ государѣ. Бѣдны и не блистательны практическіе его результаты; они не соотвѣтствовали нисколько первоначальной его задачѣ, которая состояла въ томъ, чтобы починить старую конституцію, согласовавъ ее съ новыми потребностями вѣка. Вмѣсто починки, сеймъ еще болѣе поколебалъ ее въ коренныхъ ея основахъ. Конституція была дворянская; на сеймѣ 1832 — 1836 года, законодатели впервые коснулись правъ и привилегій дворянства, причемъ эти привилегіи отстаивались слабо, безъ вѣры въ ихъ крѣпость и долговѣчность. За то провозглашены громче, чѣмъ когда либо и съ гораздо большимъ одушевленіемъ права національности; заявлена мысль о господствѣ не одного сословія болѣе образованнаго надъ другими, менѣе развитыми, но одной расы, одного языка надъ всѣми языками и народностями, что должно было породить въ будущемъ непримиримую ненависть не-мадьярскихъ народностей къ венграмъ. Лишь только разъѣхался сеймъ, какъ начались политическія преслѣдованія со стороны правительства, которое какъ будто бы хотѣло тѣмъ показать свою силу, въ отношеніи къ лицамъ, успѣвшимъ навлечь на себя нерасположеніе власти. Нѣсколько молодыхъ людей, составившихъ родъ политическаго общества, были арестованы, въ томъ числѣ Францъ Пульски. Вешелени приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Попался также и поплатился жестоко и тотъ, кому суждено было сдѣлаться потомъ весьма знаменитымъ — адвокатъ Людвигъ Кошутъ, который во время сейма издавалъ листокъ, сообщавшій о сеймовыхъ преніяхъ и вопросахъ. Огненное воображеніе и поэтическій слогъ журналиста дѣйствовали сильно на общественное мнѣніе страны. Не имѣя позволенія печатать, Кошутъ распростра-

нялъ свою газету посредствомъ литографіи и въ рукописныхъ спискахъ. Пока сеймъ продолжался, онъ служилъ щитомъ для талантливаго писателя, но, по распущеніи его, Кошутъ тотчасъ былъ арестованъ, два года оставался въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ, наконецъ, приговоренъ къ 4 лѣтнему тяжкому заключенію, которому подвергнутъ въ венгерской крѣпости Мункачѣ.

V.

Начало конца.— Разложеніе государственнаго порядка. 1835—1848.

Императоръ Францъ скончался послѣ краткой болѣзни 2 марта 1835 г. Сынъ и преемникъ его, Фердинандъ I, былъ человѣкъ пожилой (42 года, при вступленіи на престолъ), добродушный, слабый тѣломъ и совершенно неспособный по своимъ душевнымъ качествамъ къ правленію государствомъ. Онъ страдалъ падучею болѣзнью, часто забывался, и какъ дитя требовалъ постояннаго за собою попеченія и ухода. До вступленія его на престолъ, его держали вдали отъ дѣлъ; на вопросъ о томъ, не тяготится ли онъ происшедшею съ нимъ по вступленіи на престолъ перемѣною, онъ отвѣчалъ однажды добродушно, что правленіе не очень было бы тяжело и противно, если бы не приходилось подписывать такое множество бумагъ. Возникалъ самъ собою вопросъ о регентствѣ. Установленію формальнаго регентства мѣшала венгерская конституція, недопускающая его даже во время продолжительной болѣзни государя. Бывали примѣры возведенія царствующимъ государемъ другого лица въ званіе соправителя, но и этотъ способъ представлялъ свои затрудненія по неизвѣстности, требовалось ли на сей актъ соизволеніе сейма, или нѣтъ. Супругъ Маріи-Терезіи императоръ Францъ признанъ соправителемъ въ 1741 по особому сеймовому статуту; императоръ Іосифъ правилъ совокупно съ матерью безъ всякого соизволенія на то чиновъ и сословій венгерскаго государства. Притомъ, если избирать соправителя, то по праву это званіе должно было бы достаться ближайшему наслѣднику Фердинанда, брату его Францу-Карлу, который былъ весьма не много способнѣе Фердинанда. Вмѣсто невозможной формальной требовалась другая опека, тайная, которая бы замѣняла собою de facto лицо государя. Ближе всего къ лицу государя въ дѣловыхъ отношеніяхъ стояло Conferenzministerium, звено посредствующее между нимъ и министерствами, и состоящее въ ту эпоху изъ Меттерниха, министра внутрен-

нихъ дѣлъ Коловрата Либштейнскаго и еще двухъ ничѣмъ незамѣчательныхъ личностей Надасда и Бельгарда. Оно могло бы взять въ свои руки, какъ res nullius, оставшуюся безъ хозяина власть, если бы не встрѣчало въ этомъ отношеніи сопротивленія, во первыхъ, въ эрцгерцогахъ, которые стали домогаться какого либо участія въ государственныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ ихъ устранялъ покойный императоръ, и во вторыхъ, въ военно-аристократической партіи, группировавшейся вокругъ графа Клямъ Мартиница, бывшаго посланника при петербургскомъ дворѣ, который достигъ при вступленіи на престолъ Фердинанда званія его генералъ-адъютанта и сталъ такимъ образомъ самымъ близкимъ къ нему лицомъ. Лица, занимавшія первыя мѣста въ государствѣ, слишкомъ были заинтересованы въ томъ, чтобы оставаться на своихъ позиціяхъ; новыхъ и способныхъ дѣятелей, которые могли бы ихъ замѣнить, не имѣлось въ виду; ихъ подготовить не могла, конечно, австрійская рутинная администрація. Между Меттернихомъ и Коловратомъ хотя и были нѣкоторыя мелкія неудовольствія, вслѣдствіе которыхъ Коловратъ грозился подать въ отставку, но несогласія уладились къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ и образовалась статсъ-конференція, которая въ теченіи 12 лѣтъ завѣдывала дѣлами и была на дѣлѣ правительствомъ. Въ нее вошли эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, неимѣвшій никогда своего мнѣнія, эрцгерцогъ Людвигъ, похожій на своего покойнаго брата по кропотливости и мелочности, знавшій по крайней мѣрѣ технику дѣлопроизводства, графъ Коловратъ и Меттернихъ, имѣвшій внѣ этой конференціи союзника въ лицѣ Клямъ Мартиница. Графъ Коловратъ, потомокъ знатнаго чешскаго рода, бывшій обербургграфъ богемскій, вошелъ въ милость императора Франца своими полицейскими способностями, знаніемъ разныхъ закулисныхъ отношеній и интригъ, и умѣніемъ объ нихъ докладывать, но онъ не обладалъ ни однимъ изъ качествъ государственнаго человѣка и зависѣлъ отъ своихъ секретарей. Графъ Клямъ Мартиницъ, со времени бытности своей въ С.-Петербургѣ, поставилъ себѣ задачею поднять войско изъ того состоянія уничиженія, въ которомъ его держалъ нелюбившій военныхъ Францъ, отдѣлить его отъ народа, внушить ему мысль, что солдатъ выше простого гражданина и вдохнуть въ армію духъ корпоративный. Соединивъ съ званіемъ генералъ-адъютанта должность начальника отдѣленія военныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, онъ подчинилъ себѣ такимъ образомъ гофкригсратъ и занялся разными преобразованіями по своей спеціальности, которыя не остались безъ пользы и послѣдствій.

Сторонникъ чистѣйшаго абсолютизма, Мартиницъ былъ отъявленный врагъ всякого прогресса и склонялся всегда къ самымъ строгимъ укротительнымъ мѣрамъ, въ чемъ ему вполнѣ сочувствовали, умѣряя его слишкомъ пылкіе порывы, сѣдой статсъ-канцлеръ, за которымъ оставалось никѣмъ неоспариваемое первенство при дворѣ и въ кабинетѣ, но самъ статсъ-канцлеръ былъ далеко не тотъ, какъ въ прежнее время. Съ русско-турецкой войны и іюльской революціи, онъ былъ сбитъ съ толку и потерялъ въ значительной степени прежнюю самоувѣренность. Въ 1832 г., когда политическій горизонтъ прояснился, обнаружилось, что іюльская монархія сама боится радикаловъ и далека отъ мысли объ европейской войнѣ; ободрившіяся правительства средней и восточной Европы сблизились для предпринятія дружными усиліями общихъ мѣръ, которыя бы предупредили въ будущемъ повтореніе поколебавшаго ихъ землетрясенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, открылось опять поле для дипломатической дѣятельности Меттерниха, но онъ имѣлъ случай убѣдиться, что первой роли играть онъ не можетъ на этомъ поприщѣ. Возобновившіеся конгрессы получили иной характеръ: это не были конгрессы дипломатовъ, но болѣе личныя совѣщанія государей, и военный элементъ преобладалъ въ ихъ свитахъ; занятія съѣздовъ прерывались военными парадами и маневрами. Статсъ-канцлеръ оставался въ тѣни, на второмъ планѣ. Главою коалиціи и представителемъ въ Европѣ консервативнаго начала сталъ теперь русскій императоръ передъ твердою волею котораго долженъ быть преклоняться и отступать Меттернихъ. Слабость и двуличность австрійской политики, по восточному вопросу 1840 г., ниже всякой критики. Своими дѣйствіями статсъ-канцлеръ навлекъ на себя неудовольствіе Франціи, сильный гнѣвъ императора Николая, содѣйствовалъ нехотя соглашенію Россіи съ Англіею по восточному вопросу и далъ возможность великимъ державамъ явить примѣръ распоряженій судьбами Порты помимо Австріи, безъ ея въ томъ участія. Событія 1840 г. подѣйствовали сильно на умственныя силы Меттерниха, онъ потерялъ способность усидчиво заниматься и сталъ избѣгать всякого напряженія и волненія. Къ упадку силъ отъ возраста присоединилась глухота. Онъ сдѣлался мягче, сговорчивѣе, словоохотнѣе, склоннѣе къ длиннымъ поучительнымъ монологамъ. Любимое его чтеніе составляли дѣловые курьозы, смѣхотворные указы властей и забавныя челобитныя, которыхъ набиралось пропасть въ обширной имперіи, и которыя подносимы были Меттерниху губернаторами областей и даже самими эрцгерцогами, неупускавшими случая задобрить сѣдого старика, игравшаго роль ментора въ отношеніи къ цѣлому семейству и невыпускавшему

ни одного члена августѣйшаго дома изъ своей порою тягостной опеки. Подобно всѣмъ учрежденіямъ предъидущей эпохи, статсъ-конференція не имѣла никакого опредѣленнаго круга вѣдомства или порядка совѣщаній. Иногда она дѣйствовала, какъ кабинетъ, приготовляющій дѣла къ докладу государю, иногда она являла изъ себя настоящее регентство и представляла особу государя, иногда она превращалась въ статсъ-министеріумъ посредствомъ приглашенія въ свою среду предсѣдателя и начальниковъ отдѣленій государственнаго совѣта. Она не давала никакого твердаго руководства и направленія администраціи, не предупреждала столкновеній между гофканцеляріею, гофкригсратомъ и гофкамерою. Члены ея сами сознавали ея несостоятельность; Меттернихъ жаловался на ея медлительность и мелочность. Правая рука Коловрата Пиллерсдорфъ упрекаетъ ее въ «недостаткѣ единства и ясной рѣшимости въ господствующей системѣ, въ колебаніяхъ, проволочкахъ, и задерживаніи хода законодательства и управленія» [1]). По организаціи своей, статсъ-конференція была похожа на новую мозоль, прибавившуюся къ имѣвшимся прежнимъ. По личному составу она не вмѣщала въ себѣ никакого свѣжаго и новаго человѣка. Можно было бы подумать, что она есть продолженіе прежняго состоянія вещей, что между прежнимъ и теперешнимъ царствованіемъ нѣтъ никакой разницы. Разница однако существовала, на видъ мало замѣтная, но въ дѣйствительности весьма важная; она состояла въ слѣдующемъ: съ одной стороны исчезъ всякій элементъ личной воли въ управленіи государствомъ, съ другой само общество сдѣлалось ретивѣе и безпокойнѣе, вслѣдствіе чего управлять имъ стало гораздо труднѣе. Покойный государь былъ сухъ, строгъ, суровъ; новый началъ свое царствованіе съ амнистіи политическимъ преступникамъ; эта гуманная черта располагала къ нему сердца; но на сколько сократилась чрезъ то ненависть, на столько же уменьшился и страхъ, составляющій одинъ изъ главныхъ столбовъ поддерживающихъ подобную правительственную систему. Вмѣсто убывающаго страха надлежало подставить другую нравственную силу, но таковой не оказалось на лицо; такимъ образомъ, правительственная система по наружности таже, представляла въ сущности меньшую силу сопротивленія новымъ стремленіямъ, выработывавшимся въ обще-

---

[1]) Pillersdorff насчитываетъ въ своихъ запискахъ не болѣе 10 замѣчательныхъ дѣйствій и распоряженій правительства за весь періодъ времени 1835 — 1848, между которыми важнѣе другихъ сооруженіе водопроводовъ, разныхъ общественныхъ зданій и т. под.

ствѣ. Такъ какъ правительство не имѣло ни охоты, ни способности забѣгать впередъ этимъ стремленіямъ, управлять ими и не допускать, чтобы ни одно изъ нихъ не выходило изъ своего русла, и такъ какъ оно становилось всѣмъ имъ поперегъ, то каждое изъ нихъ подмывало его основанія и подготовляло внезапное его паденіе; власть висѣла на воздухѣ, поддерживающія его подпорки давно истлѣли, гораздо раньше мартовской катастрофы 1848 года. Только для австрійскихъ министровъ сороковыхъ годовъ эта роковая катастрофа была неожиданностью и явилась какъ будто внезапно, только они не чаяли, что подъ ними идетъ безостановочно быстрый процессъ разложенія стараго государственнаго порядка, его силъ и властей, на составные элементы. Процессъ этого разложенія состоялъ въ слѣдующемъ. Въ Венгріи, которая пользовалась, вслѣдствіе своей конституціи, сильно развитою жизнью общественною, австрійскіе политики дали исподоволь дозрѣть, организоваться и получить перевѣсъ партіи либерально-демократической, которая, ставъ внѣ конституціи и водрузивъ знамя національной мадьярской самобытности, прямо шла къ разрыву съ монархіею Габсбурговъ и къ совершенному отъ нея отложенію. Въ другихъ областяхъ австрійскихъ, броженіе было еще опаснѣе, потому что, при недостаткѣ органовъ жизни общественной, оно совершалось въ недосягаемыхъ наблюденію глубинахъ и сказывалось въ глухомъ и всеобщемъ неудовольствіи, охватившемъ всѣ племена, всѣ классы, всѣ сословія, въ полнѣйшемъ пренебреженіи ко всему оффиціальному, въ томъ, что сознавая всю безуспѣшность правительственныхъ мѣропріятій, самые органы правительства являлись ихъ нарушителями, наконецъ въ томъ, что подъ оболочкою чистаго абсолютизма водворилась незамѣтно полнѣйшая анархія, безнадежное беззаконіе, неимѣющее конца, ни исхода. Изображеніе этого любопытнаго во многихъ отношеніяхъ состоянія должно быть отнесено къ разсказу о событіяхъ 1848 года, которому оно служитъ естественнымъ введеніемъ. Здѣсь достаточно будетъ обрисовать эту картину немногими чертами.

На первый взглядъ, человѣку, поверхностно судящему, могло бы показаться, что венгерскій сеймъ, собиравшійся въ Пресбургѣ въ 1839 году, отличался отъ своихъ предшественниковъ многими хорошими признаками, многими положительными успѣхами. Политика граваминовъ имѣла на немъ гораздо менѣе сторонниковъ, нежели въ былыя времена, охота къ преніямъ по чисто формальнымъ вопросамъ унялась, а толковалось болѣе о дѣлѣ; прошли и получили санкцію нѣкоторые важные законы, какъ-то:

законъ о выкупѣ крестьянскихъ участковъ по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами [1]), вексельный и конкурсный уставъ, положено начало эманципаціи евреевъ разрѣшеніемъ имъ основывать фабрики, заниматься свободно ремеслами, арендовать помѣстья и селиться вездѣ, кромѣ нѣкоторыхъ горнозаводскихъ городовъ. Общество интересовалось дѣлами сейма живѣе, чѣмъ прежде, никогда еще столъ магнатовъ не былъ такъ многочисленъ, какъ теперь. Началась новая перетасовка партій, явились люди краснорѣчивые и вліятельные, которые открыто признавали себя приверженцами и защитниками мѣръ правительства, не навлекая на себя подозрѣнія въ томъ, что они запроданы двору и измѣнники отечества; таковъ былъ между магнатами талантливый Авреліанъ Дешефи (Dessewffy). Но съ другой стороны, ни для одной изъ новообразовавшихся партій конституція не была догматомъ вѣры, чѣмъ-то живымъ, а не мертвою буквою; она не имѣла ни друзей ни враговъ и служила только орудіемъ для достиженія партіями ихъ особенныхъ цѣлей. Господствующимъ въ либеральной партіи тономъ былъ полный радикализмъ, не щадившій ничего и не хотѣвшій оставить камня на камнѣ въ цѣломъ зданіи отъ фундамента и до крыши. Зданіе столь долго не починялось, что оно въ самомъ дѣлѣ превратилось въ развалину и представляло весьма много пищи для критики иногда справедливой, но иногда не совсѣмъ основательной.

Въ сеймѣ венгерскомъ, за столомъ магнатовъ, сидѣли подъ предсѣдательствомъ палатина духовные владыки, judex curiæ regiæ—первоприсутствующій въ семигласномъ судѣ (tabula septemviralis), банъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи, таверникъ (казначей), бароны королевства, хранители короны, верховные испаны комитатовъ, наконецъ, магнаты, имѣющіе голосъ на сеймѣ не по должности, а по праву личному. Исторически столъ магнатовъ имѣлъ точно такое же основаніе, такой же вѣсъ и значеніе, какъ и столъ состояній; оба стола относились между собою на правахъ равенства и безъ всякого антагонизма. Теперь между обоими установленіями образовалась щель, которая становилась все шире и шире. Присматриваясь къ конституціи сквозь призму западно-европейскаго парламентаризма, люди прогресса находили, что настоящій представитель народа есть столъ состояній, что политическія права магнатовъ анахронизмъ, что столъ магна-

---

[1]) Art. 7 Admittitur ut singillativi coloni seu totae communitates in certa aversionali liberaque inter dominum terrestrem et colonos conventione determinanda summa praestationes labores et datias plenarie et in perpetua tempora redimere valeant.

товъ имѣетъ значеніе навѣшенной гири или балласта, положеннаго для сообщенія государственному кораблю большей устойчивости. Самъ столъ состояній, въ который прогрессивная партія пыталась перенести центръ тяжести, пестрѣлъ несообразностями и противорѣчіями. На эстрадѣ вокругъ королевскаго персонала (предсѣдателя curiæ regiæ, суда второй инстанціи) умѣщались члены и протонотары curiæ regiæ, чиновники венгерской гофканцеляріи и гофкамеры, наконецъ два депутата загребскаго сейма Кроаціи, представлявшіе собою и Славонію, которая кромѣ того присылала по два депутата отъ каждаго изъ своихъ комитатовъ. Ниже этихъ лицъ сидѣли на скамьяхъ отдѣленные отъ нихъ перилами послы капитуловъ, аббаты бенедиктинцевъ и цистерсовъ, депутаты отъ комитатовъ (по два отъ каждаго изъ 52 комитатовъ) депутаты отъ 49 королевскихъ городовъ, наконецъ повѣренные вдовъ магнатовъ и тѣхъ мужскаго пола магнатовъ, которые лично на сеймъ не прибыли. Прибавимъ къ тому далеко не безгласную публику, между которою особенно живое и шумное участіе въ критикѣ совѣщаній и рѣчей принимали юраты — молодые юристы, готовящіеся поступить въ адвокаты. Не только по наружности, но и по способу голосованія, венгерская diaeta сильно напоминала сеймы польскіе. Уполномоченные отъ магнатовъ не имѣли никакого голоса; всѣ духовные депутаты въ совокупности обладали только однимъ голосомъ, одинъ только собирательный голосъ приходился на всѣ 49 городовъ (650,000 населенія); слѣдовательно, вся эта масса вѣсила вполовину менѣе нежели лапотная шляхта какого нибудь маленькаго захолустія, образующаго отдѣльный комитатъ и присылающаго двухъ съ отдѣльными голосами депутатовъ. Депутаты отъ комитатовъ имѣли только votum informativum и должны были во всемъ сообразоваться съ данными имъ инструкціями своихъ избирателей. Весь этотъ хаосъ довершался великолѣпнымъ правиломъ: vota non numerantur, sed ponderantur — въ практическомъ примѣненіи это правило было почти то же, что требованіе единомыслія отъ цѣлаго сейма. Партія прогресса пыталась замѣнить этотъ сумбуръ началомъ рѣшенія по большинству голосовъ, но это нововведеніе подымало трудный вопросъ о городахъ. Нельзя было оставить за городами одинъ только голосъ, увеличить же число городскихъ голосовъ значило увеличить на столько же силы консервативной австрійской партіи, потому что города были населены почти исключительно нѣмцами, выбирали самыхъ отъявленныхъ реакціонеровъ черножелтаго цвѣта, по своему управленію не подчинялись комитатской организаціи и держали всегда заодно съ правительствомъ. Становясь во враж-

дебное отношеніе къ городамъ, венгерскій либерализмъ обнаруживалъ явственно, что онъ только отпрыскъ мадьярскаго патріотизма, подчиняющій понятіе равноправности и свободы идеѣ національности. Во всѣхъ иныхъ случаяхъ, когда интересы свободы не сталкивались, какъ въ городскомъ вопросѣ, съ интересами патріотизма, либеральная партія ставила себѣ задачею равенство гражданское и политическое всѣхъ гражданъ передъ закономъ, демократизацію общества и превращеніе формы правленія изъ дворянской сословной въ представительную. Для достиженія цѣли необходимо было перевернуть весь строй государственный общества, поставить его верхъ дномъ, сжать сеймики, подъ дудку которыхъ плясалъ до сихъ поръ сеймъ, возвеличить и распространить на ихъ счетъ сеймъ и подчинить ихъ его началу. Проэкты реформы не имѣли никакихъ шансовъ пройти по комитатамъ; въ большинствѣ комитатовъ они бы разбились объ оппозицію слѣпо привязаннаго къ своимъ привилегіямъ мелкаго дворянства. На что надобно бы тратить десятки лѣтъ, дѣйствуя чрезъ комитаты, то можно было совершить разомъ, въ одинъ моментъ, на сеймѣ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражаемаго печатію. Сосредоточить въ Пештѣ всю умственную и политическую жизнь народа, освободить комитатскихъ депутатовъ отъ обязательныхъ для нихъ инструкцій избирателей, и заправлять общественнымъ мнѣніемъ страны посредствомъ столичныхъ газетъ, таковъ былъ лозунгъ прогрессистовъ, причемъ федеративное начало приносилось всецѣло въ жертву централизаціи, и передъ глазами реформаторовъ носился одинъ только идеалъ западно-европейскаго парламента съ его громовымъ краснорѣчіемъ, съ его непосредственнымъ вліяніемъ на государя и министровъ. Цементомъ такого государственнаго единства должна была служить мадьярская національность, которая должна была вытѣснить всѣ другія національности и водворить повсюду одинъ только языкъ. Статуты сейма 1839—1840 г. содержатъ постановленія самыя рѣзкія въ этомъ отношеніи. Постановлено, что метрическія книги должны быть ведены на мадьярскомъ языкѣ даже въ мѣстахъ, гдѣ духовные говорятъ проповѣди на нѣмецкомъ, славянскомъ или иныхъ языкахъ; духовнымъ данъ трехгодичный срокъ, послѣ котораго ни одинъ священникъ не долженъ быть вновь опредѣляемъ, если онъ не въ состояніи проповѣдывать слово божіе по-мадьярски. Подкладкою этимъ національнымъ стремленіямъ служило національное чувство, разливающееся чрезъ край, незнающее мѣры ни границъ; увѣренность въ томъ, что extra Hungariam non est vita, что нѣтъ земли кромѣ венгерской, и нѣтъ народа выше, даровитѣе, совершеннѣе и лучше

мадьярскаго. Въ эту струну національнаго патріотизма сталъ ударять безпрестанно новый журналъ Pesti Hirlap, появившійся въ 1841 г. и подготовившій революцію. Основателемъ его былъ Кошутъ, освобожденный 1840 г. посредствомъ помилованія отъ заключенія въ крѣпости и занявшій съ тѣхъ поръ первое мѣсто на политической аренѣ.

Въ сѣверной Италіи, Австрія не имѣла за собою никакой рѣшительно партіи и должна была поддерживать свое господство главнымъ образомъ силою оружія. Въ славянскихъ и нѣмецкихъ земляхъ правительство имѣло дѣло съ двумя теченіями. Одно изъ нихъ шло низомъ; неизмѣримо глубокое и загадочное, оно состояло въ возрожденіи славянскихъ національностей и возникновеніи соотвѣтствующихъ имъ литературъ. За исключеніемъ Галиціи, которая взволновалась отъ польскаго движенія въ 1846 г., броженіе національное у другихъ славянъ ограничивалось пока простыми цифренными разсчетами и размышленіями надъ этнографическою картою имперіи; оно держалось въ сферѣ отвлеченной мысли, не переходя въ дѣло, но и въ этомъ періодѣ своего развитія оно обнаружило въ себѣ идею панславизма. Другое теченіе было виднѣе, оно совершалось на самой поверхности и выразилось во внезапномъ оживленіи института ландштендовъ и ихъ задорной оппозиціи правительству. Эта оппозиція не имѣла корней и исходила отъ людей отпѣтыхъ во имя правъ, которыя должно было унести первое дуновеніе революціи, но она была знаменательна, какъ признакъ всеобщаго безпокойства, обуревающаго даже людей, которые имѣли сильнѣйшій интересъ въ сохраненіи statu quo. Не вездѣ это земское движеніе проявилось въ одинаковой степени и имѣло одинаковое направленіе. Ничтожное въ маленькихъ областяхъ, оно оказалось ультра-монтанскимъ въ Тиролѣ, магнато-аристократическимъ въ Богеміи и слегка либеральнымъ въ нижней Австріи. Въ Тиролѣ оно ознаменовало себя изгнаніемъ (въ 1837 г.) невинной секты циллертальскихъ инклинантовъ (около 400 человѣкъ) подъ тѣмъ предлогомъ, что единовѣріе есть основной законъ страны. Чешскимъ вельможамъ, испытавшимъ свою силу тѣмъ, что имъ удалось свергнуть обербургграфа Хотека, хотѣлось чтобы правительство подѣлилось съ ними властью. Депутація отъ чиновъ сейма поѣхала въ 1845 г. въ Вѣну просить объ укрѣпленіи съ незапамятныхъ временъ служащихъ имъ правъ и преимуществъ пожалованіемъ имъ новой Landesordnung, которая бы точнѣе опредѣлила права ихъ и послужила чѣмъ-то въ родѣ Magna charta libertatum. Депутатовъ не допустили до государя, они добились только, что ихъ предложенія внесены были въ особую

гофкоммиссію, гдѣ одинъ изъ самыхъ ловкихъ людей австрійской администраціи. Пиллерсдорфъ отвѣчалъ имъ именемъ правительства столь мягко, нѣжно, гладко и уклончиво, что всякое «нѣтъ» почти походило на «да» и теряло свою горечь и остроту. Депутація вернулась съ пустыми руками, досада отъ неудачи была велика на сеймѣ, но мелкая война, которую сеймъ затѣялъ съ органами правительства, кончилась въ 1847 г. совершеннымъ пораженіемъ оппозиціи по вопросу о податяхъ. Нижне-австрійское земское собраніе отличалось тѣмъ, что крупныхъ помѣщиковъ въ немъ почти не было, преобладало среднее дворянство, и на ходъ совѣщаній оказывало сильное вліяніе общественное мнѣніе столицы. И это собраніе просило также (1846) о новой редакціи, въ особой хартіи, ихъ правъ и преимуществъ, въ чемъ ему было начисто отказано. Гораздо опаснѣе всякихъ неудовольствій и адресовъ со стороны ландштендовъ было отрицательное отношеніе къ закону и къ законности, котораго первый примѣръ подавали сами исполнители и охранители закона. Контрабанда товарами производилась въ громадныхъ размѣрахъ по границамъ государства; та же контрабанда, то же корчемное пользованіе запрещенными плодами въ виду закрывающихъ глаза властей, повторялись на всѣхъ пунктахъ и во всѣхъ областяхъ жизни общественной. Кто былъ посильнѣе и поэнергичнѣе, тотъ распоряжался какъ зналъ какъ будто бы правительство и не существовало; такъ поступалъ, напримѣръ, графъ *Францъ Стадіонъ*, губернаторъ Далмаціи, который ввелъ въ подвластномъ ему краѣ, никого не спросясь, новый общинный уставъ. Кто былъ слабѣе, тотъ ограничивался невозмутимою терпимостью къ происходящему вокругъ него и дѣйствовалъ подобно пражскому директору полиціи Муту, который обходилъ законъ запрещающій танцы во время постовъ, тѣмъ, что оборачивался къ танцующимъ спиною. Особенно типична была эта система терпимости въ области литературы. Такъ какъ въ Австріи не было цензурнаго устава, и писатели зависѣли вполнѣ отъ произвола цензора, который могъ, что угодно, вычеркнуть, измѣнить то, что считалъ невѣрнымъ, вставить свои собственныя сужденія или отказать просто по слабости содержанія книги: typum non meretur, то писатель не только подвергался безконечнымъ непріятностямъ, представляя въ цензуру рукопись, но и ослаблялъ чрезъ то дѣйствіе своего сочиненія, которое встрѣчаемо было съ недовѣріемъ, когда оно выходило въ Австріи, и только тогда могло надѣяться на несомнѣнный успѣхъ, когда появлялось за границею и было запрещено. Образовалась цѣлая отрасль промышленности—фабрикація пикантныхъ брошюръ, скандальныхъ сообщеній, которыя

печатались за границею, ввозились тайкомъ и расходились повсюду въ большомъ количествѣ экземпляровъ. При всей бѣдности содержанія и пустотѣ, эти издѣлія имѣли вѣрный сбытъ, когда выѣзжали на либеральныхъ фразахъ и вторили такимъ образомъ холодному озлобленію общественному; само правительство, когда хотѣло защищаться, помѣщало статьи въ запрещаемыхъ ко ввозу заграничныхъ журналахъ, потому что никто не вѣрилъ туземнымъ. Правительство не имѣло въ литературѣ сторонниковъ, а однихъ только враговъ, отъ которыхъ не защищали его ни цензура, ни таможни и полиція, ни казенныя учебныя заведенія, которыя были въ самомъ плачевномъ состояніи упадка. Австрійскія школы служили въ Германіи посмѣшищемъ; молодежь не получала никакого сколько-нибудь порядочнаго образованія, ни реальнаго, ни классическаго; кто хотѣлъ образоваться по выходѣ изъ школы, долженъ былъ начать съ того, чтобы основательно забыть все, чему его учили въ школѣ. Скудно оплачиваемые и потому безъ разбора принимаемые учители менѣе всего были способны предохранять юношество отъ заразы вольнодумства. Тѣ изъ нихъ, которые были даровитѣе и свѣдущѣе, находились въ странномъ положеніи: какъ чиновники, они должны были подчиняться невозможной программѣ преподаванія, какъ наставники, они должны были гласить противную программѣ истину. Рискуя потерять мѣсто, они обыкновенно предпочитали послѣдній путь, единственной дающій ихъ преподаванію вліяніе, но намекали на каждомъ шагу, что истинное просвѣщеніе вовсе не въ видахъ правительства и не пользуется съ его стороны благорасположеніемъ. Сознаніе о радикальномъ разладѣ школы и правительства заставляло пріосаниваться и выпрямляться недорослей и молокососовъ, готовило мальчугановъ-агитаторовъ, заговорщиковъ; всѣ недоучившіеся политики, студенты вѣнской аулы 1848 года, получили воспитаніе въ правительственныхъ гимназіяхъ францовскаго порядка. Не надо думать, чтобы австрійская почва производила одинъ пустоцвѣтъ: то поколѣніе, которое являлось послѣ пятнадцатыхъ годовъ, было безплодно, но въ тридцатыхъ годахъ пробивались люди, стяжавшіе великую и почтенную извѣстность въ наукѣ, каковы напримѣръ Шафарикъ, Палацкій, Экснеръ, Хмель, Фердинандъ Вольфъ, Миклошичъ. Всѣ эти люди были въ полнѣйшемъ смыслѣ слова самоучки. Они столь высоко ставили купленную неисчислимыми трудами науку, что обрекали себя всецѣло ея служенію и были далеко отъ всякой мысли политической, но и стояли они особо отъ другихъ, безъ непосредственнаго вліянія на молодое поколѣніе — кругомъ ихъ господсвовали полузнаніе и полуобразованность.

Остается указать на отношеніе австрійскаго правительства къ крестьянскому вопросу. Крестьянскій вопросъ стоялъ на очереди со временъ Маріи-Терезіи и Іосифа II. Сами событія вели политику на этотъ путь; происшествія 1846 года въ Галиціи должны были, повидимому, заставить ускорить освобожденіемъ крестьянъ. Вслѣдствіе польскаго возстанія, въ которомъ приняла участіе галиційская шляхта, и которое должно было прежде всего обрушиться на австрійскихъ чиновниковъ, поднялись крестьяне поддерживаемые этими чиновниками. Австрійское правительство не могло очиститься въ глазахъ Европы отъ солидарности своихъ органовъ съ кровавыми сценами убійства и грабежа, которыя имѣли послѣдствіемъ повсемѣстную почти въ Галиціи пріостановку въ отбываніи барщины и платежѣ оброковъ. Оставалось только узаконить совершившійся фактъ экономическаго переворота; патентомъ 15 апрѣля 1845 года крѣпостное право отмѣнено, крестьянамъ въ Галиціи дарованы ихъ участки, помѣщикамъ обѣщано вознагражденіе. Примѣръ галиційскихъ крестьянъ былъ опасенъ и могъ легко сдѣлаться заразительнымъ для другихъ областей имперіи. И мѣстные правители и интересъ самихъ помѣщиковъ требовали развязки обязательныхъ отношеній, посредствомъ обширной выкупной операціи выдачею помѣщикамъ облигацій, которыя бы погашались потомъ срочными платежами со стороны крестьянъ или инымъ того же рода способомъ. Но выкупная операція требовала такого напряженія дѣятельности, къ которому статсъ-конференція не была способна. Плодомъ заботъ по крестьянскому вопросу былъ указъ гофканцеляріи 18 декабря 1846 года, объявившій, что обязательныя крестьянскія работы или барщина могутъ быть замѣняемы оброкомъ или и совсѣмъ прекращаемы посредствомъ добровольнаго соглашенія крестьянъ съ помѣщикомъ; однимъ словомъ, крестьянамъ предоставлялось тоже самое, что имъ давнымъ давно было даровано патентами Маріи-Терезіи. Все, слѣдовательно, осталось по прежнему: ожиданія крестьянъ не были нисколько удовлетворены, вслѣдствіе чего крестьяне сдѣлались воспріимчивѣе и склоннѣе къ перемѣнѣ системы управленія, отъ которой имъ больше нечего было ожидать.

Такимъ образомъ, австрійское правительство сороковыхъ годовъ вооружило противъ себя три силы: національныя чувства разныхъ народовъ своего смѣшаннаго государства, любовь къ свободѣ въ образованныхъ классахъ общества, и интересы крестьянъ, тяготившихся крѣпостными отношеніями. Роковой часъ для него пробилъ въ мартѣ 1848 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Литература какого бы то ни было народа, въ данную эпоху его существованія, есть собственно его исторія, въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ въ исторіи не только *дѣйствуетъ*, но и относится извѣстнымъ образомъ къ собственной дѣятельности въ своемъ *сознаніи*. Если мы думаемъ знать исторію прошедшаго времени, то въ ней мы прежде всего знаемъ *знаніе* людей того времени о совершавшемся на ихъ глазахъ. Только съ этимъ *знаніемъ* людей о ихъ времени мы можемъ имѣть дѣло непосредственно. Предъ нами не могутъ ни стоять отжившіе люди, ни снова повториться ихъ дѣянія; предъ нами лежитъ одно *слово*, какъ предъ археологомъ находится кусокъ ткани, или обломокъ оружія, по которому онъ можетъ судить о средствахъ къ жизни, къ защитѣ. Въ этомъ смыслѣ, *слово* и исторія этого слова представляются сокровищницею, музеемъ, куда слагали всѣ поколѣнія самый живой, самый наглядный и полный памятникъ своей исторической жизни.

Для насъ въ исторіи литературы особенно важна та ея часть, которая была направлена, и всегда направляется, прямо къ историческому содержанію. Мы желали бы въ своей хроникѣ этого отдѣла литературы выходить именно съ вышеуказанной точки зрѣнія, и въ исторіи литературы представлять вторую исторію своего времени. Одинъ выборъ предметовъ изслѣдованія и описанія, дѣлаемый современными намъ историками, даже простой каталогъ историческихъ сочиненій можетъ служить для мыслящаго человѣка свидѣтельствомъ о томъ, къ чему, къ какимъ вопросамъ, и къ какимъ сторонамъ прошедшей жизни, направлено было наше вниманіе; по одному уже каталогу можно приблизительно судить, что насъ волнуетъ, тревожитъ или просто интересуетъ; точно также, наши различныя точки зрѣнія, приводимая нами оцѣнка прошедшаго и совершающагося,—все это свидѣтельствуетъ о тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересахъ, которые раздѣляютъ

насъ въ настоящую минуту. Но довести такимъ образомъ свою литературную хронику до значенія современной исторіи въ *словѣ* — составляетъ для насъ пока, быть можетъ, еще отдаленную цѣль, къ которой мы будемъ постоянно стремиться, и достигнуть чего нѣтъ возможности съ перваго шага. А нынѣ мы дѣлаемъ не больше, какъ такой первый шагъ. Намъ, сознаёмся, далеко недостаетъ еще той полноты, которая необходима для изображенія современной исторической литературы, какъ картины современныхъ стремленій и мѣрила нашихъ интеллектуальныхъ средствъ. Къ достиженію такой полноты, мы встрѣтили съ перваго раза даже самыя простыя матеріальныя препятствія, которыя постараемся устранить при послѣдующихъ выпускахъ нашего журнала. Всякому, сколько нибудь знакомому съ библіографическими работами, извѣстно, что подобная работа требуетъ, если можно такъ выразиться, цѣлаго механизма съ немалымъ числомъ рабочихъ рукъ; установить же такой механизмъ можно только при помощи времени.

Избранная нами точка отправленія въ литературной хроникѣ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на тѣ критическіе пріемы, которыхъ мы намѣрены строго держаться. Критика иногда направлялась, и можетъ всегда направиться такъ, что по-неволѣ прійдется повторить слова Карамзина, которыя онъ помѣстилъ на первыхъ страницахъ первой книжки «Вѣстника Европы»: «Точно-ли критика научаетъ писать?... Не вездѣ-ли таланты предшествовали ученому строгому суду? Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги». Туже мысль поддерживалъ и Жуковскій, взявъ на себя продолжать редакцію Карамзина и Каченовскаго, и высказалъ по этому поводу прекрасную мысль, что «съ книгою должно обращаться такъ, какъ мы обращаемся съ людьми». Это правило соблюдается не всегда и не вездѣ; а нарушеніе его служитъ вѣрнымъ знакомъ, что тамъ худо умѣютъ обращаться и съ людьми, гдѣ не умѣютъ обращаться съ книгою. Уже при Каченовскомъ «Вѣстникъ Европы» познакомился съ печальными результатами критики, измѣнившей своему *историческому* характеру; закрываясь въ 1830 г., онъ принужденъ былъ, въ лицѣ своего редактора, говорить, на прощаніе съ читателями, и жаловаться на то, что редакторъ «не сохранилъ его отъ сваръ и хлопотъ полемическихъ»: «Я все предаю забвенію, говоритъ послѣдняя книжка «Вѣстника Европы»; самъ у всѣхъ прощенія прошу и въ винахъ своихъ и въ тщетныхъ обѣтахъ. Великодушные читатели да отпустятъ грѣхи всяческіе!... Безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе — auri sacra fames — отнынѣ, да не безславятъ русской журналистики!...»

Конечно, въ 1830 году, «Вѣстникъ Европы» былъ свидѣтелемъ такихъ пороковъ журнальной критики, которые были свойственны тому отдаленному отъ насъ времени; но другое время можетъ имѣть и другіе пороки. Руководясь однимъ только тѣмъ, что нѣкоторые органы

современной намъ журналистики говорятъ другъ о другѣ въ минуту своей полемики, «Вѣстникъ Европы», послѣ своего 35-лѣтняго отсутствія, можетъ попасть на мысль, что желаніе послѣдняго его редактора сбылось, конечно, во многомъ, но и затѣмъ остается еще не малаго желать, чего не предвидѣлъ Каченовскій. Къ счастью, наша журналистика не находится въ такомъ ужасающемъ положеніи, о какомъ можно было бы подумать, если бы буквально повѣрить тому, что отдѣльные ея органы говорятъ другъ о другѣ. Тонъ нашей критики вообще за послѣднее время вызывался случайными, внѣшними для литературы событіями, что доказываетъ только тѣсную связь журналистики съ общественнымъ настроеніемъ. Подобное можно встрѣтить, напримѣръ, въ эпоху авиньонскаго плѣненія папъ, когда дѣло шло о сочувствіи или римскому или авиньонскому папѣ; и та, и другая сторона покрывала противниковъ презрѣніемъ, бранью; такъ что пасомое стадо могло наконецъ притти къ заключенію, что и римскій, и авиньонскій папа никуда не годятся, если судить ихъ по взаимной аттестаціи. Къ такому же убѣжденію могла иногда приводить читателей и наша журнальная критика въ недавно прошедшее время, если только оно совсѣмъ прошло.

Но поставляя себѣ цѣлью въ будущемъ слѣдить въ исторіи литературы главнымъ образомъ за исторіею идей и стремленій своего времени, какъ онѣ выразились въ формѣ историческаго *слова*, мы вовсе не думаемъ отказаться отъ собственнаго сужденія; хотя при этомъ постараемся не забывать правила, что съ книгами нельзя обращаться хуже, чѣмъ мы привыкли и условились обращаться съ людьми, въ нашихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ и встрѣчахъ въ обществѣ; еще болѣе мы будемъ помнить, что критикъ, переходя за черту своего историческаго характера, тѣмъ самымъ доставляетъ въ своемъ приговорѣ матеріалъ для суда надъ нимъ самимъ.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ 1865 ГОДУ.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Выпуски 1, 2, 3 и 4.

Изданіе это, принявшее съ 1858 года свою настоящую форму, выходитъ четырьмя книжками въ годъ, въ которыхъ помѣщаемыя статьи подводятся подъ четыре рубрики: изслѣдованія, матеріалы отечественные, матеріалы иностранные, смѣсь.

Въ 1865 году, въ первой рубрикѣ, въ числѣ изслѣдованій, помѣщены слѣдующія статьи: 1) о церковномъ судопроизводствѣ въ Россіи и 2) о миѳологическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, а именно о рождественскихъ святкахъ и о бабѣ-ягѣ, г. Потебни, профессора Харьковскаго университета. Статья г. Потебни принадлежитъ къ группѣ такихъ сочиненій, которыя имѣютъ цѣлію доказать присутствіе миѳологическихъ остатковъ въ народныхъ вѣрованіяхъ, обрядахъ, сказаніяхъ, обычаяхъ, съ открытіемъ ихъ первобытныхъ источниковъ, и во взаимномъ соотношеніи того, что въ этой сферѣ принадлежало и принадлежитъ разнымъ народамъ, племенамъ и временамъ, хотя при этомъ часто, вмѣсто *было*, говорятъ только: *могло быть*. Но *могло быть* еще мало приноситъ существенной пользы для историческаго знанія. Такъ, напримѣръ, хотя насъ увѣряютъ, что баба-яга есть миѳологическое существо и состоитъ въ связи съ Гольдою, Берхтою, мышами и проч., а намъ кажутся всѣ доводы и сближенія произвольными, и что баба-яга — просто олицетвореніе злой женщины и вмѣстѣ колдуньи, вѣдьмы, потому что фантазія составила легенды и сказанія о злой женщинѣ тогда, когда вѣра въ колдовство, какъ величайшее зло, была въ полной силѣ. Что остатки миѳологическихъ вѣрованій продолжали существовать въ народѣ и существуютъ до сихъ поръ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но также и то несомнѣнно, что нельзя всѣхъ продуктовъ народной фантазіи и сердца относить къ миѳологическимъ временамъ. Со временъ паденія язычества много воды утекло. Народная фантазія не переставала творить, и многое, что такъ просится, повидимому, въ миѳологическій міръ — могло возникнуть, сложиться и оразнообразиться въ послѣдствіи. Вотъ, хоть бы и простоволосая пятница, которую, какъ говорится въ духовномъ регламентѣ, водили по селамъ, или малороссійская и сербская недѣля. Это просто олицетвореніе дней седмицы, съ которыми соединены христіанскія понятія! Подобныя представленія не заключаютъ сами по себѣ ничего указывающаго на язычество. Даже и тамъ, гдѣ участіе миѳологіи ясно, позднѣйшіе вымыслы такъ измѣнили первобытные, что часто не представляется возможности отличить одни отъ другихъ. Такъ, напримѣръ, нѣтъ сомнѣнія, что у славянъ въ язычествѣ было солнцепоклоненіе или свѣтопоклоненіе, но неужели слѣдуетъ относить къ нему все, что только можно встрѣчать въ сосѣдней поэзіи, о солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и т. п..? Всѣ эти предметы передъ глазами народа, также дѣйствуютъ на него какъ и прежде; человѣкъ, также какъ и прежде, способенъ примѣнять ихъ къ своей жизни въ поэтическія минуты. Поэтому, намъ кажется, нужна крайняя осторожность при отысканіи миѳологическихъ остатковъ въ современныхъ элементахъ народной поэзіи и народной жизни. Только то и слѣдуетъ считать принадлежащимъ къ области миѳологіи, на что есть

въ этомъ отношеніи или очевидныя указанія или несомнѣнные ясные доводы. Замѣтимъ при этомъ еще вотъ что: вообще наши миѳографы, занимаясь отысканіемъ первобытныхъ слѣдовъ древней религіи природы, менѣе обращали вниманія на культъ праотцевъ: а у славянъ, по крайней мѣрѣ, нашихъ прямыхъ предковъ, этотъ культъ входилъ глубже въ жизнь, чѣмъ поклоненіе силамъ природы, еще не успѣвшее облечься въ строгій догматизмъ, что доказывается отсутствіемъ храмовъ и жрецовъ. Безъ сомнѣнія, столь долго сохранявшееся поклоненіе *роду* и *рожаницамъ* принадлежитъ къ этому древнему культу. Оттого-то слово «родъ» — въ единственномъ числѣ, а слово «рожаницы»—во множественномъ; подъ первымъ разумѣютъ собирательное значеніе праотцевъ мужескаго пола, непрерывно происходящихъ отъ одной крови, а подъ вторыми, женъ ихъ — матерей, которыя если и входили въ кругъ понятія о родѣ, но, будучи взяты изъ другихъ родовъ, не были связаны между собою единствомъ происхожденія. Также точно вѣрованіе въ дѣдушку домового, живущее болѣе чѣмъ что нибудь въ народѣ, малороссійскій «дідько» малороссійскія «мавки» (отъ «навъ»), древнія берегини и упыри, относятся къ этому культу. Къ нему же относятся разнообразныя легенды о превращеніяхъ, столь частыя въ малороссійской пѣсенности.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ отечественныхъ помѣщены письма изъ походнаго архива Румянцева-Задунайскаго, а также письма, служащія приложеніемъ къ изданнымъ въ прошломъ 1864 году запискамъ Ермолова, интересныя для военной исторіи двухъ эпохъ, и полководцевъ и ихъ времени. Помѣщены еще матеріалы для дипломатическихъ сношеній съ Рагузскою республикою. Въ послѣдней статьѣ, послѣ короткаго географическаго обзора Рагузской области и очерка главныхъ моментовъ исторіи Рагузы, сообщаются свѣдѣнія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что знакомство рагузинцевъ съ русскими началось при Петрѣ Великомъ, когда рагузинцы начали служить у насъ въ службѣ, и съ этихъ же поръ началось и недружелюбіе между Россіею и Рагузою. Республика отказала ходатайству Петра Великаго о дозволеніи построить православную церковь въ Рагузѣ. Рагузинцы были упорные католики и не только не дозволяли ни своимъ ни чужимъ въ своей области иного богослуженія кромѣ римско-католическаго, но искореняли православную вѣру и между сосѣдними единоплеменниками. Существовало предсказаніе св. Франциска, что Рагузинская республика погибнетъ, какъ только допуститъ у себя какое нибудь чужое богослуженіе. При Екатеринѣ II, Рагуза оскорбила Россію тѣмъ, что во время турецкой войны доставляла на своихъ корабляхъ туркамъ припасы. Въ 1775 году, графъ Орловъ принудилъ Рагузу дать обязательство не вмѣшиваться въ турецкія дѣла, принять русскаго генеральнаго консула и дозволить ему имѣть у себя православную капеллу. Во время войнъ Россіи съ Напо-

леономъ въ 1805 г., Рагуза, какъ говорится, попала между двухъ огней, и склонялась то на сторону Франціи, то на сторону Россіи, которой эскадра находилась въ Адріатическомъ заливѣ. Въ 1806 г., французскій генералъ Лористонъ занялъ Рагузу. Вслѣдъ затѣмъ русскіе, соединившись съ боккезами (жит. гор. Бокке) и черногорцами, ворвались въ рагузскую область и держали въ осадѣ городъ двадцать дней, пока не получили предписанія оставить военныя дѣйствія. Это обложеніе описано современными рагузинцами въ очень черныхъ краскахъ: «Всю землю республики наводнилъ, подобно стремительному потоку, разный сбродъ людей не менѣе дикихъ, какъ варварскихъ и безчеловѣчныхъ; русскіе были во главѣ этой гнусной сволочи, состоявшей изъ боккезовъ, черногорцевъ, православныхъ морлаковъ, турецкихъ подданныхъ и самихъ турокъ, людей привыкшихъ къ воровству, разбою, грабежу, убійствамъ и всякимъ злочинствамъ. Многихъ убили, а многихъ жестоко измучили. Чтобы заставить несчастныхъ жителей указать мѣсто, гдѣ скрыли сокровища, варвары отрубали имъ члены, жгли лица и другія части тѣла горячими клещами и доходили даже до такого звѣрства, что сожигали живыхъ младенцевъ на глазахъ родителей.» Самая жалкая ничѣмъ невознаградимая потеря была потеря библіотеки Бенедектинскаго монастыря, отстоявшаго на милю отъ города. Библіотека эта славилась богатымъ собраніемъ первопечатныхъ книгъ и рукописей. При статьѣ приложено двадцать объяснительныхъ плановъ, планъ Рагузы и планъ военныхъ дѣйствій русскихъ въ 1806 г. Послѣ удаленія русскихъ, Рагуза осталась въ рукахъ французовъ. Въ 1808, республиканское правленіе было уничтожено маршаломъ Мармономъ, принявшимъ отъ Наполеона титулъ рагузскаго герцога.

Въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріаловъ помѣщаются путешествія разныхъ лицъ. Помѣщена біографія и очеркъ путешествія Палласа, съ приведеніемъ описанія нравовъ изслѣдованныхъ имъ русскихъ инородцевъ, также біографія и путешествіе Антонія Дженкинсона при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, біографія и путешествіе Беринга, его славные подвиги приключенія и печальный конецъ. Путешествія Михаила Саймера, Нейгоффа и Макортнея сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о разныхъ странахъ Азіи.

Отдѣленіе смѣси — самое любопытное по богатству матеріаловъ и статей, касающихся ближайшаго къ намъ періода XVIII и XIX вѣка. Очень важны, для исторіи русскаго просвѣщенія, помѣщенные здѣсь матеріалы для біографіи Ломоносова. Во второй книжкѣ помѣщено нѣсколько документовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ существованія Польши. Первое изъ нихъ донесеніе, представленное въ 1790 г. польскому сейму депутаціею о бунтахъ козаковъ и простого народа въ южно-русскихъ областяхъ. Видно, какъ поляки въ то время смотрѣли на этотъ споръ. Депутація видѣла только ближайшія явле-

нія, внѣшніе поводы, одно подмѣчала, въ другое не всматривалась, на третье умышленно не смотрѣла и вообще скользила на поверхности вопроса, не проникая въ глубь его. Причину возстанія казаковъ и съ ними неразлучныхъ проявленій ненависти южно-русскаго народа къ полякамъ, послѣдніе видѣли въ дикости и своевольствѣ казаковъ. Этимъ пользовалась, по мнѣнію поляковъ, сосѣдняя россійская политика себѣ на пріобрѣтеніе, Польшѣ на погибель. Дѣйствительно, дикость и своевольство нерѣдко отзывались въ дѣйствіяхъ казацкаго общества, также какъ эти качества не чужды были польскому обществу, да и самое казачество въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось въ борьбѣ съ Рѣчью Посполитою—было произведеніе этой же самой Рѣчи Посполитой. Уже давно поляки довели свой государственный и политическій строй до того, что въ соединенномъ съ ними южно-русскомъ народѣ возникло стремленіе къ отложенію и независимости. Стремленіе это назрѣвало въ XVII вѣкѣ и разразилось Хмельнищиною, которая задала Польшѣ такой ударъ, что она съ тѣхъ поръ стала болѣть и медленно умирать. Хмельницкій предлагалъ Польшѣ мировую, съ условіемъ поступить съ Украйной такъ, какъ поступилъ испанскій король съ Нидерландами. Можетъ быть, еслибъ Польша тогда искренно приняла это условіе, то нашла бы себѣ добраго сосѣда и вѣрнаго друга во враждебномъ прежде народѣ; но Польша, напротивъ, не переставала противодѣйствовать южной Руси, а если и показывала согласіе на уступки, то притворно и лукаво. Андрусовскимъ договоромъ, лишившись части южно-русской земли, она парализовала стремленіе передовыхъ силъ южно-русскаго народа къ самобытности, но не истребила источника этого стремленія въ той части южной Руси, которую удержала за собою, и эта часть стала для Польши постояннымъ волканомъ, который безпрестанно дымился, а по временамъ производилъ изверженія, то большія, то малыя. Казаковъ не стало, а казаччина для Польши не умирала и продолжалась въ неопредѣленномъ образѣ гайдамаччины. Стóитъ просмотрѣть газеты XVIII вѣка, дабы увидѣть, что рѣдкій годъ проходилъ безъ гайдамацкихъ выходокъ въ Украйнѣ и на Волынѣ, и нѣкоторыя такъ сильно давали знать себя, что необходимо было посылать для усмиренія бунта значительное войско. Когда въ Польшѣ началась сумятица, составились конфедераціи—естественно было враждебной для Польши Украйнѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; и вотъ произошло кровавое возстаніе — эпоха Желѣзняка и Гонты. Поляки приписывали это возстаніе сосѣдству безпокойнаго Запорожья. Но это Запорожье не было чѣмъ нибудь внѣшнимъ для южно-русской страны и ея народа; оно было не болѣе какъ главное жерло того волкана, который былъ прикованъ къ Польшѣ. Когда въ XVII вѣкѣ Тарасъ, Павлюкъ, Скиданъ, Остраннинъ и самъ Богданъ Хмельницкій, затѣвая возстаніе, бѣжали въ Запорожье, на-

чинали тамъ свое дѣло, оттуда поднималась буря на Польшу, увлекавшая за собою южно-русскій народъ. Но не тамъ была ея причина. Тоже дѣлалось и въ XVIII вѣкѣ. Изъ Запорожья поднималось возстаніе, а отнюдь не въ Запорожьѣ, и въ польскихъ и южно-русскихъ областяхъ нужно было искать тому причины. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда поляки принялись преобразовывать свою Рѣчь Посполитую, Запорожье нѣсколько утишилось, а въ южной Руси открывались намѣренія сдѣлать поголовную рѣзню надъ польскими владѣльцами. Депутація приписываетъ это внѣшнему внушенію и обвиняетъ россійскихъ подданныхъ, которые разсѣявались по польскимъ владѣніямъ и поджигали русскій народъ противъ поляковъ. Такимъ образомъ, и здѣсь депутація касается только внѣшнихъ поводовъ, а не внутреннихъ причинъ. Вины возмущеній ищетъ не тамъ, гдѣ возмущаются, а тамъ гдѣ возмущаютъ, тогда какъ возмутить нельзя было тѣхъ, которые прежде не имѣли къ тому ни причинъ, ни побужденій. Депутація замѣчаетъ прошлыхъ временъ ошибку: послѣ передачи Дорошенка къ Турціи, прервалось древнее подчиненіе южно-русской церкви константинопольскому патріаршему престолу; церковь православная въ Польшѣ, продолжая считать своимъ главнымъ іерархомъ кіевскаго митрополита, подвластнаго московскому патріарху, а по уничтоженіи патріаршества, святѣйшему синоду, тѣмъ самымъ поднала вліянію Россіи; постриженіе священниковъ и церковное управленіе — все исходило изъ Россіи. Но депутація не сознаетъ, какъ видно, простого способа, какимъ можно было предотвратить то обстоятельство или поправить его. Конечно, Польшѣ слѣдовало, вмѣсто домогательствъ о подчиненіи русской церкви папѣ, покровительствовать православію въ своихъ областяхъ, и устроить у себя такой же верховный синодъ, какой былъ въ Россіи. Этому мѣшалъ католическій фанатизмъ, подшептавшій полякамъ мысль, что восточное соединеніе, по единовѣрію его послѣдователей съ подданными Россіи, опасно для Польши, и потому надобно всѣми силами его искоренить или по крайней мѣрѣ довести до признанія единой власти папы, что такимъ образомъ единовѣріе будетъ залогомъ крѣпости и благосостоянія польской націи. Но какъ мало успѣла надъ русскимъ народомъ въ Польшѣ двухсотлѣтняя католическая пропаганда — видно изъ того, что, когда Екатерина добилась для польскихъ диссидентовъ установленія особаго епископа, подвѣдомственнаго россійскому синоду, и этимъ епископомъ сдѣланъ извѣстный Садковскій, то, по сознанію самой той же депутаціи, вмѣсто существовавшихъ до сего времени девяносто-четырехъ церквей, явилось въ одинъ годъ — триста (стр. 23). Депутація неуказываетъ никакихъ твердыхъ средствъ на будущее время по вопросу о волненіи Украйны и вообще связанной съ

Польшею Руси; да ихъ нельзя было найдти, потому что Польша тогда неизбѣжно погибала.

Кромѣ этого доклада депутаціи, напечатаны другіе важные документы тогоже времени. Такъ, мы читаемъ здѣсь голосъ Лещинскаго, посла воеводства иновржавскаго, на сеймовомъ засѣданіи 1 октября 1791 года. Онъ говорилъ противъ отдачи прусскому королю Гданска (Данцига), котораго этотъ король требовалъ какъ вознагражденія за свое расположеніе къ Польшѣ. Гданскъ былъ не уступленъ, хотя казалось все побуждало бы въ то время сдѣлать эту уступку сильному сосѣду, который просилъ мало, имѣвъ возможность взять больше. Этотъ отказъ со стороны поляковъ и подалъ прусскому королю поводъ снять маску дружелюбія къ Польшѣ раньше, чѣмъ было бы на то время, когда бы Польша ему въ пору уступила. Тогда бы прусскій король еще потѣшилъ поляковъ своимъ расположеніемъ, потребовалъ бы съ нихъ за это расположеніе еще чего нибудь и такъ далѣе, пока не вызвалось бы со стороны Россіи явнаго противодѣйствія, и онъ принужденъ былъ бы сойтись съ нею на счетъ Польши, воспользовавшись этимъ сколько возможно выгоднѣе для округленія границъ своего государства.

За голосомъ Лещинскаго слѣдуетъ письмо къ королю знаменитаго Феликса (Щенснаго, какъ онъ назывался по-польски) Потоцкаго, творца Тарговицкой конфедераціи. Онъ протестуетъ противъ конституціи 3 мая, превратившей Рѣчь Посполитую въ монархію; какъ истый польскій панъ, онъ не хочетъ допустить въ Польшѣ власти, обуздывающей своеволіе. Онъ обличаетъ конституцію 3 мая, что она вовсе не дѣло націи, а дѣло скопа, заговора, партіи. Потоцкій разсказываетъ и причины и послѣдствія дѣла своихъ противниковъ. «Сія погубляющая вольность революція (говоритъ онъ) не можетъ принести Польши ни тишины, ни безопасности, ни благополучія, а развѣ только будетъ источникомъ боевъ, опустошенія и неволи; она предпринята въ угожденіе только интересамъ одного сосѣда, который всегда алчетъ либо цѣлаго, либо частей нашихъ, и какъ по природѣ такъ и по положенію своему, таковымъ быть долженъ.... Знаемъ уже, что республика превращена въ монархію, что государемъ и владѣтелемъ Польши будетъ курфирстъ саксонскій, который хотя и достоинъ того, чтобъ вольный народъ, желающій еще имѣть короля, опредѣлилъ его къ престолу, но неизвѣстно, достоинъ ли онъ короны послѣ вашего величества, а еще кажется неизвѣстнѣе, кому съ дочерью курфирста отдана будетъ монархія. Та минута можетъ быть ужаснѣе всѣхъ избраній королей, по жизнь владѣющихъ; кто знаетъ, можетъ быть будетъ стоить кровопролитія Польшѣ и Европѣ. Но хотя бы и будущая фамилія, власть имѣющая, извѣстна была черезъ супружество дочери курфирста, то, однако, неизвѣстно, увеличится ли черезъ то

какое древнее государство, если польская особая область принадлежать будетъ владѣющему дому?» Послѣ того слѣдуютъ еще нѣсколько того же времени писемъ, между прочимъ одно къ Екатеринѣ, другое къ польскому королю Северина Ржевускаго польнаго гетмана, тоже противъ конституціи 3 мая, и плакатъ генерала Кречетникова о причинахъ вступленія русскихъ войскъ въ великое княжество Литовское. Эти бумаги — изъ канцеляріи Кречетникова; переводы неудовлетворительны, лучше было бы помѣстить ихъ также и въ подлинникѣ, ибо они были напечатаны въ свое время.

По поводу крестьянскаго вопроса въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ смѣси помѣщено двѣ статьи: одна г. Колюбанова, бывшаго кутаискаго губернатора, по поводу крестьянскаго вопроса въ Имеретіи и Гуріи; другая—о томъ же вопросѣ въ Ливоніи. Г. Колюбановъ ограничивается изъ всего Закавказья только Имеретіею и Гуріею, не касаясь другихъ частей Закавказскаго края на томъ основаніи, что эта часть его заключаетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ дворовъ, что составляетъ отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ душъ, тогда какъ остальное Закавказье заключаетъ въ себѣ до 18,060 дворовъ. Ни въ старинныхъ актахъ, ни въ лѣтописяхъ страны не видно ни законовъ, ни распоряженій, учреждавшихъ крѣпостное право: оно создано естественнымъ теченіемъ народной жизни. Авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи края, богатой семейными трагедіями, междоусобіями и вмѣшательствами турокъ, которые въ XVIII вѣкѣ сдѣлались уже хозяевами страны Имеретинской, разставили свои гарнизоны, поддерживали и низвергали государей.

Въ продолженіи многихъ вѣковъ, подъ условіями различныхъ обстоятельствъ, образовалось тамъ крѣпостное состояніе земледѣльческаго класса съ чрезвычайно сложными признаками. Земледѣльческое сословіе дѣлилось и до сихъ поръ дѣлится на разряды, изъ которыхъ одни меньше, другіе больше были зависимы отъ власти господина. Издавна господинъ не могъ переводить своихъ подданныхъ изъ высшаго разряда въ низшій. Самые разряды раздѣлялись по спеціальностямъ службы, и это раздѣленіе сохраняется постоянно. Человѣкъ, принадлежащій къ семейству, обязанному давать лакея господину, не станетъ ходить за лошадью; другой—изъ семейства, обязаннаго давать конюха, не станетъ стряпать на кухнѣ; обязанный бѣжать за господиномъ ѣдущимъ на конѣ, не сядетъ верхомъ; дворъ, доставляющій издавна господину извѣстный продуктъ, не замѣнитъ его инымъ, хотя бы не болѣе цѣннымъ и находящимся у него подъ рукою, такъ напр., не замѣнитъ барана барашкомъ, поросенка индѣйкою или каплуномъ. Такимъ образомъ, въ сельскомъ населеніи образовалась своеобразная іерархія обязанностей безъ всякаго соотношенія съ количествомъ и качествомъ земли и вообще съ тѣми хозяйственными условіями, которыя должны

быть приняты въ соображеніе при раціональномъ обложеніи повинностями сельскаго населенія. Въ древнія времена, при содѣйствіи церкви и монархической власти, положеніе крестьянъ было легче, и они были только обязанными, но въ послѣднія времена политическаго и общественнаго упадка края — сдѣлались крѣпостными. Людей продавали какъ скотъ; но древніе обычаи раздѣленія крестьянъ по разрядамъ и спеціальностямъ удерживались. По присоединеніи къ Россіи края и по введеніи въ 1810 году русскаго управленія, крестьяне оказались въ такомъ состояніи, что они передавались одними господами другимъ въ раздробъ по одному слову или по частной записке господина, нигдѣ не засвидѣтельствованной; не могли безъ позволенія господина вступать въ бракъ; по смерти крестьянина не оставившаго сына, его имущество, вдова и дѣти его брались во дворъ; но раздѣленіе ихъ на разряды и группы оставалось отъ древнихъ временъ, соблюдалось свято, и господинъ не нарушалъ ихъ; неизмѣнность ихъ повинностей была слѣдствіемъ всеобщей неподвижности, застоя во всемъ племени, обличала вообще дальнюю обстановку всего общественнаго развитія и указывала на нравственную отсталость. Въ послѣднее время, русская власть думала оказать крестьянамъ благодѣяніе, старалась ограничить произволъ помѣщиковъ и поднять крестьянъ всякими законодательными и административными мѣрами. Такъ, воспрещено было продавать крестьянъ въ раздробъ, но въ мѣстной жизни неизмѣняемость разрядовъ службы представляла уже такія, повидимому, выгодныя условія для крестьянъ, какихъ не могло дать русское законодательство, уравнивая состояніе имеретинскихъ крестьянъ съ русскими. Трудно было переломить обычаи — хотя бы въ пользу или во вредъ крестьянамъ. Осталось противорѣчіе, странное для насъ. Помѣщикъ закладывалъ, продавалъ крестьянъ на одинъ годъ, но не смѣлъ, изъ всеобщаго уваженія къ обычаямъ, взять у крестьянина лишнюю курицу или барана, вмѣсто поросенка, и его заставить печь хлѣбъ, когда онъ обязанъ варить кушанье. По вопросу объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, г. Колюбановъ объясняетъ, что въ теченія предшествовавшихъ вѣковъ, господа черезъ собственную силу и по жалованнымъ грамотамъ сдѣлались собственниками земли, а крестьяне, какъ бы невольными фермерами земли на безконечный срокъ, но за неизмѣняемыя повинности. Какъ повинности не перемѣнялись въ силу обычнаго права, такъ не перемѣнялось крестьянское пользованіе землею. При всемъ произволѣ, какой, повидимому, имѣли помѣщики, сомнительно, чтобы когда либо владѣлецъ отрѣзалъ себѣ землю, которую издавна обработывалъ одинъ крестьянскій родъ, или передалъ бы ее другой крестьянской семьѣ. Продажа отдѣльно людей была частая, а цѣльныхъ семействъ помѣщики не продавали и не отрывали ихъ отъ почвы, даже тогда, когда русскій законъ дозволялъ продажу людей съ

крайнею ихъ къ помѣстью покупателя—помѣщики не пользовались этимъ правомъ, потому что этого не дозволяли обычаи и понятія страны. Помѣщикъ уважалъ, какъ святыню, связь крестьянскихъ родовъ съ участками земли, которыя находились у нихъ во владѣніи отъ поколѣнія къ поколѣнію, кромѣ земель, принадлежащихъ по праву собственности помѣщику, но находящихся въ пользованіи у крестьянъ. Есть отдѣльныя помѣщичьи земли, составляющія $^1/_{25}$ часть всего принадлежащаго помѣщикамъ. Кромѣ того въ Гуріи и Мингреліи, гдѣ крестьяне получаютъ въ наслѣдственное пользованіе одну усадьбу съ виноградникомъ отъ помѣщика, а поселенцы нанимаютъ по вольному условію или у своего помѣщика или у другихъ помѣщиковъ, немногіе имѣютъ собственныя земли, купленныя съ разрѣшенія своихъ помѣщиковъ, и даже у нихъ самихъ, что по нашимъ понятіямъ кажется большимъ противорѣчіемъ съ правами помѣщика. Главное различіе русскаго крѣпостного права отъ закавказскаго состоитъ въ томъ, что за Кавказомъ оно болѣе подлежитъ силѣ обычая.

По вопросу о крѣпостномъ правѣ и вообще о сельскомъ народонаселеніи въ Ливоніи въ «Чтеніяхъ» помѣщены статьи: Ливонія въ 1841 году; Донесеніе о волненіи ливонскихъ крестьянъ въ 1841 году; Очерки Ливоніи; О присоединеніи прибалтійскихъ крестьянъ къ православію; Движеніе латышей и эстовъ въ Ливоніи. Ливонія представляетъ противоположность тому, что мы встрѣчаемъ въ Закавказьѣ: здѣсь крѣпостность сложилась сама собою, вслѣдствіе теченія внутреннихъ обстоятельствъ, образовалась незамѣтно въ продолженіи многихъ вѣковъ, такъ что невозможно указать на эпохи, которыя бы производили переворотъ въ этомъ вопросѣ; въ Ливоніи, напротивъ, крѣпостное право возникло черезъ завоеваніе, и потому здѣсь все опредѣлительно. Безъ письменныхъ актовъ, безъ бумажной исторіи, говоритъ сочинитель статьи о движеніи латышей и эстовъ, каждый латышъ и эстъ знаетъ, что онъ былъ владѣлецъ земли своей, что пришельцы отняли у него собственность, отняли личную свободу огнемъ и мечемъ, заставили перемѣнить вѣру отцовъ своихъ, и это невольничество передается изъ рода въ родъ, какъ законное наслѣдство.

Латыши, и въ особенности эсты, упорно стояли за язычество; крестить ихъ можно было только поработивши, а потому неудивительно, если тамъ крѣпостная неволя выражалась въ самыхъ жестких формахъ.

Послѣ паденія ордена, Ливонія, какъ извѣстно, переходила изъ-подъ одной чужеземной власти подъ другую, и всегда чужеземная власть была охранительницею порабощенныхъ крестьянъ. Мы не знаемъ, чтобъ московскій государь, овладѣвъ частью Ливоніи въ XVI в., сдѣлалъ что-нибудь для крестьянъ; однако, несомнѣнно, на московскую сторону склонялось населеніе эстовъ, и сами нѣмцы, указывающіе на тогдаш-

нія варварства московскихъ людей и татаръ, говорятъ, что ихъ совершали только надъ людьми нѣмецкаго племени, а не надъ туземцами. По поступленіи Ливоніи къ Польшѣ, Стефанъ Баторій дѣлалъ замѣчанія ливонскому дворянству, что утѣсненія, которымъ подвергались крестьяне, до того безчеловѣчны, что во всемъ мірѣ, даже между язычниками и варварами, не встрѣчается ничего подобнаго. Сигизмундъ III дѣлалъ облегченія въ обязанностяхъ крестьянъ королевскихъ имѣній. Въ Эстоніи, доставшейся по раздѣлу въ XVI вѣкѣ Швеціи, и въ остальныхъ отзейскихъ краяхъ, поступившихъ подъ власть этой державы послѣ оливскаго мира, правительство шведское издавало распоряженія, ограничивавшія произволъ владѣльцевъ. Такъ, между прочимъ было установлено, чтобы крестьяне за свою работу на помѣщиковъ были, по крайней мѣрѣ, надѣлены землею. Съ поступленіемъ Остзейскаго края подъ власть Россіи для облегченія крестьянскаго сословія долго не дѣлалось ничего. Только Екатерина II предприняла улучшить бытъ ливонскихъ крестьянъ, но ея предположеніе не осуществилось. Значительныя работы по этому вопросу были начаты при Александрѣ I, и въ 1819 г. было утверждено крестьянское положеніе, а объявлено въ началѣ 1820 г. Конечная цѣль его была освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; назначено было переходное время на восемь лѣтъ, послѣ чего еще на шесть лѣтъ давалось дворянству ограниченное право наблюденія. Но впослѣдствіи оказалось, что со свободою не улучшился бытъ крестьянъ, потому что они были освобождены безъ земли. Въ 1840 году сдѣлался въ Ливоніи неурожай, а въ слѣдующемъ 1841 году, голодъ. Тогда крестьяне заволновались: они начали думать о переселеніи въ другія губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ о принятіи православія, надѣясь, что этимъ путемъ можно достигнуть перемѣнъ и льготъ. Бывшій тамъ православнымѣ епископомъ Иринархъ и православное духовенство стали благопріятствовать этому, а нѣмцы — помѣщики и вмѣстѣ протестанты, старались этому противодѣйствовать. Отсюда произошелъ рядъ недоразумѣній. Правительство перевело преосвященнаго Иринарха и приказало сказать крестьянамъ, что, желая принимать православіе, они не должны разчитывать на земныя выгоды. Крестьяне видя, что имъ не дозволяютъ переселяться, стали требовать обращенія въ собственность земель изъ помѣщичьихъ имѣній. Это сочтено было за бунтъ. Волненіе крестьянъ вызвало ихъ укрощеніе войсками; но тѣмъ не менѣе правительство сочло нужнымъ повелѣть дворянству постараться объ удовлетвореніи крестьянскихъ нуждъ, и слѣдствіемъ этого было составленіе дополнительныхъ статей къ положенію о крестьянахъ, главною чертою которыхъ было постановленіе, чтобъ крестьяне имѣли земли въ постоянномъ пользованіи. Но статьи по своемъ составленіи оставались тайною для крестьянъ. Между тѣмъ

стремленіе ихъ принимать православіе не прекращалось, правительство образовало комитетъ, который составилъ правила для управленія православными приходами и для устройства школъ при церквахъ.

По вопросу о русскомъ расколѣ въ 3-й книжкѣ помѣщены: очеркъ исторіи поповщинъ съ 1846 г., гдѣ подробно разсказываются дѣла такъ называемой бѣлокриницкой старообрядческой митрополіи; дѣянія епископовъ Амвросія и Кирила; поставленіе старообрядческихъ епископовъ для Россіи; споръ Кирила съ Антоніемъ. При статьѣ приложены объяснительные документы, состоящіе изъ писемъ, и соборныя дѣянія современныхъ старообрядцевъ. Въ этой же книжкѣ помѣщены документы по дѣлу Радищева.

Дѣло Радищева представляетъ очень любопытный матеріалъ для исторіи русской литературы и стараго русскаго общества. Мы уже имѣемъ обстоятельную біографію Радищева, написанную г. Лонгиновымъ; изданные теперь документы сообщаютъ этой біографіи еще нѣкоторыя рѣзкія черты, которыя нуждаются въ объясненіи. Эти документы слѣдующіе: «Замѣчанія на книгу Радищева императрицы Екатерины II»; «Вопросные пункты коллежскому совѣтнику и кавалеру Радищеву»; «Отвѣты Радищева» на эти пункты; далѣе, завѣщаніе Радищева, и наконецъ нѣсколько дополненій къ его завѣщанію и показаніямъ.

Книга Радищева, «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», издана была въ 1790 г.; разрѣшеніе къ печати дано было, по тогдашнему обыкновенію, Управой Благочинія; Радищевъ, послѣ одобренія, прибавилъ къ книгѣ нѣсколько страницъ, но страницы эти неважны въ цензурномъ отношеніи и не были изъ числа тѣхъ, за которыя главнымъ образомъ была обвинена книга. Въ своемъ показаніи, уже въ то время, когда Радищевъ признавалъ преступность своей книги, онъ говоритъ объ этихъ прибавкахъ, сдѣланныхъ послѣ цензуры оберъ-полицмейстера Рылѣева: что «послѣ цензуры перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только реченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ *важности не заключалось;*» въ другомъ мѣстѣ Радищевъ опять говоритъ: «при самомъ печатаніи, я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалось что не хорошее, а прибавленія къ оной *не велики*, какъ *я о томъ объявилъ*, въ чемъ можно *удостовѣриться*, если въ отданномъ (т. е. конечно въ отданномъ при слѣдствіи и допросѣ) запечатанномъ пакетѣ всѣ письменные листы находятся...»

Замѣчанія императрицы Екатерины на книгу Радищева напечатаны въ «Чтеніяхъ» въ ихъ собственномъ первоначальномъ видѣ. Эти замѣчанія слѣдятъ содержаніе книги страница за страницей, и, осуждая ошибки и злонамѣренность автора, говорятъ о собственныхъ взглядахъ императрицы. Поставляя ихъ en regard съ самой книгой, можно представить себѣ совершенно наглядно и смыслъ книги, и характеръ за-

мѣчаній; мы приведемъ только тѣ изъ замѣтокъ императрицы, которыя даютъ понятіе о своей эпохѣ и служатъ памятникомъ при ея научномъ изученіи [1]):

«Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выищиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства.

«Онъ же едва ли не *мартинистъ*, или чего подобное, знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложенія (т. е. характера) унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ...

«Стр. 72, 73, довольно доказываютъ намѣреніе, для чего вся книга написана, подвигъ же сочинителя, объ закладъ биться можно, по которому онъ ее написалъ, есть тотъ, для чего *входъ не имѣетъ въ чертоги;* можно быть, что имѣлъ когда ни на есть, а нынѣ не имѣя, бывъ съ дурнымъ и слѣдовательно съ неблагодарнымъ сердцемъ, подвизается *перомъ.*

«Стр. 76... *Убивство, войною называемое*: чего же они желаютъ? чтобы безъ обороны попасться въ плѣнъ туркамъ, татарамъ, либо покориться шведамъ.

«Стр. 92, 93, 94, 95, 96, 97, исповѣдуетъ мартинистовъ ученіе и прочихъ теозофовъ.

«Стр. 113—116 доказываютъ, что сочинитель совершенный *деистъ*...

«Стр. 119 и слѣдующія служатъ сочинителю къ произведенію его намѣреній, то есть показать недостатокъ теперешняго образа управленія и пороки онаго; здѣсь дѣло идетъ о части уголовной.

«Стр. 126—133 служатъ къ слову выдуманной сказкѣ для описанья звѣрскаго обхожденія помѣщика съ крестьянами и убивства господина и трехъ его сыновей.

«Стр. 133, 135 служатъ къ оправданію убійства того.

«На стр. 136 начинается толкъ незаконной.

«На стр. 137 изливается ядъ французскій... Но все сіе разсужденіе легко опровергнуть можно единымъ простымъ вопросомъ: ежели кто учинитъ зло, даетъ ли право другому и творить наивящее зло?

«Отвѣтъ: конечно нѣтъ. Законъ дозволяетъ въ оборону отъ смертнаго удара ударить, но доказаніе притомъ требуетъ, что инако не можно было избѣгнуть смерти. И стало все толкованіе сочинителя не дѣльное, не законное, но суетное умствованіе.

«Стр. 143, 144, 145, 146 выводятъ съ наружу предложенія, уничто-

---

[1]) Въ выпискахъ мы исправляемъ старинное правописаніе, потому что дѣло вовсе не въ немъ.

жающія законы, и совершенно тѣ, отъ которой Франція верхъ дномъ поставлена.

«На 147 стр., ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной.

«На сей (180) страницѣ (правила воспитанія дѣтей) становятся необузданы, такъ какъ и вся книга, и едва умоначертаніе сочинителево не таково ли: вѣроятно, кажется, что родился съ необузданной амбиціей, и, готовясь къ вышнимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчь нетерпѣнія разлилась повсюду, на все установленное, и произвела собою умствованіе, взятое однако изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѣка, какъ-то Руссо, Аббе Рейнала и тому гипохондрику подобныхъ; касательно же метафизики — мартинистъ.

«Стр. 182. Начинаются правила общежитія. Сочинитель говоритъ: вопросите ваше сердце; оно есть благо... что вѣщаетъ оно, то и творите; а разсудку слѣдовать не велитъ. Сіе предложеніе не весьма вѣрно быть можетъ.

«На 183, говорится о противуположности нравовъ, обычаевъ, законовъ и добродѣтели.

«Стр. 210 (и слѣдующія)... тутъ вездѣ вылазки на дворянъ и дурное ихъ обхожденіе и безчинство съ крестьянами.

«Стр. 236, 237, 238, въ насмѣхательномъ видѣ говоритъ о блаженствѣ, и дается чувствовать, что онаго нѣту; сіе служитъ предисловіемъ къ тому, что сочинитель намѣренъ говорить о крестьянахъ и о ихъ неволѣ, и о войскахъ, кои въ неволѣ же по причинѣ строя... все сіе на стр. 239—252 и клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ противу начальства...

«Стр. 262. *Уговариваетъ* помѣщиковъ освободить крестьянъ, *да никто не послушаетъ.*

«На 265 стр., есть проэктъ *къ освобожденію земледѣльцевъ* въ Россіи; сей проэктъ занимаетъ 266 и 267.

«Стр. 268—277 написаны для приведенія въ омерзеніе помѣщиковъ тѣхъ, кои пашни отымаютъ у крестьянъ; сочинитель ихъ казнитъ; тутъ же достается и правленію.

«Стр. 278—288 объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ; тутъ царямъ достается крупно и кончится сими словами, како *власть со свободою сочетать* должно, *на взаимную пользу.* Сіе думать можно, что цѣлитъ на французской развратной нынѣшній примѣръ (т. е. революцію 1789 г.).

«289—295 стр. содержатъ опорочиваніе цензуры книгъ...

«На стр. 341 начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина, и продолжается на 342—348, на 349 кончится сими словами: свободы *не отъ ихъ совѣтовъ ожидать* должно

(опочинниковъ), но *отъ самой тяжести порабощенія*, т. е. надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ.

«370 стр. и слѣдующія до 394, повѣсть о рекрутскомъ наборѣ, объ отягченныхъ крестьянахъ и тому подобное, служащее къ проповѣдыванію вольности и къ искорененію помѣщиковъ.

«На 418, начинается слово о Ломоносовѣ и простирается до окончанія книги; тутъ вмѣщена хвала Мирабо, который не единой, но многія висѣльницы достоинъ...

На этомъ мы прекратимъ наши выписки изъ замѣчаній. Они достаточно показываютъ, какое впечатлѣніе произвела книга на императрицу и какое вліяніе оказало при этомъ то обстоятельство, что книга совпадала съ революціоннымъ движеніемъ во Франціи.

Имя автора, не напечатанное на книгѣ, было въ первую минуту неизвѣстно, но Радищевъ уже скоро замѣтилъ, что дѣло плохо, и по арестѣ книгопродавца, у котораго книга была въ продажѣ, самъ сжегъ оставшіеся экземпляры. Всего должно было разойтись нѣсколько десятковъ экземпляровъ. «Вопросные пункты», поставленные Радищеву, составлены были очевидно на основаніи замѣчаній императрицы, и Радищевъ долженъ былъ разъяснять всѣ обстоятельства, которыя были ею предположены: чѣмъ онъ руководился при составленіи книги? не имѣетъ ли какого нибудь неудовольствія противъ двора и придворныхъ? не деистъ ли онъ или мартинистъ? какъ онъ хотѣлъ бунтовать крестьянъ? и т. д.

Отвѣты Радищева, какъ мы увидимъ дальше, двоякаго свойства. Но прежде всего въ нихъ бросаются въ глаза самыя унизительныя выраженія о его собственномъ дѣлѣ, — онъ не только отказывается отъ книги, не только винится въ ней и признаетъ свою ошибку, но называетъ ее «гнусной», «развратной», «мерзкой», написанной «по слабому разсудку» и «безумію» и т. д. Радищевъ не довольствуется признаніемъ своего заблужденія—онъ не уступаетъ никому въ самыхъ позорныхъ эпитетахъ книгѣ, на которую онъ самъ недавно смотрѣлъ совершенно иначе.

Поводъ къ сочиненію своей книги онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ *прослыть писателемъ* и заслужить въ публикѣ *гораздо лучшую репутацію*, нежели какъ объ немъ думали до того. Впрочемъ теперь, при объявленіи оной, и самъ онъ видитъ, что она наполнена гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего своего сердца и сожалѣетъ. Францію же въ примѣръ онъ не бралъ, хотя и самъ признается, что сіе похоже на то обстоятельство, ибо сіе писалъ онъ прежде, нежели во Франціи было возмущеніе».

Въ своемъ завѣщаніи Радищевъ отказывается отъ своихъ мнѣній еще болѣе категорическимъ образомъ. Но объ этомъ завѣщаніи мы

скажемъ нѣсколько словъ послѣ, а теперь остановимся только на томъ, что представляютъ его отвѣты на вопросные пункты. Уже въ этихъ отвѣтахъ мы можемъ видѣть, что отказы Радищева отчасти были не совсѣмъ искренни, отчасти были очевидно только вынужденной формой, которую онъ долженъ былъ дать своимъ мнѣніямъ при допросѣ. Онъ, напримѣръ, не признаетъ себя деистомъ, хотя деистическія мнѣнія у него, очевидно, были, не признаетъ потому, что этотъ пунктъ былъ относительно не важенъ. Онъ отказывается отъ приписаннаго ему намѣренія охуждать «нынѣшній образъ правленія», соглашается, что это «не его было дѣло», и ссылается только на «народную молву о якобы происходившихъ по приказнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ»—хотя конечно онъ самъ зналъ множество такихъ злоупотребленій и безъ народной молвы. Онъ утверждаетъ, что въ своихъ описаніяхъ онъ не имѣлъ въ виду никакого «намѣстника», и опять ссылается на «народную молву», что будто бы господа намѣстники употребляютъ данную имъ власть по своимъ пристрастіямъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о его существенныхъ мнѣніяхъ, на чемъ онъ настаиваетъ всего больше, онъ вовсе не отказывается отъ этихъ мнѣній, хотя въ отвѣтахъ и даетъ имъ по возможности уклончивую форму. Онъ совершенно отказывается отъ намѣреній бунтовать крестьянъ и говоритъ, что писалъ только для того, «чтобъ дурными поступками съ крестьянами помѣщики отъ сего написанія посрамились»; но онъ говоритъ прямо, что онъ желалъ, чтобы крестьяне были вольные, и надѣялся, что это будетъ сдѣлано высочайшей властью, и находилъ также, что долженъ быть устроенъ лучшій присмотръ и за солдатами. Относительно придворныхъ онъ опять довольно уклончиво говоритъ, что «безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишни».

Приведенныя нами указанія достаточно намекаютъ, что всѣ эпитеты, которыми Радищевъ надѣляетъ свою книгу, были требованіемъ его исключительнаго положенія. Надо представить себѣ конецъ XVIII столѣтія, представить ту обстановку, въ которой Радищевъ долженъ былъ давать свои показанія, чтобы признать возможность такихъ показаній даже отъ человѣка, совершенно искренно убѣжденнаго и преданнаго своимъ мнѣніямъ. Радищевъ не могъ ожидать благопріятнаго исхода для своего дѣла; ему достаточно былъ извѣстенъ характеръ, который принимали уголовныя дѣла такого рода; онъ долженъ былъ видѣть, что дѣло кончится самымъ безотраднымъ образомъ, совершеннымъ перерывомъ его жизни, и естественно, что человѣкъ, который всѣми своими отношеніями былъ тѣсно связанъ съ этой жизнію, искалъ той соломенки, которая по его мнѣнію могла сколько нибудь поправить дѣло. Мы должны замѣтить и то, что въ этихъ обстоятельствахъ онъ болѣе рѣзкимъ образомъ не отказывался отъ своихъ мнѣній, что въ уклончивой формѣ выраженій онъ старался

сохранить для себя нравственное оправданіе и имѣлъ по крайней мѣрѣ смѣлость и на допросѣ заявилъ о своемъ сочувствіи крестьянскому дѣлу. Можно обвинить его въ легкомысліи, что въ своей книгѣ онъ давалъ такой вызывающій видъ своимъ мечтамъ; впрочемъ, это легкомысліе было не такъ велико, какъ оно кажется на первый взглядъ, и если онъ не остался вполнѣ и до конца вѣренъ своимъ мечтамъ, то и для этого дѣйствительность давала ему слишкомъ много оправданій: онъ самъ теперь только могъ замѣтить, къ своему ужасу, что мечты, которыя онъ воспитывалъ въ себѣ, и которыя въ прежнее время страннымъ образомъ находили себѣ мѣсто въ русской общественной жизни, теперь слишкомъ разошлись съ дѣйствительностью, и что тѣмъ временемъ наступила реакція, преслѣдовавшая тѣ самыя вещи и идеи, которыя нѣкогда появились въ русской книгѣ изъ-подъ пера самой императрицы; и кромѣ того, оглянувшись хладнокровнѣе на эту жизнь, онъ не видѣлъ, кому бы могла быть полезна твердость его убѣжденія, принесла ли бы она какое нибудь нравственное удовлетвореніе и дала ли бы что нибудь кромѣ личной гибели.

Мы говорили, что въ завѣщаніи онъ гораздо болѣе категорически отказывается отъ своей книги; въ своемъ завѣщаніи и въ письмѣ къ какому-то «милостивому государю» онъ называетъ ее «мерзительнымъ сочиненіемъ», называетъ себя «кающимся грѣшникомъ» и т. п.; это завѣщаніе и письмо писаны уже въ такомъ настроеніи, которое никакъ нельзя назвать нормальнымъ. Радищевъ очевидно былъ нравственно истощенъ заключеніемъ. Онъ не надѣется даже на «благодѣяніе», чтобы въ послѣдній разъ дали видѣть его семейство, ему не даетъ покоя забота объ этомъ семействѣ, онъ не можетъ представить себѣ своей собственной участи, и полагаетъ, что «остатокъ житія» его «опредѣленъ будетъ или на томное онаго скончаніе, или на *мгновенное*, или прервется естественно»; онъ замѣчаетъ милостивому государю, что можетъ быть ему покажется удивительно и смѣшно, что человѣкъ, «обвиняемый по законамъ на лишеніе» (?), можетъ думать о такихъ малостяхъ, о какихъ онъ думалъ (а онъ передъ тѣмъ говорилъ, какія надо получить деньги съ жильцовъ его дома, что надо пересрочить заложенныя въ ломбардѣ вещи, позаботиться о просроченныхъ дѣтскихъ паспортахъ и т. п.); изъ всего завѣщанія и изъ указанныхъ нами подробностей весьма естественно заключить, что онъ уже считалъ свои разсчеты съ міромъ поконченными и едва ли не ожидалъ себѣ даже смертной казни.

Съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія русская литература пріобрѣла новое положеніе. Царствованіе императрицы Екатерины внесло въ общественное образованіе элементъ, котораго въ немъ совершенно не было до той поры и который давалъ этому образованію новое, прежде не совсѣмъ привычное направленіе. Императрица отли-

чалась литературными вкусами; эти вкусы направлены были исключительно на французскую литературу того времени: англійской почти не знали тогда въ Европѣ; къ нѣмецкой, императрица относилась кажется также, какъ относился Фридрихъ II, т. е., если не пренебрегала ею, то вовсе не знала ея. Отношеніе ея къ французской «литературѣ просвѣщенія» было отношеніе очень тѣсное и близкое; историки этой литературы ставятъ императрицу Екатерину на первомъ планѣ, въ ряду тѣхъ государственныхъ людей, которые проникнуты были идеями новаго просвѣщенія и давали имъ практическое примѣненіе въ государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, императрица съ самымъ живѣйшимъ интересомъ слѣдила за произведеніями знаменитыхъ писателей Франціи, тѣхъ двухъ поколѣній, которыя составляли самое характерное явленіе во французской литературной жизни XVIII вѣка: извѣстно, какъ дѣятельно она переписывалась и пересылалась съ Вольтеромъ; не менѣе извѣстны тѣ любезности, которыя она оказывала Дидро, блестящіе подарки, которые она ему дѣлала, и личныя бесѣды, ради которыхъ онъ нарочно былъ приглашенъ въ Петербургъ; Гриммъ доставлялъ свою литературную корреспонденцію, въ которой онъ разсказывалъ о всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ явленіяхъ и любопытныхъ анекдотахъ французской общественной жизни, и о новостяхъ французской «философіи». Екатерина обезпечила независимое положеніе для Дидро, обезпечила старость Гримма, приглашала въ Петербургъ къ своему двору д'Аламбера, и т. д. Это было нѣчто совершенно небывалое. Французскіе философы, находившіе себѣ дѣятельную, фактическую поддержку тамъ, гдѣ бы они совершенно ея не ожидали, преслѣдуемые дòма, и самымъ щедрымъ и любезнымъ образомъ поощряемые въ Россіи, не разъ эмфатически указывали на варварскій сѣверъ, гдѣ ихъ цѣнятъ и понимаютъ лучше, чѣмъ въ ихъ образованномъ отечествѣ. Вольтеръ и Дидро, два наиболѣе энергическіе бойца новыхъ идей, наиболѣе сильные проповѣдники свободы философской и общественной, наиболѣе рѣзкіе скептики, пріобрѣтали при русскомъ дворѣ такое положеніе, какого никогда не имѣли самые преданные поэты лавреаты и самые угодливые оффиціальные исторіографы. Могло бы казаться, что вся эта предупредительность къ французской философіи была только дѣломъ придворной моды или просто исключительнымъ, личнымъ вкусомъ самой императрицы, умственной роскошью, которую она доставляла только себѣ самой,—все это было конечно совершенно возможно,—но она не ограничивала свои отношенія къ французской философіи однимъ только своимъ личнымъ вкусомъ: ея придворная обстановка имѣла своихъ beaux esprits совершенно на французскій ладъ, французскія идеи были для нея не только личнымъ развлеченіемъ, но входили и въ законодательство. Знаменитый Наказъ, о которомъ было говорено такъ много, былъ дѣйствительно только

повторенiемъ политическихъ идей Монтескьё и Беккарiа, и если ему когда нибудь предназначалось серьезное значенiе для русскаго законодательства, то очевидно, что новымъ идеямъ давалась здѣсь совершенно положительная и фактическая роль въ цѣлой русской жизни.

Характеръ и направленiе высшихъ правительственныхъ сферъ, при свойствахъ нашей общественной жизни, въ тѣ времена должны были конечно имѣть весьма рѣшительное влiянiе и на характеръ самого общества. При отсутствiи самостоятельности въ этой общественной жизни, общество получало себѣ указанiе и руководство въ этихъ высшихъ сферахъ, и въ XVIII столѣтiи этимъ путемъ дѣйствительно проникло къ намъ много новыхъ понятiй, обычаевъ и нравовъ, которые отъ высшихъ и придворныхъ классовъ мало по малу распространялись глубже, въ среднее сословiе, и наконецъ становились общей принадлежностью такъ называемаго образованнаго класса. Сверху шла вся реформа Петра Великаго: сверху не только измѣнялись общественные нравы, но и давался толчекъ къ умственному развитiю. Въ перiодъ со смерти Петра и до шестидесятыхъ годовъ непосредственное влiянiе этого рода въ умственномъ отношенiи почти не существовало, но съ этого времени оно начинается снова, въ томъ видѣ, какъ мы указали,—и для оцѣнки легкомыслiя Радищева нельзя не принять во вниманiе этого обстоятельства. Сумароковъ, человѣкъ прежняго покроя, елисаветинскихъ временъ воспитанiя, видитъ въ «господинѣ Вольтерѣ» только автора знаменитыхъ трагедiй, эпопей, стихотворенiй и т. п., нѣчто въ родѣ Корнеля и Расина, которые кромѣ подобныхъ вещей никогда ничего не писывали и не придумывали; весь остальной людъ имѣлъ такiя же литературныя понятiя. Но съ шестидесятыхъ годовъ Вольтеръ получаетъ и другой смыслъ; это уже не просто поставщикъ классическихъ трагедiй, а тотъ человѣкъ, отъ котораго шло такъ называемое «волтерiанство», вольнодумный образъ мыслей и стремленiе критиковать свою общественную дѣйствительность, волтерiанство, которымъ увлекались «дѣти» временъ очаковскихъ и покоренiя Крыма. Съ шестидесятыхъ годовъ въ русской литературѣ все чаще и чаще появляются переводы изъ Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескьё, аббата Сенъ-Пьера и т. д., и притомъ вовсе не одни невинныя и безразличныя произведенiя, но также «Кандидъ» или даже «Набатъ на разбужденiе королей» Вольтера (1779), о «Разумѣ Законовъ» (1775) и т. п.; русскiй читатель могъ въ то время читать по-русски и разсужденiе Руссо о началѣ неравенства между людьми, и проэкты аббата Сенъ-Пьера о всеобщемъ и вѣчномъ мирѣ, и даже «Утопiю» Томаса Моруса (1789). Наше общество XVIII вѣка было конечно еще молодо, но по этому самому оно тѣмъ легче могло подчиниться влiянiю этого новаго содержанiя литературы, которое ставило передъ нимъ уже не одну невинную и безразличную забаву, а серьезные вопросы человѣ-

ческой жизни, вопросы объ обществѣ и государствѣ, дѣйствительные интересы человѣческой мысли и нравственности. Надо было бы предположить крайнюю бѣдность мысли, соображенія и естественныхъ нравственныхъ движеній, если бы все это новое содержаніе, приходившее теперь въ русское образованное общество, или въ русскихъ переводахъ или во французскомъ подлинникѣ (который былъ доступенъ значительной части образованнаго общества по большому распространенію французскаго языка), если бы это содержаніе прошло совершенно безплодно и не оставило въ обществѣ никакого вліянія.... Это вліяніе вообще и было: такъ или иначе, въ государственныхъ дѣйствіяхъ правительства императрицы Екатерины, замѣтны филантропическія вліянія вѣка; въ литературѣ съ семидесятыхъ годовъ тоже вліяніе начинаетъ оказываться въ различныхъ формахъ — или въ новой сатирѣ, начатой Новиковымъ, или въ масонской литературѣ, которая переносила къ намъ особенный родъ западнаго деизма, являвшагося шагомъ впередъ по сравненію съ прежнимъ застоемъ въ вопросахъ морали.

Радищевъ также искалъ во французской литературѣ рѣшенія вопросовъ, броженіе которыхъ началось съ воцареніемъ императрицы Екатерины. Въ разсказѣ его о томъ, какъ составилась его книга, мы находимъ указанія на трехъ иностранныхъ писателей, которые произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе и имѣли вліяніе на характеръ его книги. Это, во первыхъ — «Путешествіе Іорика» (т. е. знаменитое «Сантиментальное путешествіе» Стерна), книга, конечно совершенно невинная, указавшая ему только удобную форму для его сочиненія; далѣе, это были сочиненія Гердера, и наконецъ «Исторія объ Индіяхъ» аббата Рэйналя, — книга, вліяніе которой на Радищева было уже указано въ замѣчаніяхъ императрицы. Эта книга, которую мало кто знаетъ, была однимъ изъ извѣстныхъ произведеній французской просвѣтительной литературы XVIII вѣка, съ тѣмъ же общимъ содержаніемъ, которое вообще характеризуетъ такъ называемыхъ «философовъ» и энциклопедистовъ. Это вовсе не была какая нибудь особенная, разрушительная или безнравственная книга изъ этой области; напротивъ, если кто одобрялъ Вольтера и Дидро, тотъ необходимо долженъ былъ одобрять и Рэйналя,—между прочимъ потому, что значительная доля въ книгѣ Рэйналя, кажется до одной трети, даже прямо принадлежитъ Дидро, котораго Рэйналь просилъ просмотрѣть и исправить свою книгу. Исправленіе Дидро кончилось тѣмъ, что основныя воззрѣнія, нравственныя точки зрѣнія, были поставлены самимъ Дидро. Что же касается до Дидро, то мы видѣли, что онъ принадлежитъ къ числу писателей, которые тѣмъ больше могли казаться поучительными и достойными вниманія, что это вниманіе оказывалось имъ въ самыхъ высшихъ сферахъ русскаго общества. Увлекаясь этими писателями, Радищевъ остался вѣрнымъ тому направле-

нію, которое получило у насъ въ литературѣ свое извѣстное право съ начала шестидесятыхъ годовъ.

Съ другой стороны, чтобы самъ онъ ни говорилъ въ завѣщаніи о своемъ легкомысліи и заблужденіи, онъ не былъ простымъ подражателемъ своего образца уже потому, что филантропическія идеи, почерпнутыя имъ изъ французскихъ писателей, принимали въ его мысляхъ свое чисто-русское примѣненіе,—такое примѣненіе, по которому онъ справедливо можетъ получить почетное имя среди людей, подававшихъ у насъ голосъ, или по крайней мѣрѣ благородно мечтавшихъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Мысль о свободѣ, о людяхъ, страдающихъ отъ угнетенія, не была у него фразой уже потому, что съ этой мыслью онъ указывалъ въ русской жизни дѣйствительное угнетеніе. Описанія крѣпостного права у него слишкомъ вѣрны съ дѣйствительностью, выставленные факты очевидно слишкомъ ложились ему на сердце; отъ сочувствія къ положенію крестьянъ онъ ни разу не отказывается въ своихъ показаніяхъ. При всемъ страхѣ, подъ вліяніемъ котораго онъ писалъ ихъ, онъ говоритъ однако слѣдующее: «...Какъ истинную (правду) онъ показываетъ, *чтобъ крестьяне были вольные*, то его *желаніе было;* однакожъ, располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что сіе сдѣлано будетъ по волѣ Всемилостивѣйшей государыни; да и *за солдатами* конечно попеченіемъ Ея Императорскаго Величества *лучшій присмотръ*, такъ и *строгой* съ ними *поступокъ*, по природному Ея Величества человѣколюбію, *отвращенъ будетъ*. Чему уже есть и начало о крестьянахъ при заводахъ и фабрикахъ, постановлены правила, какъ съ ними поступать, кто ихъ купитъ, а солдатъ безъ суда сѣчь запрещено». Въ подобныхъ мѣрахъ Радищеву могла дѣйствительно представляться воображавшаяся ему перспектива, если онъ долженъ былъ сколько нибудь серьезно понимать правительственныя мѣры и предпочтеніе, какое оказывалось въ высшихъ сферахъ увлекавшимъ его писателямъ, проповѣдовавшимъ любовь къ человѣчеству и нравственное человѣческое право.—На вопросъ, не хотѣлъ ли онъ взбунтовать крестьянъ, Радищевъ отвѣчалъ, что ему очень извѣстно, что наши мужики книгъ не читаютъ.

Такова была сущность дѣла. Какой оно приняло ходъ и чѣмъ кончилось, это извѣстно. Очевидно, Радищевъ дѣйствовалъ, т. е. думалъ и составилъ свой образъ мыслей съ помощью тѣхъ данныхъ, которыя были поощряемы въ самихъ руководящихъ сферахъ общества, и дѣлалъ только ихъ послѣдовательное примѣненіе — но съ другой стороны, онъ и не могъ имѣть за себя никакой дѣйствительной гарантіи, и сталъ жертвой противорѣчія, существовавшаго въ самыхъ высшихъ сферахъ, которыя и допускали французскую философію, и не допускали ея, считали ее возможной до извѣстнаго предѣла и для извѣстнаго привилегированнаго круга, забывая, что мысль имѣетъ свой-

ство развиваться изъ извѣстныхъ данныхъ самостоятельно и приводить къ извѣстнымъ результатамъ. Для общества, находящагося на извѣстной, еще не высокой степени гражданскаго развитія, это — пунктъ, который приводитъ вообще ко многимъ печальнымъ явленіямъ; отвратить ихъ не можетъ никакое благоразуміе, — потому что тамъ, гдѣ мысль не имѣетъ приличнаго простора для своего развитія, всегда будетъ оказываться неопредѣленная почва, на которой она будетъ сталкиваться съ общественнымъ предразсудкомъ, принятымъ обычаемъ, и т. д.

Дѣло Радищева представляетъ еще одну любопытную историческую сторону. Какъ мы сказали, его отказъ отъ своихъ мнѣній былъ до извѣстной степени уклончивый и условный; но во всякомъ случаѣ онъ не стѣснялся позорить свою книгу такъ, какъ могъ бы позорить ее злѣйшій его непріятель. Онъ, быть можетъ, лично былъ человѣкъ не съ крѣпкими нервами и не устоялъ передъ мыслью о своихъ потеряхъ и передъ страхомъ смерти... Но кромѣ личныхъ свойствъ, здѣсь играли, безъ сомнѣнія, нѣкоторую роль и свойства самого времени. Здѣсь въ первый разъ, въ такъ называемомъ образованномъ среднемъ классѣ общества, явилась самостоятельная общественная мысль, которая протестовала противъ замѣтныхъ для нея слабыхъ формъ и явныхъ золъ тогдашней дѣйствительности. Эта оппозиція общественнымъ и административнымъ недостаткамъ была еще слишкомъ слаба; степень этой слабости мы знаемъ по литературѣ XVIII столѣтія, которая рѣдко когда, и только въ самыхъ темныхъ намекахъ, рѣшалась указывать на зло, болѣе крупное, а больше ограничивалась нападками на недостатки или довольно безобидные или слишкомъ всѣми признанные. Если даже наша, гораздо болѣе поздняя, сатира всего чаще направляла свои стрѣлы,

Бичуя маленькихъ воришекъ
Для удовольствія большихъ, —

то въ XVIII столѣтіи это бичеванье производилось еще усерднѣе и еще простодушнѣе. Очевидно, что такая оппозиція не могла выдержать никакого серьезнаго отпора. Въ томъ же самомъ положеніи былъ и Радищевъ. Эту самую оппозицію проникло невольное чувство своего одиночества, слабости своихъ силъ; она сознавала, что въ своей борьбѣ съ общественными недостатками она не имѣетъ союзниковъ и что вся она ограничена маленькимъ кружкомъ людей, не имѣющихъ никакого положительнаго вліянія. Потому Радищевъ и могъ такъ скоро потерять всякое мужество и съ такимъ малодушіемъ отказываться отъ своего собственнаго дѣла, и сводить на мелочь даже то, что въ этомъ дѣлѣ было истинно благороднаго и замѣчательнаго. Нуженъ или особенно твердый характеръ, или геніальная преданность идеѣ, чтобы

выдерживать съ полнымъ достоинствомъ подобныя положенія, или же извѣстная степень развитія самого общества, когда человѣкъ привыкаетъ больше дорожить извѣстной общественной идеей и находить себѣ опору въ мысли и сочувствіи... Радищевъ необыкновеннымъ человѣкомъ не былъ, — это былъ простой честный мечтатель; развитіе общества было еще ничтожно, и этимъ объясняется заключеніе.

Книга Радищева не имѣла литературнаго вліянія, потому что разошлось только незначительное число экземпляровъ (и изъ тѣхъ большая часть была вѣроятно отобрана) и была притомъ подъ слишкомъ строгимъ запрещеніемъ, — но въ ней остался для насъ чрезвычайно любопытный памятникъ того броженія общественныхъ вопросовъ, которое началось въ средѣ нашего общества съ XVIII столѣтія.

Въ 4-й книжкѣ «Чтеній», въ отдѣлѣ изслѣдованій, помѣщена обширная статья на 96 страницахъ о военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи, съ проектомъ сѣти сихъ путей составленнымъ въ видахъ обороны имперіи, С. Бутурлина. Предоставляемъ спеціалистамъ военнаго дѣла оцѣнить значеніе этой статьи, и указываемъ имъ на нее, тѣмъ болѣе, что статья подобнаго содержанія, будучи помѣщена въ историко-археологическомъ изданіи, можетъ ускользнуть отъ вниманія людей, занимающихся военнымъ дѣломъ. Позволимъ себѣ сдѣлать только одно общее замѣчаніе: едва-ли въ наше время можно считать исключительною обороною государства непосредственную военную силу страны; развитіе промысловъ, торговли, всякаго рода сношеній между людьми, въ наше время сознается также хорошею обороною; а потому едва-ли будетъ полезно подчинять вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ исключительно военнымъ соображеніямъ. Вопросъ о защитѣ страны есть безспорно вопросъ первой важности; но защищать страну можно непосредственно и посредственно, т. е. развивая въ ней моральную, интеллектуальную и экономическую силу. Чрезмѣрная непосредственная защита, т. е. въ полномъ смыслѣ военная, влечетъ за собою часто ослабленіе посредственной защиты страны, и слѣдовательно въ той же степени, а иногда и болѣе, подвергаетъ страну опасности, въ какой думаютъ защитить ее.

Рядомъ съ тѣмъ разсужденіемъ о военныхъ желѣзныхъ дорогахъ помѣщено продолженіе изслѣдованія г. Потебни, о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Здѣсь разсматриваются змѣй, волкъ, вѣдьма. Отдѣлъ матеріаловъ отечественныхъ занятъ «Приложеніями къ запискамъ Ермолова», куда включены письма многихъ дѣятелей отечественной войны 1812 года, диспозиціи войскъ, вѣдомости, приказы по арміямъ, отношенія, донощенія, предписанія. Эти документы обнимаютъ время съ августа до половины декабря 1812 г., а наибольшая ихъ часть приходится на мѣсяцы августъ и сентябрь.— Въ отдѣлѣ: «Матеріалы славянскіе» помѣщены галицкія пѣсни, изъ сбор-

ника г. Головацкаго, уже давно печатаемыя въ Чтеніяхъ. На долю этой книги выпали пѣсни веселаго и шуточнаго содержанія. Въ «Матеріалахъ иностранныхъ», помѣщено начало перевода Хроники Петрея, сдѣланнаго г. Шемякинымъ. Давно бы пора явиться въ русскомъ переводѣ этому немаловажному изъ иностранныхъ источниковъ о Россіи. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщено «Обозрѣніе рукописей и книгъ, хранящихся въ книгохранилищахъ монастырей и церквей городскихъ и сельскихъ Калужской губерніи». Мѣстная исторія Калужскаго края въ прежніе вѣка не отличалась спокойнымъ характеромъ, и потому здѣсь не могло сохраниться много памятниковъ и особенно рукописей. По замѣчанію составителя напечатаннаго обозрѣнія, въ монастырскихъ архивахъ не уцѣлѣло ни одного акта XVI вѣка, даже акты первой четверти XVII ст. встрѣчаются рѣдко. Старопечатныя книги, гдѣ онѣ находятся, большею частію пріобрѣтены въ позднѣйшее время. За тѣмъ помѣщены двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицко-Сергіевской Лаврѣ, изъ которыхъ видно, какими имѣніями и по какимъ актамъ владѣлъ тогда монастырь, а при грамотахъ записка о расходахъ Троицко-Сергіевской Лавры, относящаяся къ тому же времени. Лавра содержала на свой счетъ семинарію изъ двухсотъ учениковъ, у себя имѣла до двухсотъ монаховъ, которые, «какъ лучшіе изъ всѣхъ монастырей для знатности Лавры выбираются и берутся въ нее по личному указу ея Императорскаго Величества, то и требуютъ лучшаго, а не такого, какъ въ другихъ монастыряхъ, содержанія.» По обилію вотчинъ Лавра имѣла много подъячихъ, разнаго рода слугъ и рабочихъ, наконецъ угощала пріѣзжающихъ на богомолье. Дохода у ней было тысячъ пятьдесятъ и больше, но иногда и меньше, когда случится хлѣбный недородъ. — За этимъ слѣдуетъ разсужденіе протоіерея Діева: какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ? Авторъ, на основаніи древнихъ извѣстій, дѣлаетъ выводъ, что въ глубокой древности губерніи Костромскую, Ярославскую, Владимірскую, часть (?) Московской и Вологодской населялъ народъ Меря, котораго названіе встрѣчается у Іорнанда съ прочими инородцами, до сихъ поръ сохранившимися (Merens, Mordens Sremniscans—Меря, Мордва, Черемиса). Народъ тотъ, вслѣдствіе колонизаціи этого края русскими славянами, частію удалился къ востоку къ своимъ единоплеменникамъ, частію смѣшался со славянами и усвоилъ русскую рѣчь и русскую народность. Еще въ половинѣ XIV вѣка въ Костромской губерніи существовало это племя съ своею народностію, какъ на это указываетъ повѣсть о путешествіи галицкаго князя Ѳедора Семеновича въ 1335 году, на то мѣсто гдѣ теперь Солигаличъ; въ ней говорится, что «князь наѣхалъ Чудское озеро (это Чухломское) и около озера живутъ Чудь.» Изъ житія Авраамія Ростовскаго мы знаемъ, что въ его время въ Ростовѣ жилъ Чудскій народъ и по-

кланялся каменному идолу Велесу. Меря чрезвычайно упорно отстаивала свое идолопоклонство, какъ это показываютъ затрудненія, какія претерпѣвали ростовскіе просвѣтители. И долго еще, уже усвоивши русскую народность, она сохраняла слѣды древняго идолопоклонства и почитала, подобно своимъ предкамъ, священные камни. Такъ, въ первой четверти XVII вѣка, близъ Переяславля Залѣскаго чествовали камень и приписывали ему цѣлительную силу: преподобный Иринархъ низверхъ его въ рѣку Трубежъ. Перорожденіе Мери въ славянъ совершалось медленно, но незамѣтно для лѣтописцевъ, которые занимались болѣе судьбою городовъ, гдѣ было русско-славянское поселеніе такъ точно, какъ и теперь во многихъ краяхъ русскаго востока — въ городахъ живетъ русскій народъ, а въ селахъ инородцы. Не смотря на силу вѣковыхъ переворотовъ, до сихъ поръ еще можно замѣтить поздніе и явные слѣды инородческаго происхожденія въ великорусскихъ крестьянахъ того края, гдѣ жила Меря. Есть (говоритъ авторъ) въ Костромской губерніи и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ даже языкъ не похожій на русскій или славянскій, который народъ бережетъ въ тайнѣ. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что въ народной исторіи этого края былъ періодъ, когда перерождавшаяся въ славянъ Меря стыдилась или боялась знать рѣчь своихъ предковъ, а между тѣмъ родное чувство не допускало совершенно забыть ее и оттого-то она сдѣлалась тайною. Изъ этого языка объясняются — говоритъ авторъ — названія мѣстностей въ Костромской губерніи неславянскаго корня. Такъ, есть слово Кostръ, означающее городъ, и отъ этого слова происходитъ названіе Кострома́; окончаніе ма́, по мнѣнію г. Діева, можетъ совпадать съ мордовскимъ словомъ *мась*, которое значитъ: красивый. Галичъ — отъ слова — *галь*, многолюдный, и это слово вошло въ русское нарѣчіе края; говорятъ: *галь народа*, т. е. много народа. Такимъ образомъ, названія Галичъ и Солигаличъ могли случайно совпадать съ подобнымъ названіемъ города въ Червонной Руси; Кинешма — значитъ спокойная пристань; Луха — отъ слова *лохъ* = сосѣдъ; Олонецкъ — отъ слова *олонно*, давно, то-есть, давній городъ. Шунга, село въ 8 в. отъ Костромы, объясняется изъ слова *шунге*=пѣсенникъ и проч. Есть много географическихъ мѣстностей, напоминающихъ народъ Мерю: Галичъ назывался—Галичъ Мерскій; близъ Кинешмы впадаетъ въ Волгу рѣка Мера; ближайшій станъ къ Переяславлю-Залѣсскому назывался въ XVI в. Мерскій; такое же названіе носилъ станъ близъ самой Костромы. Обычаи и повѣрья нынѣшней Мордвы, по увѣренію г. Діева, очень сходны съ обычаями Костромской губерніи, также и смежныхъ съ ней губерній. Свадебные обычаи Мордвы также сходны. «Какъ у насъ — говоритъ г. Діевъ — такъ и у Мордвы, предъ тѣмъ какъ жениху и невѣстѣ выходить изъ дому въ церковь вѣнчаться, запираютъ, предъ молитвою, дверь и никого

изъ избы не выпускаютъ, равно и не впускаютъ. У Мордвы женихъ до самаго вѣнца иногда не знаетъ своей невѣсты въ лицо; тоже бываетъ и у крестьянъ Костромской губерніи; родители, не спросивъ жениха о согласіи, сами по себѣ сватаются, а женихъ не знаетъ, какова на лицо его суженая, дотолѣ, пока не откроются свадебные пиры. Обычай у Мордвы стоять и сидѣть жениху вмѣстѣ на свадебныхъ пирахъ съ наклоненнымъ лицомъ и потупленнымъ внизъ взоромъ соблюдается и въ нашей сторонѣ. Въ самыхъ костюмахъ, даже по физіогноміи, Мордвины сходствуютъ съ Костромскими крестьянами.» Вопросъ этотъ важенъ, но имъ слѣдуетъ заниматься безпристрастнѣе, осторожнѣе и непремѣнно отличая то, что есть общаго у великоруссовъ въ обычаяхъ съ обычаями другихъ славянъ, отъ того, что у нихъ есть отличнаго и въ тоже время общаго съ обычаями инородцевъ. — За статьею г. Діева слѣдуетъ записка товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сенявина о положеніи дѣлъ въ Ливоніи въ 1845 году. Замѣчательно, что принятіе православной вѣры въ Ливоніи началось съ рижскихъ моравскихъ братьевъ, которые вообще тамъ не благоволятъ къ лютеранству. Присоединившихся къ православію въ 1845 году было 12,000, изъ нихъ 8,000 эстовъ, 4,000 латышей.—Помѣщены въ смѣси: «Воспоминаніе о графѣ Толѣ», и статья г. Бабичева «О редакціонномъ исправленіи свода законовъ.» Авторъ послѣдней статьи убѣдился, что изъ 69,996 ст. законовъ можно уменьшить 25,000 и сверхъ того во всѣхъ осьмнадцати томахъ и въ алфавитномъ указателѣ можно сдѣлать $2^1/_2$ милліона исключеній или помарокъ, и законодательство наше не потеряетъ ни одного законоположенія, ни одной мысли, ни одного понятія, а сдѣлается только короче, яснѣе, точнѣе, вмѣстительнѣе и удобнѣе къ пріобрѣтенію, храненію и употребленію. Авторъ подтверждаетъ мысль свою множествомъ примѣровъ. Юристы, конечно, прочтутъ эту статью и дадутъ ей надлежащую оцѣнку.

Русскій Архивъ издаваемый при Чертковской библіотекѣ, подъ редакціею П. Бартенева. М. 12 книжекъ.

Это изданіе, вступившее уже въ четвертый годъ своего существованія, имѣетъ своею спеціальною цѣлію собраніе и обнародованіе источниковъ русской исторіи, начиная съ Петра Великаго. Въ настоящее время это одна изъ важнѣйшихъ потребностей отечественной науки. По многимъ причинамъ полуторастолѣтній періодъ, къ намъ по теченіи времени близкій, не такъ обработанъ какъ до-петровскій; чувствуется недостатокъ подготовительныхъ изслѣдованій, скудость изданныхъ памятниковъ. Несравненно болѣе насъ обдѣлывали нашу послѣднюю исторію иностранцы, но они занимались только внѣшнею исторіею, ходомъ государственныхъ событій. Изъ домашнихъ источниковъ самый важнѣйшій для насъ остается Полное Собраніе Законовъ, но оно

преимущественно показываетъ одну сторону, то, что должно было воздѣйствовать на жизнь, имѣть на нее вліяніе, подвергать ее измѣніямъ, то, что правительство сдѣлало для народа; но какъ все это принималось, какъ входило это въ жизнь, какъ видоизмѣнялось и передѣлывалось въ ней, какъ вызывались новыя правительственныя мѣры— въ Полномъ Собраніи показывается это только случайно, отчасти, и притомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ доходило до правительства оффиціальнымъ путемъ. Громады другого рода памятниковъ лежатъ нетронутыя и въ государственныхъ и въ присутственныхъ мѣстахъ и въ частныхъ домахъ. Сенатскіе протоколы, уголовныя производства, споры по имуществамъ, дѣла церковныя всѣхъ видовъ, письма, записки — все это просится на свѣтъ. XVIII и нашъ XIX вѣкъ до того богатъ всѣми такими памятниками, что исторія этого періода можетъ быть отдѣлана самымъ лучшимъ образомъ; самая народная жизнь отъ насъ еще не такъ удалилась, чтобъ намъ пришлось съ трудомъ угадывать ее. Нѣтъ нужды доказывать, что изученіе и обдѣлка нашей исторіи XVIII-го и XIX-го вѣковъ представляютъ для насъ болѣе интереса и значенія для современнаго и будущаго нашего развитія, чѣмъ древняя наша исторія. Нужно поболѣе сообщать и печатать матеріаловъ. И потому дѣйствительно, нельзя не благодарить г. Бартенева за его предпріятіе, которое онъ не оставляетъ уже три года. Въ 1865, изъ памятниковъ, относящихся къ царствованію Петра I и вообще къ первой половинѣ XVIII вѣка, издатель помѣстилъ отрывки изъ записокъ Бассевича, бывшаго при дворѣ Петра Великаго министромъ голштинскаго герцога. Они переведены г. Аммономъ съ нѣмецкаго подлинника, напечатаннаго въ Бюшинговомъ магазинѣ. Въ Русскомъ Архивѣ они начаты въ № 1, продолжаются въ № 2, оканчиваются въ № 5 и 6. Начало ихъ (№ 1) относится болѣе къ голштинской исторіи, чѣмъ къ русской. Въ продолженіи, мы встрѣчаемъ русскій дворъ, русскія личности: тутъ являются Петръ, Евдокія, Екатерина, Алексѣй Ягушинскій, Менщиковъ; въ окончаніи же сообщаются извѣстія о войнѣ персидской, о нѣкоторыхъ внутреннихъ распоряженіяхъ, и описываются разныя подробности придворнаго быта. Далѣе двора, Бассевичъ, какъ иноземецъ, не зналъ русской жизни, хотя нѣкоторыя разныя ея явленія невольно не ушли отъ него. Не лишены интереса замѣчанія и извѣстія о театрѣ въ Россіи. «Въ Москвѣ — говоритъ онъ — былъ театръ, но варварскій, какой только можно себѣ вообразить, и посѣщаемый, поэтому, людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на двѣнадцать дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на явленія (такъ на русскомъ языкѣ называются сцены), а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіи цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разыгрывали не болѣе

третьей или четвертой ея части.» Само собою разумѣется, что Петру, поклоннику европейской цивилизаціи, не могли быть по вкусу такія своенародныя забавы; онъ пригласилъ труппу нѣмецкихъ актеровъ; но она оказалась очень плоха. Петръ обѣщалъ имъ награду, если они составятъ пьесу безъ любви, которая всѣмъ надоѣдала, и веселый фарсъ безъ шутовства. Нѣмцы написали что-то для русскаго царя, но это *что-то* вышло очень дурно — государь все-таки наградилъ ихъ. Сестра Петра, царевна Наталья, сочиняла драматическія пьесы, а играть ихъ было некому; русскій царь, охотникъ до представленій и зрѣлищъ, замѣнялъ недостатокъ театра разными празднествами, на описанія которыхъ Бассевичъ не скупится. Одно празднество русскаго преобразователя очень примѣчательно. Государь собственноручно зажегъ свой деревянный дворецъ въ селѣ Преображенскомъ, построенный въ 1690 году. Такъ какъ его обложили фейерверочными матеріалами, то зданіе долго горѣло разноцвѣтными огнями, которые обнаруживали его архитектуру и дѣлали прекраснѣйшій эффектъ. Но, когда матеріалы сгорѣли, глазамъ представилось одно безобразное пожарище, и монархъ сказалъ герцогу голштинскому: «вотъ образъ войны, блестящихъ подвиговъ, за которыми слѣдуетъ разрушеніе. Да исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ домомъ, въ которомъ выработались мои первые замыслы противъ Шведа, всякая мысль, могущая когда нибудь вооружить мои руки противъ этого государства, и да будетъ оно наивѣрнѣйшимъ союзникомъ моей имперіи».

Самая любопытная для русской государственной исторіи часть записокъ Бассевича, это — эпоха кончины Петра Великаго и возведеніе Екатерины, при чемъ описано состояніе двора въ то время, и указаны обстоятельства, содѣйствовавшія воцаренію вдовы Петра.

Восемьдесятъ два письма Петра Великаго къ Ромодановскому (№ 5 и 6) касаются преимущественно подробностей воинскаго устройства. За тѣмъ, напечатанъ разсказъ о пребываніи Петра Великаго въ Парижѣ въ 1717, съ выписками изъ «Журнала путешествія» и нѣкоторыхъ мемуаровъ французскихъ очевидцевъ. 62 письма с.-петербургскаго полиціймейстера Девіера къ Меншикову, кромѣ извѣстій о выѣздахъ и пріѣздахъ высочайшихъ особъ, о кораблестроеніи, о солдатскихъ работахъ, доставляли немногія данныя, относящіяся къ устройству Петербурга и освѣщенію улицъ, къ торговли, а два изъ нихъ указываютъ на способъ преслѣдованія за произнесеніе непристойныхъ словъ. Статья: «Хозяйственныя распоряженія царевенъ Екатерины Іоановны и Прасковьи Іоановны» заключаетъ данныя для тогдашней цѣнности жизненныхъ припасовъ (№ 12). Нельзя оставить безъ вниманія два письма (№ 7), отъ 1718, и отъ 1730-хъ годовъ, относящіяся одно къ Артемію Волынскому, другое, къ астраханскому архіерею Варлааму Лещинскому. На перваго жалуется комендантъ города Петрозавод-

ска отъ офицеровъ, что Артемій приказалъ избить его ослопьями, а потомъ билъ и топталъ ногами. О послѣднемъ говорили въ жалобѣ, что онъ билъ подъячихъ и поповъ по щекамъ, сажалъ на цѣпь и приказывалъ сѣчь по спинѣ и по брюху плетьми. Далѣе, изъ относящихся къ царствованію Елисаветы памятниковъ, мы укажемъ на бумаги князя Волконскаго, Михайла Никитича, бывшаго военачальника въ Семилѣтнюю войну, и нѣсколько разъ посланникомъ въ Польшѣ (№ 9). Эти бумаги интересны въ томъ отношеніи, что объясняютъ отношенія Россіи къ Польшѣ: тутъ наглядно указывается то жалкое положеніе, въ какое пришла Рѣчь Посполитая, и виднѣется ея неизбѣжная грядущая гибель. Уже сильная Россія и тогда распоряжалась ею по своему произволу: войска занимали польскія провинціи при нежеланіи поляковъ, и, за всякое покушеніе поступать вопреки воли русскаго правительства, русскій генералъ могъ наказывать поляковъ какъ мятежниковъ въ своемъ государствѣ. Въ письмѣ императрицы говорится: «еслибъ конфедерація или какое возмущеніе дѣйствительно заводиться начало бы, въ такомъ случаѣ можете вы по сношенію не только изданіемъ отъ имени вашего (и по указу нашему) сильные противу того манифесты, но, еслибъ потребно было, то съ воинскою строгостію загорающійся огонь въ самомъ его началѣ погасить стараться.» Въ особенности замѣчательна здѣсь инструкція на бывшемъ въ Сродѣ сеймикѣ отъ Познанскаго и Калишскаго воеводствъ депутатамъ, отправленнымъ къ королю съ жалобою на оскорбленія и самоуправства терпимыя отъ русскихъ войскъ: изъ этого видно, что уже тогда русскіе въ Польшѣ распоряжались совсѣмъ безцеремонно и притомъ со всею рѣзкостію, свойственною степени своего просвѣщенія въ тѣ времена. «Мы (писали поляки своему королю) претерпѣваемъ отъ россійскихъ войскъ немалыя утѣсненія и наглости, безъ всякаго разбора, не взирая на достоинство, чины, заслуги; имѣемъ честь представить о безчисленныхъ обидахъ и наглостяхъ, которые состоятъ въ сажаньи на цѣпь, въ окованіи въ железа, въ битьѣ батожьемъ, отъ чего многіе изувѣчены и въ смертоубійствѣ, которые многіе не только изъ простыхъ людей, но изъ шляхетства да еще,—что всего чувствительнѣе и несноснѣе—въ угрозахъ объ отнятіи вольности. За этимъ слѣдуетъ двѣнадцать примѣровъ съ означеніемъ именъ тѣхъ, которые потерпѣли отъ русскихъ войскъ. Эти примѣры такого рода:

«Поручикъ Иванъ Алексѣевъ, напившись пьянъ, познанскаго градскаго понамаря и инстигатора господина Езеровскаго за то, что онъ просилъ его, чтобъ онъ воздержался отъ дерзостей, такъ жестоко по щекѣ ударилъ, что едва у него глазъ не выскочилъ, и велѣлъ его привязать къ возу, и такимъ образомъ всю ночь держалъ. Того же поручика солдаты ранили покойнаго Иновроцлавскаго ловчаго жену госпожу Годлевскую; господина Марцелина Нѣжиховскаго привязывали къ ко-

лесу, господина Липскаго сажали на цѣпь и били кулаками, и до такой продерзости дошли, что въ обыкновеніе вошло посылать команды для собранія провіанта съ готовыми цѣпями и желѣзами. Одинъ курьеръ, прибывъ въ домъ г. Казимира Лутомскаго, безъ всякой причины ранилъ лезвіемъ шпаги въ ногу. Фрауштомскаго коморника господина Якуба Герштобскаго за то, что въ одинъ часъ не поставилъ провіанта, схватили, и, поставя между драгунскими лошадьми, таскали, били и тѣмъ несносное ему безчестіе сдѣлали, а еще къ большему презрѣнію и поруганію четверть мили гнали его вмѣсто проводника подлѣ лошади пѣшаго. Господина Станислава Мошковскаго одинъ поручикъ три недѣли держалъ подъ карауломъ и при томъ казаки «избили его батожьемъ и большую половину волосъ изъ головы у него выррвали; также сыновей его Стефана и Валента, схватя веревками за шею, батожьемъ выбили» и проч.; нѣтъ почти ни одного также человѣка, ни одного крестьянскаго, шляхетскаго и большихъ господъ двора, который бы не претерпѣлъ какого либо угнетенія, наглости, обиды, презрѣнія и уничтоженія при вступленіи въ деревню и шляхетскіе дворы. Россіяне отнимаютъ у крестьянъ нашихъ всякія до домостроительства касающіяся вещи и пожитки и тѣмъ лишаютъ ихъ послѣдняго пропитанія. Къ чему, и ту употребляютъ наглость, что ломаютъ замки и двери».

Здѣсь не важенъ для насъ способъ или характеръ этихъ насилій: все это было естественно во всякомъ войскѣ въ то время. И можетъ быть все это представлено въ преувеличенномъ видѣ; важно то, что возможность такого рода жалобъ показываетъ крайнюю слабость и близкую, въ то время, смерть Рѣчи Посполитой.

Наиболѣе любопытные памятники XVIII вѣка, помѣщенные въ Архивѣ, относятся къ царствованію Екатерины II. Встрѣчаемъ два отрывка изъ ея собственныхъ записокъ. Въ № 4, помѣщены ея разсказы о первыхъ почти годахъ царствованія. Императрица выставляетъ въ черномъ видѣ недостатки управленія и порядка при Императрицѣ Елисаветѣ, чтобъ тѣмъ ярче казались улучшенія сдѣланныя ею самою. Въ изложеніи краткость, ясность, отсутствіе многословія, остроуміе и мѣткость выраженія. О томъ, какъ занимались въ сенатѣ дѣлами, Екатерина говоритъ: «сенатъ составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ аппеляціонныя дѣла не экстрактами, а самое дѣло со всѣми обстоятельствами; чтеніе дѣла о выгонѣ города Мосальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ цѣлыхъ шесть недѣль засѣданіе сената. Сенатъ (продолжаетъ она) опредѣлялъ воеводъ, и числа городовъ не знали. Когда я требовала реестра городамъ, то признавались въ невѣдѣніи оныхъ, даже картъ всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію на островъ черезъ рѣку отъ

сената и купленный тамъ кирилловскій печатный атласъ подарила правительствующему сенату. Умѣнье считать не давалось еще сенату; въ реестрѣ доходовъ числилось 16 милліоновъ, а когда Екатерина приказала князю Вяземскому счесть получше, то онъ насчиталъ 28 милліоновъ. Жаль, что этимъ отрывокъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ его. Екатерина разсуждаетъ о послѣдствіи своего Наказа. «Онъ — говоритъ она — ввелъ единство въ правила и въ разсужденія не въ примѣръ болѣе прежняго; стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать....» Въ № 7 помѣщенъ отрывокъ, также написанный Екатериною по-французски, сходный по духу съ предыдущимъ. Екатерина обвиняетъ своихъ предшественниковъ, Елисавету и Петра III, въ скупости; когда у нихъ просили денегъ на государственныя потребности, они отвѣчали: «добывайте, какъ знаете, а прибереженныя деньги наши. Екатерина, напротивъ, объявила въ полномъ собраніи сената, что, будучи сама для государства, она полагаетъ, «что все ей принадлежащее тоже должно быть для государства и чтобы впередъ не дѣлали никакого различія между ея собственными выгодами и государственными.» Изъ того же отрывка видно, что когда, въ началѣ царствованія Екатерины, думали допустить евреевъ въ Россію, то Прозоровскій сослался на резолюцію Елисаветы по этому вопросу. Императрица Елисавета въ своей резолюціи по этому предмету написала: *отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли.* Екатерина, по восшествіи на престолъ, разсудила, что ей пришлось имѣть дѣло съ духовенствомъ. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ; объявить оное вреднымъ — было тоже невозможно. Екатерина поступила просто: когда генералъ-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: «Я желаю, чтобы дѣло то было отложено до другого времени?»

Въ № 10 и 11, помѣщено мнѣніе Екатерины о французской революціи и о мануфактурахъ. Изъ послѣдняго видно, что Екатерина желала, чтобы занятіе ремеслами, промыслами и торговлею какъ можно болѣе раздроблялось и занимало по болѣе рукъ—она желала оказывать покровительство не сосредоточенности капиталовъ. Въ этомъ же духѣ дѣйствовала императрица, наблюдала постоянно за дешевизною жизненныхъ припасовъ и оказывала нерасположеніе къ скупщикамъ, набивавшимъ цѣны, какъ это видно изъ письма ея къ Брюсу въ 1787 году, помѣщеннаго въ томъ же нумерѣ. Одинъ торговецъ скупалъ скотъ, который гналъ въ Москву, и возвышалъ цѣну говядины. Екатерина, узнавши объ этомъ, сказала: «объявите этому безчестному перекупщику, что я его пошлю въ Сибирь скупать быковъ». Ведя борьбу

съ корыстолюбіемъ своего народа, она, какъ извѣстно, должна была бороться съ невѣжествомъ и суевѣріемъ высшихъ круговъ общества.

Въ числѣ 13 писемъ ея къ Вяземскому, помѣщенныхъ въ № 9, останавливаетъ вниманіе одно, гдѣ говорится о колдунахъ: «Куда какъ бы я любопытна была видѣть ваши колдуны (т. е. вашихъ колдуновъ). Ну, какъ этому статься, чтобы, пуская по вѣтру червей за человѣкомъ, онъ бы отъ этого умеръ! И подобнымъ баснямъ въ сенатѣ вѣрятъ. И потому осуждаютъ». Вотъ съ какими предразсудками принуждена была бороться великая женщина въ самой высшей сферѣ управленія!

Въ статьѣ Сушкова: «Кое-что о временахъ Екатерины II» (№ 12), приведены любопытныя выписки изъ извѣстныхъ записокъ Храповицкаго, которыя находятся въ полнотѣ у автора статьи, между прочимъ о политическихъ замыслахъ Екатерины. Видно, что ее занимала мысль устроить по сосѣдству государство для второго своего внука, Константина Павловича. Въ 1787 году, она думала воспользоваться неустройствами въ Персіи, завоевавъ у нея Гилянъ, основать государство подъ именемъ Албанскаго королевства и посадить тамъ на престолъ Константина. Въ 1788 году, она выражала постоянное и задушевное желаніе завоевать Турцію, возстановить Греческую имперію и посадить на престолъ Константина. Зная и испытывая, что западныя державы всѣми способами противодѣйствуютъ ея завоевательнымъ намѣреніямъ, она замышляла подѣлить Турцію и считала возможнымъ дать по клочку отъ ней Франціи, Испаніи и Англіи, а остатка довольно будетъ для Константина Павловича, «pour un cadet de la maison», какъ она выражалась. Ея планы — воспользоваться неустройствомъ сосѣдей, пришлись какъ нельзя лучше въ Польшѣ; съ нею удалось Екатеринѣ сдѣлать то, что она думала сдѣлать, относительно Турціи и Персіи. Въ 1 и 2 №№ Архива помѣщены отрывки изъ записокъ потемкинскаго секретаря Попова, извлеченные кіевскимъ профессоромъ г. Ставровскимъ изъ Рѣшетиловской библіотеки. Въ нихъ есть любопытныя записки Екатерины II къ Потемкину о польскихъ дѣлахъ, писанныя въ 1792 г., слѣдовательно во времена конституціи 3 мая, которою думали польскіе отчизнолюбцы оживить умиравшее тѣло своего государства. Императрица находитъ, что перемѣна правленія въ Польшѣ, которая можетъ спасти ее — то-есть установленіе монархическаго правленія и ограниченіе безтолковой вольницы — не можетъ быть полезно для сосѣдей, и потому слѣдуетъ поддерживать прежнюю вольность, стараться, чтобы, вмѣсто двухъ или трехъ протестацій противъ возникавшихъ въ Варшавѣ преобразованій, было ихъ какъ можно больше; нужно стараться, чтобъ за этими протестаціями послѣдовали манифесты въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; нужно поддерживать конфедераціи недовольныхъ сторонниковъ прежней шляхетской вольности, вести дѣла такъ, чтобъ

конфедераты сами прибѣгли къ Россіи съ просьбою о помощи. Ближайшая цѣль Екатерины была: «опровергнуть возникшую вновь форму правленія и возстановить прежнюю польскую вольность и тѣмъ доставить на грядущія времена безопасность имперіи; но въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности должны будуть въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ.» Поляки, какъ извѣстно, до послѣдняго времени приписывали чрезмѣрную важность своей конституціи 3 мая, и ставили вопросъ такъ, какъ будто Польша имѣла всѣ данныя, чтобъ обновиться и содѣлаться сильнымъ благоустроеннымъ государствомъ (къ чему она конечно имѣла географическія данныя); но ей помѣшала Россія, воспользовавшись прежними стихіями старыхъ безпорядковъ. Этотъ взглядъ одностороненъ и потому исторически невѣренъ. Никакая конституція не въ силахъ была спасти Польши: это государство тогда уже гнило и разлагалось. Обновиться нравственно политически польская нація могла развѣ черезъ нѣсколько поколѣній, да и то, еслибъ эти поколѣнія получили новое воспитаніе. Но исторія не ждала бы, пока эти поколѣнія выростутъ и воспитаются. Еслибъ Екатерина не воспользовалась неустройствомъ Польши—Пруссія непремѣнно бы имъ воспользовалась. Россія оттого-то и ускорила паденіе Польши, чтобъ не дать Пруссіи овладѣть ею. Знаменитая конституція 3 мая была не болѣе какъ дѣло прусской политики. Поляки избирали себѣ наслѣдственнаго государя изъ саксонскаго дома; но этому государю пришлось бы царствовать не иначе, какъ въ качествѣ подручника Пруссіи, и, вѣроятно, скоро передать свою власть ей совсѣмъ. Въ концѣ XVIII вѣка, готовилась разыграться исторія принца августенбургскаго, разыгранная такъ искусно тою же самою Пруссіею въ наше время. Екатерина, не давши себя провести прусскому королю и ускоривши паденіе Польши, спасла свое государство отъ нѣмецкаго могущества по сосѣдству: оно было бы не только опасно, но гибельно для Россіи въ будущемъ.

По исторіи крѣпостного права въ Россіи при Екатеринѣ II въ Р. А. сообщено мнѣніе Полѣнова, которое было написано въ 1767 г. по задачѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества: «Что полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко его право на то или другое имѣнія простираться должны?» Полѣновъ думалъ, что крестьянамъ слѣдуетъ дать землю во владѣніе, но лишить ихъ права отчуждать ее, и затѣмъ представляетъ рядъ гуманныхъ средствъ для облегченія крестьянскаго быта, но не только не посягаетъ на дворянское право—владѣть крестьянами, а еще всѣ свои преобразованія предоставляетъ дворянамъ выполнять только по ихъ собственному распоряженію. «Дворянство, до котораго особливо касается это дѣло,

никакъ къ сему не принуждать, ибо каждый изъ нихъ, будучи убѣжденъ собственною пользою, доброю волею согласится ввести у себя такія учрежденія, которыя, не причиняя ему ни малѣйшаго вреда, служатъ къ благополучію такихъ людей, о сохраненіи которыхъ человѣколюбіе и собственная его польза повелѣваетъ ему прилагать всевозможнѣйшее стараніе». Ясное дѣло, что статья г. Полѣнова утѣшаетъ крестьянъ въ ихъ горькой участи и побуждаетъ дворянъ ограничить свои права только филантропическими размышленіями, а между тѣмъ тотъ же самый Полѣновъ вотъ въ какомъ видѣ описываетъ состояніе крестьянъ въ свое время: «не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ наши крестьяне, которые, не имѣя никакой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнѣйшимъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства; отчего неотъемлемо должны они опуститься и притти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ.» Несмотря на такую умѣренность Полѣнова, какое впечатлѣніе произвела на современное общество его статья, можно видѣть изъ сообщенной въ №№ 4—6 біографіи этого Полѣнова, составленной его внукомъ. Изъ нея мы узнаемъ, что задача эта Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ обществомъ объявлена была по волѣ Екатерины II, и на эту задачу поступило 164 сочиненія: это показываетъ, что вопросъ дѣйствительно занималъ всѣхъ сильно. Разсужденіе Полѣнова удостоилось золотой медали, но не признано удобнымъ къ напечатанію оттого, что въ немъ «найдены черезъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія.»

А чѣмъ такимъ было на дѣлѣ или по крайней мѣрѣ имѣло возможность быть крѣпостное право — это показываетъ напечатанное въ № 3 Архива извѣстіе о «Салтычихѣ». Проглядывая въ Полномъ Собраніи Законовъ указы Екатерины II, читатель не могъ не остановиться и не задуматься надъ производствомъ по дѣлу о Дарьѣ Николавнѣ, которой фамилія скрыта изъ уваженія къ ея родственникамъ. Но эта мѣра, какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оказалась напрасною. Про Дарью Николавну знали только тѣ, которые читывали Полное Собраніе Законовъ, а о Салтычихѣ знала вся Великороссія и грамотная и неграмотная; анекдоты о ея звѣрствѣ переходили изъ устъ въ уста и доходили до эпоса. За истязаніе и убійство крѣпостныхъ крестьянъ, императрица Екатерина дала ей оригинальное наказаніе. Лишивъ ее правъ состоянія, ее выставили на показъ народу, привязавши къ столбу съ надписью *мучительница* и *душегубица*, а потомъ, заключивъ въ оковы, бросили въ подземную тюрьму въ Ивановскомъ монастырѣ въ Москвѣ; слѣдовало держать ее постоянно въ темнотѣ и вносить къ ней свѣчу только тогда, когда

приносили ей пищу (обычную монастырскую); но каждый день приводили ее слушать церковное богослуженіе и ставили въ такое мѣсто, гдѣ бы она другихъ, а другіе ее не могли видѣть. Короткій очеркъ, напечатанный въ «Архивѣ», можетъ возбуждать сожалѣніе, что это дѣло въ высшей степени интересное и замѣчательное для узнанія помѣщичьихъ нравовъ въ XVIII вѣкѣ не напечатано вполнѣ (съ исключеніемъ, разумѣется, такихъ бумагъ, которыя, какъ во всякомъ дѣлѣ бываетъ, считаются исключительно въ сферѣ дѣлопроизводства). Въ «Зрителѣ» 1863 (№№ 35 и 36) напечатана въ сокращеніи часть этого дѣла, но оно перерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ. До сихъ поръ, благодаря «Зрителю», да брошюрѣ объ Ивановскомъ монастырѣ, да наконецъ статьѣ «Русскаго Архива», у насъ слѣдующія главныя свѣдѣнія о Дарьѣ Николаевнѣ Салтыковой. Въ описаніи Ивановскаго монастыря она названа урожденная Иванова, а въ «Зрителѣ» — дочерью гвардіи ротмистра Глѣбова; любопытно было бы знать что нибудь о ея родителяхъ, о ея дѣтяхъ и степени воспитанія, чтобъ понять, какъ выработался такой характеръ. Вышедши за мужъ за Глѣба Салтыкова, она овдовѣла (послѣ скольких лѣтъ замужества неизвѣстно), и, будучи вдовой и матерью двухъ сыновей, жила зимою въ Москвѣ въ собственномъ домѣ, на углу Кузнецкаго моста и Лубянки, а лѣтомъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда. Какъ развилась въ ней жестокость — неизвѣстно. Она погубила болѣе ста душъ (по описанію Ивановскаго монастыря 139) и преимущественно женскаго пола: въ числѣ жертвъ были дѣвочки лѣтъ одиннадцати и двѣнадцати. Гнѣвъ ея, по извѣстію статьи «Русскаго Архива», происходилъ болѣе всего за нечистое мытье бѣлья и половъ. Салтыкова начинала свои побои палкою, валькомъ, скалкою, и избивала свою жертву такъ, что та умирала черезъ нѣсколько часовъ. Она обливала головы кипяткомъ изъ чайника, прижигала уши раскаленными щипцами, заставляла стоять босикомъ на морозѣ, сажала по горло въ воду; одну дѣвочку собственноручно сбросила съ крыльца. Въ 1762 году, двое ея крѣпостныхъ людей подали прошеніе на свою госпожу въ собственныя руки императрицы Екатерины II. Началось слѣдствіе юстицъ-коллегіи. Оказалось, что еще прежде были подаваемы на нее жалобы, но дѣла, возникавшія по этимъ жалобамъ, оканчивались въ пользу Салтыковой. Не помогали даже мертвыя тѣла замученныхъ, привозимыя въ полицейское мѣсто. Теперь, при Екатеринѣ II, за нее принялись строже; по крайней мѣрѣ, во время производства надъ нею слѣдствія, она жила хоть и въ своемъ домѣ, но подъ карауломъ. Въ 1767 году, юстицъ-коллегія по однимъ дѣламъ совершенно ее оправдала и очистила за недостаткомъ уликъ; по другимъ — оставила въ подозрѣніи. По сдѣланному повальному обыску, большинство говорило, что ничего не знаютъ о злодѣяніяхъ Салты-

ковой, и только немногіе показали, что носилась молва о ея суровомъ обращеніи съ крестьянами и дворовыми.

Сосѣди видѣли, какъ ея крестьяне работали съ бритыми головами и стояли на морозѣ босикомъ; слышали въ домѣ Салтыковой крики наказываемыхъ и голосъ барыни: бей больше! Но ясныхъ уликъ не нашла юстицъ-коллегія, тѣмъ болѣе, что сами доносчики перепутались въ своихъ показаніяхъ. Какъ потомъ повернулось дѣло, какія нашлись новыя улики, недозволившія оставлять Салтыкову въ неопредѣленномъ положеніи, что́ именно довело до строгаго приговора? «Зритель» о томъ не досказалъ, а г. Кичеевъ, напечатавшій статью «Салтычиха», въ «Русскомъ Архивѣ», вовсе не сказалъ. Не зная въ подробности обстоятельствъ исторіи Салтычихи, мы не можемъ рѣшительно утверждать, исключительное ли это явленіе, уродъ, или же она можетъ служить до извѣстной степени образчикомъ нравовъ своего вѣка? Впрочемъ, какъ кажется, если есть въ чемъ оригинальность Салтычихи, то развѣ въ количествѣ и отличительной тяжести ея ударовъ; но мы такихъ Салтычихъ видали довольно и въ мужескомъ и женскомъ полѣ, знаемъ ихъ и по разсказамъ и по воспоминаніямъ дѣтства; было ихъ довольно сосланныхъ въ Сибирь за истязанія, были и такіе, съ которыми сами крестьяне расправились, и шли за нихъ въ Сибирь, было много и такихъ, за которыми водились грѣхи Салтычихи, да счастье ихъ было таково, что имъ сходило съ рукъ. Вѣдь и Салтычиха могла, перемучивши за сотню людей, умереть прежде чѣмъ попалась въ руки правосудія, и мы объ ней не имѣли бы никакого понятія. Было бы любопытно знать происхожденіе, дѣтство и воспитаніе Дарьи Салтычихи. Замѣчательно, что тѣже крестьяне, которые сдѣлали доносъ на Салтычиху, прежде скрывали ея злодѣянія и лжесвидѣтельствовали передъ судомъ, котораго правосудіе не слишкомъ опасно было для такихъ личностей, какъ Салтычиха. Это уже достаточно показываетъ, что характеръ этой женщины выработался изъ элементовъ своего вѣка и общества.

Какъ черта важная для объясненія характера Салтычихи—приводимая г. Кичеевымъ—ея любовная интрига. Она—говоритъ г. Кичеевъ—имѣла сердечную связь съ инженеромъ Тютчевымъ, но когда онъ оставилъ ее и сговорилъ за себя дѣвицу Панютину, то она придумывала разныя средства, какъ бы погубить ихъ. Сначала она хотѣла сжечь домъ Панютиныхъ въ отмщеніе за себя и приказывала это людямъ своимъ, снабдивъ ихъ составомъ изъ пороха, сѣры и пакли. Но люди на это не рѣшились. Потомъ, когда Тютчевъ уже женился на Панютиной, и новобрачные располагали ѣхать въ свою орловскую вотчину мимо имѣнія Салтыковой, то она приказывала своимъ крестьянамъ убить ихъ. Но Тютчева предупредили, и онъ подалъ объ этомъ на Салтычиху доносъ. Салтычиха не созналась на судѣ ни въ чемъ. Духов-

никъ напрасно старался уговорить ее; у ней было какое-то довѣріе къ истязуемымъ ею крестьянамъ. Ее стращали пытками, и для страха въ присутствіи ея приказали произвести пытку надъ преступникомъ, приговореннымъ къ пыткѣ по его собственному дѣлу. И это не подѣйствовало. Императрица не приказала пытать ее. Улики были достаточны для ея обвиненія. Салтычиху осудили на смертную казнь. Екатерина замѣнила ее тою оригинальною карою, о которой выше было говорено.

О дальнѣйшей судьбѣ Салтычихи г. Кичеевъ говоритъ со словъ брошюры объ Ивановскомъ монастырѣ. Съ 1768 по 1779 годъ, она содержалась въ подземной тюрьмѣ, пристроенной къ горной стѣнѣ храма, а съ 1779 г. до конца жизни въ застѣнкѣ; тамъ и умерла 27 ноября 1800 г. Извѣстный любитель старины Карабановъ, современникъ Салтычихи, говоритъ, что она, находясь въ тюрьмѣ, родила отъ своего караульнаго. Изъ изустныхъ разсказовъ, бродящихъ о Салтычихѣ, мы слышали, будто ее приговорили къ смерти, а она, будучи необыкновенно смѣла, приневолила караульнаго имѣть съ нею связь, а потомъ объявила, что беременна, и что будто это подало императрицѣ поводъ даровать ей жизнь, чтобы вмѣстѣ съ нею не лишить жизни невиннаго младенца въ утробѣ. О ея злодѣйствахъ разсказываютъ въ народѣ, что она ѣла младенцевъ и отрѣзанныя женскія груди; поваръ, готовившій ей такія блюда молчалъ до своей смерти, а преемникъ его не захотѣлъ поступать подобно прежнему повару и донесъ на свою госпожу. Разсказываютъ также, что она своихъ служанокъ собственноручно гладила горячими утюгами.

Г. Михаилъ Лонгиновъ далъ мѣсто въ «Русскомъ Архивѣ» другой знаменитой узницѣ Екатерининскаго вѣка — княжнѣ Таракановой. По поводу превосходной картины Флавицкаго, Лонгиновъ сообщаетъ объ этомъ лицѣ еще никому неизвѣстныя свѣдѣнія, слышанныя имъ отъ покойнаго графа Дмитрія Николаевича Блудова, который читалъ подлинныя дѣла о Таракановой и докладывалъ о ней императору въ 1828 г. Вотъ что говоритъ М. Лонгиновъ, о Таракановой:

«Свѣдѣнія о всѣхъ этихъ событіяхъ сохранились по счастью въ полнотѣ, и притомъ письменныя, по слѣдующему обстоятельству. Они относятся къ 1775 году, который весь проведенъ былъ Екатериною въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, гдѣ начальствовалъ, въ отсутствіи императрицы, фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ. Будь тогда Екатерина въ Петербургѣ, многое кончалось бы ея словесными распоряженіями и изустными ей рапортами, и всѣ эти подробности были бы навсегда утрачены.

«Тараканова была арестована Орловымъ въ Ливорнской гавани, 12 февраля 1775 года, привезена Грейгомъ въ Петербургъ, въ началѣ

мая того же года, и заключена въ казематѣ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости.

«У ней уже тогда была чахотка въ довольно сильной степени, а къ зимѣ конецъ ея видимо приближался. Тараканова всегда слѣдовала обрядамъ римско-католической церкви и была даже въ Италіи въ связяхъ съ іезуитами, надѣясь на ихъ помощь; но передъ смертью она захотѣла непремѣнно исповѣдаться и причаститься у православнаго священника. Вѣроятно, что такая воля происходила отъ непреодолимаго желанія убѣдить другихъ въ истинѣ происхожденія, которое она себѣ приписывала, и показать, что исполняла чуждые ей католическіе обряды только потому, что жила на чужбинѣ, гдѣ не было служителей церкви православной, въ лонѣ которой она будто бы родилась и была воспитана въ дѣтствѣ. Дѣло было затруднительное. Тараканова не знала русскаго языка, который будто бы тоже забыла, будучи увезена за-границу въ дѣтствѣ. Она знала только по-французски или по-нѣмецки. Послѣ разныхъ поисковъ нашли священника (имя ея забылъ и не записалъ) церкви на Невскомъ Проспектѣ (на мѣстѣ, гдѣ теперь Казанскій соборъ), знавшаго нѣмецкій языкъ. На немъ исповѣдывалъ онъ Тараканову 30 ноября 1775 года, и донесъ о томъ, что онъ слышалъ отъ нея по ея отзыву. Она каялась во многихъ своихъ грѣхахъ, преимущественно любовныхъ, но твердо и постоянно стояла на томъ, что ея происхожденіе именно то, которое она себѣ всегда приписывала. Съ этимъ она и умерла 4 декабря 1775, то есть, слишкомъ за два года до наводненія, во время котораго она будто бы погибла.»

Авторъ этимъ оканчиваетъ разсказъ графа Блудова о заточеніи и смерти Таракановой. «Впрочемъ, мнѣ, говоритъ онъ же, достовѣрно извѣстно, что преданіе о гибели Таракановой во время наводненія существовало издавна: извѣстный авантюристъ Винскій, котораго любопытныя записки были въ рукахъ покойнаго А. И. Тургенева, разсказываетъ въ нихъ, что, вскорѣ послѣ наводненія 1777 года, его посадили въ крѣпость за какія-то продѣлки; онъ увидѣлъ на стѣнѣ своего каземата слова: o Dio! и сторожъ разсказалъ ему о заточеніи Таракановой, бывшей будто бы беременною въ томъ же казематѣ, о гибели ея во время наводненія. Хотя разсказъ этотъ и близокъ къ событію, но, не опровержимые документы доказываютъ, что или сторожъ ошибся или солгалъ, или же самъ Винскій выдумалъ для чего-либо небывалый случай.

«А. З., хорошо знакомый съ мѣстностію, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что въ 1826 году на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, близъ Алексѣевскаго равелина, находилась насыпь, и старожилы крѣпости говорили, что это могила Таракановой.»

Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Тараканова, умершая въ 1775 году, была авантюристка, служившая орудіемъ князю Радзивиллу и брошенная имъ по минованіи въ ней надобности. Графъ Д. Н. Блудовъ по-

лагалъ самою вѣрною догадкою ту, по которой считаютъ ее дочерью какого-то трактирщика въ Прагѣ. Но онъ же говорилъ, что «дѣйствительно существовали братъ и сестра Таракановы, имѣвшіе то происхожденіе, которое приписывала себѣ умершая въ крѣпости искательница приключеній. Фамилія имъ была дана отъ слободы Таракановки, мѣста рожденія графа А. Г. Разумовскаго, отца ихъ. Сестра была послушницею, а потомъ монахиней въ Вознесенскомъ монастырѣ московскаго Кремля, и на ея-то похороны, въ началѣ нынѣшняго вѣка, собрались, какъ извѣстно, всѣ жившіе въ Москвѣ члены и родственники фамиліи Разумовскихъ. Братъ ея жилъ въ какомъ-то монастырѣ, кажется, близъ Переяславля-Залѣсскаго, и въ первыхъ годахъ нашего вѣка горько жаловался на свою участь.»

Другое лицо, также знаменитое приключеніями при Екатеринѣ, нашло себѣ пріютъ въ Русскомъ Архивѣ. Это—Беньовскій, о которомъ напечатана въ № 4 «Записка о бунтѣ, произведенномъ Беньовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ.» Самое событіе не новость въ нашей литературѣ. Старики помнятъ, вѣроятно, еще драму написанную Коцебу. Въ 1822 году, издано было описаніе его приключеній, составленное однимъ изъ его товарищей, казакомъ Рюминымъ. Самъ Беньовскій издалъ свои странствованія по-французски со включеніемъ туда разныхъ романическихъ вымысловъ. Въ недавнее время о немъ сообщены свѣдѣнія въ одной англійской спеціальной книгѣ о Мадагаскарѣ. Откуда взята записка, помѣщенная въ Русскомъ Архивѣ, не говорится; но подробности интересны, и мы повторимъ ихъ вкратцѣ. Венгерецъ Беньовскій служилъ въ Польшѣ въ конфедератахъ; былъ въ 1768 г. взятъ русскими въ плѣнъ, отпущенъ на честное слово не служить въ войскѣ противъ русскихъ, нарушилъ это слово, былъ въ другой разъ взятъ; его сослали въ Казань; оттуда онъ покусился убѣжать, былъ пойманъ и отправленъ въ Большерѣцкъ въ Камчатку, куда и прибылъ въ началѣ 1770 года. На счастіе ему сослали туда же государственныхъ преступниковъ русскихъ офицеровъ: Панова, Степанова и Батурина. Въ Камчаткѣ сошлись они всѣ съ государственными преступниками, сосланными туда въ прежнее время, и составили заговоръ. Начальникъ Камчатки Ниловъ былъ человѣкъ преданный пьянству, предоставилъ имъ свободу ходить и совѣщаться между собою, и еще пригласилъ Беньовскаго учить дѣтей иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Заговорщики склонили на свою сторону кружокъ русскихъ людей, обманувши ихъ, будто вновь привезенные ссыльные терпятъ за великаго князя Павла Петровича. Въ апрѣлѣ 1771 года, они напали на помѣщеніе капитана Нилова, умертвили его, овладѣли казною, ограбили жителей, запаслись провіантомъ и отправились по Большой рѣкѣ въ гавань Чековку; тамъ овладѣли казеннымъ гальотомъ, водрузили на немъ знамя «императора Павла Петровича» и пустились

въ море. Какъ скоро тогда доходили вѣсти, можно судить изъ того, что охотскій комендантъ далъ объ этомъ знать въ Иркутскъ въ августѣ, да и то не съ нарочнымъ, а съ попутчикомъ, ради сбереженія казеннаго интереса; Иркутское губернское правленіе сообщило объ этомъ въ Петербургъ въ октябрѣ; а въ Петербургѣ получили извѣстіе въ январѣ: но тамъ уже знали объ этомъ прежде инымъ путемъ.

Послѣ долгаго странствованія, бѣглецы прибыли 7 іюля 1772 года во Францію въ Портъ-Люи, потерявъ во время пути значительную часть товарищей. Во Франціи, Беньовскій поддѣлался къ тамошнему правительству, и добился того, что ему поручили экспедицію въ Мадагаскаръ; часть прибывшихъ съ нимъ русскихъ бѣглецовъ отправилась съ Беньовскимъ въ эту экспедицію; другіе воротились въ отечество и были сосланы въ Сибирь. Самъ Беньовскій въ началѣ служилъ Франціи на Мадагаскарѣ, въ послѣдствіи же началъ дѣйствовать противъ нее и былъ убитъ французами.

Въ Русскомъ Архивѣ есть записки, относящіяся еще къ одной изъ удалыхъ личностей Екатерининскаго вѣка—Пугачеву; это записки Лукина; но, исключая нѣсколькихъ характеристическихъ чертъ, онѣ неважны. Кромѣ того, въ Русскомъ Архивѣ помѣщено нѣсколько замѣтокъ и матеріаловъ, касающихся знаменитыхъ лицъ XVIII вѣка вообще и въ особенности Екатерининскихъ временъ. Г. Лонгиновъ помѣщаетъ здѣсь отрывки изъ извѣстнаго сочиненія Гельбига Russische Günstlinge, съ собственными примѣчаніями. Сочиненія саксонскаго секретаря Гельбига имѣетъ свою относительную важность; но было бы приличнѣе, если бы русскіе сообщали нѣмцамъ историческія свѣдѣнія о своихъ знаменитыхъ людяхъ, а не нѣмцы съ ними знакомили русскихъ. Есть въ Архивѣ данныя для біографіи Миниха (именно, во время его пребыванія въ Сибири), Мельгунова, Потемкина, Рѣпнина, Чернышевыхъ, Мамонова. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ генералъ-адъютантовъ и любимцевъ Екатерины II, котораго, въ минуты своего къ нему благорасположенія, какъ говорятъ, она производила отъ крови Мономаха. За любовь къ княжнѣ Дарьи Щербатовой, сиротѣ проживавшей во дворцѣ, дочери отца, прогнавшаго мать ея вмѣстѣ съ нею въ малолѣтствѣ, Мамоновъ былъ удаленъ въ Москву, но потомъ продолжалъ, какъ показываютъ письма, напечатанныя въ Р. А. № 5 и 6, переписываться съ государыней. Екатерина была милостива и къ его супругѣ, но онъ изъявлялъ готовность даже оставить свою семью (т. е. жену, по способу выраженія XVIII вѣка), если это подастъ ему случай показать усердіе и ревность, и онъ можетъ загладить свой проступокъ. Къ этой амурной исторіи относится помѣщенное въ № 12 письмо Потемкина къ Екатеринѣ, гдѣ онъ утѣшаетъ императрицу: «Какъ вещи открываются,

тогда лучше слѣды видны; амуришка этотъ давній; я слыхалъ прошлаго года, что онъ изъ-за стола посылывалъ ей фрукты: тотчасъ смѣтилъ; но не имѣлъ точныхъ уликъ, не могъ утверждать предъ тобою, матушка, однакожъ намекнулъ; мнѣ жаль было тебя, кормилица, видѣть, а паче несносна была его грубость и притворныя болѣзни. Будьте увѣрены, что онъ наскучитъ съ своею Дульцинеею, и такъ ужъ тяжело платить за нее долгъ 30,000; а онъ деньги очень жалуетъ. Ихъ шайка была наполнена фалши, и сколько плели они разныхъ притворствъ скрывать интригу! Ты, матушка, не мстительна, то я и совѣтую безъ гнѣву отправить друга и ментора хотя въ Швейцарію министромъ; pour quoi le retenir ici avec sa femme, qui est une exécrable intriguante.»

Ко временамъ Александра I матеріаловъ въ Р. А. вообще мало; любопытенъ отрывокъ изъ записокъ графа В. А. Перовскаго о пребыванія его у французовъ въ 1812 году (№ 3). Къ той же эпохѣ относятся статьи (№ 4 и № 7) о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, распространенныхъ Наполеономъ въ Россіи.

Къ царствованію Николая I относятся: «Отрывокъ изъ записокъ Бенкендорфа» о путешествіи императора Николая I въ 1836, когда онъ сломалъ себѣ руку (№ 2), и разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго дворца въ 1837 году (№ 9).

Кромѣ всего этого, въ Р. А. помѣщено достаточно біографическихъ матеріаловъ касающихся русскихъ писателей: Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Долгорукаго, Шевырева, Крылова и Шишкова.

Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II (1785—1789 г.), переводъ съ французскаго. Спб.

Мало такихъ эпохъ въ исторіи, которыя были бы такъ знаменательны, такъ интересны для размышленія надъ судьбою человѣческаго движенія, такъ богаты послѣдствіями и притомъ такъ своеобразны, какъ эпоха Екатерины II. Это тридцатичетырехлѣтнее послѣдовательное построеніе гражданственности, эпоха укрѣпленія новыхъ началъ въ русской жизни и примиренія ихъ со старыми. Хоть издавна сдѣлалась у насъ стереотипною фразою, что эпоха Екатерины была какъ бы продолженіемъ времени Петра Великаго, но, присмотрѣвшись поглубже въ духъ двухъ царствованій, явится множество такихъ сторонъ, которыя, будучи сложены вмѣстѣ для означенія характера того и другого царствованія, представятъ не только различія, но и рѣзкія противоположности. Петръ — русскій, силившійся сдѣлаться нѣмцемъ, Екатерина — наоборотъ. Петръ чѣмъ болѣе чувствовалъ трудность сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ему быть не судила судьба съ рожденія, тѣмъ упорнѣе хотѣлъ разорвать союзъ со старымъ, тѣмъ безжалостнѣе хотѣлъ ломать то старое; Екатеринѣ, желавшей сдѣ-

латься русскою, не нужно было ломать русской старой народности; напротивъ, она должна была сохранять ея основы, подлаживаться къ ней; Екатеринѣ не нужно было разрывать связи съ европейскою цивилизаціею, подобно какъ Петръ для этой цивилизаціи жертвовалъ московскимъ строемъ убѣжденій и бытовыхъ условій; причина была естественна: легче усвоить признаки низшаго строя, сроднившись съ высшимъ, чѣмъ наоборотъ. Легче образованному человѣку войти въ роль невѣжды, чѣмъ невѣждѣ въ роль образованнаго человѣка; легче ученому спуститься до уровня простака, чтобы понятною для него рѣчью сказать ему истины науки, чѣмъ простаку дойти до уровня ученаго. Примиреніе подломленнаго стараго съ еще не укротившимся новымъ могло наступить для Россіи только тогда, когда верховная власть показала сознательный примѣръ усвоенія русскихъ началъ, и притомъ такая власть, которая возрасла въ нерусской средѣ: ибо только такимъ путемъ показалось бы уваженіе къ тому, что уже было загнано и заклеймено. Екатерина, къ счастію Россіи, приняла эту миссію, какъ женщина геніальная: она, по своей природѣ, стояла безспорно выше всего, что въ ея время было въ Европѣ правящаго и организующаго. Безполезно было бы толковать о заслугахъ великой женщины, оказанныхъ Россіи: кто же не знаетъ присоединенія западно-русскихъ земель и покоренія Черноморскаго берега. Но важнѣйшее историческое значеніе, самая крупная заслуга Екатерины, это созданіе русскаго общества. До нея было государство и былъ народъ. Русскіе люди принадлежали или тому или другому, а не принадлежали обоимъ вмѣстѣ. Какъ общественный человѣкъ, русскій не сознавалъ себя. Онъ былъ или служилый или неслужилый. Въ первомъ случаѣ, чѣмъ выше онъ стоялъ, тѣмъ больше хотѣлъ быть нерусскимъ. Образованность и русская народность были противоположности. Примѣръ Ломоносова не могъ уничтожить этого предразсудка. Талантливый холмогорскій рыбакъ былъ потому и русскимъ, что, не смотря на свое нѣмецкое воспитаніе, оставался простолюдиномъ. Десять такихъ Ломоносовыхъ не имѣли бы столько силъ, чтобы согласить эти противоположности и создать русское общество, для чего необходимо было внушить уваженіе къ русской народности. Развѣ только тогда, когда бы изъ подобныхъ Ломоносовыхъ въ области науки и литературы были люди, которые, не переставая быть русскими, сдѣлались въ тоже время людьми великими для всего образованнаго человѣчества и необходимыми для всеобщей образованности, но этого быть не могло; мы думаемъ, если бы Ломоносовъ былъ истинно геніальный человѣкъ, двигатель просвѣщенія не только въ своемъ отечествѣ, но во всемъ образованномъ человѣчествѣ, онъ бы пересталъ быть русскимъ. Все равно какъ теперь, если бы мордвинъ или чувашъ, получивъ образованіе, сдѣлался, по дарованію, первымъ русскимъ писателемъ — трудно было

бы допустить, чтобъ онъ оставался мордвиномъ или чувашомъ; онъ, конечно, могъ бы любить свое племя, даже могъ бы трудиться для его развитія, но все таки онъ по воспитанію, по привычкамъ, по умственному общенію былъ бы русскій, а никакъ не мордвинъ, не чувашъ, по очень простой причинѣ: потому что нѣтъ ни мордовскаго, ни чувашскаго общества. Потоптанное Петромъ I уваженіе къ русской народности могло возстановиться только тогда, когда наоборотъ — окажутъ къ ней уваженіе иноземцы и не устыдятся въ свою очередь дѣлаться русскими, такъ какъ русскіе охотно, если не дѣлались, то стремились сдѣлаться нѣмцами. Екатерина показала этотъ примѣръ. Ея важнѣйшіе поступки стремятся къ одной великой цѣли — создать общество. Такое значеніе имѣютъ: дарованіе дворянской грамоты, городовое положеніе, заведеніе банковъ, учрежденіе Вольнаго экономическаго общества, заведеніе народныхъ училищъ, замѣненіе слова «рабъ» словомъ «подданный», но болѣе всего покровительство русской литературѣ принятіемъ на себя, между прочимъ, даже званіе русской писательницы. Все вокругъ нея дышало этой мыслью. Ею проникнута была и дѣловая и домашняя жизнь Екатерины. Отъ ней началось наше общество, и каково бы оно ни было, какія бы недостатки мы въ немъ ни подмѣчали въ послѣдующее и въ наше время, какіе бы повороты не испытывала его исторія, всегда мы должны будемъ обращаться ко временамъ Екатерины, потому что тамъ, какъ въ источникѣ, будемъ находить основы тѣхъ главнѣйшихъ признаковъ, какими можетъ отличаться наше общество; тамъ придется искать точки опоры для кореннаго разрѣшенія важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ. Изученіе царствованія Екатерины — дѣло самой первой важности въ русской исторіи. Поэтому насъ радуетъ появленіе въ печати всего, что только можетъ служить матеріаломъ для этой части отечественной исторіи, но намъ кажется, что иностранные источники слѣдуетъ издавать и переводить цѣликомъ безъ исключеній и урѣзокъ, а если почему либо это невозможно, то нечего за то и браться. Намъ кажется, царствованіе Екатерины такъ уже далеко отошло отъ насъ въ глубину исторіи, что намъ нечего стѣсняться, и можно смѣло слышать всю правду и знать написанное иностранцами какъ о личности государыни, такъ и о средѣ, окружавшей ея, тѣмъ болѣе, что никакіе слабости и пороки, никакія темныя стороны не могутъ уничтожить того величія, которое остается съ нею и съ ея царствованіемъ въ исторіи: очищенное критикою, укрѣпленное свободнымъ взглядомъ, освобожденное отъ рабской скрытности и притворства, оно еще свѣтлѣе покажется вѣкамъ. Неужели мы предоставимъ иностранцамъ, прежде насъ самихъ, уразумѣть, объяснить и увѣковѣчить въ наукѣ эту великую эпоху — эту истинную славу нашей исторіи?

Ученыя записки Императорской Академіи наукъ, т. VI, кн. 1. Археологическая статья г. Срезневскаго: *Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ памятникахъ.* Описаны памятники: *запись на камнѣ при храмѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ (XIII в.) и Каменецкая вежа.* Послѣдняя въ Каменцѣ (нынѣ мѣстечко Брестъ-Литовскаго уѣзда) построена въ XIII в. великимъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ, о чемъ осталось извѣстіе въ Волынской лѣтописи (по Ипатьевскому списку стр. 222): «създа же въ немъ (т. е., въ городѣ Каменцѣ) столбъ камянъ высотою 17 саженъ, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань.» Такъ какъ это одинъ изъ очень немногихъ памятниковъ стариннаго зодчества, то считаемъ не лишнимъ привести описаніе его вида въ настоящее время. Внушающая уваженіе толщиною зубчатыхъ стѣнъ башня (1 сажень и 2 вершка) даетъ поводъ заключить, что она была въ свое время крѣпостью. Поднимаясь на значительную высоту (12 саженъ и 2 аршина), она владѣетъ большимъ пространствомъ вдаль, особенно къ сѣверовостоку ее видно на разстояніи 15 верстъ. Самая гора, на которой стоитъ башня на самомъ берегу рѣки, по всѣмъ признакамъ насыпная: правильный, круглый видъ и крутой подъемъ на высоту двухъ саженъ доказываетъ это. Діаметръ столпа шесть саженей. Онъ раздѣленъ на четыре этажа; первый сохранился со сводчатымъ потолкомъ; отъ другихъ осталось нѣсколько перегнившихъ деревянныхъ балокъ.

Окна узкія (4 вершка), длинныя въ ростъ человѣка, вѣрно, для военныхъ дѣйствій. Только на четвертомъ этажѣ четыре большихъ окна въ четыре стороны свѣта, для наблюденій, и пятое узкое. Вверху сводъ. Стѣны оканчиваются тупыми зубцами; внизу большой каменный погребъ. Столпъ построенъ изъ краснаго кирпича; глиняная смазка и известковые кирпичи такъ отвердѣли вѣками, что весь столпъ словно одинъ большой камень. Попытка помѣщика покойника Комаржевскаго, разбить столпъ на кирпичь, кончилась ничѣмъ: нельзя отдѣлить ни одного кирпича. Теперь столпъ стоитъ пустой, ни къ чему негодный; сводъ столпа покрытъ пластомъ песку и на немъ растутъ одно зелье и деревцы.

Другая статья академика Срезневскаго: *Труды М. И. Строева,* имѣетъ важность для біографіи извѣстнаго нашего археолога. При ней приложено разсужденіе Строева «о древнихъ лѣтописныхъ сборникахъ и о византійскомъ источникѣ Нестора.»

Статья Погодина: *Гедеоновъ и его система происхожденія варяговъ и Руси,* есть защита норманнской системы противъ критики на нее. При ней приложены замѣчанія академика Куника, въ которыхъ бросается въ глаза сопоставленіе сходства словъ: «Земля наша велика и обильна,» влагаемыхъ нашею лѣтописью новгородцамъ и ихъ союзникамъ, со словами: «Terram latam et spatiosam et omnium rerum

copia refertam etc.», которыя влагаетъ лѣтописецъ Видукиндъ бриттамъ, призывавшимъ Генгиста и Горзу съ саксами.

Статья академика Пекарскаго: *Путешествіе Делиля въ Березовъ* — кромѣ относящагося къ спеціальности астронома, содержитъ нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ, а также извѣстіе о Меньщиковѣ и другихъ извѣстныхъ лицахъ XVIII вѣка.

Ученыя записки Императорской Академіи наукъ, т. VII, кн. II.

Статья академика Срезневскаго о спискахъ Ефрема Сирина заключаетъ, между прочимъ, любопытный списокъ Галицкій XIII вѣка. Найдено въ этихъ спискахъ русское сочиненіе Георгія черноризца монастыря Зарубскаго (въ Кіевской области, на правой сторонѣ Днѣпра противъ устья Трубежа), гдѣ есть нѣкоторыя черты, объясняющія пріемы старинныхъ увеселеній: «Смѣха бѣгай лихаго, скомороха и слато чьхара (?) и гудця и свирця нѣ оуведи оу домъ свои глума ради, поганьско бо то есть, а не крестьянско, да любяй та глумлѣнія поганъ есть» и проч.

Ученыя записки Императорской Академіи наукъ, т. VIII, кн. I.

Здѣсь помѣщена статья академика Гамеля: *Англичане въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ*, гдѣ изложены біографіи Кабота, Уильби, Ченслера, путешествія: Дженкинсона, Рандольфа и проч. Авторъ останавливается особенно на путешествіи Традескантовъ (о чемъ онъ написалъ уже цѣлую книгу) естествоиспытателей, посѣщавшихъ Россію.

Записки Императорскаго Археологическаго общества. Спб.

I. *Монеты джучидскія, джагатайскія, джелаиридскія и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша.* И. С. Савельева.

II. *Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія (съ таблицею рисунковъ).* Д. М. Прозоровскаго.

Сочиненіе г. Прозоровскаго — одно изъ замѣчательныхъ археологическихъ изслѣдованій въ русской литературѣ. Методъ его своеобразный: изслѣдованіе ведется не съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ, а наоборотъ. Такой способъ археологическихъ изысканій избранъ удачно, и, по нашему мнѣнію, можетъ быть примѣненъ ко многому въ области археологіи и даже исторіи. Онъ имѣетъ на своей сторонѣ ту выгоду, что здѣсь соблюдается естественный переходъ отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, и такимъ образомъ многое само собою объясняется. Изслѣдованіе строго держится въ избранныхъ границахъ, указанныхъ самымъ названіемъ книги, и избавлено отъ всякихъ ненужныхъ отступленій и потому отличается ясностью и читается легко, не смотря на то, что всѣ его страницы покрыты ариѳметическими выводами. Къ книгѣ присоединены четыре приложенія, изъ кото-

рыхъ особенно важны, второе: «Значеніе древнихъ вѣсовыхъ единицъ, съ переводомъ ихъ въ единицы нынѣшняго вѣса», и третье: «Значеніе древнихъ монетныхъ единицъ съ переводомъ ихъ на нынѣшнюю цѣнность.» Достоинство этого изданія увеличивается приложеніемъ къ нему азбучнаго указателя именъ и предметовъ. Обычай прилагать къ сочиненіямъ ученаго содержанія указатели, прежде когда-то распространенный, теперь къ сожалѣнію рѣдокъ. Желательно, еслибъ онъ возобновился.

Каталогъ русскимъ монетамъ, хранящимся въ музеѣ Императорскаго Археологическаго общества. Д. Прозоровскаго. Спб.

Перечень монетъ съ обозначеніемъ вѣса. Почти всѣ безъ описанія со ссылками на Шодуара, Рейхеля и Черткова. Есть немного монетъ удѣльныхъ земель: Рязани, Новгорода, Пскова. Монеты Московскаго государства начинаются съ Василія Темнаго.

Извѣстія Императорскаго Археологическаго общества. т. V, вып. VI.

Кромѣ каталога русскихъ монетъ, напечатаннаго также и отдѣльно, здѣсь помѣщены краткія извѣстія о печатяхъ царя Алексѣя Михайловича, о старинномъ чертежѣ, изображающемъ выступленіе стрѣльцовъ противъ Разина, списокъ дѣвицъ, представленныхъ царю Алексѣю Михайловичу въ 1670—71 годахъ, и письма гг. Рыбникова и Лерха о найденныхъ въ Олонецкой губерніи каменныхъ орудіяхъ. Особеннаго вниманія г. Лерха заслужилъ каменный боевый топоръ съ изображеніемъ животнаго, что́, по его замѣчанію, встрѣчается рѣдко. Затѣмъ этотъ выпускъ извѣстій занятъ указателями именъ и предметовъ въ V тому. Къ выпуску приложены рисунки, изображающіе орудія каменнаго вѣка.

Акты, издаваемые коммисіею Высочайше утвержденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ, т. I. Акты Гродненскаго земскаго суда. Вильно.

Эти акты печатаются изъ собранія Виленскаго центральнаго архива, гдѣ хранятся 19,279 актовыхъ книгъ, доставленныхъ изъ 138 судебныхъ мѣстъ.

Документы, объясняющіе исторію западнаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ. Напечатаны по опредѣленію Археографической коммисіи. Спб.

Изъ 34, помѣщенныхъ здѣсь документовъ, двѣнадцать извлечены изъ грекоуніатскаго архива и отчасти изъ рукописей Публичной библіотеки. Остальные перепечатаны изъ прежнихъ изданій. Къ нимъ при-

ложены французскіе переводы; предпослано изслѣдованіе, также съ приложеніемъ французскаго перевода.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографическою коммисіею, томъ II, ч. 1599—1637.

Актовъ, относящихся къ означенному періоду 59. Кромѣ того, въ прибавленіи помѣщено сто восемь актовъ ранняго періода, отъ 1266 до начала XVII вѣка. Много актовъ, относящихся къ уніи и борьбѣ православія съ латинствомъ, также объясняющихъ устройство и бытъ казаковъ въ XVI вѣкѣ и относящихся къ торговлѣ, промысламъ и хозяйственному управленію королевскихъ имѣній. Кромѣ 167 актовъ — приложенія, гдѣ помѣщены полемическія сочиненія Іоанна изъ Вишни, монаха Аѳонской горы и іеродіакона Леонтія, относящіяся къ исторіи уніи и состоянію общества въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи. Спб.

Въ этомъ изданіи помѣщено изслѣдованіе г. Калачова: «Очеркъ историческаго быта великорусскихъ крестьянъ XVII вѣка», отличающееся, какъ и всѣ вообще статьи г. Калачова, точностію и ясностію. Это изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, важно особенно потому, что наводитъ насъ на вопросы, которые въ настоящемъ состояніи науки должны быть намѣчены къ обработкѣ и возможному разрѣшенію. Г. Калачовъ справедливо указываетъ, что закрѣпленіе великорусскихъ крестьянъ, которое развилось и установилось въ теченіе XVII вѣка, истекало не столько изъ закона о прикрѣпленіи, сколько изъ условій самой жизни. Помѣщики, люди служилые, получая за службу земли, необходимо должны были стараться имѣть постоянныхъ воздѣлывателей этихъ земель, и потому принимали крестьянъ, стараясь заключить съ ними наиболѣе выгодныя для себя и тяжелыя для нихъ условія; крестьяне же, съ своей стороны, люди бѣдные, должны были поневолѣ соглашаться, и особенно способствовалъ этому обычай давать крестьянамъ впередъ деньги съ условіемъ, что если они не заплатятъ ихъ въ срокъ, то обязаны жить навсегда у заимодавцевъ.

Г. Калачовъ обращаетъ вниманіе на экономическій бытъ и съ полною справедливостію ищетъ въ немъ разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся крестьянскаго быта: онъ находитъ, что бытъ крестьянъ былъ преимущественно земледѣльческій, но земледѣліе не доставляло крестьянину средствъ къ безбѣдному существованію при тогдашнихъ условіяхъ жизни.

Г. Калачовъ не беретъ на себя отыскать причину этого: не ставимъ ему въ вину этого отказа, но думаемъ, что этотъ вопросъ, имъ указанный, именно долженъ быть предметомъ разсмотрѣнія; равнымъ образомъ, не можемъ не припомнить при этомъ мысли г. Щапова, вы-

раженной имъ въ статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» за нынѣшній годъ, объ оскудѣніи рыболовнаго и звѣринаго промысловъ— мысли только брошенной, но нуждающейся въ повѣркѣ и оцѣнкѣ научнымъ образомъ. Съ своей стороны, мы думаемъ (вполнѣ сознавая, что мысль наша также нуждается въ подробномъ изслѣдованіи), что важнѣйшая причина, съ одной стороны, народнаго шатанія, препятствовавшаго полученію надлежащихъ средствъ къ обогащенію; съ другой— строгихъ мѣръ къ удержанію земледѣльческаго класса на постоянныхъ мѣстахъ, была растяжимость Московскаго государства на востокъ, которая въ громадномъ размѣрѣ дала себя почувствовать при Иванѣ Грозномъ, послѣ пріобрѣтенія Поволжья и покоренія Сибири, а также подвинувшая народъ на югъ въ казачество. Въ этомъ, намъ кажется, ключъ всей загадки. Но тогда естественно возникаетъ вопросъ: почему бытъ земледѣльцевъ въ теченіи предшествовавшихъ вѣковъ сложился такъ невыгодно, что они легко могли оставлять свои земли, свою родину и искать лучшаго пріюта?

На это можно сказать вотъ что: колонизація была въ духѣ русскихъ славянъ; ея источника слѣдуетъ искать въ тѣхъ отдаленныхъ временахъ, о которыхъ едва сохранились историческія извѣстія. Еще до основанія Русскаго государства, русскіе славяне заселяли немалую часть материка нынѣшней европейской Россіи. Съ XI вѣка, мы видимъ движеніе ихъ на востокъ. Одинъ путь — былъ путь Новгородской колонизаціи къ сѣверу и сѣверозападу. Другой — изъ Ростовско-Суздальской земли по Поволжью. Татарское завоеваніе пріостановило стремленіе на востокъ, но не подавило склонности къ колонизаціи вообще въ русскомъ народѣ. Вольный человѣкъ искалъ лучшаго пріюта. Гдѣ было безопаснѣе или льготнѣе, туда приливало населеніе. Такимъ образомъ, возрастаніе Москвы при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ обязано было именно тому, что въ Москву и московскую землю приходили на жительство изъ разныхъ земель и между прочимъ съ юга, гдѣ жить было безпокойнѣе, тогда какъ московскій князь, находясь въ дружбѣ съ ханомъ, обезпечилъ свой удѣлъ отъ татарскихъ посѣщеній. Когда же существовали удѣлы, народъ хоть и терпѣлъ много отъ княжескихъ усобицъ, но по отношенію къ правительственнымъ тягостямъ его положеніе было легче. Такъ какъ изъ одного какого нибудь княжескаго удѣла можно было легко уйти въ другой, то, естественно, князья, чтобъ удержать у себя въ удѣлѣ людей, въ которыхъ была постоянно нужда и для обработки полей и для защиты края, старались расположить ихъ къ себѣ льготами; когда же всѣми землями овладѣла Москва и образовалось единое верховное правительство на всю восточную Русь, то это правительство могло уже смѣлѣе облагать подданныхъ всякими тягостями. Понятно, что подъ властью Москвы стало всѣмъ тяжелѣе. Псковской лѣтописецъ яр-

кими красками изображаетъ перемѣны къ худшему для народнаго благосостоянія со времени московскаго владычества надъ Псковомъ. Это живой образчикъ того, что дѣлалось и чувствовалось вездѣ въ покоренныхъ Москвою земляхъ. Съ быстрымъ возрастаніемъ государства не возрастали экономическія силы, безопасность и гражданское развитіе до такой степени, чтобъ земледѣлецъ чувствовалъ въ своей осѣдлости столько благосостоянія, чтобъ возможность переселенія не искушала его. Онъ и прежде привыкъ шататься съ мѣста на мѣсто, отъ одного землевладѣльца къ другому, такъ понятно, что ничто его не останавливало, когда можно было зайти хоть за тридевять земель отъ прежняго своего обиталища. Кругозоръ его знаній не расширился на столько, чтобъ онъ могъ извлекать больше прежняго пользы изъ своихъ занятій, а безопасность его не стала прочнѣе, когда крымская орда или литовская шайка, во время войны съ Литвою, могли внезапно раззорить его гнѣздо; между тѣмъ налоги и повинности становились все тягостнѣе и тягостнѣе. Московскій государь окружалъ себя царственнымъ величіемъ и пышностію, чего не было у прежнихъ удѣльныхъ князей: это падало на народъ; московскій государь велъ войну въ широкомъ размѣрѣ, долженъ былъ для этого поднимать большія войска и тратить большія деньги на военныя издержки: это падало на народъ. Но всего тягостнѣе для народа былъ произволъ царскихъ чиновниковъ, которыхъ жадность, вымогательства, кривосудіе — вошли въ пословицы во всѣ времена существованія Московскаго государства. При расширеніи государства естественно умножалось число должностныхъ лицъ, а по мѣрѣ отдаленія отъ центра власти ихъ произволъ дѣлался смѣлѣе. Сравнительно, впрочемъ, вѣкъ Ивана Грознаго не такъ былъ тяжелъ для народа, какъ послѣдующія эпохи, въ особенности послѣ потрясенія, сдѣланнаго смутнымъ временемъ. Собранные на соборъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ купцы и посадскіе вспоминали о прошедшемъ времени какъ о такомъ, когда благосостояніе народное было въ лучшемъ видѣ, чѣмъ послѣ, и народу было легче отъ правительства и отъ его чиновниковъ. Но это можно признать только сравнительно; событія же царствованія Грознаго, особенно въ послѣдніе годы, не способствовали благополучію народному. Довольно вспомнить нашествіе Девлетъ-Гирея и раззорительную войну со Стефаномъ Баторіемъ, которая стоила Московскому государству и крови и истощенія силъ. Смерть Грознаго и послѣдовавшее потомъ правленіе Бориса, при слабомъ Ѳедорѣ Ивановичѣ, происходили въ то время, когда великорусскому народу съ разныхъ сторонъ являлись приманки къ переселеніямъ. Московское государство, расширяясь на югъ, строило тамъ города, и люди искали, подъ ихъ защитою, привольнаго житья. Далѣе на югѣ, — на двухъ рѣкахъ Днѣпрѣ и Донѣ, развивалось и быстро возрастало каза-

чество, приглашая къ себѣ любителей воли изъ обоихъ русскихъ государствъ—Московскаго и Литовскаго; а на востокѣ былъ проложенъ путь русской колонизаціи въ неизмѣримую Сибирь. Въ это-то время послѣдовало запрещеніе перехода крестьянъ и прикрѣпленіе ихъ къ землѣ. Если бы не принята была такая мѣра, центръ Московскаго государства могъ бы обезлюдѣть: этого мало, при первомъ государственномъ потрясеніи порвалась бы связь съ новонаселенными краями: чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какимъ гнѣздомъ, такъ называемаго въ тѣ времена, «воровства» сдѣлалась Сѣверская земля въ смутное время, какъ враждебно относились къ государственному порядку казаки, и какъ неохотно и лѣниво помогали дѣлу обороны и спасенія государства Пермская земля, Астрахань и Сибирь. Для государственной цѣлости и для поддержанія средствъ къ защитѣ необходимо было удерживать народъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, и только мало по малу, постепенно, заселять новыя земли. Послѣ ужаснаго переворота, какой испытало Московское государство въ смутное время, эта потребность не только поддерживалась, но въ нѣкоторомъ отношеніи была еще необходимѣе чѣмъ прежде, потому что эпоха смутъ развратила народъ, пріучила его къ безпорядкамъ и своевольствамъ, и правительство должно было послѣ съ трудомъ пріучать его къ порядку. Все разрушать и портить, легче чѣмъ созидать и поправлять: такъ и теперь сдѣлалось. Испорченное въ теченіи какихъ нибудь семи лѣтъ съ трудомъ поправилось въ пятьдесятъ и семьдесятъ. Разнузданность народа въ смутное время отразилась въ XVII в. и обиліемъ разбоевъ, и сѣверскими бунтами, и Стенькою Разинымъ. Русь старая, вѣчевая, еще боролась съ государствомъ. Она тѣмъ ощутительнѣе высказывала свое существованіе, чѣмъ усильнѣе хотѣло подавить ее единовластіе. Крестьяне упирались противъ крѣпостного порядка. Борьба еще далеко не была кончена, когда явился Петръ Великій — геніальный борецъ за государство, достроившій зданіе, которое строили Іоанны, поддерживали Романовы, и которое все еще оказывалось не плотно сложеннымъ. — Въ «Лѣтописяхъ археографической коммиссіи» помѣщены разные акты, относящіеся преимущественно къ церковному управленію и устройству Вологодскаго края. Въ *приложеніяхъ: между* прочимъ, «Краткій лѣтописецъ Троицкой Лавры» и «Три посланія:» 1) Константинопольскаго патріарха къ митрополиту Фотію о Григоріѣ Цамблакѣ (XV в.); 2) иноковъ Аѳонской горы великому князю Василію Ивановичу, о правовѣріи восточной церкви по случаю Флорентинской уніи; и 3) великаго князя Василья Васильевича на Аѳонскую гору о митрополитѣ Исидорѣ, принявшемъ унію.

Исторія Россіи, С. Соловьева, т. XV. Москва.

Это сочиненіе, по своей важности, подлежитъ болѣе полному раз-

бору, — который обѣщанъ для слѣдующей книжки журнала Константиномъ Димитріевичемъ Кавелинымъ.

Исторія войны 1814 года во Франціи и низложеніе Наполеона I, по достовѣрнымъ источникамъ. Сочиненіе генералъ-лейтенанта М. Богдановича, т. I и II. Спб.

Авторъ продолжилъ свой обширный трудъ, изданный имъ въ 1863 году: «Исторія войны 1813 года за независимость Германіи» въ двухъ томахъ. Въ своемъ продолженіи, авторъ обнимаетъ событія отъ прибытія союзниковъ на Рейнъ до заключенія перваго парижскаго мира. Какъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей военной литературѣ, оно подлежитъ внимательному разбору спеціалистовъ въ военныхъ наукахъ. Скажемъ пока одно, что трудъ М. И. Богдановича уже переведенъ на нѣмецкій языкъ саксонскимъ офицеромъ М. Баумгартеномъ. Въ «Вѣнской военной газетѣ» (Wiener Militair-Zeitung. 1865, № 95) и въ «Ученыхъ приложеніяхъ къ Лейпцигской газетѣ» (1865, № 89), нѣмецкіе спеціалисты высказали свое мнѣніе о сочиненіи, предметъ котораго имѣетъ значеніе и для исторіи ихъ отечества. «Какъ для перваго, такъ и для второго труда, говоритъ рецензентъ послѣдняго журнала, авторъ пользовался матеріалами изъ русскихъ архивовъ и доставленными ему изъ частныхъ хранилищъ. Изслѣдованія автора о ходѣ дѣлъ и причинахъ событій основательны и большею частью безпристрастны (umsichtig und meist ohne Einseitigkeit zu Rathe gezogen worden). Геніяльность дѣйствій Наполеона, а равно и благопріятствовавшія ему обстоятельства, споспѣшествуемыя ошибками его противниковъ и несогласіемъ союзниковъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ; участіе различныхъ лицъ въ паденіи низложеннаго въ неровномъ бою величайшаго полководца нашихъ временъ: всѣ эти предметы объяснены столь же обстоятельными, сколько и новыми подробностями. Авторъ обозрѣлъ важнѣйшія поля сраженія и съ помощью старожиловъ изъ туземныхъ жителей ознакомился съ состояніемъ ихъ мѣстности въ эпоху войны. Планы сраженій составлены на основаніи современныхъ топографическихъ картъ. Дѣйствительно — исторія этого похода требовала большого пополненія со стороны русскихъ, и это сдѣлано. I-й томъ заключаетъ въ себѣ событія до нечаяннаго нападенія Наполеона на союзниковъ въ Реймсѣ 1-го (13-го) марта, гдѣ командовавшій россійско-прусскими войсками генералъ графъ Сенъ-Пріестъ былъ раненъ осколкомъ гранаты; по этому случаю, въ Монитёрѣ было сообщено, будто бы та самая легкая батарея, съ которой былъ пораженъ Моро подъ Дрезденомъ, нанесла смертельную рану генералу Сенъ-Пріесту, пришедшему съ татарами опустошать прекрасную Францію. Исторія этого похода имѣетъ особенный интересъ для нѣмецкихъ читателей по первостепенному участію въ немъ принятому ихъ соотe-

чественниками (?). Но зачѣмъ переводчикъ оставилъ безъ измѣненія обозначеніе германскихъ корпусовъ названіями: 1-й германскій *союзный* корпусъ, и проч. Кромѣ того, русскимъ понятіямъ должно быть приписано все то, чтó говорится о великодушной защитѣ независимости Германіи (!). Въ приложеніяхъ помѣщено множество важныхъ документовъ».

Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленные и изданные статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. VII. Воронежская губернія (L и 157 ст.); L. Ярославская губернія (LXIX и 380 ст.); XLI. Таврическая губернія (LI и 138 ст.). Спб.

Вотъ уже шестой годъ, какъ центральный статистическій комитетъ предпринялъ въ высшей степени важное и полезное изданіе списковъ населенныхъ мѣстностей. Изданіе началось въ 1861 г.; съ тѣхъ поръ вышли списки по 21 губерніи: въ 1861 г.: Архангельской, Астраханской, Бессарабской области; въ 1862 г.: Московской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Тульской; въ 1863 г.: Владимірской, Екатеринославской, Калужской, Нижегородской, Симбирской; въ 1864 г.: Земли Войска Донскаго, Самарской, Санктпетербургской, Енисейской; въ 1865 г.: Воронежской, Ярославской и Таврической. Между тѣмъ, едва ли встрѣтится другое изданіе, менѣе распространенное въ публикѣ и менѣе замѣченное литературою: мы знаемъ только статью К. П. Побѣдоносцева въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862, написанную по поводу изданія трехъ первыхъ списковъ, да небольшую, но, очевидно, составленную знатокомъ дѣла замѣтку въ «Сѣверной Почтѣ» 1862 №№ 216 и 217; замѣтка эта потерпѣла, разумѣется, участь всѣхъ газетныхъ статей: она занесена въ библіографическое кладбище г. Межова и не остановила на себѣ ничьего вниманія, хотя въ ней чрезвычайно наглядно указано было все значеніе Списковъ, какъ въ административномъ, такъ и въ научномъ отношеніи и между прочимъ важность ихъ для русской исторіи. Недавнее изданіе г. *Барсова*: «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», можетъ служить примѣромъ неизвѣстности Списковъ. Если бы г. Барсовъ обратилъ вниманіе на Списки населенныхъ мѣстъ, то опредѣлилъ бы многія мѣстности, упоминаемыя въ завѣщаніяхъ московскихъ князей, которыя у него остались безъ опредѣленія, напр. *Аристовское*; въ Московской губерніи есть двѣ мѣстности этого имени въ уѣздахъ: Московскомъ и Богородскомъ; *Протасово* есть тоже въ Московской губерніи въ уѣздахъ: *Московскомъ*, *Богородскомъ*, *Серпуховскомъ*; *Астафьевское* (отказано Семену Ивановичу вмѣстѣ съ Можайскомъ); *Астафьево* встрѣчается въ уѣздахъ: *Клинскомъ*, *Можайскомъ*, *Серпуховскомъ*; село на Сѣверцѣ возбудило недоумѣніе у г. Барсова, онъ ставитъ въ скобкахъ: на Сѣвѣ рѣцѣ; а въ Московской губерніи есть

р. *Северка* (впадаетъ въ р. *Москву*, выше *Коломны*); *Битяговское* село: въ *Московской* губерніи *Подольскаго* уѣзда есть *Битягово; Бѣли* г. Барсовъ ищетъ въ Тверской губерніи, а въ спискѣ Московской губерніи онъ нашелъ бы эту мѣстность въ уѣздахъ *Волоколамскомъ* и *Рузскомъ* (первое можетъ быть ближе); если бы онъ зналъ Списки, то не повторилъ бы о *Вьехани* неопредѣлимыхъ указаній Надеждина и Неволина; а вмѣстѣ съ авторомъ замѣтки въ «Сѣверной Почтѣ» остановился бы на хуторѣ *Бохановъ* (Полтавской губерніи *Роменскаго* уѣзда). Впрочемъ мы здѣсь не разбираемъ во всѣхъ отношеніяхъ полезный трудъ г. Барсова, и упомянули о немъ только за тѣмъ, чтобы показать, какъ мало еще пользовались этимъ изданіемъ; спѣшимъ впрочемъ прибавить, что г. Замысловскій имѣлъ его въ виду при составленіи своего «Учебнаго атласа къ русской исторіи».

Въ ожиданіи подробной оцѣнки всей исторической важности этого изданія, мы рѣшились сказать здѣсь нѣсколько словъ о немъ именно въ этомъ отношеніи.

Списки состоятъ изъ двухъ частей, изъ *общихъ свѣдѣній* о *губерніи* и *самого списка*, составленнаго на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Если мы вспомнимъ, какъ недостаточны наши карты, которыя даже не могутъ заключать въ себѣ всѣхъ мѣстностей, то поймемъ, какъ драгоцѣненъ полный списокъ для историка: онъ указываетъ на тѣ мѣстности, которыхъ никакъ не могли найти, но которыя до сихъ поръ сохранили, если не прежнее историческое имя, то по крайней мѣрѣ очень на него похожее. Возьмемъ примѣръ: въ разсказѣ о нападеніи *Арапши* (Соф. П. С. Р. Л. V, 237): «пойдоша за рѣку за *Піяну*... повѣдаша... Арапшу на *Волчьей Водѣ*... доидоша на *Шипару* (въ *Воскр.* П. С. Р. Л. VIII, 25 пара)», обыкновенно этихъ мѣстъ искали около *Перевоза* (Нижегородской губерніи); Карамзинъ (V, пр. 44) думалъ, что паръ значитъ паръ отъ стана татарскаго, а неособая мѣстность; и Арцыбашовъ *Волчьи Воды* искалъ въ рѣчкѣ, впадающей въ *Донецъ* (II, кн. III, стр. 895), а между тѣмъ въ спискѣ Симбирской губерніи, въ Курмышскомъ уѣздѣ близъ Піяны, встрѣчаемъ и ручей *Волчій Врагъ* и рѣчку *Шипарку*. Другой примѣръ: никто не зналъ, гдѣ *Ширенскій лѣсъ*, въ которомъ въ 1238 г. убитъ татарами кн. ростовскій Василько Константиновичъ. Карамзинъ искалъ его близъ р. Шерны, впадающей въ Клязьму (въ Моск. губ. Богородскомъ уѣздѣ), (III, стр. 366); *Арцыбашовъ* (I, кн. II, стр. 1321) усомнился въ догадкѣ Карамзина, но своего мнѣнія не высказалъ; г. *Соловьевъ* (III, стр. 275) указываетъ на городъ *Серенскъ*, бывшій нѣкогда подлѣ *Мѣщовска* (Калужской губерніи); всѣ эти догадки становятся безполезными, когда узнаемъ, что въ Ярославской губерніи есть село Ширенье (Яр. губ. № 889) и при этомъ читаемъ въ *общихъ свѣдѣніяхъ о губерніи*, составленныхъ г. Артемьевымъ: «Ширеньскій или Шернскій лѣсъ су-

ществуетъ подъ этимъ названіемъ доселѣ; онъ лежитъ въ югозападномъ углу Ярославскаго уѣзда, гдѣ сходятся границы уѣздовъ Романово-Борисоглѣбскаго и Угличскаго.» «Здѣсь же находится и пустошь Василки», на которой по мѣстнымъ преданіямъ, происходила какая-то стычка съ татарами» (XXIX — XXV). Эта мѣстность не далеко отъ Ростова; этимъ и объясняется почему *етера* жена, вѣроятно, изъ Ростова узнала трупъ князя (уже потому надо думать, что она отъ Ростова, что объ этомъ *увѣдала* княгиня Василькова и епископъ Кириллъ). Пока довольно этихъ немногихъ замѣтокъ, чтобы указать на важное значеніе Списковъ и на необходимость провѣрить ими всѣ труды по исторической географіи.

Общія свѣдѣнія тоже чрезвычайно интересны для историка во многихъ спискахъ особенно въ тѣхъ, которые изданы г. Арсеньевымъ, однимъ изъ первыхъ у насъ знатоковъ и этнографіи и исторіи русской; имъ изданы списки: Астраханской губерніи, Бессарабской области, губерній Саратовской, Симбирской, Самарской и Ярославской. Во всѣхъ этихъ общихъ свѣдѣніяхъ, не смотря на сжатую форму изложенія, встрѣчается чрезвычайно много фактовъ и соображеній, касающихся какъ древняго населенія края, такъ равно колонизаціи его русскими; гдѣ сдѣланы археологическія изысканія, тамъ вкратцѣ указаны ихъ результаты; а тамъ, гдѣ изысканія могли бы быть сдѣланы, но ихъ еще не было, указано на эту возможность; принято во вниманіе все, что сдѣлано наукою. Словомъ, если бы авторъ не поскупился на ссылки и не ограничивался по большей части намеками, понятными для посвященныхъ, то можно бы смѣло сказать, что лучшаго руководства для начинающихъ заниматься русскою исторіею и указателя для тѣхъ, кто уже занимается, и желать нельзя при современномъ положеніи науки. Таково введеніе въ вышедшемъ въ прошломъ году Спискѣ Ярославской губерніи; въ немъ историкъ найдетъ любопытныя соображенія объ ославяненіи мери; замѣчанія о значеніи монастырей, о татарскомъ владычествѣ, о раздробленіи рода ростовскихъ князей, о селахъ, служившихъ столицами этимъ князьямъ-помѣщикамъ (замѣтимъ, что вопросъ о потомкахъ удѣльныхъ князей, обратившихся въ помѣщиковъ, о «княжатахъ», какъ ихъ звали при Грозномъ, весьма любопытенъ, и, какъ ни мало свѣдѣній къ нему относящихся, заслуживалъ бы того, чтобы эти свѣдѣнія были собраны и оцѣнены).

Статистическій комитетъ не разъ взывалъ къ мѣстнымъ жителямъ, прося доставлять поправки и замѣчанія; неужели этому воззванію суждено вѣчно оставаться «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ?»

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Составляя програму нашего журнала, мы помѣстили по срединѣ его, между вопросами *науки*, какъ они разрѣшаются въ литературѣ, и вопросами *жизни*, какъ они бываютъ понимаемы и удовлетворяемы современною исторіею, между опытомъ прошедшаго и попытками настоящаго, именно рядъ тѣхъ вопросовъ, которые связываютъ науку и жизнь, вытекая изъ первой и сильно воздѣйствуя на послѣднюю. Таково значеніе народнаго образованія и общественнаго воспитанія. Оглядываясь на свое историческое прошедшее, мы можемъ сказать, что нами сдѣлано все, или почти все, что можно было совершить, такъ сказать, правительственнымъ путемъ, и поддержать національными способностями. То, что оставалось бы осуществить въ нашей исторіи, можетъ быть сдѣлано общественными силами, а эти силы слабы безъ извѣстнаго капитала знанія и образованности. Вотъ, потому эпоха пріобрѣтенія познаній и тѣ, которые, по своему возрасту, въ настоящую минуту совершаютъ эту эпоху, должны составлять предметъ всеобщихъ заботъ. Какое бы преобразованіе ни было задумано, оно не прочно, если въ основѣ всего не лежатъ народныя школы. Особенно у насъ, педагогія — конечно, не въ своихъ мелочахъ — есть дѣло государственной важности. Впрочемъ, вопросы народнаго образованія, разсматриваемаго съ этой точки зрѣнія, мы будемъ обыкновенно относить къ нашей исторической хроникѣ, гдѣ они явятся въ связи со всѣмъ прочимъ, что оказываетъ вліяніе на настоящія историческія судьбы современныхъ обществъ; въ этомъ же отдѣлѣ, мы намѣрены ограничиваться только тѣмъ, что непосредственно и ближе относится къ школѣ.

О мѣстѣ классическаго образованія въ общемъ ходѣ народной образованности. — О методѣ и матеріалѣ историческаго преподаванія. — Новыя къ тому пособія: сборники историческихъ источниковъ. — Споры о цѣли и значеніи историческаго преподаванія въ Пруссіи.

Послѣднее время и, даже можно сказать, послѣдніе дни, мы провели въ ожесточенной борьбѣ за классицизмъ и реализмъ въ устройствѣ общественныхъ школъ для образованія юношества. Свидѣтели этого спора могутъ теперь притти къ одному справедливому заключенію, которое можно вывести изъ аргументовъ, приводимыхъ обѣими сторонами, а именно; что чему бы ни учили, лишь бы *хорошо* учили, и всегда можно будетъ притти къ хорошему результату. Впрочемъ, эту истину можно было высказать, не ожидая конца самаго спора, — такъ она очевидна сама собою. Дѣйствительно, едва ли защитники классицизма или реализма рѣшились бы мистически утверждать, что въ древнихъ языкахъ или въ естественныхъ наукахъ заключается такая таинственная образовательная сила, что, какъ бы ни обучали имъ, высокое вліяніе ихъ на развитіе способностей и характеръ воли обучающагося неизбѣжно. Нельзя также сказать, чтобы исторія школы въ Россіи достигла того высокаго пункта, на которомъ и классическое образованіе и реальное упрочили бы совершенно свое положеніе, получили бы полную гражданственность, и мы отъ избытка силъ, въ свободное время, поспорили бы о томъ, которое изъ нихъ лучше. Но дѣйствительность состоитъ именно въ томъ, что мы прежде нежели довели у себя классицизмъ и реализмъ до *хорошаго* состоянія, начали не съ дѣла, а со спора, что изъ нихъ *лучше*. У насъ, должно сознаться, мало наличныхъ силъ, чтобы осуществить, какъ слѣдуетъ, которое нибудь изъ тѣхъ двухъ направленій, а мы уже споримъ о ихъ относительномъ превосходствѣ. Такимъ образомъ, въ исторіи нашей школы, какъ то у насъ случается и въ обыденной жизни, мы не имѣемъ самаго обыкновеннаго комфорта, а уже роскошь существуетъ. И мы считаемъ именно роскошью такой споръ о классицизмѣ и реализмѣ, который ведется въ виду мало удовлетворительной дѣйствительности какого бы то ни было преподаванія у насъ, будетъ-ли то классическое, или реальное. Намъ приходится у себя болѣе читать о пользѣ того или другого мнѣнія для образованія, нежели видѣть эту пользу своими глазами.

И дѣйствительно, собственно споръ идетъ о *матеріальной*, такъ сказать, сторонѣ дѣла, о *матеріалѣ*, о содержаніи преподаванія наукъ въ томъ разрядѣ учебныхъ заведеній, чрезъ которые, если проходитъ не численное большинство населенія, то довольно значительная его часть, которая, по степени своего образованія, займетъ важное мѣсто въ народной жизни, какъ представительница средней величины ея интеллектуальныхъ и экономическихъ силъ. Даже, можно сказать, споръ родился отъ случайнаго обстоятельства, а именно отъ того, что Уче-

ный Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія при составленіи новѣйшаго гимназическаго устава употребилъ одно и тоже названіе для классическихъ и реальныхъ школъ, и назвалъ всѣ *гимназіями.* Многіе аргументы защитниковъ классицизма падутъ сами собою, если мы оставимъ названіе гимназій тѣмъ школамъ, въ которыхъ преподаются древніе языки, и откроемъ рядомъ съ ними высшія народныя училища, которыя мы называемъ теперь реальными гимназіями. Можно ли серьезно утверждать, что напримѣръ, изъ Петербурга въ Петергофъ можно попасть только по желѣзной дорогѣ, что тотъ, кто садится на пароходъ съ тою же цѣлью, или, за неимѣніемъ средствъ и для того, идетъ пѣшкомъ, тотъ доказываетъ только свое невѣжество, непониманіе выгоды высшихъ средствъ къ сообщенію и т. д. Рѣшатся ли защитники классицизма утверждать, что, кромѣ гимназій, нѣтъ надобности ни въ какихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ для массы общества, которая должна такимъ образомъ или довольствоваться нисшими училищами, или непремѣнно проходить чрезъ гимназію, какъ классическое учебное заведеніе?

Но послѣднее есть вопросъ скорѣе экономическій, чѣмъ педагогическій. Мы понимаетъ извѣстное желаніе, чтобы «у каждаго была курица въ супѣ»; но, безъ сомнѣнія, лицо, выразившее такое желаніе, для осуществленія его думало бы не о томъ, чтобы найти средство въ дѣйствительности снабдить всѣхъ курицами, но улучшить бытъ страны и содѣйствовать къ тому, чтобы каждый могъ направить свои силы къ достиженію благоденствія. Можно желать также, чтобы каждый имѣлъ довольно свободнаго времени отъ трудовыхъ часовъ надъ матеріальною работою, для упражненія въ литературѣ и особенно въ литературѣ классической, но можно ли этого достигнуть снабженіемъ всѣхъ латинскими грамматиками? Желать устремленія цѣлаго общества на такъ называемое классическое образованіе, значило бы собственно желать вмѣстѣ такого высокаго экономическаго развитія страны, какое не мыслимо въ настоящую минуту; поддерживать же его сильными искусственными мѣрами, значитъ достигнуть не болѣе, какъ тѣхъ результатовъ, которые достигались въ нашихъ семинаріяхъ, этихъ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ, и которыхъ желать для всего русскаго общества нѣтъ никакой возможности. Другое дѣло, если классическое образованіе было бы вызвано самимъ обществомъ; тогда всѣ возраженія противъ него были бы напрасны уже по одному тому неопровержимому положенію, что все, выходящее свободно изъ общественнаго развитія, никогда не останется безъ пользы.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что правительству ничего не остается, какъ рѣшить вопросъ о классицизмѣ всеобщею подачею голосовъ? Но едва ли что нибудь могло быть страннѣе подобнаго способа рѣшать педагогическіе вопросы. О немъ нельзя говорить серьезно; притомъ и въ

другихъ отношеніяхъ, большихъ и малыхъ, suffrage universel не всегда выражаетъ дѣйствительное настроеніе общества. Спрашиваемъ также: можно ли найти въ лѣтописяхъ западныхъ народовъ, чтобы распространенное тамъ обученіе классическихъ языковъ проистекало вслѣдствіе какихъ нибудь диспутовъ и было результатомъ приговора специалистовъ-педагоговъ? Не помогла ни въ этомъ дѣлѣ ихъ исторія, церковь и т. д. [1]) Правильны или не правильны были требованія исторіи, церкви, но во всякомъ случаѣ они дѣйствительно существовали, и вы могли бы западнымъ народамъ доказывать убѣдительнѣйшимъ образомъ, что классическіе языки не заключаютъ въ себѣ никакого таинственнаго вліянія на развитіе умственныхъ способностей, кромѣ того, которое является вслѣдствіе каждаго серьезнаго и дѣльнаго изученія; но никто не послушался бы такихъ доказательствъ, и всѣ были бы правы: знаніе классическихъ языковъ составляло насущную потребность общества и притомъ самую матеріальную. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, нельзя было, говоря нашимъ языкомъ, сдѣлать общественнаго карьера ни въ церкви, ни въ свѣтскомъ обществѣ, если не было знанія латинскаго языка, и если рожденіе не открывало къ тому прямой дороги. При томъ безобразномъ общественномъ строѣ, только латинскій языкъ дѣлалъ простолюдина изъ двуногаго животнаго человѣкомъ, но не вслѣдствіе какого нибудь педагогическаго вліянія на своего поклонника, а потому что съ знаніемъ латинскаго языка открывалась дорога пастуху къ самому папскому престолу. При первомъ появленіи классицизма у насъ, въ министерство гр. Уварова, латинскій языкъ договорилъ себѣ тоже средневѣковое право: только въ гимназіяхъ, слѣдовательно только въ заведеніяхъ латинскаго языка, можно было получать 14-й классъ, не смотря на происхожденіе, и слѣдовательно итти по всѣмъ остальнымъ и достигнуть въ администраціи самыхъ высшихъ мѣстъ. Даже и теперь, только латинскія гимназіи даютъ право на поступленіе въ университетъ, что, помимо высокаго научнаго значенія, ведетъ всякого къ пріобрѣтенію чина, т. е. къ переводу со временемъ изъ одного сословія въ другое и слѣдовательно къ новому общественному значенію. Гимназіи реальныя не имѣютъ

[1]) Нѣкоторые указывали еще на то обстоятельство, что въ нашемъ западномъ краѣ не только преобладаетъ, но и поддерживается классическое обученіе больше, чѣмъ въ центрѣ Имперіи, и даже чуть не видѣли въ этомъ умышленное желаніе оставить великороссійское племя на низшей степени образованія. Но неужели нужно напоминать печальную исторію нашей національности въ западномъ краѣ, чтобы объяснить такое преобладаніе латинскаго языка въ той сторонѣ? развѣ не тотъ же католицизмъ посѣялъ тамъ то, что имъ сѣялось и въ остальной западной Европѣ; развѣ и въ западномъ краѣ не исторія его завоеванія Польшею и не принесенная вмѣстѣ съ тѣмъ церковь, ввели латинскій языкъ, какъ элементъ общественности, и развѣ тамъ латынь имѣла педагогическое, а не политическое значеніе? Это слишкомъ очевидно, чтобы долго настаивать на томъ.

для себя дверей въ университетъ и не представляютъ тѣхъ удобствъ. Если онѣ пусты, то что̀ можетъ означать такое обстоятельство? Одни видятъ въ этомъ вѣрный признакъ того, что общество само понимаетъ *педагогическую* важность классицизма; но нѣтъ ли основанія видѣть въ этомъ, что общество понимаетъ совершенно другую важность классическихъ языковъ, рѣшительно доступную и тому, кто не видалъ латинской буквы, а именно, такъ сказать, *политическую* важность классицизма, какъ средства къ достиженію общественныхъ выгодъ? Которое изъ предположеній справедливѣе, можно рѣшить только однимъ способомъ, а именно отнять у классическихъ гимназій право на поступленіе въ университетъ, и дать это право реальнымъ. Это было бы лучшею пробою того, до какой степени глубоко всѣ убѣждены въ педагогической важности классическаго обученія.

Итакъ, въ своей исторіи, латинскій языкъ и въ западной Европѣ, и у насъ, играетъ одну и ту же роль, а именно онъ парализуетъ замкнутость сословій; это его дѣйствительная услуга, но кто не видитъ, что эта услуга не связана нисколько съ сущностью дѣла; латинскій языкъ въ сословномъ смыслѣ этого слова *облагороживалъ* человѣка т. е. дѣлалъ его «благороднымъ»; и вѣроятно потому же родившіеся *благородными*, въ средніе вѣка, совсѣмъ не знали полатыни: барона можно было сдѣлать прямо епископомъ, хотя бы онъ едва могъ разбирать слова молитвенника. Одинъ такой епископъ—разсказываетъ хроника—всегда читалъ за обѣднею *vacca* (корова) вмѣсто *vacua* (пустая).

Г. академикъ Нàукъ собралъ, какъ извѣстно, въ своей статьѣ, помѣщенной въ календарѣ за 1866 г., все, что было говорено и декламировано на тему въ защиту классическихъ языковъ. Въ томъ, что было говорено, все справедливо, но только потому, что латинскій языкъ, какъ и всякій другой предметъ обученія, можетъ принести превосходные образовательные результаты. На декламацію же можно отвѣчать декламаціею, а потому мы оставимъ ее въ сторонѣ. Чтобы согласиться съ доводами классиковъ, нужно прежде всего доказать, что одинъ латинскій языкъ былъ произведеніемъ человѣческаго общества, и что наши новѣйшіе языки образованы какими-то низшими породами людей, что, изучая ихъ, по тому нельзя развиться логически. Едва-ли кто выскажетъ такую мысль, а между тѣмъ всѣ декламаціи покоятся на этомъ предположеніи. Если, дѣйствительно, человѣкъ можетъ достигнуть только полуразвитія, безъ латинскаго языка, то на какое состояніе осуждаютъ защитники классицизма цѣлую половину человѣческаго рода, а именно женщинъ? Что необходимо для ума мужчины, то должно быть необходимо и для ума женщины. Если же они ничего не говорятъ о женщинахъ, то не служитъ ли это доказательствомъ, что ихъ разсужденія о развитіи логическаго мышленія при помощи латинскаго языка есть только громкая фраза? Они возразятъ

намъ: «но мы не принадлежимъ къ числу ожесточенныхъ эмансипаторовъ женскаго пола, которые для уравненія женщинъ съ мужскою половиною, нападаютъ иногда на самыя странныя идеи.» Но мы также нимало не принадлежимъ къ числу подобныхъ эмансипаторовъ, думаемъ однако, что, для воспитанія дѣтей, для заботъ о добромъ сожительствѣ съ мужемъ, управленія хозяйствомъ, чего нельзя отнять у женщины, весьма и весьма необходимо правильное логическое развитіе ума; особенно, если мужская половина отлично разовьется въ логическомъ отношеніи, вслѣдствіе классическаго воспитанія, въ какомъ ужасномъ положеніи очутимся мы, увидя себя прикованными къ существамъ недоразвитымъ, которыхъ мы должны называть своими женами. Итакъ, защитники таинственнаго вліянія классицизма должны утверждать, что оно оказывается только надъ мужчинами.

Но вмѣсто того, чтобы дойти до различныхъ *absurda*, не лучше ли утверждать во всемъ на столько, на сколько того требуетъ сущность вещи. Всякая другая защита способна скорѣе уронить дѣло, и заставить отвергать въ предметѣ и то, что въ немъ дѣйствительно заключено. Доказательствомъ тому служитъ и послѣдній споръ о классицизмѣ: классики, истощивъ свои доводы, объявили въ заключеніе, что реальныя науки—вздоръ; противники ихъ, тщетно защищая свое дѣло, увидѣли себя въ необходимости прибѣгнуть къ такому же классическому заключенію и объявить изученіе древнихъ языковъ—вздоромъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что литература новѣйшихъ народовъ, разсматриваемая, какъ сокровищница современной мысли, упала не съ неба, а имѣла свое весьма естественное историческое развитіе. Нѣтъ сомнѣнія также, что понять ее нельзя безъ историческаго изученія, что, въ прежней ея исторіи, римская и греческая эпохи составляютъ громадныя ступени; потому нѣтъ возможности въ дѣлѣ наукъ гуманныхъ обойтись безъ изученія классической литературы, если кто нибудь не желаетъ между собою и образованнымъ міромъ воздвигнуть китайской стѣны и выдѣлить себя изъ исторіи человѣчества. Но отъ всѣхъ этихъ положеній до положенія о необходимости для всякого образованнаго человѣка построить свое воспитаніе на изученіи классическихъ языковъ—неизмѣримое разстояніе, которое защитники классицизма сокращаютъ до того, что прямо переходятъ отъ одного положенія къ другому. Ихъ ошибка состоитъ въ томъ, что они смѣшиваютъ исторію цѣлой общественной образованности съ образованіемъ отдѣльнаго лица, и хотятъ, чтобы первое было нормою послѣдняго, а послѣднее миніатюрою перваго. Они какъ бы разсуждаютъ: «человѣчество, разсматриваемое, какъ абстрактное лицо, прошло дѣтское состояніе на востокѣ, юношество свое провело въ школѣ государственной жизни аѳинянъ и римлянъ, тамъ обучилось, и вышло наконецъ полнымъ человѣкомъ въ формѣ европейца.» Такою дорогою долженъ итти и каждый недѣли-

мый; его юность должна пройти также въ школѣ аѳинско-римской, и только послѣ того онъ можетъ считать себя взрослымъ. Но человѣческое общество—собирательная личность; притомъ, та картина исторіи его развитія—одинъ только философскій взглядъ, которому часто противопоставляютъ другой и прямо обратный, по которому человѣчество идетъ прямо обратными возрастами съ недѣлимымъ, а именно идетъ отъ дряхлости, ограниченности понятій, къ ясности идей и юности силъ: древняя, ветхая исторія является не исторіею дѣтства, но въ полномъ смыслѣ слова древнею и ветхою по сравненіи съ новѣйшимъ временемъ.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи образованности общества, разсматриваемаго, какъ недѣлимое, классическое изученіе должно имѣть свое мѣсто; выразимся еще опредѣлительнѣе: *Россія* должна, какъ *Германія*, *Франція*, *Англія*, быть образованною и въ классическомъ отношеніи, въ ней часть учащагося общества должна найти поддержку въ общественныхъ матеріальныхъ средствахъ страны для распространенія классическихъ свѣдѣній; но утверждать, что только тотъ *русскій* (теперь дѣло идетъ о физическомъ недѣлимомъ) логически развитъ, кто получилъ классическое образованіе, и потому поставить его въ невозможность получить другое какое нибудь образованіе, — это, въ самомъ счастливомъ случаѣ, могло бы заключиться умѣньемъ склонять и спрягать, и всѣ русскіе по одиначкѣ были бы воспитаны классически, но Россія вмѣстѣ взятая оставалась бы тѣмъ не менѣе страною безъ классическаго образованія; — именно то, чѣмъ заключился нашъ классицизмъ въ 40-хъ годахъ.

Руководясь такимъ опытомъ прошедшаго времени и сущностью самаго дѣла, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: преподаваніе латинскаго языка, даже и при настоящемъ усиленномъ его видѣ, остается у насъ тѣмъ не менѣе *gradus ad Parnassum*, т. е. ступенью къ пріобрѣтенію служебныхъ правъ, ибо только изъ классическихъ гимназій можно попасть въ университетъ, получить званіе кандидата и обмѣнять его на соотвѣтствующій чинъ. По полученіи этого чина, изучавшій классическую литературу, перестаетъ вѣрить въ ея гуманное назначеніе, и поклонникъ расходится скоро съ предметомъ своего почитанія въ разныя стороны, сильно уже сомнѣваясь въ какой бы то ни было пользѣ латинскаго языка. Такой результатъ не долженъ восхищать собою истинныхъ любителей классицизма; этотъ классицизмъ содѣйствовалъ до сихъ поръ именно тому невыгодному презрѣнію къ древней литературѣ, которымъ преисполнено наше общество, и которое невыгодно для общихъ успѣховъ образованности.

Какой же слѣдуетъ изъ этого практическій результатъ съ нашей точки зрѣнія:

1) Въ исторіи образованности каждаго человѣческаго общества

должно непремѣнно удѣлить мѣсто классическому обученію и всему тому, что его обусловливаетъ.

2) Учебныя заведенія для тѣхъ классовъ населенія, которымъ дозволяютъ экономическія условія пользоваться ими, должны служить *средствомъ* къ поддержанію изученія классическихъ языковъ въ странѣ, но не убивать своими преимуществами, притомъ вовсе не образовательнаго характера, другія заведенія, непосредственно полезныя для общества, какъ-то реальныя.

Если бы потребность въ классическихъ гимназіяхъ, вслѣдствіе экономическаго положенія страны, была такъ мала, что во всей Имперіи— что едва-ли вѣроятно — оказалось возможнымъ наполнить только двѣ гимназіи, то и отъ такихъ двухъ гимназій классическая образованность выиграла бы болѣе, нежели отъ сотни настоящихъ; наконецъ, если бы общество оказалось ниже всякой нормы, а между тѣмъ министерство опередило бы общество въ своемъ пониманіи важности классическихъ языковъ для общаго уровня образованности страны, то и въ такомъ случаѣ лучшимъ средствомъ для направленія общества было бы денежное пожертвованіе, какъ, мы видимъ, то дѣлается и въ такой классически образованной странѣ, какъ Англія: въ Оксфордскомъ университетѣ не только обучаютъ классическимъ языкамъ, но и тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые сдѣлали успѣхи въ этихъ наукахъ, оставляютъ пансіонерами при университетѣ въ званіи *fellow*, и съ хорошимъ обезпеченіемъ; у насъ только нѣтъ надобности при этомъ обязывать такія лица къ безбрачію. Очевидно, въ Англіи, сознавая, что изученіе классическаго міра должно быть сопряжено съ нѣкоторымъ экономическимъ успѣхомъ, искусственно замѣняютъ недостаточность лицъ, способныхъ, но бѣдныхъ, вышеозначеннымъ содержаніемъ. Общество признаетъ полезнымъ имѣть людей, посвящающихъ себя классической литературѣ, а потому весьма справедливо и то, что не отдѣльное лицо, а общество должно поплатиться за то, что оно считаетъ полезнымъ для себя. Мы слѣдуемъ другому правилу: классическое образованіе полезно для высоты общаго уровня, а пожертвованія ожидаемъ отъ недѣлимыхъ, или ставимъ ихъ въ такое положеніе, что они должны сдѣлать такое пожертвованіе, и всю молодость провести за изученіемъ латинскаго языка, изъ котораго практическое употребленіе можетъ сдѣлать или тотъ, кому его состояніе дозволяетъ продолжать свое изученіе, или кому придется пойти въ учителя латинскаго языка. Вотъ, почему у насъ учатъ латинскому языку, а классическаго образованія въ обществѣ нѣтъ.

Мы остановились такъ долго на вопросѣ о классическомъ образованіи именно потому, что съ способомъ его разрѣшенія тѣсно связанъ вопросъ о преподаваніи историческомъ. Есть мнѣніе, и оно было вы-

сказываемо въ одномъ изъ органовъ нашей журналистики, что обученіе греческаго и латинскаго языка, при своемъ широкомъ развитіи, можетъ упразднить совершенно историческое преподаваніе. Въ этомъ мнѣніи правда *не заключается*, но, если можно такъ выразиться, она въ немъ *скрывается*. Въ этомъ мнѣніи справедливо то, что осталось недосказаннымъ, а именно, что преподаваніе по учебникамъ, называющимся «руководствами къ изученію всеобщей или русской исторіи», само по себѣ взятое, безцѣльно; что сущность историческаго образованія заключена въ литературныхъ памятникахъ; слѣдовательно, изучая языкъ и его литературу, мы непремѣнно научимся исторіи, хотя бы, въ спискѣ предметовъ гимназическаго преподаванія, такой науки и не значилось бы вовсе. Но что справедливо въ отношеніи къ исторіи классическаго міра, почему же оно будетъ несправедливо въ отношеніи отечественной исторіи и новѣйшей иностранной? Исторія, какъ извѣстно, сложилась весьма недавно, даже и въ западной Европѣ, въ особый предметъ гимназическаго курса, и это обстоятельство нѣсколько затемняетъ споръ о методахъ ея преподаванія, споръ не менѣе ожесточенный спора о классицизмѣ. Намъ кажется, дѣло значительно упростится и въ этомъ случаѣ, если мы обратимся къ его сущности. Всякій согласится, что исторія не имѣетъ для себя другого болѣе яснаго и точнаго выраженія, какъ въ словѣ и въ его произведеніяхъ, составляющихъ въ совокупности литературу. Потому очень трудно, если не невозможно, провести строгую черту между литературою и исторіею; онѣ относятся вовсе не какъ родовое и видовое понятіе; въ народной пѣсни можетъ заключаться больше исторіи, нежели въ произведеніи, на заглавіи котораго написано: «исторія о томъ-то.» Учебники заставляютъ насъ слишкомъ забывать такое отношеніе литературы къ исторіи по ихъ существу, и даже дѣло доходитъ до того, что, въ преподаваніи, литература совершенно удалена, и все дѣло состоитъ въ усвоеніи учебника, соединенномъ съ перифразами наставника, прибавками, убавками матеріала, что сводится обыкновенно на вставку анекдота или на уменьшеніе числа битвъ въ Полопоннезской войнѣ; и то и другое доставляетъ большое удовольствіе учащимся и обнаруживаетъ ихъ инстинктивное стремленіе къ *историческому*, хотя бы оно и выразилось въ дѣтской формѣ охоты къ анекдотамъ.

Другое послѣдствіе учебниковъ состоитъ, если можно такъ выразиться, въ «матеріальности» историческаго преподаванія, къ которому они приводятъ неизбѣжно. Въ учебникѣ, исторія получаетъ болѣе плоти, нежели сколько она имѣетъ въ дѣйствительности: можно сосчитать число ея страницъ, можно сказать опредѣлительно, что тамъ-то начинается то-то, тамъ то-то кончается и т. п.; между тѣмъ въ дѣйствительности нѣтъ такой закругленности въ фактахъ. На этомъ основаніи возможно было распредѣлять преподаваніе исторіи по клас-

самъ въ порядкѣ страницъ учебника, и первыя сто страницъ (это будетъ древняя исторія) проходить въ III или въ IV классѣ гимназіи, слѣдующія сто (средняя исторія) въ V, и въ VI послѣднюю сотню (новая исторія). Любопытно подумать о томъ, какія представленія рождаются въ головѣ мальчика 11 лѣтъ, когда ему проходятъ вавилонскую, египетскую, греческую и т. д. исторіи. Особенно странно положеніе учащихся у насъ въ гимназіи, гдѣ большинство ихъ выходитъ изъ IV класса, и заключаетъ свое историческое образованіе сверженіемъ Ромула Августула съ престола римской имперіи.

Впрочемъ этотъ вопросъ былъ уже поднятъ въ нашей журналистикѣ[1]), и потому мы ограничимся только указаніемъ на новое сочиненіе, явившееся въ нашей учебной литературѣ, и которое по своей основной идеи подходитъ къ вышеизложенному и представляетъ первый опытъ примѣненія новой формы преподаванія къ дѣлу. Это, именно, трудъ преподавателя исторіи въ Нижегородской гимназіи г. *Овсянникова:*

Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ концентрическихъ, приспособленныхъ къ развитію учащихся, курсахъ. Курсъ первый: древняя, средняя и новая исторія. Курсъ второй: древняя, средняя и новая исторія. Спб. 1866. I. II.

Какъ видно изъ заглавія, трудъ еще не оконченъ; до сихъ поръ вышли только два первые курса. Авторъ имѣлъ въ виду высказанное нами выше обстоятельство, устранить кускообразное преподаваніе исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, а потому занялся составленіемъ троякого рода курсовъ исторіи для предположенныхъ имъ трехъ возрастовъ. Недостатки труда г. Овсянникова въ частностяхъ, даже не полная выдержка имъ самимъ своихъ собственныхъ принциповъ не уменьшаютъ заслуги автора, который не ограничился какою нибудь статьею о своемъ новомъ методѣ, но рѣшился выполнить идею на дѣлѣ. Мы указываемъ на этотъ трудъ еще и потому, что, у насъ, необыкновенно рѣдко случается видѣть участіе преподавателей въ учебной литературѣ, участіе именно тѣхъ лицъ, которыя стоятъ ежедневно при самомъ дѣлѣ и постоянно жалуются, что никто не составитъ для нихъ хорошаго руководства. Конечно, такой абсентеизмъ нашихъ преподавателей въ педагогической литературѣ есть результатъ причинъ, быть можетъ, не зависящихъ отъ нихъ;.но, во всякомъ случаѣ, только выступленіе ихъ въ литературу можетъ серьезно и основательно подвинуть дѣло обученія въ нашихъ школахъ впередъ. Всякая внѣшняя мѣра, которая могла бы облегчить педагогическо-литературныя предпріятія самихъ преподавателей сдѣлаетъ гораздо болѣе, нежели всѣ прямыя усилія снабдить учебныя заведенія руководствами и посо-

[1]) См. С.-Петерб. вѣдом. 1865. № 339: «Одинъ изъ многихъ педагогическихъ вопросовъ.»

біями. Воспитаніе новаго поколѣнія преподавателей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу лучшихъ подобныхъ косвенныхъ мѣръ, при которой кстати будетъ сказать: а «остальная приложатся.»

Во ожиданіи такихъ мѣръ, мы можемъ указать на нѣкоторые труды, выполненные или выполняемые пока частною инициативою, и которые могутъ практически содѣйствовать установленію правильныхъ методъ къ преподаванію исторіи и къ преуспѣянію того. Такъ, г. *Добряковъ*, преподаватель исторіи въ одной изъ здѣшнихъ гимназій, издалъ въ концѣ прошедшаго года первый выпускъ перваго тома, подъ заглавіемъ:

Учебно-историческій сборникъ по русской исторіи. Т. I. Отд. 1. Земля и ея народы предъ началомъ государства (съ картою восточной Европы въ половинѣ IX вѣка). Спб. 1865. Стр. 203.

«Совершающіяся теперь перемѣны въ нашихъ гимназіяхъ, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, имѣютъ въ виду усиленіе отечественной исторіи, которая, до настоящей поры, была заслонена исторіею всеобщею, поглощавшей все время и вниманіе преподавателя.

«Руководясь желаніемъ доставить пособіе къ учебному курсу и вмѣстѣ средство къ болѣе полному ознакомленію съ исторіею родины, предприняли мы изданіе настоящаго сборника. Мы имѣли въ виду дать мѣсто въ сборникѣ самымъ источникамъ, могущимъ ближе и живѣе знакомить съ извѣстнымъ временемъ и лицами, потомъ,—извѣстнымъ изслѣдованіямъ нашихъ ученыхъ, послѣдовательно разсматривающимъ предметъ, представляющимъ въ связи извѣстія къ нему относящіяся, вообще основаннымъ на положительныхъ данныхъ, а не на предположеніяхъ, также и доступнымъ по самому способу изложенія.»

Соглашаясь во многомъ съ авторомъ, мы думаемъ однако, относительно перваго его предложенія, что мы страдали до сихъ поръ и въ школѣ и въ наукѣ не тѣмъ, чтобы всеобщая исторія заслонила у насъ отечественную, но тѣмъ, такъ сказать, противоестественнымъ разрывомъ, который до сихъ поръ господствовалъ у насъ какъ между обученіемъ, такъ и между научными занятіями всеобщею и отечественною исторіею. Отсюда мы должны сдѣлать небольшое исключеніе для московскихъ ученыхъ, гдѣ напрасно Грановскій и Ешевскій старались соединить эти двѣ рубрики, образовавшія у насъ почти отдѣльные приходы. Примкнувъ дѣйствительною жизнію и соединившись всѣми интерессами съ образованнымъ міромъ, мы не можемъ не знать и не изучать исторіи этой образованности, общей всѣмъ; нельзя также не знакомить съ этимъ предметомъ учащихся. Ж. Б. Вико весьма справедливо толкуетъ названіе *всеобщей* исторіи, какъ исторіи того, что *обще* всѣмъ народамъ. И вотъ, во имя чего и мы должны постоянно вводить къ себѣ эту «общую» исторію. Едва ли можно ожидать успѣховъ для отечественной исторіи, если ея обработыватели будутъ приступать

безъ основательнаго знанія общихъ судебъ и развитія важнѣйшихъ человѣческихъ обществъ. Итакъ, не ослабленіе преподаванія всеобщей исторіи принесетъ пользу отечественной исторіи, но улучшеніе метода и направленіе его къ историческому развитію смысла обучающихся и къ изощренію ихъ историческаго вкуса.

Сборникъ г. Добрякова, по нашему мнѣнію, еще болѣе соотвѣтствовалъ бы своей цѣли, если бы въ немъ не было такъ много извлеченій изъ трудовъ, написанныхъ на отечественномъ языкѣ, и которые такъ распространены въ библіотекахъ нашихъ учебныхъ заведеній, въ полномъ изданіи, что отрывки изъ нихъ дѣлаются излишни, особенно въ томъ видѣ, какъ они сдѣланы. Г. Добрякову слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, указать вкратцѣ, при извлеченіяхъ, на отношеніе заимствуемаго имъ отрывка къ цѣлому труду автора, и на научное значеніе всего труда.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, которымъ заключится первый томъ Сборника, авторъ обѣщаетъ обратиться къ «Основанію западныхъ славянскихъ государствъ, — государства русскаго и до нашествія татаръ включительно».

Въ послѣднее время, заграничные педагоги обратили также особенное вниманіе на сближеніе литературы и исторіи, и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ начали являться сборники для непосредственнаго ознакомленія учащихся какъ съ источниками, такъ и съ образцами научной ихъ разработки. Такъ, въ Германіи продолжается и до сихъ поръ изданіе подобнаго историческаго сборника:

A. Schöppner, Characterbilder der allgemeinen Geschichte. Nach den Meisterwerken der Geschichtschreibung alter und neuer Zeit. Den Studirenden höherer Lehranstalten, sowie den Gebildeten aller Stände gewidmet. Zweiter Theil: das Mittelalter. 384 S. — Schaffhausen. (Шöппнера, Характеристическія черты изъ всеобщей исторіи. По образцамъ историческихъ произведеній древняго и новаго времени. Для обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вообще для образованныхъ людей всѣхъ классовъ. Вторая часть: Средніе вѣка. 384 стр. Шафгаузенъ).

При всей краткости своего объема (такъ, на всю исторію среднихъ вѣковъ 384 стр.), сборникъ Шöппнера въ самое короткое время имѣлъ уже два изданія, не смотря на то, что нигдѣ, какъ въ Германіи, недоступны такъ историческіе источники въ переводѣ на новѣйшій языкъ.

Если, всматриваясь въ усилія нашего времени ввести повсюду усовершенствованія, мы должны будемъ въ то же время признаться, что мы далеко не въ той же степени довольны счастливыми результатами педагогическихъ реформъ, то въ этомъ отношеніи намъ остается утѣшаться тѣмъ, что и за границею, даже въ Пруссіи, гдѣ системы обученія доведены, повидимому, до такого высокаго совершенства, въ об-

ществѣ господствуетъ подобный же разладъ въ мнѣніяхъ, и, напримѣръ, относительно характера и сущности историческаго преподаванія, ведутся самые ожесточенные споры. Но, прислушавшись къ голосу различныхъ педагогическихъ партій въ Пруссіи, легко можно замѣтить, что педагогія рѣдко обходится безъ того, чтобы не отражать на себѣ политическаго состоянія умовъ. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, давно уже идетъ споръ о двоякаго рода патріотизмѣ, а именно нѣмецкомъ и прусскомъ. Для перваго, отечество — Германія; для второго — Пруссія; нѣмецкіе патріоты могутъ быть названы космополитами по отношенію ихъ къ прусскимъ патріотамъ. Отсюда вопросъ: какъ преподавать исторію, съ точки ли зрѣнія германизма (Deutschthum) или пруссицизма (Preussenthum)? Недавно одинъ изъ нѣмецкихъ педагоговъ, Пирсонъ, въ виду борьбы двухъ такихъ мнѣній, помѣстилъ въ одномъ изъ журналовъ статью, которая вполнѣ формулировала взгляды на этотъ вопросъ педагогической партіи *прусскихъ* патріотовъ, при чемъ коснулся неизбѣжнаго вопроса о классическомъ или гуманномъ образованіи. Эта статья носитъ заглавіе весьма замѣчательное для насъ, которые привыкли относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ солидному характеру нѣмецкой образованности: «О полуобразованіи въ школѣ и въ жизни» въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи, а именно въ гимназіяхъ.

«Гуманное образованіе, восклицаетъ авторъ, повторяя слова своихъ противниковъ, — это ихъ лозунгъ. Согласенъ! Однако оно должно давать намъ не полулюдей, но цѣлаго человѣка, а къ цѣлости человѣка относится также именно его принадлежность къ опредѣленному государству (die Staatsangehörigkeit).

«Но въ нашихъ (т. е. прусскихъ) учебныхъ заведеніяхъ все еще слишкомъ много дѣлается для формы, и слишкомъ мало для сущности самаго дѣла. Сущность же дѣла состоитъ въ томъ, чтобы эти учебныя заведенія (т. е. гимназіи), равно какъ и народныя школы, служили государству, не космическому (такъ авторъ намекаетъ на усилія партіи германизма), абстрактному, но нашему прусскому; да, чтобы они даже еще въ высшей степени были къ тому направлены и обязаны, ибо они имѣютъ высшія средства, чтобы образовать въ себѣ хорошихъ прусскихъ государственныхъ гражданъ, т. е. людей, для которыхъ прусское государство стоитъ выше всего, которые преисполнены сознательной и воодушевленной любви къ нему, знаютъ точно его исторію, правильно понимаютъ свое настоящее и о будущемъ его заботятся столь же вѣрно и ревностно, какъ о своемъ собственномъ; это должны быть люди, для которыхъ было бы скорѣе возможно потерять собственную кожу, нежели отречься отъ прусскаго дѣла (das Preussenthum), и которые уразумѣли бы, что единственный и существенный признакъ всякой національности не зависитъ отъ случая, но

есть нѣчто нравственное, разумное; это — не языкъ, и не племенное родство, но государственность. Кому недостаетъ въ этомъ смыслѣ національнаго чувства и національнаго сознанія, у того политическія побужденія омрачены, и главная задача школы останется неразрѣшенною. Пусть такое лицо будетъ говорить на сотни языкахъ, пусть оно съумѣетъ назвать по имени всякую травку и всякого жучка, пусть оно будетъ сіять ученостью и изливаться остроуміемъ — тѣмъ не менѣе это полуобразованный человѣкъ, въ которомъ полнаго образованія также мало, какъ мало полной религіозности въ томъ, для кого четвертая заповѣдь есть не болѣе, какъ выѣденная скорлупа.

«Нигдѣ нѣтъ такого множества полуобразованныхъ людей, какъ у насъ (въ Пруссіи), хотя никто не имѣетъ столько причинъ гордиться своею національностью, какъ пруссакъ. Но съ нѣкотораго времени начинаетъ у насъ выработываться ложный патріотизмъ, который старается подмѣнить прусское дѣло бредомъ о германскомъ дѣлѣ (Deutschthümelei), и переноситъ любовь и интерессъ отъ своей собственной родины на какое то «великое нѣмецкое отечество». Забываютъ, что прежде всего нужно быть справедливымъ, и потомъ великодушнымъ, что прусскій патріотизмъ составляетъ нашу первую обязанность, а симпатія къ обитателямъ Баваріи, Австріи, Ганновера и т. д. хотя похвальна, но далеко не на своемъ мѣстѣ, по сравненію съ такъ называемымъ чернобѣлымъ патріотизмомъ (Schwarzweissthum; черный и бѣлый цвѣтъ — національные цвѣта Пруссіи).

«Необходимо нужно, чтобы этотъ ложный патріотизмъ, съ своимъ хаосомъ чувствъ и понятій, былъ непремѣнно вырванъ съ корнемъ, если бы онъ обнаружился гдѣ нибудь въ школѣ. Но государство можетъ и должно сдѣлать больше. Оно должно въ гимназіяхъ поставить преподаваніе исторіи, какъ основу всякой политики, ближе къ центру, а въ общемъ содержаніи историческаго преподаванія дать снова самое широкое мѣсто прусской исторіи. А потому необходимо было бы прежде всего объявить исторію главнымъ предметомъ, между тѣмъ какъ нынѣ, при переводахъ изъ класса въ классъ, она разсматривается, какъ нѣчто придаточное, и чтобы отъ выпускныхъ требовалось спеціальное познаніе прусской исторіи и ясное пониманіе всего, что въ ней составляетъ ея особенности и чему нѣтъ подобныхъ примѣровъ у другихъ. Прусская исторія должна служить ядромъ историческаго преподаванія въ примѣ какъ гимназіи, такъ и реальной школы. Здѣсь же должны быть изображены событія новѣйшія, сообразно цѣлямъ школы, и, конечно, съ соблюденіемъ такта въ выборѣ матеріаловъ.»

Педагоги партіи германизма опровергаютъ подобные взгляды своими доводами, и совѣтуютъ «чернобѣлымъ» патріотамъ Пруссіи уговорить предварительно жителей города Галле или Наумбурга (прус-

скаго королевства), чтобы они не считали жителей Лейпцига (саксонскаго королевства) своими соотечественниками, и наоборотъ, жителей Познани признали своими единоплеменниками. Они говорятъ, что Пруссія обязана своимъ величіемъ однимъ нѣмецкимъ силамъ, а потому въ историческомъ преподаваніи необходимо, чтобы въ центрѣ всего поставленъ былъ источникъ, изъ котораго Пруссія почерпаетъ свою силу, а именно «великое нѣмецкое отечество».

Въ Pädagogischer Jahresbericht (Leipzig. 1865) весьма рѣзко отвѣчаетъ отъ имени великогерманскихъ патріотовъ прусскому патріотизму одинъ изъ берлинскихъ преподавателей исторіи: «Допустимъ, что прусская государственность наложитъ на своихъ гражданъ извѣстный отпечатокъ, и выработаетъ такимъ образомъ изъ общаго національнаго нѣмецкаго характера какую нибудь индивидуальную особенность, но и при этомъ не слѣдуетъ забывать, что высшее и священнѣйшее благо, на которомъ покоится національность, выросло вовсе не въ предѣлахъ чернобѣлыхъ пограничныхъ столбовъ. Нѣтъ никакого прусскаго христіанства, ни католической, ни евангелической вѣры, ни прусскаго языка, ни прусской науки, прусской поэзіи, искусства и т. д.; во всѣхъ этихъ продуктахъ вся Германія, вмѣстѣ взятая, составляетъ самостоятельную единицу, въ противоположность другимъ націямъ. Для созданія всего этого не хватило бы одной Пруссіи, и она была вынуждена черпать все это изъ источника общенѣмецкаго духовнаго отечества. Кто отвергаетъ эти очевидные историческіе факты, кто не хочетъ признавать единства Германіи и видитъ только одно единство прусское, или баварское, или саксонское, тотъ долженъ обладать особенною виртуозностью въ искусственномъ незнаніи и въ умѣньи закрывать себѣ глаза и затыкать уши.»

Мы часто, при рѣшеніи нашихъ педагогическихъ вопросовъ, въ крайнемъ случаѣ, чтобы поразить противника, ссылаемся на авторитетъ западныхъ школъ; онъ очень важенъ: это безспорно; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что и въ такомъ обществѣ, какъ прусское, вопросы педагогическіе не считаются выработанными до того, чтобы можно было аппеллировать въ ихъ судъ, какъ въ послѣднюю инстанцію. Приведенный нами выше примѣръ, можетъ быть, послужитъ къ распространенію у насъ того убѣжденія, что намъ слѣдуетъ, независимо отъ западныхъ авторитетовъ, разработывать самостоятельно педагогическіе вопросы, что избавитъ многихъ отъ непріятности, помимо своей воли и желанія, дѣлаться иногда защитниками или великогерманскихъ или прусскихъ интерессовъ. А между тѣмъ этотъ невольный грѣхъ повторяется съ нами сплошь и рядомъ, не только въ педагогіи, но и въ другихъ явленіяхъ общественной жизни. Мы ссылаемся на тотъ или другой нѣмецкій авторитетъ, можетъ быть, съ чисто-научными убѣжденіями, и забываемъ, что нѣмцы вовсе не такъ

безстрастно относятся къ дѣйствительной жизни, даже и въ вопросахъ педагогіи. Мы не думаемъ упрекать нѣмцевъ за то: они заслуживаютъ всякого уваженія, но, при подражаніи имъ, слѣдуетъ переносить къ намъ не формы, выработанныя тамъ подъ вліяніемъ того или другого теченія общественнаго ума, но внутренній ихъ смыслъ, который долженъ у насъ пріискать свои формы и отвѣчать на наши живыя потребности.

Если мы обратимся отъ вышеизложеннаго способа рѣшать вопросъ въ Пруссіи о преподаваніи исторіи съ точки зрѣнія государственности и національности, къ вопросу болѣе педагогическому и болѣе насущному, а именно, какое мѣсто въ преподаваніи исторіи должна занимать культура, и какъ надобно понимать это слово въ школьной формѣ исторической науки, то легко будетъ замѣтить, что далеко не мы одни страдаемъ неопредѣленностью при практическомъ разрѣшеніи этого вопроса. Послѣдній, а именно XIV, общій съѣздъ нѣмецкихъ преподавателей и II частный съѣздъ нашихъ въ одесскомъ учебномъ округѣ представляютъ, при сравненіи, любопытные выводы въ этомъ отношеніи. Но мы должны отложить это дѣло до слѣдующей книги.

Заключимъ общимъ замѣчаніемъ. Если въ Пруссіи спеціалисты громко объявляютъ, что ихъ страна въ своемъ большинствѣ исполнена полуобразованными людьми, то намъ не нужно слишкомъ оскорбляться, если, въ пылу полемики, къ нашему обществу, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, обращаются съ нелестными упреками, и одни угрожаютъ невѣжествомъ, если мы рискнемъ распространять одни естественныя познанія, другіе грозятъ тѣмъ же за классическое направленіе. Надобно серьезно бояться только одного полнаго отсутствія знаній, и тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній; при плохомъ же состояніи и классицизма и реализма, вопросъ можетъ быть не о томъ, который изъ нихъ лучше, а который хуже. Поставивъ же вопросъ такимъ образомъ, мы не будемъ въ выигрышѣ, чью сторону мы ни приняли бы въ этомъ дѣлѣ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Назвавъ послѣдній отдѣлъ своего журнала «Историческою хроникою», мы были далеки отъ мысли заключать его страницы какою нибудь систематическою «исторіею своего времени» болѣе или менѣе краткимъ изложеніемъ политическихъ событій за каждые послѣдніе три мѣсяца. Нами руководила при этомъ совершенно иная мысль, какъ мы и высказали ее въ своемъ объявленіи объ открытіи «Вѣстника Европы» съ 1866 года. «Современная историческая жизнь — говорили мы, стараясь объяснить назначеніе послѣдняго отдѣла нашего журнала — представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми общественными организмами, и служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ для повѣрки тѣхъ обще-историческихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ отжившими обществами и народами.» Имѣя въ виду такую цѣль, мы обратимся въ своей послѣдней хроникѣ къ тѣмъ сторонамъ современной исторической жизни и къ тѣмъ ея дѣятелямъ, которыхъ мы считаемъ себя очевидцами. Потому въ этотъ отдѣлъ войдутъ всѣ тѣ вопросы и явленія, изученіе которыхъ мы можемъ дѣлать — какъ говорилъ Эгингардъ, задумавъ писать о своемъ времени — *oculata fide*, на основаніи вѣры собственныхъ глазъ.

Въ исторіи прошедшаго, мы болѣе не останавливаемся на одной политической исторіи, на однихъ внѣшнихъ событіяхъ, и стараемся въ жизни предшествовавшихъ вѣковъ понять ея условія; мы хотимъ знать, какъ жилъ древній человѣкъ, какія идеи руководили его мыслью и поступками, что стѣсняло его дѣятельность, что открывало ей новое поприще; однимъ словомъ, въ прошедшемъ мы желаемъ имѣть дѣло не съ ея оффиціальною стороною, а съ самою дѣйствительностью. Намъ остается примѣнить такую программу исторіи для прошедшихъ вѣковъ къ жизни намъ современной. Въ такомъ случаѣ, въ нашу

хронику должно войти все, составляющее цѣлость исторической жизни народовъ, въ формѣ анализа тѣхъ вопросовъ, которые ходятъ въ обществѣ и постепенно рѣшаются практикою жизни, подъ вліяніемъ отчасти внутреннихъ причинъ, скрытыхъ въ самой природѣ вещей, отчасти преобладающихъ теорій въ ту или другую эпоху, переживаемую нами. На первый разъ, мы успѣли коснуться весьма не многого, но надѣемся со временемъ придать своей исторической хроникѣ ту полноту, которая можетъ быть достигнута только съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашей дѣятельности.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Истекшій годъ прошелъ не безъ особеннаго значенія въ нашей современной исторіи и не безъ поученія для насъ. Въ этомъ году, были открыты въ Россіи земскія собранія. Стоя по срединѣ между прошедшимъ и будущимъ нашей исторіи, это новое учрежденіе, весьма естественно, не могло явиться на свѣтъ безъ того, чтобы, съ одной стороны, не понести на себѣ слѣдовъ прежняго порядка вещей, который произвелъ земство, какъ бы вслѣдствіе сознанія своей несостоятельности, въ этомъ случаѣ счастливой, и, такъ сказать, вслѣдствіе отрицанія самого себя, но не имѣлъ силъ быть послѣдовательнымъ въ своемъ самоотрицаніи; съ другой стороны, будущее возложило свои надежды на тоже земство, и желало въ немъ видѣть, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, возможность своего осуществленія. Таково, впрочемъ, положеніе каждаго новаго явленія. Въ отношеніи земскаго дѣла всѣ согласны только въ одной его важности, но эта важность земскихъ учрежденій въ нашей общественной и государственной жизни и ихъ польза, среди совершившихся и ожидаемыхъ преобразованій нашего гражданскаго строя, не разъ уже были указаны; а потому мы считаемъ излишнимъ останавливаться на томъ, что всѣмъ уже извѣстно и понятно. Постараемся только еще ближе оцѣнить этотъ совершившійся фактъ; другими словами, разсмотримъ, вслѣдствіе чего возникли наши земскія учрежденія, какъ и на сколько выполнили ихъ первые дѣятели свою первую задачу, и какимъ образомъ отнеслись къ нимъ различные элементы нашего общества. При различіи взглядовъ въ послѣднемъ отношеніи, отличающемъ всякое человѣческое сужденіе, вслѣдствіе различія личныхъ интересовъ, временныхъ цѣлей, даже самолюбія, въ подобныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о земскихъ

учрежденіяхъ, безопасно руководиться только однимъ здравымъ смысломъ, который всѣмъ, самымъ противоположнымъ мнѣніямъ, подсказываетъ однако одно общее правило: «всякая вещь должна быть прежде всего тѣмъ, для чего она сдѣлана.» Если что нибудь вызвано не состоятельностью прежнихъ формъ, то нельзя думать, что всякая новая форма, только въ силу того, что она нова, окажется болѣе дѣйствительною. Новая форма важна только тогда, когда она заключаетъ въ себѣ новый принципъ, котораго недоставало старой формѣ. Учрежденія ростутъ и должны рости, какъ ростутъ всѣ живые организмы; а въ живыхъ организмахъ не столько измѣняются внѣшнія формы, сколько внутреннее ихъ содержаніе, вызываемое новою средою. Мы надѣемся, никто не будетъ и оспаривать того, что всякое преобразованіе существующаго предпринимается вслѣдствіе опыта и яснаго сознанія, что бывшій порядокъ пересталъ отвѣчать вновь возникшимъ потребностямъ; что всякое преобразованіе совершается съ цѣлію, чтобы новое, воздвигаемое на мѣсто отжившаго, отвѣчало современнымъ нуждамъ, пользамъ и общему разуму.

Согласившись съ этою простою и ясною истиной, легко дать себѣ отвѣтъ, почему возникли и должны были возникнуть у насъ земскія учрежденія. Дѣйствительно, ни для кого не было тайной прежнее крайне неудовлетворительное состояніе нашего земскаго хозяйства, бывшаго до настоящаго времени въ завѣдываніи центральной администраціи. Наконецъ, само правительство, убѣжденное въ настоятельной потребности измѣнить вредный для государства порядокъ вещей, признало необходимымъ замѣнить его новымъ, основаннымъ на указаніяхъ вѣкового опыта и началахъ современной жизни. Такъ было положено основаніе земскимъ учрежденіямъ, которыя, по самой сущности своей, должны были явиться чѣмъ нибудь такимъ, чего не было прежде, и что представляло бы именно тѣ выгоды, которыхъ не было въ старомъ порядкѣ вещей. Недостатки такого стараго порядка вещей сознаны, потому легко предвидѣть, въ чемъ должны состоять достоинства новаго учрежденія: оно, въ противоположность центральной администраціи, должно явиться органомъ самостоятельнымъ, съ правомъ самоуправленія въ кругѣ своей дѣятельности, для которой оно вызвано. Думать иначе, значило бы въ одно и тоже время признать недостатки прежняго и постараться удержать ихъ и въ новыхъ формахъ; и пришлось бы допустить мысль, что земскія учрежденія должны служить только новымъ, болѣе удобнымъ способомъ обложенія усиленными налогами, а ихъ органы — даровыми сборщиками податей. Такое назначеніе земскихъ учрежденій было бы еще понятно, если бы затрудненіе, вызвавшее ихъ, состояло въ томъ, какъ собирать. Затрудненіе же было иное, а именно, что̀ собирать, и какъ употребить собранное наивыгоднѣйшимъ для хозяйства образомъ. Потому и земскія

учрежденія должны въ своемъ устройствѣ быть годными именно для этой цѣли.

Но достиженіе этой цѣли, какъ она ни казалась съ виду простой, было однако не легко. При вступленіи въ дѣйствіе необходимо было опредѣлиться, объясниться и сосчитаться. Между тѣмъ, земскія учрежденія не нашли никакихъ подготовленныхъ къ тому положительныхъ данныхъ. Сверхъ того, эта задача усложнялась еще неопредѣленностію, неясностію и противорѣчіями понятій и нравовъ и ненормальностію экономическаго положенія вообще.

Хотя нововведеніе было вызвано неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство и опредѣленіе этого нововведенія пришлось по необходимости поручить на первый разъ тому же канцелярскому порядку, и руками, признанными за неискусныя, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить. А потому положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, составленное канцелярскимъ порядкомъ, могло понести на себѣ извѣстныя предвзятыя формы, безъ близкаго отношенія къ жизни, малоизвѣстной бюрократизму, который, по природѣ своей, имѣетъ вообще мало солидарности съ общественными интересами, всегда болѣе или менѣе подчиняемыми, при этой системѣ, личнымъ преходящимъ взглядамъ и разсчетамъ. Давно уже испытано, что кабинетный умъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ, остается безплоднымъ, если онъ разобщенъ очарованнымъ кругомъ отъ міра дѣйствительности, если онъ не сталкивается постоянно, въ своей дѣятельности, со всѣми элементами общества. И, дѣйствительно, нѣтъ возможности дѣйствовать благодѣтельно и разумно на общество, не имѣя постоянно возлѣ себя регулятора или руководителя, основаннаго на общественныхъ силахъ и интересахъ. Если, такимъ образомъ, начало и происхожденіе земскихъ учрежденій по необходимости должно было выйти изъ рукъ, никогда не стоявшихъ при земскомъ дѣлѣ, уже и по той простой причинѣ, что самое земское дѣло не существовало въ настоящей его формѣ, то нужно ожидать только отъ дальнѣйшаго его развитія на практикѣ постепеннаго самоусовершенствованія. Обыкновенно, кажется, что люди рождаютъ дѣло, но быть можетъ еще справедливѣе было бы утверждать, что дѣло рождаетъ людей. Эта истина отвѣчаетъ на многіе изъ упрековъ, которые могли быть сдѣланы нашимъ первымъ земскимъ собраніямъ.

При такомъ происхожденіи земскихъ учрежденій, какъ признанія неудовлетворительности прежняго порядка, нисколько не удивительно, что, при открытіи своей дѣятельности, земскія собранія коснулись прежде всего неблагопріятныхъ обстоятельствъ нашего народнаго хозяйства: учредители земства создавали его, имѣя въ виду при его помощи открыть недостатки и устранить ихъ, а потому земскія со-

бранія должны были помнить, что отъ нихъ ожидаютъ отвѣта на вопросъ, которому они обязаны своимъ существованіемъ. Отъ нихъ ожидали и требовали многого. Ихъ честь и долгъ обязывали къ прямымъ и откровеннымъ объясненіямъ передъ правительствомъ, которому положеніе вещей могло быть знакомо только изъ предположеній или изъ оффиціальныхъ источниковъ, не всегда совпадающихъ съ дѣйствительностію. Такимъ образомъ, первыя земскія собранія старались оказать правительству неотъемлемую и посильную заслугу, снимая тѣмъ съ земства всякую отвѣтственность, въ случаѣ неуспѣха. Они объяснили, на сколько это было возможно на первый случай, интересы края и земства, нужды, пользы и затрудненіе ихъ.

Какимъ же образомъ отнеслись къ земскимъ собраніямъ различные элементы нашего общества? Это одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ вопросовъ, который, конечно, имѣетъ долю вліянія на настоящую судьбу земства, но еще болѣе знаменателенъ, какъ историческій памятникъ того общественнаго настроенія, въ которомъ застали насъ новыя учрежденія.

Безъ сомнѣнія, каждый изъ насъ относится къ извѣстному явленію или событію жизни, смотря потому, какіе идеалы онъ носитъ въ своей груди. Къ чести и къ счастію нашего общества, большинство его оказало земскимъ собраніямъ полное сочувствіе. Изъ меньшинства же, нѣкоторые, сколько намъ извѣстно, высказались совершенно враждебно, другіе — робко, неискренно и неопредѣленно.

О враждебныхъ умахъ мы говорить не будемъ; мы объ нихъ пожалѣемъ и умолчимъ.

За тѣмъ обвинители земскихъ собраній, сознавая несостоятельность центральной администраціи въ дѣлахъ земскаго хозяйства и возможность только посредствомъ земскихъ учрежденій водворить лучшій порядокъ, упрекаютъ однако собраніе въ поспѣшности, въ неопытности и въ горячности; укоряютъ ихъ въ желаніи учредить какое-то statum in statu; доказываютъ имъ, будто ходатайства ихъ неосновательны, и будто земство никогда не существовало до изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Заявленія земства называютъ голою критикой, и при этомъ напоминаютъ, что въ земскихъ собраніяхъ не присутствуютъ прямые представители центральной власти, вслѣдствіе чего эта критика остается не только безъ опроверженія, но и безъ отвѣта и т. д. и т. д. Наконецъ, нашимъ земскимъ учрежденіямъ ставятъ въ примѣръ Бельгію.

Не смотря на всѣ уроки исторіи, люди никогда не имѣютъ довольно привычки къ голосу истины. Мы такъ поддались сладкимъ звукамъ хвалебныхъ гимновъ, убаюкивающихъ насъ въ спокойной дремотѣ самообольщенія и самодовольства, что едва послышался, можетъ быть, неблагопріятный, но честный голосъ правды, мы уже кри-

чимъ: Hannibal ad portas! и готовы поразить, въ нашемъ призрачномъ страхѣ, лучшаго друга. Неужели указаніе ошибокъ можетъ быть несвоевременной смѣлостію, а желаніе ихъ исправленія преступной поспѣшностію или неопытнымъ нетерпѣніемъ?

Легко говорить — поспѣшность, горячность, голая критика. Мы очень хорошо понимаемъ, что можетъ быть кому нибудь пріятна система услужливости, спокойнаго пользованія удобствами положенія. На нашъ вѣкъ хватитъ; après nous le dèluge! Но развѣ таковы должны быть понятія и призваніе истинно государственнаго ума? Развѣ государственные люди призваны на самослуженіе?

Недавно одинъ талантливый публицистъ спрашивалъ: развѣ патріотизмъ состоитъ въ ношеніи вицъ-мундира или въ коммандованіи ротой?—Мы, въ свою очередь, позволимъ себѣ вопросъ: развѣ опытность пріобрѣтается вицъ-мундиромъ или управленіемъ канцеляріей? Мы всѣ, болѣе или менѣе, носили гербовыя пуговицы и сидѣли въ канцеляріяхъ; вчера мы были тамъ, а сегодня тремся въ живой сферѣ, и наоборотъ. Кто же и когда болѣе или менѣе опытенъ? На комъ наложена печать опытности, и кто ее накладываетъ? По поводу притязанія на опытность и компетентность одного дѣятеля, англійскій журналъ «Economist» отвѣчалъ: «бюрократическая карьера — далеко не единственное и даже не лучшее средство къ пріобрѣтенію опытности и знаній въ дѣлахъ управленія.»

Говорятъ о государствѣ въ государствѣ; но что́ значитъ эта фраза? Строго говоря, въ ней нѣтъ смысла. Въ настоящее время не только внутренняя государственная солидарность, но и внѣшняя народная до того укрѣпилась, что лишній выстроенный корабль, лишній обмундированный солдатъ принуждаютъ обдумывать дѣло. Дѣло идетъ о предметѣ первой важности, а не о какой-нибудь старой латинской фразѣ, не всегда понятной современному человѣку. Вопросъ состоитъ въ правѣ произвольнаго вмѣшательства въ дѣла мѣстнаго управленія и въ крайней централизаціи государства, раскинутаго на громадномъ пространствѣ, безъ правильныхъ и скорыхъ сообщеній, съ безчисленнымъ числомъ административныхъ инстанцій. Въ настоящее время, даже государства, гораздо болѣе насъ устроенныя во всѣхъ отношеніяхъ, страдаютъ отъ излишней централизаціи, если она тамъ существуетъ.

Далѣе, хотятъ намъ доказать, что земство не существовало до настоящей поры. Но это или риторика или софизмъ, основанный на игрѣ словъ, или наконецъ совершенное незнаніе исторической азбуки. Новыя учрежденія не могутъ быть признаны голою выдумкою; ихъ данныя лежатъ давно въ самомъ общественномъ организмѣ; въ другомъ только видѣ, они тянутся чрезъ всю исторію народной жизни, и новыя реформы служатъ, или по крайней мѣрѣ могутъ служить, однимъ

громкимъ признаніемъ въ необходимости перемѣщать на первый планъ, что досего оставалось въ тѣни.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ другое возраженіе, а именно, что въ земскихъ собраніяхъ не присутствуютъ прямые представители центральной власти, что такимъ образомъ всѣ сужденія, относящіяся до ея дѣйствій, могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ оставаться не только безъ опроверженія, но и безъ отвѣта въ средѣ собраній, и что потому критика дѣлается весьма легкою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отнимается у у нея не малая доля ея значенія. Все это, какъ нельзя болѣе справедливо; но истина не перестаетъ быть истиною, къ чему бы ее ни примѣнили, а потому мы ожидаемъ, что противники земскихъ учрежденій повторятъ все вышесказанное ими при другихъ случаяхъ, и подумаютъ также о томъ, что, если среди земства нѣтъ другихъ представителей, которые могли бы возражать на его критику, то и земство—сторона слабѣйшая, не имѣетъ также своихъ представителей не только тамъ, гдѣ оно обвиняется, но и тамъ, гдѣ обсуждаются и рѣшаются его судьбы. Оно не имѣетъ не только представителей своихъ интересовъ, но даже и защитниковъ, которые могли бы своевременно объяснить, что его слова не понимаются и перетолковываются, невѣдомо въ какихъ видахъ.

Наконецъ, примѣръ Бельгіи, къ сожалѣнію, вовсе къ намъ не подходитъ. Представляя его, не слѣдуетъ забывать, что наши условія иныя, что тамъ администрація обладаетъ другимъ духомъ, а главное, что тамъ она въ непосредственной зависимости отъ выборнаго начала, отъ представительства страны, которое служитъ развитіемъ для бельгійскихъ земскихъ учрежденій. Ничего подобнаго у насъ не существуетъ.

Мы не станемъ разсматривать дальнѣйшихъ обвиненій и укоризнъ, обращенныхъ, съ различныхъ сторонъ, на наши земскія собранія, не потому, чтобы на нихъ трудно было отвѣчать, но это придало бы нашей статьѣ полемическій характеръ, чего мы желаемъ избѣгнуть. Мы хотѣли только установить пока общій взглядъ на источникъ и цѣль земскихъ учрежденій, чтобы, такимъ образомъ, имѣя точку опоры, слѣдить послѣ за ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ съ настоящей минуты, когда для нихъ начинается собственная ихъ исторія.

Н. КРУЗЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время въ обществѣ и въ печати особенно часто слышны жалобы, что мы находимся въ томъ странномъ, неопредѣленномъ, но томительномъ положеніи, для котораго современный языкъ

употребляетъ особое выраженіе: *кризисъ*. Кризисъ давно уже сравниваютъ съ общественною болѣзнію, симптомы которой чрезвычайно сложны, какъ всякаго органическаго разстройства; а причины, корень зла, распознаются только путемъ продолжительнаго, глубокаго изученія прошедшаго и настоящаго развитія экономической жизни, чѣмъ мы, къ несчастію, похвастать не можемъ. Статистическія данныя о нашей внутренней промышленности и денежномъ обращеніи никогда не собирались съ должною полнотою и основательностію; разбросанныя и отрывочныя свѣдѣнія трудно соединить и невозможно повѣрить, такъ что противъ всякой цифры существуетъ рядъ другихъ, противорѣчащихъ, и остановиться положительно не на чѣмъ; положеніе государственныхъ финансовъ, въ ближайшую къ намъ эпоху, такъ тѣсно связанное съ экономическимъ бытомъ страны, скрыто въ архивахъ и недоступныхъ публикѣ запискахъ и трудахъ правительственныхъ лицъ, такъ что связь настоящаго финансоваго разстройства съ завѣщеннымъ прежнимъ государственнымъ хозяйствомъ не можетъ быть разъяснена и оцѣнена, какъ слѣдуетъ. Неудивительно поэтому, что труды немногихъ спеціалистовъ, желающихъ посвятить себя изученію этого вопроса, страдаютъ отсутствіемъ полноты, основательности и вѣрности взгляда, и, напротивъ, поражаютъ разнообразіемъ самыхъ противорѣчащихъ и оригинальныхъ взглядовъ на предметъ. Запутанность эта усиливается еще тѣмъ, что экономическая наука до сихъ поръ мало разработала ненормальныя явленія, сопровождающія патологическое состояніе народной дѣятельности, извѣстное подъ именемъ кризиса. Это одна изъ новыхъ болѣзней, въ которыхъ наука пока не изслѣдовала еще внутреннихъ измѣненій народнаго организма, и, остановившись на распознаваніи наружныхъ признаковъ, прибѣгаетъ къ спорнымъ предположеніямъ о существѣ болѣзни и гадательному леченію.

Въ подобныхъ случаяхъ, лучше всего обратиться къ самому больному и у него спросить, какія ощущенія производитъ въ немъ болѣзнь, чтобы, на основаніи этихъ показаній, опредѣлить размѣръ и свойство нанесенныхъ организму поврежденій.

Фактъ у насъ общеизвѣстный, что продажи недвижимаго имущества въ послѣднее время почти не было, и что поземельная собственность совершенно упала въ цѣнѣ. Явленіе это вполнѣ понятно и многіе приписываютъ его исключительно освобожденію крестьянъ, ссылаясь на примѣръ Германіи, гдѣ за подобною реформою слѣдовало такое же паденіе цѣнъ на поземельную собственность; но не слѣдуетъ забывать, что у насъ значительная полоса Россіи занята была помѣщичьими оброчными имѣніями, въ которыхъ оброкъ по уставной грамотѣ сохранился тотъ же, и владѣльцы ничего не потеряли. Отчего же такія имѣнія потеряли цѣнность, и въ настоящее время никто не

купить крестьянскаго надѣла, приносящаго извѣстный имущественный доходъ? Отъ того, что оброки въ промышленныхъ губерніяхъ платятся весьма туго, и причиною тому, кромѣ самаго способа взысканія, зависящаго отъ личности мировыхъ посредниковъ, заключается въ отсутствіи заработковъ и стѣсненіи вообще народной промышленности. Какъ бы то ни было, землевладѣльцы — проживаютъ въ настоящее время свои выкупныя свидѣтельства; и даже та часть ихъ, которая и способна, и желаетъ трудиться, не извлекаетъ, а главное, не можетъ извлекать доходовъ изъ своихъ земель, по независящимъ отъ нея причинамъ. Разбирать подробно всѣ эти причины было бы въ настоящемъ очеркѣ неумѣстно; но онѣ сводятся къ одной, — къ отсутствію у насъ поземельнаго кредита въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля сохранила еще достаточную цѣнность, или, другими словами, даетъ нѣкоторую ренту, выражающуюся въ существованіи извѣстной арендной цѣны за наемъ обработанныхъ участковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поземельный кредитъ, однажды прочно у насъ установившійся, послужитъ средствомъ оживленія важнѣйшей нашей промышленности — *земледѣльческой*. Для тѣхъ изъ прежнихъ землевладѣльцевъ, которые способны и желаютъ трудиться, онъ дастъ возможность обратить часть своей земли въ оборотный капиталъ, необходимый для производства; а для тѣхъ, кто ищетъ лишь возможности жить на счетъ послѣдняго своего достоянія или помѣстить свой движимый капиталъ въ болѣе выгодныя предпріятія поземельный кредитъ будетъ средствомъ перемѣщенія его поземельной собственности въ другія руки, болѣе искусныя или болѣе склонныя къ земледѣльческому промыслу. Но что сдѣлано у насъ до сихъ поръ для поземельнаго кредита? Существуетъ херсонскій банкъ въ самой выгодной для земледѣлія мѣстности и продаетъ свои облигаціи по 80%, тогда какъ предпослѣдній внутренній заемъ достигалъ до 118%. Всѣ остальные проэкты банковъ, саратовскій банкъ, банки Френкеля и Отрѣшкова, пропустившіе срокъ открытія и желающіе, какъ слышно, возобновить свои попытки, не больше какъ предположенія, осуществленіе которыхъ сомнительно и не обѣщаетъ скорыхъ успѣховъ. На всѣхъ земскихъ собраніяхъ происходили толки объ открытіи земскихъ банковъ, но они нигдѣ не привели къ положительнымъ результатамъ. За неимѣніемъ въ виду опредѣленной возможности сбыть облигаціи поземельныхъ банковъ, обезпеченныя круговой порукой по выгодной цѣнѣ, ни одно изъ земскихъ собраній не отнеслось сочувственно къ заявленіямъ отрѣшковскаго банка. Многія собранія прямо высказались противъ долгосрочнаго кредита и поземельныхъ облигацій, признавая полезнымъ въ настоящее время только краткосрочный (такъ называемый земледѣльческій кредитъ), въ видѣ ссуды наличными деньгами. Собранія вообще отложили вопросъ о бан-

кахъ до передачи въ вѣдѣніе земства предоставленныхъ ему продовольственныхъ, благотворительныхъ и другихъ капиталовъ, я, не располагая денежными средствами, отказались отъ составленія безполезныхъ проэктовъ, доставлявшихъ доселѣ пищу только многописанію и безплоднымъ толкамъ, тогда какъ, въ самомъ началѣ крестьянской реформы, тверской банкъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать на привлеченіе значительнаго заграничнаго капитала и былъ отказанъ, только за допущеніе въ уставѣ счета на звонкую монету, разрѣшеннаго Френкелю. Какъ бы то ни было, нельзя сложить вину въ отсутствіи у насъ поземельныхъ банковъ на самихъ землевладѣльцевъ. Съ ихъ стороны требуется только желаніе получить кредитъ на условіяхъ, возможныхъ для производства, и обезпечить этотъ кредитъ своею поземельною собственностью; желаніе это существуетъ въ самой высшей степени, недостаетъ только желающаго *открыть* для землевладѣльцевъ такой кредитъ. Однимъ словомъ, у земледѣльцевъ нѣтъ денегъ, имъ нужны деньги, а денегъ имъ никто не даетъ; спрашивается, землевладѣльцы ли въ этомъ виноваты? Такимъ образомъ, цѣлый классъ людей, располагающихъ значительной долей поземельнаго и умственнаго богатства, (ибо все таки ихъ нельзя не отнести къ образованной массѣ народа), осужденъ на *непроизводительность*, на потребленіе своего прежняго капитала, своихъ прежнихъ сбереженій. У насъ многіе убѣждены, что если поземельные банки не устраиваются, то въ этомъ виноваты сами землевладѣльцы: обвиненіе подкрѣпляется избитыми, но тѣмъ не менѣе безпрестанно повторяющимися фразами о недостаткѣ предпріимчивости, непривычкѣ къ труду, неумѣньи взяться за дѣло и т. д., и, въ концѣ концевъ, сводится на указаніе благодѣтельныхъ результатовъ поземельныхъ банковъ за границею и у насъ, въ Польшѣ и Остзейскомъ краѣ. Что подобные упреки имѣютъ нѣкоторое основаніе, мы спорить не будемъ, но, съ другой стороны, мы поставимъ вопросъ: возможно ли, чтобы цѣлая масса, положимъ жившая на чужой счетъ и не привыкшая къ труду, потому что трудъ въ прежнее время не составлялъ для нея необходимости, согласилась скорѣе на голодную бездѣятельность, нежели на благопріятный для нея по результатамъ трудъ? Мы полагаемъ, что въ этой массѣ непремѣнно будутъ исключенія, изъ которыхъ одни доживутъ свой вѣкъ въ безплодныхъ стонахъ и увеличивающейся праздной нищетѣ, а другія примирятся съ самымъ усиленнымъ, скупо вознаграждающимъ трудомъ, и обезпечатъ свой бытъ особою энергіею и предпріимчивостію, что мы и видимъ въ настоящее время. Но масса, люди обыкновеннаго уровня, должны избрать средній путь, то есть найти для себя сколько нибудь обезпечивающее при посильномъ трудѣ занятіе; и если цѣлая масса отказалась и продолжаетъ отказываться именно отъ своей прежней сельско-хозяйственной дѣятельности, пере-

ходя къ другимъ средствамъ жизни (службѣ, выселенію за границу, торговлѣ, виннымъ спекуляціямъ, ажіотажу процентными бумагами и пр.), то причина этому не лежитъ въ одной лѣни, неспособности и недостаткѣ знаній. Это показываетъ, что современныя условія земледѣльческой промышленности сложились у насъ такъ, что она приноситъ доходу *менње* всякой другой промышлености, и, слѣдовательно, каждый оставляетъ ее при первой возможности взяться за другое дѣло. Мы уже сказали, что главное неблагопріятное условіе есть отсутствіе поземельнаго кредита. За неимѣніемъ у насъ денегъ или оборотнаго капитала, поземельные банки не устроиваются у насъ, какъ всякія конторы для раздачи не существующихъ и не предлагаемыхъ капиталовъ. Изъ исторіи поземельныхъ банковъ, выпускавшихъ свои закладные листы подъ круговою порукою, мы знаемъ, что они вездѣ, при самомъ своемъ началѣ, разсчитывали или на правительственую помощь или на сбытъ этихъ листовъ внутри страны, т. е. на привлеченіе къ сельской промышленности туземныхъ капиталовъ. На туземные капиталы у насъ надежды нѣтъ, и потому мы по необходимости должны прибѣгать къ иностраннымъ. Здѣсь всего важнѣе, такимъ образомъ, *осуществленіе такого банка, который съумњетъ привлечь иностранные капиталы съ сохраненіемъ возможныхъ выгодъ туземныхъ заемщиковъ, что и обусловливается единственно свободою конкурренціи поземельныхъ банковъ.*

Едва ли возможно думать о подобной конкурренціи, когда имѣется въ виду *особое покровительство раззорительному для русскихъ землевладњльцевъ банку Френкеля, съ которымъ борьба для всякого другого банка дњлается совершенно невозможною.* Такимъ образомъ, поземельный кредитъ теряетъ свою благодѣтельную сторону и сохраняетъ только *вредную*, т. е. облегченіе возможности сбыть свою поземельную собственность, за что бы то ни было для владѣльцевъ, не желающихъ или не умѣющихъ извлекать изъ нее дохода, въ руки своихъ и иностранныхъ спекулянтовъ, ибо лица, посвятившія себя сельскому хозяйству, съ подобнымъ банкомъ имѣть дѣла не рѣшатся и по прежнему остаются лишенными поземельнаго кредита. Въ этомъ смыслѣ особеннаго сочувствія заслуживаетъ заявленное въ печати предложеніе объ устройствѣ самими землевладѣльцами «Общества взаимнаго поземельнаго кредита». Общества взаимнаго кредита вездѣ и всегда на западѣ являлись самымъ могущественнымъ орудіемъ помощи для всѣхъ классовъ, именно въ періоды кризиса и экономическаго разстройства, когда единичныя усилія становятся невозможными и требуется общій и дружный отпоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что соединеніе между собою нашихъ землевладѣльцевъ, до сихъ поръ отличавшихся своею разрозненностію и неумѣніемъ согласить свои интересы, можетъ указать правильный путь поземельному кредиту и много

облегчить скорѣйшее его осуществленіе. Значеніе предполагаемаго общества взаимнаго поземельнаго кредита тѣмъ важнѣе, что въ немъ предполагается совмѣстное открытіе *землевладѣльческаго* или долгосрочнаго кредита (credit foncier) металлическими облигаціями или закладными листами, и *земледѣльческаго* или кратко-срочнаго (credit agricol) наличными ссудами.

Вслѣдъ за сословіемъ личныхъ землевладѣльцевъ, располагающихъ значительною массою поземельнаго богатства въ странѣ, самымъ производительнымъ классомъ долженъ бы являться классъ фабрикантовъ, ремесленниковъ и торговцевъ, какъ посредниковъ первыхъ двухъ съ потребителями. Реформа крестьянскаго быта не могла не имѣть значительнаго и притомъ временно неблагопріятнаго вліянія на отечественную промышленность. Въ эпоху крѣпостного права, когда главнымъ и почти единственнымъ покупщикомъ у насъ являлся помѣщикъ и притомъ крупный, промышленность должна была удовлетворять сильнѣйшимъ образомъ требованіямъ роскоши и дорогого потребленія. Съ освобожденіемъ крестьянъ, рынокъ, уменьшая запросъ на предметы роскоши, требуетъ дешевыхъ продуктовъ, необходимыхъ для быта сельскихъ обывателей. Для этого перехода, промышленность должна была найти нѣкоторыя благопріятныя условія, ибо всякій такой переходъ сопряженъ съ извѣстнымъ количествомъ пожертвованій, потери затраченныхъ капиталовъ и настоятельной нуждой въ свободныхъ оборотныхъ средствахъ или промышленномъ кредитѣ. Но, къ несчастію, въ эту самую страдную эпоху, отечественная промышленность, напротивъ, окружена была самыми неблагопріятными условіями. Неумѣлыя реформы нашихъ финансистовъ, распространившихъ въ неподготовленномъ обществѣ чисто-теоретическіе и извращенные толки о свободной торговлѣ и въ тоже время вытѣснившихъ одновременно изъ кредитныхъ учрежденій всѣ свободные капиталы, нанесли нашей промышленности несравненно болѣе тяжелый ударъ, нежели крестьянская реформа. Торговая политика наша никогда не отличалась стойкостію и постоянствомъ: безпрестанно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и самихъ финансовыхъ дѣятелей, она перескакивала отъ строго охранительной и даже запретительной системы къ пониженію пошлинъ, нисколько не соображенному съ состояніемъ народной промышленности. Эта произвольная измѣнчивость, соединенная съ вліяніемъ разныхъ внутреннихъ причинъ, задерживала въ странѣ развитіе промысловъ и накопленіе свободныхъ оборотныхъ капиталовъ. Нисколько не возставая противъ справедливаго принципа свободной торговли, мы однакоже вполнѣ согласны съ словами Рошера: «полная свобода торговли съ заграницей пригодна для совершенно неразвитыхъ народовъ съ одной-стороны, и для стоящихъ высоко надъ соперниками въ экономическомъ отношеніи съ другой.. Напротивъ, для націй, стоящихъ на средней степени развитія, благора-

зумное покровительство составляетъ превосходную школу для достиженія высокихъ степеней и самой вершины производительности и богатства... Особенно же полезно странѣ промышленное покровительство тогда, когда изъ трехъ великихъ факторовъ производства—природы, труда и капитала, два существуютъ въ изобиліи, но, по недостатку въ третьемъ, находятся въ бездѣйствіи, или когда этотъ третій факторъ не можетъ образоваться подъ гнетомъ иностраннаго соперничества.» — «Геній истиннаго государственнаго человѣка, говоритъ Ваппеусъ, въ отличіе отъ генія теоретика, заключается именно въ способности пониманія и правильнаго опредѣленія степени развитія народа, его особеннаго призванія и особенныхъ потребностей, въ особенности открытія истиннаго пути и дѣйствительныхъ средствъ къ его дальнѣйшему развитію.» Такимъ государственнымъ умомъ обладалъ Гр. Канкринъ, замѣчательнѣйшій, послѣ Петра, русскій финансовый дѣятель: и сохранившаяся, въ теченіи четверти вѣка, подъ его вліяніемъ, постоянная и благоразумная торговая политика привела къ значительному развитію нашей внутренней промышленности и улучшенію нашего финансоваго положенія. Но сложившаяся подъ покровительствомъ Любецкаго и руководствомъ Тенгоборскаго, школа доморощенныхъ фритредеровъ опрокинула самымъ насильственнымъ образомъ долголѣтнюю дѣятельность покойнаго министра, и, подъ вліяніемъ теоретическо-бюрократической ломки, мы пережили длинный путь ошибокъ приведшихъ насъ къ современному печальному положенію. Подчиняясь указаніямъ опыта, не довѣряя болѣе нашимъ смѣлымъ и такъ много обѣщавшимъ финансистамъ, общество въ послѣднее время начало отрезвляться отъ прежнихъ увлеченій и смотритъ болѣе подозрительно на фритредерскіе возгласы и рутинно-научныя толкованія людей, мало свѣдущихъ въ теоріи и совершенно незнакомыхъ съ практикой. Давно ли, говорить въ защиту крѣпостного права и противъ неотложнаго пониженія нашего тарифа—считалось одинаковымъ преступленіемъ; но въ настоящее время болѣе серьезные органы общественнаго мнѣнія или открыто объявили себя въ пользу протекціонной системы, какъ «С.-Петербургскія вѣдомости» и «Торговый сборникъ», или мало по малу переходятъ на эту почву, какъ «Московскія вѣдомости». Поводомъ къ такому обороту общественнаго мнѣнія послужило извѣстное предложеніе германскаго таможеннаго союза, сдѣланнаго чрезъ Пруссію, о заключеніи торговаго трактата съ пониженіемъ привозныхъ пошлинъ. Идя къ ясно сознаваемой, практической цѣли, германскіе торговцы поставили вопросъ о свободѣ торговли Россіи съ заграницею прямо и просто, какъ *экономическое завоеваніе* нашего обширнаго отечества. Дѣйствительно, при такомъ неравенствѣ условій производства, какъ въ западной широко развивающейся, ничѣмъ не потрясенной промышленности, и нашей, находящейся подъ вліяніемъ самаго глубокаго и всепроникающаго кризиса,

съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ причинъ, расширеніе свободы обмѣна, вмѣсто временной охраны народной промышленности, представляетъ самую удобную минуту для экономическихъ, завоевательныхъ плановъ извнѣ. Такую свободу можно сравнить только съ свободою притока холоднаго воздуха въ комнату больного, только что вышедшаго изъ паровой ванны. Грозная опасность со стороны германскаго союза пробудила наше купечество, и, пользуясь дозволеніемъ правительства, оно высказало свои опасенія и свое стѣсненное положеніе. Серьезное отношеніе къ дѣлу обнаружилось въ центрѣ нашей промышлености, въ Москвѣ, гдѣ образовавшіяся изъ фабрикантовъ и заводчиковъ коммиссіи подробно разобрали всѣ отрасли промышленности, и, отъ имени постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ, издали весьма важный трудъ, въ которомъ фактически показано вліяніе послѣднихъ таможенныхъ реформъ на отечественную промышшенность, и средство къ ихъ исправленію. «Наша внутренняя торговля, говорятъ представители московскаго купечества, и безъ того необширная, потрясена въ своемъ основаніи несвоевременнымъ и въ высшей степени нераціональнымъ пониженіемъ тарифа въ 1857 г.; великія реформы, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, пошатнули весь экономическій организмъ нашъ, они обѣщаютъ дать плоды еще въ будущемъ, и можетъ быть весьма далекомъ, теперь же они отозвались тяжело на всей промышленности; наша денежная система потрясена, что съ своей стороны также не могло не отозваться на нашихъ торговыхъ дѣлахъ; все въ разстройствѣ; иностранцамъ, при такомъ положеніи нашихъ дѣлъ, и легко и выгодно спускать свои товары на такомъ обширномъ рынкѣ, какой представляетъ имъ Россія». Все это давно уже говорилось, но говорилось голословно и слѣдовательно проходило безъ всякой пользы для дѣла, могло быть подвергнуто и дѣйствительно подвергалось такому же голословному опроверженію. Общество, въ этомъ діалектическомъ спорѣ, естественно переносило свое сочувствіе на людей, повидимому, защищавшихъ свободу человѣческихъ отношеній, внѣ національныхъ и сословныхъ перегородокъ: подъ вліяніемъ такого-то сочувствія и распространилось въ обществѣ, незнакомомъ съ состояніемъ внутренней промышленности по фактическимъ даннымъ, скороспѣлое убѣжденіе въ необходимости немедленнаго у насъ привитія началъ свободной торговли, убѣжденіе, встрѣчавшее съ особенною радостію всякое пониженіе тарифа, всякій, хоть бы и необдуманный шагъ на этомъ скользкомъ пути. Но когда изъ области отвлеченныхъ словопреній, вопросъ переходитъ на почву жизненныхъ фактовъ и данныхъ, такое выгодное положеніе ратующихъ за отвлеченные принципы прекращается, общество требуетъ отъ нихъ въ свою очередь данныхъ и фактовъ въ подкрѣпленіе благодѣтельности и своевременности предлагаемыхъ или навязанныхъ ему реформъ. По свидѣ-

тельству московской записки, тарифъ 1857 г., съ послѣдующими измѣненіями, убилъ наше тонкорунное овцеводство, значительно уменьшилъ наше ремесленное производство, такъ что, по свѣдѣніямъ московской ремесленной управы, въ 1864 году, сравнительно съ 1858 г., число мастеровъ сократилось на 32%, рабочихъ на 20%, учениковъ на 36%; а средній ввозъ иностранныхъ ремесленныхъ произведеній съ 1859—1862, сравнительно съ 1857 г., возвысился почти вдвое; способствовалъ закрытію у насъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, и, вслѣдствіе безпошлиннаго ввоза машинъ, остановилъ развитіе у насъ механическихъ заведеній; подорвавъ нашу кяхтинскую торговлю, усилилъ до 10 милліоновъ въ годъ требованія на вывозъ отъ насъ за границу звонкой монеты; пониженіемъ пошлинъ на такъ называемые химическіе продукты и красильные матеріалы, задержалъ развитіе у насъ этихъ полезныхъ отраслей, не смотря на то, что возвышеніе пошлинъ, по незначительности падающихъ отъ того на товары расходовъ, оказалось бы на первыхъ даже порахъ совершенно незамѣтнымъ для потребителей и т. д. Все это факты, и за всѣ эти опыты мы заплатили и платимъ теперешнимъ для всѣхъ насъ тяжелымъ положеніемъ. Пусть наши фритредеры или опровергнутъ всѣ эти данныя и числа, или, въ свою очередь, выставятъ равносильныя этимъ убыткамъ выгоды, пріобрѣтенныя народомъ отъ усиленной, канцелярской дѣятельности. Въ общихъ основаніяхъ съ московскимъ купечествомъ сошлись петербургскій и рижскій биржевые комитеты; одинъ только одесскій заявилъ себя безусловно въ пользу свободы торговли. Это явленіе имѣетъ свое глубокое, мѣстное значеніе, которымъ фритредеры наши,—по незнанію отечественныхъ условій, не съумѣли воспользоваться. Дѣйствительно,—при настоящемъ состояніи путей сообщенія, распредѣленіи фабричнаго населенія и сосредоточеніи промышленныхъ капиталовъ, въ видѣ дѣйствующихъ или устроенныхъ фабричныхъ и промышленныхъ заведеній, сѣверъ Россіи есть протекціонистъ по силѣ своихъ экономическихъ мѣстныхъ условій, а югъ,—изобилующій сырыми продуктами,—фритредеръ изъ сознанія собственныхъ выгодъ, ибо обмѣнъ своихъ сырыхъ произведеній онъ гораздо прибыльнѣе производитъ въ настоящее время съ Европою, нежели съ сѣверною Россіею. Но измѣненіе нашей торговой политики примиряетъ совершенно интересы сѣвера и юга. Въ этомъ смыслѣ самое главное значеніе получаетъ у насъ вопросъ *о желѣзныхъ дорогахъ.*

Свободѣ и дешевизнѣ обмѣна у насъ всего болѣе препятствуютъ пути сообщенія; между тѣмъ устроенныя у насъ желѣзныя дороги преимущественно направляются къ западнымъ окраинамъ и отпускнымъ портамъ. Если бы, напротивъ, средняя околомосковская полоса соединялась съ хлѣбороднымъ югомъ и съ восточнымъ, открытымъ для нея рынкомъ, то внутренняя наша торговля пріобрѣтала бы пути увели-

ченія обмѣна, прекращающія экономическій антагонизмъ юга съ сѣверомъ. Сырые продукты (не исключая хлѣба) направлялись бы съ юга вмѣсто заграничныхъ портовъ во внутреннія губерніи, получающія такимъ образомъ возможность сбывать свои издѣлія на югѣ не дороже иностранныхъ; а соединеніе востока, изобилующаго у насъ желѣзомъ и каменнымъ углемъ (въ недавно открытомъ, баснословно-богатомъ по слухамъ мѣсторожденіи Всеволожскихъ) удешевило бы еще болѣе издержки фабричнаго дѣла и дало бы возможность сбывать его на обширномъ средне-азіятскомъ рынкѣ, открытомъ недавно завоеваніемъ Туркестанской области. Конечно, если мы рядомъ съ этими завоеваніями, будемъ строить желѣзныя дороги на западной окраинѣ, въ родѣ предлагаемой Оффенгеймомъ Черновицкой дороги,—для безпошлиннаго транзитнаго провоза западныхъ товаровъ въ среднюю Азію,—то, развитіе собственной промышленности, сбыту которой мы сами же препятствуемъ, не много выиграетъ отъ затратъ на отдаленные походы. Но если мы расширимъ сбытъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній на востокѣ, то при развитіи донецкихъ копей каменнаго угля фабричная промышленность можетъ съ бо́льшимъ удобствомъ продолжать свое распространеніе на югѣ, въ центрѣ сырыхъ продуктовъ,— что несомнѣнно началось ранѣе 1857 года, когда напр., кожевенные мыловарные, сальные и др. заводы начали закрываться въ сѣверныхъ губерніяхъ, и, напротивъ, возникали, въ Самарской, Оренбургской и др. Окончаніе южной желѣзной дороги, застроенной съ двухъ концевъ средствами самого правительства послужитъ первымъ звеномъ экономическаго соединенія юга съ сѣверомъ;—но, къ сожалѣнію, продолженіе этого дѣла не обезпечено въ будущемъ. Курско-Таганрогская дорога, о которой такъ много говорилось недавно, замолкла, и, вмѣсто слуховъ о концессіи, южные при-Азовскіе города ведутъ споръ о взаимныхъ преимуществахъ въ качествѣ приморскаго порта. Вопросъ о постройкѣ южныхъ дорогъ связанъ такимъ образомъ съ общимъ вопросомъ о проведеніи у насъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, — вопросомъ, разрѣшенію котораго не положено до сихъ поръ никакихъ прочныхъ основъ, не смотря на неизмѣримую его важность. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что, при усовершенствованіи путей сообщенія и разумномъ охраненіи народной промышленности, Россія сама представитъ огромную площадь внутренней конкурренціи, при которой удешевленіе продуктовъ не потребуетъ искусственнаго возбужденія, въ смыслѣ открытія иностранныхъ рынковъ; а свобода торговли не перейдетъ къ намъ въ видѣ чистаго экономическаго завоеванія и вытѣсненія насъ иностранными производителями на внутреннихъ рынкахъ, покупающихъ въ настоящее время издѣлія изъ нашихъ собственныхъ матеріаловъ, сдѣланныя за границею. Противъ свободы въ то время никто и спорить не будетъ; но необходимо условиться въ ближайшихъ мѣрахъ для

поднятія нашей промышленности, упадокъ которой слишкомъ для всѣхъ очевиденъ и не можетъ быть отрицаемъ. Обращаясь къ ближайшему настоящему, болѣе умѣренные и разумные изъ нашихъ фритредеровъ признаютъ теперь, что дальнѣйшее пониженіе нашего тарифа несвоевременно; но они ни за что не соглашаются на возвышеніе пошлинъ, нынѣ существующихъ, отыскивая другія причины для угнетенныхъ тарифомъ производствъ и соглашаясь на всякія другія палліативныя мѣры (напримѣръ, правительственныя субсидіи, предоставленіе извѣстныхъ привилегій акціонернымъ компаніямъ и спеціальныхъ банкамъ и проч.). Напротивъ, болѣе умѣренные и разумные протекціонисты, желая измѣненія нашей торговой политики, не требуютъ безусловнаго возвышенія таможенныхъ пошлинъ и даже не противодѣйствуютъ основательному ихъ, гдѣ окажется нужнымъ, пониженію. Требованія ихъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) Признавая тарифную реформу 1857 г. за чисто бюрократическую, невызванную потребностями нашей жизни и въ этомъ смыслѣ оказавшую вредное вліяніе на нашу промышленность, они желали бы *раціональнаго пересмотра дѣйствующаго тарифа, съ участіемъ главнѣйшихъ дѣятелей нашей промышленности, хотя бы въ видѣ совѣщательныхъ членовъ,—но съ гарантіею, что справедливыя ихъ требованія будутъ уважены.*

2) *Постоянство законодательнаго установленія тарифныхъ пошлинъ, внѣ произвольныхъ бюрократическихъ измѣненій,—съ обязательнымъ пересмотромъ только при содѣйствіи тѣхъ же самыхъ лицъ.*

3) *Скорѣйшаго учрежденія въ главныхъ промышленныхъ центрахъ торговыхъ палатъ,* — о чемъ уже существуютъ предположенія въ правительственныхъ сферахъ. Эти палаты, какъ за границею, явились бы законною и постоянною средою охраненія и представительства интересовъ торговаго и промышленнаго класса, который въ настоящее время болѣе всѣхъ другихъ лишенъ голоса въ заявленіи своихъ нуждъ, ибо городскіе гласные въ земскихъ учрежденіяхъ составляютъ вездѣ (кромѣ Петербурга, Москвы и Одессы) незамѣтное меньшинство, а городскія думы находятся въ совершенной зависимости отъ мѣстной администраціи, за исключеніемъ трехъ вышеупомянутыхъ городовъ.

4) *Расширенія торговаго кредита содѣйствіемъ къ учрежденію правительственныхъ или частныхъ учетныхъ конторъ и коммерческихъ банковъ,* предлагающихъ наличные платежные знаки въ учетъ векселей, остающихся до наступленія срока безъ того мертвымъ капиталомъ въ рукахъ нуждающагося промышленника или торговца. Отъ производителей обратимся къ той многочисленной массѣ, благоустройствомъ которой мы преимущественно заняты въ настоящее время. На любомъ перекресткѣ, вступивъ въ разговоръ съ крестьяниномъ или рабочимъ, вы можете услышать многознаменательныя и вполнѣ спра-

ведливыя слова: «*намъ стало лучше, но мы сдѣлались бѣднѣе, жить теперь труднѣе.*» Масса, безъ всякого сомнѣнія, осязательно чувствуетъ свою свободу отъ крѣпостного произвола; но на нее также осязательно ложится и гнетъ экономическаго разстройства, лишающій ее предметовъ первой необходимости. Поднятіе нравственнаго уровня, это великое значеніе цивилизаціонныхъ реформъ, — подвигается постепенно и незамѣтно для дѣятелей переходной эпохи. Въ той ближайшей, непосредственной почвѣ, на которой вращается жизнь большинства, его современный свободный трудъ, окруженный препятствіями вслѣдствіе административныхъ и финансовыхъ реформъ, обезпечиваетъ только отъ голодной смерти, но лишаетъ народъ возможности пріобрѣтенія довольства и накопленія сбереженій, болѣе доступныхъ для него до наступленія настоящаго кризиса. Причины, которыя привели народъ къ приведенному нами выше изрѣченію, слѣдующія:

1) *Быстрое увеличеніе податей.* Подати въ послѣднее время возрасли у насъ до крайняго предѣла, какой можетъ вынесть народъ, и, не смотря на то, безпрестанно растутъ не только въ смыслѣ государственныхъ, но и въ смыслѣ земскихъ сборовъ. Въ странѣ, гдѣ достаточныхъ классовъ, вмѣсто 25%, встрѣчаемыхъ въ болѣе образованныхъ западныхъ государствахъ, можно насчитать всего до $3\frac{1}{2}$%, а остальные 96% приходятся на долю трудящихся классовъ, всякое возвышеніе податей преимущественно падаетъ и не можетъ не падать на эти 96% трудящихся классовъ. Сравнительно съ Великобританіею, у насъ (за исключеніемъ чиновниковъ и капиталистовъ, не платящихъ *ничего*) достаточные классы, не смотря на разность цифры, платятъ *болѣе*, и потому увеличить значительно на нихъ налоги не представляется возможнымъ; въ Великобританіи высшій и средній классы платятъ только *вдвое болѣе* средней податной цифры на голову податного населенія, а у насъ они платятъ въ *семь разъ* больше. Между тѣмъ низшій классъ въ Великобританіи платитъ 6 р. 60 к. на голову исключительно въ видѣ косвенныхъ сборовъ на предметы, не первой необходимости, а у насъ среднимъ числомъ низшій классъ платитъ до 4 р. съ головы, бо́льшею частію прямыхъ налоговъ, что, по сравненію экономическаго богатства страны и средняго размѣра задѣльной платы въ Великобританіи и Россіи, не только представляется равною податною тяжестію въ обоихъ государствахъ, но едва ли еще не выше для Россіи. Такимъ образомъ, одновременная связь безспорно благодѣтельныхъ реформъ ложится на населеніе прежде всего *финансовою своею тяжестію*, размѣръ которой въ свою очередь можетъ на долго отдалить ихъ нравственное значеніе и повергнуть народъ въ тяжелое положеніе, отодвигающее его отъ предположенной цѣли на продолжительный промежутокъ.

2) Сидящіе въ Петербургѣ экономисты воображаютъ, что наши

крестьяне исключительно земледѣльцы, въ родѣ заграничныхъ фермеровъ, и что надѣленіе ихъ уставнымъ участкомъ дало имъ возможность обезпечить свой быть пропорціонально труду и желанію. Но, за исключеніемъ мѣстностей, окружающихъ рынки въ черноземной полосѣ,—такое предположеніе совершенно несправедливо. Во всей мѣстности нечерноземной полосы и даже въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, крестьянинъ богатѣлъ и разживался вовсе не отъ земледѣлія, а отъ отхожихъ промысловъ, ремесла и торговли. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, безъ этихъ постороннихъ занятій, крестьянинъ не въ состояніи уплатить съ своего земельнаго участка даже лежащихъ на немъ повинностей; пропорціонально стѣсненію промышленности и упадку общаго благосостоянія достаточныхъ классовъ сократились средства крестьянъ къ заработкамъ, сбереженіямъ и улучшенію своего быта. Въ особенности тяжело на этотъ классъ ложатся существующія у насъ пошлины за право торговли и земскіе сборы на промысловыя крестьянскія заведенія. Противъ заявляемаго нами факта съ перваго разу можно привести, что вообще плата мелкимъ ремесленникамъ, рабочимъ и фабричнымъ, въ послѣднее время у насъ поднялась. Но при этомъ должно принять, во сколько увеличились у насъ издержки содержанія, цѣна сырыхъ матеріаловъ, пошлина съ хозяевъ ремесленныхъ заведеній, обыкновенно сбрасываемая ими на пришлыхъ мастеровыхъ и пр., такъ что ежегодные заработки, приносимые крестьянами домой,—что и составляетъ собственно чистый барышъ ихъ отъ отхожаго промысла, — значительно понизились. Возвышеніе цѣнъ произошло вслѣдствіе уменьшенія числа приходящихъ, — а такое уменьшеніе въ свою очередь вслѣдствіе сокращенія требованія; слѣдовательно, все равно, въ окончательномъ результатѣ, большинство прежде работавшихъ на чужой сторонѣ теперь сидитъ дома и бѣдствуетъ.

3) Обратимся за тѣмъ къ прежде бывшимъ барщиннымъ крестьянамъ, для которыхъ и прежде, какъ въ настоящее время, не существовало отхожихъ промысловъ, а единственное занятіе составляетъ земледѣліе. Въ самыхъ благодатныхъ полосахъ, при отсутствіи у насъ правильной хлѣбной торговли и при значительныхъ денежныхъ повинностяхъ, крестьянское хозяйство, само по себѣ мало производительное, подвергается всѣмъ случайностямъ неурожая, паденія цѣнъ при хорошемъ урожаѣ, опустошенія эпидимическими скотскими надежами, совершеннаго отсутствія кредита, заставляющаго крестьянъ сбывать свои произведенія въ самую неблагопріятную минуту. Отъ того крестьяне въ земледѣльческой полосѣ большею частію работаютъ только для отбытія повинностей и мало заботятся объ улучшеніи своего быта. Средній уровень зажиточности крестьянъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ, точно также какъ въ промышленныхъ, можетъ скопляться только въ рукахъ отдѣльныхъ личностей, занимающихся

торговлею, ремесломъ и сельскимъ хозяйствомъ, какъ промысломъ, въ многорабочихъ семьяхъ, увеличивающихъ свои хозяйства посредствомъ найма земель и рабочихъ. Точно также какъ уровень этотъ понизился въ промышленныхъ губерніяхъ вслѣдствіе недостатка заработковъ, въ земледѣльческихъ, число этихъ отдѣльныхъ единицъ не увеличилось, говоря вообще, когда большинство освобожденныхъ отъ барщины крестьянъ предалось на первое время безпечному пользованію участками надѣла, соблазну дешевой водки и эпидемической склонности къ раздѣламъ, замѣчаемой повсемѣстно въ настоящее время. Между тѣмъ совпаденіе помѣщичьихъ и крестьянскихъ работъ въ одно время, въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ время есть самый дорогой капиталъ, затрудняетъ пріисканіе вольныхъ рабочихъ для сельскаго хозяйства, а отсутствіе постоянныхъ и въ особенности зимнихъ заработковъ, при увеличившихся денежныхъ повинностяхъ, повело къ усиленнымъ продажамъ крестьянскаго скота, на покрытіе недоимокъ, что окончательно раззоритъ крестьянское хозяйство. Рабочихъ на круглый годъ или на время, не занятое уборкою хлѣба, достать возможно не за дорогую цѣну; но они не нужны землевладѣльцу, потому что въ страдное время (во время сѣнокоса, жатвы и пр.) землевладѣлецъ встрѣчаетъ затрудненіе въ пріисканіи рабочихъ, а крестьянинъ не можетъ взять дешево, потому что эти немногіе дни кормятъ его въ теченіе цѣлаго года. Такимъ образомъ, единственные заработки отъ вольно-наемнаго земледѣльческаго труда въ этой полосѣ для крестьянина въ настоящее время недоступны, по экономическимъ условіямъ: цѣна хлѣба слишкомъ дешева, чтобы дать землевладѣльцу возможность заплатить вольно-наемнымъ рабочимъ за опущеніе въ ихъ собственномъ хозяйствѣ, а взять дешевле сколько нибудь — разсчетливымъ крестьянамъ не выгодно. Вслѣдствіе того, помѣщичьи земли или остаются пустыми или раздаются съ величайшимъ трудомъ въ кортому крестьянамъ, которые, нанимая ихъ за низкія цѣны, выпахиваютъ почву до истощенія и не смотря на то получаютъ самые скудные урожаи. И потому разсчетъ на крестьянскія кубышки, на скрытыя у народа капиталы и массу небольшихъ сбереженій, безпрестанно пополняемыхъ, разсчетъ слишкомъ произвольный и неосновательный! Понятно, что въ періодъ крѣпостного права кубышки эти сберегались непочатыя на черный день, грозившій всегда крестьянину отъ произвола помѣщика; понятно, что эти сбереженія никогда не выходили на божій свѣтъ, потому что они легко могли попасть въ чужія руки и возбудить алчность владѣльца; но теперь этихъ причинъ не существуетъ, но не существуютъ и самыя кубышки. Требованіе на звонкую монету такъ подняло ея цѣну, что крестьянинъ, имѣющій возможность обнаружить безбоязненно свой капиталъ, безъ сомнѣнія, промѣнялъ ее на кре-

дитныя бумажки съ значительнымъ барышомъ, а семейные раздѣлы, увеличившееся пьянство и значительное ослабленіе патріархальной власти главы семейства, власти поддерживаемой прежнимъ помѣщичьимъ распорядкомъ изъ экономическихъ причинъ, нанесли самый рѣшительный ударъ крестьянскому скопидомству.

Остановимся на этой многочисленной массѣ представителей народнаго труда и матеріальнаго имущества или постояннаго капитала: мы видимъ, что всѣ они стѣснены въ своей промышленной дѣятельности, что они осуждены всѣ болѣе или менѣе на печальную необходимость сводить концы съ концами или даже проживать прежнія сбереженія, что среди ихъ не накопляются новыя сбереженія, новые оборотные капиталы, питающіе народную промышленность. Отвергать эти факты — могутъ только люди или совершенно незнакомые съ тѣмъ, что дѣлается внутри или находящіе свою личную выгоду въ намѣренномъ искаженіи истины. Что люди достаточные проживаютъ прежнія сбереженія и не дѣлаютъ новыхъ, въ этомъ, кажется, всѣ согласны. Но наши оптимисты готовы утверждать a priori возможность сбереженій трудящихся классовъ, вслѣдствіе дѣйствительнаго улучшенія *нравственнаго* ихъ быта. Факты говорятъ противное. Такъ, напримѣръ, къ 1 января 1863 г. въ С.-Петербургской сберегательной кассѣ числилось вкладовъ до 4½ милл., къ 1866 году сумма ихъ уменьшилась на цѣлый милліонъ. Намъ могутъ указать нѣкоторыя исключительныя мѣстности, поставленныя въ особенно благопріятныя условія, свѣтлыя точки въ этой мрачной картинѣ, гдѣ темныя краски вѣрны и неизгладимо положены суровой дѣйствительностію. Но если бы мы располагали статистическими данными о числѣ уничтоженныхъ помѣщичьихъ запашекъ, о сравнительныхъ оборотахъ нашей внутренней промышленности и о числѣ рабочаго скота у крестьянъ въ прежнее время и въ настоящее, то этихъ немногихъ цифръ было бы достаточно для математически точнаго доказательства нашихъ словъ. Пока мы можемъ сослаться на ежедневный опытъ всѣхъ сколько нибудь наблюдавшихъ людей, разбросанныхъ по всѣмъ мѣстностямъ; а главное на оффиціальныя заявленія во всѣхъ земскихъ собраніяхъ, указывавшихъ на названныя намъ явленія и причины; на такія неоспоримые факты, какъ давно небывалые у насъ голода, доказывающіе, что даже мѣстныя сбереженія хлѣба у помѣщиковъ и крестьянъ значительно уменьшились въ послѣднее время. Какія же необходимыя послѣдствія вытекаютъ прямо и непосредственно изъ всего нами сказаннаго? Мы можемъ формулировать ихъ въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ:

1) Главная болѣзнь наша состоитъ въ стѣсненіи народной промышленности, вслѣдствіе чего народный капиталъ не только не увеличивается, но, напротивъ, постепенно уменьшается. Другими

словами, корень нашего общенароднаго кризиса заключается въ *промышленномъ застоѣ*, въ отношеніи къ которому денежный и финансовый кризисъ суть только рефлексивныя страданія, и потому одно исправленіе монетной системы или сокращеніе бюджета не можетъ быть признано радикальнымъ леченіемъ. Такъ какъ основаніе народной жизни есть трудъ, то явленіе всякаго кризиса находится въ большей или меньшей связи съ народной промышленностію. Въ экономическомъ мірѣ, какъ жизни всей природы, основной законъ нормальнаго развитія есть законъ *гармоніи* или *равновѣсія*. Народная промышленность тогда считается здоровою, когда ея дѣятельность приближается къ равновѣсію предложенія или производства съ запросомъ или сбытомъ. Если промышленность создаетъ больше того, что она можетъ сбыть, то равновѣсіе нарушается въ такой же степени какъ и тогда, когда промышленность не удовлетворяетъ привычному запросу своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ потребителей за цѣны для нихъ доступныя и выгодныя. Но послѣдствія этого двоякаго нарушенія равновѣсія, хотя оба они носятъ одно названіе *кризиса*, весьма различны. Мы видимъ на западѣ иногда случаи промышленнаго кризиса отъ избытка производства: опытъ указалъ для нихъ палліативныя мѣры во временномъ стѣсненіи промышленности посредствомъ возвышенія банковыхъ учетовъ, къ которымъ и прибѣгаютъ за границею при подобныхъ кризисахъ; одной такой мѣры тамъ представляется иногда достаточнымъ, потому что задержать излишнее развитіе промышленности, къ которому она приходитъ только обиліемъ благопріятныхъ условій, гораздо проще, нежели предупредить кризисъ происшедшій, какъ у насъ, вслѣдствіе *стѣсненія промышленности внутренними переворотами и ошибками*. На западѣ, промышленный кризисъ сопровождается отдѣльными банкротствами частныхъ капиталистовъ и связанныхъ съ ними группъ; но тамъ не бываетъ всегда общаго народнаго потрясенія, распространяющагося болѣе или менѣе на всѣ классы общества. На западѣ, полная силъ промышленная дѣятельность легче пополняетъ пробѣлы и вознаграждаетъ частныя потери; у насъ силы эти еще въ зародышѣ, и не смотря на то они подвергаются тяжкой болѣзни и слѣдовательно требуютъ скорой и разумной помощи со стороны правительства и всего общества. Но у насъ даже обратная мѣра, соотвѣтствующая противоположному характеру нашего отечественнаго кризиса, происшедшаго вслѣдствіе стѣсненія промышленности, мѣра занимающая въ настоящее время многихъ практическихъ людей изъ среды общества,— *дешевый кредитъ для поддержанія промышленности, нуждающейся въ оборотномъ капиталѣ въ формѣ безпроцентныхъ платежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ съ возвратомъ поземельными и промышленными банками, подъ обезпеченіе недвижимыхъ имуществъ, товаровъ и про-*

центныхъ бумагъ,—требуетъ крайней осторожности и самаго серьезнаго обсужденія. Между тѣмъ, сравнительно большая свобода выпуска частными банками безпроцентныхъ бумагъ, допущенная съ значительными ограниченіями въ Великобританіи и Германіи, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ американской промышленности и даетъ ей возможность вынести съ безпримѣрною легкостію длинный періодъ такой трудной и дорогой войны.

2) Если справедливо, что размѣры промышленности сократились, и слѣдовательно количество предлагаемыхъ ею продуктовъ уменьшилось, тогда какъ запросъ даже на предметы роскоши не сократился на столько, какъ бы слѣдовало ожидать по затруднительности положенія достаточныхъ классовъ, то цѣна продуктовъ внутренняго производства должна была возвыситься вслѣдствіе ограниченія предложенія при одинаковомъ запросѣ. Кромѣ того, на увеличеніе цѣны этихъ продуктовъ имѣло важное вліяніе увеличеніе расходовъ или издержки производства, при переходѣ отъ обязательнаго труда къ свободному. А потому односторонне и слѣдовательно несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые теперешнюю дороговизну продуктовъ внутренняго производства приписываютъ единственно колебанію бумажныхъ денегъ, падающихъ въ цѣнѣ и потому представляющихъ при каждомъ паденіи меньшее и равное количество вымѣниваемыхъ на нихъ продуктовъ.

3) Если справедливо, что наша промышленность съузилась, вслѣдствіе новыхъ условій внутренней жизни, то одинъ свободный доступъ кредита не въ состояніи всего исправить. Если справедливо, что всѣ производительные классы общества осуждены на невозможность желаемаго расширенія трудовъ своихъ, средствъ къ жизни или доходовъ, то необходимо каждому изъ этихъ классовъ оказать такую настоятельную помощь, которая выведетъ его на новый путь и дастъ тѣмъ единицамъ или мѣстностямъ, которыя поставлены въ болѣе благопріятныя условія предпринять возможныя усилія къ исправленію своего благосостоянія.

По нашему крайнему разумѣнію, вообще мѣры необходимыя для поднятія у насъ внутренней промышленности, на которыя большею частію мы указали выше, заключаются въ слѣдующемъ:

a) *Устройство желѣзныхъ путей*, важность которыхъ общеизвѣстна и потому распространяться объ этомъ нѣтъ необходимости.

b) *Скорѣйшее введеніе судебной реформы* и въ особенности мировой юстиціи, которая положитъ предѣлъ внутренней неурядицѣ, особенно вредной для сельскаго хозяйства, каковы напримѣръ, лѣсорасхищенія, потрава луговъ, неисполненіе условій и контрактовъ и вообще разныя имущественныя и договорныя нарушенія, которыя по прежнему судебному порядку остаются внѣ своевременнаго и сколько

нибудь полезнаго для истца удовлетворенія. Объ этомъ ходатайствуютъ почти всѣ земскія собранія.

c) *Успокоеніе нашей внутренней промышленности измѣненіемъ нашей торговой политики и раціональнымъ преобразованіемъ тарифа.* Пока вредныя послѣдствія нашей торговой политики продолжаются и пока наше промышленное сословіе не обезпечено въ нарушеніи самыхъ серьезныхъ своихъ интересовъ теоретическими убѣжденіями администраціи, проводимыми въ сферѣ народнаго хозяйства безъ всякого контроля съ обязательною силою для цѣлой страны, — развитіе новыхъ промышленныхъ предпріятій и распространеніе старыхъ со стороны опытныхъ и осторожныхъ дѣятелей невозможно, даже при содѣйствіи учетныхъ конторъ и облегченіи торговаго кредита. Напротивъ, разумное покровительство нашей внутренней промышленности скорѣе всего привлечетъ къ намъ иностранные капиталы на устройство у насъ фабрикъ, какъ это и было до 1857 года, вмѣсто устройства въ послѣднее время иностранныхъ конторъ, вступающихъ въ сношенія съ различными внутренними торговцами и способствующихъ только наплыву иностранныхъ товаровъ на всѣ рынки, и вывозу чрезъ ихъ посредство звонкой монеты.

d) *Свобода открытія поземельныхъ банковъ для долгосрочныхъ и краткосрочныхъ ссудъ,* сохраняя въ отношеніи ко всѣмъ нимъ равноправность законодательнаго утвержденія и распространенія привилегій, уступленныхъ правительствомъ въ пользу одного банка, на всѣ остальные, по собственному ихъ усмотрѣнію.

e) *Устройство сельскихъ банковъ для сельскаго сословія, что лежитъ преимущественно на обязанности земскихъ учрежденій.* Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія, заключающая въ себѣ до 82% крестьянскаго населенія, есть страна по преимуществу крестьянская, и что интересы этого большинства не могутъ быть отодвинуты на задній планъ. Для крестьянъ всего нужнѣе кредитъ въ тѣхъ весьма частыхъ случаяхъ, гдѣ бѣдствія, значительная потеря или болѣзнь лишаютъ отдѣльнаго домохозяина средствъ къ прокормленію семьи и продолженію хозяйства; а такихъ отдѣльныхъ домохозяевъ, требующихъ незначительной, но своевременной помощи, у насъ являются десятки тысячъ. Пала лошадь, волкъ съѣлъ корову или пролежалъ три недѣли работникъ, этихъ часто встрѣчаемыхъ случаевъ достаточно, чтобы разрушить бытъ цѣлой семьи. Средство для такихъ сельскихъ банковъ въ рукахъ у земства и входитъ прямо въ кругъ его обязанностей. Извѣстно, что продовольственные капиталы сдаются земству въ размѣрѣ 48 копѣекъ на душу, остальной же капиталъ (болѣе половины, ибо сдается около 11½ милліоновъ, а удерживается около 14½ милл.) составляетъ особый фондъ въ распоряженіи правительства для оказанія пособія въ экстренныхъ случаяхъ. Такимъ обра-

зомъ, есть основаніе предполагать, что случаи мѣстно-общаго неурожая остаются на попеченіи правительства; на обязанности же земства возлагается главнымъ образомъ пособіе въ такихъ единичныхъ случаяхъ, гдѣ недостатокъ продовольствія для отдѣльныхъ домохозяевъ предотвращается всего лучше такимъ своевременнымъ открытіемъ кредита. Образовавъ, подъ завѣдываніемъ уѣздныхъ управъ сельскіе банки, земство съ одной стороны помѣститъ самымъ вѣрнымъ и выгоднымъ способомъ принадлежащіе ему капиталы, ибо займы свои подъ круговою порукою крестьяне платятъ всего аккуратнѣе и менѣе всего скупятся на проценты, въ виду получаемой выгоды и спасенія отъ тяжелыхъ условій сельскихъ ростовщиковъ; а съ другой — осуществитъ предупредительныя мѣры противъ частныхъ неурожаевъ, удаливъ на болѣе долгіе сроки причину ихъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ.

f) *Распространеніе техническаго образованія вообще и преимущественно ремесленныхъ школъ въ селеніяхъ*, для доставленія желающимъ изъ крестьянъ средствъ къ отысканію мѣстныхъ заработковъ. Послѣ уничтоженія крѣпостного права и помѣщичьихъ домашнихъ мастерскихъ, крестьянскіе мальчики потеряли средство обучаться дома мастерствамъ, а отдача ихъ въ городъ слишкомъ затруднительна для родителей. Сколько намъ извѣстно, на этотъ предметъ правительство вовсе не обращало своего вниманія, а изъ земскихъ собраній только немногія заявили свое сочувствіе учрежденію ремесленныхъ школъ, тогда какъ соединеніе ихъ съ обученіемъ грамотности скорѣе всего пріохотитъ крестьянъ къ ученію и вызоветъ ихъ на матеріальныя пожертвованія въ пользу школъ, отъ посѣщенія которыхъ они увидятъ для себя непосредственную матеріальную выгоду.

Но этого мало. Мы говоримъ *«денегъ нѣтъ»*, а между тѣмъ количество бумажныхъ знаковъ, имѣющихъ обязательный курсъ, постоянно увеличивалось въ послѣднее время. Мы говоримъ въ томъ же смыслѣ—*«оборотныхъ капиталовъ не существуетъ»*. Положимъ, что вновь путемъ сбереженія они или вовсе образоваться не могутъ или по крайней мѣрѣ образуются съ бо̀льшимъ усиліемъ и при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ среди всѣхъ классовъ народа, нежели прежде въ промышленныхъ центрахъ; положимъ, что въ Россіи, оборотныхъ капиталовъ было мало и прежде, — но все таки они были же, куда они дѣвались? Недавно, въ засѣданіи географическаго общества, по поводу желѣзныхъ дорогъ, г. Ламанскій заявилъ, что «съ 1860 года съ нашего рынка, въ видѣ различныхъ кредитныхъ операцій, было снято до 1 миллыярда рублей»; это значитъ, что миллыярдъ рублей свободныхъ оборотныхъ капиталовъ, которые могли быть помѣщены въ промышленныхъ оборотахъ, употребленъ на покупку различныхъ фондовъ или процентныхъ бумагъ, при чемъ самая значительная часть

ихъ выпущена у насъ правительствомъ и вырученныя при этой консолидацiи наличные платежные знаки, или ходячiя деньги (какъ напр. при прiобрѣтенiи серiй, облигацiй послѣдняго займа и др.) употреблены на текущiе расходы государственнаго казначейства, т. е. затрачены непроизводительно для народной промышленности, а проценты по нимъ уплачиваются на счетъ новыхъ налоговъ. Какiя необходимыя послѣдствiя подобной консолидацiи?

1) Средній процентъ или цѣна капиталовъ обыкновенно въ это время значительно повышается: такъ, въ Англiи за 1864 годъ, вслѣдствiе усиленнаго привлеченiя капиталовъ въ акцiонерныя общества, цѣна капиталовъ возрасла съ 3 до 9%. Явленiе это понятно: — если у васъ есть 100 р. свободныхъ денегъ, то вы можете ихъ отдать за 7%; но если у васъ фондъ въ 100 р. и вы на него получаете уже 7%, то вы, отдавая его въ ссуду должны заложить или размѣнять и потребовать съ заемщика потерю на разности курса и вознагражденiе за рискъ, что и возвыситъ процентъ съ 7 до 12% и болѣе.

2) Постоянное накопленiе на денежномъ рынкѣ процентныхъ бумагъ производитъ колебанiе ихъ номинальной цѣнности, *курсъ*, и вызываетъ такъ называемую *биржевую спекуляцiю* или *игру фондами*, которая сосредоточиваетъ весь избытокъ остающихся въ народѣ свободныхъ капиталовъ въ рукахъ банкировъ, отвлекая его отъ промышленности и употребляя на покрытiе постоянно увеличивающейся разности курса, при чемъ всѣ убытки ложатся на владѣльцевъ процентныхъ бумагъ, а не на банкировъ, которые суть ни что иное какъ передаточныя лица, получающiя процентъ за коммиссiю. Чѣмъ народъ бѣднѣе капиталами, тѣмъ потребность реализацiи процентныхъ бумагъ настоятельнѣе и условiя ея тяжелѣе: а потому и существованiе у насъ биржевой игры тѣмъ сокрушительнѣе дѣйствуетъ на народную промышленность. Такъ, какъ самая значительная часть нашихъ процентныхъ бумагъ выпущена самимъ правительствомъ и значительная часть ихъ скопляется въ государственномъ банкѣ, то въ этой игрѣ невольно долженъ принять участiе и государственный банкъ, и такимъ образомъ само правительство должно пользоваться прежде всего убытками своихъ подданныхъ, понесенными ими при покупкѣ собственныхъ его облигацiй. Такъ, мы знаемъ, что государственный банкъ въ 1864 году продалъ и перевелъ на особый счетъ процентныхъ бумагъ на 12,782,819 р., отослалъ для продажи за границу на 20,219,916 р., и принялъ въ уплату за наличныя деньги по счету долгосрочныхъ 17,442,184 р. Кромѣ того банкъ, для этой же цѣли поддержанiя курса, занимался трассировкою заграничныхъ векселей, на сумму болѣе 44 милл., понижая въ убытокъ себѣ дисконтъ или учетный процентъ, для привлеченiя такой значительной массы. По вычисленiю г. Безобразова, банкъ понесъ убытку по этимъ трассировкамъ на 35 милл. р., а по-

слѣ размѣна, для поддержанія падавшаго курса, до окончанія навигаціи, банкъ долженъ былъ усилить эту невыгодную операцію.

3) Потребность размѣна консолидированныхъ фондовъ и возмѣщенія той части оборотныхъ капиталовъ, которая окончательно потреблена обращеніемъ ея въ постоянныя сооруженія или долгосрочныя затраты,—увеличиваетъ требованіе на платежные или денежные знаки. Принимая въ соображеніе эту потребность, а также увеличеніе спроса на деньги, вслѣдствіе прекращенія обязательнаго труда, у насъ сложилось въ обществѣ мнѣніе, что платежныхъ или денежныхъ знаковъ *слишкомъ мало*. Напротивъ, наши финансисты,—обращая вниманіе на постоянное увеличеніе лажа или отношеніе бумажныхъ денежныхъ знаковъ къ звонкой монетѣ,—пришли къ обратному заключенію, что у насъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ *слишкомъ много*. Первое мнѣніе высказано было въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и въ запискѣ московскаго купечества; изъ литературныхъ органовъ его поддерживаетъ «Торговый Сборникъ»; его же придерживаются составители разныхъ проэктовъ частныхъ и правительственныхъ банковъ съ выпускомъ безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ (кн. Мещерскій на московскомъ собраніи, г. Шиповъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», г. Софроновъ въ проэктѣ банка желѣзныхъ дорогъ, прочитанномъ въ Географическомъ Обществѣ, г. Лихачевъ въ проэктѣ, заявленномъ на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Вольномъ экономическомъ обществѣ). Въ подтвержденіе недостатка у насъ денегъ приводятъ, что на Нижегородской ярмаркѣ разсчеты затруднены были именно недостаткомъ бумажныхъ знаковъ, такъ что уплаты производились серіями, al pari, а равно невозможностью достать даже кредитныхъ бумажекъ подъ вѣрный залогъ, хотя послѣднее можетъ произойти и совсѣмъ отъ другихъ причинъ. Второе мнѣніе господствуетъ въ средѣ нашихъ оффиціальныхъ финансистовъ и не имѣетъ за себя ничего фактическаго, потому что измѣненіе цѣнности бумажныхъ денегъ въ отношеніи къ звонкой монетѣ есть только слѣдствіе усиленнаго ея требованія за границу, по причинѣ невыгоднаго баланса внѣшнихъ нашихъ торговыхъ и финансовыхъ сношеній, требующихъ значительныхъ переплатъ звонкою монетою. Для того, чтобы доказать достовѣрно и математически паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ, какъ средства обмѣна внутри страны, вслѣдствіе ихъ излишества, необходимо доказать, что при равныхъ условіяхъ стоимости производства и при равномъ отношеніи спроса къ предложенію количество извѣстныхъ продуктовъ или товаровъ, вымѣниваемыхъ на бумажную монетную единицу, сдѣлалось меньше. Такимъ товаромъ принимаютъ звонкую монету въ отношеніи къ бумажнымъ деньгамъ; но не слѣдуетъ опускать изъ виду, на сколько въ послѣднее пятилѣтіе (до 1864 года) отпускъ звонкой монеты за границу увеличился. Г. де-Роберти, въ со-

чиненіи своемъ «О вексельномъ курсѣ», говоритъ, что общее количество обращавшейся у насъ звонкой монеты, въ 1851 году, составляло до 400 милліоновъ. Между тѣмъ онъ же приводитъ разсчетъ г. Гагемейстера, по которому у насъ съ 1851 по 1863 годъ вывезено звонкой монеты болѣе, чѣмъ на 800 милл. р. сер., т. е. по 66 милл. въ годъ, тогда какъ добывалось ежегодно 20 — 22 милл. въ годъ. Такимъ образомъ, металлическій фондъ банка, къ 1864 году, уменьшился до 55,400,000 р., тогда какъ прежде, въ «Экспедиціи кредитныхъ билетовъ», на гораздо меньшее ихъ число въ обращеніи, металлическій фондъ не понижался ниже 100 милліоновъ, а доходилъ до 161 милліона. По видамъ торговли отъ насъ вывезено съ 1859—1864 годъ за границу звонкой монеты на 137 милліоновъ, тогда какъ во Франціи въ то же время ввезено 135 милліоновъ. При такомъ положеніи дѣлъ, если бы внутри страны мѣновая цѣнность бумажнаго рубля осталась и та же самая для всѣхъ другихъ продуктовъ, то цѣнность его въ отношеніи къ одной звонкой монетѣ, при увеличившемся спросѣ, возвысилась бы. Если бы, напримѣръ, требованіе на сапоги увеличилось на 137 милліоновъ, то сапоги вздорожали бы, но это не значило бы, что общая мѣновая цѣнность кредитнаго рубля, принимаемаго по номинальной цѣнѣ выпускающимъ его правительствомъ, уменьшилась. Между тѣмъ, такое раздвоеніе мнѣній о значеніи нашихъ бумажныхъ денегъ въ народѣ приводитъ къ самымъ важнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Оффиціальные финансисты, — считая наши бумажныя деньги за представителей звонкой монеты, дающихъ право въ окончательномъ результатѣ на *размѣнъ*, — хлопочутъ болѣе всего объ установленіи правильнаго размѣна. А какъ установить размѣнъ для всего количества обращающихся у насъ кредитныхъ знаковъ нѣтъ возможности, въ виду употребленныхъ уже на этотъ предметъ 100 милл., только еще болѣе запутавшихъ наши денежныя обстоятельства, то финансисты наши естественно приходятъ къ необходимости *выкупа* части обращающихся въ народѣ кредитныхъ знаковъ и необходимости *замѣны* ихъ, — чѣмъ именно — они этого не говорятъ. Установить размѣнъ можно только привлеченіемъ звонкой монеты, а какъ у насъ своей нѣтъ, то изъ-за границы. Между тѣмъ мы находимся, вслѣдствіе старыхъ заключенныхъ за границею займовъ, невыгодной трассировки векселей, уплаты по купонамъ и гарантіямъ и промышленно-таможеннымъ нашимъ условіямъ, въ такомъ положеніи, что звонкая монета, лишь только у насъ она скопится, — стремится уйти за границу. Пусть же наши финансисты укажутъ намъ практическій способъ привлечь къ намъ и удержать звонкую монету: тогда, — мы по крайней мѣрѣ убѣдимся, что они желаютъ возможнаго, а до тѣхъ поръ предлагаемое ими средство точно также вѣрно, какъ заложить для поправленія нашихъ финан-

совъ луну и для этого достать ее съ неба. Между тѣмъ, зная, что звонкой монеты намъ не откуда привлечь кромѣ какъ изъ-за границы, и не вѣря очевидности и опыту, показывающему, что звонкая монета не приливаетъ къ намъ на сколько нибудь выгодныхъ условіяхъ,—они готовы на всевозможное фритредерство, съ цѣлію поддержать наши связи за границею, авось какъ нибудь займомъ или другимъ какимъ невѣдомымъ случаемъ, положеніе наше поправится и ихъ мечты осуществятся; они готовы осудить насъ на горемычно-дикое состояніе народа, приготовляющаго одни сырые продукты, и продающаго ихъ за ничто, безъ всякой оцѣнки своего труда, народа, лишеннаго потребности къ комфорту и развитію; все это дѣлаютъ, лишь бы получить извѣстное количество звонкой монеты, необходимой внутри страны, и недоступной инымъ путемъ: для этой благой цѣли они призываютъ насъ на всевозможныя пожертвованія, какъ нашъ неизбѣжный и законный удѣлъ, за что? за ихъ собственныя ошибки!?..... Люди противоположныхъ убѣжденій, — отправляясь отъ того принципа, что *ходячіе денежные знаки суть ни что иное какъ передаточные доли*, или лучше сказать *требованія*, которыхъ конечная цѣль есть исполненіе обязательства независимо отъ размѣна [1]), находятъ, что такихъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ у насъ *мало*, и требуютъ свободы ихъ выпуска сообразно требованіямъ промышленности. Для того чтобы оцѣнить это мнѣніе, разберемъ существенные признаки нашихъ бумажныхъ денегъ:

1) Кредитныя наши бумажки выпускаются правительствомъ, единственно съ цѣлію покрытія финансовыхъ дефицитовъ, слѣдовательно, нисколько не соображаясь съ нуждами торговли и промышленности. Они могутъ быть выпущены, когда существуетъ излишекъ, и задержаны, когда чувствуется недостатокъ. Поэтому говорить, что у насъ въ данную минуту слишкомъ много или слишкомъ мало кредитныхъ знаковъ съ достаточною основательностію, весьма трудно и рискованно: гдѣ для этого термометръ? Какія данныя можно привести въ подкрѣпленіе того или другого заключенія?

2) Кредитныя наши бумажки выпускаются государственнымъ банкомъ, который никогда не находился въ такихъ подчиненныхъ отношеніяхъ къ государственному казначейству, какъ въ настоящее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ не служилъ гласною конторою ажіотажа правительственными процентными бумагами. Для этого достаточно указать, что по отчету за 1864 годъ банкъ и его конторы подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій выдалъ бумажныхъ знаковъ 38,705,837 р., а подъ залогъ товаровъ всего 5,559,836 р.,—равно какъ и на коммиссіонную дѣятельность банка по новому займу. Если мы къ этому присоединимъ значительную сумму для торговли фондами со стороны

---

[1]) См. Маклеодъ, Основ. пол. экон. Пер. Веселовскаго, ч. I. стр. 26.

частныхъ банкирскихъ конторъ, то убѣдимся, что наши кредитные знаки текутъ не по тѣмъ каналамъ, гдѣ они могутъ принести пользу народу, и поддерживаютъ биржевую игру, а не нашу промышленность. Вотъ отъ чего люди труда, не получающіе прибыли отъ биржевыхъ спекуляцій и опредѣленнаго жалованья и пенсій, жалуются на *безденежье*, находятъ, что у насъ денегъ мало, страдаютъ, однимъ словомъ, знаменитымъ *«ощущеніемъ безденежья при изобиліи денегъ»*.

3) Денежные знаки, выпускаемые банками, возвращаются къ нимъ, по минованіи надобности, и такимъ образомъ регулируется ихъ обращеніе въ народѣ. Избытокъ скопляется въ банкѣ и уничтожается или задерживается впредь въ его портфелѣ, до требованія, подъ контролемъ гласности банковыхъ операцій. Въ Англійскомъ банкѣ, билеты разъ возвращенные уничтожаются, и это служитъ важнѣйшею предупредительною мѣрою противъ ихъ поддѣлки. Что дѣлается у насъ съ такимъ возвратомъ, мы не знаемъ. Такъ, напримѣръ, дефициты покрываются у насъ серіями, получаемыми въ обмѣнъ или за наличныя деньги; но куда поступаютъ эти наличныя деньги, замѣненныя серіями, которыя сами дѣлаются ходячею монетою и не смотря на то прибавляютъ податную тягу уплатою за нихъ процентовъ?

4) Между тѣмъ наши кредитные рубли, которые не имѣютъ ни одного свойства, обезпечивающаго правильное обращеніе безпроцентныхъ банковыхъ кредитныхъ знаковъ (currency), вслѣдствіе превращенія размѣна и совершеннаго отсутствія звонкой монеты, обязательно превратились въ орудіе мѣны или посредника сдѣлокъ. Чтó они такое? Они не представители звонкой монеты, слѣдовательно, неразмѣнные, обязательные и безпроцентные передаточные долги, на кого—на правительство, какъ будто въ опровerженіе извѣстнаго изреченія Маклеода: Where there is no debt, there can be no currency.

Отсюда умозаключеніе такое: признавая значеніе неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, въ смыслѣ передаточныхъ требованій, при обмѣнѣ труда и услугъ; признавая недостаточность существующихъ кредитныхъ билетовъ для пополненія этихъ нуждъ нашей промышленности, не столько со стороны *количества*, сколько со стороны *качества ихъ*, представители разбираемаго мнѣнія просятъ дозволенія выпуска частныхъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ, подъ обезпеченіе принадлежащихъ имъ движимыхъ и недвижимыхъ цѣнностей, чрезъ посредство банковъ и съ сохраненіемъ всѣхъ изложенныхъ нами условій, т. е. выпуска въ размѣрѣ, требуемомъ промышленностію, непосредственно въ руки имѣющихъ нужду въ деньгахъ на прибыльныя затраты капитала, а не для передачи ихъ съ удержаніемъ процента за коммиссію; и вмѣстѣ съ тѣмъ регулированія правильности обращенія этихъ знаковъ возвратомъ ихъ въ банки и гласностію. Положимъ, что такое требованіе осуществилось: непосредственно представляются два важные вопроса. Гдѣ

границы подобнаго выпуска, при неустановленности и шаткости нашей промышленности, и какое вліяніе на денежномъ рынкѣ произойдетъ вслѣдствіе выпуска новыхъ денежныхъ знаковъ, явившихся вслѣдствіе быстрой и единовременной мобилизаціи разныхъ родовъ собственности, потерявшей у насъ цѣну, вслѣдствіе ея бездоходности? Чтó произойдетъ съ государственными кредитными знаками, при сравненіи ихъ съ новыми, обезпеченными спеціальною гипотекою вещественнаго имущества? Очевидно, что приверженцы частныхъ бумажныхъ денегъ заявили свою систему, въ томъ же практически не выработанномъ и не уясненномъ видѣ, въ какомъ требуютъ размѣна ихъ противники. Различіе между двумя высказываемыми у насъ взглядами то, что послѣдователи теоріи размѣна, разсчитывающіе еще на иностранную помощь, купленную нашимъ раззореніемъ, никогда не добьются до благихъ результатовъ и только дальше и глубже раскапываютъ ту бездну, въ которую мы попали, благодаря главнымъ образомъ ихъ ошибкамъ. Послѣдователи теоріи свободнаго выпуска банковыхъ денегъ, довѣряющіеся собственнымъ силамъ народа и ожидающіе только разумнаго ихъ огражденія, стоятъ на болѣе твердой почвѣ, но, не имѣя передъ глазами опыта, слишкомъ увлекаются теоретическими соображеніями и могутъ также необдуманными дѣйствіями вовлечь насъ въ безвыходное положеніе. Какъ же намъ пробраться между этою Сциллою и Харибдою? Мы никакъ не беремъ на себя смѣлости рѣшить роковую задачу и сказать послѣднее слово, разрѣшающее всѣ наши затрудненія: только путемъ постепенныхъ усилій и неизбѣжныхъ жертвъ можно искупить нѣсколько тяжкихъ ошибокъ, устроенныхъ намъ въ послѣднее время финансистами. Не много было нужно времени, чтобы закрыть въ самую неблагопріятную минуту наши кредитныя учрежденія [1]), чтобы растратить 100 милліоновъ на неудачный размѣнъ; но много десятковъ лѣтъ потребуется, чтобы исправить растроенное народное хозяйство. Пользуясь представленнымъ нами сводомъ мнѣній, бродящихъ въ обществѣ и печатно заявленныхъ съ разныхъ сторонъ, мы желаемъ только указать тѣ ближайшія мѣропріятія, которыя должны положить начало неотложно необходимому дѣлу улучшенія нашего потрясеннаго народнаго хозяйства, и которыя, по нашему мнѣнію, должны предшествовать крутымъ мѣрамъ, исправляю-

---

[1]) Началомъ нашихъ финансовыхъ бѣдствій было внезапное пониженіе процентовъ въ 1857 году. Оно подѣйствовало такъ панически неблагопріятно на наши кредитныя учрежденія, что, въ теченіе 22 мѣсяцевъ съ августа 1857 года, перевѣсъ востребованій противъ взносовъ достигъ до 143 милл. рублей, такъ что наличность банковыхъ кассъ, составлявшихъ въ іюнѣ 1857 года свыше 150 милл., понизилась въ іюнѣ 1859 года до 20 и уменьшалась съ каждымъ днемъ. Такимъ образомъ, необходимость насильственной ликвидаціи кредитныхъ учрежденій въ самую нужную минуту становилась неизбѣжною.

щимъ нашу денежную систему, на основаніи какой нибудь новой, узкой и односторонней идеи. Пусть дальнѣйшія соображенія правительства, людей науки и общественныхъ дѣятелей укажутъ дальнѣйшую путеводную нить, и мы съ тѣмъ же вниманіемъ, прислушиваясь къ разнообразнымъ толкамъ, внесемъ ихъ въ нашу экономическую хронику. Большую часть такихъ предварительныхъ мѣръ мы уже изложили въ первой половинѣ нашей статьи. Здѣсь мы упомянемъ только ближайшія неотложныя мѣры, необходимыя для приведенія въ порядокъ нашей денежной системы. Мѣры эти по нашему мнѣнію, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій сходятся у насъ между собою въ томъ, что теперешніе наши неразмѣнные кредитные билеты ни съ какой точки зрѣнія нельзя назвать знаками правильнаго денежнаго обращенія. Замѣнить ихъ вдругъ нечѣмъ, но по крайней мѣрѣ *не слѣдуетъ ихъ увеличивать*. Гдѣ же гарантія, что они не будутъ увеличены? Увеличеніе ихъ произошло вслѣдствіе дефицитовъ въ бюджетѣ, слѣдовательно, уничтоженіе этого дефицита предупредитъ умноженіе кредитныхъ знаковъ и сверхъ того устранитъ необходимость тягостныхъ и запутывающихъ насъ внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Правда, дефициты эти покрываются въ послѣднее время серіями. Но серіи эти принимаются въ платежахъ, какъ ходячіе денежные знаки, наравнѣ съ цѣнностію кредитныхъ билетовъ, а на сколько серіи содѣйствуютъ уничтоженію у насъ кредитныхъ билетовъ, намъ неизвѣстно. Слѣдовательно, выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ или серій въ сущности все равно, только за послѣдній народъ платитъ еще проценты. Пока нѣтъ достаточныхъ гарантій, что выпускъ кредитныхъ знаковъ, явный или тайный, прекращенъ внѣ возможности отмѣнить или обойти подобное рѣшеніе, всякая радикальная мѣра къ возстановленію у насъ даже *размѣна*, сдѣлается только источникомъ новыхъ экономическихъ и финансовыхъ потрясеній.

2) Разрѣшить въ видѣ опыта устройство частнаго банка, выпускающаго безпроцентные денежные знаки, не имѣющіе обязательнаго курса, но принимаемые по курсу правительствомъ, съ самыми благоразумными ограниченіями, т. е., установивъ напередъ цѣнность обезпечивающаго имущества и самое скромное отношеніе выпуска къ обезпеченію. Мѣра эта не можетъ произвести общаго потрясенія, ибо неудача ея упадетъ только на акціонеровъ основаннаго банка, обязанныхъ и имѣющихъ возможность вознаградить постороннихъ кредиторовъ безъ всякой потери. А между тѣмъ она пріучитъ наше общество къ правильной системѣ свободнаго выпуска банковыхъ облигацій, которая вездѣ принесла такую громадную пользу народной промышленности.

Оставляя до слѣдующей книжки невыяснившійся еще способъ прак-

тическаго устройства у насъ подобнаго банка, мы заключимъ на этотъ разъ наше обозрѣніе нѣкоторыми соображеніями по поводу послѣдней обнародованной росписи. Разсмотрѣніе нашего бюджета съ 1863—1866 приводитъ къ тому неутѣшительному результату, что дефицитъ въ три года увеличился на 45%, тогда какъ доходы въ тотъ же промежутокъ времени возвысились всего на 7%, да и то съ значительнымъ обремененіемъ налогами всѣхъ платящихъ сословій. Къ этому присоединяется 38 милл. сверхъ смѣтнаго дефицита, погашеннаго первымъ внутреннимъ займомъ. Само собою разумѣется, что дѣйствительный дефицитъ и въ текущемъ году превзойдетъ далеко бюджетный, такъ что опасность новыхъ займовъ по 100 милліоновъ можетъ для насъ обратиться въ хроническую. Что же мы видимъ въ 1866 году? Дефицитъ въ 1866 году простирается по росписи до 21,583,931 р., тогда какъ въ 1865 году онъ изчислялся до 22,398,106 р., слѣдовательно по росписи (а не по дѣйствительному расходованію), дефицитъ сократился въ текущемъ году противъ прошлаго года всего на 814,175 р. Между тѣмъ въ 1863 году дефицитъ составлялъ всего 15,707,770 р. Чѣмъ покрывается дефицитъ настоящаго года? выпускомъ серій на 9,000,000 р., и свободными остатками отъ англо-голландскаго займа до 12,500,000 р.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ статьямъ расходовъ на 1866 г., мы прежде всего обратимъ вниманіе на расходы по центральной администраціи, сосредоточенной въ Петербургѣ. Центральная или высшая администрація стóитъ у насъ,—включая сюда стоимость центральныхъ управленій по министерствамъ военному и морскому, до 11,667,218 р. «Такимъ образомъ, сказано въ одной изъ нашихъ газетъ [1]), наша центральная администрація поглощаетъ болѣе чѣмъ треть дохода, получаемаго въ видѣ прямой поголовной подати съ массы населенія; она стóитъ болѣе нежели сколько взимаетъ государство акциза съ предмета самой первой необходимости *съ соли*; на нее тратится болѣе, чѣмъ въ совокупности на народное образованіе и на поддержаніе и улучшеніе нашихъ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній.» Но мы при этомъ взяли самую низшую норму, ибо мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы въ точности опредѣлить стоимость нашей высшей администраціи. Существуютъ у насъ великолѣпные дома, въ которыхъ она помѣщается, которые стоили огромныхъ затратъ, значительныхъ издержекъ на ремонтъ и содержаніе, и которые не участвуютъ даже въ городскихъ повинностяхъ: такъ на покупку домовъ для бывшаго коммиссаріатскаго департамента военнаго министерства занято было 311,140 р., и недавно долгъ этотъ лежалъ на государственномъ казначействѣ въ размѣрѣ до 150,000 р., а самый департаментъ уничтоженъ, — на покупку и от-

---

[1]) См. Спб. Вѣдомости за настоящій годъ №№ 48 и слѣд., статья о бюджетѣ 1866 года. Означенныя кавычками мѣста взяты оттуда.

дѣлку строеній для министерства внутреннихъ дѣлъ занято 486,820 р., на покупку строенія для министерства народнаго просвѣщенія занято 94,850 р., на приведеніе въ устройство почтовыхъ зданій 250,000 р., на постройку дома для государственнаго контроля 80,630 р. и пр., — всѣ эти долги погашены только прошлымъ лоттерейнымъ займомъ. Существуютъ у насъ кромѣ того по каждому министерству значительныя суммы на выдачу денежныхъ наградъ чиновникамъ и на разные расходы, которыхъ по одному военному министерству предназначено 1,094,364 р., существуютъ аренды, за которыя на государственномъ казначействѣ лежитъ на 1866 годъ тяга въ 1,972,908 р., пенсіи и пособія чинамъ, вдовамъ и сиротамъ, на которыя ассигновано 16,754,204 руб.; безъ всякого сомнѣнія, не незначительная часть ихъ приходится на долю лицъ, служащихъ въ мѣстахъ высшей и центральной администраціи, но отдѣлить ее мы не имѣемъ данныхъ. Эта дорогая, пышная администрація стоитъ поэтому странѣ гораздо болѣе, нежели можно счесть по статьямъ расхода государственной росписи; а сколько она поглощаетъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, — намъ опять неизвѣстно. Намъ извѣстно только, что даже приводимыя въ исполненіе сокращенія и преобразованія не только не уменьшаютъ, но напротивъ увеличиваютъ расходъ на центральную администрацію. Такъ казалось бы реформа военнаго управленія и учрежденіе военныхъ округовъ должны бы сократить издержки на центральную администрацію по военному вѣдомству: между тѣмъ мы видимъ, что издержки эти въ 1865 г. по росписи составляли, 1,593,557 р., а въ 1866 г. возросли до 1,837,165 р. Такъ, благодѣтельная реформа отдѣленія казенныхъ крестьянъ отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ ни сколько не сократила бюджетныхъ расходовъ по этому министерству, а напротивъ увеличила ихъ въ общей сложности на 204,000 р. Дѣло децентрализаціи, порученное земскимъ учрежденіямъ всего естественнѣе и скорѣе должно привести къ сокращенію обязанностей лежащихъ на центральной администраціи и слѣдовательно къ сокращенію издержекъ. «Кромѣ общаго направленія дѣлъ и кромѣ мѣръ необходимости, для упроченія единства и цѣлости государства, обязанности центральной администраціи не должны быть осложнены вмѣшательствомъ въ подробности мѣстнаго управленія; такое вмѣшательство всегда является на столько сильнымъ, что окончательно подавляетъ всякую самодѣятельность мѣстныхъ элементовъ, и мертвенность цѣлой страны нерѣдко являлась прямымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго усиленія центральныхъ учрежденій.» А между тѣмъ нигдѣ на западѣ центральная администрація не поглощаетъ столько народныхъ средствъ какъ у насъ: даже въ Австріи и во Франціи центральная администрація тратитъ не свыше 4½ милл. р., (считая издержки по военнымъ

и морскому министерству). «Съ трудомъ вѣрится, что у насъ эти издержки *втрое* больше, по самому низшему и невѣрному изчисленію.»

Обратимся затѣмъ къ расходамъ отдѣльныхъ министерствъ.

Извѣстно, что у насъ главную статью расходовъ составляютъ издержки по военному и морскому министерствамъ. На западѣ расходы эти составляютъ: *на сухопутныя и морскія военныя силы,*

Въ Англіи .	. 23,4% въ расход.	по бюджету		18,6%.
Во Франціи.	. 25,8	—	—	8,3
Въ Австріи.	. 22,5	—	—	1,3
Въ Пруссіи.	. 27,5	—	—	1,4
Въ Россіи .	. 34,1	—	—	6%

Такимъ образомъ, у насъ расходы по военному и морскому министерствамъ въ общей сложности выше, чѣмъ въ остальной Европѣ, не только по относительному своему положенію въ ряду другихъ статей бюджета, но и по абсолютной стоимости содержанія арміи, что недавно доказывалось въ «С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ» и оспаривалось въ «Русскомъ Инвалидѣ,» хотя послѣдній и не довелъ спора до конца, оставивъ безъ всякихъ возраженій отвѣтную статью «Петербургскихъ вѣдомостей.»

«На 1866 годъ расходный бюджетъ военнаго министерства представляетъ противъ 1865 года уменьшеніе на 11,171,922 р. и равняется 116,592,363 р., т. е. все-таки превосходитъ бюджетъ 1863 года на 1,160,196 р. Расходный бюджетъ морского министерства представляетъ противъ 1865 года уменьшеніе на 686,041 р., а противъ 1863 г. увеличеніе на цѣлыхъ 3,606,624 р. Такимъ образомъ, вмѣстѣ сокращенія по этимъ двумъ вѣдомствамъ составляютъ 11,857,963 р., и этимъ собственно ограничиваются всѣ вообще сокращенія въ росписи на 1866 годъ. Обращая вниманіе на статьи, подвергнувшіяся сокращенію въ военномъ министерствѣ, мы видимъ сокращеніе расходовъ на провіантъ, фуражъ, обмундированіе и денежное довольствіе войскъ, что объясняется сокращеніемъ численнаго состава нашей арміи на 805 тысячъ человѣкъ, тогда какъ къ 1 января 1863 г. у насъ считалось 818 тысячъ. На этомъ основаніи, всего удивительнѣе оказывается, почему бюджетъ на 1866 г. увеличился противъ 1863 г. болѣе нежели на милліонъ рублей и почему такъ сильно возросли, даже противъ 1865 г., расходы на центральную и мѣстную администрацію, на награды и пособія чинамъ военнаго вѣдомства, и такъ мало сократились расходы на разъѣзды чиновниковъ, эстафеты и экстраординарные расходы? Казалось бы, учрежденія округовъ всего болѣе должно способствовать сокращенію именно послѣдней статьи расходовъ; а между тѣмъ она назначена на 1866 годъ въ 5,491,036 руб., т. е. всего на

188,745 руб., менѣе противъ прошлаго года, тогда какъ расходы на центральную администрацію прибавились на 243,608 руб., а на мѣстную на 760,876 р., т. е. по обѣимъ статьямъ на 1,004,484 р. Такимъ образомъ, новыя преобразованія въ военномъ управленіи, прежде всего способствовали къ увеличенію расходовъ:

«Такое увеличеніе самой непроизводительной части военныхъ расходовъ, а именно на центральное и мѣстное управленіе, въ теченіи трехъ лѣтъ на 48%, представляетъ намъ явленіе весьма замѣчательное. Оно указываетъ на всеобщее въ нашей администраціи стремленіе къ возвышенію расходовъ на управленіе, между тѣмъ какъ въ этой именно части бюджета всего возможнѣе и необходимѣе благодѣтельныя сокращенія. Роскошь и возвышеніе окладовъ, введенныя однажды въ одной изъ отраслей государственнаго управленія, легко переходятъ въ другія вѣдомства и заражаютъ вскорѣ всѣ отрасли государственной администраціи; одно управленіе старается превзойти другія и притянуть къ себѣ лучшія силы, все обрушивается на государственный бюджетъ, котораго дефицитъ возрастаетъ все болѣе и болѣе.»

По министерству финансовъ, главное сокращеніе въ 1,060,424 р. произошло вслѣдствіе неуплаты Царству Польскому вознагражденія за отшедшіе отъ него доходы по снятію таможенъ, а за тѣмъ сокращены расходы по взиманію питейныхъ доходовъ (852,384 р.), монетныхъ и горныхъ (552,189 р.) и соляныхъ (251,911), что составляетъ все вмѣстѣ до 2,716,908 р. Но эта цифра поглощается почти вся въ самомъ министерствѣ финансовъ, значительнымъ увеличеніемъ расходовъ на администрацію (966,971 р.) и на экстраординарныя надобности по губерніямъ (1,872,858 р.).

За тѣмъ всѣ остальныя министерства увеличили свои расходы. Мы конечно не говоримъ о такихъ понятныхъ, вполнѣ благодѣтельныхъ и разумныхъ увеличеніяхъ, каковы напримѣръ издержки по народному образованію (459,000 р.), на введеніе судебной реформы (1,000,000 р.) на содержаніе и препровожденіе арестантовъ (1,216,363 р.), но большая часть остальныхъ увеличеній падаетъ или на увеличеніе администраціи или на поддержаніе доставляющихъ казнѣ значительные убытки регалій (каково почтовое вѣдомство). Даже благодѣтельная реформа, возвѣщенная наканунѣ 19 февраля, о присоединеніи казенныхъ крестьянъ къ общему вѣдомству мировыхъ учрежденій, повела къ отягощенію бюджета министерства государственныхъ имуществъ, поглощающаго около 10,000,000 р. и не приносящаго казнѣ сооотвѣтственнаго дохода.

Мы кончили нашу статью, когда объявленъ былъ новый пяти процентный лоттерейный заемъ. Вотъ, общая таблица всѣхъ прежнихъ

внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ, въ настоящее время подлежащихъ уплатѣ, и къ которымъ присоединяется теперь новый заемъ:

I. Долги процентные:		
1) внѣшніе		547,213,816 р.
2) внутренніе:		
a) Счетъ государственнаго казначейства съ государственнымъ банкомъ, по займамъ для сверхъ смѣтныхъ расходовъ разныхъ вѣдомствъ, построекъ, долги государственнаго казначейства за разныя учрежденія и разнымъ учрежденіямъ.	61,867,520 р.	
b) Четырехъ процентныхъ металлическихъ билетовъ	57,307,500 »	
c) Билетовъ государственнаго казначейства серій	207,000,000 »	
d) Остатки старыхъ долговъ (1817 года), сдѣланныхъ для погашенія ассигнацій, покрытія прежнихъ дефицитовъ и пр.	49,811,358 »	
e) Четырехъ-процентныхъ непрерывно доходныхъ билетовъ, образовавшихся отъ консолидаціи вкладовъ въ бывшія кредитныя учрежденія. .	154,258,586 »	
Пяти-процентнаго выигрышнаго займа	99,820,000 »	
Пяти-процентныхъ билетовъ для подкрѣпленія банка.	9,923,750 »	
Итого внутреннихъ процентныхъ		639,988,714 р.
II. Долговъ внутреннихъ безпроцентныхъ, или находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. .		650,501,605 »

Итакъ, къ первому января 1866 года сумма всѣхъ долговъ лежащихъ на государственномъ казначействѣ составляла цифру 1,837,704,135 руб. Изъ того числа по процентнымъ долгамъ въ суммѣ 1,187,202,530 р. на періодъ съ 1854 года падаетъ болѣе 800 милліоновъ; а по долгамъ безпроцентнымъ, количество кредитныхъ билетовъ, бывшихъ въ обращеніи въ 1854 г. въ количествѣ 334 милліоновъ возрасло до 650. Къ этому присоединился новый заемъ въ сто милліоновъ и обѣщанный выпускъ серій въ девять милліоновъ.

Таковы данные нашего экономическаго положенія. Въ нихъ нѣтъ ничего новаго и неизвѣстнаго, но нельзя отрицать ихъ достовѣрно-

сти.... Намъ невольно приходится повторить то, что мы сказали уже по этому поводу въ засѣданіи Петербургскаго собранія хозяевъ («Современная Лѣтопись». 1865, № 40): «Мы въ бѣдственномъ нашемъ положеніи не обвиняемъ никого; напротивъ, мы думаемъ, что вызванное силой вещей и необходимою реформой обветшалаго порядка, оно намъ улыбается въ будущемъ свѣтлою надеждой. Но оно требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ серьезной думы и разумнаго дѣла отъ самого общества. Перебиваться изо дня въ день, гнать отъ себя заботы и проживать спокойно и самодовольно народное достояніе, собранное усиленнымъ трудомъ прошедшихъ поколѣній, могутъ только тѣ, которые отталкиваютъ отъ себя историческую отвѣтственность и беззаботно говорятъ: après nous le déluge.... Но кто знаетъ, близко или далеко волны потопа!...» Н. КОЛЮПАНОВЪ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Результаты сѣверо-американской междоусобной войны и настоящее положеніе невольничьяго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ. — Финансы ихъ, сравнительно съ общимъ положеніемъ того же предмета въ западныхъ европейскихъ государствахъ.

Сѣверная Америка, по общему признанію, представляетъ въ послѣднихъ событіяхъ своихъ особенно много великаго и интереснаго. Конечные результаты великой междоусобной войны, вліяніе ея на духъ американскаго народа и на учрежденія его, вліяніе ея на матеріальное благосостоянія этой оригинальной націи — вотъ, тѣ въ высшей степени замѣчательные вопросы, на которые мы можемъ найти отвѣтъ въ современныхъ сѣвероамериканскихъ событіяхъ. Весь складъ сѣвероамериканской жизни такъ оригиналенъ, что всѣ эти и еще многіе другіе вопросы получаютъ тамъ совершенно иное разрѣшеніе, нежели они могли и должны бы получить въ европейскихъ государствахъ, при европейскомъ складѣ политической жизни.

Для чего сѣвероамериканцы погубили сотни тысячъ людей и потратили милліарды долларовъ? Не означаютъ ли эти цифры напрасно, безумно загубленныхъ производительныхъ силъ народа, брошенныхъ только для удовлетворенія личныхъ страстей? На эти вопросы въ Европѣ многіе отвѣчали и продолжаютъ отвѣчать утвердительно. И до сихъ поръ намъ приходится слышать въ европейской политической прессѣ разсужденіе о томъ, что послѣднею войною благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ разрушено на долго, если не навсегда, и притомъ разрушено неизвѣстно для чего, неизвѣстно для какихъ цѣлей и для какихъ результатовъ. Тѣ, которые это утверждаютъ, измѣряютъ

то, что дѣлается въ Америкѣ на европейскій аршинъ, и судятъ объ американскихъ событіяхъ по примѣру того, что они видѣли въ Европѣ. Но подобный способъ оцѣнки американскихъ дѣлъ въ высшей степени ошибоченъ. Въ Европѣ, дѣйствительно, любое государство, потратившее въ теченіи 3—4 лѣтъ около 4,000 милліоновъ рублей на одну только войну, навѣрное разстроило бы свои финансы не только на весьма долгое время, но и навсегда. Въ Сѣверной Америкѣ, принесеніе такихъ громадныхъ жертвъ не имѣетъ тѣхъ плачевныхъ для всего будущаго благосостоянія страны послѣдствій, какъ то могло бы быть въ Европѣ.

Что же касается до цѣлей и до результатовъ этой войны, заставившей американскій народъ нести такія огромныя жертвы, то опять-таки ошибка людей, увѣряющихъ, что война эта ведена была неизвѣстно для чего, и что результаты ея далеко не соотвѣтствуютъ громадности принесенныхъ жертвъ, происходитъ отъ привычки ихъ смотрѣть на американскія дѣла сквозь очки европейскихъ политиковъ. Въ Европѣ мы дѣйствительно видимъ, что отъ народовъ требовали громадныхъ жертвъ для ничтожныхъ цѣлей, для удовлетворенія личныхъ страстей (наполеоновскія войны), для поддержанія искусственно созданнаго государственнаго равновѣсія (восточная война), или даже для еще болѣе ничтожныхъ цѣлей. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло какъ будто шло о такихъ цѣляхъ, какъ напр. освобожденіе національностей (итальянская война), оказывается, что въ дѣйствительности дѣло не обошлось безъ примѣси династическихъ интерессовъ. Цѣли же и результаты недавней американской войны имѣютъ совершенно иной характеръ, нежели цѣли и результаты послѣднихъ великихъ европейскихъ войнъ. Правда, нѣкоторые близорукіе политики въ самой Америкѣ были убѣждены, даже старались и другихъ убѣдить въ томъ, что американская война ведена была *единственно* только для того, чтобы возстановить въ прежнемъ видѣ сѣвероамериканскій союзъ, расторгнутый отпаденіемъ южныхъ штатовъ. Такіе политики, къ числу которыхъ принадлежитъ, повидимому, и самъ Джонсонъ (настоящій президентъ Соединенныхъ штатовъ), видятъ въ возстановленіи цѣлости союза не средство для радикальнаго преобразованія учрежденій всѣхъ штатовъ союза, въ томъ числѣ и южныхъ штатовъ, а конечную цѣль, важную саму по себѣ, по достиженіи которой можно вполнѣ успокоиться, и не заботиться болѣе ни о какихъ существенныхъ преобразованіяхъ и исправленіяхъ въ учрежденіяхъ союза. Такіе политики совершенно упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что сущность вопроса состоитъ не въ томъ, будетъ ли возстановленъ союзъ или нѣтъ, будутъ ли всѣ 36 штатовъ американскаго союза составлять одно государство, или два, или три государства, лишь бы только удовлетворительнымъ образомъ разрѣшенъ былъ вопросъ о правахъ

и отношеніяхъ гражданъ всѣхъ этихъ штатовъ. Если стать на точку зрѣнія этихъ близорукихъ государственныхъ людей, смотрящихъ на современныя событія исключительно только съ сравнительноузкой точки зрѣнія государственныхъ, а не съ болѣе широкой точки зрѣнія народныхъ интересовъ, то прійдется согласиться съ тѣми, которые увѣряютъ, что огромныя жертвы, принесенныя американскимъ народомъ, принесены были для самыхъ ничтожныхъ результатовъ: дѣйствительно, нельзя было бы не признать ничтожнымъ того результата, что помощью такихъ огромныхъ жертвъ сдѣлано невозможнымъ распаденіе союза на двѣ части, если вмѣстѣ съ тѣмъ въ учрежденіяхъ союза не было бы произведено ни малѣйшаго измѣненія. Но—въ томъ то и дѣло, что великій мученикъ возрожденія американскаго союза, Авраамъ Линкольнъ, что большинство сѣвероамериканской націи, смотрѣли на причины войны, и на результаты, къ которымъ слѣдуетъ стремиться, не съ той узкой точки зрѣнія, съ которой смотрѣли на нее такіе, хотя честные, но близорукіе люди, какъ Мак'клелланъ, Стантонъ, Грантъ, Джонсонъ и другіе. Большинство американскаго народа, наконецъ, поняло, что нужно покончить съ невольничествомъ, съ этимъ зломъ, которое въѣлось въ учрежденія союза вслѣдствіе непредусмотрительности первыхъ законодателей, и которое парализировало дальнѣйшее развитіе тѣхъ штатовъ, въ которыхъ оно процвѣтало. Разумѣется большинство практическихъ сѣвероамериканскихъ янки пришли къ этому убѣжденію, не вслѣдствіе какихъ-либо сантиментальныхъ, филантропическихъ побужденій, а просто потому, что они убѣдились въ томъ, что невольничество въ высшей степени вредно для ихъ страны и для нихъ самихъ. Разъ пришедши къ этому убѣжденію, большинство американской націи поспѣшило вручить высшую государственную власть такому человѣку, отъ котораго можно ожидать, что онъ съумѣетъ приняться какъ слѣдуетъ за дѣло уничтоженія невольничества, и довести его до конца; президентомъ союза волею большинства избранъ былъ Авраамъ Линкольнъ. Тогда рабовладѣльческое меньшинство, увидѣвши, что у него отнимаютъ возможность предписывать законы всей націи, и управлять судьбами, всей страны, рѣшилось образовать особое, отдѣльное отъ сѣверныхъ штатовъ, государство, въ основу учрежденій котораго должно было лечь учрежденіе невольничества. Но подобнаго образованія невольническаго государства большинство сѣвероамериканской націи не хотѣло и не могло допустить, и изъ этого началась и продолжалась цѣлыхъ четыре года упорная междоусобная война. Итакъ, для большинства націи дѣло вовсе не шло о томъ, чтобы возстановить, во что бы то ни стало, союзъ въ прежнемъ его видѣ, чтобы помѣшать, во что бы то ни стало, образованію изъ южныхъ штатовъ новаго государства. Дѣло шло о томъ, чтобъ воспрепятствовать образованію новаго государства

рабовладѣльцевъ, чтобы возстановить цѣлость союза обновленнаго, пересозданнаго, исключившаго изъ своей конституціи слово и понятіе «невольничество.» Линкольнъ желалъ возстановленія союза—это правда; но онъ очевидно желалъ его для того, чтобы, оставаясь президентомъ южныхъ штатовъ, ему можно было вѣрнѣе достигнуть въ нихъ отмѣны невольничества. Потратить милліардъ долларовъ и погубить сотни тысячъ людей для одного только возстановленія союза въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ ограниченные политики союза — было бы безцѣльно. Но врядъ ли найдется много людей, которые станутъ утверждать, что безполезно и безумно было приносить эти же самыя жертвы, для уничтоженія того учрежденія, которое позорило американскую націю; причиняло ей громадный вредъ, и тормозило дальнѣйшее успѣшное ея развитіе. Конечно было бы лучше, если бы этихъ же самыхъ цѣлей можно было достигнуть безъ принесенія такихъ страшныхъ жертвъ; это до того очевидно, что объ этомъ даже какъ-то странно и толковать. Не помѣшанные же люди были тѣ сотни тысячъ и милліоны американцевъ, которые шли подъ конфедератскія пушки и вносили въ національную казну доллары за долларами; нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы они дѣлали все это безъ крайней необходимости, Къ тому же извѣстно, что и Авраамъ Линкольнъ былъ самый мягкосердечный и миролюбивый человѣкъ, который душою скорбѣлъ о тѣхъ кровопролитіяхъ, которыхъ ему приходилось быть свидѣтелемъ, и отчасти участникомъ и виновникомъ. Но что же было дѣлать Линкольну, что же было дѣлать большинству американскаго народа, если упорство рабовладѣльцевъ дѣлало невозможнымъ иное разрѣшеніе вопроса о невольничествѣ, который являлся для американцевъ вопросомъ жизни. Неужели же было бы лучше, если бы милліарды долларовъ были сбережены, если бы даже сотни тысячъ людей, погибшихъ въ борьбѣ, остались бы въ живыхъ, и если бы вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверъ опять позволилъ бы рабовладѣльцамъ юга распоряжаться всею страною, или если бы онъ дозволилъ бы южнымъ штатамъ образовать особое невольническое государство? На этотъ вопросъ едва-ли можно отвѣчать утвердительно. А отвѣчать на него отрицательно, значитъ признать то, что какъ бы тяжелы ни были жертвы, понесенныя американскимъ народомъ, жертвы эти не приносились тщетно, а что, напротивъ, люди, приносившіе ихъ, были руководимы при этомъ самыми разумными цѣлями, которыхъ они, по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ, не могли достигнуть иначе, какъ посредствомъ принесенія такихъ жертвъ.

Но согласившись даже въ томъ, что цѣли, которыя имѣло большинство американской націи, вступая въ междоусобную войну, были вполнѣ благородны и разумны, остается еще разрѣшить вопросъ, можно ли считать эти цѣли достигнутыми, и соотвѣтствовали ли резуль-

таты войны этимъ цѣлямъ и огромнымъ жертвамъ, для нея принесеннымъ. Намъ кажется, что и на этотъ вопросъ намъ можно отвѣчать утвердительно. Хотя невольничій вопросъ еще не разрѣшенъ окончательно въ Сѣверной Америкѣ, однако теперь уже есть полное основаніе полагать, что результатомъ войны будетъ дѣйствительное пересозданіе всего союза, основанное на фактическомъ, а не на одномъ только юридическомъ уничтоженіи невольничества. Вотъ, вкратцѣ, тѣ фазисы, черезъ которые проходилъ этотъ вопросъ во время президентства Линкольна, прежде нежели онъ дошелъ до настоящаго положенія своего.

Самымъ фактомъ избранія Линкольна большинство американской націи ясно показало, что оно разъ на всегда хочетъ покончить съ невольничествомъ. Но на первыхъ порахъ президентства Линкольна этотъ вопросъ вовсе не подвигался впередъ такъ быстро, чтобы можно было ожидать скораго и радикальнаго его разрѣшенія. Жители сѣверныхъ штатовъ какъ будто пугались открывшейся передъ ними перспективы продолжительной междоусобной войны, и все еще какъ будто надѣялись склонить югъ къ прекращенію войны посредствомъ уступчивости и разныхъ компромиссовъ. Поэтому они не желали, чтобы вопросъ объ отношеніи чернаго населенія къ бѣлому поставленъ былъ слишкомъ прямо, и разрѣшенъ былъ слишкомъ радикальнымъ образомъ. Они какъ будто боялись еще болѣе раздражить югъ немедленнымъ и радикальнымъ разрѣшеніемъ этого щекотливаго для него вопроса, и готовы были, для избѣжанія или для скорѣйшаго прекращенія войны, вступить на путь постепенности при его разрѣшеніи. Что касается до Линкольна, то онъ былъ на столько честенъ, что ни за что не захотѣлъ бы навязать цѣлому американскому народу то разрѣшеніе этого вопроса, котораго онъ могъ желать по личнымъ своимъ убѣжденіямъ. Онъ вовсе не былъ деспотомъ; онъ имѣлъ самое высокое понятіе о значеніи народной власти, и считалъ себя ничѣмъ инымъ, какъ первымъ слугою народа, поставленнымъ на президентское мѣсто только для того, чтобы исполнять то, что поручитъ ему большинство націи. Онъ даже готовъ былъ принести отчасти въ жертву народной власти свои личныя убѣжденія. Видя при вступленіи своемъ въ президентскую должность въ большинствѣ народа наклонность къ медленному и постепенному разрѣшенію невольничьяго вопроса, онъ рѣшился тоже приняться за медленное и постепенное разрѣшеніе его, въ чемъ онъ, какъ ему казалось, исполнялъ волю своего народа. Но при этомъ онъ, повидимому, твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что самъ народъ скоро пойдетъ впередъ быстрѣе, и онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Этими обстоятельствами объясняется то, что въ первые полтора года президентства Линкольна почти ничего не было сдѣлано для разрѣшенія вопроса о невольничествѣ. Такая нерѣшительность большин-

ства націи, и происходящая отсюда же крайняя осторожность президента ея, могли бы имѣть самыя плачевныя послѣдствія для дальнѣйшаго хода невольничьяго вопроса. Если бы южные штаты въ самомъ началѣ войны пожелали бы возвратиться въ союзъ, и признать власть избраннаго большинствомъ націи президента, то конечно, дѣло уничтоженія невольничества пошло бы впередъ весьма медленнымъ путемъ, и рабовладѣльцы юга нашли бы возможность отсрочить окончательное разгозрѣшеніе весьма на долго. Но къ счастію для союза и для праваго дѣла, обстоятельства сложились такъ, что разрѣшеніе невольничьяго вопроса пошло гораздо быстрѣе, чѣмъ того можно было ожидать въ началѣ, и этому способствовали сами рабовладѣльцы юга. Надменность и упорство ихъ, нежеланіе ихъ слышать о примиреніи иначе, какъ на основаніи признанія самостоятельности рабовладѣльческаго государства, озлобили противъ нихъ населеніе сѣвера, придали этому послѣднему достаточно энергіи для продолженія войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для окончательнаго уничтоженія первой причины войны невольничества.

Спустя полтора года послѣ начала войны, президентъ Линкольнъ издалъ извѣстную свою прокламацію, отъ 22 сентября 1862 года, въ которой онъ объявлялъ, что въ тѣхъ штатахъ, которые къ 1 января слѣдующаго года не прекратятъ возстанія и не возвратятся въ союзъ, всѣ невольники будутъ считаться освобожденными. На тотъ случай, если бы южные штаты испугались этой угрозы и возвратились въ союзъ, Линкольнъ предлагалъ, въ посланіи своемъ 1862 года, проэктъ постепеннаго уничтоженія невольничества. Главныя основанія этого проэкта состояли въ томъ, что каждый невольничій штатъ долженъ былъ уничтожить у себя невольничество въ теченіи 37-лѣтняго періода (до 1 января 1900 года); каждый рабовладѣлецъ долженъ былъ получить изъ государственнаго казначейства вознагражденіе за то число невольниковъ, которое будетъ значиться за нимъ къ тому времени. Прокламація 22 сентября 1862 года и этотъ послѣдній проэктъ отмѣны невольничества не имѣли, впрочемъ, никакихъ послѣдствій. Южные штаты до того понадѣялись на свою собственную силу и на помощь, которую они ожидали извнѣ, что ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ возвратиться въ союзъ до 1 января 1863 года. Этимъ самымъ дѣлалось невозможнымъ осуществленіе проэкта, которымъ невольничество сохранялось въ южныхъ штатахъ еще на цѣлое поколѣніе. Большинство населенія сѣверныхъ штатовъ было озлоблено упорствомъ юга, и требовало, чтобы президентъ дѣйствовалъ относительно него болѣе рѣшительнымъ образомъ; оно даже не одобряло эмансипаціоннаго проэкта Линкольна, считая его мѣрою слишкомъ слабою и несовершенною. Самъ Линкольнъ изданіемъ прокламаціи 22 сентября и представленіемъ своего проэкта медленнаго уни-

чтоженія невольничества сдѣлалъ все, что нужно было для очистки своей совѣсти, для того, чтобы его не обвинили въ экспропріаціи и въ насиліи, для того, чтобы отнять у кого бы то ни было право жаловаться на дальнѣйшія его дѣйствія. Видя, что мягкія и кроткія мѣры не помогаютъ, и что большинство націи требуетъ иной, болѣе рѣшительной политики, Линкольнъ, оставаясь вѣрнымъ своему основному принципу, послушался народной воли, и пошелъ далѣе. Въ прокламаціи 22 сентября онъ говорилъ, что объявлены будутъ свободными невольники тѣхъ штатовъ, которые къ 1 января не возвратятся въ союзъ. Къ 1 января 1863 года ни одинъ изъ отпавшихъ штатовъ не возвратился въ союзъ, и Линкольнъ исполнилъ обѣщаніе, сдѣланное имъ 3½ мѣсяца тому назадъ. 1 января 1863 года появилась прокламація президента, въ которой онъ объявлялъ, что «всѣ невольники 11 отпавшихъ штатовъ свободны, и должны считаться свободными», и что исполнительная власть союза, со включеніемъ военныхъ властей на сушѣ и на морѣ должна признавать означенныхъ лицъ свободными, и защищать ихъ свободу. Такимъ образомъ, второй годъ войны принесъ уже тѣ результаты, что невольничество было отмѣнено de jure во всѣхъ невольничьихъ штатахъ, а de facto въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя простиралась власть союзнаго правительства. Въ рабовладѣльцахъ и въ такъ называемой демократической партіи на Сѣверѣ, которая во всемъ держитъ ихъ руку, эта прокламація вызвала, разумѣется, сильнѣйшій гнѣвъ, и президентъ былъ осыпанъ самыми страшными упреками за изданіе ея; иначе оно, разумѣется, не могло быть. Но большинство населенія Сѣвера отнеслось къ этому манифесту довольно благопріятнымъ образомъ, и было недовольно только однимъ — значительными ограниченіями, которыя были въ немъ сдѣланы. Линкольнъ, увидѣвши изъ этого пріема, сдѣланнаго его прокламаціею, что нація идетъ впередъ въ вопросѣ объ уничтоженіи невольничества, также рѣшился еще дальше пойти впередъ. Въ посланіи своемъ 1863 года, онъ предложилъ конгрессу обсудить измѣненіе въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, которымъ невольничество объявлено было бы окончательно уничтоженнымъ на всемъ протяженіи союза. Это измѣненіе въ конституціи дѣйствительно утверждено было конгрессомъ въ началѣ 1864 года. Для того, чтобы получить законную силу, это измѣненіе должно было получить санкцію со стороны законодательствъ ¾ всѣхъ штатовъ, входящихъ въ составъ союза. Изъ сѣверныхъ и среднихъ штатовъ, только три штата отказали въ этомъ утвержденіи; а такъ какъ всѣ остальные приняли это измѣненіе въ конституціи, и такъ какъ къ нимъ присоединились еще послѣ окончанія войны нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ (руководимыхъ при этомъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно особенными соображеніями), то и составилось необходимое число трехъ че-

твертей штатовъ. Такимъ образомъ, первымъ результатомъ войны было то, что невольничество юридически перестало существовать на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

Но существенный вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, перестало ли оно, или есть ли надежда, что оно скоро перестанетъ существовать и фактически? Вопросъ въ томъ, не будетъ ли невольничество или «особое учрежденіе» (peculiar institution) южныхъ штатовъ продолжать свое существованіе подъ другимъ именемъ и подъ другою формою? Всякому понятно, что недостаточно освободить негровъ на бумагѣ, написавши въ конституціи, что невольничество уничтожается навсегда, а что нужно принять надлежащія мѣры для того, чтобы освобожденіе невольниковъ изъ подъ ига рабовладѣльцевъ совершено было de facto. Сами рабовладѣльцы изо всѣхъ силъ противятся этому. Увидѣвши изъ послѣднихъ событій, что счастіе войны не было имъ благопріятно, что силою оружія они ничего не добились, а рисковали напротивъ очень многое потерять, они наконецъ, перемѣнили тактику, и рѣшились искать въ интригахъ и въ политической ловкости вознагражденія того, что они потеряли въ войнѣ *). Замѣтивши, что новый президентъ Джонсонъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду возстановленіе союза ради самого возстановленія его, а вовсе не для совершенія радикальнаго преобразованія въ учрежденіяхъ Юга, они рѣшили обратить себѣ въ пользу это личное расположеніе президента. Они стали изображать изъ себя самыхъ вѣрныхъ и благонадежныхъ гражданъ союза, и такимъ образомъ достигали того, что президентъ Джонсонъ охотно склонялся къ возвращенію имъ прежней власти и прежняго значенія въ управленіи судьбами ихъ штатовъ. А достигнувши этого перваго результата, они сейчасъ же принялись за притѣсненіе и угнетеніе освобожденныхъ по имени, но нисколько не гарантированныхъ отъ насилія ихъ, негровъ. Такихъ фактовъ уже теперь было не мало, хотя рабовладѣльцы еще и не одержали рѣшительной побѣды въ Вашингтонѣ. Теперь извѣстно, что, послѣ окончанія войны, они, гдѣ только возможно было, истязали и даже убивали негровъ; что почти вездѣ они давали имъ такую ничтожную заработную плату, которая не могла удовлетворить даже умѣреннымъ потребностямъ негровъ, желая возбудить въ нихъ сожа-

*) Всѣ эти явленія, замѣчаемыя въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, неизбѣжны вездѣ, гдѣ источникомъ возстанія служилъ сепаратизмъ, основанный на личныхъ интересахъ преобладающаго сословія. А потому вездѣ справедливо то, что заставить повиноваться не можетъ быть еще послѣднею цѣлью усмиренія; необходимо преобразовать государственный союзъ боровшихся сторонъ такъ, чтобы устранились причины, дѣлавшія сепаратизмъ вожделѣннымъ. Держаться золотой средины, какъ дѣлаетъ Джонсонъ, часто значитъ соединить всѣ невыгоды двухъ противоположностей, и лишиться всѣхъ выгодъ той и другой. — *Ред.*

лѣніе о состояніи невольничества. Лучшіе люди въ сѣверныхъ штатахъ очень хорошо понимаютъ, что подобнымъ образомъ нельзя эмансипировать негровъ, что достигнуть многолѣтней войной только подобныхъ результатовъ, значитъ дѣйствительно напрасно принести тѣ огромныя жертвы, которыхъ стоила война. Они понимаютъ, что освободивши негровъ на бумагѣ, слѣдуетъ освободить ихъ и въ дѣйствительности, и принять серьезныя мѣры для того, чтобы положеніе ихъ дѣйствительно улучшилось, чтобы они дѣйствительно стали свободными гражданами, и вполнѣ независимыми отъ прежнихъ своихъ владѣтелей людьми. На счетъ тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ можно было бы достигнуть подобныхъ результатовъ, между лучшими людьми Сѣвера тоже господствуетъ полное согласіе. Они утверждаютъ, что рабовладѣльческимъ штатамъ никакъ не слѣдуетъ ввѣрять устройства будущей судьбы негровъ, что имъ никакъ не слѣдуетъ немедленно возвращать полной автономіи ихъ, которою они конечно сейчасъ бы воспользовались для угнетенія негровъ, а что слѣдуетъ оставить ихъ подъ контролемъ всего союза до тѣхъ поръ, пока положеніе бывшихъ невольниковъ не будетъ устроено на прочныхъ началахъ. Они требуютъ предоставленія неграмъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, которыми пользуются бѣлые, и въ которыхъ они могли бы найти защиту противъ привилегированныхъ законодателей-плантаторовъ. Они требуютъ, чтобы введена была полная равноправность между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ Юга, и чтобы въ особенности неграмъ дано было избирательное право, которое и имъ давало бы возможность принимать участіе въ законодательствѣ своихъ штатовъ, и не ставило бы ихъ въ необходимость повиноваться законамъ, предписаннымъ имъ ихъ прежними владѣтелями и настоящими притѣснителями. Они находили также необходимымъ, чтобы въ южныхъ штатахъ учреждены были повсюду союзные суды, вмѣсто ненадежныхъ мѣстныхъ судовъ, и чтобы негру дано было право являться въ судѣ свидѣтелемъ противъ бѣлаго. Они рекомендовали еще внесеніе новыхъ элементовъ въ населеніе южныхъ штатовъ посредствомъ колонизаціи ихъ европейскими переселенцами и жителями сѣверныхъ штатовъ, чтобы такимъ образомъ подлѣ деморализованнаго рабовладѣльческаго населенія Юга образовался свѣжій и не враждебный неграмъ землевладѣльческій классъ. Наконецъ, они понимаютъ очень хорошо, что измѣнить чье-либо гражданское и политическое положеніе, не измѣнивши въ то же время и экономическаго положенія его, значитъ сдѣлать менѣе половины дѣла: поэтому они требуютъ, чтобы освобождаемые негры были надѣляемы поземельною собственностью, для того, чтобы судьба ихъ не зависѣла вполнѣ отъ произвола мстительныхъ плантаторовъ.

Вотъ, что, по мнѣнію лучшихъ людей Сѣвера, слѣдовало сдѣлать

въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, для того, чтобы освобожденіе негровъ изъ-подъ ига плантаторовъ осуществилось на дѣлѣ. Мнѣнія эти болѣе или менѣе раздѣляются и большинствомъ гражданъ Сѣвера, насколько можно судить объ этомъ по образу дѣйствій представителей ея въ законодательныхъ собраніяхъ союза. Повидимому, Линкольнъ смотрѣлъ на это дѣло съ этой же точки зрѣнія; по крайней мѣрѣ всѣ его дѣйствія доказываютъ, что онъ серьезно понималъ эмансипацію негровъ, и намѣренъ былъ согласовать дѣйствія свои съ словами. По его инціативѣ, въ покоренныхъ штатахъ основаны были такъ называемыя «бюро фридменовъ», на которыхъ лежала обязанность защищать освобожденныхъ негровъ въ столкновеніяхъ ихъ съ плантаторами и съ мѣстными властями, и заботиться о матеріальномъ благосостояніи и о нравственномъ и умственномъ развитіи нѣсколькихъ милліоновъ освобожденныхъ невольниковъ. По его же иниціативѣ, бывшимъ невольникамъ розданы были земельные участки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ покоренныхъ южныхъ штатовъ, (около Виксбурга, Саванны и др.), и дана была имъ возможность дѣйствовать самостоятельно, въ качествѣ хозяевъ, а не обязательныхъ работниковъ. По свидѣтельству безпристрастныхъ свидѣтелей, опыты эти вполнѣ удались, и негры, получившіе землю, оказались предусмотрительными и трудолюбивыми хозяевами. Наконецъ, Линкольнъ не прочь былъ и отъ дарованія неграмъ политической и гражданской равноправности съ бѣлымъ населеніемъ южныхъ штатовъ; по крайней мѣрѣ онъ положительно высказался въ пользу распространенія на нихъ избирательнаго права. «Я не понимаю, говорилъ онъ, какимъ образомъ можно бы избѣжать всеобщей подачи голосовъ, или по крайней мѣрѣ избирательнаго права, основаннаго на образованіи и на военныхъ заслугахъ. Я думаю, что на мнѣ лежитъ этотъ долгъ относительно цвѣтнокожаго населенія, которое завоевало себѣ право голоса, помогая спасти жизнь республики.» При такомъ серьезномъ пониманіи Линкольномъ вопроса объ устройствѣ судьбы бывшихъ невольниковъ, при обнаружившемся въ большинствѣ Сѣвера желаніи разрѣшить этотъ вопросъ въ смыслѣ серьезнаго обезпеченія судьбы негровъ, дѣло это могло бы пойти впередъ весьма быстро и успѣшно, если бы Линкольнъ остался въ живыхъ и продолжалъ управлять судьбами своей страны. Но преждевременная смерть Линкольна, застигнувшая его въ то время, какъ онъ только началъ дѣлать выпавшее ему на долю дѣло, и вступленіе Джонсона на президентское мѣсто отчасти измѣнили ходъ этого дѣла. Джонсонъ, какъ мы уже замѣтили выше, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду одну внѣшнюю сторону дѣла, одно только возстановленіе цѣлости американскаго союза, хотя бы въ томъ видѣ и съ сохраненіемъ тѣхъ же самыхъ учрежденій, которыя существовали въ немъ до войны. Если о немъ и нельзя ска-

зать, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ радикаловъ, что онъ, какъ гражданинъ одного изъ южныхъ штатовъ (Теннеси), раздѣляетъ ненависть южанъ къ неграмъ; однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ продолжаетъ считать негровъ за взрослыхъ дѣтей, которымъ опасно было бы дать полную свободу, и очень мало убѣждается фактами доказывающими, что негры способны къ пользованiю экономической свободой и къ полной гражданской и политической равноправности. По личнымъ своимъ взглядамъ, онъ считаетъ введенiе равноправности между черными и бѣлыми, и дарованiе первымъ избирательнаго права дѣломъ преждевременнымъ, которое должно имѣть гибельныя послѣдствiя какъ для первыхъ, такъ и для послѣднихъ. Что же касается до положенiя негровъ въ южныхъ штатахъ, то онъ постоянно высказывается въ томъ смыслѣ, что дѣло окончательнаго устройства судьбы освобожденныхъ штатовъ слѣдуетъ предоставить отдѣльнымъ штатамъ, которые должны устроить это дѣло, какъ сами найдутъ лучшимъ. Высказывать подобные взгляды на способы разрѣшенiя невольничьяго вопроса, значитъ прямо содѣйствовать тому, чтобы невольничество, если не de jure, то de facto продолжало существовать въ южныхъ штатахъ. Очевидно, что предоставленные сами себѣ плантаторы-законодатели южныхъ штатовъ и не подумаютъ о томъ, чтобы серьезно улучшить положенiе бывшихъ невольниковъ, и не только будутъ упорно отвергать всякiя клонящiяся къ тому мѣры, но напротивъ будутъ еще заботиться о томъ, какъ бы покрѣпче забрать негровъ себѣ въ кабалу.

Такой образъ дѣйствiй представителя высшей исполнительной власти въ странѣ легко могъ бы подвергнуть серьезной опасности всю дальнѣйшую будущность союза вообще, и цвѣтнокожаго населенiя въ особенности, если бы значительное большинство народныхъ представителей, имѣющее за собою большинство нацiи, не смотрѣло на этотъ вопросъ совершенно иначе, нежели президентъ, и притомъ съ точки зрѣнiя гораздо болѣе серьезной и рацiональной. Какъ только въ концѣ прошлаго года открылись засѣданiя конгресса, тотчасъ же самымъ яснымъ образомъ обнаружилось существенное несогласiе между взглядами президента и народныхъ представителей въ вопросѣ объ отношенiи южныхъ штатовъ къ остальному союзу, и объ отношенiяхъ между цвѣтнокожимъ и бѣлымъ населенiемъ на Югѣ. Конгрессъ въ первый же день своихъ засѣданiй косвеннымъ образомъ осудилъ слишкомъ неосторожную политику президента относительно южныхъ штатовъ, недопустивши къ участiю въ засѣданiяхъ своихъ представителей штатовъ, принимавшихъ участiе въ возстанiи. Тогда Джонсонъ не поколебался прямо явиться передъ конгрессомъ ходатаемъ за рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ. Онъ обратился къ конгрессу съ посланiемъ, въ которомъ онъ старался до-

казать ему, что Югъ безъ всякой задней мысли желаетъ возвратиться въ союзъ, и что поэтому нужно какъ можно скорѣе забыть все прошлое. Это забвеніе прошлаго должно было состоять въ томъ, чтобы представители южныхъ штатовъ приняты были въ сенатъ и въ палату депутатовъ, чтобы какъ можно скорѣе прекращено было временное управленіе южными штатами, и возстановлена въ нихъ система самоуправленія, и чтобы какъ можно скорѣе выведены были изъ южныхъ штатовъ войска, присутствіе которыхъ тамъ теперь будто бы уже совершенно излишне. Но большинство конгресса не высказало ни малѣйшаго желанія отступить отъ разъ принятой имъ политики относительно южныхъ штатовъ. Оно продолжало отказывать въ допущеніи представителей Юга въ конгрессъ; оно приняло резолюцію о томъ, что союзныя войска должны быть оставлены въ южныхъ штатахъ до тѣхъ поръ, пока конгрессъ признаетъ это нужнымъ; наконецъ, оно рѣшило оставить въ южныхъ штатахъ временныя управленія, и не замѣнять ихъ покуда выборными властями.

Такимъ образомъ, намъ и въ Америкѣ представилась любопытная картина столкновенія между высшей исполнительной и законодательной властью въ странѣ, подобнаго тѣмъ столкновеніямъ, которыя въ послѣднее время не разъ видѣли въ Европѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что представители американской націи вовсе не желаютъ разрыва между президентомъ и конгрессомъ. Но вышеприведенныя постановленія ихъ, прямо направленныя противъ неосторожной политики Джонсона, ясно показываютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ они не желаютъ также отступаться отъ принадлежащей имъ роли, и спѣшить возвращеніемъ южнымъ штатамъ всѣхъ правъ ихъ, прежде полученія достаточныхъ гарантій въ томъ, что права эти не будутъ злоупотреблены. Съ другой стороны, и президентъ продолжаетъ выказывать желаніе итти по избранному имъ пути, который онъ считаетъ единственнымъ путемъ, ведущимъ къ прочному умиротворенію страны. И конгрессъ и президентъ убѣждены въ справедливости своей системы, и полагаютъ, что они могутъ разсчитывать на поддержку націи и всѣхъ истинныхъ патріотовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, несогласіе между президентомъ и большинствомъ народныхъ представителей въ послѣднее время перешло въ открытую борьбу. Ближайшимъ поводомъ къ открытому разрыву между ними (никого впрочемъ особенно неудивившимъ, потому что его почти всѣ ожидали) было слѣдующее дѣло: Палата представителей приступила къ обсужденію измѣненія одной статьи конституціи, клонившагося къ тому, чтобы, при опредѣленіи числа представителей, которыхъ каждый штатъ посылалъ въ конгрессъ, не было принято въ разсчетъ черное населеніе южныхъ штатовъ. Это измѣненіе имѣетъ въ виду уменьшеніе вліянія южанъ на общее законодательство

страны, такъ какъ до сихъ поръ и негры принимались въ счетъ при счисленіи населенія штатовъ, дававшаго штатамъ право посылать извѣстное число представителей въ конгрессъ. Измѣненіе это имѣетъ въ виду достигнуть того, чтобы на будущее время число представителей южныхъ штатовъ въ конгрессѣ опредѣлялось бы только сообразно съ численностью бѣлаго населенія его; оно слѣдовательно должно значительно уменьшиться, а этимъ самымъ должно уменьшиться и вліяніе бѣлаго населенія юга на законодательство. Демократическая партія въ конгрессѣ высказалась противъ утвержденія этого измѣненія. На ея сторону открыто сталъ также и президентъ Джонсонъ, воспользовавшійся этимъ случаемъ, для того, чтобы еще разъ высказать программу своей политики относительно южныхъ штатовъ. Въ разговорѣ своемъ съ однимъ изъ сенаторовъ (разговоръ этотъ получилъ впослѣдствіи гласность по его собственному желанію), онъ высказалъ ту странную мысль, что принятіе этого измѣненія было бы тѣмъ болѣе неумѣстно въ настоящее время, что южные штаты слѣдовало бы напротивъ вознаградить увеличеніемъ политическаго вѣса ихъ за потерю гражданами ихъ права обладанія невольниками. Онъ прямо и безусловно высказался въ томъ смыслѣ, что, послѣ отмѣны невольничества, болѣе не должно быть произведено ни малѣйшаго измѣненія въ союзной конституціи. При этомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ конгрессу косвенный выговоръ, сказавши въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, что конгрессъ лучше всего сдѣлалъ бы, если бы вовсе воздержался отъ всякихъ разсужденій объ избирательномъ правѣ негровъ, такъ какъ этотъ вопросъ можетъ возбудить только волненіе, и даже племенную борьбу; онъ кончилъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что конгрессъ могъ бы употребить свое время съ бо̀льшею пользою. Конгрессъ съ своей стороны отвѣчалъ на эту рѣзкую выходку президента тѣмъ, что принялъ предложенное на обсужденіе его измѣненіе къ конституціи большинствомъ 120 голосовъ противъ 46. Такъ какъ изъ этихъ 46 голосовъ около 35 голосовъ принадлежатъ демократической партіи, то оказывается, что только человѣкъ 10 изъ республиканской партіи раздѣляютъ убѣжденія президента, избраннаго этой же партіей. Слѣдовательно, между Джонсономъ и избравшей его партіей существуетъ полный разрывъ, и Джонсону, который по убѣжденіямъ своимъ давно уже приблизился къ демократической партіи, скоро ничего не остается дѣлать, какъ совершенно перейти въ ея лагерь. Такъ какъ въ сенатѣ это предложеніе объ измѣненіи конституціи также будетъ принято безъ сомнѣнія двумя третями голосовъ, то утвержденное центральнымъ законодательствомъ измѣненіе поступитъ тогда на разсмотрѣніе законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Тогда самые довѣрчивые оптимисты должны будутъ убѣдиться въ томъ, что исчезла всякая надежда на мирное улаженіе несогласій между президен-

томъ и конгрессомъ, и что теперь націи прійдется разыгрывать между ними роль судьи. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что большинство націи станетъ на сторону конгресса противъ президента, потому что до сихъ поръ событія въ южныхъ штатахъ доказывали этому большинству, что президентъ жестоко ошибся, разсчитывая на искренность примирительныхъ увѣреній и на благонадежность юга. Напротивъ, нація должна была убѣдиться изъ тѣхъ же событій, что конгрессъ былъ совершенно правъ, когда желалъ возстановить союзъ не въ прежнемъ его видѣ (съ одною только номинальною отмѣною невольничества), но въ иномъ, лучшемъ видѣ; она должна была убѣдиться далѣе въ томъ, что конгрессъ былъ совершенно правъ, когда онъ заботился о томъ, чтобы гарантировать цвѣтнокожему населенію юга, посредствомъ измѣненій въ конституціи и изданій законовъ, гражданскія права его, личную безопасность, и болѣе или менѣе справедливыя отношенія рабочихъ къ работодателямъ.

Итакъ, въ настоящее время столкновеніе между высшею исполнительною и высшею законодательною властью въ Соединенныхъ штатахъ находится въ полномъ разгарѣ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что прискорбное столкновеніе это еще болѣе затрудняетъ и безъ того уже затруднительное, вслѣдствіе отсутствія доброй воли южанъ, дѣло возстановленія и пересозданія союза. Если президентъ разъ рѣшится на рѣшительную борьбу съ конгрессомъ, онъ можетъ сдѣлать странѣ много зла противодѣйствіемъ своимъ всѣмъ издаваемымъ конгрессомъ законамъ и измѣненіямъ конституціи; конституція Соединенныхъ штатовъ даетъ ему достаточно свободы для этого. Но если только большинство націи твердо рѣшилось преслѣдовать извѣстную цѣль при пересозданіи союзнаго устройства и союзныхъ учрежденій, то для него не страшно даже противодѣйствіе высшей исполнительной власти. Эта послѣдняя можетъ, правда, полагать разныя затрудненія исполненію народныхъ желаній, замедлять и оттягивать его, но она не имѣетъ въ Америкѣ возможности совершенно самовольно распоряжаться судьбами цѣлой страны. Рано или поздно желанія большинства націи должны исполниться. Самымъ позднимъ срокомъ для исполненія ихъ является срокъ выбора новаго президента. Если напр. упорство Джонсона дойдетъ до того, что онъ во все время своего президенства не захочетъ слушаться народной воли и исполнять ея, то народъ, не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ, имѣетъ все-таки возможность исполнить свою волю тѣмъ, что онъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, выберетъ большинствомъ голосовъ такого президента, который служилъ бы представителемъ желаній большинства націи. Трудно же предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы нація каждый разъ ошибалась въ своемъ выборѣ, какъ она ошиблась недавно въ выборѣ Джонсона. (Нужно при этомъ принять въ соображеніе еще то, что Джонсона выбирали на сравни-

тельно неважное мѣсто вице-президента, и что по этому ошибка въ его выборѣ была болѣе понятна и извинительна.) Такъ или иначе, но при твердой рѣшимости большинства націи и представителей ея уничтожить невольничество на всемъ протяженіи союза не только по имени, но и на дѣлѣ, можно разсчитывать на то, что это стремленіе увѣнчается успѣхомъ, не смотря на всѣ затрудненія и препятствія, которыя нація можетъ встрѣтить съ разныхъ сторонъ на пути ея къ осуществленію своихъ стремленій.

Недавняя война въ Сѣверной Америкѣ обратила вниманіе Европы на одну сторону американскаго государственнаго устройства, на которую до сихъ поръ недостаточно обращали вниманіе, но которая между тѣмъ въ настоящее время имѣетъ весьма важное значеніе, а именно на финансовое хозяйство Соединенныхъ штатовъ. Финансовое положеніе и финансовая политика Соединенныхъ штатовъ представляютъ самый рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ Европѣ, и поэтому заслуживаютъ особеннаго вниманія. Для того, чтобы лучше понять этотъ контрастъ, мы бросимъ сначала бѣглый взглядъ на общее финансовое положеніе Европы въ тотъ періодъ времени, который соотвѣтствуетъ американской войнѣ, а потомъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію финансоваго хозяйства Соединенныхъ штатовъ до, въ самое время, и послѣ войны. При этомъ намъ придется испестрить страницы наши довольно много цифрами; но мы полагаемъ, что въ настоящемъ случаѣ одна цифра можетъ быть краснорѣчивѣе многихъ разсужденій, и что поэтому безъ цифръ невозможно было бы обойтись.

Въ то самое время, какъ въ Америкѣ велась громадная междоусобная война, поглотившая тысячи милліоновъ долларовъ, западная Европа не имѣла ни одной серьезной войны, потому что шлезвигъ-голштинскую войну никакъ нельзя считать войною европейской по мѣстному характеру ея и по незначительности военныхъ силъ принимавшихъ въ ней участіе. Военныя дѣйствія другихъ европейскихъ державъ ограничивались экспедиціями въ другихъ частяхъ свѣта (французская экспедиція въ Мехикѣ, испанская въ Сан. Доминго, и т. д.). Казалось бы, что въ такую эпоху относительнаго мира, положенія финансовъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ большей части европейскихъ державъ, должно было поправиться, а отнюдь не прійти въ еще болѣе разстроенное состояніе. Казалось бы, что въ бюджетахъ большей части европейскихъ державъ не только долженъ былъ исчезнуть всякій дефицитъ, но даже оказаться болѣе или менѣе значительный излишекъ доходовъ противъ расходовъ, который могъ бы быть обращенъ или на погашеніе долговъ, заключенныхъ въ прежнее время, преимущественно для веденія войнъ, или же на уменьшеніе налоговъ и повинностей, лежащихъ на населеніи. То ли мы видимъ на самомъ

дѣлѣ? Ничуть не бывало. Вмѣсто уменьшенія налоговъ или погашенія долговъ, мы видимъ въ большей части европейскихъ государствъ возвышеніе налоговъ до послѣдней возможности, и безпрерывные новые займы. Во Франціи, во время второй имперіи, національный долгъ увеличился на 5,000 милл. франковъ, и около десятой доли этой суммы падаетъ на послѣдніе два-три года. О возстановленіи равновѣсія во французскихъ финансахъ покуда и рѣчи нѣтъ; напротивъ, французскій министръ финансовъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ все болѣе и болѣе отчаяннымъ, и, можетъ быть, даже противъ своей воли, ежегодно рисуетъ намъ весьма мрачную картину финансоваго положенія Франціи. Финансовую политику Италіи нельзя также назвать благоразумною. Съ одной стороны, молодое итальянское королевство содержитъ многочисленную, совершенно несоразмѣрную съ его средствами армію, для того, чтобы вырвать Венецію у Австріи; съ другой же стороны, оно понимаетъ, что для него еще не наступило время дѣйствовать силою. Война или обезоруженіе — и то и другое было бы понятно. Но желать мира, и содержать армію, истощающую страну — это значитъ испытывать всѣ невыгоды войны, безъ ея надежды на успѣхъ. Со времени объединенія своего, Италія издерживаетъ болѣе нежели вдвое противъ того, что издерживали вмѣстѣ всѣ бывшія отдѣльныя итальянскія государства: а между тѣмъ въ числѣ другихъ причинъ, заставлявшихъ итальянцевъ стремиться къ единству и къ уничтоженію мелкихъ государствъ, было и желаніе достигнуть уменьшенія общественныхъ расходовъ. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за созданіемъ итальянскаго королевства въ настоящемъ его видѣ (1861 — 1863 г.), государственный долгъ Италіи увеличился на огромную сумму 1,720 милл. франковъ; а между тѣмъ дѣло объединенія Италіи не подвинулось соотвѣтственно съ этою цифрою. Австрія во всемъ является антагонистомъ Италіи; но, что касается до финансоваго управленія своего, то она похожа на свою противницу, какъ нельзя болѣе. Ежегодные значительные дефициты, ежегодные займы, заключаемые на весьма невыгодныхъ условіяхъ (по 8, 9 и даже по 10 процентовъ) — вотъ зрѣлище, представляемое намъ финансовымъ хозяйствомъ Австріи. Испанія не можетъ даже исполнить прежнихъ своихъ долговыхъ обязательствъ относительно своихъ кредиторовъ, и весьма неаккуратно платитъ проценты по прежнимъ своимъ долгамъ; а между тѣмъ новые займы не прекращаются. Финансы Турціи со времени восточной войны пришли въ такое положеніе, что она теперь тоже не можетъ заключить займа иначе, какъ по 10 процентовъ Пруссія до сихъ поръ по возможности удерживалась отъ долговъ; но если правительство его захочетъ продолжать свою завоевательную политику въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ, и будетъ по прежнему стремиться къ осуществленію своихъ военно-реформаціон-

нихъ плановъ, то займы въ самомъ скоромъ времени и для нея станутъ неизбѣжными. Въ остальныхъ же государствахъ (не исключая изъ числа ихъ и Англію, на которой лежитъ государственный долгъ въ 20 милліардовъ франковъ), мы видимъ то странное явленіе, что среди глубочайшаго мира долги ихъ не только не погашаются, но ростутъ изъ года въ годъ. Напримѣръ, сумму всѣхъ государственныхъ займовъ, заключенныхъ на европейскихъ биржахъ въ періодъ времени, обнимающій 2¾ года (съ 1 января 1861 до 1 октября 1863 года), можно опредѣлить приблизительно въ 4,000 милл. франковъ [1]. Эта огромная сумма представляетъ собою количество народныхъ сбереженій, поглощенныхъ въ теченіи 2¾ лѣтъ европейскими государствами на такъ называемыя государственныя потребности. Такъ какъ въ настоящее время государство иногда является предпринимателемъ, сооружаетъ желѣзныя дороги, каналы, и т. д., то капиталы, изображенные вышеприведенной нами цифрой, слѣдуетъ раздѣлить на капиталы, потраченные производительнымъ образомъ, и капиталы, потраченные непроизводительнымъ образомъ. Въ той же самой статьѣ, изъ которой нами заимствована общая сумма европейскихъ займовъ съ 1861 до 1863 года, сумма первыхъ опредѣлена приблизительно въ 850 милліоновъ; сумма послѣднихъ слѣдовательно превышаетъ цифру 3,000 милліоновъ. (Болѣе половины этой суммы приходится на долю Италіи—1720 милл.; затѣмъ слѣдуютъ по порядку Австрія, Турція, Франція, и т. д.). Эти 3,000 милл. фр. изображаютъ собою ту часть народныхъ сбереженій, которыя израсходованы были совершенно непроизводительнымъ образомъ въ теченіи 2¾ лѣтъ глубочайшаго мира. На что же употреблены были эти громадные капиталы, отвлеченные отъ производительнаго потребленія? Эти капиталы употреблены были главнымъ образомъ для поддержанія на материкѣ Европы политическаго равновѣсія, для поддержанія европейскаго политическаго зданія въ томъ видѣ, въ какомъ выстроили его, часто вопреки народнымъ выводамъ, европейскіе зодчіе дипломаты. Чѣмъ искусственнѣе группированы постройки европейскаго государственнаго зданія, тѣмъ значительнѣе средства, необходимыя для поддержанія ихъ. Особенно дорого обходится это поддерживаніе европейскаго государственнаго зданія тогда, когда Европѣ необходимо, какъ непредусмотрительному домовладѣльцу, всюду надстраивать, подпирать, класть заплаты, не производя въ то же время никакой капитальной перестройки. Въ такомъ случаѣ, постройки пожираютъ огромныя суммы, и чѣмъ больше трогаютъ полусгнившія строенія, тѣмъ болѣе они нуждаются въ заплатахъ и подпоркахъ. А между тѣмъ эти подпорки состоятъ изъ самаго драгоцѣннаго матеріала—онѣ состоятъ изъ рабочихъ силъ человѣчества, употребленныхъ

[1]) Journal für Kapital und Rente, herausg. von Moser. 1864. I Heft.

совершенно непроизводительнымъ образомъ, изъ народнаго капитала, безполезно потраченнаго. Вышеупомянутые нами 3,000 милл. фр. изображаютъ собою ту сумму, которую европейскія правительства должны были взять изъ народныхъ сбереженій для поддержанія европейскаго политическаго зданія, израсходовавши уже на этотъ предметъ огромныя суммы изъ текущихъ доходовъ народной казны; эти 3,000 милл. фр. именно изображаютъ собою ту сумму, которая сверхъ обыкновенныхъ бюджетныхъ суммъ, была израсходована на подпорки и на заплаты. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что новые капиталы постоянно накопляются въ обществѣ, и что самое заключеніе государственныхъ займовъ все болѣе и болѣе облегчается. Но съ другой стороны эта легкость заключенія займовъ довела многія европейскія государства до того, что они привыкли жить изъ года въ годъ на счетъ будущаго, и финансовое лѣтосчисленіе идетъ далеко впереди исторической эры. Уже теперь проценты по государственнымъ долгамъ увеличились во многихъ государствахъ въ такой степени, что плательщики податей едва могутъ доставить необходимую сумму для уплаты процентовъ. А при существующей въ настоящее время, и принимающей все болѣе и болѣе обширные размѣры системѣ вооруженнаго мира, опасность государственнаго банкротства для многихъ государствъ (для Италіи, Австріи, Франціи) будетъ подходить все ближе и ближе.

Опасность эта тѣмъ болѣе возрастаетъ, что вообще въ большей части европейскихъ государствъ господствуетъ такая финансовая система, которая вовсе не имѣетъ въ виду погашенія государственныхъ долговъ. Когда, послѣ раззорительныхъ для европейскихъ народовъ наполеоновскихъ войнъ, наступила сорокалѣтняя эпоха почти всеобщаго мира, европейскимъ государствамъ предстоялъ отличный случай погасить огромные долги, заключенные въ предшествовавшее двадцатилѣтіе. Можно было, при иномъ финансовомъ хозяйствѣ и при оной бюджетной системѣ, оставить налоги и подати приблизительно на той высотѣ, до которой они были доведены въ военное время, и употреблять излишки доходовъ на погашеніе долговъ. Излишки эти въ эпоху сорокалѣтняго мира могли бы быть столь значительны, что за исключеніемъ суммъ, употребляемыхъ на погашеніе долговъ, оставалось бы еще достаточно средствъ для производительныхъ предпріятій, предпринимаемыхъ государствами. А такъ какъ при этой системѣ происходило бы ежегодное уменьшеніе суммъ, потребныхъ на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, то очень скоро можно было бы приступить къ соотвѣтствующему уменьшенію въ налогахъ и повинностяхъ. Въ настоящее время, общая сумма госадарственнаго долга всѣхъ европейскихъ государствъ простирается приблизительно до 60 милліардовъ франковъ; на уплату процентовъ по этимъ дол-

гамъ ежегодно тратится во всѣхъ европейскихъ государствахъ около 2,600 милл. франковъ, т. е. болѣе 30 процентовъ всей суммы, собираемой съ европейскихъ народовъ на удовлетвореніе такъ называемыхъ государственныхъ потребностей. При иной финансовой системѣ, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, настало бы время, когда вся эта сумма могла бы быть вычеркнутою изъ государственныхъ бюджетовъ. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ, что въ эпоху мира количество европейскихъ государственныхъ долговъ нисколько не уменьшается, а остается въ statu quo, или даже еще болѣе увеличивается, (хотя конечно и не въ слишкомъ значительныхъ размѣрахъ), для покрытія ежегодныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, дефицитовъ.

Случатся какія нибудь чрезвычайныя происшествія, въ родѣ крымской или итальянской войны, и къ прежнимъ долгамъ сразу присоединяются новые, весьма значительные. Такимъ образомъ, мы видимъ въ Европѣ то печальное явленіе, что общая сумма государственныхъ долговъ ни мало не уменьшается. А неразрывно съ этимъ увеличеніемъ долговъ, то медленнымъ, то быстрымъ, но во всякомъ случаѣ постояннымъ, идетъ столь же постоянное и прогрессивное увеличеніе платимыхъ народами налоговъ. И чтобы тамъ разные остроумные финансисты ни говорили о быстромъ развитіи кредита, облегчающемъ заключеніе займовъ, объ упадкѣ цѣнности денегъ, и о громадномъ развитіи промышленной дѣятельности народовъ, дѣлающихъ для нихъ менѣе обременительною тяжесть ежегодно платимыхъ процентовъ,—во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ справедливостью слѣдующаго положенія: «государственные долги суть въ тоже самое время долги всякого семейства въ странѣ, всякого обитателя ея; долги эти ложатся своею тяжестью на всякое поземельное владѣніе, на всякій капиталъ, на всякое промышленное предпріятіе.»

Въ иномъ видѣ представляется намъ финансовое хозяйство Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки, основанное на совершенно иныхъ началахъ, нежели финансовое хозяйство большей части европейскихъ государствъ. Въ финансовомъ хозяйствѣ Соединенныхъ штатовъ мы замѣчаемъ двѣ особенности, которыми оно рѣзко отличается отъ европейскаго финансоваго хозяйства. Во 1-хъ, правительство ихъ, заключая долги для удовлетворенія потребностей вытекающихъ изъ разныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, тщательно заботится, по минованіи этихъ особенныхъ обстоятельствъ, объ уплатѣ своихъ долговъ. Во 2-хъ же, государственные расходы въ Соединенныхъ штатахъ въ обыкновенное время до того незначительны, что бюджеты многихъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ бываютъ гораздо значительнѣе бюджета обширнаго государства Соединенныхъ штатовъ. Эти особенности сѣвероамериканскаго финансоваго хозяйства можно замѣтить во всей предшествовавшей исторіи Соединенныхъ штатовъ, съ самаго

основанія независимости ихъ. Но особенно отчетливо эти особенности обнаружились въ послѣдніе годы, во время недавней междоусобной войны, и въ то время, которое непосредственно слѣдовало за прекращеніемъ этой войны.

Во время борьбы своей за независимость, Соединенные штаты должны были заключить, для покрытія издержекъ войны, займы, какъ внѣшніе (преимущественно во Франціи), такъ и внутренніе. Такимъ образомъ, послѣ окончанія войны за независимость, около 1790 года, вновь образовавшееся на американскомъ материкѣ независимое государство обременено было долгомъ въ 80 милліоновъ долларовъ [1]), и по этому долгу ежегодно платилось процентовъ около 3½ милл. долларовъ. Но вмѣсто того, чтобы оставить этотъ долгъ въ statu quo до новой войны, и до новаго значительнаго нарощенія его, молодое государство дѣятельно принялось за погашеніе своего долга; и это дѣло шло такъ успѣшно, что къ 1812 году сумма долга не превышала 45 милл., не смотря на то, что, въ этотъ періодъ времени (въ 1803 году), Соединенные штаты купили у Франціи Луизіану за 12 милл. долл. Вслѣдствіе начавшейся въ 1812 году войны съ Англіей, долгъ Соединенныхъ штатовъ опять значительно возросъ, и къ 1816 году онъ простирался до 127½ милл. долларовъ. Но съ этихъ поръ погашеніе долга пошло опять такъ быстро впередъ, что въ 1830 году онъ простирался только до 48½ милл., въ 1833 г. — до 4½, въ 1834 г. — до 37 тысячъ долл., а къ 1835 году онъ былъ совершенно уничтоженъ, и союзное правительство нашло даже возможнымъ раздѣлить остаточныя суммы изъ своего бюджета между отдѣльными штатами. А между тѣмъ союзное правительство доказало на дѣлѣ, что, погашая государственные долги, можно еще употреблять значительныя суммы изъ народной казны на общеполезныя, производительныя предпріятія. Такъ напр., въ 1824 году, назначено было 20 милл. на проведеніе каналовъ и сухопутныхъ дорогъ. Послѣ 1836 года мы опять встрѣчаемся въ финансовой исторіи Соединенныхъ штатовъ съ существованіемъ государственнаго долга, который образовался главнымъ образомъ вслѣдствіе значительныхъ суммъ, употребленныхъ союзнымъ правительствомъ на покупку земель у индѣйцевъ, и на пріобрѣтеніе отъ другихъ державъ новыхъ территорій (напримѣръ, на пріобрѣтеніе Техаса и Калифорніи отъ Мехики). Вслѣдствіе этихъ чрезвычайныхъ расходовъ и войны съ Мехикой, государственный долгъ Соединенныхъ штатовъ къ 1848 году снова достигъ суммы 66 милл. долл. Но за тѣмъ, согласно съ принятой союзнымъ правительствомъ финансовой системой, вновь началось погашеніе долга излишками ежегодныхъ доходовъ. Въ 1854 году, мы видимъ долгъ только

[1]) Цѣнность доллара равняется 1 руб. 88 коп. сер.

въ 50 милл., а къ началу 1857 года цифра его спустилась даже до 25 милліоновъ. Вслѣдствіе происшедшаго въ Америкѣ въ 1857 году финансоваго и промышленнаго кризиса, значительно уменьшились таможенные сборы, главный, и даже почти единственный источникъ доходовъ союзнаго правительства, и такимъ образомъ въ 1858 и 1859 году доходы союза не покрывали расходовъ (въ 58 году дефицитъ простирался до 25 милл., а въ 59 году до 8 милл. долларовъ). Такимъ образомъ, къ 1860 году долгъ союза возросъ опять до 65 милл. долларовъ. За тѣмъ наступило время большой междоусобной войны, потребовавшей отъ союзнаго правительства огромныхъ расходовъ, такихъ расходовъ, которые многимъ превышали расходы самыхъ значительныхъ европейскихъ государствъ. Мы нѣсколько ниже возвратимся къ этому предмету, и взглянемъ на то, въ какомъ видѣ представляется намъ финансовое положеніе Соединенныхъ штатовъ во время и послѣ войны, и какими путями правительство и общество Соединенныхъ штатовъ надѣятся выйти изъ настоящаго, дѣйствительно очень невыгоднаго, финансоваго положенія своего. Теперь же обратимъ только вниманіе нашихъ читателей на тотъ фактъ, что въ теченіи семидесяти-пятилѣтняго періода существованія сѣвероамериканской республики (съ 1784 до 1859 года) государственный долгъ ея въ общемъ результатѣ не только не увеличился, а напротивъ упалъ съ 80 милл. на 65 милл., что этотъ результатъ былъ достигнутъ, не смотря на двѣ большія войны, которыя пришлось выдержать союзу (съ Англіей и съ Мехикой), не смотря также на обширныя территоріяльныя пріобрѣтенія, и на употребленіе значительныхъ суммъ на разныя общественныя предпріятія. Обратимъ также вниманіе ихъ на то, что въ то время когда въ 1790 г. долгъ въ 80 милл. падалъ на государство въ 38,000 квадр. миль съ 4-хъ милліонномъ населеніемъ, долгъ 65 милл., существовавшій въ 1860 году, падалъ на государство почти вчетверо значительнѣйшее по пространству, и почти въ восемь разъ значительнѣйшее по населенію (129,000 квадр. миль и 31½ милл. жителей, по счисленію 1860 года). Вспомнимъ также, что въ теченіи разсматриваемаго нами періода времени долгъ союза разъ совершенно былъ погашенъ, а нѣсколько разъ былъ довольно близокъ къ погашенію. При видѣ всѣхъ этихъ фактовъ, мы по необходимости прійдемъ къ убѣжденію, что финансовое хозяйство сѣвероамериканскаго союза дѣйствительно основано на совершенно иныхъ началахъ, нежели финансовое хозяйство европейскихъ державъ. Къ тому же самому выводу мы прійдемъ, если бросимъ хотя бы бѣглый взглядъ на бюджетъ доходовъ и расходовъ американскаго союза.

Въ Соединенныхъ штатахъ вовсе не существуетъ прямыхъ налоговъ. Косвенные же налоги ограничиваются таможенными налогами. Эти таможенные налоги составляютъ главный доходъ союзнаго прави-

тельства. Съ основанія союза до 1818 года еще существовала поземельная подать, хотя правда и чрезвычайно низкая (по 1 центу съ акра земли, что составляетъ около 4 коп. сер. съ десятины); но послѣ 1819 года поземельная подать была совершенно отмѣнена. Кромѣ таможенныхъ сборовъ, источникъ доходовъ правительства составляетъ продажа государственной (такъ называемой конгрессовской земли), и нѣкоторые, весьма впрочемъ незначительные, второстепенные доходы. При такой крайне простой бюджетной системѣ доходы правительства съ 1792 до 1850 года поднялись съ 3½ милл. до 43½ милл. долларовъ въ годъ. Съ 1850 до 1856 года, они вслѣдствіе быстраго развитія торговли, и вслѣдствіе значительнаго увеличенія отъ того таможенныхъ сборовъ, возрастали съ необыкновенной быстротой. Въ 1853 году государственныхъ доходовъ было около 61½ милл. долл. (въ томъ числѣ почти 59 милл. отъ таможенныхъ сборовъ, 1½ милл. отъ продажи государственныхъ земель, и немного менѣе одного милл. отъ случайныхъ источниковъ). Въ 1855 году, доходовъ было 93 милл., въ 1856 году, около 88½ милл. Промышленный кризисъ 1857 года сдѣлалъ то, что вмѣсто предположенныхъ 66 милл. таможеннаго сбора ихъ было только 41 милл., такъ что весь бюджетъ доходовъ простирался не свыше 46½ милл., и оказался довольно значительной дефицитъ, который пришлось покрыть займомъ. Въ слѣдующіе за тѣмъ два года, государственный бюджетъ Соединенныхъ штатовъ все еще представляетъ намъ довольно значительные дефициты. Сѣвероамериканскіе законодатели понимали очень хорошо, что такое положеніе не можетъ долго продолжаться; они никакъ не хотѣли допустить, чтобы союзу ежегодно приходилось заключать займы милліоновъ въ 15 или 20. А между тѣмъ никому изъ нихъ не пришло въ голову возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ посредствомъ введенія прямыхъ или какихъ нибудь косвенныхъ (помимо таможенныхъ) налоговъ. Всѣ знали, что американскій народъ до того избалованъ отсутствіемъ всякихъ налоговъ, что даже введеніе самыхъ незначительныхъ можетъ возбудить во всей странѣ всеобщее неудовольствіе. Поэтому для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ они не нашли другихъ средствъ, какъ возвышеніе по возможности таможеннаго тарифа, а также — уменьшеніе и безъ того уже весьма незначительныхъ государственныхъ издержекъ. Эти двѣ мѣры по крайней мѣрѣ президентъ Бюкананъ рекомендовалъ въ посланіи своемъ 59 года конгрессу для возстановленія равновѣсія. И, дѣйствительно, эти мѣры оказались весьма достаточными. Въ бюджетѣ 1860 года равновѣсіе уже было вполнѣ возстановлено, потому что сумма доходовъ простиралась до 68, а сумма расходовъ только до 64 милл. долл. Но затѣмъ наступила эпоха междоусобной войны, которая поставила въ совершенно иное положеніе

финансы Соединенныхъ штатовъ, не измѣнивши впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, существеннаго характера финансовой политики ихъ.

Покрывать всѣ свои расходы почти одними только таможенными сборами, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ прямымъ или косвеннымъ налогамъ, можетъ только то государство, расходы котораго не достигаютъ той громадной цифры, которой достигаютъ они въ европейскихъ государствахъ; потому что, какъ бы значительны ни были таможенные сборы, они все-таки никогда не могутъ достигнуть такихъ размѣровъ, чтобы на нихъ можно было производить тѣ значительные государственные расходы, которые существуютъ повсемѣстно въ Европѣ. Вся сумма государственныхъ расходовъ въ Соединенныхъ штатахъ до 1861 года рѣдко достигала суммы 80 милл. долларовъ, что составляетъ немного болѣе $2^1/_2$ долларовъ или 13 франковъ на каждаго жителя Соединенныхъ штатовъ; обыкновенно же она колебалась между 50 и 70 милл., причемъ на каждаго жителя приходилось среднимъ числомъ отъ 8 до 11 франковъ. Чтобы получить понятіе о томъ, какъ распредѣлялась сумма расходовъ между различными статьями, возьмемъ для примѣра бюджеты 1853 года, когда общая сумма расходовъ немногимъ превышала цифру 50 милл., и 1859 года, когда она достигла весьма значительной для Америки цифры $77^1/_2$ милл. Въ 1853 году на civile-liste, на сношенія съ иностранными державами, и на разные предметы, не подходящіе подъ особенную рубрику, израсходовано было 17 милл. долл. (civile-liste очень невысокъ, такъ какъ президентъ получаетъ жалованья не бо- 25,000 долл., а вице-президентъ не болѣе 5,000 долларовъ); въ 1859 году, на эти же предметы израсходовано было около 28 милл. долл. На расходы по внутренней администраціи пошло въ 53-мъ году $3^1/_2$, а въ 59-мъ году—4 милл. долл. На армію и флотъ въ 1853 году израсходовано было до 22 милл. долл., а въ 1859 году до 28 милл. (До начала войны, армія Соединенныхъ штатовъ состояла изъ 19 полковъ пѣхоты, 10 полковъ кавалеріи и 4 полковъ артиллеріи; численность ея простиралась до 15,764 человѣкъ. Военный флотъ Союза состоялъ изъ 10 старыхъ, никуда негодныхъ линейныхъ кораблей, 9 фрегатовъ, и 28 меньшихъ судовъ). На проценты по долгамъ и погашеніе долга издержано было въ 1853 году $10^1/_2$, а въ 1859 году $17^1/_2$ милл. Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что на военныя издержки каждый житель Соединенныхъ штатовъ платитъ среднимъ числомъ нѣсколько менѣе одного доллара, т. е. отъ 4 до 5 франковъ въ годъ; на проценты по долгамъ и на погашеніе долга каждый житель платитъ среднимъ числомъ отъ 2 фр. (въ 53-мъ году) до 3 фр. (въ 59-мъ году) [1]. Нѣтъ

---

[1]) Въ европейскихъ государствахъ цифры эти складываются нѣсколько иначе. Въ Пруссіи на каждаго жителя приходится около $8^1/_2$ фр. на военные расходы; въ Ав-

ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ финансы Соединенныхъ штатовъ находятся въ цвѣтущемъ состояніи, и что, будучи столь ограничено въ своихъ потребностяхъ, союзное правительство ничего не знаетъ о тѣхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится бороться большей части европейскихъ державъ.

Но все, что мы до сихъ поръ говорили объ американскомъ финансовомъ хозяйствѣ, относится къ эпохѣ, предшествовавшей великой междоусобной войнѣ, которая продолжалась въ Америкѣ цѣлыхъ четыре года. Во время этой войны, и въ первое время послѣ окончанія ея, американскіе финансы представляютъ намъ картину совершенно иную, нежели ту, которую мы сейчасъ представили нашимъ читателямъ. Съ самаго начала войны, расходы по формированію и содержанію арміи и флота стали простираться до 1,200,000 долларовъ въ день; (подъ конецъ войны эта сумма еще болѣе увеличилась, такъ какъ численность арміи къ концу войны простиралась до 1 милліона солдатъ, и на военныя издержки расходовалось по 516 милл. въ годъ, т. е. по полтора милл. въ день.) Уже къ концу 1861 года союзное правительство имѣло подъ ружьемъ армію въ 600,000 тысячъ человѣкъ, и военный флотъ изъ 264 судовъ, съ 22,000 матросовъ. На военные расходы оно истратило въ этомъ году до 395 милл. долл., а на расходы по флоту болѣе 45 милліоновъ; общая же сумма государственныхъ расходовъ достигла въ этомъ году цифры 543 милл. долл.; а такъ какъ правильные доходы Союза не превысили въ этомъ году цифры 54 милліоновъ, то дефицитъ почти достигъ огромной суммы 500 милліоновъ. Такимъ образомъ, къ концу перваго года войны, долгъ Соединенныхъ штатовъ превышалъ уже сумму полумилліарда долларовъ. Въ финансовомъ отчетѣ, представленномъ около того времени вашингтонскому конгрессу, тогдашній министръ финансовъ Чезъ высказалъ ту мысль, что слѣдуетъ привести финансы Союза въ такое состояніе, чтобы обыкновенные расходы покрывались обыкновенными доходами, и чтобы суммы, получаемыя отъ займовъ, употреблены были исключительно на военныя издержки. Сумму, которую слѣдовало получать ежегодно обыкновенными путями, помимо займовъ, Чезъ опредѣлялъ въ 100 милл. долл. Такъ какъ въ 1861 году эта сумма не превысила суммы 54 милл., и такъ какъ въ будущемъ можно было предвидѣть еще бóльшее пониженіе ея, вслѣдствіе упадка торговли

стріи—по 9 фр. на военные расходы, и по 12½ фр. на расходы по долгамъ; въ Италіи—по 14 фр. на военные расходы, и по 12 фр. на расходы, по государственному долгу; во Франціи, на первый изъ этихъ предметовъ каждый житель платитъ среднимъ числомъ по 14 фр., а на второй — по 17 фр. Въ Англіи содержаніе арміи и флота обходится каждому жителю по 25 фр. въ годъ, а на проценты по долгамъ онъ платитъ по 20 франковъ (Ср. G. Fr. Kolb — Handbuch der vergleichenden Statistik. Vierte Auflage. 1865).

и уменьшенія таможенныхъ сборовъ, то Чезъ предложилъ свои мѣры для доведенія ея до требуемой суммы 100 милл. Во 1-хъ, онъ предложилъ конгрессу пересмотрѣть тарифъ, и возвысить многія статьи его, что и было сдѣлано конгрессомъ. Во 2-хъ же, онъ предложилъ конгрессу ввести на время войны нѣкоторые налоги. Онъ предложилъ установить во всѣхъ штатахъ, оставшихся вѣрными Союзу, поземельный налогъ, который долженъ былъ доставить казнѣ 20 милл. Далѣе онъ предложилъ установить трехъ-процентный налогъ съ дохода тѣхъ лицъ, которыя получали болѣе 800 долларовъ ежегоднаго дохода; этимъ путемъ онъ надѣялся получить около 10 милл. Наконецъ, онъ предложилъ ввести гербовую пошлину, установить акцизъ на спиртные напитки, на табакъ, и др.; этотъ налогъ долженъ былъ доставить казнѣ до 20 милл. Зная очень хорошо нерасположеніе американцевъ ко всякого рода налогамъ, Чезъ обращалъ вниманіе конгресса на то, что всѣ эти налоги должны были имѣть исключительно только временной характеръ, и что они прекратятся вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны; во вторыхъ же, онъ старался объяснить конгрессу, что новый налогъ въ 50 милл., налагаемый на націю, не можетъ быть тяжелъ для нея, потому что движимое и недвижимое имущество штатовъ, оставшихся вѣрными Союзу, простиралось по послѣднимъ исчисленіямъ до 11 милліардовъ, а ежегодныя сбереженія ихъ до 300 милл. долларовъ: такимъ образомъ, вновь вводимые налоги изображали собою только 0,04 реализованнаго богатства вѣрныхъ Союзу штатовъ, и 0,6 ежегоднаго увеличенія его. При такихъ условіяхъ, весьма справедливо замѣчалъ г. Чезъ, нечего опасаться, чтобы предлагаемые налоги могли оказать вредное вліяніе на развитіе общественнаго благосостоянія.

Если въ первый годъ войны дефицитъ въ бюджетѣ союзнаго правительства уже почти достигъ суммы полумилліарда долларовъ, то дефициты слѣдующихъ лѣтъ войны были не менѣе значительны. Хотя, вслѣдствіе финансовыхъ мѣръ Чеза, доходы доведены были до 90 или до 100 милл., но за то и ежегодные расходы на армію и флотъ были еще значительнѣе нежели въ первый годъ. Къ этому присоединилась еще ежегодная уплата довольно значительныхъ процентовъ по долгамъ, заключеннымъ въ прежніе годы. Такимъ образомъ, къ концу 1862 г. долгъ союзнаго правительства простирался до 1,000 мил., къ концу 1863 года до 1,800 милл., къ концу 1864 года до 2,300 милл., а къ 1 ноября 1865 года онъ составлялъ 2,808 милл. долларовъ. Такъ какъ дефицитъ финансоваго $18^{65}/_{66}$ года (оканчивающагося 1 іюля) тоже опредѣленъ еще въ 112 милл. долл., то къ 1 іюля 1866 г. долгъ Соединенныхъ штатовъ будетъ простираться до громадной цифры 3,000 милл. долларовъ (около 4,000 милл. руб. сер., и болѣе 15 милліардовъ франковъ).

Теперь вопрос въ томъ, означаютъ ли всѣ вышеприведенныя нами цифры, что финансовое хозяйство Соединенныхъ штатовъ пришло въ окончательное разстройство или нѣтъ? Если судить по примѣру европейскихъ государствъ, то на этотъ вопросъ пришлось бы отвѣтить утвердительнымъ образомъ. Долгъ Соединенныхъ штатовъ въ 5 лѣтъ возвысился отъ 325 до 15,000 милл. фр.; эта послѣдняя цифра составляетъ приблизительно $^3/_4$ государственнаго долга Англіи, почти равна государственному долгу Франціи, и превышаетъ долги каждаго изъ остальныхъ европейскихъ государствъ [1]). Если бы финансовое хозяйство Соединенныхъ штатовъ было основано на тѣхъ же началахъ, какъ и финансовое хозяйство европейскихъ государствъ, то этотъ долгъ принялъ бы очень скоро форму хроническаго долга. Онъ оставался бы въ statu quo или увеличивался бы, смотря по тому, наступали ли бы въ исторіи Союза какія нибудь экстренныя обстоятельства или нѣтъ; но уменьшаться онъ никогда не уменьшался бы. Текущіе доходы его обращались бы на покрытіе текущихъ расходовъ и на уплату процентовъ по этому громадному долгу, а о погашеніи его не могло бы даже быть рѣчи. Но въ Соединенныхъ штатахъ финансовое хозяйство основано на такихъ началахъ, что ничего подобнаго тому, что мы видимъ въ Европѣ, у нихъ не можетъ случиться. Ни правительство, ни народъ ихъ никакъ не желаютъ придать долгу своему хроническаго характера. Они полагаютъ, что если при экстренныхъ обстоятельствахъ заключенъ былъ долгъ, то по минованію этихъ обстоятельствъ долгъ этотъ долженъ быть уплаченъ въ возможно скоромъ времени, какъ бы значителенъ онъ не былъ. Еще въ 1862 году тогдашній министръ финансовъ, г. Чезъ, говорилъ по поводу государственнаго долга союзныхъ штатовъ: «Было бы крайне несправедливо съ нашей стороны наложить на будущія поколѣнія тяжесть постояннаго долга. Американскому народу не свойственна идея о вѣчномъ національномъ долгѣ; не нужно, чтобы эта идея получила у насъ право гражданства.» Поэтому онъ тогда же совѣтовалъ устроить по окончаніи войны погашеніе долга текущими доходами, и притомъ погашеніе достаточно значительное для того, чтобы лѣтъ въ тридцать можно было совершенно погасить весь долгъ. Теперешній министръ финансовъ, Мак'Куллохъ, смотритъ на это дѣло точно также, какъ и Чезъ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ, какъ Чезъ высказывалъ этотъ взглядъ свой, національный долгъ Союза почти что утроился. Во-первыхъ, процентный государственный долгъ Соединенныхъ штатовъ Мак'Куллохъ предполагаетъ еще увеличить обращеніемъ бумажныхъ денегъ въ приносящія процентъ облигаціи. Эта опе-

---

[1]) Долгъ Англіи равняется приблизительно 20,000 милліардамъ, долгъ Франціи — $15^1/_2$ милліардамъ, долгъ Австріи — 8 милліардамъ и т. д.

рація, по ожиданію его, будетъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на улучшеніе денежнаго рынка въ Сѣверной Америкѣ, на всѣ торговыя, промышленныя дѣла, и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна будетъ увеличить сумму ежегодно платимыхъ процентовъ на 45 милл. долларовъ. Не смотря однакоже на это, Мак'Куллохъ полагаетъ, что, не обременяя слишкомъ націи, можно будетъ совершенно погасить долгъ Соединенныхъ штатовъ въ періодъ времени отъ 28 до 32 лѣтъ. Онъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ конгрессу финансовый планъ свой. На финансовый $18^{66}/_{67}$ годъ предвидится доходовъ около 400 милл. долл. (Въ числѣ источниковъ столь значительнаго для американскаго бюджета дохода можно указать па предлагаемый министромъ финансовъ налогъ на хлопокъ, обработываемый въ самой странѣ и вывозимый за границу; этотъ налогъ, опредѣляемый имъ въ 5 центовъ (около $6^1/_2$ коп.) съ фунта, долженъ доставить, по его разсчету, государству доходъ въ 65 — 85 милл. долларовъ въ годъ.) Государственные же расходы (не считая уплаты процентовъ), по его мнѣнію, могутъ быть опять понижены до 100 милл.; численность арміи на будущее время понижена до 50,000 человѣкъ, и на содержаніе ея предполагается истратить не болѣе $33^1/_2$ милл. долл.); кромѣ того, проценты по существующимъ долгамъ составляютъ $141^1/_2$ милл., да къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить сумму въ 45 милл. на проценты по облигаціямъ, которыя предполагается выпустить въ замѣнъ бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, общая сумма расходовъ, съ уплатою процентовъ, будетъ простираться въ слѣдующемъ финансовомъ году отъ 285 до 290 милл. долларовъ. При доходѣ въ 400 милл. останется излишекъ 110 — 115 милл. долл. Министръ финансовъ предоставлялъ конгрессу сдѣлать изъ этого значительнаго излишка то употребленіе, которое тотъ сочтетъ за лучшее: или уменьшить на соотвѣтствующую сумму платимые націей налоги, какъ того желали многіе члены конгресса, или же обратить его на постепенное погашеніе государственнаго долга, какъ того желали другіе. Самъ Мак'Куллохъ рѣшительно высказывался въ пользу послѣдняго способа употребленія излишка доходовъ. Онъ предлагалъ конгрессу принять на будущее время за основное начало финансоваго хозяйства Союза то правило, чтобы ежегодные доходы Союза превышали ежегодные расходы на сумму 200 милл. долларовъ (опять таки не считая въ числѣ расходовъ уплаты процентовъ), и чтобы излишекъ, остающійся еще послѣ уплаты процентовъ, употребляемъ былъ на погашеніе долга. Въ первые года процентовъ, приходилось платить отъ 185 до 190 милл., и такимъ образомъ, при подобномъ разсчетѣ, на погашеніе долга пошло бы не болѣе 10 или 15 милліоновъ. Но, съ уменьшеніемъ суммы платимыхъ процентовъ, сумма погашенія ежегодно должна будетъ возрастать, и Мак'Куллохъ полагаетъ, что если какія нибудь особенныя обстоятельства не разру-

шать этого разсчета, то, при подобной системѣ, тридцати лѣтъ было бы достаточно для совершеннаго погашенія долга.

Спрашивается, слишкомъ ли была бы обременена нація подобной системой уплаты національнаго долга? Врядъ-ли. Тамъ, гдѣ націи приходится платить самыя ничтожныя суммы на военныя издержки и на всѣ другія издержки по государственному управленію, тамъ такой экстренный налогъ на нее не можетъ быть для нея слишкомъ чувствительнымъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, всякій гражданинъ Соединенныхъ штатовъ платитъ на государственные расходы среднимъ числомъ не болѣе 2 — 3 долларовъ [1]). Если въ теченіи какихъ нибудь 30 лѣтъ къ этой ежегодной платѣ прибавить еще по 6 — 7 долларовъ на каждаго жителя, то это конечно будетъ чувствительно для гражданъ Союза, въ особенности при непривычкѣ ихъ къ высокимъ налогамъ; но никакъ нельзя сказать, чтобы при мало-мальски равномѣрномъ распредѣленіи этого налога онъ оказался бы слишкомъ обременительнымъ или разорительнымъ для нихъ. По этой смѣтѣ, на каждаго жителя Союза приходилось бы въ началѣ среднимъ числомъ по 9 долларовъ въ годъ (въ послѣдствіи эта цифра понизилась бы, потому что, къ окончанію тридцатилѣтняго періода, число жителей Соединенныхъ штатовъ безъ сомнѣнія значительно возрастетъ). Но даже и средняя цифра, 9 долларовъ на человѣка, не представляетъ ничего ужаснаго, въ особенности при сравненіи ея съ тѣмъ, что платятъ граждане большей части европейскихъ государствъ. Во Франціи, каждому жителю приходится платить ежегодно среднимъ числомъ по 59 франковъ (9 же американскихъ долларовъ равняются приблизительно 46 франкамъ); въ Англіи—58 фр., въ Италіи—отъ 40 до 45 фр., въ Австріи, Пруссіи, Испаніи—отъ 30 до 35 фр., и т. д. Такимъ образомъ, въ богатой средствами Америкѣ каждому жителю пришлось бы платить немногимъ болѣе, нежели въ сравнительно бѣдной средствами Австріи, Испаніи, Италіи, и значительно менѣе, нежели платится въ Англіи и во Франціи. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что, внося въ государственную казну значительный ежегодный налогъ, гражданинъ Соединенныхъ штатовъ имѣетъ еще въ виду совершенно раздѣлаться съ огромнымъ тяготѣющимъ надъ страною долгомъ, и этимъ облегчить на будущее время для самого себя и для своихъ дѣтей тяжесть возложенныхъ на него обстоятельствами государственныхъ повинностей. Подданный же приведенныхъ нами выше европейскихъ государствъ, платя почти столько же или даже еще болѣе, чѣмъ тотъ, не имѣетъ въ виду ничего, кромѣ

[1]) Населеніе союзныхъ штатовъ по послѣднимъ исчисленіямъ простирается приблизительно до 32 милл.; обыкновенные бюджеты расходовъ Союза колеблятся между 50 и 80 милл. долл.

постояннаго возрастанія государственнаго долга, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывнаго, прогрессивнаго возрастанія лежащихъ на немъ государственныхъ повинностей. Если принять все это въ соображеніе, то окажется, что мы имѣли полное право сказать, что финансовое хозяйство Соединенныхъ штатовъ представляетъ намъ совершенно иную картину, нежели финансовое хозяйство большей части европейскихъ государствъ, и притомъ картину гораздо болѣе утѣшительную; причина того заключается въ томъ, что оно тамъ основано на иныхъ началахъ, на началахъ гораздо болѣе раціональныхъ. W.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

«*Димитрій Самозванецъ*,» драматическое представленіе Н. А. Чаева.

«*Смерть Іоанна Грознаго*,» трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и стихахъ, гр. А. К. Толстаго. (Отечеств. Записки, № 1. 1866 г.)

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ русская историческая драма вышла впервые въ свѣтъ съ «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина. Она представляется теперь уже не плодомъ геніальнаго *прозрѣнія* въ народную жизнь—поверхъ писанной исторіи и утвержденнаго ея текста, какъ у Пушкина, не результатомъ болѣе или менѣе удачныхъ догадокъ, перемѣшанныхъ съ болѣе или менѣе мечтательными и фантастическими представленіями, какъ у писателей, слѣдовавшихъ за нимъ, но чѣмъ-то въ родѣ новой исторической науки, только обработанной не по пріемамъ ученаго спеціалиста, а художественнымъ способомъ. Современная историческая русская драма получила этотъ характеръ, благодаря, во-первыхъ, тому, что писатели наши почувствовали за историческими лицами и событіями присутствіе доселѣ еще неизвѣстнаго дѣятеля—именно народной культуры, и обратили на него все свое вниманіе; а во-вторыхъ, тому, что драма наша уже служитъ, кромѣ осуществленія своихъ ближайшихъ цѣлей и задачъ, еще и средствомъ для выраженія весьма серьезныхъ историческихъ взглядовъ на былыя эпохи и ихъ главныхъ представителей. Это произошло естественно, вслѣдствіе успѣха вообще исторической науки у насъ, и вслѣдствіе тѣхъ требованій, которыя начало́ дѣлать само общество подъ вліяніемъ какъ этого успѣха, такъ и подъ вліяніемъ новыхъ формъ нашей современной гражданской жизни. Въ произведеніяхъ, заглавія которыхъ мы привели выше, начала новой исторической драмы, указанныя нами, отражаются весьма ощутительно, а этого, не принимая даже въ разсчетъ весьма значительнаго успѣха, полученнаго ими въ публикѣ, уже совершенно до-

статочно, чтобъ вызвать попытку къ ихъ оцѣнкѣ и опредѣленію ихъ достоинствъ.

Какъ представители новаго направленія въ исторической драмѣ, гг. Чаевъ и гр. Толстой могутъ быть поставлены рядомъ съ именами г. Островскаго и покойнаго Мея, но характеръ послѣднихъ, какъ авторовъ, болѣе или менѣе указанъ критикой, которую первые только еще ожидаютъ для себя. Попытаемся исполнить этотъ долгъ передъ ними добросовѣстно и съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ замѣчательному таланту.

I.

Мы начнемъ съ драматической хроники г. Чаева: «Димитрій Самозванецъ.» Извѣстно, что у г. Чаева драма составляетъ только новый преображенный видъ лѣтописнаго сказанія, которое въ ней находитъ себѣ дополненіе и толкованіе. Никакъ нельзя сказать, чтобъ лѣтописное сказаніе служило г. Чаеву чѣмъ-либо въ родѣ веселой и беззаботной прогулки, представляло ему нѣчто похожее на *partie de plaisir* въ область исторіи, гдѣ талантъ писателя предвидитъ заранѣе возможность порѣзвиться на-просторѣ, какъ именно понимаютъ нѣкоторые подражатели г. Чаева свои занятія лѣтописью; напротивъ, для него, это совсѣмъ не прогулка, а скорѣе благочестивое странствованіе, паломничество своего рода къ міру преданій и сказаній, при чемъ онъ старается удалить отъ себя всѣ постороннія мысли, воспрещаетъ себѣ судъ надъ явленіями и боится, какъ искушенія, всякаго проблеска личнаго ощущенія и фантазіи. Отсюда, какъ достоинства, такъ и его недостатки, хотя надо замѣтить, что мастерски обработанный народный языкъ и разсчетливое употребленіе остатковъ старой доселѣ сохранившейся въ народѣ культуры, посредствомъ которыхъ онъ создаетъ свои сцены, уже доказываютъ, вмѣстѣ съ подборомъ и изобрѣтеніемъ ихъ обстановки, что полнаго отреченія отъ авторства и творчества тутъ быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ, г. Чаевъ является намъ вѣрнымъ слугой преданія; онъ ему же отдаетъ все свое добро, живя одной его жизнію и хоронясь за нимъ отъ всякого значенія, или заслуженной чести. Такимъ образомъ построилъ онъ именно довольно выразительный типъ самозванца. Это самозванецъ вполнѣ *лѣтописный*, и обработка его, какъ типа, еще ярче высказала все то, что лѣтопись и сказаніе, а за ними долгое время и исторія, хотѣли сдѣлать изъ образа лже-царя, имѣя при этомъ въ виду не столько дѣйствительность, сколько поученіе потомкамъ, оправданіе народа и общей политической безнравственности, отличавшей эпоху появленія Лже-Димитрія на сцену

исторіи. Каждый народъ имѣетъ свои историческія представленія, которыя замѣняютъ ему то, что въ наукѣ называется идеями, принципами.

Русская земля видѣла, немного спустя послѣ самозванца, другое и такое же нарушеніе всѣхъ народныхъ понятій о приличіи, достоинствѣ и условій гражданской и обыденной жизни, какое изображаетъ намъ г. Чаевъ въ поведеніи и пріемахъ Лже-Димитрія на московскомъ престолѣ. Точно также этикетъ своего рода, предназначенный къ тому, чтобъ отчасти покрывать, а отчасти смягчать порывы страстей и животныхъ наклонностей, былъ отброшенъ тогда въ сторону и они приглашены были показаться на-голо; точно также глубочайшее пренебреженіе къ застарѣлымъ обычаямъ страны и ко всему, что она считала въ нравственномъ мірѣ за доблестное, законное и неизмѣнное, выказалось тогда съ неменьшей энергіей и откровенностію, чѣмъ при Димитріѣ, но въ эту позднѣйшую, сравнительно недавнюю эпоху, даже на дикихъ вспышкахъ, даже на пирахъ и оргіяхъ, на посрамленіи всѣхъ уставовъ принятаго дотолѣ общежитія все-таки лежала еще печать государственнаго замысла. Разгулъ разгуломъ, своевольство своевольствомъ, но они въ то же самое время были и политическими мѣрами, входили въ систему предположеннаго отрицанія всѣхъ порядковъ старины и существующаго быта, а потому и требовали точно такихъ же предварительныхъ соображеній, предвидѣнія всѣхъ возможностей и заготовленной охраны, какъ и любое другое установленіе. Не даромъ же по рвенію людей на службѣ бахусу или хмѣльному Ивашкѣ судилась тогда и твердость ихъ въ новыхъ принципахъ. Ничего подобнаго не замѣтили у Лже-Димитрія, и именно это-то различіе между ломкою существующихъ порядковъ при самозванцѣ и такою же ломкою въ другую, послѣдовавшую эпоху, старается намъ выяснить драма г. Чаева. Лже-Димитрій публично бражничаетъ и дурачится, совсѣмъ и не подозрѣвая, что кто-либо кругомъ найдетъ это неприличнымъ его сану; ему кажется, по объясненію г. Чаева, что корысть и людское легковѣріе, которыя возвели его на престолъ, выдержатъ не только эту пробу безъ труда, но и кое-что покрупнѣе, напримѣръ, присутствіе католическаго элемента въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. Надо отдать справедливость нашему автору: всѣ наиболѣе яркіе, наиболѣе убѣдительные признаки самозванства Димитрія разработаны имъ съ особеннымъ тщаніемъ и выставлены имъ, согласно лѣтописному сказанію, какъ выраженію народныхъ воззрѣній, въ полномъ свѣтѣ. Въ числѣ ихъ, лучшимъ психическимъ признакомъ, особенно хорошо подтверждающимъ плебейское происхожденіе Димитрія, мы считаемъ намекъ на убѣжденіе, въ немъ зародившееся, что съ достиженіемъ престола для него кончился трудъ и наступила пора безграничнаго наслажденія властію, перемѣшаннаго только съ легкой работой устраненія недовольныхъ. На днѣ души его живетъ ничтожная мысль, приравнивающая Димитрія къ любому про-

ходимцу, мысль, которую онъ отчасти и выражаетъ, что не стоило бы добиваться и царства, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было дать, безъ особыхъ заботъ и подготовки, просторъ своей природѣ, если бы нельзя было пожить на распашку, потѣшиться всѣмъ существомъ своимъ. Какіе бы за тѣмъ ни выражалъ онъ планы на возвеличеніе Россіи въ будущемъ, какъ бы ни геніальничалъ передъ людьми, вы чувствуете, вслѣдствіе психическаго комментарія г. Чаева, что московскій престолъ есть конецъ, а не начало его дѣятельности. Повторяемъ — въ смыслѣ колоссальнаго обманщика, имѣющаго мало себѣ примѣровъ въ исторіи—очеркъ Димитрія, сдѣланный г. Чаевымъ, можетъ назваться вполнѣ достигающимъ своей цѣли. Конечно, *взбалмашность* самозванца, такъ крупно обозначенная сказаніемъ, которое дѣлаетъ ее родовой чертой его характера, также не позабыта въ этомъ очеркѣ и не только не забыта, но на ней авторъ нашъ построилъ наиболѣе эффектныя свои сцены, пренебрегая иногда и правдоподобіемъ, какъ въ сценѣ исповѣдника или изобличителя, который, не смотря на нѣмецкую и польскую стражу Димитрія, пробрался на верхъ во внутреннія его комнаты и, саморучно выгнанный оттуда самозванцемъ, привелъ его къ такому оскорбленію Шуйскаго, которое рѣшило участь лже-царя въ умѣ послѣдняго. У самозванца г. Чаева есть смѣлыя, великодушныя, необыкновенныя идеи, но нѣтъ логическихъ идей. Правда, мы должны сдѣлать здѣсь небольшую оговорку. Такъ какъ черта эта оказалась чрезвычайно плодотворной, то г. Чаевъ иногда злоупотребляетъ ею. Димитрій и въ спокойномъ состояніи почти, не можетъ возвѣстить у него мѣры и мысли, чтобъ не окончить ихъ тутъ же противуположной мѣрой и мыслію или по крайней мѣрѣ не измѣнить ихъ первоначальнаго смысла; повторяющаяся черта пріучаетъ читателя думать, что Димитрій былъ не въ состояніи вести рѣчи иначе, какъ подъ условіемъ придти къ неизбѣжному заключенію, уничтожающему ея начало и основанія. Это мы называемъ злоупотребленіемъ черты, хотя бы именно отъ этого злоупотребленія само выраженіе лица и становилось явственнѣе для нѣкоторыхъ глазъ. Также точно, уступая г. Чаеву право строго слѣдовать при обрисовкѣ характера за тѣми источниками, которые онъ выбралъ для себя, мы не можемъ, однакожъ, не остановиться въ недоумѣніи, когда онъ изъ любви къ сказанію измѣняетъ его, то есть, дѣлается болѣе лѣтописнымъ, чѣмъ сама лѣтопись, *plus royaliste que le roi*, по французской поговоркѣ. Такъ, Димитрій у него самъ сознаетъ себя, въ минуты уединенія и раздумья, похитителемъ престола, самъ подтверждаетъ обвиненія современниковъ, припоминая другую безвѣстную и темную сторону жизни (сцена передъ смертію), творитъ исповѣдь, о которой совершенно умалчиваетъ сказаніе, передающее, напротивъ, что Лжедимитрій не сдѣлалъ никакого яснаго признанія, даже подъ ножами и пищалями убійцъ. Конечно, сценическій эффектъ, проистекающій изъ этой бесѣды обманщика

съ собственной совѣстію вполнѣ дозволителенъ (онъ же способствуетъ при томъ и къ успокоенію нравственнаго чувства зрителя, показывая въ обреченной жертвѣ нарушителя моральныхъ законовъ, а въ приближающемся злодѣйствѣ толпы — нѣкоторое подобіе правомѣрной кары); но г. Чаевъ, такъ берегущій чистоту сказанія отъ примѣси фантазіи, кажется намъ, уже не имѣлъ права воспользоваться этимъ эффектомъ. Для такого же эффекта онъ измѣнилъ обычнымъ своимъ условіямъ созданія, и еще одинъ разъ, именно тогда, когда вложилъ въ уста Басманову двусмысленныя слова, похожія на раскаяніе въ измѣнѣ Годунову и на признаніе своей ошибки относительно Димитрія. Басмановъ погубилъ благодѣтеля своего, Годунова, и положилъ жизнь за Димитрія — преданіе больше ничего не говоритъ и ничего не знаетъ о его мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ: больше ничего не слѣдовало бы знать и драмѣ, которая отказалась отъ свободы изобрѣтенія и отъ построенія психическихъ типовъ, помимо указаній этого преданія. Какъ бы то ни было, но изъ данныхъ лѣтописнаго, общепринятаго разсказа, г. Чаеву удалось создать довольно полный, живой и выразительный образъ самозванца, что послѣ Пушкина можетъ быть почтено за немаловажное доказательство силы и таланта.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ является намъ попытка г. Чаева объяснить, по тому же принятому лѣтописному разсказу, и весь ходъ самозванца къ престолу, силы, возносившія его со слѣпотой феноменальныхъ явленій къ вѣнцу Ивана IV и съ такой же слѣпотой его опрокинувшія, когда онъ уже возсѣлъ на него. Здѣсь автора нашего покидаетъ всякого рода художническая самодѣятельность. Драма его вездѣ останавливается тамъ, гдѣ останавливается преданіе, но въ замѣнъ сохраняетъ всѣ его противорѣчія и недоразумѣнія безъ дальнѣйшаго поэтическаго и психическаго разъясненія ихъ, какъ будто одно ихъ происхожденіе изъ преданія отвѣчаетъ на все, и все другое дѣлаетъ лишнимъ. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое самостоятельное, такое твердое, почти надменное существованіе всѣхъ темныхъ, спорныхъ и загадочныхъ вопросовъ исторіи, какъ именно въ драмѣ-хроникѣ г. Чаева. Онъ не только не пытается разрѣшить ихъ творческой мыслію, а напротивъ старается узаконить ихъ и оградить отъ объясненій съ помощію сценъ, въ которыхъ заключаетъ ихъ, какъ въ надежную твердыню, отъ всякихъ сомнѣній. Каждая изъ такихъ сценъ есть однакоже сама по себѣ загадка или ведетъ къ ряду загадокъ, во всякомъ случаѣ остающихся неразрѣшенными. Если бы всю исторію Лже-Димитрія можно было съузить до народнаго бунта, возникшаго по ревности къ благочестію и изъ ненависти къ полякамъ, бунта, въ которомъ и самозванный московскій князь потерялъ свою жизнь — драмѣ г. Чаева было бы не въ примѣръ легче двигаться и развиваться, но здѣсь дѣло идетъ о великой исторической тяжбѣ, гдѣ всѣ обвинители ровно столько же

виноваты, сколько и обвиняемые, и гдѣ самый предметъ тяжбы возникъ по милости всего народа, всего московскаго царства. Тутъ уже художественной драмѣ не предстоитъ никакой возможности цѣпляться за одни доводы сказанія, за одинъ оффиціальный историческій разсказъ о событіи, который по необходимости долженъ былъ на столько же принять въ себя свидѣтельства несомнѣнной истины, на сколько и всю ложь тогдашнихъ партій. Между тѣмъ г. Чаевъ не дополняетъ эти старые доводы, собранные лѣтописью въ пользу совершившагося факта, ни однимъ новымъ доводомъ отъ себя, почерпнутымъ въ глубинѣ свободнаго творческаго созерцанія исторіи, какъ имѣлъ бы право ожидать читатель отъ произведенія фантазіи и искусства. Послѣ драмы его, все остается по прежнему на своихъ мѣстахъ, съ тѣмъ же загадочнымъ и тупымъ выраженіемъ, какое имѣетъ обыкновенно необработанный матеріалъ или голое свидѣтельство. Кромѣ характера самозванца и еще московско-польскаго общества, съ нимъ прибывшаго и очерченнаго чрезвычайно бойко, въ ней нѣтъ уголка и явленія, которые были бы освѣщены лучемъ поэзіи; нѣтъ и признака смѣлаго проникновенія въ дѣла и жизнь эпохи. Воздержность передъ сказаніемъ дурного, въ художественномъ смыслѣ, рода, свела драму до простой *иллюстраціи* лѣтописи. Въ добровольной кабалѣ своей, драма идетъ за нею шагъ за шагомъ, расписывая по своему ея сведенный текстъ и дорожитъ этимъ подчиненнымъ положеніемъ и этимъ упражненіемъ, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ. Такъ, подобострастныя отношенія въ искусствѣ даже и передъ сказаніемъ не остаются безъ вредныхъ послѣдствій...

Мѣсто недостающаго въ драмѣ творческаго элемента заступаетъ элементъ, совершенно противуположный ему у г. Чаева, а именно адвокатскій и казуистическій. Иначе и не могло быть при желаніи объяснить благовиднымъ образомъ все то, что благовиднымъ образомъ не объясняется. Самое лучшее, чего можно ожидать въ литературномъ отношеніи отъ произведенія, которое приняло подъ свою защиту народное преступленіе или даже массу народныхъ преступленій, будетъ состоять въ ловкости, съ какой оно покажетъ, что всѣ лица, принимавшія участіе въ ходѣ событій, въ темномъ историческомъ дѣлѣ — были и правы, и виноваты въ одно и то же время, что они могутъ подвергнуться строгому осужденію съ одной точки зрѣнія и получить отпущеніе не съ другой, (это всегда возможно и ничего необычайнаго не представляетъ), а съ той же самой, какъ и первая. Это гораздо труднѣе, но въ своей адвокатской защитѣ эпохи, защитѣ, получившей форму драмы, г. Чаевъ преодолѣлъ трудность. У него нѣтъ и подозрѣнія, что основы народныхъ преступленій могутъ корениться въ испорченности массъ, въ ихъ слѣпотѣ или тайныхъ разсчетахъ; напротивъ, у него—всѣ основы преступленій или почтенны сами по себѣ или

имѣютъ за себя много облегчающихъ и поясняющихъ обстоятельствъ, хотя сами преступленія и выставлены въ настоящемъ видѣ, безъ ослабленія и утайки. Какъ народъ, такъ и отдѣльныя лица, играютъ здѣсь своими клятвами, потеряли совѣсть, сдѣлали коварство и вѣроломство обычнымъ своимъ упражненіемъ, но они всѣ имѣютъ у г. Чаева достаточныя причины играть клятвами, являться безсовѣстными и коварными на сценѣ исторіи. Г. Чаевъ самъ сторонникъ этихъ достаточныхъ причинъ, хотя печально и съ ужасомъ смотритъ на ихъ историческія послѣдствія. Кто сомнѣвается, что опасенія за чистоту вѣры, за цѣлость старыхъ обычаевъ и вообще за строй русской жизни, угрожаемой польскимъ вліяніемъ, не играли значительной роли въ судьбѣ, постигшей Димитрія, но у г. Чаева они играютъ еще и другую роль: они убѣляютъ самыхъ черныхъ людей и самыя неистовыя страсти. За ними, какъ за непроницаемымъ покровомъ уже и не видна та смѣсь плутовства, политическихъ злодѣяній, дикихъ порывовъ толпы и ненасытной алчности руководителей движенія, которая окружала самозванца съ самаго его появленія на русской землѣ и проводила его до пушки, разсѣявшей его прахъ по вѣтру. Даже Шуйскій — этотъ первый губитель земли, завѣдомо-ложно присягнувшій обманщику и тѣмъ открывшій ему путь въ Кремль — и тотъ не забытъ въ общей амнистіи, которую распространяетъ г. Чаевъ на агентовъ смутнаго времени, т. е. на *восторжествовавшую* его партію. И не только не забытъ Шуйскій — но онъ еще возвеличенъ какимъ-то позднимъ, небывалымъ обличеніемъ лже-царя въ боярской думѣ. Впрочемъ, это, послѣ Басманова, самый смутный, неудачный и ложный характеръ изъ всей драмы: въ лицѣ тогдашняго Шуйскаго, г. Чаевъ видимо щадилъ лицо будущаго правителя Россіи. Не выведя на сцену ни одного изъ іерарховъ, ни особенно царицы Мареы, авторъ спасъ себя отъ задачи показать въ приличномъ свѣтѣ ихъ отношенія къ эпохѣ. Достаточно уже и того, что стрѣльцы и народъ московскій, распоряжающіеся престоломъ, еще и не зная хорошенько, какъ оказывается изъ ихъ предсмертныхъ распросовъ Димитрія, кто на немъ сидитъ и кого они совлекаютъ съ него — прикрыты тѣмъ же почтеннымъ знаменемъ законности, огражденія народныхъ началъ и благочестія, которое послѣ нихъ будетъ служить еще для той же цѣли предательствамъ и злодѣйствамъ всѣхъ возможныхъ родовъ. Ихъ слѣпая ярость, нарушеніе крестныхъ цѣлованій и даже церковнаго таинства получаютъ такимъ образомъ благовидную наружность. Вообще оказывается, что русскій міръ можетъ спокойно смотрѣть на тогдашній московскій переворотъ; у всѣхъ, которые обагрили кровью дворецъ, Кремль и городъ въ то время были *добрые* поводы; конечно, они заслуживаютъ названія преступниковъ, но это преступники случайные, преступники съ одной внѣшней, формальной, юридической точки зрѣнія; настоящіе, прав-

ственные преступники, были только самозванецъ съ его поляками и патерами, и драма, которая такъ благодушно разрѣшаетъ вопросъ, просто кончается безвѣстнымъ выстрѣломъ, положившимъ Лже-Димитрія замертво.... Правда, въ замѣнъ того благодушная драма уже не несетъ съ собой никакого строгаго и дѣльнаго историческаго поученія, но объ этомъ авторъ ея и не заботится....

Говоря вообще, намъ кажется, что искусство, сущность котораго всегда состояла въ открытіи поэтической или психической правды явленій, тогда только отнесется правильно къ эпохѣ самозванца, когда найдетъ возможность стать на равную ногу съ преданіемъ, и если не помимо его, то параллельно съ нимъ вести собственное свое творческое дѣло. Безъ этого условія, искусство, не имѣющее средствъ, подобно наукѣ, оставлять вопросы не разрѣшенными или въ полу-свѣтѣ до другого, болѣе удобнаго времени, обязанное всегда прямо, положительно и тотчасъ же высказывать свои заключенія — будетъ постоянно вращаться между крайнимъ потворствомъ съ одной стороны, напраслиной или даже клеветой съ другой. Выхода ему тутъ нѣтъ — выходъ является только тогда, когда искусство прямо начинаетъ съ того общественнаго порядка, въ которомъ зародился историческій фактъ, который его выносилъ и пустилъ по свѣту. Все дѣло въ твердомъ, разумномъ и независимомъ взглядѣ на этотъ единственный источникъ не обманывающихъ заключеній. Тогда и любой фактъ, какъ бы онъ ни былъ загадоченъ, смутенъ и сложенъ, войдетъ вмѣстѣ со всѣми толкованіями его, записанными его современниками, просто и естественно въ художническую картину, какъ одна изъ составныхъ ея частей. Родоначальниковъ «смутнаго нашего времени» — найти не трудно. Потеря нравственныхъ основъ въ народѣ, слѣдовавшая за общей измѣной бояръ, внезапное упраздненіе престола, оставленнаго въ добычу дерзкимъ искательствамъ, предварительное истребленіе наличныхъ того времени интеллектуальныхъ силъ и мыслящихъ головъ, произведенное въ обширныхъ размѣрахъ Иваномъ IV и Годуновымъ, наконецъ, возникновеніе на мѣсто государственныхъ интересовъ — преимущественно личныхъ и сословныхъ, и яростная сшибка ихъ на просторѣ безначалія, которое они же и стараются сберечь, какъ можно долѣе для своей выгоды — вотъ ступени, по которымъ самозванецъ восходилъ на Красное Крыльцо, и по которымъ мгновенно сошелъ съ него. Кто бы онъ тамъ ни былъ, искусству въ сущности до этого мало дѣла; свободному его взгляду онъ не можетъ иначе явиться, какъ самозванцемъ: очевиднымъ по факту и поступку, если его считать Лже-Димитріемъ; нравственнымъ самозванцемъ, если его такимъ не считать, а вспомнить только, какое непониманіе своей задачи и своего народа, какое легкомысліе и презрѣніе относительно русскаго міра онъ принесъ съ собой на престолъ. Самозванецъ порожденъ средой —

вполнѣ расшатавшагося общества, въ буквальномъ и переносномъ значеніи слова, и самъ есть олицетворенный обманъ, довершившій повсемѣстную государственную испорченность, безъ которой онъ и немыслимъ. При такомъ или подобномъ воззрѣніи на эпоху, а другого, кажется намъ, искусство и не можетъ имѣть, если желаетъ обрѣсти твердыя основанія для ея уразумѣнія—одна ловкая и въ сущности почтенная *иллюстрація* лѣтописнаго разсказа въ формѣ драматическаго представленія можетъ показаться ниже задачи, которая предстояла автору въ двойномъ званіи его художника и историческаго судьи.

Но сказавъ все то, что мы имѣли сказать о драмѣ г. Чаева, тѣмъ съ большей охотой возвращаемся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея частямъ и къ общему мягкому, симпатическому и вмѣстѣ достойному характеру драмы, который составляетъ ея неотразимую прелесть. Надо прибавить еще и слѣдующее: въ этой иллюстраціи лѣтописи есть нѣсколько рисунковъ превосходнѣйшаго изобрѣтенія. Такова, напримѣръ, картина безпутнаго, скоморошескаго бала, даннаго самозванцемъ наканунѣ того самого майскаго утра, которое видѣло его паденіе и смерть. Вообще столкновеніе на московской почвѣ польской, блестящей цивилизаціи, откровенно, хотя и цвѣтисто обнажающей свои пороки, съ боярской сосредоточенностію и смеканіемъ дѣла про себя, вездѣ очерчено у г. Чаева мастерски. На послѣднемъ балѣ Лже-Димитрія, эти два противуположные міра, сведенные насильно обстоятельствами, и не желающіе выпустить другъ друга изъ своихъ рукъ, рождаютъ трагическій эффектъ, дѣйствіе котораго еще увеличивается бушеваніемъ оргіи, безуміемъ самозванца, непоколебимою самонадѣянностію поляковъ, возрастающей смѣлостію заговорщиковъ и недоумѣніемъ русскихъ бояръ, сбиваемыхъ точно также съ ногъ, какъ и съ толку, всѣмъ, что около нихъ происходитъ.... Извѣстно также, что русскія лица въ драмѣ г. Чаева говорятъ изумительнымъ по простотѣ и по своей живописности народнымъ языкомъ. Только немногіе изъ нашихъ писателей обладаютъ въ такой мѣрѣ, какъ г. Чаевъ, тайной—обнаруживать состояніе мысли у человѣка и движенія его души формой самой фразы, которую онъ при этомъ говоритъ. Лаконизмъ этихъ рѣченій, оборотовъ, по временамъ даже восклицаній, выражая впечатлѣнія минуты у того или другого лица, вмѣстѣ съ тѣмъ исполненъ біографическихъ и психическихъ намековъ. Въ сценѣ торжественнаго пріема польскихъ пословъ, тоже принадлежащей къ наилучшимъ сценамъ драмы, самозванецъ вступаетъ въ преніе съ нахальными представителями Рѣчи Посполитой, и, разъяренный ихъ презрительными отвѣтами, чуть-чуть не бросаетъ въ нихъ скипетромъ съ высоты своего престола, но кончаетъ столкновеніе, по своему обычаю, ласковымъ приглашеніемъ ихъ къ своему столу. Шуйскій, свидѣтель сцены, произноситъ только, по окончаніи ея, одно слово: «потѣха!» и его

совершенно достаточно, чтобъ открыть читателю все презрѣніе стараго царедворца, посѣдѣлаго на дворцовомъ этикетѣ, къ несчастному проходимцу. Много у г. Чаева и цѣлыхъ драматическихъ мѣстъ, изложенныхъ съ изумительной скромностью народнаго языка, достающаго однакожъ на выраженіе всякого чувства и представленія.

Къ этому мастерству передавать сочетаніемъ народныхъ фразъ тончайшіе оттѣнки мысли слѣдуетъ еще присоединить обиліе этнографическихъ данныхъ, строго-вѣрную стародавнюю обстановку, въ которой вращается весь міръ, выводимый г. Чаевымъ. Изъ сочетанія этихъ качествъ рождается тотъ родъ обаянія, который одинаково подчиняетъ драмѣ г. Чаева и публику и людей, относящихся къ ней съ какими-либо критическими вопросами.

II.

Драма графа А. К. Толстаго: «*Смерть Іоанна Грознаго*»—составляетъ, по характеру своему, довольно яркую противоположность съ драмой г. Чаева. Сколько въ послѣдней сдержанности, простоты, умѣреннаго (чтобъ не сказать болѣе) употребленія вымысла, столько наоборотъ драма гр. Толстаго отличается полнымъ просторомъ, даннымъ фантазіи, развязностію своихъ пріемовъ и огромной долей изобрѣтенія, положенной въ ея основаніе. Мы имѣемъ здѣсь примѣръ обработки обязательнаго историческаго матеріала свободнымъ художникомъ, который свободою творчества столько же дорожитъ, сколько и самимъ предметомъ своего изображенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ этотъ и открываетъ намъ возможность сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, какія должны существовать между вымысломъ и положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. Извѣстно, что въ дѣлѣ искусства, передающаго историческія данныя, труднѣйшая задача для художника состоитъ именно въ томъ, чтобъ отыскать правильныя отношенія между фантазіей и выбранной имъ исторической темой. Только тогда, когда, во глубинѣ своего духа художникъ открылъ законы, которыми ограждается, при сліяніи этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ, самостоятельность и достоинство каждаго изъ нихъ, когда нашелъ мѣру и, такъ сказать, *ритмъ*, управляющіе ихъ совмѣстнымъ ходомъ и развитіемъ—тогда только и можетъ явиться стройное произведеніе, одинаково удовлетворяющее достоинству науки и требованіямъ поэзіи. Любопытно посмотрѣть — какъ разрѣшена эта трудная задача въ замѣчательной драмѣ гр. Толстаго.

Лицо Ивана Васильевича Грознаго, являющееся тутъ на первомъ планѣ, представляется въ нашъ вѣкъ лицомъ, конечно, не менѣе загадочнымъ, чѣмъ самозванецъ, хотя и въ другомъ отношеніи. Сколько

уже было у насъ попытокъ объяснить правдоподобнымъ образомъ причины кровавыхъ инстинктовъ этой души, сойти въ эту ночь внутренняго человѣческаго существованія и распознать состояніе мысли, сознанія и совѣсти у человѣка, постоянно и страстно занятаго губительствомъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нашихъ историковъ-психіатровъ видѣли въ Грозномъ суроваго дѣльца, преслѣдующаго государственныя цѣли съ жестокостію и хладнокровіемъ теоретика, для котораго успѣхъ системы важнѣе человѣческихъ жизней и страданій; извѣстно, что другіе открывали въ немъ, наоборотъ, черты дикой, распущенной натуры, которая, кромѣ удовлетворенія своихъ извращенныхъ наклонностей, не имѣла никакого другого плана и замысла и достигла, благодаря потворству всего окружающаго, до чудовищныхъ поползновеній. И доселѣ съ именемъ Грознаго открывается обширное поле для догадокъ и предположеній всякого рода. Фантазіи поэта и романиста есть гдѣ разгуляться въ виду почти непостижимой теперь выдержки Грознаго въ одномъ и томъ же неослабно-звѣрскомъ настроеніи. Онъ представляетъ для фантазіи ихъ безграничное плаваніе, какъ бы просторъ открытаго и свободнаго моря. Въ это море гипотезъ именно и пустился гр. Толстой, съ распущенными парусами, съ отвагой и удальствомъ, какимъ уже можно было удивляться и въ его романѣ: «Князь Серебряный». Они не покинули его и въ драмѣ, но здѣсь онъ все-таки достигъ берега, а не потерялся безслѣдно, какъ тогда.

Сколько мы понимаемъ, царь московскій Иванъ Грозный представился фантазіи гр. Толстаго, какъ человѣкъ, неутомимо занятый *повѣркою своей власти*, безпрестанной пробой ея силы и положенія, безпокойными, ѣдкими сомнѣніями—не понизилась ли она и не потерпѣла ли какого ущерба въ своемъ существѣ. Съ этимъ представленіемъ соединилось у него еще представленіе человѣка, поѣдаемаго мучительной, никогда вполнѣ неудовлетворенной жаждой—заставить чувствовать свою власть на возможно большемъ пространствѣ и безъ различія положеній всякому существованію — самому видному и самому безвѣстному въ государствѣ. Этотъ типъ, возникшій передъ фантазіей автора, и разработанъ имъ въ драмѣ съ великимъ увлеченіемъ, не оставившемъ мѣста для какихъ-либо соображеній другого рода. Все сводится, примыкаетъ и пригибается къ этому типу. Драму открываетъ совѣщаніе бояръ: Иванъ предоставилъ имъ выбрать изъ среды своей достойнѣйшаго для занятія престола, отъ котораго онъ самъ, по невзгодамъ государства и по тяжкимъ грѣхамъ своимъ, рѣшился отказаться. Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ, Грозный уже и поджидаетъ новоизбраннаго съ царскимъ облаченіемъ на-готовѣ, любопытствуя знать, кого бояре считаютъ и кто самъ себя признаетъ способнымъ стать съ нимъ рядомъ. Бояре однакоже выдерживаютъ *пробу*:

дума падаетъ на колѣни, молитъ простить ей ослушничество и сохранить свой скипетръ. Эти начальныя сцены уже хорошо обрисовываютъ задуманный типъ, на котораго все болѣе и болѣе, по мѣрѣ развитія драмы, накладываются краски, и который все болѣе и болѣе растетъ, такъ сказать, въ одну сторону, достигая сильнаго сценическаго эффекта этимъ постепеннымъ возрастаніемъ на глазахъ зрителя. Помѣшательство на идеѣ власти проявляется все крупнѣе: кажется и народъ, и бояре сдѣлали все, чтобъ успокоить властителя; они лежатъ передъ нимъ во прахѣ и все-таки не убѣждаютъ его; вы слышите въ драмѣ, какъ грозный властитель все еще думаетъ про себя: «они не хорошо лежатъ, они недостаточно откровенно лежатъ, они по-бунтовщичьи лежатъ». Надо отдать справедливость автору, что, обрисовывая фигуру Ивана, онъ не измѣнилъ своему собственному представленію ея ни одной ложной, нетвердой или мягкой чертой. Вскорѣ, вы уже отдѣляете Грознаго отъ драмы и, усвоивая мысль и сужденіе о немъ автора, начинаете думать, что страшное губительство Новгорода, Пскова, многихъ безвѣстныхъ селъ и цѣлой массы безвѣстныхъ людей, а также и самое учрежденіе опричины, были у него совсѣмъ не дѣломъ государственнаго или личнаго разсчета, даже не дѣломъ дикой вспышки кровожадной и избалованной натуры, а просто должны быть признаваемы за прямые результаты его намѣренія перенести тяжесть царской кары съ боярскихъ и почетныхъ головъ на весь народъ, дать почувствовать и ему остріе ея жала, заставить и его трепетать передъ собой, какъ толпу придворныхъ, наконецъ охватить все земство и *осязательно*, посредствомъ своихъ клевретовъ, напоминать каждому человѣку въ государствѣ о власти, распоряжающейся жизнію, имуществомъ и честію людей на землѣ. Множество подробностей въ драмѣ прямо указываютъ на такое заключеніе и страшное лицо Грознаго обрисовывается по этому столько же самымъ содержаніемъ піесы и съ подробностями, сколько и тѣми намеками, какія въ ней заключаются, что еще способствуетъ къ укорененію въ памяти читателя этого зловѣщаго типа, за которымъ, по слѣдамъ автора, и собственное его воображеніе не мало поработало.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Иванъ Грозный, такимъ образомъ понятый и такъ ярко очерченный, несетъ съ собой значительное историческое поученіе, котораго недостаетъ драмѣ г. Чаева. Мы однакоже весьма склонны думать, основываясь на самой односторонности этого эффектнаго изображенія, что поученіе, въ умѣ автора «Смерть Грознаго», было заготовлено ранѣе самого ядра драмы, что послѣдняя скорѣе возникла изъ поучительныхъ цѣлей, чѣмъ изъ прямого созерцанія эпохи и исторіи. Оттого и впечатлѣнія, возбуждаемыя драмой—сродни тѣмъ, которыя получаются при слушаніи искусной ораторской рѣчи или жаркой, патетической проповѣди. Все это

не помѣшало самому лицу Ивана IV въ драмѣ достичь трагическаго выраженія, и породить изъ себя и вокругъ себя много драматическихъ положеній, много сильныхъ и потрясающихъ эффектовъ.

Въ доказательство всего этого мы ссылаемся на превосходныя сцены четвертаго дѣйствія, когда, подъ впечатлѣніемъ страшнаго знаменія на небѣ, чувства близящейся кончины своей, и ужаса, наведеннаго Баторіемъ, Иванъ становится на колѣни передъ трепещущими боярами своими, моля ихъ о прощеніи *обидъ*, приказываетъ заключить миръ съ Баторіемъ на какихъ бы ни было условіяхъ, явно предаетъ свое государство и велитъ посламъ переносить даже побои отъ враговъ—и все это для того, чтобъ, обманывая людей и Бога, имѣть возможность посмотрѣть на самого себя, какъ на жертву:

«Боже всемогущій!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно-ль униженъ онъ теперь!

Если бы авторъ создалъ одну такую сцену, и тогда бы мы увидѣли въ немъ замѣчательный драматическій талантъ; но, какъ сказано, у него ихъ цѣлый рядъ, вполнѣ доказывающій силу и средства его поэтической фантазіи.

Не всякое, однакоже, лицо, способно выдержать смѣлую игру фантазіи такъ счастливо, какъ Иванъ Грозный. Благодаря тому, что лицо это весьма крѣпко стоитъ въ нашей исторіи и носитъ въ ней весьма многозначительную, сильно обозначенную физіономію, фантазія уже не въ силахъ измѣнить ея коренного выраженія, и какъ бы прихотлива ни была, уже должна по неволѣ ограничиться только ея освѣщеніемъ. Иначе можетъ случиться, при своевольствѣ фантазіи, съ лицами, очертанія которыхъ въ исторіи не столь ясны и рѣзки. Въ драмѣ гр. Толстаго, напримѣръ, есть одинъ характеръ, несправедливо и безжалостно погубленный его фантазіею, которая предоставила себѣ право, располагать лицами и даже историческими вопросами по нуждамъ минуты, не справляясь, какія имена носятъ первыя, или какое содержаніе заключаютъ въ себѣ вторые. Этотъ погубленный характеръ есть именно Борисъ Годуновъ, все изображеніе котораго представляетъ одинъ сплошной *наговоръ*, совершенно свободно и мѣстами какъ-то добродушно развиваемый фантазіею, безъ всякого подозрѣнія о послѣдствіяхъ своей работы. Мы рѣдко гдѣ видѣли примѣръ такого полнаго разрыва съ историческимъ матеріаломъ, какъ тутъ, но нигдѣ такъ ясно и не обнаруживалась для насъ внутренняя несостоятельность того начала, которое произвело этотъ разрывъ. Нѣтъ — не все дозволено фантазіи въ области искусства, и особенно не дозволено ей понимать себя, какъ безграничную власть, распоряжающуюся исторіей народа безъ отвѣта и ограниченія, лишь бы послѣдняя служила къ

уснащенію ея красками или къ доставленію наибольшей пышности ея рисункамъ и планамъ. Послѣдствія такого пониманія фантазіи довольно извѣстны намъ изъ произведеній французскихъ драматическихъ писателей: рѣдкій изъ нихъ, принимаясь за перо, не облачается вдругъ, по отношенію къ исторіи, въ роль и мантію императорскаго прокурора, и не почитаетъ за свой долгъ оказаться всесвѣтнымъ обвинителемъ, передѣлать всѣ старые приговоры къ вящшему ущербу обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ лицъ. Это уже фантазія безъ началъ, которая ищетъ орудій и средствъ подѣйствовать на публику вездѣ, и въ такихъ мѣстахъ, куда бы ей не слѣдовало спускаться. Для такой именно фантазіи — усиленіе всѣхъ обвиненій становится условіемъ существованія; возведеніе каждаго подозрѣнія въ несомнѣнную улику — единственнымъ средствомъ успѣха; находчивость въ изобрѣтеніи поворныхъ или сомнительныхъ побужденій у человѣка — признанной цѣлью, на которую она возлагаетъ лучшія свои надежды. Нельзя отличаться болѣе несправедливымъ и жестокимъ характеромъ, но это уже въ сущности и не фантазія: это только ея подобіе, болѣзненный или испорченный ея видъ. Какъ только писатель истощается въ усиліяхъ выразиться громче, разительнѣе, смѣлѣе, чѣмъ самое крупное, полновѣсное слово историческаго свидѣтельства — онъ уже обнаруживаетъ признаки фантазіи, отклонившейся отъ своего первоначальнаго, чистаго и свѣтлаго типа. Конечно, и въ этомъ состояніи она можетъ имѣть великодушныя цѣли, весьма почтенныя и благовидныя намѣренія, но настоящая ея роль уже кончена. Ей уже никогда не быть живымъ поясненіемъ природы вещей, и откровеніемъ характеровъ, а главное ей уже не быть тѣмъ, чѣмъ искони вѣковъ считалась поэзія у всѣхъ народовъ міра, и чѣмъ она будетъ всегда считаться во всѣхъ обществахъ, именно высшей справедливостію для людей и событій на землѣ и ихъ послѣднимъ, настоящимъ опредѣленіемъ.

Мы настоятельно заявляемъ, что весьма далеки отъ мысли прилагать все здѣсь сказанное прямо къ драмѣ гр. Толстаго, но не скроемъ и того, что лицо Бориса Годунова, имъ созданное, подало намъ именно поводъ къ этимъ соображеніямъ. Разсмотримъ его нѣсколько ближе, такъ какъ, кромѣ всего другого, оно еще составляетъ противоположный полюсъ съ Иваномъ, и между ними собственно вращается вся драма нашего автора. Извѣстно, что Борисъ Годуновъ, память котораго отягощена въ русской исторіи однимъ мрачнымъ преступленіемъ, уже не разъ считался по этому способнымъ на мрачныя дѣла всякого рода. Выводъ этотъ, крайне не логичный, вѣроятно встрѣтилъ бы протестъ даже и при юридическомъ изслѣдованіи дѣла, но въ искусствѣ, которое питаетъ врожденное отвращеніе ко всякому подобію софизма, которое боится какъ начала своей погибели — всякого признака парадокса или діалектическаго изворота — такой выводъ и не мыслимъ.

Однакожъ, авторъ драмы допустилъ его, и, какъ кажется, единственно изъ желанія доставить просторъ своей пылкой фантазіи, не терпящей стѣсненій. Между тѣмъ, разсчетъ оказался не вѣрнымъ; фантазія, противозаконно высвобожденная отъ всѣхъ ограничивающихъ ея условій, потеряла свою творческую силу именно тогда, когда всего болѣе надѣялась на ея развитіе. Образъ Годунова ей не удался. Напрасно авторъ драмы дѣлаетъ Бориса, еще за-долго до углицкаго происшествія, цареубійцей, *изводчикомъ* самого Ивана IV, напрасно влагаетъ ему коварнѣйшіе замыслы на будущее время тогда, какъ въ будущемъ могла еще занимать его только мысль о своемъ самосохраненіи, а темныя предсказанія волхвовъ должны были казаться не болѣе, какъ дьявольскимъ навожденіемъ; напрасно также пускаетъ онъ его въ дома заговорщиковъ какъ разъ, когда нужно предупредить послѣднее ихъ рѣшеніе, отворяетъ передъ нимъ всѣ двери, дѣлаетъ его Протеемъ, невидимкой, вездѣсущимъ и проч. Борисъ не выходитъ все таки изъ состоянія *не-бытія*. Это—никто. Въ этомъ безсиліи талантливагѳ автора вызвать къ жизни одно изъ важнѣйшихъ лицъ своей драмы, мы видимъ справедливое возмездіе за допущеніе одного вышеупомянутаго нелогическаго вывода. Когда кончается драма, призракъ, носящій въ ней историческое имя Годунова, разсѣевается, какъ дымъ и еще полнѣе, чѣмъ дымъ, ибо послѣдній все таки не пропадаетъ въ общей экономіи природы, между тѣмъ какъ ложное созданіе уничтожается цѣликомъ все, безъ остатка. Написавъ это, мы вспомнили однакожъ о возможности оговорки — остается отъ него еще поученіе. Дѣйствительно, мы можемъ почерпнуть и здѣсь своего рода поученіе, именно слѣдующее: опасность для фантазіи, никогда не повѣряющей себя, преимущественно состоитъ въ томъ, что для изображенія преступника во всей его наготѣ, она обыкновенно собираетъ *много* преступленій, для изображенія громадности какого-либо явленія — ей нужно *много* эффектовъ и разнородныхъ событій; для изображенія души, помраченной страстями — она любитъ перечислять въ ней *много* черныхъ мыслей, между тѣмъ какъ настоящій матеріалъ творчества гораздо проще. Фантазія, сознающая законы производства, укрощенная ими и потому дѣйствующая на воображеніе читателя съ необычной силой соединенныхъ качествъ мысли и поэзіи — выбираетъ одно преступленіе, довольствуется мгновеніемъ въ исторіи и въ жизни людей, ловитъ совѣсть человѣка въ одномъ опредѣленномъ состояніи, но разработываетъ всѣ эти явленія съ такимъ предчувствіемъ всего ихъ содержанія, что легко даетъ просвѣтъ на ихъ прошедшее и будущее. Это второй законъ для творческой фантазіи, который долженъ быть поставленъ рядомъ съ первымъ, возвышающимъ ее на степень судьи людскихъ дѣлъ и побужденій, возстановителя всѣхъ правъ и карателя злыхъ помысловъ, даже и тѣхъ, которые никому, кромѣ совѣсти чело-

вѣка, неизвѣстны. Право отлученія преступниковъ принадлежитъ въ такой сильной степени искусству, что оно и должно пользоваться имъ чрезвычайно бережно.

Самая блестящая сторона новаго произведенія гр. Толстаго есть, безъ сомнѣнія, сценическая. Мы еще не встрѣчали въ русской литературѣ такого ловкаго, мастерского и вмѣстѣ бойкаго приложенія обычныхъ формъ западной европейской драмы къ русскому міру, его исторіи, преданіямъ и быту. То, что составляетъ еще для нѣкоторыхъ вопросъ, который можно выразить такъ: укладывается ли въ эту форму вполнѣ покойно и удобно все обычное содержаніе русской жизни — не составляетъ для гр. Толстаго никакого вопроса. Онъ произвелъ настоящую, современную, блестящую сценическую драму изъ матеріаловъ и изъ данныхъ, которыхъ надо было сперва подчинить нѣсколько чуждой имъ формѣ. Онъ не сдѣлалъ при этомъ никакой уступки національнымъ матеріаламъ и даннымъ; онъ не нарушилъ для нихъ преданій и уставовъ современной европейской драмы и хотя его «Дѣйствія»—не раздѣлены на «Явленія», какъ обыкновенно тамъ принято, а развиваются сплошь, но духъ, пріемы и разсчеты эффектныхъ сценическихъ представленій нашего вѣка — усвоены и осуществлены съ изумительной снаровкой въ его драмѣ. Это драма, совсѣмъ готовая для любого европейскаго театра, не смотря на свое чисто-русское содержаніе. Отсюда и причина, вмѣстѣ съ другими, разумѣется, ея громаднаго успѣха въ средѣ русскихъ читателей; значительная доля рукоплесканій, встрѣтившихъ драму, кажется намъ, относится именно къ этому качеству ея, которое прежде всего поразило большинство нашего образованнаго общества. Мы также признаемъ всю его важность и только желали бы напомнить автору объ опасности, какая можетъ предстоять для правды самаго представленія русской жизни отъ слишкомъ рѣшительнаго, смѣлаго и безоглядснаго ввода ея въ порядокъ идей, въ свойство задачъ и намѣреній, не совсѣмъ обычныхъ для нея. Уже и теперь на нѣкоторыхъ мотивахъ и на нѣкоторыхъ эффектахъ его драмы лежитъ, хотя еще и легкой, но однакоже легко распознаваемый *чужевидный* оттѣнокъ. Утерявъ часть своего народнаго облика, они въ замѣнъ пріобрѣли потрясающій сценическій характеръ—мѣна эта со стороны ея выгодности для произведенія можетъ быть различно понимаема. Кто, напримѣръ, не будетъ пораженъ послѣдней сценой драмы, когда Годуновъ преднамѣренно умерщвляетъ ослабѣлаго Грознаго нахальнымъ взглядомъ и дерзкимъ словомъ, и когда вслѣдъ за тѣмъ влетаетъ, по ошибкѣ, толпа скомороховъ въ палату, возглашая шутовскую пѣсню? Врожденная наклонность европейской драмы устроивать нагляднымъ образомъ позорную кару для порочнаго существованія, избѣгшаго ее при своей жизни, здѣсь сквозитъ весьма замѣтно, но весьма замѣтно также, что потрясающая и очень талантливая сцена

задумана, не спросясь съ русскимъ духомъ и русской жизнью вообще. Можно распознать и въ схимникѣ гр. Толстаго, прожившемъ 30 лѣтъ въ замурованной кельѣ, безъ всякого сообщенія съ людьми, не слыхавшимъ во весь этотъ періодъ времени ни объ одномъ событіи на землѣ и помнящемъ однако всѣ событія своей молодости со всѣми ихъ подробностями — можно распознать и въ немъ лукавое подставное лицо, которымъ авторы западныхъ драмъ любятъ обыкновенно пристыжать нелюбимыя историческія эпохи и ихъ главныхъ дѣятелей. Не менѣе видный эффектъ производитъ у гр. Толстаго и цѣлая школа или лучше цѣлый факультетъ волхвовъ, которые не только добросовѣстно занимаются *наукой* звѣздочетства, но какъ истинные ученые, ревностно оберегаютъ честь ея, повторяя только то, что наука имъ указываетъ, и останавливаясь тамъ, гдѣ она молчитъ. Фантазія автора, очевидно, отдѣлилась при этомъ отъ русской почвы до совершенной потери ея изъ вида, но драма пріобрѣла въ замѣнъ еще новыя, раздражающія краски. Всѣ эти черты и вліянія иного строя мыслей, другого, чужого порядка представленій — вскорѣ однакоже пропадаютъ для читателя въ живомъ, сильно ускоренномъ, уносящемъ и уносящемся ходѣ драмы, которой они служатъ какъ бы возбудительнымъ средствомъ. Занимательность ея все растетъ, не ослабѣвая ни на минуту, поглощая все вниманіе читателя и не оставляя ему времени подумать о томъ, изъ какого источника вытекли нѣкоторыя изъ тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, которыми наполнена его душа. Только уже по прошествіи извѣстнаго срока обнаруживается для него, что многодѣятельная, неутомимая фантазія въ нѣкоторыхъ случаяхъ работала у гр. Толстаго и тогда, когда никакого основанія и матеріала для работы у ней не было. Нѣтъ сомнѣнія, что задача поэтической фантазіи заключается въ пріумноженіи жизни, въ призывѣ къ полному существованію всѣхъ зародышей, которые существуютъ тайно въ ея нѣдрахъ, но также несомнѣнно, что зародышей этихъ фантазія сама производить не можетъ, и, гдѣ ихъ нѣтъ, выдумывать или раздувать обманчивыя ихъ подобія не имѣетъ никакого права. Это третій законъ творчества, дополняющій первые два, приведенные выше.

Со всѣмъ тѣмъ необходимо замѣтить, что ошибки автора также точно обнаруживаютъ замѣчательный талантъ, какъ и созданное имъ лицо Ивана Грознаго, какъ и вся эта драма съ ея смѣлой и оригинальной постройкой. Средства, находящіяся въ распоряженіи гр. Толстаго весьма обширны. Мы выскажемъ наше искреннее убѣжденіе, когда заявимъ, что, по изобрѣтательности въ подробностяхъ, по предчувствію драматическихъ положеній и по способности вести неуклонно, безъ всякого колебанія и запинки все содержаніе, весь матеріалъ піесы, къ наиболѣе эффектному концу — врядъ-ли кто другой обладаетъ у насъ въ такой сильной степени, какъ гр. Толстой, всѣми задатками

для созданія вполнѣ сценической драмы изъ данныхъ русской исторіи. Ему нужно только одолѣть собственную свою фантазію, сдѣлаться ея господиномъ и удвоить ея силу и дѣйствіе, подчинивъ строгому воспитанію мысли, опирающейся на законы творчества и на исторію, поясненную народными бытовыми началами. Самый стихъ его открываетъ ему путь къ большому и превосходному сценическому успѣху. Вообще нѣсколько блѣдный и слабый въ народныхъ сценахъ и въ мѣстахъ, гдѣ требуется простая, реальная истина, стихъ этотъ становится гибкимъ, поэтическимъ, художественно-пышнымъ тамъ, гдѣ дѣйствіе начинаетъ расширяться и усложняться. Правда, и тутъ встрѣчаются у автора, какъ и вездѣ, увлеченія и неровности: иногда поэтическій оттѣнокъ рѣчи слышится не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, иногда его не достаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы его ожидать, но во всякомъ случаѣ, по своей выдѣлкѣ и бойкой развязности, онъ можетъ и долженъ доставить гр. Толстому весьма сильное орудіе для дѣйствія на публику со сцены. Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ между многими другими мѣстами, хоть на великолѣпную передачу въ стихахъ одного мѣста изъ дерзкаго, вызывающаго письма Курбскаго къ Ивану IV (1-е Дѣйст.); это переложеніе, выслушанное со сцены, конечно, произведетъ большее впечатлѣніе на публику, чѣмъ произвелъ бы самый оригиналъ, тамъ же прочитанный. Таковы условія сценическаго искусства. Маска и котурна никогда, въ скрытомъ видѣ, не переставали въ немъ существовать, употребляются подъ другими формами и теперь, какъ прежде, и, можно думать, будутъ употребляться всегда. Не малую бы заслугу оказала русская драма дѣлу образованія народнаго, если бы воспользовалась и этими условіями сценическаго искусства для передачи массамъ народнымъ, въ яркихъ картинахъ, ихъ прошлую историческую жизнь, которую они теперь безсознательно чувствуютъ въ себѣ, но которую не могутъ повѣрить умомъ и размышленіемъ, благодаря тому, что рѣдко видятъ ее передъ собою въ отраженіи искусства. Такая услуга, не возможная безъ строгаго пониманія своей задачи, могла бы быть оказана драматическимъ писателемъ, поприще котораго отличается ясными признаками постояннаго развитія и совершенствованія, и который по этому легко поднимется на высоту, указываемую ему критикой и собственнымъ его талантомъ. П. АННЕНКОВЪ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О ПОСТАНОВКѢ «РОГНѢДЫ».

(Письмо къ Н. И. Костомарову *).

М. Г. Вамъ угодно было знать мое мнѣніе объ исторической вѣрности въ постановкѣ «Рогнѣды». Спѣшу отвѣтить на вашъ вызовъ тѣмъ съ бóльшимъ удовольствіемъ, что до сихъ поръ у насъ не высказано въ печати ничего сколько нибудь дѣльнаго объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ мнѣ кажется, что на эту постановку стóитъ обратить особенное вниманіе. Здѣсь, еще въ первый разъ, замѣтна попытка выставить на сценѣ сколько-нибудь вѣрные историческіе костюмы, утварь, мебель, и т. д.; въ первый разъ мы видимъ, что у насъ обратились за справкой къ людямъ знающимъ и потребовали у нихъ указаній, основанныхъ на историческихъ памятникахъ нашей ста-

---

*) Можетъ быть, нѣкоторые изъ нашихъ читателей удивятся, что въ своей исторической хроникѣ мы говоримъ о театрѣ и сценическихъ произведеніяхъ, хотя журналъ посвященъ спеціально исторической наукѣ. Но это не соблазнитъ тѣхъ, которые, подобно намъ, не считаютъ театра праздною забавою, а даютъ ему высокое значеніе въ ряду органовъ, двигающихъ и развивающихъ умственную жизнь человѣка и, слѣдовательно, имѣющихъ вліяніе на исторію обществъ. Театръ долженъ быть художественнымъ воспроизведеніемъ жизни, какъ настоящей, такъ и прошедшей. Очевидно, исторія, какъ наука о прошедшей жизни, находится съ театромъ въ тѣсной связи и ему служитъ; и театръ, въ свою очередь, доставляетъ ей важный матеріалъ при изученіи нравовъ и вкуса въ данныя эпохи. Съ древнѣйшихъ временъ, какъ только существуетъ театръ и гдѣ только онъ существовалъ — всегда исторія входила въ кругъ предметовъ для сценическихъ представленій. Строгость требованій историко-драматическаго искусства соразмѣрялась съ требованіями, какія въ тоже время существовали для исторической науки. Тамъ, гдѣ историкъ удовлетворялъ своихъ читателей, когда выводилъ историческихъ дѣятелей и изображалъ прошедшія событія, не руководствуясь ничѣмъ, кромѣ общаго произвольнаго и потому легко ко всему прилаживаемаго философствованія и поверхностныхъ наблюденій надъ общепсихологическими чертами человѣческой природы; тамъ, гдѣ онъ принималъ однѣ субъективныя воззрѣнія за мѣрило уразумѣнія историческихъ явленій, а не давалъ возникать первымъ, на основаніи углубленія въ смыслъ послѣднихъ, — тамъ и на сценѣ казалось достаточнымъ назвать дѣйствующихъ лицъ такими и такими историческими именами, основать завязку на общихъ чертахъ какого нибудь историческаго событія, а иногда вплести историческое событіе въ вымышленную завязку, и историческая драма творилась легко: авторъ вкладывалъ туда, по своему усмотрѣнію, какія хотѣлъ, мысли, чувствованія, побужденія, пришивалъ къ дѣйствительно случившемуся факты собственнаго издѣлія, мало обращая вниманіе не только на то — должно ли это все быть, но даже на то — могло ли оно быть. О языкѣ говорить нечего; для всѣхъ вѣковъ и народовъ—одинъ складъ рѣчи. Но съ тѣхъ поръ, какъ отъ историка, въ числѣ первыхъ условій, стала требоваться историческая вѣрность и точность во всѣхъ подробностяхъ нравовъ, жизни и быта по отношенію къ вѣку и краю, какъ съ нравственной такъ и съ матеріальной стороны, и на сценѣ потеряли значеніе псевдоисторическія драмы, которыя черезъ чуръ мало переносили зрителя туда, куда манила его афиша. Въ наше время, историческая драма возможна только тогда,

рины; однимъ словомъ, въ первый разъ русская опера явилась въ томъ *приличномъ* видѣ, въ какомъ ей давно пора являться: у насъ уже столько лѣтъ передъ глазами блестящіе примѣры хорошей постановки историческихъ оперъ; французы и нѣмцы такъ давно уже даютъ самымъ тщательнымъ образомъ своихъ Робертовъ, Гугенотовъ, Пророковъ, Тангейзеровъ, Лоэнгриновъ и т. д. Все это для насъ, кажется, не тайна, однако и до самыхъ сихъ поръ въ прокъ не шло. Поэтому не слѣдуетъ обойти молчаніемъ первую попытку къ чему нибудь лучшему. Однакоже эта попытка не свободна отъ недостатковъ, и потому будетъ кстати указать на нихъ, для того, чтобъ они не повторялись, если можно, при постановкѣ другихъ русскихъ оперъ на сюжеты изъ древняго времени.

По моему мнѣнію, костюмы въ «Рогнѣдѣ» можно раздѣлить на три разряда: *вѣрные*, *невѣрные* и *выдуманные*.

Къ первымъ относятся костюмы четырехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. Рогнѣды, князя Владимира, Изяслава, Руальда. Всѣ они очень хороши и вѣрны, потому что прямо взяты съ древнихъ нашихъ памятниковъ: рукописей и фресокъ. Покрой платья, всѣ части его, узоры, цвѣтъ, разныя мелкія подробности — совершенно вѣрно воспроизводятъ костюмъ древняго великаго князя русскаго, его жены, сына, и, наконецъ, его варяжскаго дружинника. Лучше, вѣрнѣе этого мы не найдемъ, конечно, костюмовъ для оперы на древній національный сюжетъ на любомъ оперномъ театрѣ въ Европѣ, и если бы «Рогнѣдѣ» суждено было долго оставаться на русской сценѣ, никогда бы не пришлось измѣнять этихъ четырехъ костюмовъ. Одно только развѣ можно замѣтить — это, что рубашка княжескаго сына, Изяслава, должна бы имѣть болѣе настоящій русскій характеръ: для этого, рукавамъ не слѣдовало быть узкими у кистей, а воротъ надо было бы сдѣлать косымъ.

Невѣрны — вполнѣ или частью — костюмы народа кіевскаго и

когда въ ней, по отношенію ко внутренней и внѣшней вѣрности, соблюдены условія, какія въ этомъ случаѣ требуются отъ научнаго сочиненія, когда авторъ глубоко изучилъ и уразумѣлъ прошедшее и можетъ соединять въ себѣ достоинства поэта-художника съ достоинствомъ ученаго. Если насъ приглашаютъ въ театръ и обѣщаютъ показать событія и лица XV вѣка, то мы вправѣ ожидать, что найдемъ все свойственное XV вѣку и выйдемъ изъ театра еще съ большимъ впечатлѣніемъ соприкосновенія съ прошедшимъ, чѣмъ прочитавши объ этомъ строго ученую, дѣльную книгу. Для народныхъ массъ, театръ можетъ служить большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ ихъ образованія; а потому на театръ должно дѣлать извѣстныя требованія съ точки зрѣнія воспитательныхъ свойствъ сцены. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей мы обратились къ нашему почтенному археологу и знатоку русской старины, а вмѣстѣ извѣстному критику въ области искуствъ, В. В. Стасову, съ вопросомъ объ исторической вѣрности въ постановкѣ оперы «Рогнѣды» г. Сѣрова, и онъ обязалъ насъ отвѣтомъ, который мы считаемъ долгомъ занести въ свою историческую хронику. — *Ред.*

двора Владимирова. Это произошло оттого, что, при крайней скудости русскихъ историческихъ памятниковъ древнѣйшаго періода, составитель костюмовъ обратился къ памятникамъ византійскимъ, и счелъ возможнымъ повторить изображенные тамъ костюмы византійцевъ, болгаръ и другихъ славянъ, только не русскихъ. Нельзя слишкомъ винить составителя за эту попытку, когда знаешь, какъ до сихъ поръ мало сдѣлано у насъ для исторіи древняго, и въ особенности самого древняго, нашего костюма, и какъ изслѣдователю приходится начинать все съ самыхъ азовъ, но было бы вѣрнѣе и надежнѣе съ его стороны принять въ настоящемъ случаѣ въ соображеніе многія части русской одежды, существующія и до сихъ поръ, и безъ сомнѣнія идущія отъ самого древняго времени. Такъ, наприм., не странно ли то, что въ цѣлой оперѣ ни на одномъ мужчинѣ (кромѣ Изяслава) нѣтъ простой холстинной русской рубашки? Кто можетъ сомнѣваться, что русскіе всегда ее носили, и что всегда она была самою главною, самою характеристическою частью ихъ одежды? Для доказательства ея существованія, начиная съ самаго древняго времени, нѣтъ кажется недостатка въ свидѣтельствахъ. Вмѣсто такой рубашки, которая могла быть представлена въ «Рогнѣдѣ» съ разнообразнымъ и очень красивымъ цвѣтнымъ шитьемъ, но во всякомъ случаѣ съ просторными рукавами и косымъ воротомъ, мы видимъ въ оперѣ все только людей, одѣтыхъ въ суконныя платья, византійскаго покроя, съ узкими у кистей рукавами и прорѣзомъ, для шеи, по серединѣ на груди. Это все невѣрно. Ни у одного также человѣка изъ всей толпы кіевскаго народа въ «Рогнѣдѣ» мы не видимъ серегъ — а обычай носить ихъ существовалъ въ то время, и сохранился въ нашемъ народѣ неприкосновеннымъ даже до нашихъ временъ. Костюмъ женщинъ лучше и вѣрнѣе въ «Рогнѣдѣ»: юбки у нихъ сдѣланы съ узоромъ въ шахматъ, а такія дѣйствительно носились у насъ въ Россіи съ самой глубокой древности, что̀ доказываютъ не только историческіе памятники, но и употребленіе ихъ въ народѣ до сихъ поръ. За то рубашка у женщинъ въ «Рогнѣдѣ», съ короткими рукавами и открытой почти до плечь шеей, не можетъ считаться удовлетворительной, и не имѣетъ себѣ подтвержденія въ уцѣлѣвшемъ народномъ костюмѣ. Къ этимъ недостаткамъ составителя, театральные костюмеры и портные прибавили еще много новыхъ, своего собственнаго изобрѣтенія. Такъ наприм., всѣ женщины явились у нихъ на сцену въ чулкахъ и башмакахъ. Такой грубой ошибки, конечно, никогда не могъ сдѣлать тотъ, кто составилъ превосходные рисунки для костюмовъ Владимира и Рогнѣды. Потомъ еще, вмѣсто шапокъ съ мѣхомъ, какія и до сихъ поръ употребляются нашимъ народомъ и ведутся изъ давняго времени, кіевлянамъ въ «Рогнѣдѣ» надѣлали какіе-то кивера въ видѣ купола казанской или исакіевской церкви; вмѣсто ремешковъ или те-

семочекъ, какими русскій народъ всегда перевязывалъ себѣ волосы, чтобы не падали, кіевлянамъ надѣли на голову широкія шелковыя ленты (кажется, даже все красныя), точь въ точь въ итальянской оперѣ на древній сюжетъ, — видно такой ужъ заведенъ порядокъ у нашихъ костюмеровъ. Подобныхъ неожиданныхъ изобрѣтеній ихъ можно было бы указать въ костюмахъ оперы — не мало. Кажется, отъ нихъ постановка не выиграла.

Что касается до третьяго разряда костюмовъ, то сюда принадлежатъ: костюмы жрецовъ, ихъ прислужниковъ, шута и скомороховъ. Тутъ уже нѣтъ ничего историческаго, тутъ все выдумано, да иначе оно не могло и быть: въ Руси X вѣка, не было ни жрецовъ, для совершенія жертвоприношеній, ни шутовъ и скомороховъ для потѣшенія князя. Авторы либретто «Рогнѣды», вѣроятно, не знали этого, но, на основаніи всегдашнихъ оперныхъ понятій, сочли нужнымъ украсить оперу и идоложертвенной пляской, и балетомъ, этимъ всегдашнимъ опернымъ *общимъ мѣстомъ* — а для этого имъ понадобились жрецы и скоморохи. Что́ дѣлать человѣку, который даже и знаетъ, что все это небылицы, и что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности? Конечно, остается одно — выдумывать. Такъ и сдѣлалъ тотъ, кто составлялъ костюмы для «Рогнѣды»: его жрецы вышли очень казенны, но чтожъ изъ этого? Такъ и слѣдуетъ. Если у либретистовъ оперы мелькали въ головѣ лишь Оровезы и иныя созданія итальянской сцены, то и онъ смѣло могъ довольствоваться подобными же образцами. Ничего лучше тутъ не надо. Жертвоприносители скопированы быть можетъ и съ какихъ нибудь старыхъ монументовъ — не спорю, только ужъ никакъ не съ русскихъ монументовъ; тамъ ихъ не могло и быть — даже и топоры-то у нихъ какіе-то не наши. И вотъ, небывалые служители небывалаго языческаго алтаря бѣгаютъ и кривляются въ небывалой пляскѣ вокругъ своего истукана. Откуда было взять тоже костюмы для древнихъ русскихъ шутовъ и скомороховъ, если ихъ не было вовсе на свѣтѣ? Существовали, конечно, скоморохи, только совсѣмъ не такіе, какихъ вообразили себѣ либреттисты «Рогнѣды»: тѣ не по княжескимъ гридницамъ ходили, тѣ не князей и ихъ челядницевъ во время бражничанья потѣшали, а служили для совсѣмъ другого дѣла: они сопровождали языческое богослуженіе, имѣли характеръ религіозный; пляска ихъ была тоже, что пляска шамановъ во время ихъ обрядовъ. Но о такихъ скоморохахъ нѣтъ и рѣчи въ «Рогнѣдѣ»; авторамъ либретто нужно было, чтобъ, по заведенному порядку, во 2-мъ актѣ оперы, царь, принцъ, князь, король сидѣлъ со своими придворными и смотрѣлъ балетъ; — гдѣ-же взять образцы для тѣхъ потѣшниковъ, которыхъ придумали либреттисты? Вотъ, составитель костюмовъ собралъ все, что только пришло въ голову; пошли у него

въ ходъ всегдашніе шутовскіе колпаки, погремушки и колокольчики, наши святочныя маски (которыя въ языческій періодъ не могли конечно появляться иначе, какъ съ характеромъ религіознымъ) — и изъ всего этого составилась самая пестрая, самая небывалая смѣсь, ничего неимѣющая общаго съ историческою правдою, и сильно рѣжущая глаза всякому сколько нибудь знающему. Но что нужды? Въ «Рогнѣдѣ» шутъ поетъ самыя тривіальныя, совершенно безвкусныя пѣсни на мотивы *позднѣйшаго*, чуть не нашего времени, скоморохи пляшутъ подъ звуки подобныхъ же мелодій — зачѣмъ и костюмамъ ихъ быть лучше, толковѣе? Наконецъ, отшельники въ оперѣ—сколокъ съ обыкновенныхъ оперныхъ пилигримовъ — значитъ, данный имъ обще-театральный отшельническій костюмъ тоже какъ нельзя болѣе умѣстенъ въ оперѣ.

Утварь, мебель, вышитыя скатерти на столахъ, ковры на кровати, оружіе, лодки и проч. представлены въ «Рогнѣдѣ» очень вѣрно, ихъ формы тщательно скопированы съ историческихъ памятниковъ. Исключеніе составляютъ: знамена со звѣрями, какихъ у русскихъ никогда не бывало, и еще какія-то шампанскія рюмки, которыя вдругъ явились на княжескомъ столѣ, Богъ знаетъ откуда. Въ этой послѣдней винѣ виноватъ конечно уже не составитель костюмовъ. Онъ слишкомъ знающъ въ своемъ дѣлѣ. Нѣтъ, это насъ одолжилъ кто нибудь изъ театральныхъ.

Декораціи — совершенная противоположность костюмамъ въ «Рогнѣдѣ.» Тутъ уже, при ихъ сочиненіи, не участвовало никакое знаніе; этимъ занимался, видно, человѣкъ, которому древнее русское искусство совершенно неизвѣстно, а потому—понятно—ничего не могло выйти въ результатѣ кромѣ пустяковъ, безцвѣтности и казенщины. Холмъ со *статуей* (!) Перуна надъ Днѣпромъ, видъ рѣки — столько же представляютъ Кіевъ, сколько и мѣсто гдѣ нибудь на Рейнѣ (это замѣтилъ уже одинъ фельетонистъ). Перунъ—тотъ представленъ какимъ-то мужичкомъ въ панталонахъ и мантіи, на манеръ греческихъ статуй, да еще съ молніей Юпитера въ рукахъ: между тѣмъ, казалось бы, истуканъ Перуна всего естественнѣе было представить въ видѣ неотесаннаго грубаго чурбана, съ приставленными по бокамъ руками, съ серебряной головой топорной работы; усы его были бы металлическія полосы, прибитыя гвоздями, а глаза — страшныя буркалы. Въ гридницѣ 2-го акта нѣтъ ничего, кромѣ какой-то фантастической нелѣпой архитектуры, уже давно извѣстной въ балетахъ, но тѣмъ не менѣе не имѣющей смысла; теремъ только одно и заключаетъ хорошее и вѣрное — ковры, развѣшенные по стѣнамъ, остальное ровно никакого не имѣетъ значенія. Наконецъ, въ послѣднемъ актѣ, княжескій дворъ изображенъ подъ видомъ какой-то нагроможденной архитектурной чепухи, которая если на что нибудь и похожа, то развѣ на

неуклюжіе коломенскіе дворцы времени царя Алексѣя Михайловича. Въ углу стоитъ столбикъ съ колоколомъ подъ кровелькой: либреттисты объявляютъ, что это *било*—точно будто колоколъ и било имѣютъ что нибудь общее, точно будто въ самомъ дѣлѣ на вѣче X вѣка сзывали народъ колоколомъ или биломъ? Впрочемъ, если либреттисты для эффекта втиснули въ исторію о Рогнѣдѣ вѣче, котораго тутъ вовсе не было (лѣтопись говоритъ только о совѣтѣ *бояръ*), если это вѣче происходитъ у нихъ самымъ каррикатурнымъ образомъ (народъ пришелъ судить Рогнѣду, и пришелъ совершенно понапрасну, его никто не слушаетъ, князь поступаетъ все-таки по своему), если тутъ же этотъ народъ, пришедшій для вѣча вдругъ по нечаянности, ни съ того ни съ сего, обращается въ христіянство — если все это происходитъ въ 5-мъ актѣ «Рогнѣды,» то можно только радоваться, что такія чудеса и диковинки происходятъ посреди архитектуры, которая по толковости и вкусу вполнѣ ихъ достойна.

Итакъ, въ постановкѣ «Рогнѣды» есть много хорошаго, но также не мало и плохого, нелѣпаго и казеннаго. Для того, чтобъ избѣжать послѣдняго, управленіе театральное должно было бы обращаться почаще къ такимъ знатокамъ, какъ тотъ, кто составлялъ рисунки костюмовъ; оно должно было бы требовать тоже какого нибудь знанія отъ своихъ декораторовъ, и тогда, конечно, постановка и другихъ нашихъ оперъ (Жизнь за Царя, Русланъ, Русалка) стала бы наконецъ тоже на что нибудь похожа. За что́ же такая честь одной «Рогнѣдѣ?» Пусть не тратятъ на другія оперы 20 — 30 тысячъ, не всегда есть столько свободныхъ денегъ, но пусть и прочія оперы не являются съ постановкой каррикатурной и безграмотной. В. СТАСОВЪ.

Мы раздѣляемъ вполнѣ мнѣніе нашего уважаемаго археолога. Дѣйствительно, новая опера доказываетъ, во первыхъ, что у насъ еще не вывелось то легкое обращеніе съ искусствомъ, когда внутреннею правдою жертвуютъ эффектамъ; во вторыхъ, что поверхностный и ошибочный взглядъ, съ которымъ не изучавшіе, какъ слѣдуетъ, нашей исторіи привыкли относиться къ нашему прошедшему, продолжаетъ имѣть силу: вообразили, что стоило только перекинуться за Петра, и тамъ все было одинаково во всѣ времена, и XVII вѣкъ похожъ не только на XVI, XV и XIV, но даже на X и IX; забывали или вовсе не знали и знать не хотѣли, во первыхъ, что въ теченіи прошлыхъ вѣковъ происходили коренные перевороты, измѣнявшіе состояніе и видъ общества, понятія, стремленія и нравы, а во вторыхъ, что Русь была разнообразна, и въ данныя времена не вездѣ было также какъ въ Москвѣ. Разсма-

тривая либретто, какъ произведеніе исторической беллетристики, мы и тамъ замѣтимъ не мало ошибокъ: только эффекта ради, Владиміръ поражается явленіемъ (ради эффекта какъ изъ-подъ земли являющихся по мѣрѣ надобности) монаховъ и ихъ христіанскою пѣснію, какъ будто чѣмъ-то невиданнымъ — неслыханнымъ, тогда какъ ему, внуку православной Ольги, и живущему въ Кіевѣ, давно уже знакомому съ новою вѣрою, были извѣстны признаки христіанства. Что касается до признанія за древнею Русью ближайшихъ къ пашему времени признаковъ московской народности XVII вѣка, то, кромѣ непростительнаго изображенія дворца владимірова коломенскимъ дворцомъ въ 5 дѣйствіи оперы, такія же ошибки проглядываютъ и въ характерѣ, какой данъ пиру Владиміра во 2 дѣйствіи, ни какъ не похожему на тотъ героическій величавый образъ, въ какомъ эти пиры являются даже въ былинахъ, носящихъ отпечатокъ позднѣйшаго пересостава. Тутъ выведены скоморохи съ тѣми принадлежностями, съ какими они являлись въ позднѣйшихъ корчмахъ, а пляски, которыми хотѣли оразнообразить этотъ пиръ, не поднимаются выше тѣхъ псевдорусскихъ пріемовъ, какими давно уже по рутинѣ угощаютъ публику со сцены, хотя едва ли кто нибудь встрѣчалъ подобныя пляски, кромѣ театра, въ народной жизни. Языкъ оперы исторически не кстати поддѣлывается къ замашкамъ современной великорусской простонародной рѣчи, но и то неудачно: народности въ немъ нѣтъ, а есть народничанье. Весь составъ сочиненія страдаетъ безсвязицей: собственно вся драма—только въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ; двѣ исторіи сшиты во едино бѣлыми нитками: исторія Рогнѣды и исторія принятія христіанства. Безъ сомнѣнія, сочиненіе выиграло бы въ художественномъ отношеніи, еслибъ состояло только изъ трехъ дѣйствій; нынѣшнее четвертое было бы вторымъ, а пятое, соединенное въ одно со вторымъ— третьимъ; въ первомъ же, поклоненіе Перуну, конечно, безъ жрецовъ, и прибытіе Владиміра приспособлялось бы къ исторіи Рогнѣды. Все лишнее могло быть отнесено на счетъ другой оперы, которой предметомъ было бы принятіе христіанства. Приступая къ созданію такого произведенія, слѣдовало обращаться не къ современнымъ или близкимъ къ нашей современности типамъ русской народности: надлежало изучить поэзію всѣхъ славянскихъ народовъ, найти въ ней древніе и общіе элементы, проникнуться ими и на ихъ основаніи воспроизвести художественный образъ древней Руси. Не смотря, однако, на недостатки этой оперы по отношенію къ исторической вѣрности, ея явленіе въ этомъ именно отношеніи было важнымъ потому, что, при ея постановкѣ, обращались по части нарядовъ къ археологу, упоминаемому В. В. Стасовымъ, г. Прохорову, издателю журнала «Христіанскія Древности и Археологія.» Трудъ для него былъ не маловажный. Положительныхъ источниковъ для X вѣка по части одеждъ —

не оказалось. Надобно было прибѣгнуть къ сравнительной археологіи, сопоставить предшествовавшіе вѣку Владиміра источники съ послѣдующими за онымъ, и отыскать аналогіи у сосѣднихъ народовъ, въ особенности обратить вниманіе на Византію, бывшую въ оное время законодательницею моды и на западѣ и на востокѣ. Такимъ образомъ, траянова колонна послужила г. Прохорову матеріаломъ по сходству тамъ изображенныхъ нарядовъ съ позднѣйшими славянскими. Важнымъ источникомъ былъ для него минологіонъ, лицевые подлинники святыхъ, Василія Македонянина (IX в.) съ превосходными миніатюрами. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ миніатюръ попадаются изображенія славяноболгарскихъ нарядовъ, сходныхъ съ изображеніями въ славянскихъ рукописяхъ послѣдующихъ временъ. Это — рукопись Ватиканской библіотеки; но въ Московской патріаршей есть другая греческая X вѣка, гдѣ находятся лицевые подлинники до того сходные съ Ватиканскими, что можно считать первые снятыми съ послѣднихъ. Изъ славянскихъ рукописей источниками для г. Прохорова были Святославовъ сборникъ XI в., гдѣ изображены князь, княгиня и дѣти ихъ, а между двѣнадцатью знаками зодіака изображеніе дѣвы, послужившее для костюма женскому хору въ оперѣ, и сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ съ рисунками XIV вѣка, передававшими древніе подлинники безъ измѣненій, важными преимущественно для военныхъ одеждъ. Драгоцѣннымъ источникомъ для той же цѣли были древнія фрески, гдѣ можно видѣть одежды русскихъ отъ князей до простолюдиновъ. Въ этомъ отношеніи громадную важность имѣютъ разнообразныя и затѣйливыя фрески кіевской св. Софіи, фрески Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ и новгородскихъ церквей, особенно Спаса въ Нередицахъ и Николы на Липнѣ, а также ладожской церкви св. Георгія. Для византійскихъ одеждъ по аналогіи ихъ съ принятыми на Руси служили рукописи Григорія Назіанзена IX вѣка, Византійскій псалтырь, хранящаяся въ Парижской библіотекѣ X вѣка, съ превосходными миніатюрами, рукопись XI вѣка императора Никифора Ботаніата и другія. А для норманскихъ народовъ—коверъ Матильды, жены Вильгельма Завоевателя (XI вѣка), гдѣ изображены воины и другія личности норманской націи, и разныя вещи открытыя въ курганахъ, по которымъ можно до извѣстной степени возстановить норманскій костюмъ. Наконецъ, для г. Прохорова служили подспорьемъ металлическія древнія произведенія XI и XII вѣка, какъ напримѣръ, бармы и оклады, въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ окладъ Мстиславова Евангелія 1117 г., съ изображеніями мужескихъ и женскихъ фигуръ и древнія русскія монеты съ изображеніями князей въ одеждахъ, сходныхъ съ византійскими. Археологія должна оцѣнить критически трудъ г. Прохорова, но пока намъ важно

и то, что театральное представленіе поставлено такъ, что можетъ быть предметомъ ученаго обсужденія.

Конечно, въ «Рогнѣдѣ», какъ въ оперѣ, главное дѣло состоитъ въ музыкѣ, но цѣнить ея музыкальныя достоинства предоставляемъ знатокамъ искусства; мы можемъ сказать только, что она намъ во многомъ нравится, но это наши субъективныя воззрѣнія, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Замѣтимъ одно, что такой отдаленный періодъ, какъ время Владиміра, почти невозможный для драмы, идетъ лучше для оперы, какъ и вообще намъ кажется, что тамъ, гдѣ драматическіе зачатки покрываются эпическимъ элементомъ, опера должна замѣнять драму, и служить такимъ образомъ музыкальнымъ толкованіемъ тѣхъ историческихъ фактовъ, которые, по отдаленности своей эпохи, были бы трудно доступны даже весьма сильному драматическому таланту. А въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы всякая опера съ историческимъ сюжетомъ, какъ по своему содержанію, такъ и по музыкальной идеѣ, оставляла насъ именно подъ вліяніемъ историко-эпическаго образа, въ какомъ онъ дошелъ до насъ изъ глубины прошедшаго, и въ какомъ могъ быть угаданъ и воспроизведенъ художественнымъ творчествомъ.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

Всего 40—41 листа.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ія Франціи отъ низверженія Наполеона I озстановленія Имперіи. 1814—1852. А. Л. ;ау. — Переводъ и изданіе А. Н. Пыпина [. А. Антоновича. 2 тома. Спб. 1866.

ѣмецкіе ученые Бидерманъ и Гирцель взяза весьма счастливую мысль—издать цѣядъ сочиненій по новѣйшей исторіи евроихъ государствъ. До сихъ поръ изданы: ія Италіи—*Рейхлина*; Англіи — *Паули*; и — *Бернгарди*; Австріи — *Шпрингера*; ція — *Рохау*. Гг. Антоновичъ и Пыпинъ ютъ перевести весь этотъ рядъ изданій, али съ Рохау. Признавая всю пользу ввевъ нашу литературу лучшихъ произведевропейскихъ спеціалистовъ по новѣйшей іи, и видя въ то же время большое неіе въ публикѣ къ переводамъ, вслѣдствіе вавшихся злоупотребленій, мы очень рады, а этотъ разъ взялись за трудъ такія лица, ыя имѣютъ причины дорожить своимъ емъ. Сочиненіе Рохау отличается нѣмецсолидностью, полнымъ знаніемъ дѣла и имъ безпристрастіемъ при оцѣнкѣ людей и тій. Оно занимается преимущественно партскою стороною жизни Франціи, и весьма изображаетъ картину происхожденія и бы партій, заключившейся созданіемъ поняго порядка вещей во Франціи.

ъ развитія исторической науки. В. Герье. . 1866.

Іаша литература была такъ бѣдна не тольочиненіями, но и статьями по философіи ріи, что нельзя не радоваться пополненію о важнаго пробѣла. Къ счастью для успѣ, науки, нѣтъ абсолютной точки зрѣнія для еній той задачи, которую принялъ на себя ръ, и потому, вѣроятно, одно большое заательство въ ходячихъ понятіяхъ и искусный фанатизмъ приверженцевъ реализма дили автора вооружиться безусловно про, направленія Бокля. Огромное различіе ду основателями школъ и ихъ непрошеными итниками! При всемъ томъ, мы увѣрены, трудъ г. Герье, будетъ прочтенъ съ польвсѣми любителями философской мысли исторіи; въ слѣдующей книгѣ мы будемъ ъ случай представить о ней болѣе подный отчетъ. Игра въ «направленіе» начиъ у насъ ослабѣвать, и публика сама успѣла замѣтить всю ея дешевизну.

й крещенаго свѣта. С. Максимова. II. Дреучіе лѣса, или разсказъ о дикихъ нароахъ, населяющихъ русскіе лѣса. Спб. 1866.

Имя автора справедливо ручается за достоство продолженія труда, начатаго имъ еще прежде. Въ этомъ выпускѣ говорится о туземцахъ нашего дальняго сѣверо-востока. Въ послѣднее время, въ наше сознаніе собственной исторической дѣятельности начинаютъ все болѣе и болѣе входить колонизаторскіе вопросы, и такіе труды, какъ г. Максимова, могутъ всего лучше напоминать намъ о неистощимости у насъ внутреннихъ вопросовъ и о необходимости приводить въ извѣстность всѣ подробности нашего народнаго хозяйства и богатства. Г. Максимовъ успѣлъ доказать свой талантъ въ вопросахъ отечественной культуры, и мы вправѣ ожидать отъ него еще многого.

Исторія русской церкви. Макарія, архіепископа Харьковскаго. Т. IV и V. Исторія русской церкви въ періодъ монгольскій. Спб. 1866.

По той сравнительно малой роли духовенства въ современныхъ судьбахъ нашего общества, мы слишкомъ мало цѣнимъ историческія заслуги своей національной церкви въ прошедшемъ, и недостаточно пользуемся ея фактами для освѣщенія культурной стороны древней жизни нашего народа. Потому такіе труды, какъ трудъ архіепископа Макарія, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и мы еще возвратимся къ нему.

Конституціонное начало. Барона Гакстгаузена. Пер. К. Кавелина и Б. Утина. Спб. 1866.

Къ этому важному труду, переведенному и тоже людьми спеціальными, мы также обратимся подробно въ слѣдующей книгѣ.

Устройство Соединенныхъ Штатовъ Америки. Эд. Лабулэ. Въ 2 томахъ.

Русскій переводъ этого сочиненія, пользующагося столь заслуженною извѣстностью въ оригиналѣ, издатели обѣщаютъ выпустить въ свѣтъ, I т. — въ началѣ марта, и II т. въ апрѣлѣ.

Самодѣятельность (Self-Help.). Соч. Самуила Смайльса. Переводъ съ англійскаго. Спб 1866. 363 стр.

Англійскій авторъ поставилъ себѣ задачею изобразить исторію общества, какъ результатъ развитія личныхъ силъ и характера въ отдѣльныхъ его членахъ. Это — исторія англійскихъ тружениковъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, начиная отъ послѣдней мастерской до кабинета государственнаго человѣка. Интерессъ книги увеличивается тѣмъ, что авторъ не резонируетъ, но рисуетъ крупными чертами жизнь главнѣйшихъ изъ такихъ тружениковъ, которые образовали собою типъ англичанина, какъ человѣка самостоятельнаго труда и мысли. Мы полагаемъ, что трудно найти книгу для историческаго чтенія лучшую въ этомъ родѣ, какъ трудъ Смайльса.

3 2044 019 950 740